

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ТОМ

II

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

^ _ ^ _ ^ _ ^ _ ^ _

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1954

Сборник подготовлен под редакцией К. П. Горшенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ДОПРОСЫ ПОДСУДИМЫХ 5-458

ЗАЩИТА

Краткая характеристика речей защитников 461—464

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

Заключительная речь Главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки

Роберта Джексона 467—502

Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Хартли Шов-
красса 503—585

Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибо 586—615

Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко 616—670

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ[^]

ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЕЙ ПО ДЕЛУ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Заключительная речь заместителя Главного обвинителя от Великобритании

Дэвида Максвелла Файфа 783—839

Заключительная речь обвинителя от США Додда 840—866

Заключительная речь представителя обвинения от США Тэйлора- 867—885

Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибо . 886—893

Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко 894—940

ПРИГОВОР

Приговор Международного Военного Трибунала 943—1108

Особое мнение члена Межлнвополного Военного Трибунала от СССР

И. Т. Никитченко 1109—1129

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

Решение Чрезвычайного заседания Контрольного Совета по ходатайству

осужденных о помиловании 1133—1134

43-е очередное заседание Контрольного Совета	1134—1135
Казнь главных немецких военных преступников	1135
Летопись организации и деятельности Международного Военного Трибунала	1136—1142
Пояснение отдельных слов и сокращений, встречающихся в тексте	1143—1149'
Перечень документов, помещенных вО втором томе	1150—1152
Перечень иллюстраций	1153

ДОПРОСЫ ПОДСУДИМЫХ

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГЕРИНГА

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 18 марта 1946 г.}*

Джексон¹: Возможно, вы осознаёте то, что вы единственный оставшийся в живых человек, который может полностью рассказать нам о действительных целях нацистской партии и о работе руководства внутри партии?

Геринг: Да, я это ясно сознаю.

Джексон: Вы с самого начала вместе с теми, которые сотрудничали с вами, намеревались свергнуть и затем действительно свергли Веймарскую республику?

Геринг: Что касается лично меня, то это было моим твердым решением.

Джексон: А придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентарное правительство в Германии?

Геринг: Оно больше не было нам нужно.

Джексон: После того как вы пришли к власти, вы, для того чтобы удержать власть, запретили все оппозиционные партии?

Геринг: Мы считали необходимым не допускать в дальнейшем существования оппозиций.

Джексон: Вы также проповедовали теорию о том, что вам следует уничтожить всех лиц, оппозиционно настроенных по отношению к нацистской партии, чтобы они не могли создать оппозиционной партии?

Геринг: Поскольку оппозиция в какой-либо форме 'серьезно препятствовала нашей работе, само собой разумеется, оппозиционность этих лиц не могла быть терпима,

Джексон: Вы сказали нам о том, как вы и другие сотрудничали для того, чтобы сосредоточить всю власть в германском государстве в руках фюрера, не так ли?

Геринг: Я говорил только о своей работе в этом направлении.

Джексон: Имеется ли здесь на скамье подсудимых кто-нибудь, кто бы не 'сотрудничал с вами для достижения этой цели, по мере возможности?

Геринг: Ясно, что никто из сидящих здесь подсудимых вначале не мог быть в оппозиции к фюреру. Но я хотел бы сказать, что всегда

¹ Роберт Х. Джексон — Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители.

нужно различать определенные периоды. Те вопросы, которые мне ставят, имеют весьма общий характер и касаются целого периода, который охватывает 24—25 лет.

Джексон: Я хочу обратить внимание на плоды этой системы. Насколько я вас понял, в 1940 году вы были информированы о том, что германская армия готовится напасть на Советскую Россию?

Геринг: Да, я говорил об этом.

Джексон: Вы считали, что в таком нападении не только нет необходимости, но что оно будет неразумным с точки зрения Германии?

Геринг: В тот момент я считал необходимым отложить его с тем, чтобы выполнить задачи более важные, с моей точки зрения.

Джексон: Насколько известно, германский народ был втянут в войну против Советского Союза. Вы были за этот шаг?

Геринг: Германский народ узнал об объявлении войны с Россией только тогда, когда война началась. Германский народ не имеет ничего общего со всем этим делом. Его не спрашивали ни о чем. Он только узнал о фактическом положении вещей и о той необходимости, которая привела к этому.

Джексон: Когда вы поняли, что война, с точки зрения той цели, которую вы преследовали, была проиграна?

Геринг: На это чрезвычайно трудно ответить. Во всяком случае, по моему убеждению, относительно поздно, то есть я имею в виду, что убеждение, что война проиграна, создалось у меня значительно позже. До этого я все еще думал и надеялся, что война кончится вничью.

Джексон: Далее, описывая приход партии к власти, вы опустили некоторые вещи, в частности пожар рейхстага 27 февраля 1933 г. После этого пожара — не так ли? — была большая чистка, во время которой многие были арестованы и многие — убиты.

Геринг: Мне не известно ни одного случая, чтобы хоть один человек был убит из-за пожара здания рейхстага, кроме осужденного имперским судом действительного поджигателя ван дер Люббе. Двое других подсудимых были оправданы. По ошибке был привлечен к суду не г-н Тельман, как недавно думали, а депутат от коммунистов Торглер. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова.

В связи с пожаром рейхстага арестов было произведено относительно мало. Аресты, которые вы относите за счет пожара рейхстага, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар только ускорил их арест, сорвал так тщательно подготавливавшееся мероприятие, благодаря чему ряду функционеров удалось во-время скрыться.

Джексон: Другими словами, у вас уже были готовы списки коммунистов для последующих арестов до пожара рейхстага, не так ли?

Геринг: У нас были списки коммунистических деятелей, подлежащих аресту. Эти списки были составлены совершенно независимо от пожара германского рейхстага.

Джексон: Вы и фюрер встретились во время пожара, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И здесь же на месте вы решили арестовать всех коммунистов, которые значились в составленных списках?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако решение о немедленном выполнении арестов последовало в эту ночь. Мне было бы выгодней подождать несколько дней, как было предусмотрено, и тогда от меня не ускользнули бы несколько важных партийных руководителей.

Джесксон: На следующее утро президенту фон Гинденбургу был представлен проект закона об изменениях конституции, о которых мы говорили здесь, не так ли?

Геринг: Думаю, да.

Джесксон: Кто был Карл Эрнст?

Геринг: Я не знаю, было ли его имя Карл, но знаю, что Эрнст был руководителем СА в Берлине.

Джесксон: Кто такой Хелльдорф?

Геринг: Хелльдорф позднее стал руководителем СА в Берлине.

Джесксон: А кто такой Хейнес?

Геринг: Хейнес был в это время начальником СА в Силезии.

Джесксон: Вам известно—не так ли?—что Эрнст сделал заявление, сознавая, что эти трое подожгли рейхстаг и что вы и Геббельс планировали этот поджог и предоставили им воспламеняющиеся составы — жидкий фосфор и керосин, — которые положили для них в подземный ход, ведущий из вашего дома в здание рейхстага. Вам известно о таком заявлении, не так ли?

Геринг: Я не знаю ни о каком заявлении руководителя СА Эрнста, но я знаю роман шофера г-на Рема, вышедший вскоре после этого и опубликованный в иностранной прессе после 1934 года.

Джесксон: Но из вашего дома в рейхстаг вел специальный ход. Не правда ли?

Геринг: С одной стороны улицы стоит здание рейхстага, напротив — дворец имперского президента. Между обоими зданиями имеется ход, по которому доставлялся кокс для центрального отопления.

Джесксон: Вы когда-нибудь хвалились тем, что подожгли здание рейхстага, хотя бы в шутку?

Геринг: Нет. Я употребил только одну шутку, если вы подразумеваете именно это. Я сказал, что я конкурирую с императором Нероном...

Джесксон: Значит, вы никогда не заявляли, что подожгли здание рейхстага?

Геринг: Нет. Я знаю, что г-н Раушниц в своей книге, которая здесь неоднократно цитировалась, писал о том, будто бы я беседовал с ним об этом. Я г-на Раушница видел в своей жизни два раза, и то мимоходом. Если бы я поджег рейхстаг, я бы признался в этом только в очень узком кругу лиц, — если бы я вообще собирался кому-нибудь говорить об этом. Однако человеку, которого я совершенно не знал и даже не могу сказать, как он выглядит, — я не мог бы этого сказать.

Джесксон: Вы помните завтрак в день рождения Гитлера в 1942 году? Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии, в офицерском клубе. Это был офицерский завтрак?

Геринг: Нет.

Джесксон: Вы не помните этого? Я попрошу, чтобы вам показали письменное показание генерала Франца Гальдера. Я обращаю ваше

внимание на его заявление, которое может освежить вашу память. Я читаю:

«За общим завтраком в день рождения фюрера в 1942 году люди кругом разговаривали относительно здания рейхстага и его художественной ценности. Я слышал собственными ушами, как Геринг вмешался в разговор и крикнул: «Единственный человек, который действительно знает рейхстаг, — это я, потому что я поджег его!». Сказав это, он похлопал себя по ляжке».

Геринг: Этого разговора вообще не было. И я попрошу очной ставки с Гальдером...

Джексон: Вы знаете, кто такой Гальдер?

Геринг: Да, достаточно хорошо.

Джексон: Можете вы нам сказать, какой пост он занимал в германской армии?

Геринг: Он был начальником штаба сухопутных войск. Когда началась война, я беспрестанно указывал фюреру, что он должен взять себе такого начальника штаба, который что-то понимает в военных делах.

Джексон: Спрашивали ли вас и давали ли вы такой ответ американскому следователю в октябре 1945 года относительно Шахта: «Он предложил мне стать уполномоченным по вопросам иностранной валюты и военных материалов. Он полагал, что на таком посту я смогу оказать необходимую поддержку министру экономики и Рейхсбанку»? Давали ли вы ответ и правильна ли эта информация?

Геринг: Повторите, пожалуйста, еще раз.

Джексон: В протоколе говорится, что относительно Шахта вы сказали: он сделал предложение о том, чтобы я стал уполномоченным по вопросам военных материалов и иностранной валюты. Он полагал, что таким образом я смогу оказать министру экономики, а также президенту Рейхсбанка необходимую поддержку.

Геринг: Это абсолютно верно.

Джексон (читает): «Больше того, он был очень откровенен по поводу предложения, сделанного им и Бломбергом, о том, чтобы я был назначен уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана. Однако Шахт считал, что я недостаточно сведущ в области экономики и что он сможет с легкостью прятаться за моей спиной».

Геринг: Об этом недавно я совершенно четко говорил.

Джексон: С того времени и впредь вы и Шахт сотрудничали в течение некоторого периода, готовя программу перевооружения? Разве не так?

Геринг: Я работал с этого времени в области экономики вместе с г-ном Шахтом над проблемой структуры всей германской экономики и, в частности, над вопросами военной промышленности, которая, само собой разумеется, была предпосылкой начавшегося укрепления германской армии и ее военной мощи.

Джексон: Между вами и им не было разногласий по вопросам о том, что должна была проводиться программа перевооружения. Вы спорили лишь о том, как ее провести?

Геринг: Я полагаю, что Шахт... был готов приложить все усилия к вооружению Германии и тем самым к ее укреплению. Расхождения с ним имелись только в отношении методов...

Джексон: После того как он перестал работать над программой вооружения, он остался в кабинете как министр без портфеля и в течение некоторого времени заседал в рейхстаге, не так ли?

Геринг: Это правильно. Фюрер хотел, чтобы это выглядело как его признательность по отношению к г-ну Шахту.

...Джексон: Я хочу, чтобы вам показали документ № 3700-ПС. Я спрашиваю вас, получали вы от Шахта письмо, копией которого, написанной через копировальную бумагу, является этот документ?

(Геринг знакомится с документом.)

Геринг: Да, это письмо я получал. К сожалению, здесь, в копии, не указан год этого письма...

Джексон: Вы ответили на это письмо?

Геринг: Мне трудно ответить на этот вопрос сегодня. Может быть, да.

Джексон: Дайте, пожалуйста, если возможно, более точный ответ. Не говорили ли вы в письме к Шахту от 18 декабря 1936 г., что вы считаете своей задачей, по вашим собственным словам, в течение четырех лет привести всю экономику в состояние готовности к войне?

Сказали вы это или нет?

Геринг: Само собой разумеется, что я это говорил.

Джексон: Так. Вспоминаете вы отчет Бломберга в 1937 году, в котором (если вы хотите, вы можете посмотреть соответствующий документ, С-175) он говорит:

«Общее политическое положение вызывает предположение, что Германии не следует бояться нападения ни с какой стороны...»

Геринг: Для того момента это было вполне вероятным...

Джексон: Через месяц после этого вы создали концерн «Герман Геринг»?

Геринг: Правильно.

Джексон: Ваши заводы занимались тем, что приводили Германию в состояние готовности к войне? Не правда ли?

Геринг: Это неправильно. Предприятия «Герман Геринг» занимались исключительно вопросами разработки германских железных руд в районе Зальцгиттер в Верхнем Пфальце и после аншлюсса — разработкой железных руд в Австрии. Предприятия «Герман Геринг» первоначально занимались созданием различных сооружений и предприятий по добыче руды и подготовкой горных предприятий по обработке железной руды. Только значительно позднее появились сталелитейные и вальцовочные заводы, то есть промышленность.

Джексон: Предприятия «Герман Геринг» входили как составная часть в четырехлетний план? Разве не так?

Геринг: Правильно.

Джексон: Вы уже сказали, что четырехлетний план имел своей целью подготовить экономику Германии к войне, а заводы «Герман Геринг» были организованы для того, чтобы разрабатывать рудные запасы и запасы железа и доводить этот процесс разработки до подготовки готовых орудий и танков? Не так ли?

Геринг: Нет, это неправильно. Концерн «Герман Геринг» вначале не имел своих предприятий вооружения, он занимался, как я уже подчеркивал, добычей сырья и получением стали.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГЕРИНГА

s

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 21—22 марта 1946 г].

Руденко ¹: Правильно ли я понял вас, подсудимый Геринг, что все основные решения в области внешнеполитической, военностратегической в окончательном их виде принимались Гитлером самостоятельно?

Геринг: Да, правильно. Для этого он и был фюрером.

Руденко: Следует ли понимать это так, что Гитлер принимал решения без заслушивания мнения специалистов, без изучения вопроса, без анализа различных материалов, которые могли представить эти специалисты?

Геринг: Это происходило различным образом. В отдельных случаях он, естественно, распоряжался о предоставлении ему соответствующих материалов, но эксперты не могли точно угадывать, для чего это делается. В других случаях он высказывался по отношению к экспертам, что он намеревается совершить. В этих случаях он получал от них соответствующие материалы и заключения. Но решал как высший руководитель он сам.

Руденко: В этом случае, правильно ли я понимаю вас, что при решении серьезных вопросов Гитлер в той или иной степени опирался на материалы или анализы, представляемые ему его ближайшими сотрудниками, работавшими и консультировавшими его в соответствующих областях?

Геринг: Частично это были близкие его сотрудники. При предоставлении информации это были менее близкие сотрудники из соответствующих ведомств.

Руденко: Не скажете ли тогда вы, кто являлся таким ближайшим сотрудником Гитлера в области военно-воздушного флота?

Геринг: Само собой разумеется, я.

Руденко: В вопросах экономики?

Геринг: По вопросам экономики — это также был я.

Руденко: По внешнеполитическим вопросам?

Геринг: Здесь обстояло по-разному. Это зависело от того вопроса, который решался, и насколько фюрер намеревался привлечь кого-либо к обсуждению этого вопроса или его разъяснению.

Руденко: Кого вы можете назвать из таких ближайших сотрудников персонально?

Геринг: Ближайшим сотрудником фюрера был, как я уже сказал, в первую очередь я. Затем ближайшим сотрудником, это слово не совсем правильно, был доктор Геббельс; он просто больше говорил с ним, чем с другими. Вы также должны различать то время, к которому это относилось, потому что на протяжении двадцати лет картина менялась. В конце сильнее всего к нему был приближен Борман. Затем в 1933—1934 г. и почти до самого конца — Гиммлер, но только по определенным ;. вопросам. Если фюрер стоял перед разрешением каких-либо специальных вопросов, которые касались какого-нибудь ведомства, то, само

¹ Р. А. Руденко — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. —

собой разумеется, что он привлекал того, кто лучше всего разбирался в этих вопросах, как принято и в других правительствах. От них он и требовал соответствующие материалы.

Руденко: Назовите, кто в области внешней политики являлся ближайшим сотрудником Гитлера?

Геринг: Что касается внешней политики, то о близком сотрудничестве с фюрером можно говорить только тогда, когда подразумевается техническая сторона вопроса. Самые же важные и значительные решения в области внешней политики он обычно обдумывал сам, после чего он сообщал о результатах этих размышлений своим ближайшим сотрудникам и доверенным лицам из его окружения. Только в редких случаях он разрешал обсуждать те или иные вопросы. Так, например, это имело место со мной. Но техническое выполнение его решений по вопросам внешней политики, которые находили свое выражение в нотах или в чем-либо другом, поручалось министерству иностранных дел и министру иностранных дел.

Руденко: Подсудимому Риббентропу?

Геринг: Конечно, он был именно этим министром. Однако он не делал внешней политики.

Руденко: По военностратегическим вопросам кто консультировал Гитлера?

Геринг: Это был ряд лиц. На основании чисто ведомственного порядка к обсуждению стратегических вопросов привлекались три главнокомандующих частями вооруженных сил и их начальники штабов. Частично — также штаб оперативного руководства, который находился непосредственно у фюрера.

Руденко: Кто из подсудимых может быть вами назван в качестве таких консультантов?

Геринг: В том случае, когда фюрер запрашивал, советником по вопросам стратегического порядка был генерал-полковник Иодль, начальник штаба оперативного руководства, по военно-организационным вопросам — три главнокомандующих, в числе которых были я и гросс-адмирал Редер, а впоследствии гросс-адмирал Дениц. Последние два — по морским вопросам.

Руденко: Все эти советчики не могли быть в стороне, они оказывали свое влияние своими советами и консультациями на решения Гитлера?

Геринг: Они не находились в стороне, но влияние они имели лишь в той степени, в какой их точка зрения совпадала с точкой зрения фюрера.

Руденко: Ясно. Перейдем к следующей группе вопросов.

Когда именно вы начали разработку плана действий германской авиации против Советского Союза в связи с вариантом «Барбаросса»?

Геринг: План стратегического сосредоточения и развертывания военно-воздушных сил в связи с вариантом «Барбаросса» был разработан моим генеральным штабом после первого указания фюрера относительно возможного возникновения конфликта, то есть после ноябрьского указания.

Руденко: 1940 года?

Геринг: В 1940 году. Но я в своей области уже до этого времени продумал приготовления на случай возможного конфликта со всеми теми государствами, которые не находились с нами в состоянии войны,

в том числе и против России. В своей области я продумывал это, будучи совершенно независимым.

Руденко: Таким образом, еще в ноябре 1940 года, то есть более чем за полгода до нападения Германии на Советский Союз, уже был разработан план этого нападения при вашем участии?

Геринг: Я недавно очень подробно говорил о том, что к этому времени уже был разработан план на случай возможного изменения политического положения.

Руденко: Я прошу ответить коротко на этот вопрос: «да» или «нет». Я еще раз повторяю: в ноябре 1940 года, более чем за полгода до нападения на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии? Эы можете коротко ответить на этот вопрос?

Геринг: Да, но не в том смысле, в каком вы это хотите представить.

Руденко: Мне кажется, я вам совершенно ясно поставил вопрос, и никакого двойного смысла в нем нет. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: О какой области вы говорите: области авиации, флота или сухопутных сил?

Руденко: Если вы осведомлены по всем областям: и авиации, и флота, и сухопутных войск, — я желал бы, чтобы вы ответили по всем областям.

Геринг: В общем и целом я могу сказать о ВВС, где дело шло относительно быстро.

Руденко: Пожалуйста. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: Я не могу назвать точной даты без каких-либо материалов, но в ВВС план стратегического сосредоточения и развертывания был разработан относительно быстро. В области сухопутных войск это заняло, очевидно, большее количество времени.

Руденко: Таким образом, вы признаете, что нападение на Советский Союз было предрешиено за несколько месяцев до его осуществления и что вы как командующий германской авиацией и рейхсмаршал принимали непосредственное участие в подготовке этого нападения.

Геринг: Я позволю себе разделить то обилие вопросов, которые вы мне задали. Во-первых, не за несколько месяцев...

Руденко: Здесь нет обилия вопросов. Здесь один вопрос. Вы признали, что в ноябре вы разработали вариант «Барбаросса» по ВВС. В связи с этим я ставлю вам вопрос: вы признали тот факт, что это нападение было предрешиено за несколько месяцев до осуществления?

Геринг: Это правильно.

Руденко: На первую часть вопроса вы ответили. Теперь последняя часть вопроса. Вы признаете как командующий ВВС и маршал авиации, что вы принимали участие в подготовке нападения на Советский Союз?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю — я провел приготовления... Я хотел бы подчеркнуть, что мое положение как рейхсмаршала не играет в данном случае никакой роли. Это ведь лишь титул, ранг.

Руденко: Вы не отрицаете, что этот план был разработан еще в ноябре 1940 года?

Геринг: Да.

Руденко: Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала, присоединение

к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, Волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей? Признаете вы это?

Геринг: Я этого ни в коей степени не признаю.

Руденко: Разве вы не помните, что на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором присутствовали вы, Борман, Кейтель, Розенберг и другие, Гитлер именно так определил цели войны против СССР, как я изложил в предыдущем вопросе? Этот документ был предъявлен Трибуналу, он достаточно известен, и вы, очевидно, его помните. Вы помните это совещание?

Геринг: Я точно помню этот документ и примерно помню это совещание. Я сразу же сказал, что этот документ, составленный г-ном Борманом, мне кажется бесконечно преувеличенным в отношении данных требований. Во всяком случае, в начале войны и еще раньше этот вопрос не обсуждался.

Руденко: Но вы признаёте, что такая протокольная запись существует?

Геринг: Это я признаю, так как я видел ее. Этот документ был составлен Борманом.

Руденко: Вы признаете, что согласно этой протокольной записи вы также были участником этого совещания?

Геринг: Я присутствовал на этом совещании, и по этой причине я сомневался в правильности этой записи.

Руденко: Вы помните, что в протокольной записи совещания формулировались задачи, которые поставлены в связи со сложившейся обстановкой? Я напому вам некоторые места из этого протокола.

Геринг: Можно ли мне получить копию этого протокола?

Руденко: Пожалуйста. На второй странице этого документа, второй абзац, пункт 2 относительно Крыма, говорится:

«Крым должен быть освобожден от всех чужаков и населен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи».

Вы находите это место?

Геринг: Да.

Руденко: Далее я обращаю ваше внимание на конец этого протокола, последнюю его часть.

«Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами, вернее, области Крыма. Этих прилегающих районов должно быть как можно больше».

Далее сказано в отношении проживающих украинцев. Через один абзац сказано:

«Фюрер подчеркивает, что и волжские районы должны стать областью империи, точно так же, как и Бакинская область должна стать немецкой концессией, военной колонией».

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем чтобы затем отдать его финнам».

Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Это запись совещания, на котором вы присутствовали 16 июля 1941 г., через три недели после нападения Германии на Советский Союз. Вы не отрицаете, что такая запись существует? Правильно, что такое совещание было?

Геринг: Это правильно. Я все время это подчеркивал. Но протокол неправильный.

Руденко: А кем этот протокол был записан?

Геринг: Борманом.

Руденко: А какой же смысл Борману было вести неправильную запись этого совещания?

Геринг: Борман преувеличил кое-что в протоколе.

Руденко: Много?

Геринг: Например, об областях Волги вообще нигде не было речи. Что касается Крыма, то правильно, что фюрер... хотел иметь 1 Крым.

Руденко: Раз фюрер хотел...

Геринг: Но это было поставлено целью еще до войны.

Руденко: Все же я хочу уточнить. Вы заявляете, что в отношении Крыма действительно шла речь о том, чтобы Крым сделать областью империи?

Геринг: Да, на этом совещании об этом говорилось.

Руденко: В отношении Прибалтики тоже речь шла об этом?

Геринг: Да, также, но никогда не говорилось о том, что Кавказ должен был стать немецким. В этой связи говорилось только о том, чтобы осуществить сильное экономическое влияние со стороны Германии.

Руденко: То есть, чтобы Кавказ стал германской концессией?

Геринг: В какой мере — это можно было бы определить только после победоносного заключения мира. Можно увидеть из протокола, что безумием является говорить о таких вещах спустя несколько дней после начала войны. О таких вещах, которые излагает здесь Борман, вообще нельзя говорить, так как ведь еще неизвестно, каков будет исход войны, каковы перспективы.

Руденко: Итак, преувеличение сводится к тому, что о Волжских колониях не шла речь, — не так ли?

Геринг: Преувеличение заключается в том, что в тот момент обсуждались вещи, о которых практически вообще нельзя было говорить. В лучшем случае, можно было говорить о тех областях, которые были заняты, а также об их управлении.

Руденко: Мы сейчас устанавливаем факт, что об этих вещах шел разговор, эти вопросы ставились на совещании, причем ставились как задача, и этого вы не отрицаете?

Геринг: Частично они обсуждались, но не так, как это здесь описано.

Руденко: Я только хочу сделать один вывод, что это совещание подтверждает основной план захвата территорий Советского Союза Германией, правильно это?

Геринг: Это правильно. Но я должен еще раз подчеркнуть, разрешите мне это сделать, что я, как отмечено в протоколе, не разделял эти безграничные предположения. Дословно здесь сказано следующее: «В от-

вет на это, то есть в ответ на длительное обсуждение этих вопросов, рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые в настоящий момент могли быть для нас определяющими, а именно — обеспечение продовольствием в той мере, в какой это необходимо для экономики, а также обеспечение безопасности путей сообщения». Я хотел свести все эти речи к действительно практическим вещам.

Руденко: Вы, собственно, правильно говорите, что вы возражали, но по таким основаниям, что в первую очередь следует обеспечить себя продовольствием, а все остальное, как фиксируется, могло бы прийти гораздо позже. Так написано. Стало быть, вы не по существу возражали, а вопрос шел только о сроках; в первую очередь захватить продовольствие, а потом территорию.

Геринг: Нет, написано так, как я зачитывал. Дело не в сроках. Относительно этого никаких секретов нет.

Руденко: Прошу вас повторить, как вы зачитывали. В чем расхождения нашего перевода?

Геринг: «В ответ на длительное обсуждение относительно отдельных лиц и этих вопросов, то есть вопроса о присоединении, рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые могут быть для нас решающими факторами: обеспечение продовольствием, обеспечение в нужной степени хозяйства, а также обеспечение безопасности дорог и других путей сообщения». Я тогда говорил как раз о железных дорогах и т. д.;

это значит, что я хотел свести эту безмерную дискуссию, имевшую место в первое время опьянения победой, к чисто практическим вопросам, которые должны были быть разрешены. Все это объясняется воздействием первых побед.

Руденко: Очевидно, воздействие здесь имело место, и огромное место, но, во всяком случае, из ваших объяснений совершенно не следует, что вы возражали против присоединения Крыма к империи. Это так?

Геринг: Если бы вы владели немецким языком, то вы поняли бы весь смысл этого выступления из предложения: «В ответ на это рейхсмаршал подчеркнул...», — это значит, что я тогда не сказал, что я протестую против аннексии Крыма или против аннексии Прибалтийских стран. Я не имел никаких оснований для этого. Если бы мы победили...

Руденко: То вы бы это осуществили?

Геринг: ...то после окончания войны это бы последовало так или иначе, независимо от того, использовали мы бы аннексию или нет. Но в тот момент мы еще не кончили войны и еще не победили. Вследствие этого я лично ограничился лишь практическими вещами.

Руденко: Вы признаете, что в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану вы непосредственно руководили подготовкой и разработкой планов экономической эксплуатации всех оккупированных территорий, а также реализацией этих планов?

Геринг: Я уже признал, заявив, что я несу ответственность за экономику в оккупированных странах согласно тем директивам, которые я давал по использованию и управлению этими странами.

Руденко: Вы не можете сказать, сколько миллионов тонн зерна и других продуктов было вывезено из Советского Союза в Германию за время войны?

Геринг: Я не могу вам назвать общее количество.

Руденко: На совещании 6 августа 1942 г. всех рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования вы выступали. Я хотел бы напомнить вам некоторые места из этих выступлений.

Геринг: Дайте мне, пожалуйста, протокол.

Руденко: Пожалуйста. Прошу обратить внимание на страницу 111 стенограммы. Вы говорили следующее:

«Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане...

Он дал мне дополнительные полномочия, которые касаются любой хозяйственной области нашей структуры, безразлично, внутри ли государства, партии или вооруженных сил...»

Я заканчиваю этим цитату. Я спрашиваю, действительно вам были предоставлены такие исключительные полномочия в этих вопросах?

Геринг: После разработки четырехлетнего плана мне были предоставлены чрезвычайные полномочия. Впервые в области экономики были предоставлены неограниченные полномочия давать директивы и указания всем высшим имперским инстанциям, всем партийным инстанциям, вооруженным силам. Эти полномочия после начала войны были распространены также на экономическую структуру оккупированных областей; они были не расширены, но распространены.

Руденко: Значит, правильно я цитировал ваше выступление?

Геринг: Совершенно правильно, хотя это было неправильно переведено на немецкий язык.

Руденко: Следующее в связи с этим. Учитывая ваши особые полномочия, которыми вы были облечены, — ваши указания, инструкции и требования являлись обязательными для участников совещания, на котором вы выступали?

Геринг: Да.

Руденко: Следовательно, если в ваших выступлениях встречаются такие выражения, как «выжать» и «вытряхнуть» из оккупированных территорий все, что только можно, то это была обязательная директива?

Геринг: Эти директивы были, конечно, приведены в соответствующую форму. В данном случае речь идет о высказывании в прямой речи, в устном выступлении. Конечно, эти слова не отличаются особенной салонной изысканностью, но позднее...

Руденко: Правильно, прямое высказывание — я с этим согласен.

Геринг: Вы имеете в виду то место (я позволю себе повторить), где говорится следующее: «Вы посланы сюда не за тем, чтобы работать на благо вверенных вам народов, а для того, чтобы...»?

Руденко: Правильно.

Я обращаю ваше внимание на следующую цитату. Вот, на странице 113, там так фиксируется ваше указание:

«Я сделаю одно, я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, "и, если вы этого не можете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет». Правильно это? Есть такое место в вашем выступлении?

Геринг: Это место переведено переводчиком не так, как это сказано в подлиннике. Переводчик, который переводит ваши слова на не-



Допрос подсудимого Геринга.

мецкий язык, употребляет некоторые превосходные степени, которые здесь не наличествуют.

Руденко: Разве у вас имелись основания не доверять рейхскомиссарам оккупированных территорий, которым вы угрожаете специальными органами?

Геринг: Там присутствовали имперские комиссары не только восточных областей, но вообще всех областей. Речь шла о регулировании поставок продовольствия из отдельных областей, о регулировании всего продовольственного вопроса в занятых нами областях Европы. Незадолго до совещания мне было сказано, что, само собой разумеется, каждый старается удержать запасы продовольствия у себя для того, чтобы заставить другого больше давать поставки. Чтобы быть кратким, я заявляю: я не хотел давать себя обманывать этим господам. И после того, как я узнал, что они предлагали мне лишь половину, я потребовал 100 процентов, чтобы согласиться на половине. •

Руденко: Я спрашиваю вас: эти установки, которые вы дали участникам совещания, не являлись ли эти установки не чем иным, как требованием беспощадно грабить оккупированные территории?

Геринг: Нет. В первую очередь на этом совещании речь шла о том, что необходимо иметь больше продовольствия.

Руденко: Я говорю о грабеже. Грабеж может заключаться и в том, чтобы грабить продовольствие в оккупированных территориях.

Геринг: Я только что сказал, что я был ответственен за снабжение продовольствием почти всех областей. Одна область имела слишком много продовольствия, другая — не имела его в достаточном количестве. Нужно было установить равновесие. Об этом шла речь в основном' (на 90 процентов) на этом совещании; нужно было установить поставки, которые должен был давать тот или иной имперский комиссар. Я вовсе не оспариваю, что я при этих требованиях, выступая на совещании очень живо и темпераментно, был очень резок в своих выражениях. Впоследствии были установлены соответствующие количества того, что должно быть поставлено. Это явилось результатом данного совещания.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на страницу 118 этой же стенограммы. Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Там говорится: «Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и именно эффективно». Вы нашли эту цитату?

Геринг: Да, я нашел. Я точно так говорил на этом совещании, я еще раз это подчеркиваю.

Руденко: Я как раз хотел установить, что именно точно так вы говорили на этом совещании.

Я обращаю ваше внимание на страницу 118. Обращаясь к участникам совещания и развивая мысль, высказанную ранее, вы оказали:

«Вы должны быть как легавые собаки. Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, — это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда». Вы нашли это место?

Геринг: Да, я нашел.

Руденко: Это вы сказали?

Геринг: Я могу предположить, что я это сказал.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что приведенные выше цитаты из выступления 6 августа 1942 г. принадлежат именно вам?

Геринг: Я этого не отрицаю ни в коей мере.

Руденко: Перейдем к следующему вопросу. Вы признаете, что, как уполномоченный по четырехлетнему плану, вы руководили насильственным угоном в рабство многих миллионов граждан оккупированных стран и что подсудимый Заукель был в своей деятельности непосредственно подчинен вам?

Геринг: Формально он подчинялся мне, фактически — он подчинялся непосредственно фюреру. Но я уже говорил, что несу ответственность за это в такой степени, в какой я был осведомлен в этой области.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на ваше выступление на этом же совещании. Это страница 141 и продолжение на странице 142.

Вы нашли это место?

Геринг: Я нашел.

Руденко: Там говорится следующее: «Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля — в этом он не нуждается, но то, что он сделал за этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, — это является единственным в своем роде достижением».

Далее вы говорите по адресу Коха:

«Кох, это все же не только украинцы. Ваши 500 тысяч просто смешны. Сколько он доставил? Почти два миллиона».

Вы нашли это место?

Геринг: Да. Но здесь не совсем так написано.

Руденко: Пожалуйста, уточните.

Геринг: Смысл заключается в том, что Кох собирался утверждать, что он сам дал всех этих людей Заукелю. На это я ему возразил, что вся программа Заукеля охватывала два миллиона рабочих и что он может делать такие утверждения только в отношении 500 тысяч. О Кохе хотел представить дело таким образом, будто всех этих рабочих достал он.

Руденко: А вы считали, что 500 тысяч из Украины — это мало?

Геринг: Нет, это не так. Я уже пояснил сейчас, что из этих двух: миллионов, которые в целом были поставлены Заукелем в течение прошедшего времени, на долю Украины падало всего 500 тысяч. Утверждение Коха, что он сам поставил всех этих рабочих, неправильно. В этом — смысл данной цитаты.

Руденко: Но вы не отрицаете и другого основного смысла, что речь идет о миллионах насильственно угнанных в Германию на рабский труд?

Геринг: Я не оспариваю, что здесь речь шла о двух миллионах призванных рабочих. Но я сейчас не могу сказать, были ли все они доставлены в Германию. Во всяком случае, они были использованы в интересах германской экономики.

Руденко: Вы не отрицаете, что это было рабство?

Геринг: Рабство я отрицаю. Принудительный труд, само собой разумеется, частично использовался.

Руденко: Вы слышали, подсудимый Геринг, — здесь был оглашен ряд немецких документов, из которых явствует, что граждане оккупиро-

ванных территорий отправлялись в Германию насильственно. Их собирали путем облавы на улицах, в кино, их отправляли в эшелонах под военной охраной. За отказ ехать в Германию, попытку уклониться от этой мобилизации мирное население расстреливалось и подвергалось всяким истязаниям. Вы слышали эти документы, которые оглашались здесь, в суде?

Геринг: Да, но я прошу, чтобы мне дали посмотреть на эти документы. Они показывают, что распоряжений о наборе не было, что учет для принудительного труда регулировался с помощью распоряжений и иным образом. Если бы мне могли дать абсолютную гарантию, в частности, на Востоке, что все эти люди совершенно мирные и не будут осуществлять никаких актов саботажа, то я использовал бы большую часть их на работах на местах. Это были интересы безопасности, которые как на Востоке, так и на Западе заставляли нас отправлять этих рабочих в Германию, в особенности же молодые контингенты бывших военно-обязанных.

Руденко: Только в интересах безопасности они были увезены?

Геринг: Тут было две причины. Я недавно подробно говорил о них. Во-первых, по причине безопасности и, во-вторых, по причине необходимости в рабочей силе.

Руденко: И по этой причине... допустим, возьмем вторую причину— по причине необходимости насильственно угонялись люди из своих стран в Германию на рабский труд, правильно?

Геринг: Не в рабство, а для работы привозили их в Германию.

Руденко: ...В 1941 году ОКВ был разработан ряд директив и приказов о поведении войск на Востоке и об обращении с советским населением, в частности, директива о военной подсудности в районе «Барбаросса», которая предоставляла немецким офицерам право без суда и следствия расстреливать любое лицо, подозреваемое в неприязненном отношении к немцам. Эта директива объявляла безнаказанность немецкого солдата за преступления, совершенные против местного населения. Такого рода директива должна была вам докладываться?

Обратите внимание на дату— 13 мая 1941 г.

Геринг: Этот документ не был непосредственно послан мне. В распределении говорится: «Штаб оперативного руководства военно-воздушных сил, главный квартирмейстер». Я своим войскам давал очень строгие указания в отношении поведения солдат. По этой причине я ходатайствовал о вызове в качестве свидетеля главного судьи военно-воздушных сил и послал ему опросный лист относительно этих людей.

Руденко: Вы это распоряжение знали?

Геринг: Я увидел это распоряжение здесь, после чего я ходатайствовал о вызове данного лица в качестве свидетеля, так как этот приказ был направлен не непосредственно главнокомандующему, а служебным инстанциям, о которых я здесь упомянул. Если эти инстанции действовали таким образом, то есть в соответствии с этим распоряжением, то я несу, конечно, формальную ответственность за эти действия. В данном случае мы имеем дело с приказом фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами, который войска не могли обсуждать

Руденко: Но вы согласны с тем, что по значимости вы должны были знать этот документ?

Геринг: Нет, ибо в противном случае этот приказ был бы послан

непосредственно мне, главнокомандующему, а не штабу оперативного руководства ВВС и генерал-квартирмейстеру. От этих инстанций зависело, считают ли они этот документ столь важным, что они должны по поводу этого документа получить еще от меня личные приказы и директивы. Но в данном случае этого не произошло, так как этот документ не касался нас в такой степени, как сухопутных войск.

Руденко: Но в аппарат ВВС этот документ был направлен?

Геринг: Я только что говорил об этом — он был направлен двум инстанциям.

Руденко: Вам должны были доложить об этом документе?

Геринг: Нет, мне не должны были доложить о нем. Я уже говорил, что если бы мне докладывали о каждом приказе и каждой директиве, которые проходили по отдельным инстанциям и не требовали моего вмешательства, то я бы потонул в этом море бумаг. Поэтому мне сообщали и докладывали только о самых важных вещах. Я сейчас не могу сказать под присягой, был этот документ упомянут в устной форме, во время доклада, или нет. Это возможно. Формально я и здесь несу ответственность за действия моих служебных инстанций.

Руденко: Я хотел бы это уточнить. Вы говорите, вам должны были докладываться самые важные вещи? Правильно?

Геринг: Это правильно.

Руденко: Я прошу обратить внимание — документ перед вами — на пункты 3 и 4 этого приказа или этого распоряжения. В пункте 3 говорится: «Всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающих».

Геринг: Затем следует параграф 4. Если я вас правильно понял, то там говорится: «Там, где меры такого рода не были приняты или не могли быть приняты, заподозренные лица должны быть немедленно доставлены к какому-либо офицеру. Последний решает, следует их расстрелять или нет». Вы это имели в виду?

Руденко: Я именно это имел в виду. Как вы считаете, это важный документ с точки зрения того, что он должен был быть вам доложен вашими служебными инстанциями?

Геринг: Сам по себе это важный документ, но о нем не должны были обязательно докладывать, так как он уже достаточно ясно был сформулирован фюрером в приказе, так что помощник фюрера, даже главнокомандующий отдельной частью вооруженных сил, не может ничего изменить в этом столь ясном и точном приказе.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на дату этого документа. В нем говорится: «Главная квартира фюрера, 13 мая 1941 г.».

Геринг: Да.

Руденко: Это, стало быть, больше чем за месяц до нападения Германии на Советский Союз? Уже тогда было разработано распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса», и вы не знали об этом документе?

Геринг: Когда составляется план мобилизации, нужно определить, если к этому имеются особые основания, что следует предпринять. На основании опыта фюрер считал, что особая угроза возникнет тотчас же на Востоке. Поэтому здесь предписываются те меры, которые должны

быть приняты, если будет оказываться 'сопротивление или если будет иметь место нападение с тыла. Речь идет о предварительном приказе на случай, если такие события наступят.

Руденко: И офицеру предоставлено право без суда и следствия расстреливать?

Геринг: Он мог созвать особый суд (штандгерихт) на месте. На основании этого параграфа он мог также, -если он считал нужным и имел все доказательства того, что преступник участвовал в нападении^ с тыла, — расстрелять такого человека.

Руденко: Вы считаете, что офицер мог создать суд на месте?

Геринг: В военных условиях предусмотрено, что офицер, имеющий отдельную, самостоятельную войсковую часть, может в любое время создать особый суд (штандгерихт).

Руденко: Но вы согласны с тем, что здесь ни о каком суде не говорится, что здесь говорится о том,' что офицер единолично решает вопрос?

Геринг: Он мог решить сам при помощи этого суда на месте. Он должен был призвать еще двух человек и за две-пять минут мог принять решение о составе преступления.

Руденко: За пять или две минуты расстрелять?

Геринг: Если я поймаю на месте преступления человека, который стрелял из дома в спину моим войскам, то особый суд (штандгерихт) может установить состав преступления в самый кратчайший срок.

Руденко: Следующий документ, который я хотел бы представить здесь и о котором хотел спросить вас по существу, — это документ от 16 сентября 1941 г.

Здесь указывается, что «за жизнь немецкого солдата, как правило, подлежат смертной казни пятьдесят-сто коммунистов. Способ казни должен увеличиваться в степени устрашающего воздействия». **Об** этом документе вы тоже не знали?

Геринг: Этот документ не нравился мне. Этот документ был направлен в какую-то служебную инстанцию. ВВС вообще мало имели дела с подобного рода вещами..

Руденко: И служебная инстанция не докладывала вам о такого' рода документе?

Геринг: Я знаю об этом мероприятии, имевшем своей целью возмездие, лишь в общих чертах, но я не осведомлен о них в такой степени. Об этом я узнал позднее, но еще во время войны, то есть до процесса. Я знал, что в этом приказе первоначально было указано пять-десять человек. Фюрер же лично сделал из этого количества пятьдесят-сто человек.

Руденко: Я вас спрашиваю: вам служебная инстанция об этом документе докладывала?

Геринг: Нет. Но я позднее слышал об этом документе.

Руденко: Когда позднее?

Геринг: Я сейчас не могу этого сказать. Во время войны я слышал о нем в связи с тем фактом, что лично фюрером было изменено число, первоначально означавшее пять-десять человек, на пятьдесят-сто человек. Об этом факте я слышал.

Руденко: За одного немца?

Геринг: Сначала там стояло пять-десять человек, а потом фюрер сам изменил это число путем прибавления нуля. Этот факт обсуждался, и в то время я узнал об этом документе.

Руденко: Известно ли вам о директивах ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными»?

Геринг: Я должен был бы сначала просмотреть их.

Руденко: Пожалуйста. (*Документ передается Герингу.*) Обратите внимание на пункт «А», параграф 3, где указывается основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается правомерным и освобождает караульных от всяких обязанностей разбираться в этом.

Я еще хочу вам напомнить одно место. Это из распоряжения об обращении с советскими военнопленными. Здесь говорится: «По совершающим побег военнопленным следует стрелять без предупредительного оклика». Это излагается и в памятке об охране советских военнопленных.

Геринг: Здесь указывается на трудности, которые заключаются в незнании и непонимании языка. Поэтому охрана должна немедленно применять оружие при попытках к бегству. Вот в чем приблизительно заключается смысл. Ясно, что при этом могут возникать недоразумения.

Руденко: Я спрашиваю: вы знали об этом документе?

Геринг: Здесь речь идет о документе, касающемся обращения с военнопленными. Он направлялся непосредственно моим инстанциям. Я не знал об этом документе.

Руденко: Вы не знали об этом документе? Хорошо. Еще один документ. Я имею в виду документ 854-ПС, который уже предъявлен, о безусловном уничтожении политруков и других политических работников.

Геринг: Я хотел бы подчеркнуть для разъяснения, что ВВС не имели никаких лагерей, в которых содержались бы советские военнопленные. Они имели только шесть лагерей, в которых содержались военнопленные других держав. Лагерь для советских военнопленных ВВС не имели.

Руденко: Я поставил этот вопрос и предъявил эти документы, потому что вы, по своему положению второго человека в Германии, не могли не знать таких принципиальных указаний.

Геринг: Как раз потому, что мое положение было таким высоким, я мало занимался приказами об обращении с военнопленными, которые были приказами чисто ведомственного порядка и не имели наиважнейшего политического или военного значения.

Руденко: Обратите внимание на дату этого документа: «Главная ставка фюрера, 12 мая 1941 г.».

Геринг: Да.

Руденко: Обратите внимание на параграф 3 этого документа:

«Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются». Вы знали об этой директиве?

Геринг: Я позволю себе обратить ваше внимание на то, что в данном случае перед нами не какое-то указание, а «запись для доклада», подписанная Варлимонт. В списке адресатов для рассылки документа не указывается никакая другая служебная инстанция, кроме отдела обороны страны. Таким образом, этот документ представляет собой запись для доклада.

Руденко: Значит, вы не знали об этом документе?

Геринг: Эта запись для доклада является записью штаба оперативного руководства ОКВ. Это не директива и не приказ. Это — лишь запись для доклада.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Знали ли вы об этой директиве или нет?

Геринг: Нет, я не знал о ней.

Руденко: Дальше. Директивы об обращении с советскими военнопленными должны были выполняться в частях авиации?

Геринг: Если они исходили от фюрера, то да. Если они исходили от меня, тогда тоже да. *

Руденко: Вы припоминаете свои директивы по вопросу об обращении с советскими военнопленными?

Геринг: Нет.

• *Руденко:* Скажите, большинство этих преступных приказов и директив ОКВ было издано еще до начала войны против Советского Союза, в порядке - подготовки войны с Советским Союзом. Не доказывает ли это, что германское правительство и ОКВ имели заранее обдуманый план уничтожения советского населения?

Геринг: Нет, это ни в коем случае не доказывает этого. Этим доказывается только то, что мы рассматривали борьбу с Советским Союзом так чрезвычайно жестокую борьбу и что эта борьба велась на основании других принципов, так как не существовало никаких конвенций по этому поводу.

Руденко: Скажите, вам известно об установке Гимmlера, которую он дал в 1941 году об уничтожении 30 миллионов славян? Вы об этом слышали также здесь, на суде, от свидетеля Бах-Зелевского. Вы помните эти показания?

Геринг: Да, но это был не приказ, а всего лишь речь.

Руденко: Скажите, ведь в германском тоталитарном государстве имелся единый руководящий центр — Гитлер и его ближайшее окружение, в том числе и вы как его заместитель?

Одни и те же установки должны были быть для Гимmlера и для Кейтеля. Мог ли Гимmlер от себя давать установки об уничтожении 30 миллионов славян, не имея по этому вопросу указаний Гитлера или ваших?

Геринг: Гимmlер не издавал никакого приказа в отношении истребления 30 миллионов славян. Гимmlер произнес речь в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены. Если бы Гимmlер действительно издал приказ подобного рода, то он должен был бы, если он придерживался постановлений, спросить об этом фюрера, но не меня. •

Руденко: Я не сказал о приказе, я 'сказал об установках Гимmlера. И вы допускаете, что эти установки Гимmlер мог давать без согласования с Гитлером?

Геринг: Мне ничего неизвестно о таком указании или распоряжении.

Руденко: Я еще раз повторяю вопрос: не являются ли аналогичными приказы и директивы ОКВ об обращении с населением и военнопленными на оккупированных советских территориях и о реализации общей директивы об истреблении славян?

Геринг: Никогда не существовало директивы, которая была бы дана фюрером или какой-нибудь другой известной стороной в отношении истребления славян.

Руденко: Вы должны были знать о массовом уничтожении советских граждан на оккупированной советской территории с помощью эйнзатцгрупп, полиции безопасности и СД. Не являлась ли деятельность эйнзатцгрупп результатом реализации заранее разработанного плана об уничтожении евреев, славян и других мирных граждан?

Геринг: Нет, деятельность эйнзатцгрупп была совершенно секретной.

Руденко: Подсудимый Геринг, в своих показаниях вы сообщали, что нападение на Польшу было осуществлено после кровавых событий в городе Быдгощь?

Геринг: Я показал, что срок выступления был ускорен вследствие тех кровавых событий, среди которых следует отметить также и кровавое воскресенье в Быдгоще.

Руденко: Вы знаете, что эти события произошли 3 сентября 1939 г.?

Геринг: Я, возможно, ошибся в отношении даты событий в Быдгоще, — у меня нет соответствующих материалов.

Руденко: Понятно. Нападение было осуществлено 1 сентября, а события в Быдгоще, о которых вы заявили Трибуналу, произошли 3 сентября 1939 г. Я представляю Трибуналу документ-свидетельство, исходящее из Главной комиссии по расследованию немецких злодеяний в Польше, соответствующим образом удостоверенное в порядке статьи 21 Устава.

Председатель: Генерал Руденко, не огласите ли вы сейчас этот документ?

Руденко: Да, пожалуйста.

«Свидетельство. На основании исследования, произведенного польскими судебными властями, Главная комиссия для исследования немецких злодеяний в Польше удостоверяет, что так называемое кровавое воскресенье в городе Быдгощь имело место 3 сентября 1939 г., то есть через три дня после того, как Польша подверглась немецкому нападению. 3 сентября 1939 г. в 10 ч. 15 м. утра немецкие диверсанты напали на отступающие от города Быдгощь польские войска. Во время оборонительного боя отступающих польских отрядов погибло 238 польских солдат и 23 человека немецкой «пятой колонны». В связи с происшествием после вступления немецких войск в город Быдгощь начались массовые экзекуции, аресты и ссылки в концентрационные лагеря польских жителей, которые производились немецкими властями, ...СС и гестапо, вследствие чего 10500 было убито и 13000 уничтожено в лагере. Это удостоверение является официальным документом польского правительства, предложенным Международному Военному Трибуналу, согласно статье 21 Устава от 8 августа 1945 г.»

Я хотел этим документом удостоверить то обстоятельство, что события, о которых свидетельствовал здесь подсудимый Геринг, произошли после нападения Германии на Польшу.

Геринг: Я не знаю, говорим ли мы с вами сейчас об одних и тех же событиях.

Руденко: Я говорю о событиях в Быдгоще. Вы тоже говорили о них.

Геринг: Может быть, в Быдгоще имели место два различных события?

Руденко: Очень возможно.

Я перехожу к следующему вопросу. Известен ли вам приказ ОКБ о клеймении советских военнопленных?

Геринг: Этот приказ мне неизвестен. Как я вижу из документов[^] на этом совещании не присутствовало ни одного представителя от ВВС.

Руденко: Я интересуюсь фактом, известен ли вам этот приказ?

Геринг: Нет.

Руденко: Известно ли вам, что германское командование предписывало использовать советских военнопленных и гражданских лиц на работах по разминированию и переноске невзорвавшихся снарядов и т. п.? Известно ли вам это?

Геринг: Мне известно то, что пленные русские саперы использовались для расчистки минных полей. В какой степени для этого использовалось гражданское население, я не знаю, но возможно, что это было и так.

Руденко: Известен ли вам приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза?

Геринг: В моем присутствии об уничтожении Ленинграда говорилось, лишь в упоминавшемся документе, причем в том смысле, что если финны получат Ленинград, то они не будут нуждаться в таком большом городе. Об уничтожении Москвы я ничего не знаю.

Руденко: Вы помните протокол совещания? Вам предъявляли документ—протокольную запись от 16 июля 1941 г. На этом совещании вы присутствовали.

Геринг: Я не получал приказа об уничтожении Москвы.

Руденко: Вам докладывали только «важные вещи». А об уничтожении городов, убийстве миллионов людей — все это проходило по так называемым «служебным инстанциям»?

Геринг: Если бы какой-либо город должен был быть уничтожен в результате налетов бомбардировщиков, такой приказ был бы непосредственно отдан мною.

Руденко: 8 марта здесь, в судебном заседании, ваш свидетель Боденшатц заявил, что вы сказали ему в марте 1945 года, что много евреев убито и что за это придется дорого заплатить. Вы помните это показание вашего свидетеля?

Геринг: Свидетель Боденшатц так не говорил.

Руденко: А как говорил свидетель Боденшатц, вы помните?

Геринг: Он говорил, что если война будет проиграна, это обойдется нам очень дорого.

Руденко: Почему? За убийства, которые вы совершали?

Геринг: Нет, вообще. И мы это сами увидели.

Руденко: Я имею к вам несколько заключительных вопросов. Прежде всего о так называемой теории «высшей» расы. В этой связи я ставлю один только вопрос перед вами и прошу прямо на него ответить. Согласны ли вы были с этой теорией «высшей» расы и воспитанием в ее духе немецкого народа или не согласны?

Геринг: Нет, я уже показывал, что никогда не использовал это выражение ни в своих статьях, ни в своих речах. Различия между расами я, безусловно, признаю.

Руденко: Но вы не согласны с этой теорией? Я так вас понимаю?

Геринг: Я никогда не заявлял, что ставлю одну расу в качестве расы господ выше другой. Я указывал только на различия между расами.

Руденко: Но вы можете мне ответить на вопрос: вы не согласны с этой теорией?

Геринг: Я лично не считаю ее правильной.

Руденко: Следующий вопрос. Вы заявили на суде, что якобы расхотались с Гитлером по вопросам о захвате Чехословакии, по еврейскому вопросу, по вопросу о войне с Советским Союзом, в оценке теории «высшей» расы, по вопросу расстрелов английских военнопленных летчиков. Чем объяснить, что при наличии столь серьезных расхождений вы считали возможным сотрудничать с Гитлером и проводить его политику?

Геринг: Здесь следует различать разные периоды времени. Во время наступления на Россию речь шла не о принципиальных расхождениях, а о расхождениях по вопросу о времени.

Руденко: Это вы уже говорили. Я прошу ответить на мой вопрос.

Геринг: Я могу расходиться в мнениях с моим верховным главнокомандующим, я могу ясно высказать ему свое мнение. Но если главнокомандующий будет настаивать на своем, а я ему дал присягу, — дискуссия тем самым будет окончена.

Руденко: Вы же не простой солдат, как вы говорили здесь; вы же представляли себя здесь и государственным деятелем?

Геринг: Я не только простой солдат и именно потому, что я не являюсь простым солдатом, а занимал такой крупный пост, — я должен был показывать пример простым солдатам с точки зрения выполнения присяги.

Руденко: Иначе говоря, вы считали возможным при наличии этих разногласий сотрудничать с Гитлером?

Геринг: Я это подчеркнул и считаю это правильным.

Руденко: Если вы считали возможным для себя сотрудничать с Гитлером, считаете ли вы себя, как второго человека в Германии, ответственным за организованные, в государственных масштабах убийства миллионов ни в чем не повинных людей, даже независимо от осведомленности об этих фактах? Ответьте коротко: «да» или «нет».

Геринг: Нет, так как я ничего не знал о них и не приказывал их проводить.

Руденко: Я еще раз подчеркиваю. — даже независимо от осведомленности об этих фактах?

Геринг: Если я действительно не знаю о них, я не могу за них отвечать.

Руденко: Вы обязаны были знать эти факты?

Геринг: В каком смысле обязан: либо я знаю факты, либо я их не знаю. Вы можете меня в лучшем случае спросить, был ли я легкомысленным, так как не попытался что-нибудь узнать о них.

Руденко: Вам лучше знать себя. Миллионы немцев знали о творившихся преступлениях, а вы не знали.

Вы заявили на суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены, что это так?

Геринг: Катастрофа наступила только после проигранной войны.

Руденко: В результате которой вы привели Германию к военному и политическому поражению. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Желает ли французский обвинитель задать вопросы? (К микрофону подходит представитель французского обвинения.)

Французский обвинитель: Я прошу Трибунал разрешить мне сделать весьма краткое заявление.

Чтобы ответить на желание, которое было выражено Трибуналом, и чтобы, по мере возможности, сократить настоящее судебное разбирательство, французское обвинение согласовало с американским обвинителем—судьей Джексоном и с английским обвинителем—сэром Файфом вопрос о том, чтобы ими были заданы подсудимому Герингу вопросы, имеющие отношение к делу. Эти вопросы были заданы. Мы заслушали ответы подсудимого на эти вопросы. Я полагаю, что защита не может жаловаться на то, что ее свободы были ущемлены. Она в полной мере их использовала в продолжение двенадцати заседаний и

•не смогла ни в малейшей степени вызвать сомнения в бесспорных доказательствах обвинения, не убедив, в частности, никого в том, что второе лицо в германской империи не несет никакой ответственности за развязывание войны, и в том, что ему не было ничего известно о зверствах, совершенных людьми, которыми он с такой гордостью руководил.

Французское обвинение полагает, что ни в малейшей степени не были поколеблены те бесспорные обвинения, которые были нами выдвинуты. Поэтому у меня не имеется новых вопросов, которые я хотел бы

•задать подсудимому.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ "
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РАЗДЕЛУ «НАРУШЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ»

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 5 декабря 1945 г.}*

*Файф*¹: Господа судьи! Перед тем как я начну говорить о первом договоре, я хотел бы привести три цитаты. Можно утверждать на основании удручающего перечня разорванных договоров и нарушенных заверений, о которых Трибунал уже слышал, что Гитлер и нацистское правительство даже не создавали видимости того, что необходимо и желательно 'сдержат данное слово. Однако с внешней стороны они уверяли в обратном. Что касается договоров, то 18 октября 1933 г. Гитлер заявил: «Мы сделали все, что в 'силах, чтобы выполнить то, что мы подписали». 21 мая 1935 г. Гитлер заявил: «Германское правительство будет тщательно выполнять каждый добровольно подписанный договор, даже если он был заключен до прихода правительства к власти».

В отношении заверений Гитлер говорил еще более , определенно. В той же речи в рейхстаге 21 мая 1935 г. Гитлер признал, что заверение является в равной мере обязательством. В то время мир еще не должен был знать, что на самом деле он не чувствовал себя ни , в какой мере обязанным. Вот что он действительно сказал: «И когда теперь я слышу из уст английского политического деятеля, что такие заверения ничего не значат и что единственное доказательство искренности заклю-

¹ Заместитель Главного обвинителя от Великобритании.— Составители.

чается в подписи, которой скреплены многочисленные пакты, то я должен просить г-на Идена помнить, что означает заверение. Иногда гораздо легче подписать договор, зная, что ты пересмотришь свою позицию в решительный час, чем заявить всей стране о своем намерении придерживаться политики, которая служит делу мира и отвергает все, что ведет к войне».

Далее он приводит в качестве иллюстрации свое заверение Франции. Зная, как Гитлер хотел уверить мир в том, что он придает большое значение договорам, я прошу Трибунал рассмотреть лишь пятнадцать из тех договоров, которые он расторгнул.

Нужно еще коснуться вопроса о положении договора в германском праве. Опубликование текста договора в «Рейхсгезетцблатт» делает этот договор частью законодательства Германии. Это, как мне кажется, является довольно интересным в аспекте тех нарушений, о которых я буду говорить. Первый договор, которого я коснусь, — это Конвенция о мирном разрешении международных споров, подписанная в Гааге 29 июля 1899 г.

29 июля 1899 г. Германия, Греция, Сербия и двадцать пять других стран подписали эту Конвенцию. Германия ратифицировала ее 4 сентября 1900 г., Сербия—11 мая 1901 г., Греция—4 апреля 1901 г. Мне кажется достаточным зачитать лишь первые две статьи этой Конвенции.

Статья 1: «С целью избежать, поскольку это возможно, применения силы в отношениях между государствами, подписавшие державы соглашаются сделать все, что в их силах, чтобы обеспечить мирное решение международных споров».

Статья 2: «В случае серьезных расхождений или споров договаривающиеся державы соглашаются, прежде чем прибегнуть к оружию, использовать, поскольку обстоятельства это допускают, услуги или посредничество одной или нескольких дружественных держав».

Далее в Конвенции говорится о самом механизме посредничества. Мне кажется, что нет необходимости говорить об этом подробно.

Второй договор — это Конвенция о мирном решении международных споров, подписанная в Гааге 18 октября 1907 г.

Эта Конвенция была подписана сорока четырьмя государствами. При этом предусматривалось, что Конвенция войдет в силу, если из тридцати одного государства ее подпишут двадцать восемь и три государства присоединятся к ней. Мы считаем, что она действовала в отношении США, Бельгии, Чехословакии, Дании, Франции, Германии, Люксембурга, Японии, Голландии, Норвегии, России и Польши. Согласно статье 91 эта Конвенция заменяет Конвенцию 1899 года. Ввиду того что Греция и Югославия были сторонами Конвенции 1899, но не Конвенции 1907 года, в отношении этих двух стран остается в силе первоначальная конвенция.

Я вновь намереваюсь зачитать лишь статью 1. Статья 1: «С целью избежать, поскольку это возможно, применения силы в отношениях между государствами, договаривающиеся державы соглашаются делать максимальные усилия для того, чтобы обеспечить мирное урегулирование международных споров».

Третий договор — это Гагская конвенция, касающаяся начала военных действий, подписанная в то же время. Эта Конвенция была в силе в отношении Германии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии,

Нидерландов, Люксембурга и России. Она касается порядка сообщения противнику о начале военных действий. Она, повидимому, явилась результатом русско-японской войны 1904 года, когда Япония напала на Россию без предварительного предупреждения.

Как вы заметили, в этой Конвенции не установлен никакой определенный срок между объявлением и началом военных действий, но в этой Конвенции указаны минимальные нормы международного поведения перед началом войны.

Если разрешите, я снова сошлюсь на параграф 1.

«Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения в форме обоснованного объявления войны или ультиматума, обусловленного объявлением войны».

Четвертый договор — это пятая Гагская конвенция относительно прав и обязанностей нейтральных держав и лиц в случае войны на суше, подписанная в то же время.

Германия подписала [Конвенцию, и в результате ратификации этот договор остается в силе между Германией и Норвегией, Данией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, СССР и Соединенными Штатами.

...Я продолжаю говорить о пятом договоре, о Мирном договоре между Союзными Державами, с одной стороны, и державами, сотрудничавшими с Германией, — с другой стороны, подписанном в Версале 28 июня 1919 г.

Перед тем как я коснусь отдельных, относящихся к делу частей этого договора, разрешите мне вкратце изложить общую схему договора.

Часть 1 содержит Устав Лиги наций; часть 2 — устанавливает границы Германии в Европе. Эти границы описаны подробно, но в части 2 нет положения, гарантирующего эти границы. Часть 3 (ст. ст. 31—117) содержит политические статьи для Европы. В этой части Германия гарантирует некоторые территориальные границы в Бельгии, Люксембурге, Австрии, Чехословакии, Франции, Польше, Мемеле, Данциге и т. д.

Может быть, Трибунал найдет удобным коснуться в настоящее время вопроса о связи этого договора со следующим, а именно — с договором о восстановлении дружественных отношений между Соединенными Штатами и Германией.

Части 1, 2 и 3 Версальского договора не включены в договор с США. Части 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14 и 15 слово в слово совпадают с текстом договора с США. Для Трибунала существенное значение имеет часть 5, которая содержит военные, морские и авиационные статьи. Части 7 и 13 не включены в договор с США.

Часть 1, которой должен коснуться Трибунал,—это статьи относительно Рейнской зоны. Они очень короткие и ввиду того, что они слово в слово повторяются в Локарнском договоре, их, может быть, следует огласить.

«Статья 42. Германии запрещается поддерживать или сооружать какие-либо укрепления, как на левом берегу Рейна, так и на правом его берегу, к западу от линии, проходящей в 50 километрах к востоку от Рейна.

Статья 43. В вышеуказанном районе также запрещается содержание и сосредоточение вооруженных сил как постоянно, так и временно,

проведение любых военных маневров, а также содержание всех постоянных укреплений.

Статья 44. В случае, если Германия каким-либо путем нарушит положения статей 42 и 43, она будет считаться совершившей по отношению к державам, подписавшим 'настоящий договор, враждебный акт, ставящий своей целью нарушить всеобщий мир».

Я хочу обратить внимание Трибунала на документ, который был опубликован германским правительством, а именно на меморандум от 7 марта 1936 г., в котором нацисты излагают свою версию нарушения договора.

Вот часть договора относительно Австрии:

«Германия признает и будет строго уважать независимость Австрии в пределах тех границ, которые будут установлены договором между этими государствами и основными союзными и присоединившимися к ним державами; она соглашается, что эта независимость будет нерушимой, за исключением тех случаев, когда с согласия Совета Лиги наций будут 'приняты какие-либо изменения в этой связи».

Далее следует относительно Мемеля:

«Германия отказывается в пользу основных союзных и присоединившихся к ним держав от всех прав на территории, расположенные между Балтийским морем, Северо-Восточной границей Восточной Пруссии, в соответствии с частью 2 статьи 28 (границы Германии) настоящего договора, и бывшей границей между Германией и Россией.

Германия обязуется признать решения, вынесенные основными союзными и присоединившимися к ним державами в отношении этих территорий, особенно поскольку это касается гражданства жителей».

Ввиду того что здесь не говорилось о каком-либо официальном документе относительно присоединения Мемеля к Германии, я для удобства прилагаю копию заявления по этому вопросу. Это очень короткий документ. Поэтому разрешите мне его зачитать.

«Уполномоченный по 'передаче Мемельской территории гаулейтер и обер-президент Эрих Кох 3 апреля 1939 г. во время совещания в Мемеле произвел окончательное включение бывшей Мемельской территории в национал-социалистское гау Восточной Пруссии и в восточно-пруссский административный округ Гумбинен».

Статья 100, касающаяся Данцига. Я зачитаю только первую фразу, потому что остальное касается географических границ:

«Германия отказывается в пользу основных союзных и присоединившихся к ним держав от всех прав на территорию, ограниченную следующим». Далее границы этой территории указываются на немецкой карте, приложенной к договору.

...Статья 81, касающаяся Чехословацкого государства: «Германия, в соответствии с действиями, уже предпринятыми союзными и присоединившимися к ним державами, признает полную независимость Чехословацкого государства, которое будет включать автономную территорию славян к югу от Карпат. Настоящим Германия признает границы этого государства, как они установлены союзными и присоединившимися к ним державами и другими заинтересованными государствами».

А вот «текст» соглашения между фюрером и рейхсканцлером Адольфом Гитлером и президентом Чехословацкого государства д-ром Гаха и министром иностранных дел Чехословакии д-ром Хвалковским, которое-

было подписано в присутствии фон Риббентропа, имперского министра иностранных дел.

«Фюрер и рейхсканцлер принял сегодня в Берлине по их: просьбе президента Чехословацкого государства д-ра Гаха и чехословацкого-министра иностранных дел д-ра Хвалковского в присутствии господина; фон Риббентропа, министра иностранных дел империи. На этом совещании было подвергнуто всестороннему рассмотрению серьезное положение, которое возникло на бывшей территории Чехословакии в результате событий последних недель. С обеих сторон было высказано единодушное мнение о том, что цель всех их усилий должна заключаться в том, чтобы обеспечить спокойствие, порядок и мир в этой части Центральной:

Европы. Президент Чехословацкого государства заявил, что для того, чтобы достичь этой цели и добиться окончательного умиротворения, он с уверенностью передает в руки фюрера германской империи судьбу чешского народа и страны. Фюрер приветствовал эту декларацию и высказал свое решение обеспечить чешскому народу под защитой германской империи автономное развитие его национальной жизни в соответствии с его специфическим характером».

Затем следует приказ фюрера германским вооруженным силам от того же числа. Этот приказ сводится к тому, что войска должны двинуться в Чехословакию для выполнения решения германского имперского" правительства.

Теперь я перехожу к части 5 Версальского договора. Ввиду того-что это является одним из центральных вопросов, я зачитаю введение.

Часть 5: «Военные, морские и авиационные статьи.

Для того чтобы сделать возможным установление общего ограничения вооружений всех стран, Германия обязуется строго соблюдать, военные, морские и авиационные статьи, которые заключаются в следующем: Раздел I. Военные статьи. Глава I. «Численный состав и кадры германской армии». Статья 159. «Германские вооруженные силы будут демобилизованы и сокращены, как указано ниже. Статья 160. К сроку не позже 31 марта 1920 г. германская армия не должна состоять более чем из семи дивизий кавалерии.

После этой даты общее число войск государств, составляющих Германию, не должно превышать 100 тысяч человек, включая офицеров » обслуживающий персонал складов. Армия должна использоваться исключительно для поддержания порядка внутри территории и для контроля над границами.

Общее количество офицеров, включая офицеров штабов, каков бы ни был их состав, не должно превышать 4 тысяч.

Штабы дивизий и корпусов должны быть организованы в соответствии с таблицей 1, прилагаемой к этому разделу.

Количество и состав пехотных, артиллерийских, инженерных и технических частей, указанных в вышеупомянутой таблице, представляют собой максимум, который не должен быть превышен».

Затем идет описание частей, которые имеют собственные склады в дивизии, которые находятся под командованием штабов корпусов.

Имеют некоторое значение следующие два положения.

«Содержание или создание сил в ином составе или под контролем других организаций для командования войсками или для подготовки к войне запрещается.

Центральный германский генеральный штаб и все другие аналогичные организации должны быть распущены и не должны быть восстановлены в какой-либо иной форме»,

...Теперь перехожу к шестому договору — к договору между США и Германией о восстановлении дружественных отношений. Я представляю экземпляр документа ТС-11 под номером ВВ-12. Трибунал найдет этот документ предпоследним в папке. Цель этого договора заключалась в том, чтобы официально закончить военные действия между США и Германией, и я уже объяснял Трибуналу, что этот договор включал некоторые положения Версальского договора. Я уже коснулся тех статей Версальского договора, которые дословно повторяются в этом втором договоре.

Далее я перейду к седьмому договору — договору о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, заключенному в Локарно 16 октября 1925 г.

Я говорил о Локарнском договоре. Может быть, будет целесообразным напомнить Трибуналу о договорах, которые были заключены в Локарно, потому что все они более или менее зависят друг

•от друга:

В Локарно Германия заключила пять договоров:

а) договор о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией;

б) конвенцию об арбитраже между Германией и Францией;

с) конвенцию об арбитраже между Германией и Бельгией;

д) договор об арбитраже между Германией и Польшей;

е) договор об арбитраже между Германией и Чехословакией. Статья 10 договора о взаимной гарантии предусматривала, что этот договор должен войти в силу, как только в Женеве, в архиве Лиги наций, будут получены ратификационные грамоты и как только Германия станет членом Лиги наций. Ратификационные грамоты были получены в Женеве 14 сентября 1926 г., и Германия стала членом Лиги наций.

Две конвенции об арбитраже и два договора об арбитраже, которые я назвал, предусматривают, что они войдут в силу на тех же условиях, что и договоры о взаимной гарантии. Это статья 21 конвенций об арбитраже и статья 22 договоров об арбитраже. Самое важное из пяти соглашений — это договор о взаимной гарантии. Одна из его целей — увековечить границы между Германией и Бельгией и Германией и Францией. Он не содержит какого-либо положения о денонсации договора или выхода из него и предусматривает, что он будет оставаться в силе до тех пор, пока Совет Лиги наций не решит, что Лига наций обеспечивает достаточную безопасность всем договаривающимся сторонам, чего никогда не произошло. В этом случае договор о взаимной гарантии должен потерять свою силу через год.

Общий план договора о взаимных гарантиях следующий. Статья 1 предусматривает, что стороны гарантируют границы между Германией и Францией, между Германией и Бельгией и демилитаризацию Рейнской зоны.

Статья 2 говорит о том, что Германия и Франция и Германия и

•Бельгия согласны, что они не будут нападать или вторгаться на территорию друг друга.

Статья 3 предусматривает, что Германия и Франция и Германия и Бельгия согласны решать все возникающие между ними споры мирным путем.

Первым крупным нарушением этого договора о взаимной гарантии было вступление германских войск в Рейнскую зону 7 марта 1936 г.

Обращаю внимание Трибунала на статью 5, потому что в ней упоминаются положения Версальского договора, о которых я говорил. Статья 5 гласит: «Положения статьи 3 настоящего договора подлежат гарантии Высоких Договаривающихся Сторон, как это предусмотрено следующими условиями. Если одна из сторон, упомянутая в статье 3, отказывается передать спор на мирное урегулирование или подчиниться арбитражному или судебному решению и нарушит статью 2 настоящего договора или статьи 42 и 43 Версальского договора, то должны быть применены положения статьи 4 настоящего договора».

Следующий договор—договор об арбитраже между Германией и Чехословакией. Это — один из группы Локарнских договоров. Я не намереваюсь возвращаться 'к этому документу, но мне кажется, что единственная статья, на которую следует указать,—это статья 1, которая является наиболее важной статьей и в которой говорится о порядке разрешения споров.

«Любые споры, вызывающие конфликт между Германией и Чехословакией по поводу их соответственных прав и которые не будет возможности решить дружественным путем, обычными методами дипломатии, будут передаваться на решение либо арбитражного трибунала, либо постоянной палаты международного правосудия, как установлено ниже. Стороны соглашаются, что среди споров, предъявленных таким образом, будут, в частности, те, которые указаны в статье 13 Устава Лиги наций».

Это положение не касается споров, возникающих из событий, состоявшихся до или во время подписания настоящего договора.

«Споры, порядок решения которых установлен другими соглашениями, действующими в отношении Высоких Договаривающихся Сторон, будут регулироваться в соответствии с положениями тех соглашений».

Статьи 2—21 касаются процедуры арбитража, а вторая фраза статьи 22 говорит о том, что этот договор войдет в силу и будет действовать на тех же условиях, что и договор о взаимной гарантии.

Это как будто бы все, что следует сказать об этом договоре. Девятый договор, которого я должен коснуться, — это конвенция об арбитраже между Германией и Бельгией, заключенная в Локарно 16 октября 1925 г. Это в основном касается нападения на Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

То же самое относится и к десятому договору, упомянутому в пункте 10 приложения «С» Обвинительного заключения, а именно договору, который я прошу Трибунал принять без доказательств под номером ВВ-16. Этот договор будет освещен более подробно полковником Гриффитом Джонсом, когда он будет говорить о Польше.

...Документ С-126 совершенно секретный приказ, подписанный Гитлером 31 августа 1939 г. и озаглавленный: «Директива № 1 по ведению войны».

...«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности, мирного урегулирования нетерпимого для Германии положения на восточной

границе,¹ я принял решение выйти из положения путем применения силы.

Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с «планом Вейс», с теми изменениями для армии, которые были внесены в связи с завершением расстановки сил.

Задания и оперативные цели остаются без изменений.

Начало атаки — 1 сентября 1939 г. Время атаки — 4.45 утра. *(Это вписано красным карандашом.)*

Это время также относится к операциям под Гдыней, в Данцигском заливе и у моста Даршау...»

В 9 часов вечера того же дня германское радио передало текст предложений, которые немцы якобы были готовы обсуждать с польским правительством. В передаче были пространно изложены эти предложения. Но следует помнить, что в то время ни сэр Невилль Гендерсон, ни польское правительство, ни польский посол еще не получили письменного текста этих предложений.

Кроме того, германское правительство указало, что оно готово передать английскому правительству основные пункты предложений к моменту приезда польского представителя в Берлин.

Мы знаем, как оно это сделало...

*Джонс:*¹ Рано утром 9 апреля 1940 г. нацистская Германия вторглась в Норвегию и Данию. С разрешения Трибунала, я, во-первых, хотел бы коснуться договоров, заверений и обязательств, которые были нарушены этим вторжением в Данию и Норвегию.

Во-первых, это было нарушением Гагской конвенции и пакта Келлога—Бриана.

Я намереваюсь огласить лишь статью 1 этого договора, которая гласит:

...«Договаривающиеся стороны обязуются в соответствии с настоящим договором передавать на рассмотрение арбитражной или примирительной комиссии все споры любого характера, которые могут возникнуть между Германией и Данией и которые не окажется возможным решить в течение надлежащего периода времени дипломатическим путем или передать, с согласия обеих сторон, Постоянной палате международного правосудия. Споры, для разрешения которых была установлена специальная процедура на основании конвенций, ранее подписанных договаривающимися сторонами, должны разрешаться в соответствии с предписаниями этих конвенций»...

Далее я сошлюсь на договор о ненападении между Германией и Данией, подписанный Риббентропом 31 мая 1939 г.

...«Его величество король Дании и Исландии и канцлер германской империи, полные решимости поддержать мир между Данией и Германией при всех обстоятельствах, согласились подтвердить эту решимость путем договора и назначили в качестве уполномоченных...»

Статья 1. «Королевство Дании и германская империя ни в коем случае не будут прибегать к войне или к какому-либо другому использованию силы один против другого. В случае, если вышеупомянутые действия будут предприняты третьей державой против одной из договари-

¹ Дальнейшее представление доказательств по этому разделу обвинения осуществлялось английским обвинителем Э. Джонсом. — Составители.

дающихся сторон, то другая договаривающаяся сторона не будет никаким образом поддерживать эти действия.

...Настоящий договор вступит в силу после обмена ратификационными грамотами и остается в силе в течение десяти лет после этого срока»...

Это заверение дано Дании, Норвегии и Нидерландам 28 апреля 1939 г., то есть после того, как присоединение Чехословакии потрясло уверенность во всем мире. Это, повидимому, была попытка, бесчестная попытка, как утверждает обвинение, успокоить скандинавские государства. Гитлер говорил: «Я дал связывающие обязательства большому количеству государств. Ни одно из этих государств не может утверждать, что какой-либо намек на требования, противоречащие этой декларации, был когда-либо сделан Германией. Например, никто из государственных деятелей Скандинавии не может утверждать, что германское правительство или германское общественное мнение выдвинули требования, которые не соответствовали бы суверенитету и целостности этого государства.

Я был рад, что ряд европейских государств по случаю этой декларации германского правительства высказал и подчеркнул свое желание соблюдать полный нейтралитет. Это относится к Голландии, Бельгии, Швейцарии, Дании и др...»

2 сентября 1939 г. германское правительство дало еще одно заверение. Это было через день после начала вторжения в Польшу.

Документ ТС-31, ВБ-79, памятная записка, врученная норвежскому министру иностранных дел германским посланником в Осло 2 сентября 1939 г.:

...«Германское правительство полно решимости, ввиду дружеских отношений, существующих между Норвегией и Германией, ни при каких обстоятельствах не нанести ущерба целостности и неприкосновенности Норвегии и уважать территорию норвежского государства. Делая это заявление, германское правительство, естественно, ожидает 'со своей стороны, что Норвегия будет соблюдать полный нейтралитет в отношении Германии и не потерпит нарушения норвежского нейтралитета какой-либо третьей стороной. Если позиция королевского норвежского правительства отличается от этого и такое нарушение нейтралитета третьей стороной будет осуществлено, то германское правительство тогда, очевидно, будет вынуждено обеспечить интересы империи в соответствии с требованиями возникшего в результате этого положения»...

Далее идет еще одно заверение со стороны Германии в отношении Норвегии. Оно идет под номером ТС-32. Это речь Гитлера 6 октября 1939 г. (документ ТС-32, ВБ-79).

...«Германия никогда не имела столкновений интересов или спорных вопросов с северными государствами. Она не имеет таковых и сегодня. Германия предложила пакты о ненападении как Швеции, так и Норвегии, которые отказались от этого потому, что они не считают себя под какой-либо угрозой»...

Эти договоры и заверения представляли собой дипломатический шаг, чтобы прикрыть грубую нацистскую агрессию против Дании и Норвегии. Доказательства, которые обвинение теперь представит Трибуналу, по моему мнению, установят без всякого сомнения, что эти заверения были сделаны для того, чтобы успокоить подозрение, и для

того, чтобы жертвы нацистской агрессии были не подготовлены к нападению. Мы знаем, что еще в октябре 1939 года эти заговорщики и их сообщники планировали вторжение в Норвегию и что самыми активными участниками этого заговора были подсудимые Редер и Розенберг.

Редер — потому, что он считал Норвегию важной со стратегической точки зрения, и потому, что он хотел прославить свой флот. Розенберг — в силу политических связей в Норвегии, которые он хотел развивать.

Как Трибунал вскоре узнает, подсудимый Розенберг нашел примерного агента «пятой колонны» в лице норвежца Квислинга, являвшегося олицетворением вероломства.

Что касается начальных стадий нацистского плана вторжения в Норвегию, то доказательства можно найти в письме Редера от 10 января 1944 г. адмиралу Асману, официальному историку германского флота.

...«Меморандум адмиралу Асману для его сведения и не для публикации».

На первой странице говорится о плане «Барбаросса». Но на следующей странице господина судьи найдут то, что нам сейчас надо. Здесь параграф «Б», озаглавленный «Маневр на Везере». Из последующих доказательств станет ясно, что это — наименование плана вторжения в Норвегию и Данию.

Пропускаю первую фразу. Как я уже сказал, это является письмом подсудимого Редера Асману. Оно гласит:

...«В течение недель, предшествующих докладу от 10 октября 1939 г., я вел переписку с адмиралом Карлсом. Он в подробном письме, во-первых, указал мне на значение оккупации норвежского побережья Германией. Я передал это письмо начальнику морского штаба для его сведения и подготовил некоторые записки, основанные на этом письме, для доклада фюреру, который я сделал 10 декабря 1939 г., ввиду того что мое мнение было аналогичным с мнением адмирала Карлса, в то время как начальник морского штаба имел некоторые сомнения по этому поводу. В этих записках я подчеркнул неблагоприятное положение, которое создастся, если англичане оккупируют Норвегию. Это даст им контроль над подступами к Балтике, наши фланги будут обойдены при проведении морских операций и воздушных налетов на Англию и будет сделан нажим на Швецию. Я также подчеркнул преимущества, которые мы получим в результате оккупации норвежского побережья: выход к Северной Атлантике, лишение англичан возможности установить мирный барьер, как в 1918—1919 гг. Конечно, в то время обсуждались только побережье и возможные базы; я включил Нарвик, хотя в ходе нашей переписки адмирал Карле заметил, что Нарвик следует исключить. Фюрер немедленно понял значение норвежской проблемы; он просил меня оставить у него мои записки и сказал, что сам желает рассмотреть этот вопрос»...

Я считаю, что письмо Редера показывает, что вся подготовка к нацистской кампании против Норвегии является ярким примером участия германского верховного командования в нацистском заговоре, направленном к нападению на беззащитных соседей. Это письмо показывает, что Редер сделал доклад Гитлеру 10 октября 1939 г.

...Использование нацистами предателей и стимулирование предательства как политического оружия, к сожалению, целиком оправдывается историческими фактами. Но если потребуется доказательство

этого заявления, то его можно найти в замечательном документе, который я предлагаю суду. Я ссылаюсь на документ 007-ПС, ВБ-84.

«Краткий отчет о работе иностранного бюро партии от 1933 до 1943 года... Когда 1 апреля 1933 г. было организовано иностранное бюро партии, фюрер отдал приказ о том, что это бюро не должно расширяться и принимать форму большого бюрократического аппарата и что центр тяжести его работы должен заключаться в проявлении инициативы.

Учитывая неизменное исключительно враждебное отношение Советского правительства в Москве, вновь организованное бюро уделило особое внимание условиям внутренней организации в Советском Союзе и влиянию мирового большевизма, в первую очередь на другие европейские государства. Это бюро вошло в контакт с большинством разнообразных групп, которые объединились с нацизмом для того, чтобы бороться против большевизма, концентрируя все свое внимание на народах и государствах, граничащих с Советским Союзом. С одной стороны, эти народы и государства составляют изолированное кольцо, окружающее большевистского соседа; с другой стороны, — они были фланговыми соседями германского жизненного пространства и заняли охватывающую позицию в отношении западных держав, особенно Великобритании...»

Приложение № 1 к документу под заглавием «Краткий доклад о действиях иностранного бюро нацистской партии от 1933 до 1943 гг.». Приложение озаглавлено: «Политическая подготовка военной оккупации Норвегии в военные годы 1939—1940». Этот документ гласит: «...Как было ранее упомянуто, из всех политических группировок в Скандинавии только руководимая в Норвегии бывшим военным министром и майором в запасе Квислингом заслужила серьезное политическое внимание. Это была боевая политическая группа, одержимая идеей великогерманской общности.

Само собой разумеется, все руководящие державы враждебно относились к нему и делали попытки во что бы то ни стало препятствовать его популярности среди населения. Бюро поддерживало постоянный контакт с Квислингом и внимательно следило за атаками, которые он упорно и энергично вел против среднего класса.

Сначала казалось, что нельзя было ожидать успеха «Национального собрания» без революционных событий, которые заставили бы население изменить свое прежнее отношение. Зимой 1938/39 года один член иностранного бюро частным образом посетил Квислинга.

Когда политическое положение в Европе стало особенно напряженным в 1939 году, Квислинг появился в июне в Любеке на конференции северного общества. Он высказывал свои мысли о существовавшем положении и свои мрачные предчувствия в отношении Норвегии. Он подчеркнuto привлекал внимание к важности Норвегии на скандинавской территории в геополитическом отношении и к занимаемым ею выгодным позициям, которые увеличат значение норвежского побережья в случае конфликта между великим германским рейхом и Великобританией.

Полагая, что его заявление будет представлять особый интерес для Геринга с точки зрения авиации, Квислинг был направлен иностранным отделом к государственному секретарю Корнеру. Директор отдела передал начальнику канцелярии рейха меморандум для передачи его фюреру»...

...Редер в докладе адмиралу Асману сообщил о своем сотрудничестве с Розенбергом. На странице, озаглавленной «Везерские маневры», доклад Редера гласит следующее:

«В дальнейшем меня поддерживал командир Шрейбер, морской атташе в Осло и лично начальник морского штаба вместе с организацией Розенберга. Таким образом мы вошли в контакт с Квислингом и Хагелином, которые приехали в Берлин в начале декабря и которых я привел к фюреру с одобрения рейхслейтера Розенберга».

Документ С-65, ВВ-85 — доклад Розенберга Редеру, в котором была целиком разоблачена готовность Квислинга к предательству и его потенциальная пригодность для нацистских агрессоров и в котором говорится:

...«Причины государственного переворота, о которых Квислинг делал доклад, видны из того, что стортинг, то есть норвежский парламент, как вызов по адресу конституции провел решение о продлении своих полномочий, которое должно было войти в силу 12 января.

Квислинг в качестве офицера с большим стажем и бывшего военного министра сохраняет очень тесную связь с норвежской армией. Он показал мне подлинник письма, которое он недавно получил от командующего офицера в Нарвике, полковника Сунло. В этом письме полковник Сунло откровенно подчеркивает свою мысль, что если дела будут идти так, как они шли до сих пор, то с Норвегией «все будет покончено».

Был предложен план государственного переворота, произведено распределение заданий и обеспечение их выполнения опытными нацистами, знакомыми с делами подобного рода.

Эти натренированные^ люди должны были очень быстро направиться з Норвегию, где все детали должны были подвергнуться обсуждению. Должны были быть немедленно захвачены некоторые важные центры в Осло, и в то же время германский флот вместе с соответствующим количеством германских войск начнет действовать, когда его призовет новое норвежское правительство, в определенной бухте, на подступах к Осло.

Квислинг не сомневается в том, что такой переворот, который будет успешно и быстро проведен, немедленно • будет одобрен теми кругами армии, с которыми он связан в настоящее время...»

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РИББЕНТРОПА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 1 апреля 1946 г.]*

Файф': Были вы знакомы с пактом Бриана—Келлога?

Риббентроп: Да, я его хорошо знаю.

Файф: Были ли вы согласны с мнением, высказанным во вступительной части этого пакта, о том, что нужно отказаться от войны как от орудия национальной политики?

Риббентроп: Да.

Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали, как вы это осуществляли.

Заместитель Главного обвинителя от Великобритании. — Составители.

Возьмем первый пример. Вы заявляете Трибуналу, что, насколько вам известно, никакого давления, никаких угроз в отношении Шушнига применено не было?

Риббентроп: Вы говорите о беседе с Гитлером в Оберзальцберге?

Файф: Да, 12 февраля.

Риббентроп: Я думаю, что так, как вы это говорите, это неверно.

Файф: Разве вы не помните, что вы показывали Шушнигу отпечатанный на машинке проект требований, которые предъявлялись Шушнигу?

Риббентроп: Это вполне вероятно. Гитлер сам продиктовал протокол, и возможно, что я передал именно этот протокол Шушнигу. Подробностей этого я сейчас не помню.

Файф: Какова была тема этого меморандума?

Риббентроп: Я не знаю этого, и, для того чтобы подтвердить то, что я действительно был в неведении во время этой первой беседы, я хотел бы еще сказать, что Гитлер сам решал эту австрийскую проблему, а я лишь несколько дней был на посту министра иностранных дел.

Файф: Если вы передаете кому-то меморандум, выработанный, как вы ему говорите, на историческом собрании, вы, повидимому, можете рассказать Трибуналу о содержании этого меморандума, хотя бы в общих чертах. Каковы были пункты этого меморандума?

Риббентроп: Нет, может быть, это странно, но я действительно не знаю подробностей. Встреча эта была встречей фюрера с Шушнигом, и все то, что там было достигнуто и сделано, либо было продиктовано самим фюрером, либо было предложено не нами, а другой стороной. Я не знаю деталей. Я знаю только, что тогда речь шла прежде всего о том, чтобы добиться умиротворения в отношениях между Германией и Австрией, так как в то время в Австрии было арестовано много национал-социалистов. Поэтому отношения между этими двумя государствами обострились.

Файф: Если я напому вам, вы, может быть, восстановите это в памяти. Это были следующие три пункта: 1. Реорганизация австрийского кабинета с назначением подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности. 2. Общая политическая амнистия осужденных за преступления нацистов и 3. Провозглашение равноправия австрийских национал-социалистов и принятие их в «Отечественный фронт». Это те самые пункты, которые вы представили Шушнигу?

Риббентроп: Точно этого я сейчас не помню, но примерно это было так. Это соответствовало тому, что мне тогда было известно относительно Австрии.

Файф: Говорили ли вы Шушнигу, что Гитлер сообщил вам, что эти требования, которые вы ему предъявили, были окончательными требованиями фюрера, и что Гитлер не собирался обсуждать их?

Риббентроп: Я не помню, как это было, но вполне вероятно, что я что-либо подобное сказал Шушнигу.

Файф: Сказали ли вы ему такую фразу: «Вы должны эти требования в целом принять»?

Риббентроп: Нет, я не думаю, что я так сказал ему, и с моей стороны не было оказано никакого давления на Шушнига.

Файф: Но я хочу навести вас на следующую мысль: во время того разговора вы пытались заставить Шушнига подписать документ,

содержащий эти требования. Помните ли вы, как Шушниг, обращаясь к подсудимому Папену, сказал: «Вы мне говорили, что если я поеду в Берхтесгаден, то мне не будут предъявлены никакие требования»? А Папен начал извиняться и сказал: «Это действительно так, я не знал, что вам предъявят эти требования». Вы этого не помните?

Риббентроп: Этого я не помню.

Файф: Вы помните, что Шушнига снова вызвали к Гитлеру, а Гвидо Шмидт тогда остался с вами, и вы стали вносить некоторые изменения в представленный вами документ?

Риббентроп: Да, возможно, что мы вносили некоторые изменения, но я не помню сейчас подробностей.

Файф: Слышали ли вы о том, что во время этого разговора с Гитлером Гитлер сказал Шушнигу, что он должен дать свое согласие на эти требования в течение трех дней?

Риббентроп: Этого я не знал.

Файф: Вы уверены в том, что не слышали, как Гитлер сказал Шушнигу, что он должен дать свое согласие в течение трех дней, иначе Гитлер даст распоряжение о вступлении войск в Австрию?

Риббентроп: Я считаю, что такая возможность совершенно исключена.

Файф: Если он действительно так сказал, то вы должны согласиться с тем, что это было бы самым сильным военным и политическим нажимом. Более сильного нажима, чем угроза вступить в Австрию, и не могло быть, не правда ли?

Риббентроп: Учитывая то, что отношения между этими двумя странами были крайне напряженными, это, конечно, было давлением.

Файф: Вернемся к той встрече, о которой я вам снова напоминаю и которая имела место 12 февраля. Разве вы не знаете, что Шушниг сказал: «Я всего только канцлер. Я должен обратиться к президенту Микласу, а я сам могу только подписать протокол в зависимости от решения президента Микласа».

Риббентроп: Нет, этого я сейчас не помню.

Файф: Разве вы не помните, как Гитлер открыл дверь и позвал Кейтеля?

Риббентроп: Нет, я узнал только здесь об этом.

Файф: Вы не помните, что Кейтель был вызван к Гитлеру для беседы с ним?

Риббентроп: Я уже сказал, что я ничего не слышал об этом.

Файф: Вы знали, что Шушниг подписал этот документ на условии, что эти требования будут выполнены в течение трех дней, иначе германские войска вступят в Австрию?

Риббентроп: Нет, этого я не знал.

Файф: Посмотрите прежде всего на дневник подсудимого Иодля, запись от 13 февраля. Там сделана следующая запись:

«Вечером генерал К.»—это Кейтель—«попросил адмирала К.»—это адмирал Канарис—«и меня самого прийти на его квартиру. Он сказал нам, что в приказе фюрера говорится, что военный нажим следует продолжать видимостью военных действий до 15-го числа. Предложения об этих маскировочных маневрах намечены и переданы фюреру по телефону для утверждения».

Вы говорили, что до подсудимого Йодля дошли какие-то слухи, ходившие в Бергхофе, что эти слухи явились результатом определенного приказа Кейтеля, это так?

Риббентрон: Я вообще ничего не знаю ни о каких военных мероприятиях, так что я не могу судить о значении этой записи. Фюрер не информировал меня о каких-либо военных мероприятиях в Австрии.

Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что хотя вы были там, принимали участие в выработке документа, Гитлер ни разу не сказал вам ни слова о том, о чем он договаривался с подсудимым Кейтелем, который также там присутствовал?

Риббентрон: Да, это правильно.

Файф: Тогда посмотрите на следующую запись от 14 февраля:

«В 2 часа 40 минут было получено согласие фюрера... Канарис отправился в Мюнхен, в отдел иностранной контрразведки, и принял необходимые меры. Результат был быстрым и эффективным. В Австрии создается впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления».

Вы хотите сказать Трибуналу, что вы ничего не знали ни об этих военных мероприятиях, ни о влиянии их на Австрию?

Риббентрон: Относительно военных мероприятий я ничего не знаю, но я считаю вполне возможным, что фюрер для того, чтобы придать большее значение своим пожеланиям, отдал какие-либо распоряжения.

Файф: Именно поэтому я и говорю, что это способствовало решению вопроса, но ведь, несомненно, вы как министр иностранных дел империи, располагая всеми доступными вам как министру иностранных дел каналами информации, кое-что знали о результатах этого в Австрии, о которых Йодль говорил, что они были быстрыми и эффективными и что создалось впечатление, будто Германия ведет серьезную подготовку к войне. Вы хотите сказать Трибуналу под присягой, что вы ничего не знали о результатах этого в Австрии?

Риббентрон: Я хочу еще раз подчеркнуть, что я ничего не знал о военных мероприятиях. Перед встречей Гитлера с Шушнигом и после этой встречи я до такой степени был занят тем, что принимал дела в министерстве иностранных дел, что я вообще ознакомился с австрийской проблемой только в общих чертах.

Файф: И вы хотите, чтобы мы приняли вашу версию за истину, а не считали ее ложью, когда вы рассказываете о том, что, будучи министром иностранных дел, ничего не знали о результатах мероприятий в Австрии, предпринятых Кейтелем по приказу фюрера? Это ваш окончательный ответ?

Риббентрон: Я могу точно ответить на этот вопрос. Я слышал от фюрера, когда я несколько позже поехал в Лондон, что события в Австрии проходят примерно так, как об этом было договорено в Берхтесгадене. И это вообще первое упоминание об австрийском вопросе, которое осталось у меня в памяти. Каких-либо особых наблюдений в эти дни я не сделал. Возможно, что сегодня я не помню некоторых подробностей, так как прошло уже много лет.

Файф: Посмотрите на две следующие записи в дневнике Йодля «15 февраля. Вечером опубликовано официальное коммюнике о положительных результатах конференции в Оберзальцберге. 16 февраля. Изменения в австрийском правительстве и общая политическая амнистия»;

Вы помните, я говорил вам, что Шушниг подписал документ и что было поставлено условие о том, чтобы разрешить эти вопросы в течение трех дней. В течение трех дней действительно было созвано совещание о результатах мероприятий и было объявлено об изменениях в Австрии в соответствии с вашим письмом Шушнигу. Вы видите, что это ясно, не правда ли?

Риббентрон: Как я вам сказал, о трех днях мне ничего неизвестно, но то, что эта встреча будет иметь умиротворяющие последствия, это было совершенно ясно.

Файф: Вы называете это «умиротворением»? Вы хотите, чтобы Трибунал принял ваше утверждение, предполагая, что подсудимый Иодль говорит правду, или предполагая, что подсудимый Кейтель сказал ему, как утверждает Иодль, что эта подготовка к военным действиям должна быть реализована, что все это не представляет собой наиболее сильного политического и военного нажима, какой мог быть сделан на канцлера иностранного государства?

Риббентрон: Если рассматривать эту проблему с моей точки зрения, то это не так. Здесь речь идет о проблеме, которая при определенных условиях могла бы привести к войне в Европе, и я считал и говорил в Лондоне Галифаксу, что эта проблема должна быть разрешена и это будет лучше, чем если в Европе будет существовать такой назревший нарыв.

Файф: Я не хочу подсказывать вам. Подразумеваете ли вы под вашим последним ответом, что было лучше всего оказывать политическое и военное давление на Шушнига до тех пор, пока эта проблема не будет разрешена? Это ваша точка зрения?

Риббентрон: Если бы таким путем мог быть предотвращен конфликт, то есть война, я считаю, что этот путь был бы наилучшим.

Файф: Скажите мне, почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме в течение семи лет?

Риббентрон: Этого я не знаю. Мне кажется, что тогда Шушниг, очевидно, сделал что-либо такое, что нарушало интересы государства. Подробностей этого дела я не знаю. Но если вы говорите о тюрьме, то я должен сказать, что помню, как фюрер часто говорил и особо подчеркивал, что с Шушнигом следует обращаться особенно хорошо и вежливо и что он находится не в тюрьме, а в обыкновенном доме, что даже его жена находится вместе с ним и т. д. Больше я ничего не могу сказать.

Файф: Вы не хотите сказать «в тюрьме»? Я заменю это слово словами «Бухенвальд» и «Дахау». Он был и в Бухенвальде, и в Дахау. Вы думаете, что он наслаждался пребыванием там?

Риббентрон: О том, что Шушниг находился в одном из концентрационных лагерей, я впервые услышал здесь, — раньше я об этом не знал.

Файф: Сейчас переходим к другой теме. Я намереваюсь задать вам несколько вопросов относительно вашего участия в делах Чехословакии.

Согласитесь ли вы со мной в том, что в марте 1938 года министерство иностранных дел, то есть вы, через вашего посла в Праге взяло под свой контроль деятельность партии судетских немцев, возглавляемой

Конрадом

Генлейном?

Риббентрон: Это неправильно.

Файф: Слушайте, когда я буду зачитывать выдержки из письма к вам от вашего посла. Я хотел бы сослаться на первый абзац. «Линия

германской иностранной политики, как она проводится германской миссией, исключительно решительна в отношении политики и тактики партии судетских немцев. Мои директивы», то есть вашего посла, «должны неуклонно выполняться». Параграф 2: «Публичные выступления и пресса также должны быть согласованы со мной. Состав издательства «Цейт» должен быть усилен». Параграф 3: «Партийное руководство должно проводить свою непримиримую линию, что в конечном итоге может привести к политическим осложнениям и к принятию линии постепенного продвижения интересов судетских немцев. Я должен принимать участие в решении всех поставленных вопросов, и они также не могут разрешаться без дипломатических мероприятий с моей стороны»...

После того как мы прочли это, согласны ли вы с тем, что деятельность партии судетских немцев должна была проводиться в соответствии с вашими директивами?

Риббентроп:

Нет.

Файф: Почему?

Риббентроп: Между партией судетских немцев и многими учреждениями империи существовала связь. И это вполне естественно, так как среди судетских немцев было сильное движение, направленное к установлению более тесных связей с империей, особенно после того, как Гитлер пришел к власти. Эти устремления начали оказывать отрицательное влияние на отношения между Германией и Чехословакией. И это письмо как раз является доказательством того, что я стремился эти бесконтрольные связи между судетскими немцами и империей постепенно каким-то образом взять в свои руки.

Файф: Это не то, о чем я вас спросил. Я спрашиваю вас, как мне кажется, совершенно ясно, показывает ли это письмо, что партия судетских немцев с того времени действовала согласно вашим директивам? Вы еще отрицаете это?

Риббентроп: Да, я отрицаю это.

Файф: Если вы отрицаете то, что я вам говорю, то что же значит письмо вашего посла, который пишет министерству иностранных дел, что линия германской политики, как передает германское посольство, имеет решающее значение для политики и тактики партии судетских немцев? Что же это значит, если не то, что вы сказали, — что партия вела свою работу под вашим руководством? Что же это может быть иное, если это не так?

Риббентроп: Это как раз и означает то, что я сейчас сказал. Посольство хотело упорядочить руководство судетскими немцами так, чтобы эта их подпольная работа не вызывала бы затруднений в отношении между Германией и Чехословакией. Вот каков был смысл этих переговоров с посольством в Праге.

Файф: Давайте, посмотрим, в чем заключалась эта «разумная программа», которую вы предлагали.

На следующий день, 17 марта, Конрад Генлейн написал вам и предложил встретиться лично. Если вы посмотрите на страницу 26, вы найдете записи этой беседы, которую вы имели в министерстве иностранных дел 29 марта с Генлейном, Карлом Германом Франком и еще с двумя лицами.

Я хочу, чтобы вы посмотрели на четыре фразы.

«Имперский министр начал с того, что подчеркнул необходимость провести намечаемое совещание в полной тайне», а затем вы ссылаетесь на совещание фюрера с Конрадом Генлейном, которое имело место накануне днем.

«Очень важно предложить максимальную программу, конечной целью которой будет полная свобода для судетских немцев. Но опасно преждевременно удовлетвориться согласием чешского правительства; это, с одной стороны, создаст впечатление за границей, что найдено решение этого вопроса, и, с другой стороны, это лишь частично удовлетворяет судетских немцев»...

Если вы посмотрите на следующую фразу, то там говорится:

«Целью этих переговоров партии судетских немцев с чехословацким правительством, в конце концов, является следующее: избежать вхождения в правительство», — обратите внимание на следующие слова: «расширением и постепенной конкретизацией требований».

А затем вы вносите ясность в позицию имперского кабинета: «Имперский кабинет сам должен воздерживаться от выступлений перед правительством Праги или перед Лондоном и Парижем в качестве защитника», — обратите внимание на следующие слова: «или умиротворителя в отношении требований судетских немцев».

Политика, о которой я вам сейчас говорю, заключалась в руководстве деятельностью судетских немцев. Последние должны были избежать согласия с чехословацким правительством, избежать участия в чехословацком правительстве, а имперский кабинет, в свою очередь, должен был избегать положения, при котором он бы действовал как умиротворитель. Другими словами, благодаря вашему влиянию на судетских немцев вы предпринимали всяческие меры и делали все, что было в ваших силах, для того, чтобы никакое соглашение не было достигнуто ни в отношении этих трудностей, ни в отношении проблемы меньшинства. Разве это не так? Разве это не то, о чем вы говорили во время той беседы?

Риббентрон: Нет, это не соответствует действительности.

Файф: Дайте свое объяснение. Что же, по вашему, значили эти слова?

Риббентрон: Я пригласил Конрада Генлейна для того, чтобы сказать, что проблема судетских немцев должна назреть постепенно и без эксцессов. Требования судетских немцев уже тогда были большими. Они хотели присоединиться к империи. Это оставалось невысказанным или, в некоторых случаях, открыто высказывалось. Такое разрешение вопроса казалось мне опасным, и мне казалось, что надо это как-то взять в свои руки, ибо иначе это могло привести к войне.

Файф: Это было 29 марта, и вы говорили Трибуналу несколько минут назад о своем стремлении к миру. Вы узнали через очень короткое время о том, что нечего было рассчитывать на мероприятия мирного порядка, не правда ли? Вы помните об этом? Вы помните, когда Гитлер раскрыл вам, что он ведет военную подготовку к захвату Чехословакии той осенью?

Риббентрон: Гитлер очень мало говорил со мной о военных делах. Такого сообщения я не помню, но мне, конечно, было известно о том, что фюрер принял решение в определенные сроки решить эту проблему, и по опыту, полученному Германией в прошлом, ему было ясно, что, может

быть, придется прибегнуть к каким-либо военным мероприятиям для того, чтобы подкрепить свои требования.

Файф: Обратитесь к странице 31 вашей документальной книги. Это цитата из речи Гитлера в январе 1939 года. Он говорил: «В связи с этой нетерпимой провокацией, которая приняла еще более определенные формы в поистине позорных преследованиях и терроре в отношении наших немцев, проживающих там, я пришел к решению окончательно и радикально разрешить судетскую проблему. 28 мая я дал приказ, это был первый приказ о подготовке военных мероприятий против этого государства — то есть Чехословакии, которые должны были быть закончены ко 2 октября. Я приказал решительно и быстро завершить подготовку нашего фронта обороны на Западе».

Я хочу вам напомнить об этом, так как 28 мая состоялось совещание, и об этом есть собственное замечание Гитлера. Он сказал: «Моим непреклонным желанием является стереть Чехословакию с карты мира». Вы теперь, быть может, вспомнили об этом совещании 28 мая?

Риббентроп: Мне кажется, что здесь я видел документ, относящийся к этому совещанию, но я не припоминаю этой встречи.

Файф: Кажется, капитан Фриц Видеманн был еще адъютантом фюрера в то время; это было до его отъезда за границу. Он говорил, что вы были там. Вы отрицаете это?

Риббентроп: Я видел это, но считаю, что это ошибка Видеманна.

Файф: Итак, вы думаете, что вы там не были?

Риббентроп: Я предполагаю, что это ошибка. Я не помню этой встречи. Точно я не могу сейчас сказать. Вообще меня Гитлер не привлекал к решению военных вопросов. Но я знал, что поговаривали о том, будто фюрер в течение 1938 года принял решение, как он сам говорил, о том, чтобы отстоять права судетских немцев, и о том, что он именно с этой целью проводил военную подготовку. Это мне было известно, но в какой форме и в каком объеме это проводилось, — этого я не знаю.

Файф: Другими словами, ваша точка зрения такова: вы знали, что военные приготовления производились, но вы не знали деталей того, что нам сейчас известно под названием «Зеленого плана».

Риббентроп: Нет, подробности мне были неизвестны.

Файф: Во всяком случае, вы знали достаточно для того, чтобы обсуждать с представителями иностранных держав возможный ход развития возможной войны. Посмотрите на страницу 34 — это заметка о беседе с итальянским послом. Я не знаю, кто из ваших официальных лиц принимал участие в этой беседе, но я хочу, чтобы вы взглянули на этот документ. Это запись от руки с грифом: «Для рейхсминистра, лично»: «Аттолико затем заметил, что мы действительно безошибочно показали итальянцам наши намерения в отношении чехов».

Если вы взглянете на дату, то увидите, что это было 18 июля. Затем вы увидите, месяцем позднее, заметку, подписанную, кажется, лично вами 27 августа: «Аттолико нанес мне визит. Он получил новые письменные директивы от Муссолини с просьбой, чтобы Германия своевременно сообщила возможную дату нападения на Чехословакию. Муссолини просил о таком уведомлении, как Аттолико уверил меня, для того, чтобы иметь возможность своевременно принять необходимые меры на французской границе. Я ответил послу Аттолико, так же как это было однажды в прошлом, что я не могу назвать ему какую-либо

дату, но что, во всяком случае, Муссолини будет первым, кого информируют о любом решении».

Так что вполне ясно — не правда ли? — что вам было известно о том, что общая подготовка Германии к нападению на Чехословакию началась, но дата конкретно еще не была указана, имелось лишь общее указание Гитлера о завершении подготовки к началу октября. Таково было положение в июле и августе, не правда ли?

Риббентроп: В августе в отношениях между Германией и Чехословакией в связи с этой проблемой уже возник кризис, и было ясно, что в это время уже задумывались над тем, чем окончится этот кризис, и этот документ свидетельствует о том, что я говорил с итальянским послом, что в случае, если этот кризис перерастет в военную операцию, безусловно, об этом заранее будет сообщено Муссолини.

Файф: И Муссолини должен был быть готов продемонстрировать на французской границе свою готовность помочь в осуществлении ваших военных планов. Это так?

Риббентроп: Это написано в документе. Об этом я ничего не знаю. Может быть, это сказал Аттолико. Если здесь это записано, — значит, он это сказал.

Файф: Теперь обратитесь примерно к тому же самому времени (страницы 36—38). Это отчет о вашем совещании с венгерскими министрами Имреди и Кания, и мне хотелось бы в интересах времени, чтобы вы попытались ответить на этот общий вопрос. Пытались ли вы во время этой беседы с Имреди и Кания обеспечить готовность венгров к нападению на Чехословакию в случае, если война разразится?

Риббентроп: Я не помню точного содержания документа. Разрешите мне еще раз прочитать его. Может быть, я смогу ответить по памяти. Я не знаю точно, что написано в документе, но я помню, что тогда кризис уже начался и, вполне естественно, что ввиду возможности военного конфликта, в связи с судетской проблемой, Германия и устанавливала бы в какой-либо форме связь с пограничными государствами. Это само собой разумеется.

Файф: Но вы зашли несколько дальше установления связи с ними, не правда ли? Документ гласит в конце шестого абзаца: «Фон Риббентроп повторил, что все, стремящиеся к пересмотру данного вопроса, должны использовать удобный случай и принять в нем участие».

Риббентроп: Да, это как раз совпадает с тем, что сказал я. Я не знаю только, был ли таков ответ. Но совершенно очевидно, что в тот момент, когда я беседовал с этими господами, такая возможность конфликта была налицо. Это я помню. Совершенно очевидно также и то, что в таком случае было необходимо согласовать наши интересы. Я хотел бы упомянуть еще один момент, а именно, что Венгрия всегда самым тягостным для себя пунктом из условий мирного договора считала отторжение территорий на севере и была в них, конечно, очень заинтересована.

Файф: Вы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы предложить пересмотр вопроса? Взгляните на два последних абзаца. Они озаглавлены: «29-го числа». В вашем документе — это страница 38. Они начинаются так: «В отношении военной готовности Венгрии в случае германско-чешского столкновения Кания упомянул несколько дней назад, что его стране потребуется один-два года для того, чтобы развить соответствующим образом военную мощь Венгрии. Во время сегодняш-

него разговора Каниа внес поправку в это замечание и сказал, что военное положение Венгрии значительно улучшилось и что в отношении вооружения его страна будет готова принять участие в столкновении к 1 октября текущего года». Понятно? Я хочу сказать вам, что ваша позиция была совершенно ясна. Прежде всего вы подчинили судетских немцев своему контролю. Затем вы узнали от Гитлера, что велись военные приготовления, затем вы привлекли к этому итальянцев, затем венгров. Вы привлекли всех, кто был готов к наступлению на Чехословакию. Вот о чем я сейчас вам говорю. Я хочу, чтоб вам это было совершенно ясно.

Риббентроп: Разрешите мне ответить на этот вопрос. Я уже говорил, что партия судетских немцев не находилась под моим контролем. А в общем я стоял и стою на той точке зрения, что судетские немцы на основании провозглашенного в 1919 году права народов на самоопределение пользовались основным правом решить, к кому они хотят присоединиться. Когда Гитлер пришел к власти, это стремление присоединиться к империи стало очень сильным, и Гитлер решил разрешить эту проблему либо дипломатическим, либо иным путем. Это было совершенно ясно. Я лично принял все меры к тому, чтобы эта проблема была разрешена дипломатическим путем, но, с другой стороны, я делал все для того, чтобы создать такую ситуацию, которая позднее и привела к Мюнхену.

Файф: Вы прекрасно знали о «Зеленом плане», не правда ли? О том, что военные планы Гитлера охватывали покорение всей Чехословакии, не правда ли?

Риббентроп: Нет, этого я не знал, и что касается германо-судетской проблемы, то нужно сказать, что королевское британское правительство само заключило в Мюнхене это соглашение, и эта проблема была разрешена так, как я этого хотел с точки зрения немецкой дипломатии.

Файф: Я напоминаю вам о том, что «Зеленый план» и гитлеровские планы в этом вопросе стали известны правительству Его Величества лишь только по окончании войны, после того, как этот документ был захвачен нами в качестве трофейного материала. Но я вас спрашиваю о следующем: вы говорите, что, будучи министром иностранных дел империи, вы не знали об этих военных планах, о том, что предполагался захват всей Чехословакии? Вы это утверждаете? И вы хотите, чтобы Трибунал вам поверил?

Риббентроп: Я еще раз повторяю, что само название «План грюн (зеленый)» я прочел впервые здесь, в документах, и этого термина до сих пор я не знал. Конечно, позднее мне стало ясно, что в ходе событий после создания протектората Богемии и Моравии фюрер хотел решить эту проблему на более широкой основе.

Файф: Я хочу, чтобы вы посмотрели на последний акт подготовки, которую вы проводили, и я предлагаю назвать это явной агрессией; если вы посмотрите на страницу 45 книги, лежащей перед вами, то увидите следующее письмо министерства иностранных дел посольству в Праге:

«Пожалуйста, уведомите заместителя Кундта о требовании Конрада Генлейна немедленно связаться со словаками побудить их начать завтра выступление за свои требования автономии». Такова была дальнейшая деятельность вашего министерства? Не правда ли? Затруднить положение правительства в Праге? Вы старались, чтобы ваши друзья

побудили — употребляю ваши собственные слова — словаков начать выступление за автономию, это так? Этим занималось ваше министерство?

Риббентроп: Безусловно, эта телеграмма была послана министерством иностранных дел.

Файф: Вы понимаете, что я говорю о том, что ваше министерство сделало тогда один из своих последних шагов, так как это было в середине кризиса, 19 сентября, пытаясь ослабить чехословацкое правительство подстрекательством словаков к требованию автономии. Вы сказали, что вы лишь передавали желания Генлейна. Если вы настаиваете на такой формулировке, я не стану вас больше утруждать.

Я перехожу сейчас к тому, что произошло весной. Я задам вам один или два вопроса по этому поводу. Весной, следуя желаниям Гитлера, вы должны были добиться присоединения Богемии и Моравии к империи и заставить Словакию отделиться от Богемии и Моравии; Теперь взгляните на страницу 65 книги документов, лежащую перед вами. Это секретная зашифрованная телеграмма от министерства иностранных дел, то есть от вас, посольству в Праге.

«В отношении инструкций, переданных сегодня кодом по телефону: в случае, если вы получите какие-либо письменные сообщения от президента Гаха, пожалуйста, не предпринимайте никаких шагов и не делайте никаких, ни письменных, ни устных замечаний, а передавайте их сюда шифрованной телеграммой. Более того, я должен просить вас и других членов посольства, чтобы правительство Гаха, если оно захочет связаться с вами, не смогло вас застать в течение нескольких ближайших дней».

Почему вы были так заинтересованы в том, чтобы ваш посол не выполнял своих обычных функций и не устанавливал связи с чешским правительством?

Риббентроп: Это произошло следующим образом. Я это хорошо помню. Чехословацкий министр иностранных дел Хвалковский в один из этих дней — это, очевидно, было в тот же день — пришел к послу в Праге и заявил, что чехословацкий президент Гаха хочет иметь аудиенцию у фюрера. Я об этом сообщил фюреру, и фюрер заявил, что он согласен дать аудиенцию чехословацкому премьер-министру или президенту. Фюрер вместе с тем заявил, что он сам хочет вести эти переговоры и не хочет, чтобы кто-либо из посольства в этом принял участие. Это было основанием для указанной телеграммы, и послана она была для того, чтобы в Праге ничего не предпринимали, так как принять решение должен был фюрер. Предварительно я должен заметить, что в отношениях между нами и Прагой уже появились признаки кризиса.

Этим и следует объяснить посещение президента Гаха или, вернее, желание президента Гаха посетить фюрера.

Файф: Хорошо, теперь я хотел бы вам напомнить, что вы и фюрер делали в течение того дня. Вы это увидите, если посмотрите на страницу 66. У вас было совещание, у вас и фюрера с Мейснером и подсудимым Кейтелем, а также с Дитрихом и Кеплером, и у вас было совещание со словаками, с Тиссо. Вы помните об этом совещании?

Риббентроп: Да, я хорошо помню это совещание.

Файф: Хорошо, тогда я задам вам общий вопрос и, пожалуй, без деталей. На этом совещании Гитлер и вы говорили Словакам следующее:

«Если вы не объявите свою независимость от Праги, мы оставим

вас на милость Венгрии». В одной этой фразе содержится неплохое резюме того, что говорили Гитлер и вы на этом совещании.. Не правда ли?

Риббентроп: Это правильно только в некоторой степени.

Файф: Вы можете увидеть, как словаки стремились к независимости и что предпринимали Гитлер и вы сами, чтобы добиться ее, если вы попытаетесь найти на странице 67 следующее:

«Теперь он разрешил министру Тиссо приехать сюда...» И несколько ниже, в середине абзаца, говорится о том, что Гитлер сказал, что он не потерпит этого неустойчивого положения внутри страны и поэтому разрешил Тиссо приехать и выслушать его решение. Это был вопрос не дней, а часов. И он тогда констатировал следующее: если Словакия хочет стать независимой, он будет поддерживать эту попытку и даже гарантировать ее осуществление; он будет держать свое слово до тех пор, пока Словакия будет явно стоять за независимость. Если же она начнет колебаться или выражать нежелание порвать связь с Прагой, он оставит Словакию на волю судеб и снимет с себя ответственность за нее.

Затем он спрашивает вас, не хотели ли вы что-нибудь сказать, и вы, как указывается там, ответили;

«Министр иностранных дел империи также подчеркнул, со своей стороны, точку зрения о том, что в данном случае решение было вопросом часов, а не дней. Он показал Гитлеру донесение, которое он получил о том, что венгерские войска двигались к словацкой границе. Фюрер прочел этот доклад и упомянул о нем Тиссо».

Отрицаете ли вы, что Гитлер и вы сами оказывали сильнейшее давление, какое вы только могли, на словаков с тем, чтобы они порвали отношения с Прагой и таким образом оставили чехов одних встретить тот нажим, который должен был быть осуществлен через пару дней?

Риббентроп: Нет, это неправильно. Никакого сильного давления не было оказано.

Файф: Еще вопрос, затем я перейду к беседе с Гаха. Помните ли вы, что за два дня до того Варкель и другой австрийский национал-социалист, подсудимый Зейсс-Инкварт, и несколько немецких офицеров около 10 часов вечера в субботу 11 марта отправились на заседание кабинета в Братиславе и заявили так называемому словацкому правительству, что оно должно объявить независимость Словакии. Вы этого развее не знаете?

Риббентроп: Я не помню подробностей, однако мне кажется, что что-то в этом духе произошло, но подробностей я не помню.

Файф: Вы присутствовали во время беседы президента Гаха и Гитлера 15 марта 1939 г.?

Риббентроп: Да, я присутствовал.

• *Файф:* Помните ли вы, что во время этой беседы Гитлер сказал, что он издал приказ германским войскам вступить в Чехословакию и что в 6 часов утра германская армия вторгнется в Чехословакию вдоль всей границы?

Риббентроп: Я уже не помню точно текста этого приказа, но я знаю, что Гитлер сказал Гаха, что он займет Богемию и Моравию.

Файф: Помните ли вы, что он сказал то, о чем я вас спрашивал, что он издал приказ германским войскам вступить в Чехословакию?

Риббентроп: Да, это как раз то, что я сейчас сказал.

Файф: Помните ли вы, что подсудимый Геринг, как он сам сказал

Трибуналу, сообщил президенту Гаха, что он отдаст германским военно-воздушным силам приказ бомбить Прагу?

Риббентроп: Нет, этого я не знаю, при этом я не присутствовал.

Файф: Вы присутствовали все время при этой беседе, не правда ли?

Риббентроп: Нет, я не присутствовал, и если представитель британского обвинения даст мне возможность, то я расскажу, как обстояло дело.

Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас ответили на вопрос. Вы говорите, что вы не помните об этом. Во всяком случае, если подсудимый Геринг сам заявил, что он это сказал, согласитесь ли вы с тем, что это произошло?

Риббентроп: Если Геринг это сказал, то это действительно было так. Я только заявил, что я не присутствовал на этом совещании между президентом Гаха и рейхсмаршалом Герингом.

Файф: Помните ли вы, как Гитлер заявил, что в течение двух дней чешская армия прекратит свое существование?

Риббентроп: В деталях я не помню этого; это была очень длинная беседа.

Файф: Помните ли вы, что Гитлер заявил, что в 6 часов войска вступят в пределы страны? Ему даже было почти стыдно говорить, что на каждый чешский батальон приходится германская дивизия.

Риббентроп: Очень возможно, что нечто подобное было сказано, но деталей я не помню.

Файф: Если это действительно было сказано, тогда согласитесь ли вы со мной, что на президента Гаха оказывалось самое недопустимое давление?

Риббентроп: Несомненно, Гитлер говорил очень ясно. Но я должен сказать, что президент Гаха со своей стороны прибыл в Берлин для того, чтобы найти решение вместе с Гитлером. Он был ошеломлен тем, что должно начаться вступление войск. Я точно это помню. Но затем он заявил о своей согласии и связался со своим правительством и начальником генерального штаба для того, чтобы германским войскам не оказывалось сопротивления, а затем подписал с Гитлером и министром иностранных дел Чехословакии составленное мной соглашение.

Файф: Согласитесь ли вы со мной, что этого соглашения вы добились с помощью угрозы агрессивными действиями германской армии и военно-воздушных сил?

Риббентроп: Верно то, что фюрер сказал президенту Гаха, — что германская армия вступит в Чехословакию, и что этот документ был подписан под впечатлением этого заявления.

Файф: Не думаете ли вы, что вы можете ответить прямо хотя бы на один из моих вопросов. Я вас снова спрашиваю, согласны ли вы со мной, что этого документа добились при помощи самого недопустимого давления и под угрозой агрессии? Это простой вопрос. Согласны ли вы?

Риббентроп: В такой формулировке — нет.

Файф: Какой же еще больший нажим можно было оказать на руководителя страны, если не тот, что ваша армия должна была вступить в его страну, имея большое превосходство сил, и что ваши военно-воздушные силы должны были бомбить его столицу?

Риббентроп: Например, война. *(Смех в зале.)*

Файф: А что же это, если это не война? Вы не считаете войной такое положение, при котором армия вступает в пределы другого госу-

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РИББЕНТРОПА

дарства с соотношением сил: дивизия против батальона — и при котором военно-воздушные силы должны бомбить Прагу?

Риббентрон: Президент Гаха заявил фюреру, что он вручает судьбу своей страны в руки фюрера.

Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Мой вопрос совершенно простой, и я хочу, чтобы вы на него ответили. Вы заявили нам, что этого соглашения добились после того, как были высказаны эти угрозы?

Риббентрон: Нет, этого я не 'сказал.

Файф: Вы это сказали несколько минут назад.

Риббентрон: Нет.

Файф: Я говорю вам, что этого соглашения добились при помощи угрозы войны. Разве это не так?

Риббентрон: Я думаю, что эта угроза была несравненно меньшей, чем те угрозы, под влиянием которых Германия в течение десятка лет находилась из-за Версальского договора и его санкций.

Файф: Оставьте сравнения в стороне и ответьте теперь на мой вопрос. Вы согласны с тем, что это соглашение было достигнуто под угрозой войны?

Риббентрон: Оно было заключено под давлением, то есть под угрозой вступления войск в Прагу. Это не подлежит сомнению. Но решающим во всем этом деле было то, что фюрер объяснил президенту Гаха причины того, почему он должен это сделать и Гаха, в конце концов, заявил о своей согласии, после того как о'н связался со своим правительством и со своим генеральным штабом и узнал их точку зрения. Правда, совершенно верным является то, что фюрер решил при всех условиях разрешить этот вопрос. Причиной было то, что фюрер считал, что здесь, в оставшейся части Чехии, составляется заговор против германской империи. Итак, фюрер это сделал потому, что он думал, что он должен сделать это ради высших интересов и ради защиты Германии. Разрешите привести здесь сравнение: президент Рузвельт, например, заявил о своей сфере интересов в западном полушарии, — Англия распространила свои интересы на весь земной шар. Я думаю, что эта заинтересованность в пространстве, сама по себе проявленная фюрером в отношении Чехословакии, не является чем-то порочащим великую державу, — о методах можно говорить что угодно. Во всяком случае, верно одно, а именно то, что эти страны были заняты без пролития хотя бы одной капли крови.

Файф: Их заняли абсолютно без кровопролития, потому что вы угрожали ввести большое количество войск, бомбить Прагу, если они не согласятся. Так это или нет?

Риббентрон: Нет, не потому, что мы угрожали силой, а потому, что ранее было заключено соглашение о том, что германские войска беспрепятственно вступят в страну.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы сейчас сообщили нам ваши взгляды на один-два общих вопроса в отношении Великобритании. Верно ли то, что, когда вы направились в Лондон в качестве германского посла, вы считали, что возможности достигнуть соглашения — минимальны, что фактически в пользу взаимного понимания с Англией существует один шанс против ста.

Риббентрон: Да, шансов было мало.

Файф: Это были ваши собственные слова, не правда ли? Что шансы выражались пропорцией один на сто? Вы помните, что вы это сказали?

Риббентрон: Сто к одному? Я не помню, чтобы я так сказал, но я хотел бы кое-что добавить к этому. Я сказал Гитлеру, что шансы невелики, и я также сказал Гитлеру, что я сделаю все, чтобы добиться, несмотря ни на что, взаимопонимания между Англией и Германией.

Файф: Итак, когда вы покидали Англию, считали ли вы, что война неизбежна? Когда вы выехали из Англии... когда вы перестали быть послом, вы считали, что война неизбежна?

Риббентрон: Нет, я не думал, что война неизбежна, но я был убежден в том, что существовала возможность возникновения войны при том положении, которое имело место в Англии.

Файф: Когда вы выехали из Англии, сказали ли вы, что вы не считаете, что война неизбежна?

Риббентрон: Я не могу сказать, была ли война неизбежна или ее можно было избежать; во всяком случае, мне было ясно, что 'при таком развитии политики Англии по отношению к Германии могли иметь место военные эксцессы.

Файф: Теперь взгляните на страницу 170, второй абзац. В нем сказано следующее: «Он, германский министр иностранных дел, был больше чем скептически настроен при приезде в Лондон и считал, что шансы против соглашения были сто против одного. В Англии преобладает мнение подстрекателей войны, — сказал он, когда он, имперский министр иностранных дел, покидал Англию, — и война неизбежна». Вы сказали это послу Осима?

Риббентрон: Я не помню, сказал ли я действительно так. Но это дипломатический язык, и очень возможно, что мы тогда, исходя из общего положения, считали целесообразным говорить так с послом Японии. То, что я, может быть, сказал, с течением лет не имеет значения для того, что я сказал, когда уезжал из Лондона. Я не думаю, что это является каким-либо доказательством. Может быть, я хотел втянуть его в войну с Англией и поэтому так резко говорил.

Файф: Вы, вероятно, сказали ему неправду?

Риббентрон: Я не знаю. Я также не знаю, было ли это точно записано.

Файф: Это ваш собственный протокол совещания, имеющийся в захваченном немецком документе.

Риббентрон: Вполне возможно. Но многие вещи говорятся по дипломатическим причинам, и не каждое слово взвешивается. Во всяком случае, справедливо то, что, когда я покидал Лондон, война не казалась неизбежной, но, несомненно, я, покидая Лондон, был настроен скептически, я не знал, куда все это приведет в будущем, и это прежде всего потому, что английская военная партия была очень сильной.

Файф: Когда вы покинули Англию, не считали ли вы, что германская политика должна внешне выражаться в дружбе с Англией, а на самом деле — проводиться по линии создания коалиции, направленной против нее?

Риббентрон: Это неверно. Мне было ясно, когда я стал министром иностранных дел, что осуществление германских устремлений в Европе было очень трудным делом и что прежде всего Англия мешала

осуществлению этих желаний. В течение многих лет я, по поручению фюрера, пытался путем дружественного взаимоотношения с Англией осуществить эти планы.

Файф: Теперь я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос: говорили ли вы фюреру, что правильной политикой было внешне поддерживать дружеские отношения с Англией, а в действительности создавать коалицию против нее? Говорили вы это или нет?

Риббентрон: Нет, в такой формулировке это неверно.

Файф: Раз вы сказали «нет», взгляните на документ ТС-75, ВБ-28, а также на ваши выводы. Это внизу, параграф 5, конец страницы 3.

«Поэтому следует сделать такой вывод: внешне изображать дружбу и взаимопонимание с Англией, защищая интересы наших друзей, а более тайно, но неуклонно создавать коалицию против Англии, то есть на практике укреплять нашу дружбу с Италией и Японией, а также перетянуть на свою сторону страны, чьи интересы или косвенно совпадают с нашими, — по дипломатической линии осуществлять сотрудничество трех великих держав для достижения этой цели».

И последняя фраза: «Независимо от того, какие политические шаги будут предприняты для сближения с нами, — каждый день, когда наши политические решения не основываются главным образом на мысли о том, что Англия является нашим самым опасным противником, пойдет на пользу нашим врагам». Почему же вы минуту назад сказали Трибуналу, что вы не советовали фюреру поддерживать видимые дружеские отношения с Англией, а на самом деле создавать коалицию против нее?

Риббентрон: Я вообще не знаю, что это за документ. Можно мне взглянуть на него?

Файф: Этот документ подписан вами 2 января 1938 г. Это ваш собственный отчет фюреру.

Риббентрон: Да. Это верно само по себе. Это действительно является решающим. Только таким путем мы в один прекрасный день могли прийти к соглашению с Англией или к конфликту. Ситуация в то время была совершенно ясна: Англия выступала против желания Германии произвести ревизию. Это пожелание фюрер называл мирным, и казалось возможным мне лишь с помощью сильного дипломатического давления побудить Англию к тому, чтобы дипломатическим, а не военным путем она в конце концов дала на это свое согласие. Таково было, без сомнения, положение в то время.

Файф: Я хочу знать, почему пять минут назад вы сказали Трибуналу, будто не давали Гитлеру советов, содержащихся в выдержке, которую я зачитал вам?

Риббентрон: Какой совет, простите, я не понял?

Файф: Внешне изображать взаимопонимание с Англией, а втайне создавать коалицию против нее. Я два раза задавал вам этот вопрос? А вы отрицали. Я хочу знать: почему вы отрицали?

Риббентрон: Я совершенно ясно оказал, что Англия выступала против германских стремлений и что поэтому Германии, если она хотела отстаивать свои требования, ничего не оставалось, как только искать себе друзей и с помощью этих друзей побудить Англию начать дипломатические переговоры, в результате которых Англия согласилась бы на выполнение пожеланий Германии, причем все это нужно было достичь дипломатическим путем. Вот в чем заключалась моя задача.

Файф: Теперь я хочу, чтобы вы коснулись вопроса об отношениях с Польшей. Согласны ли вы с тем, что до момента заключения Мюнхенского соглашения в речах всех германских государственных деятелей очень много говорилось о любви и уважении к Польше? Вы согласны с этим?

Риббентроп: Да.

Файф: Исакова была цель того, что отражено в меморандуме министерства иностранных дел от 26 августа 1938 г.? Я вам назову номер страницы. Страница 107 вашей книги документов. Я хотел бы, чтобы вы взглянули на четвертый абзац, начинающийся со слов: «Этот метод подхода к вопросу о Чехословакии рекомендуется ввиду наших отношений с Польшей. Тот факт, что Германия переместила свои интересы с юго-восточной границы на восточную и северо-восточную границы, неизбежно заставит поляков серьезно призадуматься. После ликвидации чешского вопроса общее мнение будет таково, что наступила очередь Польши, но чем позднее мировая общественность это поймет, — тем лучше».

Это правильно отражает намерения германской внешней политики в то время?

Риббентроп: Без сомнения, нет, ибо, во-первых, я даже не знаю, о каком документе идет речь. Как кажется, этот документ был составлен каким-нибудь референтом министерства иностранных дел, где иногда писались такие теоретические работы. Поэтому я не помню, чтобы я его читал. Попал ли он ко мне, я также сейчас не помню, но возможно, что такие идеи обуревали некоторых из наших сотрудников. Это возможно.

Файф: Понятно. Итак, если вы не согласны, то взгляните на страницу 110, где вы найдете выдержку из речи Гитлера, произнесенной в «Спортпаласе» 26 сентября 1938 г. В конце этой выдержки говорится, что фюрер высказался в отношении Польши после того, как воздал должное Пилсудскому. «Мы все уверены в том, что это соглашение приведет к длительному умиротворению. Мы понимаем, что здесь речь идет о двух народах, которые должны существовать вместе, и ни один из них не должен покидать другого. Народ из 33 миллионов всегда будет стремиться найти выход к морю. Поэтому необходимо было найти путь к взаимопониманию. Этот путь найден, и он все время будет расширяться. Конечно, в этом отношении были трудности. Национальные меньшинства и национальные группы часто ссорились между собой. Но основное — это то, что оба правительства и все благоразумные и дальновидные люди этих двух стран обладают крепкой волей и решимостью улучшить свои взаимные отношения. Это действительно является более ценными усилиями для достижения мира, чем вся болтовня во дворце Лиги наций в Женеве».

Как вы думаете, это было честное высказывание?

Риббентроп: Да, думаю, что таково было личное мнение фюрера в то время.

Файф: Таким образом, в то время все вопросы об обращении с меньшинствами в Польше считались несущественными вопросами. Не так ли?

Риббентроп: Нет, они не были несущественными. Это был очень трудный пункт отношений между нами и Польшей, который постоянно

существовал, и фюрер такими высказываниями пытался преодолеть это противоречие.

Файф: Во всяком случае, вы согласитесь со мной, что речи того времени были полны похвал И дружеских высказываний по отношению к Польше?

Риббентроп: Да, мы надеялись на то, что мы сумеем удовлетворительно и разумно решить таким образом вопрос о немецком национальном меньшинстве в Польше. Это было нашей политикой, начиная с 1934 года.

Файф: И немедленно после Мюнхена вы впервые поставили вопрос о Данциге в беседе с Липским в октябре?

Риббентроп: Да, правильно, 28 октября.

Файф: А поляки дали ответ 31-го числа через Липского. Вы, вероятно, получили этот ответ днем позже. В нем содержалось предложение о двустороннем соглашении между Германией и Польшей, но указывалось, что возвращение Данцига Германии приведет к конфликту.

Я изложил вам этот вопрос в общих чертах. Я только хотел напомнить вам об общем содержании ответа. Вы помните?

Риббентроп: Насколько я помню, это было не совсем так. Фюрер поручил мне — это было как раз 28 октября — вызвать посла Липского в Берхтесгаден. Это поручение было дано, так как фюрер, повидимому, продолжая придерживаться, может быть, этой своей речи во дворце спорта, — сейчас я уже не помню точно, желал теперь выяснить отношения со всеми своими соседями. И именно как раз с Польшей. Поэтому он поручил мне, чтобы я переговорил с Липским по вопросу о Данциге и по вопросу о воссоединении с Восточной Пруссией. Я пригласил к себе посла Липского и в очень дружественной атмосфере представил ему эти положения. Посол Липский отнесся к ним очень сдержанно, сказав, что Данциг, во всяком случае, не является простой проблемой, но что он запросит об этом свое правительство. Я просил его это сделать в ближайшее время и сообщить мне об этом. Это было началом переговоров с Польшей.

Файф: Хорошо, а теперь перейдите, пожалуйста, к странице 114: там имеется запись беседы Бека с Гитлером 5 января. Я хочу обратить ваше внимание лишь на последний абзац, в котором речь идет о том, что после того, как Век сказал, что вопрос о Данциге очень сложный, «канцлер заявил в ответ на это, что для того, чтобы разрешить этот вопрос, будет необходимо найти что-то совершенно новое, новую форму, которая, с одной стороны, обеспечила бы интересы германского населения, а, с другой стороны, — польские интересы. В дополнение канцлер заявил, что министр может быть совершенно спокоен: он не будет поставлен перед свершившимся фактом в отношении Данцига, и ничего не будет сделано для того, чтобы усложнить положение польского правительства». Скажите, прочли ли вы это, а затем я задам вам вопрос.

Риббентроп: Да, я читал это.

Файф: Теперь взгляните на краткое изложение вашей беседы с Векком на следующий день. Это страница 115, в начале второго абзаца вы прочтете, что после того, как господин Век упомянул о Данциге, вы сказали: «В ответ Риббентроп вновь подчеркнул, что Германия не ищет никакого решения путем применения силы». Вот почти дословно то, что сказал Гитлер за день до этого. Вы видите это?

Риббентроп: Да.

Файф: Теперь возвратимся к странице 113. Это—распоряжения подсудимого Кейтеля, точнее, передача Кейтелем приказа фюрера о Данциге, датированного 24 ноября, изданного за шесть недель до этого. Он является дополнением к приказу от 21 октября. Там сказано:

«Помимо трех вариантов, упомянутых в инструкции от 21 октября, следует также проводить подготовку, которая дала бы возможность врасплох оккупировать немецкими войсками свободный город Данциг. Оккупирование Данцига. Подготовка будет проведена на следующей основе. Условия оккупации следующие: революционный порядок оккупации Данцига, использование политически благоприятной обстановки, но не война против Польши». Вам было известно об этих инструкциях?

Риббентроп: Нет, мне это было неизвестно. Этот приказ или что-то подобное я вижу в первый раз.

Файф: Гитлер должен был знать об этом приказе, не правда ли? Ведь это приказ фюрера?

Риббентроп: Безусловно, и я поэтому полагаю, и как раз хотел это добавить для того, чтобы представителям британского обвинения было ясно, что политика и военные дела — здесь две совершенно разные вещи. Нет сомнения в том, что фюрер, учитывая трудности, которые постоянно возникали в связи с Данцигом и коридором, отдавал какие-то военные приказы на всякий случай, и я полагаю, что здесь речь идет об одном из таких приказов. Я вижу его сегодня впервые.

Файф: Допустим, что вам было известно об этих приказах, и вы тем не менее утверждали бы 5 января, что Германия не стремится поставить поляков перед свершившимся фактом или перед решением, навязанным силой. Если бы вы знали об этом приказе, вы тем не менее, оказали бы это?

Риббентроп: Если бы я знал об этом приказе и рассматривал бы его так, как я и должен был его рассматривать, а именно как приказ генерального штаба, рассчитанный на возможные осложнения, то я бы все равно остался при своем мнении, так как я считаю, что задачей генеральных штабов является принципиальная подготовка к решению всех проблем, которые могут возникнуть. К политике это, в конце концов, не имеет никакого отношения.

Файф: К политике не имеет отношения тот факт, что имеется совершенно определенный план, предусматривающий, каким образом свободный город Данциг должен быть занят германскими войсками врасплох? Никакого отношения к политике не имеет то, что вы говорите полякам, что они не будут поставлены перед свершившимся фактом? Повидимому, так вы представляете себе, как надо вести дела? В таком случае, я оставлю этот вопрос.

Риббентроп: Нет, я должен добавить то, что я знаю, а именно то, что фюрер долгое время был озабочен, особенно в 1939 году, тем, что Польша может внезапно напасть на Данциг, так что хотя я человек и не военный, однако мне кажется естественным то, что решение таких проблем как-то подготавливается. О деталях этого приказа я, конечно, не могу судить.

Файф: Итак, когда вы узнали о том, что Гитлер решил напасть на Польшу?

Риббентроп: То, что Гитлер рассчитывал и на военные действия

в Польше, я услышал в первый раз, насколько я помню, в августе 1939 года. То, что он уже до этого, безусловно, принял некоторые подготовительные меры какого-либо рода на всякий случай, — явствует из самого этого приказа в отношении Данцига. Но об этом приказе я, собственно, не узнал ничего, и я не помню, чтобы я в то время получал какие-либо сведения военного порядка. Я помню, что я ничего не знал об этом.

Файф: Утверждаете ли вы перед Трибуналом, что вам не было известно в мае, что истинные взгляды Гитлера заключались в том, что Данциг не является основным спорным вопросом, а основной целью являлся захват жизненного пространства на Востоке...?

Риббентрон: Нет, в этом смысле я не знал об этом. Фюрер, правда, говорил иногда о жизненном пространстве, это верно, но я не знал, что он намеревается напасть на Польшу.

Файф: Хорошо, тогда взгляните на страницу 117 вашей папки. Там имеется запись совещания от 23 мая 1939 г. в новой имперской канцелярии. Она начинается: «Данциг вовсе не является предметом опора. Вопрос заключается в том, чтобы расширить наше жизненное пространство на Востоке, обеспечить наши продовольственные ресурсы и решить проблему Балтики. Продовольственные ресурсы можно получить только в таких редко населенных районах, которые настолько плодородны, что после того, как Германия использует их, их плодородие все же сильно увеличится. Другой возможности в Европе нет».

Вы хотите сказать Трибуналу, что Гитлер никогда не высказывал вам подобной точки зрения?

Риббентрон: Может быть, это покажется странным, но я хотел бы прежде всего сказать, что я, очевидно, не был на этом совещании. Это военное совещание, а фюрер всегда проводил совещания по военным вопросам отдельно от политических совещаний. Правда, иногда фюрер, в общих чертах говорил о том, что мы должны иметь жизненное пространство, но о намерении напасть на Польшу в то время, то есть в мае 1939 года, я ничего не знал, и об этом он мне ничего не говорил.

Файф: Вы хотите сказать, что Гитлер намеренно держал вас в неведении о своих истинных намерениях, о том, что Данциг не являлся предметом спора, и о том, что он в действительности желал добиться жизненного пространства. Это вы хотите сказать?

Риббентрон: Да, я полагаю, что он делал это сознательно...

Файф: Тогда взгляните еще на один, очень краткий абзац, немного дальше. Гитлер говорит: «О том, чтобы пощадить Польшу, не может быть и речи, и перед нами нет другого выбора чем при первой возможности напасть на нее. Мы не можем ожидать повторения чешских событий. Война будет. Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу».

Вы хотите сказать Трибуналу, что он вам как министру иностранных дел никогда не говорил об этом?

Риббентрон: Нет, в то время он этого не говорил. Насколько я помню, лишь значительно позже, летом 1939 года, он говорил о том, что решил разрешить эту проблему — как он сам выразился — тем или иным путем.

Файф: И вы утверждаете, что вам не было известно в мае о том, что Гитлер хотел войны?

Риббентроп: Нет, в этом я вовсе не был уверен.

Файф: Из этого документа явствует, что он хотел войны, не так ли?

Риббентроп: Этот документ, без сомнения, говорит о том, что существовало намерение напасть на Польшу...

Файф: Теперь я хочу, чтобы вы имели в виду то, что, по словам Чиано, вы сказали ему, кажется, 11 или 12 августа, я полагаю, в Зальцбурге: там были вы и Гитлер. Помните, что согласно дневнику Чиано он спросил вас: «Что вы хотите — Польский коридор или Данциг»? А вы взглянули на него и сказали: «Нет, мы этого больше не хотим. Мы хотим войны». Вы помните это?

Риббентроп: Я тогда сказал Чиано: «Фюрер решил так или иначе разрешить польскую проблему». Вот установка, которую я получил от фюрера.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на запись более поздней беседы, которую вы имели с Муссолини и Чиано немного спустя, 10 марта 1940 г., то есть примерно через девять месяцев. Взгляните на документ 2835-ПС — беседа между вами, Муссолини и Чиано 10 марта 1940 г. Она начинается следующими словами:

«Германский министр иностранных дел напомнил, что в Зальцбурге он действительно сказал графу Чиано о том, что он не думает, что Англия и Франция помогут Польше, но что тем не менее надо всегда иметь в виду возможность вмешательства западных держав. Теперь он доволен ходом событий, так как, во-первых, всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны».

Далее вы говорите, что хорошо было бы поскорее закончить с конфликтом, пока жив фюрер.

Риббентроп: Да, это было после того, как началась война, не правда ли?

Файф: Да. Я обращаю ваше внимание на следующие слова: «Он теперь доволен ходом событий, так как ему всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны», а если вы посмотрите, где он говорит «во-вторых»...

Риббентроп: Разрешите мне ответить на это?

Файф: Да, но я заявляю вам, что это совершенно очевидно показывает, что Чиано прав и что вы были очень довольны, что дело дошло до войны, так как вы считали, что это своевременно.

Риббентроп: Я не могу найти это место. Напротив, здесь также сказано, что мы всегда считались с возможностью вмешательства западных держав. Это же здесь ясно сказано.

Файф: Но я обращаю ваше внимание на вторую часть. Я не говорю о вмешательстве англичан. Я говорю: «Он был теперь доволен ходом событий», и если вы посмотрите далее, во втором абзаце говорится:

«Во-вторых, тогда, когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность, стало ясно, что отношения между державами, в конце концов, не могли разрешиться благоприятно для Германии и Италии». Перед тем как вы ответите на мой вопрос, взгляните на следующую фразу: «Это, так же как и другое, имело решающее влияние на решение фюрера разрешить польский вопрос, даже несмотря на угрозу вмешательства западных держав. Однако решающим фактором является то, что великая

держава не могла примириться с некоторыми существовавшими положениями».

Риббентрон: Это кажется мне правильным.

Файф: И такова была тогда ваша точка зрения и точка зрения, которую вы позже признали вашей, — Что вы были полны решимости разрешить польский вопрос, даже если это бы означало войну? Чиано был прав, когда сказал, что вы хотели войны. Вот что я утверждаю по поводу вас.

Риббентрон: Нет, это неверно. Я тогда сказал Чиано в Берхтесгадене, что фюрер решил разрешить эту проблему тем или иным путем. Это высказывание было нужно уже и потому, что фюрер был убежден, что, как и всегда, то, что становится известно в Риме, немедленно передается в Париж, Лондон и другие города. Поэтому он хотел, чтобы мы говорили ясно, чтобы Италия в дипломатическом отношении стояла на нашей стороне.

Файф: Вы не присутствовали на совещании фюрера со своими генералами 22 августа, но вы, наверное, неоднократно на этом процессе слышали оглашение протокола этого совещания. Вы помните, что, согласно протоколу, фюрер заявил: «Для того чтобы объяснить начало войны, я дам причину пропагандистского характера; неважно, — правдоподобна ли эта причина; победителя потом не будут спрашивать, сказал ли он правду. При развязывании войны имеет значение не право, а победа».

Вот что было оказано в Оберзальцбурге. Говорил ли вам Гитлер когда-нибудь что-либо подобное?

Риббентрон: На совещании 22 августа я не присутствовал.

Файф: Правильно ли я вас понял, что вам не было известно о контакте между Квислингом и подсудимым Розенбергом весной и летом 1939 года? Это было задолго до войны.

Риббентрон: Да. Это верно, я знал, что Розенберг имел друзей в Норвегии, и, конечно, при этом упоминался и Квислинг, но для меня эта фамилия в то время ничего не означала. По желанию фюрера я предоставил Розенбергу определенные суммы денег для его друзей в Норвегии, для газет, пропаганды и тому подобных вещей.

Файф: Насколько я понял ваши показания, вам не было известно о том, что некоторые люди Квислинга обучались в тренировочной школе в Германии в августе 1939 года, до войны?

Риббентрон: Я не помню этого. Я узнал об этом здесь, из одного документа. Но, насколько я помню, в то время я ничего не знал об этом, а если бы и знал, то не в подробностях.

Файф: Было ли вам известно, что немцы, проживающие в Норвегии, были использованы для того, чтобы расширить штат различных германских официальных органов, посольств и консульств вскоре после начала войны?

Риббентрон: Нет, сейчас я этого вообще не помню. Я в то время ничего конкретного не знал об этом, если это и было так.

Файф: В то время, в декабре 1939 года, было ли вам известно, что Квислинг два раза беседовал с Гитлером—16 и 18 декабря?

Риббентрон: Нет, этого я тоже не знал.

Файф: Вспоминаете ли вы об одном письме от Кейтеля, в котором он писал: «Военная оккупация Дании и Норвегии в течение долгого

времени готовилась по приказу фюрера верховным командованием вооруженных сил. Поэтому у верховного командования вооруженных сил было много времени для того, чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с осуществлением этой операции».

Риббентроп: Я хочу лишь коротко пояснить следующее. Я не знаю почему, но я получил это письмо также несколькими днями позднее. Первое сообщение о намерении занять Норвегию ввиду предстоявшей там высадки англичан я получил от фюрера за тридцать шесть часов до выполнения этого плана. Следовательно, это письмо где-то задержалось. Я его увидел позднее.

Файф: Тогда перейдем к вопросу о Голландии.

Вы слышали, как я и, видимо, другие, неоднократно оглашали заявление Гитлера от 22 августа 1939 г., а именно:

«Другая возможность — это нарушение голландского, бельгийского и швейцарского нейтралитета. У меня нет сомнения в том, что все эти государства, а также Скандинавия, будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран». Это сказал Гитлер 22 августа. Вас там не было, и я вновь вас спрашиваю: высказал ли он вам такое же мнение?

Риббентроп: Нет, он этого не сделал.

Файф: Но было ли вам известно, что 7 октября 1939 г. был издан приказ по армейской группе о том, что армейская группа «В» должна провести полную подготовку для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует. Вам было известно об этом приказе от 7 октября?

Риббентроп: Нет, я думаю, что я только здесь его увидел. Я ранее не знал о существовании такого приказа.

Файф: А было ли вам известно о том, что 9 октября Гитлер издал следующую директиву: «Продолжительный период ожидания может быть не только благоприятен для западных держав, Бельгии и, может быть, также для нейтралитета Голландии, но также укрепит в большой степени военную мощь наших врагов, уменьшит веру нейтральных стран в окончательную победу Германии. Следует проводить подготовку к нападению на северный фланг Западного фронта через территорию Люксембурга, Бельгию и Голландию. Это нападение должно быть совершено как можно скорее и с применением большой силы». Вам было известно, что Гитлер издал эту директиву 9 октября?

Риббентроп: Нет, я ничего не знал об этом.

Файф: Таким образом, что касается вас, то как вы утверждаете здесь, на суде, Гитлер делал многочисленные заверения в августе и октябре, не сообщив своему министру иностранных дел о том, что 7 и 9 октября он отдал директиву о нападении на Голландию и Бельгию? Вы говорите, что он не сказал вам об этом приказе или директиве о нападении на Голландию? Вы уверены в этом?

Риббентроп: Да, я почти что уверен в этом, так как я бы помнил это. Я знаю одно, а именно то, что после окончания войны с Польшей поговаривали о наступлении на Запад. Но я ничего не слышал о каких-либо приказах.

Файф: Понятно. Если вы так говорите, тогда перейдем к вопросам, в отношении которых вы были немного лучше осведомлены. Помните ли

вы встречу, которую Гитлер и вы имели с Чиано в Оберзальцбурге 12 августа 1939 г.?

Риббентроп: Да, я видел здесь этот документ.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на этот документ. Это на странице 181. Я хочу, чтобы вы следили в то время, как я оглашу выдержку, которая начинается со следующего: «В общем и целом лучше будет ликвидировать псевднейтралов одного за другим. Это можно довольно легко сделать, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого, в то время как этот приканчивает одного из таких ненадежных нейтралов.

Во время посещения принца-регента Павла он, Гитлер, высказал пожелание, особенно имея в виду Италию, чтобы принц Павел каким-нибудь действием сделал ясной свою позицию в отношении оси. Он имел в виду более тесную связь с осью и то, чтобы Югославия вышла из Лиги наций. Принц Павел согласился на последнее. И недавно принц-регент посетил Лондон и стремился получить поддержку у западных держав... Произошло то же самое, что и в отношении Гафенку, который также вел себя очень понимающе, когда находился в Германии, и отрицал всякую заинтересованность в целях, преследуемых западными демократиями».

Такова была гитлеровская формулировка его политики, и, как я понимаю, вы содействовали этой политике — ликвидировать псевднейтралов одного за другим и включить Югославию в число этих нейтралов?

Риббентроп: Нет, это нельзя так понимать. Я должен по этому поводу сказать следующее: ситуация в то время была такова, что Гитлер хотел во что бы то ни стало держать Италию в повиновении. Италия всегда была • неустойчивым партнером. Поэтому фюрер в то время и говорил в такой форме для того, чтобы сказать Италии, что в случае, если с Югославией возникнут трудности, он окажет Италии помощь. Это можно понять, только учитывая создавшееся положение, а положение было таково. Германия с помощью Италии уже добила некоторых изменений в Европе мирным путем. Это касается Данцига и Коридора, причем Муссолини помогал Гитлеру. Я помню, какова была ситуация.

Файф: Вы отрицаете, что такова была ваша политика — ликвидировать неустойчивых нейтралов?

Риббентроп: Нет, дело обстояло иначе, это нельзя понимать дословно. В дипломатических разговорах часто называют вещи не своими именами.

Файф: Такова была постоянная точка зрения Муссолини, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентроп: Этого я не знаю.

Файф: Взгляните на документ ПС-2818—это дополнительный секретный протокол к союзному договору о дружбе между Германией и Италией, заключенному 22 мая 1939 г. Здесь имеются некоторые комментарии Муссолини от 30 мая 1939 г. Вы видите?

Риббентроп: Да, я нашел их.

Файф: В параграфе 1 говорится: «Война между плутократическими и поэтому консервативными и эгоистичными нациями и густонаселенными и бедными нациями — неминуема. Нужно быть готовым к такому положению». В седьмом абзаце: «Муссолини надеется, что войну можно отложить, но он говорит о том, что должно произойти, если наступит

война. Он говорит, что война, которую подготавливают великие демократические державы,—это война на истощение. Поэтому нужно строить план, исходя из наилучших возможностей. Страны оси ничего не получают от остальной части мира. В этом предположении речь идет о трудной ситуации, но стратегическая позиция, достигнутая державами оси, в значительной мере уменьшает трудности и угрозу войны на истощение. С этой целью в первые часы войны надо захватить весь район Дуная и Балкан. Нельзя удовлетворяться декларациями о нейтралитете, но необходимо захватить территории и использовать их для обеспечения необходимого продовольствия и военных поставок промышленности». Вы видите это?

Риббентроп: Да.

Файф: Не согласны ли вы с тем, что Муссолини считал, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентроп: Эти высказывания Муссолини я слышу здесь впервые. До сих пор они мне были неизвестны.

Файф: Теперь перейдем к замечаниям Гитлера, которые вы видели неоднократно. Вспоминаете ли вы, что после переворота Симовича, 26 марта, состоялось совещание у Гитлера, где он объявил о своей политике. «Фюрер полон решимости, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, подготовить все для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении, а также уничтожить ее как национальную единицу. Никакие дипломатические запросы не будут сделаны, ультиматумы не будут представлены. Заверения югославского правительства, которым никак нельзя верить, в будущем будут игнорироваться. Нападение начнется, как только будут готовы необходимые средства и войска».

Вы помните, что Гитлер сказал это 27 марта?

Риббентроп: Я этого не помню.

Файф: Вы помните, что смысл был таков. Я прочел его слова. Такова была политика?

Риббентроп: Нет, дело обстояло совершенно иначе.

Файф: Почему вы решили или почему Гитлер с вашей помощью решил напасть на Югославию без каких-либо дипломатических запросов и не дал возможности новому правительству дать заверения. Почему **вы** это сделали?

Риббентроп: Потому что новое правительство было образовано в первую очередь Англией, как это в ходе переговоров признал один из видных английских представителей. Поэтому, когда был проведен путч Симовича, фюреру было совершенно ясно, что за правительством Симовича стоят враги Германии и что они мобилизовали армию для того, чтобы напасть с тыла на итальянские войска. Это была не моя политика; напротив, я даже думаю, что на это совещание, о котором вы только что говорили, я был вызван позднее. Гитлер тогда совершенно ясно заявил о том, какова его позиция, и никто не возражал ему.

Файф: Вы считали правильным напасть на страну без принятия каких-либо дипломатических мер — говоря словами Гитлера, «с беспощадной жестокостью» — и уничтожить столицу налетами бомбардировочных самолетов? Вы считаете, что это правильный порядок действий? Я задаю вам простой вопрос: вы считали правильным так поступать?

Риббентроп: Я не могу ответить на этот вопрос так, как вы этого

хотите, я не могу сказать ни «да», ни «нет», не дав необходимого разъяснения.

Файф: Тогда не стоит отвечать. Если вы не можете ответить «да» или «нет», тогда лучше совсем не отвечайте. Теперь перейдем к следующему пункту — к вопросу о России.

Вам известно, что подсудимый Иодль говорил, что даже во время кампаний на Западе, то есть в мае—июне 1940 года, Гитлер сказал ему, что он принял основное решение принять меры против Советского Союза, «как только наше военное положение сделает это возможным». Вам это было известно?

Риббентроп: Я об этом только сейчас, в Нюрнберге, услышал.

Файф: Это документ под номером Л-172, США-34, лекция Иодля.

Известно ли вам, что 14 августа 1940 г. генерал Томас был уведомлен во время беседы с Герингом о том, что фюрер желает, чтобы поставки в срок русским проводились только до весны 1941 года, что после этого «нас больше не будет интересовать полное удовлетворение требований русских». Вы знали об этом?

Риббентроп: Нет, я не знал.

Файф: А было ли вам известно, что в октябре 1940 года генерал Томас и статс-секретари Кернер, Нейман, Беккер и генерал фон Ханнекен были уведомлены Герингом о действиях, намечавшихся на Востоке?

Вы знали об этом?

Риббентроп: Нет, я и об этом ничего не знал.

Файф: Даже 18 декабря, когда Гитлер издал директиву № 21 о плане «Барбаросса», он вам тоже ничего не сказал?

Риббентроп: Да, именно в декабре, как я случайно сейчас припомнил, я еще раз долго беседовал с фюрером, для того чтобы убедить его в том, что следует включить в пакт трех держав Советский Союз как союзника и сделать из пакта трех держав пакт четырех держав. Гитлер не совсем был согласен с этим, и я это заметил, но он сказал мне: «Мы вместе создали пакт, может быть, мы сделаем и это». Это были его слова.

Файф: Вы понимаете, что вы говорите? Вы говорите, что после того, как подсудимый Геринг сообщил об этом генералу Томасу и статс-секретарям, после того, как была издана директива «Барбаросса», Гитлер позволил вам попробовать втянуть Советский Союз в пакт трех держав, даже не сказав вам, что у него уже были приказы о нападении на Советский Союз? Неужели вы думаете, что кто-нибудь вам поверит?

Риббентроп: Да, это было именно так. Я еще раз сделал ему это предложение в декабре и получил разрешение вести дальнейшие переговоры. Я ничего не знал в декабре об агрессивной войне против России.

Файф: Что касается вашего министерства, то было совершенно очевидно, что вы получали самые благожелательные отчеты о Советском Союзе и о том — что было маловероятно, — что Советский Союз предпринимал какие-то действия политического характера, направленные против Германии. Правильно ли это, если судить по сообщениям от вашего собственного посла и от ваших людей из России?

Риббентроп: Сообщения такого рода поступали из посольства из Москвы; я их неоднократно, вернее говоря, всегда представлял фюреру, но фюрер считал, что дипломаты и военные атташе в Москве — вообще хуже всех информированные люди. Таков был его ответ...

Файф: Во всяком случае, весной 1941 года ваше министерство присоединилось к подготовке к нападению на Советский Союз, не так ли?

Риббентроп: Я не знаю точно, когда это было, но весной положение очень обострилось и, очевидно, имели место совещания, на которых обсуждался вопрос о возможности конфликта с Советским Союзом, но подробно я этого сейчас не помню.

Файф: Но ведь правильно то, что в апреле 1941 года вы сотрудничали с ведомством Розенберга в подготовке к захвату восточных территорий и что 18 мая вы издали меморандум относительно подготовки к морской кампании?

Риббентроп: Что касается подготовки с Розенбергом, то это ошибка. Насколько я помню, я не говорил в то время с Розенбергом на эту тему, я говорил с ним об этом уже после того, как началась война.

Что же касается этого меморандума ВМФ, то я могу сказать, что увидел этот документ только здесь, — до сего времени я не знал о существовании этого документа. Мне кажется, что это экспертное заключение по вопросам, связанным с международным правом, то есть по вопросам, которые могли бы возникнуть в связи с военными действиями в Балтийском море. Такое экспертное заключение, несомненно, было представлено.

Файф: Здесь сказано: «Министерство иностранных дел подготовило к использованию при проведении плана «Барбаросса» прилагаемый проект относительно зоны операций». Об этом вы что-нибудь помните?

Риббентроп: Нет, я думаю, что я и тогда не получил этого проекта. Решение принималось другой инстанцией. Конечно, я ответственен за все то, что происходило в моем министерстве.

Файф: А посол Риттер не осуществлял ли связь между вашим ведомством и германскими вооруженными силами?

Риббентроп: Да, это правильно.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы также помогли мне разобраться в некоторых других вопросах. Вы сказали нам, что вели переговоры относительно антикоминтерновского пакта в 1936 году. И, конечно, в то время — кажется вы сами это сказали — антикоминтерновский пакт был направлен против Советского Союза. Так это?

Риббентроп: Да. Это был, конечно, пакт, построенный на противоположном мировоззрении и содержащий в себе некоторые политические моменты. Это правильно.

Файф: Он был расширен трехсторонним пактом 27 сентября 1940 г. Этот второй пакт был продолжением первого?

Риббентроп: Этот второй пакт сам по себе не имел никакого отношения к первому пакту. Этот второй пакт был чисто политическим и военно-экономическим союзом.

Файф: Это факт, что вы настаивали на том, чтобы Япония вступила в войну через довольно короткий срок, еще в марте 1941 года, не правда ли?

Риббентроп: Да. Это, очевидно, правильно.

Файф: Я остановлюсь на этом вопросе очень коротко, так как вы сказали, что воевали с Англией и поэтому имели право считать Японию союзником. Вы так считали, не правда ли?

Риббентроп: Я думаю, что я сделал то же самое, что пытались сделать, и другие дипломаты. .

Файф: Но вы довольно скоро поняли, что если Япония вступит в войну, то будет возможно, что вскоре после этого Соединенные Штаты также можно будет включить в войну? И в апреле 1941 года вы договорились о том, что, если вступление Японии в войну приведет к конфликту между Японией и Соединенными Штатами, — вы готовы воевать также и с Соединенными Штатами. Не так ли?

Риббентроп: Нет, это неверно. Напротив, я думаю, что я делал все до самого последнего дня, до Пирл-Харбора, для того, чтобы Америка не вступала в войну.

Файф: Раз вы это сказали, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ 352 вашей книги.

Риббентроп: Да. Мне знаком этот документ. Я уже читал его здесь.

Файф: Так. Это было за неделю до событий в Пирл-Харборе, 29 ноября, и, по словам японского посла, вы сказали ему следующее: «Важно, чтобы Япония установила новый порядок в Восточной Азии, не пропустив этой возможности. Не было и, вероятно, никогда не будет такого момента, когда так важно более тесное сотрудничество держав при тройственном пакте. Если Япония будет колебаться в настоящий момент, а Германия будет продвигаться и устанавливать новый порядок в Европе, тогда вся мощь Британии и Соединенных Штатов будет направлена против Японии. Как оказал фюрер сегодня: «Между самым правом на существование Японии и Германии и Соединенных Штатов имеется существенная разница».

«Мы получили сведения о том, что фактически нет надежды на то, что переговоры между Японией и Соединенными Штатами могут закончиться успешно, так как Соединенные Штаты заняли твердую позицию. Если действительно так, и если Япония примет решение воевать с Великобританией и Соединенными Штатами, то я уверен, что это не только будет в обоюдных интересах Японии и Германии, но также приведет к благоприятным результатам для самой Японии».

Принимая во внимание этот документ и это заявление, которое вы сделали японскому послу, вы еще утверждаете, что пытались предотвратить войну с Соединенными Штатами? Я считаю, что вы делали все, чтобы подстрекать Японию к войне против Соединенных Штатов.

Риббентроп: Это неверно, и я должен возразить вам. Я не знаю этого документа и не знаю также, откуда он. Во всяком случае, я никогда не говорил так, и я сожалею о том, что все документы, которые доказывают, что я все время стремился к тому, чтобы США не вступили в войну, не были здесь еще оглашены. Я все время думал, каким образом попал сюда именно этот документ. Все остальные документы, имеющиеся здесь, а их, я думаю, дюжина или полторы, доказывают, что я все время старался добиться того, чтобы Америка не вступала в войну. И я могу доказать, что я в течение многих лет старался во всех областях ничего не предпринимать против США, несмотря на то, что они занимали непримиримую позицию. Я могу себе объяснить это только следующим образом. Очевидно, японский посол хотел, чтобы его страна что-нибудь сделала, и я знаю, что он от своего имени посылал бесчисленное множество телеграмм в Токио, для того чтобы склонить Японию к войне, в первую очередь за Сингапур, и т. д. Я могу лишь предположить, что это, может быть, является неверной интерпретацией этого разговора.

Файф: Это официальный доклад японского посла своему правительству. Вы говорите, что он ошибается, когда передает ваши точные слова о том, что вы уверены, что это не только в интересах Японии и Германии, но приведет к благоприятным результатам и для самой Японии. Если вы отрицаете этот документ, то взгляните на следующий документ, на странице 356. Это еще один доклад японского посла. В нем говорится: «Через день после нападения на Пирл-Харбор, в час дня, я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что мы желаем, чтобы Германия и Италия официально и немедленно объявили войну Соединенным Штатам.

Риббентроп ответил, что Гитлер в данное время проводит совещание в главной ставке о том, как официально осуществить объявление войны, для того чтобы создать благоприятное впечатление у германского народа, что он передаст ваше пожелание тотчас же и что он сделает все возможное для оформления всего должным образом».

Теперь посмотрите на последние слова:

«В то время Риббентроп сообщил мне, что утром 8-го числа Гитлер издал приказы по всему германскому флоту нападать на американские суда, где и когда бы они их ни встретили».

Это было за три дня до объявления войны. Вы говорите, что этот доклад японского посла тоже неправилен?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка.

Файф: Что здесь неправильно?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка. Это было после нападения на Пирл-Харбор?

Файф: Правильно. Это было после нападения на Пирл-Харбор. •

Риббентроп: Это был приказ Гитлера начать наступление на Америку, которая, как известно, уже в течение нескольких месяцев атаковала наши корабли.

Файф: Когда вы говорите о нападении на германские суда, вы имеете в виду защиту от германских подводных лодок?

Риббентроп: Нет, насколько мне известно, за несколько месяцев до Пирл-Харбора, точную дату я сейчас не помню, мы подали официальный протест США и указывали в этом протесте на то, что два судна — «Крир» и «Керне» — преследовали немецкие подводные лодки и сбрасывали на них глубинные бомбы. Мне кажется, что министр военно-морского флота Нокс на пресс-конференции открыто признал это. Я здесь вчера упомянул о том, что Гитлер в своей речи в Мюнхене сказал, что он не давал распоряжения стрелять по американским судам и нападать на них, но отдал приказ отвечать на залпы американских судов.

Файф: Я хочу у вас узнать следующее: вы одобряли политику, которая заключалась в том, чтобы за три дня до начала войны приказать всему германскому военно-морскому флоту нападать на американские суда, когда бы и где бы их ни встретили? Вы одобряли это?

Риббентроп: Я не могу сейчас высказать свою точку зрения по этому вопросу, так как я не помню этого сейчас.

Файф: Помните ли вы, что в июне 1944 года состоялось совещание, показание о котором мы слышали, — совещание по вопросу о расстреле так называемых «летчиков-террористов».

Послушайте мой вопрос и постарайтесь на него прямо ответить. Верно ли то, как это указано в докладе, что в категорию летчиков-тер-

рористов вы хотели включить летчиков, которые участвовали во всяких устрашающих налетах на германское гражданское население, то есть летчиков, которые бомбили города?

Правильно ли, что вы хотели включить летчиков, которые бомбили германские города, в категорию летчиков-террористов?

Риббентроп: Нет, это не соответствует действительности.

Файф: Тогда взгляните на страницу 391. Это доклад, подписанный генералом Варлимонтом, о совещании, состоявшемся 6 июня. Я его зачитаю.

«Обергруппенфюрер Кальтенбруннер сообщил заместителю начальника штаба в Клоссхельме днем 6-го числа о том, что незадолго до этого состоялось совещание по этому вопросу, на котором присутствовали Геринг, Риббентроп и Гиммлер. Вопреки первоначальному предложению Риббентропа, который хотел включить в эту категорию любое нападение на германское гражданское население, то есть также бомбардировку городов, — на этом совещании было решено, что лишь нападение с применением пушечно-пулеметного вооружения должно быть включено в эту категорию».

Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда говорил, что вы хотели включить в эту категорию все виды нападения?

Риббентроп: Я уже говорил об этом.

Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда он сказал на этом совещании, что вы хотели включить в эту категорию тех летчиков, которые бомбили города?

Риббентроп: Это не соответствует действительности.

Файф: Теперь ответьте на следующий вопрос. Были ли вы согласны с тем, что тех, кого вы называли «летчиками-террористами», следовало оставить населению для линчевания или передавать в СС?

Риббентроп: Нет, такого мнения я не придерживался.

Файф: Теперь взгляните на страницу 393. Это, как вам известно, меморандум министерства иностранных дел. На странице 396 говорится:

«Генерал Варлимонт сообщил, что посол Риттер передал нам по телефону о том, что министр иностранных дел одобрил этот проект». Проект касается двух мероприятий. В первом параграфе о линчевании говорится следующее: «Германские власти не несут прямой ответственности, так как смерть происходит до вмешательства германских чиновников».

Вы согласны с этой точкой зрения? Такова ваша точка зрения на линчевание летчиков?

Риббентроп: Нет, это не моя точка зрения. Это экспертное заключение министерства иностранных дел. Я не помню сейчас, почему был составлен этот документ, по моему ли приказу или по ходатайству военных лиц. Я никогда не утверждал этого экспертного заключения, как это сказано здесь.

Файф: Таким образом, принимая во внимание тот факт, что Варлимонт говорит, что посол Риттер 29 июня сообщил германским вооруженным силам о том, что вы одобрили этот проект, значит, или Варлимонт, или Риттер говорит неправду?

Риббентроп: Во всяком случае, это не соответствует действительности.

Файф: Раз вы ссылаетесь на точку зрения фюрера, тогда посмотрим,

в чем она заключалась, взгляните на документ 3780-ПС. Это запись беседы, на которой присутствовали вы, Гитлер и Осима 27 мая 1944 г.

Это страница 11. Вы помните, что в вашем присутствии Гитлер советовал Осиме, чтобы японцы вешали, а не расстреливали каждого американского летчика-террориста, и тогда американцы призадумаются прежде, чем совершать такие нападения. С этой точки зрения вы были согласны?

Риббентрон: Нет, я не был согласен с этим, и если это здесь написано, то это не моя точка зрения, не моя установка.

Файф: Теперь я хочу, чтобы вы сказали нам о своем отношении к СС. Вы на данной стадии процесса не хотите утверждать, что были лишь почетным членом СС. Ваш защитник утверждает на основании какого-то, видимо, недоразумения, что вы были лишь почетным членом СС. Это не соответствует действительности?

Риббентрон: Это не недоразумение, это действительно так и было. Я получил от Гитлера форму СС; я никогда никаких функций в организации СС не выполнял, но как посол и затем министр иностранных дел я, как это было принято, должен был получить определенный чин СС, я и получил чин фюрера СС.

Файф: Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы просили, чтобы вас приняли в СС еще до того, как вы стали чрезвычайным послом в мае 1933 года. Это правильно?

Риббентрон: Да, это мне известно, я всегда принадлежал к организации СС.

Файф: Вы только что сказали, что принадлежность к СС имела почетный характер, потому что Гитлер хотел, чтобы вы имели форму? Я вас спрашиваю: в мае 1933 года вы подали заявление о том, чтобы вас включили в ряды СС обычным путем? Не правда ли?

Риббентрон: Конечно, надо было подать заявление. Но дело обстояло так. Я несколько раз появлялся в своем огромном сером пальто, и после этого Гитлер оказал, что мне следует иметь форму. Когда это было, я сейчас не помню. Я думаю, что это было в 1933 году. Я и получил как посол соответствующий чин, а затем — как министр иностранных дел — я получил еще более высокий чин.

Файф: И в мае 1933 года, подав ходатайство, вы вступили в СС и получили не очень высокий ранг. Штандартенфюрера. Не так ли?

Риббентрон: Да, это правильно.

Файф: А оберфюрером вы стали лишь 20 апреля 1935 г., бригаденфюрером вы стали 14 июня 1935 г.; группенфюрером—13 сентября 1936 г., обергруппенфюрером—20 апреля 1940 г. До того как вы стали послом, вы состояли в СС в течение трех лет и получали повышение обычным путем, не правда ли?

Риббентрон: Да, но я никогда ничего не делал в СС и не выполнял никаких работ.

Файф: Вы просили, чтобы вас приняли в дивизию «Тотенкопф» — «Мертвая голова» СС?

Риббентрон: Нет, это неправильно.

Файф: Разве вы не помните, что получили от Гимmlера особое кольцо и кинжал дивизии «Мертвая голова»? Разве вы не помните этого?

Риббентрон: Нет, я не помню. Я никогда не принадлежал к дивизии «Мертвая голова».

Файф: Вы постоянно интересовались СС, начиная с 1933 года и во время войны, не правда ли? Кажется, ваша переписка с Гиммлером продолжалась, по крайней мере, до 1941 или до 1942 года.

Риббентрон: Да, это вполне возможно. Конечно, мы часто сталкивались с СС в самых различных областях. Это совершенно ясно.

Файф: И в особенности в области концентрационных лагерей, не правда ли? Вы хотите сказать, что вы не знали о том, что концентрационные лагеря использовались в огромных масштабах?

Риббентрон: Я ничего об этом не знал.

Файф: Обернитесь. (*Сзади свидетельского пюльта — карта.*) Это увеличение той карты, которая была представлена французским обвинением. Красные пятна — это концентрационные лагеря. Я бы хотел, чтобы вы взглянули на нее. Теперь посмотрим, какое имеет значение различное местонахождение ваших резиденций. Одна резиденция, к северу от Берлина, — Зонненбург. Вы видите, где это приблизительно находится на карте?

Риббентрон: Да, из Берлина в Зонненбург на машине надо ехать примерно час.

Файф: К северу от Берлина?

Риббентрон: Нет, к востоку от Берлина.

Файф: Возьмем другую резиденцию. Вы сами недалеко от нее находитесь. Это ваш замок в Фушле. Это недалеко от границы и очень близко от группы лагерей, которые находились вокруг Маутхаузена. Смотрите вправо, вы видите группу лагерей Маутхаузена?

Риббентрон: Я под присягой утверждаю, что я впервые услышал о лагере Маутхаузен здесь, в Нюрнберге.

Файф: Теперь возьмем еще одно поместье. Вы говорите, что не часто там бывали, но обычно...

Риббентрон: Я могу ускорить дело, заявив вам, что я вообще слышал лишь о двух, нет, о трех концентрационных лагерях до того, как попал сюда. Это — Дахау, Ораниенбург и Терезиенштадт. Все другие названия я услышал здесь впервые. Терезиенштадт был лагерем, мне кажется, приютом для престарелых евреев, и представители Красного Креста несколько раз посещали этот лагерь. Другие названия лагерей я услышал здесь впервые, и это я хочу здесь совершенно точно установить.

Файф: Знаете ли вы, что вблизи Маутхаузена было тридцать три лагеря в различных местах, в сравнительно небольшом радиусе, и приблизительно сорок пять других лагерей, названий которых сам комендант не мог привести, потому что их было слишком много? И в этих тридцати трех лагерях было более чем 100 тысяч заключенных? И вы хотите оказать Трибуналу, что в течение всех ваших поездок в Фушле вы никогда не слышали об этих лагерях в Маутхаузене, где было заключено 100 тысяч человек?

Риббентрон: Это мне совершенно неизвестно.

Файф: Вы вновь посмотрите на эту карту. Вы были ответственным министром правительства этой страны с 4 февраля 1938 г. до поражения Германии в мае 1945 года—в течение семи с четвертью лет. И вы утверждаете перед этим Трибуналом, что министр этой страны, где существовали сотни концентрационных лагерей, мог знать только о двух лагерях?

Риббентроп: Это, может быть, удивительно, но это правда.

Файф: Я говорю, что это не только удивительно, но что это столь невероятно, что это должно быть неверно. Как могли вы не знать об этих лагерях? Вы с Гиммлером никогда не встречались?

Риббентроп: Нет, я никогда не разговаривал с ним о таких вещах. Все это держалось в строгом секрете, и мы только здесь услышали, что происходило там. Ни один человек не знал ничего об этом.

Файф: В своем письменном показании под присягой один германский чиновник из лагеря Освенцим-показал, что в этом лагере было убито 4 миллиона человек. Вы хотите сказать Трибуналу, что вы об этом -ничего не знали?

Риббентроп: Мне об этом ничего не было известно.

Файф: Вы согласны с тем, что вы выступали за самое жестокое обращение с населением оккупированных стран?

Риббентроп: Я неправильно понял этот вопрос. Пожалуйста, повторите его. Я не помню, говорил ли я когда-нибудь что-либо об обращении с партизанами. Во всяком случае, я был против этого.

Файф: Тогда взгляните на документ Д-735. Это беседа между вами и Чиано в присутствии фельдмаршала Кейтеля и маршала Кавальеро в ставке фюрера после завтрака 19 декабря 1942 г. Если вы посмотрите на вторую страницу, то увидите место, где фельдмаршал Кейтель говорит итальянцу, что «район Хорватии должен быть очищен совместно действующими германскими и итальянскими войсками еще зимой, ввиду сильного английского влияния в этом районе. Фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть выжжены и что при совершении этого будут приняты жестокие меры. Фельдмаршал Кейтель после этого добавил, что все деревни, в которых будут обнаружены партизаны, должны быть сожжены. После этого министр иностранных дел заявил, что Роатта не должен покидать третьей зоны, но, наоборот, должен продвигаться, действуя в самом тесном сотрудничестве с германскими войсками. В этой связи фельдмаршал Кейтель попросил итальянца не считать использование хорватских войск в этой операции благоприятным для хорватов. Рейхсминистр иностранных дел заявил в связи с этим, что хорватский фюрер, с которым он побеседовал очень недвусмысленно, на 100 процентов готов договориться с Италией».

Такова была ваша точка зрения на то, что сербских повстанцев следовало выжечь?

Риббентроп: Я не понимаю вашего выражения «выжечь». Во всяком случае, их следовало держать под замком.

Файф: Это значит, что догла надо сжечь их деревни.

Риббентроп: Где я это говорил? Я думаю, что я этого не говорил.

Файф: Это было точкой зрения фюрера. А было это также и вашей точкой зрения?

Риббентроп: Фюрер был очень строг в подобных делах, и я знаю, что время от времени соответствующие инстанции, также и военные инстанции, должны были издавать относительно этого строгие военные приказы. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Этого не следует забывать. Это ведь была война.

Файф: Вы говорите, что это не было вашей точкой зрения? Вашей точкой зрения не было, что так следовало обращаться с партизанами? Тогда посмотрите на этот документ, если вы отрицаете, что так обра-

щались с женщинами и детьми. Это беседа с итальянским послом Альфиери 21 февраля 1943 г. В последнем абзаце говорится:

«Продолжая, министр иностранных дел Германии подчеркнул, что то, к чему привела политика Роатта в Хорватии, очень волнует фюрера. Со стороны Германии оценен тот факт, что Роатта хотел сберечь итальянскую кровь, но полагает, что он этой политикой как бы старался изгнать темные силы сатаны. Следовало уничтожить банды, включая мужчин, женщин, детей, чье существование угрожает жизням немцев и итальянцев — мужчинам, женщинам и детям».

И вы все еще утверждаете, что не хотели, чтобы с женщинами и детьми жестоко обращались?

Риббентроп: Если я это и сказал, то я сказал это, будучи, может быть, крайне взволнован.

Файф: Я покажу вам еще один документ. Это запись беседы германского министра иностранных дел со статс-секретарем Вастианини в присутствии послов фон Макензена и Альфиери 8 апреля 1943 г. в замке Клейсхейм. Взгляните на начало этого документа. Вы сказали: «Предположения германского министра иностранных дел о том, что эта забастовка была организована британскими агентами, были энергично опровергнуты Вастианини. Это были итальянские коммунисты. Имперский министр иностранных дел ответил, что в этом случае только самые безжалостные методы принесут хороший результат».

Далее говорится: «Он не хотел говорить об Италии, а предпочтительно об оккупированных территориях, где, как было доказано, мягкими методами ничего нельзя было добиться при попытке достичь соглашения. Тогда германский министр иностранных дел развил свою мысль, сравнив события в Дании и Норвегии. В Норвегии были приняты жестокие меры, которые вызвали, в особенности в Швеции, энергичные протесты. В Греции также нужно будет принять жестокие меры, если греки будут сопротивляться. Он придерживается такого мнения, что демобилизованные греческие войска должны быть немедленно вывезены из Греции и что грекам нужно показать с железной энергией, кто хозяин в стране. Жестокие меры такого рода необходимы, если ведешь войну против Сталина. Это не война джентльменов, а жестокая война на уничтожение».

Далее о Франции. После небольшого высказывания о французах вы говорите: «Возвратившись снова к вопросу о Греции, министр иностранных дел еще раз подчеркнул необходимость жестоких мер».

На третьей строчке следующего абзаца говорится: «Фюрер должен будет принять радикальные меры на оккупированных территориях, чтобы мобилизовать местные ресурсы рабочей силы для того, чтобы противодействовать потенциальной мощи американского вооружения равными силами».

Вы согласны? Это правильно отражает вашу точку зрения, что вы требовали самых строгих мер на оккупированных территориях для того, чтобы мобилизовать рабочую силу и увеличить военный потенциал Германии?

Риббентроп: Я могу сказать по поводу этого документа только следующее...

Файф: Хорошо, вы можете это сказать, но сначала ответьте на мой вопрос. Отражают ли эти взгляды вашу точку зрения?

Риббентрон: Нет, не отражают.

Файф: Почему же вы тогда это сказали?

Риббентрон: Потому, что я в то время по поручению фюрера должен был держать итальянцев в повиновении, так как во многих областях был полнейший хаос и итальянцы все время пытались изменить положение дел и, таким образом, создавали неразбериху в немецкой армии. Поэтому я должен был говорить с итальянцами очень строго. Я очень хорошо помню это. В то время велась борьба... Итальянцы объединились с четниками и частично вели борьбу против германских войск. Там царил полнейший хаос. Поэтому я должен был часто несколько строже говорить с дипломатами и, может быть, все преувеличивал.

Файф: Но ведь это не было преувеличением ни в Норвегии, ни в Греции? Вы принимали самые жестокие меры на оккупированных территориях?

Риббентрон: Это неверно. Мы в Норвегии вообще не имели права голоса, мы только пытались изменить положение дел. А в Дании мы также делали все для того, чтобы предотвратить и смягчить эти жестокие мероприятия, хотя отчасти они были и необходимыми, потому что было очень много парашютистов, и т. д. Думаю, что на основании многих документов можно доказать, что я и министерство иностранных дел делали все возможное в различных оккупированных областях, чтобы урегулировать отношения.

Фор 1: Подсудимый, в качестве министра иностранных дел вы руководили всеми дипломатическими работниками?

Риббентрон: Да.

Фор: И они руководствовались вашими инструкциями?

Риббентрон: Да.

Фор: Вчера вы заявили, что вы ответственны за действия, совершенные вашими подчиненными?

Риббентрон: Да, это так.

Фор: Можете ли вы мне сказать, Бест, полномочный представитель в Дании, также находился в вашем подчинении?

Риббентрон: Да.

Фор: Бест сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в тех случаях, когда имели место акты саботажа?

Согласно документам, которые были предъявлены Трибуналу, Бест виделся с вами 30 декабря 1943 г. и сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в случае, если в Дании будут производиться акты саботажа. Так ли это?

Риббентрон: Да. Против тех, кто участвовал в саботаже, нужно было принимать такие меры. Гитлер действительно издал такой приказ.

Фор: Разве «казнить без суда лиц, являющихся террористами или не являющихся таковыми», — это слова Беста в документе — не должно рассматриваться как призыв к убийству?

Риббентрон: Да, это так. Гитлер хотел этого. Отдельных деталей я не знаю.

Фор: Я вас не спрашиваю о деталях.

Риббентрон: Какие распоряжения последовали за этим, я не знаю. Насколько мне известно, они проходили через другие инстанции.

¹ Представитель обвинения от Франции. — Составители.

Фор: Я отмечаю, что вы были полностью в курсе этого приказа Гитлера, который был отдан в тот день относительно совершения этих убийств. Таким образом, вы считали нормальным входить в правительство, главой которого был убийца?

Риббентроп: Нет, здесь имели место обстоятельства совершенно противоположного характера. Фюрер был сам очень недоволен Бестом и приказал другой инстанции заниматься рассмотрением этого вопроса, так как Бест, так же как и я, были против.

Фор: Теперь о Дании. Здесь были осуществлены мероприятия в отношении депортации евреев из страны. Вы занимались этим?

Риббентроп: О том, что было с евреями в Дании, я ничего не знаю.

Фор: Вы об этом никогда не слышали?

Риббентроп: Я помню, что я как-то говорил с Бестом об этом. Бест сказал мне, что еврейский вопрос не имеет никакого значения в Дании. Поэтому он не хотел предпринимать ничего особенного в отношении евреев в Дании. Я согласился с ним в этом.

Фор: Я попрошу, чтобы вам дали документ 2375-ПС. Я хотел бы огласить второй абзац этого документа. Документ является письменным показанием под присягой Мильднера, который был полковником полиции в Дании.

«В качестве командующего я являлся подчиненным Беста. Будучи претив преследования евреев из-за соображений практического и морального порядка, я запросил у Беста объяснения причины проведения этих мероприятий.

Бест заявил мне, что министру иностранных дел империи, безусловно, было известно о намерении Гитлера уничтожить евреев в Европе. Он представил Гитлеру доклад по еврейскому вопросу в Дании и ходатайствовал перед Гитлером о высылке евреев из Дании.

Бест также заявил мне, что Риббентроп выразил опасение, что он не сможет нести ответственность в том случае, если евреи останутся в Дании. Таким образом, Бест сам будет вынужден проводить в жизнь меры, предложенные Риббентропом Гитлеру. О своей беседе с Бестом я могу в заключение сказать, что он поддерживал с Риббентропом непосредственный контакт лично или по телефону».

Вы прочли это, не так ли?

Риббентроп: Все, что здесь написано, — неправильно.

Фор: Хорошо. Тогда я попрошу, чтобы вам передали документ 3688-ПС. Это — нота от 24 сентября 1942 г., подписанная Люттером, который был вашим сотрудником. Я хотел бы зачитать вам два первых абзаца этого документа:

«Господин министр иностранных дел отдал мне сегодня по телефону приказ по мере возможности ускорить эвакуацию евреев из различных стран Европы в связи с тем, что повсюду евреи настроены против нас, и должны рассматриваться как ответственные за акты саботажа и за покушения.

После общего доклада по вопросу об истреблении евреев, которое производится в настоящее время в Словакии, Хорватии, Румынии и на оккупированных территориях, министр иностранных дел отдал приказ провести теперь эвакуацию евреев из Болгарии, Венгрии и Дании и в связи с этим вступить в переговоры с датским, болгарским и венгерским правительствами».

Я считаю, что этот второй документ подтверждает указания первого о вашем участии в угоне евреев из Дании. Согласны ли вы с этим?

Риббентрон: Это правильно, фюрер тогда намеревался эвакуировать евреев из Европы в Северную Африку и на Мадагаскар. Он дал мне приказ обратиться к некоторым правительствам Европы и обсудить с ними вопрос об эвакуации евреев из Европы. Он также поручил мне вести с ними переговоры об удалении евреев с военных и правительственных должностей. Такие указания действительно были даны мною министерству иностранных дел. О них было также сообщено некоторым правительствам. Речь, как известно, шла об эвакуации евреев в одну из частей Северной Африки. Это правильно.

Фор: Таким образом, вы признаете, что документ, подписанный Люттером, полностью соответствует действительности и что вы отдали приказ начать эвакуацию евреев из Дании? Ведь в письме говорится именно об этом.

Риббентрон: Нет, это неправильно. Я не знаю этого документа Люттера.

Фор: Отвечайте прямо на мои вопросы, чтобы не тратить много времени. Вы придерживаетесь мнения, что оба эти документа не соответствуют действительности?

Риббентрон: Нет, этого я не сказал. Это не так. Я сказал, что я не знаю этого документа. Правильно то, что Гитлер дал мне указание сообщить министерству иностранных дел, чтобы оно обратилось к отдельным правительствам с предложением разрешить еврейский вопрос следующим образом: удалить евреев из важных правительственных учреждений и получить согласие на эвакуацию евреев из Европы.

Фор: Германское посольство в Париже находилось в вашем подчинении, не так ли?

Риббентрон: Германское посольство в Париже — вы говорите о германском посольстве при правительстве Виши—получало, конечно, указания от меня.

Фор: Перед Трибуналом уже был оглашен документ французского обвинения 1061, в котором вы определили задачи, возлагаемые на посла Абеца. Я напомню вам, что вы поручили Абецу взять под охрану все произведения искусства — государственные или частные, как, например, те, которые принадлежали евреям, в соответствии с особыми инструкциями, которые излагаются в этом документе. Абец выполнил эту миссию, разграбив произведения искусства во Франции.

Риббентрон: Нет, это неправильно.

Фор: Тогда я попрошу, чтобы вам передали документ 3766-ПС. Я хотел бы вместе с вами ознакомиться с несколькими строками из этого документа. Это — доклад военной администрации, который был распространен в семистах экземплярах. Он озаглавлен: «Доклад по вопросу об изъятии французских произведений искусства германским посольством и штабом Розенберга во Франции». Если вы обратитесь к странице 3, то увидите, что пометка на полях представляется весьма показательной: «Германское посольство — попытка изъять картины из Лувра»

«Посол Абец, нарушая, таким образом, запрещение военного руководства, предпринял меры для того, чтобы вывезти произведения искусства из Лувра, которые были взяты на сохранение». Вы были в курсе этого?

Риббентроп: Нет, я утверждаю, что это не так и что посол Абец не изымал ни одного предмета искусства из Лувра. Я хотел бы здесь упомянуть, что однажды французское правительство хотело подарить мне одну картину Буше, которая находилась в Лувре. Эта картина была послана ко мне в Берлин, но я отослал эту картину.

Вот все то, что мне известно о тех картинах и других предметах искусства, которые находились в Лувре. Я никогда не изымал ни одной картины из Лувра, так же как и министерство иностранных дел.

Фор: Вы утверждаете, что этот доклад не соответствует действительности?

Риббентроп: У Абеца не было никаких поручений на это.

Фод: Не правильно ли то, что в октябре 1940 года Абец связался с вами, чтобы решить вопрос о положении евреев германского и австрийского происхождения, которые находились во Франции?

Риббентроп: Этого я не знаю.

Фор: Я хочу показать вам документ ЕС-265. Это — телеграмма Абеца, датированная 1 октября 1940 г. Я хочу огласить для вас только первую и последнюю фразы:

«Решение еврейского вопроса на оккупированных территориях Франции требует, помимо прочих различных мер, как можно более скорого вынесения решения в отношении евреев германского происхождения, которые жили в империи перед началом войны».

Последняя фраза:

«Предложенные меры должны рассматриваться лишь как первый шаг к решению всего этого вопроса. Я оставляю за собой право делать дальнейшие предложения. Прошу сообщить ваше согласие по телефону».

Риббентроп: Если я не ошибаюсь, в этой телеграмме речь идет о том, чтобы австрийские и немецкие евреи были бы отправлены из Франции в Германию и Австрию. Я с этой телеграммой не был знаком. Я вижу ее здесь впервые и поэтому не могу дать никаких разъяснений.

Фор: Если вы посмотрите на левую часть телеграммы, то увидите список лиц, кому она предназначалась. Всего там указано девятнадцать адресатов, среди которых есть и вы сами. Не так ли? Ваша фамилия — на втором месте.

Риббентроп: Я позволю себе заметить, что каждый день около четырехсот, пятисот, шестисот, восьмисот таких телеграмм и писем прибывало в мое бюро, но лишь два процента из этого числа представлялись мне. Во всяком случае, эта телеграмма не была мне представлена.

Фор: Помимо вопроса о евреях германского и австрийского происхождения ваши сотрудники и подчиненные в посольстве занимались также и французскими евреями. До того как я вам задам вопрос, я хотел бы огласить вам две фразы из документа, который был предъявлен Трибуналу как французский документ № 1207. Это — отчет Даннекера, который был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции. Вот что сообщает Даннекер в заключительной части отчета:

«В этом смысле я не могу говорить по этому вопросу, не упомянув о той, действительно дружественной поддержке, которая была нам оказана в нашей работе со стороны посла Абеца и его заместителя атташе Шлейера, а также со стороны штурмбаннфюрера советника посольства Цейтшеля. Я хочу уточнить, что германское посольство в Париже охотно пошло навстречу и предоставило значительную денежную сумму

для финансирования антиеврейского института и будет продолжать направлять сюда свои вклады».

Из этого документа явствует достаточно четко, что Абец, Шлейер и Цейтшель оказывали достаточную помощь.

Риббентроп: На этот вопрос я должен ответить: «Само собой разумеется». Они, конечно, занимались во Франции еврейским вопросом, это совершенно ясно. Но я могу здесь также сказать, что французское обвинение, конечно, осведомлено о том, что посол Абец получал указания от меня, но что он также действовал и по собственной инициативе. Само собой разумеется, что посольство также участвовало во всем этом в какой-то степени, за что я и беру на себя ответственность. Но я хотел бы еще раз повторить, что деятельность посла Абеца протекала вразрез с моими указаниями. Если учесть антисемитскую позицию и политику германского правительства, то станет совершенно ясно, что это отражалось на деятельности всех германских учреждений и что каждое из них в какой-то степени занималось этим вопросом. Задачей министерства иностранных дел было — действовать в духе регулирования всех возникающих трудностей, после того как в министерство поступали соответствующие документы.

Мы часто должны были проводить мероприятия в духе антисемитской политики, но мы также часто пытались решать эти вопросы в компромиссном духе. Таким образом, за проведенные во Франции мероприятия против евреев германское посольство фактически не ответственно.

Фор: Я хотел бы обратиться к другому документу № 1210, который является вторым докладом Даннекера от 22 февраля 1942 г.

Риббентроп: Я хотел бы сказать, что я не знаю, кто такой Даннекер.

Фор: Я вам оказал, что Даннекер был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции. Итак, на странице 3 этого документа имеется выдержка под заголовком: «Мероприятия», — из которой я оглашаю лишь одну фразу:

«До настоящего времени были проведены три крупных мероприятия, направленных против парижских евреев».

Если вы обратитесь к последней странице документа, предпоследний абзац, там найдете следующее: «Начиная с половины 1941 года, каждую неделю по вторникам собирались совещания, в которых принимали участие следующие отделы: 1, 2 и 3—это военное командование, 4 — германское посольство в Париже, 5 — специальный штаб рейхслейтера Розенберга.

В результате этих совещаний, учитывая, разумеется, некоторые, очень редкие исключения в отдельных случаях, была получена возможность осуществления единой политики в отношении евреев на оккупированных территориях».

Из этого документа со всей очевидностью явствует, что ваши сотрудники были согласны с политикой по еврейскому вопросу, проводимой на оккупированной территории, а эта политика заключалась в аресте евреев. Не так ли?

Риббентроп: Насколько мне известно, они выполняли те задания, которые получало германское посольство. И вполне понятно, что они включались в общую политику.

Фор: Я хочу далее представить французский документ № 1220—это письмо из германского посольства от 27 мая 1942 г., адресованное

начальнику полиции безопасности и СД во Франции. Прежде чем задать вам вопрос, я оглашаю два первых абзаца из этого письма:

«Как следствие моей беседы с гауптштурмфюрером Даннекером от 27 июня, в ходе которой последний указал, что ему необходимо в возможно более короткий срок изолировать 50 тысяч евреев из неоккупированной зоны для отправки на восток и что, с другой стороны, нужно было поддержать мероприятие Даркье де Пельпуа, генерального уполномоченного по еврейскому вопросу, я тут же об этом деле сообщил послу Абецу и советнику Рану.

Советник Ран должен после полудня встретиться с президентом Лавалем. Он (Ран) обещал мне, что тут же переговорит с ним об отправке 50 тысяч евреев, а также о предоставлении специальных полномочий Даркье де Пельпуа, в соответствии с уже изданными законами о немедленном предоставлении ему обещанного доверия».

Были ли вам известны этот демарш относительно 50 тысяч евреев?

Риббентрон: Нет, я об этом ничего не знал.

Фор: Если ваши сотрудники Абец, Ран и Шлейер предпринимали подобные шаги, не информируя вас о них, то не объясняется ли это тем, что они считали, что действуют в духе ваших общих инструкций?

Риббентрон: Они в Париже действовали весьма самостоятельно. Но я еще раз заявляю: за все то, что они сделали, я беру на себя полную ответственность.

Фор: Во время допроса вашего свидетеля Штейнграхта представитель английского обвинения предъявил документ № 3319-ПС. Я обращаюсь к этому документу в связи с таким вопросом.

В этом документе имеется протокол заседания или совещания, на котором присутствовали 'все лица, связанные с решением еврейского вопроса, находившиеся в различных дипломатических миссиях в Европе. Это совещание состоялось 3—4 апреля 1944 г. в Крумухюбеле. Это совещание было созвано Шлейером. Об этом уже говорилось здесь. Я полагаю, вы знали об этом совещании?

Риббентрон: Я об этом слышу в первый раз.

Фор: Вы показали, что вам не было известно об этом совещании, на котором присутствовал тридцать один человек, причем почти все они принадлежали к дипломатическому корпусу. Я вам указываю, что в ходе этого совещания советник посольства фон Тадден сделал заявление, которое было записано в следующей форме:

«Оратор изложил, почему нужно отказаться от решения еврейского вопроса в связи с Палестиной и от других подобных решений и почему следует осуществить депортацию евреев на восточные территории».

Я утверждаю, что это заявление, которое было сделано советником посольства перед тридцатью одним человеком, которые находились в вашем министерстве, полностью освещает ваше отношение к этому вопросу

Риббентрон: Я еще раз указываю на то, что я ничего не знаю о совещании, которое якобы состоялось по этому вопросу.

Фор: Было ли доведено до вашего сведения то, что итальянские власти во Франции оказывали поддержку евреям в связи с преследованиями их немцами?

Риббентрон: Да, я помню, что там действительно что-то такое было, но точно сейчас я сказать не могу.

Фор: Предприняли ли вы какие-либо шаги, обратившись к итальянскому правительству в связи с этим?

Риббентроп: Я помню, что я как-то раз говорил или с Муссолини, или с Чиано о том, что во Франции в последнее время имели место акты саботажа. Тогда же мы затронули еврейский вопрос.

Фор: Я прошу', чтобы вам показали документ Д-734. Эта нота озаглавлена: «Отчет о беседе между имперским министром иностранных дел и дуче в присутствии фон Макензена, Альфиери и Вастианини 25 февраля 1943 г.». Я хочу огласить второй абзац этого документа:

«Кроме того, министр иностранных дел высказался по еврейскому вопросу следующим образом: «Дуче знает, что в отношении обращения с евреями Германия заняла радикальную позицию. Это стало еще более наглядно вследствие размаха, который приняла война с Россией.

Германия вывезла с немецких территорий и с территорий, оккупированных немцами, всех евреев в резервации на Восток. Он, министр иностранных дел, знает, что эти меры рассматриваются как жестокие, а именно так они рассматриваются противником. Тем не менее их необходимо предпринимать для того, чтобы успешно вести войну».

Я оглашу теперь следующий, четвертый абзац:

«Франция также предприняла в отношении евреев исключительно полезные меры. Они носят временный характер. Окончательное решение вопроса будет заключаться в депортации евреев на Восток. Он, министр иностранных дел, знает, что в рядах итальянской армии, так же как иногда и среди немецких военных, еврейский вопрос не всегда бывает понят во всей его значимости. Только таким образом следует объяснить приказ высшего командования, в соответствии с которым меры, принятые французскими властями, побуждаемыми к этому немцами, в отношении евреев и направленные против них, не должны были проводиться в жизнь в итальянской зоне Франции.

Дуче возразил, что эти сведения не являются достоверными, и заявил, что это лишь особая тактика французов, которые стремятся вызвать разногласия между Германией и Италией».

Теперь я хочу вас спросить о следующем. Только что вы нам сказали, что вы хотели вывезти всех евреев на Мадагаскар. Что, разве Мадагаскар является резервацией на Востоке, о которой говорится в этом документе?

Риббентроп: Это был план фюрера.

Фор: Вы сказали также, что вы и с Хорти беседовали по еврейскому вопросу.

Риббентроп: Да, я должен был несколько раз говорить с венгерским правительством по этому вопросу, чтобы оно предприняло какие-либо меры против евреев. Фюрер настаивал на этом. Я часто говорил по этому вопросу с венгерским посланником. В этих беседах мы обсуждали следующее. Я предлагал ему сконцентрировать все еврейское население в одной части Будапешта, мне кажется, даже за Будапештом. Второй вопрос, который мы обсуждали, был следующий. Я просил его освободить с видных правительственных должностей евреев, поскольку последнее использование свое влияние для заключения сепаратного мира.

Фор: Здесь уже был предъявлен документ, касающийся этих переговоров, которые вы вели с Хорти. Это был 17 апреля 1943 г. Это документ Д-736.

Во время допроса вашего свидетеля Шмидта представитель английского обвинения спросил его, признает ли он, что он сам составлял этот протокол. Это было подтверждено Шмидтом. Здесь имеется следующее указание в конце первого абзаца.

«Министр иностранных дел заявил, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения быть не может».

Вы действительно это сказали?

Риббентроп: Нет, в такой форме я этого не сказал. Эти записи были сделаны посланником Шмидтом несколько дней спустя после беседы Гитлера с Хорти. У меня действительно тогда было поручение поговорить с венгерским правительством относительно разрешения еврейского вопроса. Во время посещения Хорти фюрера Гитлер начал беседу на эту тему, причем в очень откровенных тонах. После этой беседы я разговаривал с посланником Шмидтом и сказал ему, что я не совсем понял фюрера. Таким образом, я не делал тогда высказываний в такой форме. Очевидно, Хорти сказал, что не может же он убить всех евреев. Возможно, что после этого я попытался воздействовать на Хорти в том направлении, чтобы он что-нибудь сделал с будапештскими евреями, чтобы он сконцентрировал, наконец, евреев в одной части Будапешта, о чем фюрер так давно мечтал. Может быть, в этот момент и я высказал свои возражения, 'сделал какое-нибудь замечание.

Фор: Помимо еврейского вопроса, вы также занимались арестами французов, не так ли?

Риббентроп: Очень возможно, что это было именно так.

Фор: Можете ли вы дать дополнительные объяснения?

Риббентроп: Нет. Я сейчас не могу припомнить никаких деталей, но я помню, что производились аресты французов. В какой степени это исходило от нас, я не знаю. В 1944 году, незадолго до вторжения, фюрер издал приказ арестовать большое число авторитетных лиц, участников движения сопротивления. Он знал, что мы также приняли участие в этих арестах. Но сейчас я не помню более подробных деталей этих событий.

Фор: Я хочу, чтобы вам показали сейчас документ под номером 1506. Это письменные показания д-ра Кдохена. (Документ предъявляется Риббентропу.) Я оглашу вам несколько выдержек из этого документа. «В конце 1943 года,—должно быть, в декабре,—в министерстве иностранных дел состоялось совещание по вопросу о том, какие мероприятия должны быть проведены во Франции. Так 'как я находился в Берлине, мне предложили участвовать в этом совещании. На совещании присутствовали: министр иностранных дел фон Риббентроп, государственный секретарь Штейнграхт, посол Абец, другой сотрудник министерства иностранных дел, фамилию которого я забыл, начальник Зипо и СД, по-видимому, Кальтенбруннер, представитель , военного командования полковник Косман, если я правильно помню. Министр сообщил следующее:

«Фюрер указывает, что отныне Франции следует уделять более внимания: надо, чтобы силы противника не увеличивались, поэтому все германские службы должны выполнять свои задачи более эффективно».

Он 'видит, что в случае вторжения возрастает угроза со стороны французских кругов, которые не хотят сотрудничать с немцами и ведут

нелегальную борьбу с Германией. Эти круги могут представлять серьезную опасность для войск — такие опасные элементы должны быть обнаружены в сфере экономики, в научной сфере, в политической и в военной сферах, а также во всех общественных кругах, с которыми они могут поддерживать связь. Если надо приводить цифры, то можно было бы арестовать 2 тысячи человек или более. В момент, когда речь идет о защите Европы от врага, нет оснований пугаться проведения таких превентивных мер даже во Франции».

На вопрос о том, как надо действовать на практике, министр заявил, что посол Абец возьмет на себя лично эту задачу немедленно и соответственно со всеми требованиями, которые встают в связи с обстановкой».

На этом я прекращаю оглашение документа. Признаете ли вы, что он соответствует действительности?

Риббентроп: Да, я совершенно точно помню об этом документе. Это был приказ фюрера, в котором говорилось о том, что необходимо принять меры для устранения всех опасных элементов, которые могли бы оказывать сопротивление в тылу германской армии. После получения данного приказа было создано это совещание. Фюрер хотел, чтобы были произведены аресты большого числа лиц.

*Руденко*¹: Подсудимый Риббентроп, в течение последних заседаний Трибунала вы в пространной форме изложили основы внешней политики Германии. Я задам вам несколько итоговых вопросов.

Считаете ли вы захват Чехословакии германской агрессией?

Риббентроп: Нет. Я рассматриваю это, как мне об этом говорил фюрер, и я считаю, что это правильно, что это необходимость, которая проистекала из географического положения Германии.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Польшу германской агрессией?

Риббентроп: Нет. Я считаю, что нападение на Польшу было вызвано позицией других держав.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Данию германской агрессией?

Риббентроп: Нет. Нападение на Данию, как это здесь определяется, означает всего лишь вмешательство в дела Дании, и это, после того, что говорил фюрер в отношении этой меры, означает всего лишь превентивную меру по отношению к той высадке английских войск, которая готовилась в то время.

Руденко: А захват Норвегии вы также не считаете агрессией?

Риббентроп: Сейчас мы говорили о Норвегии и Дании. Это было совместное мероприятие, которое касалось и Дании, и Норвегии.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Бельгию, Голландию и Люксембург германской агрессией?

Риббентроп: Это тот же вопрос: Я должен опять ответить: «нет».

Руденко: Считаете ли вы нападение на Грецию германской агрессией?

Риббентроп: Я считаю, что нет.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Советский Союз германской агрессией?

¹ Р. А. Руденко — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Риббентроп: Нет. В буквальном смысле этого слова это не была агрессия.

Руденко: Вы говорите, что в буквальном смысле слова это не была агрессия, а в каком смысле слова это была агрессия?

Риббентроп: Разрешите мне сделать пояснение по этому вопросу. Агрессия — это очень сложное понятие. Речь идет о превентивной войне, ибо то, что мы напали, — действительно нельзя оспаривать.

Руденко: В своих показаниях вы неоднократно делали заявление о том, что, преследуя мирные цели, вы считали необходимым ряд спорных вопросов решить дипломатическим путем. Повидимому, эти показания являются лицемерием?

Риббентроп: Нет. Я никогда не говорил, что вообще речь не идет ни о какой агрессии.

Руденко: Теперь я вас попрошу ответить вот на какой вопрос. Вы представили Трибуналу документ под номером 311. Это характеристика Гитлера, озаглавленная: «Личность фюрера». На странице 5 этого документа вы, характеризуя Гитлера, сообщаете о следующем: «После победы над Польшей, вследствие влияния, которое, по моему мнению, следует приписать Гимmlеру, пошли дальше, то есть в направлении установления гегемонии Германии в Европе». Вы помните такое место из этого документа, подсудимый Риббентроп? Этот документ написан вами?

Риббентроп: Да.

Руденко: Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о Судетской области от 21 ноября 1938 г.? Вы можете припомнить?

Риббентроп: Я не знаю, какой приказ вы имеете в виду. Разрешите мне прочесть его. (*Риббентропу передают документ.*)

Руденко: Вы припоминаете, что вы действительно подписывали этот закон?

Риббентроп: Да, безусловно. Если здесь есть моя подписи, то, очевидно, это было так. Однако в деталях я не помню об этом.

Руденко: Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о протекторате Богемии и Моравии от 16 марта 1939 г., которым, по существу, был ликвидирован всякий намек на государственный суверенитет Чехословацкой республики?

Риббентроп: Мне кажется, что я также подписал этот указ.

Руденко: Вы также подписали указ от 12 октября 1939 г. об управлении оккупированными польскими областями. Вы помните это?

Риббентроп: 12 октября 1939 г.? Нет, не помню. Я подписал очень много документов в эти годы. Подробностей я уже не помню.

Руденко: Также значится ваша подпись под указом от 18 мая 1940г. о присоединении к Германии бельгийских областей Эльжен и Мальмеди. Я поставил эти вопросы для того, чтобы заключить следующим вопросом. Правильно ли будет констатировать, что всякий раз, когда гитлеровское правительство пыталось указом создать видимость обоснования своих территориальных захватов, под таким указом появлялась подпись рейхсминистра Риббентропа?

Риббентроп: Мне кажется, что это не так. Если предпринимались какие-либо территориальные изменения, то в этом отношении приказы издавал фюрер, и, как видно из этих документов, министры, которых в какой-либо степени касались эти вопросы, подписывали также эти

документы — само собой разумеется, что я тоже подписывал большинство этих документов.

Руденко: Я вас просил бы ознакомиться с документом, который уже представлен Трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-120. Это—ваше соглашение с Гиммлером об организации разведывательной работы. Это — пространный документ, и я просил бы вас ознакомиться с пунктом 6 этого документа. В нем говорится:

«Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств». Я опускаю еще один длинный абзац и читаю заключительный: «Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии обо всех существенных вопросах деятельности секретной разведывательной службы в данной стране». Вы подписали такое соглашение, не правда ли?

Риббентроп: Да.

Руденко: Таким образом, следует констатировать, что заграничный аппарат министерства иностранных дел Германии занимался шпионажем.

Риббентроп: Нет, в этом отношении этого нельзя утверждать и, собственно, по следующим причинам. Между Гиммлером и мной имелись противоречия в отношении разведывательной службы за границей. Зато благодаря усилиям Кальтенбруннера удалось подписать это соглашение. При этом предусматривалось сотрудничество, и я ни в коем случае не отрицаю, что при этом имелось намерение также использовать людей, которые относились к разведывательной службе, в нашем аппарате.

Рубен/со: Вспоминаете ли вы письмо подсудимого Кальтенбруннера, в котором он просит у вас миллион туманов для подкупов в Иране?

Риббентроп: Да, так точно, я вспоминаю об этом. Мне кажется, что тогда для этого, была выделена известная сумма.

Руденко: Деньги были предоставлены в распоряжение Кальтенбруннера?

Риббентроп: Я не помню точно. Но мне кажется, что я дал распоряжение министерству иностранных дел, чтобы была оказана финансовая помощь. Это верно.

Руденко: Вы показали, что уже в августе—сентябре 1940 года в замке Фушле вы встретились с подсудимым Кейтелем для обсуждения меморандума о возможном выступлении Германии против Советского Союза. Следовательно, почти за год до нападения на Советский Союз вы были осведомлены об этом нападении? 1

Риббентроп: Нет, это неправильно. Подсудимый Кейтель тогда действительно был у меня в Фушле, говорил со мной о том, что фюрер имеет некоторые сомнения в отношении России, что имеется возможность военного конфликта, что это нельзя оставить без внимания. Он, со своей стороны, написал меморандум и хотел переговорить об этом с фюрером. У него были опасения в отношении возможности конфликта на Востоке, и он просил меня подействовать в этом отношении на фюрера. Я обещал! ему это.

Однако о каком-либо нападении или о планах нападения речи не было. Это было скорее, я бы сказал, совещание, носившее характер совещания в генеральном штабе. О конкретных вещах он ничего не говорил.

Руденко: Вы ответили Кейтелю во время этой беседы, что вы выскажете свои сомнения по поводу войны с СССР Гитлеру. Вы об этом сейчас тоже заявили. Вы имели на эту тему беседу с Гитлером?

Риббентроп: Я несколько раз говорил с Гитлером на эту тему, и в этом случае я ему говорил об опасности превентивной войны. Гитлер высказал мне свои сомнения, о которых я уже говорил.

Руденко: Вам было известно, что так называемая «Зеленая папка» подсудимого Геринга, содержащая указания об ограблении и эксплуатации временно оккупированных областей Советского Союза, была подготовлена задолго до нападения на Советский Союз?

Риббентроп: Нет, я этого не знал. Название «Зеленая папка» я услышал в первый раз только здесь.

Руденко: Вам известно, что до войны были разработаны директивы об истреблении мирного советского населения?

Риббентроп: Нет. Об этом я также не знал.

Руденко: А когда вы узнали об этом?

Риббентроп: О таких планах я вообще ничего не знал.

Руденко: А о директивах о подсудности в районе «Барбаросса» вы, очевидно, знали?

Риббентроп: В отношении чего? Я не понял последнего вопроса.

Руденко: О подсудности в районе «Барбаросса». Это — приложение к плану «Барбаросса».

Риббентроп: Я должен сказать, что этой темой я лично никогда не занимался. Возможно, что какой-либо орган моего министерства и занимался этим, но я, насколько помню, не занимался вопросами подсудности, так как с момента начала военных действий с Советским Союзом министерство иностранных дел не занималось вопросами, связанными с этой областью.

Руденко: Я просил бы вас ознакомиться с телеграммой от 10 июля

- 1941 г., в 14 часов 51 минуту, германскому послу в Токио. Мы предъявляем этот документ под номером СССР-446. Вы должны помнить эту телеграмму. Я оглашаю ее: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы как можно быстрее Япония вступила в войну с Россией. Чем быстрее произойдет это, тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руки на Сибирской железной дороге. С крахом России позиции держав оси во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только вопросом времени».

Риббентроп: Да, я нашел это место.

Руденко: Это что, одно из ваших усилий по локализации войны?

- *Риббентроп:* Война с Россией уже началась, и я тогда пытался — фюрер был того же мнения — втянуть Японию в войну против России,,

для того чтобы по возможности быстрее закончить войну с Россией. Таково было содержание телеграммы.

Руденко: Это не только позиция фюрера, но и ваша позиция, как министра иностранных дел в то время?

Риббентроп: Да.

Руденко: Вы подтверждаете, что никогда ничего не слышали о жестокостях, творившихся в концентрационных лагерях?

Риббентроп: Да, это правильно.

Руденко: Во время войны вы как министр иностранных дел знакомились с иностранной печатью, с иностранными газетами. Известно ли было вам, что сообщалось в заграничной прессе?

Риббентроп: Нет, это только в некоторой степени правильно.

Руденко: Известны ли вам были ноты министра иностранных дел Советского Союза Молотова о злодеяниях немецких фашистов на временно оккупированных территориях Советского Союза, об угоне в рабство советских людей, об ограблении?

Риббентроп: Эта нота, мне кажется, дошла до меня по дипломатическим каналам. Я уже не помню точно, но возможно, что это было мне передано через телеграфные агентства. Во всяком случае, я вспоминаю, что тогда (мне кажется, речь шла даже о нескольких нотах, а одну из них я очень хорошо помню) я показал ее фюреру.

Руденко: Меня прежде всего интересовал один основной факт— установить, что вы были осведомлены о нотах министерства иностранных дел Советского Союза.

Скажите, вам известно, что миллионы граждан угонялись в рабство в Германию?

Риббентроп: Нет, об этом я не знаю.

Руденко: А что в Германии эти граждане находились и использовались как рабы — это вам было известно?

Риббентроп: Нет.

Руденко: Я вас прошу ознакомиться с показаниями Нормана Пауля Ферстера. Этот документ представляется под номером СССР-445. Обратите внимание на страницу 3 показаний Ферстера. Там говорится:

«В августе 1941 года я прибыл по указанному адресу в город Берлин и узнал, что я назначен в зондеркоманду СС министерства иностранных дел. Прежде в команде было 80—100 человек, а потом 300—400 человек личного состава. Позднее зондеркоманда была переименована в батальон особого назначения министерства иностранных дел. Бароном фон Кюнстбергом я был принят в помещении, принадлежавшем министерству иностранных дел, где была размещена зондеркоманда. Он мне разъяснил, что зондеркоманда создана по указанию министра иностранных дел Германии фон Риббентропа. По указанию фон Риббентропа, — говорил Кюнстберг, — наша зондеркоманда должна следовать на оккупированные территории с передовыми частями, с таким расчетом, чтобы сохранить культурные ценности (музеи, библиотеки, научно-исследовательские институты, картинные галереи и т. д.) от разгрома и уничтожения немецких солдат, с тем, чтобы затем все эти ценности реквизировать и вывезти в Германию...

...5 августа 1941 г. вечером в присутствии Бицше, Паульзена, Либера, Кралена, Роша... и других фон Кюнстберг показал личный приказ фон Риббентропа основательно прочесывать в России все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы, забирать все, что имеет определенную ценность»...

Вы нашли это место в показаниях?

Риббентроп: Да.

Руденко: Вы знаете, что существовал такой батальон министерства иностранных дел и что по вашему указанию он занимался, как говорилось здесь, в документе, «сохранением культурных ценностей»?

Риббентроп: Так, как написано в этом документе, — это неправильно. Правильным является следующее:

Фон Кюнстберг является человеком, который вместе с некоторыми сотрудниками уже задолго до русской кампании получил поручение (речь шла тогда о Франции) — собирать важные документы, которые могут иметь значение для нас, реквизировать их. Я одновременно хотел бы сказать, что у него было поручение заботиться о том, чтобы здесь не проводилось ненужных разрушений памятников искусства и т. д. Но от меня он не получал задания направлять эти вещи в Германию или грабить их. Я не знаю, каким образом были даны эти показания, во всяком случае, они не соответствуют действительности.

Руденко: Я обращусь к документу — это письмо подсудимого Геринга на имя подсудимого Розенберга, — представленному уже Трибуналу под номером ПС-1985. Я оглашу это письмо подсудимого Геринга, адресованное подсудимому Розанбергу. Он пишет:

«После долгих поисков я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекций, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев назад циркуляр во все инстанции, которым он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

Вы не помните этого письма?

Риббентроп: Я не знаю, при каких обстоятельствах было написано это письмо Герингом. Этого я не знаю. Во всяком случае, если там говорилось о каких-либо полномочиях или о чем-либо другом, то речь могла идти только о том, чтобы эти произведения искусства сохранялись.

Руденко: Вы были министром иностранных дел фашистской Германии с 4 февраля 1938 г. Ваш приход на этот пост совпал с началом периода, когда Гитлер предпринял ряд внешнеполитических акций, приведших в конечном счете к мировой войне. Возникает вопрос, почему Гитлер назначил вас министром иностранных дел как раз перед началом осуществления широкой программы агрессии? Не находите ли вы, что он считал вас самым подходящим человеком для этого, с которым у него не может возникнуть разногласий?

Риббентроп: О мыслях Гитлера я ничего не могу сказать. Он ничего мне не рассказывал об этом. Он знал, что я был его верным сотрудником, и он знал, что я придерживался того же мнения, как и он, что необходимо создать сильную Германию. Больше я ничего не могу сказать.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПАПЕНА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 18—19 июня 1946 г.]*

*Файф*¹: Помните ли вы о том, что в своих показаниях от 19 сентября прошлого года вы высказали точку зрения, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни?

Папен: Это вполне верно. Это мое мнение, которое у меня сложилось после того, как я узнал о всех этих преступлениях.

Файф: Это было 19 сентября 1945 г. Но меня больше интересует ваш следующий ответ. Не это ли вы ответили на вопрос о том, когда вы пришли к выводу, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни: «Только после того как я узнал, какие факты послужили для него поводом начать войну», — вы помните, что вы так сказали?

Папен: Да.

Файф: Не потребовалось ли вам слишком много времени для того, чтобы разгадать эту довольно очевидную истину после вашего близкого сотрудничества с Гитлером?

Папен: Мое мнение о Гитлере, о его внутривластном значении сложилось у меня после 30 июня 1934 г. Однако я мог полагать, как и все другие, что в области внешней политики он будет разумнее, и этого мнения я придерживался до Мюнхенского соглашения.

Файф: Давайте посмотрим, не было ли у вас возможности прийти к этой точке зрения значительно раньше. Когда вы в 1932 году были рейхсканцлером, вы должны были ознакомиться с людьми, целями и методами нацистской партии? Не так ли?

Папен: Да.

Файф: И вы это сделали, не так ли?

Папен: Да.

Файф: И вы помните, — я не хочу терять времени и ссылаться на соответствующий документ, но вы можете считать точной цитатой то, что 16 ноября 1932 г. в письме к вам Гитлер сказал: «Вы должны знать, каково мировоззрение мое и моей партии».

Папен: Да, конечно, я знал, какие цели преследовала его партия. Однако разрешите мне добавить, что если какая-либо партия вступает в коалицию с другой партией, то она должна многое вычеркнуть из своей программы и принять коалиционную программу. Это и сделал 30 января Гитлер.

Файф: Да, но прежде чем мы перейдем к 30 января, я хочу спросить вас, каково было ваше мнение в 1932 году? В 1932 году, когда вы занимали пост канцлера, вы очень мало сомневались в том, что, если бы Гитлер пришел к власти, Германии угрожала бы опасность подпасть под управление насильственными, неконституционными методами. Не так ли?

Папен: Без сомнения, программа национал-социалистов в этом отношении была «революционной». Однако я подробно изложил суду, что все эти вынужденные меры, к которым прибегли 30 января, явились результатом необходимости принятия общих мер безопасности. Была со-

¹ Заместитель Главного обвинителя от Великобритании. — Составители.

здана совместная коалиционная программа, которая, по нашему мнению, исключала некоторые упомянутые вами опасные пункты его программы.

Файф: В середине 1932 года президент Гинденбург решительно придерживался того мнения, что было бы весьма опасно передать власть в руки Гитлеру, не так ли?

Папен: Да, он действительно придерживался мнения, что Гитлера следовало контролировать путем ограничения его полномочий.

Файф: Я хочу только привести вам одну фразу из письменных показаний под присягой.

Это уже было позднее, в августе 1932 года. В заявлении Мейснера говорится:

«Гинденбург заявил, что в связи с напряженной обстановкой он не может с чистой совестью рисковать передачей государственной власти новой партии, каковой является национал-социалистская партия, которая не представляет собой большинства и которая нетерпима, шумлива и недисциплинирована».

Это довольно умеренное высказывание со стороны президента империи, принимая во внимание то время, когда это говорилось, не правда ли?

Папен: Да.

Файф: Я сейчас не говорю о коалиции. Я говорю сейчас о том, что случилось бы, если бы национал-социалисты сами взяли власть в свои руки... Вам было совершенно ясно, что в этом случае они, будучи не особенно щепетильными людьми, быстро бы разделились со своими политическими противниками, не правда ли?

Папен: Этого нельзя сказать. В политической жизни всегда положение таково, что радикальной партии и вообще любой партии, но в особенности радикальной партии, если она приходит к власти и становится ответственной партией, приходится очень многое вычеркнуть из своей программы. Это мы, скажем, можем наблюдать на примере социалистических партий всех стран.

Файф: Правда ли, что, как заявил под присягой подсудимый Геринг, в 1932 году он говорил вам, что независимо от того, как будут действовать нацисты, Гитлер не будет, во всяком случае, занимать второго места, не будет одним из «вице». По словам Геринга, Гитлер сокрушил бы всякое политическое устройство, которое бы не обеспечило ему первенства.

Папен: Да, об этом Гитлер мне сам неоднократно заявлял.

Файф: И поэтому вы поняли, что Гитлер и его сообщники хотели, чтобы им была предоставлена полная возможность претворять в жизнь свои цели и свою программу, не так ли?

Папен: Нет, об этом я не знал. Это вывод, который сделали вы здесь и который вовсе не соответствовал тогдашним условиям. Вам нужно лишь прочесть правительственную программу нашей коалиции от 1 февраля.

Файф: Я в свое время обращусь к периоду вашей коалиции. Но в настоящее время я хочу задать вам один-два вопроса о вашем мнении о Гитлере и о мнении Гинденбурга о Гитлере в 1932 году, так как я хочу очень кратко суммировать события этого периода и разбить их на несколько резко очерченных стадий.

Я все еще споашиваю о 1932 годе. Мой вопрос к вам был таков: осознавали ли вы, что в том случае, если Гитлер и его соратники придут к власти, захватить которую они хотели, они удовлетворятся лишь в том

случае, если им представится полная возможность претворить в жизнь свои намерения и свою программу?

Папен: Нет, об этом я не знал, иначе я не сделал бы попытки в 1933 году привлечь их к составлению общей коалиционной программы.

Файф: Но я хочу еще раз точно сформулировать, что, по вашему мнению, было прежде всего необходимо для Германии во второй половине 1932 года: ликвидация политических разногласий и внутренней борьбы и укрепление отношений с западными державами в целях ослабления Версальских требований? Таким образом, вашим первым шагом в осуществлении этих целей было обращение к Гитлеру в августе 1932 года с предложением стать вице-канцлером в вашем правительстве не так ли?

Папен: Совершенно верно.

Файф: Гитлер отказался от этого предложения и отказался от него вторично, когда вы возобновили его в ноябре 1932 года, это так?

Папен: Да.

Файф: Чтобы не тратить слишком много времени, я хочу лишь выяснить, правильно ли говорится об этом в параграфах 5 и 6 affidavita ' Мейснера. Я кратко изложу вам содержание этого affidavita. В affidavite говорится, что в ноябре 1932 года вы думали, что общая ситуация и нацистская партия, в частности, могли бы находиться под контролем, если бы президент дал вам полномочия издавать декреты по статье 48 и обеспечил бы вам поддержку имперских вооруженных сил и полиции. Но в то время генерал фон Шлейхер возражал против этого, так как он считал, что имперские вооруженные силы были не в состоянии поддерживать порядок в Германии. Это правильно?

Папен: Это неверно в том отношении, что это событие не может быть согласовано с какой-либо статьей конституции, а просто являлось нарушением конституции. В остальном это верно.

Файф: Может быть, ему пришлось бы в голову использовать внеконституционные методы для поддержания контроля, вы это имеете в виду?

Папен: Да. Как я здесь уже сказал, это поручение он дал мне 1 декабря.

Файф: Но ведь фактически Мейснер прав, говоря, что после неудачной попытки ввести Гитлера в свое правительство вы хотели продолжать управление страной, пользуясь правом издавать декреты и путем осуществления контроля над имперскими вооруженными силами; правильно, что генерал фон Шлейхер заявил, что это неосуществимо?

Папен: Нет, это неверно. После того как президент Гинденбург решил, что он не будет нарушать конституцию, он, как известно, назначил генерала Шлейхера рейхсканцлером. Фон Шлейхер хотел тогда путем раскола партии создать большинство, и я, конечно, поддерживал эту попытку фон Шлейхера.

Файф: Я хочу привести вам собственные слова Мейснера. Это параграф 5 показаний свидетеля.

...«Вторичное назначение президентом Гинденбургом Палена на пост канцлера, очевидно, было бы возможно, если бы он был готов начать открытую борьбу против национал-социалистов, что означало бы угрозу применения насилия или даже фактическое его применение. Почти до

самого ухода со своего поста Папен и некоторые другие министры соглашались с необходимостью вести усиленную борьбу против нацистов путем использования всех имеющихся у государства средств, основываясь на параграфе 48 конституции, даже в том случае, если это могло привести к вооруженному конфликту. Однако другие министры придерживались того мнения, что этот путь приведет к гражданской войне.

Это решение было выдвинуто Шлейхером, который в первое время прилагал весьма энергичные меры против национал-социалистов, даже в том случае, если это повлекло бы за собой использование полиции и армии. Затем, на решающем заседании кабинета министров он отказался от этой мысли и объявил, что готов согласиться с Гитлером».

Это правильно?

Папен: Отчасти правильно, отчасти нет.

Файф: Скажите нам как можно короче, какую часть аффидевита вы считаете неправильной?

Папен: Мое повторное назначение на пост канцлера Гинденбургом было бы, по мнению Мейснера, возможно, если бы я изъявил готовность вести открытую борьбу против нацистов. Это исторически неверно, ибо 1 декабря я предложил Гинденбургу совершить нарушение конституции и тем самым начать открытую борьбу против нацистов. Фон Шлейхер не был согласен с этим.

Файф: В интересах последовательности я прошу вас обратиться к параграфу 6 этого же документа. Читаю выдержку, которая начинается словами:

«Когда стало ясно, что Гитлер не хочет войти в кабинет Шлейхера и что Шлейхер со своей стороны не может произвести раскол национал-социалистской партии, — что он надеялся сделать при помощи Грегора Штрассера, — политика, благодаря которой Шлейхер был назначен канцлером, потерпела крах. Шлейхер понимал, что Гитлер не может простить ему его попытку произвести раскол партии и поэтому никогда не согласится сотрудничать с ним. Поэтому он переменял свое решение и пришел к выводу, что нужно бороться с нацистами; это означало, что он хочет следовать политике, против которой он резко возражал за несколько недель до этого, когда ее предложил фон Папен».

Это правильно?

Папен: Это совершенно верно.

Файф: Теперь мне хотелось бы внести во все это окончательную ясность. Вы сказали нам, что вы впервые обратились к Гитлеру лишь в августе, но до этого времени вам уже удалось узаконить положение СА и СС—организаций, которые канцлер Брюнинг объявил нелегальными. Вы сделали это 14 июня, не так ли?

Папен: Да, я отменил запрет, однако лишь на четыре недели.

Файф: Вы считали, что правильно было отменить запрет в отношении СА, которая наводила ужас на улицы?

Папен: Я разъяснял суду, каким образом дело дошло до этого запрета. Целью отмены этого запрета было побудить Гитлера и его партию согласиться с существованием моего кабинета. Вторая причина заключалась в том, что роспуск этих боевых организаций являлся односторонним актом, так как одновременно не были распущены социалистические и коммунистические организации.

• *Файф:* 20 июля вы силой избавились от правительства Брауна—Зе-;

веринга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией?

Папен: Это нельзя формулировать в таких выражениях.

Файф: Но фактически вы ведь избавились от правительства Брауна—Зевринга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией, не так ли?

Папен: Я не имел в своих руках прусской полиции. Прусская полиция находилась под руководством комиссара Пруссии, которого я назначил.

Файф: Согласно Веймарской конституции, вы как канцлер имели право диктовать линию общей политики, в то время как комиссар Пруссии и все остальные министры должны были следовать указанной вами общей политике, не так ли?

Папен: После того как я назначил комиссара, я имел право определять основную линию в политике Пруссии.

Файф: Сейчас я хотел бы, чтобы вы взглянули на речь, произнесенную вами в Эссене в ноябре 1933 года, где вы упоминаете о периоде, о котором сейчас идет речь. Вы видите первые слова:

«С тех пор как провидение призвало меня стать пионером воскресения нации и возрождения нашего отечества, я всеми силами пытался поддерживать деятельность национал-социалистского движения и его руководителей».

Это правильно?

Папен: Безусловно, да.

Файф: Я лишь спросил вас, правильно ли это. Я, возможно, опять вернусь к этой цитате. «Подобно тому, как в то время, когда я принял канцлерство» (речь идет о вас, о том, что вы приняли канцлерство), «я выступал за то, чтобы открыть путь к власти молодому борющемуся освободительному движению».

Таким образом, ваша поддержка «молодого борющегося освободительного движения» в его стремлении к власти заключалась в том, что вы узаконили существование СА, выгнали из Пруссии умеренное правительство и централизовали контроль полиции?

Папен: Нет. Это очень плохая параллель.

Файф: Остановитесь на этом и скажите мне, действительно ли вы ничего этого не делали. Расскажите Трибуналу, как именно вы прокладывали путь к власти для «молодого борющегося освободительного движения», если вы делали это не так, как я вам только что указывал?

Папен: Да, об этом я скажу очень точно. Программа национал-социалистской партии предусматривала освобождение Германии от дискриминации, причиной которой был Версальский договор. Я об этом говорил здесь очень подробно. Я показал, какие усилия я сам предпринимал для того, чтобы в этом отношении добиться соглашения с великими державами. Мы хотели из второразрядной нации снова стать великой державой. Таков был смысл этих мероприятий.

Файф: Подсудимый, я не хочу вас останавливать, и Трибунал даст вам возможность повторить все, что вы говорили по этому поводу, но я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. ЕСЛИ! я сделал неправильное заключение, заявив, что два приведенных мною ранее примера вашей деятельности представляют собой иллюстрацию той поддержки, которую вы оказывали этому движению, я попрошу вас очень коротко рассказать здесь, что же еще вы делали для того, чтобы подготовить почву этому

«борющемуся освободительному движению»? Вот в чем заключается мой вопрос. Что же вы делали?

Папен: Два раза я предлагал Гитлеру вступить в мое собственное правительство, и, когда в конце января 1933 года из создавшегося положения не было больше никакого иного выхода, я по просьбе Гинденбурга пошел на коалицию с национал-социалистской партией.

Файф: Скажите, вы в то время верили, что Гитлер был совершенно необходим для Германии?

Папен: Я считал, что человек, который в марте 1932 года, то есть прежде, чем я, пришел в правительство, получил на президентских выборах 36,8 процента всех голосов, — что этот человек и его партия должны быть включены в ответственную правительственную деятельность.

Файф: Но, помимо его успеха на выборах, считали ли вы, что Гитлер, принимая во внимание его личные качества, его цели и его программу, был в то время необходим для Германии?

Папен: Я не знал, каким образом можно справиться полицейским путем с партией, которая получила 36,8 процента всех голосов.

Файф: Посмотрите на ваши собственные слова в следующем параграфе этого письма. Здесь вы, очевидно, имеете в виду не только его успех на выборах:

«Милосердный господь благословил Германию, дав ей в очень тяжелые времена руководителя, который, уверенно полагаясь на свой инстинкт государственного деятеля, проведет ее через трудности и опасности к светлому и счастливому будущему».

Это было, не будем называть его экстравагантным, но, во всяком случае, весьма сильным выражением со стороны бывшего кавалерийского офицера для характеристики политического деятеля, если он действительно не думал или если он не хотел заставить других людей думать, что он твердо верил в него. Вы действительно имели в виду то, что вы там говорили?

Папен: Об этом я могу сказать следующее. После того как я вступил в коалицию с Гитлером, я был убежден, что он будет выполнять этот коалиционный пакт, и я часто неоднократно и не только в этой речи тогда говорил о своем доверии к Гитлеру и общей программе. Почему я именно в этой речи выступил за него, — это я уже сказал Суду. Здесь речь шла о том, чтобы констатировать, и притом перед всем миром, что торжественное заявление Гитлера о том, что он будет поддерживать мир, было серьезным заявлением.

Файф: Вы должны понять, подсудимый, что я вас спрашиваю о следующем: в течение первых месяцев вашего пребывания на посту канцлера вы предприняли шаги к тому и пытались, чтобы Гитлер пошел вместе с вами. Когда он во второй раз отказался от этого, вы, судя по показаниям Мейснера, готовы были применить силу против него. Когда при поддержке Шлейхера это оказалось для вас возможным, вы ушли в отставку. Когда Шлейхер занял ваше место и столкнулся с трудностями, вы снова обратились к Гитлеру. Вот о чем я вам говорю; и именно по вашей просьбе, не правда ли? — вы и Гитлер собрались для совещания в доме Курта фон Шредера 4 января 1933 г.

Папен: Нет, это совершенно неверное понимание. К сожалению, суд не разрешил, чтобы я рассказал об этой встрече 4 января.

Файф: Значит, вы не соглашаетесь с фон Шредером в том, что это совещание было создано по вашему предложению?

Папен: Нет, я совершенно другого мнения. Эта встреча произошла по желанию Гитлера.

Файф: Перейдем к лицам, которые присутствовали на этом совещании. Там были Гитлер, подсудимый Гесс, Гиммлер и Кепплер, не так ли?

Папен: Да, это возможно.

Файф: Кепплер — это то самое лицо, которое, как известно Трибуналу, в марте 1938 года находилось в Вене? Да?

Папен: Это был человек, который всегда находился в ближайшем окружении Гитлера.

Файф: Таким образом, фактически это было совещание между вами и Гитлером в присутствии Шредера, не так ли?

Вы говорите, что Шредер не присутствовал на этом совещании?

Папен: Шредер, возможно, присутствовал во время части беседы. Но я помню, что главным образом я лично один говорил с Гитлером.

Файф: И первый вопрос, который был поднят вами, заключался в следующем: вы хотели объяснить Гитлеру, что хотя вам не удалось освободить двух нацистов, обвинявшихся в убийстве коммуниста, вы пытались уговорить президента фон Гинденбурга помиловать их. Это так?

Папен: Да. Я помню, что Гитлер резко упрекал меня по поводу смертного приговора, вынесенного этим национал-социалистам.

Файф: И во втором поднятом вами вопросе вы объяснили Гитлеру, что президент фон Гинденбург отказался обсуждать с Гитлером вопрос о назначении его на пост канцлера совсем не вследствие каких-либо интриг или уловок с нашей стороны. Разве это не был второй вопрос, вопрос о том, что не вы были виной отказа фон Гинденбурга от участия в совещании?

Папен: Да, я заявил ему, что мое предложение от 13 августа 1932 г. было чистосердечным.

Файф: Объяснили ли вы Гитлеру, что не по вашей вине Гинденбург отказался от обсуждения вопроса о назначении Гитлера на пост канцлера в августе 1932 года? •

Папен: Нет.

Файф: Я хочу выяснить, действительно ли 4 января вы заявили Гитлеру по поводу вашего разговора с фон Гинденбургом следующее:

«Я хочу, чтобы вы поняли, что Гинденбург совсем не по моей вине отказался от обсуждения вопроса о вашем канцлерстве». Разве вы не уверяли Гитлера, в том, что это не ваша вина, что вы были уверены в его согласии заняться обсуждением этого вопроса?

Папен: Нет, господин обвинитель, так утверждает фон Шредер, но это неверно.

Файф: Ваши последние слова относятся к тому, что вы говорили о фон Гинденбурге и Гитлере? Если вы не согласны с тем, что я вам заявил, может быть вы сообщите, что вы имеете сказать по этому поводу?

Папен: Что именно сказал Гинденбург Гитлеру, написано во всех книгах, это исторический факт.

Файф: Нет, нет, мы хотим знать, что вы сказали Гитлеру 4 января. Что вы сказали ему, если вы вообще что-либо говорили по этому поводу, относительно взаимоотношений между ним и президентом фон Гинденбургом?

Папен: В ходе всей этой беседы я лишь указывал Гитлеру на то, как нужно убедить фон Шлейхера в необходимости вступления национал-социалистской партии в его правительство. Другими словами, я продолжал делать то, что начал в 1932 году, а именно—старался привлечь национал-социалистскую партию к сотрудничеству.

Файф: Таким образом, вы серьезно утверждаете перед Трибуналом, что вы говорили Гитлеру о том, что он должен стать членом кабинета Шлейхера?

Папен: Да, я ему сказал, что он должен войти в кабинет Шлейхера.

Файф: Об этом и идет речь. Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы сказали Гитлеру, что наиболее благоразумным выходом для консерваторов и националистов, политические взгляды которых соответствовали нашим взглядам, является образовать новое правительство вместе с Гитлером. Вы говорили Гитлеру о том, что произошло потом 30 января. Вы предложили ему это на совещании, которое тогда имело место. Вы хотите сказать, что все это не соответствует действительности?

Папен: Непосредственно после беседы 4 января вечером я написал Шлейхеру письмо. Это письмо он получил, вероятно, 5 января утром. Но прежде чем фон Шлейхер получил это мое письмо, излагавшее действительное содержание этой беседы, утренние газеты 5 января открыли против меня травлю, утверждая, что в этом разговоре со Шредером я вел себя нелойально по отношению к Шлейхеру.

Вернувшись в Берлин, я тотчас же отправился к фон Шлейхеру. Я ему рассказал, каково в действительности было содержание нашей беседы. Фон Шлейхер опубликовал относительно этого коммюнике...

Файф: Да, но он ведь был не единственный человек, опубликовавший коммюнике. Вы и Гитлер опубликовали коммюнике. Я хочу напомнить вам, подсудимый, что ваше предложение заключалось в следующем: вы и Гитлер должны были образовать коалицию, причем вы должны были опираться на консерваторов, а за спиной Гитлера стояли силы национал-социализма. А теперь взгляните на коммюнике, которое вы опубликовали вместе с Гитлером.

Я передаю подсудимому документ № 637. Взгляните на конц этого документа, подсудимый. Читаю в самом конце:

«Адольф Гитлер и господин фон Папен опубликовывают следующую совместную декларацию. В ответ на неправильные выводы, которые неоднократно делались прессой относительно совещания Адольфа Гитлера с бывшим имперским канцлером фон Папеном, нижеподписавшиеся заявляют, что это совещание касалось исключительно возможности создания великого национального политического единого фронта и что в рамках этого совещания общего характера совершенно не затрагивалась позиция этих двух партий по отношению к рейхскабинету».

Теперь, подсудимый, после того как я напомнил вам о заявлении, опубликованном вами лично, вы согласитесь с достоверностью того, что я здесь говорил, то есть с тем, что вы предлагали Гитлеру создать коалицию, состоящую из подчиняющихся вашему влиянию националистских и консервативных элементов и руководимой Гитлером нацистской партии?

Папен: Нет. В этом коммюнике констатируются две вещи. Во-первых, я констатирую, что о кабинете Шлейхера (как это повсюду предполагалось в процессе), о его свержении или о его замене другим прави-

тельством вообще не шло речи. Затем я констатирую, что необходимо создать великий национальный единый политический фронт. Фон Шлейхер руководил тем же самым кабинетом, которым руководил я, с теми же самыми политическими силами. Следовательно, если я предлагал Гитлеру вступить в этот кабинет, то это была та же самая комбинация, как если бы я ему предложил вступить в мой кабинет.

Файф: Если вы утверждаете, что этим коммюнике вы хотели показать, что обратились к Гитлеру с предложением ввести нацистов в правительство Шлейхера и что вами не обсуждался с ним вопрос об образовании коалиции, если вы продолжаете утверждать, что все это действительно отражено в коммюнике, я не буду больше вам задавать вопросов по этому поводу.

Перейдем теперь к вашей последующей деятельности. Вы отрицаете, что в январе вы активно поддерживали связь с Гитлером и от имени Гитлера — с президентом фон Гинденбургом с целью введения Гитлера в правительство? Вы согласны с этим?

Папен: Это верно. И я скажу, почему это так. У меня было две официальных беседы с Гинденбургом. 9 января, когда я вернулся в Берлин, я от рейхсканцлера Шлейхера направился к рейхспрезиденту фон Гинденбургу. Рейхсканцлер Шлейхер, полагая, что в беседе со Шредером я действовал нелояльно по отношению к нему, просил Гинденбурга больше не принимать меня. Я рассказал фон Гинденбургу о действительном содержании беседы со Шредером, и, после того как я договорился со Шлейхером, Гинденбург был убежден, что все это в целом было большим недоразумением. В следующий раз, насколько я помню, с Гинденбургом я имел официальную беседу только 22 января, когда я говорил с ним вторично об этих правительственных делах.

Файф: Давайте посмотрим, что говорит по этому поводу начальник канцелярии президента. Может быть, ему удастся освежить вашу память. Обратитесь к аффидевиту Мейснера. Там сказано: «Шлейхер впервые обратился с этим предложением к Гинденбургу в середине января...» Далее в следующем предложении сказано: «Тем временем Папен вернулся в Берлин и благодаря договоренности с сыном Гинденбурга имел несколько бесед с президентом. Когда Шлейхер возобновил свое требование о получении чрезвычайных полномочий, Гинденбург заявил, что он не может дать ему такие полномочия и должен оставить за собой право принимать решения в каждом отдельном случае. Шлейхер со своей стороны заявил, что при подобных обстоятельствах он не может оставаться в правительстве, и 28 января 1933 г. подал в отставку...»

В середине января, когда Шлейхер впервые просил о предоставлении ему чрезвычайных полномочий, Гинденбург не знал еще о связи, существующей между Папеном и Гитлером, особенно о совещании, которое имело место в доме одного из банкиров Кельна, Курта фон Шредера. Со второй половины января Папен стал играть все большую роль в доме имперского президента, но, несмотря на уговоры Папена, Гинденбург до самого конца января сомневался, следует ли назначить Гитлера канцлером. Он хотел, чтобы Папен еще раз занял пост канцлера. В конце концов, Папену удалось привлечь Гинденбурга на сторону Гитлера аргументом о том, что представители других партий правого крыла, которые будут принадлежать к правительству, будут ограничивать свободу действий Гитлера. В дополнение к этому Папен высказал свои опасения

в том смысле, что в случае, если снова будет пропущена данная возможность, может возникнуть угроза восстания национал-социалистов и гражданской войны». Это правильно?

Папен: Нет.

Файф: Подсудимый, вы сообщили нам, что у вас было два совещания с президентом фон Гинденбургом, и затем, кажется, после 18 января у вас состоялось несколько совещаний с Гитлером, а после 22 января у вас были совещания с подсудимым Герингом, как он заявил об этом в своих показаниях, не так ли?

Папен: Нет, с Гитлером я не встречался с 4 до 22 января.

Файф: Допустим, что это заняло четыре дня. Я не буду спорить с вами по поводу одного или двух дней, но по датам нацистской партии можно заключить, что вы начали переговоры 18-го числа. Таким образом, самым важным совещанием было совещание, которое Оскар фон Гинденбург созвал в доме подсудимого фон Риббентропа, не так ли?

Папен: Это была предварительная беседа. Во всяком случае, это был первый момент установления связи с национал-социалистами, с Гитлером и Герингом.

Файф: И Оскар фон Гинденбург во время этого совещания в доме фон Риббентропа имел личную беседу с Гитлером, которая продолжалась примерно около часа?

Папен: Это возможно, я уже не помню этого.

Файф: И после этого было принято решение о том, что Гитлер станет канцлером в новом правительстве и что он введет в правительство подсудимого Фрика в качестве министра внутренних дел и подсудимого Геринга в качестве министра без портфеля, причем сам Гитлер возглавит государство в роли канцлера?

Папен: Нет, 22-го числа мы вовсе не договаривались об этом.

Файф: Я имел в виду, что это соглашение было достигнуто в течение тех нескольких дней, о которых вы заранее договорились.

Папен: Да, но очень важно констатировать это. Мы начали эти переговоры лишь после того, как стало ясно, что фон Шлейхер не может сформировать правительство. Это очень важно.

Файф: Вы говорите сейчас Трибуналу, что в то время, — как вы это уже подтвердили, — вы действительно принимали меры к тому, чтобы привести Гитлера к власти просто из-за того, что он стал во главе самой большой партии в рейхстаге, или потому, что вы считали его наиболее подходящим человеком для поста канцлера в Германии в то время? Каковы были ваши мотивы?

Папен: Мои мотивы, господин обвинитель, были очень просты. При том положении, которое создалось после 23 января, имелось лишь две возможности: или нарушение конституции и начало гражданской войны, или правительство во главе с Гитлером.

Файф: Я хочу лишь установить, подсудимый, что в то время вы поддерживали эту связь с Гитлером. Вы ведь сами были тогда канцлером Германии. Думали ли вы, что Гитлер, как человек, что его цели и намерения и его индивидуальные качества соответствовали тем требованиям, которые предъявляются канцлеру Германии? Это очень простой вопрос. Я хочу, чтобы вы прямо ответили на него: считали ли вы, что Гитлер, поскольку вы его тогда знали, был подходящим человеком для занятия поста канцлера Германии?

Папен: На это я могу лишь сказать, что коалиция, которую я сформировал по поручению имперского президента, была неизбежной необходимостью. Тогда не возникало вопроса: было ли это хуже или лучше. Мы должны были принять ее.

Файф: Мне кажется, вы сказали, что вы не были уверены в том, что Гитлер расправится с оппозицией до того, как он пришел к власти. Сколько времени вам потребовалось с тех пор как Гитлер стал канцлером для того, чтобы убедиться в том, что его желанием было уничтожение всякой оппозиции?

Папен: Окончательно я это понял тогда, когда сделал последнюю попытку в своей речи в Марбурге разработать совместную программу и когда эта попытка не удалась.

Файф: Таким образом, это было через полтора года—17 июня 1934 г.? Вы хотите сказать Трибуналу, что вам понадобилось полтора года для того, чтобы понять, что Гитлер хотел сломить всю оппозицию?

Папен: Нет.

Файф: Вы помните вождя социал-демократов в прусском ландтаге—Эрнста Хейлемана?

Папен: Да.

Файф: Мне кажется, что он в течение десяти лет был вместе с вами членом прусского ландтага. Но после этого его немедленно отправили в концентрационный лагерь, где с ним исключительно жестоко обращались, это верно?

Папен: Об этом я узнал только здесь. Тогда я этого не знал.

Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что в 1933 году вы не знали о том, что Эрнст Хейлеман был брошен в концентрационный лагерь?

Папен: Я лишь знал, что ряд политических деятелей из коммунистической и социалистической партий были заключены гестапо в концентрационные лагеря. Это я знал.

Файф: Ответьте прежде на мой вопрос. Это был вождь социал-демократии в прусском сейме, человек, который в течение десяти лет сидел рядом с вами в парламенте. Вы хотите сказать, что он был отправлен в концентрационный лагерь, а вы ничего не знали об этом?

Папен: Я не помню. Мне кажется об этом я узнал только здесь

Файф: Теперь я хочу назвать вам одно широко известное имя; я говорю о Карле фон Осецком, лауреате Нобелевской премии мира, писателе и журналисте. Вы не знали о том, что он был заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Осецкого я помню только как издателя периодического журнала. Больше о нем я ничего не знаю.

Файф: Вы не знали о том, что в 1936 году он получил Нобелевскую премию мира? Нет?

Папен: Я никак не мог знать об этом в 1933 году.

Файф: Но вы знали, что он впоследствии получил эту премию; Вы знали, что он был заключен в тюрьму?

Папен: Нет.

Файф: Я думаю, что могу связать это имя с вами. Давайте возьмем кого-нибудь другого. Возьмем доктора Эрнста Экштейна. Он был депутатом рейхстага и известным адвокатом в Бреслау. Вы не знали о том, что он также был отправлен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я, к сожалению, не знал доктора Экштейна.

Файф: Может быть, вы припомните доктора Иоахима, представителя берлинской социал-демократической партии? Вы не знали о том, что он также был заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я его не знал и не знаю, что с ним случилось.

Файф: Хорошо, оставим в покое отдельных лиц. Разве вы не знали о том, что в течение нескольких месяцев после того как Гитлер стал канцлером, сотни, если не тысячи, социал-демократов и коммунистов были отправлены в концентрационные лагеря?

Папен: Тысячи?

Файф: Хорошо, я буду говорить сотни, если хотите. Это та цифра, с которой согласился подсудимый Геринг. Поэтому возьмем за основу эту цифру — сотни социал-демократов и коммунистов. Министр Зевелинг заявил, что в концентрационные лагеря было заключено 1500 социал-демократов и столько же коммунистов. Вы об этом не знали?

Папен: Я очень точно помню, как подсудимый Геринг однажды явился в кабинет после того, как он приказал полиции занять главный штаб коммунистической партии в доме Либкнехта и заявил правительству, что он нашел большое количество документов, из которых следует, в какой мере коммунисты и другие элементы пытались нарушить общественный порядок и свергнуть новое правительство.

Файф: Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Вы не знали о том, что сотни социал-демократов и коммунистов были заключены в концентрационные лагеря?

Папен: Нет, о сотнях я не знал. Я знал, что отдельные руководители были брошены в концентрационные лагеря.

Файф: Давая свои показания на суде, вы упомянули о том, что декрет об амнистии от 21 марта представлял собой повторение того, что неоднократно имело место и ранее. Это ведь была амнистия совершенно одностороннего характера, не так ли? Это была амнистия для тех, которые принимали участие в нацистской революции, то есть, короче говоря, амнистия для нацистов. Это не была амнистия для коммунистов, социал-демократов или кого-нибудь из тех людей, которые боролись на противоположной стороне, не правда ли?

Папен: Да, совершенно верно. Амнистия была объявлена не в отношении тех людей, которые работали против формирования этого правительства.

Файф: Таким образом, вы знали об этих вещах. Давайте еще раз обратимся к вашей речи, произнесенной в Эссене, то есть к вашему собственному отчету о том, что было вами сделано. Это страница 54 книги документов.

Вы только что сказали мне, что сказанное вами в этой речи — а это было в ноябре — соответствует действительности. Вы говорите о том, что вы всеми силами пытались поддерживать национал-социалистское движение и его руководителя. И далее, как вы видите, вы говорили, что вы «милостливой судьбой были избраны для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала». К ноябрю 1933 года вы должны были уже прекрасно знать о том, каким образом Гитлер, ваш фюрер и канцлер, расправлялся с теми людьми, которые были его политическими противниками. Почему вы говорили, — вы ведь уж высказали нам свою точку зрения, — что вы очень гордились тем,

что всеми имеющимися у вас средствами оказывали поддержку национал-социалистской партии, если вы не соглашались с ее идеями?

Папен: Мы всеми силами боролись в кабинете против нарушения Гитлером и партией политики коалиции. Конечно, эти нарушения нам были известны. Я лично во многих речах, которые не представлены суду, указывал также на эти нарушения. Однако пока существовал этот пакт о коалиции, я должен был надеяться, что мы сумеем добиться своего, и поэтому, только по этой причине, я заверил Гитлера в своей лояльности, для того чтобы он со своей стороны относился лояльно к нам.

Файф: Я хочу привести вам последние слова вашей речи. Здесь вы обращаетесь с весьма осторожным и продуманным призывом к своим согражданам-католикам. Вы говорите: «Давайте в этот час заверим фюрера и новую Германию в том, что мы верим в него и в его деятельность». Почему вы говорили в подобных выражениях? Ведь в ноябре 1933 года вы должны были знать о том, что политика Гитлера заключалась в уничтожении оппозиции, в уничтожении его политических противников, в уничтожении профсоюзов, в приобретении полного контроля над Германией. Почему вы произносили подобные речи, если вы не верили в планы Гитлера и не соглашались со всем тем, что Гитлер хотел сделать?

Папен: Я скажу вам это совершенно точно. Вы знаете, что в июле того года я заключил конкордат и что я получил от Гитлера заверение о том, что он сделает мир в религии основой своей политики. Чем больше удавалось привлечь на сторону правительства консервативные элементы, тем больше это способствовало выполнению моей программы.

Файф: Если это все, что вы можете ответить, я хочу перейти к следующему вопросу.

Вы уже заявили сегодня о том, что ко времени произнесения своей речи в Марбурге, 17 июня, вы уже начали понимать, с какого рода компаний вам приходится иметь дело.

Подсудимый, вы сказали Трибуналу очень много относительно вашей марбургской речи. Был ли некий Юнг одним из тех, кто помогал вам?

Папен: Да, совершенно верно.

Файф: Юнг значительно помог вам в составлении этой марбургской речи, не правда ли?

Папен: Юнг очень часто делал наброски для моих речей, в частности, это относится и к моей марбургской речи.

Файф: После 30 июня он был расстрелян, не так ли?

Папен: Да.

Файф: Это был человек, который не очень нравился вам, но чьи политические взгляды (я полагаю, что вы назвали бы его прогрессивным консерватором) вы разделяли и весьма уважали? Так это?

Папен: Да, это так.

Файф: Вы сказали нам относительно фон Бозе. Он был расстрелян, фон Чирский был арестован — не так ли? — после этого случая?

Папен: Да.

Файф: Фон Савини был также арестован?

Папен: Я точно не могу вспомнить, но мне кажется, что нет.

Файф: Это неважно, имена здесь не играют роли. Но двое из вашего штата были расстреляны, а трое были арестованы. Разве не так?

Папен: Один из сотрудников моего штата был расстрелян, а двое арестованы. Юнг не принадлежал к моему штату.

Файф: Юнг не входил в ваш штат, но он был вашим ближайшим помощником.

Конечно, широко известно, что генерал фон Шлейхер и его жена также были расстреляны и, если мне не изменяет память, генерал фон Гренау был также расстрелян, да?

Папен: Да, правильно.

Файф: Вы были арестованы, как вы нам сказали, в течение трех дней, и я полагаю, что ваши досье с делами были отображены у вас, да?

Папен: Да, правильно'.

Файф: Скажите, пожалуйста, эти события потрясли вашу веру в режим?

Папен: Мою веру во что?

Файф: Эти события потрясли вашу веру в режим и в Гитлера?

Папен: Во всяком случае, я уже вчера показал суду, что этим актом пакт от 30 января был нарушен.

Файф: И вы подали заявление об отставке 2 июля, не так ли?

Папен: Нет; я подал в отставку еще раньше.

Файф: Вы уже подали заявление об отставке 18 или 19 июня и подтвердили его снова 2 июля?

Папен: Совершенно правильно.

Файф: Вы заявляете сейчас Трибуналу, что снова подали заявление об отставке потому, что вы потеряли веру в режим, или потому, что ваша гордость была уязвлена тем, что вы были арестованы, ваш секретарь расстрелян, а ваши документы захвачены?

Папен: Я просил отставку, во-первых, из-за невозможного отношения ко мне лично и к моим сотрудникам, во-вторых, потому, что этим актом Гитлер нарушил пакт от 30 января и всякое внутривластное сотрудничество мое с ним стало невозможно.

Файф: Хорошо. Попрошу вас сейчас посмотреть на документ № 714.

Это ваше письмо Гитлеру, написанное 4 июля. Тут сказано:

«Вчера, в 10 часов утра, я имел честь информировать вас устно относительно моего отношения к событиям последних дней, после того как меня освободили из-под ареста в 9 часов вечера 2 июля. Я тогда заявил вам, что не могу более занимать своего поста в кабинете до тех пор, пока не будет реабилитирована моя честь и честь моих сотрудников.

30 июня пять моих сотрудников были арестованы, и один из них был расстрелян. Мои досье были конфискованы, моя канцелярия опечатана, а мой личный секретарь также арестован. Это положение продолжается и по сегодня.

Такого рода поведение в отношении второго в стране государственного чиновника может быть оправдано только в том случае, если он и его сотрудники виновны в соучастии в заговоре против фюрера и государства. В интересах защиты не только моей лично чести, но и в еще большей степени ради сохранения авторитета и доброго имени государства нужно или немедленно доказать мою виновность в этом деле, или же реабилитировать меня». И затем вы пишете: «Эти события стали известны за границей частично в извращенном виде... Поэтому нельзя терять ни часу времени». Вы обращаетесь к его солдатскому чувству чести и просите, чтобы это дело было передано генеральному прокурору или чтобы

было опубликовано коммюнике, в котором бы говорилось..., «что» проведенное расследование показало, что нет никаких доказательств какой-либо причастности к заговору, и тем самым была бы полностью восстановлена моя честь и честь моих сотрудников. Если вы не пожелаете принять этих мер, мое дальнейшее пребывание в кабинете станет невозможным». Теперь посмотрите, что далее говорится в письме. «Уже 18 и 19 июня я предоставил свою канцелярию в ваше распоряжение, канцлер. Теперь я с еще более легким сердцем могу просить вас об отставке, потому что работа, начатая нами вместе 30 января 1933 г., уже, повидимому, находится вне опасности от дальнейших покушений. Одновременно я прошу освободить меня от исполнения обязанностей уполномоченного по Саарской области. Я надеюсь, что вы осуществите свое решение о реабилитации моей чести, что я вас прошу сделать в течение нескольких ближайших часов. Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии».

Правильно ли, что вы почувствовали облегчение от того, что деятельность Гитлера была вне опасности, что ей не угрожали дальнейшие покушения?

Папен: Да, у меня сложилось впечатление, что это была революция, которую он подавил. Это письмо было написано мною через день после моего освобождения из-под ареста. У меня было такое ощущение, что это была революция и, наконец, с нею было покончено.

Файф: Так, следовательно, мы можем считать, что вы совершенно чистосердечно, в здравом уме, с полной верой в то, что вы говорите, с полной искренностью заявили 4 июля 1934 г.: «Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии». Это верно?

Папен: Да, поскольку я должен был надеяться, что моя дальнейшая работа для Германии не окажется вредной, даже если он отойдет от меня в своем внутривластном сотрудничестве.

Файф: В результате этого вы встретились с Гитлером в тот же день, не так ли?

Папен: Я видел его раньше.

Файф: Да, но вы также виделись с ним после этого письма?

Папен: Я видел его за день до этого.

Файф: Но вы виделись с ним после того, как было написано это письмо, и разве вы не приняли предложение Гитлера остаться вице-канцлером до сентября с тем, чтобы после этого перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Нет, мне кажется, это не так.

Файф: Если вы не считаете это достоверным, посмотрите на следующее письмо. Оно датировано 10 июля и начинается следующими словами:

«Наше соглашение от 4 июля» — именно этим днем датировано письмо — «о том, что я останусь на своем посту вице-канцлера до сентября, а затем перейду на работу в министерство иностранных дел, основываясь на следующих условиях: немедленное и полное восстановление моего авторитета и чести таким образом, чтобы я мог остаться на службе в империи, на любой должности, на любом посту».

Заявляете ли вы сейчас Трибуналу, что 10 июля вы не знали, что генерал фон Шлейхер и его жена были убиты, что генерал фон Гренау

был убит и что Юнг, так же как и Бозе, были уничтожены? Вы говорите, что вы не знали всего этого 10 июля?

Папен: Я вовсе не оспариваю того, что я знал это, но я ведь требовал, как я уже сказал Суду, чтобы немедленно было начато расследование, для того чтобы точно узнать причины этого. Общественное мнение утверждало, что Шлейхер был расстрелян в тот момент, когда он Отстреливался. Все эти вещи для меня были тогда совершенно неясны.

Файф: Но ведь, конечно, правильно то, как вы тут написали, что вы дали согласие Гитлеру остаться на посту вице-канцлера до сентября, а затем перейти на работу в министерство иностранных дел на тех условиях, которые здесь приведены? Не так ли?

Папен: Нет, это неправильно.

Файф: Но ведь это ваше собственное письмо.

Папен: Да, это письмо было написано в силу того, что Гитлер обещал мне начать расследование и то выяснение фактов, которое после восстановления моей чести и после выяснения всех преступлений обеспечило бы мне возможность оставаться на службе в империи. Но этого никогда не произошло.

Файф: Фон Бозе и Юнг работали с вами в самом тесном сотрудничестве, и вы лучше всех других знали, были ли они невиновны. Почему же вы, зная об этом, дали согласие Гитлеру оставаться на посту вице-канцлера, а затем — перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Я уже констатировал, что ушел в отставку, а то предложение, где говорится о том, что я, может быть, останусь на посту, — это просто предположение. В действительности я ушел с поста и с июня фактически не исполнял никакой правительственной должности.

Файф: Посмотрите на следующую строчку в этом письме: «С этой целью 5 июля я передал вам мои предложения относительно официального заявления, в котором должно быть сказано, почему произошли аресты некоторых чиновников из моего штата и каким образом фон Бозе лишился жизни. Кроме того, там должно было говориться о полной непричастности всех моих сотрудников к восстанию СА. Моя просьба сделать такого рода заявления была выполнена только частично — было объявлено лишь об освобождении и невиновности фон Чирского, фон Савиньи и моего личного секретаря — Штетцингена».

Вы передали Гитлеру свой проект и просили Гитлера издать официальное заявление, но он этого не сделал, он не восстановил честь людей, с которыми вы бок о бок работали, но тем не менее вы остались на своем посту, вы дали согласие Гитлеру принять его предложение остаться на посту вице-канцлера и затем перейти на работу в министерство иностранных дел.

Понимаете, что я хочу сказать? Я говорю совершенно ясно, что единственно о чем вы заботились, — это о вашем личном положении, восстановлении вашей личной чести. Вы готовы были служить этим убийцам, лишь бы была восстановлена ваша собственная честь.

Папен: Господин обвинитель, лучшим доказательством моих намерений отойти от режима, является тот факт, что я действительно ушел в отставку. Если бы было выяснено все, если бы была установлена невиновность моих чиновников и служащих, которые были арестованы и убиты, тогда для меня была бы возможность остаться на государственной службе, но не вице-канцлером — я ведь отказался от этого поста.

Из этого письма вы видите, что Гитлер ничего не предпринял для того, чтобы выяснить причины этих арестов.

Файф: И так как Гитлер не сделал подобной попытки, вы написали еще более отвратительное письмо, в котором восхищались его действиями:

«Глубоко почитаемый имперский канцлер!

Я долго размышлял о нашем вчерашнем разговоре и о заявлении, которое вы сделали, и, в частности, о том, что вы сказали в связи с вашими намерениями, касающимися вашего выступления в рейхстаге. Я не перестаю думать об огромной важности этой речи и о ее особом влиянии на положение Германии также и в сфере внешней политики. И поэтому чувствую необходимость, фактически я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение, как я часто делал это прежде в связи с другими случаями.

Вы объяснили мне вчера, что вы собираетесь публично признать ответственность за все, что случилось в связи с подавлением бунта СА, Разрешите мне сказать, что я считаю это намерение проявлением мужества и гуманности. Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием всего мира. Однако в настоящее время бременем для Германии являются события, которые произошли помимо вашей собственной инициативы и без всякой непосредственной связи с этим бунтом. Вы сами приводили примеры этого. Об этом писали, в частности, в британской и американской прессе».

Вы пишете далее: «Разрешите мне уверить вас снова, что я лично и мое положение, за исключением восстановления моей личной чести, не играют более никакой роли и имеют значение лишь постольку, поскольку события в вице-канцлерстве от 30 июня рассматриваются общественностью как следствие разрыва между вами и мной».

Затем после дальнейших высказываний в том же роде вы заканчиваете письмо словами: «с неизменным восхищением и преданностью...»

Разве дело не сводилось к тому, подсудимый, что вам было безразлично, были ли расстреляны ваши сотрудники или нет и приняло ли правительство, членом которого вы являлись, убийство как орудие политики, лишь бы только была восстановлена ваша личная честь? Все это не имело для вас никакого значения, лишь бы только была восстановлена ваша честь и была бы вам обещана возможность дальнейшей работы в министерстве иностранных дел.

Пален: Нет, это не так.

Файф: Почему же вы писали такие вещи главарю банды убийц умертвившей ваших сотрудников? Почему вы писали этому человеку:

«Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство будут встречены полным признанием всего мира»? Почему вы это писали?

Пален: Потому, что я тогда придерживался того мнения, что в действительности имела место революция и что Гитлер подавил ее. С другой стороны, было уничтожено много людей, в том числе и сотрудники моего бюро. По этому вопросу я желал получить от Гитлера разъяснение. Когда он мне сказал, что он согласен взять на себя ответственность за это, то я считал это очень хорошим поступком, но я понял его не так, как он фактически поступил впоследствии, заявив в рейхстаге, что эти события вполне оправданы. Я понял его заявление о том, что он хочет взять ответственность за все эти события, в том смысле, что он разъяс-

нит всему миру эти события, а не объявит их правильными с точки зрения закона и не нуждающимися в расследовании.

Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, что 12 июля вы думали, будто могут существовать какие-либо сомнения в том, виновен ли ваш друг Юнг, или возможность того, что он был виновен в измене родине и в заговоре против Гитлера? Вы что, верили в это, хотя бы одну минуту?

Папен: Нет, конечно, нет.

Файф: Так, вы очень хорошо знали, что Гитлер был обеспокоен общественным мнением за границей, поскольку он боялся, что там распространятся сведения относительно разрыва между вами и им, не правда ли? Вы знали, что после кровавой чистки была необходима поддержка бывшего канцлера Германской империи, как вы нам сказали, — католика из старинной семьи, пользовавшегося большим авторитетом среди католического населения, что поддержка человека подобного круга была бы очень ценной для него после этой кровавой чистки, которая вызвала беспокойство общественного мнения за рубежом. Вы ведь знали, что такая поддержка ему нужна, не так ли?

Папен: Нет, из этого письма следует, что я долгое время просил Гитлера установить, почему, по каким причинам отнеслись таким образом к моим сотрудникам и ко мне лично. Он должен был сказать это миру.

Файф: Если бы вы как бывший канцлер империи и, как вы сами говорили, один из руководящих католических деятелей в Германии, бывший офицер имперской армии, заявили бы в то время: «Я не хочу быть сообщником в убийстве, в хладнокровном убийстве, являющемся орудием политики», — вы могли бы, конечно, рискуя в известной степени собственной жизнью, свергнуть этот гнилой режим. Не так ли?

Папен: Это возможно, но если бы я сказал это публично, я, вероятно, исчез бы куда-нибудь, так же как и мои сотрудники. Мне кажется, что мир мог бы понять из самого факта моей отставки, что я не иду в ногу с этим режимом.

Файф: Тогда вы взгляните на то, что вы сами писали. Посмотрите на документ № 717. Здесь вы подчеркивали то обстоятельство, что Гитлер придавал очень большое значение вашему сотрудничеству. Посмотрите на второй абзац. Я зачитаю его, вы говорите там: «Я надеюсь, что вы получили мое вчерашнее письмо и поняли его в правильном смысле. Сегодня я прошу вас, по личным причинам, разрешите мне отсутствовать на заседании рейхстага. Вчера вы придерживались того мнения, что мое отсутствие может создать впечатление, что между нами существуют разногласия. Но подобное впечатление не создастся, если вы в своей речи сошлетесь на случай в вице-канцлерстве в той форме, в какой вы это мне обещали. Я вел себя в течение всех этих дней по отношению к внешнему миру весьма замкнуто и старался показываться как можно реже. И вы, конечно, поймете, что я не хочу появляться в общественных местах до тех пор, пока с меня не будет снята даже тень подозрения. Я просил также председателя партийной фракции в рейхстаге извинить меня за мое отсутствие».

Кто был в это время председателем партийной фракции? Вы имеете в виду председателя фракции нацистской партии?

Папен: Мне кажется, что председателем фракции был Фрик.

Файф: Это была правящая партия, не так ли?

Папен: Да. Из этого письма ясно вытекает, что я просил Гитлера от-

читаться перед рейхстагом за предпринятые против меня и моих сотрудников меры.

Файф: Вы хотели, чтобы он сделал заявление о том, что вы всегда были абсолютно лояльны по отношению к нему? Этого вы хотели? Да?

Папен: Нет.

Файф: Хорошо, если вы не согласны с этим, посмотрите на документ № 718. Это ваши слова, сказанные на следующий день: «Глубокоуважаемый канцлер! После того как вы вчера сделали перед нацией и всем миром ваш великий отчет о внутреннем положении и о событиях, которые привели к 30 июня, я чувствую, что мне хочется пожать вам руку, как я это сделал 30 января 1933 г., и поблагодарить вас за все то, что вы дали германскому народу, подавив в зародыше вторую революцию, провозгласив непреложные принципы государственного мужа. Трагические и печальные обстоятельства помешали мне впервые, начиная с 30 января, быть рядом с вами. Вы сами разрешили мне отсутствовать и проявили понимание того, что вице-канцлер не может занять свое место на министерской скамье, если он подвергается особому обращению (досье, конфискованные у меня, все еще не возвращены мне, несмотря на указания Геринга и ваши собственные). Ваши заявления ясно показали истории, что какое-либо подозрение в связях между мной и этим предательским заговором являлись преднамеренной клеветой и злословием. Я благодарю вас за это заявление». Затем, после того как вы пишете, что люди все еще верят этому, в предпоследнем абзаце вы заявляете: «Поэтому я был бы вам особенно признателен, если бы вы с определенностью заявили при удобном случае, что до сегодняшнего дня», — то есть до 14 июля, — «я преданно стоял рядом с вами и сражался за вас, за ваше руководство, за вашу деятельность на благо Германии».

Что же, подсудимый, вы отрицаете то, что я предъявил вам несколько минут назад? Вы отрицаете, что все, чего вы хотели, — это, чтобы всему миру было заявлено о вашей лояльности по отношению к режиму? Вас совершенно не беспокоило то, что фон Шлейхер и его супруга, фон Бозе и Юнг, и многие другие были убиты правительством империи. Если это не так, то почему вы написали такое письмо?

Папен: Я написал это письмо, и это из самого письма ясно, потому, что меня в последующее время обвиняли в причастности к попыткам убийства Геринга, Геббельса и к другим заговорам. Поэтому для меня было очень важно констатировать, или для меня было важным, чтобы рейхсканцлер констатировал, что я не принимал участия ни в каком заговоре против него в течение всего этого восстания. Само собой разумеется, что в этом письме я сначала говорю о своем положении и о положении, в которое попали мои сотрудники. В мою задачу не входило заботиться о восстановлении чести господина фон Шлейхера — это должна была сделать армия.

Файф: Но сейчас я хочу сказать вам следующее: даже после того, как вы узнали, что ваши друзья были убиты, не говоря уже о ваших старых коллегах, ваши собственные друзья были убиты, вы снова и снова заявляете о вашей лояльности и о том, что вы всегда работали и сотрудничали с Гитлером во всем, что он делал. Вы честно заявляли об этом? Содержание этих писем является честным изложением ваших убеждений или вы утверждаете, что это ложь, которую вы писали для того, чтобы защитить себя?

Папен: Нет, я писал это потому, что в действительности все эти действия, направленные против меня, попытка Гиммлера убить меня и тот факт, что я был арестован, основывались только на том предположении, что я участвовал в каком-то заговоре против правительства Гитлера. Поэтому в самом начале я должен был ясно показать, что, пока я являюсь членом этого правительства, во всей своей деятельности я был всегда в высшей степени лояльным. Вот причина, в силу которой я просил констатировать эти факты.

Файф: Вы помните, что ваш защитник по вашим инструкциям послал опросный лист барону фон Лерснеру? Это вопрос № 2. «Правильно ли, что подсудимый фон Папен, исповедуя консервативные идеи, надеялся изменить политику Гитлера и склонить его к своим собственным взглядам, но что после того, как 30 июня произошли убийства и Гитлер их оправдал, подсудимый убедился в том, что все надежды и стремления были напрасны».

И Лерснер весьма естественно отвечает на этот вопрос: «да».

Скажите, это правильно выражает ту точку зрения, которой вы придерживались до того времени, «до тех пор пока 30 июня 1934 г. произошли убийства, и одобрение этих убийств Гитлером убедило его», то есть вас, в том, что ваши надежды и стремления были напрасны? Вы согласны с этим? Это опросный лист, предъявленный вам вашим собственным ученым защитником?

Папен: Да, да, я согласен с этим.

Файф: Если таковы были ваши взгляды, почему вы писали такие письма, высказывая такое верноподданническое восхищение Гитлером?

Папен: То, что я хотел сказать этим опросным листом, или, вернее, то, что я хотел спросить у Лерснера, заключается в следующем: правильно ли...

Файф: Это один из наиболее ярких образцов наводящего вопроса, который я когда-либо видел. Вы заявляете, что ваш опросный лист является выражением вашей точки зрения, не так ли?

Папен: Это можно было бы, сказать, если принять во внимание, что я был того мнения, что после 30 июня стала очевидна невозможность дальнейшего сотрудничества с Гитлером и вследствие этого стало ясно, что программа коалиции, на которой мы согласились, потерпела крах...

Файф: Вы снова говорите о своей неизменной верности Гитлеру и восхищении им, и повторяете то, что вы всегда сотрудничали с ним. «Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии». Если ваша точка зрения изложена в этом опросном листе и заключается в том, что основы вашей веры были поколеблены, почему вы пишете, что вы остаетесь всецело преданным деятельности Гитлера ради Германии?

Папен: И вам и Суду я уже заявлял, что надеялся, что, несмотря на этот крах Гитлера в области внутривнутриполитической и в области внешнеполитического курса, он будет вести благоразумную политику. Он был уже у власти, мы ведь не могли теперь отстранить его от власти, мы должны были считаться и с Гитлером и с его правительством.

Как известно, все остальные министры остались на своих постах. Я был единственным человеком, который ушел с поста. Все эти письма, с помощью которых вы хотите доказать, что я нечестен или говорил

неправду, или, как вы это называете, что я лжец или обманщик, не могут скрыть от мира того факта, что я тогда ушел с поста.

Файф: И через одиннадцать дней вы приняли новый пост. Через одиннадцать дней после последнего письма вы взяли на себя представительство интересов — я не скажу банды убийц — вы представляли это правительство, сделавшее убийство орудием своей политики», на посту полномочного министра в Австрии, через одиннадцать дней после вашего последнего письма. Давайте посмотрим, играл ли здесь роль мотив убийства. Думали ли вы, что Гитлер фактически стоял за путчем в Австрии, который привел к убийству канцлера Дольфуса?

Папен: Я знал, что назначенный им руководителем австрийской партии Габихт был, во всяком случае, связан с этим делом, но что сам Гитлер дал свое согласие на этот акт, — это мне не было известно.

Файф: А вы думали о том, что министерство иностранных дел Германии фактически стояло за этим путчем?

Папен: Министерство иностранных дел?

Файф: Да.

Папен: По моему мнению, оно не имело ничего общего с этим.

Файф: Вы думали тогда, что Рит, посол Германии в Вене, фактически направлял этот путч?

Папен: Нет, мне только известно, что Рит вел переговоры с австрийским правительством.

Файф: И вы не знали о том, что Гитлер стоял за этим? Вы отрицаете, что министерство иностранных дел имело отношение к этому путчу? Вы не знали, что Рит был с этим связан? Посмотрите на страницу 98 книги документов. Это — ваш отчет, отчет, сделанный год спустя. Я рассматриваю его не в хронологическом порядке. Это, по-моему, последний параграф страницы 79 немецкого текста:

«Надежда на то, что личные переговоры между фюрером и рейхсканцлером, а также главою итальянского государства Штресе приведут к урегулированию германо-итальянских разногласий, перешла в свою противоположность, поскольку Муссолини после убийства его друга Дольфуса занял угрожающую позицию и поскольку была проведена частичная мобилизация итальянских войск на Бреннере. Стало совершенно ясно, что попытки восстановить с Германией дружественные и нормальные отношения путем посылки меня в Вену были тогда невозможны после событий недавнего времени. Недоверие к насильственным методам австрийской национал-социалистской партии, — обратите внимание на следующие слова, — поскольку становилось все более и более ясным из прошедших судов, что она находится под влиянием руководящих германских деятелей, было слишком сильным. Впечатление, произведенное террористическими методами, а также смерть федерального канцлера все еще живы в памяти у широких слоев».

Теперь, подсудимый, скажите Трибуналу, каких руководящих германских деятелей вы имели в виду, утверждая, что они стояли за путчем 25 июля? Кто были эти люди, которые, как вы заявляете, стояли за убийством Дольфуса? Кто они?

Папен: Ни в коем случае этим лицом не был бывший германский посол в Вене фон Рит, а только Габихт и подчиненные ему лица, которые руководили политикой австрийских национал-социалистов.

Файф: Я хочу знать другое. Я спросил вас, кто были руководящие

представители германского государства? Вы не собираетесь заявлять здесь Трибуналу, что Габихт, связанной при национал-социалистской партии Австрии, был германским руководящим деятелем? Кто были эти люди? Вы ведь не собираетесь утверждать, что австрийские нацисты были руководящими германскими деятелями? Кто были люди, о которых вы говорите как о высокопоставленных представителях германской империи?

Папен: Руководящей личностью был, несомненно, Габихт. Это письмо написано еще для того, чтобы сказать Гитлеру: «Посмотри, это ты наделал!»

Файф: Вы хотите, чтобы Трибунал принял всерьез, как основание для вынесения суждения о вашей правдивости, ваше заявление о том, что под руководящими германскими деятелями вы подразумеваете Габихта и никого иного, хотя вы употребляете множественное число? Разве вы не помните, подсудимый, — подумайте, прежде чем ответить, что генерал Глейзе-Хорстенау не мог даже вспомнить имени Габихта, когда давал свои показания? Вы не можете серьезно здесь заявлять, что вы имели в виду под этими высокопоставленными, представителями связанного австрийской НСДАП? От вас можно ожидать большего. Подумайте еще раз и скажите: кого вы на самом деле имели в виду?

Папен: Господин обвинитель, Габихт не был агентом, он был назначен Гитлером в качестве руководителя национал-социалистской партии Австрии, так что я с полным правом могу назвать его руководящей личностью. Поскольку Гитлер знал уже тогда о всех происходивших событиях, то при чтении моего письма ему должно было быть понятно, что я имею в виду.

Файф: Но даже если я приму ваше заявление о Габихте, чего я, конечно, никогда не сделаю, то это ведь только один человек. Кто были остальные? Вы здесь говорите о высокопоставленных руководителях германской империи? Кто были люди, руководившие этим путчем и убийством?

Папен: Я должен сказать вам откровенно, что с тех пор прошло уже двенадцать-пятнадцать лет, и я не могу уже вспомнить, кого именно я имел в виду, когда писал эти строки. Во всяком случае, целью этого письма было показать Гитлеру, что те методы, которыми там действовали, были много вреднее, много ненадежнее, чем мы тогда думали.

Файф: Мы будем исходить из того, что вы считали, что за убийством Дольфуоа стояли какие-то неопределенные высокопоставленные лица из Германской империи. Теперь, оставляя это, давайте рассмотрим, что вы говорите в отношении показаний Мессерсмита. Насколько я понимаю, вы отрицаете показания Мессерсмита в тех местах, которые касаются вас. Давайте посмотрим на его показания и увидим, в какой мере вы сможете серьезно доказать, что показания его неверны. Я хочу, чтобы вы посмотри на этот отрывок из письменных показаний. Абзац начинается со слов: «Что политика аншлюсса осталась совершенно неизменной, подтвердил мне Франц фон Папен, когда он прибыл в Вену в качестве посла Германии».

Папен: Да.

Файф: Посмотрите на несколько строк ниже. Дальше Мессерсмит заявляет: «Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он встретил меня словами: «Теперь вы у меня в миссии, и я могу направлять наш

разговор». В самой 'наглой и циничной форме он затем заявил мне, что вся юго-западная Европа до границ Турции естественно представляет собой тыл Германии и что он облечен полномочиями ,облегчить экономический и политический контроль Германии над всей этой территорией. Он совершенно прямо и откровенно сказал мне, что контроль над Австрией будет первым шагом. Он определенно заявил, что находится в Австрии для того, чтобы ослабить и подорвать австрийское правительство и действовать из Вены таким образом, чтобы ослабить другие государства на юге и на юго-западе. Он сказал, что так как он пользуется репутацией хорошего католика, то он намеревается использовать ее для того, чтобы приобрести влияние на некоторых австрийцев, таких, как ; кардинал и другие. Он сказал, что он говорит мне это потому, что германское правительство с целью приобретения контроля над Западной , Европой хочет идти на все и что нет ничего, что могло бы остановить его на этом пути, а также что наша политика и политика Франции и Англии ; не строится на учете реального положения вещей». Затем господин Мессерсмит говорит, что сказал вам, как он был поражен, и что вы только ; улыбнулись и ответили, что этот разговор, конечно, останется между ; вами и? что ни вы, ни Мессерсмит не будете говорить так откровенно с другими. Затем он заявляет: «Я вхожу в эти детали потому, что очень характерно, как откровенно и прямо высокопоставленные нацистские чиновники говорили о своих целях». И теперь вы заявляете Трибуналу, что вы не говорили ничего подобного Мессерсмицу. Независимо от того, говорили вы Мессерсмицу или нет, скажите, отрицаете ли вы, что это были ваши намерения и цели?

Папен: Да, я отрицаю, что мои цели и намерения были такими, какими излагает их здесь Мессерсмит.

Файф: Я хочу рассмотреть еще один вопрос. Я прошу вас на одну минуту обратиться к документу, на который вы смотрели некоторое время назад. Это документ 2248-ПС. Это обзор, который вы сделали в 1935 году. Посмотрите на страницу 81.

«Великая историческая речь фюрера 21 мая этого года, а затем морское соглашение значительно ослабили напряжение во внешней политике в отношении Англии. Но ясно и окончательно определившееся отношение национал-социализма к советской доктрине государства, естественно, удвоили франко-русские попытки помешать нашему проникновению на восток и юго-восток, в то же время не приведя к ослаблению напряжения и в других направлениях, путем явного отказа от включения или аннексии Австрии. Все попытки вновь образованной Третьей империи вести экономическое, в особенности политическое, наступление на юго-восточную Европу немедленно сталкивались с фронтом, образованным всей Европой».

Кто внушил вам идею экономического или политического наступления на юго-восток Европы? Вы говорили об этом с подсудимым Нейратом? Вы сами пришли к этому выводу?

Папен: Само собой разумеется, но я делаю здесь лишь негативное утверждение. Я констатирую, что наступление в направлении юго-восточной Европы должно столкнуться с фронтом, образованным всей остальной Европой. Итак, я предостерегаю от этого.

Файф: Вы понимаете г-н фон Папен, что я не могу сделать сейчас никаких комментариев. Я могу только обращать ваше внимание на от-

дельные моменты. Я спрашиваю вас, внушил ли вам эту идею, скажем, министр иностранных дел, или это были ваши собственные идеи? Вы говорите, что это ваши собственные идеи?

Пален: Да.

Файф: Посмотрите на страницу 82, где вы говорите: «Этот реалистический обзор европейского положения непосредственно показывает, что германо-австрийская проблема не может быть, по крайней мере в ближайшем будущем, успешно разрешена с точки зрения внешней политики. Мы должны в настоящее время довольствоваться тем, чтобы международное положение Австрии не ухудшилось, имея в виду разрешение проблемы в будущем. В этой связи опасность пакта о невмешательстве и двустороннего пакта может быть успешно предотвращена. Окончательное оформление этого решения зависело и зависит лишь от формы германо-австрийских отношений и ни от чего более».

Почему вы так боялись пактов о невмешательстве, если вы считали, что возможно только эволюционное решение австрийского вопроса, опирающееся на волю самой Австрии? Почему вы так боялись пакта о невмешательстве, который обязал бы Германию не вмешиваться во внутренние дела Австрии?

Пален: По очень простой причине. Все политические комбинации, которые в то время проводились противной стороной, имели лишь одну цель, а именно — запутать Австрию в такую комбинацию, независимо от того, подразумевать ли под этим дунайский пакт или пакт с Италией или Францией, создать для нее такую ситуацию, которая бы сделала невозможным развитие идеи аншлюсса. Само собой разумеется, что вследствие этого целью нашей политики должно было быть и остаться не допустить ухудшения международного положения Австрии.

Файф: Да, я ожидал, что вы именно так ответите. Взгляните сейчас на страницу 83. Это следующий абзац: «Немецкий народ в течение веков шел по пути страданий для того, чтобы добиться единства. На заре национал-социализма и при создании Третьей империи путем окончательного уничтожения всякого государственного партикуляризма появилась единственная неповторимая возможность закончить работу Бисмарка и приблизить разрешение проблемы отношений между Германией и Австрией и сделать это в результате динамического развития событий внутри Германии». Разрешите мне кратко сформулировать то, что вы, по-моему, понимаете под завершением задачи этого человека, потому что, я надеюсь, у нас не будет разногласий в вопросах истории, каковы бы они ни были в другом. Насколько я понимаю, вы считаете, что Бисмарк в 1871 году, создав Германскую империю, сделал лишь попытку разрешить эту проблему, так как империя Габсбургов осталась отделенной от Германии, а завершением этой задачи было бы, по вашему мнению, включение старых владений Габсбургов в Германию вместе с другими государствами германской нации, входившими в священную Римскую империю. В общих чертах, это то, что вы хотели сказать?

Пален: Совершенно верно. Не все габсбургские государства, а только Австрию — часть Германской империи.

Файф: Вы имели в виду первоначальную империю Габсбургов?

Пален: Да.

Файф: Что вы хотели сказать, заявив, что разрешение вопроса об отношениях между Германией и Австрией должно было быть достигнуто

в результате «динамического развития событий внутри Германии». Что вы имели в виду, говоря эту фразу?

Папен: Под этим я имел в виду следующее. Еще никогда в истории Германии не случилось, чтобы какая-нибудь большая партия, которая написала на своем знамени единство Германии, существовала в обоих государствах. Это было бы неповторимым историческим явлением, и этим я хотел сказать, что динамика этого движения в обеих странах, которая требует единства, обеспечивает перспективу разрешения этого вопроса.

Файф: Подсудимый, я хочу объяснить вам, в чем именно состоит трудность, с которой я сталкиваюсь. Как вы могли совместить существование централизованной Германии во главе с национал-социалистским правительством, чьи неразборчивые методы вы тогда уже знали после событий 30 июня 1934 г., как вы могли совмещать существование централизованной Германии, достигнутое весьма неразборчивыми методами, с эволюционным разрешением австрийской проблемы?

Видите ли, именно это говорится в данном абзаце. Мне кажется, что все это проще, чем вы говорите. Мне кажется, что вы стремились к аннексии Австрии при первой возможности национал-социалистской империей.

Папен: Само собой разумеется, что я должен был считаться с существовавшим тогда положением, и я считался с ним как каждый политик с реальным мышлением. Итак, я пытался с помощью имеющихся факторов национал-социалистской партии в обеих странах прийти к разрешению этого вопроса.

Файф: Видите ли, в настоящий момент я прошу вас объяснить, что вы имел в виду под выражением: «динамическое развитие внутренних событий в Германии». Короче говоря, подсудимый, я хочу, чтобы вы ясно поняли, что Мессерсмит говорил прежде всего о ваших действиях в Юго-Западной Европе; во-вторых, он говорил о том, что Австрия была первым шагом, первым объектом.

Теперь я прошу вас обратиться к странице 102 того же документа. Это ваш собственный отчет от 18 октября 1935 г. Я хочу, чтобы вы рассмотрели третье утверждение Мессерсмита относительно вас, которое вы отрицаете,—утверждение о том, что вы собирались работать в Австрии путем ослабления ее государственного строя. Я прочитаю первую фразу, чтобы вы поняли, о чем идет речь.

Документ начинается словами:

«Вчерашняя перетасовка кабинета напоминает бескровный бунт принца Штаремберга и хеймвера (австрийской организации внутренней безопасности). Становится совершенно ясно, что министр Фей уже ранее слышал о своей предполагавшейся отставке и что уже вчера днем по его указанию общественные здания в Вене были заняты преданными ему воинскими частями хеймвера. Правительство немедленно, в виде контрмеры, усилило охрану, приданием ей полицейских частей».

Далее вы рассматриваете создавшееся положение вещей. Это начало отчета. Затем, если вы посмотрите на следующую страницу, вы говорите:

«Несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы доказать, что перемещения в кабинете были проведены для консолидации внутренних сил страны, австрийское общественное мнение, в том числе круги хеймвера, чувствуют, что страна вступает на очень шаткую почву. С нашей точки зрения, изменение положения вещей весьма желательно. Всякое новое ослабление системы является

для нас преимуществом, даже в том случае, если сначала фактически положение кажется направленным против нас. Фронты начинают двигаться, и наша задача будет состоять в том, чтобы поддерживать их в этом состоянии движения».

Итак, подсудимый, из этого с определенностью вытекает, что вы полагали, что если только в австрийском государстве создается положение политической неустойчивости или беспорядка, то неважно, будет ли данный демарш антигерманским, лишь бы только росло недоверие и возрастало напряжение. Это было преимуществом для Германии, и именно этого вы желали.

Ведь именно таков смысл этих строк, не правда ли?

...Я продолжу чтение.

«Продолжение переговоров по поводу компенсации, которые были прекращены со времени Женевской декларации, кажется совершенно излишним в настоящее время. Было бы хорошо еще более возбудить уже взбудораженное общественное мнение против итальянской политики путем умной и тактичной обработки через прессу, однако без того, чтобы дать правительству всякий повод обратиться к новым отчаянным мерам и начать новую пропагандистскую кампанию против нас. Я был бы очень благодарен, если бы имперский министр пропаганды выделил на эту работу несколько опытных журналистов. В остальном он не может дать событиям развиваться самостоятельно в ближайшем будущем. Я уверен, что перемещение сил на европейской шахматной доске даст нам возможность в недалеком будущем активно перейти к вопросу об организации влияния на юго-западных территориях».

Необычайно — да позволено мне будет так сказать — необычайно, как Мессерсмит сумел изложить ваши мысли и идеи, если между вами никогда не было такого разговора, не правда ли?

Прежде чем закончить вопросы, связанные с показаниями Мессерсмиты, подсудимый, я хочу задать вам три вопроса относительно других стран Юго-Восточной Европы, о которых упоминал Мессерсмит. Было ли вам известно, что министерство иностранных дел Германии руководило движением Генлейна среди судетских немцев и финансировало его?

Папен: Мне кажется, что я только теперь узнал об этом, так как в 1935 году, когда был составлен этот отчет, вопрос о судетских немцах вовсе не был актуальным.

Файф: Когда вы узнали об этом?

Папен: В основном я узнал об этом здесь, в зале суда.

Файф: Было ли вам известно, что империя поддерживала Кодриану и «железную гвардию» в Румынии?

Папен: Мне кажется, что это было в более поздний период.

Файф: Вы узнали об этом несколько позже 1935 года, не так ли? Когда вы узнали об этом?

Папен: Я не могу точно это сказать, но мне кажется, что эти события с «железной гвардией» в Румынии относятся приблизительно к 1937 году.

Файф: Было ли вам известно, что в 1944 году в имперской государственной газете, которую издавал подсудимый Кальтенбруннер, обсуждался вопрос о том, что вы являетесь подходящим канцлером для того, чтобы сделать то же самое в Венгрии и обеспечить приобретение империей Венгрии, то есть предполагалось, что вы можете быть использованы

для проведения работы внутри Венгрии для того, чтобы включить ее в империю. Было известно вам об этом?

Папен: Нет. Во-первых, я этого не знал, а во-вторых, я позволю себе сказать, что сама эта мысль невероятна, так как я был очень дружен с регентом Венгрии Хорти, и в своем опросном листе адмиралу Хорти я поставил ему вопрос, на который он, к сожалению, не ответил, так как он уже не помнит этого. Там констатируется, что осенью 1943 года венгерский министр внутренних дел Керестсе-Фишер передал мне документ, из которого ясно вытекало, что германские или германо-венгерские силы хотели добиться аншлюсса Венгрии с Германией. Этот документ по желанию регента Хорти я тотчас же передал фон Риббентропу и попросил его принять необходимые меры для предотвращения этого. Это подтверждается документами, и венгерский министр внутренних дел может подтвердить это.

Файф: Видите ли, подсудимый, я хочу сказать о другом. Мне без различно, примете ли вы мою точку зрения или нет. Я хочу сказать, что выбор пал на вас. Разве вы этого не знаете? Вы ведь знаете, на какой документ я ссылаюсь сейчас. Это документ, на котором имеется множество пометок Кальтенбруннера. В этом документе о вас пишется как о лице, которое могло бы провести внутреннюю работу в Венгрии.

Папен: Да, с этими записями я познакомился после того, как вы предъявили их здесь.

Файф: Если вы узнали об этом только здесь, то единственно, что я хочу знать,—это было ли вам известно в 1944 году о том, что в правительственном документе, изданном в Германии, о вас говорилось как о подходящей кандидатуре для внутренней работы в Венгрии с целью присоединения ее к Германии? Если вы скажете, что вы об этом не знали, то мне нет необходимости больше беспокоить вас по этому поводу. Вы говорите, что узнали об этом лишь позавчера?

Папен: Во-первых, это так и было, во-вторых, известным из истории фактом является то, что я неоднократно возражал против этих стремлений, имевших место в Венгрии, поскольку они имели своей целью каким-либо путем, а позднее путем оккупации, сделать Венгрию составной частью Германской империи. Я считал это самой неправильной и самой невозможной политикой, которую можно было бы проводить.

Файф: Помните ли вы, подсудимый, гаулейтера Рейнера, с которым у вас был случайный и, я уверен, очень интересный разговор накануне аншлюсса? Вы помните свидетеля Рейнера? Я хочу, чтобы вы рассмотрели точку зрения, которую высказал Рейнер о положении вещей, когда вы начали работать, и чтобы вы сказали Трибуналу, согласны ли вы с ней. Этот документ начинается на странице 6, а выдержка, на которую я хочу сослаться, находится на странице 8. Вы нашли абзац, который начинается словами:

«Таким образом, началась первая стадия борьбы, которая окончилась восстанием в июле 1934 года. Решение провести это июльское восстание было правильным, но было допущено много ошибок при его проведении. В результате была полностью разгромлена организация, потеряны целые группы бойцов из-за их тюремного заключения или бегства в «старую империю»; а что касается политических взаимоотношений между Германией и Австрией, то это восстание привело к формальному признанию австрийского государства германским правительством.

Телеграммой Папену, в которой давались инструкции восстановить нормальные отношения между двумя государствами, фюрер закончил первую стадию борьбы, и должен был начаться новый метод политического проникновения в Австрию».

Согласны ли вы с тем, что это является правильной характеристикой вашей работы — «новый метод политического проникновения»?

Папен: Нет, это совершенно неправильное описание моей деятельности.

Файф: Таким образом, если вы не согласны с Рейнером, то скажите, вы ведь хорошо знаете свидетеля, вы должны очень хорошо знать? свидетеля Пауля Шмидта? Вы знаете его?

Папен: Да.

Файф: Очень хорошо. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что это одно из тех лиц, против которых никто не сказал ни одного слова в течение суда. Вы согласны? Я не слышал ни одного слова критики по адресу Пауля Шмидта. Разве вы не согласны со мной?

Папен: Вы говорите о свидетеле-переводчике Шмидте или о министре иностранных дел Шмидте?

Файф: Я говорю о переводчике Пауле Шмидте.

Папен: О переводчике Пауле Шмидте. Я сейчас скажу вам свое мнение о нем.

Файф: Согласны ли вы с тем, что этому человеку можно доверять, или вы заявляете, что он не является человеком, заслуживающим доверия?

Папен: Я ничего не имею возразить в отношении личных качеств этого человека, но я очень резко возражаю против того, что Шмидт разрешает себе давать оценку моей политической деятельности в Австрии.

Файф: Перед тем как вы будете давать объяснения относительно этого, посмотрите на этот документ. Это письменные показания Пауля Шмидта. Я прошу вас заслушать, что говорил Пауль Шмидт:

«Планы аннексии Австрии являлись частью нацистской программы с самого начала. Оппозиция Италии после убийства Дольфуса временно вынуждала подходить к этой проблеме более осторожно, но применение санкций против Италии Лигой наций вместе с быстрым увеличением военной мощи Германии обеспечило завершение австрийской программы. Когда Геринг посетил Рим в начале 1937 года, он объявил, что союз Австрии и Германии является неизбежным и что его нужно ожидать рано или поздно. Муссолини, услышав эти слова по-немецки, промолчал и выразил лишь очень слабый протест, когда я перевел эти слова на французский язык. Проведение аншлюсса являлось преимущественно делом партии, в котором роль Папена заключалась в том, чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения, в то время как партия использовала гораздо более изощренные способы».

Затем свидетель — я скажу об этом, чтобы все было ясно, — делает ошибку: он говорит о речи Гитлера от 18 февраля, под которой, к сожалению, переводчик поставил ваше имя. Но я не основываюсь на этом. Я хочу лишь знать, согласны ли вы с тем, что ваша задача «заключалась в том, чтобы дипломатические отношения остались нормальными, в то время как партия использовала более изощренные методы». Согласны ли вы с тем, что это описание вашей программы и вашей миссии в Австрии является правильным?

Папен: Совсем напротив. Она абсолютно иная. Мою задачу, которую я должен был разрешить в Австрии, я весьма подробно и ясно изложил Суду.

Эта задача состояла в умиротворении и нормализации положения и в дальнейшем проведении политики востания друг в друга обоих государств.

Файф: Если такова была ваша точка зрения относительно вашей миссии в Австрии, то почему для вас было необходимо получить сведения о местоположении камер со взрывчатыми веществами на австрийских стратегических дорогах? Это, пожалуй, возвращение назад, к развитию той идеи, против которой вы так решительно возражали. Не так ли? Что же, если вы не помните, разрешите вам напомнить. Документ № Д-689. Трибунал найдет это на странице 102.

Речь идет об открытии дороги Гроссглокнер. Это, как вам известно, дорога из Зальцбурга в Каринтию, которая имеет некоторое стратегическое значение. Помните ли вы, что после вашего описания событий в Зальцбурге, где толпа пела все песни, кроме «Хорст Вессель», и немецкие шоферы устроили состязание, в параграфах 3 и следующем вы говорите: «Строительство этой дороги, несомненно, является первоклассным достижением культуры, в котором германские строительные фирмы приняли основное участие, имевшее решающее значение. Главный инженер имперской фирмы, которая строила туннель на самом высоком участке дороги, предложил информировать меня о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в этом туннеле. Я направил его к военному атташе».

Вот как вы сочетали культуру и демонстрацию превосходства германского дорожного строительства с получением информации о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в туннеле, который является одной из стратегически важных участков дороги. Почему вы считали это столь важным, что послали донесение об этом самому Гитлеру и три копии направили в министерство иностранных дел?

Папен: Я представляю совершенно, точный отчет о событиях, связанных с открытием этой автострады.

Файф: Я вас спрашиваю, почему вы направили Гитлеру сообщение о том, что вам доложил германский инженер, а именно, что камеры со взрывчатыми веществами находятся на важном участке дороги, где она могла бы быть преграждена? Почему вы считали нужным сообщить об этом Гитлеру? Я хочу, чтобы вы ответили Трибуналу именно на этот вопрос.

Папен: Потому, что мне казалось интересным, что этот человек без всякого вопроса с моей стороны подошел ко мне и сказал мне приблизительно следующее: «Там-то и там-то можно взорвать этот туннель»... Вы знаете, что в это время между Германией и Италией отношения были очень напряженными и что Италия на границе у Бреннера сконцентрировала войска. Поэтому мне казалось интересным, что этот новый путь, связывающий Германию с Италией, в подходящий момент может быть снова прерван. Впрочем, я передал это дело своему военному атташе, поскольку это меня лично не интересовало.

Файф: Нет, вы тогда уже занимали такое положение, что сами лично не могли заниматься такими вещами. Вы возглавляли миссию, а это было дело военного атташе. Подсудимый, намеревались ли вы, вводя герман-

скую культуру, как, например, строя дороги, в то же время получать стратегическую информацию, которую вы могли передавать вашему правительству, подрывая тем самым стратегические планы' австрийского правительства по использованию этой дороги?

Вы также сообщили, где будут находиться австрийские склады снаряжения и заводы боеприпасов, не так ли?

Папен: Я не помню.

•;

Файф: Если вы не помните, то посмотрите сами на документ. Вы найдете его через несколько страниц. Это документ Д-694. Абзац, который: я зачитаю, находится на странице 111. Вы должны найти это на самом верху страницы 112 в немецкой книге документов. После того как вы говорите о влиянии Манделя, на чье еврейское происхождение вы ссылаетесь, вы затем переходите к принцу Штарембергу и говорите: «После того как производство боеприпасов для Италии должно было быть приостановлено в Хиртенберге в связи с пролетами Италии, он, Мандель, погрузил весь завод на железнодорожные платформы для того, чтобы продолжать работу в Италии». Обратите внимание на слова в скобках: «Между прочим, это очень интересное положение для австрийской промышленности боеприпасов».

Считали ли вы, согласно одному из положений вашей теории восстановления нормальных отношений, что вам следовало доносить об изменениях в промышленности боеприпасов в Австрии?

Папен: Нет, это не входило в мои задачи, но из этого отчета ясно вытекает, что я в этом отчете передаю мою беседу с польским послом Гавронским, который рассказывал мне, что этот единственный завод боеприпасов, который имелся в Австрии, перебазировался в Италию. И я писал по этому поводу, что мне в то время показалось очень странным, что одна страна должна получать военное снаряжение за границей, в другой стране. Вы должны согласиться со мной, что это очень странное явление, о котором стоило написать в своем отчете.

Файф: Теперь я хочу перейти к другому вопросу — и опять хочу лишь коротко остановиться на нем — а именно к вашей личной деятельности в Австрии. Помните, когда вы поехали на зальцбургский фестиваль в 1935 году, когда вы уже находились в Австрии около года? Вы помните об этом? Я не знаю, помните ли вы, что вы были там в этот год, — ведь вы ездили туда ежегодно? Я хочу напомнить вам о следующем. Помните ли вы, что в то время пятьсот национал-социалистов приветствовали вас музыкой и устроили такую демонстрацию, что некоторые другие гости в отеле хотели телефонировать или телеграфировать федеральному канцлеру о том, что приезд германского посла вызвал большую нацистскую демонстрацию? Вы помните этот факт?

Папен: Да.

Файф: Помните ли вы, подсудимый, митинг ветеранов первой мировой войны?

Папен: Да.

Файф: Если я не ошибаюсь, это было в 1937 году, не так ли?

Папен: Совершенно правильно.

Файф: И вся подготовительная работа была проделана для того, чтобы устроить встречу «не политического характера» и воссоединить австрийские полки с ветеранами из германских полков. После этого митинга должен был состояться какой-то обед или завтрак, и эта встреча

должна была закончиться пением и весельем. Такова была программа? Не правда ли?

Папен: Да.

Файф: На этом митинге выступали генерал Глейзе-Хорстенау и вы?

Папен: Да, правильно.

Файф: Я полагаю, вы согласитесь с тем, что генерал Глейзе-Хорстенау произнес не очень блестящую речь. Это была не очень блестящая речь — таково было ваше впечатление, не так ли? Она была интересна, но не динамична. Я не хочу обидеть генерала, я просто хочу выяснить факт.

Папен: Это так.

Файф: Затем вы произнесли речь, которая была очень короткой, не так ли? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Файф: После вашей речи на улицах Вельса начались драки и стрельба. Там имели место беспорядки, не правда ли?

Папен: Разрешите, я опишу подробнее, как это было.

Файф: Да, пожалуйста, если вы можете это сделать. Я хотел установить факты.

Папен: В Вельсе была назначена встреча организаций старой немецкой армии первой мировой войны, так называемого «военного союза» и союза ветеранов войны Австрии. Все это было вполне законно и в духе нашей совместной политики, — наши совместные переживания во время первой войны должны были быть обновлены этими союзами. Когда состоялась эта встреча, которая по моему желанию и по желанию австрийского правительства должна была носить совершенно аналогичный характер, выяснилось следующее. Место, где происходило собрание союзов ветеранов, когда я туда прибыл, было окружено пятью или десятью тысячами людей. Австрийское правительство для приема германских гостей выстроило почетный караул, численностью в одну роту, и когда при моем прибытии оркестр начал играть австрийский национальный гимн, эти десять тысяч человек, окружавшие площадь, стали одновременно петь немецкий национальный гимн, так как известно, что мелодия этих гимнов одна и та же. Когда я затем, в ходе этого торжества, произнес свою короткую речь, выяснилось, что меня неоднократно демонстративно прерывали эти тысячи людей. Конечно, я сразу же понял, что здесь со стороны австрийских национал-социалистов планировалась большая политическая демонстрация, поэтому я прервал свою речь и вскоре после этого покинул площадь и вообще оставил Вельс. Совершенно правильно, что когда началось торжество и когда австрийская полиция хотела выступить против австрийских демонстрантов, то дело дошло до очень неприятных инцидентов.

Файф: Вы так объясняете эти события? Я изложил факты. Я хочу теперь перейти к другому вопросу, потому что я могу только приводить примеры вашей деятельности в Австрии.

Помните ли вы, что до того как вы слышали показания Зейсс-Инкварта, термин «тактика троянского коня» употреблялся в применении к Австрии?

Папен: Да. Зейсс-Инкварт сам не хотел вести такого «троянского коня».

Файф: Но ведь до этого вы сами говорили о тактике «троянского коня».

Это страница 133 книги документов 11-А. Это ваш отчет Гитлеру от 21 августа 1936 г., где вы цитируете инструкцию секретной службы в Праге ее отделению в Вене, которая гласит: «К сожалению, следует отметить, что дикие эксцессы национал-социалистов, имевшие место 29 июля этого года, не привели к тем результатам, которых мы ожидали. Приближение Австрии к третьей империи в области внешней политики продолжает прогрессировать так же, как и процесс «культурного» сотрудничества двух братских наций. Можно только сделать вывод из наших последних отчетов, что «троянский конь» национал-социализма вносит все большее и большее смущение в ряды отечественного фронта и в особенности в ряды хайматшутце («внутренней гвардии»).

Оппозиция против нормализации германо-австрийских отношений, которая очень опасна для австрийской независимости, тем не менее является очень сильной. Дело, видимо, лишь в том, что нехватает хорошей организации».

Скажите, правильно ли этот чешский отчет излагает события? Поверхностная нормализация отношений, а по существу — применение методов «троянского коня» внутри страны?

Папен: Это точка зрения чешской секретной службы и, возможно, чешского правительства.

Файф: Разрешите вам напомнить, подсудимый, что эту точку зрения вы сами цитируете в своем отчете фюреру и не возражаете против нее. В вашем отчете нет ни единого слова о том, что точка зрения является неправильной. Вы говорите, что приводите ее для того, чтобы «пролить свет на современное положение вещей в Австрии». Вы приводите эту цитату как правильную информацию для фюрера. Таким образом, я полагаю, что вы не можете скинуть ее со счета простой ссылкой на то, что это только чешский отчет.

Папен: Все же я обращаю ваше внимание на тот факт, что этот отчет написан 26 августа 1936 г., то есть месяц спустя после заключения нашего июльского соглашения, относительно которого вы утверждали, что это было фальшивым маневром, и в отношении которого мы вместе с австрийским министром иностранных дел констатировали, что это было очень серьезное соглашение.

Председатель: Что вы скажете относительно последнего абзаца?

Файф: Благодарю вас. Там говорится:

«Кроме того, кажется безнадежным и практически невозможным для нас стремиться оказать влияние на австрийский легитимизм и движение хеймвера. С одной стороны, среди австрийских католиков имеются сравнительно влиятельные элементы, которые могли бы, с известными ограничениями, быть названы демократическими. Эти элементы, которые постепенно группируются вокруг «Союза свободы» и которые склонны в основном работать для достижения соглашения с социал-демократами, представляют, по нашему мнению, ту группу, которая при известных обстоятельствах могла бы склониться к тому, чтобы вызвать революцию во внутренней политике Австрии».

Скажите, приводили ли вы эту точку зрения, как отражающую ваше мнение по данному вопросу?

Папен: Я весьма подробно и точно изложил Суду цели и характер

данного «Союза свободы». Суд знает из отчетов, что чешское правительство старалось оказать известное влияние на этот «Союз свободы». Это совершенно ясно вытекает отсюда. Ведь этот отчет составлен чешским правительством.

Файф: -Но вы ведь приводили его как вашу точку зрения в вашем отчете Гитлеру. Грубо говоря, вы хотели этим сказать, что католическая левая могла быть использована как средство для сближения. Фактически вы говорите именно об этом?

Папен: Но вы же не можете требовать от меня признания того, что я предъявил Гитлеру чешский отчет, для того, чтобы сказать, что мои взгляды тождественны тем, которые изложены в этом отчете?

Файф: Именно в этом я вас обвиняю. Если вы пишете главе государства, что «для того, чтобы пролить свет на современное положение вещей в Австрии, я прилагаю выдержку из этого отчета», значит, как я предполагаю, этот отчет правильно излагает с вашей точки зрения положение вещей, не так ли? Именно это я и говорю вам.

Папен: Нет. Я придерживаюсь совершенно другого мнения, ибо из другого отчета, который вы тоже предъявили Суду, вытекает, что я прошу Гитлера оказать противодействие стремлениям чешского правительства повлиять на «Союз свободы», усилив наше собственное влияние на него.

Файф: Подсудимый, вы просили, у Гитлера 100000 рейхсмарок для поддержки «Союза свободы». Вы в точности следовали тому, что вы здесь высказали, а именно вашему утверждению, что католики могут быть той силой, которая может быть использована как точка опоры, для того чтобы приобрести влияние еще на одну группу общественного мнения Австрии. Я утверждаю, что обе эти вещи как раз совпадают. С одной стороны, вы говорите Гитлеру, что они полезны...

Папен: Да, это так.

Файф: И, с другой стороны, вы хотите поддержать их сотней тысяч имперских марок. Именно это я и говорю вам...

Папен: Я согласен с этим.

Файф: Что вы все время стремились к приобретению влияния на общественное мнение Австрии, выигрывая одну его группу за другой для работы в целях подавления свободы в Австрии. Именно это я хочу сказать, об этом я вас спрашиваю. Не думаю, что по этому поводу могут существовать какие-либо сомнения.

Папен: Если что и вытекает достаточно ясно из этого отчета, то это именно тот факт, что помимо национал-социалистов в Австрии существовали и другие группы, в частности, это были христианские профсоюзы и «Союз свободы», которые тоже стояли за политику объединения обоих государств. И вы, пожалуй, можете упрекать меня в том, что я, будучи дипломатом, который хотел добиться этой цели эволюционным путем, присоединяюсь к политическим интересам этих групп.

Файф: В политике «троянского коня» не содержится никаких элементов эволюции. Ну, что же, однако, об этом можно говорить. Перейдем к другому вопросу. Скажите, вы знали барона Гуденуса?

Папен: Нет, я его не знал.

Файф: Знали ли вы, что он был самым близким доверенным лицом эрцгерцога Отто? Вы это помните?

Папен: Да, это следует из моего отчета.

Файф: Давайте посмотрим, что говорил барон Гуденус. Это вы найдете на странице 93. Это документ 687, в котором говорится:

«Барон Гуденус, ...самое близкое доверенное лицо эрцгерцога Отто, пишет одному моему знакомому 30 марта: «Я увез из Австрии самые приятные впечатления относительно прогресса нашего движения, но я не могу отрицать, что в некотором отношении политика нашего правительства меня очень беспокоит.

Какая польза в том, что зачинщики тех событий, которые имели место в феврале и июле 1934 года, или те из них, которые были пойманы, осуждаются судом, если правительство слишком слабо, слишком небрежно или намеренно слишком терпимо для того, чтобы препятствовать проведению «коричневой» и «красной» пропаганды в кино, через прессу, по радио и главным образом государственными чиновниками или органами отечественного фронта, которые поддерживаются и оплачиваются как деньгами, так и другими способами из Германии за счет тех средств, которые в большом количестве поступают, и т. д.

Что в действительности делает этот ученый-идеалист Шушниг? Разве он не замечает, что Папен и другие «коричневые» агенты в его собственной стране все время плюют в руку, которую он так чистосердечно предлагает им? Он не должен воображать, что он таким образом может поддержать порядок в Австрии и спасти ее, в то время как Гитлер правит Германией, которая окрашена в коричневый цвет изнутри и снаружи. Методы, которыми пользуется Германия, — об этом нельзя спорить, становятся все более умными и осторожными, но это делает их еще более опасными».

Это было примерно через семь месяцев после вашего приезда. «Довольно серьезными также были постоянные разногласия между Шушнигом и Штарембергом»... и т. д.

Разве неправильно, подсудимый, что все, даже приезжавшие в качестве гостей монархические агенты, знали о том, что проводилась такая политика, причем знали, что вы стояли во главе этой проводившейся политики и использовали для нее австрийских национал-социалистов, работавших исподволь? До того как вы мне ответите, подсудимый, посмотрите на ваши собственные комментарии по этому поводу:

«Трудности внутреннего положения в Австрии вряд ли можно описать лучше, чем это сделано в данном письме».

Почему вы не сказали Гитлеру, если налицо имелись факты: «Барон Гуденус пишет чепуху. Я честно и добросовестно выполняю задание, ставящее своей целью нормализацию германо-австрийских отношений»? Почему вы этого не отрицали, если это было неправильно?

Папен: Мне кажется, что из этого отчета прежде всего видно, что я с полной откровенностью предлагал Гитлеру те отчеты, которые я получал, в том числе и отчет приверженца реставрации Габсбургской монархии.

Файф: А я думаю, подсудимый, что вы передали эти отчеты потому, что они соответствовали действительности. Вы приняли их и переслали Гитлеру, потому что считали, что они правильны и что изображенная в них картина совершенно правильно отражает положение вещей. Вот что я утверждаю. Скажите Трибуналу, правильны эти отчеты или нет? Если они не правильны, то почему вы их передали Гитлеру без комментариев о том, что они неправильны?

Вот о чем я вас спрашиваю.

Папен: Если вы прочтете отчет барона Гуденуса, то вы установите, что он описывает внутреннее положение Австрии и заявляет, что имеющиеся разногласия между Шушнигом и Штарембергом, конкуренция их гвардий и продолжающий существовать нелегально республиканизм...

Файф: Ведь вы указываете только на три строчки из двадцати. Там написано еще очень много до этого. Я спрашиваю вас относительно других семнадцати строчек этого отчета.

Папен: Упомянутые мною пункты показывают внутреннюю слабость австрийского правительства, относительно которой я сообщаю в этом отчете. Если вы хотите сказать, что я должен был объяснить Гитлеру, что я не был коричневым агентом, то несомненно, 26 июля мы точно договорились, на каких условиях я должен проводить свою деятельность в Австрии. Мне не следовало писать об этом Гитлеру в своем отчете, я послал ему этот отчет только для принятия его к сведению.

Файф: Если вы даете такое объяснение, то посмотрите на следующий абзац вашего письма. Оно иначе показывает, как вы работали. Параграф 3: «Фильм «Старый и молодой король». Трибунал может не помнить, но вы мне напомните, если я опущу что-либо. Если я не ошибаюсь, это фильм о взаимоотношениях Фридриха-Вильгельма и Фридриха Великого. Это правильно?»

Папен: Да.

Файф: «Фильм «Старый и молодой король» был впервые продемонстрирован здесь несколько дней назад в присутствии Яннингса». Имеется в виду актер Эмиль Яннингс. «Фильм вызвал прилив энтузиазма. Сцена, где король подчеркивает тот факт, что «французский хлам и римские книги ничего не означают для Пруссии», была встречена особенно бурными аплодисментами. Полиция хотела снять с экрана этот фильм. Вместе с Яннингсом мы объяснили, что если этот фильм будет запрещен, то мы вынуждены будем прибегнуть к запрещению демонстрации всех австрийских фильмов в Германии. Это оказало свое действие. Фильм, за исключением вышеупомянутой сцены, которая была вырезана, демонстрируется и будет демонстрироваться на экранах в Клагенфурте и в Граце в течение последующих нескольких дней.

Вчера я принял Яннингса вместе с группой актеров из городского театра в качестве моих гостей. Он сказал, что он очень доволен своим успехом, и мы обсуждали в подробностях план фильма о Бисмарке, для производства которого я рекомендовал ему использовать в качестве автора сценария Бомельбурга».

Другими словами, вы насильственно внедряли фильмы, содержавшие прусскую пропаганду, для того, чтобы показать их Австрии, при этом угрожая, что в противном случае вы снимете с экранов Германии «Фрейлейн Весели», «Маскарад» и все другие австрийские фильмы того времени. Вы внедряли свою пропаганду под угрозой снятия с экранов австрийских фильмов. Разве не так?

Папен: Так, и я скажу, почему это так было. Я должен несколько райирировать ваше знание этих исторических событий. Как вы знаете, Фридрих Великий сыграл очень большую роль в отношениях между Австрией и Германией, и мы тогда старались в отношениях между этими двумя государствами устранить те исторические неправильности, которые относились еще ко времени Фридриха Великого. С этой целью знаменитый

австрийский историк профессор Шубек написал большой труд. Целью этого фильма, о котором здесь говорится, было показать, что история великой Германии охватывает одинаково оба народа. Поэтому, другими словами, для культурного сближения обоих государств я настоял на том, чтобы этот фильм оставался на экранах Австрии. Это и было сделано.

Файф: Я несколько не сомневаюсь в том, каковы были ваши мотивы, по которым вы настаивали на демонстрации этого фильма. Подсудимый, я спрашиваю вас о том, почему вы действовали против воли австрийских властей, угрожая им тем, что вы снимете все австрийские фильмы с германского рынка? Почему вы именно этим угрожали австрийским властям?

Папен: Очень часто случалось, что австрийская полиция боялась, что некоторые фильмы могут стать поводом для демонстраций. Но после того как мы обсудили с полицией этот фильм, многие кадры из него должны были быть удалены, после чего полиция согласилась допустить демонстрацию этого фильма. Само собой разумеется, что я сказал полиции, что если мы не договоримся, то следствием этого будет то, что Германия вообще не будет больше посылать фильмы в Австрию.

Файф: Я снова повторяю. Помните, вы заявили Трибуналу, что вы не поддерживали контакта с национал-социалистской партией Австрии? Это правильно?

Папен: Нет, это неправильно.

Файф: То есть вы хотите сказать, что вы поддерживали такой контакт?

Папен: Да.

Файф: Тесный контакт?

Папен: Нет.

Файф: Если нет, тогда возвратитесь к предыдущей странице, — это, вероятно, страница 72 вашего отчета.

Это тот же самый отчет. Вы начинаете этот отчет следующим образом:

«Я должен прежде всего сообщить о действиях местной национал-социалистской партии. 23 марта было достигнуто полное соглашение в Кремце между отставным капитаном Леопольдом и генерал-директором Нейбахером. В результате этого генерал Нейбахер признал себя подчиненным Леопольда во всех вопросах и признал его фюрером Австрии. Как только Шаттенфрех будет освобожден из концентрационного лагеря, он станет заместителем фюрера в Австрии, а Нейбахер как ближайший доверенный Леопольда будет использоваться для консультации по всем важным вопросам.

Далее, Леопольд наметил кого-то еще в качестве своего заместителя, а генерал-лейтенант Крупп, находящийся в отставке, будет привлекаться под строгим секретом также для консультации».

Я хочу зачитать последние строчки: «Леопольд выразил желание о том, чтобы постоянные интриги против него со стороны эмигрантов, живущих в империи, — Фраунфельда и других — были, наконец, приостановлены».

Это очень полная картина положения национал-социалистской партии в Австрии, не правда ли?

Папен: Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что этот отчет датирован 5 апреля 1936 г., то есть он был составлен во время, которое

предшествовало польскому договору, то есть тогда, когда мой интерес ко всем этим политическим вопросам был еще легко объяснимым.

Файф: Если вы придаете значение дате, посмотрите на ваш отчет от 1 сентября 1936 г. Он находится на странице 33. Как вы помните, — это

•отчет, о котором вы упоминали, и вы сказали в нем, что «в качестве руководящего принципа с точки зрения тактической я рекомендую постоянное и терпеливое психологическое воздействие с медленным увеличением давления, направленным к изменению режима».

Вы заявили Трибуналу, что этим вы хотели сказать о необходимости изменить состав министерства внутренних дел. Но давайте продолжим чтение:

«Конференция по вопросу об экономических отношениях, намеченная на конец октября, будет очень полезна для реализации некоторых наших проектов. В беседах как с правительственными чиновниками, так и с руководителями нелегальной партии (Леопольдом и Шаттенфрехом), которые действуют полностью в духе нашего соглашения от 11 июля, я пытаюсь направлять следующие шаги таким образом, чтобы добиться корпоративного представительства движения в отечественном фронте»,

Совершенно ясно, что 1 сентября 1936 г., после соглашения, вы имели беседы с руководителями нелегальной партии — Леопольдом и Шаттенфрехом. Таким образом, мы можем считать признанным — и я не хочу более тратить времени на это, — что в течение всего времени вашего пребывания в Австрии вы находились в постоянном и тесном контакте с руководителями национал-социалистской партии в Австрии?

Папен: Нет. Упомянутая вами беседа относится к июльскому соглашению и вполне оправдывается. Я достаточно подробно изложил вчера это обстоятельство Суду. В июльском соглашении канцлер Шушниг обещал привлечь к сотрудничеству членов национальной оппозиции. Вследствие этого моим естественным долгом было интересоваться тем, в какой степени Шушниг действительно стремился к сотрудничеству с этими силами. Это и было содержанием моей беседы с фюрером.

Я позволю себе совершенно четко констатировать, что мой контакт •с австрийской партией после июльского соглашения осуществлялся только в этом направлении.

Файф: Я прошу вас перейти теперь к ноябрю 1937 года. Не можете ли вы как можно более точно назвать дату вашей встречи с подсудимым Зейсс-Инквартом в Гармише?

Папен: Да, подсудимого Зейсс-Инкварта я случайно, то есть без всякой договоренности, встретил в Гармиш-Патернкирхене во время олимпийских зимних игр в январе 1938 года.

Файф: В январе 1938 года?

Папен: Совершенно верно.

Файф: Я хочу проверить эти даты и уточнить их. Вы стали близкими друзьями с министром иностранных дел Гвидо Шмидтом, который здесь давал показания, не так ли?

Папен: Да, с министром иностранных дел я был в очень дружественных отношениях.

Файф: Я хочу сказать, что вы говорили ему «ты», будучи на двадцать лет старше его. Вы называли его в течение некоторого времени на «ты»? Вы были в очень близких отношениях с ним, не правда ли?

Папен: Я считаю, что наша разница в возрасте на двадцать лет не

может быть мерилом дружбы. Я ценил Шмидта, как я уже говорил, как искреннего человека.

Файф: Надеюсь, что вы согласитесь со мной, что необычно и странно для посла находиться в таких отношениях с министром иностранных дел другого государства, в особенности, если тот на двадцать лет моложе его, а не его сверстник, — находиться в таких отношениях, чтобы фамильярно называть его на «ты». Разве вы не согласны со мной, что это совершенно необычайная форма отношений между министром иностранных дел и послом?

Папен: Если бы вы в своей жизни побывали в Австрии, вы бы знали, что в Австрии почти все обращаются друг к другу на «ты», а для объяснения этого инцидента я позволю себе сказать следующее. Министру иностранных дел Шмидту, которого я очень ценил, за день до нашего прощания я сказал: «Дорогой друг, мы так много вместе работали, теперь мы можем говорить друг другу «ты»».

Файф: Я интересуюсь вот каким вопросом: в ноябре 1937 года вы с Гвидо Шмидтом впервые обсуждали вопрос о встрече Шушнига с Гитлером, не так ли?

Папен: Мне кажется, что я обсуждал этот вопрос в то, время не только с министром иностранных дел Шмидтом, но и лично с Шушнигом.

Файф: Как вы слышали, Шмидт говорит в своих показаниях, что он добивался союза Германии и Австрии любыми средствами и любой ценой. Как вы слышали, Шмидт сказал здесь, что Геринг сказал ему, что такова была точка зрения его, Геринга, и я должен со всей справедливостью заявить, что это полностью соответствует действительности. Эту точку зрения он высказывал здесь и, очевидно, высказывал ее также многим другим лицам. Вы помните, что Шмидт говорил это?

Папен: Да.

Файф: Мы слышали, что Геринг сказал это не только Шмидту, но и Муссолини, и Трибуналу и, как я полагаю, нескольким другим лицам. Разве он никогда не говорил вам об этом?

Папен: Нет.

Файф: Вы не знали, что это была точка зрения Геринга?

Папен: Позвольте мне высказаться. Само собой разумеется, я знал, что желанием Геринга было объединить оба эти государства. Я присутствовал на беседе с Муссолини. Но вы, пожалуйста, учтите тот момент, что Геринг не был тогда ответственным за внешнюю политику. Вопрос о том, какая политика должна проводиться в Австрии, обсуждался исключительно мной и Гитлером, и я не помню, чтобы в эти годы, а именно в 1936—1938 гг., я говорил по этому поводу с Герингом.

Файф: Мы сейчас рассматриваем вопрос о событиях, имевших место в ноябре 1937 года. Через три месяца после этого подсудимый Геринг стал весьма компетентен в вопросах внешней политики, касающихся Австрии, и вы, поскольку вы поддерживали с ним по этому поводу телефонную связь, должны знать об этом. Я хочу только привести вам даты, как они у нас установлены. Геринг сказал Шмидту о своих взглядах; вы и Шмидт обсуждали вопрос о встрече между Шушнигом и Гитлером. В январе вы беседовали на политические темы в Гармише с Зейсс-Инкварт. Теперь я привожу одну дату вне хронологического порядка. 11 ноября Зейсс-Инкварт написал письмо д-ру Юри, в котором заявил:

«Я не думаю, что что-либо произойдет в этом году, но, очевидно, события

произойдут весной». Затем после этого письма он встретился с вами в Гармише в январе, а в феврале вам удалось, наконец, организовать эту встречу между Шушнигом и Гитлером.

Папен: Да.

Файф: Разве вы не знали, что цель встречи Шушнига с Гитлером' заключалась в том, чтобы заставить Шушнига согласиться с желанием империи, а именно с назначением Зейсс-Инкварта, с проведением общей политической амнистии, согласно которой все члены нацистской партии Австрии должны были быть освобождены и предоставлены в распоряжение их руководителей, а также с требованием равных прав для национал-социалистской партии в Австрии?

Разве вы не знали, что целью совещания было заставить Шушнига согласиться на все эти требования с тем, чтобы национал-социалистская партия Австрии могла свободно и беспрепятственно работать в интересах Германии в Австрии?

Папен: В моей беседе с Зейсс-Инквартом в Гармише-Пагернкирхене говорилось о необходимости сделать австрийскую национал-социалистскую партию самостоятельной. Это значит — во что бы то ни стало избавить ее от влияния империи, так как это было условлено в июльском соглашении, преследуя при этом цель, чтобы объединение наших двух государств произошло во внешнеполитическом отношении по инициативе Австрии, а не империи.

Когда я встретил Зейсс-Инкварта в Гармише, между нами не было и речи об этой встрече Гитлера с Шушнигом, так как мы не могли, а я лично вообще не мог знать в тот момент, состоится ли вообще когда-либо такая беседа. Это было решено ведь уже 5 февраля. Следовательно, нами обсуждался лишь один вопрос принципиального значения, а именно, как нам следует поступать в будущем.

Далее я прошу разрешения напомнить, что Зейсс-Инкварт имел официальное поручение канцлера исследовать все возможные пути для того, чтобы включить национальную оппозицию, то есть национал-социалистскую партию Австрии, в политическую деятельность Шушнига. В этом состояла его официальная миссия. Таким образом, я был вправе говорить с ним об этих вещах.

Файф: Разве неправильно, что Рейнер — свидетель, который выступал перед Трибуналом, — также присутствовал на совещании в Гармише?

Папен: Кажется, это было так. Я уже не помню точно. Зейсс-Инкварт сказал мне, что, возможно, Рейнер присоединится к нам во время прогулки, но я лично не помню этого. Я не вел никакой беседы на политические темы с Рейнером.

...*Файф:* Я уверен, что вы понимаете, насколько это важно. Генерал фон Фрич был с вами в одной военной академии, не правда ли?

Папен: Совершенно правильно.

Файф: Он был вашим старым другом, и вы знали, как, я думаю, знал, каждый, кто упоминал его имя здесь, в Суде, что генерал фон Фрич был человек очень сильного характера и что обвинение, выдвинутое против него, рассматривалось бы всеми теми, кто его знал, как смешное и нелепое, если бы оно не было таким трагичным, и что все бы отнеслись к нему с презрением. Вы тоже так думали?

Папен: Абсолютно верно...

Файф: Вы хорошо знали, оставив в стороне отношение к фельдмаршалу фон Бломбергу, что фон Фрич был жертвой подстроенного обвинения, имевшего целью не дать ему стать во главе вооруженных сил Германии. Вы знали это, не правда ли?

Папен: Во всяком случае, позже, когда я узнал обстоятельства дела, мне это тоже стало ясно.

Файф: Нет, нет. Не это важно, подсудимый. Речь идет не о ваших взглядах 5 февраля 1938 г. Вы знали к этому времени, что нацистская клика в правительстве выдвинула подстроенное обвинение против человека, которого вы считали олицетворением честности, не правда ли?

Папен: Да.

Файф: Теперь, зная это, 5 февраля, после того как вы увиделись с Гитлером, вы сказали ему о том, что Шушниг может прибыть. Гитлер ухватился за это предложение. Он сказал: «Отправляйтесь и привезите Шушнига». Не так ли? Его лишь утомляли, если я могу так сказать, все ваши остальные сообщения. Но как только вы сказали о возможности встречи с Шушнигом, Гитлер сразу набросился на эту идею, как форель на майского жука или, скорее, как лев на жертву. Ведь это правильно, не так ли?

Папен: Да. Я уже показал Суду, какое впечатление произвели на меня события в Берлине и мое отстранение от должности 4 января. Ничего удивительного нет в том, что я попытался именно потому, что я боялся, что будет взят другой курс, — я попытался устроить эту давно желанную беседу между главами обоих государств, поскольку я надеялся таким путем устранить разногласия и избежать радикального курса. Это я сказал министру иностранных дел Шмидту и канцлеру Шушнигу, когда я обоих их просил принять участие в этих переговорах с тем, чтобы по мере их возможности внести ясность в этот вопрос.

Файф: Подсудимый, я не собираюсь рассматривать обстоятельства встречи 12 февраля, потому что я уже касался их при допросе подсудимого Риббентропа и Суду уже совершенно ясны эти обстоятельства. Я хочу здесь задать вам один единственный вопрос, и я прошу выслушать его внимательно, потому что вопрос о вашей собственной виновности может зависеть от него. Утверждаете ли вы сейчас, что на Шушнига не оказывалось никакого давления во время этой встречи?

Папен: Я этого никогда не утверждал. Вы сами это знаете, это сказано и в моих отчетах. Я сам констатировал, что давление было оказано.

Файф: Я хочу, чтобы вы поняли абсолютно ясно, о чем я вас спрашиваю, потому что Суд заслушал уже показания вашего друга Шмидта и целый ряд других показаний. Я хочу вам задать один единственный вопрос, и прошу вас точно его понять. Утверждаете ли вы сегодня, что на канцлера Шушнига не было оказано давления для того, чтобы заставить его согласиться на условия, выдвинутые 12 февраля? Это единственный вопрос, который я хочу вам задать, и я даю вам возможность ответить на него. Что вы скажете на этот вопрос сегодня? Было или не было оказано давление на Шушнига?

Папен: Да, я никогда не отрицал этого.

Файф: Еще один вопрос, и на нем я окончу выяснение вопроса об Австрии. Организовали ли вы встречу между Гитлером и кардиналом Иннитцером?

Папен: Да, я это сделал.

Файф: Организовали ли вы дело таким образом, чтобы отцы церкви и руководители дипломатического корпуса, за исключением французских и английских представителей, присутствовали при въезде Гитлера в Вену?

Папен: Что касается высших церковных сановников, то не принято, чтобы они присутствовали на парадах, и я не требовал этого.

Файф: Устроили ли вы это таким образом, чтобы дипломатический корпус присутствовал при въезде?

Папен: Были случаи, когда некоторые дипломаты спрашивали меня, могут ли они присутствовать на этом торжестве, и я отвечал им, что, конечно, они могут присутствовать на этой церемонии. Почему бы им и не присутствовать там?

Файф: Я хочу задать вам пару вопросов относительно католической церкви. Помните ли вы Фульденскую декларацию епископов?

Папен: Да.

Файф: Эта декларация основывалась на гарантиях и заверениях в добрых намерениях, которые сделал Гитлер церкви 23 марта 1933 г., не правда ли? Вы помните, что Гитлер сделал тогда такое заявление?

Папен: Не только 23 марта, но и в заявлении правительства Гитлер неоднократно категорически защищал ту точку зрения, что оба вероисповедания должны быть основой всякой политики.

Файф: Так. Это в свою очередь было, по крайней мере частично, результатом заявления, сделанного вами на заседании кабинета 15 марта 1933 г., когда вы подчеркнули большое значение включения политического католицизма в деятельность нового государства. Это правильное и основанное на фактах утверждение, не так ли? Таким образом обстояло дело?

Папен: Именно так.

Файф: Разве вы не сказали при допросе, что часть затруднений, которые вы испытывали летом 1934 года, до того как вы произнесли речь в Марбурге, объяснялась невыполнением конкордата, ибо после того, как он был подписан с согласия Гитлера, «он обращался с этим конкордатом, как с пустой бумажкой, и я ничего не мог с этим поделать». Затем были затруднения в связи с преследованием церкви и евреев. Это было в конце 1933—начале 1934 гг. Действительно ли, что вы в 1934 году считали, что не только с конкордатом обращаются, как с пустой бумажкой, но, кроме того, проводится преследование церкви и евреев?

Папен: Да, конечно, когда я произносил свою речь в Марбурге, то я был того мнения, что государство виновно во всем этом.

Файф: Подсудимый, вы слышали показания многих других подсудимых, которые заявляли, что они не знали об ужасных репрессиях, которые имели место в Германии. Вы очень хорошо знали об этих репрессиях, не так ли? Вы знали о действиях гестапо, о концентрационных лагерях, а позднее вы также знали об уничтожении евреев, не правда ли?

Папен: Об этом я знал лишь только то, что в концентрационных лагерях в 1933 и 1934 гг. содержались политические противники. Я весьма часто выступал против методов, которые применялись в концентрационных лагерях. В целом ряде случаев я освобождал людей из этих лагерей. Однако в то время мне не было известно, что в этих лагерях имели место также и убийства.

Файф: Разрешите мне разобраться в этом. Полезно обратиться к конкретному примеру. Помните ли вы, что вначале 1935 года ваш секретарь

фон Чирский получил указание вернуться из Вены в Берлин для допроса в гестапо? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Файф: Помните ли вы также, что он отказался поехать и послал очень подробный отчет о том, почему он не хочет ехать? Вы помните это?

Папен: Да.

Файф: Давайте вместе бегло просмотрим этот отчет. Это документ Д-635. На странице 67 имеется письмо фон Чирского, адресованное вам, в котором он в конце второго абзаца говорит следующее: «Я не собираюсь выполнять указание гестапо о выезде в Берлин для допроса».

Затем он говорит — я цитирую его собственные слова, — что это объясняется лишь «вполне понятным и человеческим желанием жить». Он далее прилагает к этому письму отчет для вас о том, что с ним случилось 30 июня, в результате чего он был внесен в черный список гестапо. Вы помните об этом?

Папен: Конечно.

Файф: Далее, — я суммирую начало этого отчета, который был бы комичным, если бы в нем не описывалось такое ужасное положение вещей, — ваш секретарь фон Чирский был арестован одновременно двумя конкурировавшими группами полицейских, кажется, представителями гестапо и уголовной полиции, и была серьезная опасность, что фон Чирский и кое-кто из представителей полиции будут расстреляны до того, как они решат, кто же, собственно, должен его арестовать. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что произошло после того, как он был арестован. Мне кажется, что это произошло после того, как гестапо вышло победителем в этой междоусобной борьбе и захватило фон Чирского. Он далее говорит, почти уже в самом конце:

...ему сказали, что полиция следует за гестапо, и далее он говорит: «Мы подошли к зданию гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, а затем через двор пришли к черному ходу. Затем между двумя группами представителей уголовной полиции произошел новый обмен мнениями. Я снова вмешался в этот разговор и предложил для выяснения недоразумения послать представителя каждой группы внутрь здания с тем, чтобы вышестоящие чиновники решили, как следовало поступить. Оставалось еще три офицера уголовной полиции и четыре члена СС, которые должны были охранять меня и двух других господ. Мое предложение было принято. Вскоре они вернулись обратно и сказали, что теперь недоразумение выяснилось и что нас можно увести, после чего мы были уведены тремя представителями СС и без сопровождения представителей уголовной полиции. Мы совершили длинное путешествие через здание в подвал. Там мы были переданы без всяких комментариев членам СС, которые там находились на посту, и получили от них распоряжение пройти вперед в сесть на скамейку, которая стояла у стены в проходе. Нам затем запретили разговаривать между собой. Там я провел несколько часов, сидя на этой скамейке. Было бы излишним приводить дальнейшие подробности событий, которые произошли в течение этого времени.

Поэтому я ограничусь тем, что расскажу о расстреле хорошо известного лица, о котором официально заявили, что он совершил самоубийство. Этого человека вели под escortом трех эсэсовцев и провели мимо нас в камеру, параллельную нашему коридору. Командовал гауптштурм-

фюрер СС, человек небольшого роста, темноволосый, с пистолетом в руке. Я услышал команду: «Стража — к дверям!» Дверь в наш коридор закрылась. Мы услышали пять выстрелов, и сразу же после этих выстрелов гауптштурмфюрер вышел из двери со все еще дымившимся от только что произведенных выстрелов пистолетом в руке. Он сказал, задыхаясь: «С этой свиньей покончено».

Кругом царило лихорадочное возбуждение, крики испуга и вопли слышались из всех камер. Один из стоявших на посту эсэсовцев, довольно молодой парень, был так возбужден, что, очевидно, потеряв сознание и забыв, каково было положение вещей, сообщил мне, жестикулируя при этом пальцами, что человек, о котором шла речь, был убит тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок».

Вы получили весьма ясное представление о методах СС и гестапо после того, как фон Чирский прислал вам это описание, не правда ли?

Папен: Да.

Файф: Скажите нам, прежде чем мы кончим рассмотрение этой волнующей выдержки, которую я только что зачитал, кто был этот хорошо известный человек, о котором сказали, что он совершил самоубийство, и который был застрелен тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок? Кто он был?

Папен: Я этого не могу сказать, я не знаю этого.

Файф: Вы хотите сказать, что фон Чирский никогда не говорил вам, кто был этот человек, проработав с вами после этого несколько месяцев?

Папен: Я не могу вспомнить, чтобы он говорил со мной об этом. Может быть, я забыл. Это был, очевидно, один из тех людей, которые были убиты 30 июля.

Файф: Вы говорите, что может случиться, что вы забыли. Хотите ли вы сказать, что такие ужасные факты были столь обычны для вас, что вы не можете помнить о фактическом убийстве такого видного человека, которое выдавалось за самоубийство. Подумайте еще. Не можете ли вы сказать Трибуналу точно, кто был этот несчастный человек?

Папен: Если бы я это вспомнил, то охотно бы сказал. У меня нет оснований скрывать это.

Файф: Хорошо, Трибунал сейчас рассмотрит вопрос о том, в какой форме вы сообщили об этом Гитлеру. Вы считали, что фон Чирский говорил вам правду, не так ли? Вы это сами сказали. Вы верили в то, что он говорит правду, не так ли?

Папен: Да.

Файф: Подсудимый, до того как мы перейдем к тому, что случилось, когда он послал этот отчет, мне кажется, его послали в концентрационный лагерь, где ему обрили голову, но через некоторое время он был освобожден и снова вернулся к вам на службу и работал у вас до февраля 1935 года? Это правильно, подсудимый?

Папен: Да, это совершенно верно.

Файф: Это все, что известно о событиях, имевших место до февраля 1935 года. Затем его попросили явиться в гестапо и представить отчет. После этого имела место эта переписка. Вы говорите: «Как я уже вчера сообщил по телеграфу, я передал фон Чирскому указание от 2-го числа этого месяца, в котором повторялось требование о том, чтобы он явился в указанный гестапо день, а именно 5 февраля. Затем он заявил мне официально, что он не может выполнить этого указания, поскольку он

убежден, что он будет убит тем или иным путем, если он это сделает. Он сказал, что изложил причины, по которым не хочет ехать, в отчете, который я перешлю, как только получу его. Я вчера, наконец, освободил г-на фон Чирского, которого я уже отстранил от занимаемого им поста на время судебного разбирательства. Само собой разумеется, что я порву с ним все связи официального характера сразу же после того, как завтра будут сданы все дела».

Затем вы говорите, что вы телеграфировали подсудимому фон Нейрату, что фон Чирскому дали отпуск по болезни.

Посмотрите на последний абзац:

«После того как я несколько раз просил, чтобы фон Чирский получил возможность оправдаться перед обычным судом в обвинениях, которые выдвинуты против него, то естественно, я искренне сожалею, что дело кончается таким образом. Я сделал все, что было возможно, чтобы убедить фон Чирского действовать, как ему было указано, а именно дать возможность гестапо допросить его».

Правильно ли, подсудимый, что вы сделали все, что было в ваших силах, для того, чтобы ваш работник был отправлен на смерть в гестапо и убит там?

Папен: Я считаю, что будет правильным указать Суду на другие письма, из которых вытекает, что я не только однажды, но неоднократно просил Гитлера рассмотреть дело фон Чирского в суде согласно существовавшим законам.

Файф: Совершенно правильно. В этом письме об этом говорится.

Папен: После того как мне в этом было отказано и фюрер не согласился с тем, чтобы возбудить процесс согласно существовавшим законам, Гитлер известил меня, что он лично вмешается в это дело и берет на себя личную ответственность за то, что с фон Чирским ничего не случится, если он будет допрошен гестапо. Это вы найдете в этих письмах. Фюрер обещал ему полную безопасность, если он явится для допроса в гестапо. Вследствие этого, после того как было отказано в рассмотрении его дела в суде и Гитлер обещал, что с фон Чирским ничего не произойдет, я попросил фон Чирского, чтобы он согласился подвергнуть себя допросу, так как обвинение, которое было выдвинуто против него, должно было быть как-то выяснено.

Файф: Вы уже 31 января считали, что слухи о том, что гестапо хочет нейтрализовать фон Чирского, являются достоверными. 5 февраля в отрывке, который Трибунал только что просил меня зачитать, вы заявляете, что это означало бы гибель и разорение для него самого и для его семьи. Но вашим единственным желанием было сделать все, чтобы избежать скандала.

Папен: Мое желание вначале состояло в том, чтобы были предприняты все усилия для того, чтобы рассмотреть это дело в суде на основе существовавших законов.

Файф: Таково было ваше желание сначала, но скоро вы оставили его?

Папен: После того как Гитлер не согласился с этим желанием и после того как я установил, что фон Чирский во время допроса со стороны гестапо будет пользоваться личной защитой со стороны Гитлера, то есть если глава государства говорит мне, что «я ручаюсь за то, что с фон Чирским ничего не произойдет», то вы должны со мной

согласиться, что я не мог поступить иначе, как сказать фон Чирскому; «Пойди по пути допроса, так как ты должен опровергнуть те подозрения, которые имеются в отношении тебя».

Файф: Подсудимый, разрешите мне напомнить вам, что в вашем письме от 5 февраля нет ни одного слова об обещании Гитлера оправдать фон Чирского. Единственно, о чем вы здесь говорите, это относительно того, что он исчезнет и будет скомпрометирован. В ваших других письмах также ничего не говорится об этом.

Папен: Однако об этом факте имеется указание в одном из отчетов фон Чирского.

Файф: Почему вы после этой серии убийств, которые происходили одно за другим в течение четырех лет,¹ не порвали с этими людьми и не встали, подобно генералу Йорку или другим деятелям, имена которых вы можете припомнить из истории, на защиту своих собственных взглядов и не противодействовали этим убийствам? Почему вы не сделали этого?

Папен: Да. Но вы видите, что этот отчет г-на фон Чирского об убийствах я передал Гитлеру со всеми деталями, указанными в нем, и вы не знаете, что я часто говорил лично Гитлеру, что такой режим не может существовать в течение длительного периода. Если вы спрашиваете меня, почему я, вопреки всему этому, остался на службе у империи, то я на это могу лишь ответить, что 30 июня я лично порвал с Гитлером, а вместе с тем и с соглашением, которое мы заключили 30 января. С этого времени я выполнял лишь свой долг на благо Германии.

Я делал это для того, чтобы служить моей родине.

Файф: Я утверждаю, что единственная причина, по которой вы продолжали оставаться на службе у нацистского правительства в то время, когда вы знали обо всех этих преступлениях, заключалась в том, что вы сочувствовали нацистам и хотели продолжать работать вместе с ними. Я утверждаю, что вы прекрасно об этом знали. Вы видели, что ваши друзья и сотрудники падают жертвами убийц, вы хорошо знали об этом, и единственная причина, которая могла заставить вас продолжать работать и брать от нацистов одно поручение за другим, заключалась в том, что вы сочувствовали и содействовали деятельности нацистов. Вот в чем я обвиняю вас.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО НЕЙРАТА

(Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 24 июня 1946 г.)

Файф¹: Понимали ли вы, что ваше участие в правительстве будет восприниматься всей Европой как знак того, что вы одобряете проводимую правительством политику и разделяете ответственность за все действия этого правительства? Ведь вы были министром иностранных дел и хорошо известным политическим деятелем в правящих кругах Европы?

Нейрат: Я очень сомневаюсь в этом. Может быть, на это надеялись.

Файф: Вплоть до ноября 1937 года вы были вполне удовлетворены миролюбивыми намерениями правительства и его респектабельностью?

¹ Заместитель Главного обвинения от Великобритании. — Составители.

Нейрат: Я был уверен в мирных намерениях правительства, об этом я уже говорил.

Файф: А что вы скажете о респектабельности правительства? Под этим словом я подразумеваю те общепринятые нормы благопристойности и порядочности, которых должно придерживаться любое правительство, если оно желает, чтобы его народ был счастлив и доволен. Были ли вы удовлетворены правительством в этом отношении?

Нейрат: Я ни коим образом не был согласен с методами, в особенности с методами, применяемыми в области внутренней политики.

Файф: Сейчас я хочу остановиться на данном вопросе. Знали ли вы о «коричневом терроре», который имел место в марте 1933 года, через шесть недель после того, как было сформировано правительство?

Нейрат: Я знал только о бойкоте по отношению к евреям, больше я ничего не знал.

Файф: Помните ли вы письменное показание, данное под присягой американским консулом Гейстом?

Нейрат: Я хотел бы посмотреть на этот документ.

Файф: Я вам сейчас напомню об этом документе. Гейст подробно повествует о жестоком обращении, избиениях, оскорблениях евреев, что имело место уже в марте 1933 года. Вы знали об этом?

Нейрат: Я знаю об этих фактах. Я неоднократно обращался по этому поводу к Гитлеру и просил его позаботиться о том, чтобы это прекратилось, но деталей всего этого я не знаю.

Файф: Сейчас, не обращаясь к этому письменному показанию, скажите следующее: получали ли вы как министр иностранных дел краткие обзоры или отчеты о том, что печатали в иностранной прессе?

Нейрат: Да, конечно, но я не знаю, получал ли я все сообщения по этому вопросу.

Файф: Вы были послом в Англии с 1930 по 1932 гг., если мне не изменяет память, не так ли? И вы знали, что лондонский «Тайме» и «Манчестер Гардиан» были очень влиятельными газетами в Англии. Не правда ли? Независимо от этого, были ли вы согласны с тем, что в них печаталось, или нет?

Нейрат: Да, да.

Файф: Знали ли вы, что в апреле 1933 года обе эти газеты были полны самых ужасных историй о жестоком обращении с евреями, социал-демократами и коммунистами в Германии?

Нейрат: Да, это вполне возможно. Я теперь не припоминаю этого. Но именно на подобные случаи я указывал Гитлеру, обращая его внимание на то, как реагирует на эти события за граница.

Файф: Я хочу показать вам, как эти газеты отзывались об этих событиях. В «Манчестер Гардиан» от 12 апреля 1933 г. говорится: «Стоит только немного внимательнее присмотреться к жизни, которая случайному наблюдателю может показаться вполне нормальной и спокойной, как вы обнаружите в любом городе и в любой деревне следы варварства и зверств, совершенных коричневорубашечниками, причем таких зверств, подобных которым нет в наше время».

Эта газета описывает их как «орудие бессмысленного, но систематически проводимого террора, бессмысленность которого заключается в том, что он не вызывается явной необходимостью, что и отличает их террор

от революционного террора, а систематичность — в том, что он является органической частью гитлеровского режима».

Знали ли вы, кто подобные отзывы печатались в ответственных английских газетах?

Знали ли вы, что эта взятая ими линия в политике проводилась систематически, ибо это являлось органической частью гитлеровского режима?

Нейрат: Нет, в таком смысле я этого не знал.

Файф: Знали ли вы, что в английской газете «Манчестер Гардиан», писали следующее: «Один видный немецкий консерватор, который был тесно связан с национал-социалистами — членами германского правительства, и, без сомнения, сочувствовал в большей степени правым, чем левым, указал, что число жертв в апреле составило 20 тысяч человек»?

Нейрат: Нет.

Файф: Давайте посмотрим, что печаталось в германской прессе. 24 апреля 1938 г. в «Тайме» было перепечатано заявление из гамбургской газеты «Фремденблатт», в котором говорится о том, что согласно данным, полученным из официальных источников, в тюрьмах германской империи находится 18000 коммунистов, а в Пруссии имеется 10000 заключенных, в том числе много социал-демократов и интеллигентов. Могла ли бы гамбургская газета «Фремденблатт» долго пользоваться успехом как газета, если бы она неправильно печатала данные, полученные из официальных источников при вашем правительстве в апреле 1933 года, и неправильно бы излагала положение вещей? Конечно, нет, не правда ли?

Нейрат: Этого я не знаю.

Файф: Подсудимый, эти цифры, насколько я знаю, процитированы гамбургской газетой как официальные данные, и затем они были вновь процитированы лондонской газетой «Тайме», которая является основной газетой Англии. Не являлись ли сообщения газет для вас достаточно серьезными данными, чтобы поднять этот вопрос в правительстве?

Нейрат: Я очень сожалею, но при всем моем уважении к этим газетам, в том числе и к лондонской газете, я все-таки должен сказать, что они не всегда говорят правду.

Файф: Это вполне разумное замечание. Газеты, так же как и люди, могут быть неправильно информированы. Но после того как эти сведения об ужасных условиях получили широкое распространение — и при этом приводились такие громадные цифры — разве вы, будучи одним из влиятельных лиц в данном правительстве, не считали, что следовало бы поднять этот вопрос в кабинете и выяснить, насколько эти сведения соответствуют действительности?

Нейрат: Я уже ранее сказал, что докладывал об этом Гитлеру.

Файф: Я вас не об этом спрашиваю. Послушайте, подсудимый, мой вопрос заключается в следующем: почему вы не подняли этого вопроса на заседании кабинета? Был учрежден кабинет, в который входили консервативные элементы, для того, чтобы он вызывал уважение. Почему вы не подняли этого вопроса в кабинете и не попытались добиться поддержки Папена, Гугенберга и всех других представителей консервативных элементов, входящих в кабинет, о которых мы уже слышали? Почему вы не подняли этого вопроса?

Нейрат: По очень простой причине — потому, что мне казалось, что будет гораздо более действенным, если я скажу это Гитлеру.

Файф: Вы заявляете Трибуналу, что в апреле 1933 года, спустя приблизительно два месяца после создания правительства, вы уже считали бесполезным ставить какие-либо вопросы на обсуждение в имперском кабинете? Разве через два месяца после прихода Гитлера к власти принцип фюрерства стал настолько доминирующим, что вы не могли ставить этот вопрос на обсуждение в кабинете?

Нейрат: Я повторяю, что один лишь я мог судить об этом, а я находил, что гораздо большее действие будет иметь, если я информирую об этом Гитлера лично.

Файф: Как я полагаю, вы не интересовались этим, но знали ли вы о заключении в концентрационные лагеря кого-либо из лиц, которых я назвал Папену, а именно фон Осецкого, Мюнзама, Германа Дюнкера или кого-либо из других писателей, адвокатов и политических деятелей левого крыла? Знали ли вы, что они были посланы в концентрационный лагерь, откуда они никогда не возвратились?

Нейрат: Нет.

Файф: Во всяком случае, из ваших документов видно, что когда вы отправились в Лондон, в июне, вы очень хорошо знали о том, как было настроено общественное мнение за границей против Германии из-за обращения с евреями и членами оппозиционных партий. Разве вы этого не знали, когда поехали на международную экономическую конференцию в июне?

Нейрат: Да. Я это показывал в моем докладе, который здесь оглашался.

Файф: Сейчас вы говорите, что ваша реакция заключалась в том, что вы собирались пойти к Гитлеру и выразить ему свой протест. Сейчас я хочу, чтобы вы обратили свое внимание на имеющиеся у нас документы, которые показывают, как вы в действительности поступили. Прежде всего разберем документ, датированный апрелем. Это ваше письмо Гитлеру, датированное 2 апреля 1933 г.: «Вчера вечером итальянский посол позвонил по телефону и сообщил мне о том, что Муссолини заявил, что он готов отрицать через итальянскую организацию за границей все сведения относительно преследования евреев в Германии, которые были искажены пропагандой, если мы считаем, что это будет для нас полезным. Я поблагодарил г-на Геррати от вашего имени" и сказал ему, что мы будем рады принять его предложение. Я считаю этот дружеский жест со стороны Муссолини достаточно важным, чтобы уведомить вас об этом».

Что, по вашему мнению, было искажено пропагандой?

Нейрат: Здесь сказано: «Сведения, искаженные пропагандой», — о них и идет речь.

Файф: Именно это меня и интересует, подсудимый. Что, по вашему мнению, было искажено, и каков был объем тех сведений, которыми вы располагали, с тем, чтобы решить, были ли эти сообщения искажены или нет?

Нейрат: Право, сейчас я уже не могу этого сказать.

⁰ В *Файф:* Вам было известно о том, что евреев избивали, убивали, отрывали от семей, бросали в концентрационные лагеря, что их

собственность уничтожали и распродавали ниже стоимости? Вы знали обо всем этом, не так ли?

Нейрат: Нет, в то время, конечно, не знал. Я слышал, что их там избивают, но тогда евреев не убивали, хотя, может быть, какой-либо единственный случай имел место.

Файф: Итак, вы говорите, что «Тайме» и «Манчестер Гардиан» в то время писали только о случайных примерах типичных убийств евреев. Вы должны были видеть это, вы должны были знать, о чем писала иностранная пресса. Почему вы думаете, что эти сведения были искажены? Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, действительно ли они были искажены?

Нейрат: Кто сообщал мне об убийствах? Кто?

Файф: Я говорю вам, что об этом писали в иностранной прессе. Я привел два примера, взятые из прессы моей страны, и, очевидно, на основании слов Муссолини, об этом писала и пресса других стран. Вы же должны были знать об этом. Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, соответствовало ли все это действительности или нет?

Нейрат: Да, я сделал это тем путем, который был мне доступен, а именно через соответствующие полицейские учреждения.

Файф: Спрашивали ли вы Гимmlера или подсудимого Геринга об этом?

Нейрат: Нет.

Файф: Почему же нет? Ведь Геринг был главой, который как раз в то время создал гестапо и концентрационные лагеря. Он был именно тем человеком, которого следовало спросить об этом, не так ли?

Нейрат: Человек, который мог дать мне такую информацию, был начальником и высшим представителем полиции.

Файф: Спрашивали ли вы подсудимого Фрика?

Нейрат: Во всяком случае, я не спрашивал его лично. Это совершенно точно.

Файф: Почему вы не попытались спросить Геринга или Фрика, или кого-либо другого, кто мог бы вам дать соответствующую информацию по этому вопросу? Обратите внимание на документ ПС-3893. Это газета «Фелькишер беобахтер» от 17 сентября 1933 г. Я цитирую выдержку из статьи по еврейскому вопросу: «Министр не сомневался в том, что эта глупая болтовня за границей относительно событий внутри Германии, как, например, разговоры по еврейскому вопросу, скоро будет прекращена, если будет осознано, что необходимая чистка общественной жизни должна временно повлечь за собой некоторые лишения для отдельных лиц, но это тем не менее послужит укреплению правосудия и закона в Германии».

Действительно ли, в сентябре 1933 года вы рассматривали действия, направленные против евреев и против всех, кто все еще оставался в рядах приверженцев левого крыла, как «необходимую чистку общественной жизни», которая, без сомнения, повлечет за собой «отдельные случаи лишения», и как необходимое мероприятие для более прочного установления авторитета «правосудия и закона в Германии»? Такова была ваша точка зрения?

Нейрат: Я уже говорил о том, что, поскольку после первой мировой войны Германия была наводнена евреями, которые господствовали в об-

шественной жизни, я считал абсолютно правильным их устранение или введение для них ограничений.

Файф: Итак, это правильно — я имею в виду, что вы не отказываетесь от того, что сказали 17 сентября 1933 г., а именно от того, что вы думали, что обращение с евреями в 1933 году было вызвано «необходимостью очистить общественную жизнь» в Германии? Должны ли мы считать, что вы сейчас придерживаетесь того же мнения и нисколько не изменили своей точки зрения?

Нейрат: Нет, моя точка зрения и сегодня совершенно такая же, но я считаю, что это следовало проводить другими методами.

Файф: Следует ли понимать вас так, что вы знали о разгроме политической оппозиции и одобряли это?

Нейрат: Нет.

Файф: Считали ли вы правильным то, что коммунистическая партия была объявлена вне закона?

Нейрат: Да, в то время я верил в правильность этого, потому что, как вы слышали, мы стояли перед угрозой гражданской войны.

Файф: Были ли вы согласны с разгромом профсоюзов и объявлением их вне закона?

Нейрат: Нет.

Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против разгрома профсоюзов?

Нейрат: Это совершенно не входило в мою компетенцию. Я же был министром иностранных дел, а не министром внутренних дел.

Файф: Хорошо, я не намереваюсь спорить с вами по этому вопросу. Вы считали совершенно правильным оставаться на посту министра иностранных дел, оказывать поддержку правительству и давать ему возможность использовать ваш авторитет при проведении такого мероприятия, которое вы не одобряли, как разгром профсоюзов. Так вас следует понимать?

Нейрат: Да, так точно. Я хочу здесь сказать. Вы когда-либо слышали, чтобы министр уходил из правительственного кабинета потому, что он не согласен с каким-либо отдельным мероприятием?

Файф: Любой министр правительства, пользующийся моим уважением, вышел бы из состава правительства, если бы оно проводило такое мероприятие, которое он в нравственном отношении не одобрял. Насколько я понимаю, вы морально не одобряли разгрома профсоюзного движения. А если вы одобряли эти мероприятия, то заявите об этом нам прямо.

Нейрат: Я не считаю это аморальным. Это было политической мерой.

Файф: И, наконец, возьмем третий момент. Это — социал-демократическая партия, партия, которая принимала большое участие в работе правительства Германии и Пруссии в течение ряда лет после первой мировой войны. Считали ли вы правильным, с моральной точки зрения, объявить эту партию вне закона и лишить ее возможности дальнейшего участия в управлении страной?

Нейрат: Нет, конечно.

Файф: Считали ли вы, что это было правильным, или нет?

Нейрат: Я сказал, что нет.

Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против этого?

Что вы сделали для того, чтобы протестовать против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: По поводу этого роспуска я мог лишь высказать свои возражения.

Файф: Кому вы высказывали свои возражения против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: Опять-таки Гитлеру.

Файф: И вы несколько раз высказывали свои возражения против роспуска оппозиционных партий? И вы никогда не поднимали этого вопроса на заседании кабинета, не так ли?

Нейрат: Я не припоминаю, обсуждался ли этот вопрос кабинетом.

Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас припомнили, что произошло в 1933 году. Знали ли вы, что приказы о военной подготовке, где предусматривалась возможность ведения войны, составлялись только после того, как вы объявили, что Германия оставляет конференцию по разоружению и выходит из Лиги наций.

Нейрат: Нет, в 1932—1933 гг. я ничего не слышал об этом.

Файф: Это документ С-140, США-51, где речь идет о 25 октября 1933 г.

Подсудимый, тогда вы были министром иностранных дел. Заявляете ли вы сейчас Трибуналу о том, что ни Гитлер, ни фельдмаршал Бломберг, который был тогда военным министром, не сказали вам о том, что в результате этих действий «нам следует закончить приготовления на случай, если будут применены санкции, включая и военные санкции, против Германии». Разве никто из них вам не говорил, что это будет являться результатом вашей внешней политики?

Нейрат: Нет. Мы не опасались никаких активных действий.

Файф: Хорошо, но вы согласитесь со мной, что весьма странно не информировать министра иностранных дел о возможных последствиях его политики в то время, когда уже велись военные приготовления, для противодействия этим последствиям. Не правда ли, весьма странно при любой системе управления государством: тоталитарной, демократической или какой-либо другой,—чтобы министру иностранных дел не сообщали о военных приготовлениях, предпринимаемых для противодействия возможным последствиям его политики, не так ли?

Нейрат: Решать вопрос о том, грозит ли опасностью выход из Лиги наций, то есть решать вопрос о том, будет ли это иметь последствия, должен был я сам.

Военные круги имели свое собственное мнение, и, повидимому, хотя я этого точно не знаю, в генеральном штабе происходило какое-то обсуждение.

Файф: Правильно ли я вас понял, что до конца 1933 года, за исключением тех событий, о которых я спрашивал вас, вы были вполне удовлетворены мирными намерениями вашего правительства, это правильно?

Нейрат: Так точно.

Файф: Сейчас перейдем к 1934 году. Вы помните свою беседу с Доддом, американским послом, беседу, о которой вы упоминали в вашей книге документов № 1 на странице 54? Это было 21 мая 1934 г. Додд, очевидно, сообщил вам о том, что он сказал Гитлеру относительно того, как американцы пытаются контролировать накопление больших прибылей крупными финансовыми объединениями.

Он сказал, что вы заявили, что были рады, когда он информировал Гитлера, и затем Додд добавил, что «канцлер со мной не согласился». Далее он сказал: «фон Нейрат молчал в течение нескольких минут после моего замечания, и было ясно, что он разделял мое мнение. Он просил меня сообщить в Вашингтон, что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства. Но он не мог поручиться за Гитлера».

Что вы имели в виду, говоря, «что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства»?

Нейрат: Этим я хотел сказать, что члены кабинета в подавляющем большинстве были против этих методов. Кроме того, я могу добавить, что я сам просил Додда поехать лично к Гитлеру для того, чтобы он убедился, что я высказывал Гитлеру свои доводы. Я сам его привел к Гитлеру.

Файф: Разве вы не знали, что в мае 1934 года германское правительство проводило систематическую политику воинствующего антисемитизма? Разве вы этого не знали?

Нейрат: Об антисемитской пропаганде я знал главным образом из речей Геббельса.

Файф: Давайте сейчас перейдем к более конкретному вопросу. Были ли у вас какие-либо причины для того, чтобы относиться с неприязнью к генералу фон Шлейхеру и генералу фон Бредау?

Нейрат: Нет.

Файф: Какое впечатление на вас произвело убийство этих двух господ и фрау фон Шлейхер во время кровавой чистки 30 июня 1934 г.?

Нейрат: Вряд ли нужно даже отвечать на этот вопрос. Само собой разумеется, что я крайне отрицательно относился к этому. Я уже говорил, что, к сожалению, при таких восстаниях всегда страдают также и невинные.

Файф: Но давайте выясним этот вопрос. На днях вы заявили Трибуналу, что вы считаете — и у вас есть основания для этого, — что в СА существовало движение, руководимое Ремом Эрнстом и, как я полагаю, другими лицами, которых вы считали нежелательным элементом. Какие-то у вас основания предполагать, что генерал фон Шлейхер и генерал фон Бредау участвовали в каком-либо заговоре?

Нейрат: У меня не было никаких причин. Я даже и сейчас не верю, что они составляли какой-то заговор.

Файф: Слышали ли вы о том, каким трагичным образом фон Папен терял, своих секретарей в то время. Вы помните об этом, не правда ли?

Нейрат: Да, я слышал об этом.

Файф: Знаете ли вы о том, что фон Бозе и Юнг были убиты, а фон Чирский вместе с двумя другими господами был арестован? Вы слышали об этом?

Нейрат: Да, я об этом услышал от фон Папена.

Файф: Рассматривали ли вы кровавую чистку 30 июня лишь как дополнительный элемент в этой необходимой чистке общественной жизни?

Нейрат: Нет, в таких масштабах, в каких производилась эта чистка, со всеми эксцессами и убийствами невинных людей, конечно, нет.

Файф: Почему же вы оставались членом правительства, которое прибегало к убийству в качестве орудия политического воздействия?

Нейрат: Я здесь уже дважды говорил, что, к сожалению, при таких революциях всегда бывают перегибы.

Файф: Давайте сейчас перейдем к другой области вашей деятельности в 1934 году. Вы знали о террористических актах, имевших место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли? Я хочу, чтобы вам было совершенно ясно, что я подразумеваю под террористическими актами. Я имею в виду взрывы на австрийских общественных предприятиях, железных дорогах и т. д. Я говорю о динамите, а не о чем-либо отвлеченном. Вы знали, что такие действия имели место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли?

Нейрат: Да, я знал об этом и всегда выступал против этого, потому что я знал, что эти террористические акты — это я хочу еще раз подчеркнуть — в большинстве случаев проводились австрийскими нацистами.

Файф: Какую должность занимал фон Кепке в вашем министерстве 31 мая 1934 г.?

Нейрат: Он был министриаль-директором.

Файф: Это весьма ответственная должность, не так ли?

Нейрат: Да.

Файф: Помните ли вы, что фон Кепке докладывал вам 31 мая 1934 г. о посещении им барона фон Вехтера?

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Файф: Барон фон Вехтер был одним из руководителей путча против Дольфуса, который имел место шесть недель спустя, то есть 25 июля. Разве вы не помните, что фон Кепке представил вам отчет, который вы затем передали Гитлеру.

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Файф: Хорошо, давайте освежим вашу память, если вы забыли. Посмотрите на документ Д-868, который я представляю в качестве доказательства под номером ВБ-515. Посмотрите, пожалуйста, на этот документ и обратите особое внимание на подписи. И если вы внимательно посмотрите на верхнюю часть документа, то я думаю, что вы найдете

• в самом подлиннике ваши собственные инициалы. И в тот же день этот меморандум был возвращен рейхсканцлером в министерство иностранных дел. Сейчас посмотрим, что за отчеты вы получали из Австрии и передавали Гитлеру. Если вы особенно не возражаете, то мы опустим параграф 1, где дается описание внешности барона фон Вехтера. Но далее говорится, что «его заявления были, очевидно, даны в полном сознании громадной ответственности, лежащей на нем. Его оценка всего происходящего и тех лиц, о которых он упоминал, являлась ясной и определенной. Фон Вехтер также нарисовал мне картину положения в Австрии, которое по его описанию было даже более мрачным и более серьезным, чем это нам казалось до сих пор. Повстанческие тенденции национал-социалистов в Австрии неуклонно возрастают. Число террористических актов также растет. Независимо от того, кто действительно производит эти разрушения и совершает террористические акты в отдельных случаях, каждый такой акт вызывает новую волну повстанческих действий. Фон Вехтер неоднократно с сожалением подчеркивал, что в действиях не хватало единого руководства. СА делала все, что хотела, и все, что она считала необходимым. Политическое руководство в это время стало проводить такие мероприятия, которые в некоторых случаях приводили ж противоположным результатам. Таким образом, крупный террористи-

ческий акт, в результате которого были взорваны все железнодорожные линии, ведущие в Вену, был, несомненно, совершен не марксистами, а членами австрийской организации СА, против желания политического руководства, которое, как он считал, не принимало никакого участия ни в самом совершении этого акта, ни в приготовлении к нему. Такова картина, описанная в целом. Если говорить несколько подробнее, то следует указать, что в отдельных провинциях, округах царит еще большая неразбериха». Далее он говорит о том, что главным очагом беспорядков является Каринтия, где в этом отношении дела обстоят хуже всего. И далее: «фон Вехтер считает необходимым навести полный порядок в самые кратчайшие сроки, а именно — объединить под единым руководством всех действующих в интересах национал-социализма в самой Австрии и вне ее. Личные вопросы не должны играть здесь никакой роли. Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с Габихтом по всем этим вопросам. Насколько он знает, Габихту уже удалось иметь сегодня короткую беседу с имперским канцлером».

Остановимся ненадолго на этом факте. Примерно в то время Габихт был назначен пресс-атташе при германском посольстве в Вене. Это назначение Габихта на пост пресс-атташе должно было исходить от вас или было произведено с вашего одобрения, не так ли? Это входило в ведение вашего министерства?

Нейрат: В данный момент я не знаю этого точно, но я припоминаю, что Габихт был ландеслейтером в Мюнхене, и не знаю ничего о том, был ли он вообще назначен в Вену в качестве пресс-атташе.

Файф: Вы можете поверить мне, что он действительно поехал в Вену в качестве пресс-атташе в мае 1934 года, а сейчас я хочу вас спросить лишь о том, по вашему ли приказу или с вашего согласия он был назначен на пост, который дал ему дипломатический иммунитет в разгар его заговорщической деятельности?

Нейрат: Если Габихт и был в Вене, так без моего ведома и без моего утверждения. Очевидно, он был назначен туда министерством пропаганды, которому подчинялись работники прессы.

Файф: Вы, подсудимый, конечно, согласитесь со мной в том, что это не весьма приятный документ. Разрешите напомнить вам о том, что этот документ Поступил к вам от вашего министерского-директора и был передан фюреру, а затем этот документ был возвращен Ламмерсом с примечанием: «Габихт зайдет сегодня».

Нейрат: К фюреру?

Файф: Да.

Нейрат: Господин обвинитель, я обращаю ваше внимание на то, что здесь все время речь ведется об австрийских нацистах. К австрийским нацистам я не имел никакого отношения.

Файф: Я хочу указать вам лишь на то, что этот документ, документ министерства иностранных дел, был переслан рейхсканцлеру, а возвращен он был 6 июня со следующим примечанием Ламмерса: «Габихт зайдет сегодня». Вы должны были знать о Габихте 6 июня. Об этом упоминается в данном отчете.

Нейрат: Об этом там не говорится. Я получил от Ламмерса записку, показывающую, что Габихт был у рейхсканцлера. Я послал этот отчет

моего министеряль-директора рейхсканцлеру для того, чтобы он убедился в том, каково положение в Австрии. Вот какова была причина.

Файф: Вы помните, что несколько дней назад фон Папен давал свои показания, и когда я спросил его о том, кто были эти видные деятели империи, которые оказали влияние на путч в Австрии в июне 1934 года, то он после долгого раздумья смог припомнить только одного из них, который оказывал влияние на путч, а именно Габихта?

Нейрат: Нет.

Файф: Хорошо, я заявляю вам о том и хочу, чтобы вы подтвердили это, что вы прекрасно знали, что 6 июня 1934 г. Габихт, этот видный деятель империи, согласно показаниям фон Папена, организовал путч в Австрии. Вы это подтверждаете?

Нейрат: Но как вы приходите к такому выводу? Габихт вообще никогда не был у меня, а был у рейхсканцлера.

Файф: Вы видели этот отчет вашего министеряль-директора, Я только что зачитал высказывания фон Вехтера.

Нейрат: Но там ни слова не сказано о г-не Габихте.

Файф: Да, я только что зачитал вам это. Разрешите напомнить вам; «Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер, Он же, Вехтер, полностью согласен с Габихтом по всем этим вопросам», Другими словами, в сообщениях, которые Вехтер передавал министерству иностранных дел, он высказывал не только собственное мнение, но и мнение Габихта.

Нейрат: Да, там сказано об этом. Так вот, обо всех этих террористических актах и беспорядках, которые здесь описываются, я довел до сведения рейхсканцлера.

Файф: Обратите внимание на то, что написано в этом отчете в конце страницы: «Но так как тем временем ничего не последовало и с другой стороны, меры австрийской администрации с каждым днем:

становились все более и более жестокими, то вновь выступили радикальные элементы с заявлением о том, что канцлер издал свой приказ, исходя только из тактических соображений, в то время как внутренне он одобрял любое мужественное действие со стороны оппозиции, и что он своей истинной политической целью считал лишь ослабление ненавистной системы Дольфуса, но таким путем, чтобы другие страны, по возможности, не смогли говорить о каком-либо постороннем вмешательстве. Сейчас они руководствуются в своей работе этим принципом».

Послушайте следующую выдержку, его совет вам — наиболее близкое к истине предупреждение об опасности, которым когда-либо располагал любой министр иностранных дел: «В ходе обсуждений приходится постоянно сталкиваться с этой идеей, которая тайно распространяется. В ближайшее время должны быть сделаны соответствующие изменения и установлено единое руководство... иначе, — как фон Вехтер заканчивает свое выразительное описание, — каждый день может произойти такая катастрофа, которая приведет к самым худшим последствиям с точки зрения внешней политики не только для Австрии, но прежде всего и для Германии». Затем разговор прерывается, фон Вехтеру вручают телефонограмму, в которой говорится, что для него будет лучше если он не возвратится в Вену, в противном случае он будет арестован по приезде, а через шесть недель он начал путч, и канцлер Дольфус был расстрелян. Вы помните об этом? Разве в начале июня 1934 года

не знали о том, что существовала очень серьезная угроза восстания и больших бедствий для Австрии?

Нейрат: Совершенно очевидно. По этой причине я и послал отчет канцлеру. Я не мог вмешиваться в дела Австрии.

Файф: Может быть, вы ответите на тот вопрос, на который не смог ответить подсудимый фон Папен. Кто, по вашему мнению, были эти другие видные деятели Германской империи, которые стояли за путч, направленный против правительства Дольфуса в Австрии? Вы заявляете, что вы не принадлежали к числу этих деятелей. Кто же, по вашему мнению, были эти личности, о которых упомянул фон Папен как о лицах, стоящих за путч, направленный против Дольфуса?

Нейрат: Я вообще никого не знаю. Я знал только Габихта как личность, против которой я все время протестовал перед Гитлером, так как он занимался натравливанием. Какого-либо другого немца из Германии я не знал. Все остальные — это австрийские национал-социалисты, которые здесь очень часто упоминаются, но которых я не знал.

Файф: Я о них не говорю. Я говорю о тех видных деятелях Германской империи, о которых говорил подсудимый фон Папен, а сейчас я пытаюсь выяснить, кто были эти деятели. И вы продолжаете утверждать, что единственное лицо, которое вы помните, это пресс-атташе Габихт?

Это все, что вы можете оказать Трибуналу в выяснение этого вопроса?

Нейрат: Я уже сказал, я никого не знаю.

Файф: Придерживаетесь ли вы того мнения, что ваш сотрудник министерства Рит ничего не знал об этом, несмотря на то, что сказал Мессерсмит по этому поводу? Вы думаете, что Рит ничего не знал об этом путче?

Нейрат: Я не знаю, насколько был осведомлен Рит, но вы знаете, что я тотчас же отозвал его, когда он вмешался в это дело. Вообще я всегда запрещал послан и посланникам вмешиваться в такие дела.

Файф: Вы все-таки не сомневаетесь в том, что Рит знал о готовившемся путче?

Нейрат: Нет, я очень сомневаюсь в том, что он точно знал о нем. Я не думаю этого, потому что он не был таким человеком.

Файф: Во всяком случае, вы знали о том, что 25 июля австрийские нацисты провели этот путч и убили Дольфуса?

Нейрат: Но это же не было тайной.

Файф: Нет, я это знаю. Многие из этих событий не были тайной. Меня интересует ваша осведомленность, а именно — когда вы об этом узнали?

Нейрат: После этого, да.

Файф: Но разве после этого вы не колебались, следует ли вам дальше оставаться в правительстве, которое распространяло свою политику убийства из своей страны за границу через посредство своих агентов в Австрии?

Нейрат: Если бы я был ответственен за каждого отдельного убийцу, за каждого отдельного немецкого убийцу, действовавшего за границей, то у меня, вероятно, было бы слишком много дела.

Файф: Вы знали, и я вам напомню сейчас о том, что австрийская нацистская партия была в тесном контакте с Гитлером и все время

действовала согласно приказам Гитлера, когда Гитлер стоял во главе вашего правительства? Вы это отлично знали, не так ли?

Нейрат: Но он же был главой НСДАП, руководителем этой партии, и то, что они с ним сотрудничали,—это вполне естественно. ...

Файф: Подсудимый, я хочу выяснить некоторые факты, относящиеся к 1935 году.

10 марта Германия заявила о создании военно-воздушного флота, а 16 марта вы, по-моему, в числе других подписали закон об обязательной воинской повинности. Вы уже говорили об этом, и я не хочу снова возвращаться к этому вопросу. Я лишь хочу спросить вас относительно секретного закона об обороне империи от 21 мая 1935 г. Посмотрите; на замечания генерала Томаса, касающиеся этого вопроса.

Он пишет: «Общая централизация верховной власти в империи, которая была декретом установлена на случай войны, повлияла на развитие и организацию военной экономики в такой степени, что необходимо обсудить этот вопрос подробно. Основа для организации централизованной верховной власти в империи на случай войны была заложена еще до 1933 года в большом числе декретов и резолюций совещаний, но она радикальным образом была изменена, когда национал-социалисты пришли к власти, и в особенности после смерти президента Гинденбурга. Новые положения были сформулированы в законе об обороне империи от 21 мая 1935 г. Он должен был быть объявлен только: в случае войны, но был введен в действие уже во время проведения подготовки к войне. Поскольку этот закон определял обязанности вооруженных сил и других имперских властей на случай войны, он также являлся основным распоряжением, на основе которого должна была развиваться деятельность организаций, ведающих военной экономикой».

Помните ли вы, что в тот же день подсудимый Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики? Вы понимали в то время, подсудимый, что этот закон являлся основой для развития деятельности организации, ведавшей военной экономикой?

Нейрат: Да, но только на тот случай, если начнется война, то есть на случай мобилизации.

Файф: Видите ли, я пытаюсь вам пояснить то, что этот закон был введен в действие для проведения подготовки к войне. Разве вы не понимали тогда, что это был большой шаг вперед в деле военной подготовки?

Нейрат: Ни в коей мере. Это вовсе не было большим шагом вперед. Это была лишь констатация необходимости, которая могла возникнуть в случае войны. Как и в любой другой стране, необходимо было гарантировать сотрудничество всех учреждений на случай нападения. Как раз в данном законе это и устанавливается.

Файф: Такова ваша точка зрения? Правильно ли будет сказать, что в то время, до мая 1935 года, министерство иностранных дел Германии все еще было укомплектовано дипломатами старой школы и поэтому еще не было наводнено людьми из бюро Риббентропа? Так ли это?

Нейрат: Да, это так.

Файф: Вы получали какое-либо предупреждение от вашего собственного персонала относительно событий в Австрии или о вооружении, о введении воинской повинности и создании военно-воздушного флота?

Нейрат: Как вы можете судить об этом на основании отчета, который был предъявлен ранее, я был информирован относительно событий в Австрии. Что касается вооружения, то решение о нем было принято кабинетом. Я, конечно, знал об этом.

Файф: Посмотрите на документ ПС-3308. Это письменное показание, - данное под присягой переводчиком Паулем Шмидтом. Вот что говорит Пауль Шмидт:

«Параграф 4. Попытка провести путч в Австрии и убийство Дольфуса 25 июля 1934 г. серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел, потому что эти события дискредитировали Германию в глазах всего мира. Было общеизвестно, что путч проводился партией, и фактически эта попытка провести путч так непосредственно следовала за кровавой чисткой в Германии, что приходилось думать об однотипности нацистских методов как внутри страны, так и вне ее».

Подсудимый, я попрошу вас сказать, правильно ли говорит Шмидт о том, что попытки совершить путч и убийство Дольфуса серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел?

Нейрат: Это обеспокоило не только сотрудников моего министерства, но и меня самого.

Файф: Правильно ли, что беспокойство среди ваших сотрудников усилилось в результате признания того обстоятельства, что кровавая чистка и путч обеспокоили Францию и Советский Союз в отношении позиции, занимаемой Германией?

Нейрат: Нет, это частное мнение переводчика Шмидта.

Файф: Утверждаете ли вы, что Шмидт, который, в конце концов, был вашим штатным сотрудником, хотя он в течение долгого времени и был переводчиком, пишет неправильно, когда заявляет, что ваши сотрудники высказывали свои опасения вам?

Нейрат: Да, утверждаю самым решительным образом. Откуда Шмидт, будучи совсем незначительным чиновником, мог знать о том, что говорят мне высшие чиновники министерства? Кроме того, как может Шмидт судить об этом?

Файф: Мы прочитаем шестой абзац, я хочу спросить вас о последней его части.

«Ремилиитаризации германскими вооруженными силами Рейнской области предшествовала дипломатическая подготовка нацистов, проведенная в феврале».

Гитлер в одной из своих бесед утверждал, что не существует действительных оснований для конфликта между Германией и Францией..
• Если сравнить эти высказывания с некоторыми высказываниями в «Майн кампф», которые были направлены против Франции, обстоятельства были таковы, что можно было предположить, что готовилась почва для оправдания каких-то действий в будущем.

Я не знаю, когда именно было принято решение о вступлении войск в Рейнскую область. Я лично знал об этом и обсуждал этот вопрос примерно за две или три недели до этих событий. Высказывались серьезные опасения, в особенности в военных кругах, относительно риска, связанного с проведением этого мероприятия. Подобные же опасения испытывали многие сотрудники министерства иностранных дел. В министерстве иностранных дел было, однако, известно, что Нейрат в тех правительственных кругах, с которыми консультировался Гитлер, был единственным

человеком, который был уверен в том, что Рейнская область может

•быть ремилитаризована без вооруженного противодействия со стороны Великобритании и Франции. Позиция Нейрата в течение всего этого времени была такова, что она должна была вызвать у Гитлера больше доверия к нему (Нейрату), чем ко всем остальным дипломатам старой школы, которыми Гитлер обычно пренебрегал».

Итак, если этот мелкий чиновник, о котором вы только что говорили, знал о вступлении войск в Рейнскую область и обсуждал этот вопрос за две или три недели до того, как оно произошло, то когда (именно до вступления вы обсуждали этот вопрос?

Нейрат: Шмидт оказался, очевидно, ясновидцем, так как я сам не знал об этом за две или три недели. Я узнал об этом лишь за неделю до того, как Гитлер вынес решение. И если здесь написано, что в мини-

•стерстве иностранных дел было общеизвестно, что единственным советником Гитлера в правительственных кругах был я и что я был уверен в том, что Рейнская зона может быть занята войсками без вооруженного •сопротивления со стороны Британии или Франции, — так ведь я, в конце концов, был прав!

Файф: Вы были правы... Но действительно ли вы были единственным человеком в правительственных кругах, который считал, что можно было оккупировать Рейнскую область без вмешательства Великобритании и Франции? Это правильно?

Нейрат: Я не могу сказать, был ли я единственным человеком. Во

•всяком случае, я был убежден в этом на основании того, что я знал

•о международных отношениях.

Файф: Таким образом, каково бы ни было положение переводчика Пауля Шмидта, он по крайней мере, знал, какое положение вы занимали в то время. Разве он был неправ, говоря в последней фразе о том, что занимаемое вами положение в тот период было таково, что Гитлер

•прислушивался к вашему мнению скорее, чем к мнению всех других пронацистских дипломатических кругов из министерства иностранных дел, потому что вы были человеком, который одобрял его. Разве не таково положение вещей?

Нейрат: Я его вовсе не одобрял. Правда, я ему изложил свое мнение об общей ситуации. То, что я был тогда прав, впоследствии подтвердилось.

Файф: Я хочу рассмотреть еще один вопрос; правда, он относится к 1936 году, но, поскольку мы уже затронули вопрос об Австрии, рассмотрим сейчас и этот вопрос. Вы оказали раз или два, что вы очень

•серьезно возражали против того, что договор между Австрией и Германией, заключенный 11 июля, называли маскировкой или ширмой. Вы очень серьезно возражали против такой точки зрения. Ведь это правильно?

Нейрат: Да.

Файф: Известно ли вам, что Гитлер дал инструкции гаулейтерам австрийской национал-социалистской партии продолжать борьбу в то же самое время, когда подписывался этот договор?

Нейрат: Нет, это мне неизвестно.

Файф: Разрешите вам напомнить отчет Райнера, которого Трибунал имел возможность допросить. Прошу посмотреть на конец первого абзаца. Он гласит:

«На соглашение от 11 июля 1936 г. сильное влияние оказала деятельность этих двух лиц (то есть подсудимого Зейсс-Инкварта и полковника Глейзе-Хорстенау). Папен упомянул фюреру о Глейзе-Хорстенау как о человеке, которому можно доверять.

В это время фюрер хотел увидаться с руководителями партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисты. В то же самое время Хинтерлейтер был арестован, а Райнер стал его преемником (обратите внимание, это — тот самый человек, который дает эти указания) — преемником и руководителем австрийской партии.

16 июля 1936 г. Райнер и Глобочник посетили фюрера в Оберзальцберге, где им было весьма ясно объяснено положение вещей, а также были сообщены желания фюрера. 17 июля 1936 г. все гаулейтеры, находившиеся на нелегальном положении, встретились вблизи Зальцбурга, где они получили полнейший отчет от Райнера относительно заявления фюрера и его политические инструкции о ведении борьбы. На этом же самом совещании гаулейтеры получили также организационные инструкции от Глобочника и Хидлера».

Разве Гитлер не говорил своему министру иностранных дел, который наблюдал за заключением этого договора, что он собирался дать гаулейтерам, находившимся на нелегальном положении, инструкции о дальнейшем ведении борьбы? Разве он не говорил вам об этом?

Нейрат: Нет, об этом он мне не сообщал.

Файф: Я хочу обратить ваше внимание на заявление Мессерсмита, сделанное им в конце 1935 года. Вы помните это заявление? В нем говорится следующее:

«Европа не сможет избавиться от мифа о том, что фон Нейрат, Папен и Макензен являются дипломатами старой школы, а не опасными людьми. На самом деле, они являются лишь послушным орудием режима, и именно потому, что внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать более эффективно. Они могут сеять раздор просто потому, что они распространяют миф о том, что они не поддерживают режим».

Можете ли вы указать нам на какую-либо инструкцию Гитлера, которая была издана до того времени, когда Мессерсмит сделал это заявление, то есть до 10 октября 1935 г., и которую вы не выполнили?

Скажите Трибуналу, какое поручение, данное вам Гитлером до 10 октября 1935 г., вы отказались выполнить. Какое было самое серьезное поручение, от которого вы отказались?

Нейрат: Это вопрос, на который я так просто не могу дать ответа. Как я могу сейчас знать, какой вопрос из тех, против которых я возражал, был самым серьезным?

Файф: Я хочу спросить вас относительно отчета Буллита, с которым, как мне кажется, вы согласны.

Заявив, что он беседовал с вами, он пишет дальше: «Фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы не предпринимать активных мер в области внешней политики до тех пор, пока не примирятся с присоединением Рейнской области». Далее он объясняет, что этим он хотел сказать, что до тех пор, пока не будут построены укрепления на бельгийской и французской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы,

наоборот, предотвратить, а не поощрять всякий бунт нацистов в Австрии, и будет вести умеренную политику в отношении Чехословакии. Как только наши укрепления будут построены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на территорию Германии, когда она этого захочет, все эти страны будут иначе проводить свою внешнюю политику, и создастся новая группировка сил».

Вы согласны с тем, что вы говорили это?

Нейрат: Да, конечно.

Файф: Я хочу спросить, согласны ли вы с моим пониманием этого высказывания. Вы хотели сказать, что как только ваши фортификации на западной границе будут приведены в должный порядок, вы постараетесь добиться аншлюсса Австрии и получить от Чехословакии обратно Судетскую область. Разве не это означают ваши слова?

Нейрат: Я хотел сказать и сказал, что- эти страны, в частности Чехословакия и Франция, изменят свою политику по отношению к Германии, так как они уже не могут больше так легко пройти через ее; границы...

Файф: Я хочу, чтобы вы оказали мне в нескольких словах относительно тайного совета, в который вы были назначены после того, как ; покинули министерство иностранных дел. Я попрошу, подсудимый, посмотреть только на первые две фразы:

«Фюрер вначале заявил, что вопрос, который будет разбираться на сегодняшнем совещании, является настолько важным, что детальное его обсуждение, безусловно, потребовало бы в другом государстве обсуждения на совещании кабинета в полном составе. Однако он, фюрер, решил не обсуждать этот вопрос в широком кругу имперского кабинета именно потому, что он является столь важным».

Затем, если вы посмотрите на список присутствовавших, вы увидите, что там был фюрер, военный министр, три главнокомандующих, а также министр иностранных дел. Подсудимый, предположим, что в феврале или марте 1938 года Гитлер захотел бы обсудить вопрос об Австрии на совещании кабинета в таком же узком кругу лиц. Давайте посмотрим, кто бы занял места тех, кто присутствовал на этом совещании. Вместо Бломберга и фон Фрича присутствовали бы подсудимый Кейтель как начальник ОК.В и фон Браухич как командующий сухопутными силами, не так ли?

Нейрат: Да, я полагаю, что так.

Файф: В действительности Геринг и Редер сохраняли свои посты. Подсудимый фон Риббентроп занял ваш пост, а вы являлись председателем тайного совета. Ламмерс был секретарем совета, а Геббельс занял более важный пост — министра пропаганды. Я хочу, чтобы вы посмотрели сейчас, кто были люди, которые образовали тайный совет. Вы видите, кто сюда входят: подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, заместитель фюрера подсудимый Гесс, Геббельс, начальник имперской канцелярии Ламмерс, фон Браухич, Редер и Кейтель. Вы говорите, насколько я вас понял, что этот тайный совет фактически не существовал и в действительности вообще не собирался. Это правильно?

Нейрат: Да.

Файф: Почему тогда вы как председатель тайного совета имели специальные фонды на получение дипломатической информации?

Нейрат: Я не получал никаких фондов.

Файф: Тогда я попрошу вас посмотреть на документ ПС-3945. Это письмо от 28 августа 1939 г. от Ламмерса вам лично.

«В соответствии с вашим требованием я передал советнику Кэппену 'сумму в 10000 имперских марок, которая предоставлена в ваше распоряжение для специальных расходов на получение дипломатической и политической информации».

Вы подписали расписку, которая гласила: «Я получил 10000 имперских марок из имперской канцелярии для специальных расходов на получение дипломатической информации».

Скажите нам теперь, почему вам выдавались специальные суммы на получение дипломатической информации?

Нейрат: Да, это я вам могу сказать. Это выражение я употребил по просьбе Ламмерса, руководившего кассой имперской канцелярии, для того, чтобы получить деньги на содержание моего бюро, а именно для оплаты машинистки и секретаря. Я не помню, как называлось это учреждение, перед которым я должен был отчитаться. Да, это было министерство финансов. У меня не было особого бюджета. Ламмерс потребовал, чтобы я употребил это выражение.

Файф: Я сошлюсь еще на другие письма. Но я хочу только знать, почему было необходимо, чтобы расходы на машинистку и секретаря не подвергались проверке.

На странице 143 вы найдете ваше письмо, адресованное Ламмерсу. Вы пишете: «Для моего бюро нужны специальные дотации на расходы, которые, как мне кажется, не следует подвергать контролю».

Почему вы считали, что не следует контролировать расходы на секретаря и машинистку?

Нейрат: Я в настоящий момент не могу этого сказать. Но я не расходовал никаких средств на получение дипломатической информации. Это лишь расходы на бюро, которые здесь изложены.

Файф: Я прошу вас посмотреть на документ ПС-3958. Это письмо от 8 апреля 1942 г., адресованное вам.

В этом письме, адресованном вам, говорится: «Имперский министр финансов дал свое согласие на то, чтобы ваши запросы на бюджет на 1942 год были предусмотрены в плане № 1. Поэтому я не возражаю против того, чтобы ваши необходимые запросы были удовлетворены даже до того, как будет утвержден этот план, в пределах следующих сумм: на личные административные расходы до 28 500 марок, на официальные административные расходы до 25 500 марок, итого 54 000 рейхемарок». Суммы на личные расходы и расходы по содержанию аппарата вы получили в тот же самый период, когда вы получили эти дополнительные суммы.

Таким образом, если эта сумма в 10000 марок, которую вы получали время от времени, не предназначалась на содержание аппарата, то я хочу, чтобы вы оказали Трибуналу, для чего же в действительности она предназначалась?

Нейрат: Я не знаю, для чего она предназначалась.

Файф: Это ваши письма, и вы получали деньги. Разве вы не можете сказать Трибуналу, для чего вы их получали?

Нейрат: Нет. В настоящий момент я этого не могу вспомнить.

Файф: Может быть, для получения дипломатической информации, как об этом говорится в письмах?

Посмотрите, пожалуйста, подсудимый, на документ ПС-3945. Это письмо от 14 июля 1943 г. Оно подписано буквой «К». В нем говорится:

«Когда я разбирал вопрос о специальных фондах, компетентные лица в имперской канцелярии проявили полнейшее понимание этого вопроса и попросили вас представить письменное ходатайство, Ваша светлость. Когда я ответил, что я не хочу представлять такого ходатайства до тех пор, пока успех не будет гарантирован, они попросили предоставить им еще некоторое время для дальнейшего обмена мнениями. Через несколько дней я получил указание, что я могу без всяких колебаний представить ваше ходатайство, после чего я передал письмо, которое я ранее придержал. Требуемая сумма была вручена мне сегодня, и я внес эту сумму на свой специальный счет».

Помогает ли это вам вспомнить сейчас факты? Можете ли вы сказать Трибуналу, каковы были специальные расходы для получения дипломатической информации, на которые вы получили эти суммы?

Нейрат: Я очень сожалею, однако я не могу вспомнить о всей этой истории.

Файф: Знаете ли, это очень странно, еще в одном письме, документ ПС-3958 от 8 января 1943 г., а также и в последующих письмах — от 4 марта и 20 апреля — объясняется ваш отъезд из дома № 23 по Рейнбабен Аллее и прекращение ваших расходов, когда вы уехали из города. Я хочу задать вам несколько вопросов по поводу этого дома. Посмотрите на письменное показание американского консула Гайсти.

Выдержка, о которой я хочу вас спросить, находится в середине абзаца.

После того как он говорит, что хозяин его квартиры должен был отдать свой дом СС, он заявляет: «Я знаю, что во многих случаях, когда считали необходимым увеличить давление, будущих покупателей или их агентов обычно сопровождали одетые в форму бойцы СС или СА. Я знаю об этом потому, что жил по соседству, и знаю лиц, которых это касалось. Я знаю, что фон Нейрат, одно время бывший министром иностранных дел Германии, таким образом получил дом одного еврея. Он был моим соседом в Далеме. Дом Нейрата стоил примерно 250 000 долларов».

Скажите, этот дом находился на Рейнбабен Аллее, 23?

Нейрат: Да, да.

Файф: Скажите, пожалуйста, кто приобрел его для вас с тем, чтобы председатель несуществующего тайного совета мог пользоваться этим домом как своей официальной резиденцией? Кто приобрел этот дом?

Нейрат: В 1937 году, когда Гитлер строил здание для своей новой имперской канцелярии, он мне однажды заявил, что я должен переселиться из моего старого дома, который находился за зданием министерства иностранных дел, так как он хочет включить сад при этом доме в участок своей имперской канцелярии, а дом будет снесен. Он дал указание имперскому строительному управлению предоставить мне новый дом. Имперское строительное управление предложило мне несколько домов, причем это были конфискованные еврейские виллы. Однако я от этого отказался.

Я должен был сам искать себе дом. Мой домашний врач, которому я об этом сообщил, сказал, что он знает один дом в Далеме. Это и есть как раз дом № 23 на Рейнбабен Аллее. Мой врач был также домашним врачом в семье владельца этого дома. Дом принадлежал подполковнику ;

Глотцу, брату моего близкого друга. Я сообщил об этом имперскому строительному управлению и просил вступить в переговоры. В результате переговоров было достигнуто соглашение, причем цена была установлена не в долларах, а в марках.

Эта сумма по просьбе подполковника Глотца была выплачена наличными, а впоследствии по его желанию — я добился этого у министра финансов — была переведена в Швейцарию.

Я хочу отметить, что тогда я еще был министром иностранных дел. После этого я остался в этом доме по той причине, что я не получил другого дома, и мой преемник Риббентроп поселился в старом президентском дворце. В 1943 году этот дом был разрушен. Я и до сих пор не могу объяснить, что это была за сумма, о которой вы говорите. Может быть, это была сумма, предоставленная имперской кассой. Этого я сказать не могу при всем своем желании. Однако эти показания Гейста совершенно неправильны. Я этот дом купил не у еврея, а купил его у христианина, подполковника Глотца.

Файф: Вы говорите нам, что перевели деньги на его текущий счет в Швейцарию?

Нейрат: Да, так как Глотц уехал в Швейцарию; мне кажется, между прочим, что его жена была не арийка.

Файф: Очень хорошо. Я хотел бы прочитать еще следующую фразу, после чего я закончу рассмотрение этого документа:

«Я знаю также, что Альфред Розенберг, который жил со мной на одной улице, получил дом от еврея точно таким же образом».

Вам известно что-нибудь по этому поводу?

Нейрат: Я вообще не знаю, каким образом получил Розенберг свой дом.

Файф: Вам известно, что Обвинение ссылалось на ваш ответ британскому послу относительно аншлюсса? Насколько я вас понял, вы, теперь не утверждаете, что данный вами тогда ответ являлся правильным, а заявляете, что это было все то, что вы могли тогда сказать на основании имевшейся у вас информации, это правильно?

Нейрат: Да, совершенно правильно.

Файф: Вы сказали, что вы не слышали ни от Гитлера, ни от Геринга ни единого слова относительно ультиматума, предъявленного сначала Шушнигу, а потом президенту Микласу. Вам ничего об этом не говорили. Вы об этом заявляете здесь?

Нейрат: Нет, тогда я об этом не знал. Я узнал об этом позже.

Файф: Когда вы узнали о действительном положении вещей относительно 'предполагавшегося аншлюсса?

Нейрат: Подробности вообще я узнал здесь, когда мне был предъявлен доклад советника миссии Гевеля. Я уже раньше слышал, что на Шушнига было оказано давление. Но точные подробности всего этого я узнал только здесь, в Нюрнберге.

Файф: Вы говорите, что в период между 11 марта и вашим приездом в Нюрнберг вы ничего никогда не слышали относительно угрозы вступления немецких войск в Австрию, которая содержалась в высказываниях подсудимого Геринга, Кепплера или генерала Муффа от его имени? Вы никогда не слышали об этом?

Нейрат: Нет, тогда я ничего не знал.

Файф: Тогда я хочу спросить вас относительно заверений, которые вы дали чешскому министру Мастни в Берлине.

Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ № 122.

Выдержка, о которой я хочу спросить вас, находится в параграфе 6, После того как вы рассматриваете вопрос о беседе с подсудимым Герингом относительно мобилизации в Чехословакии, вы далее говорите:

«Мастни собирался дать ему определенные и весьма связывающие заверения по этому вопросу», то есть по поводу мобилизации в Чехословакии, «и сегодня», то есть 12 марта, «он говорил с фон Нейратом, который, между прочим, заверил его от имени Гитлера в том, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года».

Вы оказали Трибуналу, и мы, кроме того, слышали показания баронессы фон Риттер о том, что совещание 5 ноября обеспокоило вас, даже вызвало у вас тяжелый сердечный припадок. Один из вопросов, которые обсуждались на этом совещании, касался нападения не только на Австрию, но и на Чехословакию, для того чтобы обеспечить немецкие фланги.

Почему вы думали 12 марта, что Гитлер будет считать себя связанным германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, которая предусматривала, что всякие разногласия между Германией и Чехословакией должны были передаваться на рассмотрение Совета Лиги наций или Международного суда? Почему же вы тогда считали возможным, что Гитлер будет передавать свои разногласия с Чехословакией на рассмотрение одной из этих организаций?

Нейрат: Это я могу вам сказать совершенно точно. Я вчера уже показывал, что Гитлер 11-го числа вечером вызвал меня к себе по причинам, которые я еще и сегодня не могу объяснить, и заявил мне, что вступление войск в Австрию должно произойти ночью. На мой вопрос или на мое замечание о том, что это вызовет в Чехословакии большое беспокойство, он заявил, что он не имеет в настоящий момент никаких намерений в отношении Чехословакии и что он даже надеется, что после вступления войск в Австрию или занятия Австрии отношения с Чехословакией значительно улучшатся.

Из этой фразы, из этого заверения о том, что ничего не произойдет, я сделал вывод, что все останется так, как есть, и что мы считаем себя связанными договором 1925 года.

Файф: Верили ли вы хоть одному слову из того, что сказал Гитлер 12 марта 1938 г.?

Нейрат: Да, тогда еще верил.

Файф: Вы помните, что в период Мюнхена, когда вы на некоторое время снова вернулись к делам, президент Бенеш написал меморандум, в котором напоминал о конвенции, об арбитраже, а Гитлер просто отложил его в сторону. Вы помните, что 12 сентября он отказался рассматривать этот меморандум?

Нейрат: Нет, я этого не помню.

Файф: Вы не знаете? Но ведь об этом писали и в германской прессе и во всех прочих газетах мира; везде писали, что он написал меморандум, напоминая об этой конвенции, а Гитлер отказался даже взглянуть на этот меморандум.

Однако вы утверждаете, что 12 марта вы искренне верили в то, что Гитлер будет действительно придерживаться этой конвенции. Вы действительно это утверждаете?

Нейрат: Да, тогда у меня не было никаких сомнений.

Файф: Подсудимый, вы говорили относительно меморандума генерал-лейтенанта Фредериче, и вы помните, что в этом меморандуме Фредериче ссылался на ваш меморандум, в котором вы говорите о том, как следует поступить с Чехословакией?

Теперь я хотел бы, чтобы вы обратились к документу № 3859 с тем, чтобы Трибунал на основании ваших собственных слов мог заключить о вашем отношении к чехам.

Я вначале зачитаю ваше письмо к Ламмерсу от 31 августа 1940 г.

В вашем письме сказано: «Дорогой Ламмерс! К настоящему письму я прилагаю меморандум, о котором я уже упоминал в своем письме от 13 июля 1940 г.; меморандум касается вопроса о будущем статуте Богемии и Моравии. Я прилагаю к письму еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем К. Г. Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме». Прошу вас обратить внимание на следующие слова: «и я с ним полностью согласен». «Будьте добры представить оба эти меморандума фюреру и договоритесь, пожалуйста, о дне, когда фюрер может лично принять меня и моего статс-секретаря Франка. Как я слышал из неофициальных источников, ряд этих отделов партии и прочих ведомств намеревается представить фюреру предложения относительно разделения территории вверенного мне протектората, не сообщив мне подробностей этих проектов. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы назначили дату моей беседы с фюрером, пока еще не поздно для меня; я как имперский протектор, компетентный в этих вопросах, и как человек, хорошо разбирающийся в проблемах Чехословакии, а также мой статс-секретарь должны получить возможность представить фюреру свои соображения по этому поводу до того, как ему будут представлены всевозможные планы и проекты со стороны других лиц.

Все соображения по поводу будущей организации Богемии и Моравии с национально-политической (штатсполитиш) и этническо-политической (фольксполитиш) точки зрения должны основываться на одной цели, которую мы должны поставить перед собой.

С точки зрения национально-политической может существовать только одна цель — окончательное объединение этих территорий с великой Германской империей. С этническо-политической точки зрения эту территорию следует заселить немцами».

Затем вы говорите, что указываете на путь к достижению этих целей. Прошу вас перейти к разделу II вашего меморандума; в середине второго абзаца вы найдете дополнительный параграф, который начинается словами:

«Эти 7200 тысяч человек, из которых 3400 тысяч живут в городах и поселениях с численностью населения более 2000 человек в каждом и 3800 тысяч живут в поселениях с численностью населения менее 2000 человек в каждом, находятся под руководством и влиянием интеллигенции, которая в этой стране составляет слишком большую прослойку по отношению к размерам страны. Эта часть населения, то есть

интеллигенция, также пыталась после изменения конституции в этих районах более или менее открыто саботировать или, во всяком случае, добиться отсрочки в проведении необходимых мер, которые были намечены для того, чтобы приспособить существующие в стране условия к новому положению вещей. Остальная часть населения, мелкие ремесленники, крестьяне и рабочие, лучше приспособились к новым условиям жизни...

Однако, если бы на основании этого мы пришли к заключению, что правительство и население вели себя лояльно потому, что они в душе примирились с потерей независимости своего государства и включением его в состав великой Германии, мы совершили бы фатальную ошибку. На немцев продолжали смотреть как на непрошенных захватчиков, и среди народа было широко распространено стремление вернуть прежнее положение вещей, хотя народ и не решался открыто выражать подобные чувства.

Постепенно население начинало признавать новый порядок, но это объясняется лишь тем, что люди либо обладали необходимой рациональной дальновидностью, либо боялись последствий, которые могли повлечь за собой неповиновение. Они, безусловно, поступали так, не исходя из своих убеждений. Такое положение вещей будет иметь место в течение некоторого времени, однако пока дело обстоит таким образом, что следует прийти к решению, как нужно поступить с чешским народом, чтобы достичь нашей цели — присоединения их страны к Германии и заселения ее немцами как можно скорее и по возможности в больших масштабах.

Наиболее радикальное и окончательное разрешение этой проблемы в теоретическом отношении заключается в том, что из этой страны следует совершенно выселить всех чехов и на их место расселить немцев».

Далее вы говорите, что это неосуществимо, так как нет достаточного количества немцев, чтобы немедленно заселить всю страну.

«Разрешение этой проблемы в отношении чехов будет выражаться в том, что, с одной стороны, следует путем отбора выделить тех чехов, которые могут быть подвергнуты германизации, и оставить их в стране и, с другой стороны,—выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии. Если мы будем применять такие методы, германизация может быть проведена успешно».

Подсудимый, вы знаете, что в обвинительном заключении настоящего процесса вы и остальные подсудимые среди других преступлений обвиняетесь в геноциде, который мы определяем как истребление наций и рас и который профессор Лемкин в своей широко известной книге называет «координированной атакой на основы жизни национальностей и рас с окончательной целью уничтожения расовых групп и наций». Вы хотели избавиться от учителей, писателей и певцов Чехословакии, людей, которых вы называете интеллигенцией, людей, которые должны были бы передать последующим поколениям историю и традиции чешского народа. Это были те люди, которых вы, исходя из того, что сказано в вашем меморандуме, хотели уничтожить, не так ли?

Нейрат: Это не совсем так.

Файф: Одну минуту. Перед тем как отвечать на этот вопрос, скажите, предусматривалось ли «...выселить тех чехов, которые с расовой

точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии», — вы действительно имели в виду то, что тогда говорили? Говорили ли вы правду, заявляя, что необходимо уничтожить интеллигенцию?

Нейрат: На это я могу сказать только одно: и «да» и «нет», — но предварительно я должен заявить о том, что из этого отчета следует, что меморандум был составлен Франком, я же согласился с тем, что там было написано. Это было 31 августа 1940 г. Меморандум, который упомянут в отчете Фредериче, относится к более позднему периоду времени. Сейчас я точно этого не знаю.

Файф: Я сейчас передам вам письмо, в котором излагаются взгляды Гитлера. Я думаю, вы сейчас обнаружите, что Гитлер основывался именно на этом меморандуме. Сейчас я покажу вам меморандум Франка. Я утверждаю, что, как вы заявили Ламмерсу, вы приложили к письму свой меморандум, а также и другой меморандум, наиболее важные части которого я вам сейчас оглашу, — меморандум Карла Германа Франка.

Я вам их сейчас покажу... Но я хотел бы, чтобы вы вначале обратились к своему письму от 31 августа, где вы говорите: «К настоящему письму я прилагаю меморандум», — и далее вы продолжаете: «Я прилагаю к письму еще один меморандум..., который был составлен моим государственным секретарем К. Г. Франком независимо от меня, ...и я с ним полностью согласен».

Я утверждаю, что вам известно о том, что это именно ваш меморандум, на который имеется ссылка в документе Фредериче... и в котором Фредериче говорит: «После продолжительных обсуждений имперский протектор изложил в этом меморандуме свою точку зрения на различные проекты и планы».

Я утверждаю, что вы послали Ламмерсу для передачи фюреру именно свой меморандум. Вы действительно хотите заявить Трибуналу, что это не ваш меморандум?

Нейрат: Нет, я этого не хочу утверждать. Сейчас я действительно не помню об этом. Этот меморандум был составлен не мною, но я был согласен с содержанием этого меморандума. Об этом как раз и говорится в письме к Ламмерсу.

Файф: Однако, если вы были согласны с содержанием этого меморандума, что же вы в таком случае имели в виду, говоря, что интеллигенцию нужно изгнать из Чехословакии, если вы не намеревались сломить Чехословакию как национальное единство и изгнать из нее людей, которые могли сохранить историю страны, ее традиции и язык? Разве вы не этим руководствовались, намереваясь изгнать интеллигенцию из пределов страны?

Нейрат: Я никогда не говорил об «уничтожении».

Интеллигенция представляла собой самое большое препятствие для осуществления сотрудничества между немцами и чехами. Для достижения этого сотрудничества мы должны были в какой-то степени уменьшить эту прослойку и главным образом уменьшить влияние интеллигенции.

Файф: Вы сказали, что это необходимо для проведения в жизнь вашей политики, но под проведением в жизнь вашей политики вы имеете в виду уничтожение чешского народа как национальной единицы, со

своим языком, историей и традициями, и присоединение его к Германской империи. Такова была ваша политика, не так ли?

Нейрат: Моя политика заключалась в том, чтобы ассимилировать чехов в такой степени, в какой это окажется возможным. Но окончательных результатов такой политики можно было ожидать еще очень не скоро. Поколения прошли бы, пока такая цель была бы достигнута, Вначале же было необходимо добиться сотрудничества, чтобы воцарилось спокойствие и порядок.

Файф: Сейчас, перед тем как я представлю вам меморандум Франка, с которым вы были полностью согласны, я хочу чтобы вы обратились к параграфу 7 вашего собственного меморандума.

В разделе VII вы говорите:

«Если заняться рассмотрением тех колоссальных задач, которые встанут перед германской нацией после завершения победоносной войны, совершенно ясной станет необходимость тщательного и рационального использования немцев. Имеется так много задач, за разрешение которых необходимо взяться одновременно и самым тщательным образом, не откладывая их в долгий ящик, что перед нами встает необходимость привлечения к проведению этих задач в жизнь всех немцев, способных принять в этом участие. Великая Германская империя должна будет в очень большой степени использовать помощь иностранцев во всех областях и сферах жизни. Однако совершенно необходимо будет придерживаться того правила, чтобы на ответственные должности назначались немцы и чтобы немцы взяли в свои руки бразды народного правления во всех случаях, когда затрагиваются интересы империи».

В этом меморандуме вы вчерне составляли планы того, каким образом следует поступить с чехами после войны, исходя из того, что победу одержит Германия. Вы считаете, что чехи должны исчезнуть как нация и войти в состав Германской империи? Разве вы не намеревались осуществить это?

Нейрат: Заставить исчезнуть чехов как нацию вообще не было возможно. Они должны были лишь установить еще более тесные связи с империей. Вот что я подразумевал под словом «ассимилироваться».

Файф: Обратитесь к следующей странице и посмотрите на меморандум вашего статс-секретаря, с которым вы полностью согласны. Рассмотрим содержание этого документа.

Здесь статс-секретарь излагает эту проблему.

«Вопрос о том, в состоянии ли протекторат во главе с имперским протектором разрешить чешскую проблему и следует ли его в этих целях сохранить или он должен уступить место какой-либо иной форме правления, поднимается уже очень многими людьми и составляет содержание этого меморандума. Этот документ ставит себе целью кратко:

- а) изложить характер всей чешской проблемы,
 - б) проанализировать те пути, при помощи которых она разрешается в данное время,
 - в) изучить предлагаемые в этой связи изменения с точки зрения их приемлемости и, наконец,
 - г) выразить независимое мнение по всему этому вопросу.
- От принятия правильного решения по этому вопросу зависит разрешение чешской проблемы. Мы, таким образом, несем на себе всю ответственность на протяжении будущих веков».

Теперь я обращусь к странице 121, с которой начинается изложение личного мнения Франка и которая начинается словами: «Цели имперской политики в Богемии и Моравии должны сводиться к окончательной германизации как территории, так и людей. Для достижения этого имеются две возможности.

I. Полная эвакуация чехов из Богемии и Моравии на территорию, расположенную вне империи, и заселение немцами освобожденных от чехов территорий, или

II. Если оставить в Богемии и Моравии большинство чехов, то по отношению к ним следует применять целый ряд самых разнообразных методов в целях их германизации в соответствии с намеченным планом.

Подобная германизация обеспечит:

- 1) Изменение национальности чехов, отвечающих расовым требованиям;
- 2) Изгнание непригодных в расовом отношении чехов и интеллигенции, которая является врагом империи, или применение к этим и прочим подрывным элементам «специального обращения»;
- 3) Колонизацию освобожденной таким образом территории представителями свежей германской крови.

Теперь я хочу, чтобы вы обратились к тому месту, где ваш статс-секретарь переходит к конкретным предложениям в отношении политики германизации. Не забывайте, что в письме к Ламмерсу вы выражаете полное согласие с этими предложениями.

Прошу вас обратиться к странице 123 этого меморандума, где имеется заголовок «Молодежь», «Проведение фундаментальных изменений в области образования — уничтожение чешского исторического мифа. Таково первое положение. Разрушать всякое представление, которое имеется у чехов в отношении истории их страны, начиная со времени святого Ванцеслауса, то есть около тысячи лет назад». Это ваше первое положение. «Необходимо внести изменения в характер образования в соответствии с теориями империи. Нельзя разрешать чехам получать работу и жить, если они не владеют безупречно немецким языком. Нужно прежде всего закрыть средние школы, а впоследствии распустить также и начальные школы. Следует навсегда прекратить существование каких-либо чешских университетов; можно допустить лишь временную деятельность «Коллегиум Богеминус» при германском университете в Праге. Нужно использовать метод применения насильственного труда, сроком на два года».

«Проведение земельной политики должно принять широкие масштабы, охватывая создание германских островков и перешейков, особое внимание обращая на продвижение германских национальных земель с севера до окрестностей Праги».

«Кампания против чешского языка ставит своей целью превращение чешского языка в диалект, подобно тому, как это имело место в XVII и XVIII столетиях, и полнейшее его исчезновение как языка официального».

«Браки могут разрешаться лишь после предварительного исследования обеих сторон с расовой точки зрения».

«В целях окончательного включения Чехословакии в состав империи следует уничтожить границу между гаулейтунгами».

«Помимо постоянной пропаганды германизации и раздачи некоторых милостей в качестве приманки, следует применять всевозможные политические методы, включая ссылку и «специальное обращение» для всех саботажников, следуя политике «кнута и пряника».

«Применение всех этих методов может быть успешным только в том случае, если всем планированием, руководством и подготовкой этой политики будет вестись один представитель империи, в руках которого будет сконцентрировано все управление. Непосредственное подчинение «хозяина Богемии» фюреру разъясняет политический характер этой задачи и предотвращает возможность превращения политической проблемы в проблему административную». Другими словами, весьма значительным фактором этой политики является необходимость того, чтобы вы сохранили свой пост имперского протектора, а Франк — должность вашего статс-секретаря, а также чтобы гаулейтер Нижне-Дунайской области не имел возможности вмешаться в эту политику и забрать себе Брауну в качестве столицы своего гаулейтунга.

Итак, подсудимый, можете ли вы подтвердить Трибуналу, что вы говорили Ламмерсу, а именно что вы полностью согласны с этими, как я утверждаю, ужасными, бессердечными предложениями? Скажите, вы согласны с этими предложениями?

Нейрат: Нет, я не согласен.

Файф: Почему же вы в таком случае заявили Ламмерсу, что вы с ними согласны? Почему, когда все шло гладко, вы сказали Ламмерсу, что согласны с этими предложениями?

Нейрат: После этого я делал фюреру доклад по этому вопросу. Впрочем, из того, что вы сейчас зачитали, ясно вытекает, что этот первый меморандум был составлен Франком, который составил затем и второй меморандум. Если вы в конце говорили, что цель, которую я преследовал, заключалась в том, чтобы остаться на посту протектора, то в ответ на это я могу вам сказать, что если и существовала вообще какая-нибудь цель в этом отношении, то лишь следующая: Франк хотел стать имперским протектором. Что же касается содержания, то я сегодня не могу согласиться с ним. Я не был согласен с ним и в то время, когда делал доклад фюреру.

Файф: Я в данную минуту говорю о том, что вы писали в 1940 году. Вы тогда писали — я вновь зачитаю ваши слова, я оглашал их здесь уже три раза.

«Я прилагаю еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме, и я с ним полностью согласен».

Нейрат: Я сейчас сказал вам, что я сегодня не присоединяюсь к его мнению и высказываниям. В то время, когда я выступал с докладом у фюрера по поводу содержания этого меморандума, я также не поддерживал его.

Файф: Вы упомянули здесь о том, подсудимый, что вы передали эти документы также на рассмотрение фюреру. Я утверждаю, что это ложь; ложью является и то, что вы передавали их на рассмотрение фюреру. Я самым решительным образом заявляю, что это ложь.

:

Нейрат: Мне лучше знать, говорил я с фюрером или нет. Я лично делал ему доклад, причем Франк при этом не присутствовал.

Файф: Хорошо, давайте обратимся к отчету, к вашему собственному отчету, и мы увидим, правда ли это.

Документ представляет собой секретный меморандум представителя министерства иностранных дел при имперском протекторе, датированный 5 октября.

Вы припомните, что ваше письмо было от 31 августа. Там сказано: «В связи с приемом имперского протектора и статс-секретаря Франка у фюрера я из достоверных источников узнал следующее:

Министр юстиции Гюртнер вначале составил отчет по поводу движения сопротивления чехов, и в этом отчете он упомянул о том, что дело четырех главарей чешского движения сопротивления будет слушаться в народном суде.

Фюрер возражал против этого и заявил, что для чешских повстанцев и мятежников вполне достаточны будут карательные отряды. Привлечение к ответственности невиновных в результате вынесения судебных приговоров было бы ошибкой, как это уже было доказано делом Андресаса Гофера и Шлагетера. Чехи так или иначе любой приговор будут рассматривать как несправедливость. Однако, ввиду того что рассмотрение этого дела уже началось в рамках законного судопроизводства, оно должно далее вестись тем же путем. Процесс должен был быть отложен до конца войны, когда во время торжеств по случаю победы он прошел бы незамеченным. Могут быть вынесены только смертные приговоры, но впоследствии их можно заменять пожизненным заключением или высылкой.

В связи с вопросом о судьбе протектората в будущем фюрер коснулся следующих трех возможностей разрешения этого вопроса:

1. Продолжить существование автономии Чехословакии, при которой немцы будут жить в протекторате в качестве сограждан чехов, пользуясь равными с ними правами. Эта возможность, однако, исключается, так как нам приходится принимать во внимание возможность интриг со стороны чехов.

2. Вывоз чехов из страны и германизация территории Богемии и Моравии путем заселения ее немцами. Эта возможность также исключается, так как на осуществление этого потребовалось бы сто лет.

3. Германизация Богемии и Моравии путем германизации чехов, то есть путем включения их в Германскую империю. В отношении большей части чешского народа последнее возможно. Из этих мероприятий по ассимиляции придется исключить тех чехов, против которых имеются возражения с расовой точки зрения, или тех, у которых замечаются антигерманские настроения. Эту категорию лиц придется удалить.

Фюрер принял решение в пользу третьего варианта. Он через имперского министра Ламмерса отдал приказ о прекращении принятия проектов о разделе протектората. Фюрер далее решил, что в целях проведения однородной политики по отношению к чехам центральное имперское управление всей Богемией и Моравией должно находиться в Праге.

Таким образом, настоящее положение в протекторате остается неизменным».

Посмотрим теперь на последнюю фразу:

«Решения фюрера основывались на идеях и принципах, которые

были изложены в меморандумах, предложенных ему протектором и статс-секретарем Франком».

Подсудимый, из этого документа все же явствует, что после приема имперского протектора и статс-секретаря представитель министерства иностранных дел в вашем отделе заявил, что решение фюрера основывалось на тех идеях и принципах, которые были изложены в меморандумах, представленных ему вами и вашим статс-секретарем Франком. Почему вы утверждаете, что фюрер следовал иным принципам? Ведь все это изложено в данном документе.

Нейрат: ...Поводом для этой беседы с фюрером явилось разрешение совершенно другого вопроса, чем вопроса о протекторате. На беседе присутствовал министр юстиции. Во время этой беседы был поднят вначале вопрос чисто юридического порядка, а именно вопрос об обращении с участниками движения сопротивления. Вот, что послужило поводом. Для этого в Берлин прибыл и Франк. Я, будучи в то время также в Берлине, сделал фюреру доклад, но не относительно того меморандума, который был у меня в руках, а относительно будущей политики в протекторате.

Файф: Я хочу напомнить вам, подсудимый, что в том отрывке из вашего меморандума, на который я сослался, вы выдвигали на первое место создание великой Германской империи. Я понимаю это таким образом. Вы представили себе, что после победы Германии в войне чешская территория Чехословакии останется частью великой Германской империи.

Нейрат: Но она была уже расчленена. Здесь совершенно точно сказано, что протекторат должен оставаться протекторатом, то есть иметь особое государственное устройство.

Рагинский: Вчера вы здесь утверждали, что еще в 1936 году у вас были серьезные расхождения с Гитлером в связи с этим 27 июля 1936 г. вы просили освободить вас от поста министра. Но вы разве не писали тогда Гитлеру: «И даже в том случае, если я не буду больше министром, — я всегда к вашим услугам, если вы этого пожелаете, со своим советом и со своим многолетним опытом в области внешней политики»?

Вы писали так в своем письме Гитлеру?

Нейрат: Да.

Рагинский: И обещания, которые давали Гитлеру, вы выполнили? Всегда, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные действия Гитлера, как это имело место при захвате Судетской области, вторжении в Чехословакию и т. д., вы приходили к Гитлеру на помощь своим опытом, не так ли?

Нейрат: Наоборот, как я уже говорил здесь, Гитлер лишь один раз призвал меня к себе. Это было в последние дни перед присоединением Австрии. На этом моя деятельность закончилась.

Рагинский: Я хочу вам задать еще один вопрос по меморандуму Фредериче, не повторяя здесь того, что уже здесь говорилось по поводу этого меморандума. В этом меморандуме, в заключительной части, указывается:

«Если управление протектората будет находиться в твердых и надежных руках и руководствоваться только приказом фюрера от 16 марта 1939 г.,—территория Богемии и Моравии станет постепенно неотъемлемой частью Германии».

Скажите, для этой цели Гитлер именно вас назначил протектором?

Нейрат: Об этом не может быть и речи, это вовсе не было причиной.

Рагинский: Значит, вы отрицательно отвечаете на этот вопрос, что вы были именно тем человеком, который должен был завершить захват Чехословакии?

Нейрат: На это я могу ответить только «нет».

Рагинский: Вы признаете, что вы являлись в протекторате единственным представителем фюрера и имперского правительства и непосредственно подчинялись Гитлеру?

Нейрат: Да, это правильно.

Рагинский: Вы признаете, что все органы власти и учреждения империи, за исключением вооруженных сил, подчинялись вам?

Нейрат: К сожалению, я должен сказать, что это — ошибка. В том же самом декрете от 1 сентября 1939 г. об этом также сказано. Кроме того, имелся целый ряд органов и имперских инстанций, которые мне не подчинялись.

Рагинский: Что вы считаете ошибкой: то, что вы сейчас говорите, или то, как вы толкуете декрет? Я тогда зачитаю параграф 1 декрета от 1 сентября 1939 г. Там говорится: «Все органы власти и учреждения империи в протекторате Богемия и Моравия, за исключением вооруженных сил, подчиняются имперскому протектору». А в параграфе 3 'оказано: «Ведомству имперского протектора подчиняются все органы администрации, за исключением вооруженных сил».

Как видите, здесь совершенно четко и определенно указывается, что все имперские органы власти подчинялись вам, а вы, в свою очередь, были подчинены непосредственно Гитлеру.

Нейрат: Я должен еще раз сказать: административные органы — да, но кроме них существовал и целый ряд имперских инстанций, которые мне не подчинялись, как, например, управление по четырехлетнему плану.

Рагинский: Теперь перейдем к вопросу о подчиненности' полиции. На вопросы вашего защитника вы сообщили Трибуналу, что параграф 13 декрета от 1 сентября, подписанного Герингом, Фриком и Ламмерсом, вам был непонятен.

Обратимся к другим параграфам этого раздела, устанавливающего подведомственность полиции.

Параграф 11 гласит: «Органы германской полиции безопасности в протекторате Богемии и Моравии обязаны расследовать все враждебные государству и народу настроения на территории протектората, бороться с ними, собирать результаты этих расследований и делать из них соответствующий вывод, осведомлять имперского протектора, а также и подчиненные учреждения и держать их в курсе важных для них событий и давать советы».

В параграфе 14 этого же декрета говорится: «Имперский министр внутренних дел, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции с ведома имперского протектора Богемии и Моравии издают правовые и административные положения».

Таким образом, из этого декрета полностью устанавливается, что полиция и СС обязаны были вас осведомлять о всех своих мероприятиях, и, более того, все административные и правовые акты и мероприятия проводились с вашего ведома. Вы это признаете?

Нейрат: Нет, это неправильно. Вначале следует сказать, что в этом декрете говорится о том, что они должны меня осведомлять, но это не проводилось в жизнь, и Гиммлер просто запретил это делать.

Наконец, второй момент, а именно, что административные мероприятия должны были проводиться после того, как я давал свое согласие, или после того, как я был осведомлен. Такой метод никогда не применялся.

Рагинский: Вы это отрицаете?

Нейрат: Да, отрицаю.

Рагинский: Я предъявляю показания Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г. по вопросу о подчиненности полиции.

Карл Герман Франк при допросе показал: «После издания приказа о структуре германской администрации в протекторате и германской полиции безопасности все германские власти и учреждения, за исключением вооруженных сил в протекторате, а также вся полиция формально были подчинены имперскому протектору и были обязаны выполнять его директивы. Вследствие этого полиция безопасности должна была выполнять принципиальные политические установки, даваемые имперским протектором. Приказ о проведении государственно-политических мероприятий в основном давался главным имперским управлением безопасности в Берлине через командующего полицией безопасности. Если имперский протектор хотел самостоятельно провести какое-нибудь государственно-полицийское мероприятие, то он должен был получить на это согласие главного имперского управления безопасности в Берлине.

То же самое относилось и к директиве по проведению государственно-полицийских мер, данных высшим руководителям СС и полиции и командующим полиции безопасности».

Я прошу обратить внимание на абзац, который я сейчас зачитаю: «Такой порядок служебного подчинения и дачи директив имел силу во все время существования протектората и применялся в таком виде Нейратом в протекторате. В общем имперский протектор имел возможность по своей собственной инициативе давать директивы государственной полиции через командующего полицией безопасности. Что касается службы безопасности, которая не имела исполнительной власти, то права имперского протектора в отношении дачи директив для СД были значительно шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного имперского управления безопасности».

Вы подтверждаете эти показания Франка?

Нейрат: Нет.

Рагинский: Чтобы не тратить времени, я сейчас оглашу следующий документ:

Начальник полиции безопасности 21 июля 1939 г. обратился к вашему статс-секретарю и высшему руководителю СС и полиции Карлу Герману Франку с письмом следующего содержания: «Своим приказом от 5 мая 1939 г. господин рейхспротектор Богемии в Моравии назначил фюрера СД и командующего полиции безопасности своим политическим референтом. Как мною установлено, приказ этот до настоящего времени еще •

не опубликован и не проведен в жизнь. Прошу обеспечить проведение этого приказа в жизнь. Подпись: д-р Бест». Вы вспомнили сейчас свой приказ?

Нейрат: В настоящий момент я не могу вспомнить об этом приказе. Я могу вспомнить лишь о том, что он никогда не был проведен в жизнь, так как я не хотел иметь у себя на должности политического референта—фюрера СД.

Рагинский: Я вас спрашиваю: признаете ли вы, что своим приказом от августа 1939 года вы установили систему заложников?

В этом приказе сказано: «Ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население. Это значит, что персонально наказываются не только виновные, а наказания распространяются и на невиновных». Этот ваш приказ послужил началом массового террора против чехословацкого народа.

Нейрат: Никоим образом. Это лишь означало, что моральная ответственность за эти деяния должна была возлагаться на чешский народ.

Рагинский: А разве в Лидице не был приманен на практике этот ваш приказ? Разве речь шла только о моральной ответственности?

Нейрат: Да.

Рагинский: В этом приказе вы указываете: «Кто не учтет важности этих мероприятий, будет признан врагом рейха». Вы разве с врагами рейха расправлялись, возлагая на них лишь моральную ответственность?

Нейрат: Да. Если кто-либо не подчинился приказу, то его, естественно, наказывали.

Рагинский: Итак, этим своим приказом от августа 1939 года вы положили начало массовому террору и наказанию невиновных лиц. Вот и все, что я хотел установить.

Л теперь я оглашу выдержку из показаний бывшего чехословацкого министра финансов Иосифа Кальфуса от 8 ноября 1945 г. Кальфус показал:

«Экономическая система, введенная Нейратом и вслед за ним другими органами немецкой администрации, была не чем иным, как систематически организованным грабежом. Что касается занятия важнейших постов в чешской промышленности и в области финансовой, нужно отметить, что вместе с Нейратом в стране начала действовать мощная экономическая машина, которая немедленно захватила главные посты в производстве. Заводы Шкода, военные заводы в Брно, сталелитейные заводы в Витковицах, важнейшие банки — Богемский дисконтный банк. Богемский объединенный банк—были также захвачены».

Вы подтверждаете эти показания?

Нейрат: Никоим образом.

Рагинский: Бывший президент Чехии Рихард Бинерт на допросе 8 ноября 1945 г. показал: «Когда мы познакомились с ним ближе, мы заметили, что он, Нейрат, немилосерден к чехам. Как чешский областной президент, я знал, что это Нейрат подчинил политическую администрацию Чехии и Моравии немецкому контролю, как администрацию государственную, так и местные управления. Я помню также, что Нейрат распустил школьные областные советы и вместо них назначил немецких школьных инспекторов. Он приказал распустить институт областных представителей: по его инициативе чешские рабочие посылались в Германию в апреле 1939 года на работу для повышения военного потен-

циала Германии. Он приказал закрыть университеты и многие средние и начальные школы. Он распустил чешские гимнастические объединения и организации «Сокол» и «Орел», приказал конфисковать все имущество этих обществ, он закрыл чешские дома отдыха и санатории для молодых рабочих и распорядился конфисковать их имущество. Гестапо производило аресты, но только по распоряжению рейхспротектора. Лично же я тоже был арестован 1 сентября 1939 г.». Вы эти показания тоже не подтверждаете?

Нейрат: Нет.

Рагинский: Хорошо. Посмотрим другие показания: бывший премьер так называемого «правительства» протектората Крейчи на допросе 8 ноября 1945 г. показал: «Я знаю, что гимнастические организации были распущены, их имущество конфисковано по распоряжению рейхспротектора и их денежные фонды и оборудование были переданы немецким организациям СС, СА, «Гитлерюгенд» и т. д... 1 сентября 1939 г., когда немецкая армия напала на Польшу, были произведены аресты в широком масштабе, главным образом были арестованы офицеры, интеллигенция и высшие полковничьи деятели. Аресты производило гестапо, но они не могли быть произведены без одобрения рейхспротектора.

...Что касается евреев, то рейхспротектор принуждал правительство протектората к действиям против евреев, но, так как это не имело успеха, немцы из канцелярии рейхспротектора стали преследовать евреев согласно немецким законам. Результатом явилось то, что десятки тысяч евреев были казнены и их имущество было конфисковано», j

Вы будете отрицать и эти показания? |

Нейрат: Относительно упомянутых вами вначале приказов о гимнастических обществах я хочу сказать следующее. Это было мероприятием, проведенным полицией и не по моей инициативе; и затем я еще раз повторяю, что аресты в начале войны проводились гестапо по прямым приказам из Берлина, причем я о них вообще ничего не знал. Я узнавал об этом впоследствии. Наконец, что касается упомянутой вами еврейской проблемы, то содержащееся в обвинительном заключении утверждение относительно того, будто я просил правительство протектората ввести германские законы против евреев, является неправильным. Я или мой статс-секретарь, насколько я помню, не говорили с Элиасом, я никогда не говорил с ним. Я говорил потом лишь с Гаха по другому поводу, а именно тогда, когда пытались ввести расовые законы и законы против чехов. Гаха противился этому, и я ему заявил, что я беру на себя ответственность за это и ему не нужно этого делать. Введение законов против евреев было, однако, проведено согласно МОИМ указаниям, так как я уже в начале апреля 1939 года получил распоряжение ввести эти законы в присоединенном к империи протекторате. Я все время оттягивал введение этих законов путем различных запросов в Берлине, чтобы дать евреям время как-нибудь устроиться за этот период. Вот таковы факты.

Рагинский: Скажите, вам известен д-р Гавелка?

Нейрат: Да, я знаю Гавелка.

Рагинский: Он был в курсе ваших переговоров с Гаха?

Нейрат: В какой степени он был осведомлен обо всем этом, я не!

знаю. Гавелка был у меня раза два или три. Он был, кажется, министром транспорта.

Рагинский: Совершенно правильно, он был министром транспорта, но до этого он был начальником канцелярии Гаха.

Нейрат: Да.

Рагинский: Гавелка на допросе 9 ноября прошлого года дал следующие показания: «Он, Нейрат, не был заинтересован в чешском народе, а потому все ходатайства кабинета министров и Гаха, касающиеся чешских требований, были в общем безрезультатными. Известны следующие факты: арест чешских офицеров, интеллигенции, чешских легионеров первой мировой войны и политических деятелей. Во время нападения Германии на Польшу было арестовано от 6 до 8 тысяч человек, — они являлись заложниками. Затем немцы назвали их «почетным» заключенными». Большинство из этих заложников вовсе не были допрошены, и все шаги, предпринятые в канцелярии рейхспротектората в пользу этих несчастных людей, не имели результатов. Нейрат, как единственный представитель германского правительства на территории протектората Чехии и Моравии, несет ответственность за казнь девяти студентов 17 ноября 1933 г.».

Вы подтверждаете эту часть показаний, которую я огласил, относительно ареста заложников?

Нейрат: Я сказал и повторяю еще раз, что эти аресты производились гестапо без моего ведома. Утверждение Гавелка о том, что в отношении большинства этих заложников с моей стороны не было принято никаких шагов в их пользу, — неправильно.

Рагинский: Хорошо, перейдем к следующему вопросу. Здесь, на суде, неоднократно приводился документ под номером СССР-223. Это дневник подсудимого Франка. В этом дневнике указывалось следующее:

«Во время интервью с корреспондентом «Фелькишер беобахтер» 6 февраля 1940 г. подсудимый Франк заявил: «в Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно семь чехов». Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных полках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы заготовить бумагу для этих плакатов».

Скажите, в Праге действительно вывешивались эти красные плакаты?

Нейрат: Я вчера сказал, что на этом плакате злоумышленно была поставлена моя подпись, я его предварительно даже не видел.

Рагинский: Если вы не видели, то посмотрите. Вам сейчас передадут этот плакат'.

Нейрат: Я хорошо знаю этот плакат.

Рагинский: Я хотел бы огласить это сообщение. Текст его следующий: «Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения, с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытку путем небольших и крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в протекторате Богемии и Моравии. При этом удалось установить, что зачинщики этих актов сопротивления находятся, в частности, в чешских высших школах. Ввиду того что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на

1 См. стр. 165.

активную борьбу против отдельных немцев, были на три года закрыты чешские высшие школы, расстреляны девять виновников и арестовано большое количество участников. Подпись: имперский протектор Богемии и Моравии барон фон Нейрат, Прага, 17 ноября 1939 г.».

Вы утверждаете, что не подписывали этого сообщения?

Нейрат: Я рассказал, при каких обстоятельствах было издано это сообщение, а именно: оно было издано во время моего отсутствия.

Рагинский: Я оглашу показания вашего ближайшего помощника Карла Германа Франка от 26 ноября 1945 г. по этому вопросу,

Карл Герман Франк, давая показания об этом сообщении, текст которого я только что зачитывал, заявил: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря, а также требовал никаких других изменений».

Вы слышали эти показания?

Нейрат: Да, я читал их.

Рагинский: Вы отрицаете их?

Нейрат: Да.

Рагинский: Вы продолжаете утверждать, что полиция никогда информировала вас о проводимых арестах и других полицейских мерах; Вы это утверждаете?

Нейрат: Я не сказал, что полиция никогда не осведомляла меня об этом. Я хочу сказать, что я узнавал об этом впоследствии, причем эти сведения поступали ко мне из чешских источников.

Рагинский: А не было ли такого положения, чтобы полиция регулярно вам докладывала о важнейших событиях?

Нейрат: Нет, ни в коем случае. В частности, я никогда не узнавал о том, что она задумала или намеревалась сделать. Если я и узнал об этом, то только позже или в том случае, если я узнавал об этом чешских кругов, а затем уже сам наводил справки в полиции об этом.

Рагинский: Я зачитаю вам выдержку из показаний Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г.

«Имперский протектор фон Нейрат, — показывает Франк, — регулярно заслушивал доклады относительно важнейших событий в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности, как от меня, так и от статс-секретаря, а также и от командующего полицией безопасности. Так, например, Нейрат получил информацию об инциденте с демонстрацией в Судетской области в ноябре 1939 года от меня и от командующего полицией безопасности. В этом случае Гитлер дал прямой приказ, который требовал расстрела всех зачинщиков. Количество зачинщиков было установлено пражским гестапо и сообщено имперскому протектору. В данном случае определение зачинщиков было представлено государственной полицией, причем окончательное решение принял мал имперский протектор. Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был с этим согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения меры наказания, на что он имел право, — я бы должен был присоединиться к его мнению».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВЕТСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РАЗДЕЛУ «АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ СССР»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 11—13 февраля 1946 г.]*

Обязанностью советского обвинения является представление документальных доказательств агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, организованной фашистскими военными преступниками.

Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм, в своих грабительских целях против свободолубивых народов, нападение на Союз Советских Социалистических Республик занимает особое место.

Можно с уверенностью сказать, что захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира. Агрессивные действия германского фашизма до нападения на Союз Советских Социалистических Республик, и в частности, германская агрессия против Чехословакии, Польши, Югославии были лишь этапами на пути к нападению на Советский Союз.

Украинская пшеница и уголь Донбасса, никель Кольского полуострова и кавказская нефть, плодородные приволжские степи и белорусские леса — все это играло решающую роль в преступных замыслах фашистских захватчиков.

Война против Союза Советских Социалистических Республик велась фашистской Германией также в целях порабощения и эксплуатации советских народов.

В войне фашистской Германии против Советского Союза с ужасающей полнотой нашла свое выражение зоологическая ненависть гитлеровцев к славянским народам.

И, наконец, германский империализм, выступавший в его фашистском издании, видел в захвате богатств Советского Союза и его неисчислимых продовольственных и сырьевых ресурсов базу для достижения своих далеко идущих агрессивных целей завоевания сначала европейской, а затем и мировой гегемонии.

Известная формула германского империализма «Дранг нах остен» в разные периоды трактовалась фашистскими преступниками в самых разнообразных аспектах, но всегда в их агрессивных планах нападение на Советский Союз занимало доминирующее положение.

«Если желать новой территории, — писал Гитлер в книге «Моя: борьба», — то в общем и целом ее можно было бы достигнуть за счет России. Новая империя должна была бы двинуться по пути прежних рыцарских орденов».

Гитлер 23 мая 1939 г., инструктируя своих сообщиков относительно современного положения и целей политики, говорил:

«Если судьба нас толкнет на конфликт с Западом, то будет хорошо, если мы" к этому времени будем владеть более обширным пространством на Востоке».

Обширные пространства на Востоке должны были', по мысли гитлеровских заговорщиков, сыграть решающую роль в конфликте с Западом.

И поэтому, когда фашистские полчища оказались не в состоянии форсировать Ла-Манш, остановились на его берегах и надо было искать путей дальнейшей агрессии, заговорщики немедленно стали готовиться к нападению на Советский Союз. Это нападение было основной частью всех их агрессивных планов, которые без него не могли быть реализованы.

Советское обвинение намеревается представить Трибуналу ряд документов, подтверждающих агрессию фашистской Германии против Союза Советских Социалистических Республик.

Среди этих документов — материалы различных архивов, взятых частями 'Красной Армии при наступлении, высказывания в печати фашистских вожаков, в том числе и некоторых подсудимых, и показания лиц, располагающих достоверными сведениями, о том, как в действительности протекала подготовка к нападению на Советский Союз.

Высказывания Гитлера и его сообщников показывают, что замысел преступного нападения на Союз Советских Социалистических Республик политически созрел в умах фашистских заговорщиков давно.

Однако, помимо этого факта, нас интересует также вопрос о том, когда этот замысел стал облекаться в конкретные формы непосредственно военных приготовлений к грабительской войне против Советского Союза.

18 декабря- 1940 г. получила официальное оформление известная директива № 21 — вариант «Барбаросса».

Когда подпись командования появляется на такого рода документе, то это является моментом, завершающим длительную и напряженную работу всех звеньев аппарата военного управления.

Эта работа может не быть регламентирована письменными приказами. Тайна, которая окутывает эту работу, заставляет часто прибегать к приказам устным. И, наоборот, многие приказы текущего порядка, в силу уже существующего стратегического замысла, приобретают соответствующую направленность, хотя внешне они как будто бы и не имеют с этим стратегическим замыслом ничего общего.

...Представляется целесообразным для установления реального момента начала военных приготовлений к нападению на Советский Союз использовать не только документы, ибо не всегда и не все фиксируется на бумаге, но и прибегнуть к показаниям людей, которые принимали непосредственное участие в осуществлении этих приготовлений.

Вальтер Варлимонт, как известно, был начальником отдела обороны ОКВ, а затем заместителем начальника оперативного штаба руководства.

Его показания в этой части, в которой они затрагивают интересующий нас в данный момент вопрос, я и оглашаю. На вопросы обвинения Варлимонт показал:

«...Я лично впервые услышал об этом плане (имеется в виду план «Барбаросса») 29 июля 1940 г.

...В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на ст. Райхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства. Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого генерал Иодль к нам, пожалуй, не приезжал. Кроме меня, он приказал явиться также трем другим старшим офицерам...

'...Я не могу дословно повторить его выражений, но смысл был следующим... ; , ; - ;

Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России.; Фюрер обосновал это тем, что война должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной и, во всяком случае, начать необходимые приготовления к ней»...

' «При этом, или несколько позднее, Иодль заявил, что Гитлер намеревался начать войну против Советского Союза уже осенью 1940 года. Однако он отказался затем от этого плана. Причиной этому явилось то, что стратегическое сосредоточение армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, помещения для войска, мосты не были подготовлены... Поэтому был издан приказ, который должен был обеспечить все предпосылки для того, чтобы такой поход подготовить и чтобы он состоялся».

На вопрос обвинения о том, является ли этот приказ приказом от 9 августа 1940 г., называвшимся «Ауфбау Ост»? Варлимонт ответил:

«Да, этот приказ был составлен в штабе руководства по приказанию генерала Иодля... По мнению генерала Иодля, концентрация могла состояться только после того, как все приготовления, указанные в этом приказе, будут выполнены».

; Далее Варлимонт в своем показании сообщает, что проект плана «Барбаросса», носивший первоначально название «Фриц», докладывался Гитлеру 5 декабря 1940 г. и 18 декабря увидел свет.

Я представляю Трибуналу под номером СССР-228 показания бывшего начальника первого отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Ганса Пиккенброка, бывшего начальника и сослуживца Лахузена. Пиккенброк дал эти показания в установленном законами Советского Союза порядке 12 декабря 1945 г. в Москве.

Пока я хотел бы огласить лишь следующие строки из показаний Пиккенброка, относящиеся к тому вопросу, который мы сейчас разбираем; эти строки находятся на первой странице русского текста показаний и они отчеркнуты красным карандашом. Это соответствует странице 34 папки документов.

«...я должен сказать,—показал Пиккенброк,—что уже с августа—сентября 1940 г. со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания «Абверу» по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны; против России.

О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 года от Канариса. Какими источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая».

В распоряжении Советского обвинения есть также показания начальника III отдела германской военной разведки и контрразведки—генерал-лейтенанта бывшей германской армии Франца фон Бентивеньи, данные им 28 декабря 1945 г.

Я также оглашу лишь те места показаний Бентивеньи, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о начале военных приготовлений против Советского Союза

«О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 года от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 году в своем выступлении на Берлинском совещании гаулейтеров.

...Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и согласно специальному приказу Гитлера размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию».

И, наконец, для того чтобы закончить с вопросом о действительном сроке военных приготовлений фашистской Германии к предательскому нападению на Советский Союз, я хотел бы остановиться на заявлении генерала Мюллера. Это заявление датировано 8 января 1946 г. и написано в лагере для военнопленных.

...Генерал Мюллер принадлежит, если можно так выразиться, к среднему звену германского генералитета. Он был начальником штаба армии, командовал армейским корпусом. Его заявление отражает ряд моментов, которые могут быть признаны заслуживающими внимания с точки зрения выяснения обстоятельств, сопутствующих подготовке, которую Германия вела против Советского Союза.

«Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 г. В то время я был первым офицером штаба армейской группировки «Ц» в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1, 2 и 7-я армии, являющиеся оккупационными войсками во Франции. Кроме того, во Франции находилась армейская группировка «Морского льва» (десанта против Англии) и армейская группировка «Б» (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки «Б» был переведен на Восток (Познань). Штабу армейской группировки «Б» были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12 армия, 4; армия, 48 армия и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взяты были из армейской группировки «Ц».

Непосредственно после кампании на западе ОКХ отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Этот приказ был отменен и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и таким образом держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба эти мероприятия — перевод около 500 тысяч человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тысяч человек — доказывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 года письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 года командующим резервной армией генерал-полковником Фроммом. Частично

это формирование производилось во Франции, главным же образом в Германии. К концу сентября 1940 года ОК.Х вызвало меня в Фонтенбло. Оберквартирмейстер I генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне, пока что в устной форме, приказ о том, что мой штаб (армейской группировки «Г») должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал-полковник Вейхс), входившей в состав этой армейской группировки,—в Мюнхен (также к 1 ноября)».

«Задача, — продолжает генерал Мюллер, — заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в установленный срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие».

«Поскольку, — сообщает Мюллер, — действительно задачей армии являлась подготовка к нападению на Советскую Россию, то я в первом плане стоял вопрос об обучении офицеров генерального штаба в соответствии с этим планом.

В конце января 1941 года я был командирован телеграфным приказом начальника генерального штаба Гальдера на военные игры в Сен-Жермен (около Парижа) в армейскую группировку Рундштедта. Задачей военной игры было наступление из Румынии и Южной Польши в направлении на Киев и к югу от него. В основном военная игра соответствовала условиям будущего приказа о стратегическом развертывании сил, к чему я еще вернусь ниже. Руководителем военной игры был начальник штаба армейской группировки Рундштедт. Присутствовали:

Рундштедт, Гальдер, начальники штабов: 6-й армии — полковник Гейм, 11-й армии—полковник Велер, танковой группы Клейста—полковник Цвиглер и несколько генералов танковых войск. Военная игра происходила в месте расположения армейской группировки Рундштедта, примерно с 31 января по 2 февраля 1941 г. Игра показала необходимость сильной концентрации танковых сил».

Представленные мною до настоящего момента документы характеризуют мероприятия военного командования германских вооруженных сил по подготовке стратегического развертывания германских войск для нападения на Союз Советских Социалистических Республик.

По времени эти мероприятия охватили значительную часть 1940 года и начались по крайней мере за шесть месяцев до появления на свет директивы № 21 «Барбаросса».

Направление и задачи разведывательной работы в связи с вариантом «Барбаросса», как известно, определялись директивой верховного командования германскими вооруженными силами, которая была адресована контрразведке 6 ноября 1940 г. и подписана подсудимым Иодлем.

...Я не собираюсь цитировать этот документ, но считаю необходимым напомнить, что в нем от разведывательных органов требовалось, чтобы перегруппировки войск на восточной границе Германии всячески маскировались и чтобы у Советского Союза создалось впечатление, что готовится какая-то акция на Балканах.

Деятельность разведывательных органов строго регламентировалась. Эта деятельность должна была обеспечить, чтобы численность

германских войск на Востоке осталась бы скрытой насколько это возможно, чтобы было создано впечатление незначительной концентрации войск на севере восточных провинций и, наоборот, весьма значительной концентрации в южной их части, в протекторате и в Австрии.

Указывалось также на необходимость создания преувеличенных представлений о количестве частей противовоздушной обороны и о незначительном размахе дорожных работ.

Здесь я позволю себе сделать два замечания по существу. Активизация работы разведывательных органов против Советского Союза, по показаниям Пижкенброка, началась до появления этой директивы в августе 1940 года. И уж, конечно, дело заключалось не только в работе по дезинформации в связи с проводившейся перегруппировкой сил с Запада на Восток.

Я прошу обратиться к показаниям бывшего начальника III отдела разведки и контрразведки германской армии фон Бентивеньи.

«...Я еще в ноябре 1940 года получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на советско-германской границе».

«Согласно этому указанию, мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки «Абверштелле», «Кенигсберг», «Краков», «Бреслау», «Вена», «Данциг» и «Познань» усилить контрразведывательную работу...»

«...в марте 1941 года я получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению плана «Барбаросса»:

а) подготовка всех звеньев «Абвер-3» к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как то: создание необходимых «Абвергрупп», расписание их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов;

б) дезинформация через свою агентуру иностранных разведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

в) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечение скрытности перебросок войск на Востоке».

«...В марте 1941 года я был свидетелем разговора Канариса с начальником отдела диверсии и саботажа «Абвер-2» полковником Лахузен о мероприятиях по плану «Барбаросса». При этом Лахузен и Канарис все время ссылались на имеющийся у Лахузена по этому поводу письменный приказ.

Я лично, как начальник «Абвер-1», начиная с февраля 1941 года и вплоть до 22 июня 1941 г., неоднократно вел деловые переговоры по плану «Барбаросса» с начальником отдела иностранных армий генерального штаба генерал-лейтенантом Типельскирх и начальником отдела «Восток» полковником Кинцель. Эти переговоры касались уточнения различных заданий «Абверу» по Советскому Союзу и, в частности, о перепроверке старых разведывательных данных о Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз».

«...периферийным отделам разведки «Абверштелле», которые вели работу против России, было дано задание увеличить засылку агентов

в СССР. Такое же задание об усилении агентурной работы против СССР было дано всем разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках. Для более успешного руководства всеми этими органами «Абвера» в мае 1941 года был создан специальный разведывательный штаб, носивший условное название «Валли-1».

Руководителем «Валли-1» был назначен как лучший специалист по работе против России майор Баун. Позднее, когда по нашему примеру «Абвер-2» и «Абвер-3» также создали штабы «Валли-2» и «Валли-3», этот орган в целом именовался штабом «Валли» и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против Советского Союза. Во главе штаба «Валли» стоял полковник Шмальшлегер.

Из неоднократных докладов полковника Лахузена Канарису, на которых я также присутствовал, мне известно, что по линии этого отдела проводилась большая подготовительная работа к войне с Советским Союзом. За период февраль—май 1941 года происходили неоднократные совещания руководящих работников «Абвер-2» у заместителя Иодля генерала Варлимонта. Эти совещания проводились в кавалерийской школе в местечке Крампниц. В частности, на этих совещаниях, в соответствии с требованиями войны против России, был решен вопрос об увеличении частей особого назначения, носивших название «Бранденбург-800», и о распределении контингента этих частей по отдельным войсковым соединениям».

В этом отношении вносят ясность показания заместителя Лахузена по II отделу германской военной разведки и контрразведки при верховном командовании германскими вооруженными силами полковника бывшей германской армии Эрвина Штольца, который был взят в плен Красной Армией. Штолец показывает:

«...Я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на Советский Союз.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ," поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонтом по поручению Кейтеля, точно не помню). Этот приказ содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории Союза Советских Социалистических Республик после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса»...

«В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза «Абвер-2» при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза».

«Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в Прибалтийских Советских Республиках».

«...Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть — учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику «Абвер-2» Лахузену.

В задачу этого созданного в 1940 году специального соединения входил захват оперативно важных объектов—мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. При этом, вопреки международным правилам ведения войны, личный состав этого полка, укомплектованный главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и вооружения армии противника для маскировки своих операций.

В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка «Бранденбург-800» также запасало предметы обмундирования и вооружения Красной Армии и организовало отдельные отряды из числа 'немцев, знающих русский язык...»

...прежде чем перейти к дальнейшему изложению, мне хотелось бы -отметить, что разведывательной работой в Германии занималось также и ведомство подсудимого Кальтенбруннера. Я ограничусь представлением одного документа, характеризующего, каким образом гитлеровцы, используя свои 'связи, создавали затруднения в Иране, через который, как известно, шли пути доставки в СССР автомашин и самых разнообразных военных материалов.

...Документ этот представляет письмо подсудимого Кальтенбруннера на имя подсудимого Риббентропа. Напечатано письмо на бланке начальника полиции безопасности и СД.

с28 июля 1943 г.

Секретно

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ФОН РИББЕНТРОПУ

Берлин

Выборы в иранский парламент.

Глубокоуважаемый господин министр!

Мы непосредственно связались с Ираном и получили... сообщение о возможности немецкого влияния на ход выборов в иранский парламент.

Для того чтобы оказать решающее влияние на выборы, нужен подкуп.

Для Тегерана необходимо 400 тысяч туманов, а для всего остального Ирана, по крайней мере, 600 тысяч туманов.

Следует заметить, что националистически настроенные иранские круги ожидают вмешательства Германии.

Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми нами туда самолетом.

Хайль Гитлер.

Преданный вам Кальтенбруннер — СС обергруппенфюрер».

Этот документ может составить представление о том круге вопросов, который интересовал имперского министра иностранных дел.

Столь своеобразная деятельность министерства иностранных дел «Третьего рейха» не была эпизодической.

С течением времени сотрудничество министерства иностранных дел фашистской Германии и рейхсфюрера СС крепло и получало все большее и большее развитие. В результате этого на свет появился весьма любопытный документ, который может быть озаглавлен, как соглашение между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы.

Текст соглашения гласит:

«Приказом от 12 февраля 1944 г. фюрер поручил имперскому руководителю СС создать единую немецкую секретную разведывательную службу. Секретная разведывательная служба имеет целью, поскольку речь идет о загранице, добывание для империи сведений в политической, военной, экономической и технической областях. При этом фюрер установил, что руководство разведывательной службой, поскольку речь будет идти о загранице, должно осуществляться по согласованию с министром иностранных дел. В связи с этим, между имперским министром иностранных дел и имперским руководителем СС было заключено следующее соглашение:

1) Секретная разведывательная служба имперского руководителя СС является важным инструментом для добывания сведений во внешнеполитической области, который предоставляется в распоряжение министра иностранных дел. Первым условием этого является тесное товарищеское и лояльное сотрудничество между министерством иностранных дел и главным имперским управлением безопасности. Добывание внешнеполитических сведений дипломатической службой этим самым не затрагивается.

2) Министерство иностранных дел предоставляет в распоряжение главного имперского управления безопасности необходимую для ведения разведывательной службы информацию о внешнеполитическом положении и установки немецкой внешней политики и передает главному имперскому управлению безопасности свои разведывательные и прочие задания в области внешней политики, которые должны выполняться органами секретной разведывательной службы.

3) Поступающий в секретную разведывательную службу разведывательный материал в области внешней политики предоставляется...»

Это соглашение, подписанное Гиммлером и Риббентропом, создавало такое положение, когда весьма трудно было разобраться в условиях фашистской Германии, где кончалось гестаповское ведомство Гимmlера и где начиналось иностранное ведомство подсудимого Риббентропа.

Непосредственные мероприятия фашистских заговорщиков по включению Румынии, Финляндии и Венгрии в подготовку разбойничьего нападения на Советский Союз начались, по крайней мере, с сентября 1940 года, когда была направлена военная миссия в Румынию.

Переговоры, сопровождавшие военную подготовку к агрессии против Советского Союза в каждой из этих стран, были в основном закончены в период сентябрь—декабрь 1940 года. Переговоры эти велись между генеральными штабами германской армии¹ и армий стран сателлитов. Предметом переговоров во всех случаях были вопросы чисто военного характера, подготовка войск, транспортировка воинских частей, согласование стратегических планов, установление количества дивизий, предназначенных для нападения на Советский Союз, и т. д.

Такой характер переговоров свидетельствует о том, что предварительное согласие об агрессии против Советского Союза между фашистским правительством Германии и правительствами Румынии, Финляндии и Венгрии, существовало еще раньше, чем начались эти переговоры.

И, наконец, представленными документами устанавливается, что каждой из этих стран в той или иной форме фашистскими заговорщиками были обещаны территории, принадлежащие Советскому Союзу.

Для того чтобы получить полное представление о последствиях грабительской агрессии фашистов против Союза Советских Социалистических Республик, нельзя ограничиваться одним планом «Барбаросса».

Это план стратегический. План военного нападения. План начала агрессии.

Вслед за этим нападением следовало, как известно, так называемое «освоение» и «организация» оккупированных территорий. План этого «освоения» и «организации», являющийся планом уничтожения мирных граждан и ограбления оккупированных областей Советского Союза, был подготовлен так же, как и план «Барбаросса», заранее.

Еще не напад на Советский Союз, гитлеровцы установили и распорядились по соответствующим параграфам своих инструкций, указаний, распоряжений методы расправы с гражданским населением, порядок и способы ограбления Советской страны и превращение ее в колониальную область «Третьего рейха».

Когда же война началась и тайное стало явным, фашисты не постеснялись перенести все эти вопросы на страницы своей печати.

...В «Дас шварце кор» газетке охранных отрядов фашистской партии, являвшейся органом рейхсфюрера СС, в статье, озаглавленной «Германизировать ли?!», открыто писалось:

«Для одного из номеров газеты «Дейче арбайт», посвященного задачам переселения на Восток, рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

Пашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови».

Отрицание германизации не ново. Однако в устах рейхсфюрера СС как государственного комиссара по укреплению немецкой нации, оно становится приказом. В этом заключается весь смысл этих слов.

Отказ от германизации населения оккупированных стран и утверждение, что на Востоке «должны быть только люди действительно

немецкой, германской крови», на практике означали массовое истребление советских граждан, их ограбление, угон в рабство, уничтожение многовековой русской культуры, разрушение наших городов и сел.

22 июня 1941 г. после длительной подготовки немецко-фашистские полчища обрушились на Советский Союз. 170 дивизий, сконцентрированных на границах Советского Союза от Ледовитого океана до Черного моря, начали вторжение.

Военные задачи нападения были сформулированы в плане «Барбаросса».

«Германские вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной операции Советскую Россию...

Для этого армия должна будет представить все состоящие в ее распоряжении соединения, с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей».

Вариант «Барбаросса» предусматривал необходимость уничтожения Красной Армии, устранения возможности отступления ее боеспособных частей в глубь страны и быстрое достижение немецко-фашистскими захватчиками линии, с которой советская авиация не смогла бы подвергать воздействию германские области.

В качестве конечной цели по варианту «Барбаросса» намечалось закрепление на линии Астрахань—Архангельск уничтожение авиацией уральской промышленности, захват Ленинграда и Кронштадта и, как решающий финал, овладение Москвой.

Политические цели, определившие военные планы, были сформулированы гитлеровцами во многих документах, которые были оглашены в суде. Но особенно ясно об этих целях говорилось на совещании в главной квартире Гитлера 16 июля 1941 г. На этом совещании Гитлер, Геринг, Розенберг, Кейтель и другие фашистские заговорщики решали, как им казалось, дальнейшие судьбы Советского Союза.

Крым, с прилегающими районами Украины, Прибалтика, белостокские леса и Кольский полуостров объявлялись присоединенными к Германии. «Волжские колонии» должны были стать также областью империи. Бакинская область мыслилась как немецкая военная колония. Румынии отдавалась Бессарабия и Одесса, Финляндии—Восточная Карелия, Ленинград и Ленинградская область.

Как известно, гитлеровцы всегда стремились к тому, чтобы их действительные разбойничьи цели не получали огласки. На том же совещании в главной квартире 16 июля 1941 г. Гитлер, например, говорил, что является весьма важным не раскрывать своих установок перед всем миром, не осложнять своего пути излишними объяснениями и при мотивировке своих действий исходить из тактических намерений.

Подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. на совещании по вопросу о Востоке заявил, что большое значение имеет тактика, а политические установки будут определяться от случая к случаю, когда тот или иной лозунг сможет быть предан гласности.

Учитывая это обстоятельство, представляется полезным для нашего исследования обратиться к некоторым высказываниям фашистских военных преступников, относящимся к тому периоду, когда они считали возможным обнародовать некоторые свои политические установки.

В 1941 и в 1942 гг. фашистские орды прорвались на значительные

территории Советского Союза, подходили к Москве, бой шел на берегах Волги.

«Призрак «Великой Германии», господствующей над миром, маячил перед гитлеровскими заговорщиками. Наступил, казалось, тот самый случай, о котором говорил подсудимый Розенберг, когда можно было, с точки зрения фашистских преступников, «некоторые политические лозунги предать гласности».

...Розенберг 27 июля 1942 г. так решил восточную проблему:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем.

Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от кавказского перевалка на Ближний Восток».

27 ноября 1941 г. подсудимый Риббентроп делал доклад о международном положении. Текст этого доклада опубликован в № 329-а газеты «Гамбургер фреденблатт».

Риббентроп говорил в этом докладе:

«Я хотел бы следующим образом резюмировать последствия этого поражения Советской России и оккупации большей части Европейской России в 1941 году.

1. В военном отношении, этим самым, последний 'союзник Англии на континенте перестал быть фактором, имеющим значение. Германия и Италия с их союзниками становятся, таким образом, в Европе неприступными. Кроме того, освободились колоссальные силы.

2. В экономическом отношении державы оси вместе с их друзьями и, тем самым, вся Европа, приобрели независимость от заокеанских стран. Европа раз и навсегда освободилась от угрозы блокады. Зерно и сырье Европейской России могут полностью удовлетворить потребности Европы. Ее военная промышленность будет служить военному хозяйству Германии и ее союзников, в результате чего еще больше возрастет военный потенциал Европы. Организация этого огромного пространства уже в полном разгаре. Таким образом, созданы все решающие предпосылки для конечной победы оси и ее союзников над Англией».

Я позволю себе представить еще один документ на ту же тему. Это выступление Геббельса в Мюнхене, опубликованное 19 октября 1942 г. в центральном органе нацистской партии «Фелькишер беобахтер» («Южногерманское издание).

...В этом своем выступлении Геббельс говорил:

«Мы завоевали важнейшие хлебные, угольные и металлургические районы Советского Союза. Нам принадлежит сегодня то, что потерял враг. А так как то, чего недостает противнику, прибавилось нам, то это ценится вдвое. В прошлом мы были народом без пространства, но сегодня это уже не так. Сегодня мы должны только придать определенную форму тому пространству, которое завоевали наши солдаты, сделать его полезным для нас, а это требует определенного времени. Но если англичане утверждают, что мы проиграли войну из-за того, что потеряли время, то это утверждение только доказывает их полное непонимание обстановки. Время работает только против того, кто не имеет пространства и сырья. Если мы используем время для того, чтобы организовать

завоеванные пространства, то оно будет работать не против нас, а на нас...»

...То, что Геббельс, подсудимый Риббентроп и Розенберг говорили об использовании завоеванного солдатами пространства, в ОКВ это принимало более определенную форму планов дальнейшей агрессии.

В этом отношении представляет интерес следующий документ, который представляет собой письмо германского военно-морского штаба, направленное в адрес главнокомандующих групп Запад, Север и Юг. Этот документ был обнаружен в германских архивах союзными войсками.

Письмо имеет заголовок: «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании», № 1385/41 и дату 8 августа 1941 г.

В эти дни фашистские заговорщики считали, что победа над Советским Союзом — всего лишь вопрос времени, и поэтому планировали дальнейшую агрессию.

Письмо, которое я собираюсь здесь процитировать, начинается словами:

«Штабом морского руководства получен проект указаний фюрера о дальнейших намерениях по окончании восточного похода.

Нижеследующие пожелания дают в общих чертах картину этих намерений и предназначены для личной ориентировки главнокомандующих и начальников их штабов.

Усиление вооруженных сил в Северной Африке в объеме, достаточном для овладения Тобруком. Для планомерной проводки потребного транспорта необходимо возобновление налетов германских воздушных сил на Мальту.

При планомерном обороте транспорта можно рассчитывать на поход на Тобрук с середины сентября, если только условия погоды не обусловят отсрочки.

В случае, если после очевидного окончания восточной кампании удастся перетянуть на нашу сторону Турцию, предусматривается, после минимального 85-дневного срока подготовки необходимых сил, после предварительного обеспечения перевала через Кавказ и улучшения анатолийских транспортных условий в Турции с немецкой помощью,—нападение на Сирию и Палестину в направлении на Египет.

В случае, если Турция,—пишется там,—не перейдет на нашу сторону, даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли.

Удар на Египет и Киренаику (после падения Тобрука). Предположительно, этот удар не может осуществиться ранее конца 1941 — начала 1942 гг.

Если крушение Советской Россия создаст для этого необходимые предпосылки, предусматривается продвижение моторизованного экспедиционного корпуса через Закавказье, в направлении Персидский залив — Иран—Сирия—Египет.

Этот удар, по условиям погоды, будет возможен только в начале 1942 г.».

...Этот документ свидетельствует о том, какой оборот событиям предполагали дать фашистские заговорщики, если бы Красная Армия не остановила их агрессии.

Фашистские агрессоры надеялись в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, покорить советский народ и открыть тем самым себе путь к мировому господству.

...Заканчивая представление документов об агрессии фашистских преступников против Советского Союза, позвольте кратко сформулировать следующие основные выводы:

1. Преступный замысел против Союза Советских Социалистических Республик, имевший целью ограбление Советского Союза и использование его богатств для дальнейшей германской агрессии, созрел у фашистских заговорщиков задолго до того, как это нападение было осуществлено.

2. Непосредственные военные приготовления к нападению на Советский Союз велись фашистскими преступниками по меньшей мере в течение года и охватывали не только Германию, но и страны-сателлиты, в первую очередь Румынию, Финляндию, Венгрию.

3. Реализация преступных целей фашистской агрессии, заключавшихся в уничтожении мирного населения, ограблении Советского Союза и отторжении принадлежавших ему территорий, была запланирована заранее, до нападения на Советский Союз.

К счастью для всех свободолюбивых народов, Союз Советских Социалистических Республик, советский народ и его Красная Армия полностью опрокинули все человеконенавистнические планы фашистских захватчиков.

Красная Армия не только выстояла и остановила фашистскую агрессию, но вместе с союзными армиями привела гитлеровскую Германию к полной катастрофе, а фашистских военных преступников — на скамью подсудимых.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ РОБЕРТСОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ КЕЙТЕЛЯ И ИОДЛЯ

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 9 января 1946 г.}*

Господа Судьи, моим долгом является представление доказательств против Кейтеля, а также против подсудимого Иодля.

Дело, касающееся Кейтеля и Иодля, идет по параллельным линиям. В большинстве документов говорится о них обоих вместе.

Подсудимый Кейтель в феврале 1939 года стал начальником ОКВ, а Иодль стал начальником оперативного штаба. Это точно доказывается стенографическими записями и документами.

Кейтель руководил отделом «Вермахт» в имперском военном министерстве.

Иодль в 1936 году имел звание подполковника и занимал пост начальника оперативного отдела обороны страны—Ландсфертейдинунг. Я хочу сослаться на период до 1938 года — до организации ОКВ. Первый документ, который я хотел бы упомянуть,—ЕС-177 (доказательство США-390).

Это протокол заседания комитета имперского совета обороны, которое имело место вскоре после прихода нацистов к власти. Протокол датирован 22 мая 1933 г.

Кейтель председательствовал на этом совещании. Имело место продолжительное обсуждение предварительной подготовки Германии к войне. Подсудимый Кейтель рассматривал эту задачу как неотложную; он считал, что в предыдущие годы было сделано очень мало. Кейтель подчеркнул необходимость сохранения документа втайне, а также то, что документ не должен быть потерян и что устные заявления должны отрицаться в Женеве. И я отмечаю, что уже в ранние дни 1933 года начальник штаба вооруженных сил Германии рассматривал ложь как оружие.

Следующий документ — это протокол комитета имперского совета обороны, датированный 26 июня 1935 г., под номером ЕС-405 (доказательство ВБ-160). Он устанавливает тот факт, что Иодлю были известны планы ремилитаризации Рейнской области и что он сам замешан в этом событии. Трибунал увидит, что в начале страницы, абзац «ф», отмечено, что полковник Иодль делает сообщение о подготовке к мобилизации и говорит:

«Демилитаризованная зона требует особого управления. В своей речи от 21 мая и в других своих выступлениях фюрер утверждал, что положения Версальского договора и Локарнского пакта касательно демилитаризованной зоны должны быть пересмотрены. На вопрос французского поверенного в делах касательно призывного пункта в демилитаризованной зоне имперское правительство ответило, что никакие гражданские власти и никакие другие учреждения в демилитаризованной зоне не уполномочиваются на выполнение задач по мобилизации, например таких, как организация, обмундирование и вооружение каких-либо соединений в случае войны или для приготовления к ней.

Поскольку в настоящее время следует избегать политических трений с иностранными державами, я подчеркиваю—в настоящее время,—должны быть проведены только такие подготовительные меры, которые являются совершенно необходимыми. Наличие таких приготовлений или намерений провести их должно содержаться в строжайшем секрете в самой этой зоне так же, как и во всей остальной империи».

Это ясно показывает, что Иодлю было известно подготавливаемое нарушение Версальского договора.

Перед тем днем, когда Рейнская область была ремилитаризована, 7 марта 1936 г., подсудимый Кейтель издал директиву—документ С-194 (доказательство США-55), в которой предусматривалась воздушная разведка и передвижение подводных лодок в случае, если какая-либо нация сделает попытку помешать ремилитаризации.

Я перехожу к 4 февраля 1938 г., когда было сформировано ОКВ. Вскоре после этого 19 апреля 1938 г. было издано руководство (доказательство США-211) «совершенно секретно, только для командующих»

«Руководство войной, как проблема организации».

Я прочту только из приложения, которое называется «Что такое война будущего?»

«Неожиданность, которая должна быть предпосылкой для быстрого военного успеха, часто требует, чтобы военные действия начались пре-

жде, чем закончена мобилизация, и прежде, чем армии будут приведены в полную готовность.

Объявление войны больше не является необходимым первым шагом для начала войны.

Обычные правила войны, касающиеся нейтральных государств, могут учитываться только с той точки зрения, насколько проведение этих правил создаст большие преимущества или, наоборот, ущерб для воюющих народов».

Можно, конечно, сказать, что это только теоретические рассуждения и что они могут относиться к любому другому государству, которое может иметь намерение начать войну против Германии. Суд учтет положение в Европе в 1938 году и решит вопрос о том, имела ли тогда Германия какого-либо потенциального агрессора против нее.

Этот отрывок показывает тот метод, которым Германия действительно начинала войны в 1939 году и в последующие годы.

Сейчас я перейду к тому пути, о котором уже много раз говорилось и будет еще говориться. Это—путь от 1938 до 1941 года—до окончательного акта агрессии. Документы достаточно ясно демонстрируют, что Кейтель, будучи начальником ОК.В, и Иодль, будучи начальником оперативного штаба, были неразрывно связаны с каждым отдельным актом агрессии, которые проводились против различных жертв нацистской агрессии.

Я начну с агрессии против Австрии. Вы помните дневник Иодля, запись от 12 февраля 1938 г., о том, как Кейтель применил нажим на Шушнига (документ ПС-1780) и как на следующий день Кейтель писал Гитлеру (документ ПС-1775, доказательство США-73), предлагая инсценировку военных действий и распространение ложных слухов.

Затем следует отметить оперативные приказы ОКВ от 11 марта 1938 г. по операции «ОТТО», за которые ответственен Кейтель.

Председатель: Какие номера приказов?

Роберте: С-102, С-103, С-182. Один из них имеет подпись Кейтеля или его инициалы и два имеют инициалы Иодля. Это были оперативные приказы о вторжении в Австрию. Приказ о том, если Трибунал помнит, что с чешскими солдатами следует обращаться, как с врагами, а с итальянцами, как с друзьями. Это первая веха на этом пути— оккупации Австрии.

Далее я остановлюсь на вопросе агрессии против Чехословакии. Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-388 — досье, представленное под номером США-26.

Из протокола совещания от 21 апреля 1938 г. видно, что на этом совещании были разработаны и подвергнуты обсуждению предварительные планы, включая возможность инцидента, а именно убийства германского посла в Праге.

Документ 5 в этом досье, датированный 20 мая 1938 г., показывает, что планы политической и военной кампании против Чехословакии были разработаны Кейтелем.

Документ 11, датированный 30 мая 1938 г., представляет собой директиву, подписанную Кейтелем, относительно вторжения на территорию Чехословакии, причем там указывалась дата 1 октября 1938 г.

Затем идет ряд документов, на которых имеются инициалы Иодля, а именно: документы 14 и 17.

Затем идет директива (документы 31 и 32) от 27 сентября 1938 г., подписанная Кейтелем, о тайной мобилизации.

Дневник Иодля, документ ПС-1780, содержит много записей о предстоящей агрессии, в особенности записи от 18 мая и 8 сентября 1938 г. В дневнике Иодля, документ ПС-1780, имеется весьма обличительная запись от 11 сентября, где говорится:

«Днем состоялось совещание с государственным секретарем», *Председатель*: Не назовете ли вы нам дату?

Роберте: Эта запись от 11 сентября 1938 г. «Совещание, имевшее место днем, с государственным секретарем Янке из министерства народного просвещения и пропаганды. Там обсуждались важные общие задачи. Всесторонняя подготовка для того, чтобы опровергать нарушения международного права с нашей стороны и использовать нарушения международного права противником, рассматривалась как особенно важный вопрос на этом совещании». Я подчеркиваю слова «нарушения международного права с нашей стороны»,

В результате этого совещания был подготовлен документ, в котором перечислялись возможные нарушения международного права и объяснения для этих нарушений,

После подписания Мюнхенского пакта, как об этом говорилось уже много раз, нацистские заговорщики сразу стали подготавливать захват остальной части Чехословакии.

В этот момент Иодль временно исчезает со сцены, он проходил службу в строевой части, в качестве генерала от артиллерии 44-й дивизии в Австрии. После подписания Мюнхенского пакта, 26 августа 1939 г. накануне вторжения в Польшу, он был вновь вызван для того, чтобы занять свой прежний пост начальника оперативного штаба верховного командования германских вооруженных сил.

Что касается Кейтеля, то 21 октября 1938 г., менее чем через месяц после подписания Мюнхенского пакта, он поставил свою подпись на приказе фюрера о ликвидации остальной части Чехословакии и об оккупации Мемеля (документ С-136, доказательство США-104).

24 ноября 1938 г. (документ С-137, ВБ-33) Кейтель издал меморандум относительно внезапной оккупации Данцига.

17 декабря 1938 г. (документ С-138, США-105) Кейтель подписал приказ о «Подготовке к ликвидации Чехословакии». Эти подготовительные мероприятия были проведены.

15 марта 1939 г. Кейтель присутствовал при встрече фюрера с Гаха — президентом Чехословацкой республики, когда под угрозой бомбардировки Праги Гаха капитулировал и принял ультимативные требования Германии.

Теперь я перехожу к агрессии против Польши. Кейтель присутствовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г. (документ Л-79, США-27), когда было сказано в такой открытой форме, что «вопрос о Данциге не является предметом обсуждения. На Польшу следует напасть при первой благоприятной возможности. Голландские и бельгийские авиабазы должны быть оккупированы. Нейтралитет следует игнорировать».

Директива о вторжении в Польшу, план «Вейс» (документ С-120А, ВБ-41), была подписана 3 апреля 1939 г. Трибунал вспомнит, что 1 мая эти планы были переданы ОКВ и к 1 сентября вооруженные силы дол-

жны были быть в 'состоянии готовности для нападения. Эта директива была подписана Кейтелем.

Приказ от 22 июля 1939 г. (документ С-126, ВБ-45) был дополнением к первоначальной директиве. В этом приказе подчеркивалась необходимость маскировки и говорилось, что «не следует возбуждать беспокойства среди населения». Этот документ подписан Кейтелем.

17 августа 1939 г. (документ ПС-795, ВБ-54) Кейтель присутствовал на совещании с адмиралом Канарисом относительно предоставления польской военной формы Гейдриху.

«П.00—13.30—'совещание с начальником штаба верховного командования вооруженных сил. Днем «икс» было объявлено 26 августа. Время «игрек» было назначено на 4.30».

Я перехожу к Норвегии и Дании. Мы располагаем относящимся к обеим странам документом С-54, ВБ-86 о том, что 12 декабря 1939 г. Кейтель и Иодль оба присутствовали на совещании у Гитлера, где присутствовал также Редер, когда обсуждалось вторжение в Норвегию. И тот факт, что на Кейтеля была возложена прямая ответственность за эти операции, свидетельствует документ С-63, доказательство ВБ-87, в котором Кейтель писал, что «операции против Норвегии будут проведены под моим прямым и личным руководством». Он руководил работой отдела планирования верховного командования по проведению этих операций.

Я утверждаю, что осведомленность Иодля ясно доказывается также записями в его собственном дневнике (документ ПС-1809). Трибунал вспомнит запись от 13 марта 1940 г., в которой Иодль писал о том, что фюрер все еще подыскивал предлог для проведения операции «Везер». Это было 13 марта.

Там говорится: «Фюрер не отдает приказа относительно операций «Везер», он все еще подыскивает предлог».

И затем в записи от 14 марта написано: «Фюрер еще не решил, какой предлог следует избрать для операции «Везер». С разрешения Трибунала, я хотел бы указать на то, что эта фраза — «еще подыскивает предлог» — показывает в отталкивающем виде понятие о чести, существовавшее у германских военных руководителей.

Норвегия подверглась неожиданному нападению, и только затем были выдвинуты фальсифицированные предлоги.

Я утверждаю, что вторжение в Нидерланды и Люксембург в равной степени, как это ясно доказывает документ, происходило под контролем и руководством Кейтеля, действовавшего с помощью Иодля. Трибуналу уже представлялся протокол совещания, состоявшегося в мае, это — директива, подписанная Кейтелем 15 октября.

Председатель: Какая это серия?

Роберте: Это номер — С-62.

Здесь имеются два документа: от 9 октября и 15 октября. Это две директивы: одна, подписанная Гитлером, другая, подписанная Кейтелем. В них содержатся приказы об оккупации Голландии и Бельгии.

Документ С-10, ВБ-108 от 8 ноября—это оперативный приказ Кейтеля 7-й парашютной дивизии совершить высадку в центре Гааги.

Документ ПС-44, 107-ВБ от 20 ноября, подписанный Кейтелем, представляет собой последующую директиву относительно вторжения в Голландию и Бельгию.

Документ С-72, ВБ-109 от 7 ноября 1939 г. и 10 мая 1940 г. включает в себя восемнадцать писем, из которых одиннадцать подписано Кейтелем, а 7 — Иодлем, в которых говорилось, что фюрер приказал отложить день вторжения ввиду неблагоприятной погоды.

В дневнике Иодля также имеются записи об этих событиях (документ ПС-1809). Здесь имеется несколько записей относительно предстоящих операций, достигших своего кульминационного пункта 8 мая. Я хочу напомнить Трибуналу одну запись, когда Иодль сказал, что «поступают тревожные информации из Голландии». И далее он выражает негодование по поводу того, что безнравственные голландцы собираются исправлять дорогу и проводить подготовку к мобилизации.

Затем, господа Судьи, состоялось вероломное вторжение в эти три нейтральных государства.

Теперь я перехожу к планированию агрессии против Греции и Югославии. Документ ПС-1541, ВБ-117 от 13 декабря 1940 г. представляет собой приказ Гитлера об операциях против Греции, — зашифрованный под названием «Марита». Этот приказ был подписан Гитлером, копия была направлена Кейтелю в ОК.В.

Документ ПС-448, ВБ-118 представляет собой приказ, который был подписан Гитлером и на котором имеются инициалы Кейтеля. Это приказ от 11 января 1941 г. об операциях против Греции.

Документ С-134, ВБ-119, датированный 20 января 1941 г., показывает, что Кейтель и Иодль оба присутствовали на совещании с Гитлером, Муссолини и другими лицами, когда обсуждались операции против Греции и Югославии.

В документе С-59, ВБ-121 от 19 февраля 1941 г. даты операций «Марита» были проставлены Кейтелем.

Документ ПС-146, ВБ-120. Это протокол совещания у Гитлера от 27 марта 1941 г., на котором присутствовал Кейтель и Иодль и на котором было объявлено решение подвергнуть нападению и разгромить Югославию. Фюрер тогда заявил: «Я решил уничтожить Югославию и я применю безжалостную жестокость для того, чтобы устроить других нейтралов».

Я перехожу к плану нападения на Советский Союз. Кодовое название плана — «Барбаросса» (документ ПС-446, США-131), датировано 18 декабря 1940 г., который представляет собой приказ Гитлера об операциях «Барбаросса», на нем имеются инициалы Кейтеля и Иодля. Гитлер сказал, как вспомнит Трибунал, что «он намеревается сокрушить Россию в одной стремительной кампании».

Следующий документ ПС-872, США-134 от 3 февраля 1941 г. представляет собой протокол совещания между Гитлером, Кейтелем и Иодлем, на котором обсуждался план «Барбаросса» и операция в Северной Африке. Гитлер заявил тогда: «Когда начнется операция «Барбаросса», то мир затаит дыхание и не сделает никаких замечаний».

Документ ПС-447, США-135 от 13 марта 1941 г. представляет собой оперативный приказ, подписанный Кейтелем, относительно администрации областей, которые должны быть оккупированы.

Документ С-39, США-138 датирован 6 июля 1941 г. Там излагалось расписание проведения операции «Барбаросса». Этот документ был подписан Кейтелем и направлен Иодлю. Документ С-79, США-139 от 9 июня 1941 г. — это приказ Гитлера Кейтелю и Иодлю присутствовать

ка совещании по осуществлению плана «Барбаросса» 14 июня 1941 г., то есть за 8 дней до начала кампании.

Теперь я перехожу к последнему вопросу — о провокационном подстрекательстве Японии к агрессии против США. Здесь имеются два основных документа, в издании которых участвовали и Кейтель и Иодль. Документ С-75, США-151, датированный 5 марта 1941 г. Это директива ОК.В, подписанная Кейтелем, копия которой была направлена Иодлю.. Там говорилось о том, что «Следует добиться активного участия Японии в войне».

Документ С-152, ВБ-122 датирован 18 марта 1941 г. Это протокол совещания у Гитлера, с участием Редера, Кейтеля и Иодля, где говорилось, что «Япония должна захватить Сингапур».

Я перехожу к вопросу военных преступлений и преступлений против человечности. Уже доказано, что Кейтель подписал приказ «Мрак и туман», документ Л-90, США-503, о том, что лица с оккупированных территорий должны были перевозиться в тюрьму, в Германию, где все следы о них пропадали.

Документ С-50—это приказ от 13 мая 1941 г. о безжалостных действиях при проведении кампании «Барбаросса». Документ С-51 ---приказ Кейтеля, датированный 27 июня 1941 г. Там говорится: «В соответствии с приказами относительно работы с тематическими материалами, ниже следующие управления должны уничтожить все копии приказа фюрера от 13 мая 1941 г.»:

а) всем инстанциям до «штаба корпуса включительно». Это означает, что командиры, от командира корпуса и ниже, были обязаны уничтожить копии приказа;

б) «командования групп танковых войск». Это также означает, что" командующие танковых частей ниже командира корпуса должны были уничтожить копии приказа;

с) «командования армиями и управления равного ранга, — в случае, если существует опасность, что они могут попасть в руки посторонних лиц», — то есть эти документы должны были уничтожить даже высшие генералы, если линия фронта приближалась к ним, и в случаях, если существовала опасность, что эти документы могли быть захвачены.

«Однако приказ остается в силе, независимо от уничтожения его копий. В соответствии с § 3 командующие несут личную ответственность за то, чтобы управления, а также юридические советники получили во-время инструкции, и только те пункты приказа подтверждаются, которые соответствуют политическим целям высшего командования».

Это касалось немецких солдат, которые не привлекались к ответственности военнопольными судами за действия, направленные против советских войск. «Этот приказ также следует уничтожить вместе с копиями приказа фюрера».

Я указываю на тот факт, что ОКВ во главе 'с Кейтелем стремилось уничтожить этот приказ, который, как я утверждаю, является незаконным и варварским приказом, что является весьма показательным.

Документ ЮК-20. Он издан в ставке фюрера 6 мая 1943 г., я читаю третий абзац этого документа: «В подобных случаях следует проводить тщательное расследование и принимать соответствующие меры против родственников тех французов, которые сражаются за русских, если

эти родственники проживают на оккупированной территории Франции. Если расследование покажет, что родственники оказали помощь в целях облегчения бегства из Франции, то в таких случаях следует принимать самые строгие меры».

Документ ЮК-57, ВБ-164, он издан Отделом иностранной контрразведки («Аусланд абвер») и адресован ОКВ. Он датирован 4 января 1944 г. Я хочу огласить только второй абзац:

«Документы относительно «командос» были подобраны и тщательно изучены штабом РСХА. В пяти случаях английские военнослужащие были арестованы как соучастники. В соответствии с приказом фюрера они были расстреляны. Имеется возможность приписать им нарушение международного права и на суде посмертно вынести им смертный приговор. До сих пор не доказано ни одного нарушения международного права со стороны «командос»».

Пометки Кейтеля здесь можно найти в левом верхнем углу этого документа. Там говорится: «Нам нужны документы, на основании которых мы сможем произвести такую же процедуру. Это — репрессии, не имеющие ничего общего с военными действиями».

Следующий протокол на ту же тему датирован 6 января 1944 г. В начале этого письма имеются инициалы Кейтеля, которые сделаны красным карандашом и которые показывают, что он получил этот меморандум.

Второй абзац озаглавлен: «Попытка произвести нападение на линкор «Тирпиц».

«В конце октября 1942 г. британские «командос», которые прибыли в Норвегию на катере, имели задание произвести атаку на линкор «Тирпиц» в Тронхейм-фиорде при помощи торпеды с двумя людьми. Эта операция провалилась, так как обе торпеды, которые были прикреплены к катеру, были потеряны в море во время шторма. Из членов команды, насчитывающей шесть англичан и четыре норвежца, группа из трех англичан и двух норвежцев была замечена на норвежской границе. Однако удалось арестовать только одного английского моряка Роберта П. Эванса. Остальные скрылись в Швецию.

Эванс имел при себе пистолетный кабур, какой обычной используют для того, чтобы носить оружие подмышкой, и кастет. Нельзя было доказать совершение насилия, представляющее собой нарушение международного права в этом случае. Он дал обширное показание относительно этой операции. В соответствии с приказом фюрера он был расстрелян 19 января 1943 г.»

Я вновь утверждаю, что это было убийство. Нельзя было доказать насилия, представлявшего собой нарушение международного права.

Затем, в третьем абзаце говорилось:

«Взрыв электростанции в Глом-фиорде.

16 сентября 1942 г. десять англичан и два норвежца высадились на норвежском побережье. Они были одеты в форму английской горнострелковой дивизии. Они имели при себе тяжелое оружие и взрывчатые вещества всякого рода. После того как они пересекли трудно доступную гористую местность, они взорвали важные сооружения на электростанции на Глом-фиорде 21 сентября 1942 г. При этом был застрелен германский часовой. Норвежским рабочим угрожали, что их усыпят хлороформом, если они будут сопротивляться. Для этой цели англичане имели при себе

шприцы для морфия. Несколько преступников было арестовано, тогда как другие скрылись в Швеции».

Семь человек были арестованы и расстреляны 30 октября 1942 г.

Здесь также не имеется никаких указаний на то, что имело место какое-нибудь нарушение международного права. Это были английские моряки и они были одеты в военную форму.

Затем я перехожу к абзацу четвертому.

«Диверсионные акты против германских кораблей, находящихся в Бордо».

«12 декабря 1942 г. целый ряд ценных германских судов, находившихся в Бордо, был серьезно поврежден в результате взрывов ниже ватерлинии. Подвесные мины были прикреплены пятью английскими группами, действовавшими с лодок. Из десяти участников через несколько дней были арестованы...» (перечисляются имена шести англичан).

«Эти участники по два человека высаживались с подводной лодки и на шлюпках плыли к устью реки Жирондо. Они были одеты в особую серо-зеленую форму. После того, как совершили взрыв, они потопили свои шлюпки и пытались скрыться в Испанию. При своем бегстве они не совершили никаких уголовных преступлений. Все были арестованы и в соответствии с приказом расстреляны 23 марта 1943 г.». На этом документе имеются инициалы Кейтеля. Этот документ ПС-735 содержит следующее замечание Кейтеля: «Я против юридической процедуры, она не оправдывает себя».

Председатель: Не огласите ли Вы следующую страницу 5?

Роберте: С разрешения Трибунала я это сделаю.

«Ставка фюрера, 9 января 1944 г.». Начальник Штаба верховного командования передал заместителю начальника, то есть Иодлю, прилагаемое письмо со следующими замечаниями: «Я знаю, что нет необходимости доказывать нарушения международного права в документальной форме, но, однако, является весьма важным подбирать весь материал, который может быть использован для показательного процесса в пропагандистских целях. Провести этот показательный процесс как таковой, означает продемонстрировать с пропагандистской целью нарушение международного права неприятельскими солдатами, которые будут перечислены по имени и которые уже были казнены или должны ожидать приведения в исполнение смертного приговора. Начальник ОКВ попросил начальника отдела внешней разведки адмирала Канариса принести соответствующие документы при следующем посещении ставки фюрера».

Слова Кейтеля соответствовали действительности, если прочесть отчет о тех актах, которые, как я утверждаю, являются хладнокровным убийством мужественных людей — солдат и моряков. Здесь было приведено лишь несколько примеров многочисленных убийств, о которых говорится в документах, на которые я только что ссылался.

На этом я заканчиваю представление документов по обвинению против Кейтеля и Иодля.

Я утверждаю, что документальные доказательства против этих подсудимых являются полными и их осуждения требуют весь цивилизованный мир.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ
ПОДСУДИМОГО РЕДЕРА

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 15 января 1946 г.}*

Господа Судьи, моим долгом является представить Трибуналу доказательства, устанавливающие виновность создателя нацистского военно-морского флота, подсудимого Редера. Обвинения против него изложены в приложении «А» обвинительного заключения. Подсудимый Редер обвиняется в том, что он действительно содействовал и принимал участие в планировании нацистских агрессивных войн, в проведении этих планов и в руководстве, направлении и участии в нацистских военных преступлениях, особенно в военных преступлениях, совершенных при ведении морской войны.

Редер родился в 1876 году, с 1896 года он начал служить в германском военно-морском флоте, а в 1915 году он стал командиром крейсера «Кельн», в 1928 году он стал адмиралом, главой германского военно-морского флота. В 1935 году он стал главнокомандующим военно-морского флота. В 1936 году он стал генерал-адмиралом. Этот чин дал ему Гитлер в день своего 47-летия. В 1937 году ему была оказана высокая честь для нациста — он получил золотой значок нацистской партии. В 1938 году он стал членом тайного совета в в 1939 году—гросс-адмиралом — это ранг, который был введен Гитлером, вручившим Редеру маршальский жезл. В 1943 году он стал адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, что было своего рода понижением, поскольку с января 1943 года Дениц стал командующим германским военно-морским флотом.

Я обращаю внимание суда на документ С-156, который уже был представлен в качестве доказательства за номером США-41. Этот документ, как помнит Трибунал, представляет собой «Историю борьбы германского военно-морского флота против Версальского договора в период 1919—1935 гг.»; он был секретно опубликован германским адмиралтейством в 1937 году. Секретные меры вооружения распространялись от строительства опытной подводной лодки и эсминца до создания тайных разведывательных и финансовых организаций.

В документе С-156 говорится: «Главномандующий военно-морским флотом адмирал Редер добился полной независимости в построении и развитии военно-морского флота. Но строительству военно-морского флота препятствовал тот факт, что перевооружение должно было проводиться тайно для того, чтобы формально это не нарушало условий Версальского договора».

В документе С-141, США-47 Редер утверждает, что «Имея в виду обязательства, которые взяла на себя Германия согласно договору и конференции по разоружению, следует предпринять шаги для того, чтобы не показывать открыто появление первой полуфлотилии миноносцев, как соединения миноносцев, поскольку число этих миноносцев не должно входить в число, предусмотренное договором».

Следующий документ С-135 представляется в качестве доказательства ВБ-213. Из него вытекает, что еще в 1930 году вопрос о нападении на Польшу уже обсуждался в германских военных кругах. Этот документ представляет выдержку из истории подготовки войны и плана мобилизации. Этот документ был написан в 1938 году, в нем говорится:

«Поскольку по Версальскому договору все приготовления к мобилизации запрещаются, эти приготовления вначале должны проводиться ограниченным числом сотрудников и, кроме того, вначале они должны носить только теоретический характер. Тем не менее, в то время уже существовал «Приказ по организации», инструкция, явившаяся предшественницей теперешних мобилизационных планов.

Порядок организации и соответствующие инструкции были намечены на каждый А-год — кодовое наименование года проведения мобилизации.

Как уже было сказано, эту организацию того времени следовало воспринимать как чисто теоретическую организацию, поскольку она не имела положительной базы в виде людей и материальной части. Тем не менее она создавала ценную базу для создания военных организаций, что было нашей конечной целью».

Во втором абзаце говорится, что «кризис между Германией и Польшей, который постепенно обостряется, вынудил нас вместо того, чтобы делать теоретические приготовления к войне, готовиться уже практически к совершенно неизбежному германо-польскому конфликту.

Стратегическая идея быстрого захвата польской базы Гдыни была положена в основу, и действующий флот должен был быть подкреплён дополнительными силами для достижения этих стратегических целей. Все важные береговые и зенитные батареи, особенно в Пиллау и Свиномюнде должны были быть захвачены». Так в 1930 году разрабатывался план увеличения вооружённых сил. Второй абзац гласит, что «Гитлер выразил совершенно ясное политическое требование о том, чтобы в течение 5 лет — к 1 апреля 1938 г. для него были созданы вооружённые силы, которые должны стать оружием политической власти».

В документе С-189, США-44 Редер сообщает Гитлеру в июне 1934 года, что германский флот должен увеличиваться с тем, чтобы противостоять Англии и что поэтому, начиная с 1936 года и впредь, большие суда должны быть вооружены тяжёлыми орудиями, чтобы превзойти боевую технику британского корабля «Король Георг». Дальше, в последнем абзаце, имеется ссылка на требование Гитлера о том, чтобы строительство подводных лодок держалось в абсолютном секрете, особенно имея в виду Саарский плебисцит.

В ноябре 1934 года Редер имел дальнейшее совещание с Гитлером относительно финансирования военно-морских вооружений и в связи с этим Гитлер сказал ему, что в случае необходимости он попросит доктора Лея дать от 120 до 150 миллионов германских марок из «Трудового фронта» в распоряжение военно-морского флота.

Следующий документ, на который я хочу обратить внимание Трибунала, — это документ С-23, США-49, где сказано, что истинное водоизмещение некоторых германских линкоров превышает на 20 процентов водоизмещение, о котором сообщалось англичанам, и я утверждаю, что это является характерным для обманных методов, применявшихся Редером.

В документе С-166, США-48 содержится приказ о том, чтобы вспомогательные крейсера, строящиеся секретно, назывались «транспортными судами».

Затем идет документ С-29, США-46, подписанный Редером. В нем говорится о том содействии, которое оказывалось со стороны германского флота германской промышленности вооружения, и показывается тесная связь нацистских политиков, германского командного состава и германских военных промышленников. Документ С-156, представлявший под номером ВВ-214, является письмом Редера, адресованным командованию германского флота 11 июня 1940 г. Я процитирую некоторые выдержки:

«Основным предметом обсуждения среди офицеров является вопрос о торпедных действиях и проблема о том, предусматривалась ли в строительной программе до осени 1939 г. возможность начала войны еще в 1939 г. или следовало ли основные усилия направлять с самого начала на строительство подводных лодок.

Если в офицерских кругах высказывается мнение о том, что вся программа морского строительства была неправильной и что с самого начала следовало строить в основном подводные лодки, а лишь после этого перейти к строительству в основном крупных кораблей, то я должен подчеркнуть следующее:

Строительство флота проводилось на основании политических требований, установленных фюрером. До последнего момента фюрер надеялся избежать угрожавшего столкновения с Англией до 1944—1945 гг. В это время флот имел бы значительное превосходство в подводных лодках и гораздо более благоприятное положение в отношении всех других кораблей, в особенности тех, которые сконструированы для боев в открытом море.

Несмотря на политические ограничения периода Веймарской республики, была блестяще проведена далеко идущая подготовка к строительству подводных лодок, которая сделала возможным чрезвычайно быстрое развитие подводного флота как в отношении личного состава, так и в отношении материальной части, немедленно после прихода к власти.

Трибунал видит, что в этом письме Редера нет и признака нежелания содействовать программе нацистов. Наоборот, доказательства показывают, что Редер приветствовал приход нацистов к власти и стал одним из основоположников их режима.

Обвинение утверждает, что Редер больше чем кто-либо другой несет ответственность за безусловную преданность немецкого флота нацистскому движению, преданность, которую Дениц еще более сделал прочной и фанатичной.

Это довольно ценное подытоживание заслуг Редера перед нацистским движением.

В предоставленном документе говорится:

«Следует отдать должное Редеру в том, что к тому времени флот уже стал мощной боевой силой, несмотря на ограничения Версаля. После прихода национал-социализма к власти начался самый плодотворный период строительства германского флота. Фюрер открыто выразил признательность Редеру за его преданную службу и полное сотрудничество тем, что 20 апреля 1936 г. назначил его генерал-адмиралом».

Редер действительно был членом узкого круга заговорщиков и должен разделять с другими заговорщиками ответственность за действия, которые привели к вторжению Германии в Польшу в 1939 году и к началу войны.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-386, за номером США-25 — это протокол совещания в кабинете Гитлера, в имперской канцелярии, 5 ноября 1937 г. относительно вопросов, которые, как было сказано, являлись слишком важными, чтобы их обсуждать в более широком составе имперского кабинета.

Второе совещание у Гитлера состоялось 23 мая 1939 г. Протокол этого совещания имеется в документе Л-79, идущем под номером США-27. Это было совещание, на котором Гитлер подтвердил свое намерение совершить при первой возможности нападение на Польшу, хорошо зная, что это приведет к всеобщей войне в Европе.

Это были два основных совещания. Редер также присутствовал на очень многих других совещаниях.

Трибунал уже хорошо знает об активном участии Редера в военном планировании и подготовке к польской кампании и я не намереваюсь вновь повторять эти доказательства.

...После начала войны Редер показал, что он полностью овладел самым типичным приемом заговорщиков — обманом в широких масштабах. Трудно найти лучший пример для подтверждения этого, чем случай с пароходом «Атения».

Как Трибуналу известно, «Атения» была пассажирским пароходом, затопленным вечером 3 сентября 1939 г. на пути в Америку. При этом погибло около 100 человек.

23 октября 1939 г. газета нацистской партии «Фелькишер беобахтер» опубликовала под огромным заголовком сообщение о том, что «Черчилль потопил «Атению». Ссылаюсь на документ ПС-3260.

Ввиду предумышленности этого сообщения «Фелькишер беобахтер» и для того, чтобы отдать должное морякам английского торгового флота, следует сказать, что вопреки утверждению этой нацистской газетенки, «Атения» несколько раз посылая по радио сигналы о помощи, которые были перехвачены в на которые ответил английский корабль «Электра», а также норвежский пароход «Кнут Нельсон» и яхта «Южный крест».

Я представляю Трибуналу доказательства о том, что капитан подводной лодки «У-30» старший лейтенант Лемм позднее погиб в бою, но некоторые другие члены команды «У-30», которые остались в живых и были взяты в плен, рассказали правду.

Я ссылаюсь на документ С-654, ВБ-219. Письменное показание гласит:

«Я, Адольф Швидт, торжественно заявляю следующее:

В первый день войны, 3 сентября 1939 г., пароход водоизмещением около 10000 тонн был торпедирован поздно вечером подводной лодкой «У-30».

После того как этот пароход был торпедирован, и мы поднялись на поверхность, примерно через полчаса после взрыва, командир вызвал меня на мостик, чтобы показать торпедированный пароход. Я видел этот пароход своими глазами, но не думаю, чтобы наша лодка была в то время видна с парохода, учитывая свет луны. Только несколько членов команды имели возможность подняться на мостик и увидеть торпедированный

пароход. Когда я увидел судно после торпедирования, помимо меня на мостике был старший лейтенант Гинш. Я видел, что судно погружалось в воду. До пуска торпеды не было сделано предупредительного выстрела. Я заметил, что на борту торпедированного судна было большое оживление. Мне кажется, что пароход имел лишь одну трубу. Сначала были выпущены одна или две торпеды, которые не взорвались, но после этого я слышал взрыв торпеды, которая попала в пароход. Старший лейтенант Лемм выждал наступления темноты перед тем, как подняться на поверхность.

14 сентября 1939 г. я был тяжело ранен во время налета авиации. Незадолго до того как 19 сентября 1939 г. я сошел на берег в Рейкьявике, старший лейтенант Лемм утром посетил меня в каюте для унтер-офицеров, где я лежал тяжело раненный. Старший лейтенант Лемм потребовал, чтобы из комнаты все вышли, для того, чтобы остаться со мной наедине. После этого старший лейтенант Лемм показал мне письменное заявление о том, что я клянусь ничего не говорить относительно событий 3 сентября 1939 г., касающихся подводной лодки «У-30». До сегодняшнего дня я ни с кем не говорил об этих событиях. Ввиду окончания войны я считаю себя более не связанным клятвой».

Роль Деница в эпизоде с «Атенией» описывается в его письменном показании — документ Д-638, идущий под номером ВБ-220.

Подсудимый Дениц показал:

«Подводная лодка «У-30» вернулась на базу в середине сентября. Я встретился с командиром — старшим лейтенантом Леммом в Вильгельмшейне, когда лодка входила в порт и он попросил разрешения поговорить со мной наедине. Я сразу заметил, что он выглядел очень огорченным. Он сразу сказал мне, что считает себя ответственным за потопление «Атении» в северном районе Ла-Манша.

Я приказал, чтобы в качестве предварительной меры этот инцидент остался втайне. Позднее, в тот же день или утром следующего дня, я получил устный приказ от капитана Фрика — начальника оперативного отдела военно-морского штаба о том: 1) чтобы этот инцидент держался в полном секрете, 2) верховное командование флота считает, что военный суд не необходим, так как оно уверено, что командир действовал с благими намерениями, 3) политическое объяснение инцидента берет на себя верховное командование флота.

Я не имел никакого отношения к политическим событиям, в ходе которых фюрер утверждал, что ни одна немецкая подводная лодка не потопила «Атению».

Редер в качестве главнокомандующего флотом должен считаться соучастником фальшивки, опубликованной в газете «Фелькишер беобachter» 23 октября 1939 г.

Маскировка Редера, повидимому, не ограничивалась перекрашиванием кораблей и поднятием на них английского флага, как он это делал при нападении на Норвегию и Данию.

Участие Редера в обсуждении плана войны против России показано в документе С-170, США-136. Этот документ состоит из выдержек из официальных записей германского военно-морского штаба. Первая выдержка от 26 сентября 1940 г. показывает, что Редер убеждал Гитлера начать агрессию не на суше, а вести агрессивную политику на Средиземном море, при этом, конечно, флот играл бы первостепенную роль.

В выдержке сказано:

«Главкомандующий флотом на беседе у фюрера. Главкомандующий флотом представляет фюреру свои соображения относительно существующего положения: Суэцкий канал должен быть захвачен с немецкой помощью. Через Суэц — наступление на Палестину и Сирию, затем Турция — в наших руках. Тогда русская проблема будет выглядеть по-иному. Россия в основном боится Германии. Вопрос о том, потребуются ли в таком случае действия против России с севера, является сомнительным».

Затем в записи от 14 ноября сказано:

«Главкомандующий флотом на беседе у фюрера. Фюрер все еще склонен начать войну против России. Главкомандующий флотом предлагает отложить это до того, пока не будет разгромлена Англия, ибо силы Германии сильно напряжены и конца войны не видно».

Затем в записи от 27 декабря 1940 г. сказано:

«Главкомандующий военно-морским флотом серьезно возражает против проведения русской кампании до поражения Англии». Имеется запись от 18 февраля 1941 г.

«Начальник морского оперативного штаба настаивает на оккупации Мальты даже до проведения плана «Барбаросса». Имеется следующая любопытная запись от 23 февраля:

«Указание верховного командования вооруженных сил о том, что захват Мальты предполагается провести осенью 1941 г. после проведения плана «Барбаросса».

Следующая запись от 19 марта 1941 г. указывает, что к марту 1941 г. Редер начал рассматривать вопрос о том, какие перспективы для флота представляла агрессия против России. Там говорится:

«В случае проведения плана «Барбаросса», главкомандующий флотом считает, что оккупация Мурманска совершенно необходима для флота. Начальник верховного командования вооруженных сил считает, что с этим трудно согласиться».

А затем в записи от 6 июня говорится:

«Главкомандующий флота на беседе у фюрера. Меморандум начальника военно-морского оперативного штаба. Замечания относительно стратегического положения в восточной част» Средиземного моря после балканской кампании и оккупации Крита и дальнейшего ведения войны».

Несколькими фразами ниже говорится:

«Меморандум с внушительной ясностью указывает на решающие цели войны на Ближнем Востоке. Эти цели стали более осуществимы, благодаря успехам в районе Эгейского моря. В меморандуме подчеркивается, что данное благоприятное положение в наступательных целях должно быть использовано с максимальной быстротой и энергией до того, как Англия с помощью Соединенных Штатов вновь укрепит свои позиции на Ближнем Востоке. В меморандуме отмечается тот факт, что вскоре будет начата кампания против России, но содержится требование о том, что план «Барбаросса», который ввиду его огромных масштабов играет первоочередную роль в оперативных планах руководства вооруженных сил, не должен ни при каких обстоятельствах привести к прекращению или уменьшению военных действий в восточной части Средиземного моря».

После того как Гитлер принял решение напасть на Россию, Редер добивался того, чтобы флот принял активное участие в этой кампании. Первый морской оперативный план был против России особенно коварным. В записи от 15 июня 1941 г. говорится:

«По предложению начальника военно-морского оперативного штаба, немедленно разрешается использовать оружие против русских подводных лодок к югу от северной границы польского запрещенного района; следует стремиться к безжалостному уничтожению».

Подсудимый Кейтель дал характерный для него бесчестный повод к этим действиям. Это имеется в его письме (документ С-38, который представляется под номером ВБ-223). Это письмо Кейтеля датировано 15 июня 1941 г.

«Тема: Наступательные действия против подводных лодок противника в Балтийском море.

Верховному командованию военно-морских сил. Дается разрешение на наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель — южная оконечность Эйланда, если при приближении германских военно-морских сил эти лодки не могут быть определены как шведские.

Если эти действия будут предприняты до начала военных действий, то следует сослаться на то, что наши морские силы считали, что они имели дело с проникшими в этот район английскими подводными лодками».

Этот документ был составлен 15 июня 1941 г., а вторжение в Россию началось лишь 22 июня 1941 г. Тем временем еще 16 марта 1941 г., Редер настаивал на том, чтобы Гитлер расширил масштабы мировой войны, убедив Японию захватить Сингапур. Это имеется в документе С-152, ВБ-122.

20 апреля 1941 г. Гитлер согласился с предложением Редера о том, чтобы побудить Японию предпринять наступательные действия против Сингапура.

В документе С-66, ВБ-81 говорится о том, что в то время фюрер был полон решимости произвести неожиданное нападение на Россию независимо от того, какова будет позиция России в отношении Германии.

В течение всей своей карьеры Редер полностью пренебрегал любыми международными правилами или обычаями ведения войны.

Сам Редер чрезвычайно ясно определил свою позицию в документе РОК-65 под номером ВБ-224. Этот документ представляет собой пространный меморандум, составленный Редером и германским морским штабом 15 октября 1939 г., то есть лишь через несколько недель после начала войны. Это меморандум по вопросу об усилении войны на море.

«В своей морской стратегии мы должны будем как можно быстрее использовать все военные средства, находящиеся в нашем распоряжении. Можно с уверенностью ожидать военных успехов в том случае, если мы будем нападать на английские морские коммуникации с полной безжалостностью. Конечная цель этих нападений заключается в том, чтобы прекратить всякий импорт и экспорт Великобритании. Интересы нейтральных стран следует учитывать постольку, поскольку это возможно.:

без нанесения ущерба военным целям. Желательно проводить все принятые военные меры на базе существующего международного права. Однако меры, которые представляются необходимыми с военной точки

зрения, должны быть проведены, при условии, что они принесут желательный успех, даже если они не предусмотрены существующими нормами международного права».

И далее на следующей странице:

«Поэтому в принципе любые средства морской войны, которые будут способствовать тому, чтобы сломить сопротивление врага, должны быть использованы под любыми правовыми предложениями (какими именно, не указано), даже если это потребует создания нового кодекса морской войны».

«Верховный военный совет должен будет решить, какие меры военного и правового характера должны быть приняты. После того, как из военных соображений решено вести экономическую войну в самой безжалостной форме, это решение должно проводиться при всех обстоятельствах и ни при каких обстоятельствах такое решение о ведении самой безжалостной формы морской войны не может быть отвергнуто или отменено в силу политического нажима со стороны нейтральных держав. Это произошло во время первой мировой войны и нанесло нам ущерб. Все протесты нейтральных держав должны отклоняться. Далее угроза того, что другие страны, включая Соединенные Штаты, вступят в войну (чего с уверенностью можно ожидать, если война затянется), не должна привести к ослаблению установленных форм экономической войны. Чем более безжалостно будет вестись экономическая война, тем скорее мы добьемся результатов и тем скорее закончится война. Экономические последствия таких военных мер в отношении нашей собственной военной экономики должны быть учтены и компенсированы путем реорганизаций германской военной экономики и изменения соглашений с нейтральными государствами. Если необходимо, с этой целью должен быть применен сильный политический и экономический нажим».

Документ С-27, ВВ-225. Это протокол совещания Гитлера с Редером от 30 декабря 1939 г.

Во втором абзаце говорится:

«Начальник военно-морского штаба просит, чтобы морской штаб получил полную власть в деле принятия любых мер, требуемых положением и необходимых для ведения войны. Фюрер в принципе согласен с тем, чтобы без предупреждения топить греческие суда и суда нейтральных стран в тех частях американской запрещенной зоны, в отношении которых можно создать фикцию о минной опасности, как, например, в Бристольском заливе».

В то время греческие корабли были нейтральными, и это еще раз подтверждает тот факт, что Редер был человеком, лишенным всяких принципов. Это подстрекательство к преступлениям является типичным примером.

Директива от 30 декабря 1939 г. была издана верховным командованием вооруженных сил за подписью подсудимого Иодля — документ С-] 2, ВВ-226. Он гласит:

«30 декабря 1939 г., в соответствии с докладом главнокомандующего флотом, фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами приняли следующее решение:

1) Греческие торговые суда в районе Англии, который объявлен запретной зоной, должны рассматриваться как 'суда противника.

2) В Бристольском заливе все судоходство может быть подвергнуто нападению без предупреждения, когда можно создать впечатление, что произошел инцидент с минами.

Оба мероприятия вступают в силу немедленно».

Другой пример позиции германского флота под командованием Редера в отношении нейтрального судоходства можно найти в записи из дневника Иодля.

Председатель: Может быть вам следует зачитать пометку карандашом?

Джонс: Пометка карандашом на документе С-12 гласит: «Добавить к пункту (1) —'следует производить нападение, не будучи видимым. В случае заявления протестов, следует опровергать утверждения о потоплении этих судов».

Запись Иодля от 16 июня 1942 г., документ ПС-1807, под номером ВВ-227. Эта выдержка из дневника Иодля, датированная 16 июня 1942 г., гласит:

«29 мая оперативный штаб флота просил разрешения совершать нападения на бразильские морские и военно-воздушные силы. Морской штаб считает, что в настоящий момент внезапный удар по бразильским военным и торговым судам является целесообразным:

а) потому, что меры по обороне все еще не закончены;

б) потому, что имеется возможность совершать нападения внезапно;

в) потому, что Бразилия фактически ведет морскую войну против Германии».

Война же между Германией и Бразилией началась лишь 22 августа 1942 г.

28 октября 1942 г., как показывает документ С-179, США-543, начальник оперативного отдела морского штаба передал морским офицерам приказ Гитлера от 18 октября 1942 г. относительно расстрела десантников. Этот документ датирован 28 октября 1942 г. и гласит:

«Прилагается приказ фюрера относительно уничтожения террористических и диверсионных частей. Этот приказ не должен распространяться в письменном виде командирами флотилий, частей и другими офицерами подобного ранга. После устной передачи младшим командирам, вышеуказанные офицеры должны передать этот приказ вышестоящему офицеру, который будет нести ответственность за уничтожение документа».

Ничто не показывает так ясно, как эти указания, что морское командование понимало, что это были преступные приказы.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ВИЛЬГЕЛЬМА КЕЙТЕЛЯ

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 5 апреля 1946 г.}*

*Руденко:*¹ Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

¹ Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.—Составители,

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры и служил сначала в качестве простого солдата и, пройдя затем все последующие чины — ефрейтора, унтер-офицера — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 г., затем около шести лет полковым адъютантом, во время первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 г. был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк.

Руденко: Какую военную подготовку и военный чин имел Гитлер?

Кейтель: Лишь немного лет назад я узнал от самого Гитлера, что он после окончания первой мировой войны якобы был лейтенантом в одном из баварских пехотных полков. Во время войны он был простым солдатом, затем он получил чин ефрейтора, очень может быть, что в последнее время он получил чин унтер-офицера.

Руденко: Не следует ли сделать вывод, что вы, обладая солидной военной подготовкой и большим опытом, имели возможность оказывать существенное влияние на Гитлера при решении военно-стратегических и других вопросов, касающихся вооруженных сил? Вы не станете отрицать, что в силу своего опыта и военной подготовки вы являлись советником Гитлера в ряде важнейших вопросов?

Кейтель: Я относился к его ближайшему военному окружению.

Руденко: С какого времени, вы считаете, началось ваше сотрудничество с Гитлером?

Кейтель: Как раз в тот день, когда я был призван на эту должность, 4 февраля 1938 г.

Руденко: Итак, вы работали в контакте с Гитлером весь период подготовки и осуществления агрессивной войны?

Кейтель: Да, мне кажется, что я уже дал все нужные разъяснения относительно того, как для меня, оказавшегося в этой ситуации, развивались события, уготовившие мне много неожиданностей.

Руденко: Кто, кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ был приравнен к рангу министра рейха?

Кейтель: Ранг имперского министра имели три главнокомандующих составными частями вооруженных сил, причем главнокомандующий военно-воздушным флотом рейхсмаршал Геринг был, кроме того, имперским министром авиации, точно так же и я, как я уже показал вчера, приравнивался по рангу к рейхсминистру, но я не имел полномочий министра и не назывался министром.

Руденко: Какой орган, начиная с февраля 1938 года, выполнял функции военного министерства?

Кейтель: До последних дней января или первых дней февраля тогдашний имперский военный министр фон Бломберг. После 4 февраля, как известно, не существовало больше ни военного министерства, ни военного министра.

Руденко: Я поэтому вас и спрашиваю, какой орган заменял и выполнял функции военного министерства, зная, что этого министерства не было?

Кейтель: Я вместе с управлением вооруженных сил, тогдашним штабом военного министерства, во главе которого я стоял, вел дела дальше, распределив их, как я указал, то есть передав все высшие полномочия главнокомандующим составными частями вооруженных сил. Но это был не мой приказ, а приказ Гитлера.

Руденко: Из представленной вами суду схемы видно, что ОКВ являлось центральным объединяющим и высшим военным звеном в рейхе, непосредственно подчиненным Гитлеру. Правильно сделать такой вывод?

Кейтель: Да. Это был штаб, военный штаб Гитлера.

Руденко: Кто непосредственно в ОКВ руководил разработкой военно-стратегических планов? Я имею в виду планы нападения на Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Голландию, Францию, Норвегию, Югославию и Советский Союз.

Кейтель: Все оперативные, стратегические планы разрабатывались по поручению Гитлера главнокомандующими составных частей вооруженных сил, например, в сухопутных войсках — ОКХ и генеральным штабом сухопутных сил. После чего об этих планах докладывалось Гитлеру и затем принимались соответствующие решения.

Руденко: Я хочу вас спросить в связи с Югославией о следующем. Признаете ли вы, что изданная за вашей подписью директива о предварительном разделении Югославии является документом "большого политического и международного значения, которым предусмотрено фактическое уничтожение Югославии как государства?"

Кейтель: Я не сделал ничего, помимо оформления письменного распоряжения Гитлера, и препроводил его в инстанции, которых это интересовало и касалось. Я не мог оказать ни личного, ни политического влияния на решение этого вопроса.

Руденко: Согласны ли вы, что при прямом участии ОКВ организовывались провокационные акции для создания повода к германской агрессии и для оправдания этой агрессии в глазах общественного мнения?

Кейтель: Я не принимал участия в подготовке каких-либо инцидентов, и военные инстанции по желанию Гитлера никогда не принимали участия в обсуждении, подготовке, разработке или проведении такого рода инцидентов. Под инцидентом подразумевается провокация.

Руденко: Какое участие принимало ОКВ в обеспечении вооружения «фрайкора» в Судетах?

Кейтель: Я не осведомлен о том, что какая-либо военная инстанция, если можно так выразиться, поставляла или направляла туда тайным образом оружие. Я об этом не знаю.

Руденко: Кто и почему издал приказ об оккупации Моравской Остравы и Витковиц германскими военными частями 14 марта 1939 г., после полудня, когда президент Гаха еще находился в пути в Берлин с целью переговоров с Гитлером?

Кейтель: Под конец фюрер решил издать этот приказ. Были сделаны приготовления с тем, чтобы внезапно, до планировавшегося ранее вступления в Чехословакию, занять этот район, где находился известный крупный современный сталелитейный завод, расположенный в Моравской Остраве, я не могу сейчас вспомнить, как он называется.

Гитлер мне оказал, что причина такого решения заключается в том, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы поляки внезапно напали с севера и чтобы, кроме того, на всякий случай завладеть наиболее модернизированным прокатным заводом. Все это он привел мне в качестве причины операции.

Руденко: Но в это же время президент Гаха ехал в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером?

Кейтель: Да, это правильно.

Руденко: Это вероломство!

Кейтель: Мне не кажется, что я должен давать свою оценку этих событий. Правильно то, что эта оккупация состоялась в указанный вечер. Причем я уже указал, что президент Гаха узнал об этом лишь тогда, когда он приехал в Берлин.

Руденко: Я имею к вам несколько вопросов в связи с агрессией против Советского Союза. Вы вчера давали уже Трибуналу по этому поводу показания. Вы изложили свою позицию по поводу нападения на Советский Союз. Но вы заявили Трибуналу, что распоряжение о подготовке варианта «Барбаросса» последовало в начале декабря 1940 года?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы точно это припоминаете и утверждаете?

Кейтель: Я не знаю, как точнее сказать, я не вспоминаю о каком-то определенном приказе главного командования вооруженных сил, которое издало бы соответствующие распоряжения о плане, названном просто «Барбаросса». Правда, в сентябре было издано указание, в котором говорилось о транспорте и железных дорогах и тому подобных вещах. Подписал ли я такое указание — я сейчас не помню. Тогда действительно было издано такое подготовительное указание, которое ставило своей целью улучшение средств сообщения между Западом и Востоком.

Руденко: Впервые вы узнали о замыслах Гитлера о нападении на Советский Союз летом 1940 года?

Кейтель: Нет. Записанный в дневнике Иодля разговор относится к лету 1940 года. Вы, очевидно, имеее сейчас в виду тот разговор, который записан в дневнике Иодля, но я не присутствовал на этой, очевидно, очень краткой и беглой беседе. Размышления, которые у меня были в то время, подтверждают то обстоятельство, что я не слышал этого разговора, потому что я в то время постоянно находился в разъездах, летал на самолете и не присутствовал на совещаниях, где обсуждалось военное положение.

Руденко: А когда у вас происходила беседа с Риббентропом?

Кейтель: Это было, очевидно, в последние дни августа или в начале сентября. Точной даты я, однако, сообщить не могу. Я восстанавливаю этот период в моей памяти, исходя из того, что приблизительно 10 августа я вновь прибыл в Берхтесгаден и в последующее время составил гот меморандум, о котором я говорил.

Руденко: Итак, вы утверждаете, что впервые о замыслах Гитлера напасть на Советский Союз вы узнали из беседы с Риббентропом?

Кейтель: Нет, дело в том, что после того, как я 14 дней отсутствовал в Берхтесгадене, находясь частично в отпуску, частично при исполнении служебных обязанностей в Берлине, я возвратился в главную ставку и затем в один из следующих за моим прибытием дней, приблизительно

в середине августа, я услышал впервые об этих планах Гитлера. После этого мной был составлен меморандум.

Руденко: Таким образом, правильно я вам ставлю вопрос, что вы летом 1940 года узнали о замыслах Гитлера?

Кейтель: Да.

Руденко: Я хотел бы напомнить вам показания свидетеля Паулюса, которые он дал здесь, перед Трибуналом, 11 февраля сего года. Паулюс, как вы припоминаете, сообщил Трибуналу, что при поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г. он среди прочих планировок застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под названием «Барбаросса». Вы припоминаете это свидетельство Паулюса?

Кейтель: Я помню лишь то, что он сказал, что там имелся план проведения маневров, что, когда он был переведен на должность в ОКХ в генеральный штаб, он обнаружил там соответствующий документ. Этот документ мне неизвестен и не мог быть известным, так как документы и материалы генерального штаба никогда не находились в моем распоряжении, и я никогда не видел их.

Руденко: Стало быть, я хочу установить одно обстоятельство: вы отрицаете, что в сентябре 1940 года в ОКХ уже велись разработки в связи с вариантом «Барбаросса»?

Кейтель: Если имеется свидетельство генерал-фельдмаршала Паулюса, то я не могу сказать, что оно неправильно, потому что я не могу знать, было ли это так в действительности. Я не могу этого ни оспаривать, ни утверждать.

Руденко: Вы заявили Трибуналу, что вы были противником войны с Советским Союзом?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?

Кейтель: Да, не только изменить этот план, но вообще отказаться от этого плана и не вести войны против Советского Союза. В этом заключался смысл моего меморандума.

Руденко: Сейчас я хочу вас спросить об известном вам, очевидно, совещании, которое произошло через три недели после нападения Германии на Советский Союз, о совещании 16 июля 1941 г. Вы припоминаете это совещание, которое было посвящено вопросу о задачах войны против Советского Союза?

Кейтель: Нет, я сейчас не помню.

Руденко: Я не намерен вам сейчас предъявлять этот документ. Если вспоминаете, я его предъявлял подсудимому Герингу, когда речь шла о расчленении Советского Союза, вспоминаете?

Кейтель: Да, этот документ я знаю. Я уже здесь, во время моего допроса охарактеризовал этот документ как запись рейхслейтера Бормана.

Руденко: Правильно.

Кейтель: Я тогда также показал, что меня пригласили участвовать лишь во второй половине этого совещания, я не присутствовал на первой половине совещания. Я также показал, что этот документ не являет-

ся протоколом, а свободной продиктованной записью рейхслейтера Бормана.

Руденко: Но вы припоминаете, что уже тогда — 16 июля ставился вопрос о присоединении к Германии Крыма, Прибалтики, волжских районов, Украины, Белоруссии и других территорий.

Кейтель: Нет, мне кажется, что об этом говорилось на первой половине совещания. Я помню о той части совещания, когда обсуждался вопрос о кадрах, об определенных лицах, которые должны были быть назначены. Это я припоминаю. Эту запись я увидел только здесь, раньше я не знал о ней, на первой половине этого совещания я не присутствовал.

Руденко: Тогда позвольте спросить вас иначе. Какие конечные цели ставил Гитлер и его окружение в войне против Советского Союза?

Кейтель: Я считал, основываясь на тех заявлениях, которые мне сделал Гитлер, что более глубокие причины этой войны заключались в том, что он был убежден, что в течение ближайших лет между великой славянской коммунистической империей и великой германской империей национал-социализма так или иначе вспыхнет война и если столкновение между этими двумя народами неизбежно, то гораздо лучше, чтобы оно произошло сейчас, а не позже. Вот, как я могу приблизительно все это сформулировать.

Руденко: И вы утверждаете под присягой, что вам было неизвестно о гитлеровских планах захватить территории Советского Союза и колонизировать их?

Кейтель: Нет, в такой форме это не говорилось. Я, конечно, сознавал, что предполагалось сделать прибалтийские провинции зависимыми от Германии, установить между Украиной и Германией тесные экономические отношения в области снабжения продуктами питания, но мне не были известны конкретные объекты, которые должны были быть завоеваны, и если эти вопросы когда-нибудь и затрагивались, то я к ним не относился серьезно.

Руденко: Известно ли вам было, что на этом совещании 16 июля Гитлер заявил о необходимости стереть с лица земли Ленинград?

Кейтель: Я действительно знаю документ, изданный военно-морскими силами. Мне также известен 2-й документ, который содержал краткую директиву, мне кажется, по поручению Иодля, относительно Ленинграда. Меня уже допрашивали по этим двум документам. Я могу по этому поводу лишь констатировать, что ни действия германской авиации, ни обстрел осадной артиллерией не произвели тех разрушений, какие имели место позже в других местах. До этого дело не дошло, этого в действительности не было. Насколько мне известно, систематического обстрела Ленинграда не было. Поэтому можно констатировать лишь то, что я сказал тогда под присягой представителям советской делегации.

Руденко: Вы утверждаете, что Ленинград никогда не обстреливался?

Кейтель: Конечно, артиллерия действовала в районе Ленинграда. Но обстрел не ставил своей целью разрушение города, до этого дело не дошло.

Руденко: И вам известно, что в приказе за подписью подсудимого Иодля говорится также о разрушении города Москвы?

Кейтель: Сейчас я этого точно не знаю, так как тогда, как я сам видел, речь шла только о Ленинграде. Если это имеется в протоколе, го я не хочу оспаривать.

Руденко: Я вас спрашиваю: приказы по линии ОКВ издаются для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: Во-первых, директива или указание, изданное военно-морскими силами, не является приказом, исходящим от ОКВ, и его происхождение мне неизвестно, а короткий приказ Йодля, исходящий от ОКВ, был составлен, когда я отсутствовал, как я уже говорил. Если бы я в тот момент находился там, то я, вероятно, подписал бы его, но меня тогда не было и я не знаю предпосылок и обсуждений, обусловивших это указание.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Я спрашиваю: приказы издаются для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: То, о чем мы сейчас говорим, указание, а не приказ. Приказ может быть издан только руководящей на данном участке инстанцией сухопутных сил. Это была директива, где излагалась цель и намерение.

Руденко: А указания, исходящие из ОКВ, подлежат исполнению?

Кейтель: Конечно, они должны выполняться.

Руденко: Что касается вашего заявления по поводу того, что никто не обстреливал Ленинград, то оно не нуждается в опровержении, ибо разрушения Ленинграда — общеизвестный факт.

Кейтель: Я разрешу себе заметить, что я не издавал этого приказа. Поэтому я и не знаю этого.

Руденко: Вам известно, что до начала войны с Советским Союзом подсудимым Герингом была издана так называемая «Зеленая папка», содержащая директивы по руководству экономикой подлежащих оккупации районов СССР?

Кейтель: Да, это мне известно.

Руденко: Вы подтверждаете, что своим распоряжением от 16 июня 1941 г. вы дали указание всем германским вооруженным силам о неуклонном выполнении этих директив?

Кейтель: Да, имеется указание, которое доводит до сведения всех войсковых частей, какие организации используются для осуществления Сольских задач и какого рода ответственность при этом существует. Далее говорилось, что все военные инстанции сухопутных сил должны действовать в полном соответствии с указанием. Я препроводил это указание всем соответствующим инстанциям, не издал его, а препроводил другим инстанциям.

Руденко: Это было ваше указание или вы только исполняли указание фюрера?

Кейтель: Я лишь передавал данные мне фюрером поручения. Я вообще не мог давать приказов рейхсмаршалу Герингу в этом направлении.

Руденко: Вы дали приказ не рейхсмаршалу Герингу, а приказ вооруженным силам?

Кейтель: Я ему и не мог давать приказов, я мог лишь повеление фюрера довести до сведения главнокомандующего сухопутными силами, который в свою очередь должен был сообщить о нем дальше своим войскам.

Руденко: Вы не расходились с этим желанием фюрера?

Кейтель: Я не возражал, поскольку здесь речь шла о задачах ОКВ.

Руденко: Вы подтверждаете, что в этом распоряжении вами была

поставлена задача немедленной и полной эксплуатации оккупированных •областей Советского Союза в интересах военной экономики Германии?

Кейтель: Такого рода приказ, где говорилось о целях и задачах, которые должны были осуществляться экономической организацией «Ольденбург», я не издавал. Я передал лишь основное содержание «Зеленой папки» ОКХ, чтобы потом были даны дальнейшие распоряжения.

Руденко: Вы признаете, что директивы, содержащиеся в «Зеленой папке» Геринга были направлены на разграбление материальных ценностей Советского Союза и имущества его граждан?

Кейтель: Нет, по моему мнению, об уничтожении в «Зеленой папке» ничего не говорилось. Вместо уничтожения следует сказать использование лишних продуктов, главным образом в области питания, а сырье должно было использоваться для военной экономики Германии, а не уничтожаться.

Руденко: Это вы не считаете грабежом?

Кейтель: Слова: военные трофеи, использование запасов, обнаруженных во время военных действий, грабеж и тому подобное являются понятиями, которые, как мне кажется, не должны здесь дефинироваться.

Руденко: Хорошо,, не будем спорить.

Я имею к вам последний вопрос в связи с нападением на Советский Союз. Согласны ли вы с тем, что способы ведения германской армией войны на Востоке самым резким образом расходились с элементарным представлением о воинской чести армии и с понятием военной необходимости и целесообразности?

Кейтель: Нет, я не могу признать этого в такой форме.

Руденко: Какие задачи ставились немецким верховным главнокомандованием перед германскими вооруженными силами в случае успешного для Германии окончания войны против Советского Союза?

Вы очевидно, знакомы с документом «Руководство морской войной», который был уже запроектирован 8 августа 1941 г. по вопросу задач дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании. Речь идет о разработке планов вторжения в Иран, Сирию, Египет. Вы знаете этот документ?

Кейтель: Этот документ я вижу в первый раз, здесь на процессе.

•Он начинается предложением: «У штаба военно-морских сил имеется проект директивы относительно дальнейших планов после окончания восточной кампании». Этого указания или этого приказа военно-морских сил я никогда не видел и не мог его видеть. Этот проект директивы должен был, очевидно, исходить из ОКВ, в штабе оперативного руководства имелись офицеры армии, флота и авиации. Очень может быть, что здесь

•в форме проектов директивы изложены мысли, которые в свое время
•были доведены до сведения офицеров штаба оперативного руководства. Я сейчас не помню такой директивы штаба оперативного руководства. Может быть Йодль даст сведения об этом.

Руденко: Но вы видели, что этот документ планирует захват Гибралтара при активном участии Испании, он планирует нападение на Сирию, Палестину в направлении на Египет и т. д. Вы говорите, что об этом документе вы не имеете представления?

Кейтель: Я охотно дам объяснение по этому поводу, а именно: захват Гибралтара, который является входом в Средиземное море, был запланирован на предыдущую зиму 1939/40 года, но этот план не был

реализован. Мне кажется, что и в том не было ничего нового. Но остальное, о чем упоминалось в проекте, было лишь выражением идей, которые возникали в связи с той обстановкой, которая создалась в ходе операции севернее Кавказа. Я отнюдь не собираюсь утверждать, что это были идеи, которые не занимали умы. Но я просто этого не помню, я не читал всех документов и бумажек, которые исходили из оперативного штаба в виде проектов.

Руденко: Если такие документы, как вопрос о захвате стран, считаются бумажками, тогда что же у вас считается важными документами?

Кейтель: Я могу сказать лишь следующее, что является вполне искренним и соответствует действительности. Во время войны составляются некоторые планы, обдумываются различные возможности, которые не реализуются в суровой действительности, да и подчас не могут быть реализованы и поэтому уже потом с исторической точки зрения нельзя рассматривать эти бумажки как выражение воли всего оперативного и стратегического военного командования.

Руденко: Согласен, что с исторической точки зрения этот документ сейчас значения не имеет. Но в плане германского генерального штаба, который полагал, что он победит Советский Союз, этот документ тогда приобретал другое значение.

Перехожу к вопросам зверств и вашего отношения к этим преступлениям. Ваш защитник Нельте предъявил вам основные документы обвинения по вопросам злодеяний. Поэтому я не намерен их предъявлять и подробно останавливаться на них. Я только спрошу об основных документах, которые были представлены во время допроса вашим защитником.

Прежде всего, я обращаюсь к документу: «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941 г. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом. Вы помните, в этом документе, составленном до начала войны, указывалось, что заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру и последний решает вопрос, должны ли они быть расстреляны. Вы помните это положение? Вы подписывали этот документ?

Кейтель: Да. Я никогда не оспаривал этого.

Руденко: Вы заявляете сейчас, что право офицера расстреливать людей без суда и следствия недопустимо?

Кейтель: В германской армии уже издавна как для своих солдат, так и для солдат противника имелись военнополевые суды (штандгерихте), состоявшие всегда из одного офицера и одного-двух солдат, которые втроем выступали в качестве судей. Это мы называем военнополевым судом (штандгерихт). В этом суде должен всегда присутствовать в качестве старшего офицер.

Руденко: Но этим документом устранялось судебное разбирательство дел в отношении заподозренных лиц и право расстрела предоставлялось офицеру германской армии? Правильно это?

Кейтель: Да. В случае, если были заподозрены германские солдаты, это было так и это допускалось. Имеется военный суд, который состоит из судейских чиновников и имеется военнополевой суд, который состоит из солдат. Последние имеют право в результате слушания дела в воен-

тополевым суде выносить приговор в отношении любого солдата германской армии и приводить его в исполнение.

Председатель: Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был задан: какое право дает этот документ, а не каковы вообще приказы в германской армии.

Руденко: Вы можете ответить мне на этот вопрос? Этот документ устранял судебное разбирательство и предоставлял право расстреливать заподозренных, как здесь говорится, офицеру германской армии?

Кейтель: Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Гитлер отдал этот приказ мне, и я поставил свою подпись.

Руденко: Вы, фельдмаршал, считали этот приказ неправильным и все же подписали его?

Кейтель: Я не могу вам сказать больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

Руденко: Этот приказ датирован 13 мая 1941 г., то есть издан больше чем за месяц до войны. Таким образом, вами заранее планировалось убийство людей?

Кейтель: Правильно то, что этот приказ действительно был издан за четыре недели до начала похода по плану «Барбаросса» и что за четыре недели до этого о нем сообщили генералам. Они знали об этом уже за несколько недель до начала войны.

Руденко: Этим распоряжением фактически устанавливалась обстановка безнаказанности для германских солдат и офицеров за произвол и беззакония?

Кейтель: В определенных границах, а граница устанавливалась в устных приказах, предназначенных для генералов и требовавших от своих собственных частей самой строгой дисциплины.

Руденко: Я думаю, вы, подсудимый Кейтель, эти «определенные границы» видели из представленных документов здесь на суде и из кинодокументов. Я ставлю следующий вопрос. 12 мая 1941 г. был разработан вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ?

Кейтель: Я в настоящий момент не могу знать, какой документ вы имеете в виду.

Руденко: Я имею в виду документ от 12 мая 1941 г., которым устанавливалось, чтобы политических руководителей Красной Армии не признавать военнопленными, а уничтожать.

Кейтель: Я видел лишь предварительные замечания по этому поводу. Я не помню сейчас документа. Обстоятельства дела мне неизвестны. О содержании документа я не могу в данный момент вспомнить.

Руденко: Это документ от 12 мая 1941 г. Он озаглавлен «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками».

Кейтель: Это не приказ. Это — просто докладная записка из отдела обороны страны с замечанием о том, что не достаёт еще соответствующих решений фюрера. Докладная записка основана на предложении, сделанном в одном приказе. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел эту докладную записку, но результаты доклада не зафиксированы, здесь только говорится о предложении относительно урегулирования данного вопроса в духе упомянутого предложения, о чем сообщили затем

сухопутным силам, когда фюрер одобрил его, или, обсудив с главнокомандующим сухопутными силами, разрешил этот вопрос.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете этого?

Кейтель: Пет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны, генералами в данном документе.

Руденко: Подсудимый Кейтель, я вас спрашиваю о приказе, изданном для подавления освободительного движения в оккупированных областях. Это приказ от 16 сентября 1941 г. (номер СССР-98). Вам вчера ваш защитник показал этот приказ. Я вам напомню одно место из этого приказа. Там говорится:

«Чтобы в корне задуть недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение...» И — дальше: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Вы помните это положение, основное положение приказа, что «человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит». Помните вы эту фразу?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы подписывали этот приказ с этим утверждением?

Кейтель: Да... Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на юго-востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не принималась в расчет в том объеме, в котором это следовало. Это мнение было известно из фактов, которые относятся ко многим годам.

Руденко: Вы говорите, что эти слова не стоят в приказе?

Кейтель: Насколько я знаю, там так не написано. Там написано, что «человеческая жизнь мало стоит». Это по моим воспоминаниям.

Руденко: Я вам напомню. Когда вас допрашивал генерал Александров 9 января 1946 г., на вопрос по существу этой фразы вы ответили: «эту фразу я должен признать подлинной, но ее фюрер сам лично сюда включил». Теперь вы вспомнили? Вы так ответили?

Кейтель: Это соответствует действительности.

Я вчера не прочитал всех пунктов этого приказа, я признал только то, что он действительно существовал.

Руденко: Господин председатель, я сейчас предъявлю подсудимому этот приказ.

Подсудимый Кейтель, вы ознакомились?

Кейтель: Да, текст на немецком языке следующий:

«В соответствующих странах человеческая жизнь часто ничего не стоит».

Руденко: И дальше.

Кейтель: Так точно, сейчас. «И устрашающие действия могут быть достигнуты путем необычайной жестокости, как искупление за жизнь немецких солдат».

Руденко: Ясно. В этом же приказе в пункте «Б» говорится:

«Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как пра-

вило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия». Правильно?

Кейтель: Немецкий текст несколько другой. «В этих случаях необходимо вообще устанавливать смертную казнь для 50—100 человек». Это — немецкий текст.

Руденко: За одного немецкого солдата?

Кейтель: Это я знаю, и это я видел здесь.

Руденко: Я вас спрашиваю: подписывая этот приказ, вы этим самым высказали и свое мнение об этих жестоких мероприятиях, то есть были согласны с Гитлером?

Кейтель: Я этот приказ подписал, однако, те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно личными изменениями Гитлера.

Руденко: А какие числа вы представили Гитлеру?

Кейтель: Пять-десять человек. Это — та цифра, которую я указал в оригинале.

Руденко: Значит, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

Кейтель: Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать несколько человеческих жизней.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был таков: действительно ли расхождение между вами и Гитлером при составлении этого документа заключалось в цифрах, и на этот вопрос вполне можно ответить «да» или «нет». Действительно ли вы расходились во взглядах только по вопросу о цифрах?

Кейтель: Тогда я должен сказать, что существовало принципиальное разногласие, которое, однако, в последнем счете не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ, этого требовала занимаемая мною должность. Имелась принципиальная разница в отношении решения всего вопроса.

Руденко: Я хочу напомнить еще об одном приказе. Это приказ от 16 декабря 1942 г. Документ предъявлен суду под номером СССР-16. Я также не буду подробно вас спрашивать об этом приказе. Этот приказ вам вчера предъявлялся вашей защитой здесь.

Кейтель: Я не помню этого документа. Я не помню о том, что он был предъявлен вчера.

Руденко: Хорошо. Я предъявлю этот документ, чтобы освежить вашу память.

Я буду вас спрашивать, подсудимый Кейтель, по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа (третий абзац) обратите внимание на следующую фразу:

«Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Вы нашли это место?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы нашли место, в котором дается указание применять любые средства без ограничения против женщин и детей?

Кейтель: «Без ограничения по отношению к женщинам и детям применять любые средства, если это необходимо». Я нашел это место.

Руденко: Я именно об этом и спрашиваю вас. Я спрашиваю вас, подсудимый Кейтель, фельдмаршал бывшей германской армии, вы считаете правильным этот приказ — применять любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалить из района боевых действий или района действий партизанских банд, однако никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда.

Руденко: Устранить (термин германский) — это значит убить?

Кейтель: Нет. Мне кажется, что никогда не было необходимости говорить немецким солдатам, чтобы они не убивали женщин и детей.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Вы считаете правильным этот приказ в отношении мер против женщин и детей или неправильным? Вы ответьте — да или нет? Правильно или неправильно?

Кейтель: Я считал правильными эти мероприятия и признаю, что они проводились, но это ни в коей степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.

Руденко: Любые средства включают убийство?

Кейтель: Да, но не по отношению к женщинам и детям.

Руденко: Но в приказе сказано: любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Нет, там написано «...не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей». Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла прийти в голову мысль убивать женщин и детей.

Руденко: А в действительности?

Кейтель: Я не могу в каждом отдельном случае подтвердить это, так как я этого не знаю и так как я не мог быть во всех местах и не получал донесений об этом.

Руденко: Но таких случаев были миллионы.

Кейтель: Это мне неизвестно, но я не верю, что это происходило в миллионах случаев.

Руденко: Сейчас я хочу обратиться к вопросу об обращении с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать по вопросу о клеймении советских военнопленных и других фактах, они достаточно известны Трибуналу. Я вас хочу спросить по поводу одного документа — доклада Канариса от 15 сентября 1941 г. Он зарегистрирован под номером ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исключительный произвол и беззаконие, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этом докладе Канарис указывал на массовые убийства советских военнопленных и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола.

Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

Кейтель: Я вчера уже ответил моему защитнику...

Руденко: Вы можете ответить кратко на мой вопрос — вы были согласны?

Кейтель: Я коротко отвечу, что по получении этого письма я немедленно доложил о нем фюреру, в особенности в связи с двумя нотами народного комиссара по иностранным делам от начала июля, и просил

снова принять решение по этому вопросу. Я разделял в общем сомнения Канариса...

Руденко: Разделяли? Очень хорошо. Я вам предъявлю сейчас подлинник доклада Канариса, на котором есть ваша резолюция.

Г-н председа гель, я сейчас предъявляю подсудимому документ с его резолюцией.

Председатель: У вас имеется оригинал этого документа?

Руденко: Да, я дал его подсудимому. Итак, следите, подсудимый Кейтель.

Кейтель: Я знаю этот документ с пометками на полях.

Руденко: Вы следите за резолюцией. Это документ Канариса, который вы считаете правильным. Ваша резолюция следующего содержания:

«Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».

Кейтель: Да, это я написал в качестве решения после доклада фюреру... Я это написал.

Руденко: Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано: «я... покрываю» — Кейтель, стало быть.

Кейтель: Это я признаю здесь под присягой, и я уже ранее говорил это, до того, когда я это прочел.

Руденко: Значит, вы признаете эту резолюцию? Еще на одно место в этом документе я обращаю внимание, на страницу 2. В докладе Канариса говорится:

«Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе, производится оперативными командами полиции безопасности и СД, согласно инструкциям, которые неизвестны органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить».

Это пишет Канарис, а на полях документа против этого текста ваша, подсудимый Кейтель, резолюция: «Вполне целесообразно». Правильно? Вы нашли эту резолюцию?

Кейтель: Да, именно это «целесообразно» относится к тому, что части вооруженных сил не имеют ничего общего с оперативными командами и ничего не знают о них. Там стоит, что они им неизвестны.

Руденко: И к тому, что полиция безопасности и СД расправляются с этими гражданскими лицами и военнопленными? Вы считаете это целесообразным?

Кейтель: Нет, я считал целесообразным то, чтобы части вооруженных сил не знали ничего о деятельности этих команд. Это я хотел сказать этой пометкой. В тексте я подчеркнул слово «неизвестно».

Руденко: Я спрашиваю вас, в связи с этой резолюцией, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед Трибуналом, называвший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

Кейтель: Я подписал оба приказа и тем самым несу ответственность в связи с занимаемой мною должностью. Я беру на себя эту ответственность.

Руденко: Вы здесь неоднократно говорили о солдатском долге. Я хочу вас спросить, совместимо ли с понятиями «солдатский долг» и

«честь офицера» издание таких приказов о репрессиях в отношении военнопленных и мирных граждан?

Кейтель: В той степени, в которой это касается репрессий в августе и сентябре.

Руденко: Подсудимый Кейтель, мы же вчера установили, что, еще в мае 1941 года, до начала войны, вы подписали директиву о расстреле политических и военных работников Красной Армии.

Кейтель: Да, эти приказы перед началом войны я подписал, но в них не содержится слово «убийство».

Руденко: Я не намерен спорить, так как это значит спорить против документов, а документы говорят сами за себя. Я имею к вам несколько последних вопросов. Вы заявили Трибуналу, что генералы германской армии только слепо выполняли приказы Гитлера?

Кейтель: Я заявил, что не знаю, какие генералы и заявляли ли генералы вообще протесты. Насколько я помню, это не происходило в моем присутствии, когда Гитлер прокламировал основные положения о борьбе мировоззрений.

Руденко: А известно ли вам, чтобы генералы по своей инициативе издавали приказы о зверствах, о нарушениях законов и обычаев войны и эти приказы одобрялись Гитлером?

Кейтель: О том, что высшие инстанции армии, например, в связи с вопросом о подсудности издали в марте приказ и проводили другие мероприятия, а также издавали приказы, смягчающие и отменяющие эти мероприятия, я знаю, так как они обсуждались со мной.

Руденко: Вы делаете вид, что меня не поняли, и хотите уклониться от ответа. Я спрашивал, издавали ли генералы приказы о нарушениях законов и обычаев ведения войны по своей инициативе?

Кейтель: Это мне неизвестно. Я не знаю, о каких приказах идет речь, г-н генерал.

Руденко: Это вам неизвестно?

Кейтель: Я не знаю, о каких приказах вы говорите, г-н генерал. Но возможно, что это было так.

Руденко: Я только сошлюсь на один приказ. Я имею в виду приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау о поведении войск на Востоке. Этот документ, г-н председатель, предъявлен советским обвинением под номером СССР-12. Из этого приказа я оглашу только одну цитату: «снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Кейтель: Я знаю этот приказ. Он был мне предъявлен во время предварительного следствия.

Руденко: Этот приказ издан по инициативе Рейхенау и одобрен Гитлером и, как образцовый, разослан всем командующим фронтами?

Кейтель: Это я узнал только здесь. Этот приказ я, по-моему, ранее не читал.

Руденко: Конечно, такие приказы у вас, очевидно, считались мало-значущими, ибо разве могла интересовать начальника ОКВ судьба советских военнопленных или советских граждан? Жизнь их ничего не стоила?

Кейтель: Я не имел никакого соприкосновения по служебным вопросам с командующими на фронте. С ними имел дело только, командующий сухопутными силами.

Руденко: Вы здесь, давая показания Трибуналу, очень часто, а до вас это делали ваши сообщники, подсудимые Геринг и Риббентроп, говорили о Версальском договоре. Я вас спрашиваю: разве Вена, Прага, Белград, Крым до Версальского договора принадлежали Германии?

Кейтель: Нет.

Руденко: Вы заявили здесь, что в 1944 году, после изменения закона, вы получили предложение вступить в члены нацистской партии. Вы приняли это предложение, передали личные данные руководству партии и внесли вступительный взнос. Скажите, не следует ли рассматривать принятие вами предложения вступить в нацистскую партию как ваше согласие с программой партии, с ее целями и методами?

Кейтель: Я считал требование прислать мои личные данные после того, как я три с половиной года носил золотой значок партии, только формальной регистрацией и выполнил требование уплатить партийные взносы. Я сделал то и другое.

Руденко: То есть до этого формального предложения, по существу, вы себя считали нацистом?

Кейтель: Я всегда смотрел на себя как на солдата, а не как на политического деятеля.

Руденко: Не следует ли заключить после всего того, что здесь сказано, что вы были гитлеровским генералом не по долгу, а по убеждению?

Кейтель: Я здесь уже показал, что я был лояльным, верным и покорным солдатом своего фюрера...

*Додд*¹: У меня есть только один вопрос.

Утром 3 апреля, когда вы были подвергнуты прямому допросу, мы поняли из ваших слов, что вы считаете, что должны принять на себя ответственность за приказы, издававшиеся от вашего имени, — за приказы, которые вы издавали, но которые исходили от Гитлера. Когда вас допрашивали, вы сказали, как мы поняли вас, что вы, как старый профессиональный солдат, конечно, понимали традиции и даже принципы этой профессии, которые обязывают солдата не проводить в жизнь любой приказ, который, как он считает, носит преступный характер.

Правильно ли мы вас поняли?

Кейтель: Да.

Додд: Итак, будет справедливым признать, что согласно обязательствам, возложенным на вас присягой, вы признаете, что вы проводили в жизнь преступные приказы?

Кейтель: В такой форме этого нельзя сказать. Надо сказать, что государственная форма и полномочия главы государства, которыми он обладал тогда, объединяли в себе законодательные полномочия, которые придавали исполнительным органам сознание того, что эти действия не являются противозаконными, если их проводила инстанция, которая обладала такими полномочиями. Я, конечно, сознавал, что совершались и такие действия, которые нельзя было согласовать с правовыми понятиями.

Додд: Итак, я понял вас, что вы, зная об этом, проводили в жизнь и издавали преступные или противозаконные приказы. Это правильно?

Кейтель: Разрешите сказать, что у меня не было внутреннего

¹ Представитель обвинения от США 8 апреля продолжил допрос Кейтеля. Составители.

убеждения, что эти приказы были преступными, так как глава правительства сам объединял в себе функции законодательства, и вследствие этого я сам не был убежден, что совершал преступные действия.

Додд: Я не хочу более тратить время на ваш допрос, но я считаю необходимым заметить, что ваш ответ не является ответом на мой вопрос.

Вы сказали нам, что некоторые из этих приказов являлись нарушением существующего международного права. Приказ, изданный в такой форме и на такой основе, является преступным приказом, противозаконным приказом, не так ли?

Кейтель: Да, это правильно.

Додд: Итак, когда вы проводили эти приказы в жизнь, вы проводили в жизнь преступные приказы, вне зависимости от того, кем они издавались?

Кейтель: Да, это правильно.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РЕДЕРА

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
20—21 мая 1946 г.}*

Файф¹: Подсудимый, вы читали книгу капитана Шустлера «Борьба военно-морского флота против условий Версаля» в то время, когда она была опубликована, не так ли?

Редер: Так точно.

Файф: Эта книга распространялась среди старших офицеров военно-морского флота, не так ли?

Редер: Так точно.

Файф: Обратитесь, пожалуйста, к странице 27 английской книги документов, где имеется предисловие. Как вы увидите, в конце первого абзаца говорится, что книга имеет своей целью дать достоверную картину борьбы военно-морского флота против невыносимых условий Версальского мирного договора.

Редер: Так точно.

Файф: И в третьем абзаце говорится: «Этот меморандум должен также подчеркнуть заслуги тех людей, которые, не будучи известными в широких кругах, готовы были взять на себя ответственность и отдать все свои силы на борьбу против условий мирного договора».

Редер: Так точно.

Файф: Согласитесь ли вы с тем, подсудимый, что это предисловие хотя и в общих выражениях, но довольно точно передает отношение военно-морского флота к нарушению условий Версальского договора?

Редер: Да, относительно обхода положений Версальского договора.

Файф: С 1922 по 1924 гг. вы были инспектором по боевой подготовке военно-морского флота в Киле, не так ли?

Редер: Я был инспектором боевой подготовки, то есть в мое ведение входили школы, курсы усовершенствования для кандидатов в офицеры,

Заместитель Главного обвинителя от Великобритании—Составители.

подготовка штабных офицеров, а также офицеров для штабов соединений и т. д.

Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, что, будучи инспектором боевой подготовки, вы не располагали полными данными о вооружении, которое было предоставлено вам в целях проведения этой подготовки?

Редер: Нет, здесь как раз речь шла не о доступных всеобщему обозрению огневых средствах, а, как я недавно сказал, об установке оружейных платформ, о переброске орудий с Северного моря на Балтику. Это делала специальная команда, работавшая под непосредственным руководством начальника штаба военно-морского флота.

Файф: Обратимся к следующему периоду: 1923—1927 гг. С 1925 до 1928 гг. вы были начальником военно-морской базы на Балтийском море, не так ли?

Редер: Да.

Файф: Второй раздел, связанный с экономическим вооружением и составленный капитаном Шустлером, озаглавлен: «Тяжелые условия для работы». Это относится к периоду с 1923 по 1927 гг., то есть до того, как вы стали главой военно-морского флота.

«У нас всегда было много трудностей внешнего характера, помимо трудностей, связанных с Тебегом, — трудности, связанные с маскировкой нашей задачи и работы, отдаленность отдельных помещений, где производилась работа, невозможность разрешения даже незначительных вопросов по телефону и необходимость избегать, по мере возможности, письменной корреспонденции или, во всяком случае, проводить ее под видом переписки личного характера, употребляя вымышленные имена и коды».

Разве вы не знали о применении этих методов при осуществлении вышеупомянутой программы?..

Прошу вас, далее, обратиться вновь к странице 126—страница 28 английской книги документов — и просмотреть резюме капитана Шустлера, относящееся к четвертому периоду. «Вооружение проводилось под руководством имперского кабинета в замаскированной форме. (Это период, начиная с 1933 года и кончая 1935 годом, когда вновь была введена всеобщая воинская повинность.)». Согласны ли вы с тем, что капитан Шустлер дает правильное описание методов, применявшихся вами с 1933 по 1935 гг.? Вы соглашаетесь с тем, что это правильная характеристика вашей деятельности в период с 1933 по 1935 гг.?

Редер: Безусловно. Я делал это так, как мне приказывал глава государства, а глава государства был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы не допускать никаких перегибов, так как он не хотел, чтобы это помешало его намерениям достичь соглашения с Англией. Он считал, что не следует производить впечатление, будто бы мы осуществляем вооружение в больших масштабах.

Файф: Вы уже разъяснили это. Обратите внимание на следующее, подсудимый. Речь идет о той форме маскировки, которую вы применяли во время переговоров о военно-морском соглашении. Вы хотели, чтобы никто не знал о тех шагах, которые вы предпринимали в нарушение соглашения, и насколько далеко вы в этом зашли! Нет никакого сомнения в том, что вы хотели добиться морского соглашения, не разглашая того, что вы делали, не так ли?

Редер: Мы не хотели путем разглашения этих мероприятий без всякой нужды нарушать хорошие отношения с Англией.

Файф: Я лишь хочу, прежде чем мы покончим с этими трудами по военно-морским вопросам, задать вам вопрос относительно другой книга. Вы знаете, что полковник Шерф предполагал написать книгу по истории германского военно-морского флота. Вы разрешили полковнику Шерфу иметь доступ к архивам военно-морского флота. Но, помимо этого, вам ничего неизвестно о его работе, не так ли?

Редер: Я не отдавал никаких приказов в этом направлении. Он получил приказ от фюрера, и поэтому я разрешил начальнику архивов морского флота помогать этому полковнику.

Файф: Вам был задан вопрос об эсминцах, о вашем обзоре за сентябрь 1933 года. Это был длинный документ—по вопросу о маскировке вспомогательных крейсеров под транспортные суда типа «О». Правильно ли резюмирую ваш ответ? Вы признали, что эти нарушения договоров действительно имели место, но в каждом случае вы заявляли, что эти нарушения были незначительные. Это правильно передает содержание вашего ответа, не так ли?

Редер: Нет.

Файф: Вы помните, что в составленном вами документе был большой список?

Редер: Да, конечно.

Файф: Быть может, я ошибаюсь, но, насколько я понял, вы признали, что все это имело место, однако вы сказали, что это были лишь «незначительные нарушения».

Редер: Да, конечно, это были маловажные действия.

Файф: Я хочу спросить вас об одном вашем офицере — вице-адмирале Асмани. Вы доверяли этому офицеру?

Редер: Он был очень способным историографом.

Файф: Может быть, вы ответите на мой вопрос. Являлся ли он офицером, к которому вы питали доверие?

Редер: Я доверял ему в том отношении, что полагал, что он будет правильно описывать исторические факты.

Файф: Это все, что я хотел узнать.

Ваш офицер говорит: «Как уже указывалось, почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с военно-морским флотом, Версальский договор нарушался как по букве, так и в еще большей степени по своему духу еще задолго до 16 марта 1935 г., по крайней мере, в смысле подготовки к его нарушениям».

Таким образом, ваши адмиралы говорят неправду, делая подобные заявления? Вы это хотите сказать Трибуналу?

Редер: Нет, неправильно. Мы совсем не строили столько кораблей, сколько могли бы построить. Мы, я повторяю, должны были...

Файф: Мы знаем, какое в действительности положение было у вас на судостроительных верфях.

Хорошо, этот вопрос будет рассмотрен Трибуналом. Перейдем теперь к заявлению адмирала Асмана. Оно гласит:

«Быть может, ни в одной сфере это не началось, с одной стороны, так рано, а с другой, — при таких особых обстоятельствах, как при строительстве нового подводного вооружения. Версальский договор на-

ходился в силе лишь в течение нескольких месяцев (начиная с 10 января 1920 г.), когда в этом пункте он был уже нарушен».

Вы согласны с адмиралом Асманом в этом вопросе?

Редер: Нет, он неправ, так как Версальский договор в этом отношении вообще не был нарушен.

Файф: Хорошо, давайте посмотрим, в какой мере он был неправ.

«В 1922 году три германских судостроительных верфи основан германское бюро по строительству подводных лодок в Голландии, прикрывшись голландским назначением, со штатом около 30 инженеров и строителей. В 1925 году голландские верфи построили две подводных лодки для Турции, водоизмещением по 500 тонн, в соответствии с проектами этого бюро, которое пользовалось финансовой и личной поддержкой военно-морского командования. Капитан Леман также имел отношение к разрешению этого вопроса, причем он имел решающий голос». Это правильно?

Редер: Это мы признавали. Но все, что было сделано, не нарушало Версальского договора.

Файф: Адмирал Асман прав в этом вопросе. Далее он говорит:

«Осенью 1927 года конструкторский отдел военно-морского флота был уполномочен начальником штаба военно-морского флота адмиралом Зенкером провести строительство кораблей в Испании. Адмирал Зенкер принял на себя ответственность, несмотря на все затруднения внутриполитического характера. Разработка проектов и составление конструкторских чертежей производились в голландском бюро. После того как в 1931 году эти работы были закончены, подводная лодка прошла несколько испытательных рейсов под руководством немцев на участке от Кадикса до Картагены...»

Редер: Да.

Файф: «...с немецкой командой, состоявшей из офицеров, инженеров, студентов судостроительных институтов и мастеров». Это все правильно, не так ли?

Редер: Правильно.

Файф: Обратитесь теперь к последнему предложению: «Это судно, которое теперь является турецкой подводной лодкой «Гуэр», стало прототипом подводных лодок «У-25», «У-26».

Редер: Да.

Файф: Обратимся теперь к подводным лодкам водоизмещением в 200 тонн, которые выпускались в Финляндии. Посмотрите на последнюю фразу в следующем абзаце.

«Строительство подводных лодок в Финляндии являлось частью первого плана строительства подводных лодок, который должен был разрабатываться в Германии и который был успешно проведен в жизнь. Голландское бюро было привлечено к этой работе исключительно для разработки деталей. Финская лодка водоизмещением в 250 тонн послужила прототипом для «У-1», «У-24».

Редер: Да.

Файф: Далее идет следующий абзац: «Строительство и испытание опытных экземпляров этого судна сделали возможным получить части для подводных лодок, начиная с «У-1» и кончая «У-24», в 1933—1935 гг., задолго до приказа о монтаже этих судов; этот приказ был подготовлен

заранее, насколько это возможно было сделать, не нарушая секретности этого вопроса».

Редер: Так точно.

Файф: Обратитесь теперь к странице 156. Вы видите, откуда взята следующая цитата:

«В начале 1935 года, то есть за шесть месяцев до заключения англо-германского соглашения, возможно, имелось шесть лодок водоизмещением в 250 тонн, готовых для монтажа, шесть 275-тонных и две 750-тонных лодки, работа по строительству которых была закончена. Потребовалось около четырех месяцев для монтажа небольших судов и около десяти — для монтажа крупных судов, начиная с 1 февраля 1934 г. В отношении остальных вопросов положение было неопределенным».

Посмотрите теперь на следующие слова:

«Быть может, в этой области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживается ограничений англо-германского соглашения».

Принимая во внимание количество подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок. Фактически, 118 лодок были уже готовы или должны были быть выпущены в соответствии с имеющимися приказами.

Подготовка нового подводного вооружения начала производиться так рано, так тщательно и так секретно, что уже через одиннадцать дней после заключения англо-германского морского соглашения, которое допускало строительство подводных лодок, 29 июня 1935 г., была сдана в эксплуатацию первая немецкая подводная лодка».

Возьмем теперь эту фразу, которая была написана адмиралом Асманом. На основании рассмотрения около ста документов мы уже видели, каково было ваше отношение к Асману.

Он писал:

«Очевидно, именно в этой области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживается ограничений англо-германского соглашения».

Итак, в течение нескольких часов вашего допроса вы говорили настоящему Трибуналу, что это соглашение являлось результатом свободных переговоров, что вы им очень гордились и готовы были его поддерживать. Вы заявляете Трибуналу, что ваши адмиралы были неправы, утверждая, что в области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений этого соглашения, заключенного в результате свободных переговоров.

Я спрашиваю вас сейчас о заявлении адмирала Асмана по поводу того, что вы в 1935 году не придерживались ограничений англо-германского соглашения. То, что вы делали в Финляндии в 20-х годах, не имеет к этому никакого отношения. Я закончил. Вы можете привести свои объяснения.

Редер: Это совершенно неверно. В отношении строительства подводных лодок мы были особенно умеренны. И в 1938 году мы не имели еще тех 45 процентов, которые мы могли бы иметь по этому соглашению. Поэтому-то мы тогда и поставили вопрос о разрешении выполнить программу строительства на 100 процентов, и это было согласовано и

выполнено в соответствии с соглашением после дружественных переговоров с английским адмиралтейством в конце 1938 года. К началу войны мы и не располагали этими 100 процентами. *Лы* всегда отставали по строительству подводных лодок.

Следовательно, это совершенно неверное представление адмирала Асмана, который, видимо, недостаточно внимательно изучил этот вопрос.

Файф: Обратитесь теперь к следующему предложению:

«Принимая во внимание водоизмещение подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок».

Это было сказано до того, как был поднят вопрос о переходе от 45 к 100 процентам.

«Фактически 118 подводных лодок было уже готово или находилось в процессе производства».

Вы утверждаете, что адмирал Асман неправильно приводит эти цифры?

Редер: Совершенно определенно, он неправ, так как к началу войны в 1939 году мы имели, я не знаю точно, но примерно лишь сорок подводных лодок.

Файф: Во всяком случае, подсудимый, вы должны согласиться с тем, что цифры, приведенные адмиралом Асманом, совершенно не соответствуют тому, что вы сообщили Трибуналу в отношении количества подводных лодок, с которыми вы начали войну.

Перейдем сейчас к другому офицеру вашего штаба. Вы довольно много говорили нам о бюджете военно-морского флота. Помните ли вы интенданта флота Тиле из отдела «Е» ОК.М, бюджетного отдела германского адмиралтейства? Вы помните его?

Я хотел бы, чтобы вы обратились к документу Д-855, который предьявляется под номером ВВ-461. Это выдержка из лекции, прочитанной человеком, о котором я только что говорил, г-ном Тиле, на курсах усовершенствования офицеров административной службы ВМФ в Праге 12 июля 1944 г.

Выдержка, которую я хочу сейчас огласить, озаглавлена: «План строительства судов». Вы видите абзац, который начинается словами:

«Эра мощного развития военно-морского флота наступила поэтому с момента захвата власти. Уже в первый год после этого, в марте 1935 года, началось строительство линкоров водоизмещением в 27 тысяч тонн. Одно из таких судов было начато строительством. Таким образом, один из пунктов Версальского договора, которые были особенно важны для нас, был тотчас же нарушен в области военно-морского флота, причем в такой форме, что через некоторое время стало невозможно скрывать это нарушение».

Был ли прав интендант флота Тиле, говоря об этом в своей лекции?

Редер: Конечно, это было нарушением, но я уже говорил здесь довольно подробно о том, что здесь имеется в виду не строительство новых линейных кораблей, а ввод в действие обоих «карманных» линкоров, на которые мы получили соответствующее разрешение, и что Гитлер в 1934 году дал мне разрешение несколько увеличить мощность этих кораблей, несколько усилить их броню. Из этого я делаю вывод, что только в марте 1935 года, когда заключение соглашения стало совершенно очевидным, то есть была полная уверенность в том, что несколько месяцев

спустя Англия разрешит нам строить такие корабли в соответствии с договором, фюрер утвердил планы строительства 26500-тонных кораблей, и мы приступили к постройке судов, которые по новой программе должны были стать первыми линейными кораблями. Только в этот период мы начали снаряжение кораблей орудиями 328 мм калибра, то есть орудиями наступательного характера, на что он не давал своего согласия в 1934 году.

Файф: Очевидно, этот человек в большей степени согласен с вами, чем другие. Он заявляет: «Подводные лодки строились по частям, поскольку факт их строительства ни в коем случае не должен был стать известным внешнему миру. Эти части до поры до времени хранились, и их оставалось лишь собрать после того, когда будет объявлена отмена военных условий Версальского договора».

Разве интендант флота Тиле неправ, говоря об этом?

Редер: Да, он был прав, мы это тоже признавали.

Мы строили части для подводных лодок за границей и получили их лишь в начале 1935 года. Мы приступили к строительству подводных лодок только в тот момент, когда с уверенностью знали, что добьемся морского соглашения с Англией.

Файф: Хорошо. Вы говорите, что вы с уверенностью ожидали заключения договора. Посмотрите, пожалуйста, на то, что он говорит дальше:

«Третий пункт Версальского договора из числа тех, которые были для нас наиболее неблагоприятны, касающийся ограничения личного состава 15 000 человек, был нарушен нами немедленно после захвата власти. Весь личный состав военно-морского флота уже в 1934 году равнялся 25 000 человек, а в 1935—в год заключения Лондонского соглашения—достигал 34 000 человек».

Редер: Так точно.

Файф: Разве интендант флота Тиле неправ в этом вопросе? Это правильно?

Редер: Так точно. Конечно, мы должны были своевременно подготовить необходимое нам количество персонала для того, чтобы можно было увеличить военно-морской флот.

Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас на несколько минут обратились к документу, на который вы ссылались во время вашего прямого допроса. Это документ С-23 о тоннаже «Шарнхорста», «Гнейзенау», «Тирпица», «Бисмарка» и других судов.

Редер: Так точно. Я знаком с этим документом. Этот документ датирован 18 февраля 1938 г. Германия не денонсировала англо-германского военно-морского договора до тех пор, пока Британия не дала Польше гарантий в апреле 1939 года, то есть на четырнадцать месяцев позже.

Файф: Почему вы просто не послали уведомления Великобритании о том, что водоизмещение судов на 20 процентов превысило норму, установленную договором, в связи с оборонительным характером строительства? Почему вы не сделали этого?

Редер: Я теперь уже не могу этого сказать.

Файф: «По мнению IV управления, было бы совершенно неправильным представить сведения о тоннаже, который будет превышать те данные о состоянии тоннажа, которые вскоре могут быть опубликованы Англией, Россией или Японией, с тем, чтобы нас не упрекали в том, что

мы проводим лихорадочное вооружение». Разве не в этом заключается причина?

Редер: Так точно. Это было предусмотрено для будущего. Мы ни в коем случае не должны были создавать впечатление, что мы увеличиваем наступательную мощь наших судов.

Файф: Подсудимый, в течение двадцати лет, с 1918 по 1938 гг., вы и германский военно-морской флот были заняты всеобъемлющим хладнокровным и преднамеренным нарушением ваших обязательств, включенных в договоры. Не так ли?

Редер: Это не было каким-то хладнокровным мероприятием. Речь шла о разрешении строительства относительно малого количества судов, и мы поэтому по возможности стремились усилить нашу способность оказывать сопротивление, следовательно, усилить безопасность морских границ и боевые качества кораблей. Мы никогда чрезмерно не увеличивали свою наступательную мощь, а придерживались рамок допущенного.

Файф: Я сейчас хочу указать вам на то, что эти нарушения договора и ваши военно-морские планы предусматривали сначала возможность, а впоследствии — вероятность войны. Меморандум датирован сентябрем 1938 года и является совершенно секретной рецензией на труд, посвященный вопросам морской стратегии. Как вы видите, в пункте «а» сказано:

«Я полностью согласен с основными соображениями этого труда».

Обратитесь теперь к первому абзацу.

«Если согласно решению фюрера Германия должна достичь положения мировой державы, она нуждается не только в достаточном количестве колониальных владений, но также и в безопасности военно-морских коммуникаций и в безопасном доступе к океану».

Вы согласны с этим, подсудимый?

Редер: Да, это так, я знаю весь этот документ.

Файф: Обратитесь теперь к пункту «д».

«Оба эти требования идут вразрез с интересами Англии и Франции и в случае их удовлетворения ограничат положение этих стран как мировых держав. Мало вероятно, что это может быть достигнуто мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу накладывает на нас необходимость вести соответствующие приготовления к войне».

Вы согласны с этим?

Редер: Да, это все верно.

Файф: Давайте обратимся теперь к пункту «з».

«Война против Англии означает в то же время войну против империи, против Франции и, возможно, против России, так же как и против большого количества стран за океаном, то есть фактически против половины или даже двух третей всего мира».

Мне нет необходимости спрашивать вас по этому поводу, так как факты подтвердили это.

Посмотрим дальше.

Начнем с того, поскольку вы выдвигаете это как первый пункт, что ваша общая политика заключалась в том, чтобы германские фирмы, производившие вооружение, расширяли свою внешнюю торговлю с тем, чтобы они имели возможность выполнять повышенные требования германского военно-морского флота в как можно более сжатые сроки.

Это правильно? Я верно передаю сущность вашей политики, или вы хотите, чтобы я повторил то, что сказал?

Редер: Да, но по этому поводу необходимо сказать — и я это говорил в двух местах, — что в тот период мы надеялись на ослабление условий Версальского договора, так как во время переговоров о разоружении для этого был самый благоприятный момент. Кроме того, у нас уже были тогда кабинеты Папена и Шлейхера, которые, хорошо понимая потребности вооруженных сил, боролись за наши интересы на конференции по разоружению. Ожидавшийся поворот в политике носил совершенно законный характер, и, с другой стороны, вся наша промышленность очень мало занималась производством вооружения. Поэтому ее нужно было развить.

Файф: Вы утверждали, что германская промышленность вооружения должна немедленно расширить свои операции по экспорту, для того, чтобы иметь возможность удовлетворять увеличивающиеся требования внутри страны, когда эти требования возникнут. Разве это неправильно?

Редер: Да, это правильно. Да, мы хотели добиться, чтобы наша промышленность могла конкурировать с промышленностью других стран, чтобы она имела преимущества и могла укрепиться. Это совершенно очевидно.

Файф: Было ли это упомянуто в каком-нибудь из документов Веймарской республики? Я попрошу вас обратиться к предпоследнему абзацу. Это на странице 74, на странице 21 английского документа. Это середина параграфа 3. «...Рейхсканцлер Адольф Гитлер предъявил совершенно ясные политические требования о необходимости построить в течение пяти лет, то есть к 1 апреля 1938 г., вооруженные силы, которые он «сможет бросать на весы как орудие своей политической власти». Правильно ли, что Гитлер предъявлял совершенно ясные политические требования?

Редер: Да, я припоминаю, что в 1933 году он потребовал составления какого-то пятилетнего плана и что здесь имело место просто случайное совпадение, так как в 1938 году также был составлен план строительства кораблей. Эту директиву он, очевидно, составил для всех вооруженных сил, так как в 1935 году уже вступило в действие морское соглашение, согласно которому в отношении военно-морского флота мы должны были проводить вооружение по соотношению 1 : 3, а не по каким-то особым планам.

Файф: Вопрос, который я хочу у вас выяснить, заключается в следующем: говорил ли вам Гитлер, что он хочет бросить эти силы на весы как орудие своей политической власти? Говорил он вам об этом?

Редер: Сейчас я уже не могу припомнить, но мне кажется, что это чрезвычайно употребительное выражение. Обычно принято говорить, что вооруженные силы — это оружие, которое бросается на чашу весов во время политических переговоров, и мы нуждались в этом оружии, чтобы не быть больше мячом в руках других наций, каким мы были до сих пор. По-моему, — это выражение, не вызывающее никаких подозрений.

Файф: То есть, если говорить прямо, Гитлер заявил вам: «В 1938 году я хочу располагать такими вооруженными силами, которые я сумею использовать во время войны в случае, если последняя станет необходимостью». Вот что это означало, не правда ли? И именно таким образом вы это тогда понимали, не так ли?

Редер: Нет, о войне вообще не было и речи.

Файф: Если бы кто-нибудь попытался столкнуть вас с пути, вы вступили бы с ним в борьбу, не правда ли?

Редер: Совершенно верно.

Файф: Давайте в качестве первого примера рассмотрим вопрос о том, когда, по вашему предположению, должна была начаться борьба. Попрошу вас обратиться к директиве фельдмаршала фон Бломберга относительно ухода Германии с конференции по разоружению и выходе из Лиги наций. И тут содержатся весьма полные общие директивы о том, какие военные меры вы должны были предпринять, если бы члены Лиги наций применили против вас санкции. Другими словами, вы были полностью готовы... ;

Редер: Да.

Файф: ...к ведению войны, которая могла возникнуть в результате этой мирной политики. Ведь это так, не правда ли? Именно об этом говорится в директиве. Она содержит указание на все подготовительные меры для ведения борьбы?

Редер: Насколько мне помнится, эта подготовка была проведена одиннадцать дней спустя после нашего ухода из Лиги наций, и поэтому совершенно ясно, что фюрер считал, что если в ответ на этот выход из Лиги наций, являвшийся совершенно мирным актом, последуют мероприятия или санкции военного характера, то мы должны будем обороняться, а так как это нападение было возможно, мы должны были провести соответствующую подготовку.

Файф: Таким образом, подсудимый, вы сознавали, что уже в октябре 1933 года внешняя политика Гитлера могла немедленно привести к войне, не так ли?

Редер: ...мы считались с возможностью начала такой войны.

Файф: Этого для меня совершенно достаточно. Теперь давайте снова обратимся к той же директиве.

В пунктах «а» и «б» параграфа 3 вы излагаете общие основы ваших мероприятий. Пункт «а» содержит основные положения для командующих по руководству операциями. Пункт «б» содержит ясную картину того, что может быть достигнуто военными средствами, которыми в данный момент располагает Германия. Он предназначен для политических руководителей.

Редер: Совершенно ясно, что такой план должен преследовать эту цель.

Файф: Там также говорится, что политические руководители должны планировать свою деятельность в соответствии с тем, какими вооруженными силами будет располагать Германия на случай войны. Вы тогда предусматривали именно это, не правда ли?

Редер: Это же само собой разумеется. Я доложил фюреру, что в этом году я могу привести в боевую готовность определенное количество боевых единиц, и это необходимо было знать главе государства, так как он должен знать, на что он может рассчитывать. Однако это не имеет никакого отношения к планам агрессивной войны. Это происходит во всех государствах. С другой стороны, я не могу говорить политическому руководителю о том, сколько мы должны иметь, я ему могу докладывать лишь о том, сколько я могу обеспечить. Я делаю только то, что необходимо и что делается в каждом государстве.

Файф: Попрошу вас посмотреть на параграф 7.

Я не собираюсь спорить с вами по вопросу о том, строит ли государство свою внешнюю политику на каких-либо других основаниях, кроме войны, и не собираюсь подвергать это обсуждению. Попрошу вас обратиться к параграфу 7.

«Все теоретические и практические подготовительные мероприятия варианта «Б» должны производиться таким образом, чтобы прежде всего имелась в виду готовность к войне без установления предварительного срока нападения». Это означало, что вы в той степени, в какой это касалось военно-морского флота, должны были быть готовы к немедленному переходу на военное положение, то есть суметь немедленно перевести военно-морской флот на военное положение. Разве это неправильно?

Редер: Нет. Здесь речь идет о той последовательности, в которой должны были проводиться эти дозволенные мероприятия. Этот план вооружения предусматривал все то, что было крайне необходимо для военно-морского флота, и надо было создать такое вооружение, которое можно было бы сейчас же применить, то есть нужно было создать такой флот, который был бы спущен на воду и все время находился бы в боевой готовности. Этот флот, эти боевые единицы должны были обеспечиваться в первую очередь, а затем можно было обсуждать вопрос о размещении и о том, что не имело непосредственного отношения к боевым операциям.

Файф: Мне казалось, что именно это я вам и говорил, то есть что флот должен был быть готов, должен был находиться в состоянии готовности к войне. Однако вы изложили вашу точку зрения на этот вопрос.

Теперь я хочу поднять вопрос, которого вы касались во время вашего прямого допроса и постановку которого я должен оспаривать. Вы говорите во втором абзаце:

«Главкомандующий английским военно-морским флотом выражает мнение, что впоследствии» — я прошу вас обратить внимание на слово «впоследствии» — «флот, начиная с 1936 года и впредь необходимо вооружать 350-мм пушками».

Теперь вы заявляете Трибуналу, что слова «геген Энгланд» («против Англии») не употребляются в смысле «с враждебными намерениями» или в смысле «направлены против», или «в борьбе против», а означают лишь «в сравнении с чем-то». Вы серьезно заявляете об этом, не так ли?

Редер: Я уже говорил здесь, что в отношении вооружения нашего флота мы должны были по кому-то равняться; до сих пор мы равнялись по французскому военно-морскому флоту, который был вооружен 330-мм орудиями. Позднее Англия увеличила калибр своих орудий до 355 мм. Затем Франция вооружила свой флот орудиями калибром 380 мм. Тогда я сказал фюреру, что нашими 280-мм орудиями, с которыми мы думали противостоять Франции, противостоять кораблям типа «Дюнбек» мы не можем, мы должны взять на вооружение орудия следующего калибра, то есть 356-мм орудия, так как французы увеличили калибр своих орудий до 380 мм, и мы со своими кораблями типа «Бисмарк» едва успевали за Францией. Такие сравнения калибров и типов кораблей были обычным явлением в повседневной работе.

Файф: Вы все это говорили нам прежде. Мой вопрос чрезвычайно прост. Этот документ является немецким подлинником, и слова «против Англии» означают совершенно то же, что они означают в вашей песне';

«Вир фарен геген Энгланд» («Мы уходим в плавание против Англии»). Это значит «против» — «с враждебными намерениями», «направлено против», а не «по сравнению с». Вот что я хочу вам сказать. Это очень короткая и ясная мысль.

Вы заявляете Трибуналу, что «геген Энгланд» («против Англии») значит: «по сравнению с Англией»?

Редер: Об этом я скажу, ведь там говорится: «планировать операции против Англии», но в тот момент мы еще не заключали морского соглашения, и я, конечно, не намеревался вести враждебную по отношению, к Англии политику.

Файф: Обратитесь к вашей беседе с Гитлером 2 ноября 1934 г., во время которой вы обсуждали вопрос об увеличении сметы военно-морского флота и о необходимости крупных денежных средств.

Гитлер заявил:

«Он считал жизненно необходимым, чтобы военно-морской флот был увеличен согласно предусмотренному плану» — теперь внимательно смотрите, — «поскольку никакая война не будет возможна, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии».

Вы все еще заявляете Трибуналу, что, начиная с 1934 года, вы не замыслили войны? Если это так, то почему Гитлер говорил таким образом? Ведь это являлось одним из самых важных моментов германской военно-морской стратегии.

Разве вы не замыслили войны уже в ноябре? Разве это не так?

Редер: Гитлер сказал: «Военно-морской флот строится для того, чтобы в случае, если война будет необходима, если надо будет, этот военно-морской флот мог выступить со своим оружием». Он только для этого и строился, и эта идея была одним из общих оснований, которые оправдывали существование военно-морского флота в Германии.

Файф: Вы заявили Трибуналу, что военно-морской флот имел перед собой исключительно оборонительные задачи, что ваши подготовительные мероприятия носили исключительно оборонительный характер. Я утверждаю, что Гитлер в данном высказывании замыслил войну и намечал задачи военно-морского флота во время этой войны за несколько месяцев до того, как он собирался денонсировать военные пункты Версальского договора.

Вы все были готовы к войне, если бы она явилась необходимостью, и вы это знали. Разве не таково было положение вещей?

Редер: Безусловно, в мирное время необходимо обдумывать всевозможные случаи, когда придется прибегать к вооруженным силам для того, чтобы обороняться, так как в то время никто не думал об агрессивных войнах, а следовало уяснить себе отдельные задачи. Несомненно, задачей военно-морского флота во время войны было обеспечение подвоза железной руды из Швеции и Норвегии. В соответствии с этим и следовало строить наш флот.

Файф: Прошу вас посмотреть на следующую фразу во втором абзаце: «Затем я указал, что желательно будет закончить сборку шести подводных лодок к тому времени, когда возникнет критическая политическая ситуация в первом квартале 1935 года».

Таким образом, вы готовились к критической политической ситуации?

Редер: Да.

Файф: Давайте посмотрим, что вы делали в 1936 году. ...После первого абзаца, во втором абзаце, вы говорите следующее:

«Военная и политическая ситуация настоятельно требуют, чтобы мы немедленно приступили к увеличению нашего подводного флота и закончили это мероприятие как можно скорее, затратив на его выполнение всю энергию, поскольку подводный флот является особенно ценной частью нашего вооружения на море и обладает специфическими возможностями как ударная сила».

Заявляете ли вы, что то, к чему вы тогда призывали, имело исключительно оборонительный характер и что у вас даже и в мыслях не было использовать специфические возможности той ударной силы, которая могла потребоваться во время войны?

Редер: Насколько мне помнится, в то время из общей политической ситуации я делал вывод о необходимости поставить строительство подводного флота на первый план. Но я никогда не считался с возможностью того, что мы начнем войну по своей инициативе. Мне всегда об этом говорил Гитлер, но он проводил свои политические мероприятия, и, конечно, эти политические мероприятия могли привести к войне, если бы другие державы не выступили против них. Между прочим, меня упрекали тогда в том, что я слишком медленно производил строительство подводных лодок и не ускорял его.

Файф: Вы достаточно ясно подчеркиваете это здесь: в связи с «военной и политической ситуацией», не правда ли? Вас полностью информировали о политической ситуации, и вы соответствующим образом приспособляли свое военно-морское вооружение. Разве не так? '

Редер: Я в то время не только ничего не знал о том, что случится позднее, но я узнал о том, что мы заняли Рейнскую область, только в год ее занятия. Тогда же я узнал также и о том, что Гитлер ввиду занятия Рейнской области видел на горизонте скопление черных туч, которые угрожали нам, и поэтому приказал нам проявлять чрезвычайную осторожность. Он заявил, что надо быть готовым к осложнениям. Поэтому-то в 1936 году и был издан специальный указ. Этими соображениями обусловливалась моя осторожность. Я считал своим долгом вести детальное наблюдение, и соответственно этому наблюдению и своим выводам я укреплял свой флот. Под этим углом зрения следует рассматривать данный документ, по которому вы мне не задали ни одного вопроса. Если я запрашивал разрешение на постройку шести подводных лодок на случай политических осложнений в начале 1935 года, когда еще не было заключено морское соглашение (оно было подписано в июне), то это тоже относилось к возможным осложнениям, а я уже знал тогда о готовившемся объявлении восстановления военного суверенитета в 1935 году.

Файф: Вы заявили нам о том, что вам было известно в 1936 году. Давайте теперь перейдем к 1937 году. Я хочу точно знать, что вы говорите по этому поводу. Это, конечно, как вы помните, вернет нас к документу Госсбаха ПС-386...

Прежде всего я хочу спросить вас по поводу последнего предложения в третьем абзаце. Здесь приводится следующее заявление Гитлера:

«Будущее Германии зависит поэтому исключительно от разрешения вопроса о необходимости жизненного пространства...

Единственным выходом из создавшегося положения, и даже этот выход может показаться мнимым, является обеспечение большего жизненного пространства».

Далее он говорит: «История всех времен показала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления».

Затем в отдельном параграфе записано, что он говорит:

«Вопрос для Германии заключается в том, где можно захватить наибольшие пространства при наименьших затратах».

Редер: Нет, в английской книге документов сказано «захватить», а в немецком документе этого нет. В немецком документе говорится:

«Нужно добиться наибольших результатов с наименьшей, затратой сил». Здесь вообще нет речи о каких-либо захватах.

Файф: Я готов согласиться с тем, что это следует за выдержкой, которую я только что привел вам весьма подробно, потому что я не хочу ничего вырывать из контекста. Оценили ли вы должным образом следующее заявление Гитлера: «Единственной возможностью для Германии является добыть для себя дополнительные жизненные пространства» и что этого необходимо _ было добиться за счет других наций? Он говорил это, не правда ли?

Редер: Да, он сказал так, и я уже недавно говорил здесь, как это следует понимать. Он говорил вообще об Австрии, Чехословакии и Судетской области. Мы считали, что он не намеревается менять свою политику, и действительно эта политика не была изменена, то есть мы не выступили с войной ни против Чехословакии, ни против Австрии. Мы были убеждены, что он сумеет разрешить эти вопросы, так же как и все другие сложные политические проблемы, мирным путем. Я подробно говорил об этом.

Файф: Именно об этом я и собирался вас спросить. Вы сами перешли к рассмотрению второго вопроса, на котором я хотел остановиться. В остальной своей части этот документ касается операций против Австрии и Чехословакии.

Я полагаю, вы согласитесь со мной, что фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич несколько охладили пыл Гитлера в отношении этих его планов. Разве я неправильно освещаю эти факты?

Редер: Да, правильно.

Файф: Этим они, скорее, показали свое отрицательное отношение к этим планам?

Редер: Да.

Файф: Таким образом, это имело место в ноябре 1937 года?

Редер: Мы всегда говорили ему, что он ни в коем случае не должен доводить дело до войны с Англией и Францией, причем он всегда соглашался с нами. Однако я уже говорил, что, произнося эту речь, он преследовал определенные цели и поэтому во многих случаях допускал большие преувеличения; затем он сразу отказался от таких преувеличений, когда ему было указано на опасность войны с Францией и Англией.

Файф: Именно об этом я и хотел спросить вас. Это было в ноябре. К январю фельдмаршал фон Бломберг уже вступил в свой неудачный брак, не так ли?

Редер: Пожалуй, это было в январе, однако я не могу этого утверждать точно.

Файф: И вы - придерживались той точки зрения (не так ли?), что подсудимый Геринг побуждал его поступить таким образом?

Редер: Нет, этого я никогда не говорил.

Файф: Разве вы этого не говорили?

Редер: Нет, я не говорил, что знаю об этом; да я и не был в этом убежден.

Файф: Вы помните, что вы по этому поводу сделали заявление в Москве? Разрешите, я зачитаю вам его.

«В 1938 году, в самом его начале, у меня были переживания личного характера, которые, несмотря на то, что они не касались военно-морского флота, непосредственно вызвали у меня потерю доверия не только к Герингу, но и к искренности фюрера. Положение, в котором оказался фельдмаршал фон Бломберг в результате своего несчастного брака, сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту главнокомандующего вооруженными силами. Слишком поздно я пришел к заключению, что Геринг всеми силами стремился добиться поста главнокомандующего вооруженными силами вместо Бломберга.

Он поощрял этот брак, поскольку он делал Бломберга неподходящим человеком для занятия этой должности, в то время как Бломберг полагал и даже неоднократно высказывался в том смысле, что подобный брак возможен при существовавшей 'системе. Геринг еще ранее установил за ним слежку, о чем я узнал из более поздних высказываний».

Разве вы этого не говорили?

Редер: В Москве непосредственно после поражения я написал свои соображения о причинах этого поражения. Этот документ я писал в таких условиях — со мной обходились истинно по-рыцарски, — что я без всяких колебаний сообщил об этом высшему генералу комиссариата внутренних дел, когда меня об этом попросили.

Файф: Я хочу только знать, правильно ли, что вы это заявили?

Редер: Да. Я сделал эту запись. И совершенно верно, что впоследствии мне пришла в голову мысль, что Геринг способствовал этой жеманности. Мне кажется, что он сказал мне здесь об этом сам. Он помог Бломбергу, так как он, очевидно, не знал, насколько все это усложнит общую обстановку.

Файф: Видите ли, в то время вы придерживались той точки зрения, что Геринг поощрял этот брак потому, что он знал, что в результате его фон Бломберг будет вынужден как главнокомандующий сойти со сцены, и что он это делал потому, что он, Геринг, хотел занять этот пост. Этой ли точки зрения вы придерживались прошлым летом?

Редер: Да, прошлым летом я думал таким образом, и, несомненно, Геринг очень хотел стать главнокомандующим вооруженными силами, но фюрер сам расстроил его планы.

Файф: Хорошо, все это касалось фон Бломберга. Нам известно, что с ним случилось. Вашим вторым кандидатом на этот пост после фон Бломберга, лучшим его преемником на посту главнокомандующего явился фон Фрич, не так ли?

Редер: Так точно.

Файф: Вы говорили об этом Гитлеру? И...

Редер: Да, он спросил меня, и я сказал ему, что предложил бы барона фон Фрича, но фюрер сказал, что эта кандидатура неприемлема.

Файф: Да, но против фон Фрича было выдвинуто обвинение в гомосексуализме. Разве это не так? Именно по этой причине он не мог быть назначен на этот пост?

Редер: Да, фюрер сказал, что он нарушил законы морали.

Файф: Вы входили в состав суда, разбиравшего это обвинение, не правда ли? Геринг был председателем суда, а вы и фон Браухич — его членами?

Редер: Так точно.

Файф: И вы пришли к выводу, что обвинение в гомосексуализме, выдвинутое против фон Фрича, является ложным и подстроено гестапо, не так ли? Вы понимаете, что я хочу сказать? Я боюсь, что слова «фреймап» (подстроить) довольно трудно перевести точно.

Редер: Да, такое впечатление у меня создалось.

Файф: Все это объяснялось тем, что донос исходил от какой-то темной личности, которая, как вы считали, являлась одним из «прихвостней» гестапо. На суде были выявлены факты сотрудничества гестапо с обвинителем, не так ли? Это ведь правильно? Вы пришли к этому выводу в ходе судебного процесса?

Редер: Да.

Файф: И вы согласны с тем, что не произошло никакой путаницы и что виновным оказался капитан кавалерии ротмистр фон Фрич, а совсем не этот генерал. Это ведь правильно, не так ли?

Редер: Да, я с этим согласен. Мы доказали невиновность фон Фрича и оправдали его, так что не осталось никаких подозрений в его честности.

Файф: Вы оправдали его, однако он не был восстановлен в должности? За его оправданием не последовало его восстановления на занимаемом им военном посту?

Редер: Нет. Я пошел к нему, так как я был с ним в дружественных отношениях, и спросил его, согласится ли он на то, чтобы я пошел к Гитлеру и попросил его восстановить барона фон Фрича в должности. Однако фон Фрич ответил, что он считает это совершенно невозможным, так как авторитет его настолько поколебался, что ему не хотелось бы снова брать на себя должность и обязанности главнокомандующего. После этого, к сожалению, я ничего не мог поделать. Я доложил об этом фюреру, но это осталось без последствий. Фюрер со своей стороны на собрании генералов и адмиралов заявил о полной невиновности барона фон Фрича.

Файф: Сделали ли вы следующее заявление в связи с инцидентом, который произошел с фон Фричем:

«Я был убежден, что Геринг приложил руку к этому хорошо подстроенному делу, поскольку для того, чтобы добиться своей цели, ему необходимо было устранить любого возможного преемника фон Бломберга?»

Вы помните, что вы говорили это?

Редер: Я не припоминаю этого, но, очевидно, это так.

Файф: Через шесть недель после того как Бломберг был обещан и фон Фрич смещен с должности, произошел аншлюсе Австрии.

Заявляете ли; вы Трибуналу, что вам было неизвестно, что демонстративно производились подготовительные мероприятия военного характера к аншлюсу Австрии, мероприятия, которые описывал в своем дневнике генерал Иодль и о которых также говорил фельдмаршал

Кейтель? Было ли вам известно, что Австрии будут угрожать военным нападением?

Редер: Мне кажется, что я никогда не участвовал в совещании по вопросу об аншлюссе Австрии, так как я действительно не имел к этому ни малейшего отношения. Но мне хотелось бы раз и навсегда разъяснить здесь, что о таких мероприятиях, как, например, аншлюсе Австрии, я узнавал значительно позже, только после того, как фюрер издавал соответствующий приказ и одна копия этого приказа, независимо от того, участвовал военно-морской флот в этих операциях или нет, направлялась мне, как главнокомандующему военно-морским флотом. Видимо, в этом случае я тоже получил копию такого приказа, который я должен был принять к сведению. Я не могу точно указать даты, но я подтверждаю, что такой приказ доводился до моего сведения.

Файф: Видите ли, я говорю о следующем, и я не хотел бы напрасно тратить на это время. Я говорю, что 5 ноября Гитлер заявил, что он собирается получить Австрию не позднее чем в 1943—1945 гг. или даже раньше, если представится благоприятная возможность. Через четыре месяца после этого, в марте 1938 года, он захватил Австрию после того, как избавился от людей, которые охлаждали тот пыл, с которым он проводил свои планы. Но если вам об этом неизвестно, мы не будем тратить на это время и обратимся к Чехословакии, потому что по этому поводу вами был получен декрет.

Эта директива ссылается на другую директиву, от 24 июня, и вы увидите, что в ней говорится о необходимости обеспечить ее проведение не позднее 1 октября 1938 г. Вам как главнокомандующему военно-морским флотом была направлена вторая копия этой директивы. Первая фраза первого абзаца, озаглавленного «Политические предпосылки», гласит:

«Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций. Задачей политических руководителей является выбрать или подготовить для этого подходящий момент как с точки зрения политической, так и с точки зрения военной».

Это было 28 мая 1938 г., то есть примерно через шесть месяцев после совещания, на котором вы присутствовали и на котором Гитлер заявил, что он нападет на Чехословакию при первой же возможности, которая ему представится. Разве это не заставило вас думать, что речь Гитлера в ноябре не была попросту пустословием, а являлась изложением его планов?

Редер: 10 сентября началась концентрация войск, и в тот же день начались переговоры. 1 октября началось мирное вступление войск в Судетскую область, после того как другие державы в Мюнхене одобрили этот шаг. После Мюнхенских переговоров...

Файф: Все мы знаем об этом. Вопрос совершенно ясен.

Редер: Разрешите мне закончить.

Файф: В мае уже были составлены планы, и фюрер упоминал об этом в своих речах. Он говорил, что принял решение разгромить Чехословакию в конце мая путем проведения военных мероприятий. Заявляете ли вы Трибуналу, что, прочтя эту директиву, вы все еще придерживались той точки зрения, что Гитлер не имеет агрессивных намерений? Вот мой вопрос.

Редер: Да, в конце мая.

Файф: Какие еще доказательства могли быть вам нужны, помимо высказанного им самим намерения разгромить Чехословакию? Какие еще более явные доказательства были вам нужны? 15 марта 1939 г. Гитлер вступил в Прагу. Не показалось ли вам тогда, что был какой-то смысл в том, что он говорил в своем интервью 5 ноября 1937 г., когда он оккупировал славянскую часть Богемии и Моравии и нарушил свое собственное правило: «Германия для немцев». Не пришло ли вам тогда в голову, что, может быть, в ноябре он не просто шутил и занимался пустословием? Не так ли?

Редер: Он издал директиву, в которой говорилось, что на текущий год следует предусмотреть:

1) вопрос о готовности Германии к обороне на случай нападения извне;

2) вопрос о ликвидации остальной части Чехословакии в случае, если она поведет враждебную Германии политику. Я знал, что он согласно этой директиве хочет выступить против Чехословакии в том случае, если сама Чехословакия встанет на путь враждебной по отношению к Германии политики; позже из пропаганды мы узнали, что это так и прошло. К вступлению войск в Чехословакию и Судетскую область я не имел никакого отношения, так как единственное, что мы могли выставить на этот случай, это была Дунайская флотилия, но и она для этой операции была подчинена командованию сухопутными силами, следовательно, я вообще не занимался этим вопросом. Никаких других военных приказов не было.

Файф: Таким образом, ваш ответ сводится к тому, что, когда Гитлер вступил в Прагу 15 марта 1939 г., вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений? Вы хотите, чтобы Трибунал поверил именно этому заявлению с вашей стороны? Не так ли?

Редер: Да, я настаиваю на этом, так как я считаю, что Гитлер не хотел вести войну с Чехословакией. Путем своих политических переговоров с Гаха и проведенных вслед за тем мероприятий он действительно разрешил вопрос таким образом, что никакой войны вообще не было.

Файф: Хорошо. Вы слышали, что подсудимый Геринг показал, что он заявил президенту Гаха о том, что его вооруженные силы будут бомбить Прагу, если Гаха не даст своего согласия. Если это не война, то, во всяком случае, нечто весьма близкое к войне, не так ли?

Редер: Да, это угроза.

Файф: Хорошо, давайте рассмотрим следующий период протяжении в два месяца. Если вы в марте все еще не сознавали этого, ...23 мая, когда вы прибыли в имперскую канцелярию, там собралось шесть офицеров в высоких чинах, включая вас. Гитлер сказал вам, что он собирается дать вам разъяснение по поводу политической обстановки. Это разъяснение заключалось в следующем: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности». Когда вы слышали от него это заявление 23 мая, вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений?

Редер: Я верил в это очень долгое время, точно так же как генерал-полковник Иодль, который заявил об этом: после того как он уладил чешский вопрос путем чисто политических мероприятий, следует

надеяться, что и вопрос относительно Польши он разрешит без кровопролития. Я верил в это до последнего момента, до 22 августа.

• *Файф*: Трибунал об этом уже слышал. Я попрошу вас посмотреть на список присутствовавших там лиц.

Редер: Да, я помню, кто присутствовал.

Файф: Давайте посмотрим. Подполковник Шмундт, впоследствии генерал, главный адъютант Гитлера, был убит 20 июля 1944 г. Это так? Затем подсудимый Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами; вы в качестве главнокомандующего военно-морского флота; генерал-полковник фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами; генерал Кейтель, начальник ОКБ; генерал Мильх, заместитель Геринга; Гальдер, начальник штаба; Шнивинд, начальник вашего штаба, и, наконец, Иешонек, который был, как мне кажется, начальником штаба или высшим...

Редер: Начальником штаба военно-воздушных сил.

Файф: Да. Затем полковник Варлимонт, который был помощником генерала Иодля. Как вы думаете, для чего Гитлер собрал этих генералов, занимавших высшие командные посты, и заявил им: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности», если у него не было никаких агрессивных намерений? Зачем там собрались эти люди, если не для того, чтобы развязать войну?

Редер: Я уже разъяснил, что они собрались главным образом для того, чтобы сделать чисто академические доклады о ведении войны и на основании этих докладов создать штаб для изучения *Vonprogoa*, связанных с ведением войны.

Файф: Вы заявляете Трибуналу, что, когда он сказал: «Мы не можем ожидать, что дело обернется таким же образом, как в Чехословакии; дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития», — вы не обратили на это никакого внимания? Вы серьезно заявляете Трибуналу, что вы не обратили на это внимания?

Редер: Нет, я действительно не обратил на это внимания. Я постепенно все больше узнавал Гитлера, и мне была известна его привычка преувеличивать в речах все события.

Файф: К этому времени вы уже получили директиву о неожиданном нападении на Данциг в ноябре 1938 года. Вы уже получили директиву от 3 апреля о проведении варианта «Вейсс», и вы знали, что весь этот вариант уже готовился. Подсудимый, заявляете ли вы серьезно Трибуналу, что после 23 мая у вас оставались какие-либо сомнения в том, что Гитлер намеревался вести войну против Польши? Я хочу дать вам возможность ответить на это до объявления перерыва. Заявляете ли вы, что у вас были какие-либо сомнения в этой связи?

Редер: Когда 22 августа нам было сообщено о заключении договора с Россией, я был убежден, что и эта проблема может быть решена мирным путем.

Файф: Как я понял, вы заявляете, что даже 22 августа вы не думали, что у Гитлера есть какие-нибудь агрессивные намерения. Вы действительно хотите это сказать?

Редер: Да.

Файф: ...Подсудимый, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ, который имеется на странице 261 книги документов 10-А и на страницах с 438 по 440 этой книги документов на немецком языке.

Это протокол совещания от 23 ноября 1939 г. с Гитлером, на котором было приказано присутствовать всем главнокомандующим.

Редер: Да, это совещание происходило 23 ноября 1939 г., когда война уже началась.

Файф: Вы присутствовали на этом совещании?

Редер: Да, присутствовал.

Файф: ...Теперь я хотел бы, чтобы вы взглянули на один абзац. Он начинается так:

«Через год началась кампания в Австрии. Этот шаг также считали рискованным».

Далее говорится:

«Это привело к значительному укреплению империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Но этот шаг было невозможно совершить за один раз. Прежде всего нужно было закончить западный вал. Это было только частичное разрешение вопроса. Одним прыжком невозможно было достичь цели. Мне с первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться Судетской областью. Это было лишь частичное разрешение вопроса. Было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората, и тем самым была положена основа для завоевания Польши. Но в то время я еще не был уверен, должен ли я сначала выступить против Востока, а затем против Запада или наоборот. В свое время Мольтке задумывался над тем же самым. В силу необходимости первой произошла война с Польшей. Моя цель заключалась в том, чтобы создать логическое соотношение между численностью населения и пространством, которое это население занимает».

Что бы вы до того времени ни думали, вы тогда отдавали себе отчет в том, что Гитлер преследовал логическую и ясную цель, заключающуюся в агрессии? Это видно из всех материалов, которые я предъявил вам сегодня утром, не правда ли?

Редер: Да, но в тот период мы уже вели войну, и он делал своего рода обзор происшедших событий. Кроме того, он хотел доказать генералам, с которыми он в это время находился в конфликте, что его политические соображения всегда правильны. Поэтому он еще раз остановился на всех этих отдельных моментах.

Файф: Далее абзац начинается следующим образом: «У нас имеется «Ахиллесова пята» — Рур. Англия не может жить без своего импорта. А мы можем пропитать себя сами. Систематическое минирование моря у английского побережья поставит Англию на колени».

Вы нашли это место?

Редер: Да.

Файф: Слушайте: «Однако это может быть достигнуто тогда, когда мы оккупируем Бельгию и Голландию... Мое решение неизменно. Я нападую на Францию и на Англию в самый благоприятный момент, в ближайшее время. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет нас спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не будем обосновывать нарушения этого нейтралитета такими идиотскими причинами, какие были выставлены в 1914 году. Если не мы нарушим нейтралитет, тогда это сделают Англия и Франция. Не начав наступления, нельзя закончить войну победоносно».

Подсудимый, вы помните, что это было точно через три недели после того как 10 ноября был издан план «Гельб», то есть план нападения на Голландию и Бельгию? Вы это помните?

Редер: Мне известно, что этот вопрос обсуждался. Я знаю также, что мы уже воевали с Англией, и поэтому не было необходимости обсуждать вопрос нападения на Англию и Францию...

Файф: Вы ведь не были в состоянии войны с Голландией и Бельгией, не правда ли?

Редер: Здесь говорится: «...если французская армия вступит в Бельгию, чтобы напасть на нее, то для нас будет слишком поздно. Мы должны ее опередить». В тот период Гитлер заявил, что у него имеются точные сведения о том, что Бельгия не сохранит нейтралитета, что уже предприняты меры к принятию французских и английских войск, и на этом основании он хотел опередить нападение на нас со стороны Бельгии. Впрочем, в речи от 22 августа 1939 г. он выразил диаметрально противоположную мысль, сказав, что Бельгия и Нидерланды никогда не нарушат своего нейтралитета.

Файф: Вы были согласны с его заявлением: «Факт нарушения нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Ни один человек не спросит об этом, когда мы победим»? Вы были согласны с этим?

Редер: Нет, я не совсем разделяю подобное мнение, но в тот момент у меня не было повода заявить о своем протесте против этих притязаний.

Файф: Точка зрения командования военно-морского флота по вопросу о подводной войне была изложена ему месяц спустя. Вы помните, что 30 декабря у вас с Гитлером состоялась беседа, на которой присутствовали генерал-полковник Кейтель и капитан второго ранга Путкамер?

Редер: Да, 30 декабря я был у Гитлера.

Файф: «Что касается формы и времени начала дальнейшего усиления войны на море, то решение высшего военного командования начать общее усиление войны наступлением на Западе имеет решающее значение».

«Первая возможность:

Решение фюрера в пользу наступления на Западе, которое должно начаться в очень скором времени... путем нарушения нейтралитета других государств.

В данном случае усиление войны на море с политической точки зрения будет представлять лишь небольшую часть общего усиления войны. Постепенно переход к усилению форм ведения войны на море, имея в виду в конечном счете беспощадное применение всех средств ведения войны, предлагается поэтому вместе с началом наступления.

Немедленно предусматривать отдельные меры усиления войны на море не является необходимым, — оно может быть отложено до начала общего усиления войны. Благоприятно настроенные нейтральные страны; Италию, Испанию, Японию, так же как и Америку, следует, насколько возможно, щадить».

Правильно ли то, что вы рассчитывали нарушением Гитлером нейтралитета Нидерландов затмить благодаря своему большому значению то, что вы примете жесточайшие методы войны на море? Это так?

Редер: Гитлер хотел, чтобы с началом наступления на Западе мы проявили известную активность на море. Он потребовал, чтобы я при-

менил более суровые средства ведения морской войны только в этот момент, хотя поведение английских вооруженных сил давало мне право применять эти радикальные средства значительно раньше. Такие более жестокие методы борьбы были подробно изложены в докладной записке и начали последовательно применяться в ответ на различные мероприятия Англии.

Файф: Вы не только одобрили нарушение нейтралитета Голландии и Бельгии, но со своей стороны, то есть со стороны военно-морского флота, вы были готовы помогать этому путем усиления подводной войны. Это правильно?

Редер: Я вообще не имел ничего общего с нарушением нейтралитета этих стран, так как военно-морской флот даже не входил в эти страны вместе с армией. Я был только заинтересован в том, чтобы постепенно усиливать подводную войну для того, чтобы ответить контрмерами на мероприятия англичан, которые также шли вразрез с нормами международного права.

Файф: Я перейду к вопросу о подводной войне позже, но сейчас я постараюсь рассмотреть вопрос в последовательном порядке. Имеются еще только два пункта, касающиеся агрессивной войны. Я прошу вас помочь мне в одном или двух пунктах, касающихся Норвегии. Вас удовлетворяло то положение, что Норвегия оставалась нейтральной, неоккупированной до тех пор, пока у вас существовал защищенный путь вдоль норвежского побережья в нейтральных водах. Правильно это? Для вас было важно иметь свободный доступ в нейтральные воды, чтобы не только ваши суда, но также и ваши подводные лодки могли заходить в нейтральные воды и начинать оттуда свои операции. Правильно это?

Редер: Нет, вопрос о возникновении и проведении в жизнь плана кампании против Норвегии я подробно изложил в документах. В то время существовала опасность занятия Норвегии англичанами, о чем мы узнали из различных источников.

Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, будто военно-морское командование серьезно думало, что англичане намерены занять Норвегию?

Редер: Да, совершенно определенно, я думал именно так, потому что у меня было много сведений, и я не мог в этом сомневаться; позже это подтвердилось на деле.

Файф: Вы помните, что 13 марта 1940 г. генерал Иодль в своем дневнике сделал запись относительно того, что фюрер все еще ищет оправдания. Вы помните это, не правда ли?

Редер: Я уже говорил, что выражение «оправдание» неправильно, оно неверно переведено. Иодль написал «основание».

Файф: Понимаю. Это смысл, который вы придали этой записи. Теперь взгляните на ваш собственный документ № 81, который имеется в книге документов № 5, страница 376.

В этом документе речь идет в первом пункте, о том, что англичане вторглись в норвежские территориальные воды. В нем творится:

«В результате расследования вопроса о том, является ли массовое вторжение англичан в норвежские территориальные воды возможным в таком близком будущем, что оно может представить собой угрозу для плавающих германских судов, в настоящее время создалось мнение, что этого можно не ожидать. Транспорт руды можно продолжать ввиду того, что потеря еще не было».

Итак, у вас имелись сведения о том, что 22 марта не ожидалось массового вторжения в норвежские территориальные воды?

Редер: Нет. Я располагал такими точными сведениями, поступившими как раз в этот период от Квислинга и ХаФелина, что не оставалось никаких сомнений в том, что англичане в скором времени поведут маскированное наступление в этом районе.

Файф: Вы говорите, что такова была точка зрения адмирала Фрике, а вы на нее не обратили внимания.

Вы знаете, что генерал Асман вел краткий дневник и на следующий день он записал о встрече между вами и Гитлером.

...Он коснулся вашего предложения об использовании подводных лодок близ Галифакса. Это было в тот же день 23 февраля. Он пишет, что вы сказали в тот день, что для того, чтобы обеспечить доставку руды из Нарвика, было бы предпочтительно сохранять нейтралитет Норвегии.

Затем 26 марта адмирал Асман в своем отчете о встрече между вами и Гитлером записал ваши ответы таким образом:

«Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предлагает начать наши действия в следующем месяце, 7 апреля, и Гитлер с этим согласен».

Вы помните это?

Редер: Нет. Однако совершенно невероятно, чтобы я в тот момент не был полностью убежден в предстоящем десанте.

Как известно, адмирал Асман использовал для своих записей всевозможные журналы боевых действий и протоколы. Я совершенно определенно не высказывался таким образом, так как в тот период я неоднократно докладывал Гитлеру, что свои приготовления, начатые задолго до этого, мы закончим в последних числах января, и это и был тот момент, когда следовало провести десант—по причинам, которые я всегда защищал. Совершенно ошибочно предполагать, как это делается здесь, что у меня к этому времени оставалось хоть малейшее сомнение в предстоящей операции. Впоследствии мои предположения подтвердились...

Файф: Хорошо, но вторая часть, второе предложение является правильным, не правда ли? «Редер предлагает, чтобы мы начали действия в следующее новолуние (7 апреля)». Это правильно; вы действительно тогда начали вторжение. Тогда именно ваша армада вышла в море и прибыла на место 9 апреля, не так ли?

Редер: Конечно, я настаивал на высадке десанта в Норвегии в самое ближайшее время, то есть как только наступят благоприятные метеорологические условия. Так мы раньше решили, и так распорядился Гитлер. За это я принимаю на себя полную ответственность, и это было вполне обоснованно.

Файф: Вы видите запись от 26 марта, где говорится:

«Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предложил начать наши действия в следующем месяце (7 апреля), и Гитлер с этим согласен». Затем следует обсуждение установления мин у Скапа перед вторжением немцев в Норвегию. Гитлер согласен с Редером и издает соответствующие инструкции?

Редер: Да. Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной ко времени заключения русско-финского мира.

Именно эта русско-финская война заставила нас подумать о срочной высадке десанта, так как имелись опасения, что под предлогом оказания

помощи финнам англичане предпримут оккупацию Норвегии. Следовательно, на вопрос о том, являлась ли в тот момент, то есть после заключения мира, высадка англичан актуальной проблемой, я ответил отрицательно...

Файф: Прочтите запись от 26 марта.

Редер: «Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной ко времени заключения русско-финского мира. Ввиду заключения мира они, видимо, отложили эту операцию. На вопрос фюрера о том, является ли в настоящий момент английский десант актуальной проблемой, главнокомандующий военно-морскими силами дает отрицательный ответ», — да, ситуация не изменилась настолько, чтобы мы были вынуждены немедленно выступить. «Главномкомандующий военно-морскими силами предлагает провести свою операцию в следующем месяце. Основания для нашей высадки остались прежними, только эта история с Финляндией не могла быть больше использована англичанами».

Файф: Мирный договор и окончание войны с Финляндией имели место в середине марта. Это тогда не входило в планы?

Редер: Да, это не играло больше для нас никакой роли, но другие наши причины оставались теми же.

Файф: Хорошо. Взгляните на отчет вашего дипломатического представителя в Норвегии от 29 марта, где в конце параграфа 1 вы увидите следующее:

«Англичане, очевидно, не хотели взять на себя ответственность за открытое нарушение неприкосновенности норвежской территории и норвежских территориальных вод без причин и за проведение там операций военного характера». Это цитата министра иностранных дел Норвегии. Затем ваш дипломатический представитель высказывается следующим образом:

«Твердое намерение Норвегии сохранить свой нейтралитет и обеспечить соблюдение правил норвежского нейтралитета можно принять как факт».

Вам сообщили, что ваш дипломатический представитель в Осло докладывал, что англичане не намеревались произвести высадку?

Редер: Да, д-р Бройер, посланник в Норвегии, стоял на совершенно неверной позиции, так как он верил этим заверениям министра иностранных дел Кота, о которых наш военный атташе неоднократно сообщал, что Кот пляшет под дудку англичан и что поэтому нельзя принимать эти заверения как достоверные. Одновременно мы получили известие от Хагелина, что хотя норвежцы и дают гарантии на бумаге, но сами сказали, что они делают это для видимости и будут продолжать сотрудничать с англичанами. Это имеется в представленных нами документах.

Файф: Взгляните на другой документ, на документ Д-444. Это — то, что сообщал в то же время ваш дипломатический представитель в Швеции. Вы заметите, что он цитирует слова министра иностранных дел Швеции Гюнтера:

«Шведское правительство не имеет никаких оснований для того, чтобы поверить в то, что западные державы намереваются проводить в ближайшее время какие-то угрожающие меры против Скандинавии. Наоборот, на основании всех официальных отчетов и прочих сведений оно считает ситуацию за последнее время гораздо более спокойной. Затем он говорит, что нападения на шведскую руду не предполагается».

Далее он касается Норвегии. Не будучи англофилом, Понтер также не думал, что Великобритания начнет военные действия против Норвегии, но он, конечно, не мог об этом говорить с такой же уверенностью, как в отношении Швеции. Во всяком случае, норвежское правительство, с которым он был тесно связан, придерживалось того же мнения».

Затем, если вы взглянете двумя абзацами ниже, вы увидите, что здесь говорится следующее:

«В заключение Гюнтер попросил меня сообщить его заявления моему правительству и повторил, что шведское правительство придает большое значение тому, чтобы у германского правительства не сложилось ложного впечатления о существовании обстоятельств, которые могли бы создать возможность — он совсем не употреблял слова «необходимость» — применения особых мероприятий со стороны Германии в отношении Скандинавии».

Затем он говорит в последнем абзаце, что шведский министр иностранных дел, возможно, слышал о подготовке Германии.

Взгляните теперь на документ Д-845. Это сообщение вашего дипломатического представителя из Стокгольма на следующий день.

«В шведских военных и правительственных кругах существует опасение касательно возможных германских военных превентивных мер в Скандинавии против объявленного усиления военных мероприятий западных держав. Шведские и норвежские военные и правительственные власти считают маловероятным, чтобы западные державы предприняли против Скандинавии меры военного характера». Вы были информированы об этих сообщениях из Стокгольма, да?

Редер: Допускаю, что фюрер сказал мне это. Но у нас не было повода полагаться на эти заверения, так как совершенно очевидно, что Швеция была сильно заинтересована в том, чтобы мы не выступили против Норвегии, потому что благодаря этому мы были бы в состоянии оказывать на Швецию некоторое давление. По полученным нами впоследствии сведениям, это было то, к чему так стремились англичане. Позднее выяснилось, что английский приказ о высадке в Норвегии в Тронхейме, Ставангере и, кажется, в Христианзанде был отдан 5 апреля. Следовательно, не имеет смысла спорить по этому вопросу. 7 апреля, в ночь с 7 на 8 апреля, как сообщили англичане в ноте, переданной по радио, они произвели закладку мин в Норвегии, и 7 апреля войска были погружены на крейсера, названий которых я не могу припомнить. Итак, этот факт действительно имел место, и моя точка зрения была самой правильной, в то время как генерал Бройер в корне ошибался.

Файф: Я не намереваюсь с вами спорить, хотя вы должны знать, — и я думаю, что вы это знаете, — что в Англии не существовало никакого приказа о вторжении. Был приказ о том, чтобы установить мины.

Вы помните, что вы сказали Трибуналу сегодня, что использование неприятельского флага на своих военных судах является разрешаемой «военной хитростью», если она прекращается до начала операции. Вы помните, что вы это говорили?

Редер: Конечно, я это помню. Одним из принципов ведения морской войны является правило поднятия своего флага в момент открытия огня.

Файф: Вы заявляете Трибуналу, что в морской войне является признанным методом использования флага другой страны при нападении на нейтральную страну без предупреждения? Между вами и Норвегией

войны не было, и поэтому не было причин прибегать к какой-либо хитрости. Вы были с Норвегией в состоянии мира. Что вы скажете?

Редер: Тогда было важно при встречах с англичанами спускать флаг, который был на судне, и вывешивать немецкий. Мы не хотели вести войны с норвежцами. Где-то говорится, что в первую очередь мы должны стремиться к мирной оккупации.

Файф: Можете ли вы указать мне хотя бы один прецедент до этой операции, когда бы германский флот напал на нейтральную страну, с которой Британия находилась в состоянии мира, используя флаг противника? Скажите, разве вы это когда-нибудь применяли ранее?

Редер: Я не знаю, случалось ли это во время действий военно-морского флота других стран, я не хочу этого утверждать.

Файф: Я даже не спрашиваю о флоте других стран. Ну, а вы когда-нибудь поступали так?

Редер: Нет. Мы этого не делали. 8 апреля мы отдали приказ по радио, чтобы этого не делали. Вам это известно из нашего журнала боевых сил. Таким образом, здесь совершенно бесполезно говорить о том, что должно было произойти, поскольку этого не произошло.

Файф: Я хотел бы выяснить, что вы считали допустимым при ведении морской войны. Я хочу теперь перейти к другому пункту, и тогда я закончу с этой частью дела. Что касается нападения на Советский Союз, я не намереваюсь расспрашивать о всех ваших собственных взглядах и о том, что вы говорили Гитлеру.

«По предложению командования военно-морского флота (ОКМ) использование оружия против русских подводных лодок к югу от северной границы предупредительной Эландской зоны... разрешается немедленно с целью беспощадного уничтожения».

«Наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель до южного пункта Эланда разрешаются, если по приближении германских военных судов подводные лодки не могут быть точно опознаны как шведские. Причиной, которую следует указать по поводу дня «Б» (то есть «Барбаросса»), является то, что, как предполагается, наши военно-морские силы имеют дело с проникающими английскими подводными лодками».

Почему вы предложили нападать на советские подводные лодки за шесть дней до вашего вторжения, когда они не ожидали такого нападения и когда не было и речи о войне?

Редер: Как здесь уже говорилось, случилось так, что незадолго до 15 июня одна подводная лодка прорвалась в этот район, близ Борнхольма, на довольно большое расстояние в западном направлении, и при встрече с судами сторожевого охранения у Борнхольма был дан ложный опознавательный знак, что означало, что это была не германская, а какая-то чужая подводная лодка. В данном случае из курса этой лодки и места ее нахождения можно было сделать вывод, что это была русская лодка. Кроме того, уже в это время мы неоднократно обнаруживали русские подводные лодки вблизи германских портов, например, у Мемеля. Вследствие этого у нас создалось впечатление, что русские подводные лодки уже занимают позиции перед германскими портами либо для того, чтобы закладывать там мины, либо для того, чтобы подготавливаться к атаке на торговые или военные корабли. Следовательно, я должен был сообщить об этом и ради предосторожности предложить

проводить атаки немецким подводным лодкам в этом районе, то есть перед германскими портами. В тот же день мое предложение было одобрено, и было сделано это добавление, которое, по-моему, не было необходимым, но которое предотвращало возможные конфликты.

Файф: Считали ли вы правильным нападение и призыв к безжалостному уничтожению советских подводных лодок за шесть дней до вашего нападения на Советский Союз? Вы считаете это правильным? А затем взваливать вину на проникающие английские подводные лодки — это предложение Кейтеля. Таковы ваши взгляды на правильное ведение войны?

Редер: Итак, первое положение я считаю верным, так как главное — это опередить противника, и этого мы могли добиться при известных условиях. Второе же приказал фюрер.

Файф: Оставим это на усмотрение Трибунала.

Таким образом, следует ли считать, что вы полностью одобряли нападение и безжалостное уничтожение советских подводных лодок за шесть дней до начала войны? Так Трибунал должен вас понять, не правда ли?

Редер: Если эти подводные лодки появились в наших территориальных водах для того, чтобы вести разведку, или для других военных действий, то я считаю, что это было правильным.

Файф (Оглашает документ.):

«Точка зрения, основанная на внешней политике, дает нам преимущество в использовании метода неограниченной подводной войны только в том случае, если мы сможем в свое оправдание сослаться на то, что метод ведения войны Англии вынудил нас отдать приказание о таком ведении войны в качестве репрессии».

Таково ваше мнение? Таково было ваше мнение 3 сентября?

Редер: Да, это было моей точкой зрения.

Файф: Отвечайте на мой вопрос. Если в документе сказано, что «командование военно-морского флота пришло к такому заключению», правильно ли, что командование военно-морского флота пришло к такому заключению?

Редер: Да. Я уже однажды сказал, что международное право не должно было нарушаться, но оно должно было быть ограниченным и измененным, и это ведь также проводилось и другой стороной.

Файф (Цитирует меморандум Редера.):

«Поэтому в принципе всякие средства ведения войны, которые эффективны для того, чтобы сломить сопротивление противника, должны быть основаны на каком-либо правовом понятии, даже если это повлечет за собой создание нового кодекса ведения морской войны».

Высший военный совет, после того как он рассмотрит политические, военные и экономические последствия в рамках общего ведения войны, должен будет решить, какие мероприятия военного характера должны быть приняты и каково должно быть наше отношение к войне. Если будет решено вести экономическую войну самым беспощадным образом в соответствии с военными потребностями, то это решение должно выполняться при всех обстоятельствах. Если же оно будет принято, то это решение о самом беспощадном ведении экономической войны не должно быть оставлено или же ослаблено под действием политического давления со стороны нейтральных государств, как это произошло в первую

мировую войну, с ущербом для нас. Все протесты со стороны нейтральных государств должны быть отвергнуты. Даже угрозы со стороны других стран, например, Соединенных Штатов, вступить в войну — этого можно определенно ожидать, если война будет продолжаться, — не должны приводить к ослаблению характера экономической войны, раз уже она начата. Чем безжалостнее ведется экономическая война, тем скорее это приведет к необходимым результатам и тем скорее закончится война».

Редер: Да.

Файф: Согласны ли вы теперь с таким утверждением и с мнением, выраженным в абзаце, который я вам только что огласил?

Редер: Здесь говорится о том, что из опыта мировой войны мы сделали вывод, что как только после выхода в свет и объявления приказа о проведении радикальных мер нейтральные страны проявляли малейшее недовольство и заявляли свой протест против этого, такие мероприятия немедленно отменялись, в особенности если в протесте участвовали США. Здесь же я говорю, что при любых обстоятельствах необходимо избегать немедленной отмены наших мероприятий, и я делаю предупреждение в том смысле, что до принятия мер надо тщательно обдумывать наши решения и согласовывать с министерством иностранных дел и т. д. во избежание их позднейшей отмены и, вследствие этого, потери престижа и эффективности наших мероприятий. Вот в чем причина. Англии также предъявлялся ряд протестов, и в большинстве случаев на них не поступало никакого ответа. Например, категорическая нота протеста русских от 20 октября 1939 г. против применения Англией блокады во время войны.

Файф: Правильно ли было поступать таким образом?

Редер: Я должен сделать заявление по этому вопросу. Я как раз говорю о резких выступлениях против английской блокады, которая нарушала нормы международного права, — этот протест был выражен г-ном Молотовым. Следовательно, протесты заявлялись и в то время и были отклонены.

Файф: Вы потребовали для себя права потопления без предупреждения всех кораблей нейтральных государств в зонах по выбору высшего командования.

Расскажите мне о приказе относительно «командос» от 18 октября 1942 г. Вы получили этот приказ Гитлера о «командос» и направили его в различные подразделения военно-морского флота, не правда ли?

Редер: Да, я это передал через командование военно-морского флота.

Файф: Вы одобрили этот приказ?

Редер: Я не санкционировал его, я просто передал его по инстанции. Я должен в этой связи сделать разъяснение, если вы хотите.

Файф: Это не то, что я прошу вас сделать. Я вначале прошу ответить на мой вопрос: одобряли ли вы приказ о расстреле «командос» или же о том, что их следовало передать СД для расстрела? Одобряли вы этот приказ?

Редер: Я не санкционировал этого приказа. Я его передал в том виде, в каком его составил фюрер и в каком он попал в мои руки, в соответствии с этим приказом, на котором была пометка о передаче его.

по инстанции и о пути его возвращения. В этом отношении все указания дал сам Гитлер.

Файф: Но все же ответьте на мой вопрос: одобряли ли вы этот приказ? Вы еще на него не ответили. Одобряли ли вы этот приказ?

Редер: Я не видел повода для того, чтобы опротестовывать перед фюрером приказ, который я считал вполне обоснованным.

Файф: Знаете ли вы, что в то время, когда вы были генеральным инспектором, или адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, были основаны «команде дер клайнкампффербанде» («малые соединения») под руководством вице-адмирала Гельмута Хеера, включавшие в свою систему торпеды и подводные лодки с экипажем из одного человека, моторные катеры с взрывчатыми веществами; кажется, численный состав этих соединений составлял от 5000 до 16000 человек? Вы знали, что были такие соединения в военно-морском флоте, «команде дер клайнкампффербанде»? Вам это было известно?

Редер: Я знал об этом, а также и о том, что такие соединения совершенно открыто действовали в районе побережья Франции, а затем в районе северного побережья.

Файф: И вы отнеслись бы одобрительно, если бы союзники расстреляли кого-либо из нескольких тысяч членов этих соединений, которые составляли экипаж в один-два человека? Вы одобрили бы, если бы мы просто расстреливали их?

Редер: Во-первых, я не могу сказать, что бы я сделал в определенном случае, когда мне вообще ничего не оставалось делать.

Файф: Ну, хорошо. Если вы не желаете отвечать, с меня этого достаточно. Я своевременно обращаю внимание Трибунала...

Редер: Вы снова прервали меня. Я ведь хотел остановиться на двух документах. Во-вторых, эти соединения действовали совершенно открыто в районе побережья. На борту у них не было никаких гражданских лиц и никаких средств для актов диверсий, это были совершенно такие же бойцы подводных лодок. Я знаю...

Файф: Вот именно это я и утверждаю о наших «командос». Поэтому я не буду обсуждать этого вопроса.

Перехожу к другому. По вашему ли приказу был подделан судовой журнал на «Атении»? Было ли это сделано по вашему непосредственному приказанию?

Редер: Нет, дело обстояло совершенно иначе. Я уже говорил, что мой приказ состоял в том, чтобы, во-первых, по приказу фюрера держать все это дело в тайне. Во-вторых, политическое рассмотрение этого вопроса и в дальнейшем остается за командованием военно-морского флота. В-третьих, я зачитаю этот пункт: «Я не подвергаю командира дисциплинарному взысканию, так как он действовал по заблуждению». Вот все, что я приказал. Другого приказа я не отдавал.

Файф: Тогда знаете ли вы, по чьему приказу был подделан судовой журнал? Мне необходимо это узнать. Судовой журнал был подделан. Я спрашивал подсудимого Деница, но он не смог мне ответить. В одном письменном показании под присягой он написал, что этот вопрос должен был быть оставлен для вас. Теперь я вас спрашиваю, можете ли вы мне рассказать об этом. Мне кажется, что командир умер, насколько я помню, так что он рассказать мне об этом не может. Теперь вы утверждаете, что вы не можете сказать мне, по чьему приказу был подделан

судовой журнал подводной лодки «У-30», которая потопила «Атению».

Редер: Я уже говорил, что я с этим делом ничего общего не имел, так как я вообще не занимался такими деталями. Я не давал распоряжений по поводу таких мелких событий. И затем, мне кажется, адмирал Вагнер уже подробно показал о том, кто это сделал. Думаю, что это произошло во флотилии.

Файф: Скажите мне только следующее относительно «Атении». Вы показали на днях, что вы дали эти приказы и затем умыли руки? Почти месяц спустя...

Редер: Я уже сказал, что я не имел ничего общего с этим делом...

Файф: Вы не имели ничего общего с этим... Почти месяц спустя, кажется, вы сказали, что это было сделано по приказу Гитлера?..

Теперь перейдем к другому вопросу относительно фон Бломберга и фон Фрича.

Вы ничего не сделали, когда узнали о том, что против фон Бломберга и фон Фрича, которые были вашими старыми друзьями и товарищами, нацистскими заговорщиками были выдвинуты обвинения. Вы ничего не сделали по этому поводу? Вы ничего не сделали для того, чтобы протестовать против обращения, которому были подвергнуты фон Бломберг и фон Фрич? Вы совершенно ничего не сделали, не правда ли?

Редер: Нет. Однако я в то время ничего не знал о тех закулисных причинах, о которых вы сами сообщили сегодня утром. Я ничего не знал об этих причинах. Позже, когда я узнал о деталях, у меня создалась определенная картина, но в то время я не мог предположить, что такие методы возможны.

Файф: В марте 1945 года вы сняли золотой партийный значок, когда увидели следы пыток на руках вашего друга Гесслера. Это правильно?

Редер: Когда я получил это известие, первое, что я сделал, — я пошел с женой на озеро за своим домом и бросил в воду свой золотой партийный значок. Я сообщил об этом адмиралу Фоссу, но, к сожалению, я не мог уже сообщить этого фюреру.

*Покровский*¹: 18 мая, на утреннем заседании суда, вы показали, что за время своей службы в качестве главнокомандующего военно-морским флотом вы два раза подавали в отставку. В первый раз это было в ноябре 1938 года, когда речь шла о строительстве флота и Гитлер был недоволен этим планом. Второй раз — когда Гитлер без вашего ведома разрешил своему адъютанту, являвшемуся морским офицером, жениться на какой-то девушке. Не так ли?

Редер: Да это так.

Покровский: В первом случае из этих двух Гитлер вас уговаривал не подавать в отставку?

Редер: Да.

Покровский: Во втором случае он уступил вам, но запомнил это навсегда?

Редер: Да, это так.

Покровский: Фактически в отставку вы ушли в январе 1943 года? Это правильно?

Редер: Фактически да.

Покровский: Утром 18 мая вы сказали здесь, в суде, по поводу

¹ Заместитель Главного обвинителя от СССР. — Составители.

вашей отставки, что вам казалось, что Гитлер в тот момент хотел от вас отделаться. Это правильно?

Редер: В тот период у меня сложилось впечатление... В связи с тяжестью обвинения, которое он предъявлял мне и которое противоречило его прежним суждениям, у меня создалось впечатление, что он хочет освободиться от меня и что поэтому сейчас самый благоприятный момент уйти в отставку.

Покровский: Вопрос о преемниках был разрешен таким образом, что вы назвали Гитлеру несколько фамилий?

Редер: Да.

Покровский: И среди них был подсудимый Дениц? Вы назвали его фамилию?

Редер: Да, я назвал его фамилию в письменной форме. Я сообщил фюреру: во-первых, Карле; во-вторых, — на тот случай, если он хочет перенести центр тяжести на подводную войну, — чтобы он назначил адмирала Деница, который пользовался в этой области наибольшим авторитетом.

Покровский: Не кажется ли вам после ваших ответов на мой вопрос, что тот ответ, который вы дали адвокату Латернзеру 18 мая об абсолютной невозможности уйти в отставку из генерального штаба, не является верным? Ведь можно было выходить в отставку?

Редер: Да.

Покровский: Вы утверждали, что за время своей службы вы всегда стремились к нормализации отношений Германии и Советского Союза. Это правильно?

Редер: Да, я всегда выступал за политику Бисмарка, которая заключалась в том, чтобы мы шли в ногу с Россией.

Покровский: Если я правильно понял ваше показание позавчера и в пятницу, то вам было известно уже в 1940 году о том, что Гитлер хотел напасть на Советский Союз?

Редер: В сентябре 1940 года я в первый раз услышал лично от Гитлера несколько высказываний о том, что он при определенных предпосылках предполагает вести войну с Россией. Он еще в своих директивах говорил об условиях для этого. Тогда таким образом он не говорил мне о том, что он, безусловно, хочет вести войну, а указывал, что мы должны считаться с возможностью войны. Это стоит в первом абзаце, а именно, что мы должны были выступить с оружием в руках против России еще до поражения Англии, и уже в сентябре я начал делать ему представления по этому поводу.

Покровский: Не было ли такого случая, когда бы вы утверждали, что те объяснения, которые давали официальные германские органы о причинах нападения на Советский Союз, производили на вас и на других лиц впечатление целеустремленной пропаганды и действовали отталкивающе?

Редер: Да, вы, очевидно, имеете в виду то, что в начале войны было сообщено по радио от имени министерства иностранных дел? Да, это была пропаганда Гитлера для того, чтобы объяснить немецкому народу эту войну. Это правильно.

1• Ганс Латернзер выступал на процессе в качестве адвоката по делу генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил (ОКВ). — Составитель и.

Покровский: Я хочу, чтобы вы взглянули на один документ. Этот документ написан вами, и я хочу, чтобы вы сказали, написано ли в этом документе то, о чем я сейчас вас спрашиваю.

Редер: Где это? «В начале войны» — это место? Разрешите прочитать? «Изданные в начале войны пропагандистские, политические и военные статьи министерства иностранных дел и командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушениями со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они носили слишком большой отпечаток определенно направленной пропаганды и производили отталкивающее впечатление».

Мне кажется, что в то время сам Гитлер вместе с Геббельсом составлял эти документы.

Покровский: Вместе с этим вопросом у меня к вам следующий вопрос. Следует ли вас понять таким образом, что ваши расхождения с Гитлером по вопросам внешней политики и в части агрессивной войны были менее остры, чем в вопросе, ну, скажем, о женитьбе морского офицера на какой-то девушке?

Редер: Нет. Все это проходило в совершенно другой плоскости. Это были военные вопросы, где, в конце концов, политическое решение принималось фюрером. Я очень резко выступал против его взглядов, когда речь шла о вопросах морали; так же резко я выступал и по поводу пакта.

Покровский: Вы говорите, что это вопросы морали. Не кажется ли вам, что нападение на страну, с которой Германия имела договор о ненападении, также связано с вопросами морали?

Редер: Да, само собой разумеется, я сказал, что и здесь главное внимание я обратил на моральную сторону вопроса.

Покровский: Переходим к следующему вопросу. 29 сентября 1941 г. ваш начальник штаба, адмирал Фрике...

Редер: Да, Фрике был начальником штаба командования военноморских сил.

Покровский: Вот этот, самый Фрике издал директиву о будущей судьбе Ленинграда. Вы знаете, о каком документе идет речь, или вам нужно его показать?

Редер: Нет, я знаю этот документ совершенно точно.

Покровский: Эта директива была издана с вашего согласия?

Редер: Я не отдавал об этом приказа... Я не помню, по какому поводу, но совершенно незадолго до того времени, о котором вы говорили, адмирал Фрике был в главной ставке и беседовал там с фюрером. Я не присутствовал при этой беседе. Фюрер изложил перед ним этот проект обстрела Петербурга с самолетов, причем в тех весьма преувеличенных выражениях, которые затем были включены в этот документ.

Покровский: У советского обвинения больше нет вопросов к подсудимому Редеру.

Зимерс: Сэр Дэвид² огласил вам на странице 158 следующее предложение, которое я хочу повторить, так как оно нуждается в объяснении.

¹ Защитник подсудимого Редера. — Составители.

² Имеется в виду представитель обвинения от Великобритании Дэвид Максвелл Файф.—Составители.

«Возможно, что именно в области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживалась границ германо-английского договора. С учетом количества тех подводных лодок, строительство которых уже началось, на 1938 год можно было запланировать строительство примерно 55 подводных лодок. В действительности было построено и начато строительством 118 подводных лодок».

Я напоминаю вам о том, что в подлиннике — это примечание 6, записка начальника бюджетного отдела штаба военно-морского флота...

Редер: Да.

Замере: ...относящаяся к 1942 году, в которой предположительно начальник бюджетного отдела ВМФ сообщил, насколько в течение года был увеличен подводный флот. Я думаю, что эти цифры требуют разъяснения.

По моим сведениям, эти 55 подводных лодок соответствуют условиям Лондонского соглашения, а именно соответствуют тем 45 процентам, которые были установлены по договору 1935 года.

Вы не можете по памяти назвать точные цифры, но приблизительно это правильно?

Редер: Да, это может быть правильным.

Замере: Число 118, по моим данным, также хорошо обосновано. Это число, соответствующее стопроцентному, по тоннажу, отношению подводных флотов. Если бы у нас было 118 подводных лодок, то наш подводный флот был бы таким же, каким располагала в то время Англия. Это правильно?

Редер: Да, это верно. И верно также то, что эти остальные подводные лодки мы включили в бюджет и начали постройкой после того, как 30 декабря в Берлине мы с адмиралом Кэннинхэмом и сопровождавшими его лицами достигли дружественного соглашения о том, что в соответствии с договором мы можем строить все 100 процентов.

Зимерс: Я хочу напомнить Высокому Трибуналу о том, что в морском соглашении 1935 года с самого начала было предусмотрено 100 процентов и что Германия добровольно отказалась от этого, но получила право в любое время перейти к 100 процентам с обязательством известить об этом Англию.

Таким извещением явилось то, что вы нам сейчас описали — переговоры с адмиралом Кэннинхэмом. Правильно ли я вас понимаю?

Редер: Да, это было 30 декабря 1938 г., 30 или 31 декабрям

Председатель: Утверждает ли подсудимый, что было уведомление адмиралу Кэннинхэму 30 декабря 1938 г.? Вы это сказали? Утверждает ли он, что такое извещение было послано адмиралу Кэннинхэму 30 декабря?

Редер: Г-н адмирал Кэннинхэм приехал в Берлин для этих дружественных переговоров, предусмотренных по договору, и 30 декабря мы

•с ним достигли соглашения о том, что отныне вместо 45 процентов можно

•будет строить 100 процентов.

Председатель: Это была устная или письменная договоренность?

Редер: Это были переговоры между начальником штаба военно-морского флота и адмиралом Кэннинхэмом и отдельными лицами, я

•сейчас не могу их назвать. Я считаю, что, вероятно, был составлен протокол.

Председатель: Продолжайте.

Редер: Я могу добавить, что, помимо этого вопроса о подводных лодках, был также урегулирован вопрос о двух тяжелых крейсерах, от которых мы также временно отказались. Мы хотели в тот период построить только три и просили согласия на то, чтобы мы могли теперь построить и полагающиеся нам еще два крейсера. Об этом также было достигнуто соглашение в соответствии с договором.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ДЕНИЦА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 9—10 мая 1946 г.]*

Файф¹: Подсудимый, я хочу, чтобы прежде всего вы ответили мне на несколько вопросов по поводу вашего назначения главнокомандующим военно-морским флотом 30 января 1943 г. Скажите, как главнокомандующий военно-морским флотом, вы имели ранг, который приравнивался к рангу имперского министра, разве это не так?

Дениц: Да, это верно.

Файф: Вы также имели право принимать участие в заседаниях имперского кабинета, если такие совещания имели место?

Дениц: У меня имелись полномочия принимать участие в заседаниях в тех случаях, когда фюрер отдавал распоряжение о том, чтобы я присутствовал на том или ином совещании.

Файф: С того времени как вы стали главнокомандующим военно-морским флотом, имперское правительство, в известной степени, было представлено в штабе Гитлера, не так ли?

Дениц: Правильно.

Файф: Это была военная диктатура, когда диктатор выдвигал нужных ему людей в своих военных штабах. Так или нет?

Дениц: Нельзя сказать, что это была военная диктатура, это вообще не была диктатура.

Файф: Понимаю. Вы видели его (Гитлера) 119 раз в течение двух лет. Вы согласны с этим?

Дениц: Да, причем следует сказать, что с 30 января 1943 г., то есть после того как я стал главнокомандующим военно-морским флотом, до конца января 1945 года, то есть приблизительно за два последних года, число моих посещений равнялось, кажется, 57. Это число было таким большим потому, что в последние месяцы войны я принимал участие в ежедневных обсуждениях военной обстановки, которые имели место на Фоссештрассе в Берлине.

Файф: Я хочу спросить вас относительно некоторых из этих совещаний. На некоторых из них присутствовал подсудимый Шпеер, не так ли?

Дениц: Я не помню, чтобы он присутствовал на обсуждении военной обстановки. Министру Шпееру как лицу гражданскому, собственно, нечего было делать на обсуждении военной обстановки. Но, может быть, он и присутствовал время от времени, тогда, когда речь шла, например,

¹ Заместитель Главного обвинителя от Великобритании.—Составители.

о производстве танков, то есть о вещах, которые находились в непосредственной связи с какими-либо военными соображениями фюрера.

Файф: Это как раз то, о чем я хотел вас спросить. Подсудимый Шпеер присутствовал на тех совещаниях, когда обсуждался вопрос о снабжении различных родов войск, включая вопрос о снабжении флота?

Дениц: Вопросы снабжения флота никогда не обсуждались на больших военных совещаниях. Эти вопросы, как я уже сказал, обсуждал только фюрер лично, обычно в присутствии Кейтеля и Иодля. Обычно я докладывал фюреру, заранее переговорив с министром Шпеером, которому я, когда я стал главнокомандующим военно-морским флотом, передал все снабжение военно-морских сил. Таково было положение в общих чертах.

Файф: Занимая положение главнокомандующего флотом, вы, очевидно, должны были интересоваться вопросами очередности распределения материалов и использования рабочей силы. Вы хотели, очевидно, знать, как должна была быть распределена рабочая сила на ближайший период времени. Не так ли?

Дениц: Я пытался добиться того, чтобы на основании решения фюрера министру Шпееру было поручено строить как можно больше, например, новых подводных лодок, которые были в то время для меня необходимы; однако существовали пределы производственной мощности, поскольку министр Шпеер должен был удовлетворять запросы всех частей вооруженных сил.

Файф: И поэтому вы должны были быть очень заинтересованы в том, чтобы узнать данные о рабочей силе, необходимой для снабжения военно-морского флота и другого снабжения, с тем, чтобы убедиться, что вы получаете вашу справедливую долю?

Дениц: Я никогда не знал и не знаю до сих пор, какое количество рабочих Шпеер использовал на производстве вооружения для военно-морского флота. О том, какое количество их работало на военно-морской флот, я не имею ни малейшего представления.

Файф: Вы помните, что вы говорили о Шпеере как о человеке, который держит в своих руках производство Европы? Это было 17 декабря 1943 г. Несколько позже я вам покажу этот документ. Но вы помните, что вы о нем так говорили?

Дениц: Да, я это очень хорошо помню.

Файф: Разве вы не знали о том, что Шпеер получал свою рабочую силу из числа иностранных рабочих, которые доставлялись в империю?

Дениц: Само собой разумеется, я знал, что в Германии были иностранные рабочие.

Файф: Разве гаулейтер Заукель не рассказывал вам по поводу своей поездки, что он доставил 5 000 000 иностранных рабочих в империю, из которых лишь 200 000 прибыли добровольно?

Дениц: Я ни одного раза не имел переговоров с гаулейтером Заукелем. Я вообще ни с кем не говорил по вопросу о рабочей силе.

Файф: И вы заявляете Трибуналу, что после совещания с Гитлером и Шпеером вы не знали, что рабочая сила доставлялась путем насильственного угона иностранных рабочих в империю?

Дениц: Во время моих совещаний с Гитлером и Шпеером методы набора рабочей силы вообще не обсуждались. Методы меня вообще не интересовали.

Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что вы обсуждали эти вопросы со Шпеером и что он вам никогда не говорил, откуда он получал рабочую силу? Это ваш ответ на этот вопрос?

Дениц: Да, я это утверждаю.

Файф: Я хочу задать еще один вопрос. Согласно тому, что заявил д-р Латернзер, 29 июня 1944 г., помимо подсудимых Кейтеля, Йодля и Геринга, также присутствовали на этом совещании и маршал фон Рундштед и маршал Роммель. Я хочу напомнить вам, что это было через три недели после того, как союзники начали вторжение в Западную Европу. Вам дана была полная возможность — не так ли? — ознакомиться со стратегическим положением после вторжения союзников в Норвегию. Разве это не так?

Дениц: Да, я тогда на основании этого получил представление о положении в Нормандии после высадки там противника и был в состоянии доложить фюреру, какие из моих небольших новых средств борьбы я могу использовать в этом районе.

Файф: Теперь давайте рассмотрим деятельность другой части правительства в общих чертах. Рейхсфюрер СС Гиммлер также присутствовал на ряде таких конференций. Так это было или нет?

Дениц: Да, когда там присутствовал рейхсфюрер СС Гиммлер, — насколько я помню, это было раз или два,—он там представлял интересы своих войск СС.

Файф: Гиммлер, согласно имеющимся данным, присутствовал, по крайней мере, на семи таких совещаниях, а его представитель в штабе фюрера—Фегелейн присутствовал, по имеющимся данным, по крайней мере, на пяти таких совещаниях. Что Гиммлер говорил там о войсках СС, о подвигах дивизии «Мертвая голова»?

Дениц: Фегелейн присутствовал на обсуждении обстановки всегда, постоянно, так как он был постоянным представителем. Когда рейхсфюрер СС присутствовал на обсуждении, он говорил только о войсках СС и притом только о тех дивизиях СС, которые использовались где-нибудь в составе сухопутных сил.

Файф: Войска СС использовались в большом количестве в концентрационных лагерях, и вы говорите, что Гиммлер никогда не говорил об этом?

Дениц: О том, что дивизия «Мертвая голова» использовалась в концентрационных лагерях, я узнал лишь здесь, в Нюрнберге.

Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали Трибуналу о том, какой вопрос обсуждался на совещании, когда на нем присутствовали не только Кальтенбруннер, но и обергруппенфюрер СС Штайнер, ваш адъютант и генерал-лейтенант Винтер. Для чего эти господа присутствовали на этом совещании и что они вам сообщили?

Дениц: Этого я уже не помню, но я помню, что Штайнер получил приказ относительно использования армейской группы, которая в Померании должна была нанести удар с севера на юг, чтобы помочь Берлину. Я думаю, возможно, что, когда присутствовал Штайнер, обсуждался этот вопрос, который меня не касался.

Файф: Я хочу, чтобы вы перешли к вопросу, который вам был хорошо известен, — вопросу относительно приказа о расстреле «командос», изданного фюрером 18 октября 1942 г. Вы сообщили нам, что узнали об этих приказах в период, когда были командующим подводным флотом. Помните ли вы документ, согласно которому штаб военно-морского флота распространял этот приказ? Вы помните, что там говорилось следующее: «Этот приказ не должен распространяться в письменном виде командующими флотилий, командующими соединениями или офицерами этого ранга. После распространения этих приказов в устной форме низшим инстанциям вышеозначенные офицеры должны передать этот приказ высшим властям, которые несут ответственность за изъятие и уничтожение этого приказа».

Вы помните это?

Дениц: Да, я читал его здесь снова, когда видел здесь приказ. На обратной странице, однако, также сказано, что об этом мероприятии было сообщено в приказе по вооруженным силам.

Файф: Одобрите ли вы этот приказ или нет?

Дениц: Сегодня, после того как я узнал, что основания для этого приказа не были столь несомненными, я не согласен с этим приказом.

Файф: Вы одобрили этот приказ, когда были главнокомандующим военно-морским флотом Германии в начале 1943 года? Вы одобрили этот приказ тогда?

Дениц: Я, будучи главнокомандующим военно-морским флотом, не занимался этим приказом. Как я отнесся к этому приказу, когда я был главнокомандующим подводным флотом, я уже объяснил. Я отнесся к этому приказу как к приказу возмездия... Я отрицательно отношусь к этому приказу сейчас, после того как узнал, что данные, которые привели к изданию этого приказа, не были обоснованными.

...Файф: Мы можем принять за факт то, что вам было известно о существовании концентрационных лагерей?

Дениц: Этого я никогда не отрицал.

Файф: И я полагаю, что вы пошли еще дальше — не правда ли? — когда вас спросили об этом 28 сентября. Тогда вы сказали: «Я вообще знал о том, что у нас имелись концентрационные лагеря. Это ясно.

Вопрос: От кого вы узнали об этом?

Ответ: Весь немецкий народ знал об этом».

Вы помните, что вы именно так сказали?

Дениц: Да. Немецкий народ знал, что существовали концентрационные лагеря, но он ничего не знал о положении в них и применявшихся там методах.

Файф: Я только хочу, чтобы вы мне ответили на следующее: после того как вы выдвинули предложение о том, чтобы вам предоставили 12 000 рабочих из концентрационных лагерей,—получили вы их или нет?

Дениц: Я этого не знаю. Об этом я больше не беспокоился.

Файф: Пожалуйста, придерживайтесь прямого ответа. Ответ ваш заключается в том, что вы не знаете, получили вы их или нет, если допустить, что вы их действительно получили.

Дениц: Я вообще не получал людей, поскольку я не имел никакого отношения к верфям. Поэтому я не знаю, каким образом лица, ответственные за работу на верфях, получали рабочее пополнение. Этого я не знаю.

Файф: Подсудимый, было ли вам известно, что в первый день войны командование военно-морского флота обратилось к министерству иностранных дел с заявлением о том, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие военно-морских сил, только в том случае, если подводным лодкам будет разрешено неограниченное использование оружия без предупреждения против союзных и нейтральных судов на обширных водных пространствах? Знали ли вы, о том, что с самого первого дня войны командование военно-морского флота заявило об этом германскому министерству иностранных дел?

Дениц: Я не думаю, что штаб ВМФ передал мне в свое время такой текст, даже если я так и сказал, чего я не помню.

Файф: В таком случае, возможно, вам будет легче вспомнить об этом, если вы взглянете на это письмо.

Я буду останавливаться на отдельных частях этого документа, потому что вы, может быть, не знаете первой его части. Я вам ее прочитаю, и затем мы вместе обратимся к меморандуму.

«С почтением доводится до сведения государственного секретаря», то есть барона фон Вайцекера, «с приложением меморандума.

Начальник оперативного отдела военно-морского командования капитан Фрике информировал меня по телефону о том, что фюрер уже рассматривал этот вопрос. Однако здесь создалось такое впечатление, что надо вновь заняться этим вопросом, с политической точки зрения, » вновь представить его на рассмотрение фюреру. Капитан Фрике в связи с этим послал капитана второго ранга Нойбауэра в министерство иностранных дел для того, чтобы подвергнуть этот вопрос дальнейшему обсуждению». Это подписано: «Альбрехтан, 3 сентября 1939 г.».

Затем идет текст меморандума.

«Вопрос о неограниченной подводной войне против Англии обсуждается в прилагаемом документе, представленном высшим военно-морским командованием.

Командование военно-морского флота пришло к тому заключению, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие сил, только в том случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия без предупреждения против неприятельских и нейтральных судов в запретной зоне, указанной на прилагаемой карте.

Военно-морское командование при этом учитывает, что:

а) тем самым Германия открыто откажется от соглашения 1936 года относительно ведения экономической войны;

б) военные операции такого рода не смогут быть оправданы на основании общепринятых до настоящего времени принципов международного права».

I

И затем продолжается рассмотрение этого вопроса.

Заявляете ли вы данному Трибуналу, что подсудимый Редер никогда не консультировался с вами по этому вопросу и никогда не сообщал вам об этом до тех пор, пока эти документы не были переданы в министерство иностранных дел?

Дениц: Нет, этого он не делал.

...*Файф:* Скажите, было ли сделано какое-либо предупреждение перед потоплением «Атении»?

Дениц: Нет, я уже сказал, что в этом случае имела место ошибка...

Файф: Приходило ли вам когда-либо в голову, что случаи потопления торгового судна без предупреждения означали смерть или ужасные страдания для команды и моряков торгового флота?

Дениц: Само собой разумеется. Но если торговое судно потоплено законно, то ничего не поделаешь, война.

Файф: Рассматриваете ли вы с гордостью тот факт, что 35 000 британских моряков торгового флота погибли в течение войны?

Дениц: Люди гибнут во время войны, и этим никто не гордится.

Файф: Теперь скажите, знали ли вы о том, что судовой журнал подводной лодки, потопившей «Атению», был подделан после этого происшествия?

Дениц: Нет, он не был мошеннически подделан. Был издан совершенно четкий приказ о том, что случай с «Атенией» необходимо сохранить в тайне по политическим соображениям, и поэтому должны были быть изменены записи в судовых журналах.

Файф: Понятно. Вам не нравится слово «подделан». Хорошо, я буду употреблять слово «изменен» для определения того, что одна страница журнала была вырезана и заменена фальшивой. Вы об этом знали?

Дениц: Сейчас я не могу сказать этого. Возможно, что капитан Лемм получил от меня или моего штаба указание: «Этот случай сохранить в тайне». И поэтому он или командир флотилии вел дневник военных действий, который направлялся в десять различных отделов военно-морского штаба, и изменил его.

Файф: Я хочу знать, по вашему ли приказу и с вашего ли ведома тот корабельный журнал был изменен? Вы можете ответить?

Дениц: Да, это произошло либо по моему приказу, либо, если бы этого не было сделано, я должен был отдать такой приказ, так как существовало политическое указание: «Этот случай сохранять в тайне».

Файф: Хорошо. Теперь остается еще один вопрос, который я хотел бы у вас выяснить, причем очень коротко. Вы были убежденным приверженцем идеологического воспитания ваших военнослужащих, не правда ли?

...И вы хотели, чтобы ваши командиры внедряли в военно-морской флот доктрины нацистской идеологии, не так ли?

...Взгляните на страницу 7 английской книги документов. Мне кажется, что там написано почти в точности то, что я спросил. Последнее предложение гласит: «Весь офицерский состав должен быть настолько пропитан доктринами, чтобы он чувствовал себя полностью ответственным за национал-социалистское государство в целом. Офицер является представителем государства; пустая болтовня о том, что офицер должен быть совершенно аполитичен, является полнейшим абсурдом». Ваша точка зрения такова, не правда ли?

Дениц: Я сказал это... Но следует прочитать с самого начала, где написано, что наша дисциплина и наша энергия сейчас неизмеримо выше, чем в 1918 году, и именно потому, что нас поддерживает единство народа. А если бы этого не было, то наши войска давно были бы разбиты. По этой причине я так и сказал.

Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на страницу 8 английской книги документов, где приводятся выдержки из вашего выступления в «день героев», 12 марта 1944 г. Вы сказали следующее:

«Что стало бы с нашей родиной, если бы фюрер не объединил нас под знаменем национал-социализма. Разбитые на различные партии, осаждаемые распространяющимся ядом еврейства и не имея никаких средств защиты, мы бы давно уже надломились под тяжестью этой войны и предали бы себя врагу, который бы нас безжалостно уничтожил».

Я спрашиваю вас, что вы имели в виду под «распространяющимся ядом еврейства»? Это ваша фраза, и вы объясните нам, что вы под ней подразумевали.

Дениц: Я могу представить себе, что населению городов очень трудно было бы выдержать последствия бомбардировок, если бы оказывалось такое влияние. Это я и хотел сказать здесь.

Файф: Подобное высказывание относительно «распространяющегося яда еврейства» создавало мировоззрение, которое привело к умерщвлению от 5 до 6 миллионов евреев за последние несколько лет. И вы хотите сказать, что ничего не знали относительно действий и намерений, направленных к тому, чтобы покончить с евреями и истребить их?

Дениц: Да, само собой разумеется, я утверждаю это. Я ровно ничего не знал об этом...

Покровский: У советского обвинения есть несколько вопросов к подсудимому Деницу.

Скажите, подсудимый Дениц, обращение к германскому народу и приказ войскам в связи со смертью Гитлера были составлены вами 30 апреля 1945 г., не так ли?

Дениц: Да.

Покровский: В этих документах вы сообщали, что преемником Гитлера, которого он назначил сам, являетесь именно вы. Это правильно?

Дениц: Да.

Покровский: Задавали ли вы себе вопрос, почему именно на вас пал выбор Гитлера?

Дениц: Да. Этот вопрос я задал себе, когда получил эту телеграмму, и я пришел к заключению, что, после того как рейхсмаршал сошел со сцены, я был старшим солдатом самостоятельной части вооруженных сил и что это было причиной моего назначения.

Покровский: В обращении к армии и народу вы требовали проведения военных действий и всех желавших прекратить сопротивление называли трусами и предателями. Не так ли?

Дениц: Да.

Покровский: 30 апреля, то есть в тот день, когда вы издали оба документа, о которых мы сейчас говорим, была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопротивления со стороны гитлеровской Германии. Вы поняли мой вопрос, согласны вы с этим?

Дениц: Да, я понял вопрос. Я могу сказать следующее: на Востоке я должен был продолжать бороться для того, чтобы спасти беженцев, двигавшихся на Запад...

Покровский: Вы не ответили на мой вопрос, подсудимый Дениц, хотя он был поставлен абсолютно ясно.

¹ Заместитель Главного обвинителя от СССР. — Составители.

Согласны ли вы с тем, что уже 30 апреля была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопротивления со стороны гитлеровской армии? Да или нет, ответьте мне на вопрос.

Дениц: Нет, нет, это не было ясно...

Покровский: Но будете ли вы отрицать, что ваш приказ продолжать войну привел к дополнительному кровопролитию?

Дениц: Очень незначительному в сравнении с одним-двумя миллионами, которые погибли бы в противном случае.

Покровский: Я хочу, чтобы вы окончательно уточнили вопрос о том, рассматриваете ли вы себя прежде всего как политика или как солдата, который только выполнял приказы своего высшего начальства без всякого анализа политического смысла и содержания этих приказов?

Дениц: Как глава государства после 1 мая я был политиком.

Покровский: А до этого?

Дениц: Чисто солдатом.

Покровский: 8 мая 1946 г. в этом зале вы сказали: «Как солдат я не имел в виду тех политических соображений, которые могли существовать». 10 мая, когда речь шла о подводной войне, вы сказали: «Я не как солдат занимался военными задачами». Это правильно?

Дениц: Совершенно правильно. Я и говорю, что до 1 мая 1945 г. я был только солдатом.

Покровский: Сэр Дэвид Максвелл Файф минут пятнадцать назад обращался к двум документам, в частности к документу ГВ-186 и Д-640. Он привел вам одну фразу, которая находится в очень резком противоречии с тем, что вы сказали сейчас. Вы помните эту фразу? «Бессмысленная болтовня...»

Дениц: Да, я помню ее очень хорошо.

Покровский: Я прошу вас сказать, как можно примирить эти крайне противоречивые высказывания. Высказывания как о болтовне, что офицер—не политик, имели место 15 февраля 1944 г., тогда как вы не были еще главой государства. Правильно?

Дениц: Если солдат во время войны стоит за свою нацию и за свое правительство, то он тем самым не становится политиком. Так сказано в этой фразе, и это имелось в виду.

Покровский: ...Не считаете ли вы, что именно потому, что вы проявляли себя фанатичным последователем фашизма, фашистской идеологии, на вас как на своем преемнике и остановился Гитлер, которому вы были известны как его фанатический последователь, способный призывать армию к любому преступлению в духе гитлеровских заговорщиков и называть эти преступления чистым идеализмом? Вы поняли Моги вопрос?

Дениц: Да, на это я могу лишь ответить, что я этого не знаю. Я уже объяснил вам, что законным преемником был рейхсмаршал, но что в результате прискорбного недоразумения, возникшего за несколько дней до моего назначения, он был исключен из игры, и я после него был следующим старшим по чину солдатом из самостоятельной части вооруженных сил. Я думаю, что этот момент был решающим. То, что фюрер доверял мне, возможно, тоже играло при этом некоторую роль.

Покровский: У советского обвинения, г-н председатель, больше нет вопросов к подсудимому.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ИОДЛЯ

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 6 июня 1946 г.]

*Роберте*¹; Подсудимый, вы сказали Трибуналу два дня назад, что вы солдат по крови, не правда ли?

Иодль: Да, это верно.

Роберте: Очень хорошо, и вы сказали вчера, что вы находитесь здесь для того, чтобы защитить честь германского солдата, это правильно?

Иодль: Да, я прилагаю к этому все усилия.

Роберте: Очень хорошо. И вы считаете себя честным солдатом?

Иодль: Да, я делал это вполне сознательно.

Роберте: И вы заявили также, что вы являетесь правдивым человеком?

Иодль: Да, я охарактеризовал себя таким, и я таким и являюсь.

Роберте: Очень хорошо. Не считаете ли вы, что вы запятнали свою честь действиями, которые, как вы говорите, вы должны были совершать в течение последних шести-семи лет?

Иодль: Моя честь, конечно, не была запятнана, ибо ее я оберегал лично.

Роберте: Очень хорошо. Итак, вы говорите, что ваша честь не запятнана? Действительно ли в течение последних шести-семи лет, когда, как вы сказали, вы должны были предпринять различные действия, ваша правдивость оставалась на том же высоком уровне?

Иодль: (Ответа нет.)

Роберте: Можете ли вы ответить на этот вопрос?

Иодль: Я думаю, что я слишком глуп для этого вопроса.
(Смех в зале.)

Роберте: Если вы считаете себя слишком глупым, то я не настаиваю на ответе. Я оставлю этот вопрос и перейду к следующему.

В 1935 году вы были подполковником и возглавляли отдел имперской обороны вооруженных сил Германии. Это правильно?

Иодль: Совершенно верно.

Роберте: Это отдел «Л» — отдел имперской обороны. Это правильно?

Иодль: Да, это верно.

Роберте: Фельдмаршал фон Бломберг был вашим начальником?

Иодль: Фельдмаршал фон Бломберг не был моим прямым начальником.

Роберте: Приходилось ли вам работать с фельдмаршалом фон Бломбергом?

Иодль: Я неоднократно делал ему лично доклады, но, естественно, не так часто, как начальник общего управления вооруженных сил.

Роберте: Присутствовали ли вы вместе с ним на совещаниях штаба?

Иодль: Совещаний в большом кругу при фон Бломберге я не посещал. Я думаю, что редко был там кто-либо, кроме генерала Кейтеля, меня и, возможно, еще начальника другого отдела:

¹ Представитель обвинения от Великобритании. — Составитель]

Роберте: Можно ли их было назвать совещаниями штаба?

Иодль: Нет, те совещания состоялись у начальника общего управления вооруженных сил.

Роберте: Посещали ли вы совещания штаба?

Иодль: Да, конечно, я ведь принадлежал к штабу,

Роберте: Очень хорошо, я так и думал. Сейчас, пожалуйста, обратите внимание на документ С-139, представленный в качестве доказательства под номером США-53. Прежде всего посмотрите на подпись. Там имеется подпись фон Бломберга, не так ли?

Иодль: Да. Это подписано фон Бломбергом.

Роберте: Хорошо. Здесь идет речь об операции «Шулунг». Помните ли вы, что означала операция «Шулунг»?

Иодль: (Ответа нет.)

Роберте: Это означает ремилитаризацию Рейнской области, не так ли?

Иодль: (Ответа нет.)

Роберте: Вы можете ответить на мой вопрос?

Иодль: Я смогу ответить, как только прочту это.

Председатель: Подсудимый, вопрос был следующий:

Помните ли вы, что означала операция «Шулунг»? Мне кажется, нет необходимости читать документ для того, чтобы ответить на этот вопрос.

Иодль: По моим воспоминаниям, которые, возможно, зародились в процессе изучения документов здесь, в Нюрнберге, понятие «Шулунг» означало подготовку для занятия линии Рейна после эвакуации немецкими войсками западного побережья Рейна в случае французских санкций...

Роберте: Очень хорошо, я согласен.

В таком случае идет речь о реокупации Рейнской области. Вы с этим согласны?

Иодль: Нет, здесь речь идет не о реокупации Рейнской области: Это совершенно неверно, здесь...

Роберте: Давайте в таком случае вместе посмотрим на этот документ и познакомимся с его содержанием. Прежде всего этот документ датирован 2 мая 1935 г.: «Для операции». Этот документ был, очевидно, настолько секретным, что его не могли даже доверить стенографистке. Весь документ полностью написан от руки и представляет собой рукопись. Не так ли?

Иодль: (Ответа нет.)

Роберте: Вы можете ответить на этот вопрос? Разве вы не видите, написан этот документ от руки или нет?

Иодль: Да, он написан от руки.

Роберте: Почему же вы сразу не сказали этого? Сейчас посмотрим на этот документ. Он исходит от имперского министра обороны, то есть от фон Бломберга, не так ли? Это второй экземпляр—«Для личной передачи». Он предназначается для верховного главнокомандующего армией, верховного командующего военно-морским флотом и имперского министра германских военно-воздушных сил. «Для операции вооруженных сил, которая была разработана на последнем заседании штаба», — вот поэтому-то я вас и спрашивал о том, посещали ли вы совещания штаба, — я и установил кодовое слово «Шулунг». Затем я очень кратко коснусь содержания: «Эта операция представляет собой совместное дей-

ствие трех родов войск. Она должна быть выполнена...» И затем несколько ниже идет фраза, с которой мы очень хорошо знакомы: «Нанесение внезапного и молниеносного удара. Необходимо это держать в строжайшей тайне... численность армии мирного времени...» И далее:

«Всякое улучшение нашего вооружения даст возможность расширить и улучшить подготовку». Затем; «Я спросил главнокомандующего армией:

«Сколько дивизий готовы к этим действиям?» — не батальонов, как вы сказали вчера. — «Подкрепление недостаточно сильных частей, находящихся там...»,—это значит на западе...,—«должно итти за счет дивизий, находящихся в Восточной Пруссии, которые могут быть немедленно переброшены туда по железной дороге или морем. Верховное командование военно-морским флотом должно обеспечить безопасность доставки этих частей из Восточной Пруссии морем, в случае если не будет возможности использовать железнодорожный транспорт». К чему бы еще могли относиться эти секретные инструкции и причем секретные настолько, что они должны были содержаться только в рукописном виде,, если не к реокупации Рейнской области?

Иодль: Если вы мне разрешите дать хотя бы краткое объяснение, то суд сэкономит много времени.

Роберте: Пожалуйста, подсудимый, сначала отвечайте на мой вопрос, а затем давайте свои объяснения, конечно, если они будут краткими. Мой вопрос заключается в следующем: к чему еще могло это относиться, если не к реокупации Рейнской области?

Иодль: Я не ясновидец. Я не знаю этого документа. Я его никогда не читал. Я в это время не находился в управлении вооруженных сил, здесь совсем другие подписи, — я был в оперативном управлении сухопутных сил. Я никогда не видел этой бумаги и никогда о ней не слышал. Если вы посмотрите на дату 2 мая 1935 г., то вы документально убедитесь в этом, так как я поступил в управление вооруженных сил лишь в середине июня 1935 года. Таким образом, я могу на основании моего образования, полученного в генеральном штабе, представить лишь несколько своих предположений, но Суд ведь не желает слышать предположения.

Роберте: Очень хорошо. В том именно и заключается ваш ответ, что вы, присутствуя на заседаниях штаба и слушая заявления фельд-маршала фон Бломберга, не можете сказать Трибуналу, что означает этот секретный приказ?

Иодль: Это было до меня, в это время я не был при фон Бломберге..

Роберте: Хорошо. Сейчас обратитесь, пожалуйста, к документу ЕС-405.

Председатель: Подсудимый, вы сказали, что помните о том, что операция «Шулунг» означала подготовку к операции в Рейнской области, не так ли?

Иодль: Нет, сказал обратное. Я сказал, что слово «Шулунг» («Обучение») я услышал в первый раз здесь, на суде, и долго думал над тем, что это могло быть.

Председатель: Хорошо. Трибунал будет иметь возможность точно установить, что вы сказали, по стенографическим записям. Итак, вы сейчас утверждаете, что вы не говорили о том, что слово «Шулунг» означало подготовку к реокупации Рейнской области? Н& правда ли?

Иодль: Я хочу сказать, что я как офицер оперативного отделения генерального штаба должен был знать, какие военные приготовления производились тогда.

Председатель: Но это не то, о чем я вас спрашиваю. Сейчас я хотел бы знать, как вы только что ответили на поставленный вам вопрос относительно того, помните ли вы, что означала операция «Шулунг». Что вы ответили на этот вопрос? Возможно, что ваш ответ был неправильно переведен? Что вы сказали?

Иодль: Я сказал, что я, кажется, припоминаю, но не знаю, возликло ли это представление в процессе изучения документов здесь или это представление о «Шулунг» относится к прошлому времени и означает те приготовления, которые были предусмотрены для реокупации немецкими войсками западного побережья Рейна и для занятия линии на Рейне в случае французских санкций, ибо это было единственное, чем мы тогда занимались. К этому относились все эти операции по отводу войск, о которых затем так или иначе упоминалось в документе ЕС-405.

Роберте: Очень хорошо. Сейчас я ссылаюсь на документ ЕС-405.

В этом документе говорится о совещании...

Иодль: Да.

Роберте: Очень хорошо. Вы видите, что это протокол совещания рабочего комитета имперского совета обороны. Этот документ датирован 26 июня 1935 г. В разделе под буквой «Ф» написано, что полковник Иодль говорит об участии в подготовке к мобилизации, а первые три абзаца посвящены вопросу общей мобилизации, и я не хочу их зачитывать, но четвертый абзац зачитаю. Он гласит следующее: «Демилитаризованная зона требует особого отношения. В своей речи от 21 мая 1935 г. и в других высказываниях фюрер заявил, что условия Версальского договора и Локарнского пакта относительно демилитаризованной зоны сейчас выполняются. В ответ на заметку французского поверенного в делах от 17 июня 1935 г. касательно вопроса о «Военном ведомстве по набору» в демилитаризованной зоне германское имперское правительство заявило, что ни гражданские власти по набору, ни другие учреждения в демилитаризованной зоне не получали права проводить какие бы то ни было мероприятия по мобилизации, а именно формирование, обмундирование и вооружение любого воинского соединения, в случае войны или подготовки к войне».

Итак, если бы письмо фон Бломберга, написанное им от руки 2 мая 1935 г., касалось подготовки к внезапной реокупации Рейнской области, то было бы нечестно со стороны фюрера заявить через девятнадцать дней, а именно 21 мая, что условия Локарнского пакта и Версальского договора выполняются. Не правда ли?

...Я продолжу оглашение:

«Поскольку в настоящее время следует избежать политических осложнений за границей при всех обстоятельствах, то поэтому в демилитаризованных зонах -могут проводиться только те подготовительные меры, которые являются срочно необходимыми. Проведение таких приготовлений или намерения о их проведении должны содержаться в строжайшей тайне как в самой зоне, так и в остальной части империи».

«Оружие, обмундирование, знаки различия, форма защитного цвета и другие предметы, связанные с мобилизацией, должны храниться скрытыми».

Сейчас я хочу сослаться на последний абзац, где говорится:

«Изложение директив о мобилизации в письменном виде разрешается только в тех случаях, когда это является абсолютно необходимым для благополучного проведения этих мероприятий в демилитаризованной зоне. Без всякого исключения все подобные материалы должны храниться в сейфах».

Вы собирали оружие и военную форменную одежду в демилитаризованной зоне, не правда ли?

Иодль: Это было оружие и предметы вооружения полиции федеральных земель, охранной полиции федеральных земель, охранной полиции и жандармерии. Там не было войск, и поэтому для них там не было и оружия.

Роберте: Разве полиция носила серую полевую военную форму?

Иодль: Полиция, насколько я знаю, носила серо-зеленую или зеленую форму.

Роберте: В таком случае зачем требовалось держать все это в строжайшем секрете, если речь шла только об обмундировании полиции?

Иодль: Это было снаряжение, предназначенное, кроме того, для усиления таможенной службы, о которой я уже говорил, что намеревались...

Роберте: Подсудимый, вопрос заключается в следующем: зачем требовалась такая секретность, если вы не нарушали Версальского договора? Вы можете ответить на этот вопрос?

Иодль: О необходимости и причинах содержания в секрете всех этих мероприятий я уже подробно говорил в своих показаниях. Я констатирую, что во всей этой предварительной работе речь шла о том, что в случае оккупации левобережья Рейнской области Францией с помощью полиции, жандармерии и усиленной таможенной охраны построить заградительную линию у самого Рейна. Это было намерением в то время, и лишь на этот случай. Я уже показал под присягой, что о реоккупации Рейнской области я узнал лишь за шесть или восемь дней до нее.

Роберте: Я знаю, что вы это показали, и я хочу вам сказать, что ваши показания относительно данного вопроса являются совершенно неправильными, как, очевидно, и по многим другим вопросам. Вернемся сейчас к первому абзацу, который я зачитывал...

В статье 43 Версальского договора говорится: «В области, которая установлена выше, содержание и набор вооруженных сил, как постоянных, так и временных, а также различные военные маневры и выполнение работы, необходимой для мобилизации, также запрещаются».

Я заявляю вам, что мероприятия, предпринимаемые вами, явно нарушали статьи Версальского договора. Вы согласны с этим?

Иодль: Нет, с этим я не согласен.

Роберте: Очень хорошо. Теперь я хочу обратить ваше внимание на документ, который, как считают, является вашей речью, это документ Л-172.

Некоторые места в этом документе написаны вашей рукой, не правда ли?

Иодль: В нем содержится много, очень много перечеркиваний и замечаний, сделанных моей рукой. Но я...

Роберте: Итак, является ли это речью или, вернее, заметками к вашей речи, которую вы произнесли перед гаулейтерами в Мюнхене в 1943 году?

Иодль: Я уже ясно сказал, что это лишь черновые наброски, а не та речь, которая была произнесена мною.

Я вычеркнул там целые страницы и отослал эти черновики обратно, и только потом я произнес свою речь.

Роберте: Признаете ли вы, что первые двадцать девять страниц представляют собой лекцию, которую вы прочитали?

Иодль (просмотрев документ): Да, это моя лекция.

Роберте: Хорошо. Разрешите мне прочитать сейчас протокол второго допроса от 16 ноября 1945 г., за четыре дня до начала процесса.

Этот документ был представлен под номером Л-172. Я показываю вам фотостат документа, с тем, чтобы освежить этот вопрос в вашей памяти.

«Действительно ли документ, который находится перед вами, представляет собою в общем ту речь, которую вы произносили в Мюнхене в ноябре 1943 года?».

Вот ответ: «Да, без сомнения, это примерно одно и то же. Все приложения в отношении различных театров военных действий и другие приложения я не использовал в своей речи. Я их возвратил».

Вы сейчас согласны с вашими ответами на том допросе?

Иодль: В общем и целом вы только подтвердили то, что я сказал.

Роберте: Я хочу знать, представляет ли этот документ в основном то, о чем вы говорили в своей речи? Это ведь не такой материал, который следует просто выбросить в корзину?

Иодль: Введение и заключение, которые находятся здесь, в первом проекте, конечно, в основных чертах, в конечном счете были так произнесены.

Роберте: Сказали ли вам о том, что Гитлер заявил, что германское перевооружение фактически закончено?

Иодль: Нет.

Роберте: Наконец, последний вопрос, который я вам задам: сообщили ли вам о том, что Гитлер заявил, что первой целью в случае войны явятся Австрия и Чехословакия?

Иодль: Это сообщение об усиленной подготовке выступления против Чехословакии имело место. Мне кажется, там говорилось об этом, но я могу сказать лишь, что те детали, которые мне сообщил фельдмаршал Кейтель, теперь я уже не помню, и я знаю только одно, что это не было для меня неожиданностью или сенсацией. Потребовалось лишь внести небольшие исправления уже изданных директив.

Роберте: Вы не присутствовали в Оберзальцберге, когда там находился фельдмаршал Кейтель вместе с Шушником?

Иодль: Нет, я не присутствовал там.

Роберте: Но Кейтель позднее вам сообщил, что там происходило?

Иодль: Он сделал несколько очень кратких замечаний по этому поводу в виде рассказа, так как меня это в большей степени не касалось.

Роберте: Делали ли вы в своем дневнике такую запись — это еле-дующая запись после той, на которую я только что ссылался. Это запись от 11 февраля 1938 г.

«Вечером 12 февраля Кейтель, Рейхенау и Шперле прибыли в Оберзальцберг. Шушник и Шмидт опять подверглись самому тяжелому военному давлению». Кейтель вам говорил об этом?

Иодль: Да, вы только вставили слово «опять», в моем дневнике этого нет. Я лично делал эту запись, в частности, потому, что Кейтель рассказал мне о том, что Рейхенау и Шперле за обедом произносили воинственные речи, в которых они рассказывали о новом вооружении Германии.

Роберте: Очень хорошо. Затем, в марте, — я думаю, что это общеизвестно, — вы подписали или завизировали один или два приказа, касающиеся операции «Отто»?

Иодль: Да, но эта операция называлась тогда не «Отто», а вступлением в Австрию.

Роберте: Когда Гитлер узнал, что Шушниц собирался выяснить мнение народа путем плебисцита, он решил немедленно вторгнуться в страну, не так ли?

Иодль: Да. Мне рассказывали, когда он услышал, что здесь будет оказано необычное давление на общественное мнение путем плебисцита, то сказал: «Этого я ни за что не потерплю». Так мне рассказывали.

Роберте: Он бы не потерпел, чтобы об этом спрашивали общественное мнение?

Иодль: Нет, он не потерпел бы, чтобы с помощью этой хитрости было совершено какое-нибудь насильственное действие по отношению к общественному мнению. Так мне рассказывали.

Роберте: Таким образом, вооруженные силы Германии вторглись затем в Австрию? Это правильно?

Иодль: Это правильно, вооруженные силы вошли в Австрию.

Роберте: И Австрия с этого дня получила все «блага» национал-социализма, это правильно?

Иодль: Это политический вопрос.

Роберте: Я спрашиваю, что она получила? Она получила СС, гестапо, концентрационные лагеря, подавление противников и преследование евреев. Не правда ли?

Иодль: Это вопросы, которыми я не занимался. Об этом вы должны спросить тех, кто был уполномочен заниматься этим.

Роберте: Вы знали, — не правда ли? — когда вы подписывали этот приказ о вторжении в Австрию, что в мае 1935 года Германия дала заверение относительно того, что она будет соблюдать территориальную целостность государства Австрии, что 11 июля 1936 г. ваше правительство и правительство Австрии заключили соглашение о том, что Германия признает полный суверенитет федерального государства Австрии, Вы знали об этих вещах?

Иодль: Я не знал этого в то время; меня как полковника генерального штаба это совершенно не касалось.

Роберте: Имеется ли в вашем дневнике запись — эта выдержка есть в документе Л-172, представляющая проект вашей речи относительно того, что Чехословакия после аншлюсса была заключена в клещи и должна была пасть жертвой?

Иодль: В первом проекте, который я составил, в процессе подготовки к моей речи для гаулейтеров, точно сказано, какие стратегические улучшения наступили в результате отдельных политических мероприятий фюрера. Я имел в виду только прошлое и только эти стратегические последствия.

Роберте: В том, что Чехословакия была заключена в клещи и была обречена на то, чтобы пасть жертвой?

Иодль: В первом проекте я написал, что в результате занятия, аншлюсса, Австрии, стратегическое положение Чехословакии стало совершенно бесперспективным, потому что Чехословакия в любой момент может стать жертвой наступления со взятием ее в клещи. Эта оценка ее стратегического положения является неоспоримым фактом.

Роберте: Я принимаю этот ответ. Теперь я очень коротко коснусь вопроса о Чехословакии. Но ведь вы согласны с тем, как вы вчера сказали, что вопрос заключался в следующем: прежде всего нападение должно быть неожиданным; если вы вообще собирались напасть, то ваше нападение должно было быть внезапным?

Иодль: Да. На основании тех требований, которые поставил фюрер.

Роберте: Прежде всего вы должны были внезапно напасть, а затем войскам понадобилось бы четыре дня для того, чтобы занять боевое положение?

Иодль: Так точно.

Роберте: И поэтому вы должны знать о времени и инциденте, который должен послужить причиной этого нападения; вы должны знать, когда именно произойдет этот инцидент?

Иодль: Да. Я сказал, что следует заблаговременно назначить срок, надо знать его заранее, иначе эти требования будут невыполнимы.

Роберте: Поэтому вы должны сами спровоцировать этот инцидент?

Иодль: Я вчера уже давал подробные показания по этому поводу. Следовало или использовать один из многих инцидентов, или, может быть, оказать некоторую помощь тому, чтобы вызвать такой инцидент, но, как я уже говорил, все это — соображения генерального штаба, которыми мы не придавали бы никакого значения, если бы обнаружили их у французов.

Роберте: В конце документа говорится о том, что либо вооруженные силы, либо контрразведка будут обвинены в организации этого инцидента. Это последний абзац.

Иодль: Да. Я писал: «...организация этого инцидента может быть поручена отделу контрразведки только в том случае, если...» Все это лишь теоретические разработки генерального штаба, сделанные им при ситуации, которую я вчера подробно изложил и которая состояла в том, что ежедневно происходили какие-то инциденты.

Роберте: Я знаю. Затем, если бы это произошло, миру было бы заявлено, что именно этот инцидент заставил Германию вступить в войну?

Иодль: Я не думаю, что это было бы сообщено всему миру.

Роберте: Если вы собирались сказать миру правду, какой же тогда был смысл организовать этот инцидент?

Иодль: Я могу только повторить то, что я подробно рассказал вчера.

Роберте: Вопрос заключается в следующем: если было достаточно правды для того, чтобы оправдать ваше вступление в войну, то зачем же вы тогда хотели организовать инцидент? Если вы не сможете ответить на этот вопрос, то так и скажите.

Иодль: Да. Но совсем не доказано, что я хотел вызвать подобный инцидент.

Роберте: Теперь я хочу по поводу другого вопроса сослаться на последний параграф документа:

«Даже предупреждение дипломатических представителей в Праге невозможно до первого воздушного налета, хотя последствия могут быть серьезными в случае, если они сами станут жертвами такого нападения».

Прочтите этот абзац, который уже известен Трибуналу:

«...имеется в виду смерть представителей дружественных или нейтральных держав».

Здесь речь идет о воздушном налете до какого-либо объявления или какого-либо предупреждения гражданского населения. Это так?

Иодль: Это означает, что этим письмом я указывал фюреру на то, что на основании его приказа, возможно, будут иметь место такие последствия.

Роберте: Я позднее покажу вам, как проводились в жизнь подобные указания в отношении других стран. На этом мы полностью закончим рассмотрение этого документа, и я оставлю вопрос о Чехословакии.

Итак, 23 августа 1939 г. вы были отозваны в ОКВ с вашего прежнего поста в артиллерии. Это мы знаем, не так ли?

Иодль: Да, это так.

Роберте: Хорошо, теперь о польской кампании. Правильно ли я вас понял, когда вы сказали, что Варшаву бомбардировали только после того, как были сброшены листовки?

Иодль: Да, это имело место во время осады Варшавы. Я хочу сказать, что террористический налет, который выразился в артиллерийском обстреле всего города, был произведен только после вторичного предупреждения.

Роберте: Это ведь исторический факт, что рано утром 1 сентября 1939 г. Варшава и целый ряд других польских городов подверглись бомбардировке до объявления войны? Разве это не является историческим фактом?

Иодль: Об этом историческом факте очень подробно говорил фельдмаршал Кессельринг, который хорошо его знает.

Роберте: Я сейчас заканчиваю этот вопрос и перехожу к различным кампаниям на Западе. Что касается Норвегии, то, конечно, вам было известно, что ваша страна неоднократно давала свое торжественное слово соблюдать целостность Норвегии и Дании, не так ли?

Иодль: Да, тогда я, кажется, знал о них. Я полагаю, определенно, да.

Роберте: Очень хорошо. Мы знаем, что в начале войны было дано заверение с тем, чтобы успокоить все западные нейтральные державы. И затем было дано другое заверение, 6 октября, а вы говорите, что в ноябре Гитлер решил вторгнуться в Данию и Норвегию?

Иодль: Да, я уже подробно говорил об этом вчера.

Роберте: Я это знаю.

«Тем временем мы стояли перед проблемой оккупации Норвегии и Дании. Прежде всего грозила опасность, что Англия захватит Скандинавию и тем самым, кроме стратегического окружения с Севера, она приостановит ввоз железа и никеля, что является таким важным для нас с точки зрения военных целей. Во-вторых, это было связано с удовлетворением наших собственных нужд на море, ...что сделало необходимым для нас обеспечить свободный доступ к Атлантике благодаря некоторому количеству воздушных и военно-морских баз». Вам нужны были воздушные базы и базы для подводных лодок, не так ли?

Иодль: Эти базы в военном отношении для нас представляли очень большую ценность, в этом нет никакого сомнения.

Роберте: Вторжение без какого-либо предупреждения или объявления войны?

Иодль: Это политический вопрос.

Роберте: Не было ли величайшим бесчестьем для Германии неоднократно нарушать данное ею слово? Или вы предпочтете не отвечать на этот вопрос?

Иодль: Нет, этот вопрос лучше было бы задать ...лицам, ответственным за политику Германии.

Роберте: Сейчас я перехожу к вопросу о вторжении в Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

У вас нет никаких сомнений по поводу документов относительно того, что в случае войны на Западе намерением Гитлера всегда было нарушить нейтралитет этих трех малых стран?

Иодль: Гитлер с самого начала издания своих приказов о наступлении на Западе намеревался пойти через Бельгию, но в отношении Голландии он долгое время делал оговорки, которые были отброшены лишь много позднее, кажется, в середине ноября. Итак, в отношении Голландии эти намерения не были твердыми. В отношении Бельгии они возникли довольно рано, в середине или в начале октября.

Роберте: ...Я хочу сказать, что Германия, естественно, хотела вести наступательную войну и причем наступательную войну на территории другой страны. Такова была цель Германии, не так ли?

Иодль: Тогда целью Германии было победить в этой войне.

Роберте: Вы не смогли бы напасть на Запад, если бы не напали на Бельгию и не прошли бы через нее, не правда ли?

Иодль: Во всяком случае, наступление в другом месте было бы чрезмерно трудным и его осуществление находилось бы под большим вопросом. Об этом я уже говорил.

Роберте: Если бы вы обеспечили захват побережья Бельгии и Голландии, то вы тем самым обеспечили бы приобретение воздушных баз, с которых могли бы разбить Англию? Вы на это надеялись, не правда ли?

Иодль: Не подлежит никакому сомнению, что с занятием этого побережья стратегическое положение Германии в борьбе против Англии значительно бы улучшилось. Это верно.

Роберте: Документ ПС-375, США-84, датированный 25 августа 1938 г., относится ко времени осуществления плана «Грюн». В нем говорится: «Бельгия и Нидерланды, находясь в руках Германии, будут представлять собой исключительное преимущество в воздушной войне против Великобритании».

И армия должна была сказать, сколько времени займет эта операция.

Это было во время чехословацкого кризиса, не правда ли?

Иодль: Да, но мне кажется, этот документ здесь был уже назван смехотворным. Это труд какого-то капитана.

Роберте: Да, но, во всяком случае, его мнение оказалось очень правильным, если судить по тому, что случилось позднее.

Сейчас перейдем к следующему документу. Это документ о совещании, которое состоялось 23 мая 1939 г. в канцелярии фюрера. Документ Л-79, где сказано следующее:

«Воздушные базы Бельгии и Голландии должны быть оккупированы. Заявления о нейтралитете следует игнорировать. В данном случае рассуждения о том, правильны или неправильны договоры, не имеют никакого значения. Армия должна будет занять те позиции, которые важны для военно-воздушного и военно-морского флота. Если Бельгия и Нидерланды будут успешно оккупированы и оккупация эта будет закреплена, если Франция будет также побеждена, то основные условия для успешной войны против Англии будут обеспечены. Ежедневные атаки германского военно-воздушного флота и военно-морского флота перережут ее жизненно-важные коммуникации».

Не было никакого сомнения относительно политики Гитлера в мае 1939 года. Не так ли?

Иодль: В суде я впервые услышал об этом совещании и о том, что там якобы говорилось.

Роберте: Слышали ли вы о речи, произнесенной фюрером 22 августа 1939 г.? Я не знаю, имеется ли этот документ у Трибунала. Это документ ПС-798.

«...Голландия, Бельгия... и Скандинавия будут защищать свой нейтралитет всеми возможными средствами. Англия и Франция не будут нарушать их нейтралитет».

Иодль: Но этого я также не знаю.

Роберте: Очень хорошо. Я хочу перейти к документу, который вы представили вчера.

Председатель: Подождите минутку. Подсудимый, что вы имеете в виду, говоря, что вы этого не знаете? Вы хотите сказать, что вам неизвестен этот документ? Вы сказали: «Я не знаю этого».

Иодль: Я не знаю того, что в действительности говорил фюрер на совещании 22 августа.

Роберте: Я хочу представить документ Л-52.

Документ Л-52 представляет собой меморандум Гитлера от 9 октября 1939 г. Я хотел бы указать, что за три дня до 9 октября 1939 г. Германия вновь повторила свои заверения западным нейтральным государствам.

«Германское нападение должно быть проведено с основной целью разбить французскую армию, но, во всяком случае, оно должно создать благоприятное исходное положение как предпосылку для успешного продолжения войны. При этих обстоятельствах единственно возможной областью для нападения является сектор между Люксембургом на юге и Неймагеном — на севере, исключая крепость Льеж. Задача заключается в том, чтобы проникнуть в район Люксембурга, Бельгию и в Голландию в возможно короткое время, вступить в сражение с сопротивляющимися бельгийскими, французскими и английскими войсками и разбить их».

Я полагаю, что не могу спросить вас, каково ваше мнение о том, было ли честным дать этим западным нейтральным странам гарантию 6 октября, а в этом меморандуме от 9 октября заявить, что это является единственно возможным способом для нападения. Я считаю, что это вопрос политики, не правда ли?

Иодль: Это вопрос политический.

Роберте: 10 мая без всякого объявления войны эти три небольшие страны подверглись вторжению; им была противопоставлена вся военная мощь Германии, не правда ли?

Иодль: 10 мая началось наступление по всему фронту.

Роберте: Скажите, что вообще сделали эти страны, чтобы заслужить ужасы вторжения и несчастья, являющиеся следствием германской оккупации?

Иодль: Я здесь вновь могу сказать, что это вопрос исторического порядка. Я уже здесь изложил свою субъективную точку зрения по этому вопросу, которая состоит в том, что Англия и Франция вынудили эти страны отказаться от своего строго нейтрального поведения. Таково было мое субъективное впечатление.

Роберте: Их единственная вина заключалась в том, что они являлись препятствием для деятельности ваших военно-воздушных баз и баз подводных лодок.

Я хотел бы задать один вопрос относительно Норвегии. Если *те* разрешат вернуться к этому вопросу, то я хотел бы спросить вас относительно записей в вашем дневнике, документ ПС-1809.

«13 марта. Фюрер еще не отдал приказа о проведении операции «Везер». Он все еще ищет предлога», — или, говоря вашими собственными словами, — «оправдания». На следующий день, 14 марта: «Фюрер еще не решил, какие причины выдвинуть в отношении операции «Везер».

Если у вас были достаточные основания для нарушения норвежского нейтралитета, почему же фюрер был не в состоянии найти эти основания?

Иодль: Потому что фюрер для этой операции считал необходимым иметь какое-нибудь документальное доказательство.

Роберте: Я перехожу к вопросам о Югославии.

Я прошу вас взглянуть на документ ПС-1746.

До того как мы перейдем к документу, подсудимый, скажите, Югославия ведь также получила от Гитлера заверения. Это ведь так, не правда ли? Или вы об этом не знаете?

Иодль: Не только Югославия со стороны Гитлера, но и мы получили такие заверения со стороны югославского правительства, которое за один день до того заключило с нами договор,

Роберте: Теперь найдите, пожалуйста, этот документ, на который я собираюсь сослаться. Там должен быть листок бумаги, озаглавленный: «Переговоры». Он датирован 27 марта 1941 г.

Иодль: Да, нашел.

Роберте: Теперь переверните страницу, мне кажется, это страница 2:

«Фюрер полон решимости, не ожидая заявлений о лояльности со стороны нового правительства, провести все подготовительные мероприятия для того, чтобы уничтожить Югославию как в военном отношении, так и как национальное единство. Не будет сделано никаких дипломатических запросов и не будет представлено никаких ультиматумов. Будут приняты к сведению заверения, которым нельзя доверять. Нападение начнется, как только будут готовы все необходимые для этого средства и войска. Важно приступить к действию возможно быстрее.

...В политическом отношении особенно важно, чтобы новый удар против Югославии был нанесен с безжалостной жестокостью и чтобы военные разрушения проводились с быстротой молнии.

...Главная задача военно-воздушных сил заключается в том, чтобы начать возможно быстрее разрушение наземных сооружений военно-воздушных сил Югославии и разрушить столицу — Белград путем налетов с воздуха».

Фюрер не намеревался предупредить гражданское население хотя бы за полчаса до атаки, не так ли?

Иодль: Я не знаю, какие мероприятия по подготовке к отражению налетов провело югославское правительство.

Робертс: Могу задать вам следующий вопрос: одобряете ли вы как честный солдат нападение на город с многочисленным гражданским населением без объявления войны и даже без предупреждения хотя бы за полчаса?

Иодль: Я не придерживаюсь этого мнения.

Робертс: Теперь я перехожу к агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, о которой здесь шла речь.

Гитлер решил произвести нападение на Советскую республику в июле 1940 года, не так ли?

Иодль: В июле 1940 года он еще не принял этого решения.

Робертс: Я не хочу даром тратить время; так или иначе, мы знаем, что 22 июня 1941 г. Германия вторглась в Советский Союз, нарушив свой пакт о ненападении.

Это исторический факт, не так ли?

Иодль: Да, неожиданное нападение 22 июня 1941 г. является историческим фактом, основой которого явилось мнение политических деятелей, которое выражается в том, что Советский Союз не придерживался этого пакта.

Робертс: Не думаете ли вы, что этот факт нарушения взятых на себя обязательств на много веков обесчестит имя Германии?

Иодль: Это могло бы быть, если бы историки после точного исследования русских документов представили точные доказательства того, что Россия не пыталась напасть на нас.

Робертс: Вы помните, очевидно, приказ о плане «Барбаросса». Это документ С-50. Этот приказ распространялся вашим отделом, штабом оперативного руководства «Л», не так ли?

Иодль: Он был разработан в отделе квартирмейстера штаба оперативного руководства.

Робертс: Однако вы ведь согласитесь с тем, что само издание этого приказа явилось позором?

Иодль: Я признаю это.

Робертс: Теперь я перехожу к документу С-52.

Это еще один приказ Кейтеля. Он исходит из штаба оперативного руководства «Л». Затем в скобках стоит «1-оп». Скажите, это ваш отдел?

Иодль: Это отдел, совместно с которым я разрабатывал все оперативные вопросы.

Робертс: Вы помните этот приказ?

Иодль: Да, об этом приказе я помню.

Робертс: Полагаю, что вы принимали участие в его составлении, не так ли?

Иодль: Да, конечно, поскольку это оперативный приказ, это дополнение к директиве.

Роберте: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на параграфы 6 и 7. В параграфе 6 говорится:

«Ввиду обширности оккупированных территорий на Востоке имеющиеся в наличии силы для установления безопасности на этих территориях будут достаточны только в том случае, если всякое сопротивление будет пресекаться не путем судебного преследования виновных, а путем распространения такого террора, который единственно будет в состоянии искоренить всякое стремление к сопротивлению.

...Соответствующие командующие должны нести ответственность за сохранение порядка? Командующие должны найти средства к тому, чтобы поддерживать порядок в районах, где охрана безопасности лежит на их ответственности, не путем посылки запросов на получение дополнительных сил, а путем применения драконовских мер».

Это ужасный приказ, не правда ли?

Иодль: Нет, это вовсе не ужасный приказ, поскольку в нормах международного права предусмотрено, что население занятых областей должно выполнять приказы оккупационных властей.

Роберте: Очень хорошо. Теперь я хочу перейти к совершенно другому вопросу. Я хочу заняться приказом -о «командос» и хочу предъявить два еще не предъявлявшихся документа.

Первый документ датирован 8 октября. Это меморандум из отдела «К» (квартирмейстера) штаба оперативного руководства; это правильно, не так ли?

Иодль: Да.

Роберте: ...Это и есть тот приказ по радио, о котором вы упоминали?

Иодль: Да.

Роберте: Там приводится заявление, сделанное по радио 7 октября 1942 г., в котором говорится следующее:

«Подобно приказу «Барбаросса», изданному в свое время, этот приказ также должен быть составлен в сотрудничестве с правовым отделом вооруженных сил и отделом контрразведки после того, как он будет тщательно продуман. Распространять его следует только среди командующих армий, и далее его можно передавать только устно. После ознакомления подлежит уничтожению».

Скажите, каков был характер этого приказа, который со столь большой тщательностью был составлен вашим отделом в сотрудничестве с правовым отделом и контрразведкой?

Иодль: Мне кажется, что вы вначале упомянули документ № 50. Для меня не совсем ясно это выражение: «Приказ «Барбаросса».

Роберте: «В отношении содержания приказа следует иметь в виду следующее:

«...В тех случаях, когда пленные временно заключаются под стражу в наших собственных интересах, лиц, о которых идет речь, следует передавать в руки СД через посредство контрразведки после тщательного допроса, в котором также должна принимать участие СД».

«Их не следует ни при каких обстоятельствах размещать в лагерях для военнопленных».

«...Этот приказ должен иметь обратную силу в отношении лиц, прибывших из Норвегии».

Эти лица, прибывшие из Норвегии, были английские «командос», которые взорвали в Норвегии электростанцию, не так ли?

Иодль: Это возможно, но я этого просто не знаю. Этого документа я никогда не видел здесь.

Роберте: Мне кажется, что я смогу напомнить вам об этом позднее.

Следующий документ датирован 9 октября и подписан: «Варлимонт».

Иодль: Да, здесь подпись Варлимонта.

Роберте: В двух первых абзацах изложены факты, которые нам известны.

«Фюрер желает, чтобы был издан приказ о соответствующем поведении военнослужащих.

По настоянию штаба оперативного руководства правовым отделом вооруженных сил был составлен проект приказа.

Вы должны совместно тщательно с ним ознакомиться и, если понадобится, привлечь к этому вопросу рейхсфюрера СС».

Здесь речь идет о беседе между начальником контрразведки и заместителем начальника штаба оперативного руководства.

Затем в следующем документе содержится проект приказа, составленный правовым отделом:

«Члены террористических и диверсионных отрядов британских вооруженных сил, которые явно нарушают правила честного ведения войны, будут рассматриваться как бандиты и подвергаться соответствующему обращению. Их следует беспощадно уничтожить как в бою, так и при побеге. Их следует временно арестовывать или, если они будут захвачены немцами не во время военных действий, их следует немедленно препроводить к офицеру для допроса, после чего передать в руки СД.

Содержать их в заключении в лагере для военнопленных запрещается. Этот приказ должен получить распространение только среди командующих армий. Ниже его следует передавать только устно».

Скажите, вы помните, что вы разговаривали по телефону с начальником правового отдела относительно этого приказа?

Иодль: Нет, я не помню этого.

Роберте: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на следующий документ. Он датирован 14 октября. Первоначально заголовок гласил: «Репрессивные мероприятия — военнопленные». Кто-то зачеркнул это и вместо этого написал: «Борьба против вражеских диверсионных отрядов». «Меморандум (беседа по телефону с начальником правового отдела вооруженных сил). Начальник правового отдела вооруженных сил беседовал с начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил по телефону». Речь идет о вас, не так ли?

Иодль: Да, это был я.

Роберте: Согласитесь ли вы с тем, что когда СД убивает, расстреливает действующего таким образом парашютиста, одетого в военную форму, а не в гражданское платье, согласитесь ли вы с тем, что это является простым убийством? Или же вы предпочли бы вообще не отвечать на этот вопрос?

Иодль: Я уже сказал, что если какой-либо солдат в полной военной форме проводит какую-либо операцию по взрыву или разрушению, я не считаю такое действие нарушением международного права. И поэтому я оказывал сопротивление приказу о «командос» в таком виде, в каком он был издан, почти до последнего момента...

Роберте: Я слышал ваш ответ и не буду более задерживаться на этом вопросе.

Иодль: Ни одного из этих документов я не видел прежде. Я их впервые вижу здесь.

Роберте: Теперь я перехожу к следующему документу. Обратитесь, пожалуйста, к документу, который озаглавлен: «Разговор по телефону, Содержание: письмо отдела иностранной разведки от 13 октября 1942 г. Особое внимание обращается на массовое использование парашютистов в диверсионных целях. Всякий, кто, будучи солдатом, совершает диверсионные акты с намерением сдаться в плен без боя, после того как о» совершит диверсию, не поступает как честный солдат. Он неправильным образом использует права, предоставленные ему статьей 23-ц, во время создания .которой не предполагалось подобных методов ведения войны." Неправильное использование заключается в злоупотреблении сдачей в плен без боя после успешного совершения акта диверсии. Это мнение о неприемлемости диверсионных отрядов можно, безусловно, поддерживать при условии, что мы также применим к себе эти условия». На этом документе, наверно, имеются ваши инициалы, не так ли?

Иодль: Я читал этот документ. Он содержит точку зрения правового отдела ОК.В, которая по этому вопросу совпадает с точкой зрения фюрера. Она, в частности, подтверждает вполне соответствующую международному праву возможность нарушения международного права при известном условии, которое выражается в немедленной сдаче после боя . в плен и тем самым в избавлении себя от опасностей войны.

Эту точку зрения можно оспаривать. Я не совсем разделяю ее, но это была точка зрения высшего правового отдела в то время.

Роберте: Очень многие храбрые солдаты сдаются, когда их окружают превосходящие силы противника, не правда ли? Многие германские солдаты тысячами сдавались в Бизерте и Тунисе. Каким образом это ставило их вне рамок международного права или ставило их под защиту этого права?

Иодль: Да. Но это были солдаты, которые сдавались в плен в обычных условиях войны, которые всегда признавал и фюрер. Это очень спорный случай, и с точки зрения международного права здесь возможны колебания. Но, как я уже сказал, эта мысль не принадлежит мне, она не имела ко мне никакого отношения. Я только принял ее к сведению.

Роберте: Является ли это причиной для составления... приказа такого рода в целях того, чтобы попытаться лишить англичан намерения использовать диверсионные отряды?

Иодль: Нет, это вовсе не было причиной. Мы сами в сильной степени развили этот метод войны.

Роберте: Я хотел бы привести вам еще один пример. Это документ ПС-2610.

Этот документ является отчетом из отдела военного прокурора армии США. Здесь говорится о пятнадцати американских военнослужащих, расстрелянных согласно этому приказу.

Иодль: Я никогда ничего не слышал об этом случае. По крайней мере, я не помню о нем.

Роберте: Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно угона евреев из Дания.

Этот документ был адресован в оперативный штаб вооруженных сил командующего армией в Дании и датирован 20 сентября 1943 г.

«Фюрер в принципе согласился с телеграммой Веста о том, что еврейская проблема в Дании будет в скором времени разрешена путем депортации.

Осуществление этого мероприятия следует провести в то время, пока применяются еще военно-полевые суды. Нельзя точно установить, имеются ли достаточные полицейские силы для ареста евреев и их семей. Общее число евреев достигает примерно 6000 человек, из которых большинство проживает в Копенгагене. Для армии проведение этого мероприятия явилось бы тяжелой нагрузкой.

Я полагаю, что результаты депортации будут весьма чувствительны. Выпуску военной промышленности будет нанесен ущерб. Необходимо будет примириться со значительными неполадками». Здесь на обороте имеется ваше замечание: «Мне ничего об этом неизвестно. Если командующим армией в Дании должно было быть проведено какое-либо политическое мероприятие, то высшее командование вооруженных сил должно получить об этом сведения через министерство иностранных дел».

Соответствует ли это действительности?

Иодль: Да. Я сейчас не могу вспомнить об этом документе, однако это замечание действительно было сделано мной, и это доказывает то, что я до сих пор не знал, что, очевидно, этот вопрос обсуждался в Дании несколькими днями раньше и командующий войсками в Дании возражал против этого. После этого я написал: «Я ничего об этом не знаю, это политическое мероприятие. Если политическое мероприятие должно проводиться в Дании, то министерству иностранных дел следует сообщить вам об этом».

Роберте: Прошу вас обратиться к документу, датированному 1 октября 1943 г.

Этот документ адресован из Дании высшему командованию германских вооруженных сил. Я цитирую:

«Имперский уполномоченный в Дании сделал следующий доклад имперскому министру иностранных дел: 1. Арест евреев будет проведен 8 ночь с 1 на 2 октября. Из Зеланды их вывезут на пароходах. 2. Если я не получу указаний противоположного характера, я не намерен сообщать об этом мероприятии против евреев ни по радио, ни в печати. 3. Я намереваюсь оставить собственность эвакуированных евреев нетронутой для того, чтобы захват этой собственности не мог быть вменен нам в вину в качестве причины или одной из причин, вызвавших подобные действия».

Далее вы, то есть автор, говорите об обратной стороне этих действий, и затем ставится один вопрос: «Известно ли рейхсфюреру СС?» Ответ гласит: «Рейхсфюрер СС об этом осведомлен и выражает свое согласие». Затем идет приписка, сделанная от руки почерком Иодля: «фюрер согласен». Это ваш почерк?

Иодль: Да, это мой почерк, но это замечание относится лишь к освобождению интернированных датских солдат.

Роберте: Хорошо, я понимаю.

Иодль: И затем в этом документе важно еще и то, что командующий войсками в Дании пишет, что он намерен «оставить нетронутым

имущество эвакуированных евреев». Он в то время имел исполнительную власть.

Роберте: Следующий документ, датированный 2 октября 1943 г. и адресованный оперативному штабу руководства вооруженных сил в Дании. Я цитирую:

«Мероприятие в отношении евреев было проведено германской полицией в ночь с 1 на 2 октября без всяких инцидентов».

Затем идет приписка, сделанная вашей рукой: «Это нам совершенно безразлично». Вам было совершенно безразлично, сколько евреев было вывезено; это вас совершенно не интересовало?

Иодль: Я не хотел этого сказать. Однако это доказывает, что это было политическое мероприятие, с которым я не имел ничего общего.

Роберте: Я хотел бы теперь перейти к другой теме — к вопросу насильственного труда. Говорили ли вы в своей речи: «Эта проблема недостатка рабочей силы привела к мысли о более тщательном использовании рабочей силы, имеющейся на оккупированных нами территориях. Понятия о правильном или неправильном смешались. Я считаю, что в отношении рабочей силы было сделано все, что могло быть сделано.. И там, где этого еще не было сделано, по всей вероятности, в политическом отношении казалось более выгодным не прибегать к насильственным мерам для того, чтобы такой ценой установить порядок и добиться экономических успехов. Однако, по моему мнению, уже пришло время предпринять подобные шаги в Дании, Голландии, Франции и Бельгии со всей энергией и решительностью, не останавливаясь ни перед чем, делая это также и для того, чтобы заставить тысячи бездельников работать по возведению укреплений, то есть на работе, являющейся сейчас более важной, чем что бы то ни было. Необходимые в этой связи приказы уже были отданы». Вы об этом помните?

Иодль: То, что я составил однажды такой проект, в этом не может быть сомнений.

Роберте: И что же?

Иодль: Однако это не является доказательством того, что я это сказал.

Роберте: Но были ли отданы необходимые приказы о том, чтобы гражданское население оккупированных территорий работало по возведению немецких укреплений?

Иодль: В большинстве стран был издан закон о трудовой повинности. Вы, возможно, этого не знаете, но в Дании, Голландии, а также в Бельгии местные фирмы, которые сами доставали себе рабочих, которые им были положены по закону, сами производили работы на строительстве этих укреплений...

Роберте: Но ведь были же отданы необходимые приказы—об этом идет речь в последнем предложении — заставлять этих людей, насильно-заставлять их, если они не хотели, работать на строительстве оборонительных укреплений. Я не говорю о людях, которые соглашались, а о тех, которые отказывались.

Иодль: Я понял. Я не знаю деталей этих событий, поскольку я не занимался этими вопросами. Однако я знал, что в оккупированных странах были введены законы о трудовой повинности.

Роберте: Теперь взгляните, пожалуйста, на новый документ— ПС-1383. Это отчет об обсуждении текущей военной обстановки от 12 декабря 1942 г. Слова Иодля:

«Главкомандующий войсками во Франции докладывает; число французских рабочих, вывезенных в империю, начиная с 1 июня, превысило сейчас 220 тысяч. По грубому подсчету, в Берлине сейчас имеется 100 тысяч рабочих-специалистов».

Скажите, установили ли вы, сколько человек из этих 220 тысяч прибыли добровольно?

Иодль: Я не могу это сказать. Здесь я лишь прочитал выдержку из донесения, которое было приложено к отчету об обстановке во Франции.

Роберте: Я перейду к следующему вопросу. Я хочу задать вам всего два вопроса относительно Шталага Луфт-3 в Сагане.

Вы вчера показали, что после случая расстрела, происшедшего в Сагане, вы больше не считали Гитлера «гуманным». Вы говорили это?

Иодль: Я уже сказал вчера, что в тот момент у меня было впечатление, что он отступает от всех человеческих понятий права.

Роберте: Согласитесь ли вы со мной — я не употребляю слишком сильного выражения, — что расстрел этих пятидесяти летчиков являлся типичным убийством?

Иодль: Я вполне с вами согласен, я считаю это явным убийством.

Роберте: Теперь я перехожу к другому вопросу, к вопросу о разрушениях, произведенных в Норвегии. Это документ ПС-754. Этот документ подписан вами, не так ли?

Иодль: Этот документ давно известен мне, и он подписан мною.

Роберте: Хорошо. Он датирован 28 октября 1944 г. и исходит из вашего штаба. Этот документ был направлен верховному командованию армии, главнокомандующему войсками в Норвегии, имперскому комиссару в Норвегии, а также командованию военно-морского флота.

«Ввиду того что население Северной Норвегии не желало эвакуироваться добровольно, фюрер согласился с предложениями, выдвинутыми уполномоченным, и приказал, чтобы все норвежское население к востоку от фиорда Линген было эвакуировано силой в интересах их собственной безопасности и что все их жилища должны быть сожжены дотла.

Верховный главнокомандующий войск в Северной Финляндии несет ответственность за безусловное выполнение приказа фюрера. Только таким путем можно предотвратить то, чтобы русские со своими сильными войсками не использовали эти жилища, а также при помощи людей, знакомых с местностью, не преследовали нас во время наших отступательных операций зимой, через значительный промежуток времени не появились бы неподалеку от наших позиций в Лингене. В данном случае не должно иметь места никакого сочувствия к гражданскому населению».

Линген находится на крайнем севере Норвегии, на западном побережье, не так ли?

Иодль: Нет, на северном побережье. Этот город расположен там, где Финляндия ближе всего соприкасается с полярным побережьем и до Норвегии остается совсем небольшое пространство.

Роберте: Этот приказ был выполнен, о чем можно судить на основании норвежского отчета, документ ЮК-79.

«В результате продвижения русских войск и отступления германской армии немцы в октябре—ноябре 1944 года стали впервые в Норвегии

применять политику «выжженной земли». Были изданы приказы о том, что гражданское население должно эвакуироваться, а все жилища, транспортные средства и другие сооружения должны быть уничтожены. В результате этого было разрушено 30 тысяч домов, помимо того нанесен ущерб 12 тысячам мелких строений, выразившийся в сумме 176 миллионов крон».

Это был жестокий приказ, не так ли?

Иодль: Мы выполнили этот приказ лишь в той части, в которой это было необходимо с военной точки зрения.

Роберте: Вы сказали относительно предложения Гитлера отменить Женевскую конвенцию. Вы сказали, что вы способствовали тому, чтобы воспрепятствовать ему отказаться от этой Конвенции?

Иодль: Да.

Роберте: Не взглянете ли вы на документ С-158, ВБ-209. Он был представлен Обвинением по делу Деница и озаглавлен: «Выдержки из протокола совещания у Гитлера 19 февраля 1945г.». «19 февраля 1945г. на совещании присутствовал главнокомандующий военно-морским флотом».

«Фюрер рассматривает вопрос о том, следует ли Германии отказаться от Женевской конвенции.

Затем главнокомандующий военно-морским флотом на совещании у Гитлера 20 февраля говорит следующее: «Главнокомандующий военно-морским флотом сообщил генералу Иодлю и представителю министра иностранных дел — послу Хевелю о своих взглядах относительно возможного отказа Германии от Женевской конвенции. С военной точки зрения нет никаких оснований для совершения этого шага в отношении ведения войны на море. Напротив, отрицательные стороны берут перевес над преимуществами; даже с общей точки зрения командующему военно-морским флотом кажется, что это мероприятие не принесет никаких преимуществ. Было бы лучше, если бы мероприятия, которые мы считаем необходимыми, были проведены без предупреждения и любой ценой была соблюдена видимость для внешнего мира. Начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил и посол Хевель пришли к полному соглашению».

Вы сказали, что согласились со словами Редера: «Нарушайте Женевскую конвенцию, но не говорите миру о том, что вы так поступаете». Это так?

Иодль: Гросс-адмирал Дениц...

Роберте: Совершенно верно, Дениц. Прошу прощения. Это то, что вы говорили, не так ли?

Иодль: Я не нахожу объяснения этому замечанию, и в моих письменных разработках, которые я предложил фюреру и которые излагают также позицию военно-морского флота, этого предложения не было; там было лишь сопоставление преимуществ и недостатков, и недостатков было значительно больше, все это было неосуществимым и поэтому исключено. Так и было на деле. Больше я ничего не могу сказать по этому вопросу.

Роберте: Я сейчас представлю вам ваш собственный документ Д-606. Этот документ подписан вами, не так ли? Здесь речь идет о нарушении Женевской конвенции. Я хотел бы, чтобы вы прежде всего ска-



Подсудимый Иодль совещается со своим адвокатом.

зали, подписан ли вами этот документ? Он подписан вами? Пожалуйста, ответьте на мой вопрос: он вами подписан?

Иодль: Да, здесь, в конце документа имеется моя подпись.

Роберте: Хорошо. Теперь я хотел бы огласить последний абзац. «В настоящий момент отрицательные стороны отмены тех линий поведения, которых мы до сих пор придерживались, во всяком случае, намного превышают преимущества. Так же как мы в 1914 году совершили ошибку, когда мы торжественно объявили войну всем государствам, которые в течение длительного времени хотели вести войну против нас, и таким образом возложили на свои плечи всю вину за войну перед всем внешним миром; так же как было неверным признать, что необходимость — отметить слово «необходимость» — прохода через Бельгию в 1914 году была нашей собственной виной, в той же степени сейчас было бы неверным открыто отказаться от обязательств, налагаемых международным правом, которые мы приняли на себя, и, таким образом, вновь выступить перед внешним миром в качестве виновных».

«Соблюдение принятых на себя обязательств ни в коей мере не требует, чтобы мы налагали на себя ограничения, которые мешали бы нам вести войну. Например, если англичане потопят госпитальное судно, то это должно быть использовано в целях пропаганды, как это и делалось до настоящего времени. Это, конечно, нисколько не мешает нам тотчас же потопить английское госпитальное судно в качестве репрессалии, а затем выразить свое сожаление, сославшись на то, что это было ошибкой, так же как это делают англичане».

Это звучит не очень благородно, не правда ли?

Иодль: Я могу по этому поводу лишь сказать, что это был метод, при помощи которого только и можно было добиться успеха у фюрера.

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 7 июня 1946 г.]*

Покровский¹: Вы показали, что были начальником оперативного отдела ОКВ. Это был центральный отдел ОКВ, не так ли?

Иодль: При учете значения деятельности этого отдела можно с уверенностью сказать, что штаб оперативного руководства был одним из важнейших отделов ОКВ.

Покровский: Не по этой ли причине вы замещали Кейтеля в его отсутствие?

Иодль: Я в большинстве случаев замещал его лишь по оперативным вопросам. По вопросам военного министерства его замещал высший начальник, как правило, адмирал Канарис.

Покровский: Вы отрицаете, что вы были заместителем Кейтеля?

Иодль: Да. Но, когда Кейтеля не было в главной ставке, фюрер все, что хотел передать ОКВ, передавал мне, так как я был старшим по чину офицером после Кейтеля.

Покровский: Вы помните показания свидетеля Вагнера о том, что либо Кейтель, либо вы представляли ОКВ на всех ответственных

¹ Заместитель Главного обвинителя от СССР.—Составители.

совещаниях, на которых присутствовал этот свидетель — адмирал Вагнер? Вы помните эти показания?

Иодль: Да, я помню свидетеля Вагнера. Он заявил, что фельдмаршал Кейтель и я присутствовали при всех обсуждениях обстановки. Это неоспоримый факт.

Покровский: Он сказал: либо фельдмаршал Кейтель, либо генерал-полковник Иодль. Не так ли? Вы улавливаете разницу в постановке вопроса?

Иодль: Нет, в 90 процентах всех случаев мы оба присутствовали при обсуждении обстановки.

Покровский: Я представляю суду еще один наш документ, СССР-263. Это выдержки из показаний другого офицера, работавшего с вами, генерала Варлимонта.

Вопрос, который был задан Варлимонту:

«Когда впервые штаб ОКВ получил задание подготовить план нападения на Советский Союз?»

Ответ Варлимонта: «Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 г. В тот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства».

Вы нашли это?

Иодль: Да.

Покровский: У меня нет необходимости зачитывать значительную часть показаний Варлимонта, потому что речь идет об известном факте — о созыве того совещания, где Иодль дал директиву своим оперативным работникам готовить план нападения на Советский Союз.

Варлимонт говорит: «Иодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены». И потом несколько ниже: «Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер это обосновал тем, что война с Россией должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной» и т. д. Вы нашли это место?

Иодль: Да, я нашел его.

Покровский: Правильно ли сказал Кейтель, что вы не докладывали об этом совещании, это так или нет?

Иодль: О самом совещании я, безусловно, ничего не говорил ему, да это и не играет никакой роли. Однако о том, что сказал мне фюрер, мне кажется, я хорошо помню, что доложил ему об этом, так как это был весьма важный вопрос, и он позже в связи с этим вопросом составил меморандум. Так что он, безусловно, узнал об этом. Однако это лишь предположение, которое я могу сделать с довольно большой уверенностью.

Покровский: Вполне удовлетворен вашим ответом.

Правильно ли будет сказать, что вы были первым или одним из первых руководящих штабных работников гитлеровской Германии, занявшихся подготовкой мероприятий по нападению на СССР еще летом 1940 года? Вот тут я хочу услышать ваш ответ. Вам понятен вопрос?

Иодль: Да, вопрос понятен. Я, однако, не был первым, который занялся подготовкой к нападению на Советский Союз. Я, к моему большому удивлению, узнал здесь от свидетеля Паулюса, что задолго до того, как мы вообще согласно приказу начали заниматься этим вопро-

сом/в генеральном штабе сухопутных сил составлялись проекты наступления. Я не могу совершенно точно заявить, каким образом это произошло. Может быть, об этом знает генерал-полковник Гальдер. Я могу высказать лишь предположения по этому вопросу.

Покровский: Предположения нас интересуют очень мало, мы больше занимаемся фактами.

Вчера, 6 июня, вы заявили, что нападение на СССР, которым Германия нарушила свой договор об отношениях с Советским Союзом, носило характер превентивной войны. Не так ли вы сказали?

Иодль: Да, это я сказал. Это была превентивная война.

Покровский: Да, по вашему мнению. Вы помните из показаний Мильха, из показаний Редера, из показаний Геринга, из показаний Паулюса, из показаний Кейтеля, что они были против войны с СССР. Я оглашу вам одну фразу из показаний Кейтеля здесь, на суде, чтобы вам легче было вспомнить.

Кейтеля допрашивал генерал Руденко, Главный обвинитель от СССР.

«Вопрос: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?»

Ответ: Да, не только изменить этот план, но вообще оставить эти планы, то есть не вести войну».

Вы помните это показание Кейтеля?

Иодль: Да, я помню его. Я знаю также и меморандум.

Покровский: Очень хорошо. Не находите ли вы странным, что человек, в данном случае вы, который всячески пытается открититься оттого факта, что он был заместителем Кейтеля, утверждает перед Гитлером и здесь, на суде, что он лучше Кейтеля был проинформирован о положении дел и поэтому брал на себя смелость выступать с утверждениями, идущими вразрез с позицией Кейтеля, Паулюса, Редера, Геринга и Мильха?

Отвечая на вопросы защитников, вы сказали, что Ламмерс чисто случайно назвал вас сотрудником Розенберга. В наших руках очень короткий документ, который я сейчас зачитаю вслух,—документ, подписанный Кейтелем. Это совершенно секретное письмо от 25 апреля 1941 г. Оно адресовано Розенбергу в собственные руки. Там сказано:

«Начальник канцелярии направил мне копию указа фюрера, которым он назначил вас своим уполномоченным по разработке основных вопросов восточноевропейского пространства. От верховного командования вооруженными силами я поручаю участие в разработке этих вопросов начальнику штаба оперативного руководства вооруженных сил — генералу от артиллерии Иодлю и в качестве его заместителя генерал-майору Варлимонту. Прошу, чтобы ваше учреждение сносилось только лично с ними. Преданный вам Кейтель».

Что вы скажете по поводу этого документа на вопрос о том, не вспоминаете ли вы, что и по линии аппарата Розенберга вы и Варлимонт, как ваш заместитель, были уполномочены ОКВ еще в апреле 1941 года разрабатывать практические вопросы, связанные с гитлеровской экспансией на Восток? Вы поняли мой вопрос?

Иодль: Я понял ваш вопрос. Министр Ламмерс направил всем министерствам вместе с этим отношением письмо точно такого же содержания. Он просил каждое министерство назначить своего уполномоченного

и заместителя, и, таким образом, генерал-фельдмаршал Кейтель назвал тех двух офицеров, которые были в ставке.

Покровский: Помните ли вы, что в германской армии существовала 4-я горная дивизия? Вы, кажется, одно время имели к ней прямое отношение. Была такая дивизия или нет?

Иодль: Да, об этом я знал точно и должен был стать ее командиром.

Покровский: Я попрошу вас взять документ СССР-132. Это указание по 118-й истребительной дивизии. Вы взяли этот документ?

Иодль: Да, 118-я истребительная дивизия.

Покровский: Там сказано так: «Указание о поведении войск при наступлении № 2. Пленные. Тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу». Не так ли? Там сказано именно таким образом? *(Молчание.)* Вы слышите меня?

Иодль: Да, что-то подобное говорится в этом предложении. Но я хотел бы иметь весь документ. Я ничего не могу заключить на основании одного предложения. Решающим является то, что предшествует этому. Об этом здесь не говорится.

Покровский: Выше этого стоит: «Указания о поведении войск при наступлении».

Теперь второй документ. Он имеет штамп 4-го горного полка. Он издан 6 октября 1943 г., и в нем помещено указание Кейтеля, сделанное собственноручно, о том, как поступать с пленными. Я попрошу вас обратиться к пункту 3. Там сказано (во второй части этого пункта): «Командиры, имеющие военный чин по меньшей мере начальников дивизии, могут отдать приказ, чтобы никого не брали в плен, то есть пленные и гражданское население в районе боя могут быть расстреливаемы. Начальник ОКВ Кейтель. Собственноручно».

Иодль: Да, это приказ по 118-й горно-стрелковой дивизии.

Покровский: У вас не возникает никаких сомнений в подлинности этого документа?

Иодль: Нет. Это приказ по 118-й горно-стрелковой дивизии. В этом нет сомнения...

Покровский: Я перехожу к следующей группе вопросов. Если я не ошибаюсь, вы подтвердили подлинность ваших так называемых «заметок» к плану «Грюн», где идет речь об организации инцидента на границе Чехословакии. Там, кажется, сказано прямо, что организация инцидента будет поручена отделу «Абвер», это правильно? Я правильно передаю смысл фразы?

Правильно ли я понял вас, что вы не оспариваете подлинность документа «Иодль-14»?

Иодль: Если речь идет о моей записке майору Шмундту, то это, без сомнения, подлинный документ, написанный мною.

Покровский: Вас допрашивали 8 ноября представители советского обвинения, и вам был задан вопрос, преследовала ли Германия захватнические цели, нападая на Советский Союз. Вы помните, что вам был поставлен такой вопрос?

Иодль: Да, совершенно точно.

Покровский: Вам сейчас дадут выписку из ваших показаний. Вы ответили таким образом: «Допускаю, что мысль о расшире-

нии жизненного пространства и об использовании хозяйства России для нужд Германии играла какую-то роль, но не являлась основной причиной нападения на Советский Союз». Вы помните, что вы дали такой ответ?

Иодль: Возможно. Я не подписывал этого. Во всяком случае, я сказал: «Это не было основной причиной».

Покровский: В этом же ответе сказано: «В наши намерения не входило все время расширять жизненное пространство и тем самым получать себе новых врагов». Так, кажется. Вы это помните?

Иодль: Да, я помню.

Покровский: Хорошо. Но теперь, может быть, вы припомните, что свидетель Олендорф здесь, на суде, удостоверил, что еще до начала войны, до нападения на Советский Союз, Гиммлер в своей речи наметил программу уничтожения на Востоке 10 миллионов славян и евреев. Вы помните эти показания? /

Иодль: Да, я помню эти показания, я их слышал.

Покровский: В этом свете, в свете этих показаний Олендорфа, не хотели бы вы сейчас несколько уточнить свой ответ на вопрос о том, преследовала ли война с Советским Союзом именно захватнические цели, цели захватить территорию, уничтожить население и освободившиеся таким образом земли превратить, как говорил Гитлер, «в райские сады для немцев». Вы не думаете, что это было именно так?

Иодль: Что фюрер намеревался сделать позже, я не знаю, но военно-стратегические причины, которые он изложил нам и которые были подтверждены количеством сообщений, я вчера уже разъяснил во всех подробностях. Основной причиной было чувство огромной угрозы русского наступления. Вот это обстоятельство было решающим.

Покровский: Вы ничего не знаете о предполагавшейся отправке экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидского залива и в направлении Ирака, Сирии и Египта, если бы состоялось падение Советского Союза, как здесь говорится? Об этом вы тоже ничего не знаете?

Иодль: До таких серьезных мыслей дело никогда не доходило. Наоборот, у меня была очень большая ссора с фюрером, потому что я отказывался вести атаку через Кавказ на Баку.

Но офицеры генерального штаба, будучи оптимистически настроенными под влиянием первых побед летом, выражали подобные мысли. Они и назначены для того, чтобы строить планы. То, что было решающим, делали старшие, более спокойные люди.

Покровский: Таким образом, вы утверждаете, что успехи Красной Армии сорвали эту далеко идущую, смелую, как вы выразились, мысль гитлеровской Германии о посылке экспедиционного корпуса в Ирак, Сирию и Египет? Это правильно?

Иодль: Да... Но не могло существовать плана, например, вооруженного нападения на Турцию. Она бы и без этого добровольно перешла на нашу сторону. Это было мнение фюрера.

Покровский: Откуда вам это известно?

Иодль: Откуда я это знаю? Это даже есть в документе, в дневниках штаба оперативного руководства, которые имеются здесь, в суде. Там написано: «Турция при больших успехах Германии без всяких условий выступит на нашей стороне. И я приказываю особенно хорошо снабжать

ее оружием, боеприпасами, танками и т. д.». Турция выразила такое желание и была очень благодарна нам за оснащенные прекрасным оружием танки. Этого фюрер никогда бы не сделал, если бы он допускал возможность выступления Турции на стороне противника.

Покровский: Вы сделали признание в том, что воины Красной Армии в 1941 году под Вязьмой оказывали стойкое сопротивление фашистским захватчикам. Многие попадали в немецкий плен только потому, что, обессилив от лишений и усталости, не могли двигаться. Вы именно этим обстоятельством объяснили огромную смертность советских военнопленных, не так ли?

Иодль: Это так в отношении пленных из вяземского котла.

Покровский: Не припоминаете ли вы других причин, которые вам известны и которые вызвали массовую смертность советских военнопленных?

Иодль: Мне ничего не было известно о других причинах.

Покровский: Чтобы несколько освежить вашу память, я оглашу небольшой отрывок из документа СССР-353. Это письмо Розенберга главнокомандующему вооруженными силами, то есть непосредственно в ОКВ. Документ составлен 28 февраля 1942 г. У вас отмечены эти фразы: «Судьба советских военнопленных в Германии—трагедия огромного масштаба. Большая часть умерла от голода или вследствие неблагоприятной погоды. Тысячи умерли от сыпного тифа».

Я пропускаю несколько фраз и перехожу несколько дальше.

«Было бы наивным думать, что положение в лагерях для военнопленных могло остаться скрытым от Советского правительства. Как видно из циркулярной ноты Молотова, Советам были прекрасно известны описанные выше обстоятельства».

Иодль: Об этом письме я впервые услышал лишь здесь, на суде.

Покровский: Я спрашиваю вас не о письме, подсудимый Иодль. Я спрашиваю вас о причинах массовой гибели советских военнопленных. Вы не знали, что такие причины вызвали массовую гибель?

Иодль: Я ничего не знал об этих причинах массовой смертности.

Покровский: Знакома ли вам фамилия Гревеница?

Иодль: Если я не ошибаюсь, он работал в подчинении у генерала Рейнеке.

Покровский: Знали ли вы генерала Остеррайха?

Иодль: Нет, этого генерала я не знаю.

Покровский: Ну, хорошо. Тогда мы перейдем к последней группе вопросов, их всего несколько.

Подсудимый Кейтель, когда его допрашивали здесь и на предварительном следствии, сказал, что более подробные показания относительно директив уничтожить Ленинград и Москву дадите вы.

Не припоминаете ли вы, когда Гитлер в первый раз сказал о том, что он намерен стереть с лица земли Ленинград?

Иодль: Приказ фюрера датирован 7 октября.

Покровский: Вам сейчас дадут документ Л-221 и покажут то место, где на совещании у фюрера 16 июля 1941 г. сказано: «На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Вы нашли это место?

Иодль: Да, я нашел это место.

Покровский: Это было 16 июля 1941 г., не так ли?

И-одль: Документ составлен 16 июля 1941 г.

Мое замечание о том, что фюрер вновь принял решение, относится к его устному приказу, который он отдал незадолго до того (за два или три дня) главнокомандующему сухопутными силами. Тот факт, что об этом уже шла р&чь, вытекает из того, что в этом приказе я ссылаюсь на письмо главного командования сухопутными силами от 18 сентября. Вот как надо понимать слова: «Фюрер вновь принял решение». Но этот факт мне не был известен. О том, что такое совещание состоялось, я впервые узнал только здесь.

Покровский: Суд, вероятно, сумеет разобраться в вопросе, когда Гитлером было сделано первое заявление.

Вы утверждали, что вам ничего не было известно о репрессиях против евреев?

Иодль: Да, ничего.

Покровский: Вы только что сейчас сами сослались на документ ПС-053. Это донесение Коха, подписанное лично им. Может быть, вы подтвердите, что там совершенно ясно сказано, что во время пожаров в Киеве, в которых Кох обвиняет местное население, уничтожено все еврейское население города, свыше 35 тысяч человек, из них больше половины женщин. Там так написано, это верно?

Иодль: Это мне хорошо известно. Но я этот документ обнаружил впервые здесь, в документальной комнате.

Покровский: И вообще, уничтожены евреи или нет, вы тоже не знаете? Это верно?

Иодль: Я полностью верю этому в настоящее время. В этом не приходится сомневаться, это доказано.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОДСЖ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РАЗДЕЛУ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К АГРЕССИВНЫМ ВОЙНАМ»

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 23 ноября 1945 г.}*

На мне лежит обязанность от имени Главного обвинителя Соединенных Штатов Америки предъявлять доказательства по разделу IV «Е» обвинительного заключения (страница 6 английского текста), начиная с параграфа 2, раздела «Е» — «Приобретение тоталитарного контроля над Германией, экономика, экономическая подготовка и мобилизация к агрессивной войне».

Этот параграф гласит:

«2) Они использовали всю систему германской экономики для экономической мобилизации к войне.

3) Они направили экономику Германии для подготовки и оснащения военной машины. Для этой же цели ими использовались финансы, капиталовложения и внешняя торговля Германии.

4) С этой целью нацистские заговорщики, в особенности заговорщики-промышленники, начали огромную программу перевооружения и

приступили к выпуску колоссального количества военных материалов и созданию мощного военного потенциала».

Перехожу к параграфу 5 того же раздела — последнему параграфу, предусмотренному моей следующей темой.

Этот параграф гласит:

«С целью проведения подготовки к войне нацистские заговорщики создали целую сеть административных агентов и организаций.

Например, в 1936 году они создали для этой цели комитет по проведению четырехлетнего плана во главе с уполномоченным—подсудимым Герингом, получившим полный контроль над германской экономикой. Больше того, 28 августа 1939 г., перед самым началом своей агрессии против Польши, они назначили подсудимого Функа уполномоченным по вопросам экономики, а 30 августа 1939 г. они учредили совет министров по обороне империи, который должен был действовать в качестве военного кабинета».

Я не буду отнимать время у Трибунала, чтобы доказывать то, что всему миру уже известно, а именно, что нацистские заговорщики перевооружили Германию в самых широких масштабах.

Я предполагаю представить в качестве доказательства секретные записи планов и вопросов, обсуждавшихся на внутренних совещаниях нацистов, которые доказывают, что реорганизация германского правительства, финансовая изоционность подсудимого Шахта и тотальная мобилизация германской экономики, производившаяся главным образом под руководством подсудимых Шахта, Геринга и Функа, были направлены к единой цели — к агрессивной войне.

Значение экономических мероприятий, которые были приняты и применялись заговорщиками, может быть, конечно, правильно оценено только, если рассматривать эти мероприятия в связи со всей политической и социальной обстановкой нацистской Германии. Эти экономические мероприятия проводились тогда, когда заговорщики, как это было установлено, широко пропагандировали войну. Они проводились в то время, когда заговорщики извратили сущность физической тренировки, превратив ее в тренировку для войны. Они проводились в то время, когда, как покажут мои коллеги, для достижения своих материальных и политических целей заговорщики угрожали применить вооруженные силы. Короче говоря, эти мероприятия составляют в области экономики и правительственной администрации такую же подготовку к ведению агрессивной войны, какая преобладала в каждой области нацистского государства.

В 1939—1940 гг., после нацистской агрессии против Польши, Голландии, Бельгии и Франции, всему миру стало совершенно ясно, что нацистские заговорщики создали, невидимому, величайшее в истории орудие для агрессии.

Эта гитлеровская военная машина была создана в течение менее одного десятилетия. В мае 1939 года генерал-майор Георг Томас, бывший начальник военно-экономического штаба имперского военного министерства, заявил, что количество дивизий в германской армии возросло с 7 пехотных в 1933 году до 39 пехотных дивизий, из которых 4 полностью моторизованных, 3 горно-альпийских дивизии, 18 корпусов, 5 танковых дивизий, 22 пулеметных батальона. Кроме того, генерал Томас сказал, что германский военный флот значительно вырос. Среди других

спущенных на воду судов имеются два линкора водоизмещением в 35 тысяч тонн, четыре тяжелых крейсера водоизмещением 10 тысяч тонн каждый и другие военные корабли. Численный состав военно-воздушных сил увеличился до 260 тысяч человек, 21 эскадрилья, состоявшей из 240 отрядов и 33 противоздушных зенитных батарей.

Цитирую документ под номером ЕС-28, США-23, который состоит из доклада генерал-майора Томаса от 24 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел, где он говорит: «Из немногих заводов, разрешенных Версальским договором, выросла самая мощная из существующих сейчас в мире военная промышленность. Она достигла уровня производства, который был частично равен германскому производству военного времени и частично даже превышал его. На сегодняшний день Германия занимает второе место в мире по производству стали после Америки. Производство алюминия значительно превышает производство Америки и других стран мира.

Выпуск винтовок, пулеметов и артиллерийского вооружения превышает в настоящее время производство любой другой страны».

Результаты, о которых говорил в своем докладе генерал Томас 24 мая 1939 г., были достигнуты путем подготовки к войне основных отраслей германской экономики. Генерал Томас заявил: «История знает только несколько примеров, когда страна даже в мирное время направляла все свои экономические ресурсы на удовлетворение нужд войны так целеустремленно и систематически, как это вынуждена была делать Германия в период между двумя войнами».

Мобилизация германской экономики для агрессивной войны началась немедленно после того, как нацистские заговорщики захватили власть. Это было поручено главным образом Шахту, Герингу и Функу.

В марте 1933 года Шахт был назначен председателем Рейхсбанка, а в августе 1934 года — министром экономики. Ответственность за осуществление этой программы была возложена на комитет по проведению четырехлетнего плана, возглавляемый Герингом.

Благодаря финансовым махинациям Шахта были приняты меры к полному восстановлению германской промышленности, а с установлением контроля над импортом и экспортом, который предусматривался планом 1934 года, германское производство стало удовлетворять требования германской военной машины.

В 1936 году, учитывая опыт первой мировой войны, нацистские заговорщики приступили к выполнению честолюбивого плана, направленного на то, чтобы в течение четырех лет Германия могла стать полностью независимой в области стратегических военных материалов, как, например, сталь, каучук, бензин, с тем, чтобы нацистские заговорщики были полностью подготовлены для ведения агрессивной войны. Ответственность за осуществление этой программы была возложена на комитет по проведению четырехлетнего плана, во главе которого стоял Геринг.

В лекции, прочитанной на курсах штабных инструкторов 28 февраля 1939 г., генерал-майор Томас заявил: «Вскоре после захвата власти национал-социалистское государство реорганизовало все области германской экономики и обратило ее к военным целям, чего армия требовала в течение многих лет. Благодаря этой реорганизации сельское хозяйство, торговля и ремесла стали теми мощными орудиями, которые нужны фюреру для выполнения его обширных планов.

Мы можем сказать сегодня, что гибкая политика Гитлера, а также огромные усилия армии и усилия в области экономики не были бы возможны без необходимой реорганизации, проведенной национал-социалистским правительством. Мы не можем сейчас заявить, что организация экономики в целом отвечает нуждам; еще потребуются внести некоторые небольшие поправки. Проведенная реорганизация сделала возможным создание новой системы экономики, которая была необходима, принимая во внимание наше внутреннее и внешнее политическое положение, а также стоящие перед нами финансовые проблемы.

Направляемая экономика, которую мы имеем сейчас в области сельского хозяйства, торговли и промышленности, является не только осуществлением принципов настоящего государства, но в то же время является экономикой защиты страны».

Эта программа не проводилась без всякой цели. Она была тщательно разработана и проведена с целью обеспечения необходимого орудия для осуществления плана заговорщиков по ведению агрессивной войны.

В сентябре 1934 года Шахт открыто признал в разговоре с американским послом в Берлине, что партия Гитлера полностью посвятила себя вопросам войны. Это подтверждается выдержкой из дневника посла Додда, страница 176.

В то же время подсудимый Шахт обнародовал свой новый план контроля над импортом и экспортом, подчиняя их интересам перевооружения.

Через год совершенно секретным декретом Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики.

В сентябре 1936 года на совещании, на котором присутствовали Шахт и другие, Геринг заявил, что Гитлер на основании того, что столкновение с Россией неизбежно, дал имперскому министру соответствующие указания, а затем Геринг добавил, что необходимо предпринять все меры, точно такие же, какие должны были бы быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед непосредственной угрозой войны.

Я обращаю внимание Суда на документ ЕС-416. Перед тем как цитировать этот документ, я хочу указать, что это протокол совещания кабинета, состоявшегося в 12 часов дня 4 сентября 1936 г., где указано, что на совещании присутствовали подсудимые Геринг и Шахт, фон Бломберг и другие и что на этом совещании разбирался секретный вопрос, касающийся империи. На странице 2 этого документа приводятся слова Геринга: «Столкновение с Россией неизбежно... Необходимо предпринять точно такие же меры, какие должны быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед фактом немедленной угрозы войны».

В том же месяце был создан комитет четырехлетнего плана, целью которого было сделать Германию в течение четырех лет способной вести войну. Члены нацистского правительства обеспечили руководство подготовкой Германии к войне. Они получили всемерную поддержку германских промышленников.

Роль, которую играли промышленники в переводе германской экономики на военные рельсы, была решающей, и я вкратце остановлюсь на этом.

По приглашению Геринга около двадцати виднейших промышленников Германии и Шахт присутствовали 20 февраля 1933 г. на совещании.

в Берлине, которое состоялось накануне выборов, назначенных на 5 марта 1933 г. На этом совещании Гитлер заявил, что целью заговорщиков является установление тоталитарного контроля над Германией, разрушение парламентской системы, насильственное уничтожение всякой оппозиции и восстановление вооруженных сил Германии.

Среди присутствовавших на совещании в феврале 1933 года в Берлине были: Густав Крупп — глава огромной фирмы по производству вооружения, Альфред Крупп, четыре видных руководителя заводов «ИГ Фарбениндустри» — одного из величайших мировых химических концернов, а также Шахт. Там был также Альберт Феглер — глава объединения сталелитейных заводов Германии. Присутствовали также другие ведущие промышленники.

Чтобы подтвердить свое утверждение о том, что это совещание имело место именно в то время и в том месте, как я указал, я предлагаю вашему вниманию документ ЕС-439 — письменные показания фон Шницлера, данные под присягой, которые гласят:

«Я Георг фон Шницлер, член правления «ИГ Фарбениндустри», даю под присягой следующие показания:

В конце февраля 1933 года четыре члена правления «ИГ Фарбениндустри», в том числе и председатель правления д-р Бош, были приглашены секретариатом президента рейхстага на совещание, происходившее у него на дому, причем в уведомлении не было указано, по какому именно вопросу. Я не помню двух других коллег, которые также были

- приглашены. Я думаю, что я получил это приглашение во время одной из моих деловых поездок в Берлин. Я пошел на это совещание. На этом заседании присутствовало около двадцати человек, большинство из которых, я думаю, были ведущие промышленники Рура. Среди присутствовавших на этом совещании я помню д-ра Шахта, который тогда еще не был председателем Рейхсбанка и министром экономики, Круппа фон Болен, который в начале 1933 года был председателем имперского объединения, ставшего потом полуофициальной организацией «Рейхсгруппениндустри», доктора Альберта Феглера, одного из руководителей объединенных сталелитейных предприятий, фон Лосвенфельда — представителя промышленного предприятия в Эссене, д-ра Штейна — главу профессионального союза на шахте «Августа Виктория», которая тоже принадлежала к «ИГ Фарбениндустри». В то время Штейн был активным членом германской народной партии.

Я помню, что д-р Шахт вел себя как хозяин. В то время как я ожидал появления Геринга, в комнату вошел Гитлер, пожал всем руки и сел за стол. В своей длинной речи он говорил главным образом об опасности коммунизма и утверждал, что он одержал над ним решительную победу. Затем он говорил относительно союза, в который вошла его партия с народной партией Германии. Эта партия была реорганизована фон Папеном. В конце речи он перешел к вопросу, который, как мне казалось, был целью этого совещания. Гитлер подчеркнул, насколько важно, чтобы две вышеупомянутые партии завоевали большинство на предстоящих выборах в рейхстаг. После того как Гитлер покинул комнату, Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за произнесенную им речь, д-р Шахт внес предложение о создании фонда, если я не ошибаюсь, в 3 миллиона рейхсмарок для проведения избирательной кампании. Эта сумма должна

была быть распределена между двумя «союзниками» в соответствии с их значимостью в тот период».

В меморандуме от 22 февраля 1933 г. Густав Крупп вкратце описал это совещание и отметил, что он выразил Гитлеру признательность промышленников, которые присутствовали на совещании.

В апреле 1933 года, после того как Гитлер укрепил за собой власть, Густав Крупп в качестве председателя имперской ассоциации германских промышленников, которая являлась крупнейшей ассоциацией германских промышленников, предложил Гитлеру план этой ассоциации, предусматривавший реорганизацию германской промышленности, и в связи с этим он принялся за то, чтобы поставить ассоциацию на службу заговорщикам и превратить ее в действенное орудие для проведения в жизнь их политики.

В сопроводительном письме Крупп писал, что план реорганизации, который он представляет от имени ассоциации промышленников, характеризуется желанием координировать экономические мероприятия с политической необходимостью, принимая принцип «фюрерства» в новом германском государстве.

В самом плане реорганизации Крупп заявил:

«Ход политических событий полностью соответствует желаниям, которые лично я и члены правления вынашивали в течение долгого времени. В реорганизации имперской ассоциации германской промышленности я буду руководствоваться идеей согласования деятельности новой организации с политическими целями имперского правительства».

Мысли, высказанные Крупном от имени членов имперской ассоциации германской промышленности о введении принципа «фюрерства» в промышленность, впоследствии были приняты.

Согласно декрету, введшему принцип «фюрерства» в промышленность, каждая промышленная группа должна была иметь своего руководителя, работающего без вознаграждения. Эти руководители назначались и могли быть смещены министром экономики. Руководитель каждой группы должен был составить ее устав, и он был обязан руководить своей группой в соответствии с принципами национал-социалистского государства.

Я думаю, что здесь уместно упомянуть о том, что введение принципа «фюрерства» в экономическую организацию позволило сосредоточить власть и гарантировало эффективное выполнение приказов правительства промышленниками и в интересах развития военной экономики.

О том, какую огромную поддержку германские промышленники оказали нацистской военной программе, можно судить по речи, подготовленной Густавом Круппом в январе 1944 года для выступления в Берлинском университете.

Я не хочу утомлять суд оглашением всего документа, но я желал бы зачитать из него некоторые выдержки, не отрывая их, однако, от контекста. Эти выдержки начинаются в третьем и четвертом абзацах, то есть, в первом длинном абзаце на странице 1:

«Военные материалы жизненно необходимы для нашего народа, и тот, кто занят в этой области, может гордиться этим. В данном случае предприятие полностью оправдывает свое существование. Это оправдание себя, я могу указать здесь, выразилось особенно ясно в период

«междоусобия» в 1919—1933 гг., когда Германия лежала поверженная и обезоруженная»...

«Большая заслуга всей германской военной экономики заключается в том, что она не оставалась бездеятельной в течение этих тяжелых лет, даже когда эта деятельность не могла быть открытой по вполне понятным причинам. В результате многих лет тайной работы был заложен научный и массивный фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час без потери времени или утраты опыта»...

«Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, приобретенному при производстве товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми очередными задачами при восстановлении военной мощи Германии. Только благодаря этому было возможно разрешать совершенно новые и разнообразные задачи, поставленные четырехлетним планом фюрера перед германской промышленностью. Необходимо было доставлять новые сырьевые материалы, производить исследования и опыты, вкладывать капитал для того, чтобы сделать германскую экономику независимой и сильной, — короче говоря, сделать ее соответствующей требованиям войны»...

«Я считаю, что могу здесь сказать, что германские промышленники с энтузиазмом шли по этому новому пути, что они рассматривали великие намерения фюрера, как свои собственные, путем честной конкуренции и сознательной благодарности и стали его верными последователями. Как же иначе могли быть разрешены задачи, стоявшие перед нами между 1933 и 1939 гг. и особенно после 1939 года?».

Упорство, с которым нацистские заговорщики следовали одной дели — переводу германской экономики на военные рельсы, еще в большей степени явствует из протокола заседания рабочего комитета так называемого имперского совета обороны, состоявшегося 7 февраля 1934 г. На этом совещании генерал-лейтенант Бек указал, что «целью настоящего заседания является обсуждение нынешнего состояния подготовки».

Мимоходом я могу сказать, что на этом заседании, кроме генерал-лейтенанта Бека, присутствовали: подсудимый Йодль, тогда бывший подполковник, капитан Шмундт, полковник Гудериан, генерал-майор фон Рейхенау, майор Варлимонт. Все эти имена вы еще услышите неоднократно при дальнейшем представлении доказательств по этому вопросу.

Детально обсуждались мероприятия по финансированию будущей войны, и было договорено, что финансовая сторона вопроса военной экономики будет регулироваться имперским министром финансов и райхсбанком, который находился под руководством Шахта.

Как об этом уже говорилось сегодня утром. Шахт был назначен главным уполномоченным по вопросам военной экономики со специальной и неотложной задачей — перевести все экономические силы страны на военные рельсы. Секретный закон об обороне от 21 мая 1935 г., которым Шахт получил это секретное назначение, фактически возложил на Шахта руководство всей военной экономикой. В случае войны он должен был фактически стать экономическим диктатором Германии. Его задачей было подчинить все экономические силы интересам ведения войны и экономически обеспечить жизнь германского народа. Министры экономики, продовольствия, сельского хозяйства, труда, лесного хозяйства.

как же как и все имперские учреждения, непосредственно подчиненные фюреру, были подчинены ему. Он должен был отвечать за финансирование войны; он был даже уполномочен издавать распоряжения в сфере своей деятельности, даже если они отклонялись от существовавших законов.

Перевооружение Германии проводилось необычно быстрыми темпами. К лету 1935 года нацистские заговорщики осмелели до того, что начали планировать оккупацию Рейнской области. На десятом заседании рабочего комитета совета обсуждался вопрос о мероприятиях, которые надо было проводить в связи с предполагаемой оккупацией Рейнской области. Я ссылаюсь на документ ЕС-405. На этом заседании 26 июня 1935 г. было заявлено, что вопрос о Рейнской области требует, специального подхода, потому что Гитлер дал заверение Франции, что никакие военные мероприятия не будут проводиться в демилитаризованной зоне. В число вопросов, требующих особого подхода, включена подготовка к экономической мобилизации. Эта задача была специально возложена на Шахта как на уполномоченного по вопросам военной экономики.

От этого документа я перехожу к освещению вопроса о быстром росте германского вооружения, который происходил главным образом в результате деятельности Шахта. Осенью 1934 года нацистские заговорщики объявили так называемый «новый план», имевший целью контроль над ввозом и вывозом для получения сырья, необходимого для вооружения, и иностранной валюты, которая требовалась для выполнения программы вооружения. «Новый план» был детищем Шахта. Согласно этому плану Шахт контролировал импорт путем расширения системы управления по контролю над импортом, который вначале распространялся только лишь на основные группы сырьевых материалов и на те товары, импортируемые в Германию, в которые входили эти сырьевые материалы, будь то полуфабрикаты или готовые изделия. Установление лицензий на импортируемые товары дало возможность нацистским заговорщикам ограничить импорт лишь теми товарами, которые были необходимы для их военных нужд. Затем в феврале 1935 года был принят так называемый закон «Девизен». Согласно этому закону все сделки, включающие операции с иностранной валютой, подлежали утверждению со стороны «Девизенштеллен» (учреждение по контролю над операциями с иностранной валютой). Таким образом, контролируя использование иностранной валюты, заговорщики были в состоянии управлять внешней торговлей в соответствии с их нуждами и желаниями.

Таким образом, все области германской экономики переводились на военные рельсы под руководством нацистских заговорщиков, особенно Шахта. В обзоре хода экономической мобилизации для войны от 30 сентября 1934 г. говорилось, что уже были предприняты меры для создания обширных запасов, организации производства дефицитных товаров, перебазирование промышленности в безопасные районы и для установления контроля над финансовой и торговой политикой. Уже были сделаны ссылки на тот факт, что задача производства запасов затруднялась тем, что это надо было делать тайно и в замаскированной форме. Производилось накопление горючего для автомашин и запасов угля. Было ускорено производство синтетического горючего. Снабжение гражданского населения было преднамеренно организовано таким образом, чтобы большинство предприятий работало для германских вооруженных сил.

Производилось изучение возможности взаимной торговли с «предположительно» нейтральными странами в случае войны.

Вопрос финансирования программы вооружения был трудной проблемой для заговорщиков. В 1934—1935 гг. германская экономика не могла никоим образом создать денежные фонды для обширной программы вооружения путем налогов и государственных займов. Поэтому программа вооружения с самого начала влекла за собой «использование последних резервов». Кроме проблемы создания больших денежных фондов, требуемых для финансирования этой программы, заговорщики особенно были озабочены на ранних стадиях тем, чтобы скрыть размеры проводившегося ими бешеными темпами вооружения.

Шахт предложил ввести так называемые счета «МЕФО». Одним из наибольших преимуществ этого метода был тот факт, что цифры, показывающие размеры вооружения, которые могли бы стать известными, если бы проводился другой метод финансирования, могли сохраняться в тайне путем применения счетов «МЕФО». Счета «МЕФО» применялись исключительно при финансировании вооружения.

Денежные операции по системе счетов «МЕФО» производились следующим образом.

Счета «МЕФО» выписывались заказчиками, размещавшими заказы на вооружение, и акцептовались компанией с ограниченной ответственностью, называемой «Металлургише форшунгсгезельшафт», откуда и происходит сокращенное название «МЕФО». Эта компания имела номинальный капитал в 1 миллион марок и поэтому была попросту фиктивной организацией. Эти счета принимались к оплате всеми германскими банками с возможным редисконтированием их Рейхсбанком. Счета гарантировались государством. Их секретность обеспечивалась тем фактом, что они никогда не фигурировали ни в публиковавшихся отчетах Рейхсбанка, ни в цифрах бюджета.

Система счетов «МЕФО» применялась до 1 апреля 1938 г. К этому времени для финансирования вооружения было выдано счетов «МЕФО» на 12 миллиардов райхсмарок. Ввиду того что больше не было необходимости продолжать скрывать быстрый рост германского вооружения, система финансирования путем счетов «МЕФО» была прекращена с того момента.

Следующим источником средств, используемым Шахтом для финансирования секретной программы вооружения, была конфискация денежных средств политических противников фашистского режима, а также денежных сумм в марках, помещенных иностранцами на текущий счет в рейхсбанке. Как заявил Шахт, «наше вооружение частично финансировалось за счет кредитов наших политических противников». Это заявление было сделано в меморандуме Шахта Гитлеру от 3 мая 1935 г., документ ПС-1168. непогашенные счета «МЕФО» во все времена представляли собой угрозу стабильности валюты, потому что они могли предъявляться для дисконта и в рейхсбанк, причем количество бумажной валюты, находящейся в обращении, должно было автоматически возрастать.

Таким образом, существовала постоянная угроза инфляции. Но Шахт тем не менее продолжал эту политику потому, что «он был непоколебимо верен фюреру, потому, что он полностью признавал основную идею национал-социализма, и потому, что, в конце концов, все затруднения.

по сравнению с великой задачей могли рассматриваться как малозначащие».

Высшие военные офицеры отдавали должное от имени нацистской военной машины Шахту за его изобретательность. В написанной статье для «Военной еженедельной газеты» в январе 1937 года было сказано:

•«Оборонные силы Германии сегодня с благодарностью произносят имя д-ра Шахта как одного из тех, кто совершал незабываемые подвиги для развития германских вооруженных сил в соответствии с указаниями фюрера и рейхсканцлера. Оборонные силы обязаны величайшим способностям и мастерству д-ра Шахта тем, что, несмотря на все финансовые трудности, они в соответствии с планом сумели из армии численностью в 100 000 человек вырасти до нынешних размеров».

После оккупации Рейнской области нацистские заговорщики удвоили свои усилия с целью подготовить Германию к войне более крупных масштабов. 9 сентября 1936 г. Гитлер на партийном съезде в Нюрнберге объявил в своей речи о создании четырехлетнего плана. Это заявление получило легальную основу путем издания декрета, касающегося выполнения четырехлетнего плана, от 18 октября 1936г. Этим декретом Геринг был назначен ответственным за осуществление этого плана. Ему были предоставлены права проводить любые юридические и административные мероприятия, которые он считал необходимыми для выполнения своей задачи, и издавать приказы и инструкции всем правительственным учреждениям, включая самые высокие имперские власти. Задача плана заключалась в том, чтобы добиться для Германии полной самостоятельности в области важных сырьевых материалов, особенно таких, как горючее, каучук, текстиль, цветные металлы, и тем самым ускорить подготовку к войне. Развитие производства синтетических продуктов было в значительной степени ускорено, несмотря на большие издержки.

Для осуществления своей программы нацистские заговорщики нуждались также в иностранной валюте для того, чтобы финансировать свою пропагандистскую и шпионскую деятельность за границей. Так, в речи, произнесенной 1 ноября 1937 г. в академии вооруженных сил Германии, генерал Томас заявил:

«Если принять во внимание то, что во время войны потребуются значительные средства для того, чтобы организовать необходимую пропаганду, и для того, чтобы оплачивать шпионаж и подобного рода услуги, то должно быть ясно, что наша внутренняя марка будет бесполезна и понадобится иностранная валюта».

Эта особая необходимость в иностранной валюте была частично снижена потому, что нацистское государство бесплатно получало от ведущих германских концернов необходимые шпионские сведения и помощь в области пропаганды.

У меня в руках документ Д-206, составленный в Эссене и датированный 12 октября 1935 г. Он был найден в архиве компании Круппа. Он озаглавлен: «Меморандум». Подзаголовок гласит: «Концерны — распространение за границей официальной пропагандистской литературы при помощи наших иностранных связей». Далее указано, что утром 11 октября районный представитель личного иностранного бюро Риббентропа назначил по телефону на определенный час свидание с г-ном Лахманом. «На мой вопрос, с кем я имею дело и с каким официальным бюро,

представитель мне ответил, что он лично не является районным представителем бюро Риббентропа, но что таковым является г-н Лахман. представитель Бормана, который сказал, что он приехал по приказу Бормана».

«Я информировал г-на Лахмана о том, что много лет назад наша фирма предоставила себя в распоряжение официальных учреждений в вопросах внешней пропаганды и что мы полностью выполняли все требования, которые нам предъявлялись».

...Теперь я перехожу к обсуждению программы заговорщиков, которая, как я уже неоднократно замечал, проводилась в жизнь с поразительной быстротой.

По опубликованным, Например, некоторым официальным немецким данным, производство стали возросло следующим образом:

Годы	Производство стали в тысячах тонн
1933	74
1934	105
1935	145
1936	186
1937	217
1938	477

Производство бензина росло еще более быстрыми темпами: от 370 тысяч тонн в 1934 году до 1494 тысяч тонн в 1938 году. Нацистские заговорщики настолько спешили закончить программу вооружения, что это ясно выдавало их уверенность в неизбежности войны.

В совершенно секретном письме от 21 августа 1936 г., адресованном Шахту, говорилось, что по приказу Гитлера _все соединения военно-воздушного флота должны быть готовы к 1 апреля 1937 г. Это характеризует срочность мероприятий в нацистской экономике, обусловливаемых внешними факторами. Таким образом закладывался фундамент для дальнейших агрессивных действий.

«Имеющиеся резервы должны будут использоваться при преодолении этого препятствия до тех пор, пока цель, поставленная фюрером, не будет достигнута; в случае войны на них, при всех обстоятельствах, нельзя будет рассчитывать».

«Если бы война разразилась завтра, то мы были бы вынуждены принять меры, которых мы, возможно, могли бы избежать в настоящее время. Поэтому эти меры должны быть приняты».

После захвата Австрии и Судетской области заговорщики удвоили свои усилия по вооружению для ведения агрессивной войны. На совещании 14 октября 1938 г., незадолго до того как заговорщики выдвинули свои первые требования к Польше, Геринг сказал, что «фюрер поручил ему провести в жизнь гигантскую программу, по сравнению с которой меркнет все то, что было до сих пор. Имеются трудности, которые должны быть преодолены с величайшей энергией и безжалостностью».

Шахт особенно гордился тем, что мог благодаря своим обширным навыкам в финансовой и экономической областях быть полезным фашистской военной машине. В документе ЕС-257, который является копией письма Шахта генералу Томасу, в первом абзаце говорится: «Я с величайшим удовлетворением вспоминаю о работе по перевооружению

германского народа как о неременном условии для создания новой германской нации».

В документе ЕС-252, письме, адресованном генералу фон Бломбергу 8 июля 1937 г., Шахт писал: «Руководство военной экономикой уполномоченным в этом случае не могло бы осуществляться независимо от всего остального военного механизма, но должно было бы быть направлено на то, чтобы привлечь все экономические силы для достижения политической цели войны. Поэтому я преисполнен желанием участвовать таким путем в подготовке грядущего нового порядка путем издания акта об обороне».

Весной 1937 года Шахт вместе с представителями армии, флота и военно-воздушных сил принял участие в военной игре по военной экономике. Эта военная игра явилась чем-то новым.

Военная игра происходила в Годесберге, в Германии. Я ссылаюсь на документ ЕС-174. Там говорится следующее:

«До того как я начну обсуждать итоги военной игры по вопросам военной экономики, я хочу высказать нашу глубокую признательность вам, д-р Шахт, за то, что вы приняли непосредственное и личное участие в нашем сегодняшнем итоговом обсуждении, несмотря на то, что вы так заняты. Это свидетельствует о вашем постоянном и глубоком интересе к задачам военной экономики, и ваше присутствие здесь является новым доказательством того, что вы стремились облегчить для нас трудности военно-экономической подготовки и укрепить гармоническое сотрудничество с вашими учреждениями».

В меморандуме от 7 января 1939 г., составленном Шахтом и другими директорами Рейхсбанка для Гитлера, указывалось на срочную необходимость сбалансировать бюджет ввиду опасности инфляции. Там говорилось (я ссылаюсь на документ ЕС-369, на абзац в конце страницы 1 этого документа): «С самого начала рейхсбанк сознавал, что успех в области внешней политики может быть достигнут лишь путем реконструкции германских вооруженных сил. Он (рейхсбанк) принял на себя в значительной степени ответственность за финансирование вооружения, несмотря на вытекавшие отсюда опасности для стабильности валюты. Это оправдывалось необходимостью, которая отодвигала на задний план все прочие соображения, необходимостью вооружиться немедленно и из ничего и, кроме того, в замаскированной форме, так, чтобы это делало возможным проведение внушающей доверие внешней политики». Директора Рейхсбанка, будучи экспертами в области денежного обращения, считали, что достигнуто такое положение, при котором дальнейшее производство становилось невозможным.

Это было всего лишь оценкой положения, а не принципом морали, так как при этом не было никакой оппозиции гитлеровской политике агрессии. Сомнения существовали лишь относительно того, сумеет ли он финансировать эту политику.

Гитлер в своем письме Шахту по поводу ухода последнего из рейхсбанка (документ ЕС-397) воздал высокую дань усилиям Шахта в выполнении программы нацистских заговорщиков. К тому времени вооруженные силы дали Гитлеру возможность захватить Австрию и Судетскую область. Мы считаем, что до того момента Шахт хорошо выполнял свою задачу. В документе ЕС-397, в письме, адресованном Шахту, Гитлер

писал: «Ваше имя прежде всего будет всегда связано с первым этапом национального перевооружения».

Подсудимый Функ занял пост Шахта и стал председателем рейхсбанка.

Подсудимый Функ был совершенно не подвержен опасениям инфляции, так как, подобно Герингу, которому он был подчинен по работе в управлении четырехлетнего плана, не признавал никаких препятствий для осуществления планов нападения на Польшу.

В документе ПС-699, в письме подсудимого Функа Гитлеру, написанном 25 августа 1939 г., всего за несколько дней до нападения на Польшу, подсудимый Функ докладывал Гитлеру, что Рейхсбанк готов выдержать любое потрясение в области международной кредитной системы и валюты, которое будет вызвано большой войной. Он сообщил, что тайно перевел все фонды Рейхсбанка, находящиеся за границей в золоте, и что Германия готова встретить все финансовые и экономические проблемы, которые предстанут в будущем.

Таким образом, становится совершенно ясно из письменных документов, действий и речей самих нацистских заговорщиков, что они действительно нацеливали всю германскую экономику на подготовку к агрессивной войне. Говоря словами самого подсудимого Геринга, они дали германскому народу «пушки вместо масла». И мы заявляем, что они также дали истории самый потрясающий пример нации, стремившейся в мирное время к единственной цели — агрессивной войне.

Их экономическая подготовка, запланированная и проводившаяся с безжалостной энергией Герингом, циничные финансовые махинации Шахта и преисполненное готовности соучастие Функа и других были первым неизбежным актом в душераздирающей трагедии, которую их агрессия принесла миру.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ БРАЙСОНОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМОГО ШАХТА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 10 и 11 января 1946 г.]*

Наши доказательства по делу подсудимого Шахта ограничиваются вопросом о планировании и подготовке агрессивной войны и участии а заговоре, направленном к развязыванию и ведению агрессивной войны.

Наши доказательства покажут, что до конца 1937 года Шахт был основной фигурой в деле вооружения Германии, экономического планирования и подготовки войны, что без его работы нацисты не смогли бы выжать из своей экономики те огромные материальные предпосылки, которые были необходимы для вооруженной агрессии, что Шахт, полностью зная об агрессивных целях, посвятил свои усилия достижению этих целей, которым он служил.

Мы вкратце покажем, что Шахт разделял нацистскую философию еще до 1933 года и содействовал приходу Гитлера к власти.

; Мы обращаемся к нашим доказательствам о том, что Шахт помог Гитлеру прийти к власти. Шахт впервые встретился с Герингом в декабре 1930 года, а с Гитлером — в доме Геринга в начале января 1931 года. Гитлер произвел на него благоприятное впечатление.

После этой встречи Шахт стал союзником Гитлера, и в критический политический момент в ноябре 1932 года он посвятил свой престиж, который он имел в финансовых, банковских и деловых кругах всего мира, делу Гитлера.

Я хочу обратить внимание Трибунала на заявление Геббельса, которое имеется в документе 2409-А-ПС. Я хотел бы огласить запись от 21 ноября 1932 г.

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он — один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Считается, что Шахт вступил в партию только в том смысле, что он присоединился к делу нацистов. Доктор Франц Рейтер, написавший биографию Шахта, которая была официально опубликована в Германии в 1937 году, заявил, что Шахт избегал формального членства в партии для того, чтобы оказывать ей большую помощь. Я представляю в качестве доказательства документ ЕС-460 под номером США-617. Это выдержки из биографии, написанной Рейтером.

Цитирую последнюю фразу этой выдержки:

«Не сделав этого, во всяком случае, до того как была одержана окончательная победа партией, он смог помогать ей (то есть партии) гораздо лучше, чем если бы он был официальным членом партии».

: Именно Шахт на встрече Гитлера с группой германских промышленников в Берлине организовал финансовую помощь, необходимую для решающих выборов в марте 1933 года. Шахт выступал в качестве хозяина на этой встрече, когда был собран выборный фонд из нескольких миллионов марок.

Шахт оказал помощь Гитлеру потому, что он разделял идеологические принципы Гитлера. Это можно увидеть, помимо записей из дневника Геббельса, в письме самого Шахта Гитлеру от 29 августа 1932 г., в котором Шахт клянется, что он будет продолжать поддерживать Гитлера после того, как последний получил плохие результаты на выборах в июле 1932 года. Я представляю это письмо в качестве доказательства под номером США-619. Я цитирую:

«В эти дни вам могут помочь несколько слов самой искренней симпатии. Ваше движение руководствуется такой внутренней правдой и необходимостью, что победа в той или иной форме 'надолго не сможет от вас ускользнуть».

' «Куда бы моя деятельность ни привела меня в ближайшем будущем, Даже если вы меня когда-нибудь увидите в крепости, вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника».

' Теперь обращаюсь ко второй части представляемых доказательств, к вопросу о вкладе Шахта в дело подготовки к войне. Может быть, будет полезным в самом начале напомнить Трибуналу, что 17 марта 1933 г. Гитлер назначил Шахта президентом Рейхсбанка и что Шахт занимал этот пост до 20 января 1939 г., что с августа 1934 по ноябрь 1937 года он был исполняющим обязанности министра, а затем министром экономики и что в мае 1935 года он был назначен генеральным уполномочен-

ным по вопросам военной экономики. В ноябре 1937 года он покинул пост министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики и принял пост министра без портфеля, который он занимал до января 1943 года. Собственно говоря, общеизвестным фактом является то, что фактически он был экономическим диктатором Германии в течение четырех наиболее критических лет—с начала 1933 до конца 1936 года.

Шахт был вдохновителем нацистской программы расширения германской кредитной системы в целях вооружения. С самого начала он понял, что план установления германского военного господства требовал больших средств. С этой целью был проведен целый ряд мероприятий, при помощи которых все кредитные учреждения Германии были приспособлены для финансового обеспечения военной машины.

Я, вкратце упомяну о некоторых из этих мероприятий. Декретом правительства от 27 октября 1933 г. был навсегда отменен постоянный сорокапроцентный резервный фонд из золотой и иностранной валюты для обеспечения банкнотов Рейхсбанка. Законом 1934 года правительство установило контроль над всеми кредитными учреждениями, и контроль над всей банковской системой был передан в руки Шахта, являвшегося председателем бюро по наблюдению над кредитной системой и президентом Рейхсбанка. Этот закон дал возможность Шахту не только контролировать размеры кредитов, но и их использование.

29 марта 1934 г. германской деловой жизни была навязана система принудительного предоставления кредитов, 19 февраля 1935 г. казначейство получило право брать в долг любые суммы по утверждению рейхсканцлера, то есть Гитлера.

Эти мероприятия дали Шахту возможность начать проведение того, что он сам называл «смелой кредитной политикой», включая тайное финансирование широкой программы вооружения посредством так называемых счетов «МЕФО».

Представляю в качестве доказательства документ ЕС-436 под номером США-620. Это заявление от 2 ноября 1945 г. Эмиля Пуля, который был директором Рейхсбанка в то время, когда Шахт был президентом. Я цитирую второй абзац этого заявления.

«В начале 1935 года возникла необходимость финансирования ускоренной программы вооружения. Доктор Шахт, президент Рейхсбанка, обсудив различные методы финансирования, предложил использовать счета «МЕФО» для того, чтобы предоставить значительную часть фондов, необходимых для проведения программы вооружения. Этот метод имел то основное преимущество, что в течение первых лет финансирования программы вооружения можно было сохранять секретность. Данные, указывающие на размеры вооружения, которые были бы опубликованы в случае использования других методов, могли держаться в секрете посредством использования счетов «МЕФО».

Размеры кредитов и значение метода «МЕФО» можно видеть из документа ЕС-419, который я представляю в качестве доказательства под номером США-621. Это письмо министра финансов фон Крозика Гитлеру от 1 сентября 1938 г. Цитирую следующие данные:

«Развитие имперского долга следующее: к 31 декабря 1932 г.— консолидированный текущий государственный долг — 10,4 миллиарда рейхсмарок, текущий долг—2,1 миллиарда рейхсмарок. Долг, не

подписанный государством (то есть посредством торговли и счетов «МЕФО») — 0.

К 30 июня 1938 г. консолидированный текущий государственный долг — 19 миллиардов рейхсмарок; текущий долг — 5 миллиардов рейхсмарок; долг, не подписанный государством (то есть посредством торговли и счетов «МЕФО») — 13,3 миллиарда рейхсмарок. Всего к 31 декабря 1932 г. — 12,5 миллиарда рейхсмарок; к 30 июня 1938 г. — 35,8 миллиарда рейхсмарок».

Германский долг, таким образом, увеличился втрое под руководством Шахта. Более чем одна треть общей суммы обеспечивалась посредством «МЕФО» и торговых векселей. Совершенно ясно, что такие масштабы финансирования, помимо обычных государственных эмиссий, следует отнести за счет вооружений.

Я далее читаю из документа ЕС-436, начиная с последнего абзаца:

«Эти счета «МЕФО» были использованы исключительно для финансирования вооружения, и когда в марте 1938 года доктор Шахт объявил о новой финансовой программе без использования «МЕФО», оставалось 12 миллиардов марок непогашенных счетов «МЕФО», которые были выпущены для финансирования программы вооружения».

Характер кредитной политики Шахта и тот факт, что она была направлена к созданию вооружений, видны из его собственной речи от 29 ноября 1938 г. Я представляю эту речь в качестве доказательства ЕС-611, США-622. Цитирую со страницы 6, начиная с последнего абзаца:

«Может быть, в мирное время ни один эмиссионный банк не проводил такой смелой кредитной политики, как рейхсбанк после захвата власти национал-социализмом. Однако при помощи этой кредитной политики Германия создала непревзойденную военную машину, а эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение целей нашей политики».

Помимо финансовой области, Шахт установил тоталитарный контроль над всей германской экономикой для того, чтобы приспособить ее к программе вооружения.

Он приобрел большую власть над промышленностью в результате нацистской реорганизации германской промышленности на военных основах и в соответствии с так называемым принципом «фюрерства».

Шахт также пользовался большой властью в качестве члена имперского совета по обороне, который был тайно учрежден 4 апреля 1938 г. и задачей которого являлась подготовка к войне. Я также представляю в качестве доказательства под номером США-623 документ ЕС-128. Это доклад от 30 сентября 1934 г., в котором указываются соответствующие функции министерства экономики. В докладе показано сосредоточение внимания на обычных экономических проблемах военного времени, как то: накопление фондов, производство дефицитных товаров, перевод промышленности в безопасные районы, обеспечение военной промышленности топливом и энергией, производство станков, рacionamento в военное время, контроль над ценами, обеспечение гражданского населения продуктами и т. д. Я хотел бы огласить лишь выдержки, которые показывают компетенцию министерства экономики, начиная со страницы 2 сверху. Это документ ПС-128.

«После того как был учрежден имперский совет по обороне и его постоянный комитет, имперское министерство экономики получило задание повести экономическую подготовку к войне. Нет надобности объяснять огромное значение этой задачи. Все помнят, какие ужасные последствия имела недостаточная экономическая подготовленность в первую мировую войну».

Наконец, в 1934 году Шахт приобрел огромную власть по закону, который давал ему право в качестве министра экономики принимать любые меры, необходимые для развития германской экономики.

Осенью 1934 года, вскоре после того как Шахт стал министром экономики, он объявил так называемый «новый план».

Этот «новый план» представлял собой основу программы, разработанной Шахтом по приобретению необходимого сырья за границей и иностранной валюты, требуемой для проведения программы вооружения.

Шахт пошел даже на то, что он вкладывал в немецкие банки рейхсмарки, принадлежавшие иностранцам. Таким образом, как он сам утверждал, он финансировал вооружение за счет своих политических противников. Кроме того, Шахт даже использовал смертную казнь для того, чтобы предотвратить потерю иностранной валюты, когда началась утечка капиталов из Германии.

Шахт был чрезвычайно горд теми результатами, которые были достигнуты при помощи строгого контроля, установленного в соответствии с его «новым планом». Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-611, представленный под номером США-622. Это речь Шахта в Берлине 29 ноября 1938 г. Я хотел бы огласить выдержку:

«Если в «новом плане» есть что-либо замечательное, то это тот факт, что германская организация под руководством национал-социализма смогла в течение очень короткого времени установить целый аппарат наблюдения за импортом, руководства экспортом и содействия экспорту. Несколькими данными можно доказать успех «нового плана». Количественно импорт продуктов производства был сокращен на 63 процента в период с 1934 по 1937 гг. С другой стороны, импорт руды увеличился на 132 процента, нефти—на 116 процентов, зерна—на 102 процента и резины—на 71 процент».

Будучи президентом Рейхсбанка и министром экономики, Шахт занял еще один важный пост, а именно — пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. Он получил это назначение от Гитлера в соответствии с неопубликованным законом об обороне, который был тайным образом принят 21 мая 1935 г.

...В силу этого назначения в руки Шахта было передано все экономическое планирование и подготовка к войне в мирное время, за исключением некоторых областей производства вооружения, находящихся под контролем военного министерства. Когда началась война, он был экономическим диктатором Германии и имел полный контроль над деятельностью ряда основных имперских министерств.

...До ухода в отставку Шахт с удивительной подробностью разработал план руководства экономикой в период предстоящей войны. Например, было обследовано 180000 промышленных предприятий и 300 областей промышленности с точки зрения их полезности для военных целей. Были разработаны экономические планы производства 200 видов

основных материалов. Была разработана система военных контрактов. Было установлено распределение угля, горючего и электроэнергии. 248 миллионов рейхсмарок было уже затрачено на постройку одних только складов. Были разработаны планы вывоза военных материалов и эвакуации квалифицированных рабочих из зоны военных действий. Уже было напечатано и распределено по районам 80 миллионов продуктовых карточек на время войны. Была составлена картотека о квалификациях около 22 миллионов рабочих.

Я хотел бы представить еще один документ по этому вопросу. Это документ ЕС-451, США-626. Он представляет собой заявление Джорджа С. Мессерсмита, генерального консула Соединенных Штатов в Берлине с 1930 по 1934 год. Я цитирую:

«Его (то есть Шахта) финансовые способности дали возможность нацистскому режиму в первый период создать финансовые основы для огромной программы вооружения и провести ее. Если бы не его усилия, — это не мое личное мнение, а точка зрения, которую, как мне кажется, разделяли и разделяют все обозреватели того времени, — нацистский режим не смог бы сохранить власть и установить контроль над Германией, а тем более не мог бы создать огромную военную машину, которая была необходима для достижения его целей в Европе, а позднее и во всем мире.

Усилившаяся промышленная деятельность Германии, связанная с вооружением, сделала необходимым значительное увеличение импорта сырья и понижение экспорта. Однако Шахту, со всей его ловкостью, полной финансовой бессовестностью и абсолютным цинизмом удалось создать и поддерживать благоприятное для нацистов положение. Несомненно, что если бы он не предоставил в распоряжение нацистского правительства свои способности, Гитлер и нацисты, не могли бы создать вооруженные силы, достаточные для того, чтобы Германия могла развязать агрессивную войну».

...«Доктор Шахт всегда пытался вести двойную игру. Он сказал мне, — и я знаю, что он говорил это другим американским представителям в Берлине, а также различным английским представителям, — что он не согласен почти со всем тем, что делают нацисты. Я вспоминаю, как после прихода нацистской партии к власти он несколько раз говорил, что если нацисты не будут остановлены, они приведут Германию и весь мир к гибели. Я точно вспоминаю, что он подчеркивал, что нацисты неминуемо вовлекут Европу в пучину войны».

«По моему мнению. Шахт никоим образом не был пленником нацистов. Его не принуждали посвящать свое время и свои способности их интересам. Его положение было таким, что, вероятнее всего, он мог бы ограничить свою деятельность или вообще отказаться от работы. Однако он продолжал предоставлять свои способности в распоряжение нацистов».

Доказательства ясно показывают, что Шахт с готовностью посвящал свои усилия содействию нацистскому заговору, хорошо зная о его агрессивных целях. Шахт присоединился к нацистской философии в 1931 году и способствовал приходу Гитлера к власти в 1933 году.

Теперь мы докажем, во-первых, что Шахт лично выступал за агрессию, а во-вторых, что он, во всяком случае, знал об агрессивных намере-

ниях Гитлера. Имеющиеся доказательства дают основание полагать, что Шахт вооружал Германию для того, чтобы добиться осуществления своей веры в агрессивную экспансию как орудие германской национальной политики. В течение долгого времени Шахт был германским националистом и стоял за экспансию.

Общеизвестно, что Шахт энергично выступал за приобретение колоний Германией. Однако он также выступал за приобретение соседних территорий в Европе.

16 апреля 1929 г. на Парижской конференции, связанной с репарациями, он заявил:

«В общем и целом Германия может платить только в том случае, если Польский коридор и Верхняя Силезия будут возвращены Германии и если где-нибудь на земле будут найдены колонии для Германии».

Я хотел бы указать, что в сентябре 1939 года акт агрессии был совершен именно в отношении этой территории, то есть «коридора» и Верхней Силезии. В 1935 году Шахт решительно заявил, что Германия, если необходимо, приобретет колонии силой. Я представляю в качестве доказательства документ ЕС-450, США-629. Этот документ представляет собой письменное показание С. Р. Фуллера, а также запись его беседы с Шахтом в американском посольстве в Берлине 23 сентября 1936 г. Я хотел бы процитировать этот документ.

Председатель: Каким числом датирована эта беседа?
Брайсон: Беседа состоялась 23 сентября 1936 г.
«Шахт: Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет, — мы захватим их».

Позднее в том же году Шахт публично выступал за доктрину «жизненного пространства» германского народа. Я вновь цитирую из документа ЕС-415, США-627. Это выдержка из речи Шахта во Франкфурте 9 декабря 1936 г.

«Германия не имеет достаточно жизненного пространства для своего населения. Она предприняла максимальные усилия, во всяком случае, большие усилия, чем какая-либо другая нация для того, чтобы выжать из этого жизненного пространства все, что необходимо для обеспечения ее существования. Однако, несмотря на все усилия, это пространство недостаточно».

В январе 1937 года Шахт в беседе с послом Дэвисом, выдвигая требования о колониях, угрожал нарушить мир. Я представляю в качестве доказательства документ Л-111, США-630, который является выдержкой из доклада от 20 января 1937 г. посла Дэвиса государственному секретарю США.

«Он [то есть Шахт] заявил, что нынешнее положение германского народа невыносимое и отчаянное, и что германское правительство уполномочило его представить предложения Франции и Англии, которые:

- 1) будут гарантировать европейский мир;
- 2) обеспечат нынешние международные границы в Европе;
- 3) сократят вооружение;
- 4) создадут новую форму действенной Лиги наций;
- 5) устранят санкции и создадут новый механизм для совместной администрации.

Все это должно быть основано на передаче колоний, которые обеспечат Германию пространством для ее населения, источниками продовольствия, жиров и сырья».

В декабре 1937 года посол Додд отметил в своем дневнике, что Шахт готов пойти на войну ради приобретения новых территорий в Европе. Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-461, содержащий выдержки из дневника посла Додда.

В нем говорится:

«Шахт имеет в виду то же самое, что имели в виду руководители армий в 1914 году, когда они вторглись в Бельгию, надеясь разбить Францию в шесть недель, а именно — господство и аннексию соседних малых стран, особенно на севере и востоке. Несмотря на то, что ему не нравится диктатура Гитлера, он, как и большинство других видных немцев, желает аннексии, если возможно, без войны или с войной, если США будут держаться в стороне».

«После этого он признал, что гитлеровская партия связала себя обязательством начать войну и сам народ готов к этому. Только небольшое количество правительственных чиновников понимает опасность и выступает против. В конце он сказал: «Но если мы отложим это на десять лет, тогда, может быть, можно будет совсем избежать войны».

Я напомнил ему о его речи в Бад Эильсен несколько недель тому назад и сказал: «Я в основном согласен с вами по торговым и финансовым вопросам, но когда вы выступаете публично, почему вы не говорите немецкому народу, что он должен отвергнуть воинственную позицию?» — Он ответил: «Я не смею этого сказать. Я могу высказываться только по тем вопросам, которые меня касаются».

«Как же тогда германский народ может узнать об опасности войны, если никто не излагает ему эту сторону вопроса? Он вновь подтвердил свои возражения против войны и сказал, что он использовал свое влияние на Гитлера, «очень великого человека», для того, чтобы избежать войны. Немецкие газеты опубликовали то, что я сказал в Бремене... ..относительно торговых отношений между нашими странами, но ни одного слова об ужасных последствиях и варварстве войны. Он согласился с этим и говорил в очень недовольных тонах о министерстве пропаганды, которое исключает все, что ему не нравится. Когда я уходил, он добавил: Вы знаете, партия приходит к власти с помощью пропаганды, а потом она не может ни отказаться, ни прекратить эту пропаганду».

Эта беседа состоялась в сентябре 1934 года.

Известно, что Шахт использовал все ресурсы Германии для того, чтобы создать вооруженные силы, которые бы дали Гитлеру возможность осуществить его желание — получить «жизненное пространство». В этой связи я предъявляю документ ЕС-369, США-631, который представляет собой меморандум от 7 января 1939 г. правления Рейхсбанка, подписанный Шахтом и адресованный Гитлеру.

«С самого начала Рейхсбанк отдавал себе отчет в том, что успешная внешняя политика может быть проведена только путем перестройки германских вооруженных сил. Он (то есть Рейхсбанк) поэтому в значительной мере взял на себя ответственность за финансирование программы вооружения, несмотря на то, что это угрожало стабильности валюты. Этого требовала необходимость, которая заслоняла собой все другие соображения немедленного и тайного проведения программы вооружения для того, чтобы сделать возможным проведение внешней политики, которая вызывала бы уважение».

Совершенно ясно, что слова «успешная внешняя политика», которая, по мнению Шахта, могла быть проведена путем вооружения, включали присоединение Австрии и Чехословакии. Представляю в качестве доказательства документ ЕС-297-А, США-632. Это речь Шахта в Вене после аншлюсса в марте 1939 года.

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь, потому что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Что касается Судетской области, то я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-611, который уже был представлен под номером США-622

Это речь, произнесенная Шахтом 29 ноября 1938 г., вскоре после заключения Мюнхенского соглашения. Я уже цитировал замечания о том, что успех Гитлера на этой конференции объясняется вооружением, которое было осуществлено при помощи финансовых и экономических мероприятий Шахта.

Эти доказательства показывают, что Шахт придерживался агрессивной философии в отношении территориальной экспансии, и дают основание заявить, что он присоединился к Гитлеру в силу общности их взглядов.

Теперь мы обращаемся к доказательствам того, что Шахт независимо от того, хотел он войны или нет, во всяком случае, знал о том, что Гитлер планировал военную агрессию, для которой создавались соответствующие предпосылки. В период с 1933 по 1937 гг. он имел многочисленные беседы с Гитлером. Он знал, что Гитлер был полон решимости провести экспансию на Восток, которая должна была привести к войне, и что Гитлер считал, что он должен подарить германскому народу военную победу.

После совещания совета министров 27 мая 1936 г. в Берлине Шахт должен был знать, что Гитлер предполагал развязать войну. Как господа судьи помнят, мы уже указывали на то, что на этом совещании подсудимый Геринг, который был очень близок к Гитлеру, заявил, что меры должны быть рассмотрены с точки зрения победоносного ведения войны и что ожидание новых методов более не является подходящим.

31 августа 1936 г. военный министр фон Бломберг послал Шахту копию письма подсудимого Геринга. Я вновь обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1301 и цитирую:

«Согласно приказу фюрера создание всех авиационных частей должно быть завершено к 1 апреля 1937 г. Поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты, которые при составлении бюджета 1936 года были намечены лишь на последующие годы».

Это увеличение темпов проведения авиационной программы должно было указать Шахту на близость войны, которую подготавливал Гитлер. Я также представляю в качестве доказательства документ ЕС-416, США-635. Это протокол совещания совета министров от 4 сентября 1936 г., на котором присутствовал Шахт. Цитирую заявление Геринга:

«Фюрер и рейхсканцлер передал генерал-полковнику и имперскому военному министру меморандум, который представляет собой общие

инструкции. Эти инструкции основаны на том, что столкновение с Россией неминуемо должно произойти».

Таким образом, Шахт знал, что Гитлер готовил войну с Россией. Он также знал о целях Гитлера на Востоке. Для него поэтому должно было быть ясным, что русское сопротивление германской военной экспансии в этом направлении должно было привести к войне, то есть Шахт знал, что Германия начнет агрессивную войну.

Как Трибунал помнит, в январе 1937 года Шахт заявил послу Дэвису, находившемуся в Берлине, что он «был уполномочен правительством» представить некоторые предложения Франции и Англии, которые фактически являлись требованиями о предоставлении колоний под угрозой войны. Если Шахт действовал по указаниям Гитлера, он должен был знать об агрессивных целях Гитлера в то время.

В ноябре 1937 года Шахт знал, что Гитлер был полон решимости приобрести Австрию и добиться, по крайней мере, автономии для немцев в Богемии, а также что у Гитлера были намерения в отношении Польского коридора.

Обращаю внимание Трибунала на документ Л-151, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-70. Это письмо, содержащее запись беседы Шахта с послом Буллитом 23 ноября 1937 г.

«Гитлер был полон решимости в конечном счете присоединить Австрию к Германии и добиться по крайней мере автономии для немцев в Богемии. В настоящее время он не очень интересуется Польским коридором, а по его (то есть Шахта) мнению, может быть, будет возможным сохранить коридор при условии, что Данциг будет присоединен к Восточной Пруссии и будет создан какой-нибудь мост через коридор» соединяя Данциг и Восточную Пруссию с Германией».

В тот момент Шахт говорил не только за Гитлера, но и за себя. Как мы знаем, в речи от 29 марта 1938 г. в Вене он проявил большой энтузиазм по поводу аншлюсса. Даже тогда он настойчиво содействовал его осуществлению.

Помимо вышеизложенных прямых доказательств, мы просим Трибунал учесть тот факт, что для такого человека, как Шахт, сами события этого периода должны были раскрыть намерения Гитлера. Шахт был близким сподвижником Гитлера и членом кабинета в период введения воинской повинности, ремилитаризации Рейнской области, свержения республиканского правительства в Испании, захвата Австрии и Судетской области путем насилия. В течение этого периода немецкий государственный долг утроился в результате роста вооружения, расходы на которое возросли с 750 миллионов рейхсмарок в 1932 году до 11 миллиардов рейхсмарок в 1937 году и 14 миллиардов в 1938 году. В течение всего этого периода на вооружение затрачено 35 миллиардов рейхсмарок.

«

В этот период основным вопросом европейской внешней политики было удовлетворение притязаний Германии на дополнительные территории. Гитлер, проводивший политику экспансии, шел на риск во внешней политике и подчеркивал необходимость усиления темпов подготовки к войне.

Конечно, в такой обстановке Шахт не мог не знать, что он помогал Гитлеру и Германии двигаться по пути вооруженной агрессии.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШАХТА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 2—3 мая 1946 г.]*

*Джексон*¹: Подсудимый Шахт, в то время, когда нацисты захватили власть, у вас ведь были связи во всем мире и вы занимали высокое положение одного из первых банкиров не только Германии, но и всего мира, не так ли?

Шахт: Я не знаю, так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, то я не буду вам противоречить.

Джексон: Тем не менее, насколько нам известно, вы открыто выступали в Германии перед германским народом с поддержкой нацистского режима, причем в этих выступлениях вы шли бок о бок с такими лицами, как Штрейхер и Борман?

Шахт: Господин Судья, я разрешу себе разъяснить здесь, что до июля 1932 года я никоим образом не выступал публично в пользу Гитлера или партии, что, напротив, например, в Америке я предостерегал от Гитлера.

Джексон: Я говорю о ваших открытых выступлениях вместе со Штрейхером и Борманом перед германским народом, целью которых была поддержка нацистской программы после захвата власти.

Шахт: Меня никогда не видели вместе с Борманом и Штрейхером. Во всяком случае, в то время. Возможно, что они были на том же партийном съезде, где был и я, что они сидели недалеко от меня и т. п., но, во всяком случае, в 1933 году меня в обществе не видели вместе ни с Борманом, ни со Штрейхером.

Джексон: Я попрошу, чтобы вам показали фотографию коллекции Гофмана № 10 (*Шахту предъявляют фотографию.*) Вы без труда узнаете себя на этой фотографии, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: По правую руку от вас сидит Борман?

Шахт: Да.

Джексон: Рядом с Борманом сидит министр труда?

Шахт: Да.

Джексон: По другую сторону от вас находится Гитлер?

Шахт: Да.

Джексон: А за ним Штрейхер?

Шахт: Я не узнаю его, я не знаю, Штрейхер ли это, может быть, и он.

Джексон: Возможно, вполне достаточно будет того факта, что вы их опознали.

Шахт: Господин Судья, вы сказали, что в 1933 году я якобы появлялся публично как представитель национал-социалистской партии вместе со Штрейхером и Борманом. Я очень хотел был знать, как была снята эта фотография и когда. Я не могу вспомнить этого.

Джексон: Вы отрицаете, Шахт, что эта фотография...

Шахт: Нет, нет, ни в коем случае. Я только спрашиваю, когда это было. Мне кажется, что эта фотография относится не к периоду 1933—1934 гг.

¹ Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители

Джексон: Может быть, вы нам скажете, к какому периоду это относится?

Шахт: Я не знаю, я не могу этого установить.

Джексон: Я покажу вам другую фотографию. На фотографии вы маршируете вместе с Леем и рядом других лиц?

Шахт: Да.

Джексон: На другой фотографии вы входите в зал и отдаете нацистское приветствие?

Шахт: Да, да.

Джексон: Лей был тем человеком, который преследовал рабочие союзы в Германии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы признаете аутентичность этих фотографий?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы показали здесь, что вы не стали членом партии по принципиальным соображениям, что членство в партии не соответствовало вашим принципам?

Шахт: Это верно.

Джексон: Вы также заявили, что с 1932 года по 30 января 1933 года, — я цитирую ваши слова: «В течение всего этого времени, я не написал и не произнес публично ни одного слова в пользу Гитлера».

Шахт: Я думаю, что это верно, если вы делаете ударение на слове «публично».

Джексон: Я хочу задать вам следующий вопрос. Вы также сказали: «Я никогда и никоим образом не способствовал росту влияния Гитлера в своих разговорах с компетентными людьми, как с Гинденбургом, Мейснером и др. Я также ни в коей мере не содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером». Это правильно?

Шахт: Это правильно.

Джексон: Сейчас я хочу процитировать заявление фон Папена.

«Когда я был канцлером в Германии в 1932 году, ко мне зашел Шахт; это было в июле или в августе, я был дома. Он сказал мне: «Вот исключительно способный человек». Это было сказано в присутствии моей жены, и я никогда не мог забыть об этом. Он сказал мне: «Отдайте ему вашу должность. Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию».

Вы это говорили или нет?

Шахт: Я не помню, чтобы я сказал, что он — единственный человек, который может спасти Германию. Но я сказал ему, что Гитлер должен стать и станет канцлером. Это было в июле или августе после июльских выборов, но это не имеет никакого отношения к назначению Гитлера, о котором стали говорить лишь после отставки кабинета Шлейхера.

Джексон: В ответ на мой вопрос вы только что заявили, что вы не имели никакого отношения к его назначению на должность канцлера.

Шахт: Это правда.

Джексон: А здесь сказано, что вы просили фон Папена передать свой пост Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: И вы утверждаете — я хочу, чтобы вы сообщили по этому поводу все, что хотите, — вы утверждаете, что вы не способствовали приходу Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Я не знаю, было ли это помощью Гитлеру. Во время допроса в качестве свидетеля меня спросили, оказывал ли я какое-либо влияние на выборы Гитлера и на назначение его канцлером в январе 1933 года. Я назвал имена Гинденбурга, Меиснера, то есть тот круг, который существовал вокруг Гинденбурга. С начала ноября 1932 года Папен уже не был канцлером, то есть не оказывал на эти дела никакого влияния. И в эти недели я ни разу не говорил с ним. После выборов 1932 года я, напротив, сказал Папену, что человек, получивший столько голосов в рейхстаге, неизбежно должен взять на себя политическое руководство.

Джексон: Я хочу правильно понять вас. Когда вы увидели, что Гитлер должен победить, вы к нему присоединились?

Шахт: Нет.

Джексон: Я сейчас разьясню то, что вы только что сказали. Вы не помогали ему до тех пор, пока он не захватил в рейхстаге большее количество голосов, чем какая-либо другая партия?

Шахт: Я присоединился к Гитлеру не тогда, когда я увидел, что он победит, а тогда, когда я констатировал, что он уже победил.

Джексон: Ну, хорошо, я принимаю эту поправку. Вы ссылались на ваше письмо к Гитлеру от 20 августа 1932 г....

Шахт: Да.

Джексон: ...в котором вы советовали ему не выдвигать никакой детализированной экономической программы?

Шахт: Да.

Джексон: Вы заявили ему в этом письме, что нет такой экономической программы, с которой бы согласилось 40 млн. человек?

Шахт: Да.

Джексон: И вы сказали ему, что экономическая политика не может являться фактором при построении партии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы добавили: «Вы всегда можете полагаться на меня как на заслуживающего доверия помощника». Вы так сказали?

Шахт: Да.

Джексон: Таким образом, это было уже после того, как он победил?

Шахт: Да.

Джексон: И затем 12...

Шахт: Ноября.

Джексон: Совершенно верно. Таким образом, 12 ноября 1932 г. вы написали ему письмо, в котором вы, помимо прочего, писали: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к назначению вас канцлером».

Шахт: Да.

Джексон: «По всей вероятности, наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны промышленных кругов не оказались бесплодными». Вы так писали?

Шахт: Да.

Джексон: Значит, вы собирали подписи для этой цели?

Шахт: Нет, не я, но я участвовал в этом;

Джексон: Значит, вы содействовали его назначению?

Шахт: Да.

Джексон: В ноябре 1932 года был подготовлен документ, который должно было подписать значительное число промышленников и

в котором содержался призыв избрать Гитлера рейхсканцлером. Таково было основное содержание этого документа? Не так ли?

Шахт: Я уже не помню этого документа, но я полагаю, что это тот документ.

Джексон: И этот документ подписали такие люди, как Шахт, Шредер, Крупп и еще большое число промышленников, не так ли?

Шахт: Да, возможно.

Джексон: Этот документ был послан фон Гинденбургу?

Шахт: Я этого не знаю.

Джексон: Этот документ был составлен с целью содействовать назначению Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Возможно.

Джексон: Этот документ адресован рейхспрезиденту, не так ли?

Шахт: Я не видел этого документа, но, наверное, это так.

Джексон: Таким образом, вы не отрицаете факта существования этого документа?

Шахт: Я полагаю, что это так, я его не видел, но я не сомневаюсь, что это так,

Джексон: Зятем в ноябре 1932 года вы сообщили Гитлеру о результатах вашей кампании по созданию денежных фондов, не так ли?

Шахт: Об этом я ничего не знаю.

Джексон: Я сейчас напомню вам то, что вы говорили на вашем допросе. Прежде всего я приведу вам ваши показания, в которых вы говорили, что, повидимому, вы не посылали запроса о денежных фондах, но что о них запрашивал Геринг. Я хочу спросить вас, давали ли вы следующие ответы на вопросы, которые были заданы вам во время допроса 9 октября 1945 г. Эти вопросы относились к событиям февраля 1933 года?

Шахт: Когда это было?

Джексон: События, имевшие место в феврале 1933 года?

Возвратимся к 1933 году. Вам был задан следующий вопрос: «Вы припоминаете совещание в доме Геринга, имевшее место до того времени, когда вы были назначены Гитлером на пост президента Рейхсбанка?»

Ответ: Да. Это было совещание финансового характера. Меня уже несколько раз допрашивали по этому поводу.

Вопрос: Расскажите об этом.

Ответ: Хорошо, с удовольствием. Выборы Гитлера должны были иметь место 5 марта, и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь. Пожалуй, это нельзя назвать речью, так как Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписываться и произвести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой.

Вопрос: Скажите, кто были те люди, которые составили этот подписной лист?

Ответ: Мне кажется, что все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую, металлургическую и текстильную промышленность, фактически все отрасли промышленности.

Вопрос: Таким образом, там были представители всех отраслей промышленности?

Ответ: Да, представители всех видов промышленности, всех наиболее значительных видов промышленности.

Вопрос: Вы можете припомнить имена некоторых из этих людей?

Ответ: Да, конечно.

Вопрос: Там был Крупп?

Ответ: Старый Густав Крупп. Он поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом. Затем там был Шницлер, мне кажется, это был именно он, а также Феглер, из концерна сталелитейных заводов».

Вы давали эти показания?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы ссылались на протокол одного совещания. На этом совещании Геринг кратко изложил содержание этого протокола, не правда ли? «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет».

Вы слышали, когда он говорил это, не правда ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вчера или позавчера вас допрашивали по поводу той поддержки, которую вы оказали, и тех почестей, которые вы оказали Геббельсу. Вы заявили Суду: «Если господин Геббельс совершил ошибку, то это не моя вина». Вы припоминаете эти слова?

Шахт: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, дали ли вы следующие показания следователю, представлявшему Соединенные Штаты, когда вас допрашивали о Геббельсе 17 октября 1945 г.?

«Вопрос: Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером?

Ответ: Я бы сказал, с 1931, 1932 гг.

Вопрос: И именно тогда вы увидели, что он возглавляет массовое движение, которое может притти к власти?

Ответ: Да. Это движение безостановочно росло.

Вопрос: И в те годы вы открыто заявляли о своей поддержке Гитлера?

Ответ: Кажется, в декабре 1930 года я по возвращении из Америки сделал заявление перед членами Баварской народной партии. Я тогда сказал, что любое будущее правительство должно будет выбрать, бороться ли ему против 25 процентов социалистов в составе правительства или против 20 процентов национал-социалистов.

Вопрос: Но я хотел спросить вас о том — я изложу это более кратким образом — отдали ли вы ваш престиж и ваше имя, чтобы помочь Гитлеру притти к власти?

Ответ: Я открыто заявлял, что я ожидал прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, первый раз я сделал подобное заявление в ноябре 1932 года.

Вопрос: И вы знаете, а может быть, и не знаете, что Геббельс в своем дневнике с большой благодарностью вспоминал вас?

Ответ: Да.

Вопрос: О той помощи, которую вы ему оказали в то время?

Ответ: Да, я это знаю.

Вопрос: Это был ноябрь 1932 года?

Ответ: Вы говорите, эта книга называется «От двора кайзера до имперской канцелярии».

Вопрос: Совершенно верно. Вы читали это?

Ответ: Да.

Вопрос: И вы не отрицаете, что Геббельс был прав?

Ответ: Я считаю, что в его представлении он в то время был прав».

Вы давали эти показания?

Шахт: Я никогда не сомневался, что Геббельс находился под таким впечатлением...

...Джексон: И вы также заявили, что вам никогда не было известно о размерах перевооружения, о типах оружия, о той быстроте, с которой проводилось перевооружение. Вы припоминаете это заявление?

Шахт: Да.

Джексон: Однако, хотя вы не располагали подобными сведениями, вы говорили о том, что оно идет слишком интенсивно?

Шахт: Я чувствовал, что нужно действовать медленно.

Джексон: Разрешите мне напомнить вам об одном показании, данном генералом фон Бломбергом по поводу событий 1937 года.

«Ответ: В то время создание вермахта было почти закончено в соответствии с предусмотренным планом.

Вопрос: Когда? В 1937 году?

Ответ: Да, я думаю, что это было в 1937 году.

Вопрос: Это был именно тот план, который обсуждался с Шахтом, относительно его финансирования и по вопросу о том, каких размеров должен был достичь вермахт?

Ответ: Да. Шахт очень хорошо знал план формирования вермахта, так как мы ежегодно сообщали ему о создании новых соединений, на которые мы расходовали деньги. Я помню, что в 1937 году мы обсуждали вопрос о том, какие денежные суммы будут необходимы вермахту для текущих расходов после того, как на его создание будет истрачена весьма значительная сумма.

Вопрос: Это означает, что вы давали Шахту ясное представление о том, какие денежные суммы ежегодно уходили на создание новых боевых частей, новых сооружений и т. д., а также о том, сколько средств тратилось на покрытие текущих расходов вермахта?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Когда вы говорите, что в 1937 году этот план был выполнен, вы имеете в виду, что он был выполнен в основных чертах?

Ответ: Да, в основных чертах.

Вопрос: Вы говорите о том, что Шахт был знаком с этими цифрами. Каким образом они доводились до его сведения?

Ответ: Запросы на представление необходимых денежных средств передавались Шахту в письменной форме.

Вопрос: Это означает, что в связи с теми средствами, которые Шахт выделял на проведение программы перевооружения, ему сообщалось о том, сколько дивизий, танков и прочих видов вооружения создавалось этим путем?

Ответ: Я не думаю, чтобы мы в отдельности указывали, какое количество средств необходимо для строительства танков и других видов вооружения, но мы обычно сообщали, каких средств требовало развитие

отдельных отраслей вермахта, как, например, военно-морского флота или военно-воздушных сил, причем обычно отдельно указывалось, какие денежные суммы были необходимы для приведения этих отраслей в боевую готовность и какие шли на текущие расходы.

Таким образом, доктор Шахт мог ежегодно следить за тем, каким образом увеличивались размеры вооруженных сил на те денежные средства, которые он поставлял».

Я спрашиваю вас, отрицаете ли вы правильность показаний, данных фон Бломбергом в том виде, в каком я их сейчас огласил?

Шахт: Да, к сожалению, я должен сказать, что мне это совершенно неизвестно.

Джексон: Вы отрицаете, что фон Бломберг говорил правду, когда заявил, что он в письменной форме докладывал вам об этих фактах?

Шахт: Да, к сожалению, я должен это отрицать. Очевидно, он не помнит этого.

Джексон: Хорошо. Вчера или позавчера вы дали показания по поводу того, что так называемый «новый план» не имел никакого отношения к программе вооружения, не так ли?

Шахт: Именно к вооружению никакого отношения.

Джексон: Значит, он не имел никакого отношения к этой программе?

Шахт: Конечно, нет.

Джексон: Я хочу спросить вас о следующем: разве вы не сказали о чудесах финансовой системы в вашей речи, произнесенной 29 ноября 1938 г., следующее—до этого вами был приведен целый ряд цифр: «Эти цифры показывают, насколько «новый план» способствует проведению в жизнь программы вооружения, а также свидетельствуют о том, насколько этот план гарантирует обеспечение нас продуктами питания». Говорили вы это или нет?

Шахт: Да, говорил.

Джексон: Насколько я вас понял, вы в ваших показаниях заявили, что не имели совершенно ничего общего с Гитлером и с другими нацистами с социальной точки зрения. Вы отклонили их приглашение на завтрак, который должен был состояться в имперской канцелярии, и сделали это главным образом потому, что все присутствующие слишком явно унижались в присутствии Гитлера. Вы говорили об этом?

Шахт: Да.

Джексон: Я хочу сейчас огласить вам выдержку из вашей речи; это была ваша торжественная речь по случаю дня рождения фюрера. Между прочим, эта речь ведь была произнесена перед широкой публикой, не правда ли?

Шахт: Я не знаю, я не помню.

Джексон: Вы произнесли речь по случаю дня рождения фюрера 21 апреля 1937 г., и она была напечатана в газетах?

Шахт: Может быть.

Джексон: «Мы здесь собрались для того, чтобы с любовью и уважением вспомнить того человека, которому германский народ более четырех лет тому назад вручил свою судьбу».

Затем после ряда других замечаний вы говорите: «С безграничной страстью сердца, горящего ярким пламенем, и с безошибочным инстинктом прирожденного государственного деятеля Гитлер в борьбе, которую

он со спокойной логикой вел в течение четырнадцати лет, завоевал себе душу германского народа».

Это является выдержкой из вашей речи, которая была произнесена перед широкой аудиторией и опубликована в печати?

Шахт: Я полагаю, что вы цитируете совершенно правильно, и я не думаю, чтобы кто-либо в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое.

Джексон: Вы сегодня цитировали письмо Гитлера от 19 января 1939 г., в котором он сообщал о том, что вы смещаетесь с поста президента Рейхсбанка. Но вы не огласили заключительного предложения; насколько я помню, оно гласит: «Я счастлив буду пользоваться вашими услугами при разрешении тех новых задач, которые встанут перед вами на посту имперского министра». Эта цитата приведена правильно, не правда ли?

Шахт: Я ссылаюсь на показания свидетеля Гизевиуса, который показал, что внешне Гитлер никогда не показывал тех разногласий, которые существовали у него с его бывшими сотрудниками. И что он, напротив, всегда старался показать миру иную картину, чем это было в действительности.

После января 1939 года Гитлер ни разу не интересовался моим мнением, деятельностью и т. д.

Джексон: Вас еще кто-нибудь спрашивал об этом?

Шахт: Нет, те случаи, когда меня спрашивали, я перечислит сегодня утром, то есть в отношении Бельгии, в отношении журнала «Дас рейх», и это все, я думаю.

Джексон: И вы не выполняли никаких задач в связи с Бельгией?

Шахт: Нет.

Джексон: Сейчас я буду цитировать ваше письмо от 17 октября 1940 г., адресованное имперскому министру экономики. В это время вы уже перестали быть президентом Рейхсбанка, не так ли?

Шахт: Да, я был лишь министром без портфеля.

Джексон: «С целью избежания параллельной деятельности у германских банков в оккупированных восточных территориях, то есть деятельности, направленной друг против друга, вы поручили «Дейче банк» пробить дорогу к более тесному экономическому сотрудничеству с Голландией и доверили Дрезденскому банку ту же задачу в отношении Бельгии».

Далее вы описывали создавшееся положение и говорили:

«Для того чтобы устранить эти трудности, вы, господин имперский министр, согласились с запросами этих двух банкирских домов относительно объективного выражения точек зрения по этому вопросу. Я впоследствии обсудил этот вопрос как с тем, так и с другим банком, и в процессе этого обсуждения мы пришли к заключению, что со стороны датских и бельгийских финансовых учреждений не замечается тенденции входить в тесные связи с германскими предприятиями».

Вы припоминаете это высказывание?

Шахт: Да, после того как вы мне зачитали, я припоминаю.

Джексон: Цель вашего вмешательства заключалась в том, чтобы избежать на оккупированных территориях неправильного соотношения банковских интересов оккупированных территорий и германских банков, не так ли?

Шахт: Конечно, они должны были мирно сотрудничать.

Джексон: Да. Однако вы заявили данному Трибуналу, что вы принципиально возражали против того, чтобы немецкие банки вообще входили в экономику оккупированных территорий, не так ли?

Шахт: Конечно. Но после того как они туда проникли, я призывал к миру.

Джексон: К вам обратился также Крупп фон Болен по поводу создания фонда, который был известен под названием «фонд расходов Гитлера», не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: И он к вам никогда не обращался по этому поводу?

Шахт: Никогда.

Джексон: Создавали ли вы в мае 1933 года вместе с Крупном фон Болен фонды в помощь организации займа — я говорю о фондах расходов Гитлера?

Шахт: Нет.

Джексон: Что вы ответили на письмо Крупна фон Болен, в котором последний просил вас помочь созданию этих фондов?

Шахт: Напомните мне, пожалуйста, что мне писал тогда господин Крупп фон Болен.

Джексон: У вас имеется письмо от 29 мая?

Шахт: Да, минуточку. Я прочту это письмо или просмотрю его. Можно ли мне ответить на это?

Джексон: Прежде всего скажите, получали ли вы это письмо?

Шахт: Да, я получил" это письмо.

Джексон: Хорошо. Теперь расскажите, что тогда произошло.

Шахт: В этом письме господин Крупп фон Болен сообщал мне, что промышленники и другие представители экономики, например из области сельского хозяйства и т. д., намерены организовать общественный сбор пожертвований в фонд Гитлера. Вот об этом он и сообщал в этом письме, в котором он далее говорил, что необходимо создать наблюдательный совет по этому фонду Гитлера. Я подчеркиваю, что я никогда не присоединялся к этому совету и никогда не работал в нем. Затем он сообщил о том, что представители банков, а именно доктор Фишер и доктор Мослер установят со мной связь по этому вопросу и будут информировать меня о положении вещей. Это все, что написано в этом письме.

...Джексон: Вы привели Трибуналу целый ряд доводов, которые, по вашим словам, носили принципиальный характер, по поводу того, почему вы не стали членом партии. Вы помните их?

Шахт: Да.

Джексон: Вы говорили об этом вчера на суде, вы припоминаете?

Шахт: Да.

Джексон: Разве не соответствует действительности тот факт, что вы сообщили членам американского обвинения о том, что вы спросили Гитлера, должны ли вы вступать в партию, и что, к вашему великому облегчению, Гитлер сказал, что вы можете не вступать?

Шахт: Да, прежде чем начать какое-либо сотрудничество с ним, я хотел установить, потребует ли он от меня, чтобы я стал членом партии. Он ответил отрицательно. Это меня успокоило.

Джексон: Таким образом, вы оставались вне рядов партии, с согласия и одобрения Гитлера?

Шахт: Да, конечно. Мне кажется, что это лишнее доказательство того, что я никогда не был членом партии.

Джексон: Когда вы получили золотой значок партии с изображением свастики, вы говорили, что это величайшая честь, которая может быть оказана Третьей империей. Вы помните об этом?

Шахт: Да, я сказал это.

Джексон: Вы не носили этого значка ежедневно, по вашим собственным словам, вы одевали его в официальных случаях, не так ли?

Шахт: Да, это приносило большие удобства при поездках по железной дороге, при вызове автомобиля и т. п.

Джексон: С 1933 по 1942 год вы ежегодно вносили в фонд партии тысячу рейхсмарок?

Шахт: Нет, да, простите; с 1937 до 1942 года.
Джексон: Разве вы во время допроса не заявили, что речь шла о периоде с 1933 по 1942 год?

Шахт: Нет, это ошибка. С 1937 года, после того как я получил свастику.

Джексон: В течение более десяти или в период немногим менее десяти лет вы принимали на себя и выполняли обязанности самого различного характера, действуя в условиях этого режима, не так ли?

Шахт: С 17 марта 1933 г. по 21 января 1943 г.

Джексон: Насколько я вас понимаю, на протяжении всего этого времени или, по крайней мере, части этого времени Гитлер вас обманывал, и в течение всего этого времени вы обманывали Гитлера.

Шахт: О, нет, нет.

Джексон: Что касается программы перевооружения, то вы принимали в ней участие, работая в трех различных управлениях, не так ли?

Шахт: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Джексон: Во-первых, вы были уполномоченным по военным вопросам?

Шахт: Да.

Джексон: В первое время эта должность носила секретный характер?

Шахт: Да.

Джексон: Вы были президентом Рейхсбанка. Это было финансовое управление?

Шахт: Да.

Джексон: И, наконец, вы были министром экономики; занимая этот пост, вы имели контроль над всеми министерствами по вопросам общего экономического положения?

Шахт: Да, это слово «контроль» имеет слишком общее значение, я не хотел бы подчеркивать его, но я был министром хозяйства.

Джексон: Давайте прежде всего остановимся на вашей должности уполномоченного по военным вопросам. Вы показали здесь, что эта должность была создана с двойной целью:

а) подготовки к войне, б) контроля над экономикой в случае войны. Это правильно?

Шахт: Это значит: разработка предварительных планов на случай войны и руководство экономикой на тот же случай. Это значит: настоящая подготовительная эра и будущая эра в случае возникновения войны.

Джексон: На вопрос относительно ваших обязанностей вы дали следующий ответ:

«Подобно тому, как начальник штаба обеспечивает мобилизацию с военной точки зрения, мы занимались теми же вопросами в экономической области?»

Шахт: Да.

Джексон: Вы ответили — «конечно». Будучи уполномоченным по военным вопросам, вы занимали положение, равное положению военного министра, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И, таким образом, в случае войны ответственность в первую очередь возлагалась на военного министра и начальника генерального штаба вооруженных сил, и во вторую—на равных основаниях она возлагалась на доктора Шахта как на уполномоченного по экономическим вопросам. Это правильно?

Шахт: Я полагаю, что правильно.

Джексон: В январе 1937 года вы писали следующее:

«Мне доверена подготовка военной экономики в соответствии с тем принципом, что наша военная экономика должна быть организована в мирное время таким образом, чтобы в случае необходимости она могла быть немедленно переведена с продукции мирного времени на **военные** нужды, с тем, чтобы не было необходимости создавать эту экономику в начале войны».

Шахт: Я думаю, что это правильно.

Джексон: Кто был вашим заместителем на этом посту? Вольтат?

Шахт: Я думаю, что Боденшатц Вольтат.

Джексон: Таким образом, мы говорили о ваших обязанностях как уполномоченного по вопросам военной экономики. Перейдем теперь к вашим обязанностям как президента имперского банка.

Вы заявили, что проведение программы вооружения было основной задачей германской политики в 1936 году, не так ли?

Шахт: Без сомнения.

Джексон: Нет сомнения в том, что вы добровольно приняли на себя ответственность за отыскание финансовых и экономических методов для осуществления этой задачи?

Шахт: Несомненно.

Джексон: И вы руководили развитием промышленности вооружения Германии, причем в вашем ведении находились финансовые и экономические вопросы?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы этого не делали?

Шахт: Нет, никоим образом.

Джексон: Может быть, я вас неправильно понял?

Теперь в связи с настоящим развитием — я ссылаюсь на ваш доклад от 16 октября 1945 г. — «...вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью?».

Следующий вопрос гласит: «В этой связи вами были предприняты самые различные меры. Может быть, вы будете достаточно любезны разъяснить нам, какие самые значительные меры были вами приняты с целью добиться перевооружения; в первую очередь, расскажите нам о мерах, проведенных внутри Германии, и, во-вторых, о мерах, принятых **по** отношению к иностранным государствам.

Ответ: Внутри страны я стремился собрать все возможные денежные средства для финансирования счетов «МЕФО». В отношении иностранных государств я стремился в возможно большей степени контролировать их коммерческие обороты.

Скажите, давали ли вы эти ответы и отвечают ли они действительности?

Шахт: Очевидно, вы правы.

Джексон: Вы стремились добиться контроля над торговыми оборотами иностранных государств с той целью, чтобы получить достаточное количество иностранной валюты, которое дало бы вам возможность импортировать сырьевые материалы, то есть материалы, не подвергавшиеся обработке, необходимые для проведения в жизнь программы перевооружения. Разве это неправильно?

Что вы сейчас ответите на это?

Шахт: Я отвечу сегодня, что это было не единственной целью.

Джексон: Хорошо. Что же представляли собой другие цели?

Шахт: Сохранить существование Германии, обеспечить производство в Германии, получить достаточно продовольствия для Германии.

Джексон: Что же являлось вашей доминирующей целью?

Шахт: Обеспечение Германии продовольствием и обеспечение ее промышленности, работающей на экспорт.

Джексон: Я хотел бы рассмотреть с вами один-два документа, касающихся ваших целей.

Один озаглавлен: «Финансирование вооружения».

«Следующие замечания основаны на утверждении о том, что осуществление программы вооружения в отношении быстроты ее проведения и ее масштабов является задачей германской политики; исходя из этого, все остальные задачи должны быть подчинены одной этой цели в той мере, в какой стремление к этой первостепенной цели не грозит пренебрежительным отношением к другим вопросам». Вы писали это?

Шахт: Я не только написал это, но я лично передал написанное Гитлеру.

Джексон: Таким образом, вы разрабатывали различные планы — план контроля над операциями с иностранной валютой, наложение запрета на вклады иностранных банков, и векселя «МЕФО», являлись одним из ваших основных изобретений, при помощи которых вы обеспечивали финансирование, не так ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Меня не интересуют подробности операций : векселями «МЕФО», но я хочу задать вам следующий вопрос. Отвечают ли действительности те показания, которые вы дали во время допроса 16 октября 1945 г.?

«Вопрос: Разрешите мне задать вам вопрос, касающийся некоторых фактов. В то время, например, когда вы создали систему векселей «МЕФО», у вас не было под рукой других средств для финансирования системы перевооружения?

Ответ: Нет, не было.

Вопрос: Я имею в виду обычные бюджетные финансовые операции.

Ответ: Их было недостаточно.

Вопрос: Вы были также ограничены статутом Рейхсбанка, который не давал вам возможности давать в кредит денежные суммы, необходимые для финансирования перевооружения?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: И вы нашли иной способ?

Ответ: Да.

Вопрос: Этот способ выражался в том, что вы изобрели средство, в результате которого рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы, что при нормальных и законных операциях не могло бы иметь места?

Ответ: Совершенно верно».

Скажите, это отвечает действительности?

Шахт: Да, я ответил так.

Джексон: Вам тогда были заданы следующие вопросы:

«Насколько я понял, все то, что в то время было создано в Германии, начиная с промышленности вооружения и прочной экономики внутри страны и кончая вермахтом, а также те усилия, которые вы приложили к достижению этого, начиная с 1934 и до весны 1938 года, когда прекратилась система векселей «МЕФО», являются в значительной степени причиной успеха всей программы?

Ответ: Я не знаю, что является причиной этого, но я в значительной степени содействовал достижению этого».

Шахт: Да.

Джексон: 17 октября 1945 г. вам был задан следующий вопрос: «Говоря другими словами, вы не придерживаетесь той точки зрения, что вы не несли значительной ответственности за перевооружение германской армии?»

Ответ: Нет, нет. Я никогда не говорил ничего подобного.

Вопрос: Вы всегда гордились этим фактом, не так ли?

Ответ: Я не сказал бы, что я горд этим, но я был этим удовлетворен».

Скажите, вы все еще стоите на этой точке зрения?

Шахт: Я хочу сказать об этом следующее: векселя «МЕФО» были, конечно, методом финансирования, который при нормальных условиях никогда бы не имел места. Но, с другой стороны, я должен сказать, что этот вопрос был детально рассмотрен всеми юристами имперского банка и что благодаря этой «уловке», как вы сказали, был найден путь, не выходящий за рамки закона.

Джексон: Нет, я не говорил так. Это вы сами так говорите.

Шахт: Нет, нет, я имею в виду то, что вы только что цитировали в качестве моего ответа. Когда этот вопрос был исследован с юридической стороны, мы сказали себе: «Так пойдет». А вообще я и сегодня доволен тем, что я помог вооружению.

Джексон: В день вашего шестидесятилетия военный министр фон Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт: Ну, это просто вежливые фразы, какими обмениваются обычно в таких случаях. Но в них содержится добрая толика правды. Этого я никогда не оспаривал.

Джексон: 24 декабря 1935 г. вы записали, употребляя следующие выражения: «Если сейчас от нас требуется больше вооружения, то я,

безусловно, не намерен отрицать необходимость для нас иметь самое мощное вооружение, какое можно себе представить, или изменять свою точку зрения по этому поводу, точку зрения, которой я придерживался многие годы, как до, так и после захвата власти. Однако я считаю своим долгом указать, насколько эта политика ограничена существующим положением».

Шахт: Это очень хорошо.

Джексон: И это правда?

Шахт: Конечно.

Джексон: Во время австрийского аншлюсса вам была известна точка зрения США по отношению к нацистскому режиму, высказанная президентом Рузвельтом?

Шахт: Да.

Джексон: И вам было известно его выступление, в котором он выдвинул предложение о том, что следует принять меры против распространения нацистской угрозы?

Шахт: Я не помню, но я, очевидно, читал, если оно было опубликовано в Германии. Во всяком случае, я так полагаю.

Джексон: В результате этого Геббельс начал кампанию нападок на президента, не правда ли?

Шахт: Я полагаю, что я читал об этом.

Джексон: Это факт, что вы присоединились к нападкам на иностранцев, критиковавших эти методы, не правда ли?

Шахт: Когда и где? Какие нападки?

Джексон: Хорошо. После аншлюсса Австрии, когда была применена сила, которую вы якобы не одобряли, вы немедленно поехали в Австрию и взяли на себя руководство австрийским национальным банком, не правда ли?

Шахт: Да, это был мой долг.

Джексон: И вы ликвидировали его в пользу империи?

Шахт: Я его не ликвидировал. Я осуществил его слияние.

Джексон: Произвели слияние. И вы приняли его служащих?

Шахт: Я все взял.

Джексон: Хорошо. И декрет об этом был подписан вами?

Шахт: Конечно.

Джексон: И вы 21 марта 1938 г. собрали всех служащих?

Шахт: Да.

Джексон: И произнесли перед ними речь?

Шахт: Так точно.

Джексон: Говорили ли вы им среди прочего:

«Мне кажется, что будет целесообразно, если мы вспомним эти вещи для того, чтобы разоблачить все ханжеское лицемерие иностранной прессы. Но, слава богу, все это, в конце концов, никак не может мешать великому германскому народу, потому что Адольф Гитлер создал единство воли и мысли немцев; он скрепил все это новыми мощными вооруженными силами, и он, наконец, облек во внешнюю форму внутреннее единство между Германией и Австрией.

Я известен тем, что иногда высказываю оскорбительные мысли, и здесь я не хотел бы отклоняться от этой привычки».

Указано, что в этой части вашей речи раздался смех.

«Я знаю, что даже в этой стране есть некоторые лица,—я думаю,

что их очень немного, — которые не одобряют событий последних дней. Однако я не думаю, чтобы кто-либо сомневался в цели, и надо сказать всем ворчунам, что всех сразу удовлетворить нельзя. Некоторые говорят, что они, быть может, сделали бы по-другому. Однако фактически никто этого не сделал» — здесь в скобках снова стоит слово «смех». Теперь продолжаю цитировать вашу речь:

«...Это сделал лишь наш Адольф Гитлер. А если и следует еще что-либо усовершенствовать, то пусть эти улучшения будут внесены этими ворчунами внутри германской империи и внутри германского общества, но нельзя, чтобы это было сделано извне».

Вы это говорили?

Шахт: Да.

Джесксон: Другими словами, вы открыто высмеивали тех, кто жаловался на эти методы действия, не правда ли?

Шахт: Если вы это так воспринимаете, то пожалуйста.

Джесксон: Затем, выступая перед служащими австрийского национального банка, которых вы приняли, вы сказали следующее:

«Я считаю совершенно невозможным, чтобы хотя бы одно единственное лицо, которое не всем сердцем за Адольфа Гитлера, смогло в будущем сотрудничать с нами».

Продолжаю цитировать речь:

«Кто с этим не согласен, пусть лучше добровольно покинет нас».

Скажите, это так было?»

Шахт: Да.

Джесксон: В тот день, выступая перед служащими банка, вы сказали — не правда ли? — следующее:

«Рейхсбанк никогда не будет не чем иным, как национал-социалистским учреждением, или я перестану быть его руководителем».

Это так и было?

Шахт: Да, так точно.

Джесксон: Вы сказали, что вы никогда не присягали Гитлеру?

Шахт: Да.

Джесксон: Я спрашиваю вас, сказали ли вы в качестве руководителя Рейхсбанка служащим, которых вы взяли себе в Австрии, следующее. Я цитирую:

«Теперь я попрошу вас встать (присутствующие встают). Теперь мы присягаем в нашей преданности великой семье Рейхсбанка, великому германскому обществу. Мы присягаем в верности нашей воспрянувшей, мощной, великой германской империи. И все эти сердечные чувства мы выражаем в преданности человеку, который осуществил все эти преобразования. Я прошу вас поднять руки и повторить вслед за мной:

«Я клянусь, что я буду преданным и буду повиняться фюреру германской империи и германского народа Адольфу Гитлеру и буду выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно».

(Присутствующие принимают присягу путем поднятия рук.)

«Вы приняли эту присягу. Будь проклят тот, кто нарушит ее. Нашему фюреру трижды «Зиг, хайль!».

Это правильное описание того, что произошло?

Шахт: Эта присяга является предписанной для чиновников присягой. Все в ней полностью соответствует тому, что я вчера показывал здесь, в зале суда, а именно, что мы присягали главе государства.

Джексон: Теперь мы переходим к Чехословакии. Скажите, вы одобряли политику присоединения Судетской области при помощи угрозы прибегнуть к оружию?

Шахт: Нет, вовсе нет.

Джексон: Я полагаю, что вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области как неправильный и порицали его?

Шахт: Что-то я не знаю, когда я это сделал. Я сказал, что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру Судетскую область, в то время как я все время ожидал, что судетским немцам будет предоставлена автономия.

Джексон: Тогда вы одобряли политику Гитлера в отношении Судетской области? Вы хотите, чтобы вас так поняли?

Шахт: Я никогда ничего не знал о том, что Гитлер требовал еще чего-то помимо автономии.

Джексон: Ваша единственная критика по вопросу Судетской области относилась только к союзникам, насколько я понимаю?

Шахт: Это значит, что она относилась также и к чехам и к самим немцам. Я не хочу играть здесь роль судьи, боже меня сохрани, но я имею в виду...

Джексон: Ну, хорошо. Я спрашиваю вас следующее: 16 октября 1945 г. дали вы следующие ответы на вопросы?

«Вопрос: Вернемся к выступлению против Чехословакии, за которым последовала «умиротворяющая» политика Мюнхена и передача Судетской области империи. Скажите, вы тогда одобряли политику приобретения Судетской области?

Ответ: Нет.

Вопрос: Одобряли ли вы в то время политику угрозы Чехословакии оружием для того, чтобы присоединить Судетскую область?

Ответ: Нет, конечно, нет.

Вопрос: Тогда я вас спрашиваю, скажите, поразило ли вас в то время или дошло ли до вашего сознания то, что Гитлер угрожал Чехословакии именно вооруженными силами и военной промышленностью?

Ответ: Он не мог этого сделать без вооруженных сил».

Скажите, вы дали эти ответы?

Шахт: Так точно.

Джексон: Продолжаем дальше.

«Вопрос: Считали ли вы тот метод, который он применял к судетскому вопросу, неправильным или достойным порицания?

Ответ: Да.

Вопрос: Скажите, вы действительно считали?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Разве в то время вы не считали, на основании предшествовавших событий и вашего участия в них, что эта армия, которую он использовал в качестве угрозы по отношению к Чехословакии, была, по крайней мере, частично вашим собственным созданием?

Ответ: Я не могу этого отрицать».

Шахт: Конечно, нет.

Джексон: Но опять-таки вы стали помогать Гитлеру, когда действия Гитлера оказались успешными?

После того как он это сделал, вы явились и приняли на себя чешский банк, не правда ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Хорошо, вы производили расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий, не правда ли?

Шахт: Но, простите, пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну.

Джексон: Ну, в этом отношении у нас имеются ваши показания о роли, которую в этом сыграли вооруженные силы, и о той роли, которую вы сыграли в создании вооруженных сил.

Шахт: Я этого никогда не отрицал.

Джексон: Далее, когда вы были министром без портфеля, согласно вашим показаниям, были начаты агрессивные войны — против Польши в сентябре 1939 г.; против Дании и Норвегии в апреле 1940 г.; против Голландии и Бельгии — в мае 1940 г.; в июне было перемирие с Францией и ее капитуляция; в сентябре 1940 г. имел место тройственный пакт между Германией, Италией и Японией; в апреле 1941 г. произошло нападение на Югославию и Грецию, которое, как вы говорите, было агрессивным; в июне 1941 г. произошло вторжение в Советскую Россию, которое, как вы сказали, было агрессивным; 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пирл-Харбор и после нападения объявили войну США, 8 декабря 1941 г. США объявили войну Японии, но не Германии; 11 декабря 1941 г. Германия и Италия объявили войну США. И все это произошло в области внешней политики, а вы продолжали оставаться на посту министра без портфеля гитлеровского правительства, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вы открыто не порвали с Гитлером, не ушли со своего поста и после того как началось германское наступление на Россию и до тех пор, пока германская армия не стала отступать, не правда ли?

Шахт: Письмо, благодаря которому мне удалось успешно добиться разрыва, датировано 30 ноября 1942 г.

Джексон: Таким образом, из вашего письма явствует, что вы считали, что корабль тонет, не правда ли? То есть, что война проиграна?

Шахт: Об этом свидетельствуют мои устные и письменные заявления.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШПЕЕРА

{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 21 июня 1946 г.}

Джексон: У нас имеются показания о вашем отношении к концентрационным лагерям, и как я понял вас, вы нам сказали, что вы действительно использовали и поощряли использование принудительного труда заключенных, находившихся в концентрационных лагерях?

Шпеер: Да, мы использовали их в немецкой военной промышленности.

Джексон: Мне кажется, что вы также рекомендовали, чтобы «лодырей», находившихся в трудовых лагерях, направляли в концентрационные лагеря? Не так ли?

Шпеер: Речь шла о так называемых прогульщиках. Прогульщиками

¹ Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители.

мы называли тех рабочих, которые опаздывали на работу или симулировали болезнь. По отношению к таким рабочим во время войны принимались строгие меры. И я одобрял это.

Джексон: 30 октября 1942 г. на совещании бюро центрального планирования вы действительно подняли этот вопрос, заявив следующее (я цитирую):

«Мы должны обсудить вопрос о лодырях. Лей установил, что там, где на предприятиях имеются свои врачи, которые осматривают больных, число больных сокращается на 'А или Vs. СС и полиция в данном случае могут спокойно принимать суровые меры и направлять лодырей в концентрационные лагеря. Иного выхода нет. Стоит это повторить несколько раз, и весть об этом быстро распространится...»

Вот каково было ваше предложение?

Шпеер: Да.

Джексон: Иными словами, рабочие ужасно боялись концентрационных лагерей, и вы хотели это использовать для того, чтобы удержать рабочих на работе. Не так ли?

Шпеер: Совершенно верно то, что концентрационный лагерь пользовался у нас дурной славой и что поэтому, направляя в концентрационный лагерь или даже угрожая такой мерой, можно было улучшить положение на производстве. Но на упомянутом совещании этот вопрос больше не обсуждался. Такое замечание можно было сделать в напряженной военной обстановке.

Джексон: Однако совершенно ясно, что вам было известно, что концентрационные лагеря пользовались дурной славой среди рабочих и что условия в концентрационных лагерях все считали более жестокими, чем условия в трудовых лагерях. Правильно я вас понял?

Шпеер: Правильно, это было мне известно.

Конечно, я не знал всего того, что я услышал здесь, на процессе, а то, о чем вы сейчас говорили, было общеизвестным фактом...

Джексон: Теперь я хочу спросить вас о принудительном наборе рабочих. Если я вас правильно понял, вам было известно, что из Венгрии для работы на подземных авиационных заводах было вывезено 100 000 евреев. На допросе 18 октября 1945 г. вы нам сообщили, что вы не возражали против этого. Это правильно или нет?

Шпеер: Да, это правильно.

Джексон: И совершенно откровенно в тот же день вы сообщили нам, что для вас вообще не было секретом то, что большая часть рабочих, рекрутируемых Заукелем, вербовалась незаконными путями. Это тоже правильно? Не так ли?

Шпеер: Я обратил особое внимание на выражение, какое употребил тогда допрашивающий офицер. Он сказал: «Они приезжали не по своему желанию», — и я это подтвердил.

Джексон: Разве вы не сказали, что для вас не было секретом то, что они доставлялись туда незаконным методом? Разве вы не добавили этого?

Шпеер: Нет.

Джексон: Хорошо, но вы, во всяком случае, знали, что на совещании у фюрера в августе 1942 г. фюрер одобрил все принудительные меры, применяемые при вербовке рабочих в случае, если их нельзя было завербовать на добровольных началах, и вы знали, что эти меры проводились

в жизнь? Вы несколько не беспокоились о том, являются эти меры законными или незаконными? Вам нужна была рабочая сила?

Шпеер: Совершенно верно.

Джексон: Но вас абсолютно не беспокоил вопрос о том, делалось ли это законно?

Шпеер: Я думаю, что это было вполне обосновано военным положением и всей той точкой зрения, которую мы занимали тогда в данном вопросе.

Джексон: Да, это соответствовало политике правительства. Для вас этого было вполне достаточно в то время. Не так ли?

Шпеер: Да, я считаю, что в тот момент, когда я принял свою должность, то есть в феврале 1942 года, все нарушения международного права, которые мне сегодня могут быть поставлены в вину, к тому времени уже были реализованы.

Джексон: Вы не будете отрицать того, что на вас падает доля ответственности за осуществление этих мер, — ответственности юридической или фактической — безразлично. На вас падает доля ответственности за насильственный угон в Германию рабочих. Вы не будете этого отрицать, не так ли?

Шпеер: Рабочих в большинстве случаев отправляли в Германию против их воли. Я знал, что они приезжали в Германию не по своему желанию. Но в первый период, до осени 1942 года, я прилагал все усилия для того, чтобы таким образом в Германию прибыло как можно больше рабочей силы.

Джексон: Вы также принимали некоторое участие в распределении этой рабочей силы на различные заводы и в различные отрасли промышленности, нуждавшиеся в ней?

Шпеер: Распределение рабочих определялось так называемой степенью необходимости в них. Конечно, я должен был говорить Заукелю, где именно, для выполнения какой программы больше всего была необходима рабочая сила. Окончательно вопрос решался генеральными директорами.

Джексон: Другими словами, вы устанавливали очередность в обеспечении различных отраслей промышленности рабочей силой по мере ее поступления в Германию?

Шпеер: Само собой разумеется, так это и должно было быть.

Джексон: Вы были преемником Тодта и имели те же полномочия, которые раньше имел он?

Шпеер: Да.

Джексон: Одна из его директив, от 31 октября 1941 г. (письмо ОКВ), уже представленная здесь в качестве доказательства, предусматривает, что представители имперского министра вооружения и боеприпасов могут посещать лагеря для военнопленных с тем, чтобы производить отбор квалифицированных рабочих. Это входило в ваши полномочия, не так ли?

Шпеер: Нет, это особое мероприятие было проведено один раз Тодтом по согласованию с ОКВ. Потом оно больше не проводилось.

Джексон: Вы утверждаете, что военнопленные, я говорю здесь о французских военнопленных, не использовались на предприятиях по производству материалов, которые предназначались непосредственно для войны, или вы утверждаете, что они использовались там, но это было законно в соответствии с положением Женевской конвенции?

Шпеер: Насколько мне известно, в отношении французских военнопленных этм положения не нарушались. Я не могу этого точно сказать, так как контроль за их использованием не входил в функции моего учреждения.

• *Джексон:* Скажите, что именно делали французские военнопленные в промышленности, где они работали?

Шпеер: На это я не могу вам ответить. Я уже говорил, что распределение военнопленных, иностранных и немецких рабочих по предприятиям не входило в мои функции, этим ведало управление труда совместно с администрацией стационарных лагерей военнопленных, если имелись в виду последние.

Я только один раз получил общий отчет о том, какое количество рабочих и каких именно специальностей было занято на заводах. Я не мог составить себе общее представление о том, какие именно рабочие работали на отдельных предприятиях. Поэтому на этот вопрос я не могу дать исчерпывающего ответа.

Джексон: Теперь займемся вопросом о тех 50 тысячах квалифицированных рабочих, которые, как вы сказали, были вами вывезены и использованы на работе в различных областях промышленности и в отношении которых Заукель выражал свое недовольство. На какой работе вы использовали этих рабочих?

Шпеер: Но это не были военнопленные.

Джексон: Где вы их использовали?

Шпеер: Эти рабочие были переброшены с Атлантического вала, где они работали, в Рурскую область с целью ремонта обеих плотин, которые были повреждены в результате воздушных налетов. Нужно сказать, что сначала я не знал о перемещении этих 50 тысяч рабочих, и переброска их с запада в Германию означала для нас катастрофу на Атлантическом вале; одна треть всех занятых на строительстве Атлантического вала рабочих после этого покинула строительство, так как рабочие боялись, что они тоже попадут в Германию. Поэтому мы постарались как можно скорее отменить это мероприятие, чтобы сохранить к себе то доверие, которое питали к нам французские рабочие, работавшие на строительстве Атлантического вала. Из этого факта следует, что французские рабочие у нас на строительных работах организации Тодта работали не по принуждению, иначе не могло бы быть такого массового ухода тотчас же, как только они узнали об опасности быть направленными в Германию. Итак, это мероприятие с 50 тысячами рабочих из организации Тодта во Франции было единичным явлением, которое мы вскоре прекратили.

Джексон: Известен ли вам документ ЕС-60, в котором говорится, что организация Тодта должна производить набор рабочей силы насильственными методами?

Шпеер: В данный момент я этого не помню. Разрешите посмотреть документ.

Джексон: Пожалуйста, если вы хотите. Напоминаю вам, что этот документ противоречит вашим показаниям по этому вопросу. Это страница 42, следующий абзац: «К сожалению, число рабочих, предоставляемых организации Тодта на основании ст. 52 Гаагской конвенции относительно яравил ведения сухопутной войны, вот уже в течение некоторого времени значительно уменьшилось, так как большая часть направленных туда рабочих вообще не является. Поэтому должны быть приняты принуди-

тельные меры. Правда, префект и французские трудовые биржи сотрудничают с нами вполне лояльно. Однако они недостаточно авторитетны для того, чтобы провести это в жизнь».

Шпеер: Я думаю, что меня, возможно, неправильно поняли. Я не оспариваю того, что большая часть рабочих организации Тодта, работавших на Западе, была обязана работать и что на основании этой трудовой повинности они приходили на строительство.

Джексон: Помещались ли эти рабочие в трудовые лагеря?

Шпеер: На строительстве всегда делается так. Строительные участки находились далеко от деревень, и поэтому создавались специальные лагеря для рабочих. Так размещались как немецкие, так и иностранные рабочие. Но, когда представлялась возможность, мы размещали рабочих также в деревнях.

Джексон: Я хочу спросить вас о вашем показании по поводу предложения об отказе от Женевской конвенции. Вчера вы показали, что было внесено предложение отказаться от выполнения пунктов Женевской конвенции. Может быть, вы нам скажете, кто внес такое предложение?

Шпеер: Это предложение, как я уже вчера говорил, было выдвинуто Геббельсом после воздушного налета на Дрезден. Уже раньше, начиная с осени 1944 года, Геббельс и Лей начали поговаривать о том, что надо всеми средствами обострить войну. У меня создалось впечатление, что налет на Дрезден и то возмущение, которое было этим вызвано, дали Геббельсу повод начать добиваться отказа от Женевской конвенции.

Джексон: В то время было выдвинуто предложение начать химическую войну? Было тогда внесено такое предложение?

Шпеер: Я не мог прямо сам лично установить, действительно ли намеревались начать химическую войну. Но я знал от различных сотрудников Лея и Геббельса, что последние ставили вопрос о применении наших новых газов «Табун» и «Зарин». Они считали, что оба эти газа будут особенно эффективны, и на самом деле действие их было ужасным. Это мы почувствовали уже осенью 1944 года, когда положение очень обострилось и заставило многих беспокоиться.

Джексон: Не расскажете ли вы нам сейчас об этих двух газах, о производстве этих газов, о их свойствах, а также о той подготовке, которая проводилась для ведения химической войны?

Шпеер: Я не могу рассказать об этом подробно потому, что я не специалист в этом деле. Я знаю только, что эти газы были особенно эффективны, что от них не мог спасти никакой противогаз, то есть не было никаких защитительных средств. Другими словами, солдат не мог защитить от них себя. Мы имели три завода, вырабатывавших эти газы, которые совершенно не были разрушены и до ноября 1944 г. работали на полную мощность.

Джексон: Что вы можете сказать относительно бомб, которые все еще продолжали сбрасывать на Англию после того, как стало уже совершенно очевидным, что война проиграна?

Шпеер: Вы имеете в виду самолеты-снаряды?

Джексон: Да.

Шпеер: Производство самолетов-снарядов с технической точки зрения было для нас дорогостоящим делом, а действие их по сравнению с затраченными средствами — минимальным. Поэтому мы не были очень заинтересованы в том, чтобы выпустить их в большом количестве. Больше

всех настаивал на их выпуске Гиммлер. Он поручил обергруппенфюреру Тамлеру расстрелять все самолеты-снаряды над Англией. В армейских кругах придерживались того же мнения, что и я, а именно, что они обходятся слишком дорого. Подобного же суждения придерживались и офицеры военно-воздушного флота, так как на те средства, которые требовались для производства одного самолета-снаряда, можно было бы построить истребитель. Ясно, что для нас было бы куда лучше, если бы мы отказались от этой бессмыслицы.

Джексон: Возвратимся к свойствам этого газа. Одним из свойств этого газа было то, что он выделял большое количество тепла. В момент, когда происходил взрыв, создавалась чрезвычайно высокая температура, от которой ничто не могло защитить. Это правильно?

Шпеер: Нет. Это ошибка. Дело обстоит следующим образом: обычные газы испаряются при нормальной температуре воздуха. Этот газ испарялся только лишь при очень высокой температуре, а температура повышалась до необходимого предела только тогда, когда происходил взрыв.

Когда взрывчатое вещество взрывается, создается, как известно, очень высокая температура и газ испаряется. Твердое вещество превращается в газ. Но действие его совершенно не зависит от температуры.

Джексон: Известно ли вам, что с этим газом проводились различные опыты?

Шпеер: Нет, этого я не могу сказать. Наверное, делали опыты.

Джексон: Кто возглавлял проведение этих опытов?

Шпеер: Насколько мне известно, его возглавлял отдел усовершенствования управления вооружения штаба сухопутных сил, только я не могу этого сказать с уверенностью.

Джексон: Ряд опытов и исследовательских работ производился также и в области атомной энергии, не так ли?

Шпеер: К сожалению, мы не достигли еще таких успехов в этой области, так как все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, выехали в Америку. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовалось бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом.

Джексон: Значит сообщения о новом секретном оружии были весьма преувеличены для того, чтобы поддержать в немецком народе желание продолжать войну?

Шпеер: Да, в последнюю фазу войны это было действительно так.

Джексон: Теперь я хочу вас спросить о тех усилиях, которые вы прилагали в области производства. Очевидно, вам приходилось сталкиваться с большими трудностями? Крупп играл весьма значительную роль в производстве вооружения Германии, не так ли?

Шпеер: Да.

Джексон: Он возглавлял крупнейшее объединение, не так ли?

Шпеер: Да, но как я вчера уже объяснял, он производил мало орудий и мало предметов вооружения, но это был один из самых крупных и видных концернов в системе всей военной промышленности.

Джексон: Вы старались, насколько это было возможно, предотвратить использование ресурсов и рабочей силы для производства тех товаров, которые не были нужны для ведения войны. Это верно?

Шпеер: Да, это верно.

Джексон: И то, что производилось на заводах Крупна, будь то пушки

или какие-либо другие предметы, было крайне необходимо для военной экономики или для ведения войны. Это правильно, не так ли?

Шпеер: Здесь можно сказать вообще. В конце концов важен любой предмет, который изготавливается во время войны на родине, будь то пара сапог для рабочего, одежда или уголь — все это служит, конечно, для того, чтобы сделать возможным дальнейшее ведение войны. Однако это не имеет никакого отношения к давно устаревшим положениям Женевской конвенции о военнопленных.

Джексон: В настоящее время я не затрагиваю вопроса о положениях Женевской конвенции. Я хочу задать вам несколько вопросов о ваших усилиях в целях увеличения производства жизненно необходимых материалов. Я хотел спросить, были ли это военные материалы или нет, каковы были условия, в которых находились рабочие по милости правительства? Мне кажется, вы сможете нам дать некоторую информацию по этому вопросу. Вы часто посещали заводы Круппа, не правда ли?

Шпеер: Я был пять или шесть раз на заводах Круппа.

Джексон: Вы были достаточно хорошо информированы о росте производительности труда как на заводах Круппа, так и на других заводах?

Шпеер: Во время этих посещений речь шла о ликвидации последствий воздушных налетов, я всегда приезжал после такого налета и имел возможность знакомиться с выпуском продукции. Я очень хорошо знал этот вопрос, так как я работал очень много.

Джексон: Крупп имел несколько трудовых лагерей?

Шпеер: Само собой разумеется, у него были трудовые лагеря.

Джексон: Крупп использовал на своих заводах очень большое количество как иностранных рабочих, так и военнопленных, не так ли?

Шпеер: Я не могу определить процентного соотношения, но, несомненно, Крупп использовал также иностранных рабочих и военнопленных.

Джексон: Хорошо, я могу сказать вам, что мы обследовали трудовые лагеря Круппа и на основании картотеки самого же Круппа установили, что в 1943 г. в трудовых лагерях находилось 39 245 иностранных рабочих и 11 234 военнопленных, что эти цифры все время возрастали и в сентябре 1944 г. они достигли 54 990 иностранных рабочих и 18 902 военнопленных. Близки ли эти цифры к тем сведениям, которые можете привести вы на основании того, что известно вам?

Шпеер: Мне неизвестны подробности, я не помню сейчас цифры и не помню, сколько всего рабочих было у Круппа. Я думаю, что процент иностранных рабочих у Круппа был тот же самый, что и на других военных предприятиях.

Джексон: Итак, какой же приблизительно процент составляли эти рабочие?

Шпеер: Эта цифра очень сильно колебалась. На более старых предприятиях, где имелся кадровый состав рабочих, процент иностранных рабочих был менее значительным, чем на новых, только что созданных предприятиях, не имевших старых кадров. Причина заключалась в том, что молодые возрасты призывались в армию, на предприятиях, располагавших старыми кадрами рабочих, был большой процент рабочих старших возрастов. Поэтому на предприятиях, выпускающих предметы вооружения сухопутных войск, то есть на старых предприятиях, процент занятых иностранных рабочих был меньше, чем на предприятиях, выпускающих

вооружение для ВВС, то есть вновь созданных предприятиях, не имевших в своем распоряжении старых кадровых рабочих. Но цифры я при всем желании не могу вам назвать.

Джексон: Иностранные рабочие, которые работали на заводах Крупна, возьмем заводы Крупна в качестве примера, были размещены 'в трудовых лагерях, которые охранялись, не так ли?

Шпеер: Я не думаю, чтобы они охранялись, но я не могу этого точно сказать. Я не хочу здесь скрыть какие-либо полученные мной сведения, но я не имел абсолютно никакой возможности заниматься этими вопросами, посещая предприятия, так как я беспокоился о другом. Вообще за все время моего пребывания на посту министра вооружения я ни разу не посетил ни одного лагеря для рабочих — и поэтому не могу дать никаких сведений.

Джексон!- Хорошо, сейчас я намереваюсь дать вам некоторую информацию о трудовых лагерях Крупна и затем в связи с этим задать вам 3 несколько вопросов'. Я не собираюсь утверждать, что вы лично были ответственны' за условия, в которых находились эти рабочие. Я просто хочу указать вам на то, что было сделано в этом направлении правительством, а затем спросить вас, как это отражалось на ваших устремлениях в области увеличения выпуска продукции.

Известен ли вам документ Д-288, представленный в качестве доказательства США-202? Этот документ представляет собой письменное показание, данное под присягой доктором Егер, который" позднее был вызван в Суд в качестве свидетеля.

Шпеер: Да.

Джексон: Вы отрицаете, что эти показания соответствуют действительности?

Шпеер: Нет.

Джексон: Вам лично ничего не было известно о существовавших там условиях?

Шпеер: Если бы положение вещей действительно было таковым, то я, наверное, услышал бы об этом, так как само собой разумеется, руководитель предприятия во время моих посещений обращался ко мне со всеми своими трудностями и невзгодами.

Джексон: Сейчас я хочу обратить ваше внимание на новый документ Д-361, представленный в качестве доказательства за номером США-893. Документ подписан начальником управления паровозостроительных заводов Зелингом; он сообщает о тех условиях, в которых находились его иностранные рабочие. Я вновь повторяю, что я не считаю вас ответственным за это. Я допускаю, что за это было ответственно правительство. Я хотел бы огласить этот документ, несмотря на то, что он довольно пространный.

Документ был составлен 25 февраля 1942 г. в Кессельбау и адресован Гупе через Винтерса и Шмидта. «Я получил от германского трудового фронта письмо, датированное 18 февраля и присланное на мой домашний адрес с приглашением посетить управление «германского трудового фронта». Я хотел разрешить вопрос, о котором мне ничего не было известно по телефону. Мне ответили из «германского трудового фронта», что вопрос крайне важный и требует моего личного присутствия. После этого я спросил Юнгера, работавшего в отделе социально-трудовых вопросов, должен ли я туда пойти. Юнгера ответил: «Вы, очевидно, не

должны идти, но было бы лучше, если бы вы пошли». Приблизительно в 9 час. 50 мин. я направился в комнату № 20 в этом учреждении к Приору. В ходе следовавшей затем беседы, довольно оживленной и длившейся приблизительно полчаса, выяснилось, почему Приор хотел говорить со мной. 16 числа этого месяца 23 русских военнопленных были направлены на работу на котельный завод. Эти люди прибыли на работу утром без хлеба. Во время двух перерывов военнопленные подходили к немецким рабочим и просили, чтобы они им дали хлеба, так как они голодны. В первый обеденный перерыв русским военнопленным роздали еду, чтобы как-то уладить это. 17 числа я отправился на кухню в Вейдкэмп согласно указаниям Тейли и говорил с начальником этой кухни г-жей Блок о предоставлении русским военнопленным питания во время обеденного перерыва. Блок обещала мне предоставить питание немедленно и, кроме того, заимообразно дала необходимую посуду для 22 человек. Я попросил г-жу Блок передавать оставшуюся от 800 столоющихся у нее голландцев пищу русским военнопленным до особого распоряжения. Она обещала делать и это. На следующий день в обед она прислала им сверх нормы бачок молочного супа. Затем обеденная норма была уменьшена. Ввиду того что несколько русских уже были сильно истощены и дополнительное питание перестало поступать, я позвонил по телефону Блок и попросил ее увеличить порции выдаваемой пищи. Так как мой телефонный разговор оказался безуспешным, я вновь лично посетил Блок. На сей раз Блок в очень резкой форме отказалась выдавать какое-либо дополнительное питание.

Теперь я подробно остановлюсь на этой беседе.

Кроме Приора, в комнате находились два других господина из организации «германского трудового фронта» и Блок, которая заведовала кухней в Вейдкэмп. Приор взял слово и, жестикулируя, в оскорбительной форме упрекал меня в том, что я якобы весьма заметно переметнулся на сторону большевиков. Он сослался на ряд законов имперского правительства, которые осуждали такую линию поведения. К несчастью,, мне не совсем была ясна ситуация с правовой точки зрения, в противном случае я немедленно бы покинул комнату. Затем я попытался разъяснить Приору, что русские военнопленные присланы к нам как рабочие, а не как большевики, что они крайне истощены и не в состоянии справиться со своей тяжелой работой, на которую они были поставлены на котельном заводе, что больные люди являются для нас балластом, а не помощью в работе. На это замечание Приор ответил, что если один из них ничего не стоит, то другой будет подходящим, что у большевиков нет души и если 100 тысяч из них умрет, то другие 100 тысяч займут их место. На мое замечание о том, что при подобной текучести рабочей силы мы не сможем выполнить наших задач, то есть не сможем поставлять достаточное количество паровозов для железных дорог Германии, которые настойчиво требуют сокращения сроков выполнения заказов, Приор ответил: «В данном случае поставки имеют второстепенное значение». Мои попытки заставить Приора понять, в чем заключаются наши экономические интересы, не увенчались успехом.

В заключение я могу лишь сказать, что, будучи немцем, я хорошо знаю, каково было наше отношение к русским военнопленным. В данном случае я действовал по указанию своих начальников и старался добиться увеличения выпуска продукции, которую от нас требовали».

На документе имеется подпись: — Зелинг (начальник управления паровозостроительного завода).

Теперь я хочу спросить вас о следующем: разве действия начальника паровозостроительного завода не были действиями, направленными на повышение выпуска продукции?

Шпеер: Ясно, что у рабочего, который не имеет достаточного питания, не может быть хорошей производительности.

Относительно этого документа я должен сказать следующее. Это документ от 25 февраля 1942 г. В то время было дано официальное указание, согласно которому отношение к русским военнопленным и русским рабочим, вновь прибывшим в империю, должно было быть хуже, чем к военнопленным и рабочим, прибывшим с Запада. Мне стало это известно из жалоб руководителей предприятий.

Джесксон: Сейчас я хочу спросить вас вот о чем: если вы и Заукель не были ответственными за эти условия, то кто же в таком случае был ответственен за них? Я обращаю ваше внимание на то, что именно это мы должны сейчас выяснить.

Я покажу вам новый документ Д-398, представляемый в качестве доказательства. Это заявление, сделанное англо-американской комиссии по обследованию условий в трудовых лагерях Круппа. ...Это заявление сделано одним из работников имперской железной дороги. Я должен сказать, что ни одно из этих расследований не базируется на показаниях самих военнопленных.

— «Я, нижеподписавшийся, Адам Шмидт, работавший на железнодорожной станции Эссен—Западная, проживающий в Маргаретенгес, Штиллер Винкель, 12, даю добровольно следующее показание:

Я работаю на имперской железной дороге с 1918 г., с 1935 г. я работаю на железнодорожной станции Эссен—Западная. В середине 1941 г. прибыли первые рабочие из Польши, Галиции и Западной Украины. Они были доставлены в Эссен в товарных вагонах, предназначенных для перевозки картофеля, строительных материалов и скота, и должны были быть использованы на заводах Круппа. Вагоны были переполнены людьми. Я лично считал, что бесчеловечно перевозить людей в таких условиях. Людей было набито столько, что они почти что не имели возможности двигаться. Надсмотрщики заводов Круппа особенно следили за тем, чтобы рабочие как можно быстрее входили и выходили из вагонов. Это возмущало каждого честного немца, наблюдавшего эту картину и то, как людей толкали, давили и вообще обращались с ними по-зверски. С самого начала, как только прибыли транспорты с людьми, мы могли наблюдать, как бесчеловечно с ними обращались. Каждый вагон был настолько переполнен, что просто нельзя было понять, как такое количество людей могло быть помещено в одном вагоне. Я видел своими собственными глазами, как больных людей, которые едва двигались, — часто это были люди с большими ногами, имеющие ранение и люди, страдающие внутренними болезнями, — заставляли работать. Часто можно было наблюдать, как этим людям было трудно самим двигаться. То же самое можно сказать и о восточных рабочих и военнопленных, которые прибыли в Эссен в середине 1942 г.»

Затем он описывает их одежду и пищу. В интересах экономии времени я не буду оглашать этот документ полностью.

Считаете ли вы, что эти показания преувеличены?

Шпеер: Конечно, рабочие, прибывавшие с Востока в Германию, были плохо одеты.

Джексон: Хорошо, сейчас я хотел бы обратить ваше внимание на документ Д-398.

Председатель: Прежде чем перейти к этому документу, расскажите нам, каковы были условия транспортировки? Вам был задан вопрос, являются ли эти показания преувеличенными? Вы не ответили на этот вопрос и лишь кратко описали их одежду.

Шпеер: Господин председатель, я не могу дать показаний относительно условий транспортировки, так как я не получал по этому вопросу сведений.

Джексон: Я спрашиваю вас сейчас о документе № 398, который представляется в качестве доказательства. Это заявление Хофера, проживающего в Эссене:

«С апреля 1943 года я работал с Левенкампом на танковом заводе № 4. Этот человек был очень жесток в обращении с иностранными рабочими. Он отнимал пищу, принадлежавшую военнопленным, и уносил себе домой. Каждый день чинились новые жестокости по отношению к восточным рабочим, русским военнопленным, французам, итальянцам и гражданскому населению других стран.

Однажды я был свидетелем того, как он, раздавая пищу, ударил одного француза по лицу черпаком так сильно, что лицо француза покрылось кровью. Далее он сожительствовал с русскими девушками, совершенно не заботясь о рождающихся детях.

Он никогда не давал им молока, так что русские женщины должны были кормить своих детей подсахаренной водой, вместо молока. Когда Левенкамп был арестован, он написал два письма и показал их мне через свою жену. Он пытался доказать, что никогда не бил людей».

У меня имеется еще много показаний по этому поводу, но я не могу их зачитывать. По вашему мнению, эти показания также преувеличены?

Шпеер: Если и были отдельные случаи такого рода, то они всегда у нас наказывались.

Джексон: Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с документом № 258. Я обращаю ваше внимание на важность этого документа, поскольку в нем говорится о том, что охрана состояла из членов СС:

«Заклученные лагеря в основном состояли из еврейских женщин и девушек Венгрии и Румынии. Заклученные начали поступать в Эссен в 1944 г. и были использованы для работы на заводах Круппа. Условия жизни и питание заклученных лагеря были ниже всяких установленных норм. Вначале заклученные жили в небольших деревянных бараках. Эти бараки сгорели во время воздушного налета, и с тех пор заклученные должны были спать в сыром подвале. Они спали на полу, на соломенном тюфяке, укрывались двумя одеялами. В большинстве случаев заклученные не имели возможности ежедневно умываться, так как не было воды; они были лишены возможности помыться. Я мог часто наблюдать на заводе Круппа, как во время обеденного перерыва заклученные стирали и кипятили свое белье в старых, грязных ведрах на костре и здесь же мылись. Во время воздушных налетов заклученные должны были укрываться в траншеях, тогда как охранные части СС укрывались в специально построенных бомбоубежищах. Подъем производился в 5 часов. Утром им не давали ни кофе, ни какой-либо другой пищи.

В 5 час. 15 мин. они тащились на фабрику пешком ^{3/} часа, очень плохо одетые, часто без обуви. Когда шел дождь или снег, они покрывались одеялами. Работа начиналась в 6 часов утра. Обеденный перерыв длился от 12 до 12.30. Только во время этого перерыва заключенные имели возможность изготовить для себя какую-либо пищу из картофельных очисток и других отбросов. Рабочий день длился от 10 до 11 часов. Хотя пленные были крайне обессилены от голода, их использовали на очень тяжелой в физическом отношении работе, где надсмотрщики и женщины из охраны СС обращались с ними очень плохо.

В пять или шесть часов вечера они возвращались обратно в лагерь. Сопровождающая их охрана СС, состоявшая из женщин, несмотря на протесты со стороны гражданского населения, часто очень грубо обращалась с заключенными во время их возвращения в лагерь. Они били и толкали их и употребляли такие ругательства, которые даже невозможно повторить. Часто некоторых девушек или женщин приносили в лагерь на руках их товарищи, поскольку они находились в состоянии полного изнеможения. В шесть или семь часов вечера эти изможденные люди возвращались в лагерь. По существу, только в это время выдавалась дневная пища. Еда состояла из капустного супа. Вечером выдавался ужин, состоящий из воды и куска хлеба, который был предназначен для следующего дня. Временами по воскресеньям пища была несколько лучше. Обследование лагеря на протяжении всего периода его существования никогда не проводилось фирмой Крупна. В марте 1945 года заключенные лагеря были доставлены в концентрационный лагерь в Бухенвальд, а оттуда некоторые из них были направлены на работу. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Рик».

Это, по вашему мнению, также является преувеличением?

Шпеер: Что касается указанного документа, то я должен установить следующее: судя по содержанию этого документа, можно заключить, что имеется в виду концентрационный лагерь, один из небольших концентрационных лагерей, которые находились вблизи предприятий. Предприятия не имели возможности осматривать эти лагеря, и поэтому совершенно правильно предположение, в котором говорится, что представитель предприятия ни разу не посетил лагеря. Наличие охраны СС указывает также на то, что речь идет также о концентрационном лагере.

Джексон: Я прошу, чтобы вам показали документ Д-382, представленный в качестве документального доказательства. Этот документ представляет собой показания нескольких лиц по поводу одного из стальных ящиков, которые находились в лагере для иностранных рабочих танкового завода № 4, а также в лагере для русских. Я не знаю, есть ли необходимость оглашать все показания полностью? Это отдельные примеры. Какова ваша точка зрения по данному поводу?

Шпеер: То, что здесь снято, — это один из обычных шкафчиков для спецодежды, которые имеются на каждом предприятии...

Джексон: Очень хорошо. В таком случае я попрошу вас показать документ № 230. Этот документ представляет собой записи относительно стальных дубинок, которые были найдены в лагере и которые будут вам показаны. Согласно отчету было распределено 80 таких дубинок.

Шпеер: Разрешите мне высказать здесь свое мнение?

Джексон: Да, если вы хотите.

Шпеер: Да, Это не что иное, как эрзац резиновой дубинки...

У нас не было резины, поэтому охрана имела, вероятно, нечто в этом роде.

Джексон: Я так и подумал, когда прочел этот документ.

Шпеер: Да, но охрана не прибегала сразу к этому стальному предмету, так же как ваши полицейские не прибегают сразу к резиновой дубинке. Они должны иметь что-то в руках. Так уж заведено в мире.

Джексон: Далее документ № 899, который я представлю в качестве доказательства и который представляет собой отчет за 1943 год о работе госпиталей Круппа. Отчет озаглавлен: «Случаи смерти восточных рабочих».

«54 восточных рабочих умерли в госпитале на Лазареттштрассе: 50 — в результате различных заболеваний и 4 — по другим причинам. Из 50 восточных рабочих от туберкулеза умерло — 36, от истощения — 2, внутреннего кровоизлияния — 1, от тифа — 1, от кишечных заболеваний — 2, от воспаления легких — 3, от аппендицита — 1, от болезни печени — 1, от воспаления мозга — 1.

Таким образом, этот отчет показывает, что Vs всех людей умерло от туберкулеза и истощения».

Разве время от времени вы не получали отчетов о состоянии здоровья тех рабочих, которых вы использовали для выполнения вашей программы вооружения?

Шпеер: Я хотел бы сначала высказать свое мнение относительно самого документа. Из документа не видно, как велико было общее количество рабочих, в отношении которого установлен процент смертных случаев. Так что нельзя сказать, является ли указанный процент действительно слишком высоким. На одном из заседаний Бюро центрального планирования на основании имевшихся данных я установил, что большое количество русских рабочих больны туберкулезом. Я не знаю, это ли вы имеете в виду, когда говорите об информации. Замечание было сделано Вейгером, а затем мы при помощи органов здравоохранения, в компетенцию которых входили эти вопросы, пытались изменить положение.

Джексон: Но процент смертности от туберкулеза в сравнении с общей смертностью был крайне велик, в этом нет никакого сомнения, не так ли?

Шпеер: Я не знаю, был ли ненормально высок процент смертности, но временами приходилось констатировать ненормально высокий процент заболевания туберкулезом.

Джексон: Из этого документа не видно, насколько велик был процент смертности от туберкулеза по сравнению с общей смертностью, не так ли? 80 процентов смертности от туберкулеза говорит об очень большом проценте заболеваемости туберкулезом, не так ли?

Шпеер: Возможно, но у меня лично об этом точных сведений не имеется.

Джексон: (К подсудимому.) Сейчас я хочу, чтобы вам показали документ № 335. Это отчет из архивов Круппа в Эссене от 12 июня 1944 г., направленный «Доктору областного лагеря Егеру», подписанный Штиннесбеком:

«В середине мая я начал осуществлять санитарный надзор над лагерем военнопленных № 1420 на Негератштрассе. В этом лагере находилось 644 французских военнопленных. Во время воздушного налета 27 апреля этого года лагерь был сильно разрушен, и в настоящий момент условия в лагере крайне тяжелые. 315 военнопленных все еще находятся

в лагере. 170 из них живут уже не в помещении, а в туннеле железнодорожной станции в Эссене на Грюнерштрассе. Туннель — сырое и непригодное для постоянного человеческого жилья место. Остальные заключенные размещены на десяти различных фабриках Круппа. Прием больных производится французским военным врачом, который проявляет особое сочувствие по отношению к своим соотечественникам. Больные с фабрик Круппа должны также присылаться на этот прием. Прием происходит в уборной одного из сожженных домов вне лагеря. Четыре французских санитаров спят в этих же уборных. Для тяжело больных пациентов имеется двухъярусная деревянная кровать. Обычно медицинская помощь оказывается под открытым небом. В дождливую погоду все больные собираются в маленькой комнате. Условия ужасные. Нет ни стульев, ни столов, ни воды. Вести регистрацию больных невозможно. Перевязочных материалов и медикаментов нехватает, хотя рабочие, получившие тяжелые повреждения на работе, очень часто направляются сюда для того, чтобы им была оказана первая медицинская помощь и где им, естественно, должна быть сделана перевязка до того, как они будут направлены в госпиталь. Имеется также очень много серьезных жалоб в отношении пищи, которую охрана лагеря находит достаточной. При рассмотрении вопроса о заболеваемости и смертности рабочих, следует принять во внимание эти обстоятельства. Крайне необходимо срочно начать строительство помещений для заключенных и для больных с тем, чтобы им можно было оказать соответствующую медицинскую помощь. Пожалуйста, примите необходимые меры. Подпись: Штиннесбек).

Шпеер: Из этого документа ясно видно, какое может создаться положение после крупных налетов авиации.

Джексон: Я думаю, что фотографии, которые представлялись в качестве доказательства, будут не совсем понятны, если в протоколе не будет приведено их описание. Я коротко оглашу его. Это описание камеры пыток, которыми пользовались в лагере для иностранных рабочих № 4 бронетанкового завода и в ужасном лагере для русских, о чем под присягой нам были даны следующие показания:

«На фотографии «А» изображен железный шкаф, специально изготовленный фирмой Круппа для пыток советских рабочих, которые невозможно описать словами. В этот шкаф, где почти никто не мог стать во весь рост, запирали мужчин и женщин. Высота этого карцера 152 см, ширина и глубина от 40 до 50 см. Часто даже двух людей вталкивали и втискивали в один стальной ящик».

Фотография «В» показывает этот же ящик в закрытом виде.

Фотография «С» — открытый ящик.

Фотография «Д» показывает лагерь, который заведомо был выбран администрацией Круппа для жилья русских рабочих. Отдельные комнаты были в 2—2,5 м шириной, 5 м длиной и в 2 м высотой. В каждой комнате жили, примерно, по 16 человек на двухэтажных нарах. «В верхней части ящика было несколько отверстий, как в сите, через которые на несчастные жертвы в зимнюю стужу лили ледяную воду».

Председатель: Прочтите также последние три строчки последнего абзаца, в связи с тем что говорил подсудимый по поводу этого доказательства.

Джексон: Мы включаем два письма, которые начальник лагеря Леенкамп выкрал из тюрьмы для того, чтобы вынудить нижеподписавше-

гося Хоффера дать благоприятные для него показания. Я, может быть, должен зачитать последний абзац.

«Я, нижеподписавшийся, Дамм (один из подписавшихся) лично видел, как три русских рабочих были заперты в ящик, при чем двое из них в одно отделение, после того как их сначала избili в ночь под 1945 новый год. Двое русских должны были всю ночь под новый год находиться в этом ящике, и на них также выливали ледяную воду».

Я могу сказать Трибуналу, что мы имеем, примерно, 100 показаний и заявлений в связи с расследованием, произведенным в этом лагере. Я не собираюсь их представлять здесь потому, что я думаю, что они будут кумулятивными, и я удовлетворюсь лишь еще одним—Д-313.

Этот документ гласит: «Я, нижеподписавшийся, доктор Апполинарий Готовицкий, врач польской армии, был взят в плен немцами 3 января 1941 г. и оставался в качестве военнопленного до прихода американских войск. Я оказывал медицинскую помощь русским, польским и французским военнопленным, которых принуждали работать в различных местах на заводах Круппа. Я лично посещал русских военнопленных в лагере на Раумтштрассе в Эссене, в котором находилось около 1300 человек.

...В этом лагере был большой зал, который мог вместить примерно 200 человек, однако там было поселено около 300 или 400 человек в таких ужасных условиях, что всякое медицинское обслуживание было невозможно. Пол был цементным, а соломенные матрацы, на которых спали люди, были полны вшей и клопов. Даже в холодную погоду помещение никогда не отапливалось. И мне, врачу, казалось, что недостойно человеческого существа, чтобы люди жили в таких условиях. Помещение было невозможно поддерживать в чистоте, потому что в комнате было так тесно, что люди не могли нормально двигаться. Каждый день ко мне приводили по крайней мере десять человек, у которых тело было покрыто синяками в результате постоянных избиений резиновыми дубинками, стальными хлыстами или палками. Часто люди корчились в агонии, и я не имел возможности оказать им хоть какую-нибудь медицинскую помощь. Несмотря на то, что я протестовал, писал жалобы и заявления, я не мог защитить этих людей или добиться того, чтобы их хотя бы на день освободили от работы. Мне было тяжело смотреть на то, как страдавших людей принуждали к тяжелой работе. Идя на риск, я лично ходил к представителю администрации Круппа, а также к представителю директората Круппа, стараясь добиться помощи. Это было категорически запрещено, так как лагерь находился под управлением СС и гестапо, и согласно хорошо известным директивам я должен был молчать, иначе я сам мог попасть в концентрационный лагерь. Очень много раз я сам приносил в лагерь свой собственный хлеб для того, чтобы отдать его заключенным, когда это было возможно, хотя я сам получал мало хлеба. С начала 1941 года условия не только не улучшились, но стали еще более тяжелыми. Пища состояла из грязного водянистого супа, в котором попадался песок. Часто военнопленные должны были есть гнилую вонючую капусту. Я мог ежедневно наблюдать людей, которые медленно умирали от голода и жестокого обращения. Мертвецы очень часто лежали по два-три дня на своих койках до тех пор, пока их тела не начинали издавать такое зловоние, что сами заключенные выносили их и где-нибудь хоронили. Посуда, из которой они ели, употреблялась также и для отправления

естественных потребностей, люди были слишком утомлены или слишком слабы от голода, для того чтобы встать и выйти из барака. Их будили в 3 часа. Та же самая посуда употреблялась и для мытья, а затем для еды. Об этом все знали. Несмотря на эти факты, я не имел возможности добиться хотя бы минимальной помощи или медицинского обслуживания для того, чтобы устранить эти эпидемии, болезни и случаи голодной смерти. Не могло быть и речи о какой-либо медицинской помощи заключенным. Я сам никогда не получал никаких медикаментов. В 1941 году я один должен был оказывать медицинскую помощь всем этим людям, но вполне понятно, что я не мог этого делать, поскольку я был единственным человеком, который оказывал медицинскую помощь этим людям. Кроме того, я почти совсем не имел медикаментов. Я не знал, что мне делать с этими 1800 людей, которые ежедневно приходили ко мне, плача и жалуясь. Я сам часто падал в обморок, и, несмотря на это, я должен был брать все на себя и видеть, как эти люди погибали и умирали. Никогда не сообщалось о том, как умирали военнопленные.» Я оам собственными глазами видел, как, возвращаясь с работы от Круппа, они по дороге падали, и другим заключенным приходилось везти их на тачке или нести на руках. Так они возвращались с работы в лагерь. Работа, которую они выполняли, была очень тяжелой и опасной, и было много случаев, когда заключенные обрезали себе пальцы рук, или ног. Это были очень серьезные травмы, и люди обращались ко мне и просили медицинской помощи. Но я даже не мог освободить их на день или два от работы, хотя обращался в директорат Круппа и просил разрешения об этом. В конце 1941 года ежедневно умирало по двое людей, а в 1942 году смертность увеличилась до трех-четырёх человек. Я работал под начальством доктора Мея, и мне очень часто удавалось приводить его в лагерь, где он видел, в каких ужасных условиях живут заключенные и слышал их жалобы. Но даже он не мог получить медикаменты от медицинской службы вермахта или от Круппа, или добиться лучших условий обращения или пищи. Я был свидетелем одного его разговора с русской женщиной из этого лагеря, которая рассказала мне лично, что они работают на фабрике Круппа, где ежедневно их избивают самым ужасным образом. Их пища состояла из водянистого супа, грязного и несъедобного, а его ужасный запах можно было почувствовать на расстоянии. Одежда их состояла из грязных лохмотьев, а на ногах они носили тряпки или деревянные колодки.

По-моему, с ними обращались так же, как и с военнопленными. Избиение происходило ежедневно, такие условия существовали в течение долгих лет, с самого начала и до того момента, как пришли американские войска. Люди жили в постоянной тревоге, и для них было опасно говорить кому-либо об условиях, которые существовали в их лагерях, потому, что правила были таковы, что они могли быть убиты любым стражником СС или гестапо, если бы тот заметил, что они делают это. Для меня же, как для врача, было возможно говорить с ними; они доверяли мне и знали, что я поляк и никому их не выдам».

Подпись: «Апполинарий Готовицкий».

Вы объяснили, что некоторые из этих условий, по вашему мнению объяснялись тем фактом, что в результате бомбежек бараки для военнопленных и рабочих были разрушены?

;

Шпеер: Это правильно, но это еще не говорит о том, что подобное положение, если оно действительно существовало, было общим явлением.

Джексон: Вы считали правильным расселять насильно увезенных рабочих и военнопленных так близко к военным объектам, как были расселены эти военнопленные?

Шпеер: Военные объекты подвергались налетам, и поэтому лагеря не были расположены вблизи военных объектов.

Джексон: И вы не считали, что заводы Крупна являются подходящими объектами?

Шпеер: Лагеря находились не на заводах Крупна, а вблизи города Эссена. Вблизи самих заводов мы в принципе не создавали лагерей, поскольку мы считали, что эти заводы будут подвергаться бомбардировке, а мы не хотели, чтобы эти лагеря были разрушены.

Джексон: Вы обратили внимание на то, что одна из фотографий, представленных в качестве доказательства, показывает, что лагерь находился в непосредственной близости от заводов?

Шпеер: На этой фотографии видно, что на заднем плане находится какое-то большое предприятие, но это ничего не меняет в моих показаниях о том, что мы размещали лагеря почти исключительно за границами городов.

Джексон: Хорошо. Военное производство было вашим делом, и вы хотите сказать мне, что вы не имели никаких отчетов или докладов о положении рабочих, занятых на ваших военных предприятиях, из которых вы могли бы узнать, не слишком ли велика норма заболеваемости и асе ли в порядке в области общих условий труда?

Шпеер: То, что я слышал, имелось в центральном Бюро планирования. Само собой разумеется, что всякий, тесно связанный с делами государства, кое-что слышит о том, что происходит вокруг, и что-то узнает о неполадках в других областях.

Джексон: Хорошо. Предположим, что эти условия были вам известны в то, что они существовали. С кем вы должны были обсуждать вопрос об исправлении существующего порядка вещей? С кем из правительственных чиновников?

Шпеер: При нормальных условиях министр стал бы действовать таким образом. Это письмо он отослал бы соответствующим властям, которые были ответственны за эти вопросы. Далее я должен сказать, что касается меня лично, что если я слышал о подобных неполадках, то я старался устранить их и связывался непосредственно с ответственной инстанцией. Это был или «германский трудовой фронт», при котором я имел человека для связи, или это дело передавалось через мое управление по использованию рабочей силы Заукелю.

Джексон: Таким образом, вы считаете, что Крупп не отвечал за существование таких условий?

Шпеер: У Крупна, при его посещении речь, конечно, шла об общем положении рабочих после воздушных бомбардировок, так как это была большая забота для нас, как раз для фирмы Крупна, это я знаю хорошо. Но у Крупна я не помню, чтобы мне было сказано, что иностранные рабочие или военнопленные находятся в особенно плохом положении. Они все были в тяжелом положении.

Джексон: Вы заявили некоторое время назад, что вы как министр правительства несли некоторую ответственность за существование этих

условий. Я хотел бы, чтобы вы объяснили, о какой ответственности, которую вы взяли на себя как член правительства, вы говорили?

Шпеер: По-моему, в государственной жизни существует два рода ответственности: первый род ответственности — это ответственность за свой собственный сектор, за него, конечно, несешь полную ответственность. Кроме того, я лично придерживаюсь того мнения, что в отношении решающих вопросов существует общая ответственность и должна существовать, поскольку ты являешься одним из руководящих лиц, ибо кто же еще должен нести ответственность за ход событий, если не ближайшие сотрудники главы государства. Но эта общая ответственность может быть только в принципиальных вопросах. Такая ответственность не может распространяться на отдельные случаи, которые имеют место в других министерствах или других ответственных ведомствах.

Джесксон: Как я понимаю, вы хотите сказать, что вы как член правительства и руководитель в тот период признаете свою ответственность за общую политику правительства, но не за отдельные ее детали, имевшие место в процессе ее осуществления? Я правильно изложил вашу точку зрения?

Шпеер: Да.

*Рагинский*¹: Вы помните свои показания на предварительном допросе 14 ноября 1945 г.?

Я вам их напомню и прошу сказать, правильно ли был записан ваш ответ.

На вопрос: «Признаете ли вы, что в своей книге «Майн кампф» Гитлер ясно высказал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока и, в частности, в отношении Советского Союза». Вы ответили: «Да, я признаю это». Вы помните, что так показывали?

Шпеер: Очень может быть.

Рагинский: Вы были сотрудником штаба Гесса?

Шпеер: Да.

Рагинский: Вы сотрудничали с Леем?

Шпеер: Да, в трудовом фронте.

Рагинский: Вы являлись одним из руководителей «центрального планирования». В ваши задачи входило изыскание новых источников сырья?

Шпеер: Нет.

Рагинский: В приказе от 22 апреля 1942 г. за подписью Геринга говорится: «Для обеспечения приказаний фюрера о развертывании вооружения и требований войны, так же как и для согласованного снабжения сырьем и повышения хозяйственных возможностей, приказываю организовать «центральное планирование». Далее, перечисляется, кто входит в «центральное планирование», а пункт 3 этого приказа Геринга перечисляет задачи «центрального планирования». Я оглашаю этот пункт 3:

«Центральное планирование» охватывает общее хозяйство и имеет следующие задачи:

Пункт «С» — распределение наличного сырья, особенно железа » металлов между потребителями;

пункт «В» — изыскание новых и использование имеющихся уже источников сырья».

Это написано в документе?

¹ Помощник Главного обвинителя от СССР. — Составители.

Шпеер: Да, но тут имеется некоторое различие. Мне было переведено «источник сырья». Под источниками сырья я понимаю залежи руды, например, или залежи угля. То, что здесь в этом параграфе имеется в виду, это организация новых центров по добыче сырья. То есть, здесь имеется в виду строительство заводов по производству стали, например, или заводов по производству алюминия.

Рагинский: Вы говорили неоднократно, отвечая на вопросы защитника, что пост министра вооружения вы приняли без особого желания, что у вас были большие колебания и что вообще вы не хотели этим заниматься. Вы и сейчас это утверждаете?

Шпеер: Да.

Рагинский: Я вам напомню, что вы говорили представителям промышленности Рейнско-Вестфальской области. Я процитирую один абзац из вашего выступления. Вы говорили тогда: «Весной 1942 года я, колеблясь, принял требования, поставленные фюрером как программу, которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять». Говорили вы это?

Шпеер: Да. Требования, которые здесь имеются в виду, являются требованиями по увеличению производства вооружения для сухопутных сил. Я говорил о них. Кроме того, само собой разумеется, что я тогда немедленно принял назначение на пост министра вооружения без всяких колебаний. Этого я никогда не оспаривал. Я лишь сказал, что я охотнее был бы архитектором, чем министром вооружения, и это, очевидно, было превратно понято.

Рагинский: А теперь посмотрим, что вы говорили в своей речи гаулейтерам в Мюнхене.

«Я,—говорили вы,—бросил всю эту деятельность (архитектора), чтобы беззаветно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас».

Разве это то же самое, что вы сейчас говорите?

Шпеер: Да.

Рагинский: Отвечая на вопросы защитника, вы говорили о принципах и задачах вашего министерства. Вот в этой связи я хочу поставить вам несколько вопросов. Вы помните содержание вашей статьи под названием «Увеличение производительности», опубликованной в «Дас рейх» 19 апреля 1942 г.? Вам передадут сейчас копию. Я вам напомню вкратце, что вы писали о принципах вашего министерства.

«Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки; карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна».

Вы так писали?

Шпеер: Да.

Рагинский: Вы утверждали, что в ваши обязанности как министра входило только производство. Так я вас понял?

Шпеер: Да. Вооружение и военное производство.

Рагинский: А снабжение промышленности сырьем не входило в ваши обязанности?

Шпеер: Нет, это стало моей задачей с сентября 1943 года после того, как я стал руководить производством. Тогда я регулировал весь процесс от сырья до готового продукта.

Рагинский: В журнале «Германия в борьбе» за 1943 год, в ноябрьском номере говорится: «На основании указа фюрера от 2 сентября 1943 г. о концентрации военной экономики и указа рейхсмаршала великой Германской империи и уполномоченного по четырехлетнему плану от 4 сентября 1943 г. о централизованном планировании,—имперский министр Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности руководит теперь всем военным производством. Он один является уполномоченным и ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности». Это правильно?

Шпеер: Это сказано несколько по-дилетантски, так как понятие «промышленное военное хозяйство» не совсем совпадает с понятием «вооружение и военная промышленность». Очевидно, это написано не специалистом, но в основном все это соответствует тому, что я сказал. Я сказал, что военная промышленность охватывает все производство.

Рагинский: Но вы отвечали после сентября 1943 года не только за военную промышленность, но и за военную экономику, а это разные вещи.

Шпеер: Нет. Здесь написано ...в отношении военной экономики сказано «промышленное военное хозяйство»... «Промышленное военное хозяйство» значит примерно то же самое, что военная продукция. Это военное хозяйство в ремесле и промышленности. Здесь нужно провести некоторые ограничения, и если ранее было сказано «вся продукция военного хозяйства», то здесь, очевидно, по мысли автора, имеется в виду продукция.

Рагинский: Вы признаете, что принимали участие в экономическом разграблении оккупированных территорий?

Шпеер: Я, безусловно, принимал участие в экономическом использовании оккупированных территорий.

Рагинский: Для ликвидации дефицита в стратегическом сырье вы вывозили цветные металлы из Бельгии, Франции и других оккупированных стран?

Шпеер: Да, само собой разумеется. Я не сам их вывозил, но я, без сомнения, в этом участвовал в какой-то форме. Я не отвечал за это, однако я, без сомнения, способствовал тому, чтобы мы получили оттуда как можно больше материалов.

Рагинский: Вы помните приказ Гитлера от 2 сентября о «концентрации военного хозяйства»? Я оглашу из этого приказа несколько параграфов.

«Принимая во внимание требование войны о более строгом учете и однородном использовании рабочей силы в продолжение войны, приказываю: § 2. Полномочия рейхсминистра хозяйства в области сырья и продукции, индустрии и ремесел распространяются на рейхсминистра по вооружению и боеприпасам. Рейхсминистр по вооружению и боеприпасам, ввиду его увеличенного круга заданий, называется рейхсминистром по вооружению и военной промышленности».

Вы ознакомились с этим приказом?

Шпеер: Да, я знаю его.

Рагинский: Я прошу очень кратко и очень сжато сказать, в связи с этим приказом, как были разграничены функции между вами и Функом?

Шпеер: Я руководил всем производством, начиная от сырья до готового продукта, а Функ ведал всеми общими экономическими вопросами

вообще, это главным образом вопросы денежного обращения, вопросы акционерного права и торговли и тому подобные вопросы.

Рагинский: В связи с этим приказом вы получили полномочия по регулированию товарооборота?

Шпеер: Я не знаю, что вы здесь имеете в виду?

Рагинский. Вам покажут документ от 6 сентября 1943 г., подписанный вами и Функом. Я зачитаю первый пункт первого параграфа. «Поскольку в законодательных предписаниях полномочия рейхсминистра хозяйства распространяются и на регулирование товарооборота, эти полномочия на время войны передаются рейхсминистру по вооружению и военной промышленности».

Таким образом, ваша роль в военных усилиях Германии как руководителя военной промышленности Германии была значительно шире, чем это вы представляли здесь, на суде, не так ли?

Шпеер: ...Я сказал, что министр вооружения во время войны является вообще самым важным министром в империи и что все должны были работать только для него. Мне кажется, что более полного описания своих задач я дать не мог. Вопрос товарооборота имеет второстепенное значение.

Рагинский. Скажите, как осуществлялась связь между вашим министерством и «германским трудовым фронтом»?

Шпеер: Я имел офицера для связи между «германским трудовым фронтом» и мной, точно так же как и со всеми другими важными учреждениями империи.

Рагинский: А вы не назовете фамилии этого офицера?

Шпеер: Это — Хупфауер, который позже стал у меня начальником центрального управления.

Рагинский: Вы заявили, что в число военных предприятий не должны включаться такие отрасли промышленности как текстильная, переработка алюминия, леса и т. д. Я вас правильно понял?

Шпеер: ...Я в своих показаниях не говорил о военном хозяйстве, а о понятии «вооружение», и я сказал, что в это понятие «вооружение» включаются и текстильные предприятия, и дерево, и кожеобрабатывающая промышленность. Но вооружение и военное хозяйство — два совершенно различных понятия.

Рагинский: А текстильную промышленность вы полностью исключаете из понятия «вооружение»?

Шпеер: Я сказал, что различные текстильные предприятия были включены в промышленность вооружения, хотя они на самом деле и не производили предметов вооружения в узком смысле этого слова.

Рагинский: А разве текстильная промышленность не выпускала парашютов и снаряжения для военно-воздушного флота?

Шпеер: Да, но в Женевской конвенции о военнопленных указывается, что это не запрещено производить силами военнопленных.

Рагинский: Вы хотите нас заверить, что порох можно производить без целлюлозы, и поэтому суживаете понятие промышленности вооружения и военного производства?

Шпеер: Нет. Я хотел по возможности расширить понятие «промышленность вооружения», чтобы иметь возможность доказать, что это современное понятие «промышленность вооружения» представляет собой нечто

совершенное иное, чем промышленность, которая производит предметы вооружения в смысле Женевской конвенции.

Рагинский: Вы говорили о своих возражениях против использования иностранных рабочих. О мотивах этих возражений указывает в своих показаниях Шмельтер. Это начальник отдела труда вашего министерства. Его показания представлены вашим защитником. Я зачитаю один абзац, а вы скажете, правильно ли говорит об этом Шмельтер. «Он (Шпеер) неоднократно указывал на то, что использование иностранных рабочих создаст большие трудности для империи по обеспечению их продуктами питания...»

Таковы были мотивы ваших возражений?

Шпеер: Смысл совершенно правилен. Речь шла о следующей проблеме:

Если мы направляли в Германию новую рабочую силу, то для этой рабочей силы, во-первых, необходимо было иметь основное количество калорий, которое нужно для пропитания человека. Это основное количество калорий так или иначе должны были получать немецкие рабочие, еще находившиеся в Германии. Вследствие этого продукты питания экономились. Если бы у меня в Германии работали немецкие рабочие и затем, если бы я мог дать дополнительное количество калорий, которое необходимо для сверхурочных и тяжелых работ, то я мог бы увеличить питание.

Таков был смысл этих соображений Шмельтера.

Рагинский: Ваш заместитель Шибер на поставленный ему вопрос: было ли известно Шпееру, что требуемые от Заукеля рабочие привезены из оккупированных областей, — ответил: «Да. Это был очень спорный вопрос. Мы всегда говорили, что Заукель будет доставлять лишь партизан, если он будет применять принудительные методы к рабочим, не желавшим выезжать в Германию».

Таким образом, вы не только знали о том, что на ваших заводах работают угнанные в рабство, но и о методах, которые Заукель применял. Вы подтверждаете это?

Шпеер: Я знал, что рабочие попадали в Германию частично против их воли. Я об этом уже говорил. Я также уже показал, что я считал последствия этой насильственной вербовки рабочих роковыми для промышленности в оккупированных областях.

Рагинский: Скажите, разве вы не настаивали перед Заукелем на предоставлении вам рабочих, которых он должен насильственно набирать в оккупированных странах, сверх тех требований и заявок, которые вы сделали? Я вам напомню ваше письмо к Заукелю, это ускорит процесс допроса. 6 января 1944 г. вы писали Заукелю:

«Дорогой Заукель! Прошу вас, соответственно вашему обещанию фюреру, прислать мне рабочую силу для того, чтобы я мог выполнить порученное мне фюрером задание в назначенный срок. Кроме того, имеется потребность в немедленной присылке 70 тысяч рабочих для организации Тодта согласно установленным по приказу фюрера срокам работы на Атлантическом вале».

Вы подтверждаете это? Вы писали такое письмо Заукелю?

Шпеер: Да. 4 января 1944 г. имело место совещание у Гитлера, на котором Гитлер дал приказ вывезти из Франции в Германию миллион рабочих. В тот же день я сообщил генералу Штудту — моему уполномо-

ченному во Франции, что потребность в рабочей силе для особых предприятий следует удовлетворить в первую очередь до посылки рабочих в Германию. Этим письмом, которое у вас в руках, я через два дня сообщил Заукелю, что моя потребность во Франции составляет 800 тысяч рабочих для французских предприятий, что, кроме того, на Атлантическом вале также не достает рабочих и что поэтому следует в первую очередь получить этих рабочих до того, как один миллион рабочих будет направлен в Германию.

Я уже заявил, что в результате акция, о которой ранее был дан приказ Гитлера, была приостановлена и что моей целью было ясно показать военному командующему, который также получил это письмо, что в первую очередь рабочих следует использовать в самой Франции.

Рагинский: Подсудимый Шпеер, вам было известно, что на подведомственных вам военных заводах принудительно оставались рабочие, бывшие заключенные, которые уже отбыли срок своего наказания. Было это вам известно или нет?

Шпеер: Во время моей службы—это не было мне известно.—Я знаю, что вы имеете в виду письмо Шибера от 4 мая 1944 г., которое включено в книгу документов. Однако все эти подробности я никак не мог вспомнить.

Рагинский: Вы не можете вспомнить? Но Шибер 7 мая 1944 г. в специальном письме, адресованном вам лично, об этом писал, и вы не могли не знать это. А то обстоятельство, что этот документ включен в вашу книгу документов, никак положения не меняет.

Шпеер: На основании этого письма я затем написал также Гимmlеру как раз по вопросу о рабочих, которые отбыли свой срок заключения. Из этого письма вытекает, что я просил Гимmlера о том, чтобы эти рабочие, после того как они отбудут свое наказание, оставались на свободе, в то время как Гимmlер выступал за то, чтобы эти рабочие вообще оставались и; дальше в заключении.

Рагинский: Вы помните письмо ОКБ от 8 июля 1943 г. по вопросу о рабочей силе для горной промышленности?

Шпеер: Нет.

Рагинский: Я вам напoмню. Этот документ был представлен Трибуналу как доказательство под номером США-455 и неоднократно здесь цитировался, поэтому я полагаю, что можно не зачитывать все письмо, а только основные положения. В этом письме указывается на распоряжение Гитлера передать 300 тысяч русских военнопленных в угольную промышленность. Помните вы о таком факте?

Шпеер: Я охотно бы взглянул на этот документ.

Рагинский: Вам дадут посмотреть этот документ. В пункте втором этого документа указывается: «Все военнопленные, взятые на Востоке после 5 июля 1943 г., должны быть переданы лагерям ОКВ и оттуда непосредственно или в порядке обмена через других потребителей рабочей силы — генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в угольной промышленности».

Далее в пункте 4 этого документа указывается, что «мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, взятые в борьбе с партизанами в зоне военных действий, в армейском тылу, являются военнопленными и также передаются в лагерь военнопленных».

Это письмо было послано также и вам, и, следовательно, вы знали, какими нечеловеческими методами вы получали рабочих для угольной промышленности. Это вы признаете?

Шпеер: Нет, я этого не признаю.

Рагинский: Я вас спрашивал, какими методами получали военнопленных для угольной промышленности? Вы уклонились от ответа. Перейдем к следующему документу:

4 января 1944 г. вы участвовали в совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос об использовании рабочей силы на 1944 год. Вы тогда заявили, что вам потребуется дополнительно 1 300 000 рабочих. На этом совещании было принято решение, что Заукель в 1944 году поставит не менее четырех миллионов рабочих из оккупированных областей и что в доставке этих рабочих Заукелем будет принимать участие Гиммлер. В протоколе этого совещания, подписанном Ламмерсом, указано, что все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы признаете, что как участник этого совещания и как рейхсминистр вы несете ответственность за принудительный угон в Германию миллионов людей?

Шпеер: Однако эта программа не была осуществлена. Я предполагаю, что суд решит, насколько велика моя ответственность. Я сам не могу этого установить здесь.

Рагинский: Я прочитаю вам выдержку из документа, представленного Трибуналу под номером США-184. В этом документе указывается на решение Заукеля провести освидетельствование и мобилизацию двух возрастов— 1926 и 1927 гг.—во всех вновь оккупированных восточных областях. В этом документе говорится также: «Господин имперский министр вооружения и боеприпасов дал на этот приказ свое согласие». Этот документ заканчивается следующей фразой: «Освидетельствование и мобилизация должны начаться и проводиться ускоренными темпами со всей энергией и применением всех подходящих мер». Вы припоминаете такой приказ?

Шпеер: Я здесь читал этот документ. Это правильно.

Рагинский: Вы очень много говорили здесь о том, что вы противились разрушению промышленных предприятий западных областей перед отступлением немецких войск, но разве вы не руководствовались при этом исключительно тем, что рассчитывали в ближайшее время снова занять эти области и таким образом сохранить за собой эти предприятия?

Шпеер: Нет, причина заключалась не в этом. Я это выбрал в качестве предлога для того, чтобы воспрепятствовать этому разрушению. Если вы прочитаете, например, мой меморандум о положении с горючим, то из него ясно вытекает, что я не придерживался этого мнения, что можно говорить о реокупации, и мне, кажется, что любой военный руководитель не считал, что в 1944 году можно было говорить о реокупации Франции, Голландии или Бельгии. То же самое относилось, конечно, и к восточным областям.

Рагинский: Я думаю, что будет лучше, если мы обратимся к документу. Вы писали в телеграмме, которую вы заготовили для гаулейтеров Бюркеля, Вагнера и других— (я читаю на странице 56, т. 1 вашей книги, документов) — «Фюрер указал, что в скором времени будут возвращены утраченные области, так как для дальнейшего ведения войны западные

области в отношении вооружения и военной продукции имеют большое значение». Разве это то, что вы здесь говорите? Ведь вы писали совсем о другом.

Скажите, почему вы телеграмму по поводу разрушения промышленных предприятий направили гаулейтерам?

Шпеер: Эта телеграмма была направлена не только гаулейтерам. Она была направлена моим уполномоченным и гаулейтерам. Гаулейтеров надо было информировать, потому что они при некоторых обстоятельствах сами могли отдать приказ о разрушениях, а так как гаулейтеры не подчинялись мне, я должен был составить проект этой телеграммы и отправить ее Борману, которому подчинялись гаулейтеры, с тем, чтобы она от Бормана была направлена гаулейтерам.

Рагинский: Вы говорили, что сторонниками политики Гитлера «выжженной земли» были Геббельс и Лей. Разве из сидящих здесь на скамье подсудимых никто не поддерживал в этом вопросе Гитлера?

Шпеер: Насколько я вспоминаю, никто из тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, не выступал за политику «выжженной земли».

Рагинский: За эту политику были только те, кто теперь мертв?

Шпеер: Да, и поэтому они, очевидно, и покончили жизнь самоубийством, потому что они были за эту политику и делали еще кое-что.

Рагинский: Ваш защитник предъявил Трибуналу несколько писем, адресованных на имя Гитлера и датированных мартом 1945 года. Скажите, после этих писем вы не потеряли доверия к Гитлеру?

Шпеер: Я вчера уже говорил о том, что после этого имели место очень резкие разногласия между нами, и Гитлер хотел, чтобы я ушел в отпуск. Это практически означало бы мой уход в отставку. Но я этого не хотел.

Рагинский: Это я слышал, но ведь именно вас Гитлер 30 марта 1945 г. назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению промышленных объектов?

Шпеер: Да. Дело обстояло так, что я отвечал за разрушение или неразрушение промышленности в Германии до 19 марта 1945 г. Тогда Гитлер указом (который также был представлен) лишил меня полномочий самому проводить эти разрушения, а указом Гитлера от 30 марта 1945 г., проект которого составил я, я снова получил право проводить эти разрушения.

Рагинский: Вы 15 апреля в Гамбургской радиостудии записали свою речь на случай падения Берлина. В этой заготовленной речи, текст которой так и не был опубликован, вы высказались за прекращение деятельности «Вервольфа». Скажите, кто руководил организацией «Вервольф»?

Шпеер: Организацией «Вервольф» руководил рейхслейтер Борман.

Рагинский: А кроме Бормана?

Шпеер: Никто, только Борман. Насколько я знаю, это был только Борман. Я не могу точно сказать, однако «Вервольф» был организацией, которая подчинялась Борману.

Рагинский: Это понятно. Если бы Борман был на скамье подсудимых, то тогда оказалось бы, что этой организацией руководил Гиммлер. Другого ответа я от вас и не ожидал. У меня нет больше вопросов.

(Документ Д-288)

Эссен, 15 октября 1945 г.

Я, д-р Вильгельм Егер, заявляю под присягой следующее:

Моя фамилия Егер Вильгельм, практикующий врач в Эссене (Германия) и окрестностях. Я родился 2 декабря 1888 г. в Германии и проживаю в настоящее время в Кетвич, Засгенхольц 6, Германия.

Я добровольно и без всякого принуждения делаю нижеследующее заявление. Мне за это не обещано никакого вознаграждения.

1 октября 1942 г. я стал старшим лагерным врачом в рабочих лагерях для иностранцев у Крупна и ведал санитарным наблюдением за всеми рабочими лагерями Крупна в Эссене. Одной из моих задач было докладывать своему начальнику на заводах Крупна о физическом и санитарном состоянии в лагерях. Занимаясь своей работой, я посетил все крупновские лагеря для иностранных гражданских рабочих и, основываясь на своих личных знаниях, могу дать следующие показания:

Свою работу я начал с полного инспектирования лагерей. В это время, в октябре 1942 года, я застал следующее положение: восточные рабочие и поляки — в дальнейшем я буду употреблять выражение «восточные рабочие» как для восточных рабочих, так и поляков, — работавшие на заводах Крупна в Эссене, были размещены в следующих лагерях: Зойманнштрассе, Гриперштрассе, Шпенглерштрассе, Германияштрассе, Капитан-Леманнштрассе, Лехеншуле и Кремерплатц.

Все лагеря были обнесены колючей проволокой и строго охранялись. Условия во всех лагерях были крайне плохими. Лагеря были переполнены. В некоторых лагерях размещалось вдвое больше людей, чем это позволяли санитарные условия. Содержавшиеся в лагере Кремерплатц располагались в кроватях в три яруса. В других лагерях были двухъярусные кровати. Инструкции управления здравоохранения требовали минимального расстояния между кроватями 50 см. Однако в этих лагерях интервал между кроватями составлял самое большое 20—30 см.

Пища для восточных рабочих была совершенно недостаточной. Восточные рабочие получали 1000 калорий в день, менее чем минимум для немцев. В то время как немецкие рабочие, занятые на тяжелых работах, получали 5000 калорий в день, восточным рабочим, выполнявшим те же самые работы, выдавалось в день только 2000 калорий. Восточные рабочие получали пищу лишь два раза в день и свою порцию хлеба. В том числе один раз им выдавался лишь жидкий водянистый суп. Я не уверен, получали ли восточные рабочие в действительности предназначенный им минимум. Позже, в 1943 году, когда я проверял пищу, которая готовилась на кухнях, оказалось, что в ряде случаев продукты восточным рабочим полностью не выдавались.

План снабжения предусматривал небольшое количество мяса в неделю. Вместо него разрешалось употреблять только неполноценное мясо, которое состояло или из туберкулезного лошадиного или же забракованного ветеринаром мяса. Обычно это мясо варилось в супе.

Одежда восточных рабочих была совершенно недостаточной. Они спали и работали в том самом платье, в котором прибыли с Востока.

Почти все они не имели пальто и поэтому были вынуждены в холодную дождливую погоду в качестве пальто использовать одеяла.

Недостаток обуви заставлял многих рабочих идти босиком на работу даже и в зимнее время. Было доставлено некоторое количество деревянных ботинок, однако ботинки эти были устроены таким образом, что у их владельцев болели ноги. Многие рабочие предпочитали лучше идти босиком на работу, чем переносить боли, которые вызывались ношением деревянных ботинок. Кроме этих деревянных ботинок, до конца 1943 года рабочие не получали никакой одежды. Впоследствии некоторые из них получили синие рабочие костюмы. Насколько мне известно, выданные однажды синие костюмы были единственной одеждой, которую они получили со дня их прибытия до вступления американских войск в Эссен.

Санитарные условия были особенно плохими. На Кремерплатц, где в комнаты старой школы было согнано примерно 1200 восточных рабочих, санитарные условия были просто невозможными. На 1200 человек было всего десять детских клозетов. В Лехеншуле было пятнадцать детских клозетов на 400—500 восточных рабочих, которые там были размещены. Экскременты заражали пол этих уборных. Возможность мытья

•была также очень ограничена.

Снабжение медицинскими инструментами, бинтами, лекарствами и другими медикаментами первой необходимости было совершенно недостаточным в этих лагерях. Поэтому можно было лечить только самые тяжелые болезни. Число заболевших восточных рабочих вдвое превышало число больных немецких рабочих. Особенно широко был распространен туберкулез. В процентном отношении среди восточных рабочих было в четыре раза больше случаев заболевания туберкулезом, чем среди немцев.

В Лехеншуле примерно 2,5 процента восточных рабочих имели открытый туберкулез. Татары и киргизы больше всего страдали от этой болезни. Когда они заражались ею, то падали как мухи. Причиной этому

•были плохие условия содержания, плохое качество и недостаточное количество пищи, переутомление и недостаточный отдых.

Сыпной тиф также был распространен среди этих рабочих. Вши, разносчики этой болезни, бесчисленное количество блох, клопов и других паразитов мучили содержащихся в этих лагерях. В результате грязных условий содержания в этих лагерях почти все восточные рабочие страдали кожными болезнями. Недостаток питания вызывал сердечные болезни, воспаление почек.

В случае болезни рабочие до тех пор должны были ходить на работу, пока они не получали подтверждения лагерного врача о нетрудоспособности.

В лагерях Зойманнштрассе, Гриперштрассе, Германиштрассе, Капитан-Леманнштрассе и Лехеншуле не было ежедневного врачебного приема. Эти лагеря посещались соответствующими лечащими врачами лишь каждый второй или третий день. Вследствие этого рабочие, несмотря на свою болезнь, должны были ходить на работу до появления врача...

С началом больших воздушных налетов в марте 1943 года условия содержания в лагерях все более ухудшались. Проблема размещения, питания и медицинского обслуживания стала более актуальной, чем когда-либо раньше. Рабочие жили в развалинах своих бывших барачков.

Использованные, потерянные или уничтоженные медикаменты и бинты было трудно возместить. Случалось, что снабжение водой лагерей прерывалось полностью на срок от восьми до четырнадцати дней. Тогда мы устроили в лагерях несколько временных уборных, однако их было слишком мало, чтобы изменить плохие условия.

После воздушных налетов в марте 1943 года много восточных рабочих мы поместили прямо на заводах Крупна. Один угол заводского здания, в котором они работали, был отделен досками. Рабочие дневной смены спали там ночью, а рабочие ночной смены—днем, несмотря на большой шум, который постоянно стоял в заводских помещениях. Я думаю, что такое положение продолжалось до прихода американских частей в Эссен.

Чем больше налетов совершалось на Эссен, тем хуже становились условия. 28 июля 1944 г. я сообщил своему начальству:

Больничный барак Рабенхорст находится до того в плохом состоянии, что не может быть вообще речи о каком-то больничном барাকে. Дождь проникает везде и всюду. Размещение больных поэтому не представляется возможным. Это пагубно отражается на использовании рабочих, так как больных невозможно вылечить.

В конце 1943 или начале 1944 года — точную дату теперь не помню — я получил разрешение посетить лагеря для военнопленных. Мое инспектирование показало, что условия содержания в этих лагерях были еще хуже, чем те, которые я застал в лагерях для восточных рабочих в 1942 году. Медицинские предметы первой необходимости почти отсутствовали. Я пытался изменить эти невозможные условия, связавшись с соответствующими военными органами, обязанностью которых являлось медицинское обслуживание военнопленных. Мои неоднократные усилия были безуспешными. После того как в течение двух недель я постоянно являлся в военные органы, я получил в общей сложности сто таблеток аспирина, более чем для 3000 военнопленных.

Лагерь для французских военнопленных на Ноггератштрассе был разрушен во время воздушного налета, и военнопленных разместили почти на полгода в собачьих конурах, писуарах и старых печах-духовках. Собачьи конуры имели 1 м высоты, 3 м длины и 2 м ширины. В каждой из конур спало пять человек. Военнопленные должны были вползать в эти собачьи конуры на четвереньках. Столов, стульев и шкафов в этом лагере не имелось. Не хватало также одеял. Воды не было во всем лагере. Имевшие место врачебные осмотры должны были проводиться под открытым небом. Об этих условиях многое было сообщено в отчете д-ра Штиннесбека от 12 июня 1944 г., где он говорит:

«...В лагере содержатся еще 315 пленных. Из них 170 живут не в бараках, а в шлюзообразном сооружении на железнодорожном участке Эссен—Мюльгейм в направлении Груннерштрассе. Это шлюзообразное сооружение сырое и не приспособлено для продолжительного пребывания там людей. Остальные военнопленные размещены на десяти предприятиях — крупновских заводах. Врачебное обслуживание их осуществляет французский военный врач, который много хлопочет об обеспечении своих земляков. К несению санитарной службы привлекаются также и больные с заводов Крупна. Эта служба выполняется вне лагеря, в нужнике сгоревшего хозяйства. В бывших писуарах помещаются постели четырех французских санитаров. В распоряжении больных имеются две распо-

женные друг над другом деревянные кровати. Лечение производится в основном под открытым небом. В дождливую погоду врачебные приемы проводятся в вышеназванном тесном помещении.

Такое положение недопустимо. Нет столов, стульев, шкафа, воды. Не представляется возможным вести больничную книгу. Снабжение лечебным и перевязочным материалом крайне недостаточно, хотя для оказания первой помощи доставляются часто с завода тяжело раненные, которым здесь должна быть сделана перевязка, прежде чем их можно будет направить на стационарное лечение. Все чаще поступают также жалобы на питание, справедливость которых подтверждается охраной. При таких условиях надо рассчитывать на распространение болезней и потерю рабочей силы...»

В отчете от 2 сентября 1944 г. я писал своему начальству у Крупна:

«...Лагерь для военнопленных на Ноггератштрассе находится в ужасном состоянии. Люди живут в хранилищах для золы, собачьих конурах, старых печах-духовках и самодельных хижинах. Продовольствия едва только хватает. За размещение и снабжение несет ответственность Крупп. Снабжение медикаментами и перевязочным материалом было настолько плохим, что во многих случаях нельзя было вообще производить лечение...»

В лагерях Хумбодштрассе жили интернированные итальянцы. Когда лагерь во время воздушного налета был разрушен, итальянцы убили, и на их место были вселены 600 евреек из концентрационного лагеря Бухенвальд для работы на заводах Круппа. Во время моего первого посещения этого лагеря я установил лиц, которые имели гноящиеся открытые раны и другие болезни. Я был первым врачом, которого они видели" за четырнадцать дней. Лагерного врача там не имелось. Даже отсутствовали лечебные и перевязочные средства. Женщины не имели ботинок и ходили босиком. Их единственным платьем являлся мешок, в котором были прорезаны дыры для рук в головы. Их волосы были сострижены. Лагерь был обнесен колючей проволокой и строго охранялся служащими СС. Питание в этом лагере было крайне скудным и особенно плохим. Жильем им служили руины бывших бараков, которые не предоставляли им защиты от дождя и других атмосферных условий. Я сообщил своему начальству в одном докладе, что охрана СС находилась и спала вне жилых помещений, так как никто не осмеливался войти в лагерь без того, чтобы не быть подвергнутым нападению 10, 20 или 50 блох. Один назначенный мною лагерный врач отказался снова идти в лагерь после того, как он был совершенно искусан. Я сам и сопровождавший меня. господин Гроне после двухкратного посещения покинули лагерь сильно искусанными и с большим трудом смогли избавиться от блох и паразитов. Когда я оставил лагерь, мои руки и все тело были покрыты шишками. Я потребовал у своего начальства при Круппе предпринять необходимые шаги для того, чтобы произвести дезинфекцию лагеря и тем самым положить конец этим невыносимым условиям в отношении паразитов. Несмотря на эти отчеты, во время второго посещения лагеря, четырнадцать дней спустя, я не нашел улучшения санитарных условий.

Когда иностранные рабочие были настолько больны, что не могли' работать, или были неспособны к производству дальнейших работ, их передавали на биржу труда в Эссен, а оттуда направляли в лагерь-Фридрихсфельд. Среди лиц, которые передавались в распоряжение биржи

труда, находились тяжело больные туберкулезом, неврозом, малярией, раком, старческой слабостью и общей слабостью. Я сам не знал условий в лагере Фридрихсфельд, так как никогда там не был. Мне известно только, что лагерь этот был местом, куда направлялись рабочие, которые Круппу больше не нужны.

Мои коллеги и я сообщили об упомянутых выше фактах г-ну Ину, директору фирмы Крупна А. Г., д-ру Виле, домашнему врачу д-ра Густава Крупна фон Болен, старшему начальнику лагеря Купке и несколько раз з управление здравоохранения Эссен.

Кроме того, я знаю, что эти господа также и сами осматривали лагери¹.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЗАУКЕЛЯ

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 28 и 31 мая 1946 г.]

*Обвинитель*²: Я хочу подвести некоторые общие итоги вашей преступной деятельности в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Скажите, какое количество иностранной рабочей силы было занято в германском хозяйстве и промышленности к концу войны?

Заукель: К концу войны, если я могу говорить об этом без документов, в Германии использовалось 5 миллионов иностранных рабочих, не считая военнопленных.

Обвинитель: Вы эту цифру уже называли своему защитнику во время допроса. Мне кажется, что вы называете цифру не к моменту капитуляции Германии, а по состоянию на 24 июля 1942 г. Я приведу несколько иные данные по этому вопросу, пользуясь вашими же собственными документами. Вы были назначены генеральным уполномоченным 21 марта 1942 г. 27 июля 1942 г., то есть спустя три месяца, вы представили Гитлеру и Герингу свой первый доклад. В этом докладе вы сообщили, что за время с 1 апреля по 24 июля 1942 г. задание по мобилизации 1 600 000 человек было выполнено вами 'с превышением. Вы эту цифру подтверждаете?

Заукель: Я назвал эту цифру.

Обвинитель: В заключительной части этого доклада вы сообщаете, что общее количество вывезенного в Германию населения оккупированных территорий по состоянию на 24 июля 1942 г. составляет 5 миллионов 124 тысячи человек. Эта цифра правильна, вы ее подтверждаете?

Заукель: Да, но мне кажется, что военнопленные, занятые в экономике, также были учтены.

Обвинитель: Но факт то, что по вашим же данным количество рабочих, вывезенных с оккупированных территорий, составляло 5 миллионов 124 тысячи человек на 24 июля 1942 г. Не так ли?

Заукель: Если эта цифра записана, то это, очевидно, верно. Вполне

¹ Вильгельм Егер был допрошен 3 июня 1946 г. на заседании Международного Военного Трибунала и свои показания подтвердил.—Составители.

² Представитель обвинения от СССР Александров Г. Н. — Составители.

возможно и вероятно, что учитывались и используемые на работах военнопленные.

Обвинитель: 1 декабря 1942 г. вы составили обзор: «Использование рабочей силы по состоянию на 30 ноября 1942 г.». В этом обзоре вы называете цифру представленных германскому военному хозяйству рабочих за время с 1 апреля по 30 ноября 1942 г. в количестве 2 749 652 человека. На странице 8 вашего обзора указывается, что по состоянию на 30 ноября 1942 г. на территории империи было занято 7 миллионов человек. Вы эти цифры подтверждаете?

Заукель: Да, но я не могу подтвердить эту цифру без документов и соответствующих материалов. Я опять-таки полагаю, что сюда включены французские и вообще другие военнопленные.

Обвинитель: Но сама цифра 7 миллионов занятых в германском хозяйстве иностранных рабочих, хотя бы и включая военнопленных, правильна?

Назовите теперь цифру ввезенной в Германию рабочей силы из оккупированных территорий за 1943 год.

Заукель: Рабочие, доставленные в Германию в течение этого года, должно быть, составляют от 1,5 до 2 миллионов человек. Вообще составлялись различные программы в этой области, которые все время изменялись.

Обвинитель: Меня интересует, сколько было ввезено в Германию рабочих за 1943 год. Скажите приблизительно, не обязательно называть точную цифру.

Заукель: Я уже сказал, от 1,5 до 2 миллионов. Я не могу сказать точно.

Обвинитель: Вы помните, какое задание было получено вами на 1944 год?

Заукель: В 1944 году требовалось использовать, включая и немецких рабочих, 4 миллиона человек, но из затребованных 4 миллионов было предоставлено всего лишь 3 миллиона.

Обвинитель: Теперь вы можете назвать хотя бы некоторые общие итоги? Сколько всего было ввезено на территорию Германии во время войны, включая сюда людей, которые были заняты в сельском хозяйстве и промышленности к концу войны?

Заукель: Как мне было известно и как я припоминаю, в конце войны в Германии было 5 миллионов иностранных рабочих. Но ведь в течение войны несколько миллионов рабочих возвратилось обратно в нейтральные, союзные западные страны, и их нужно было возместить. Поэтому все время составлялись новые программы. Это следует объяснить таким образом, что рабочие, которые уже были в стране, будучи до моего назначения доставленными туда, правда, насчитывали 7 миллионов, но они возвращались к себе на родину в ходе войны.

Обвинитель: Значительное число погибло в результате изнурительного рабского труда. Я не это имею в виду сейчас. Вы в своих документах, очевидно, писали о реальной рабочей силе, а не о мертвецах и несуществующих? Можете ли вы назвать, сколько всего во время войны было ввезено в Германию из оккупированных территорий?

Заукель: Я ведь уже называл вам цифры.

Обвинитель: Пять миллионов?

Заукель: Да, пять миллионов.

Обвинитель: Вы продолжаете это утверждать?

Заукель: Я продолжаю утверждать, что, по данным моего статистического управления и насколько я помню, в Германии было 5 миллионов рабочих и несколько миллионов рабочих возвратилось на свою родину. Специалисты могут дать более точный ответ, чем я.

Председатель: Ваш вопрос заключался в том, сколько всего было ввезено людей в Германию, сколько было ввезено иностранных рабочих в течение всей войны? В этом заключался ваш вопрос?

Обвинитель: Совершенно верно, г-н председатель.

Председатель: Как же вы ответили на него, подсудимый?

Заукель: Я уже сказал, что вместе с теми контингентами рабочих, которые были уже в стране до того, как я занял этот пост, и с теми контингентами, которые имелись к концу войны, общее число рабочих составляло 7 миллионов. По моим материалам, под конец оставалось 5 миллионов, потому что другие вернулись обратно на родину.

Председатель: Да, но это не то, о чем вас спрашивали'. Вас спросили, сколько людей было ввезено в Германию из всех стран в течение всей войны. Вы сказали, что к концу войны их было 5 миллионов и что в предшествовавшие годы имели место постоянные изменения. Из этого вытекает, что в Германию должно было быть ввезено более чем 5 миллионов в течение ряда лет.

Заукель: По моим подсчетам, число их составляло 7 миллионов, однако я не могу точно указать цифру, так как мне неизвестны точные цифровые данные, существовавшие до того, как я занял этот пост. Но, определенно, миллионы людей все время возвращались на свою родину.

Обвинитель: По состоянию на 30 ноября 1942 г. вы назвали цифру ввезенной рабочей силы — 7 миллионов человек.

Заукель: Да, всех используемых рабочих в Германии, включая военнопленных в 1942 году.

Обвинитель: Хорошо, включая военнопленных, — 7 миллионов? Это правильно, по состоянию на 30 ноября?

Заукель: Да, я не могу точно этого сказать без документов, возможно, что это верно.

Обвинитель: Вы сказали, что за 1943 год было ввезено еще около двух миллионов.

Заукель: За 1943?

Обвинитель: Да.

Заукель: От полутора до двух миллионов, я уже сказал.

Обвинитель: Значит, семь миллионов и два миллиона это будет девять миллионов?

Заукель: Я ведь ясно сказал, что некоторые рабочие все время возвращались на родину и что в этот контингент я не включил военнопленных.

Обвинитель: Вы меня не понимаете. Я говорю о количестве ввезенной из оккупированных территорий рабочей силы. Для этого не имеет никакого значения, какое количество из этой рабочей силы погибло на территории Германии, какое количество убыло. От этого не меняется общее количество ввезенной на территорию Германии рабочей силы.

Таким образом, если на 30 ноября 1942 г. в Германии находилось 7 миллионов человек и, по вашим словам, в 1943 году поступило еще два миллиона, а в 1944 году, как вы здесь заявили, поступило еще

900 тысяч, то на основании ваших собственных слов общее количество ввезенной рабочей силы за время войны составляло 10 миллионов. Это правильно?

Заукель: Я могу это подтвердить только, если сошлюсь на то, что не знаю, сколько рабочих было фактически ввезено до меня. По подсчетам это верно, включая всех военнопленных, которые использовались на работах.

Обвинитель: Подсудимый Заукель, вчера я не получил от вас удовлетворительного ответа на вопрос о том, какое количество иностранной рабочей силы было ввезено в Германию из оккупированных территорий. Сейчас вам передадут документ ПС-1296. Это ваш доклад от 27 июля 1942 г. Кроме того, вам передадут документ ПС-1729. Это ваш обзор по состоянию на 30 ноября 1942 г. Я хочу разъяснить вам, что в данном случае речь идет о количестве ввезенной в Германию иностранной рабочей силы, включая военнопленных. Убыль этой рабочей силы в данном случае не имеет значения, так как от этого не изменится число доставленных в Германию людей. Они были доставлены, но затем или погибли в результате непосильного рабского труда или были возвращены как нетрудоспособные. Вы получили эти документы?

Заукель: Да. Я прошу разрешить мне просмотреть документы, речь идет о числах.

Обвинитель: Нет необходимости знакомиться с содержанием всех документов. В документе ПС-1296, на последней странице доклада, в конце вы найдете раздел 5. Он называется «Общая сводка». Вы нашли это?

Заукель: Нет, я еще не нашел этого места, нет еще. Какой документ, повторите, пожалуйста.

Обвинитель: ПС-1296. Нашли?

Заукель: Да, я нашел это место, да.

Обвинитель: Там приводится итоговая цифра—5124000 человек. Это правильно?

Председатель: Вы сказали 12 миллионов?

Обвинитель: 5 124000 человек.

Председатель: Переводчик сказал 12 миллионов.

Обвинитель: Я должен заявить, что в этом документе указана цифра 5124000 человек. В том числе 1576000 военнопленных. Эти военнопленные, однако, не причислялись к гражданским рабочим и находились в распоряжении командования сухопутных сил. Всем процессом использования их на работе ведали уполномоченные по делам военнопленных в отдельных округах. Они использовались в германской промышленности. Читайте. Название раздела 5. Читайте за мной:

«Раздел 5. Общая сводка мобилизованных в настоящее время в Германию на работу иностранных рабочих и военнопленных».

Заукель: Да, это правильно.

Обвинитель: Больше мне ничего не нужно. Теперь возьмите следующий документ.

Заукель: Я просил бы разрешения пояснить, что военнопленных не размещали по предприятиям и последние не заботились о них. Им не разрешалось также числиться и в органах германского трудового фронта, — они находились в лагерях, которые подчинялись уполномоченным по делам военнопленных при военных округах. На этом основании

они и не были включены в мою систему, ведавшую учетом гражданских рабочих.

Обвинитель: Относительно учета военнопленных в вашем аппарате будут дополнительные вопросы, а сейчас меня интересует положение^ сколько людей гражданских и военнопленных было занято в германской промышленности. Вы подтверждаете цифру 5 124 000 человек? Это правильная цифра или нет?

Заукель: Для этого периода данное число правильно. Однако для того, чтобы Высокий суд имел подлинную картину событий, я прошу дать мне возможность сослаться на один очень точный документ. Это документ 1764-ПС. Здесь снова идет речь о перечислении отдельных гражданских рабочих различных стран и военнопленных, о которых я примерно полгода спустя докладывал высшим имперским партийным инстанциям в Познани; этот список был представлен фюреру и имперским инстанциям...

Обвинитель: Я должен вас перебить.

Заукель: Я прошу дать мне возможность закончить свое заявление, я очень прошу об этом. Я должен внести полную ясность в это дело, это долг моей совести перед миром. В феврале 1943 года, то есть полгода спустя, как указано на странице 7 этого документа № 1764, опять-таки дается точное перечисление с указанием 4014 тысяч гражданских рабочих и 1 658 000 военнопленных. В итоге это количество весьма точное — 5 672 000 рабочих. То, что, несмотря на привлечение дальнейшего количества иностранных рабочих, увеличение этого количества было несущественно, можно объяснить тем, что, как я уже говорил об этом вчера, гражданские рабочие из западных, южных и юго-восточных областей в большинстве случаев имели только трудовые соглашения, которые были действительны на полгода, что и соблюдалось, по возможности, благодаря моей заботе. Так как в противном случае, если бы я не следил за выполнением условий или настаивал бы на несоблюдении, то я бы не получал новой рабочей силы. Если я в течение полугодия давал работу нескольким сотням тысяч, а затем снова отказывался от них, то этого числа больше не существовало, потому что они возвращались на родину. Поэтому в империю прибыло гораздо большее количество гражданских рабочих, чем показывала итоговая цифра за какой-либо период времени. Количество возвращавшихся рабочих нужно вычесть. Их было довольно много.

Здесь имеется французский документ, отчет посланника Геменнэ в Париже. Мой защитник будет так добр и сообщит мне потом номер этого документа. Из него явствует, что, например, по данным не моего учреждения, а посольства в Париже, в Германию прибыло около 800 тысяч французских рабочих, однако в 1944 году в Германии осталось лишь 400 тысяч человек, поскольку сроки договоров, заключенных на определенный период времени, ежедневно истекали, и тысячи рабочих ежедневно уезжали. Таким образом, в этот промежуток времени одна половина договоров все время посменно оканчивалась, другая половина — заключалась заново. Это самое краткое и правдивое изложение вопроса, которое я только мог сделать.

Обвинитель: По поводу того, что представляли собой «трудовые» договоры, так называемые «трудовые» договоры, я буду говорить с вами" позже. Мой французский коллега во время вашего допроса достаточно

показал преступные методы, при помощи которых осуществлялась мобилизация рабочих на Западе. О том, как это делалось на Востоке, я покажу вам несколько позже. Сейчас я хочу, чтобы вы подтвердили цифру вашего доклада — 5 124 000 тысяч человек, это правильная или неправильная цифра, без излишних объяснений? От вас требуется только сказать — правильная эта цифра или нет.

Заукель: Она правильна для того периода, о котором идет речь, но она постоянно изменялась по указанным мною причинам.

Обвинитель: Эта цифра от 24 июля 1942 г., 'это ясно всем. Теперь возьмите второй документ, 1739-ПС. Последняя страница документа 1739-ПС. Там есть такая фраза: «Только тогда можно быть уверенным, что громадное число иностранных рабочих и работниц на территории империи, которое достигло 7 миллионов, включая всех работающих военнопленных, принесет наивысшую пользу германскому военному хозяйству». Такая фраза там есть? Указывается там цифра 7 миллионов?

Заукель: Здесь указывается число 7 миллионов; сюда включены и те военнопленные, которые использовались на работах; в тот период на работах было использовано...

Обвинитель: Это мне известно, это здесь написано. Я спрашиваю, цифра 7 миллионов фигурирует в этом докладе или нет?

Заукель: Да, конечно, она указана в этом документе.

Обвинитель: Это правильная цифра?

Заукель: Это правильная цифра.

Обвинитель: Подсудимый Заукель, в июне 1944 года у Гитлера происходило совещание по вопросу о том, как поступить с иностранными рабочими в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск. Вам известно что-нибудь об этом совещании?

Заукель: Разрешите мне просить вас еще раз повторить дату.

Обвинитель: Я спрашиваю о совещании, которое происходило у Гитлера в июле 1944 года. Вы знаете что-нибудь об этом совещании или нет?

Заукель: Я не помню точно. Я прошу предъявить мне документ. Я не могу припомнить заседания, которое имело место в июле, так как примерно с 20 июня 1944 г. я больше не имел доступа к фюреру по своим вопросам.

Обвинитель: Скажите, для каких целей использовался ввоз в Германию рабочей силы? Она предназначалась прежде всего для использования в промышленности вооружения и боеприпасов? Это правильно?

Заукель: Рабочие привозились в Германию для использования в военной промышленности. Военная промышленность — это очень широкое понятие, и его нельзя отождествлять с промышленностью, изготавливающей вооружение и боеприпасы. В систему военной промышленности было включено также и всевозможное производство другой продукции, начиная от спичек и кончая пушками, — то, что так или иначе относилось к снабжению армии. Таким образом, это широкое понятие следует ограничить, выделив производство вооружения и боеприпасов.

Кроме того, рабочие привозились в Германию для использования их во всех других отраслях гражданской экономики, как то: в сельском хозяйстве, горном промысле, ремесленных предприятиях и т. д.

Обвинитель: Я хочу, чтобы вы ответили, использовалась ли ввозившаяся в Германию иностранная рабочая сила главным образом

"в военной промышленности Германии для военных целей? Это правильно или нет?"

Заукель: Да, в широком понимании это правильно, если считать всю германскую экономику во время войны.

Обвинитель: Таким образом, использование ввезенной рабочей силы

•было подчинено целиком и полностью целям ведения Германией агрессивной войны? Вы это признаете?

Заукель: Это слишком много. Принимая во внимание мое мировоззрение и то, как я тогда действовал и как мог действовать, я должен исключить слово «агрессивной».

Обвинитель: Ваша роль организатора массового угона в рабство мирного населения оккупированных территорий достаточно выяснена. Теперь я хочу перейти к выяснению роли в этом деле отдельных министерств. Перечисляйте, какие министерства и другие правительственные органы гитлеровской Германии принимали непосредственное участие в проведении мероприятий по мобилизации и использованию иностранной рабочей силы. О министерстве оккупированных территорий, министерстве вооружения, об ОК.В здесь уже упоминалось, и о них не следует говорить. Скажите, какое отношение к этому вопросу имело министерство иностранных дел?

Заукель: Министерство иностранных дел имело к этому делу следующее отношение: оно должно было устанавливать связь в тех странах, где осуществляли свою деятельность посольства, консульства или германские делегации. Тогда переговоры велись под председательством главы этого посольства или делегации. Министерство иностранных дел всегда прилагало усилия к тому, чтобы эти переговоры проводились в надлежащей форме и соответствующим порядком.

Обвинитель: 4 января 1944 г. у Гитлера происходило совещание. Это документ 1292-ПС. В пункте 4 протокола этого совещания записано:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен до проведения своих мероприятий связаться с имперским министром

•иностранных дел...»

Что имелось в виду в данном случае?

Заукель: В данном случае это означало, что если мне нужно было вести переговоры с французским или итальянским правительством, то я должен был предварительно связаться с имперским министром ино-

•странных дел.

Обвинитель: После этого совещания, которое происходило у Гитлера 4 января 1944 г., а именно 5 января того же года вы обратились с письмом к Ламмерсу и поставили там вопрос о необходимости издания специального приказа по результатам совещания с тем, чтобы обязать оказывать вам содействие следующие инстанции (я их перечисляю вам):

рейхсфюрера СС, министра внутренних дел, министра иностранных дел, фельдмаршала Кейтеля, министра оккупированных восточных территорий Розенберга, рейхскомиссаров, генерал-губернатора и др.

Вы помните это свое письмо?

Заукель: Я помню это письмо, но не во всех деталях. Я прошу предъявить его мне. (*Заукелю вручают документ.*)

Обвинитель: Значит, вы считали, что все эти органы должны были в той или иной мере участвовать в проведении мероприятий по вербовке и использованию рабочей силы. Это правильно?



Допрос подсудимого Заукеля.

Заукель: Это правильно, и я прошу разрешить мне сделать по этому поводу следующее заявление. Естественно, что я, находясь на своем посту, не мог делать чего-либо без ведома высших имперских органов. Это доказывает, что я прилагал усилия для того, чтобы работать корректно, не действовать стихийно в империи или в других областях.

Обвинитель: Я хочу у вас выяснить: в проведении мероприятий гитлеровского правительства по угону в рабство населения оккупированных территорий, помимо вас, активно участвовала почти вся государственная машина гитлеровской Германии и партийный аппарат НСДАП? Это правильно?

Заукель: Я возражаю против слова «угон» и прошу во время повторного допроса заслушать по этому поводу моего защитника.

Обвинитель: Дело не в слове, вы отвечайте — правильно это или нет?

Заукель: Это слово имеет большое значение.

Обвинитель: Участвовал ли весь государственный аппарат в этом деле или нет?

Заукель: На этот вопрос я должен ответить отрицательно, если он поставлен в такой форме.

• *Обвинитель:* От вас другого ответа и не требуется.

Заукель: Я хочу сделать заявление по этому вопросу. Учетом рабочей силы, а также контролем за выполнением обязательств согласно немецким законам ведал соответствующий компетентный во всех этих вопросах начальник областной администрации рейхскомиссариата и т. п., так как, — я подчеркиваю это, — я не мог издавать законов, не имел на это права и не мог вмешиваться ни в какие функции управления.

Обвинитель: Да, но вы были обязаны координировать деятельность всех правительственных органов Германии. Это было на вас возложено?

Заукель: Не координировать, а информировать и просить от случая к случаю сотрудничества по тем вопросам, которые входили в компетенцию этих органов.

Обвинитель: Это не совсем так. Я не хотел затрагивать этого вопроса, но сейчас я должен к нему вернуться, потому что вы несколько умаляете свою роль в этом деле.

Заукель: Я прошу разрешить мне высказать возражение по поводу слова «умалить». В мои функции в империи входило распределение и регулирование рабочей силы, это было моей главной задачей. Нужно было охватить, включая сюда также и германских рабочих, всего 30 миллионов человек. Значения этой задачи я не хочу умалять, и в данном случае я сделал все, что от меня зависело, чтобы организовать эту массу таким образом, как это требовали возложенные на меня обязанности. Этой роли я не умаляю; это была моя задача и обязанность.

Обвинитель: Нет нужды полемизировать по этому вопросу, когда гораздо проще обратиться к документу. Сейчас вам передадут приказ Геринга.

Заукель: Я прошу вас извинить меня, может быть, вы меня неправильно поняли. Я не собираюсь здесь полемизировать, я лишь прошу, чтобы мне разрешили внести ясность в вопрос о том, каковы были мои взгляды на службу и каковы были мои служебные обязанности, — провести это разграничение является моей сугубо личной задачей.

Обвинитель: Это ясно видно из приказа Геринга от 27 марта 1942г. Это документ СССР-365. Вам его сейчас передадут. Я приведу из него короткую выдержку, из которой будет ясно, какими правами вы были облечены.

(Обращается к подсудимому Заукелю.) Прочитайте пункт 4, где написано: «Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным мне фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ней организациям, рейхспротектору, генерал-губернатору, военачальникам и руководителям гражданских учреждений».

Вот что написано в пункте 4 этого приказа. Я считаю, исходя из этого приказа, что вы были наделены как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы чрезвычайными полномочиями. Правильно это или нет?

Заукель: Это правильно. Я осмеливаюсь на это заметить, что это ограничивалось лишь моей специальной областью. Я хотел бы огласить следующее предложение: «Распоряжения и директивы, имеющие принципиальное значение, необходимо предварительно предъявлять мне». И я бы хотел указать на то, что мои уполномоченные позднее, осенью, были ограничены в правах.

Обвинитель: Я говорю не о ваших уполномоченных, а о вас. Ваши права четко определены приказом Геринга.

Теперь перечислите, кто из подсудимых совместно с вами, каждый непосредственно в своей области, участвовал в проводимых вами мероприятиях по угону в рабство населения оккупированных территорий и использованию его в Германии. Назовите по порядку. Подсудимый Геринг участвовал в этих преступлениях как ваш непосредственный начальник и руководитель?

Заукель: Я должен категорически возразить против этого: мне в голову не могла прийти мысль, что при наличии упорядоченной вербовки и законных распоряжений, на основании которых были введены служебные обязательства, имел место угон населения на работу. Мне не приходилось прибегать к подобного рода мерам, которые применяют в отношении заключенных, наоборот, я...

Председатель (прерывая): Вас спросили, участвовал ли подсудимый Геринг вместе с вами во ввозе рабочих в Германию. Мне кажется, что вы, по существу, вовсе не отвечаете на этот вопрос.

Заукель: Что касается ввоза иностранных рабочих, то я по этому вопросу был непосредственно подчинен рейхсмаршалу Германской империи.

Председатель: Почему же вы не сразу отвечаете на вопрос?

Обвинитель: Таким образом, подсудимый Геринг участвовал в проведении этих мероприятий?

Председатель: Генерал Александров, если вы хотите задать вопрос подобного рода, мне кажется, что было бы гораздо лучше, если бы вы не характеризовали подобный факт как преступление. Если вы хотите выяснить, принимал ли подсудимый Геринг участие в работе подсудимого Заукеля, вы можете спросить об этом, не называя эти факты преступлением, и тогда, пожалуй, подсудимому легче будет отвечать на ваши вопросы.

Обвинитель: Подсудимый Риббентроп участвовал в осуществлении этого мероприятия по дипломатической линии и санкционировал нарушение международных договоров и конвенций в части использования иностранной рабочей силы и военнопленных в германской промышленности?

Заукель: Роль, которую играл подсудимый Риббентроп, заключалась в том, что он был посредником при переговорах с иностранными государственными деятелями и с иностранными служебными инстанциями в оккупированных областях, а также в нейтральных и дружественных иностранных государствах.

Обвинитель: Какое отношение имел к этому мероприятию подсудимый Кальтенбруннер?

Заукель: При обсуждении этого вопроса я видел подсудимого Кальтенбруннера только один единственный раз в 1944 году, сейчас я не помню точно даты, на одном заседании в имперской канцелярии вместе с министром Ламмерсом. Помимо этого я не имел с Кальтенбруннером никаких переговоров и никакой договоренности по вопросам использования рабочей силы.

Обвинитель: Подсудимый Кальтенбруннер предоставлял какие-нибудь полицейские силы для осуществления вербовки иностранных рабочих?

Заукель: Я уже неоднократно подчеркивал, что вербовка рабочей силы не входила в задачи полиции.

Обвинитель: Участвовала полиция в проведении этого мероприятия или нет?

Заукель: По моему мнению, полиция принимала участие только в некоторых областях, где партизаны делали проведение административных мероприятий невозможным. Только в одной Белоруссии партизанами было убито 1500 бургомистров. Это видно из документов.

Обвинитель: Разве вербовка, даже в нормальных условиях, не проводилась полицейскими методами? Вам об этом ничего не было известно?

Заукель: То, что мне об этом известно, я вам скажу совершенно точно. В Европе в оккупированных областях — я имею в виду примерно территорию районов или департаменты полевой комендатуры, то есть то, что мы с точки зрения административного деления Германии называем округом,—было примерно 1500 органов, которые были укомплектованы местными и частично германскими чиновниками.

Обвинитель: Я считаю необходимым, чтобы вы отвечали кратко.

Заукель: Я прилагаю все усилия, чтобы отвечать возможно короче. К сожалению, специальные вопросы всегда отличаются сложностью и требуют комментариев. Я и сам чувствую затруднения.

Обвинитель: Сейчас скажите, какое участие принимал в проведении этого мероприятия подсудимый Фрик?

Заукель: Подсудимый Фрик в свою бытность имперским министром внутренних дел вряд ли принимал участие в этом вопросе. Я точно не помню, как долго он находился на этом посту. Насколько я помню, я обсуждал с министерством внутренних дел необходимые законы, касающиеся немецких рабочих, которые должны были издаваться в пределах Германии, а также действующие законы. Никакого иного участия в этом деле он не принимал, так как перед ним стояла другая задача.

Обвинитель: Речь идет именно об иностранной рабочей силе, и не случайно вы в своем письме Ламмерсу после совещания у Гитлера

4 января 1944 г. в числе инстанций, которые должны оказывать вам содействие, назвали министра внутренних дел. Поэтому я и хочу, чтобы вы сообщили, в чем состояла роль подсудимого Фрика в осуществлении этих мероприятий. Вы же сами просили содействия министерства внутренних дел. Так в чем должно было выражаться это содействие?

Заукель: К моему величайшему личному огорчению, тогда министром внутренних дел, насколько я помню, был уже не имперский министр Фрик, а Гиммлер.

Обвинитель: Какое содействие должен был вам оказывать министр внутренних дел?

Заукель: Само собой разумеется, что в государстве при любой системе как внутренняя администрация, так и общая должна быть осведомлена о всем происходящем и участвовать во всех событиях, которые вызывают необходимость в большом количестве приказов, и особенно это относится к области распределения труда, представляющей собой широкую сферу деятельности. Я вообще не мог и не имел соответствующих полномочий для того, чтобы издавать распоряжения законодательного характера, я должен был представлять их совету министров по имперской обороне. Я мог лишь давать деловые распоряжения и директивы; это нечто совсем иное.

Обвинитель: Подсудимый Функ, как министр экономики, и подсудимый Шпеер, как министр вооружения и боеприпасов, были основными посредниками между промышленниками и вами, как поставщиком рабочей силы. Это правильно?

Заукель: Они не были посредниками между мною и промышленностью, а, наоборот, промышленность была подчинена министерству вооружения. Мне не нужно было вести переговоры с промышленниками. Промышленности требовалась рабочая сила, и она получала ее, так же как и сельское хозяйство.

Обвинитель: Скажите, какое участие в этих мероприятиях принимали подсудимые Функ и Шпеер? Не нужно пространных объяснений, ответьте очень коротко.

Заукель: Оба эти' министра были начальниками предприятий, относившихся к самым различным областям германского хозяйства.

Обвинитель: Понятно. Подсудимые Франк, Зейсс-Инкварт и Нейрат принимали участие в осуществлении мероприятий по мобилизации рабочей силы на тех территориях, которые им подчинялись? Я имею в виду Польшу, Голландию, Чехию и Моравию. Это правильно?

Заукель: Эти господа в рамках полномочий, которыми они были наделены в этих областях, поддерживали меня при издании приказов и законов и сами придавали большое значение тому, чтобы эти приказы и законы проводились надлежащим образом.

Обвинитель: Какова была роль подсудимого Фриче?

Заукель: Этого я не могу вам сказать. Фриче я видел в Германии только один единственный раз мельком. Это было, кажется, в начале 1944 года. Я ни разу не говорил с ним о своих задачах. Я не знаю также, имел ли он какое-нибудь отношение к ним. Могу лишь сказать, что я неоднократно обращался в министерство пропаганды с просьбой о распространении моих указаний и директив.

Обвинитель: Теперь остался отсутствующий здесь подсудимый. Это

Борман. Какова была его роль? Он ведь предоставил в ваше распоряжение весь партийный аппарат НСДАП?

Заукель: Нет, этого он не делал. В моем распоряжении были гаулейтеры, директивы в документы, которые я давал гаулейтерам; из них здесь представлено, кажется, три документа, а вообще их было немногим больше. В них речь шла о том, что я должен был обращаться за помощью к партии и проявить должную заботу о рабочих, предоставив им в отношении обслуживания, питания и обмундирования все необходимое для человека при существовавших тогда военных условиях. Такова была роль партии, поскольку ей пришлось выступить в защиту моих интересов.

Обвинитель: Это неправильно. Я напоминаю вам программу по использованию рабочей силы, которая была издана в 1942 году. Там написано, что гаулейтеры назначаются вашими уполномоченными по вопросу о рабочей силе и они используют эту рабочую силу.

Заукель: Где об этом говорится? Моими уполномоченными они не могли назначаться.

Обвинитель: Сейчас вам покажут. Я не цитирую этот пункт, а привожу только его содержание, смысл этого пункта, там написано, что гаулейтеры используют в своих областях подчиненные им партийные органы. Из этого я делаю вывод в отношении проведения этих мероприятий, что в них принимал участие весь партийный аппарат.

Заукель: Здесь этого нет, г-н обвинитель.

Обвинитель: Нашли?

Заукель: Да. Но здесь преследовалась та цель, о которой я говорил. Я попросил бы вас зачитать абзац дальше.

Обвинитель: Прочтите его сами.

Заукель: Благодарю вас. «Руководители высших государственных и экономических управлений, ответственные за подчиненные им области, должны были давать гаулейтерам советы и информировать их по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы» (Арbeitsейнзац). Конечно, в рамках их служебных функций. Дальше перечислены эти последние: «председатель трудового управления провинции» — это не партийная, а государственная инстанция; «представитель рабочих» — это не партийная, а государственная инстанция; «руководитель крестьянской организации провинции» — это опять-таки не партийная, а государственная инстанция; «областной советник по экономическим вопросам» — это партийная инстанция...

Обвинитель: Все понятно, не нужно перечислять. Я обращаю ваше внимание на пункт 6, обратитесь к нему. Там прямо написано о гаулейтерах, как об уполномоченных по рабочей силе, что они используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения. Это написано? Дальше перечисляется, каким путем они проводят эту работу, через какие учреждения, через какие силы. Из этого пункта, где говорится, что они используют подчиненные им партийные учреждения, я делаю вывод, что в этих мероприятиях участвовал весь партийный аппарат НСДАП, и хочу получить от вас ответ — да или нет.

Заукель: Нет.

Обвинитель: Областные руководители гитлеровской молодежи также участвовали в этих мероприятиях?

Заукель: Областные руководители гитлеровской молодежи принимали в них участие с целью проявления заботы о молодежи и защиты ее

прав. Это можно сказать о Ширахе и бывшем впоследствии его заместителем Асмане. Они старались предотвратить опасность, которая могла угрожать молодежи. Таковы были задачи гитлеровской молодежи, включая сюда также иностранную молодежь, которая использовалась на работах в Германии.

Обвинитель: Вы лично одобряли политику гитлеровского правительства, направленную на угон в рабство населения оккупированных территорий с целью обеспечения ведения агрессивной войны? Одобрляли вы эту политику?

Заукель: Я вижу в вашей постановке вопроса обвинение. Я лично неоднократно подчеркивал, что я не был политическим деятелем ни в области внешней политики, ни в области внутренней... Я хотел сказать, военной политики. Я получал задания и приказы, и я пытался выполнить эти задания как только мог, так как мне было ясно, что от выполнения их зависела судьба моего народа. С таким сознанием я работал, и признаю, что я прилагал все свое умение для того, чтобы выполнять порученное в той форме, как я об этом здесь говорил. Я считал это своим долгом и должен это здесь признать.

Обвинитель: Для характеристики вашего личного отношения к этим преступлениям я напому вам несколько ваших собственных высказываний. Это из документа СССР-365 — программы по использованию рабочей силы на 1942 год, страница 9. Сейчас вам покажут то место, которое я процитирую. Я читаю: «Я прошу вас верить мне как старому и фанатичному национал-социалисту, гаулейтеру». Там это написано?

Заукель: Да, это там написано.

Обвинитель: Теперь документ 556-ПС. Это ваша телеграмма Гитлеру от 20 апреля 1943 г., которую вы направили во время полета в Ригу. Сейчас вам дадут эту телеграмму и покажут место, которое я сейчас прочитаю: «Я с фанатичной волей приложу все свои усилия к тому, чтобы выполнять свои задачи и оправдать ваше доверие». Это правильно?

Заукель: Это правильно.

Обвинитель: Теперь следующий документ—1292-ПС. Это протокол совещания у Гитлера 4 января 1944 г.

Вам показывали место, которое я сейчас буду читать. Там написано ваше выступление.

«Он с фанатической волей сделал попытку обеспечить рабочей силой».

Тогда речь шла о мобилизации четырех миллионов. Далее: «Он сделает все от него зависящее для получения требуемых от него рабочих рук на 1944 год».

Вы это говорили? В протоколе это записано правильно?

Заукель: Я это говорил.

Обвинитель: В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза в Германию рабочей силы из оккупированных территорий вы посетили Ровно, Киев, Днепрпетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу. В июне вы посетили Прагу, Киев, Краков, Запорожье, Мелитополь. Это правильно?

Заукель: Это правильно. И во время этих путешествий я хотел убедиться в том, правильно ли оаботали мои управления. Такова была задача путешествия.

Обвинитель: Таким образом, вы лично организовывали угон в рабство мирного населения оккупированных территорий. Это правильно?

Заукель: Я должен категорически, со всей силой, возразить против этого утверждения. Я этого не делал.

Обвинитель: А для чего тогда вы ездили в эти города и пункты? Не для того, чтобы форсировать вывоз населения из оккупированных территорий?

Заукель: Я посетил эти области для того, чтобы лично удостовериться, как работали мои учреждения в этих городах, то есть не мои учреждения, а трудовые учреждения, которые подчинялись администрации указанных городов. Я должен был знать, правильно ли они заключали контракты, проводили ли врачебное освидетельствование рабочих, велись ли картотеки и т. д., то есть выполнялись ли мои указания. С этой целью я и посетил эти города.

Верно то, что я говорил с начальниками управлений по поводу контингента рабочей силы; моей задачей была вербовка рабочей силы и проверка контингента. Во время посещения этих городов я лично осмотрел эти учреждения, чтобы удостовериться, как они работают.

Обвинитель: И для того, чтобы обеспечить усиление вывоза рабочей силы в Германию, правильно?

Заукель: Причем я имел в виду применение с этой целью самых лучших методов.

Обвинитель: Вы специально ездили в эти города для того, чтобы добиваться улучшения методов вербовки, так я вас понял?

Заукель: В эти города я поехал для того, чтобы удостовериться, правильные ли методы применяют учреждения, и обсудить все вопросы с соответствующими служебными инстанциями. Верно, для того, чтобы переговорить о количестве поставляемых рабочих, мне не нужно было посещать Запорожье, Киев и другие города. Для меня было бы достаточно переговорить с корреспондентом восточных территорий, находившимся в Берлине, или с рейхскомиссаром, которого я не застал, потому что он находился в Ровно.

Обвинитель: В своих показаниях, которые вы давали защитнику, вы заявили, что никаких информации о незаконных и преступных методах вербовки не поступало. Что служило основанием для таких обширных поездок по оккупированным территориям? Значит, вы тогда имели сигналы о том, что происходят массовые беззакония при вербовке рабочей силы? Этим были вызваны ваши поездки? Вы посетили более десятка городов.

Заукель: По мере того как я получал жалобы, я обсуждал эти случаи с Розенбергом, и то, что можно было устранить, я устранял. По этому вопросу я прошу выслушать моего защитника и свидетелей.

Обвинитель: Я хочу установить, что эти поездки были вами совершены для улучшения метода вербовки. Из этого я делаю логический вывод: значит, во всех этих местах до вашего приезда допускались беззакония, преступления при проведении вербовки рабочей силы? Об этом идет речь? И вы прямо отвечайте, для чего вы посетили все эти места?

Заукель: Я осветил этот вопрос уже со всех сторон. Но я еще раз повторяю. Господин обвинитель, вы сами, я полагаю, имеете настолько большой административный опыт, чтобы согласиться со следующими

достоинствами: само собой разумеется, что в каждом управлении в любой стране земного шара все распоряжения администрации всегда также проверяются. Совсем не нужно знать, что в человеческой жизни, в каждой организации людей наблюдаются ошибки, последние все же проверяются.

Обвинитель: Если вы отрицаете, что вы поехали исправлять и устранять беззакония, которые имели место при вербовке рабочей силы, значит, вы поехали для того, чтобы форсировать вывоз рабочей силы в Германию?

Заукель: Нет, я должен категорически возразить на это. Я принял это путешествие для того, чтобы проверить выполнение задач, находящихся в рамках моих полномочий, устранить недостатки, о которых мне сообщили, кроме того, получить самую подробную информацию и дать соответствующие наставления и директивы своим учреждениям.

Обвинитель: Подсудимый Заукель, скажите, какое отношение вы, как генеральный уполномоченный, имели к использованию в германской промышленности советских военнопленных?

Заукель: Я должен ответить на ваш вопрос, что я не имел никакого отношения к использованию военнопленных, так как в мои функции не входило давать работу военнопленным.

Обвинитель: И вы не проводили их мобилизации, и вами не велось никакой статистики?

Заукель: Я, будучи ответственным лицом, осуществлявшим посредничество между соответствующими инстанциями, должен был следить за проведением административных мероприятий трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, которые были посредниками между предприятиями и лагерями или уполномоченными по делам военнопленных, то есть направляли военнопленных на предприятия.

Обвинитель: А что это были за организации? Какие это были организации?

Заукель: Речь идет об уполномоченных по делам военнопленных в военных округах, другая же инстанция — это организация предприятий или сами предприятия в системе соответствующих министерств, как, например, имперского министерства продовольствия: большинство военнопленных использовалось на работах у крестьян, в кустарной промышленности, предназначенной для нужд войны.

Обвинитель: Значит, вы не имели к этому никакого отношения?

Заукель: Я должен был следить за трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, поскольку им нужно было осуществлять посредничество между предприятиями и лагерями, в то время как они не имели с ними непосредственной связи.

Обвинитель: Я сейчас приведу выдержку из вашего доклада Гитлеру от 27 июля 1942 г. Это документ 1296-ПС. В этом докладе у вас имеется специальный раздел 3. Он называется: «Мобилизация советских военнопленных». Там вы пишете (читаю):

«Наряду с мобилизацией гражданских рабочих я планомерно увеличил мобилизацию советских военнопленных при взаимодействии со стороны ОКВ». И далее: «Я придаю особое значение дальнейшему увеличению и ускорению отправки как можно большего числа военнопленных с фронта на работу в империю». Это правильно?

Заукель: Это правильно и в точности соответствует моему изложению.

Обвинитель: Не совсем соответствует. Вы заявили о том, что вы не имели отношения к использованию советских военнопленных в германской промышленности, а в вашем докладе имеются совершенно другие данные, и я спрашиваю вас в связи с тем, что я сейчас огласил, — вы заранее планировали использование военнопленных в качестве рабочих в промышленности? Это предусматривалось вашими планами, и об этом вы пишете в своем докладе. Так это или нет?

Заукель: Моей обязанностью было все время поддерживать связь, чтобы военнопленные, которые находились в лагерях на оккупированных территориях, например в генерал-губернаторстве, регистрировались соответствующими уполномоченными по делам военнопленных и направлялись в заранее намеченные сельскохозяйственные, а также и другие области Германии. Использование рабочих на самих предприятиях не подлежало моему контролю, и я не имел с этим делом ничего общего.

Обвинитель: Значит, вы принимали участие в предоставлении советских военнопленных для использования в германской промышленности? Правильно?

Заукель: Это неправильно, — насколько я вас понимаю, ориентируюсь на значение слов в немецком языке. Посредничество — это нечто иное, чем использование. Этим должны были заниматься другие лица. Я могу говорить только о посредничестве. Оно носило в Германии государственный характер, в то время как в других государствах оно имеет частный характер. Будучи генеральным уполномоченным, я ни одного рабочего не послал на предприятие.

Обвинитель: Вам было известно о том, что советские военнопленные используются в военной промышленности Германии?

Заукель: Мне было известно, что советские военнопленные использовались во всех областях германской военной промышленности, причем в больших масштабах.

Обвинитель: Вам было известно, в частности, распоряжение подсудимого Кейтеля об использовании советских военнопленных в горной промышленности? Это распоряжение датировано 8 января 1943 г. Вы знаете что-нибудь об этом распоряжении?

Заукель: Нет. В деталях я о нем не помню. Я прошу предъявить, его мне. (*Подсудимому предъявляют документ.*)

Обвинитель: Прочитали?

Заукель: Да, я прочитал.

Обвинитель: Там прямо говорится об использовании советских военнопленных в горной промышленности для военных целей, в интересах военных целей. Это правильно?

Заукель: Этот документ касается использования военнопленных в горной промышленности в Германии.

Обвинитель: С какой целью? Там прямо поставлена задача.

Заукель: Здесь говорится об использовании в горной промышленности.

Обвинитель: Но для какой цели? Каким целям это должно быть подчинено? Там прямо это указано.

Заукель: Для использования на работах, я полагаю.

Обвинитель: В интересах войны?

Заукель: Германская горная промышленность работала не только на войну. Очень большое количество угля экспортировалось в нейтральные страны. Таким образом, цели, в зависимости от обстоятельств, были различны.

Обвинитель: Следите по этому документу. Читайте за мной: «Фюрер приказал 7 июля для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, для этого покрывать потребности в рабочей силе из военнопленных». Там это написано? Вы нашли это место?

Заукель: Да, я нашел.

Обвинитель: Таким образом, советские военнопленные должны были •использоваться в горной промышленности в интересах ведения войны.
•Правильно? Это прямо предусмотрено данным документом.

Заукель: Да, здесь так сказано. Но я хотел бы заметить, что этот документ был направлен не мне.

Обвинитель: Я вас спросил, знаете ли вы об этом документе? Вы •ответили утвердительно.

Заукель: Нет, я не знаю. Теперь он мне известен. Но ранее я не •имел о нем представления, поскольку он не был направлен мне.

Обвинитель: Вы сказали, что такое распоряжение вам было знакомо в общих чертах, и попросили меня, чтобы я дал вам детально с ним •ознакомиться. Так мне перевели.

Заукель: Нет, я вам оказал, — и я это в особенности подчеркиваю, — •что не помню этого документа, я только просил предъявить мне этот документ. Документ адресован не мне. Здесь точно указана должность адресата, и поэтому он не попал в мои руки и в руки моего учреждения.

Обвинитель: Чтобы вы полностью уяснили этот вопрос, я передам документ США-206. Это ваше постановление от 22 августа 1942 г. о поставке рабочей силы путем ввоза из оккупированных областей. Это постановление вам известно?

Читайте пункт 8 этого постановления, где указано: «Настоящий приказ действителен и "в отношении военнопленных». Есть там такое указание? " . ^ J

Заукель: Да.

Обвинитель: Таким образом, вы сами не делали разницы между военнопленными и гражданскими лицами в деле использования их для нужд германской военной промышленности. Вы это признаете?

Заукель: Да, я уже ответил своему защитнику, что вообще министерству труда был дан каталог, согласно которому разрешалось использование на работах военнопленных. Однако этот восьмой абзац не имеет ничего общего с документом, так как это было соглашение или распоряжение, которое не было мне направлено и не было мне адресовано.

Обвинитель: Вы сделали заявление о том, что при применении труда военнопленных в германской промышленности выполнялись требования Женевской и Гагской конвенций. Вы помните, что вы об этом говорили?

Заукель: Да, это подтверждается также документами, в имперском министерстве труда и моих учреждениях имелась инструкция, которая была размножена специальным изданием. Речь шла о том, что принципы Женевской конвенции должны были соблюдаться также и в •отношении советских военнопленных.

Обвинитель: Вытекает ли из этого то, что между военнопленными и гражданской рабочей силой вы не делали никакой разницы?

Заукель: Нет, это не вытекает отсюда.

Обвинитель: Значит, имели место нарушения этих распоряжений яри использовании труда военнопленных, поскольку они приравнивались к гражданским лицам и использовались в промышленности для целей ведения войны?

Заукель: Я точно сказал, что я придавал очень большое значение этой инструкции, которая была напечатана и во время моего пребывания на посту была доведена до сведения предприятий и всех заинтересованных лиц. В инструкции говорилось о том, что Женевская конвенция должна соблюдаться. Больше я ничего не мог сделать.

Обвинитель: Ваш защитник спрашивал вас об операции, зашифрованной под названием «Сено». На этот вопрос вы дали ответ. Я цитирую по стенограмме:

«Заукель: Нет, я не имел никакого отношения к этому мероприятию». Сейчас я передам вам письмо Альфреда Мейера от 11 июля 1944 г., это документ ПС-199, это письмо, адресованное вам. Прочитайте пункт 1, там написано:

«Необходимо, чтобы штаб по использованию рабочей силы — центр — при всех обстоятельствах продолжал свою деятельность по вербовке несовершеннолетних белорусских и русских рабочих для работы в империи на военные нужды. Кроме того, штаб имеет задачу направлять в империю несовершеннолетних от 10 до 14 лет».

Нашли это место?

Заукель: Я прочитал это место и хочу возразить, что это письмо хотя и было направлено мне и, таким образом, я был об этом информирован, но ни я, ни мое учреждение не имело ничего общего с этим вопросом. Это, как уже говорилось в связи с делом Шираха, проводилось исключительно указанными инстанциями. Учреждение по использованию рабочей силы как таковое здесь не участвовало. Я лично также об этом не помню.

Обвинитель: Вы здесь заявили, что для ввезенных из оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки. Для советских граждан это был знак «Ост», для польских граждан — знак «П» и т. д. Вы заявили, что не были с этим согласны. Что вы сделали для отмены этого издевательства над людьми?

Заукель: Я все время пытался вообще избежать таких опознавательных знаков. Рейхсфюрер СС категорически требовал этого.

Обвинитель: Со своим непосредственным руководителем, подсудимым Герингом, вы говорили по этому вопросу?

Заукель: Я не могу сейчас вспомнить, говорил ли я непосредственно с Герингом. Я могу лишь показать, что всегда периодически пытался добиться этого, до тех пор пока весной — мне кажется, это было в марте 1944 года — мои усилия действительно увенчались успехом и небольшой «восточный знак» был заменен национальным знаком на рукаве, согласно предложению моих представителей в различных странах на Востоке

Обвинитель: Я спрашиваю, вы говорили с Герингом по этому вопросу?

Заукель: Я не могу вспомнить, возможно, что да, а возможно, что нет.

Обвинитель: На вопрос вашего защитника и моего французского коллеги об отношении подсудимого Шпеера к вашему назначению генеральным уполномоченным вы заявили, что вам об этом точно ничего известно не было. Вам сейчас передадут статью из газеты «Фелькишер беобахтер». Этот документ под номером СССР-467 я представлю Трибуналу. Эта статья была опубликована 28 марта 1942 г. в связи с вашим назначением генеральным уполномоченным. Вы нашли это место, где написано следующее: «Назначение гаулейтера Заукеля последовало по желанию имперского министра Шпеера вследствие необычайного значения вопроса использования рабочей силы в военной промышленности». Надо полагать, что вы не могли не читать этой статьи. Вы читали эту статью?

Заукель: В данный момент я никак не могу вам этого оказать. Вполне возможно, что я ее читал.

Обвинитель: Меня интересовало другое, почему подсудимый Шпеер был заинтересован в вашем персональном назначении генеральным уполномоченным? Это я хотел выяснить. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

Заукель: Почему Шпеер был заинтересован в моем назначении, я вам сказать не могу. Я уже говорил моему защитнику, что для меня" самого это было в то время совершенно неожиданно.

Обвинитель: Теперь скажите, вы помните, в какие условия были поставлены вами украинские женщины и девушки из оккупированных территорий, мобилизованные для использования в германском сельском хозяйстве? Я сейчас передам вам документ СССР-383. В этом документе имеется приложение № 2 к вашему распоряжению от 8 сентября 1942 г. Это приложение называется: «Памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городском и сельском домашнем хозяйстве». Вы знаете этот документ, эту памятку?

Заукель: Да.

Обвинитель: Я сейчас приведу несколько выдержек для того, чтобы охарактеризовать условия, в какие были поставлены вами эти украинские женщины и девушки, направленные для работы в немецкое сельское хозяйство. Найдите раздел «В»: «Регистрация в полиции, лечение, надзор».

В разделе «В» — «Регистрация в полиции, лечение, надзор» имеется следующее указание: «Восточная работница обязана носить на своей верхней одежде, на правой стороне груди, знак «Ост».

Нашли?

Заукель: Да.

Обвинитель: Теперь раздел 4. Он называется: «Условия труда». Там написано: «Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях».

Посмотрим дальше, что это за специфические трудовые условия. Найдите раздел 9 «Свободное время», первая строчка: «Права на свободное время восточные работницы не имеют».

Заукель: Да, однако я прошу вас зачитать этот абзац дальше. Там говорится то же самое и в отношении других домашних работниц, немки.

Я осмеливаюсь огласить это предложение еще раз:

«Восточным работницам, занятым в домашнем хозяйстве, в принципе разрешается передвигаться свободно за рамками своей деятельности лишь в тех случаях, когда они выходят по делам хозяйства. Однако может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства». Те же правила существовали и для домашних служащих—немок. Свободное время было такое же самое.

Обвинитель: Здесь написано иначе. Иметь свободное время им не разрешалось. Здесь говорится о том, что в качестве поощрения им может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства. Эта прогулка должна заканчиваться до наступления темноты. Теперь найдите раздел 10.

«Свободное время, отпуск, возвращение на родину»—так называется этот раздел. Нашли? Там написано: «Отпуска последним не предоставляются. Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Заукель: Разрешите мне в связи с этим сделать замечание...

Эта памятка была составлена не только мною. Введения целого ряда пунктов в то время потребовал рейхсфюрер СС.

Обвинитель: Перехожу к следующему вопросу. 18 августа 1942 г. в Кракове у вас была встреча с подсудимым Франком. Я прочту то, что записано по поводу вашей беседы в дневнике Франка. Это документ СССР-223. Дневник 1942 года, страница 918: «Д-р Франк. Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы направили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке еще 140 тысяч рабочих». И дальше: «Кроме этих 140 тысяч вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию». Это соответствует действительности? Такая беседа у вас происходила с подсудимым Франком? Он правильно записал это в своем дневнике?

Заукель: Я ни в коем случае не могу подтвердить запись, которой я никогда ранее не видел и подробностей которой я никак не могу вспомнить. Поэтому я не могу сказать, все ли здесь правильно. Здесь говорится о том, что Франк наметил контуры будущих возможностей.

Обвинитель: Но он говорил вам относительно применения полицейских методов при вербовке или не говорил? Вы это помните или нет?

Заукель: Я не помню подобного сообщения, которое относится к 1942 году. Тогда существовали совершенно иные условия.

Обвинитель: А подсудимый Франк в своей деятельности по мобилизации рабочей силы прибегал к полицейским методам или нет? Вам об этом было известно?

Заукель: Руководствуясь своим собственным опытом, я не могу сказать вам, в какой мере генерал-губернатор прибегал к полицейским методам при проведении таких мероприятий.

Обвинитель: Я представляю Трибуналу документ под номером СССР-469, характеризующий методы вербовки рабочей силы, которые "применялись на территории Польши. Этот документ представляет собой отпечатанный типографским способом официальный приказ крейсгауптмана в Минской и Варшавской областях. Он датирован 2 февраля

1943 г. Этот приказ вручен Казимиру Новаку, родившемуся 6 мая 1926г., проживающему в Дызене, община Колбей. В приказе написано: «На основании распоряжения о рабочей повинности от 13 мая 1942 г. налагаю на вас обязанность работы в империи».

В конце этого приказа написано: «В случае вашего неподчинения настоящему приказу о рабочей повинности члены вашей семьи (родители, жена, близкие родственники) будут помещены в полицейский лагерь и освобождены из него только после того, как вы явитесь. Кроме того, я оставляю за собой право конфискации вашего движимого и недвижимого имущества, а также движимого и недвижимого имущества членов вашей семьи. Кроме того, согласно параграфу 5 вышеуказанного распоряжения, вы будете наказаны тюрьмой, тяжелым заключением или заключением в концентрационном лагере. Крейсгауптман д-р Дитрих».

Вам было что-нибудь известно о применении подобных методов вербовки рабочей силы на территории Польши и о существующих распоряжениях подсудимого Франка?

Заукель: Я могу честно и откровенно ответить на этот вопрос: об угрозе наказания в такой форме мне ничего не было известно.

Обвинитель: Теперь я хочу напомнить вам указания, которые давались о методах так называемой: «вербовки» рабочей силы правительственными органами Германии и лично вами в известной вам вашей программе. Это документ СССР-365.

Вами написано следующее:

«В связи с этим необходимо полностью исчерпать все имеющиеся в оккупированных советских областях людские резервы. Если не удастся получить необходимую рабочую силу на основе добровольности, то следует немедленно приступить к мобилизации, к насильственной отправке». Такие указания вами давались?

Заукель: Я до сих пор не нашел еще этого места. Мне неправильно его показали

Обвинитель: Сейчас вам покажут еще раз. Такие указания вами давались?

Заукель: В оккупированных областях я не мог сам лично ведать всеми служебными вопросами, этим занимались областные управления. Однако под словом «насильственный» я имел в виду не действия под угрозой наказания в таких масштабах, как это, к величайшему огорчению, утверждается в одном из документов, а применение правил, действующих в Германии. Это очень существенная разница.

Обвинитель: То, что я сейчас вам прочитал, написано в вашей телеграмме или нет?

Заукель: Это написано в моей телеграмме. Но я определенно сказал, что мне это было поручено фюрером.

Обвинитель: Теперь далее. В письме от 3 октября 1942 г. га улейтеру Мейеру вы писали: «Я учитываю трудности, которые встретятся при выполнении этого нового задания. Но я также убежден, что при применении всех средств и при полной преданности исполнителей — я подчеркиваю слова «всех средств» — выполнение этого нового поручения может быть осуществлено в соответствии со сроками». Это вы писали?

Заукель: Да, я это писал.

Обвинитель: 31 марта 1942 г. вы отправили письмо имперским комиссарам. Сейчас вам передадут документ СССР-127, в котором вы

писали: «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительного труда, с тем, чтобы в кратчайший срок можно было бы утроить количество завербованных». Такие указания вы давали?»

Заукель: Я давал такие указания. Говоря о суровом применении принципа принудительности труда, я не имел в виду дурных или преступных методов, а считал, что к системе принудительного труда нужно прибегать лишь с целью выполнения количественного задания, когда дело касалось количества людей.

Обвинитель: Теперь я приведу несколько выдержек из документов других лиц.

Сейчас вам передадут стенограмму выступления подсудимого Розенберга. (*Заукелю вручают документ.*)

Я ограничусь очень краткой выдержкой из этой стенограммы. Читайте за мной:

«Я знаю, что если прибудет полтора миллиона человек, то им нельзя создать блестящих условий. То, что тысячи находящихся здесь людей живут в плахих условиях или подвергаются плохому обращению, является вполне естественным. Из-за этого не стоит слишком волноваться. Однако это очень серьезный вопрос. Я думаю, что гаулейтер Заукель уже обсудил его или собирается это сделать. Ведь эти люди с Востока привезены в Германию, чтобы работать и давать возможно более высокую производительность труда. Это очень серьезное дело. Чтобы добиться такой высокой производительности труда, их нельзя привозить на три четверти замерзшими и заставлять стоять в пути по десять часов. Им нужно давать есть, чтобы они имели достаточный запас сил».

Правильно ли подсудимый Розенберг освещает положение, в котором находилась рабочая сила, вызволившаяся вами из оккупированных территорий, или вы считаете, что он освещает это неправильно?

Заукель: Я не могу сказать и никак не могу определить, когда Розенберг произнес эту речь. Я лично ее не слышал и не получал протокола. Но я могу категорически заявить, что как только я принял свою должность, я принял эффективные меры к тому, чтобы во что бы то ни стало избежать такого положения, о котором здесь говорил Розенберг и которое существовало до того, как я принял свою должность.

Обвинитель: Г-н председатель, я ограничусь этой одной выдержкой из выступления подсудимого Розенберга и не буду использовать многочисленные документы, уже представленные суду и с неоспоримостью устанавливающие применение, с ведома подсудимого Заукеля, преступных методов мобилизации рабочей силы на оккупированных территориях и использование ее в качестве рабов в Германии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМОГО ФУНКА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 11 января 1946 г.]*

Характер и значение работы Функа с крупными промышленниками подчеркнуты в его биографии.

...Я прошу разрешения коротко остановиться на выдержках из биографии Функа:

«Не менее важное значение, чем работа Функа в области создания программы в 1931—1932 г., имела его деятельность в качестве связного между фюрером и руководителями германской промышленности, торговли, внешней торговли и финансов. В связи с его прошлой деятельностью его личные связи с экономическими руководителями были широки и многообразны. Он мог теперь привлечь их на службу Гитлеру и не только авторитетно отвечать на их вопросы, но также убедить их и завоевать их поддержку для партии. Для того времени это была очень важная работа. Каждый успех, достигнутый в этом вопросе, означал моральное, политическое и экономическое усиление боевых сил партии и помогал уничтожить предрассудок о том, что национал-социалистское движение является только[^], партией классовой ненависти и классовой >борьбы».

Непосредственно до того, как подсудимый Функ, заменив подсудимого Шахта, занял пост министра по вопросам экономики в 1938 году, была произведена коренная реорганизация функций этого министерства, в результате которой оно было объединено с управлением четырехлетнего плана в качестве высшего командования германской военной экономики. Эта реорганизация была проведена на основании декрета от 4 февраля 1938 г., который был подписан Герингом как уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана.

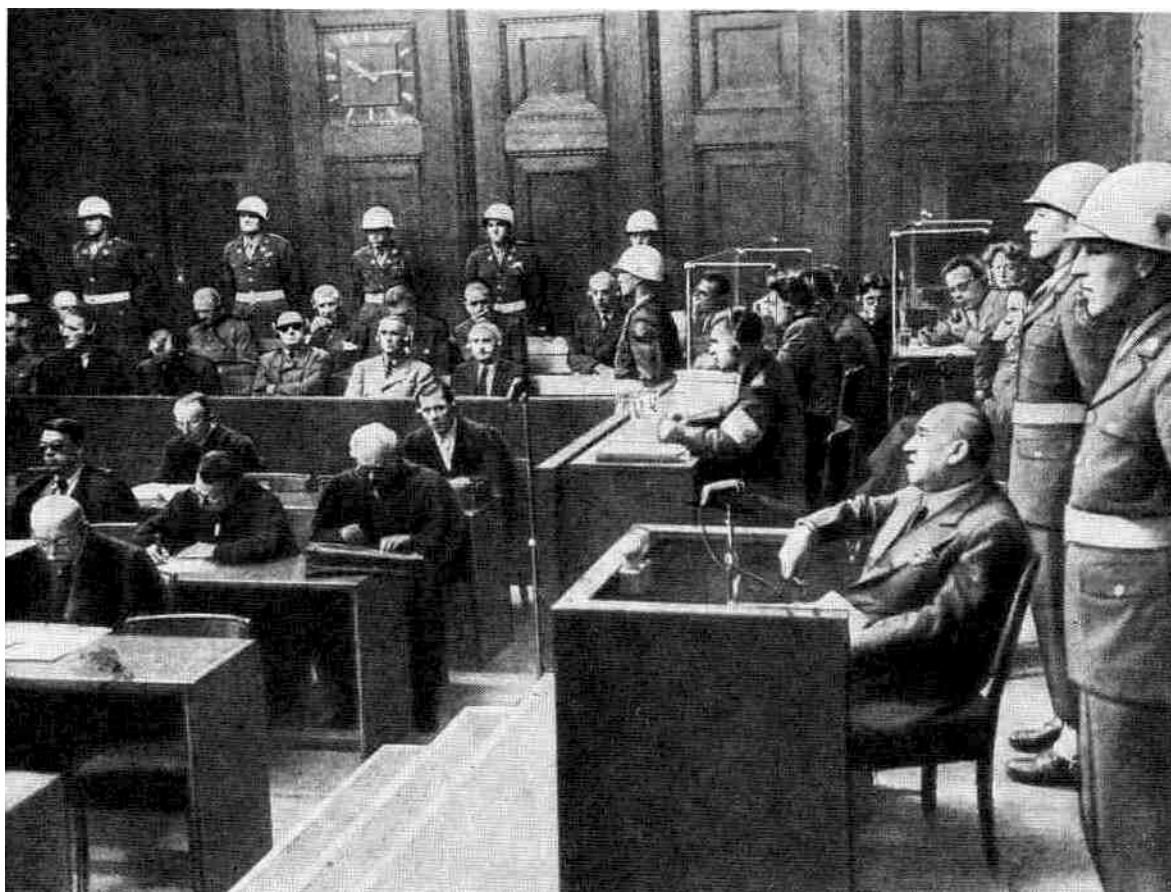
Сейчас я хочу указать только на то, что этот декрет ясно доказывает, что подсудимый Функ играл важнейшую роль в экономической мобилизации в этот решающий период.

В 1938 году ему было непосредственно поручено подготовить германскую экономику к войне. Секретным декретом он был назначен генеральным уполномоченным по вопросам экономики, и он занял этот пост, который до него занимал подсудимый Шахт. В этой связи я ссылаюсь на документ, который представляет собой письмо от 6 сентября 1939 г. Это письмо было препроводительным письмом к проекту закона об обороне империи от 4 сентября 1939 г. Я хотел бы огласить выдержку на странице 4 английского перевода — второй, третий, четвертый абзацы. Там говорится: «Задача генерального уполномоченного по вопросам экономики заключается в том, чтобы использовать все экономические силы в интересах обороны империи и обеспечить в экономическом отношении существование германской нации. Ему подчинены: имперский министр по вопросам экономики, имперский министр по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, имперский министр труда и т. д.».

«Он также несет ответственность за финансирование обороны империи в рамках имперского министерства финансов и имперского банка». «Генеральный уполномоченный по вопросам экономики должен выполнять запросы ОКВ, которые имеют большое значение для вооруженных сил, и он должен обеспечить экономические условия для промышленности по производству вооружения, которые находятся под непосредственным руководством ОК.В, в соответствии с ее запросами».

Подсудимый Функ в своей речи, произнесенной 14 октября 1939 г., пояснил, каким образом в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики он в течение полутора лет до начала агрессии против Польши поставил германскую экономику на рельсы войны:

«Хотя все экономические и финансовые управления были загружены работой по выполнению четырехлетнего плана под руководством генерал-



Допрос подсудимого Функа.

фельдмаршала Геринга, военная экономическая подготовка Германии к войне также проводилась тайно и в других отделах в течение более года, главным образом путем создания национального руководящего аппарата по выполнению особых военных экономических задач, которые должны были быть выполнены в тот момент, когда война станет уже фактом. Для этой работы, были объединены все экономические управления в один административный аппарат, а именно под руководством генерального уполномоченного по вопросам экономики, на пост которого фюрер назначил меня полтора года назад».

Занимая одновременно эти две должности — генерального уполномоченного по вопросам экономики и министра по вопросам экономики, подсудимый Функ, естественно, был осведомлен относительно тех требований, которые программа агрессии заговорщиков предъявляла к экономике Германии. Документ, который уже был принят в качестве доказательства, представляет собой совершенно секретный протокол совещания, которое проводилось в кабинете Геринга 14 октября 1938 г.

На этом совещании Геринг ссылаясь на международную ситуацию и директиву Гитлера составить гигантскую программу вооружения, в которой говорилось, что министерство экономики должно увеличить экспорт с тем, чтобы приобрести иностранную валюту, необходимую для выполнения этой задачи...

Военно-воздушные силы должны были возрасти в пять раз. Военно-морской флот должен был усилить свое вооружение, и армия должна была ускорить производство оружия для необходимого нападения.

После ухода в отставку Шахта Функ стал основной, центральной фигурой в подготовке планов финансирования войны. Это было естественно, потому что Функ после 1939 года занимал три поста, которые были тесно связаны с финансированием военных мероприятий, а именно: министра по вопросам экономики, генерального уполномоченного по вопросам экономики и в дополнение к этому — председателя рейхсбанка.

Роль Функа в финансировании войны ясно демонстрируется в документе, который был обнаружен в захваченных архивах имперского министерства по вопросам экономики. Он состоит частично из письма, написанного генеральным уполномоченным по вопросам экономики и подписанного от его имени д-ром Поссе. Письмо датировано 1 июня 1939 г., и к нему прилагается протокол совещания по вопросам финансирования — совещания, которое состоялось под председательством заместителя Функа — д-ра Ландфрида в министерстве по вопросам экономики.

В течение совещания, на котором присутствовали двенадцать чиновников, пять из которых несли прямую ответственность перед Функом и занимали различные посты, обсуждался меморандум относительно финансирования войны, который был подготовлен генеральным уполномоченным по вопросам экономики 9 мая 1939 г. Я хотел бы огласить выдержку;

«Затем было доложено относительно содержания записки по вопросам внутреннего финансирования войны от 9 мая этого года, в которой также обсуждались цифры, которые были даны мне имперским министром финансов. Было указано, что генеральный уполномоченный по вопросам экономики заинтересован в первую очередь в том, чтобы внести в законы по вопросам финансирования войны идею финансирования

военных издержек, рассчитывая на доход в будущем, после окончания войны... ;

Заместитель министра Нюмен, во-первых, поставил на обсуждение вопрос, будет ли в состоянии промышленность выполнять все запросы армии, в особенности в случае, если запросы армии, как об этом говорится в вышеупомянутом докладе, возрастут примерно до 14 миллиардов в первые три месяца войны. Он заявил, что если производственная мощность промышленности на территории империи будет взята за основу, то он сомневается в возможности такого увеличения».

Ясно, что подсудимый Функ осуществлял огромную власть над значительными областями германской экономики, организация и руководство которыми имели своей конечной целью подготовку к войне. Некогда мощная германская военная машина, которая была построена на основании тщательной экономической подготовки, была обязана своим существованием также и деятельности подсудимого Функа и была подчинена интересам нацистской агрессии. И подсудимый Функ делал это, будучи полностью осведомленным о планах военной агрессии. Осведомленность его подтверждается несколькими факторами: длительным и тесным сотрудничеством Функа с нацистскими внутренними кругами, характером его официальных обязанностей, господством идей войны в нацистской Германии и тем фактом, что применение силы и угрозы применить насилие были главным и открытым оружием внешней политики Германии.

Последним доказательством, еще больше подтверждающим осведомленность Функа, является тот факт, что в то время, когда Функ проводил экономическую подготовку, создавались планы агрессии, планы, которые позднее проводились в жизнь. Эти планы могли эффективно проводиться в жизнь только в том случае, если они проводились одновременно с экономическими мероприятиями.

Этот факт осведомленности подсудимого Функа подкрепляется всеми документальными доказательствами, которые уже были представлены Трибуналу в свете вышеперечисленных факторов.

Мы уже видели, что подсудимый Функ сообщил г-ну Мессерсмитту, что захват Австрии Германией якобы вызывался политической и экономической необходимостью и что этот захват следовало произвести любыми средствами.

Геринг давал инструкции министерству по вопросам экономики, которые нельзя рассматривать иначе как директивы для подготовки экономической основы для агрессии. ...Функ и его подчиненные в мае—июне ; 1939 года готовили детальные планы финансирования войны, а именно специфической войны против Польши. В этой части я хотел бы сослаться ; на письмо от 25 августа 1939 г., написанное подсудимым Функом Гитлеру. В этом письме Функ выражал свою благодарность за то, что он ; был в состоянии использовать свой опыт в эти исторические времена и внести вклад в эти грандиозные события. Он благодарил Гитлера за то, что тот принимал его предложения, которые были направлены на подготовку германской экономики к войне.

Более того, были представлены другие доказательства, которые показывают, что подсудимый Функ как лично, так и через своих представителей участвовал в экономическом планировании, которое предшествовало военной агрессии против Советского Союза.

...Подсудимый Розенберг, который был назначен уполномоченным по вопросам централизованного разрешения проблем, возникавших в связи с: оккупацией восточной территории, то есть Советского Союза, обсуждал вместе с подсудимым Функом экономические проблемы, которые должны были возникнуть после осуществления плана агрессии на Востоке. ...Функ назначил некоего д-ра Шлоттерера своим представителем для сотрудничества с Розенбергом в связи с эксплуатацией восточных территорий, и Шлоттерер почти ежедневно встречался с Розенбергом.

Совершенно ясно, что подсудимый Функ участвовал в каждой стадии деятельности заговорщиков с момента захвата ими власти и до их конечного поражения. Всегда он действовал эффективно, может быть, иногда более скрытно, чем другие, и содействовал осуществлению нацистской программы, которая с самого начала предусматривала использование безжалостного террора и насилия внутри, а в случае необходимости — и вне пределов Германии.

Мы также утверждаем, что подсудимый Функ, будучи полностью осведомленным о намерениях заговорщиков, являясь министром по вопросам экономики, председателем Рейхсбанка и генеральным уполномоченным по вопросам экономики, активно участвовал в мобилизации германской экономики для агрессии.

Более того, в качестве члена правительственного совета по вопросам обороны и центрального управления по планированию он активно участвовал также и в ведении агрессивной войны. Более того, в силу того, что он был членом центрального управления по планированию, он подготавливал и руководил осуществлением программы порабощения, содействовал эксплуатации и умерщвлению миллионов иностранных рабочих.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФУНКА

*(Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 7 мая 1946 г.)*

*Додд*¹: Вчера до перерыва я спросил вас, когда вы установили связи с СС, на что вы ответили, что с СС вы ничего общего не имели. Затем вы все-таки сказали и признали, что СС передавало вам некоторое имущество, некоторые вещи, ранее принадлежавшие заключенным концентрационных лагерей. Правильно ли я понял ваши показания?

Функ: Нет, я сказал, что Пуль однажды сообщил мне, что от СС получен золотой вклад, и он сказал далее несколько иронически, что лучше всего не устанавливать, что он собой представляет. Да, собственно, этого и нельзя было сделать. Ведь рейхсбанк не имел никакого права проверять, из чего состоит вклад. Лишь позже при другом докладе Пуля до моего сознания дошло, что выражение «вклад» было **им** неверно выбрано, что речь шла не о вкладе, а о сдаче золота. Я лично полагал, что речь все еще идет о золотом вкладе, что это золото

¹ Представитель обвинения от США. — Составители.

состоит из золотых монет или иных девизов... Это были обычные золотые слитки в обращении между валютными банками. Мне кажется, что золотые слитки имеют вес в 20 килограммов, приблизительно, как я их оцениваю.

Додд: Ну, хорошо. Меня удовлетворяет ваш ответ. Когда вы посещали кладовые, вы никогда не видели ни одной из тех ценных вещей, которые я назвал: портсигары, оправы, ювелирные изделия, часы и т. д.?

Функ: Никогда, никогда. Я, может быть, в общем четыре-пять раз был в золотохранилищах и всегда лишь для того, чтобы показать посетителям это весьма интересное зрелище.

Додд: Только четыре-пять раз, начиная с 1941 по 1945 гг.?

Функ: Я полагаю, что не больше. Я бывал там лишь с посетителями, обычно с посетителями из-за границы.

Додд: И вы хотите убедить Трибунал в том, что вы, будучи президентом Рейхсбанка, никогда не проводили ревизий или инспекций так называемых кладовых и что вы сами лично не проверяли то, что там находилось? По-моему, каждый банкир' обычно регулярно производит такие ревизии и инспектирует золотые запасы.

Функ: Нет, никогда. Делами Рейхсбанка руководил не президент. Дела Рейхсбанка вел директорат. Я никогда не занимался отдельными делами, также и отдельными операциями с золотом в частности, перемещением отдельных золотых запасов небольшого объема и т. д. Если поступало большое количество золота, то об этом сообщали в директорат. Директорат руководил делами, и мне кажется, что об отдельных операциях был информирован только ответственный директор, высший чиновник или референт директората.

Додд: Скажите, вы имели какое-нибудь отношение к ломбарду? Мне кажется, что в немецком языке есть слово «ломбард». Вам известно, что такое «ломбард» или ссудная касса?

Функ: Где что-нибудь закладывают?

Додд: Да. Поскольку вы не припоминаете, видели ли вы ценности, которые хранились в ваших складах, мы можем показать вам фильм о кладовых Рейхсбанка, заснятый союзными войсками. Я прошу Вас, господин Председатель, разрешить подсудимому сесть в зале суда для того, чтобы он мог лучше видеть этот фильм, который, возможно, освежит его память.

Додд (обращается к Функу): Просмотрев этот фильм о всех ценностях, найденных в кладовых Рейхсбанка год тому назад, вы теперь вспоминаете, что вы действительно имели в своем распоряжении такие ценности в течение трех с лишним лет?

Функ: Ничего подобного я никогда не видел. И у меня такое впечатление, что большая часть этих вещей, показанных в фильме, взята из вкладов, так как люди тысячами приносили шкатулки, опечатанные шкатулки, в которых они сохраняли свои украшения и свои драгоценности и т. д., как это здесь видели, может быть, частично скрытые ценности, то есть те, которые они должны были сдавать, например, иностранную валюту, девизы, золотые монеты и т. д. У нас, насколько я знаю, были тысячи запечатанных вкладов, которые Рейхсбанк не мог просматривать. Таким образом, я никогда не видел ни одного предмета из тех, которые были показаны здесь в фильме, и не имею никакого •

представления о том, откуда взялись эти вещи, кому они принадлежали и для чего они использовались.

Додд: Да, но я спрашивал вас вчера и сейчас я вас вновь спрашиваю, было ли вам известно о том, что когда-либо какие-нибудь лица помещали на хранение в рейхсбанк зубы, челюсти, коронки, мосты и т.д.?

Функ: (ответа нет).

Додд: Вы видели фильм, и вы видели золотые мосты, пластинки и другие предметы, относящиеся к искусственным зубам. Конечно, никто никогда не хранил такие вещи в банке. Так это или нет?

Функ: Что касается кадров о зубах, то это, конечно, особый случай. Откуда появились эти зубы, я не знаю, меня об этом не информировали, что делалось с этими зубами, я тоже не знаю. По моему убеждению, подобные вещи, если они были сданы в рейхсбанк, должны были быть переданы имперскому управлению по благородным металлам, так как Рейхсбанк не был мастерской по переработке золота. Я не знаю, имел ли рейхсбанк вообще технические мастерские, чтобы перерабатывать такие вещи. Мне это не известно.

Додд: Отдельные лица не только не передают на хранение свои зубы в рейхсбанк, но они также не передают на хранение свои оправы для очков, которые вы могли видеть в фильме.

Функ: Да, я ведь это и говорю. Эти вещи, конечно, не были обычными вкладами. Это разумеется само собой.

Додд: И вы видели, что некоторые предметы, очевидно, были переплавлены. Вы видели, что последний снимок представлял собою предмет, который выглядит так, как будто он прошел процесс переплавки. Скажите, вы видели это?

Функ: Я не могу сказать точно, должны ли были они сдаваться на переплавку. Я не имею ни малейшего представления об этих технических вопросах. Во всяком случае, мне теперь стало совершенно ясно, а до сих пор было неизвестно, что рейхсбанк сам осуществлял переплавку, то есть техническую переработку золотых вещей.

Додд: Хорошо, давайте посмотрим, что говорит по этому поводу ваш помощник — господин Пуль. Это именно тот человек, которого вы хотели вызвать в качестве свидетеля и который, как вы вчера сказали, заслуживает доверия. У меня имеются его письменные показания, данные под присягой:

«3 мая 1946 г., Баден-Баден, Германия. Я, Пуль, под присягой показываю следующее:

1) Я родился 28 августа 1889 г. в Берлине, в Германии. Я был назначен членом директората Рейхсбанка в 1935 году и вице-президентом Рейхсбанка — в 1939 году. Я занимал эти должности до капитуляции Германии.

2) Летом 1942 года Вальтер Функ, президент Рейхсбанка, имперский министр по вопросам экономики беседовал со мной и позднее с господином Фридрихом Вильгельмом, который был также членом директората Рейхсбанка.

Функ сказал мне, что он принял меры и урегулировал вопрос с рейхе-фюрером Гиммлером о том, чтобы Рейхсбанк получал от CG в виде вкладов золото и драгоценности. Функ приказал мне провести необходимую подготовку вместе с Полем, который в качестве начальника

экономической секции СС ведал администрацией и экономическим руководством концентрационных лагерей.

3) Я спросил! Функа, из какого источника поступало это золото, драгоценности и другие предметы, которые мы должны были принимать от СС. Функ ответил, что это — собственность, конфискованная у населения восточных оккупированных территорий, и просил меня не задавать дальнейших вопросов. Я протестовал против того, чтобы рейхсбанк хранил подобные ценности. Функ заявил, что мы должны создать необходимые условия для хранения таких ценностей и что все это следует держать в строжайшей тайне.

4) Я вместе с одним из ответственных сотрудников, в ведении которого находилась касса и сейфы, провел необходимую подготовку для хранения этих ценностей. На следующем заседании я представил отчет по данному вопросу дирекции Рейхсбанка. Поль, руководитель экономической секции СС, на другой день позвонил мне по телефону и спросил, сообщили ли мне что-нибудь по этому вопросу. Я сказал, что не могу говорить по этому вопросу по телефону. Он пришел ко мне и сообщил, что СС имеет некоторые ювелирные изделия и может передать их в рейхсбанк на хранение. Я урегулировал с ним вопрос о их доставке, и, начиная с августа 1942 года, мы время от времени получали такие ценности на протяжении нескольких последних лет.

5) В число вещей, которые передавались нам на хранение, входили драгоценности, часы, оправы для очков, золотые пломбы, золотые зубы и другие золотые предметы. В основном, это было захвачено членами СС у евреев, у жертв концентрационных лагерей и других лиц. Это нам стало известно от членов СС, которые пытались превратить все эти ценности в звонкую монету и пользовались для этого содействием рейхсбанка, с ведома и согласия Функа.

В дополнение к золоту и другим предметам организация СС также передавала в рейхсбанк банкноты, иностранную валюту и другие ценные бумаги с тем, чтобы они хранились в обычном порядке в соответствии с установленным в отношении этих предметов порядком. В отношении драгоценностей и золота Функ мне сказал, что Гиммлер и фон Крозик, рейхс-министр финансов, достигли соглашения, согласно которому золото и другие золотые вещи должны храниться на счету империи, и что этот счет должен передаваться имперскому казначейству.

6) Время от времени при исполнении своих служебных обязанностей я посещал кладовые Рейхсбанка и смотрел, что там хранилось. Функ также время от времени посещал кладовые и подвалы рейхсбанка.

7) Банк валютных расчетов по указанию Функа также создал кредитные фонды, которые, в конце концов, достигли 10—12 миллионов рейхсмарок. Они были предназначены для использования их экономической секцией СС для финансирования производств, находившихся в ведении СС, на которых применялся труд заключенных концентрационных лагерей.

Я хорошо знаю английский язык и подтверждаю, что все вышеизложенное, насколько мне известно, полностью соответствует действительности. Эмиль Пуль».

(7 < подсудимому). После того как вы заслушали эти письменные показания, данные под присягой одним из ваших ближайших сотрудников и членов директрата Рейхсбанка, которого вы вчера назвали честным человеком, заслуживающим доверия, что вы скажете Трибуналу о том, что вам было известно о взаимоотношениях между вашим банком и СС?

Функ: Я заявляю, что этот affidavit Пуля ложен. По всем этим делам о золотых вкладах я говорил с Пулем самое большее три раза, я даже думаю, — два раза. О драгоценных камнях и украшениях я с Пулем никогда не сказал ни единого слова. Для меня это совершенно непостижимо, что человек, который, без сомнения, осуществлял в этом деле известные, функции, вел переговоры с СС, с Полем, хочет переложить вину на меня... Я могу лишь повторить то, что я сказал вначале, а именно, что Пуль однажды сообщил мне, что получен золотой вклад от СС и что позже — это верно я по его инициативе, я теперь вспоминаю, говорил с рейхсфюрером СС о том, могут ли эти вклады использоваться Рейхсбанком. Рейхсфюрер ответил утвердительно.

Додд: Хорошо, а что вы скажете относительно последней части письменных показаний, которой вы не коснулись в своем ответе и в которой говорится о том, что был создан кредитный фонд для СС, предназначенный для строительства предприятий близ концентрационных лагерей. Вы помните это? Я вам зачитаю. Пуль говорит: «Рейхсбанк по указанию Функа создал кредитный фонд, который, в конце концов, достиг суммы в 10—12 миллионов рейхсмарок и был предназначен для использования их экономическим отделом СС для финансирования производства материалов фабриками, находившимися в ведении СС, на которых работали заключенные концентрационных лагерей». Вы признаете, что вы это делали?

Функ: Как раз об этом я только что упоминал. Пуль однажды, это было, кажется, уже в 1939—1940 гг., сообщил мне, что его посетили господа от хозяйственных предприятий СС и вели с ним переговоры о кредите, который до сих пор давал Дрезденский банк и который они хотели бы получить от Рейхсбанка. Я тогда спросил Пуля: «Будут ли выплачены проценты по этому кредиту, обеспечен ли кредит?» «Конечно», — сказал он. Тогда я сказал: «Хорошо, дайте им этот кредит». Это все, что я знаю об этом деле.

Додд: Хорошо, вы также получали вознаграждение за хранение вещей, которые вы получали от СС, тех самых, которые вы видите в фильме, не так ли? Банк получил вознаграждение за свое участие в осуществлении этой программы?

Функ: Я не понял этого вопроса.

Додд: Я сказал, разве не являлось фактом, что СС платили вам в течение более чем трех лет за хранение вещей, которые они вам сдавали?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Да, но вы должны были знать как председатель Рейхсбанка о том, платили вам за это или нет. Вы не могли не знать этого, не так ли?

Функ: Это были, наверное, настолько небольшие поступления, что меня об этом никто не информировал.

Додд: Но что вы ответите, если я вам скажу, что Пуль в своих показаниях указал на то, что банк в течение всех этих лет получал специальное вознаграждение и что в общей сложности 77 раз грузы с драгоценностями, которые вы видели сегодня утром на экране, передавались в рейхсбанк. Вы согласны с этим?

Функ: Возможно, что это и так, но меня не информировали об этих вещах, я ничего не знаю о них.

Додд: Разве возможно, чтобы вы, будучи президентом Рейхсбанка, ничего не знали об этих 77 поставках и о том, что вы получали вознаграждение за хранение этих драгоценностей. Вы думаете, что это вполне правдоподобно?

Функ: Если директорат мне не сообщал об этом, то я мог ничего не знать.

Додд: Я хочу вам сообщить об одном обстоятельстве, которое, возможно, окажет вам некоторую помощь. Дело в том, что вы время от времени посылали меморандум ряду лиц относительно этих драгоценностей, — и, я думаю, вы знаете об этом, не так ли? Вы в этом меморандуме указывали, что именно у вас находится на хранении и кому вы направляете эти драгоценности. Известны ли вам такие меморандумы?

Функ: Нет.

Додд: В таком случае будет лучше, если вы посмотрите меморандум от 15 сентября 1942 г., адресованный, очевидно, на имя директора городского ломбарда, помещавшегося в Берлине. Я не собираюсь зачитывать вам весь меморандум, хотя это и очень интересный документ, но, как вы можете видеть, в меморандуме говорится: «Мы передаем вам следующие драгоценности и просим их использовать по возможности самым наилучшим образом». Далее дается перечень этих драгоценностей: 247 колец из платины и серебра, 154 золотых часов, 1601 золотых серег, 13 брошек с драгоценными камнями. Я не буду читать все по порядку. Кое-что я пропускаю и читаю далее: «324 серебряных ручных часов, 12 серебряных подсвечников, бокалы, ложки, вилки, ножи и даже оправы для очков, вставные челюсти, пломбы, 187 жемчужин. 4 бриллианта». Здесь написано: «Гаупткасса имперского рейхсбанка».

Вы хотите убедить Трибунал в том, что сотрудники вашего Рейхсбанка, направляя все эти драгоценности в городской ломбард, даже не ставили вас об этом в известность?

Функ: Я ничего не знаю об этих операциях, и их можно объяснить лишь тем, что, невидимому, в рейхсбанк сдавались вещи, которые он не имел права принимать.

Додд: Я также хотел бы, чтобы вы взглянули на документ 3949-ПС, составленный несколькими днями позже, а именно— 19 сентября 1942г. Я представляю этот документ в качестве доказательства за № США-848; как вы видите, этот документ представляет собой меморандум относительно передачи банкнотов, золота, серебра и драгоценностей имперскому министру финансов. В меморандуме также указывается, что дается лишь «частичный перечень» драгоценностей, полученных отделом драгоценных металлов. Я полагаю, нет надобности зачитывать весь меморандум полностью. В последних двух абзацах, следующих после той части меморандума, где говорится о том, из чего состояли все эти

поставляемые драгоценности, говорится: «До того как мы передадим все эти доходы, исчисляющиеся суммой в 1184345,59 германских марок, в рейхсгаупткасса на счет имперского министра финансов, мы просили бы сообщить, под каким номером должны направляться эта и последующие суммы. Позднее, может быть, будет удобно обратить внимание ответственного сотрудника имперского министерства финансов на суммы, переведенные в министерство германским имперским банком». На документе имеется подпись: «Гаупткасса имперского рейхсбанка» и печать: «Оплачено по чеку, Берлин, 27 октября 1942 г., Гаупткасса».

Функ: Относительно этого документа я думаю, что могу дать объяснение и притом на основании показаний, которые были здесь даны некоторыми свидетелями по вопросу о концентрационных лагерях. Свидетель Олендорф, насколько я знаю, а также еще один свидетель показали, что ценные предметы, которые отбирались у заключенных концентрационных лагерей, передавались имперскому министру финансов. Я полагаю, что техническая процедура была такова: эти вещи сначала ошибочно передавались Рейхсбанку, но рейхсбанк ничего не мог сделать с этими украшениями, жемчугом, жемчужными ожерельями и т. д. и всем, что здесь указано, и передавал эти вещи имперскому министру финансов. Таким образом, здесь со стороны Рейхсбанка был осуществлен расчет за имперского министра финансов. Я думаю, что к такому заключению можно прийти на основании этого письма.

Додд: Вы, несомненно, слышали показания Олендорфа о том, что вся собственность, все драгоценности этих несчастных жертв, умерщвленных в концлагерях, передавались имперскому министру финансов; по-моему, он дал такие показания здесь, в суде.

Функ: Об этом я услышал здесь. Это для меня ново, что рейхсбанк в таком объеме занимался этими делами.

Додд: Вы утверждаете, что вы не знали, что сотрудники Рейхсбанка занимались этим вопросом так подробно, или вы вообще не знали того, что сотрудники Рейхсбанка занимались этим?

Функ: Я вообще не занимался этим делом.

Додд: Но вам было известно об этом?

Функ: Нет.

Додд: Вы никогда не слышал об этом?

Функ: Я не знал, что из концентрационных лагерей вообще сдавались в рейхсбанк украшения, часы, портсигары, кольца и так далее, это для меня ново.

Додд: Было ли вам известно о том, что поступало из концентрационных лагерей в рейхсбанк?

Функ: Да, конечно, — золото, я уже говорил об этом.

Додд: Золотые зубы?

Функ: Я уже сказал, что нет. Золото, о котором сообщил мне Пуль, и я полагал, что это были золотые монеты, и вообще золото, которое должно было быть так или иначе сдано в рейхсбанк, которое рейхсбанк по закону мог использовать по своему усмотрению. О других предметах я ничего не знаю.

Додд: Скажите, что вам сказал Гиммлер и что вы ответили Гиммлеру, когда вы обсуждали с ним вопрос о получении золота от жертв из концентрационных лагерей? Я думаю. Трибуналу будет интересно

узнать содержание этого разговора. Сообщите Трибуналу, когда состоялась беседа, что вам сказал Гиммлер и что вы ему сказали?

Функ: Где состоялась эта беседа, я уже не помню. Я ведь видел Гиммлера очень редко, может быть, раз или два. Я полагаю, что эта беседа имела место при одном из посещений мною Ламмерса в его полевой ставке, где находилась также и полевая ставка Гиммлера, наверное, это было тогда. При этом я лишь кратко, очень кратко говорил об этом.

Додд: Скажите нам, когда это было?

Функ: Это было, приблизительно, в 1943 или 1944 году, я не помню точно. Я не придавал никакого значения этому делу. А потом я, между прочим, спросил: «Ведь имеется специальный подвал в Рейхсбанке, где хранится золото, которое принадлежит вам, СС. Господа из директората Рейхсбанка спросили меня, может ли рейхсбанк использовать этот вклад для оборота». На это он ответил «да». Я с ним ни одного слова не сказал об украшениях или о других подобных вещах или даже о золотых зубах и т. д. Весь разговор относился лишь к этому вопросу.

Додд: Таким образом, вы хотите сказать, что это соглашение было достигнуто совершенно независимо от вас и Гиммлера, между каким-то лицом из вашего Рейхсбанка и каким-то лицом из СС, и что вы не являлись инициатором заключения этого соглашения?

Функ: Да, это был не я.

Додд: Кто из вашего банка заключал это соглашение?

Функ: Повидимому, Пуль или кто-либо другой из директората рейхсбанка с представителем от хозяйственных предприятий СС. А меня информировал об этом Пуль очень коротко.

Додд: Хорошо. Я хотел бы задать вам еще один или два вопроса по поводу двух очень небольших документов. Вы заявили Трибуналу, что вы не имели ничего общего с разграблением оккупированных территорий. Известно ли вам, что представляла собой корпорация «Роджес»?

Функ: Я знаю лишь, что это было общество, которое, как мне кажется, по официальному заданию производило закупки для многих имперских учреждений.

Додд: Эта корпорация «Роджес» производила закупки на черном рынке во Франции за счет излишков фонда оккупационных расходов, не так ли?

Функ: Я был против того, чтобы такие закупки производились на черном рынке.

Додд: Я вас не спрашиваю о том, одобряли ли вы эту деятельность. Я просто вас спрашиваю, действительно ли они делали это или нет?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Хорошо. Взгляните в таком случае на документ, составленный одним из ваших помощников — д-ром Ландфридом, которого вы также вызывали в качестве свидетеля и которому был направлен опросный лист. Это—письмо от 6 июня 1942 г., адресованное в административное управление ОК.В, в котором говорится: «В ответ на мое письмо от 25 апреля 1942 г. верховное командование вооруженных сил передало в мое распоряжение из фонда оккупационных расходов 100 миллионов рейхсмарок. Эта сумма, за исключением 10 миллионов рейхсмарок, уже была передана на хранение, так как торговая корпорация "Роджес".»

производившая закупки сырья и находившаяся в Берлине, предъявляла очень большие требования в отношении закупок сырья на черном рынке во Франции. В целях устранения всяких задержек по производству закупок, вызванных требованиями войны, необходимо выдать дополнительные суммы из фонда оккупационных расходов.

Согласно информации, полученной от корпорации «Роджес» и экономического бюро военного командования во Франции, для производства таких закупок каждые десять дней необходимо иметь приблизительно 30 миллионов рейхсмарок во французских франках. Согласно сообщению корпорации «Роджес», ожидается увеличение таких закупок, и поэтому будет недостаточно тех 100 миллионов рейхсмарок, которые имеются в наличии, как об этом говорится в моем письме от 25 апреля 1942 г., и, кроме того, будет необходима дополнительная сумма в 100 миллионов рейхсмарок».

Из этого письма, написанного вашим сотрудником Ландфридом, <; очевидностью явствует, что корпорация «Роджес», созданная вашим министерством, совершала операции на черном рынке во Франции, используя деньги, которые выжимались из Франции путем чрезмерных оккупационных расходов, не так ли?

Функ: То, что «Роджес» делала подобные покупки, — это верно. Эти вопросы обсуждались уже раз здесь в связи с поручениями, с указаниями, которые были даны в соответствии с четырехлетним планом относительно этих закупок на черном рынке. Но здесь речь идет о разрешенном и организованном государством импорте, а то, против чего мы постоянно боролись, — были неограниченные закупки на черном рынке.

Додд: Об этом вы сообщали нам вчера. Это было в 1943 году. Во Франции в тот период мало что оставалось для продажи на черном рынке, на белом рынке или на каком-либо другом рынке, не так ли? Эта страна в то время уже была достаточно ограблена.

Функ: В 1943 году, мне кажется, из Франции поступало еще очень много. Во Франции еще работали предприятия и продукция выпускалась в довольно значительных количествах. Из официальной французской статистики явствует, что еще и в 1943 году значительная часть общей продукции направлялась в Германию, причем эта часть ни в коем случае не была меньше, чем в 1941—1942 гг.

Додд: Хорошо. В любом случае я желал бы кратко остановиться на вопросах, связанных с Россией, так как, как я понял из того, что вы сказали вчера, вы не были в достаточной степени связаны с этим и что вашим представителем при Розенберге являлся некий Шлоттерер.

Функ: С самого начала я предоставил в распоряжение Розенберга министерского директора Шлоттерера для того, чтобы в России не работали два экономических бюро или два экономических отдела, а лишь один, а именно — управление имперского министра по делам восточных территорий.

Додд: Это все, что я хотел узнать. Он был назначен на этот пост и принимал участие в ограблении России в области машин, сырья и товаров, продолжавшемся в течение очень значительного периода времени, и вы были полностью осведомлены обо всем этом.

Функ: Нет, это неверно, это делал не этот человек; эти операции производились экономическим отделом «Ост», который был, как я полагаю, учреждением в системе четырехлетнего плана.

Додд: Вы сейчас говорите совершенно другое. Поэтому будет лучше, если я оглашу показания, которые вы дали во время предварительного допроса 19 октября 1945 г. в Нюрнберге. Вам был задан следующий вопрос: «Частью вашего плана являлся вывоз из России машин, сырья и других материалов и отправка их в Германию?»

Вы ответили: «Да, совершенно верно, но я не участвовал во всем этом».

«Вопрос: Однако все это действительно имело место. Но ведь вы лично и ваш представитель Шлоттерер участвовали в обсуждении и разработке этого плана ограбления?»

Ответ: Но я сам лично не участвовал в этом.

Вопрос: Но ведь вы дали вашему представителю Шлоттереру право действовать от вашего имени?»

Ответ: Да, Шлоттерер был моим представителем по экономическим вопросам в министерстве Розенберга».

Функ: Нет, это неверно. Эти показания полностью неверны, ибо Шлоттерер был передан в министерство Розенберга, он стал в министерстве Розенберга руководителем хозяйственного отдела.

Додд: Вы хотите тем самым сказать, что вы не давали подобных ответов во время вашего допроса?»

Функ: Нет, эти ответы неверны.

Додд: Это очень интересно. Вчера вы сказали нам, -что ваши ответы на вопросы, которые вам задавал майор Ганз, были неправильны. Вчера я вам зачитал показания, данные вами во время другого допроса, вы сказали, что они также неправильны. Теперь я оглашаю показания, которые вы дали третьему лицу, и вы заявляете, что они тоже неправильны.

Функ: Нет, я говорю, что неверно то, что я сказал.

Додд: Хорошо, я как раз об этом и говорю.

Рагинский¹: Подсудимый Функ, вы вчера говорили, что ваше министерство к моменту нападения на Советский Союз имело очень ограниченные функции и вы сами были, так сказать, неполноценным министром. В связи с этим я хочу задать вам несколько вопросов о структуре министерства экономики.

Скажите, вам известна книга Ганса Квекке под названием «Имперское министерство экономики»? Вы знаете о такой книге?»

Функ: Нет.

Рагинский: Не знаете? Вам неизвестна фамилия — Квекке?»

Функ: Я знаю одного Квекке.

Рагинский: Это — советник министерства экономики?»

Функ: Квекке был советником в министерстве экономики.

Рагинский: И он, конечно, знал структуру министерства и его функции, не так ли?»

Функ: Да, конечно, он должен был это знать.

Рагинский: Я представляю Трибуналу как доказательство под № СССР-451 эту книгу, а вам, подсудимый, передадут фотокопию раздела этой книги, чтобы вы могли следить за текстом. С разрешения Суда

¹ Помощник Главного обвинителя от СССР. — Составители.

я процитирую несколько отрывков. Прошу открыть 65 страницу и взглянуть на последний абзац (подсудимому передают документ). Вы нашли это место?

Функ: Да.

Рагинский: Это — структура министерства экономики на 1 июля 1941 г. Вашим постоянным заместителем был некий д-р Ландфрид. Это тот самый Ландфрид, показания которого представил ваш защитник?

Функ: Да.

Рагинский: Я прошу следить за текстом.

«Ландфриду был подчинен особый отдел, который ведал основными вопросами снабжения сырьем и основными вопросами военного хозяйства». Подсудимый Функ, я вас спрашиваю:...

Функ: Момент, момент, где это написано? (Подсудимому показывают.) Где это такое?

Рагинский: Это находится в разделе 2, отдел С. (Пауза.) Вы нашли теперь? (Пауза.)

Функ: «Военная экономика», я не вижу этого, я ничего не вижу о военной экономике,

Рагинский: Отдел С, раздел 2. (Пауза.)

Функ: Здесь нет ничего о военном хозяйстве, я не могу найти. Здесь идет особый отдел.

Рагинский: Да, особый отдел, а затем что?

Функ: Затем — основы снабжения сырьем, основы военного хозяйства...

Рагинский: Вот об этом, о военном хозяйстве, я и говорю. Читаю дальше: «Ему же подчинена основная политика рынков, хозяйственные вопросы в пограничных областях». Министерство состояло из пяти главных управлений, не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: В третьем главном управлении у вас была специальная группа под названием «Освобождение хозяйства от евреев». Это было в 1941 году, так?

Функ: Да, да. В это время там обрабатывались эти вопросы, это верно. Там были разработаны рабочие постановления, о которых мы вчера долго говорили.

Рагинский: Я прошу следить за текстом.

«Четвертое главное управление возглавлял доктор Клуки. Это главное управление занималось банками, валютной политикой и построением финансов». Не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: Я полагаю, что вы должны знать структуру своего министерства и должны знать, что пятое главное управление возглавлялось статс-секретарем фон Ягвицом. Это управление занималось особыми экономическими задачами в различных странах и экономическими колониальными вопросами. Пятый отдел этого управления занимался военно-экономическими вопросами внешнего хозяйства. Так?

Функ: Да.

Рагинский: Это же управление занималось особыми иностранными платежами, а также конфискациями вкладов?

Функ: Я этого не понимаю. Здесь говорится об отделе внешней торговли, который занимался только техническими вопросами экспорта.

Рагинский: Возьмите отдел девизов. Вы нашли это место?

Функ: Да.

Рагинский: Вы нашли, что там говорится о конфискации вкладов?

Вы имели отношение к взаимодействию вашего министерства с внешне-политическим отделом НСДАП? Вам понятен вопрос?

Функ: Да.

Рагинский: И у вас в министерстве был специальный отдел, который этим занимался?

Функ: Это следует объяснить тем, что помощник статс-секретаря фон Ягвиц, который был руководителем этого главного отдела, одновременно работал в заграничной организации и для себя лично создал в министерстве центр связи для того, чтобы обрабатывать в министерстве экономические вопросы, которые проходили через иностранную организацию. Это было лишь следствием того, что фон Ягвиц одновременно работал в заграничной организации и поэтому, попав в иностранный отдел, поддерживал с ней связь.

Рагинский: Следует, значит, понимать так, что внешнеполитический отдел НСДАП имел специальные экономические функции и он взаимодействовал с вашим министерством в этом направлении?

Функ: Нет, это неверно.

Рагинский: Для чего же у вас существовал этот отдел?

Функ: Это не отдел. Помощник статс-секретаря фон Ягвиц одновременно работал в заграничной организации. Я не знаю, какой пост он занимал там, но он работал в заграничной организации прежде, чем был "переведен рейхсмаршалом в министерство. Потом он сам в своем отделе создал нечто вроде центра связи с заграничной организацией, из-за границы ведь часто приезжали в Берлин хозяйственники, принадлежавшие к заграничной организации НСДАП, и эти люди сообщала статс-секретарю фон Ягвицу о своих делах, о своем опыте за границей. Больше я ничего не знаю об этом.

Рагинский: Вы хотите уверить, что это была частная инициатива фон Ягвица и вы, как министр, ничего об этом не знали?

Функ: Да. Нет, я знал об этом, это происходило с моего ведома.

Рагинский: Я читаю последний абзац, где сказано: «Пятое главное управление подчинено внешнеполитическому отделу имперского министерства экономики. Он (этот самый отдел) обеспечивает взаимодействие между министерством и заграничными организациями НСДАП». Следовательно, речь идет не о личной инициативе фон Ягвица, как вы хотели заверить Трибунал, этот отдел являлся отделом вашего министерства. Вы нашли это место?

Функ: Да. Господин фон Ягвиц руководил этим центром связи для сотрудничества с заграничной организацией, во многих случаях это было вполне естественно. Я не знаю, что в этом можно увидеть преступного или необычного.

Рагинский: Вы вчера говорили, что были уполномоченным по хозяйству также неполноценным. По вашим словам, настоящим уполномоченным был Шахт, а вы были второстепенным уполномоченным. Вы помните свою статью под названием «Хозяйственная и финансовая мобилизация»? Вы помните, что вы писали тогда? (Пауза.) Ну, не будем тратить времени, я вам напомню. Я представляю Трибуналу как доказательство под № СССР-452 статью Функа, опубликованную в центральном!

ежемесячнике НСДАП и «Германского рабочего фронта» за 1939 год под названием «Дер шулунгсбриф». Вы писали тогда:

«Назначенный фюрером генеральным уполномоченным по хозяйству, я считаю своей обязанностью позаботиться о том, чтобы во время военных действий обеспечить также жизненную и боевую силу народа с хозяйственной точки зрения». Вы нашли это место?

Функ: Да, нашел.

Рагинск-ий: Далее, вы писали: «Использование хозяйства для больших политических целей фюрера требует не только твердого и единого руководства всеми хозяйственными и политическими мероприятиями, но в прежде всего тесной согласованности с соответствующими задачами-партии, правительства и вооруженных сил. Индустрия, продовольствие, сельское хозяйство, лесоводство и лесной промысел, внешняя торговля, транспорт, использование рабочей силы, установление зарплаты и цен, финансы и кредит — все это должно быть мобилизовано на то, чтобы весь хозяйственный потенциал поставить на службу обороны империи. Для проведения этой задачи мне как генеральному уполномоченному по хозяйству подчиняются соответственно высшие представители власти империи».

Вы подтверждаете, что так именно вы писали в 1939 году? (Пауза.) Вам неясен вопрос?

Председатель: Он сказал — да.

Функ: Нет, нет, мне совершенно ясно. Я сказал, что я это подтверждаю.

Рагинский: Вы знаете об издании в июне 1941 года так называемой «зеленой папки» Геринга? Она оглашалась здесь, в суде. Это так называемые директивы по руководству экономикой, а вернее директивы по разграблению оккупированных территорий СССР. Какое участие вы лично принимали в разработке этих директив?

Функ: Я не знаю сейчас, — принимал я участие в этом или нет.

Рагинский: Вы не помните? Как же это могло быть, чтобы такие документы составлялись без вас — министра экономики, президента Рейхсбанка и генерального уполномоченного по вопросам экономики?

Функ: Во-первых, тогда я уже не был генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Уполномоченным по вопросам военной экономики я вообще никогда не был. Все полномочия и права уполномоченного по вопросам экономики вскоре после начала войны перешли к уполномоченному по четырехлетнему плану. Это здесь было уже неоднократно подтверждено и подчеркнуто. Что касается моего личного участия в руководстве экономикой в оккупированных областях, то оно было самым минимальным. Я даже не помню сейчас об этом, так как всем управлением экономикой в оккупированных восточных областях занимался экономический штаб «Ост» и уполномоченный по четырехлетнему плану в полном сотрудничестве с министерством Розенберга, то есть министерством по делам оккупированных восточных областей. Сам помню лишь о том, что министерство экономики поручало отдельным коммерсантам из Гамбурга и Кельна развивать в оккупированных восточных областях частное хозяйство.

Рагинский: Мы уже слышали, каким «развитием» они занимались. Вы грабеж называете развитием.

Вы помните свое выступление в Праге 17 декабря 1941 г. на засе-

дании южноевропейского экономического общества или вам следует напомнить о нем?

Функ: Не нужно. Во время предварительного расследования я обратил внимание генерала Александра на эту речь и сказал ему тогда, что это было неправильным газетным сообщением, которое спустя короткое время было исправлено, опровергнуто мною.

Рагинский: Подсудимый Функ, вы несколько предупреждаете события. Вы не знаете еще, о чем я вас хочу спросить. Вы послушайте, а потом будете отвечать. Вы делали заявление Суду, что ни в каких совещаниях у Гитлера, на которых обсуждались политические и экономические цели нападения на Советский Союз, вы не принимали участия и что об установках, высказываниях и планах Гитлера о территориальном разделе Советского Союза вы не знаете, но ведь вы сами в своем выступлении говорили, что «Восток является будущей колонией Германии», колониальной областью Германии. Вы говорили о том, что Восток является будущей колониальной областью Германии?

Функ: Нет. Во время предварительного расследования я уже оспаривал этот факт. Когда мне был предъявлен этот документ, то я сказал, что я говорил о старых германских колонизаторских областях, и это может, я надеюсь, подтвердить генерал Александров. Он тогда допрашивал меня.

Рагинский: Я не собираюсь вызывать генерала Александра в качестве свидетеля. Я вас спрашиваю, вы это говорили?

Функ: Нет.

Рагинский: Вы сказали, что вам не нужно напоминать, а именно это написано в вашем выступлении, я вам дословно приведу эту цитату, «Широкие, неоткрытые еще для Европы сырьевые области в восточном европейском пространстве станут многообещающей колониальной страной Европы». А в декабре 1941 года о какой Европе и о каких старых германских областях шла тогда речь? Я вас спрашиваю?

Функ: Я уже оказал, что я не говорил о колониальных областях, я говорил о старых германских колониальных пространствах.

Рагинский: Вы говорили, что являлись президентом компании «Континенталь Ойль». Эта компания была организована для эксплуатации нефтяных богатств на оккупированных территориях, в особенности грозненской и бакинской нефти. Ответьте мне: да или нет?

Функ: Компания действовала не только в оккупированных областях, она занималась разработкой нефтяных запасов на территории всей Европы.

Рагинский: Вы не ответили на мой вопрос. Я вас спрашивал, грозненская и бакинская нефть — эти источники являлись объектом эксплуатации этой компании? Нефтяные источники Кавказа были включены в основной капитал «Континенталь Ойль»?

Функ: Нет.

Рагинский: Вы помните, здесь, на Суде, оглашалась стенограмма совещания у Геринга от 6 августа 1942 г. с рейхскомиссарами оккупированных областей? Вы помните об этом совещании?

Функ: Да.

Рагинский: Вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого не знаю. Что вы хотите сказать, что на этом совещании говорилось о нефтяных запасах Кавказа? Я этого не знаю.

Рагинский: Я вас спрашиваю: вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого сейчас уже не знаю, может быть, и принимал.

Рагинский: Вы не помните? В таком случае вам покажут этот документ. Он был представлен Трибуналу, он оглашался здесь. Это документ—СССР-170.

Как установлено, на этом совещании намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакию, Югославии и других стран. На этом совещании подсудимый Геринг обращался к вам с репликой. Теперь вы вспомнили?

Функ: Да, я вспомнил, что был на этом совещании. Слова же Геринга, обращенные ко мне, относятся к следующему: после того как русские области были уже заняты, мы посылали коммерсантов, которые привозили туда интересующие население товары. Здесь как раз сказано: «Туда должны быть посланы коммерсанты. Вначале их следует послать в Венецию, чтобы они закупили там товары, которые должны быть ими затем распределены в оккупированных русских областях». Вот что мне тогда сказал Геринг.

Рагинский: Я не об этом сейчас вас спрашиваю, подсудимый Функ. Вы были на этом совещании или не были? Можете вы ответить на этот вопрос?

Функ: Конечно, если Геринг там говорил что-то мне, то я присутствовал на этом совещании 6 августа 1942 г.

Рагинский: Отвечая на вопросы господина Додда о пополнении золотого запаса Рейхсбанка, вы, подсудимый Функ, говорили, что золотые запасы Рейхсбанка пополняли только золотом Бельгийского банка. А разве вы не знали, что из национального Чехословацкого банка было украдено 23 тысячи килограммов золота и перевезено в рейхсбанк?

Функ: О том, что было украдено, — мне не известно.

Рагинский: А что вам известно?

Функ: Я вчера здесь совершенно ясно говорил, что золотые запасы, переместились главным образом через принятие золота Бельгийского и Чехословацкого национальных банков. О чешском национальном банке я вчера говорил особо.

Рагинский: Да, но я вас сейчас спрашиваю не о Бельгийском, а о Чехословацком банке.

Функ: Да, да. Я вчера уже упоминал о нем. Я говорил о нем.

Председатель: Да, он только что сказал, он говорил о Чехословакии и о золотых запасах Чехословакии.

Рагинский: Господин председатель! Вчера он о Чехословакии не сказал, и я этот вопрос сегодня ему поставил. Но если он отвечает утвердительно, то я больше его по этому поводу спрашивать не намерен.

Я перейду к следующему вопросу—о Югославии. 14 апреля 1941 г., то есть до полной оккупации Югославии, главнокомандующий германскими сухопутными войсками издал сообщение для оккупированных югославских территорий. Это документ СССР-146/1078, он уже был представлен Трибуналу. Девятым пунктом этого сообщения определяется принудительный курс югославской валюты — за одну немецкую марку — 20 югославских динар и в принудительном порядке наряду с югослав-

ским динарами вводятся кредитные билеты германской имперской кредитной кассы «рейхскредиткассеншайне». Эти валютные операции позволили немецким захватчикам по дешевой цене вывозить из Югославии товары, а также разные ценности. Такие операции проводились во всех оккупированных областях. Я вас спрашиваю, вы признаете, что такие операции являлись одним из способов экономического разграбления оккупированных территорий?

Функ: Нет. Важно то, в каком соотношении устанавливаются курсы. В отдельных случаях, в частности, это относится к Франции, я протестовал против занижения курса валюты в оккупированных областях.

Рагинский: Подсудимый Функ, о Франции вы уже говорили, и я бы не хотел отнимать лишнее время у Трибунала. Вам следует отвечать на мои вопросы.

Функ: Одну минуточку. Я не знаю сейчас, каково было тогда соотношение между динарами и марками. Вообще не я устанавливал курсы. Это исходило от министра финансов и вооруженных сил. Что касается моего участия, то я всегда настаивал на том, чтобы курс валюты не удалялся слишком далеко от курса, который имелся в тот момент и который основывался на покупательной силе денег. Сейчас я уже не знаю, каков был в то время курс динар. Что касается кредитных билетов германской кредитной кассы («рейхскредиткассеншайне»), то они должны, конечно, были прийти вместе с германскими войсками.

Рагинский: Значит, вы хотите сказать, что вы были не при чем, а все дело в министре финансов? Скажите, вам известны показания вашего заместителя Ландфрида, которые представил ваш защитник? Вы помните, что Ландфрид говорил и утверждал совсем другое. Он говорил, что ваше мнение было окончательным и решающим при определении валютных курсов в оккупированных странах. Вы не согласны с этим показанием?

Функ: При определении курса валюты, само собой разумеется, спрашивали мое мнение как президента Рейхсбанка. Но я могу сказать, что я всегда старался, чтобы новые курсы назначались как можно более близкими к старому курсу и основывались на покупательной силе имевшего место курса, то есть чтобы занижение курса не имело места.

Рагинский: Следовательно, принудительный курс в оккупированных странах вводился с вашего ведома и по вашему указанию?

Функ: Нет, меня спрашивали, каково мое мнение. Я должен был просто дать мое согласие, то есть директор Рейхсбанка должен был дать свое согласие. Моим мнением интересовались.

Рагинский: Я удовлетворен вашим ответом.

Я перехожу к следующему вопросу. 29 мая 1941 г. германский главнокомандующий в Сербии издал распоряжение, которое было уже представлено Трибуналу как документ СССР-135/180. Этим распоряжением был ликвидирован национальный банк Югославии, и все имущество югославского банка было разделено между Германией и ее сателлитами. Вместо югославского национального банка был создан фиктивный так называемый сербский банк, руководителей которого назначал германский генеральный уполномоченный по экономике Сербии. Скажите, вам известно, кто был этот уполномоченный по экономике в Сербии?

Функ: Повидимому, это был генеральный консул Ганс Нейгаузен, уполномоченный генерального уполномоченного по четырехлетнему плану.

Рагинский: Нейгаузен являлся сотрудником министерства экономики?

Функ.: Нет.

Рагинский: Никогда в министерстве экономики не работал?

Функ: Нет, никогда Нейгаузен не работал в министерстве экономики.

Рагинский: Он был сотрудником Геринга?

Функ: Да. Он был сотрудником Геринга. Это правильно.

Рагинский: Вы признаете, что такая специфическая валютно-экономическая операция, в результате которой Югославское государство и его граждане были ограблены на несколько миллиардов динаров, не могла быть проведена без вашего участия и подведомственных вам учреждений?

Функ: Я не знаю точно тех положений, согласно которым были ликвидированы эти банки и основан новый сербский национальный банк. Но само собой разумеется, что Рейхсбанк в таких транзакциях принимал участие.

Рагинский: Таким образом, наряду с открытым грабежом, выразившимся в конфискациях, реквизициях и т. п., которые немецкие захватчики проводили в оккупированных странах Восточной Европы, они использовали до предела все экономические силы этих стран и путем различных валютно-экономических мероприятий, таких, как обесценивание валюты, захват банков, искусственное снижение цен и зарплаты, продолжали экономическое разграбление оккупированных территорий. Вы признаете, что именно такова была политика Германии в оккупированных странах Восточной Европы?

Функ: Нет.

Рагинский: Не признаете?

Функ: Ниоим образом.

Рагинский: Я передаю Трибуналу документ под номером СССР-453, Ю-119—это новый документ, который представляет собой заметки о совещании у имперского комиссара по установлению цен от 22—23 апреля 1943 г. На этом совещании участвовали референты по вопросам цен всех оккупированных областей. Я зачитаю несколько выдержек из этого документа. На второй странице указано, что «на 1 октября 1942 г. в Германии работало пять с половиной миллионов иностранных рабочих, из них полтора миллиона военнопленных и четыре миллиона из гражданского населения, в том числе, — как говорится в этом документе, — 1 200 000 с Востока, 1 миллион из бывших польских областей, 200 000 из Чехословакии, 65 000 хорватов, 50 000 сербов и т. д.». Далее в этом документе говорится: «Уравнение цен должно быть произведено за счет страны-поставщицы, то есть сальдо клиринга, которые в большинстве случаев активны для оккупированных областей». На 14-й странице указывается, что в оккупированных областях «главный интерес заключается не в пользе для населения, а в использовании экономических сил страны».

На странице 16-й имеется такая запись: «Относительно оккупированных стран восточных областей: цены там гораздо ниже, чем немецкие цены, этим уже достигнуты большие выгоды в пользу кассы рейха». На странице 19-й даны сведения о клиринговом долге Германии в сумме 9,3 миллиарда марок, причем клиринговое сальдо

составляет для Чехословакии минус два миллиона, по Сербии — минус 219 миллионов, по Хорватии—минус 85 миллионов, Словакии—минус 301 миллион. И, наконец, на странице 22-й документа говорится: «Цены в оккупированных восточных областях удерживаются на таком низком уровне, на каком это возможно. Уже сейчас достигаются выгоды, но они употребляются на покрытие долгов рейха, и высота заработной платы, вообще говоря, представляет одну треть немецкой».

Вы признаете, что такой планомерный грабеж, проводившийся немецкими захватчиками в гигантских размерах, не мог быть осуществлен без вашего активного участия как министра экономики, президента Рейхсбанка и генерального уполномоченного по вопросам экономики?

Функ: Я опять вынужден подчеркнуть, что во время войны я не был уполномоченным по вопросам экономики. Но относительно этого документа я хотел бы сказать следующее. Здесь речь идет о доставленных в Германию рабочих из-за границы и оккупированных стран. Я сам подчеркивал, и это было доказано показаниями, что я в принципе был против доставки из оккупированных областей рабочих рук в большом объеме в Германию, так как это наносило ущерб экономическому порядку этих областей. О насильственной доставке я уже не говорю. Против этого, я, само собой разумеется, также выступал. Если здесь какой-то референт, которого я не знаю, сказал, что внешнеполитические соображения в отношении оккупированных областей не имеют значения, так как самое главное для нас — это использование экономических возможностей в этих областях, а не соблюдение интересов населения, то я должен возражать против этого, поскольку это не является моей точкой зрения. Это, очевидно, личное мнение того референта, которого, еще раз повторяю, я не знаю. Совершенно понятно, что если в оккупированной области не существует должного экономического порядка, то ни о каком производстве в этой области речи не может быть. Если цены там не установлены так, что люди могут существовать и социальная жизнь может держаться в порядке, то ни о какой продукции этих областей не может быть речи.

Что касается клиринговых долгов, то я уже вчера объяснил, что клиринговая система была обычной торговой системой для Германии и что я всегда признавал клиринговые долги настоящими долгами, которые после войны должны были быть оплачены валютой в соответствии с ее покупательной силой. Я в этом не усматриваю никакого разграбления.

Что касается всего остального, то я могу сказать, что экономика оккупированных областей не входила в мою компетенцию, что у меня не было полномочий издавать указания. Мое участие заключалось в том, что я в отдельные учреждения посылал чиновников, как и все другие инстанции, и что между этими учреждениями и инстанциями в самой Германии существовало сотрудничество. За руководство экономикой в оккупированных областях я на себя ответственность не беру. Здесь рейхсмаршал совершенно ясно заявил, что вся ответственность за решение экономических вопросов падает на него.

Рагинский: Я понимаю, сотрудничать — вы сотрудничали, а отвечать — вы не хотите. А вы помните свои показания, которые вы дали 22 октября 1945 г. во время вашего допроса? Когда речь шла о насильственной мобилизации иностранных рабочих, вас спросили, знали ли вы

об этом и возражали ли против этого? Не правда ли? Вы ответил»: «Нет, почему именно я должен был возражать?...»

Функ: Нет, это неправильно. Я протестовал против насильственной мобилизации рабочих, против того, что такое громадное количество людей должно было покинуть свои области, так как экономика в данных оккупированных областях замирала вследствие этого.

Рагинский: У меня последний вопрос. Вы помните статью, опубликованную в газете «Дас Рейхе» от 18 августа 1944 г. в связи с вашим пятидесятилетием? Эта статья называется «Вальтер Функ—пионер национал-социалистского мышления». Я ее представляю как документ под № СССР-450 и зачитаю несколько отрывков из этой статьи. «Начиная с 1931 года, Вальтер Функ как личный советник по экономическим вопросам и уполномоченный фюрера по экономике, неутомимо сочетавший работу в партии и хозяйстве, сделался человеком, прокладывающим путь для новой позиции немецких предпринимателей. Если при перевороте 1933 года более чем десять лет господствовавшие в немецкой официальной жизни противоречия между политикой и хозяйством, особенно противоречия между политикой и предпринимателями, постепенно стирались, если существовавшая преданность общему делу стала составной частью всех работ, то это является заслугой Функа, который проводил широкую разъяснительную работу в своих выступлениях и трудах, начиная с 1929 года». И последний, заключительный абзац этой статьи. «Вальтер Функ остался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистом, борцом, посвящающим все свои работы победе идеалов фюрера».

Каковы так называемые идеалы вашего фюрера — знает теперь весь мир. Вы признаете правильность оценки вашей личности и деятельности, которая дана в этой статье?

Функ: В общем и целом — да.

Рагинский: У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РАЗДЕЛУ «ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК БАЗА АГРЕССИИ»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 8 января 1946 г.]*

Джонс: Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание Трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Моя борьба», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии. Весь ее тон и содержание подтверждает мнение обвинения о том, что стремление нацистов к осуществлению агрессивных целей не было случайным и не вытекало непосредственно из той политической ситуации в Европе и в мире, которая существовала в период нацистской власти. Книга недвусмысленно устанавливает, что использование агрессивных войн для достижения цели во внешней политике было частью идеологии

нацистской партии. Великий германский философ однажды сказал, что «идея имеет ноги и руки». Целью этих подсудимых было сделать идею доктриной и политику «Майн кампф» политическим руководством к действию для германского народа, в особенности для молодежи.

Как уже показали Трибуналу мои американские коллеги, с 1933 по 1939 год проводилось упорное вдалбливание идей «Майн кампф» во всех школах и университетах Германии, так же как и в рядах гитлеровской молодежи под руководством подсудимого Бальдура фон Шираха, а также в СА, СС и среди германского населения в целом через организацию подсудимого Розенберга.

Эта книга служила официальным подарком для всех молодоженов Германии, и я теперь передаю Трибуналу один из этих «свадебных подарков», которые вручались новобрачным в Германии. Трибунал увидит, что на титульном листе . имеется посвящение. Оно гласит:

«Молодоженам Фридриху Розброку и Эльзе Бек с лучшими пожеланиями счастливого брака. Вручено районной администрацией по случаю их бракосочетания 14 ноября 1940 г. За мэра города—регистратор».

Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа.

Генерал СС фон дем Бах Зеленский 'сказал здесь, что «если вы проповедуете в течение десяти лет, что славянские народы являются низшей расой и что евреи «недочеловеки», логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением». От «Моей борьбы» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека.

Каковы были идеи «Моей борьбы», я постараюсь показать Трибуналу в цитатах. Эти цитаты распадаются на две категории. Первая категория — выражение общих идей Гитлера о необходимости применения силы как средства разрешения международных проблем. Вторая категория содержит более детальные высказывания Гитлера по поводу политики, которой должна следовать Германия. Большая часть цитат второй категории содержит взгляды Гитлера на внешнюю политику. Значение этого факта может быть оценено полностью, если Трибунал обратит внимание на то, что вторая часть книги была впервые издана в 1927 году, то есть меньше чем через два года после Локарнского пакта и через несколько месяцев после вступления Германии в Лигу наций. Дата издания уличает их в отказе от политики международного сотрудничества. Я приведу прежде всего несколько цитат, которые показывают, каковы были общие взгляды Гитлера, принятые и пропагандированные этими подсудимыми, на общие вопросы войны и агрессии.

«Земля, на которой мы живем, не была даром, который небо послало нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Также и в будущем наш народ не получит территорию и вместе с ней средства к существованию, не получит ее в качестве подарка от другого народа. Он должен будет завоевать ее силой торжествующего меча. Я считал незаслуженным ударом судьбы, что я родился на этой планете. Мне было грустно, что жизнь моя должна пойти по мирному пути».

«Еще будучи мальчиком, я был всем, чем угодно, только не пацифистом. Всякие попытки сделать меня пацифистом оказались бесплодными».

Ссылаясь на Мольтке, Гитлер писал, что «во время войны самое важное — это как можно скорее принять решение» и что «самые безжалостные методы борьбы являются в то же время самыми человечными».

Обвинение покажет в ходе процесса, как преданно подсудимые следовали этой теории безжалостного применения силы. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей.

«Если бы они не могли использовать членов низшей расы, которых они победили, арийцы никогда не имели бы возможности сделать первые шаги по пути, который вел их к более высокой культуре. Подобным же образом, как без некоторых домашних животных, которых они сумели приручить, они никогда не сумели бы открыть механическую силу, которая впоследствии дала возможность обходиться без этих животных. Именно поэтому господство над низшими расами является одной из важнейших предпосылок для достижения этой высокой культуры».

«Если в своем историческом развитии германский народ обладал бы стадными инстинктами, которыми так счастливо пользуются другие народы, германская империя, быть может, уже сегодня могла бы стать госпожой всего мира».

...Основное в этой книге — и это повторяется снова и снова — это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также утверждение, что все доктрины, которые проповедают мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость.

Во всех этих аргументах заключено резкое отрицание возможности регулирующего действия закона в международных отношениях.

Именно в свете этой общей доктрины «Майн кампф» я прошу Трибунал рассмотреть более подробно отдельные высказывания Гитлера о специфических проблемах германской внешней политики.

«Я считаю, — писал Гитлер, — что Германская Австрия должна быть возвращена великой германской родине. Речь ни в коем случае не идет об экономических расчетах. Нет, нет. Если бы этот союз даже не имел никакого экономического значения и даже если бы он был вреден с точки зрения экономической, тем не менее это должно было бы свершиться».

«Когда территория Германии охватит всех германцев, и если после этого они не сумеют получить достаточно средств к существованию, тогда Германия получит моральное право, исходя из потребностей народа, захватывать иностранные территории. Затем орала будут сменены на мечи, и слезы войны дадут тот хлеб насущный, который необходим будущим поколениям».

В этой книге Гитлер также заявляет, что полное восстановление германских границ в том виде, в каком они существовали в 1914 году, совершенно недостаточно для его целей.

«Для будущего германской нации границы 1914 года не имеют значения». «Мы, национал-социалисты, должны твердо придерживаться той цели во внешней политике, которую мы наметили для себя,

а именно: германскому народу должно быть обеспечено территориальное пространство, необходимое ему для существования на земле».

Отрывки из «Майн кампф» показывают, где Гитлер собирался найти эти территории вне пределов германских границ 1914 года.

...«Единственной возможностью для Германии проводить правильную территориальную политику — есть политика приобретения новой территории в самой Европе».

«...Политическое руководство германской империей должно направить все свои усилия исключительно к этой цели. Не следует предпринимать никаких политических шагов для того, чтобы проводить в жизнь другие цели, кроме этой; не следует также проводить какие-либо мероприятия, не ведущие к достижению поставленной цели. Германия должна твердо знать, что такая цель может быть достигнута только путем войны, и перед лицом неизбежности этой войны нужно стоять всем вместе спокойно и с решимостью. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать и оценивать всю систему союзных договоров».

«Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча, и, таким образом, добыть для нации ее хлеб насущный».

К этой программе экспансии на восток Гитлер возвращается не раз. После того как он говорит о недостаточности границ Германии в довоенный период, он снова указывает на восток и заявляет, что снова необходим «Поход на Восток» («Дранг нах Остен»).

Он пишет: «Поэтому мы, национал-социалисты, намеренно зачеркнули линию, которой Германия следовала в международной политике в довоенный период. Мы покончили с традиционными германскими походами на юг и запад Европы, мы обратили наши глаза на Восток. Мы положили конец колониальной и торговой политике предвоенной эпохи и пришли к новой территориальной политике будущего. Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с нею государства».

Гитлер был достаточно умен, чтобы понять, что его агрессивные планы на Востоке могли быть подвергнуты опасности в случае существования оборонительного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому его внешняя политика, изложенная в книге «Моя борьба», заключалась в том, чтобы оттянуть Италию и Англию от Франции и России и перейти от оборонительной позиции Германии в отношении Франции к наступательной.

«Поскольку вечный конфликт между Францией и Германией сейчас принял форму германской обороны против нападения Франции, этот конфликт никогда не разрешится. Из столетия в столетие Германия; будет терять одну позицию за другой. Если мы изучим все перемены, которые произошли, начиная с XII века до сегодняшнего дня, в границах, внутри которых говорят на немецком языке, мы едва ли сумеем надеяться на успешный исход в результате принятия нами линии поведения, которая существовала до сих пор и была столь вредной для нас. Только когда Германия примет все это во внимание, мы перестанем обрекать национальную волю к жизни на прозябание в пассивной обо-

роне. Нет, мы объединим ее для последней и решительной схватки с Францией. В этой схватке мы будем бороться за жизненные требования германского народа. Только таким образом будет положен конец вечному франко-германскому конфликту, который был таким истощающим».

...Доказательства, заключенные в книге «Моя борьба», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники — подсудимые, были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей. Мы узнали, что «Моя борьба» не просто литературное упражнение, которым следует пренебречь, как это, к сожалению, рассматривали до войны те, кому она угрожала. Она есть выражение фанатической веры в силу и в обман как в орудия господства в Европе и, может быть, во всем мире.

Обвинение считает, что, принимая и пропагандируя звериную философию «Моей борьбы», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РОЗЕНБЕРГА

(Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 17 апреля 1946 г.)

Руденко : Подсудимый Розенберг, с какого времени вы начали лично и непосредственно участвовать в подготовке нападения на Советский Союз?

Розенберг: Вообще никогда не начинал.

Руденко: Разве ваше назначение 20 апреля 1941 г. уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями, не находилось в непосредственной связи с подготовкой нападения Германии на Советский Союз?

Розенберг: Это не было планированием, в котором я принимал участие. Это было лишь последствием уже принятого решения, о котором со мной никто не советовался. Мне было лишь сообщено об этом решении и о том, что отданы соответствующие военные приказы. Так как я должен отвечать только «да» или «нет», я ответил на ваш вопрос «нет».

Руденко: Но вы не отрицаете того факта, что это назначение имело место в апреле 1941 года?

Розенберг: Известно, что я получил это задание в апреле.

Руденко: При этом назначении Гитлер предоставил вам широкие полномочия. Вы осуществляли сотрудничество с высшими имперскими властями, получали от них информацию и созывали представителей имперских властей на совещания, в частности, осуществляли сотрудничество с Герингом, с министром экономики и ИКейтелем? Вы это подтверждаете? Ответьте коротко.

Розенберг: Вы одновременно задали мне три вопроса. Первый вопрос — получил ли я широкие полномочия. Я вообще никаких полномочий не получал. Таким образом, я отвечаю на этот вопрос — нет. Второй вопрос—были ли у меня совещания? Я отвечаю,—да, само собой разумеется, что я проводил совещания со всеми высшими имперскими властями, занимавшимися Востоком. Я должен был это делать в соответствии с возложенным на меня заданием.

Руденко: Вы ответьте коротко на следующий вопрос: сразу после назначения от 20 апреля 1941 г. у вас состоялось совещание с начальником ОКВ?

Розенберг: Да, я посетил фельдмаршала Кейтеля.

Руденко: Вы имели беседу с Браухичем и Редером в связи с вашим назначением?

Розенберг: Насколько я помню, с Браухичем я не говорил, и с адмиралом Редером, насколько помню, я тогда также не имел никаких бесед.

Руденко: Вы совещались с подсудимым Функом? Он в качестве своего постоянного представителя назначил доктора Шлоттерера?

Розенберг: Тогдашний имперский министр Функ, конечно, знал о моем новом назначении и назначил доктора Шлоттерера посредником между мной и своим министерством.

Руденко: У вас были беседы с генералом Томасом, статс-секретарем Рикке и статс-секретарем Бакке по вопросам экономической эксплуатации восточных областей?

Розенберг: Мне кажется, что я не говорил с Томасом. С другими господами, о которых вы сейчас упоминали, я познакомился позже, Рикке я взял позже в свое министерство для связи с экономическим штабом Востока. Бакке я, само собой разумеется, встречал также в последующее время. Что касается генерала Томаса, то я даже не помню,; был ли я с ним лично знаком. Во всяком случае, наше знакомство было весьма поверхностным.

Руденко: Вы вели переговоры с министром иностранных дел, в результате которых подсудимый Риббентроп назначил Гросскопфа для постоянной связи с вашим аппаратом, а представителем политического отдела выделил доктора Бройтигама. Это правильно?

Розенберг: Это правильно. Имперский министр иностранных дел был проинформирован обо всем этом и назначил своим представителем тогдашнего генерального консула Гросскопфа.

Руденко: Вы принимали ответственных представителей Фриче — Шмидта, Глазмана и других?

Розенберг: Да, очень может быть, что это было так. С большей частью этих господ я познакомился тогда впервые. Само собой разумеется, что я должен был ознакомиться со своим заданием.

Руденко: Вы вели переговоры с начальником штаба СА о выделении в ваше распоряжение самых опытных руководителей СА? |

Розенберг: Разумеется, я говорил с начальником штаба СА о предоставлении мне подходящих сотрудников на случай занятия восточных областей.

- ;

Руденко: Итак, вы не станете отрицать, что имелся координирующий центр по подготовке мероприятий, связанных с нападением на СССР?

Розенберг: В такой форме, как вы говорите, — нет, так как все задачи, которые вытекали из предполагавшейся войны с Советским Союзом, были распределены по военным органам. Экономические мероприятия разрабатывались Герингом. Как выяснилось позднее, большие задачи были возложены на полицию. Я руководил лишь осуществлявшим связь политическим ведомством, которое должно было обсуждать политические проблемы Востока, информировать и обсуждать с соответствующими инстанциями все могущие возникнуть вопросы политического и административного порядка и информировать их о политической линии. В основном я осуществлял все это так, как о том говорится в моей речи от 20 июня.

Руденко: Очень хорошо.

За полтора месяца до вероломного нападения Германии на Советский Союз вы разработали инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей. Вы не отрицаете этого?

Розенберг: Вчера я уже говорил об этом. В соответствии с нашим долгом я и мои сотрудники сейчас же разработали предварительные проекты. Эти проекты в такой форме, в какой они имеются здесь и в какой они мне предъявлялись, в действительности не вышли в свет.

Руденко: К этому вопросу я еще возвращусь. В своем отчете, который вы представили Гитлеру 28 июня 1941 г. «О подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы», вы указали, что с адмиралом Канарисом у вас состоялась беседа, во время которой вы просили Канариса в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники. Вы подтверждаете это?

Розенберг: Нет, это неправильно. Я слышал, что адмирал Канарис создал группу для проведения актов саботажа или иной работы. Он был у меня однажды, я просил его не вмешиваться в подготовительные работы политического характера, что он мне и обещал.

Руденко: Вы не отрицаете встречу с Канарисом?

Розенберг: Встречу — нет.

Руденко: А беседу, во время которой вы просили Канариса в интересах разведки выделить людей для помощи вам, вы это отрицаете?

Розенберг: Да, это я отрицаю. Но я не отрицаю того, что, разумеется, если бы у Канариса были какие-либо интересные важные политические новости, ему следовало бы мне об этом сообщить. Но у меня не было никакой шпионской организации. В те годы я вообще...

Руденко: Не распространяйтесь, я вам покажу документ, в интересах ускорения допроса, и оглашу это место. (Дайте подсудимому документ.) Я имею в виду, господа судьи, документ ПС-1039.

Речь идет о вашем отчете «О подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы». Я зачитываю: «С адмиралом Канарисом состоялась беседа, во время которой договорились о том, что люди моего аппарата, при имеющихся условиях, ни в коем случае не вступят ни в какие сношения с какими-либо представителями народов Восточной Европы. Я попросил его в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники с тем, чтобы определить их дальнейшее использование. Адмирал Канарис сказал, что, само

собой разумеется, он учтет мое желание не признавать никаких политических групп среди эмигрантов и что он намерен действовать в духе моих высказываний».

Розенберг: Это соответствует тому, что я 'сказал.

Руденко: Я вас спрашиваю, вы подтверждаете эту цитату?

Розенберг: Да, я подтверждаю ее...

Руденко: Иначе говоря, вы были связаны с контрразведкой?

Розенберг: Нет, я лишь принял адмирала Канариса и оказал ему, чтобы он по своему долгу службы по возможности не занимался политическими переговорами и планами, так как это теперь должен делать я.

Руденко: Я задам вам несколько вопросов о целях войны против Советского Союза.

Признаете ли вы, что, подготовив и совершив нападение на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цели экономического разграбления богатств Советского Союза, истребления советских людей, порабощения народов Советского Союза и расчленения Советского Союза. Ответьте кратко — признаете вы это или нет?

Розенберг: Здесь опять поставлено пять вопросов...

Руденко: Я прошу ответить кратко—признаете вы цели этого нападения или нет? Потом сможете дать объяснения.

Председатель: Вы можете ответить на этот вопрос словами «да» или «нет».

Розенберг: На четыре вопроса я должен ответить — нет.

Руденко: Нет? В таком случае обратимся к некоторым документам. Я имею в виду документ 2718-ПС. Это ваш меморандум от 2 мая 1941 г. Вы следите за текстом. В этом документе говорится следующее: «Война может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России. Нет никакого сомнения в том, что в результате многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмем в стране то, что нам необходимо».

Я вас спрашиваю — вы это писали?

Розенберг: Я этого не писал и не участвовал в этом совещании.

Я также не могу установить, знал ли вообще кто-либо из моих сотрудников об этом совещании. Здесь написано: «Секретный документ для начальников высших штабов. Два экземпляра: 1-й экземпляр—в актах 1А, 2-й экземпляр — генералу Лимберту». Таким образом, об этом знали только два человека в вооруженных силах.

Руденко: Не распространяйтесь, подсудимый. Вы не знаете об этом?

Розенберг: Здесь два раза зачитывали этот документ.

Руденко: Следующий документ, определяющий цели войны. В инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии вы указывали следующее. Я имею в виду документ 1029-ПС, там отмечено место, которое я буду цитировать.

«Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы уничтожения нежелательных элементов».

Вы припоминаете эту инструкцию? Ответьте сначала.

Розенберг: Да, этот документ мне знаком. Я уже вчера говорил

что вначале в моем бюро разрабатывались разного рода проекты, которых я не одобрял.

Руденко: Я вас спросил совершенно ясно — вам знакома эта инструкция?

Розенберг: Я опять слышал неправильный перевод.

Руденко: Итак, вы вносите исправление в перевод. В остальном — германизация, колонизация. Это правильно по-немецки звучит?
(Пауза)

Отвечайте: правильно или неправильно?

Розенберг: Это тоже не совсем правильно переведено. Здесь оказано: «колонизация германских народов», а вы переводите «германизация и колонизация». Это — два существительных, которые придают соответственно другой смысл. Я должен сказать, что это проект одного из моих сотрудников; проект этот вообще не вышел в свет, и он ни в какой степени не является инструкцией.

Руденко: Я вас не спрашиваю, вышел ли он в свет. Я спрашиваю вас, был такой проект? Вы этого не отрицаете?

Розенберг: Я не отрицаю, что такой проект был составлен в моем ведомстве.

Руденко: Очень хорошо. Перейдем дальше. В инструкции (это все касается целей войны) для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей от 8 мая 1941 г. (это документ 1030-ПС) говорится (подсудимому передается документ):

«Эта грядущая борьба явится борьбой за снабжение Германии и всей Европы сырьем и продовольствием».

Розенберг: Да. Этот документ был составлен в качестве проекта в моем ведомстве. Это верно, я этого не оспариваю.

Руденко: Не распространяйтесь. Я еще раз напоминаю вам: отвечайте коротко на мои вопросы.

Это ваши высказывания до нападения на Советский Союз. Теперь я напомню вам, не предъявляя документа, ибо этот документ уже неоднократно предъявлялся, запись совещания у Гитлера 16 июля 1941 г. Я имею в виду, господин председатель, документ Л-221. На этом совещании вы присутствовали (к подсудимому) ?

Розенберг: Да.

Руденко: Там Гитлер говорил тогда, что «вся Прибалтика должна стать областью империи точно так же, как должен стать областью империи Крым с прилегающими районами; волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область». Вы припоминаете эти высказывания Гитлера?

Розенберг: Я впервые увидел этот документ здесь. Это запись Бормана. Фюрер говорил тогда очень долго и пылко. Я не делал себе точных заметок, но он действительно говорил о Крыме и о том, что ввиду необычайной силы Советского Союза там не должно быть потом ни одного вооруженного лица...

Руденко: Я вас спрашиваю, говорил он это?
(Пауза)

Вы согласны были с установками Гитлера по вопросу захвата этих территорий?

Розенберг: Из документа, а также из моей речи следует, как я представлял себе право восточных народов на самоопределение в рамках новой государственной структуры и, как это видно здесь, я полемизировал с фюрером.

Руденко: Я не спрашиваю вас об этом. Я спрашиваю сейчас: вы были согласны с предложениями Гитлера или возражали против них?

Розенберг: Да, я возражал, и это указано даже в протоколе...

Председатель: Трибунал не интересуется вопросом, может ли это быть доказано. Вопрос заключается в том, согласны ли вы с этим. Мне кажется, на это вы можете ответить. Скажите, были вы согласны с этим или нет?

Розенберг: Со многими пунктами я согласился, а с некоторыми — нет. Но всего там было, по меньшей мере, от 10 до 15 пунктов.

Председатель: Это уже ответ.

Руденко: Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся через несколько минут. Я сейчас обращусь к вашим директивам, которые вы издавали в качестве министра оккупированных восточных областей. Прежде всего я имею один вопрос к вам: что это за «коричневая папка»?

Розенберг: «Коричневая папка» была составлена административным отделом министерства по делам Востока в соответствии с пожеланиями экономистов, политического отдела, отдела снабжения, технического отдела и других отделов; она была составлена для чиновников в Остланде и на Украине, то есть это была первая попытка сведения воедино всех вопросов.

Руденко: Это, своего рода, — «зеленая папка», такая же программа ограбления восточных территорий и их эксплуатации. Понятно.

Обратимся к вашим директивам (документ ЕС-347). Сейчас вам дадут этот документ. Обратите внимание, там подчеркнуто место на странице 39 документа. Я вам зачитываю этот абзац:

«Первой задачей гражданского управления в оккупированных восточных областях является проведение интересов империи». Далее там сказано:

«Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, которыми предусматривается управление страной, оккупированной иностранной державой, не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным».

И дальше: «Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными для проведения этой обширной задачи».

Вы согласны, что это выдает ваши тайные замыслы, хотя вы несколько и поторопились объявить Советский Союз уничтоженным?

Розенберг: Я в русском переводе слышал слово «разграбление». Слова «разграбление» в немецком тексте не встречалось.

Руденко: В русском тексте, который я огласил, нет слова «разграбление», вы здесь измышляете или до вас не то дошло.

Розенберг: Можно мне сказать несколько слов?

Руденко: Я вас спрашиваю, это вы писали?

Розенберг: Хотя я этого не писал, но это появилось в циркуляре министерства по делам Востока, и я несу служебную ответственность за «коричневую папку»...

Руденко: Я вас спрашивал в отношении Крыма. Вы сказали, что Гитлер предлагал присоединить Крым к Германии. Припоминаете ли вы, что вы не только разделяли эти планы, но даже придумали новые названия городов: Симферополь вы решили переименовать в Оттенбург, а Севастополь — в Теодорихгафен. Припоминаете вы это?

Розенберг: Да, это правильно. Фюрер сказал, чтобы я переименовал эти города. Мы говорили о переименовании еще многих других городов.

Руденко: Итак, вы признаете, что занимались переименованием Симферополя и Севастополя. Вы также занимались преобразованием Кавказа и имели в своем ведении специальный штаб. Я прошу ответить так или нет?

Розенберг: Так.

Руденко: Вы даже подобрали в качестве грузинского престолонаследника проходимца из эмигрантов князя Багратиона Мухранского. Это правильно, ответьте кратко?

Розенберг: Да, это верно. Мы говорили о нем...

Руденко: О преобразовании Кавказа вы 27 июля 1942 г. составили специальный доклад. Это правда?

Ризенберг: Возможно, что был такой доклад. Да, да, конечно, это довольно длинный доклад, вот он.

Руденко: Мы предъявим вам этот доклад, чтобы обратить ваше внимание на одну небольшую цитату. Я имею в виду, господин председатель, документ, представленный уже Суду под номером СССР-58. Подсудимый Розенберг, обратите внимание на страницу 7. Там говорится:

«Германская империя должна взять в свои руки всю нефть. Относительно нашего участия в использовании других богатств можно будет договориться впоследствии».

Вы нашли это место?

Розенберг: Я нашел это на странице 7 текста.

Руденко: Вы подтверждаете, что эти слова принадлежат вам?

Розенберг: Этот документ является меморандумом моего ведомства, и я подтверждаю, что он правилен.

Руденко: Теперь обратите внимание на страницу 14 этого же доклада. Это в конце. Вы так определяли задачи:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные границы Германии'. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Вы прочли это место?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы не отрицаете, что действительно был такой план?

Розенберг: Я подтверждаю, что это верно...

Руденко: После этого документа, который вы не отрицаете, признаете ли вы агрессивный, грабительский характер войны Германии против Советского Союза и свою личную ответственность за подготовку и осуществление агрессии? Ответьте кратко: признаете или нет.

Розенберг: Нет.

Руденко: Я имею еще несколько вопросов относительно германской политики в восточных областях. Кто являлся ответственным лицом германской администрации в имперском комиссариате?

Розенберг: Административную и законодательную власть осуществлял министр по делам восточных областей, а функции местного правительства осуществлял рейхскомиссар.

Руденко: Мог ли имперский комиссар своей властью издавать распоряжения об аресте и расстреле заложников?

Розенберг: В данный момент я не помню, имел ли он по закону такое право или это относилось к компетенции полиции. Я не могу определенно ответить на этот вопрос, так как не помню, существовал ли такой декрет, но это возможно. Я не знаю.

Руденко: Возможно? Я должен вам напомнить, что в вашей директиве было предусмотрено право комиссара расстреливать своей властью заложников.

Здесь очень много говорилось по поводу германской политики в оккупированных областях. Я поставлю вам только несколько вопросов и прежде всего в отношении Украины. Вы здесь изображали положение так, что во всем был повинен Кох. Вы же якобы протестовали и были «благодетелем» украинского народа.

Розенберг: Нет, это неверно.

Я никогда не говорил, что я — благодетель.

Руденко: В вашем документе, который представлен вашим защитником под номером РО-19, Рикке писал: «В письме к имперским руководителям прессы в ноябре 1942 года Кох заявил: «Украина является для нас лишь объектом эксплуатации, она должна оплатить войну, и население должно быть в известной степени как второсортный народ использовано при решении военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо». Это—политика Коха на Украине. Это документ, представленный вашим защитником. Я сейчас вам поставлю вопрос: вы писали Коху 14 декабря?

Розенберг: Можно мне ответить на вопрос? У меня нет сейчас текста этого документа. Я знаю только, что это письмо Рикке ко мне с жалобой. Он просто несколько резко выразился, и мы вместе старались продолжать работу.

Руденко: Вы неоднократно заявляли вчера в своих объяснениях Трибуналу в отношении зверств и истребления советского населения, что вы об этом не были осведомлены, что это были полицейские меры. Так я вас понял?

Розенберг: Нет, это не совсем верно. Я, как уже было сказано, получал донесения о многочисленных столкновениях с партизанами и о расстрелах, а также о том, что партизаны нападали на немецких руководителей сельского хозяйства, полицейских и чиновников и тысячами их убивали.

Руденко: Нам известно о том, как вы расправлялись с партизанами, боровшимися с врагами своей родины. Я вас спрашиваю об истреблении мирного населения — стариков, женщин и детей. Об этом вы знали?

Розенберг: Мы стремились к тому, чтобы в этой борьбе крестьяне и прочие мирные жители были в безопасности. Когда мы узнавали

о слишком строгих мерах полиции, мы решительно требовали, чтобы, несмотря на всю тяжесть борьбы, эти соображения учитывались. Полиция отвечала нам, что, сидя за письменным столом, очень легко этого требовать, но когда в Белоруссии партизаны сожгли 500 бургомистров вместе, с их семьями в их собственных домах и стреляли в спину полицейским, естественно, происходили ужасные расправы.

Руденко: Я напому вам вашу директиву по вопросу организации администрации и о первоочередных задачах этой администрации. Вы лично запланировали своей первой задачей полицейские меры. Я вас спрашиваю, вы этого не станете отрицать?

Розенберг: Если это документ № 1056, то я там поставил семь первоочередных задач. Я не помню, какая из них первая. Я прошу представить мне этот документ.

Руденко: Хорошо. Я прошу показать ему только один пункт. На первом месте поставлена задача «Полицейские меры».

Розенберг: Совершенно очевидно, что в оккупированной области в ходе такой войны полиция должна проводить полицейские меры.

Руденко: Я имею к вам еще несколько вопросов. Прежде всего я должен вас спросить об истории в районе Цуман. Документ здесь уже был предъявлен, в нем шла речь о массовом расстреле советских граждан только потому, что потребовалось место для охоты. Вы помните этот документ?

Розенберг: Да, я вчера уже дал исчерпывающие разъяснения по этому вопросу.

Руденко: Подсудимый Розенберг, вы 2 апреля 1943 г. адресовали письмо Гиммлеру об этом случае, о расстреле сотен советских граждан в районе Цуман, так как это место требовалось для охоты. Такое письмо вы адресовали Гиммлеру. Вы до июня 1943 года интересовались, какие же наступили последствия этого письма?

Розенберг: Я, прежде всего, сделал сообщение ответственному начальнику немецкой полиции и должен был подождать сначала, что предпримет он, как ответственный за проведение мероприятий по безопасности на Украине. Когда я не получил более подробных разъяснений, я подал жалобу об этом случае лично фюреру.

Руденко: Когда вы доложили Гитлеру?

Розенберг: Эта жалоба фюреру рассматривалась в середине мая 1943 года. Она была довольно объемистой, так что, разумеется, до этого пролежала несколько недель у фюрера. Со 2 апреля до середины или до конца мая прошло пять-шесть недель, так что дело шло очень быстро; сначала жалобу должны были довольно подробно разобрать Ламмерс и Борман. Заем фюрер должен был принять решение и дать указания, а тогда уже пригласили меня.

Руденко: Когда, в последний раз решалась эта жалоба?

Розенберг: В мае, между серединой и концом мая 1943 года.

Руденко: В присутствии Коха решалась эта жалоба?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы вчера сообщили Трибуналу, что якобы Кох представил Гитлеру справку управления лесничества, верховного лесного управления?

Розенберг: Да.

Руденко: И якобы эта справка подтверждала, что это была борьба с партизанами?

Розенберг: Это не совсем так. Там было сказано, что этот лесной район должен быть обязательно использован для поставки леса военному ведомству или администрации и что в этом лесном районе очень много партизан и банд, представляющих большую опасность для рабочих в этих лесах; что дело доходило до перестрелок с партизанами и бандами и, так как нельзя было за всеми следить, было произведено переселение некоторых групп населения в лесные области, расположенные южнее. К этому Кох добавил, что переселенцы были даже благодарны, так как им была дана лучшая земля. Вот разъяснения, которые дал Кох по этому вопросу.

Руденко: Они были благодарны за то, что в одну декабрьскую ночь их выбросили из их жилищ за 'сотни километров, а сотни из них были расстреляны. Они были благодарны за это? Я хочу вас спросить, 29 апреля 1943 г. на имя Гитлера вы приложили также справку верховного лесного управления, и в этой справке лесного управления указывалось... Я прочту этот пункт. Вы должны помнить этот случай, это страшный случай расстрела граждан из-за охоты. В справке лесного управления говорилось: «Несомненно, что прежде всего из интересов охоты была произведена эвакуация многих деревень, расположенных в лесном массиве Цуман». Так написано в справке лесного управления?

Розенберг: Я хочу отметить, что здесь речь идет о сотруднике лесного управления в Берлине, который это написал на основе своих материалов, а то, что сказал Кох, было сказано начальником лесного управления на самой Украине.

Руденко: Последний вопрос по этому поводу. Вы верили Коху?

Розенберг: Это, если говорить по совести, трудно сказать, но в данном случае...

Руденко: Именно по совести, если вы хотите.

Розенберг: В данном случае это было сообщение лесного управления, и я не мог ничего возразить против этого сообщения, которое было обоснованно. Я должен был сказать себе, что ошибся, подавая эту жалобу.

Руденко: Не возражали, и это понятно. Вы вчера Трибуналу неоднократно заявляли, что хотели уйти в отставку. Вы даже сослались на свое письмо на имя Гитлера от 12 октября 1944 г., где вы просили указаний, как быть дальше. Мой коллега г-н Додд¹ напомнил вам, что уже к тому времени, к этой дате 12 октября 1944 г., имперский министр восточных областей оказался без областей. Но я вас о следующем спрошу: неужели вы могли просить об отставке, вы, который годами мечтал получить пост имперского министра и даже быть членом тайного совета? Вы, даже больше, просили у Гитлера, чтобы вам дали пост имперского министра. Вы это помните?

Розенберг: Во-первых, я никогда не был членом тайного совета. Это неверно.

¹ Представитель обвинения от США. — Составители.

Руденко: Вы добивались назначения членом тайного совета?

Розенберг: Да, это верно.

Руденко: И мечтали быть имперским министром? Это тоже верно?

Розенберг: Когда остро встал вопрос о моем назначении, много говорилось о его форме. Доктор Ламмерс как уполномоченный фюрера сказал мне, что он не намерен назначать имперского инспектора, так как оба рейхскомиссара...

Руденко: Чтобы нам не затягивать этот вопрос, я предъявлю сейчас Трибуналу документ. Это письмо Розенберга от 6 февраля 1938 г. на имя Гитлера, где он ходатайствует об этих должностях. Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы. Это правда?

Розенберг: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в германской империи.

Руденко: Вы в этом письме указываете на существование тайного совета. Правильно это?

Розенберг: Да, позвольте мне прочесть это письмо. Я не могу отвечать на такие отрывочные вопросы.

Руденко: Пожалуйста.

Розенберг: Да, я прочел письмо.

Руденко: Все то, что в нем изложено, — правильно?

Розенберг: Да.

Руденко: Это ваше письмо?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы просили назначить вас в тайный совет?

Розенберг: Да.

Руденко: Просили пост имперского министра?

Ризенберг: Я сообщил, что я говорил с товарищем по партии Герингом об этом назначении, так как фюрер поручил мне идеологическое воспитание партии, и существовал еще внешнеполитический отдел партии; при тогдашних условиях создалось бы впечатление, что фюрер отклоняет мою кандидатуру. Поэтому я попросил фюрера дать мне этот пост. Я считаю вполне понятным свое желание побеседовать о важном для меня деле.

Руденко: Последний вопрос. Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?

Розенберг: Нет, это не так. Это совершенно неверно.

Руденко: Хорошо, будем считать это ответом на мой вопрос. Я закончил, господин председатель.

ПИСЬМО РОЗЕНБЕРГА БОРМАНУ
от 17 октября 1944 г. (документ ПС-327)

НАЧАЛЬНИКУ ПАРТИЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ИМПЕРСКОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ МАРТИНУ БОРМАНУ

Берлин, Запад—8
Вильгельмштрассе, 63/64

СОДЕРЖАНИЕ: МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО ТЫЛА,
ВАШ ЦИРКУЛЯР № 309/44 ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1944 г.

Дорогой товарищ по партии Борман!

Чтобы предотвратить безусловно нежелательные также и для вас, помехи и медлительность в развертывании деятельности контролируемых мною обществ, я, ввиду особой неотложности дела, направил сегодня гаулейтерам следующую телефонограмму:

«Чтобы не затягивалось развертывание деятельности контролируемых мною обществ, я указываю на то, что здесь речь идет не о частных фирмах, а о торговых организациях империи; таким образом мероприятия и этих организаций, так же как служебных органов, ведают высшие имперские учреждения. Мною будут контролироваться следующие общества:

а) центральное торговое общество Востока по сбыту и потреблению; товаров сельского хозяйства (ЦО);

б) общество ведения сельского хозяйства Остланда и Украины;

в) заготовительное общество Востока;

г) фермы Востока.

Следующие контролируемые мною банки также не являются частными фирмами:

д) центральный эмиссионный банк Украины;

е) эмиссионный банк Остланда;

ж) центральный экономический банк Украины;

з) союз экономических банков на Украине;

и) общественный банк Остланда и Белоруссии.

Развертывание деятельности этих банков и обществ обсуждено; с имперским уполномоченным по тотальной мобилизации военных ресурсов и будет закончено самое позднее в конце этого года. Вопрос вывоза материальных благ обществ уже разрешен в пользу вооруженных; сил и военной экономики. Любое посягательство на товарные ресурсы и личное состояние не только мешает крайне необходимому развертыванию деятельности, но и затягивает или тормозит доставку товаров¹ вооруженным силам и военной экономике. Я прошу также и по этой¹ причине воздерживаться от вмешательства.

Начальник партийной канцелярии имеет копию»,

При этом направляю вам копию моего сегодняшнего письма имперскому уполномоченному по тотальной мобилизации военных ресурсов, из которого явствует, что развертывание деятельности находящихся под моим контролем обществ согласовано с имперским уполномоченным и ввиду крайней необходимости проведения в интересах упорядочения военного хозяйства обширных работ будет закончено в сравнительно ко-

роткое время. В отношении возвращенных и еще не переданных материальных благ уже принято решение в пользу вооруженных сил и военной экономики, так что любое затягивание начала деятельности или даже самостоятельная конфискация товаров гаулейтерами нанесут вред или нарушат установленный порядок, чего в интересах военной экономики без веских на то причин делать нельзя. Чтобы дать вам обзор прежних и теперешних задач этих обществ, я прилагаю при сем соответствующее обозрение.

Прошу утвердить мою телефонограмму гаулейтерам. Наконец, я хотел бы указать еще на то, что, на мой взгляд, неправильно под лозунгом «мероприятия против гражданского тыла» просто поручать гаулейтерам давить на служебные органы и заведения, вывезенные из оккупированных областей, в отношении ускорения развертывания их деятельности. Несомненно, имели место случаи, когда такое давление было необходимо. Однако с другой стороны установлено, что, например, из восточных областей вывезены тысячи порядочных мужчин и женщин, а также фирм, выполнявших там свой долг в тяжелейших условиях, которые сразу же поняли требования часа, но просто не в состоянии выполнить за один день работы по развертыванию деятельности. Что касается восточных областей, то это относится к большинству использующихся на работах. Я буду сожалеть, если и они вами будут поставлены в зависимость от в высшей степени дурного понятия тыла.

Хайль Гитлер!

Ваш А. Розенберг

Приложение к письму

I. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТОРГОВОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОКА ПО СБЫТУ
И ПОТРЕБЛЕНИЮ ТОВАРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ЦО)

Центральная организация (ЦО) как монопольное общество Востока осуществляла в восточных областях следующие задачи:

- а) учет всех сельскохозяйственных продуктов, торговые операции и транспортные перевозки (поставки вооруженным силам империи);
- б) управление предприятиями пищевой промышленности при помощи доверенных лиц;
- в) снабжение предприятий пищевой промышленности специальным сырьем сельского хозяйства — средствами производства и сельского населения—предметами потребления (товарами).

В настоящее время центральная организация (ЦО) выполняет следующие задачи:

- аа) выполнение операций в торговом и финансовом отношении, в частности, использование вывезенных из восточных областей захваченных товаров и товаров, не введенных там больше в дело;
- бб) учет товаров сельского хозяйства и пищевой промышленности, вывезенных из других оккупированных областей (генерал-губернаторства, Запада);
- вв) в качестве еще действующих функций:
 - а) выполнение первоначальных задач в остальной части Остланда,

б) межобластное перераспределение машин сельского хозяйства, а также молочного и жирового хозяйства и межобластное уравнивание посевных площадей согласно указаниям уполномоченного по четырех-летнему плану — продовольственная группа.

Фактическое значение центральной организации и объем ее работы видны из следующего:

1. При каждом главном коммерческом отделе Остланда, центральной области и Украины существовало 30 коммерческих отделов с 200 отделениями.

2. На Украине было создано 11 параллельных обществ с 130 филиалами.

3. В центральной организации, включая параллельные общества, в период наибольшего наплыва работы—лето 1943 года—было занято 7 тысяч имперских военных служащих и, кроме того, в дело были включены 250 имперских немецких фирм.

4. Общий оборот центральной организации со дня ее основания до 31 марта 1944 г. составлял 5—6 миллиардов имперских марок.

5. За это время центральная организация вместе с ее подразделениями учла:

<u>зерно</u>	9200000 тонн
<u>мясо и мясопродукты</u>	622 000 .
<u>масличные культуры</u>	950000 „
<u>масло</u>	208000
<u>сахар</u>	400000 .
<u>фураж</u>	2 500 000 .
<u>картофель</u>	3200000 ..
<u>семена</u>	141000
<u>прочие сельскохозяйственные ..</u>	1 200 000 „
<u>продукты</u>	
<u>яйца</u>	1 075 миллионов ШТУК

Для транспортировки понадобилось: 1418 тысяч железнодорожных вагонов и 472 тысячи тонн перевезено водным путем.

6. Из захваченных товаров центральная организация отправила в общей сложности 32 900 вагонов, в том числе:

зерно, масличные культуры, прочие се-	
мена	22400
сельскохозяйственные машины, прочие ма-	
шины	9000
товары снабжения и предметы первой не-	
обходимости	1500

В то время как вывезенные сельскохозяйственные продукты, несмотря на все трудности, были большей частью использованы путем передачи имперским органам, реализация остальных захваченных товаров (машины, предметы оборудования, товары снабжения и т. д.), которая проводится при участии уполномоченного имперского министерства хозяйства и имперского министра вооружения и военной продукции по вопросам использования д-ра Кемна, не могла быть осуществлена в то же самое время и так же гладко, тем более, что эти товары, пред-

ставляющие собой тысячи различных видов, частично должны быть сперва переоборудованы и отремонтированы.

Личный состав центральной организации и ее параллельных обществ уже уменьшен с 7 тысяч до 681 человека, не считая 50 работников, еще занятых в Остланде.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФРАНКА

*[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 18 апреля 1946 г.]*

*Смирнов*¹: Подсудимый, мне хотелось бы несколько уточнить ваше правовое положение, место, которое вы занимали в системе фашистского государства. Ответьте мне, пожалуйста, когда вы были назначены на должность генерал-губернатора оккупированной Польши?

Франк: Это было 26 октября 1939 г. По крайней мере в этот день было издано распоряжение относительно учреждения должности генерал-губернатора.

Смирнов: Помните ли вы указ Гитлера о назначении вас на должность генерал-губернатора Польши? Этот указ датирован 12 октября 1939 г.

Франк: Это не имело никакого значения, так как распоряжение вступило в силу 26 октября 1939 г., так это указано в «Имперском сборнике законов». До этого я был начальником администрации при военном командующем генерале фон Рундштедте.

Смирнов: Этим указом Гитлера вы были подчинены непосредственно Гитлеру?

Франк: Что это за указ, я прошу показать его мне. Начальники администрации в оккупированных восточных областях подчинялись непосредственно фюреру.

Смирнов: Да, но что вы скажете по этому вопросу?

Франк: Для того чтобы пояснить это, я могу сказать, что в параграфе 3 говорится следующее: «Генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне», но в параграфе 9 этого же указа написано: «Этот указ вступает в силу тогда и в том случае, если я отменю данный главнокомандующему сухопутных сил приказ об учреждении военной администрации». И эта отмена одного указа и таким образом вступление в силу данного указа имели место 26 октября.

Смирнов: По этому поводу имеется указание в книге, которое вы, очевидно, помните, это книга «В». Помните вы эту книгу генерал-губернаторства?

Франк: Это, очевидно, имеется и в распоряжении.

Смирнов: Так вот, тогда, когда этот указ вступил в действие, кому подчинялись непосредственно вы?

Франк: Имеется только одно принципиальное распоряжение относительно генерал-губернатора.

¹ Помощник Главного обвинителя от СССР. — Составители.

Смирнов: После 26 октября вы подчинились как генерал-губернатор Гитлеру?

Франк: Да, так точно.

Смирнов: Так вот, может быть, вы припомните, кем и когда вы были назначены доверенным по проведению в оккупированной Польше четырехлетнего плана?

Франк: Герингом.

Смирнов: Следовательно, вы были доверенным Геринга по проведению четырехлетнего плана в Польше?

Франк: История этого назначения очень коротка: действия некоторых уполномоченных по четырехлетнему плану в генерал-губернаторстве заставляли меня беспокоиться... И поэтому я обратился к рейхсмаршалу и попросил его, чтобы он назначил меня уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.

Смирнов: И он назначил вас?

Франк: Да. Но это было позже, в январе, кажется.

Смирнов: Нет. Это было в декабре^

Франк: Да...

Смирнов: Значит, с декабря 1939 года вы были уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану?

Франк: Геринга? Я был уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что в октябре 1939 года было издано постановление об организации управления в генерал-губернаторстве?

Франк: Да. Это здесь имеется.

Смирнов: Может быть, вы припомните параграф 3 этого постановления?

Франк: Да.

Смирнов: Там было сказано: «Генерал-губернатору и его заместителю непосредственно подчинены начальник управления генерал-губернаторства». И та часть, которая меня интересует, идет дальше, а именно: «начальник полиции и СС».

Не следует ли из параграфа 3, что с первых дней пребывания в качестве генерал-губернатора вы приняли на себя руководство полицией и СС, а, значит, и ответственность за их действия?

Франк: Нет. Я отвечаю на этот вопрос категорически «нет», и я хотел бы объяснить это... То, что я изложил здесь, было идеалом, к которому я стремился. Фюрер, который один мог принять решение по этому вопросу, не издавал такого распоряжения. А я не имел силы и власти для того, чтобы это распоряжение, которое я составил на словах, было проведено в жизнь.

Смирнов: Значит, это заявление можно понять следующим образом: параграф 3 этого постановления был идеалом, к которому вы стремились и который вы декларировали, но достичь которого вы не могли?

Франк: Да. Это идеал, которого я не мог достигнуть. Это подтверждается тем, что позже был учрежден специальный государственный секретариат безопасности.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что между вами и Гиммлером в апреле 1942 года происходили специальные переговоры?

Франк: Да, очевидно. Я не знаю, откуда вы берете эту дату. Я не могу по памяти установить дату.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что в результате переговоров было достигнуто соглашение между вами и Гиммлером?

Франк: Да, соглашение было достигнуто.

Смирнов: Для того чтобы восстановить в памяти эти обстоятельства, я попрошу передать вам соответственный том дневника, чтобы вы имели перед глазами этот текст. (Предъявляется документ Франку).

Франк: Да, пожалуйста.

Смирнов: Я прошу вас обратиться к одному параграфу этого соглашения, а именно к параграфу 2. Он очень короток, я напомним вам. Здесь сказано: «Высший фюрер СС и начальник полиции, статс-секретарь по делам безопасности подчиняются прямо и непосредственно генерал-губернатору, если же он отсутствует, то его заместителю». Не соответствует ли это тому, что Гиммлер согласился с вашим, так сказать, идеалом о подчинении вам полиции?

Франк: Да, очевидно. В этот день я был в некоторой степени удовлетворен. Но уже через несколько дней все это опять взлетело на воздух. Я по этому поводу могу лишь сказать, что эти мои попытки не прекращались, однако никогда, к сожалению, не удалось осуществить мои планы. Уже здесь, в параграфе 3, если вы прочтете дальше, указано, что рейхсфюрер СС в соответствии с предстоящим указом фюрера может непосредственно давать указания статс-секретарю. Таким образом, здесь опять Гиммлер оставил за собой право давать непосредственные указания Крюгеру.

Смирнов: Я просил бы вас обратиться к параграфу 3 указа Гитлера от 7 мая 1942 г. Там сказано: «Статс-секретарь безопасности находится в прямом подчинении генерал-губернатора». Является ли это подтверждением того, что полиция генерал-губернаторства все-таки подчинялась непосредственно вам?

Франк: Я хотел бы сказать, что дело обстояло не так. Полиция на основе этого указа не подчинялась мне. Мне подчинялся только статс-секретарь по вопросам безопасности. Здесь не сказано, что полиция подчиняется генерал-губернатору, только статс-секретарь по безопасности подчиняется ему.

Смирнов: Подсудимый, я напомним вам параграф 4. В пункте 2 сказано: «Статс-секретарь — речь идет о Крюгере — получает согласие генерал-губернатора на исполнение указаний рейхсфюрера СС и германской полиции», а в параграфе 5 этого же указа Гитлера сказано:

«В случае разногласия между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и германской полицией запрашивать мое решение через рейхсминистра и начальника имперской канцелярии». Не свидетельствует ли это о значительных правах, предоставленных вам в области руководства полицией и СС в генерал-губернаторстве, а значит и о вашей ответственности за действия этих органов?

Франк: Текст указа подтверждает это. Однако действительный ход событий явно противоречит этому. Я утверждаю, что эта попытка получить возможность оказывать какое-либо влияние, по крайней мере на полицию и на СС, также не удалась..

Смирнов: Чья это была попытка? В данном случае это, очевидно,

попытка Гитлера, потому что он подписал этот указ. Видимо, Крюгер, был сильнее Гитлера?

Франк: Мне не совсем понятен сам по себе вопрос. Вы считаете, что Крюгер нарушил приказ фюрера? Безусловно, он это сделал. Но это не имеет ничего общего с силой. Это рассматривалось как большая уступка мне со стороны Гимmlера.

Смирнов: Таким образом, в ваших руках концентрировалось руководство администрацией, национал-социалистской политической жизнью и полицией? Следовательно, вы несете ответственность за административную, полицейскую и политическую жизнь в генерал-губернаторстве?

Франк: Если вы хотите слышать от меня ответ, то я должен заявить, что протестую против того, что вы говорите, что я руководил полицией.

Смирнов: Мне кажется, что только так можно понять указ Гитлера и другие документы, которые я вам уже огласил.

Франк: Да, конечно, если оставить без внимания то, что было в действительности.

Смирнов: Перейдем к другой группе вопросов. Скажите, вы узнали о существовании Майданека только в 1944 году?

Франк: Я услышал официально о Майданеке в 1944 году от руководителя прессы Машнера.

Смирнов: Я попрошу показать вам составленный вами и представленный вашей защитой документ. Это ваш рапорт на имя Гитлера. Я оглашу вам одно место из этого рапорта и напомню вам, что рапорт датирован 7 июня 1943 г. Начинаю цитату: «В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве». Вы нашли это место?

Франк: Да, я нашел.

Смирнов: Я продолжаю цитату: «В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве за период с 1 по 31 мая 1943 г., в котором освещаются вопросы...»

Франк: У меня этого нет. Я прошу вас показать, где это место. Того, что вы сейчас оглашаете, у меня в тексте нет.

Смирнов: Нет, это есть в вашем тексте, но несколько выше того места, на которое вы смотрите. Следите за текстом.

«Большая часть польской интеллигенции не поддается, однако, влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме». Я опускаю следующую фразу и продолжаю цитирование вашего рапорта:

«В рабочих кругах, если они даже не настроены коммунистически, эти сообщения, хотя и не оспариваются, но одновременно указывается на то, что отношение к полякам ничуть не лучше». Обратите внимание на следующую фразу: «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовое убийство поляков производилось по конвейеру».

Как примирить с этим место из вашего же рапорта, где вы говорите об Освенциме и о Майданеке и об убийствах, совершающихся там по конвейеру, ваше заявление о том, что вы узнали о Майданеке только

в конце 1944 года? Ведь ваш рапорт датирован июнем 1943 года, вы говорите там и об Освенциме, и о Майданеке?

Франк: В связи с Майданеком мы говорили об уничтожении евреев. Об уничтожении евреев в Майданеке я узнал только летом 1944 года. Насколько я помню, до этого времени вопрос о Майданеке поднимался только в связи с вопросом об уничтожении евреев.

Смирнов: Следовательно, вас ьржно понять следующим образом, что в мае 1943 года вы знали о массовом убийстве поляков, а в 1944 году узнали о массовом убийстве евреев?

Франк: Да, ко мне поступили официальные сведения относительно уничтожения евреев в 1944 году, сведения поступали к нам из заграничной прессы.

Смирнов: А о массовых убийствах поляков вы знали в 1943 году?

Франк: Об этом как раз говорится в моем меморандуме. Против этого я как раз протестовал и обращался по этому вопросу к фюреру.

Смирнов: Я прошу сейчас передать вам еще один документ. (*Подсудимому подносят документ, с которым он знакомится.*) Вы знаете этот документ, вам он знаком?

Франк: Это распоряжение от 2 октября 1943 г.

Смирнов: Вы были президентом имперской академии права. Как с точки зрения элементарных норм права вы можете расценить этот закон, подписанный вами?

Франк: Это общий статут «Штандгерихте» (полевых судов). В нем предусматривается, что каждый процесс должен проводиться одним судьей, что о ходе судебного разбирательства составляется протокол и затем ведется стенограмма заседаний. Кроме того, я имел право на помилование. И поэтому каждый вынесенный приговор представлялся мне.

Смирнов: Кто входил в состав этого суда? Обратите внимание на параграф 3, пункт 1.

Франк: Полиция безопасности.

Смирнов: Вы говорите о ваших плохих взаимоотношениях с полицией, почему же именно полиции безопасности вы предоставили право расправы с населением Польши?

Франк: Потому, что это был единственно возможный путь для оказания влияния на вынесение приговоров. Если бы я не издал этого распоряжения, то полиция действовала бы просто сама, по собственной инициативе, а у нас не было бы никаких возможностей для контроля.

Смирнов: Вы говорили о праве помилования, предоставленном вам. Обратите внимание на параграф 6 этого закона.

Я напомним вам его: «Приговоры военнополевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению».

Я напоминаю вам, что был только один вариант приговора — смерть. Что вы могли изменить, если сразу после приговора осужденный был расстрелян или повешен?

Франк: Несмотря на это, приговор все же должен был представляться мне на утверждение.

Смирнов: Да, но приговоры подлежали немедленному исполнению?

Франк: Это распоряжение общего порядка, которое я издал в связи с тем, что мне было предоставлено право помилования. Комитет по вопросам помилования работал непрерывно. Мы получали дела...

Смирнов: Если вы заговорили о праве помилования, я задам вам еще один вопрос. Вы помните, что представляла собой акция «АБ»?

Франк: Да.

Смирнов: Вы помните, что эта акция обозначала казнь многих тысяч польских интеллигентов?

Франк: Нет.

Смирнов: А что же она представляла в таком случае?

Франк: Она была задумана в рамках общих мероприятий по умиротворению. Моей целью было восстановить порядок, чтобы исключить всякую возможность произвольных действий со стороны полиции. В этом и заключался смысл этой акции.

Смирнов: Мне мало понятна ваша формулировка. Как поступали с лицами, которые были подвергнуты акции «АБ», что с ними делали?

Франк: Вначале на этом заседании речь шла только об аресте,

Смирнов: Я спрашиваю вас, что с ними делали?

Франк: Их арестовывали и помещали в места заключения.

Смирнов: А потом?

Франк: Затем в соответствии с установленным порядком, производилось разбирательство их дела. Во всяком случае таковы были мой намерения.

Смирнов: Или дело передавалось исключительно полиции?

Франк: Всем этим руководила полиция.

Смирнов: Иначе говоря, полиция руководила уничтожением этих людей после того, как они арестовывались?

Франк: Да.

Смирнов: Так. Скажите, пожалуйста, почему при применении этой бесчеловечной акции вы отказались от применения вами права помилования, предоставленного вам?

Франк: Я применял это право.

Смирнов: Я попрошу предъявить вам ваши же высказывания от 30 мая 1940 г. Вы, очевидно, вспомните это заседание с полицией 30 мая 1940 г. Вы инструктировали полицию?

Франк: Нет.

Смирнов: Там вы заявили следующее, что «всякую попытку вмешательства судебных учреждений в предпринятую с помощью полиции операцию «АБ» надо было бы считать изменой государству, немецким-интересам». Вы помните эти слова?

Франк: Я не помню, но вы должны еще раз рассмотреть всю обстановку в течение нескольких недель и обратить внимание на все, что было связано с этим вопросом. Кроме того, вы не должны выхватывать отдельные предложения из общего контекста, а исходить из общего контекста. Общий контекст излагает развитие событий в течение недель, месяцев, так как между этими двумя отрезками времени произошло основание комитета помилования, в то же время я выступил со своим протестом против произвольных мер. В то же время для проведения всех процессов были привлечены судебные органы. По моему мнению, эти события длились много недель, и их нельзя полностью охватить и выразить в одном предложении.

Смирнов: Я говорю о словах, которые, как мне кажется, для юристов не допускают двоякого толкования. Вы пишете: «Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются. Операции «АБ»

проводятся исключительно начальником СС и полиции Крюгером и его органами. Это чисто внутренняя необходимая карательная операция, выходящая за рамки нормального процесса». Значит вы отказались от права помилования?

Франк: В этом особом случае. Если вы проследите дальнейшее развитие этой акции «АБ» в последующие недели, то вы увидите, что она не проводилась в жизнь. Существовало однажды такое намерение, дурное намерение, от которого, я, слава богу, во-время отказался. Может быть, мой защитник скажет еще кое-что об этом.

Смирнов: Меня интересует единственный вопрос — отказались вы от права помилования или нет?

Франк: Нет.

Смирнов: Как тогда иначе понять ваши слова. Вот одна фраза: «Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются». Как иначе толковать эту фразу?

Франк: Это не указ, это не распоряжение, это также не окончательное урегулирование всего вопроса. Это было просто брошенное в тот момент замечание, которое и обсуждалось затем в последующие дни. Нужно рассматривать окончательную картину того или иного развития событий, а не различные моменты самого процесса развития.

Смирнов: Я понимаю вас, подсудимый. И я спрашиваю вас о том, было ли это произнесено на заседании с полицией и инструктировали ли вы полицию?

Франк: Нет, на этом заседании нет. Я предполагаю, что это имело место в другой связи. Здесь мы обсуждали только эти мероприятия. Я должен был говорить также еще и со статс-секретарем Бюлером.

Смирнов: Обсуждая с полицией акцию «АБ», вы заявили полиции, что результаты этой акции не будут касаться комиссии по помилованию, состоящей при вас. Это правильно?

Франк: Это предложение имеется в дневнике. Но оно не является результатом, а только лишь промежуточной стадией.

Смирнов: Может быть, мне стоит напомнить вам еще одну фразу, чтобы судить о результатах этой акции. Я прошу показать вам это место, чтобы вы его вспомнили. Вы говорили следующее: «Нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагеря, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями. Мы ликвидируем их в самой стране, сделаем мы это в самой простой форме».

О чем шла речь? О «ликвидации в самой простой форме», не так ли?

Франк: Это ужасное слово. Но, слава богу, это в данной форме не было претворено в действительность.

Смирнов: Да, но эти люди были казнены. Как же это не было претворено в действительность? Значит, очевидно, это было претворено в действительность, так как эти люди были уничтожены?

Франк: Да, если они были осуждены, их казнили, если не было применено право помилования.

Смирнов: При чем осуждены без всякого применения права помилования?

Франк: Я не думаю, чтобы это действительно было так.

Смирнов: Я напомню вам еще одно место, связанное с акцией «АБ». Если вы не были согласны с полицией по поводу различных полицей-

ских акций, то как объяснить устроенное вами торжественное чествование бригаденфюрера СС Штрекенбахера, когда он уезжал в Берлин? Не служит ли это, по меньшей мере, выражением приятельских отношений с полицией?

Франк: Видите ли, очень часто в политике говорятся многие вещи, которые не соответствуют действительности.

Смирнов: Подсудимый, я напому вам лишь одно место из вашей речи в связи с отъездом бригаденфюрера Штрекенбахера. Вы говорили тогда:

«То, что вы, бригаденфюрер Штрекенбахер, "и вы (и полиция) сделали в генерал-губернаторстве, — не должно быть забыто, и вам совершенно нечего стыдиться».

Не свидетельствовали ли эти ваши слова о, по меньшей мере, положительном отношении к Штрекенбахеру и к его подчиненным. Ведь вы говорили о том, что то, что сделали Штрекенбахер и полиция в генерал-губернаторстве, не должно быть забыто.

Франк: Это и не было забыто.

Смирнов: Я не имею больше вопросов.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШИРАХА

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 23 и 27 июня 1946 г.}*

*Додд*¹: Вы еще в довоенные дни опубликовали целый ряд песен для молодежи в песеннике?

Ширах: Было издано много песенников для молодежи.

Додд: У нас имеются некоторые выдержки из одного такого песенника, и я хочу сослаться только на одну из них. Помните ли вы песню: «Вперед, вперед», которую вы написали сами?

Ширах: «Вперед, вперед» — это боевая песня молодежи.

Додд: Эта песня, несомненно, содержит сильно возбуждающие призывы, предназначенные для молодежи, в которых говорится о их военном долге?

Ширах: Я этого не нахожу.

Додд: Слова, подобные таким, как: «Мы — будущие солдаты. Все, что против нас, упадет от наших кулаков. Фюрер, мы принадлежим вам» и т. д. Вы помните это?

Ширах: Здесь сказано, что — «Мы солдаты будущего».

Додд: Хорошо.

Ширах: «Солдаты будущего», «носители будущего».

Додд: Вы помните песню: «Вы видите зарю на Востоке»?

Ширах: Это не моя песня.

Додд: Это одна из песен, которая была включена в сборник песен гитлеровской молодежи, не так ли?

Ширах: Это старая песня СА, которая пелась в 1923—1924 гг.

¹ Представитель обвинения от США. — Составите ли.

Додд: Это возможно. Я вас спрашиваю только, действительно ли эта песня была включена в ваш официальный песенник молодежи?

Ширах: Да.

Додд: В этой песне вы всячески поносили евреев, не правда ли?

Ширах: Это мне неизвестно, я хотел бы посмотреть эту песню.

Додд: Помните ли вы вторую строфу: «В течение многих лет люд» были порабощены и направлялись по ложному пути, предатели и евреи господствовали над ними»? Помните-ли вы следующие слова в этой песне: «Люди, к оружию!»

Ширах: Да, но я не знаю точно, было ли это напечатано в песеннике для молодежи.

Додд: Я могу вас заверить, что эта песня напечатана в песеннике. Он имеется у нас, и если вы хотите, то можете посмотреть.

Ширах: Это очень известная песня СА, которую пела молодежь. Потому она и помещена в сборнике песен для молодежи.

Додд: Этот песенник, имеющийся здесь у меня, издан в 1933 году.

Ширах: Я не думаю, что об организации молодежи, созданной мною, можно судить лишь по 1933 году.

Додд: Я также не думаю этого, но мы нашли его в 1945 году.

Ширах: Позднее мы издали другие песенники с совершенно другими песнями.

Додд: Да, я собираюсь через минуту перейти к ним. В четвертой строфе, в последней строчке, говорится: «Германия, проснись! Смерть еврейству! Народ, к оружию!»

Вы помните эту песню, не так ли? Вы не отрицаете того, что там говорится: «Смерть евреям!»

Ширах: Это ведь та песня, которая начинается словами: «Вы видите зарю на Востоке?».

Додд: Да, правильно.

Ширах: Да.

Додд: Помните ли вы песню о «Знамени, обогренном кровью» и о «Марше по всей земле»?

Это песня «Барабаны гремят по всей земле». И эту песню «Барабаны гремят по всей земле» вы написали сами, не так ли?

Ширах: «Барабаны гремят по стране», да, мне кажется, что я написал такую песню.

Додд: В те дни в 1938 году вы, по крайней мере, думали о будущей военной службе для гитлеровской молодежи; об этом также думал и фельдмаршал фон Бломберг? Именно этот вопрос я желал бы выяснить.

Ширах: Разумеется само собой, что мы как воспитатели заботились о физическом развитии молодежи для того, чтобы они могли быть хорошими солдатами.

Додд: В феврале 1938 года Гитлер, как об этом сообщалось в прессе, сказал, что 45 тысяч юношей было занято в военно-морском флоте. Считаете ли вы эту цифру слишком большой и неправильной?

Ширах: Нет, она верна.

Додд: Далее он сказал, что в моторизованных войсках насчитывалось 60 тысяч юношей членов организации гитлеровской молодежи. Что вы можете сказать об этой цифре?

Ширах: Она правильна.

Додд: И далее он сказал, что для усиления авиации 55 тысяч чле-

нов организации «Юнгфольк» обучались планерному делу. Что вы скажете об этой цифре? \

Ширах: 55 тысяч, да, это правильно.

Додд: Затем он говорит: «74 тысячи членов гитлеровской молодежи были включены в авиационные соединения». Что вы скажете об этой цифре? Правильна ли эта цифра — 74 тысячи?

Ширах: Возможно.

Додд: Наконец, он говорит: «Только в одном 1937 году 15 тысяч юношей сдали испытания по управлению планерами». Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: Она, очевидно, также правильна.

Додд: Таким образом, у вас не было с Гитлером никаких расхождений по поводу этих цифр?

Ширах: Нет.

Додд: И, наконец, он говорит: «Сегодня 200 тысяч юношей из организации гитлеровской молодежи под руководством 7 тысяч инструкторов прошли регулярный курс обучения по стрельбе из мелкокалиберной винтовки». Имеется ли ошибка в этой цифре, и в чем она заключается?

Ширах: Возможно, она правильна.

Додд: Далее, в ежегоднике гитлеровской молодежи за 1939 год Штельрехт, ваш сотрудник, занимавшийся вопросами подготовки гитлеровской молодежи, употребил то же самое выражение. Вы помните это? «Обращение с винтовкой должно быть так же естественно для каждого, как для ученика обращение с пером».

Ширах: Если он уже раньше сказал так, то очень возможно, что он повторяется.

Додд: Далее, мы слышали о том соглашении, которое вы и подсудимый Кейтель заключили в 1939 году, незадолго до того, как началась война с Польшей. Это было в августе 1939 года.

Ширах: Я не помню точно. То, что это соглашение не имеет никакого отношения к войне и не может иметь, показывает тот факт, что оно было заключено в августе 1939 года.

Додд: Вы говорите, что это соглашение не имело никакого отношения к войне, хотя оно и было заключено за три недели до нападения на Польшу?

Ширах: Если бы это соглашение имело какое-либо значение для войны, то его следовало бы заключить значительно раньше. Уже тот факт, что оно было заключено лишь в августе 1939 года, показывает, что мы не думали о войне. Если бы мы были заинтересованы в том, чтобы подготовить молодежь к войне, то мы заключили бы его уже в 1936—1937 гг.

Додд: Во всяком случае, согласитесь ли вы с тем, что это соглашение, заключенное между вами и Кейтелем, несомненно, имело отношение к обучению молодежи стрелковому делу и к армии?

Ширах: Это соглашение, насколько я помню, относилось к обучению на пересеченной местности.

Додд: Хорошо, в таком случае я лучше покажу вам этот документ и считаю из него отдельные выдержки, если вы не помните, что это соглашение имело определенное отношение к вопросу об обучении молодежи стрелковому делу.

Ширах: Я думаю, что там сказано, что обучение на пересеченной

местности должно в будущем достигнуть такого же объема в обучении молодежи, как и стрелковый спорт. Я не знаю, правильно ли я передаю содержание по памяти.

Додд: Я сейчас кратко изложу вам то, о чем там говорится. Там , говорится, что вы уже имели 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи, проходивших ежегодное обучение в условиях полевой обстановки. Вся фраза в целом гласит следующее: «В школах для руководителей гитлеровской молодежи, в особенности в двух имперских школах, где проводилось обучение стрелковому делу и спортивная подготовка в условиях полевой обстановки, а также и в районных школах для руководящего состава, 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи ежегодно проходят полевые учения» и что это соглашение дает вам возможность приблизительно удвоить это число.

Ширах: Да.

Додд: И далее говорится о том, как вы должны расквартировать этих людей и т. д.

Ширах: Да.

Додд: Итак, это имеет какое-то отношение к вашей программе обучения стрелковому делу, не так ли?

Ширах: Я сказал, что обучение молодежи на пересеченной местности должно занять такое же место в программе, как и обучение стрельбе. Однако и здесь речь идет не о подготовке руководителей молодежи на офицерские посты, а об обучении на местности руководителей молодежи, которые после короткого обучения на курсах возвращались в свои отряды.

Додд: Конечно, вы не хотите сейчас нас уверить в том, что вы и Кейтель заключили в августе 1939 года соглашение о проведении спортивного бега по пересеченной местности, не так ли? Вы серьезно говорите это?

Ширах: Я совершенно серьезно сейчас утверждаю, что в то время я ничего не знал о войне, о будущей войне.

Додд: Взгляните на первый абзац, в котором говорится о цели этого соглашения. «Между верховным командованием вооруженными силами и руководством имперской молодежи было заключено соглашение, явившееся результатом тесного сотрудничества между начальником главного штаба вооруженных сил генералом Кейтелем и руководителем молодежи германской империи фон Ширахом: это соглашение предусматривает сотрудничество с вооруженными силами в военном воспитании гитлеровской молодежи». Как вы видите, здесь ничего не говорится о проведении кросса или других занятиях спортом, не так ли?

Ширах: Я хотел бы разъяснить кое-что: то, что вы сейчас цитируете, не относится к тексту соглашения, а является комментарием редактора этого сборника «Дас архив».

Додд: Я не собираюсь дальше читать, но я предоставляю Трибуналу право решать, имеет ли это отношение только к спорту или это связано с военным обучением молодежи. Когда вы впервые установили связь с Гитлером?

Ширах: В 1929 году, когда я однажды явился к партийному руководителю. Он был тогда руководителем пропаганды в партии; это было нашей первой встречей.

Додд: Я не хотел вас спрашивать об этом, хотя интересно знать,

когда вы впервые с ним встретились. Меня, по существу, интересует вот что: когда вы и ваши молодежные группы впервые установили с ним деловые отношения? Полсловами «деловые отношения» я имею в виду, например, такое мероприятие, как набор молодых людей в бригады СС «Мертвая голова».

Ширах: В соглашении, год заключения которого я не помню, условие о патрульной службе было, кажется, изложено одним из первых. В общем, это не было обеспечением пополнения лишь для соединений «Мертвая голова», а вообще для всех полицейских частей так называемых «военных соединений» полиции.

Додд: В течение какого времени вы продолжали направлять юношей из вашей организации молодежи в СС? Может быть, вы помните, до какого времени эта программа претворялась в жизнь?

Ширах: Я насильно не гнал молодых людей в СС, а я разрешил СС, как и всякой другой организации, вербовать своих членов среди молодежи.

Додд: Я вас не об этом спрашиваю. Я спросил, когда, по вашему мнению, вы фактически в последний раз оказывали помощь Гиммлеру в наборе юношей из молодежи Германии при помощи вашей молодежной организации? Мне не нужна точная дата. Вы можете сказать приблизительно.

Ширах: С 1940 года я постоянно стремился к тому, чтобы перевести молодежь в соединения СС. Войска СС производили среди молодежи очень значительную вербовку, которая продолжалась до последнего дня войны.

Додд: Вы, конечно, знали, для какой цели их использовали в конце и в середине войны?

Ширах: Я знал, что все юноши, которые были призваны или добровольно пошли на фронт, должны были сражаться.

Додд: Я говорю сейчас не о сражении, а кое о чем другом. Вы знали о том, что происходило на Востоке, и вы знали, из кого состояла охрана концентрационных лагерей, не так ли?

Ширах: Я знал о событиях на Востоке. О том, что молодежь, которая вступила в войска СС во время войны, использовали для охраны ; концентрационных лагерей, я не знал.

Додд: Вы не знали, из кого состояла охрана, хотя вы сами посетили два концентрационных лагеря?

Ширах: Это была охрана, которая не принадлежала к войскам СС.

Додд: Я знал лишь о том, что ваше соглашение с Гиммлером предусматривало главным образом набор молодежи в соединения СС «Мертвая голова».

Ширах: Когда я заключал это соглашение, я не знал, что Гиммлер осуществлял охрану концентрационных лагерей с помощью соединений «Мертвая голова». Кроме того, тогда я считал концентрационные лагеря чем-то вполне нормальным.

Додд: Вчера вы сообщили Трибуналу, что, примерно, только в 1944 году вы узнали об истреблении заключенных. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Первый вопрос. Как вы об этом узнали? Вы фактически узнали об этом только от Колин-Росса?

Ширах: Я сказал, что об этом я узнал через Колин-Росса...

Додд: Хорошо.

Ширах: И что, я, кроме того, задал много вопросов всем доступным мне лицам, чтобы узнать об этом что-либо конкретное.

Додд: Я вас спрашиваю, было ли вам известно об этом из каких-либо других источников, помимо Колин-Росса. Вы можете ответить довольно просто. Мы знаем, что вы узнали об этом от Росса. Можете ли вы назвать кого-нибудь другого, кто также сообщил вам об этом? Но в действительности вы же получали регулярные отчеты относительно истребления евреев, не правда ли?

Ширах: Эти отчеты, два из которых были представлены здесь, в зале Суда, направлялись имперскому комиссару обороны, одному из его референтов. Этот референт передавал экземпляры дальше, как мне кажется, инспектору или начальнику полиции охраны порядка. Я видел экземпляр, который был представлен по делу Кальтенбруннера, он ране& никогда не был у меня в руках.

Додд: Вы хотите сказать, что вам не было известно, что эти отчеты поступали в ваше управление?

Ширах: Я не видел этого экземпляра.

Додд: Хорошо.

Ширах: Мое бюро было центральным бюро, а не бюро имперского комиссара обороны. Дела имперского комиссара обороны вел его референт, который обрабатывал все ежедневно поступающие и отправляющиеся материалы.

Додд: Вы были имперским уполномоченным по обороне в этой области, не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: Это был совершенно секретный отчет СС, который не разглашали по всей Германии?

Ширах: Я не знаю, сколько экземпляров этого доклада было разо-слано.

Додд: Всего было 100 экземпляров. Вы получили 67-й экземпляр?

Ширах: И эти экземпляры, как я заключаю на основании подлинника, который я видел, были направлены не мне, а одному референту, некоему Фишеру.

Додд: А кто был этот Фишер?

Ширах: Я полагаю, что это был референт комиссара правительства, референт по делам обороны империи.

Додд: Ну, хорошо. Теперь я хочу вам показать некоторые документы из вашего же собственного архива.

...На странице 29 вы найдете здесь фамилии тех лиц, которые работали при имперском совете обороны; среди этих фамилий имеются фамилии Фишера, генерала Штюльпнагеля, генерал-майора Гауция, доктора Форстера. Вы нашли? Это был ваш собственный имперский совет, который вы время от времени посещали, довольно часто встречались с этими людьми.

Вы нашли фамилию Фишера в числе лиц, которые были рекомендованы для вашего совета обороны? Его фамилия, между прочим, стоит последней. Там имеется также его подпись. Именно он рекомендовал вам всех остальных.

Ширах: Я не могу при упоминании имени Фишера никого себе представить. Но я ясно вижу, что он был тем, кто принимал почту для ко-

миссара по обороне империи, и, возможно, он также вел протокол. Какую-либо другую функцию он не мог осуществлять в этом кругу лиц уже из-за своего небольшого чина.

Додд: На странице 31 того же документа вы найдете другую ссылку на д-ра Фишера, и на этот раз на этом документе имеются ваши инициалы. Это список членов имперского совета обороны. В списке двадцать человек, и последней фамилией стоит фамилия Фишера. В конце документа есть ваши инициалы, которые, повидимому, показывают, что вы одобрили этот список. Вы это видите?

Ширах: Да, я должен был поставить свои инициалы на этом списке.

Додд: И вы одобрили состав членов, не правда ли?

Ширах: Я вовсе не хочу утверждать, что я не узнал бы Фишера, если бы его указали мне. Он был чиновником, ведущим протокол, и при том большом количестве людей, которое присутствовало на таких заседаниях, он ничем не бросился мне в глаза. К тому же таких заседаний по обороне империи было очень мало. Во всяком случае — и это мне кажется решающим — он не делал мне лично докладов, он делал доклады комиссару по делам имперской обороны.

Додд: Как же вы могли не встретиться с ним? Вы ведь в 1940 году регулярно посещали совещания имперского совета обороны. У нас имеются некоторые документы, и я хотел бы показать их вам. В этих документах точно отражается то, что вы заявили на заседании этого совета.

Ширах: Да, я и говорю, что он, наверное, вел протокол.

Додд: Да, конечно, и поэтому вы встречались с ним неоднократно в период между 1940 годом, то есть когда был составлен этот протокол, и 1942 годом, то есть до того времени, когда стали присылаться отчеты СС об истреблении. Он, вероятно, был знаком с вами в течение двух лет до того, как был получен первый имеющийся у нас отчет от 1942 года, и он был одним из двадцати членов вашего совета.

Ширах: Я думаю, что я должен описать, из кого состоял этот комитет по обороне империи. Там была группа генералов, руководящих генералов на командных постах в сухопутных и военно-воздушных силах, там были различные гаулейтеры, там были упомянутые здесь лица: уполномоченный министра боеприпасов Путт, руководитель экономического штаба и другие лица, которые здесь перечислены. В этом большом кругу людей находился также чиновник, ведущий протокол, который был одним из многих чиновников моего управления. Эти заседания — я думаю, что вы установили это, — имели место очень редко. Фишер не делал мне постоянно докладов, он также не представлял мне протоколов заседаний, а доклад делал мне комиссар по делам имперской обороны.

Додд: Не думаете ли вы, что Генрих Гиммлер или Рейнхарт Гейдрих посылали эти отчеты об истреблении, происходившем на Востоке, лицам, не имеющим никакого значения в Германии?

Ширах: Эти доклады, если бы они были предназначены для меня, пересылались бы прямо ко мне. Вообще, я сегодня уже сказал, что я вовсе не оспариваю того, что я узнал о расстрелах евреев на Востоке, правда, в очень позднее время. Я видел в этом связь с военными событиями. Сами доклады мне не были представлены, и если бы они были мне представлены, то на них были бы определенные пометки, которые я немедленно бы узнал.

Додд: Хорошо, давайте посмотрим. Они, конечно, были адресованы вам и для сведения Фишеру.

Теперь я вам докажу, что вы получали еженедельные отчеты. Вы их видели? Что вы скажете на это?

Ширах: Еженедельные отчеты?

Додд: Да.

Ширах: Еженедельные отчеты я получал в огромных количествах из самых различных инстанций.

Додд: Нет, я говорю об одном определенном виде отчетов. Я говорю об отчетах, получавшихся вами от Гейдриха и Гиммлера.

Ширах: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Додд: В таком случае, взгляните сюда. У нас имеется 55 таких докладов. Они все здесь идут в хронологическом порядке, и Фишер не имеет к ним никакого отношения. На отчетах имеется штамп вашей канцелярии, а также имеется пометка о том, когда они были получены,

В них, кстати, говорится — посмотрите на них — говорится о том, какая участь постигла евреев на Востоке.

Ширах: Эти доклады направлены от начальника полиции безопасности в бюро комиссара по делам имперской обороны. Они, я вижу это по первому документу, приняты не мной. Напротив, здесь имеется подпись комиссара по делам имперской обороны, я не получал этих докладов, иначе здесь стояла бы моя подпись.

Додд: Согласно примечанию, их получал Дальбрюгге, являвшийся вашим главным помощником. Кстати, мне кажется, что необходимо разъяснить Трибуналу, что оба ваших главных помощника являлись бригаденфюрерами СС, не так ли?

Ширах: Я уже упомянул и без этого, что Дальбрюгге был одним из доверенных лиц Гиммлера.

Додд: А он был вашим главным помощником. Именно это я хочу сказать. Другой ваш помощник тоже был бригаденфюрером СС.

Ширах: Но я думаю, что эта констатация доказывает как раз обратное тому, что вы хотите доказать по делу против меня.

Додд: Я продолжу обсуждение вопроса о еженедельных отчетах, но я хотел бы спросить у вас о следующем: между вами и Гейдрихом существовали довольно дружественные отношения?

Ширах: Я знал Гейдриха, когда он был имперским протектором в Праге и прислал мне приглашение как президенту юго-восточного европейского общества о созыве съезда, я сделал то, что он хотел. Но в тесных личных отношениях я с Гейдрихом не находился.

Додд: Считали ли вы его хорошим государственным деятелем в то время, когда он ввел в Чехословакии систему ужасного террора?

Ширах: У меня было такое впечатление, что Гейдрих, как он выразился во время моего пребывания в Праге, хотел проводить политику взаимопонимания, в первую очередь, по отношению к чешским рабочим. В нем я тогда, собственно, не видел представителя политики террора. Во всяком случае, у меня нет никаких практических сведений о событиях в Чехословакии.

Додд: Вы послали телеграмму «Дорогому Мартину Борману», когда • был убит Гейдрих? Вы помните об этом? Вы послали эту телеграмму человеку, который, как я понимаю, не был у вас в 1942 году на хорошем

счету? Вы помните, когда Гейдрих был убит в Праге чешскими патриотами?

Ширах: Да.

Додд: Вы помните, что вы сделали, когда вы об этом узнали?

Ширах: Уже не помню точно.

Додд: Может быть, если я оглашу вам эту телеграмму, то вы вспомните.

«Рейхслейтеру Борману. Берлин. Партийная канцелярия, очень срочно. Для немедленного ознакомления.

Дорогой Мартин Борман,

я прошу, чтобы о последующем доложили фюреру. Зная чешское население и его настроение как в Вене, так и в протекторате, я обращаю ваше внимание на следующее:

...Самым эффективным действием явился бы внезапный и сильный налет на какой-либо культурный центр Англии, а мир должен быть оповещен, что это не что иное, как «мсть за смерть Гейдриха».

Вы помните, что вы послали эту телеграмму Борману?

Ширах: Да, эту телеграмму я посылал.

Додд: Сейчас я хотел бы задать вам два вопроса об этой телеграмме. Думали ли вы о конкретных культурных центрах в Англии, как например, о Кембридже, Оксфорде, Стратфорде, Кентербэри?

Ширах: Нет, у меня с этим не связано никакого определенного представления. Я думал, что следовало взять один объект, аналогичный тем, которые подверглись бомбардировке английских самолетов в Германии.

Додд: Лишь бы это был культурный центр?

Ширах: В этом ответном ударе на третьем году войны следовало объединить ответ на покушение на Гейдриха с ответом на покушение на культурные центры в Германии.

Додд: В этой телеграмме вы не делали никаких ссылок на якобы имевшие место предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии. Нет?

Ширах: Об этом было сообщено в военной сводке.

Додд: Это не то, о чем я вас спрашиваю. Я спрашиваю вас о том, действительно ли вы не делали никаких ссылок в этой телеграмме на предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии и не говорили о том, что бомбежка культурного центра в Англии вызвана предполагаемой бомбежкой культурного центра Германии? Вы очень ясно указали, что вы хотели бомбить культурные центры в Англии из-за того, что случилось с Гейдрихом?

Ширах: Мне не нужно было вовсе указывать на бомбардировки германских культурных центров, так как всей германской общественности "был известен этот факт из сообщений о ежедневных налетах английских бомбардировщиков.

Додд: Я полагаю, что в то время вы очень хорошо знали репутацию Гейдриха, не правда ли?

Ширах: В этом случае я рассматривал Гейдриха как представителя нашей империи в Богемии и Моравии, а вовсе не как начальника гестапо.

Додд: Знали вы о его репутации в Германии, по крайней мере в то время?

Ширах: Я знал, что он был начальником гестапо, но я не знал, что он совершал те зверства, о которых стало известно позднее.

Додд: Вам не было известно о том, что его считали «террором гестапо»?

Ширах: Это выражение, которое использовала вражеская пропаганда по отношению к нему.

Додд: Вы все еще думаете, что это — «пропаганда»?

Ширах: Нет.

Додд: Значит, вы слышали только через вражескую пропаганду, что его называли «террором гестапо» до того, как он был убит в 1942 году?

Ширах: Нет, этого я не хочу сказать.

Додд: Как вы об этом узнали?

Ширах: Я хочу здесь констатировать только, что имперский протектор Гейдрих для меня был другим лицом на этом третьем году войны, а не начальником гестапо. Здесь речь шла о политическом мероприятии.

Додд: Вы не ограничились этим предложением — бомбить Англию, не правда ли? Вы помните, что вы еще предлагали некоторое время спустя?

Ширах: Нет, этого я не помню.

Додд: Помните ли вы что-нибудь о том, что вы предлагали в порядке так называемой расплаты за убийство Гейдриха?

Ширах: Я не помню.

Додд: Вы предлагали эвакуацию всех чехов из Вены, не так ли?

Ширах: Это предложение не было сделано лично мною, оно относится к замечанию о Вене, сделанному фюрером в 1940 году, когда я докладывал ему в его главной ставке. Мне кажется, что я уже упоминал в своих показаниях, что он сказал: «Вена должна стать немецким городом; и евреи и чехи должны быть постепенно эвакуированы из Вены». Это я уже отмечал в своих показаниях.

Додд: Мой вопрос заключался в следующем: верно ли, что несколько дней спустя после убийства Гейдриха вы предложили эвакуацию всех чехов из Вены, как репрессалий за убийство Гейдриха?

Ширах: Возможно, но я не помню этого; возможно, что я, взволнованный этим событием, которое меня очень обеспокоило, и сказал что-либо подобное.

Додд: Хорошо, во всяком случае, я считаю, что все это совершенно ясно, и я вас спрашиваю, согласны ли вы с тем, что вы сделали по крайней мере два предложения: первое — о бомбардировке культурных английских центров, и второе — об эвакуации всех чехов из Вены, в связи с убийством этого человека — Гейдриха?

Ширах: Что я выразил такую мысль об эвакуации чехов из Вены, — это верно. Верно, что я сделал предложение подвергнуть бомбардировке британский культурный центр в качестве ответа на убийство Гейдриха.

Додд: Мне хочется спросить вас, является ли фактом то, что вы работали в тесной связи с Гиммлером и его СС почти с самого начала и почти что до самых последних дней вашего режима в Вене? Я хочу, чтобы вы ответили на этот вопрос.

Ширах: На этот вопрос я охотно ответил бы очень подробно.

Додд: В данное время этот ответ не требует больших деталей. Но позднее, если вы считаете, что можете дать необходимое объяснение, я

уверен, что вам будет предоставлена такая возможность. Прежде всего скажите Трибуналу, действительно ли вы тесно сотрудничали с Гиммлером и его СС, начиная с самого начала вашей государственной службы и до самого ее конца?

Ширах: Тесного сотрудничества в том смысле, что Гиммлер якобы имел существенное влияние на воспитание, не существовало.

Додд: Не является ли фактом то, что Гиммлер назначил свой персонал СС в вашу молодежную организацию для подготовки молодежи?

Ширах: В целях обучения?

Додд: Да.

Ширах: Об этом мне ничего неизвестно. То, что действовали, может быть, офицеры связи, в этом нет ничего необычного, так как практически во всех министерствах и организациях имелись офицеры связи. Но я не помню ничего такого, что вы сейчас подразумеваете.

Додд: Я полагаю, что нам нужно это выяснить прежде всего. Посмотрите на документ 3931-ПС.

Теперь, если вы посмотрите на этот документ, то вы увидите, что это письмо, которое вы послали «дорогому члену партии Борману» в августе 1941 года. Это очень длинное письмо. Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать его полностью, но я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые места из этого письма, это, возможно, освежит вашу память в отношении вопросов, связанных с СС. Предварительно один вопрос: СА предложили заняться в 1941 году некоторыми отраслями обучения молодежи, летом 1941 года?

Ширах: Я сказал еще раньше, мне кажется, что это было в 1939 году весной, СА предприняла попытку взять на себя допризывную подготовку молодежи. Такие попытки повторялись и в 1941 году.

Додд: Вы припоминаете теперь, уже только при взгляде на это письмо, — а вся суть письма в этом, — что вы жаловались на попытку СА непосредственно полностью руководить обучением некоторых групп молодежи в гитлеровской молодежной организации?

Прежде всего я хочу, чтобы вы нашли заявление о том, что «гитлеровская молодежь считала необходимым с самого начала сделать партию ответственной за руководство и организацию ее военной подготовки».

Вы это нашли? Затем взгляните ниже. Там написано заглавными буквами по-немецки то, на что я обращаю ваше внимание: «Я был бы счастлив, если бы СА предоставила в мое распоряжение персонал для осуществления этой цели, подобно тому, как это обычно делают СС и полиция в течение долгого времени».

Вы нашли эту фразу?

Ширах: Да, я нашел.

Додд: Вы там говорите, что вы были бы счастливы, если бы СА предоставила в ваше распоряжение персонал для осуществления этой цели, как это делали СС и полиция уже в течение долгого времени, и вы ссылаетесь на подобную подготовку молодежи, которая уже проводилась; Вы говорите о гитлеровских школах и о подготовке гитлеровской молодежи. Теперь совершенно ясно, не так ли, что вы действительно пользовались помощью СС в соответствии с вашими собственными методами, помощью СС и полиции в течение долгого времени прежде чем вы послали такое письмо?

Ширах: Во время войны—да. Ведь с 1939 года мы вели войну, и с начала войны у нас были лагеря довоенного обучения, и для этих лагерей я искал руководителей; сухопутные силы не могли направить в мое распоряжение достаточного числа военных руководителей. СА также не могла этого сделать. СС могла предоставить в мое распоряжение несколько молодых офицеров. Это могла сделать и полиция.

Додд: Следовательно, только с начала войны у вас появились люди из СС и полиции для подготовки вашей молодежи, да?

Ширах: Я не думаю, чтобы мы использовали военных руководителей СС еще для чего-нибудь. Как я уже показал, у нас был корпус руководителей, созданный из самой молодежи.

Додд: Я снова вас спрашиваю, вы хотите, чтобы Трибунал вас понял так, что только с начала войны вы пользовались помощью персонала СС и полиции, который был назначен для подготовки молодежи?

Ширах: На этот вопрос я не могу ответить совершенно точно.

Додд: Вы можете сказать, что у вас не было персонала СС, назначенного для подготовки вашей молодежи? Я не говорю об отдельных инструкторах, например, лыжного спорта, я говорю о постоянной программе, согласно которой осуществлялась помощь со стороны СС в подготовке молодежи.

Ширах: В этом письме впервые была затребована помощь, которая была необходима в целях военного обучения. Больше я не знаю ни одного момента, где имело бы место сотрудничество.

Додд: Известен ли вам термин «Хейакцион», то есть акция «Сено»?

Ширах: Хейакцион? Я не могу этого вспомнить, я не понимаю, что вы под этим подразумеваете.

Додд: Но вы же каждый день сидите в суде. Вы разве не помните, что обвинением было представлено доказательство в связи с делом Розенберга и действием, называемым акцией «Сено»?

Ширах: Нет, в настоящий момент я не могу этого сказать, я не помню этого.

Додд: Вы разве не помните о разговорах в суде о том, как захватывали молодежь на Востоке и насильственно отправляли ее в Германию, 40 или 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет? Вы помните это, не правда ли? Тогда говорилось о том, что одной из целей этого мероприятия было уничтожить биологическую потенциальную возможность этих людей. Вы не знаете, о чем я говорю?

Ширах: Это акция, о которой я вспоминаю только в связи с этим процессом. Но по служебной линии единственно что я могу сказать, это то, что Аксман во время войны (я не помню, в каком году) сообщил мне, что он направил на заводы Юнкерса в Дассау большое количество русской молодежи в качестве подмастерьев и учеников в мастерских. До этого я не занимался этой акцией, но в начале своих показаний я заявил, что за то, что сделала молодежь во время войны, я беру на себя ответственность, и я не отказываюсь от этого. Я вспоминаю показания подсудимого Розенберга о том, что он выполнял запросы армии и военных соединений в, данном деле.

Додд: У нас имеется документ, который уже представлен как доказательство США-871. Трибунал с ним ознакомился. Я хочу обратить ваше внимание на то, что здесь говорится: «Розенберг согласился с программой захвата от 40 до 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет»

и перевоза их в империю»; там же говорится, что эта программа могла быть выполнена при помощи руководства гитлеровской молодежи через посредство бюро министерства Розенберга. Здесь также говорится, что

- некоторые группы молодежи должны были быть переведены во вспомогательные части СС. Теперь я хочу спросить вас, что именно вы знаете об
- этой программе и какое участие принимала гитлеровская молодежь
- в осуществлении этой программы?

Ширах: Об этой программе я не могу сказать больше того, что я уже сказал.

Додд: Вы отвечали за использование в войне гитлеровской молодежи, не так ли?

Ширах: Использование немецкой молодежи в войне проводилось по приказам имперского руководителя молодежи. Из того, что я знаю, я могу дать лишь общую, но не детальную информацию.

Додд: Скажите, я снова вас спрашиваю, были ли вы назначены и выполняли ли вы обязанности лица, ответственного за использование в войне молодежи Германии? У меня есть документ, который показывает ваше назначение.

Ширах: Я вовсе не хочу этого оспаривать. В 1939 и 1940 годах, когда я был руководителем молодежи, я сам руководил этой работой.

Додд: Я говорю о назначении, которое имело место еще позднее, в 1939 или 1940 году. Вы были назначены фюрером в его ставке в марте 1942 года ответственным за использование в войне германской молодежи, не правда ли?

Ширах: Я прошу показать мне этот документ, я точно не помню, но считаю, что это возможно.

Додд: Вы говорите, что вы не знаете о том, что вы были назначены ответственным за использование в войне германской молодежи? Вам нужно показать документ?

Ширах: Нет. Я не могу лишь по памяти сказать дату. Я считаю, что я с 1939 года ведал вопросами использования молодежи в войне.

Додд: Хорошо. Это то, что я хотел установить, — факт о том, что вы были ответственны и продолжали быть ответственным за это до самого конца войны.

Я думаю, что нам достаточно ясно, что вы фактически были назначены на эту должность, как бы вам ни хотелось теперь «замять» эту ответственность. Когда вы впервые стали ответственны за использование молодежи в войне?

Ширах: Насколько я помню, с 1939 года, то есть с самого начала войны, я отвечал за это...

Додд: Я хочу, чтобы вы взглянули на документ США-869. Это сможет помочь вашей памяти; это телеграмма, которую подсудимый Розенберг послал доктору Ламмерсу — имперскому министру в ставку фюрера 20 июля 1944 г., и вы увидите, что в первом абзаце говорится следующее: «В связи с соглашением между рейхсмаршалом как главнокомандующим военно-воздушными силами, рейхсфюрером СС, руководителем молодежи германской империи, и имперским министром оккупированных восточных территорий производится набор молодежи следующих национальностей: русской, украинской, белорусской и др. на добровольных началах для работ в империи». Это и есть та самая

программа, за которую вы несли в то время ответственность. Затем, идя дальше, я хочу обратить ваше внимание на третий абзац, который напомнит вам о том мероприятии «Хейакцион», документ о котором уже представлен в качестве доказательства. Эта телеграмма гласит: «На базе предложений военных учреждений захват молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и отправка ее на имперскую территорию будет иметь место (Хейакцион) в части территории».

И затем дальше: «Целью этого мероприятия является дальнейшее использование молодежи включением ее в имперское молодежное движение и подготовкой подростков для германской экономики в форме, которая соответствует соглашению с генеральным уполномоченным по арбейтэйнзатц (использование молодежи) о белорусской молодежи, которое уже дает свои результаты». Я обращаю ваше особое внимание на последнюю фразу: «которое уже дает свои результаты».

И в последнем предложении, в следующей фразе, говорится: «...эта молодежь должна быть использована позднее в оккупированных восточных территориях как особенно надежная строительная сила». Вы можете видеть, что в последнем абзаце говорится следующее:

«Акции, указанные в пунктах 1 и 3», которые я только что зачитывал, «известны фюреру». И здесь также есть кое-что о помощи СС в отношении этих акций.

На следующей странице документа имеется телеграмма рейхсфюреру СС, руководителю имперской молодежи, имперскому министру внутренних дел и в конце — бюро гаулейтеров, то есть это тем, кому полагалось получить этот документ.

Что же вы знаете о захвате молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и о передаче ее вашим молодежным организациям в Германии в годы войны и о том, как многие тысячи молодежи были похищены? Вы знаете об этом?

Ширах: Я уже ранее сказал, что я не хочу ограничивать ответственность, которую я несу за это, но что я лишь позже узнал об этом. Имперским руководителем молодежи в том году был не я, а другое лицо, и оно заключало эти соглашения с рейхсфюрером СС и с командующим ВВС.

Додд: Вы также знаете, что даже в этот час силы союзников пытаются найти тысячи этих молодых людей и вернуть их на родину. Знаете ли вы, что в сегодняшних газетах указывается, что 10 тысяч молодежи еще не обнаружено?

Ширах: Я не думаю, что речь идет о той молодежи, которая была размещена в домах для подмастерьев.

Додд: Сейчас я хочу показать вам другой документ, 1137-ПС, который даст вам некоторое представление, если вы не помните, о том, что именно сделали с этой молодежью. Вы увидите, что в последнем абзаце письма Розенберга к Ламмерсу мы находим следующую фразу:

- «Я узнал, что гаулейтер Заукель будет в ставке фюрера 21 июля 1944г.;
- я прошу, чтобы это было согласовано с ним и затем представлено в форме доклада фюреру». Заукель также принимал участие в этом захвате молодежи от 10 до 14 лет, вы знаете об этом?

Ширах: Об этом я ничего не знаю и не могу дать никаких сведений.

Додд: Этот документ начинается письмом генерала, он датирован 27 октября 1944 г. и заканчивается отчетом бригадного генерала гитле-

ровской молодежи, носящего фамилию Никель. Кстати, вы знаете Никеля?

Ширах: Имя мне знакомо, возможно, что я знаю его лично, но в данный момент у меня нет никакого представления, связанного с этим именем. Он был не бригадным генералом, а гауптбанфюрером.

Додд: Хорошо. Кто бы он ни был, он был одним из руководителей вашей молодежной организации. Это все, что я стараюсь установить. Но, во всяком случае, если вы посмотрите на этот документ, то увидите, что он отчитывается в захвате этой молодежи на оккупированной восточной территории; это—октябрь 1944 года. Этот документ начинается следующими словами: «5 марта 1944 г. я получил приказ открыть учреждение для набора молодежи с 15 до 20 лет из населения оккупированных восточных территорий для использования в военной промышленности империи». Далее он дает цифру и рассказывает, где он начал свою работу: в Литве, Эстонии, на восточном фронте, среднем секторе, южном секторе восточного фронта. Затем идет следующая страница, на которой говорится о том, как их распределили, — тех, кого захватили. 1383 русских—в вспомогательные войска СС, 5953 украинца—в вспомогательные войска СС, 2354 белоруса—также в СС; 1012 литовцев—в СС; затем он переходит к военно-воздушному флоту: 3000 эстонцев—^ в вспомогательные войска военно-воздушных сил и т. п. Некоторых взяли во флот. Я не собираюсь зачитывать вам всего; но это уже дает вам представление о том, как распределялись эти юноши и девушки. Вы можете заметить, что значительное число было использовано в СС. '

Ширах: Да, но гауптбанфюрер Никель на этом письме поставил штамп, на котором написано: «Имперский министр по делам оккупированных восточных областей». Он действовал в этом случае не по поручению руководителя имперской молодежи, а по поручению министра по делам восточных оккупированных областей.

Додд: Я хочу попросить вас посмотреть на страницу 6. Вы найдете то место, где перечисляется то, что делал персонал Никеля для осуществления этой задачи. У него были члены гитлеровской молодежи, которые следующим образом выполняли свои функции: 5 общих руководителей, 70 руководителей немецкой молодежи, работающих переводчиками и помощниками инструкторов, 26 руководителей СС, 234 человека младшего командного состава войск, шоферы и переводчики СС. А из личного состава военно-морского флота у него было 37 офицеров, 221 человек младшего командного состава и т. д. Оказало ли напоминание об этой программе, в которой ваша молодежь принимала участие, какую-либо помощь вашей памяти? Вспоминаете ли вы сейчас несколько больше?

Ширах: Этот документ совершенно не помогает моей памяти. Я узнал из документа о деятельности министра по делам восточных оккупированных областей. Я не знаю, какие поручения руководитель гитлеровской молодежи имел в министерстве по делам восточных оккупированных областей. Я беру на себя ответственность за то, что было произведено по моим приказам, а за то, что было сделано по приказам других, должны отвечать другие.

Додд: На последней странице документа вы увидите, насколько широка была область, в которой развертывалась деятельность Никеля. Он действовал в согласии с молодежными организациями в Нидерландах, южно-гитлеровской ассоциацией молодежи в Словакии и Венгрии,

особенно с нагелевскими лагерями беженцев в самой Германии, а затем, что довольно интересно, с полевыми штабами в Вене. Это то место, где вы тогда находились. Да? А вы говорите Трибуналу, что вы ничего не знали об этой программе и об участии в ней ваших руководителей гитлеровской молодежи.

Ширак: Мне Никель не делал докладов, и я не получал ни письменных, ни устных сообщений. Его доклад, как видно из этого письма, был представлен имперскому министру по делам восточных оккупированных областей.

В какой степени об этом информировался имперский руководитель гитлеровской молодежи, мне неизвестно. Я сам не знаю об этих событиях. То, что я об этом знаю, я точно изложил уже в своих показаниях. Это относится к заводам Юнкерса, к профессиональному обучению, которое проходила эта молодежь в Германии. Больше я ничего об этом не знаю.

Додд: Обратите также внимание, что группы вашей гитлеровской молодежи были в Польше и даже в Северной Италии. А сейчас я снова спрашиваю вас, руководителя гитлеровской молодежи, руководителя, отвечавшего за использование молодежи в войне, гаулейтера Вены, принимая во внимание то, что часть этой программы осуществлялась в Вене, а вся эта программа проводилась в таких широких размерах, — вы все еще хотите, чтобы Трибунал вам поверил, что вы ничего об этом не знали?

Ширак: /Я ничего не знаю об этом, но я беру на себя за это ответственность.

Додд: Сейчас я вам покажу документ СССР-172. Он был частично прочитан в суде полковником Покровским. Обратите внимание на следующее. Там говорится, что 2 октября после обеда в кабинете фюрера началась беседа относительно положения в генерал-губернаторстве: «Обращение с поляками и объединение уже одобрено фюрером в некоторых районах Цихенау». И дальше: «Беседа началась, когда рейхсминистр Франк информировал фюрера о том, что деятельность в генерал-губернаторстве проходит весьма успешно. Евреи Варшавы и других городов уже заперты в гетто, а Краков скоро будет очищен от них. Рейхслейтер фон Ширах, который сидел рядом с фюрером, заметил, что у него все еще есть более 50 тысяч евреев в Вене, которых Франк должен будет взять у него. Член партии Франк сказал, что это невозможно. Тогда гаулейтер Кох указал, что у него тоже до сих пор имеются неперебазированные евреи и поляки из области Цихенау, но эти поляки и евреи, конечно, должны теперь быть приняты генерал-губернатором». И затем Франк также протестовал против этого; он сказал, что для этого нет жилищных условий. Вы теперь помните об этом совещании?

Ширак: Теперь я освежил это в своей памяти.

Додд: И вы полагали, что у вас имеется 50 тысяч евреев, которых вы должны перевезти на территорию Франка из Вены?

Ширак: В такой формулировке это неверно. Фюрер спросил меня, сколько евреев еще в Вене. Об этом я уже говорил в своих показаниях ранее. В документе записано, что тогда еще имелось 60 тысяч евреев в Вене. Во время этой беседы, обсуждавшей вопрос о поселении евреев в генерал-губернаторстве, я также сказал, что нужно еще перевезти из Вены 50 тысяч евреев в генерал-губернаторство. Я уже сказал вам ра-

нее, что вследствие событий в ноябре 1938 года я считал правильным этот план фюрера о переселении евреев в замкнутую область; поселения.

• *Додд*: Затем, позднее, как вы знаете сами, Ламмерс послал вам телеграмму в Вену о том, что Гитлер решил, получив один из докладов, подготовленных вами, что 50 тысяч евреев из Вены должны быть высланы в самый кратчайший срок, и это было ровно через два месяца после этого совещания, которое у вас было с Франком, Кохом и Гитлером, — не так ли?

Ширах: Да, фюрер ведь с 1937 года поддерживал мысль — я нахожу, что это видно из записей Госсбаха — о выселении еврейского населения. Мне об этом было сообщено в августе 1940 года, когда я явился к нему по случаю моего назначения гаулейтером Вены. Он у меня спросил, сколько евреев в Вене. Я ответил на этот вопрос. Он хотел переселить евреев в генерал-губернаторство, что действительно и имело место.

Додд: Сколько евреев вы фактически выселили из вашей области, пока вы были гаулейтером?

Ширах: Прежде всего проведение этой акции осуществлялось *немног*, и я не знаю, сколько евреев из 60 тысяч, проживавших в Вене, было выселено оттуда.

Додд: Имеете ли вы какое-нибудь представление о том, куда они делись?

Ширах: Мне было сообщено, что старики направляются в Терезиенштадт, остальные — в Польшу. Я даже один раз, мне кажется, в связи с назначением меня имперским наместником или по случаю доклада об эвакуации детей спросил Гитлера, чем должны заниматься эти евреи. Он мне ответил — в соответствии с их профессиями.

Додд: Хорошо, мы позднее перейдем к этому. Вы помните, а правда ли, что они были посланы, во всяком случае некоторые из них в города Ригу и Минск, и вы были уведомлены об этом? Вы помните что вы получили такие сведения?

Ширах: Нет.

Додд: Посмотрите на документ ПС-3921. Это сообщение об эвакуации евреев. Из него видно, что 50 тысяч евреев должны были быть высланы в области Минска и Риги, и вы как комиссар по обороне империи получили копию этого отчета, и если вы посмотрите на последнюю страницу, вы увидите инициалы вашего первого заместителя из СС Дальбрюгге, а также печать вашей канцелярии при получении документа.

Ширах: Я вижу лишь, что Дальбрюгге занес это событие в документы. На них имеется надпись «в досье».

Додд: И он вам не рассказал об этом отчете, касающемся евреев хотя вы и говорили с Гитлером об этом, об их выселении из вашей области? Повидимому, ваш первый заместитель не удосужился сообщить вам об этом? Вы говорите, чтобы мы вас именно так поняли?

Ширах: Да.

Додд: Но тогда посмотрите на другой документ, который прольет свет на этот вопрос. Это документ США-308, который уже был представлен в качестве доказательства, где говорится о том, что произошло с евреями в Минске, в Риге, и который также поступил в вашу канцелярию, если вы это помните. Может быть, нет необходимости снова вам

показывать этот документ? Вы помните этот документ — это один из ежемесячных отчетов от Гейдриха, где говорится, что в Риге было 29 тысяч евреев, но это число было доведено до 2500. Вообще же 33 210 евреев; были расстреляны специальным подразделением.—эйнзатцгруппой. Вы помните об этом?

Ширак: Во время прошедших двух дней я просмотрел эти месячные отчеты и относительно их должен сказать в принципе следующее: на первой странице имеются инициалы Д. Ф., это — инициалы Фишера, а сверху написано не мной, а моим чиновником от имени регирунгпрезидента «в дело».

Додд: Я не говорю о том, что ваши инициалы стоят на подобных документах, я говорю, что эти документы прибыли в ваше управление и поступили к одному из ваших главных помощников.

Ширак: Если бы они мне были бы представлены, там была бы пометка: «представлено имперскому руководителю», и ниже была бы пометка референта. Если бы я принял их к сведению, то там стояли бы мои инициалы.

Додд: Я хочу напомнить вам дату отчета—это февраль 1942 года. Я хочу напомнить, что также и здесь Гейдрих сообщал, сколько евреев они убили в Минске.

Затем однажды вы произнесли речь в Польше о польской или восточной политике Германии. Вы помните об этом?

Ширак: В Польше?

Додд: Да, в Польше.

Ширак: В Польше в 1939 году я был некоторое время проездом, а позже, мне кажется, не бывал там.

Додд: Сегодня утром у вас что-то исключительно плохая память... Вы не помните свою речь в Катовицах 20 января 1942 г.?

Ширак: В Верхней Силезии?

Додд: Да, в Верхней Силезии, вы помните эту речь?

Ширак: Да я припоминаю, в Катовицах я произнес речь.

Додд: Говорили ли вы о гитлеровской политике на восточных территориях?

Ширак: Я не помню, что я тогда сказал. Я произносил много речей.

Додд: Вы обращались тогда к партийным руководителям и к руководителям германской молодежи?

Ширак: Да.

Додд: В седьмом абзаце говорится о задачах германской молодежи на Востоке. Гитлеровская молодежь должна была проводить политическое обучение согласно принципам восточной политики фюрера, и говорили о том, что чрезвычайно благодарны фюреру за то, что он заставил германский народ повернуться лицом к Востоку, потому что Восток был судьбой ваших людей. Что вы тогда понимали под восточной политикой фюрера и вообще хорошо ли вы ее понимали в то время?

Ширак: Речь была произнесена в Верхней Силезии в благодарность за то, что мы получили обратно эту область.

Додд: Я спрашивал вас, понимали ли вы тогда достаточно хорошо «восточную политику» фюрера, когда вы произносили эту речь?

Ширак: Тогда я, естественно, под впечатлением нашей победы над Польшей и возвращения германской земли относился положительно к политике на Востоке.

Додд: Вы не только ее поддерживали, я хочу знать, действительно ли вы ее понимали?

Ширах: Я не знаю, как я могу ответить на этот вопрос. Повидимому, Гитлер понимал под политикой на Востоке нечто совершенно иное, чем я.

Додд: Но суть моего вопроса заключается в том, что он говорил

•с вами об этом, не правда ли, до того, как вы произнесли свою речь? Вы лучше снова взгляните на документ СССР-172, который находится у вас в руках. Вы обнаружите, что после того, как вы, Франк, Кох и Гитлер закончили разговор о выселении евреев из Вены, фюрер тогда сказал вам, что он намеревается сделать с поляками. Это не очень красивая история, но вы все-таки посмотрите на этот документ.

Ширах: Гитлер говорит здесь: «Идеальная картина такова: поляк "имеет право иметь лишь небольшие участки земли, которые в известной степени, обеспечивают питание только ему и его семье. Все остальные

•средства, которые ему нужны на одежду, дополнительное питание и т. д.

•он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство — это главная контора по найму неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих; существование этих рабочих обеспечивалось бы, так как их всегда можно использовать как дешевую рабочую силу.

О сельскохозяйственных рабочих для Польши больше не будет речи».

Додд: Разрешите мне прочесть вам те места, которые, мне кажется, вы пропустили:

«Фюрер затем подчеркнул, что поляки, в отличие от германских рабочих, рождены для тяжелого труда...» и т. д. «Жизненный уровень в Польше должен быть и оставаться чрезвычайно низким».

И затем на следующей странице: «Мы, немцы, с одной стороны, имеем перенаселенные промышленные районы и, с другой стороны, мы нуждаемся в рабочей силе в сельском хозяйстве. Там мы можем использовать поляков. Для достижения этой цели имеются достаточные ресурсы в генерал-губернаторстве, так что каждый год мы можем фактически получать оттуда рабочую силу. Следует помнить, что не должно быть никаких польских земельных собственников. Как бы это ни звучало жестоко, там где они есть, они должны быть уничтожены. Насколько я понимаю, нельзя также допускать смешения крови с поляками». Далее,

•он еще раз подчеркнул, что «над поляками должен быть один господин — это немцы. Два хозяина не могут существовать одновременно. Все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Вы, как вы заявили Трибуналу, представитель культуры. Можете ли вы сейчас сказать, какое впечатление на вас произвела политика фюрера, изложенная им в такой форме?

Ширах: С этим намерением фюрера я никогда не был согласен, я разговаривал с ним относительно политики на Украине в 1943 году. В 1942 году я говорил в Катовицах перед немецким населением, но я не подозревал об этой жестокой польской политике Гитлера.

Додд: Но вы знали об этом, когда вы произносили вашу речь, не так ли?

Ширак: После двух лет я уже не помнил об этом, и я не имел этого в виду, когда произносил свою речь.

Додд: Вы забыли, что Гитлер сказал вам, что он должен уничтожить польскую интеллигенцию, что вы должны были быть господами этих людей, что они должны продолжать жить на очень низком уровне? Это все так легко исчезло из вашей памяти?

Ширак: В этой речи в Катовицах, о которой я хорошо помню, я говорил о совершенно других вещах, и я полагаю, что обвинение имеет стенограмму этой речи. Ее и надо было предъявить здесь. Здесь же только небольшие выдержки из нее.

Додд: Но видите ли, дело в том, что, зная, в чем заключалась восточная политика, я хотел бы, чтобы вы сказали Трибуналу, как вы могли пропагандировать и восхвалять эту политику среди групп молодежи во время своего выступления в Катовицах?

Ширак: Политика, которую я рекомендовал в своей речи руководителям молодежи, это не была та политика, о которой говорил Гитлер.

Додд: Вы сказали в своей речи, что это была политика фюрера и вы, знали, какова она была, но я не буду больше настаивать, если вы отвечаете таким образом.

Ширак: Об этом я уже говорил. Может быть, я очень часто следовал политике Гитлера в силу ошибочной преданности ему. Я знаю, что это было неверно.

Додд: Это то, что я хочу знать. Вы действовали, не правда ли, в порыве преданности фюреру. Сейчас вы признаете, что это было ошибочным, и это все, о чем я вас спрашиваю; и если вы скажете это Трибуналу, я буду вполне удовлетворен.

Ширак: Да, я готов признать это.

Додд: Не должны ли вы сказать Трибуналу, что все эти вопросы, касавшиеся еврейского народа, которые вы ставили перед молодежью, и это медленное, но верное стимулирование расовой ненависти к евреям, сотрудничество с СС, ваше обращение с евреями в Вене, все это то, за что вы несете ответственность?

Ширак: Нет.

Додд: Наконец, я хочу представить, господин председатель, как доказательство несколько отрывков из еженедельных отчетов СС, о которых я кратко говорил. Они должны быть представлены Трибуналу. Их всего 55, и следуют они неделя за неделей. На всех имеется штамп учреждения подсудимого, поскольку он их получал. Затем имеются ежемесячные отчеты, начиная с того времени, как они стали выходить; они поступали ежемесячно.

Из этих отчетов мы выбрали некоторые примеры для того, чтобы проиллюстрировать характер этих еженедельных отчетов. Я хотел бы их представить: начиная с 1 мая 1942г.—отчет № 1, отчет № 4, отчеты № 6, 7, 9, 38, 41, 49. Сейчас я хочу разъяснить вам этот вопрос. Кроме заявлений, касавшихся того, что произошло с евреями, вы найдете в этих еженедельных отчетах ряд обзоров о действиях партизан на Востоке. Эти отрывки преимущественно связаны с тем, что происходило с евреями; у нас мало отчетов, относящихся к деятельности партизан. Однако все же у нас имеются отчеты о действиях партизан, а не евреев,

так что мы хотим, чтобы не было никаких сомнений в том, как мы используем эти еженедельные отчеты.

Я хочу только спросить вас (обращается к подсудимому) в отношении этих еженедельных отчетов: признаете вы сегодня, что вы получали их каждую неделю в вашем учреждении?

Ширах: Это ведь не мое учреждение. У меня было центральное бюро. Референт этого бюро, которым руководил регирунгспрезидент, переписывал, как это следует из записок и что сможет подтвердить всякий сведущий немецкий чиновник, переписывал документ, бюро представляло его регирунгспрезиденту, а тот писал на нем: «в дело» — и ставил на нем свои инициалы. Так что я мог совсем не знать этих документов.

Додд: Вы были имперским уполномоченным по обороне этих территорий? Не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: И это ваша печать на этих еженедельных отчетах, да?

Ширах: Да.

Додд: Так что же вы тогда говорите, что это не ваше учреждение?

Ширах: Корреспонденция, которую я получал, подобно тому, как она поступает в бюро министра, попадала ко мне в центральное бюро. Если она была получена, там должны иметься соответствующие отметки. Теперь я понимаю, что регирунгспрезидент, учитывая мою за-¹груженность работой, дела, которые не имели никакого отношения к Вене и к моей деятельности и носили лишь информационный характер и касались событий в России — на 90 процентов они касались борьбы с партизанами в России, — вообще не представлял мне.

Додд: Я снова вас спрашиваю, как я уже много раз делал во время этого допроса, был ли Дальбрюгге, который ставил свои инициалы на этих отчетах, вашим главным заместителем? Да или нет?

Ширах: Да. Он был одним из моих трех заместителей.

Додд: И он был также членом СС?

Ширах: Дальбрюгге был одним из высших командиров СС, он был особо доверенным лицом рейхсфюрера СС.

*Обвинитель*¹: Вы признаете, что «гитлерюгенд» ставила своей задачей внедрение своей идеологии немецкой молодежи и детям, начиная с девятилетнего возраста?

Ширах: Я понял вопрос в таком-смысле: признаю ли я, что я прививал гитлеровской молодежи в возрасте от 10 до 14 лет фашистские идеи? Как я уже говорил в своих показаниях дня два тому назад, я считал своим долгом и своей обязанностью воспитать немецкую молодежь гражданами национал-социалистского государства.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вам совершенно не нужно повторять то, что вы говорили уже во время предыдущих допросов? Отвечайте только на вопрос: вы признаете, что вы прививали гитлеровской молодежи идеи Гитлера? Да или нет?

Ширах: Я не могу ответить на это «да», потому что между фашизмом и национал-социализмом есть большая разница. Поэтому я не могу

¹ Представитель обвинения от СССР Александров Г. Н.—Составители.

ответить «да». Я воспитывал немецкую молодежь в национал-социалистском духе. На это я отвечаю: «Да».

Обвинитель: Я хочу теперь, чтобы вы повторили показания, которые вы дали на допросе 16 ноября 1945 г. Вы тогда сами следующим образом определили свое личное отношение к Гитлеру (цитирую ваши показания) : «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению». Вы подтверждаете эти показания?

Ширак: Я никогда не говорил о Гитлере как о божестве. Вы меня тогда спросили, был ли я восторженным приверженцем Гитлера. Я ответил утвердительно на этот вопрос. Я имел в виду время, когда я впервые стал участником этого движения. Я никогда не приводил этого сравнения, которое сейчас здесь приводится, никогда не говорил о том, что я верил в Гитлера как в божество.

Обвинитель: Вы меня неправильно поняли. Здесь о божестве не говорится. В ваших показаниях записано (я повторяю): «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению».

Вы в своей книге «Гитлерюгенд» писали, на странице 17 «Книга Гитлера «Майн кампф» была нашей библией». Вы это подтверждаете? Вы это писали?

Ширак: Но я кое-что прибавил в своей книге.

Обвинитель: Я хотел, чтобы вы ответили, написана эта фраза в вашей книге или нет?

Ширак: Я только что подтвердил это, но к этому подтверждению я должен дать разъяснение, которое я и хочу сейчас сделать. Я говорил в моей книге, которую я писал в 1933 году и которая была опубликована в 1934 году, следующее: «Мы не могли еще в подробностях обосновать наше мировоззрение. Мы просто верили. И, когда появилась книга Гитлера «Майн кампф», эта книга стала библией, которую мы учили почти наизусть, чтобы суметь ответить на вопросы сомневающихся и располагающих большим материалом критиков». Да, я тогда так писал. Это правильно.

Обвинитель: Теперь я хочу задать вам следующий вопрос. Вы признаете, что «гитлерюгенд» была политической организацией, которая под руководством НСДАП проводила политику этой партии в отношении немецкой молодежи?

Ширак: «Гитлеровская молодежь» была больше воспитательной организацией на политической основе.

Обвинитель: Я напому вам теперь, какие задачи ставил Гитлер в деле воспитания немецкой молодежи. Об этом говорится в книге Раушнинга. Эта книга была уже представлена Трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-378. Я цитирую со страницы 252 этой книги: «Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И вы воспитали немецкую молодежь в соответствии с этими требованиями Гитлера, вы это признаете?

Ширах: Я не признаю того, что пишет г-н Раушнинг. Я совершенно случайно был свидетелем одного разговора между Гитлером и Раушнингом и должен сказать: то, что он пишет в своей книге, является неправильной передачей высказываний Гитлера. Случайно я был лично свидетелем такого разговора. По вопросу о воспитании Гитлер мне не давал таких директив, которые г-н Раушнинг трактует как задачи гитлеровской молодежи, поставленные передо мной Гитлером.

Обвинитель: От вас не требуется таких пространных объяснений. Вы здесь утверждали что «гитлерюгенд» не воспитывала в немецкой молодежи духа милитаризма и не подготавливала ее к будущим агрессивным войнам. Я напому вам некоторые ваши высказывания из той же вашей книги «Гитлерюгенд»; на странице 83 этой книги, говоря о младшем поколении «юнгфольк», вы писали: «Они носители нацистского стиля. Торговцы игрушками волнуются, что этим детям не нужно более игрушек. Их интересуют походные палатки, копье для метания, компас и карта. Это особенность нашей молодежи. Все, что против нашего единства, должно быть предано огню, кострам». Не руководствовались ли этими ; вашими директивами воспитанные «гитлерюгенд» солдаты немецкой армии, поджигая дома мирных жителей на оккупированных территориях? Это написано в вашей книге, то, что я сейчас прочитал?

Ширах: То, что здесь лежит передо мной, написано в моей книге, а того, что мне перевели, — в ней нет.

Обвинитель: Внесите свои поправки.

Ширах: Для этого я должен просить разрешения огласить подлинник этого текста: «Торговцы игрушками жаловались мне, что эти мальчики, речь идет о молодом поколении, не хотят более иметь дело с игрушками; их интересуют географические карты, компасы, плащ-палатки и копья для метания. Я не могу помочь этим торговцам игрушками, ; потому что время, когда дети играли только игрушками, давно прошло. Не только торговцы детскими игрушками жалуются теперь, но и фабриканты, производящие детские шапочки. Кто сейчас носит школьную фуражку? Кто теперешние школьники, мальчики или девочки? В некоторых городах мальчики собрались вместе и публично сожгли школьные фуражки. Фактически, сжигание—это специальность новой молодежи. Границы малых государств империи также были превращены в пепел огнем молодежи.

Это простая, но героическая философия; все, что против нашего единства, должно быть брошено в пламя».

Обвинитель: Философия сводится, по вашему мнению, к тому, что дети должны бросить играть в игрушки. Так я вас понял? Я не вижу существенной разницы между тем, что я сказал, и тем, что вы прочитали.

Перейдем к следующему вопросу. Вы уже говорили о специально созданной организации гитлеровской молодежи «гитлерюгенд». Вы утверждали, что эта организация преследовала только спортивные цели. Так вы говорили?

Ширах: В связи с обучением моторизованных отрядов гитлеровской молодежи я говорил о занятиях спортом и езде на пересеченной местности. Я сказал также, что я признаю, что моторизованные отряды гитлеровской молодежи обучаются в духе допризывной подготовки. Я ничего в этом не оспаривал.

Обвинитель: Вам было известно, что в 1938 году организация моторизованных отрядов гитлеровской молодежи состояла из 92 подразделений, численностью в 100 тысяч юношей?

Ширах: Состояла ли она из 92 отделов, я сейчас на память не могу сказать. Я в своих показаниях своему защитнику или господину Додду говорил об общей численности моторизованных отрядов «гитлерюгенд» и приводил самые точные данные, относящиеся к 1938 году.

Обвинитель: Я говорю о 1938 годе и называю цифру 100 тысяч юношей, которые состояли в моторизованных и спортивных отрядах молодежи. Вам известно об этом?

Ширах: Я не могу на память сказать, объединяли ли в 1938 году моторизованные отряды гитлеровской молодежи 100 тысяч юношей или нет. Может быть, их было 60 тысяч, а может быть, и 120 тысяч. Я не знаю этого, у меня нет данных об этом.

Обвинитель: Вами было издано наставление о национальной подготовке членов «гитлерюгенд», так называемая «Гитлерюгенд им динст». В этом наставлении были предусмотрены такие занятия с молодежью:

теория оружия, теория стрельбы, упражнения по прицеливанию, учебная стрельба, строевая подготовка, топографическая подготовка, прикладная топография, упражнения на местности. Кроме того, в приложении даны:

памятка для пользования походным компасом и памятка для пользования угломером. Вам известно это наставление? По вашему мнению, оно также не преследовало цели боевой подготовки немецкой молодежи?

Ширах: Я по вопросу о воспитании гитлеровской молодежи говорил уже здесь очень подробно и, в частности, о подготовке по стрельбе, которая в моей книге занимает сорок страниц, и в связи с этим заметил, что это обучение стрельбе проводилось по правилам, установленным для международной спортивной стрельбы из мелкокалиберных винтовок, и что всем бой-скаутам эта книга и эти правила рекомендовались. Для этих целей я издал эту книгу, которая служила для воспитания гитлеровской молодежи.

Обвинитель: Вы отрицали здесь, что «гитлерюгенд» играла немаловажную роль в создании «пятой колонны» на территории Польши. Подобные же методы применялись и на территории Югославии. Правительство Югославии предоставило в распоряжение советского обвинения документы, устанавливающие участие немецкой организации молодежи под руководством «гитлерюгенд» в создании «пятой колонны» на территории Югославии. Вам об этом известно что-нибудь? Вы знаете что-нибудь по этому поводу?

Ширах: Гитлеровская молодежь никогда не участвовала в деятельности «пятой колонны» ни в Югославии, ни где-либо в другом месте.

Обвинитель: Я привожу выдержки из официального правительственного югославского доклада. Этот документ был уже представлен Трибуналу, я цитирую страницу 3 русского текста этого документа:

«Правительство рейха и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. С 1920 года они имели свою массовую организацию «Союз культуры». Уже в 1932 году доктор Якоб Абендер стоял на точке зрения фашизации «Союза культуры», и в 1935 году он становится во главе активной молодежи, которая вскоре после этого стала называться «обновленцами». Вам известно что-нибудь по этому поводу?

Ширах: Относительно тех сведений, о которых вы сейчас упоминали, я ничего не могу сказать. Я понял только то, что Боле имел там некоторых руководителей молодежи в качестве своих уполномоченных, но я ничего точно по этому поводу не знаю.

Обвинитель: Я приведу несколько выдержек из дополнительного доклада югославского правительства. На странице 5 этого, доклада говорится: «Начиная с 1937 года, среди «фольксдейч» в нашей стране начинается тяготение к национал-социализму и первые партии молодежи начинают ездить в Германию на специальные курсы».

Далее, на странице 8-а говорится: «Позднее, но до войны с Советским Союзом, большинство из них поступило офицерами в немецкую армию. Кроме того, из них была сформирована дивизия «Принц Евгений». Вы отрицаете эти факты?

Ширах: Я некоторые из этих фактов признаю, а некоторые отрицаю. О вступлении югославской молодежи в немецкую армию я ничего не знаю. Я могу только сказать, что в то время, когда в Югославии правил принц Павел — регент Югославии, наблюдалось очень тесное сотрудничество с югославской молодежью.

Обвинитель: Вы меня неправильно поняли. Я говорю о молодежи из немецкого национального меньшинства, которая проживала на территории Югославии, из которой при участии «гитлерюгенд» подготавливались кадры для создания «пятой колонны» в Югославии для подрывной работы, для комплектования войсковых соединений СС и вооруженных сил. Вот, о чем я говорю. Эти факты вам известны?

Ширах: Я знаю, что в Югославии имелась немецкая молодежь точно так же, как она имелась в Румынии и в Венгрии. Я знаю, что эта молодежь при вступлении немецких войск приветствовала их. Как далеко зашло сотрудничество между этими войсками и молодежью, я не могу сказать.

Обвинитель: Дивизия СС «Принц Евгений», которая была сформирована на территории Югославии, в значительной части была укомплектована из гитлеровской молодежи, из числа нацменьшинства в Югославии, и это имело место в результате соответствующей подготовки «гитлерюгенд»?

Ширах: Я не знаю, из кого были сформированы дивизии СС, их было очень много. Возможно, что они на местах формировались из немецкой молодежи, но точно я не могу сказать, потому что я не знаю.

Обвинитель: Теперь я приведу выдержки из двух немецких документов, они еще не предъявлялись Трибуналу. Первая выдержка — из книги доктора Сэппа, фольксgruppenführера в Югославии, под названием «Речи и статьи». Он писал в этой книге:

«Вся наша национальная работа до 1 сентября 1939 г. зависела от помощи рейха. Когда первого сентября вспыхнула война и вначале казалось невозможным получить помощь, возникла опасность, что вся наша работа должна будет прекратиться». И далее: «Тот факт, что я почти всю немецкую национальную группу в бывшем югославском государстве передал в распоряжение фюрера и дал ему столько добровольцев, делает меня лично необычайно гордым». Выдержку из этой книги я представляю Трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-459. Вторая выдержка — из статьи, которую написал в 1943 году Отто Келлер — банфюрер немецкой молодежи в этой J

области. Я представляю этот документ Трибуналу под номером СССР-456. Отто Келлер писал в этой статье: «90 процентов нашей молодежи находится в рядах гитлеровской организации немецкой молодежи за границей». Эти высказывания не убеждают вас, что в действительности подрывная деятельность по созданию «пятой колонны», фашизации немецкого меньшинства и формирования из него войсковых соединений проводились на территории Югославии при участии «гитлерюгенд»? Ответьте, да или нет?

Ширах: Нет.

Обвинитель: Кто осуществлял руководство заграничными организациями «гитлерюгенд»? Ведь в составе имперского руководства «гитлерюгенд» имелся специальный заграничный отдел. Не входило ли это в его функции, а именно руководство заграничными организациями «гитлерюгенд»?

Ширах: Это неверно. Задача заграничного отдела молодежи состояла в том, чтобы поддерживать связь с молодежными организациями других стран.

Обвинитель: Следующий вопрос. В министерстве восточных оккупированных территорий был создан в составе первого главного управления специальный отдел молодежи. Что вам известно о деятельности этого отдела и в каких отношениях он находился с имперским руководством «гитлерюгенд»? Отвечайте, пожалуйста, коротко.

Ширах: Насколько мне известно, при создании имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Розенберг выразил тогда свое желание руководителю имперской молодежи, чтобы он назначил ему сотрудника для работы в отделе молодежи в его министерстве. Этот сотрудник был выделен и включен затем в состав министерства, где он руководил отделом молодежи, за что и нес, конечно, ответственность перед этим министерством. Больше я ничего по этому поводу не могу сказать. Отчеты этого отдела я не получал.

Обвинитель: Имперским руководством «гитлерюгенд» был выделен представитель в министерство оккупированных восточных территорий, и этот представитель не отчитывался в своей деятельности перед руководством «гитлерюгенд». Так получается?

Ширах: Я хотел сказать, что начальник этого отдела или, как он там назывался, — чиновник министерства по делам восточных территорий, который был послан туда «гитлерюгенд», не делал мне никаких докладов, но, разумеется, своему непосредственному начальнику в руководстве имперской молодежью он давал отчет. Руководство имперской молодежью находилось, как известно, в Берлине, и я полагаю, что сотрудники штаба руководства имперской молодежи постоянно поддерживали связь с этим представителем.

Обвинитель: Понятно. Таким образом, мероприятия, которые проводились отделом молодежи в министерстве оккупированных территорий, проводились согласованно с руководством «гитлерюгенд». Правильно?

Ширах: Мероприятия, которые там проводились, осуществлялись по указаниям имперского министра, который был непосредственным начальником своих чиновников. В той мере, в какой речь шла о мероприятиях, непосредственно касавшихся молодежных организаций и тому подобного, этот соответствующий чиновник или руководитель молодежи, по всей вероятности, обращался за инструкциями к руководству импер-

ской молодежи и соответствующим образом докладывал ему. Ответственность за деятельность этого руководителя молодежи, действовавшего в составе министерства Розенберга, возлагалась на министерство, а не на того., кем он был послан туда.

Обвинитель: На вопрос вашего защитника об участии гитлеровской молодежи в зверствах во Львове вы ответили, что сообщение по этому поводу французской подданной Иды Вассо, которое приведено Государственной Чрезвычайной Комиссией, является неправильным.

Господин председатель, Советскому обвинению представилась возможность допросить Иду Вассо. Об этом ходатайствовал и защитник подсудимого Шираха. Я представляю Трибуналу выдержки из показаний Иды Вассо от 16 мая 1946 г. и прошу приобщить этот документ под номером СССР-465 к делу. Оглашаю эти выдержки.

«Зверствами над еврейским, польским и советским населением Львова занимались не только взрослые немцы и старые нацисты, но и юная немецкая молодежь в лице представителей организованной во Львове фашистско-молодежной организации «гитлерюгенд». Эти молодчики, одетые в униформу и вооруженные охотничьими ножами, палашами и часто пистолетами, целыми отрядами рыскали по городу, врываются в еврейские квартиры и производили в них полное уничтожение, убивая всех застигнутых ими в квартирах, включая и детей. Они часто останавливали на улицах города показавшихся им подозрительными детей и с криками убивали их на месте. Эта гитлеровская молодежь занималась специальной разведкой по установлению еврейских квартир, выискивала скрывающихся евреев, устраивала засады и нападения на проходивших, убивая одних на месте как евреев, а других волокла за собой и сдавала гестапо, причем часто ее жертвами были и поляки, русские, украинцы. Этот террор со стороны взрослых и молодых немцев свирепствовал до последних дней пребывания их во Львове. Это особенно было заметно при проведении «акции гетто», когда систематически и планомерно истреблялись дети различных возрастов, находившиеся в специально созданных детских еврейских домах, куда, как только собиралось в них достаточное количество детей, врываются гестаповцы, сопровождаемые «гитлерюгендовцами».

Таким образом, гитлеровская молодежь, состоявшая на службе немецкой армии, СС и гестапо, участвовала во всех этих и им подобных злодеяниях, вы это признаете?

Ширах: Я не верю ни одному слову из того протокола, который вы только что зачитали.

Обвинитель: Это ваше дело.

Господин председатель, я предъявляю Трибуналу еще один документ под номером СССР-454. Это выдержка из показаний военнопленного немецкого солдата Герта Бруно Кнител. Он родился в 1924 году в городе Рохлиц, в Саксонии, по профессии он шапочник. С 1938 года Кнител являлся членом «гитлерюгенд». Его сестра Урсула также состояла членом национал-социалистского союза немецких девушек. В 1942 году, то есть в возрасте 18 лет, Кнител был призван в немецкую армию. Таким образом, это типичный рядовой представитель «гитлерюгенд», и именно поэтому его показания представляют интерес. Вот что он рассказывает о своей службе в немецкой армии.

«Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса,

устраивать облавы в поисках партизан и вообще недовольных установленным немцами режимом, для того чтобы арестовывать их и расстреливать. Наша третья рота встретила и расстреляла в лесу пять человек. Эти лица, возможно, и не были партизанами, а просто гражданами, которые ходили в лес по делам. Но у нас был приказ расстреливать всех, кого встретим в лесу. Мы так и поступали».

Вы признаете, что участие немецкой молодежи в подобных злодеяниях было обусловлено соответствующим воспитанием ее и подготовкой в «гитлерюгенд»?

Ширах: Нет. Этого я не признаю.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ШПРЕХЕРОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ
ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 23 января 1946 г.]*

Шпрехер: На меня возложена обязанность представлять сегодня материалы об индивидуальной ответственности подсудимого Ганса Фриче за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, поскольку они непосредственно относятся к общему плану или заговору.

С разрешения Трибунала мы предполагаем представлять этот материал по трем главным разделам:

во-первых, краткое перечисление различных постов, которые занимал подсудимый Фриче в нацистском государстве;

во-вторых, рассмотрение заговорщической деятельности Фриче в министерстве пропаганды с 1933 года вплоть до нападения на Советский Союз;

в-третьих, рассмотрение отношения Фриче как нацистского пропагандиста к зверствам и безжалостной оккупационной политике, которые являлись частью общего плана или заговора.

Перечисляя посты, которые занимал Фриче, мы не собираемся говорить о сущности занимаемых им постов. Впоследствии, останавливаясь на некоторых актах заговорщической деятельности Фриче, я затрону подробнее вопрос о некоторых занимаемых им постах.

Членство Фриче в партии и различные посты, которые он занимал, устанавливаются двумя письменными показаниями, данными самим Фриче под присягой.

Фриче стал членом нацистской партии 1 мая 1933 г. и оставался в ней вплоть до разгрома Германии. В 1935 году Фриче начал работать в штате министерства народного просвещения и пропаганды, впоследствии названного министерством пропаганды, и оставался на работе в этом министерстве до падения нацизма. До того как нацисты захватили политическую власть в Германии, начиная с сентября 1932 года, Фриче возглавлял информационное радиоагентство имперского правительства, еще во время пребывания у власти правительства фон Папена. После того как информационное радиоагентство было включено в министерство

пропаганды Геббельса, в мае 1933 года Фриче продолжал оставаться «го главой... После перехода в министерство пропаганды в мае 1933 года Фриче стал также главой отдела информации при министерстве пропаганды. Он оставался на этом посту до 1938 года. Летом 1938 года Фриче был назначен заместителем некоего Альфреда Ингемара Берндта, который был тогда главой отдела германской печати.

В декабре 1938 года Фриче стал преемником Берндта на посту начальника отдела германской печати.

В ноябре 1942 года Фриче был освобожден от должности начальника отдела германской печати Геббельсом и принял от него вновь созданный пост в министерстве пропаганды, пост чрезвычайного уполномоченного по политической организации радио Германии. В то время он также стал главой радиоотдела министерства пропаганды. Он сохранил оба эти поста до падения нацистского режима.

С 1933 до 1942 года Фриче занимал несколько постов в отделе германской печати. Он фактически возглавлял этот отдел в течение четырех лет с 1938 по 1942 год. Это был период, когда нацисты начали военное вторжение в соседние страны, и поэтому мы полагаем, что есть необходимость несколько подробнее осветить для Трибунала функции этого отдела германской печати. Таким образом, станет ясным, какое важное и даже исключительное положение занимал этот отдел германской прессы как орудие нацистского заговора не только для того, чтобы господствовать над умами и психологически воздействовать на самих немцев через германскую прессу и радио, но также как орудие внешней политики и психологической войны против других народов.

И без того широкая юрисдикция министерства пропаганды была еще более расширена декретом Гитлера от 30 июня 1933 г. Я процитирую из этого декрета только одну фразу:

«В юрисдикцию имперского министра народного просвещения и пропаганды входит наблюдение над всем духовным воспитанием нации, над пропагандированием идей государства, над культурной и экономической пропагандой, над просвещением народа как внутри страны, так и за границей. Более того, ему поручается руководство всеми учреждениями, которые служат этим целям».

Необходимо подчеркнуть, что откровенной пропагандистской целью этого министерства было «просвещение как внутри страны, так и за границей».

Для того чтобы ясно представить себе функции отдела германской прессы министерства пропаганды, Трибуналу следует обратиться к документу ПС-2434 (страница 5 книги документов). Этот документ является выдержкой из книги Георга Вильгельма Мюллера, министра-директора в министерстве пропаганды.

...В письменном показании Фриче сообщается следующее об этом •отделе германской прессы:

«В течение всего периода с 1933 по 1945 гг. задачей отдела германской прессы было наблюдение за всей внутренней прессой и дача своих директив, с помощью которых этот отдел стал эффективным орудием в руках руководства германского государства. Более чем 2300 германских ежедневных газет находилось под его контролем. Цель этого наблюдения и контроля в течение первых лет после 1933 года заключалась в том, чтобы коренным образом изменить условия, которые существовали

в прессе до захвата власти. Это означало координацию и включение в «новый порядок» всех тех газет и журналов, которые находились на службе частных капиталистических интересов или партийной политики. В то время как административные функции во всех случаях, когда это было возможно, выполнялись профессиональными ассоциациями и имперской палатой печати, политическое руководство германской прессой было доверено отделу германской прессы. Глава отдела германской прессы проводил ежедневные прессконференции в министерстве для представителей всех германских газет. Таким образом, здесь давались все инструкции этим представителям печати. Эти инструкции давались почти ежедневно и главным образом по телефону из штабквартиры доктором Отто Дитрихом, руководителем германской прессы в форме письменных коммюнике, озаглавленных «Ежедневные сообщения германской прессы».

В своих показаниях Фриче заявляет, что «...даже из Судетской области (во время ее оккупации. — Составители) приходили жалобы, что многие из новостей, которые поставляются германской прессой, совершенно неправдоподобны».

Между декабрем 1938 года и 1942 годом Фриче в качестве главы отдела германской прессы лично давал представителям основных германских газет так называемые «ежедневные бюллетени руководителя имперской прессы». В течение этого периода он был главным лицом, непосредственно ответственным за деятельность прессы.

Первой значительной внешней агрессией после того, как Фриче стал главой отдела германской прессы, была операция по захвату Богемии и Моравии.

Типичными заголовками ведущих газет и напыщенных передовиц германской ежедневной печати в то время были такие:

«Терроризирование немецкого населения на чешской территории путем арестов, расстрелов немцев государственной полицией, разрушений и повреждений немецких домов чешскими бандитами».

«Концентрация чешских войск на судетской границе».

«Похищения, ссылки и преследования чехами словацких меньшинств».

Пропагандистская кампания в печати перед вторжением в Польшу 1 сентября 1939 г. и, таким образом, пропагандистская деятельность, предшествовавшая началу второй мировой войны, вновь является делом рук подсудимого Фриче и его отдела германской прессы. В своих показаниях (книга документов, страница 27) Фриче говорит о том, как заговорщики проводили пропагандистскую подготовку к этому мероприятию.

Основные немецкие газеты, подчиняясь инструкциям, которые они получали из так называемых «Ежедневных бюллетеней», настойчиво публиковали следующие материалы:

1. О мнимых жестокостях и терроре, якобы направленных против немцев, и об уничтожении немецкого населения в Польше.
2. О принудительных работах для тысяч немецких мужчин и женщин в Польше.

Поскольку заговорщики хотели воспользоваться преимуществом неожиданности, специальная пропагандистская кампания непосредственно перед нападением на Советский Союз не проводилась. Фриче в параграфе 33 своего письменного показания описывает формы пропа-

ганды, которая проводилась для оправдания агрессивной войны в глазах германского народа. Цитирую:

«В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на котором присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил мне, что в этот день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную для защиты отечества...»

В течение всего периода, предшествовавшего агрессивным войнам, включая период ведения агрессивных войн, Фриче постоянно выступал по радио. Его передачи, естественно, отражали руководящие указания его министерства и, таким образом, отражали цели общего плана или заговора. Представители обвинения утверждают, что Фриче, являясь одним из активных соучастников пропаганды Геббельса, постоянно содействовал тому, чтобы погружать мир в кровавую пучину агрессивной войны.

С разрешения Трибунала мы перейдем теперь к доказательствам, которые подтверждают, что Фриче подстрекал к жестокостям и поощрял безжалостную оккупационную политику. Результаты применения пропаганды как оружия нацистских заговорщиков имеют отношение к каждому разделу этого заговора, в том числе к жестокой и бесчеловечной эксплуатации оккупированных стран. Большая часть рядовых немцев никогда бы не приняла участия в этих кровавых делах и не потерпела бы тех жестокостей, которые совершались по всей Европе, если бы они не были подготовлены и приведены к варварским убеждениям и ложным идеям в результате постоянного влияния, которое производилось нацистской пропагандистской машиной. В действительности, пропагандисты, которые предоставили себя для выполнения этой злонамеренной миссии подстрекательства и возбуждения ненависти не менее повинны, чем их доверчивые и хладнокровные креатуры, которые возглавили отряды поджигателей и пускали в ход газовые камеры, о которых здесь так много говорилось, потому, что сама доверчивость и хладнокровие этих людей в большей степени явились результатом постоянной и злонамеренной пропаганды Фриче и его помощников.

Фриче принимал особо активное участие в «просвещении» в области еврейского вопроса в своих радиопередачах. Эти передачи буквально кишели провокационными клеветническими измышлениями против евреев, логическим результатом чего могло быть только побуждение к дальнейшим жестокостям против евреев, которые попадали в руки немцев. Даже подсудимый Штрейхер, главный юдофоб всех времен, едва ли может превзойти Фриче в некоторых его клеветнических выступлениях против евреев.

Фриче также побуждал к безжалостным мерам против народов СССР. В своих регулярных радиопередачах Фриче часто связывал свои подстрекательства против народов СССР с клеветническими заявлениями против евреев, и, безусловно, эти подстрекательства были не менее пылкими. Если бы эти клеветнические заявления были не так трагичны в их связи с убийством миллионов людей, то они бы казались комичными и даже нелепыми. Действительно, звучит иронией, что клеветнические пропагандистские измышления против народов СССР, касающиеся зверств, фактически являлись, как мы это теперь хорошо знаем, описанием зверств, совершенных самими немецкими захватчиками.

Доказательства, которые были уже представлены, показывают, что представители этих нацистских заговорщиков, не колеблясь, уничтожали советских солдат и гражданское население путем массового применения изуверских методов.

Подстрекательские выступления Фриче делают его прямым соучастником этих преступлений, так как клеветнически называя советских людей «недочеловеками», якобы стремящимися к уничтожению германского народа, и делая подобные же чудовищные заявления, он помогал этими пропагандистскими клеветническими речами созданию психологической атмосферы бешеной ненависти, которая побуждала к этим жестокостям на Востоке и делала их возможными. Хотя мы не можем сказать, что Фриче приказал убить десять или сто тысяч человек, достаточно остановиться на том, что мы уже сказали, — насколько труднее было бы заговорщикам без этого подстрекательства Фриче создать условия, при которых бы стало возможным уничтожение миллионов людей на Востоке.

Фриче поощрял, поддерживал и восхвалял политику нацистских заговорщиков, направленную на безжалостную эксплуатацию оккупированных стран.

В 1942 году Фриче перешел из области прессы в область радио, и этот перевод состоялся тогда не потому, что им были недовольны, а потому, что Геббельс больше всего нуждался в нем как в главном руководителе радио. Фриче находится на скамье подсудимых не как журналист, а в качестве официального, контролируемого нацистами пропагандиста, который помогал нацистам затягивать петлю на шее у германского народа, пропагандиста, который цинично восхвалял варварский расизм, пропагандиста, который делал эксцессы этих заговорщиков более удобоваримыми для сознания и совести германского народа, пропагандиста, который хладнокровно призывал немецких обывателей к слепой ярости против людей, о которых говорилось, что они низшая раса и что они якобы виновны во всех германских страданиях, в которые был ввергнут германский народ нацистскими заговорщиками.

В заключение я хотел бы сказать, что без пропагандистского аппарата нацистского государства и его руководителя Фриче нельзя было бы осуществить все то, что обрушилось на мир и в том числе на Германию, то есть все катастрофы и страдания. Фриче содействовал нацистским заговорщикам в их подлой и варварской практике, и поэтому он теперь предстал перед судом этого Международного Военного Трибунала как соучастник злодеяний.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 28 июня 1946 г.}*

Руденко¹: Подсудимый Фриче, я хочу начать ваш допрос с выяснения роли, которую играла немецкая пропаганда в преступной деятельности гитлеровского правительства. Скажите, вы признаете, что

¹ Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

немецкая пропаганда распространяла расовую теорию и внедряла в сознание немецкого народа идеи превосходства немецкой расы?

Фриче: Я признаю, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию...

Руденко: Вы признаете, что проводившаяся гитлеровским правительством пропаганда, связанная с так называемой проблемой расширения жизненного пространства Германии, развивала и культивировала в немецком народе милитаристские стремления?

Фриче: Я отрицаю это.

Руденко: Вы признаете, что немецкая пропаганда использовала провокационные методы, ложь и клевету для того, чтобы замаскировать агрессивные планы гитлеровского правительства?

Фриче: Я утверждаю, что немецкая пропаганда во время проведения всех мероприятий, начиная с занятия Рейнской области и кончая нападением на Советский Союз, представляла немецкому народу положение таким образом, чтобы он верил в правоту своего дела, но, с другой стороны, и я уже подчеркивал, когда это произошло, я понял, что все здание этой аргументации покоилось на фундаменте, который был неустойчив.

Руденко: То есть на фундаменте лжи и клеветы?

Фриче: Нет.

Руденко: Вам, конечно, было известно, что в ОКВ существовал специальный отдел пропаганды?

Фриче: Это было мне известно.

Руденко: Меня интересует, какие отношения существовали между министерством пропаганды и ОКВ?

Фриче: Я не могу сказать вообще, каковы были отношения между министерством пропаганды и ОКВ. Но зато я могу дать самые точные показания об отношениях между министерством пропаганды и только что упомянутым вами отделом пропаганды ОКВ. От этого отдела имелся специальный представитель в министерском бюро Геббельса, который ежедневно присутствовал на конференциях в министерстве. По существу он всегда находился вблизи Геббельса.

Руденко: Кем давались пропагандистские задания и установки для ОКВ?

Фриче: Я могу себе это представить только следующим образом. Я думаю, что пропагандистские задания в ОКВ формулировались на основании указаний Геббельса и на основании указаний начальника ОКВ, то есть Кейтеля или Йодля.

Руденко: Как общегерманская пропаганда использовалась в связи с пропагандистскими мероприятиями, проводившимися ОКВ?

Фриче: Очевидно, эта пропаганда просто включалась в пропагандистские мероприятия ОКВ, так как Геббельс был настолько влиятельной личностью, что он никогда не допустил бы игнорирования своих пропагандистских установок.

Руденко: Я прошу ответить, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и министерством иностранных дел?

Фриче: Взаимоотношения иногда бывали напряженными, но за последние годы войны представитель министерства иностранных дел всегда принимал участие в так называемых министерских совещаниях в министерстве пропаганды.

Руденко: Какую роль играло министерство иностранных дел в проведении пропагандистских мероприятий, в особенности касавшихся подготовки и осуществления агрессивных войн?

Фриче: Я хотел бы ответить на этот вопрос следующее: в тот момент, когда начиналось какое-либо мероприятие или война, всегда появлялся представитель министерства иностранных дел с готовой книгой; документов, так называемой «белой книгой». Как создавались эти «белые книги», мне неизвестно. Во всяком случае, они составлялись не в министерстве пропаганды, и в некоторых случаях я позднее кое-что узнавал о том, как они разрабатывались в министерстве иностранных дел.

Руденко: Правильно будет сделать такой вывод, что министерство иностранных дел принимало самое непосредственное и активное участие в разработке пропагандистских заданий и установок?

Фриче: Это без сомнения правильно, хотя бы потому, что министр иностранных дел оставлял за собой в области пропаганды решающий голос в вопросах, касающихся внешней политики, а также в вопросах той пропаганды, которая была предназначена для заграницы.

Руденко: Говоря о министре иностранных дел, вы имеете в виду подсудимого Риббентропа?

Фриче: Само собой разумеется.

Руденко: Вы подтверждаете, что подсудимый Риббентроп лично давал пропагандистские задания объяснять войну с Советским Союзом: как превентивную войну?

Фриче: На этот вопрос нельзя ответить просто «да» или «нет». Нужно коротко осветить факты.

Тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп принял представителей иностранной и немецкой печати рано утром в тот день, когда начался поход на Россию. Он представил им «белую книгу», произнес речь, разъясняющую положение вещей, а в заключение подчеркнул (я передаю не дословно, а по смыслу):

«На основании всех этих причин Германия была вынуждена предпринять это наступление на Советский Союз для того, чтобы опередить советское наступление. И я прошу вас освещать дело именно таким образом».

Руденко: Скажите, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и так называемым министерством восточных оккупированных территорий? Объясните в связи с этим, каким образом осуществлялась связь между этими двумя министерствами?

Фриче: Имелся человек, постоянно осуществлявший связь, который одновременно был сотрудником министерства пропаганды и сотрудником министерства по делам оккупированных восточных территорий. Кроме того, имелось особое учреждение, которое было создано обоими министерствами, и управление его осуществлялось также этими министерствами. Это учреждение под названием «Бинета» осуществляло всю пропаганду на Востоке.

Руденко: В каком порядке и кем именно разрабатывались пропагандистские пароли или лозунги, как это было принято у вас называть, для оккупированных восточных территорий?

Фриче: Я не могу показать этого под присягой, так как я не знаю этого точно. Но я предполагаю, что они разрабатывались на основании;

гих принципов, которые существовали для общей пропаганды, названных здесь Таубером и его сотрудниками в этом учреждении.

Руденко: Хорошо, но вы, очевидно, знаете и скажете об этом — руководящее влияние министерства пропаганды в этих мероприятиях сохранилось?

Фриче: Непременно. Здесь министерство пропаганды, без сомнения, имело перевес в области инициативы и влияния.

Руденко: Скажите, какое влияние оказывал на немецкую пропаганду подсудимый Борман, какая роль принадлежала ему?

Фриче: Эта роль чрезвычайно значительна.

Руденко: Теперь перейдем к выяснению вашей личной роли и вашего личного участия в деятельности немецкой пропаганды... В каких взаимоотношениях вы находились с Геббельсом?

Фриче: ...личная связь была незначительна; по служебной линии связь с течением времени все укреплялась.

Руденко: Вы пользовались полным и безграничным доверием Геббельса и проводили свою работу в министерстве пропаганды, имея широкие полномочия? Вы это признаете?

Фриче: Непременно.

Руденко: Таким образом, пользуясь доверием и располагая широкими полномочиями, вы в своих выступлениях целиком и полностью отражали требования гитлеровского правительства, предъявляемые им к немецкой пропаганде? Это правильно?

Фриче: Да, как раз в том объеме, о котором я говорил.

Руденко: Сейчас я оглашу выдержки из ваших показаний от 12 сентября 1945 г. Этот документ я представляю под № СССР-474. Я буду оглашать выдержку № 1.

«На протяжении длительного времени я являлся одним из руководителей германской пропаганды. Надо сказать, что Геббельс ценил меня как убежденного национал-социалиста и способного журналиста, вследствие чего в аппарате германской пропаганды я являлся его доверенным человеком». Это правильно?

Фриче: Это я признаю.

Руденко: Скажите, вы организовали в составе руководимого вами отдела немецкой прессы специальную службу «шнельдинст» (служба скорости), которая снабжала немецкую прессу провокационным материалом. Вы это признаете?

Фриче: Если вы согласитесь вычеркнуть выражение «провокационным» и заменить его выражением «материалом для пропаганды», то я это признаю.

Руденко: Скажите, ваши выступления по радио, которые именовались: «Ганс Фриче говорит», воспринимались как правительственные и официальные сообщения?

Фриче: Это были, сами по себе, личные мои работы, но эти личные работы, оглашаемые публично, причем работы министра-директора из министерства пропаганды и руководителя немецкого радио, разумеется, воспринимались как официозные, не как официальные, а именно как официозные, и с этим фактом мне приходилось считаться.

Руденко: Сейчас я хочу обратиться к показаниям Фердинанда Шернера, которые я представил Трибуналу под № СССР-472. Я хочу огласить выдержку № 2.

«Мне известно, что Фриче был видным работником министерства пропаганды, весьма популярным в национал-социалистских кругах и в германском народе. Широкую известность он приобрел своими еженедельными военно-политическими международными обзорами по радио. Мне приходилось часто слушать выступления Фриче как в мирное время, так и во время войны. Его выступления, проникнутые фанатичной преданностью фюреру и национал-социализму, я воспринимал как директивы партийного и правительственного руководства».

Вы согласны с такой оценкой?

Фриче- У меня нет возражений против этой цитаты.

Руденко: Я сейчас, господа судьи, представлю под № СССР-471 показания Ганса Фосса. Подсудимый Фриче, вам знакомо имя вице-адмирала Ганса Фосса?

Фриче' Имя мне известно, но этого человека я не знаю.

Руденко: Обратите внимание на выдержку № 1. Я читаю:

«Будучи полностью предан Гитлеру и национал-социалистской партии, Фриче оказал им неоценимую услугу в смысле распространения национал-социализма в Германии».

Это соответствует действительности?

Фриче: Во всяком случае, я не буду возражать против этого.

Руденко: Теперь я хочу вас спросить по вопросу вашего отношения к расовой теории. Вы разделяли эту теорию?

Фриче: Так точно, я разделял ее.

Руденко: Я хочу возвратиться вновь к показаниям Ганса Фосса. Обратите внимание на выдержку № 2. Читаю: «Фриче умело влиял на умы немцев, убеждая их, что именно они, немцы, являются высшей расой и поэтому должны управлять другими народами как своими рабами». Это соответствует действительности?

Фриче: Нет, это не соответствует действительности.

Руденко: Вам известно имя генерал-лейтенанта Рейнера Штагеля? Это бывший комендант Варшавы?

Фриче: Я не знаю этой фамилии.

Руденко: Сейчас вам дадут документ. Этот документ, г-н председатель, СССР-473; это—показания Рейнера Штагеля от 15 сентября 1945 г. Я оглашаю первую выдержку. «Геббельс и Фриче принимали все меры к тому, чтобы популяризировать среди немцев расовую теорию и убедить их в том, что немцы являются господствующей расой, а остальные народы как низшие должны быть подчинены германской расе господ. Для того чтобы убедить в этом немцев и заставить их поверить в эту теорию, руководимое Геббельсом и Фриче министерство пропаганды выпустило до войны большое количество кинофильмов, книг, брошюр, журналов и другой литературы, в которой авторы старались доказать превосходство немцев над другими нациями. Нужно сказать, что в результате деятельности Геббельса и Фриче расовая теория заняла довольно прочное место в сознании значительной части немецкого народа. Это способствовало тому, что в ходе войны германские солдаты и офицеры, усвоившие наставления руководителей германской пропаганды, совершали злодеяния над мирным населением».

Скажите, Рейнер Штагель правильно освещает вашу роль в пропагандировании расовой теории?

Фриче: Нет.

Руденко: Я перехожу к вопросам, связанным с пропагандой в связи с подготовкой агрессивных планов гитлеровской Германии. Чтобы сократить допрос, я оглашу часть ваших собственных показаний от 12 сентября 1945 г.

Следите по тексту.

«Для того чтобы оправдать этот агрессивный акт (речь идет об аншлюссе), Геббельс дал указание повести против Австрии враждебную кампанию, в частности, он поручил мне изъять из архива старые материалы, компрометирующие в какой-либо мере австрийское правительство, и опубликовать в печати. При этом Геббельс подчеркнул, что публикуемые материалы должны, прежде всего, свидетельствовать о том, что австрийский народ имеет желание присоединиться к Германии, и о том, что австрийцы, ориентирующиеся на Германию, австрийским правительством преследуются. Кроме того, Геббельс говорил, что германская пресса должна указывать, что немцев, проживающих в Австрии, австрийское правительство систематически притесняет и даже проводит против них- массовые репрессивные мероприятия».

Я спрашиваю вас, подсудимый Фриче, вы это признаете?

Фриче: Нет.

Руденко: Из этих же показаний я хочу огласить следующий абзац, в котором говорится:

«При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Геббельса, также организовывал аналогичные клеветнические кампании. В каждом таком случае я выискивал какие-либо старые архивные материалы, компрометирующие правительство этих стран перед Германией, и, снабжая их своими комментариями, пытался, таким образом, оправдать тот или иной агрессивный акт Германии».

Это вы тоже отрицаете?

Фриче: Да, в такой форме я это отрицаю.

Руденко: Вы не станете отрицать, что против всех этих стран, перечисленных в этом показании, действительно велась пропаганда в целях агрессии?

Фриче: Я не оспариваю ваше последнее дополнение. Я признаю, что такая пропаганда велась.

Руденко: Хорошо. Я хотел бы в дополнение к этому огласить показания Фердинанда Шернера. В своих показаниях он говорил:

«Политическая деятельность Фриче на посту правительственного; радиокomentатора была подчинена главной задаче национал-социализма — развязать мировую войну против демократических народов и всеми средствами способствовать победе германского оружия. Главным методом Фриче, который он применял на протяжении многих лет своей деятельности, как я впоследствии понял, был сознательный обман германского народа. Я говорю об этом потому, что мы, солдаты, особенно остро чувствовали этот обман, так как, вопреки лживым причитаниям Фриче, мы знали действительное соотношение сил на фронте, знали подлинную обстановку. Основная вина таких людей, как Фриче, заключается в том, что они знали истинное положение вещей, однако, несмотря на это, исходя из преступных побуждений гитлеровского правительства, заведомо преподносили народу ложь».

Скажите, подсудимый Фриче, такая оценка и характеристика деятельности немецкой пропаганды соответствует действительности?

Фриче: Шернера я никогда не видел, я его не знаю и не говорил с ним. Я удивился бы, если бы он мог дать оценку того, сознательно или несознательно я говорил где-нибудь что-либо ложное.

Руденко: Перейдем дальше. Я спрашиваю вас, известны вам были документы о проведении операции «Грюн» против Чехословакии, документы о нападении на Польшу, о нападении на Югославию и о проведении пропаганды в связи с этим?

Фриче: С документами по плану «Грюн» и другими я ознакомился впервые здесь и слышал о них здесь впервые.

Руденко: Вам сейчас дадут документ СССР-493 о вашем выступлении на радио в связи с нападением на Польшу. Это выступление состоялось 29 августа 1939 г. Оно было направлено уже заранее на объяснение причин нападения Германии на Польшу. Я не намерен оглашать его, но смысл заключается в том, что уже тогда вы говорили о готовности в любой момент к серьезной неожиданности.

Вы ознакомились с этим документом?

Фриче: Да.

Руденко: Вы не отрицаете, что вы именно 29 августа 1939 г. выступали с этим заявлением?

Фриче: Пет, этого я, конечно, не оспариваю и не отрицаю.

Руденко: Я вас спрашиваю, вы лично верили в эти объяснения неизбежности войны с Польшей?

Фриче: О том, считал ли я в тот момент, что война будет неизбежна, — этого я не в состоянии сейчас сказать.

Руденко: Вы 9 апреля 1940 г. выступили с объяснением причин оккупации Норвегии. Сейчас вам передадут выдержку из этого вашего выступления.

Я оглашу небольшой абзац из этого выступления:

«Тот факт, что германские солдаты были вынуждены выполнять свои обязанности в связи с нарушением Англией норвежского нейтралитета, не привел к войне, а окончился мирными действиями. Никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и ежедневный труд текли обычным путем».

Это была ложь? Вы это признаете или станете отрицать?

Фриче: Нет, это была не ложь...

Руденко: А теперь я вам предъявлю документ «Правительственный доклад норвежского правительства», который уже представлен Трибуналу французским обвинением под № РФ-72.

Послушайте, подсудимый Фриче, как вы правдиво освещали положение в Норвегии. Послушайте, что говорится в правительственном отчете норвежского правительства. Я цитирую:

«Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения, исчисляющиеся в 250 миллионов крон». И далее: «Более 40 тысяч домов было повреждено и разрушено и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Так обстояло положение в действительности. Вы признаете, что ваши выступления 9 апреля и 2 мая 1940 г. были очередными клеветническими выступлениями?

Фриче: Нет, я этого не признаю. Я констатирую, что вы, г-н обвинитель, при предъявлении этой выдержки не посчитались с тем, что в своем выступлении я говорил о том, что я видел сам при своей поездке в Гольдбраунталь. Таким образом, мое описание совершенно не противоречит утверждению норвежского правительства о том, что во время этой акции Норвегии был нанесен такой значительный ущерб и имели место такие потери.

Руденко: Я перехожу к группе вопросов, связанных с вашим участием в проведении пропаганды в связи с подготовкой нападения на Советский Союз. Вы утверждаете, что о подготовке нападения на СССР вы ничего не знали до того момента, когда немецкие войска уже вторглись на территорию СССР, и вы были вызваны Риббентропом в министерство иностранных дел на прессконференцию. Так я понял ваши показания?

Фриче: Нет, уже за несколько часов до этого, то есть вечером предшествовавшего дня, Геббельс вызвал отдельных руководителей управления министерства пропаганды к себе на дом в Ванзее, сообщил им об этих фактах и запретил им уходить и звонить по телефону. Вот, когда я впервые по-настоящему узнал о предстоящих событиях.

Руденко: Вы утверждаете также, что об агрессивных целях нападения Германии на СССР вам стало известно лишь в 1942 году, причем в результате, ваших личных наблюдений? Это правильно?

Фриче: ...У меня были некоторые сомнения в правильности кое-каких германских официальных обоснований этого нападения, впервые такие сомнения у меня возникли в тюрьме.

Руденко: Я вам напомню один абзац из вашего заявления. Это документ, который вы полностью здесь подтверждаете. Здесь в параграфе 42-м говорится:

«В начале 1942 года, будучи солдатом на восточном театре военных действий, я увидел, что ранее были произведены большие приготовления для занятия и укрепления территории, простирающейся вплоть до Крыма. Основываясь на моих собственных наблюдениях, я пришел к заключению, что планы для войны против Советского Союза подготавливались задолго до ее начала». Это ваше заявление правильное?

Фриче: Да.

Руденко: Я хотел бы вам напомнить еще два документа, связанные с проведением пропаганды в связи с подготовкой и нападением на Советский Союз. Я имею в виду йротокольную запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 г. Сейчас вам дадут этот документ и я процитирую один абзац или два. Цитирую второй абзац на 1-й странице:

«Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустремлений перед всем миром, — это, к тому же, вовсе не нужно. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем сделать все, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти, мы и без того сделать не можем». И дальше: «Мотивировка наших действий перед миром должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях и впредь мы будем такими же разумными и не будем этого делать».

Вам было известно о подобного рода установках Гитлера?

Фриче: Нет, о таких указаниях мне не было известно, но... тот факт, что такие замечания и указания были представлены на этом процессе, заставил меня осознать, как я уже сказал, то, что некоторые предпосылки нашей пропаганды не имеют оснований.

Руденко: Вам также не были известны указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданные ОК.В и подписанные подсудимым Иодлем?

Фриче: План «Барбаросса» до настоящего процесса не был для меня определенным понятием.

Руденко: Я вам процитирую один только абзац. Здесь говорится:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленивать Советский Союз».

Вы были в курсе этих указаний?

Фриче: Я не знал ни документа, ни содержания этих указаний, которые вы только что зачитали.

Руденко: Но я надеюсь, что вы не будете отрицать, что именно в таком духе и проводилась пропаганда?

Фриче: Нет, поскольку я мог наблюдать за тем, как проводилась пропаганда в Советском Союзе, я могу сказать следующее: эта пропаганда старалась призвать отдельные национальности к самостоятельности: Украинину, Белоруссию, Прибалтику и т. д.

Руденко: ...Когда вы впервые встретились с подсудимым Розенбергом и получили от него информацию о задачах немецкой пропаганды на Востоке?

Фриче: Я сомневаюсь в том, что до этого процесса я вообще когда-либо говорил с Розенбергом. Но мне кажется, что в обществе я иногда с ним встречался. Каких-либо деловых или служебных разговоров у меня с ним никогда не было.

Руденко: Вам сейчас передадут документ № 1039-ПС. Это отчет Розенберга о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Этот документ уже предъявлялся подсудимому Розенбергу, и он подтвердил этот документ. В этом отчете говорится:

«Кроме этих переговоров, которые были освещены выше, я принял ответственных представителей пропаганды, а именно: министра-директора Фриче, посланника Шмидта и других. Не входя в подробности политического направления, я доверенно информировал указанных лиц о необходимой позиции с просьбой без каких-либо высказываний соответствующим образом следить за всей терминологией в прессе. В моем аппарате появились для специальной обработки восточных вопросов довольно подготовленные работы, которые я передал представителям пропаганды».

Правильно ли осветил подсудимый Розенберг события, которые были в 1941 году, еще до нападения на Советский Союз?

Фриче: Нет, я не помню, чтобы я когда-либо был принят Розенбергом. Ни в коем случае нельзя утверждать, что я получил от Розенберга

или кого-нибудь из его сотрудников до 22 июня какие-либо сообщения о намеченном нападении на Советский Союз. Напротив, — это, может быть, несколько разъяснит положение вещей, — я вспоминаю, что один из сотрудников Розенберга довольно часто бывал у меня или у моих сотрудников; я помню его имя; это был руководитель группы прессы, раньше он был редактором «Фелькишер Беобахтер», майор Кранц. Он часто бывал у меня и у моих сотрудников и передавал нам о пожеланиях Розенберга в вопросах пропаганды в прессе. Но, во всяком случае это не было до 22 июня.

Руденко: Значит, то, что написано в отчете подсудимого Розенберга, является в отношении вас неправдой?

Фриче: Неправда—это было бы слишком сильно сказано. Очень' может быть, что все эти сообщения, которые он здесь делает, относятся просто к более позднему времени. Кроме того, можно предположить, что Розенберг при составлении этого отчета не придавал большого значения точности сведений относительно этого приема ответственных работников германской пропаганды.

Руденко: Я в этой связи хотел бы поставить вам два вопроса. Прежде всего я хочу сослаться на письменные показания Ганса Фосса. Я читаю. «После поражения германских войск под Сталинградом и начавшегося общего наступления советских войск по всему фронту Геббелье и Фриче прилагали все усилия для организации германской пропаганды таким образом, чтобы наиболее эффективно помочь Гитлеру выправить положение на фронте. Пропаганда строилась в расчете на то, что немцам удастся подольше продержаться. Немцев запугивали русским солдатом, для чего распространяли клеветнические сведения о зверствах русского солдата, о намерениях Советского Союза истребить германский народ. И далее, на последнем этапе войны германская пропаганда, возглавляемая Геббельсом и Фриче, сделала еще одну попытку услужить Гитлеру и организовать немецкое сопротивление советским войскам». Это правильно?

Фриче: Это неправильно.

Руденко: Я хочу, чтобы вы посмотрели свои показания от 12 сентября 1945 г. Я процитирую ваши объяснения по этому вопросу.

«Военное нападение на Советский Союз в связи с заключением: договора подготавливалось Германией тайно. Поэтому никакой пропагандистской работы в период подготовки к войне с СССР мы не вели.,; В связи с этим, активная антисоветская кампания органами германской! пропаганды была начата лишь после начала военных действий на восточном фронте. В данном случае следует указать, что основная задача, которая была поставлена Геббельсом перед всем пропагандистским аппаратом, сводилась к тому, чтобы оправдать захватническую политику! Германии против Советского Союза. Исходя из этого, я как руководитель германской прессы и радиовещания организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том,; что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз». И далее: «Должен, однако, заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами!

большевизма, и утверждал, что якобы только фашистская Германия является оплотом европейских стран против англо-американской плутократии и красного империализма».

Вы это признаете? ^

Фриче: Здесь действительно содержатся показания, которые я дал.

Совершенно правильно, я говорил, что войне с Советским Союзом не предшествовала пропагандистская подготовка, поскольку эта война началась внезапно и неожиданно. Далее, правильно, что после нападения на Советский Союз главная задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, то есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза.

Далее, правильно то, что я сказал, что следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то есть все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответственен за эту войну. К сожалению, в этом протоколе выпущен самый важный аргумент, который я привел тогда, а именно констатация того, что я и вместе со мной миллионы немцев верили тогда официальным сообщениям германского правительства, потому что тогда казалось абсолютно бессмысленным и невозможным во время еще незаконченной войны на западе добровольно идти на риск, начиная войну на востоке. Также правильно то, что материалы в «белой книге», которая была издана в то время министерством иностранных дел, были сравнительно скудны. И, затем, также правильно то, что германская пропаганда должна была нагнать на Европу страх перед большевизмом; и, в заключение, правильно то, что германская пропаганда все время подчеркивала, что Германия является единственной крепостью в борьбе с советской всемирной революцией.

Руденко: Теперь я хотел, чтобы вы обратили внимание на выдержку № 4 того же документа. Я хочу огласить этот небольшой абзац.

«С 1943 года в германской пропаганде по радио я пытался утверждать, что Германия располагает таким оружием, перед которым содрогнутся наши противники. При этом я использовал вымышленные данные о работе германской военной промышленности, которыми меня снабжал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер».

Это правильно?

Фриче: ...Правильно, что ко мне поступали сведения из министерства вооружения, которые вселяли в меня большие надежды на успех, так, например, цифровые данные о месячном производстве самолетов, затем данные о новых, особенно эффективных истребителях.

Руденко: Я бы хотел предъявить вам показания подсудимого Шпеера, который был допрошен советским следователем здесь, в Нюрнберге, 14 ноября 1945 г.

«В сентябре 1944 года я написал письмо Геббельсу. В этом письме я предупредил Геббельса, что он проводит неправильную пропаганду о новом вооружении и тем самым будит напрасные надежды среди германского народа. Это была пропаганда, которая проводилась Геббельсом с той целью, чтобы внести в немецкий народ надежду на благоприятный исход войны».

Это соответствует действительности?

Фриче: Только частично. Верно то, что Геббельс лично за год до

начала использования первых снарядов «фау» сообщал о них в своей пропаганде.

Руденко: Теперь я хочу напомнить вам о вашей роли и лично вами проводимой пропаганде с угрозами о применении нового вида оружия с целью внедрить в немецкий народ уверенность в успешность сопротивления союзным войскам. Я вам предъявляю документ СССР-496. Это ваше выступление по радио 1 июля 1944 г.

«Мы, немцы, очень сдержанно высказывались по поводу эффекта, произведенного новым видом оружия. Мы могли позволить себе эту сдержанность, зная, что раньше или позже Британия нарушит то молчание, которым она в первое время пыталась прикрыть действия, производимые «фау-1». И мы были правы. Отчеты, получаемые из Британии в течение последних дней и, в особенности, сегодня, показывают, что действие этого первого удара, нанесенного Британии новым видом вооружения, становится слишком очевидным. Сейчас Британия не может жаловаться на то, что из Германии против Британских островов поднимается волна ненависти. На пятом году войны бесполезно говорить о чувствах, хотя о них можно было бы сказать очень много».

Вы признаете, подсудимый Фриче, что подобной пропагандой вы обманывали немецкий народ и подстрекали к дальнейшему бессмысленному сопротивлению?

Фриче: В этом случае я говорил значительно сдержаннее и значительно скромнее, чем это делала немецкая пресса о результатах использования «фау-1».

Руденко: Теперь, я хочу напомнить вам, подсудимый Фриче, ваши показания от 12 сентября 1945 г. по поводу деятельности организации «Вервольф».

Я сейчас прочитаю:

«В конце февраля 1945 года статс-секретарь министерства пропаганды доктор Науман передал мне указание Геббельса разработать план организации секретного радиоцентра». И далее: «Науман объяснил, что германским правительством принято решение о переводе членов национал-социалистской партии на нелегальное положение и о создании подпольной организации, условно именуемой «Вервольф». Через радиоцентр, который мне надлежало организовать, как заявил Науман, должно осуществляться руководство всеми подпольными группами «Вервольф».

Как видно из ваших показаний, вы возражали против создания такого радиоцентра, говорили по этому поводу с Геббельсом, но радиоцентр все же был создан и ведение радиопередач было поручено бывшему руководителю имперского управления пропаганды Шлезину. Это правильно?

Фриче: Нет... план создания передатчика «Вервольф» предусматривал создание передвижного передатчика. Этот передатчик не был создан. Правда, во время моего отсутствия 1 апреля 1945 г. по прямому указанию Геббельса так называемая старая немецкая радиостанция была переименована в передатчик «Вервольф».

Руденко: Я хочу вам предъявить ваше собственное выступление от 7 апреля 1945 г.

Вы говорил» тогда по радио:

«Однако в результате превосходства в людях и в материальных резервах врагу удалось проникнуть далеко в глубину германской территории и в настоящее время он собирается осуществить по отношению к над! свою программу уничтожения... Пусть никто не удивляется, если жажда сильных сердец к мест» за нарушение человеческого права не требует даже небольшого перерыва для временного восстановления, а вспыхивает немедленно и, поднимаясь ярким пламенем, переходит в активность. Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население или даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье.

Если без подготовки и без организации из самого инстинкта к жизни возникло это исключительное явление, мы сегодня назовем его «Вервольф».

Фриче: Это совершенно неверно. Это — не пропаганда в пользу «Вервольфа», это — извинение за случаи активности «Вервольфа».

Руденко: Вам известно, кто возглавлял организацию «Вервольф»?

Фриче: Здесь уже было сказано, что высшей главой был Борман. В его подчинении находился еще один высший командир СС и полиции, имя которого я уже напрасно пытался вспомнить. Однако я знал одного из его сотрудников — Гюнтера д'Алькве.

Руденко: Я хочу вас спросить: в начале 1942 года, как вы здесь сообщили Трибуналу, вы получили сведения, что на Украине, оккупированной немцами, в одном округе готовится истребление евреев и украинской интеллигенции только потому, что они — евреи и украинская интеллигенция. Вы получили такое сообщение, правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Это было в мае 1942 года. Вы были в 6-й армии. Вы в 6-й армии узнали о существовании приказа об убийствах советских комиссаров. Это правильно?

Фриче: Да.

Руденко: Вы считали, что этот кровавый приказ не должен применяться. Это правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Вы знали, что этот приказ исходит от Гитлера?

Фриче: Да, я мог полагать это.

Руденко: Значит, в 1942 году вы знали, что существовали приказы Гитлера об убийствах и тем не менее вы шли с Гитлером?

Фриче: Вы сравниваете две несравнимые вещи. Большая разница — обращался ли я с комиссарам» не как с военнопленными или же я давал приказ об уничтожении пяти миллионов евреев.

Руденко: Значит, вы этот приказ считали возможным и допустимым в условиях ведения войны германской армией. Так я понимаю вас, если вы не выступили против Гитлера?

Фриче: Нет. Я считал его невозможным и поэтому активно выступал против этого приказа, а не только пассивно, как другие.

Руденко: Но продолжали поддерживать Гитлера?

Фриче: Да.

Руденко: Последний вопрос. Скажите, вам приходилось когда-либо за время войны сталкиваться с вопросами, касавшимися подготовки биологической войны?

Фриче: Никогда.

Руденко: Вам известна фамилия майора фон Пассаванта?

Фриче: Эта фамилия мне известна.

Руденко: Он являлся представителем ОКВ в министерстве пропаганды.

Фриче: Нет, не совсем так. Он был специалистом по радио в отделе пропаганды ОКВ.

Руденко: Вам сейчас передадут копию вашего письма от 19 октября 1944 г., документ СССР-484, на котором имеется ваш личный гриф, майору фон Пассаванту в ОКВ. Это — небольшой документ, я оглашу его:

«Руководителю отдела радиовещания господину майору фон Пассаванту. ОКВ. Слушатель Густав Отто, руководитель предприятия из Рейхенберга, направляет мне при сем предложение о проведении биологической войны. Я пересылаю вам это предложение с просьбой передать его в соответствующее учреждение, ведающее этими вопросами. Хайль Гитлер! Фриче».

Вы помните этот документ?

Фриче: Конечно, я не помню этого документа. Одновременно я заявляю, что он, без сомнения, является подлинным.

ЗАЩИТ

А

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕЙ ЗАЩИТНИКОВ

4 июля 1946 г. начались защитительные речи адвокатов. Первым выступил с защитительной речью адвокат Герман Яройсс (профессор международного права).

Его речь «Нарушение мира между государствами и его наказуемость» преследовала цель подвести «теоретическую» правовую базу под попытки адвоката Штаммера и других защитников оспорить юрисдикцию Международного Военного Трибунала и доказать неправомочность Трибунала судить главных немецких военных преступников.

Яройсс определил свою задачу следующим образом:

«Я здесь рассматриваю только правовой вопрос, а не даю оценку процедуре предъявления доказательств, продолжавшейся много месяцев. Я рассматриваю только вопрос о действующих правовых нормах, а не о правовых нормах, которые могут или должны устанавливаться, исходя из требований морали или человеческого прогресса. Передо мной стоит чисто научная задача».

Сославшись на ряд литературных источников, главным образом англо-американского происхождения, и на практику печальной памяти Лиги наций, Яройсс делает вывод:

«Если германская империя в известном случае начала наступление вопреки еще действующему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права».

Сообразив, однако, что факты грубого попрания элементарных норм международного права, международных договоров и соглашений со стороны гитлеровской Германии неопровержимо доказаны на процессе, «ученый» защитник агрессии Яройсс поспешил создать новую лазейку. Он заявил:

«Только империя, но не отдельное лицо, будь оно даже главой государства, — должно нести ответственность. Наказание отдельных лиц в соответствии с нормами международного права за нарушение мира между отдельными государствами,—продолжал Яройсс, — возможно только в том случае, если будут уничтожены основы действующего международного права и представления, в течение веков прочно укоренившиеся в сознании европейских народов, основы и представления, согласно которым государство, суверенное государство, является неременной основой существования свободы личности».

Чувствуя полную несостоятельность своей аргументации, Яройсс пытался запугать судей. Он заявил:

«Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами является с правовой точки зрения чем-то совершенно новым, тем новым, что вызовет целый переворот».

По существу все рассуждения Яройсса сводились к следующему: физических лиц судить нельзя, а можно судить только государство. Но так как государство посадить на скамью подсудимых невозможно, то вообще судить некого.

Яройсс много места уделил в своей речи значению приказов Гитлера. Он пытался «обосновать», что приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого начальника или руководителя, что приказ Гитлера являлся актом «неприкосновенным в правовом отношении». В заключение Яройсс делает вывод:

«Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказов, предусмотренных Уставом?»

Таким образом, несмотря на декларацию Яройсса о «чисто научной задаче» его защитительной речи, она преследовала, весьма практические цели: попытаться оспорить нормы Устава и отвести меч правосудия от главных немецких военных преступников (главный обвинитель от СССР в своей заключительной речи неоспоримо доказал всю беспочвенность всех «ученых» выводов Яройсса и необоснованность его утверждений).

В таком же духе выступали и другие защитники. Так, защитник подсудимого Риббентропа адвокат Хорн пустил в ход избитую версию о том, что Риббентроп являлся механическим исполнителем чужой воли. Защитник подсудимого Кальтенбруннера, адвокат Кауфман, утверждал, что Кальтенбруннер якобы формально был заместителем Гимmlера, а фактически ведал лишь службой информации. Фашистский палач Кальтенбруннер, которого не без основания называли «маленьким Гимmlером» и «вторым Гейдрихом», характеризовался адвокатом чуть ли не противником гитлеровского режима.

Защитник Розенберга, адвокат Тома, жонглируя пространными цитатами из различных справочников и ссылками на «международное право», старался оправдать установление рабского труда в оккупированных немцами странах, угон жителей этих стран, в частности советских граждан, в Германию, разграбление гитлеровцами предметов искусства и т. д.

В своем выступлении адвокат Тома пропагандировал расизм, что вызвало протест Главного обвинителя от СССР т. Руденко.

«Господин председатель, — заявил т. Руденко, — я бы не хотел прерывать защитника и отнимать время у Трибунала. Но то, что я услышал сейчас, переходит все границы допустимого. Когда гитлеровские заговорщики, сидящие на скамье подсудимых, пытались здесь, на суде, высказать свои фашистские суждения, эти попытки признавались неуместными и пресекались Трибуналом. Тем более нетерпимо, когда защитник использует трибуну суда для человеконенавистнической пропаганды.

Я считаю своей обязанностью заявить решительный протест против использования защитником трибуны Международного Военного Трибунала для фашистской пропаганды. Я прошу суд обсудить это заявление и принять соответствующее решение».

Председатель Трибунала прервал попытку Тома возразить на этот протест, указав, что защитник не должен делать возражений по этому поводу.

Защитник подсудимого Фрика, адвокат Панненбекер, заявлял, будто деятельность его подзащитного носила внутригерманский характер и не касалась внешнеполитических дел. На этом «основании» защитник утверждал, что Фрик не подлежит суду Международного Военного Трибунала. Панненбекер пытался доказать, что Фрик не виновен в преступлениях, связанных с концентрационными лагерями, уничтожением евреев, оккупацией территорий других стран. Как и другие защитники, Панненбекер сваливал всю вину на Гитлера и Гимmlера, с тем, чтобы выгородить своего подзащитного.

Защитник подсудимого Штрейхера, адвокат Маркс, не скрывал, что Штрейхер был издавна убежденным антисемитом и вел антисемитскую пропаганду, но адвокат вместе с тем всячески старался умалить вину подсудимого.

Защитник подсудимого Функа, адвокат Заутер, всячески пытался умалить роль, которую играл его подзащитный в подготовке агрессивных войн и в вооружении гитлеровской Германии.

Адвокат Серватиус в своей речи в защиту подсудимого Заукеля, ссылаясь на различные толкования при переводах на русский, английский и французский языки терминов «депортация» и «принудительный труд», пускался в длинные казуистические рассуждения на эту тему и утверждал, будто существуют юридические основания, оправдывающие применявшееся гитлеровцами принудительное использование рабочей силы.

Серватиус цинично оправдывал мероприятия гитлеровцев по насильственному угону рабочих, используя для этого ту самую «аргументацию», к которой прибегала гитлеровская пропаганда.

Защитник по существу обошел вопрос о жестоких издевательствах гитлеровцев над иностранными рабочими. Их содержание за колочей проволокой он нагло оправдывал «необходимостью строгого контроля». Не менее цинично защищал адвокат Серватиус и такое, например, варварское насилие гитлеровцев над насильственно угнанными с оккупированных «восточных территорий» лицами, как введение обязательного ношения ими опознавательного знака «Восток».

Ответственность его подзащитного за уничтожение людей с помощью непосильной работы адвокат целиком сваливал на Гимmlера и Геббельса.

Резюмируя свои «доводы» в защиту Заукеля, полностью почерпнутые из арсенала гитлеровской пропаганды, адвокат просил у Трибунала ни больше, ни меньше, как оправдания Заукеля.

Защитник Иодля, адвокат Экснер, признал, что Иодль «был советником фюрера по всем оперативным вопросам, следовательно, в определенном смысле—начальником генерального штаба вооруженных сил». Однако Экснер стремился умалить роль Иодля, голословно утверждая, будто «его деятельность была чисто технической», что Иодль являлся якобы только «курьером, передававшим приказы», в частности, приказы о борьбе с партизанами, о разрушении и сожжении деревень и городов и т. д.

Защитник старался доказать, что Иодль был якобы далек от гитлеровской партии и вообще от политики. Он утверждал, что Иодль занимался

чисто военными и оперативными вопросами и не вмешивался в политические решения Гитлера. Но Экснер не свел концы с концами, заявив, что в задачу гитлеровских генералов входило «проводить военную подготовку, необходимую для разрешения тех или иных политических задач».

Рассматривая вопрос о преступной деятельности Иодля против партизан, Экснер назвал последних «партизанскими бандами». Это выражение Экснера, почерпнутое из арсенала гитлеровской пропаганды, вызвало протест главного обвинителя от СССР т. Руденко.

«Господин председатель, — обратился советский обвинитель к председателю Трибунала, — защитник называет бандами партизанское движение, охватившее, как известно, миллионы патриотов, поднявшихся на борьбу с поработителями — немецко-фашистскими захватчиками. Я считаю, что такое выражение защитника следует расценивать как оскорбительный выпад против партизан, внесших огромный вклад в дело разгрома гитлеровских захватчиков, и я заявляю протест в связи с этим».

Трибунал согласился с протестом советского обвинителя.

Адвокат Людингхаузен, защищавший подсудимого Нейрата, самым подробным образом остановился на деятельности подсудимого в качестве «имперского протектора Богемии и Моравии», стараясь представить эту преступную деятельность в выгодном для своего подзащитного свете.

Стараясь всеми силами обелить Нейрата, защитник заявлял, что Нейрат прошел длинный путь чиновника при различных правительствах, не ставя вопроса об их политическом лице, о том, было ли каждое такое правительство консервативным, демократическим или социал-демократическим. Адвокат забывал только добавить: «или фашистским».

В заключение адвокат просит Трибунал оправдать Нейрата.

Защитник подсудимого Фриче заявлял, будто Фриче «случайно» попал на скамью подсудимых, так как он якобы не играл значительной роли в гитлеровской Германии. Защитник изображал своего подзащитного чуть ли не рядовым журналистом, который якобы не оказывал влияния на содержание и политическое направление информации.

В заключение своей речи защитник пустился в рассуждения на тему о том, что ответственность за нарушение мира могут нести лишь те лица, которые подготовляли и развязывали агрессивную войну, а не те, кто оказывал ей поддержку путем какой-либо деятельности. На этом «основании» адвокат сделал вывод, что речи Фриче по радио, даже если они оправдывали агрессивную войну и способствовали ее продолжению, якобы не являются наказуемыми действиями, и он должен быть оправдан.

В том же духе выступали и другие адвокаты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ
РЕЧИ
ГЛАВНЫХ
ОБВИНИТЕЛЕЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ РОБЕРТА ДЖЕКSONА

[Произнесена 26 июля 1946 г.]

Господин Председатель, Господа Члены Трибунала!

Редко юристу приходится сталкиваться с более сложной задачей, чем выбор аргументов для заключительной речи при таком громадном несоответствии между отведенным ему временем и объемом материала, которым он располагает. В течение 8 месяцев, а это — недолгий срок для процесса государственной важности, мы представляли доказательства, которые охватывают столь широкую и разнообразную картину событий, что едва ли нечто подобное было когда-либо охвачено рамками одного судебного процесса. Невозможно, резюмируя, нарисовать широкими мазками более чем контуры основных моментов выразительной и печальной летописи этого процесса, которая останется в истории как свидетельство позора и извращенности XX столетия.

Принято думать, что наше время является вершиной цивилизации, вершиной, с которой мы можем покровительственно взирать на недостатки предшествовавших веков в свете того, что считается «прогрессом». В действительности положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если только вторая его половина не искупит пороки первой. Эти четыре десятка лет XX столетия будут занесены в летопись истории в числе самых кровавых в ее анналах. Мировые войны оставили столько убитых, что число их превышает численность всех армий, участвовавших в древних и средневековых войнах. Никогда в течение полувека не происходило такого количества кровавых убийств и в таком масштабе, не совершалось таких жестокостей и бесчеловечных поступков, не производилось такого массового угона людей в рабство, такого уничтожения национальных меньшинств.

Террор Торквемады бледнеет перед нацистской инквизицией. Эти деяния войдут в историю как неопровержимые факты, по которым будущие поколения будут судить о нашем десятилетии. Если мы не сумеем уничтожить причины и предотвратить повторение подобного варварства, можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации.

Руководствуясь этими фактами, мы предприняли шаги для того, чтобы стереть эти ужасные деяния со страниц нашей эры. Подсудимые

жалуются, что мы двигаемся вперед слишком быстро. Создавая Устав этого Трибунала, мы полагали, что лишь регистрируем уже достигнутое в развитии международного права. Однако они говорят, что мы обогнали наше время, что мы предвосхитили процесс, который только должен произойти, но еще не совершился. Лондонское соглашение, независимо от того, является ли оно оригинальным или лишь регистрирует достигнутое, при всех обстоятельствах знаменует собой сдвиг в международном праве, который в общих чертах соответствует эволюции во внутреннем законодательстве, заключавшейся в том, что люди перестали карать преступление, совершенное внутри страны, «преследованием и криками» и стали руководствоваться при определении наказания доводами рассудка и результатами расследования. Сообщество народов выросло из примитивного закона «преследований и криков», из закона «лови и убивай». Оно стремится применять санкции для того, чтобы утверждать международное право, но руководствоваться в этом применении санкции законом и разумом, а не интуитивным протестом. Подсудимые отрицают закон, по которому они привлекаются к ответственности. Их отвращение к закону, который осуждает их, не является оригинальным. Уже прежде было замечено, что: «Вор, который чувствует на своей шее веревку, не может придерживаться хорошего мнения о законе».

Я не стану касаться правовых основ данного процесса. Позиция, которую занимают Соединенные Штаты, была достаточно разъяснена в моей вступительной речи. Мой достойный коллега Генеральный Прокурор Великобритании даст ответ от имени всех Главных обвинителей на возражения подсудимых относительно правовой основы данного процесса. На данной стадии судебного разбирательства я остановлюсь на законе, относящемся к данным преступлениям, в соответствии с тем, как он изложен в Уставе. Подсудимые, которые вообще не имели бы права быть заслушанными, если бы Устав не предоставил им такого права, теперь требуют уничтожения правовой основы данного процесса. Этот Трибунал, конечно, не имеет полномочий отвергнуть или изменить соглашение между четырьмя державами, к которому присоединились 18 других стран. Формулировки Устава являются обязательными для всех участников этого судебного разбирательства.

Однако при толковании Устава мы не должны забывать о том, какой исключительный, чрезвычайный характер имеет этот Трибунал как Международный Военный Трибунал. Он не является частью установленной конституцией системы юстиции ни одной из подписавших соглашение сторон. Германия безоговорочно капитулировала, однако еще не подписан никакой мирный договор и не достигнуто соглашение по поводу та-

* кого мирного договора. Формально союзники все еще, находятся в состоянии войны с Германией, хотя политическая и военная система противника прекратила свое существование. Как Военный Трибунал этот суд является продолжением военных усилий союзников. Как Международный Трибунал он не связан никакими процессуальными или иными 'утонченностями системы юриспруденции или конституционной системы каждой из наших стран; его решения также не внесут новых прецедентов во внутреннюю систему их гражданской юстиции. Как Международный Военный Трибунал он подымается над местным *и*

•пре-ходящим и стремится руководствоваться не только международным правом, но и основными принципами юриспруденции, которые присущи

цивилизации и давно уже нашли свое воплощение в кодексах всех народов.

Мы можем быть уверены в одном. Будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли оказать нацисты в свое оправдание. История будет знать, что все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому.

Но справедливость — это не слабость. Необычайная справедливость этого судебного разбирательства является атрибутом нашей силы. Обвинение сейчас, к концу процесса, оказалось внутренне неуязвимым потому, что оно покоилось столь основательно на германских документах, аутентичность которых неоспорима. Но именно долгие недели этого судебного разбирательства, в течение которых подсудимые один за другим пытались уязвить достоверность этих доказательств, продемонстрировали подлинную их силу. Несомненным фактом является то обстоятельство, что показания подсудимых устранили всякое сомнение в их виновности, которое, ввиду необычайного характера и размаха этих преступлений, могло существовать до того, как они выступили здесь. Они помогли написать себе обвинительный приговор.

Но справедливость этого процесса не имеет ничего общего с некоторыми из аргументов, выдвинутыми подсудимыми или их защитниками. Ни прежде, ни теперь не являлось необходимым оценивать достоинства их туманной и извилистой философии. Мы не судим их за их дурные идеи. Они вправе, если желают, порочить вклад древних иудеев в цивилизацию, частью которой некогда являлась Германия. Нас не касается также то обстоятельство, что они отвергают эллинское влияние. Интеллектуальное банкротство и моральная извращенность нацистского режима не касались бы международного права, если бы они не были использованы для того, чтобы провести «расу господ» гусиным шагом через границы государств. Мы вменяем им в вину как преступление не их идеи, а их враждебные акции. Их кредо и их учения имеют значение лишь постольку, поскольку они свидетельствуют о мотивах, целях, намерениях, осведомленности в происходящем.

Мы вменяем им в вину незаконную агрессию, но мы не судим их за те мотивы, надежды и лишения, которые могли толкнуть Германию на путь агрессивных войн в качестве инструмента политики. Закон в отличие от политики не занимается вопросами добра и зла при статус-кво, он не рассматривает также вопроса о состоятельности возражений против статус-кво. Он просто требует, чтобы статус-кво не нарушалось силой и чтобы политика не проводилась в жизнь с помощью войны.

Мы можем признать, что смешение этнических и культурных групп, стирание экономических барьеров, столкновение национальных интересов создали в 30-х годах, как оно будет создавать и впредь, серьезные проблемы для Германии точно так же, как и для остальных наций Европы. Мы можем также признать, что мир не сумел найти политического или правового средства для того, чтобы противопоставить его как достойную и реальную замену войне. Мы не можем сослаться ни на этику, ни на мудрость ни одной из стран, в том числе моей собственной, перед лицом этих проблем. Но мы утверждаем, что теперь, точно так же, как уже в течение некоторого времени до 1939 года, для

Германии или для любой другой страны являлось незаконным и преступным осуществлять свои притязания или стремиться к экспансии, прибегая для этого к агрессивной войне.

Разрешите мне подчеркнуть один кардинальный момент. У Соединенных Штатов нет интересов, которые могли бы выиграть от того, что кто-либо из подсудимых будет осужден, в том случае, если не будет доказана его виновность, по крайней мере, по одному разделу Обвинительного заключения из инкриминируемых ему. Достижение любого результата, который будет осужден как несправедливый критическим и беспристрастным судом будущих поколений, не явится победой ни для одной из стран, объединившихся в ведении этого судебного разбирательства. Но в итоге перед нами сейчас имеются проверенные доказательства преступности; мы заслушали шаткие оправдания и трусливые увертки подсудимых. Предварительное суждение, основываясь на котором мы открывали этот процесс, не является более достаточным.

Наступило время для принятия окончательных решений, и если дело, по которому я выступаю, сейчас кажется трудным и не допускающим компромиссов, это объясняется тем, что таким его делают представленные доказательства.

Быть может, лучше всего будет, если я попытаюсь извлечь это дело из бездны деталей, которыми полон протокол, и представить перед вами лишь общие его контуры, впечатляющие самой своей простотой.

Правильно, что многие тысячи страниц свидетельских показаний и тысячи документов по данному делу охватывают целую эпоху, целый континент и касаются почти всех сторон человеческого существования. Они освещают различные стороны профессиональной деятельности — дипломатию, развитие морского флота и морскую войну, сухопутную войну, происхождение воздушной войны, политический механизм прихода нацистов к власти, финансовые вопросы и экономику, связанные с тоталитарной войной, социологию, уголовное право, психологию и патологию маос.

Я должен предоставить экспертам заниматься выбором доказательств и писать томы по их специальности, в то время как я сам широкими мазками нарисую картину нарушений права, признание которых законными угрожало бы самому существованию цивилизации. Я должен, как сказал Киплинг: «Кистью из хвоста кометы бросить краски на полотно в десять лиг длиной».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Основательность обвинения этих подсудимых по разделу о заговоре, доказать которую поручено Соединенным Штатам, заключается в простоте этого обвинения. Оно включает лишь три основных вопроса: первый — были ли совершены акты, которые определяются Уставом как преступление; второй — были ли они совершены в ходе осуществления общего плана, или заговора, и третий — находятся ли эти подсудимые в числе тех, кто несет за это уголовную ответственность?

Обвинение требует рассмотрения преступной политики в целом, а не собрания отдельных бесплановых или спорных преступлений. Существование основных преступлений, на которых мы строим обвинение и которые представляют собой либо конечную цель общего плана, либо сред-

ство ее осуществления, уже признано. Краеугольный камень, на котором покоится обвинение в заговоре, представляет собой пять категорий преступных деяний, характер и размах которых является важным моментом для оценки доказательства существования заговора.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Нацистская партия захватила контроль над германским государством в 1933 году. «Захват власти» является термином, которым пользуются подсудимые и свидетели защиты, причем термином столь подходящим, что он вошел как в историю, так и в повседневную речь.

Нацистская клика в первые дни своего существования жила в постоянном страхе переворота. Геринг в 1934 году указывал, что врагам нацизма имя — легион, и заявлял: «Поэтому были созданы концентрационные лагеря, в которые мы прежде всего заключили тысячи коммунистов и социал-демократов».

В 1935 году Геринг предвосхитил всю программу преднамеренных жестокостей и репрессий, публично заявив: «Тот, кто в будущем попытается поднять руку на представителя национал-социалистского движения или государства, должен знать, что очень скоро после этого он лишится жизни».

Для достижения этой цели были совершены новые политические преступления: была объявлена изменой родине, наказуемой смертью, организация или поддержка какой-либо другой партии, кроме нацистской партии. Было объявлено преступлением распространение ложных или преувеличенных слухов или слухов, которые вредили государству или даже партии. Были введены столь двусмысленные законы, что они могли быть использованы для наказания почти всякого, даже невинного, поступка. Так, например, были объявлены преступлением любые акты, противоречащие общественному благополучию.

Министр юстиции Гертнер разъяснил, что национал-социализм рассматривал всякое противодействие целям, которые поставила перед собой каждая община, преступным *sui generis* (по самой своей сути) и что такой акт мог быть наказуем даже в том случае, если он не противоречил существующим «формальным» законам.

Гестапо и СД являлись инструментами системы шпионажа, которая пронизывала всю общественную и частную жизнь. Геринг контролировал все частные телефонные переговоры. Неприкосновенность переписки была уничтожена. На каждые 50 домов были назначены партийные блоклейтеры, которые постоянно шпионили за теми, кто жил в их квартале. На основании их шпионских сведений людей бросали в места «превентивного заключения» и в концентрационные лагеря без какой-либо судебной процедуры и без предъявления каких бы то ни было обвинений. Политическая полиция, действовавшая по собственному усмотрению, была освобождена от всякой законной ответственности за свои действия.

После того, как контроль над всеми государственными учреждениями перешел в руки нацистов и рейхстаг был лишен какой бы то ни было законодательной силы, последним препятствием на пути к царству

террора оставалась система юстиции, но ее независимость скоро была уничтожена и она была реорганизована для того, чтобы творить продажное правосудие. Судьи смещались по политическим или расовым соображениям, за ними постоянно шпионили и на них оказывали давление с тем, чтобы заставить их вступить в нацистскую партию.

После того как Верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, которых нацисты обвиняли в поджоге рейхстага, юрисдикция по делам об измене родине была передана вновь организованному «народному суду», который состоял из двух судей и пяти партийных чиновников. В германском фильме о деятельности этого суда, который мы демонстрировали в этом зале, показано, как председательствующий изливает поток оскорблений по адресу бессловесных подсудимых. Были созданы специальные суды для того, чтобы судить за политические преступления, только члены партии назначались на должности судей, «письма к судьям» инструктировали марионеток-судей, какой «генеральной линии» им следовало придерживаться.

Результатом этого явилось устранение всех мирных способов противодействия или смены правительства. Прокравшись через дверь к власти, нацисты хлопнули этой дверью перед лицом всех других, кто мог пожелать войти в нее. Поскольку законом считалось то, что нацисты называли законом, оппозиция в любой форме искоренялась и каждому, кто пытался высказывать недовольство, затыкали рот. Германия очутилась в тисках полицейского государства, которое использовало угрозу; заключения в концлагери как средство подавления сопротивления. Партия стала государством, государство—партией, террор днем и умерщвления ночью являют собой политику, принятую той и другим.

ПОДГОТОВКА И ВЕДЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

С момента захвата нацистами власти они начали лихорадочно, хотя и тайно, в нарушение Версальского договора, вооружаться для войны. В 1935 году у них не было воздушного флота. К 1939 году у них была 21 эскадра, состоявшая из 240 эскадрилий, насчитывавших, примерно, 2400 самолетов первой линии, а также имевших учебные и транспортные самолеты. В 1933 году они располагали армией, состоявшей из трехпехотных и трех кавалерийских дивизий. В 1939 году они сформировали и вооружили армию, состоящую из 51 дивизии, в том числе: четыре—полностью моторизованных и четыре—танковых дивизии. В 1933 году их военно-морской флот состоял из одного крейсера в шести легких крейсеров. В 1939 году они создали военно-морской флот, состоявший из четырех линейных кораблей, одного авианосца, шести крейсеров, 22 эсминцев и 54 подводных лодок. Они также создали за этот период промышленность вооружения, такую же мощную, как военная промышленность любой другой страны.

Это оружие было введено в действие в сентябре 1939 года, когда началась целая серия необъявленных войн против народов, с которыми Германия имела договоры об арбитраже и о ненападении, и в нарушение многократных гарантий. Первого сентября 1939 г. эта перевооруженная Германия напала на Польшу. Апрель следующего года стал свидетелем вторжения в Данию и Норвегию и оккупации их, май увидел захват

Бельгии, Голландии и Люксембурга, на следующую весну под ударом оказались Югославия и Греция, и в июне 1941 года началось вторжение в Советскую Россию. Затем Япония, которую Германия приветствовала как своего союзника, без предупреждения нанесла удар по Пирл-Харбору в декабре 1941 года, и через четыре дня после этого Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Нам нет необходимости заниматься рассмотрением абстрактных трудностей, возникновение которых можно себе умозрительно представить, при определении того, что в сомнительных случаях должно считать агрессией. Я покажу вам, рассматривая вопрос о заговоре, что по всем критериям, когда-либо выдвинутым компетентными организациями, по всем законам здравого смысла эти войны являлись незаконными, агрессивными войнами в нарушение договоров и гарантий.

ВЕДЕНИЕ ВОИНЫ ВОПРОКИ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Нет необходимости разрабатывать этот пункт на фактическом материале. Геринг утверждает, что законы сухопутной войны устарели и что никакой народ не мог вести тотальную войну в их рамках. Он показал, что нацисты отменили бы конвенции, которые в качестве одной из сторон подписала и Германия, но генерал Йодль хотел, чтобы захваченные в плен германские солдаты продолжали пользоваться преимуществами ее соблюдения союзниками.

Однако в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ, несмотря на предупреждение адмирала Канариса о том, что такого рода обращение являлось нарушением международного права.

Поэтому для рассмотрения раздела о заговоре нам нет необходимости приводить вопиющие подробности умерщвления голодом, избиений, убийств, умерщвления холодом и массовых уничтожений, которые, как было признано, совершались по отношению к солдатам на Востоке. Мы также можем считать установленным и признанным, что имели место незаконные действия, как, например, расстрел британских и американских летчиков, жестокое обращение с военнопленными из западных стран, принуждение французских военнопленных принимать участие в военных усилиях Германии и другие преднамеренные нарушения Гагской и Женевской конвенций, а также то, что все это совершалось во исполнении приказов высших властей.

ПОРАБОЩЕНИЕ И ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИИ

Подсудимому Заукелю, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, принадлежит заявление о том, что «из 5 000 000 иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 000 не приехали туда добровольно». Подсудимому Розенбергу официально доносили, что на подчиненных ему территориях «применялись такие методы вербовки рабочей силы, которые, быть может, берут свое начало в самых черных периодах торговли рабами». Сам Заукель сообщал о том, что агенты — мужчины и женщины охотились за людьми, спаивали их и затем «обманом увозили в Германию». Этих пленников

перевозили в поездах, которые не отапливались, они не получали пищи и были лишены элементарных санитарных условий. Трупы умерших выбрасывались из вагонов на станциях, а новорожденных выбрасывали из окон на ходу поезда.

Заукель приказал, чтобы «все рабочие получали лишь такое питание, кров и обращение, которые обеспечивали бы максимальную их эксплуатацию при минимальных затратах». Из этих рабочих около двух миллионов было непосредственно занято в производстве вооружения и боеприпасов. Директор паровозостроительного завода Круппа в Эссене жаловался своей фирме, что русские, находящиеся на этой принудительной работе, настолько недоедают, что они слишком истощены, чтобы справиться со своей работой. Врач фирмы Круппа также подтвердил сообщения об их жалком состоянии. Советские рабочие были заключены в лагеря, охраняемые гестапо. Этой охране разрешалось наказывать за неповиновение заключением в концлагери или смертью через повешение на месте.

Население оккупированных территорий эксплуатировалось и другими способами и безжалостно угнеталось. Террор был поставлен в порядок дня. Гражданские лица арестовывались без предъявления каких-либо обвинений, им не было предоставлено право иметь защитников, их «азнили без суда. Уничтожались целые деревни, мужское население расстреливалось или отправлялось в концентрационные лагеря, женщин направляли на принудительные работы, а детей их рассылали по различным районам. Масштабы этой бойни в одной только Польше были указаны Франком, который сообщал: «Если бы я хотел повесить одно объявление о расстреле каждых семи поляков, то в Польше нехватило бы лесов для производства бумаги для всех этих объявлений».

Нельзя ожидать, что те, которые поработают, воздержались бы от того, чтобы грабить. Хвастливые отчеты показывают, как тщательно и «научно» ресурсы оккупированных стран поглощались германской военной экономикой, вызывая инфляцию, голод и нужду населения. Кроме этого грандиозного плана оказания помощи германским военным усилиям проводилась также гнусная деятельность эйнзатцштаба Розенберга, который грабил сокровища искусства для Геринга и других членов его банды. Трудно сказать, трагично или комично зрелище, героем которого является второй по значению фюрер Германии, убеждающий свой народ отказаться от всяких удобств и приложить все силы для выполнения необходимых работ военного времени, в то время как он сам мечется с одного места на другое, руководя конфискацией предметов искусства и отправляя их целыми эшелонами. В любом случае его действия преступны.

Во все времена, до и во время этой войны, международное право точно и авторитетно определяло положение по охране прав гражданских лиц любой оккупированной страны; торговля рабами и грабеж оккупированных стран всегда рассматривались как незаконные.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН

Нацистское движение навсегда оставит о себе дурную память в истории из-за преследований евреев — самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя

концентрационные лагеря были первым и самым страшным орудием угнетения в арсенале национал-социалистского государства и что они использовались прежде всего как средства для преследования христианской церкви и истребления еврейской расы. Это признали перед судом некоторые подсудимые у свидетельского пульта.

Скажем словами Франка: «Пройдут тысячелетия, а эта вина Германии все еще не будет смыта».

Таковы были пять групп наиболее существенных преступлений нацистского режима. Совершение их не может быть опровергнуто, оно полностью доказано. Подсудимый Кейтель, который по своему положению должен знать факты, представил Трибуналу то, что кажется довольно точным резюме всего обвинения, основанного на этих фактах.

Подсудимый заявил, что «признает, что содержание общих положений Обвинительного заключения было доказано с объективной и фактической точки зрения (другими словами, не в отношении каждого отдельного подсудимого), а также в соответствии с регламентом данного Трибунала. Бессмысленно, несмотря на возможность опровержения некоторых документов или отдельных фактов, доказывать несостоятельность Обвинительного заключения в целом».

Перехожу теперь к вопросу о том, являлись ли эти группы преступных действий составными частями общего плана или заговора.

ОБЩИЙ ПЛАН, ИЛИ ЗАГОВОР

Обвинение утверждает, что эти пять категорий преднамеренно совершенных преступлений не представляли собою отдельных и независимых явлений, а были совершены в соответствии с общим планом, или заговором. Защита признает совершение этих категорий преступлений, но она отрицает, что они были связаны друг с другом как части единой программы.

Центральным преступлением в этой цепи преступлений, центральным связывающим звеном, которое их объединяет, является заговор в целях ведения агрессивной войны. Именно этот факт является главной причиной преступности этих действий с точки зрения международного права.

Доказали ли мы наличие плана, или заговора, для ведения агрессивной войны?

Отдельные признанные или неоспоримо доказанные факты помогают нам ответить на этот вопрос. Первым из них является тот факт, что агрессивные войны в действительности имели место. Во-вторых, признано, что с самого момента прихода нацистов к власти все они, как и все подсудимые, трудились, как бобры, чтобы подготовиться к «некоей» войне.

В связи с этим встает вопрос: готовились ли они к той войне, которая произошла, или к той войне, которая никогда не стала реальностью? Вполне возможно, что на ранней стадии никто из них не знал, в каком именно году и в каком месяце начнется война, какие именно разногласия ускорят ее развязывание, против кого она будет направлена в первую очередь — против Австрии, Чехословакии или Польши. Но я утверждаю, что подсудимые или знали, или должны были знать, что война,

к которой они готовились, будет агрессивной войной со стороны Германии. Частично это объясняется тем, что не было никакой реальной опасности, что какая-нибудь держава или какой-нибудь союз держав нападет на Германию. Но главным образом это может быть объяснено тем, что по своей внутренней природе германские планы должны были рано или поздно натолкнуться на сопротивление, и, следовательно, они могли быть осуществлены лишь путем агрессии.

Планы Адольфа Гитлера об агрессии были столь же секретными, как и «Майн кампф», которая была издана в Германии более чем шестимиллионным тиражом. Он не только открыто призывал к ликвидации Версальского договора, но его требования выходили далеко за пределы простого исправления несправедливостей, якобы принесенных Версалем. Он признал, что намеревался напасть на соседние государства и захватить их земли, которые, как он говорил, должны были быть завоеваны «силой победоносного меча». В этих словах для каждого немца звучали «голоса предков, предсказавшие войну».

В этом зале Геринг, рассказывая о своей первой встрече с Гитлером задолго до захвата власти, показал: «Я заметил, что Гитлер определенно придерживался мнения, что протесты бесполезны, и полагал, что Германия должна быть освобождена от Версальского договора... Мы не говорили, что нам необходима война и разгром наших противников. Это было целью, а методы должны были приспособляться к политической ситуации».

Когда его спросили, предполагалось ли достижение этой цели, в случае необходимости, путем войны, Геринг не отрицал такой возможности, но уклонился от прямого ответа и сказал: «мы даже не обсуждали подобных вещей в то время». Он сказал затем, что цель уничтожения Версальского договора не скрывалась и была общеизвестной и что, по его мнению, «каждый немец был за его изменение, и это, несомненно, являлось большим стимулом для вступления в партию». Итак, ни один из тех, кто помогал Гитлеру достичь абсолютной власти над германским народом или сотрудничал с его режимом, не может ссылаться в качестве оправдания на то, что он не знал о природе тех требований, которые Гитлер впоследствии собирался предъявить соседям Германии.

Немедленно после захвата власти нацисты приступили к осуществлению этих агрессивных намерений путем военных приготовлений. Сначала они включили немецких промышленников в секретную программу перевооружения. Через 20 дней после захвата власти Шахт принимал Гитлера, Геринга и еще 20 руководящих промышленников. Среди них был Крупп фон Болен, представлявший громадный военный концерн «Крупп», представители «ИГ Фарбен» и других концернов тяжелой промышленности Рура. Гитлер и Геринг разъяснили свою программу промышленникам, которые так восторженно встретили ее, что решено было собрать три миллиона марок для укрепления и упрочения власти партии. Через два месяца Крупп пытался добиться согласования деятельности реорганизованного объединения германской промышленности* с политическими целями нацистского правительства. Позже Крупп хвастливо говорил о том, как удалось втайне сохранить германскую военную промышленность и держать ее наготове, несмотря на требования Версальского договора о разоружении. Он также вспоминал восторженное признание промышленниками великих намерений фюрера в период

первооружения 1933—1939 гг. Примерно через два месяца после того, как Шахт организовал эту первую встречу, чтобы добиться поддержки промышленников, нацисты начали подчинять работу промышленности своим агрессивным планам.

В апреле 1933 года Гитлер приказал доктору Лею «взять на себя руководство профсоюзами», насчитывающими около шести миллионов членов. Руководствуясь этой партийной директивой, Лей захватил профсоюзы, их имущество и фонды. СС и СА подвергли профсоюзных руководителей «превентивному заключению» и бросили их в концентрационные лагеря. Свободные профсоюзы были заменены нацистской организацией под названием «Германский трудовой фронт» во главе с д-ром Леем. Количество ее членов постоянно увеличивалось, пока не достигло 23 миллионов человек. Отменены были коллективные договоры, рабочие больше не имели права голоса по вопросам, касающимся условий труда. Условия трудового договора, диктовались уполномоченными по труду, назначавшимися Гитлером. Военная направленность этой трудовой программы была открыто признана Робертом Леем через пять дней после начала войны, когда в своей речи он заявил:

«Мы, национал-социалисты, за период последних семи лет взяли под свой контроль все ресурсы и энергию, чтобы быть подготовленными к великому испытанию боем».

Нацисты также начали сразу приспособлять правительственную систему к требованиям войны. В апреле 1935 года кабинет образовал Совет Обороны, рабочий комитет которого впоследствии часто собирался. На заседании 23 мая 1935 г. под председательством подсудимого ;

Кейтеля его члены были проинструктированы о том, что «ни один документ не должен быть утерян, так как иначе вражеская пропаганда :

воспользуется им. То, что передается устно, не может быть доказано, и мы поэтому сможем отрицать это в Женеве».

В январе 1934 года в присутствии подсудимого Иодля Совет разрабатывал мобилизационный план и составил проект приказа о мобилизации для примерно 240 000 промышленных предприятий. Собранные пришли к соглашению ничего не записывать с тем, чтобы «нельзя было обнаружить военные цели совещания».

21 мая 1935 г. был издан совершенно секретный закон об обороне; империи. Подсудимый Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики с задачей тайно подготовить всю экономику к войне и, в случае мобилизации, обеспечить финансирование войны. Эта тайная деятельность Шахта была дополнена в октябре 1936 года назначением подсудимого Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану с задачей привести всю экономику в состояние готовности к войне за четыре года.

Проведение секретной программы накопления сырья и иностранных кредитов, необходимых для широкого перевооружения, также началось немедленно после захвата власти. В сентябре 1934 года министр экономики уже жаловался, что «задача накопления осложняется отсутствием иностранной валюты и что требования секретности и маскировки также тормозят работу».

Немедленно был введен контроль над иностранной валютой. Задача финансирования была поручена кудеснику Шахту, который своим волшебством создал счета МЕФО, имевшие двойную цель: использовать

кратковременные кредиты для перевооружения и в то же время скрывать размеры этих затрат.

Существо всей нацистской государственной деятельности было резюмировано в высказываниях Геринга 27 мая 1936 г. на заседании Совета министров, на котором присутствовал также и Шахт. Он тогда, заявил:

«Все мероприятия 'следует рассматривать с точки зрения обеспечения ведения войны».

Генеральный штаб, конечно, должен был включиться в эти военные приготовления. Большинство генералов, привлеченных возможностью перестроить свои армии, стало добровольными соучастниками. Однако бывший военный министр фон Бломберг и начальник штаба генерал фон Фрич, недружелюбно относившиеся к возрастающей агрессивности; политики гитлеровского режима, были дискредитированы и смещены с должностей в январе 1938 года в результате порочного и грязного заговора против них. После этого Гитлер принял на себя верховное командование вооруженными силами, и посты фон Бломберга и фон Фрича были заняты другими, которые стали, говоря словами Бломберга о Кейтеле, «послушным орудием в руках Гитлера для выполнения' любого его решения».

В своих приготовлениях генералы не ограничивались лишь военными вопросами. Они участвовали во всех главных дипломатических и политических маневрах, как, например, во время встречи в Оберзальцберге, во время которой Гитлер, при поддержке Кейтеля и других руководящих генералов, передал свой ультиматум Шушнигу.

Еще 5 ноября 1937 г. план о нападении начал принимать определенные очертания в отношении установления времени и жертв. На заседании, в присутствии подсудимых Редера, Геринга и фон Нейрата). Гитлер цинично сформулировал свои цели:

«Вопрос для Германии состоит в том, где можно добиться больших завоеваний наименьшей ценой». Он разобрал возможные планы вторжения в Австрию и Чехословакию, ясно указывая на то, что он не считает захват этих стран конечной целью, а лишь средством для осуществления дальнейших завоеваний. Он указал на значительные военные и политические выгоды, которые будут сопутствовать владению этими странами, и обсуждал возможность комплектования из их населения новых армий численностью около 12 дивизий. Он прямо и открыто заявил, что его целью является приобретение дополнительного жизненного пространства в Европе, и признал, что германский вопрос может быть решен только силой.

Через шесть месяцев, окрыленный бескровной австрийской победой, Гитлер в секретной директиве Кейтелю писал о своем «неуклонном решении разбить Чехословакию военными силами в ближайшем будущем». В тот же день Иодль записал в своем дневнике, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить Чехословакию в ближайшем будущем и приступил ко всеобъемлющим военным приготовлениям. К апрелю план был усовершенствован таким образом, что он предусматривал нападение" на Чехословакию с «молниеносной быстротой» в результате какого-либо «инцидента».

Во всех областях приготовления все больше принимали очертания приготовлений к завоевательной войне на основе предположения, что.

она разовьется в мировую войну. В сентябре 1938 года адмирал Карле официально заявлял о «проекте ведения морской войны против Англии»:

«Мы вполне согласны с основной темой этого трактата.

1. Если, согласно решению фюрера, Германия хочет занять положение мировой державы, ей нужно не только достаточное количество колониальных владений, но также и безопасные морские коммуникации и безопасный выход к океану.

2. Оба требования могут быть осуществлены лишь вопреки англо-французским интересам и путем ограничения господствующего положения этих стран, как великих держав. Считается маловероятным, чтобы это могло быть достигнуто мирным путем. Следовательно, решение возвысить Германию в ранг мировых держав толкает нас на необходимость проводить соответствующие военные приготовления.

3. Война с Англией в то же время означает войну против Британской империи, против Франции и, возможно, против России и против большого количества заокееанских стран, другими словами, против 0,5 или 1/3 всего мира.

Она может быть оправдана и может рассчитывать на успех, лишь если она будет подготовлена с экономической точки зрения так же, как и с точки зрения политической и военной, будет вестись с целью завоевания для Германии выхода к океану».

Трибуналу известны те категорические заверения, которые немцы „давали обеспокоенному общественному мнению после аншлюсса, после Мюнхена и после оккупации Богемии и Моравии о том, что все требования Германии удовлетворены и что у Гитлера «нет больше территориальных требований в Европе». Протокол заседания этого суда показывает, что эти заверения были преднамеренно обманными и что те, кто занимал высокие посты в кровавом братстве нацизма, знали об этом.

Уже 15 апреля 1938 г. Гитлер указывал Муссолини и Чиано, что обладание этими территориями сделает возможным нападение на Польшу. Один из чиновников министерства Риббентропа писал 26 августа 1938 г., что «после ликвидации чехословацкого вопроса все будут считать, что Польша будет следующей на очереди».

После вторжения в Польшу Гитлер бахвалился, что именно триумф в Австрии и Чехословакии явился «основой для действий против Польши». Геринг рационально использовал этот триумф и отдал немедленные инструкции об эксплуатации сначала Судетов, а затем и всего протектората для усиления германского военного потенциала.

В мае 1939 года подготовка, проводившаяся нацистами, достигла такого состояния, что Гитлер признался подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и другим, что он готов «напасть на Польшу при первой представившейся возможности», хотя он и признавал, что «дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития». Грабительские мотивы, лежавшие в основе этого решения, будут поняты из следующей цитаты, которая вторит лейтмотиву «Майн кампф»:

«Обстоятельства должны приспособляться к целям; это невозможно без вторжения в другие государства и без захвата их собственности. Жизненное пространство, пропорциональное могуществу государства, является основой всякой власти. Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без расширения нашего жизненного пространства на Востоке...»

В то время, как доверчивый мир был убаюкан и окутан паутиной лживых заверений о мирных намерениях, нацисты готовились не просто, как прежде, к войне вообще, а к определенной войне. Подсудимые Геринг, Кейтель, Редер, Фрик, Функ и др. собрались в июне 1939 года в качестве членов имперского совета обороны. Протокол этого совещания, аутентичность которого удостоверена Герингом, является ярким свидетельством того, каким образом каждый пункт нацистского плана представлял собой звено в общей цепи. Пять главных подсудимых за три месяца до того, как первое танковое соединение пересекло границу Польши, уже планировали «использование населения в военное время» и зашли так далеко, что стали определять очередность отдельных отраслей промышленности в отношении снабжения их рабочей силой, «после того, как будет мобилизовано пять миллионов рабочих». Они выработали меры с тем, чтобы избежать «неразберихи в ходе мобилизации», и объявили, что намерены «захватить и удерживать инициативу в первые и самые решающие недели войны». Далее они намеревались использовать в промышленности военнопленных, уголовных преступников и заключенных концентрационных лагерей. После этого они приняли решение о «трудовой повинности для женщин во время войны». Они к тому времени уже обратились с просьбой о доставке 1172 000 рабочих-специалистов и утвердили использование 727 000 из них; это мероприятие было отнесено к числу совершенно необходимых. Они бахвалились тем, что повестки о явке на работу «лежат наготове в пачках в управлениях по труду». Они решили увеличить снабжение промышленности рабочей силой путем привоза в Германию «сотен тысяч рабочих» из протектората, которых они собирались расквартировать в бараках.

Именно из этого протокола весьма важного совещания, на котором присутствовали многие из главных подсудимых, явствует, каким образом план о начале военных действий сочетался с планом ведения войны путем использования в промышленности незаконных источников рабочей силы.

Гитлер, уже объявляя о своем плане нападения на Польшу, предвидел в качестве одного из логических последствий этого плана проведение программы рабского труда; при этом он под секретом сообщил подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и ряду других, что населением Польши «можно будет располагать в качестве источника рабочей силы». Эта часть плана была приведена в исполнение Франком, который в качестве генерал-губернатора сообщил Герингу, что он поставит империи по крайней мере миллион сельскохозяйственных и промышленных рабочих, и Заукелем, под давлением которого в результате вербовки, проводившейся на оккупированных территориях, было собрано количество рабочих, подчас равное количеству всего населения некоторых из более мелких европейских стран.

Здесь снова выявляется связь между работой на военные нужды и Концентрационными лагерями, которые представляли собой источник рабочей силы, использовавшийся все шире в со все увеличивающейся жестокостью. Соглашение между Гиммлером и министром юстиции Тираком, заключенное в 1942 году, предусматривало, что «для приведения в исполнение вынесенных им приговоров антисоциальные элементы дол-

жны передаваться рейхсфюреру СС с тем, чтобы умерщвлять их тяжелым трудом».

По директиве СС заключенные, прикованные к постели, предназначались для работ, которые могли выполняться в кровати. По приказу гестапо было арестовано 45 000 евреев в целях «пополнения концентрационных лагерей рабочей силой». Из Венгрии было доставлено 100000 евреев с тем, чтобы пополнить лагеря рабочей силой. По инициативе подсудимого Деница рабочая сила из концентрационных лагерей использовалась при постройке подводных лодок. Таким образом, концентрационные лагеря, с одной стороны, были включены в военную промышленность и, с другой — в систему отправления правосудия и осуществления политических целей нацистов.

Использование рабочей силы военнопленных, как это предусматривалось по плану, увеличивалось с ростом потребностей Германии. В период, когда каждый германский солдат был нужен на фронте и в тылу нехватало людей, русских военнопленных заставляли обслуживать зенитные орудия, направленные против самолетов союзников. Фельдмаршал Милх в следующих словах показывает, как забавляли нацистов эти вопиющие нарушения международного права: «Очень забавно, что русским приходится обслуживать орудия».

Приказы об обращении с советскими военнопленными были настолько жестокими, что адмирал Канарис, указав на то, что «следствием их является произвол в обращении с заключенными и убийства», обратился в ОКБ с протестом против этих приказов, основываясь на том, что они представляют собой нарушение международного права. Кейтель ответил весьма недвусмысленно:

«Возражения строятся исходя из концепции рыцарского способа ведения войны! Это гибельно для идеологии! Поэтому я одобряю и поддерживаю эти мероприятия!»

Женевская конвенция была бы открыто выброшена за борт, если бы Иодль не представил своих возражений, так как он хотел извлечь преимущества из дальнейшего соблюдения статей этого договора союзниками, в то время как Германия не чувствовала бы себя ни в коей мере ими связанной.

В процессе ведения войны с подобной же тщательностью подготавливались другие преступления, которые ставили своей целью победу германского оружия. В октябре 1938 года, почти за год до начала войны, уже намечалась политика последующих нарушений установленных правил ведения войны в самых крупных масштабах. Верховное командование издало совершенно секретный список для лживых объяснений, которые должны были в подобных случаях приводиться министром пропаганды. Еще ранее командующим вооруженными силами был отдан приказ использовать любые способы ведения войны в случае, если они могут облегчить победу. Уже в ходе войны приказы становились все более и более беспощадными. Характерный приказ Кейтеля, требовавший применения «самых жестоких мер», гласил:

«Войска обязаны применять любые меры без ограничения, направляя их даже против женщин и детей, если такие меры гарантируют нам успех».

Германские военно-морские силы были в той же степени заражены такой же теорией, как сухопутные войска. Редер каждый раз, когда

это было необходимо для достижения стратегических успехов, издавал приказы о нарушении существующих правил ведения войны. Дениц требовал, чтобы экипажи его подводных лодок не спасали оставшихся в живых команд торпедированных вражеских судов с тем, чтобы наносить урон торговому флоту союзных наций, опустошая ряды его моряков.

Таким образом, военные преступления против войск союзников и преступления против человечности, совершенные на оккупированных территориях, неоспоримо представляют собой часть программы ведения войны, так как, по расчетам немцев, они являлись обязательным условием осуществления надежд Германии на успех.

Подобным же образом все преступления, совершенные до начала* войны, включая преследования внутри Германии, подобно камням в мозаике, складываются в тонкий узор вокруг плана ведения агрессивной! войны. Нигде так ясно не видно, что вся система преступлений нацистского гнета и террора, совершенных внутри Германии, тесно переплетается с военными преступлениями, как в той смеси легкомыслия и мудрости, которую представляют собой показания Германа Геринга. Описывая цели нацистской программы до захвата власти, Геринг сказал: «Прежде всего вставал вопрос о том, чтобы добиться установления в Германии политического строя, который дал бы Германии возможность выступить не просто с протестом против ограничений [Версальского договора], но с протестом такого рода, с которым нельзя будет не считаться».

Геринг признал, что с этой целью был составлен план свержения Веймарской республики, захвата власти и проведения нацистской программы всеми необходимыми для этого методами, вне зависимости от того, имели ли они законный характер.

Из перекрестного допроса Геринга явствует, как неизбежно следовали за этим все элементы программы преступлений. В связи с тем, что они признали необходимым создание сильного государства для того, чтобы избавиться от Версальского договора, они приняли принцип фюрерства. Захватив власть в свои руки, нацисты пришли к выводу, что необходимо эту власть защищать путем упразднения парламентарного правительства и подавления всей организованной оппозиции со стороны политических партий. Это получило свое отражение в философской концепции Геринга, гласившей, что опера важнее, чем рейхстаг.

Не допускалась даже «оппозиция со стороны отдельных лиц, за исключением тех случаев, когда затрагиваемые вопросы не имели никакого значения».

Для того чтобы гарантировать подавление оппозиции, необходимо было создать тайную политическую полицию. В целях подавления неисправимых противников необходимо было создать концентрационные лагеря и учредить институт превентивного заключения. Превентивное заключение, в соответствии с показаниями Геринга, означало следующее:

«Арестовывались и направлялись в превентивное заключение люди, не совершившие какого-либо преступления, но способные в том случае, если бы они остались на свободе, совершить всевозможные действия, направленные к причинению вреда германскому государству».

Те же цели доминировали и в вопросе об истреблении евреев. Вначале главную роль играли фанатизм и политический оппортунизм, так как антисемитизм и связанная с ним теория «козла отпущения» представляли собой ту тележку, на которой нацисты ехали к власти. Именно

по этой причине развратник Штрейхер и богохульник Розенберг были радушно встречены как участники партийных съездов, именно поэтому их сделали руководителями и высшими чиновниками государства и партии. Однако вскоре нацисты стали рассматривать евреев как авангард оппозиции, направленной против полицейского государства. В качестве причины, объяснявшей необходимость отстранения евреев от политической и экономической жизни Германии, приводились опасения по поводу их пацифистских настроений и их оппозиция по отношению к ярко выраженному национализму. В связи с этим евреев, как скот, перевозили в концентрационные лагеря, где они насильственно использовались как рабочая сила для работы на военные нужды.

На совещании, имевшем место 12 ноября 1938 г., через два дня после неистовых еврейских погромов, спровоцированных Геббельсом и проведенных руководящим составом партии и СА, Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие нацисты, занимавшие высокие посты, разработали программу устранения евреев из германской экономики.

Принятые к проведению мероприятия включали в себя заключение евреев в гетто, сокращение их продовольственного снабжения, «ариизацию» их магазинов и ограничение для них свободы передвижения. Здесь вкрался еще один довод, заключающийся в том, что полная конфискация их собственности содействовала финансированию германского вооружения. Хотя план Шахта получить иностранную валюту в качестве выкупа за еврейское население Германии не был принят, тем не менее евреев ограбили до такой степени, что Геринг получил возможность сообщить имперскому совету обороны о том, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на еврейство, и благодаря доходам, полученным Германией в результате ариизации еврейских предприятий».

Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на междоусобные распри, каждый подсудимый в своей области действовал согласованно с другими, все они активно помогали осуществлению общего плана. Это противоречит практике, согласно которой люди с такой различной подготовкой и способностями, позидимому, только по случайному совпадению содействуют друг другу в достижении своих целей.

Важная и разносторонняя деятельность *Геринга* носила полумилитаристский и полубандитский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога. Он использовал своих молодцов из СА для того, чтобы привести банду к власти. Для того чтобы закрепить эту власть, он задумал сжечь рейхстаг, основал гестапо и создал концентрационные лагеря. Он также стоял за истребление оппозиции и за инсценировку скандальных инцидентов для того, чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны. Путем мобилизации всех экономических ресурсов Германии он сделал возможным ведение войны, в планировании которой он принял большое участие. Он являлся вторым после Гитлера лицом, координировавшим деятельность всех подсудимых.

Роль, которую играли остальные подсудимые, хотя она и была менее представительной и менее наглядной, чем роль рейхсмаршала, тем не

менее являлась дополняющим и необходимым вкладом в общие усилия; без любого из подсудимых успех общего дела был бы поставлен под угрозу срыва. Виновность этих людей в совершении' целого ряда отдельных действий была здесь доказана. Нет никакого смысла рассматривать сейчас все те преступления, с которыми предъявленные доказательства связывают имена подсудимых; кроме того, я не располагаю для этого достаточным временем. Тем не менее, рассматривая заговор как единое целое и как механизм в действии, мне хотелось бы бегло остановиться на наиболее значительных услугах, которые каждый из этих людей оказал общему делу.

Фанатик *Гесс*, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям, был инженером, управлявшим механизмом партии, передававшим руководящему составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранявшим ее наготове, как преданное -и послушное орудие власти.

Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым ставился под угрозу успех нацистских захватнических планов,, на сцену выступал двуличный *Риббентрон* — торговец ложью, который; должен был лить масло на взволнованную подозрениями воду, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии—вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.

Кальтенбруннер, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ с тем, чтобы задушить оппозицию и добиться покорности" террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.

Розенберг, духовный отец и высокий проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических теорий на практике на восточных оккупированных территориях.

Фанатик *Франк* утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой он правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки ее населения.

Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями с тем, чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.

Штрейхер, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые побуждали народ одобрить все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.

В качестве министра экономики *Функ* ускорял темпы вооружения, а в качестве президента имперского банка он помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков. *Шахт*, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, ранее служил удобной ширмой (приманка, на которую ловились сомне-

вающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дениц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с незаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии, вопреки Версальскому договору, и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширак, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вооруженных силах и передал нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу воли последней.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работорговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Иодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавлявший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды и разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришна.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и, как имперский протектор Богемии и Моравии, укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, начальник радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинилось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на это собрание, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя

ее во всех областях безжалостного проведения нацистской политики, начиная от бичевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели: перекроить карту Европы силой оружия.

Некоторые из этих подсудимых были ревностными членами нацистского движения с первых дней его существования.

Другие, менее фанатичные, вошли в общее дело позднее, после того как успехи сделали привлекательным участие в нем, так как оно сулило награды.

Эта группа новообращенных более позднего периода возместила критическую нехватку первоначальных искренних последователей, поскольку, как это указывал в своих выводах доктор Зиммерс:

«Среди национал-социалистов не было специалистов для выполнения особых задач. Большинство из сотрудников национал-социализма ранее не занималось профессиями, требовавшими технического образования».

Роковая слабость нацистской банды в первый период ее существования заключалась в том, что у членов ее отсутствовали технические знания.

Они не могли создать из своих собственных рядов правительство, способное провести в жизнь все планы, необходимые для реализации целей нацистского движения.

Именно отсюда и проистекают преступления и предательство людей, подобных Шахту, фон Нейрату, Шпееру и фон Папену, Редеру и Деницу, Кейтелю и Йодлю.

Сомнительно, могли ли преуспеть нацисты в проведении своего плана господства без участия имевшей специальное образование интеллигенции, которой они с такой охотой предоставляли руководить осуществлением этого плана.

Эти люди действовали, хорошо зная о широко объявленных целях и методах нацистов, и продолжали свою службу даже тогда, когда на практике увидели, куда вел путь, по которому они шли.

Их превосходство над обычной нацистской посредственностью не оправдывает их. В этом — их обвинительный приговор. Из тысяч страниц материалов этого процесса с определенностью явствует, что главное преступление из всей группы нацистских преступлений — нападение на мир во всем мире — было преднамеренно запланировано.

Эти агрессивные войны не начались из-за того, что население стихийно схватилось за оружие в порыве негодования.

За неделю до вторжения в Польшу Гитлер сказал своим военным командующим:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет ли он правдоподобным. Победителя потом не спросят — говорил ли он правду. В начале и при ведении войны значение имеет не право, но победа».

вающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дениц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с незаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии, вопреки Версальскому договору, и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширах, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вооруженных силах и передал нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу воли последней.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работороговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Иодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал 'стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавлявший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды и разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришна.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и, как имперский протектор Богемии и Моравии, укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шнеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, начальник радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на это собрание, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя

нированной и открыто объявленной программы захвата для нацистского государства места под солнцем ценой ввержения во мрак всех остальных.

Подсудимые отвечают на это небывалое обвинение по-разному: одни, признавая ограниченную ответственность; другие, перекладывая вину на других; а некоторые утверждают, что хотя колоссальные преступления действительно совершались, преступников все же нет.

Ограниченное время не разрешает мне рассмотреть в отдельности построение защиты каждого подсудимого. Однако есть много моментов, общих для отдельных дел, и они заслуживают некоторого рассмотрения.

Защитники многих подсудимых пытаются опровергнуть обвинение в заговоре или наличии общего плана на том основании, что характер нацистского плана не соответствует понятию заговора, применимому в германском праве, — заговора о разбое на большой дороге или о краже со взломом. Их представление о заговоре ассоциируется со встречей укрادкой глухой ночью в уединенном, скрытом месте, где подсудимые обдумывают каждую деталь отдельного преступления.

Устав исключает возможность применения в качестве критерия такой ограниченной и узкой концепции заговора, взятой из внутреннего права, употребляя дополнительный и не специальный термин «общий план». Если мы совершенно опустим термин «заговор», то Устав гласит, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана, направленного к совершению любого из названных преступлений, «несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом с целью осуществления такого плана».

Концепция общего плана, изложенная в Уставе, представляет собой в действительности принципиальное понимание термина заговора в международном праве. Общий план, или заговор, для захвата государственной машины, для совершения преступлений против мира во всем мире, для того, чтобы стереть с лица земли целую расу, поработить миллионы, покорить и ограбить целые народы, не может рассматриваться в тех же рамках, что и планирование менее значительных преступлений, хотя и в данном случае применимы те же самые основные принципы.

Обыкновенные бандиты могут планировать — кто из них возьмет револьвер и кто стилет, кто подойдет к жертве спереди, кто сзади, и где именно они ее подстерегут. Но при планировании войны револьвер становится вооруженными силами — «вермахт», а стилет — военно-воздушным флотом.

Выбор места для удара ограничивается не темной аллеей, а пространствами всего мира. В эту операцию входят в качестве элементов умелое обращение с общественным мнением, государственные законы, полицейская служба, промышленность и финансы. Там, где в обыкновенном заговоре использовались угрозы и обещания, здесь была пущена в ход внешняя политика нации. Также степень секретности, которая указывает на преступный умысел заговора, зависит от ее цели. Тайные приготовления государства, направленные против народов других стран мира, даже если они и скрыты от других стран, могут быть совершенно открыты и широко известны его народу.

Но не тайна является существенной составной частью такого замысла. Некоторые части общего плана могут объявляться с крыш домов,

как это было с антисемитизмом, а другие могут держаться в секрете, как это было в течение долгого времени в отношении программы вооружения.

Исключительно соображения стратегического характера определяют, какая именно часть подготовительных мероприятий должна быть обнародована, как, например, это было с заявлением, которое сделал Геринг в 1935 году о создании военно-воздушного флота, и какая их часть должна сохраниться в тайне, как, скажем, это было в связи с использованием нацистами лопат для обучения «трудовых отрядов» обращению с оружием.

Этот заговор большого размаха аморфен по форме и оппортунистичен по средствам его выполнения. Однако ни то, ни другое не может помешать закону проникнуть в его существо.

Подсудимые, однако, утверждают, что не могло существовать заговора, предусматривавшего ведение агрессивных войн, во-первых, потому, что никто из нацистов не желал войны; во-вторых, потому, что целью вооружения было лишь обеспечение усиления Германии с тем, чтобы и ее голос был слышен в семье народов, и, в-третьих, потому, что войны, по существу, не являлись агрессивными войнами, но были лишь оборонительными войнами против «большевистской угрозы».

Когда мы анализируем доводы, приведенные в доказательство того, что нацисты не хотели войны, мы видим, что в сущности своей они сводятся к следующему:

«С точки зрения объективной, факты выглядят довольно скверно, но если вы рассмотрите мое душевное состояние, то убедитесь, что я лично субъективно ненавидел войну. Мне были известны ужасы войны, я хотел мира».

Я не так уже уверен в этом. И еще менее склонен согласиться с определением, данным Герингом генеральному штабу, который он назвал нацистской организацией.

Однако нашему делу не повредит, если мы примем в качестве абстрактного предположения, что никому из этих подсудимых не нравилась война. Но они хотели получить то, что, как они знали, они не могли получить без войны. Они хотели получить земли и богатства своих соседей. Их философия, как кажется, сводилась к тому, что, если эти соседи не уступят добровольно, они тем самым станут агрессорами и на них нужно будет возложить ответственность за развязывание войны.

Однако остается фактом то обстоятельство, что война никогда не казалась нацистам ужасной до тех пор, пока она не вошла к ним в дом, до тех пор, пока не был раскрыт обманый характер их заверений германскому народу о том, что германские города, подобные тому разрушенному городу, в котором произошла наша встреча, останутся неуязвимыми.

Начиная с этого времени, война стала ужасной и для них.

Но опять-таки подсудимые пытаются доказать: «Конечно, мы производили пушки, но не для того, чтобы стрелять, — они должны были только придать нам вес при переговорах».

В лучшем случае этот аргумент сводится к утверждению, что военные силы были предназначены для шантажа, но не для военных действий.

Угроза военного вторжения, с помощью которой силой был навязан аншлюсе Австрии, угрозы, предшествовавшие Мюнхену, угроза Геринга

подвергнуть бомбардировке прекрасный город Прагу, если президент Чехословакии не согласится на создание протектората, являются примерами того, что имели подсудимые в виду, когда они говорили об использовании вооружения как аргумента при ведении переговоров. Но из самой природы германских требований ясно, что должен был наступить день, когда какая-нибудь страна откажется купить себе мир, откажется внести за себя выкуп, потому что «конец этой игры — угнетение и позор, и народ, который играет в нее, — погиб».

Намеревались ли в таком случае эти подсудимые отказаться от германских требований или Германия собиралась настаивать на них и проводить пропаганду таким образом, чтобы возложить вину за ведение войны на тот народ, который оказался столь безрассудным, что стал сопротивляться? События ответили на этот вопрос, а документы, подобные меморандуму адмирала Карлса, ранее мною цитировавшемуся, не оставляют никакого сомнения в том, что события совершались именно так, как это предполагалось.

Но некоторые из подсудимых заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах, поскольку в этом случае полностью игнорируется роковое сочетание фактов, установленных в материалах суда. Во-первых, быстрые и колоссальные по размаху германские приготовления к войне; во-вторых, неоднократные, открыто объявленные намерения руководителей Германии совершить нападение, которые я цитировал ранее, и, в-третьих, тот факт, что имела место целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары без предупреждения и пересекали границы стран других народов. Даже если бы могло быть доказано, а это невозможно, что война с Россией на самом деле носила оборонительный характер, совершенно очевидно, что дело обстоит иначе в отношении всех тех войн, которые предшествовали ей.

Кроме того, можно также указать на то, что даже те, которые хотели бы убедить вас в том, что коммунизм угрожал Германии, соперничают друг с другом в попытках доказать, что они были против этой пагубной авантюры. Можно ли поверить, что они выступали бы против такой войны, если бы она была на самом деле оборонительной?

Легкомысленное отношение к фактам, характерное для этой теории самозащиты, защитники пытаются возместить, как это часто делают адвокаты, ссылками на теорию права. Д-р Яройсс в своей «ученой» речи от имени защиты указывает, что ни одно условие договора, ни одно положение права не лишает Германию, как суверенную нацию, права на самооборону. Он далее утверждает, ссылаясь на авторитет классического международного права, что каждое государство должно само решить вопрос о том (я цитирую), «является ли война, которую оно ведет, в данном случае оборонительной».

Нет необходимости рассматривать основательность абстрактного принципа, не относящегося к фактам настоящего дела. Я не сомневаюсь, что, если какая-нибудь нация пришла бы к решению, что она должна прибегнуть к войне в целях самозащиты, исходя из условий, дающих достаточное основание для того, чтобы честно принять такое решение,

любой Трибунал придал бы этому большое и, возможно, решающее значение, даже если бы последующие события показали, что такое решение было заблуждением.

Но факты на данном процессе не допускают никакой скидки на честное решение, потому что нацисты даже не пытались сделать вид, что они пришли к такому решению; еще в меньшей степени оно являлось честным.

Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и детализацию планов этих нападений, не было и не может быть процитировано ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне. Вполне возможно, что у государственных деятелей других наций нехватило мужества немедленно и полностью разоружиться. Возможно, они подозревали Германию в тайном; перевооружении. Но если они и медлили с отказом от вооружения, они во всяком случае не побоялись пренебрегать развитием промышленности вооружения.

Германия отлично знала, что ее бывшие враги довели свое вооружение до упадка, столь маловероятной казалась им возможность другой войны. Германия противостояла Европе, которая не только не хотела нападать, но которая была слишком слаба и пацифистски настроена даже для того, чтобы соответствующим образом защищаться, и должна была заплатить чуть ли не своей честью, а может быть, и большим, чтобыкупить себе мир. Те протоколы о секретных нацистских совещаниях, которые мы вам представили, не называют потенциального агрессора. В них чувствуется дух агрессии, а не оборонительной войны. Они всегда замыслили территориальную экспансию, а не сохранение территориальной целостности.

Военный министр фон Бломберг в своей директиве от 1937 года, в которой устанавливались общие принципы для подготовки вооруженных сил к войне, опроверг эти жалкие притязания на самозащиту.

Он заявлял в то время следующее: «Общая политическая обстановка оправдывает предположение относительно того, что Германии не грозит нападение ни с какой стороны. Основанием этого предположения является то, что почти все страны, и особенно западные державы, не испытывают желаний вести войну, и, кроме того, в целом ряде государств, и в России особенно, ведется недостаточная подготовка к войне». Тем не менее он предлагает: «постоянно готовиться к войне с тем, чтобы:

а) быть в состоянии в любое время нанести контрудар и б) суметь использовать в военных целях благоприятную политическую ситуацию, если таковая представится».

Если эти подсудимые могут сейчас цинично приводить в свое оправдание довод о самозащите, хотя ни один из ответственных лидеров в тот период искренне не заявил и не считал, что самозащита является необходимой, то тем самым доводятся до полного абсурда, с правовой точки зрения, все договоры о ненападении. Они становятся лишь дополнительным средством обмана в руках агрессора и ловушкой для миролюбивых стран. Даже если договоры о ненападении предусматривают возможность для каждого народа на основе доверия (бона фиде) решить вопрос о необходимости самозащиты против непосредственной угрозы нападения, они тем не менее ни в коей мере не могут служить прикрытием для тех, которые никогда не приходили к решению такого рода.

В своей вступительной речи я осмелился предсказать, что не будет серьезных опровержений того, что преступления, которые вменяются в вину подсудимым, были совершены действительно, и что речь будет идти об ответственности отдельных подсудимых. Подсудимые действительно показали, что мое пророчество сбылось. Вообще говоря, они не

•отрицают того, что все это имело место, но утверждают, что все это имело место «само по себе», а не являлось результатом общего плана или заговора.

Одним из основных доводов отрицания подсудимыми наличия заговора является довод относительно того, что при диктатуре заговор невозможен. Далее подсудимые аргументируют свое заявление тем, что все они должны были повиноваться приказам Гитлера, которые имели силу закона в германском государстве, и, следовательно, повиновение нельзя считать основой для предъявления обвинения в совершении преступления. В том же духе приводятся объяснения, что хотя массовые убийства и совершались, убийц не было.

Этот довод преследует цель обойти статью 8 Устава, согласно которой приказ правительства или начальника не освобождает подсудимого от ответственности, но может только приниматься во внимание как смягчающее вину обстоятельство.

Эта статья Устава является справедливой и отвечает действительному положению вещей, как это заявил подсудимый Шпеер, определяя, что он подразумевает под общей ответственностью руководителей германского государства:

«...В отношении вопросов, имеющих решающее значение, должна существовать общая ответственность. Общая ответственность должна существовать постольку, поскольку данное лицо является одним из руководителей, ибо кто еще может принять на себя ответственность за развитие событий, как не непосредственные сотрудники, которые работают вместе, рядом с главой государства?»

Он далее заявил Трибуналу:

«...невозможно после катастрофы уклоняться от общей ответственности. Если бы война была выиграна, то руководители также приняли бы на себя полную ответственность».

Утверждение относительно того, что неограниченная власть фюрера исключала возможность существования заговора, как и многое другое в абстрактных аргументах защиты, явно опровергается теми фактами, которые имеются в судебных протоколах. Фюрерский принцип абсолютизма, как указал Геринг, был сам по себе частью общего плана.

Подсудимые могли стать рабами диктатора, но именно он был их диктатором. И Геринг заявил в своих показаниях: с самого начала цель нацистского движения заключалась в том, чтобы сделать его таковым.

Каждый нацист произносил следующую присягу:

«Я обещаю, что я буду вечно верен Адольфу Гитлеру. Я обещаю •безоговорочно повиноваться ему и фюрерам, назначенным им».

Более того, они заставили всех тех, кто находился в их власти, также принести такую присягу. Эта присяга была незаконной, согласно германскому праву, ибо стать членом организации, в которой дается присяга о повиновении неизвестному начальнику или о безоговорочном повиновении известному начальнику, согласно закону, считалось преступным.

Эти люди уничтожили свободное правительство в Германии, а сейчас просят освободить их от ответственности, потому что они стали рабами. Они находятся в положении мальчика из сказки, который убил своего отца и мать, а затем просил о снисхождении, потому что остался сиротой. Но эти люди не заметили того, что действия Адольфа Гитлера — это их действия. Именно эти люди из миллионов других, а именно они, руководя миллионами других, создали Адольфа Гитлера и облекли эту психопатическую личность властью принимать не только решения по многочисленным общим вопросам, но также и разрешать важнейший вопрос о войне и мире. Они допьяна напоили его властью и заставили людей заниматься перед ним низкопоклонством.

Они разжигали его ненависть и вселяли в него чувство страха. Вложив в протянутые руки Гитлера заряженное ружье, они именно ему предоставили нажать курок, и когда он это сделал, все они это в то время одобрили.

Его вина признается одними подсудимыми неохотно, другими — с чувством мести. Но его вина — это вина всех вместе и каждого из них в отдельности, кто находится на скамье подсудимых. Защита убеждает нас, что эти подсудимые не могли создать общий план или быть соучастниками одного и того же заговора, потому что между ними происходила борьба и они принадлежали к различным фракциям и кликам. Нет необходимости в том, чтобы люди были согласны абсолютно по всем вопросам для того, чтобы они сумели сговориться между собой в такой степени, что их сговор можно рассматривать как преступный заговор.

Без сомнения, были заговоры и внутри заговора, так же как интриги, соперничество и борьба за власть. Шахт и Геринг разошлись во мнениях по вопросу о том, кто из них должен осуществлять контроль над хозяйством страны, но у них не было разногласий в отношении того, что все хозяйство должно быть регламентировано для проведения подготовки к войне.

Геринг заявляет, что он действовал помимо общего плана, аргументируя это тем, что через Далеруса он вел некоторые переговоры с влиятельными людьми Англии как раз перед польской войной. Однако совершенно ясно, что это было сделано не для того, чтобы предотвратить агрессию против Польши, а имело своей целью обеспечение успеха и безопасное проведение этой агрессии, добившись нейтралитета Англии, Розенберг и Геринг, быть может, были не во всем согласны по вопросу о том, как распределять награбленные произведения искусства, но в отношении того, как следует производить этот грабеж, у них никаких разногласий не было.

Иодль и Геббельс, быть может, расходились во мнениях по вопросу о том, следует ли денонсировать Женевскую конвенцию, но у них никогда не было разногласий по поводу нарушения ее. Подобным же образом обстояло дело на всем протяжении подлой истории их заговора. Мы не встретили ни единого случая, когда бы один из подсудимых поднялся и заявил против остальных: «Это неправильно, я не буду делать этого». Как бы они ни расходились во мнениях, спорным вопросом всегда являлся лишь вопрос о методе или компетенции, но эти разногласия никогда не выходили за рамки общего плана.

Некоторые подсудимые также утверждают, что во всяком случае не существовало заговора для совершения военных преступлений и пре-

ступлений против человечности, потому что члены кабинета никогда не встречались с военными руководителями для того, чтобы планировать такого рода действия. Эти преступления являлись только неизбежным и случайным результатом осуществления плана агрессии для расширения жизненного пространства (лебенераум). На совещании командующих Гитлер заявил:

«В Польше главная задача заключается в том, чтобы уничтожить противника, а не достичь определенной географической линии».

Франк подхватил этот мотив и заявил, что после того, как из них будет выжата вся рабочая энергия, «...можно будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится поблизости, неважно к чему это приведет».

Рейхскомиссар Кох на Украине вторил ему в тон:

«Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека. Я пришел сюда не для того, чтобы изливать благодать».

Такова была изнанка «жизненного пространства». Могли ли люди с таким практическим складом ума, как у них, рассчитывать на то, что им удастся даром получить соседние земли от их владельцев, без совершения преступлений против человечности?

И, наконец, последним доводом каждого из подсудимых является утверждение, что даже если заговор и существовал, то он лично в нем не был замешан. Поэтому очень важно при рассмотрении их попыток избежать ответственности знать прежде всего, что именно подразумевается под обвинением в участии в заговоре и за что оно предусматривает наказание. При рассмотрении вопроса об участии в заговоре мы не наказываем одного человека за преступление, совершенное другим человеком.

Мы стараемся наказать каждого за его собственное преступление, за его участие в осуществлении общего преступного плана, в котором также принимали участие и другие. Степень преступности плана, а поэтому и виновности каждого, кто принимал участие в его проведении, несомненно, представляет собой общую сумму преступлений, совершенных всеми участниками при осуществлении этого плана. Но сущность обвинения заключается в участии в разработке или осуществлении этого плана. Таков закон, который каждое общество считает необходимым для того, чтобы покарать таких людей, как эти подсудимые, которые сами никогда не марали руки в крови, но разрабатывали планы, приведшие в результате к кровопролитию. Сейчас по всей Германии в каждой оккупационной зоне все мелкие исполнители, которые по приказу проводили в жизнь эту преступную политику, предаются суду и подвергаются наказанию.

Было бы величайшей и непростительной пародией на справедливость дать этим людям, которые планировали эту политику и направляли этих мелких исполнителей, возможность избежать кары. Эти люди, находящиеся на скамье подсудимых, перед лицом фактов, имеющих в судебных протоколах, не могут отговориться незнанием этой преступной программы или отдаленным и неопределенным к ней отношением.

Именно они являются творцами этой программы. Посты, которые они занимали, показывают, что мы избрали подсудимых, ответственность которых совершенно очевидна. Это — самые высокопоставленные из оставшихся в живых представителей власти, каждый из которых

играл главную роль в своей области и в нацистском государстве в целом. В настоящее время нет в живых никого, кто бы, по крайней мере, вплоть до последнего момента войны, стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием.

Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Иодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дениц.

Кто может нести большую ответственность за двуличную дипломатию, чем министры иностранных дел фон Нейрат и Риббентроп и их подручный Папен? Кто должен нести ответственность за деспотическое управление оккупированными странами, как не гаулейтеры, протекторы, губернаторы и комиссары, такие, как Франк, Зейсс-Инкварт, Фрик, фон Ширах, фон Нейрат и Розенберг? Где искать тех, кто мобилизовал все хозяйство для тотальной войны, если мы забудем о Шахте, Шпеере и Функе? Кто был хозяином этого огромного рабовладельческого предприятия, как не Заукель? Чья рука, как не рука Кальтенбруннера, направляла деятельность концлагерей? Кто подхлестывал ненависть и страх в народе и искусно направлял партийные организации на подстрекательство к этим преступлениям, если не Гесс, фон Ширах, Фриче, Борман и недостойный упоминания Юлиус Штрейхер?

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии. Фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по вопросу о политике и методах и об агрессивной деятельности, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из этих подсудимых внес вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем главную роль.; Лишите нацистский режим того, что было сделано Шахтом, Заукелем, фон Папеном или Герингом, и этот режим перестанет быть самим собой,; Взгляните на этих падших людей и представьте себе их такими, как они изображены на photographиях и в документах в дни их величия и славы. ; Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены на достижение тех целей, о существовании которых они никогда не подозревали?

Защищая себя, все подсудимые единодушно пытаются избежать ответственности и вины, вытекающей из их деятельности на занимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием.

Функ подводит итог этому самоуничижению подсудимых в своей жалобной ламентации: «Я всегда, так сказать, подходил к двери, но мне никогда не разрешалось в нее войти».

В своих показаниях каждый подсудимый по некоторым вопросам оказывается в тупике. Никто ничего не знал о том, что происходило, Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь».

Эти люди не видели зла, ничего не говорили, и ничего не было сказано в их присутствии. Это заявление могло бы звучать вполне правдоподобно, если бы оно было сделано одним подсудимым. Но когда мы складываем все их показания вместе, то о «Третьей империи», которая

должна была существовать в течение тысяч лет, создается очень смешное впечатление.

Если мы объединим повествования всех подсудимых первой скамьи, то получится нелепая картина правительства Гитлера. Оно состояло из:

человека № 2, который ничего не знал об эксцессах созданного им гестапо и никогда не подозревал о программе истребления евреев, хотя он лично подписал более десятка декретов, которые касались вопроса преследования этой расы; *человека № 3*, который был просто невинным посредником, передающим, подобно почтальону или посыльному, приказы Гитлера, которых он сам даже не читал; *министра иностранных дел*, который очень мало знал о внешнеполитических проблемах и ничего не знал о внешней политике; *фельдмаршала*, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике; *начальника службы безопасности*, который считал, что полицейские функции возглавляемого им гестапо и СД являлись по своему характеру чем-то вроде регулирования уличного движения; *партийного философа*, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое породила его философия в XX веке; *генерал-губернатора Польши*, который царствовал, но не управлял; *гаулейтера Франконии*, обязанность которого заключалась в том, чтобы фабриковать грязные документы относительно евреев, но который не имел никакого представления о том, будет ли их кто-нибудь читать; *министра внутренних дел*, который не знал даже, что происходит внутри его собственного ведомства, и еще меньше знал о том, что творится в его собственном министерстве, и абсолютно ничего не знал о том, что происходит внутри Германии; *президента Рейхсбанка*, который совершенно не знал о том, что поступало и что изымалось из сейфов его банка; *уполномоченного по вопросам военной экономики*, который втайне перестраивал всю экономику для производства вооружения, но не имел при этом никакого представления о том, что в какой-либо степени имеет отношение к войне.

Это может показаться фантастическим преувеличением, но именно к такому выводу вы должны были бы прийти для того, чтобы оправдать этих подсудимых.

Они действительно слишком много протестуют. Они отрицают, что они знают то, что являлось общеизвестным. Они отрицают, что они знали о планах и программах, которые были настолько же общеизвестными, как и «Майи кампф» и программа партии. Они даже отрицают, что им известно содержание документов, которые они получили и в соответствии с которыми они действовали.

Почти все подсудимые высказывали две или более противоречащие одна другой точки зрения. Давайте проиллюстрируем несовместимость их точек зрения на записи показаний одного из подсудимых, одного, который, если бы мы настаивали, охотно бы согласился с тем, что он самый умный, честный и невинный человек из всей скамьи подсудимых. Это — Шахт. Таково впечатление от его показаний.

Но не следует забывать, что все это я выдвигаю не только против него одного, поскольку большое количество внутренних противоречий свойственно показаниям нескольких подсудимых: Шахт открыто не присоединялся к нацистскому движению до тех пор, пока оно не победило,

так же как открыто не покидал этого движения до тех пор, пока оно не потерпело краха. Он признает, что никогда публично не выступал против этого движения, но утверждает, что лично он никогда не относился к нему лояльно.

Когда мы его спрашиваем, почему он не остановил режим на его преступном пути, режим, при котором он был министром, он заявляет, что он был лишен всякого влияния. Когда мы его спрашиваем, почему он продолжал оставаться членом этого преступного режима, он заявляет нам, что, оставаясь на службе этого режима, он надеялся сделать его программу более умеренной. Подобно брамину среди неверных, он не мог себе позволить общаться с нацистами, но он также никогда не мог позволить себе порвать с ними политические связи. Из всех агрессивных действий нацистов, которыми, как он теперь утверждает, он был потрясен, нет ни одного, которому бы он не оказывал поддержку перед лицом всего мира авторитетом своего имени, своим престижем.

Вооружив Гитлера и дав ему тем самым возможность шантажировать континент, сейчас он обвиняет Англию и Францию в том, что они поддались его шантажу. Шахт всегда боролся за свое положение в рамках существовавшего режима, который сейчас он пытается презирать.

Иногда он не соглашался со своими нацистскими сообщниками относительно средств для достижения своих целей, но он никогда не расходился с ними во мнениях по вопросу о самой цели. Он действительно порвал с ними, когда наступили сумерки этого режима, но это было сделано по тактическим, а не по принципиальным соображениям. С этого времени он никогда не переставал призывать других рисковать своим положением и жизнью для того, чтобы оказывать содействие в осуществлении его планов, но никогда, ни в одном случае, он не подвергал риску свою собственную жизнь.

Теперь он хвастает, что он собственноручно застрелил бы Гитлера, если бы для этого представилась возможность, но германская кинохроника показывает, что даже после падения Франции, когда он встретился с живым Гитлером, он выступил вперед для того, чтобы пожать руку человеку, к которому, как он говорит, он питает огромное отвращение, и ловил каждое слово человека, которого, как он теперь говорит, считал недостойным доверия.

Шахт говорит, что он неуклонно «саботировал» гитлеровское правительство. Однако самая безжалостная секретная разведка в мире никогда не обнаружила даже следов его вредоносных действий по отношению к режиму даже через много времени после того, как он узнал, что война проиграна и что нацизм обречен на гибель. Шахт всю жизнь лавировал и обеспечивал себе такое положение, чтобы можно было заявить, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

Его защитительные доводы при анализе оказываются столь же показными, сколь убедительными они кажутся на первый взгляд. Шахт является представителем самого опасного и отвратительного типа оппортунизма. Он представляет собой человека, занимающего влиятельное положение, который готов присоединиться к любому движению, зная, что оно является порочным, лишь потому, что оно, по его мнению, побеждает.

Эти подсудимые не могут отрицать того, что они являлись людьми, занимавшими очень высокое положение; они не могут также отрицать, что преступления, о которых я говорил, действительно были совершены;

они знают, что их собственные опровержения будут неправдоподобными, если только они не смогут переложить вину на кого-нибудь другого.

Подсудимые были единодушны, когда под давлением они старались свалить вину на других лиц — то на одного, то на другого. Но имена, которые они неоднократно называли, были — Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Геббельс и Борман. Все они мертвы или исчезли. Как бы настойчиво мы ни пытались добиться признаний от подсудимых, они, называя виновных, никогда не указывали на тех, кто находится в живых.

Соблазнительно размышлять о чудесной, замечательной изобретательности судьбы, которая умерщвляла всех виновных и оставляла в живых всех невинных.

Главным злодеем, на которого возлагается вся вина, — некоторые подсудимые соревнуются друг с другом в подыскании наиболее подходящих эпитетов, — является Гитлер. Он является человеком, на которого почти каждый из подсудимых поднимает указующий перст. Я не оспариваю этого единодушного мнения так же, как не отрицаю того, что на всех этих мертвых и исчезнувших лиц в равной степени падает вина. В преступлениях, которые требуют такого наказания, что степень виновности утрачивает даже свое значение, они, может быть, играли самую ужасную роль. Но их вина не может оправдать подсудимых. Гитлер не унес всю вину с собой в могилу. Вся вина не окутана саваном Гиммлера. Именно этих мертвых находящиеся здесь лица избрали в качестве своих партнеров в этом обширном сообщничестве заговорщиков, и за преступления, которые они совершали вместе, они должны отвечать все до одного. Можно с полным основанием сказать, что последнее преступление Гитлера было преступлением против земли, которой он правил.

Он был безумным мессией, который беспричинно начал войну и беспричинно ее продолжал. Поскольку он не мог властвовать, для него была безразлична судьба Германии. Как нам заявил Фриче у свидетельского пульта, Гитлер пытался использовать поражение Германии для самоуничтожения германского народа. Он продолжал войну, зная, что он не может победить, и продолжение войны означало лишь катастрофу. Шпеер в этом зале изложил это следующим образом: «Жертвы, которые понесли обе стороны после января 1945 года, были бессмысленны.

Мертвые, погибшие в этот период, будут обвинять человека, несущего ответственность за продолжение этой войны, — Адольфа Гитлера — так же, как и руины городов, разрушенных в период этой последней фазы, городов, которые утратили огромные культурные ценности и огромное количество жилых домов. Германский народ до самого конца оставался верным Адольфу Гитлеру. Он сознательно предал этот народ, Он пытался столкнуть его в бездну...»

Гитлер приказал каждому сражаться до конца и затем отступил, покончив жизнь самоубийством. Он ушел из мира таким, каким он жил, — обманщиком. Он оставил сообщение о том, что он погиб в бою, в качестве официальной версии. Это был человек, которого эти подсудимые возвеличили до положения фюрера. Именно они вступили в заговор для того, чтобы передать ему абсолютную власть над всей Германией. И в конце концов он и система, которую они создали для него, привели их всех к катастрофе.

Шпеер заявил следующее при перекрестном допросе (я цитирую):
«...Однако огромная опасность, содержащаяся в этой тоталитарной

системе, стала совершенно явной лишь в тот момент, когда мы приближались к концу. Только тогда стал ясен смысл принципа, что любой приказ должен выполняться беспрекословно. Все, что содержалось в приказах, которые выполнялись без обсуждения, в конце концов оказывалось ошибочным.

Эта система... Разрешите мне это изложить следующим образом: к концу существования этой системы стало совершенно ясным, какая громадная опасность таилась в системе такого рода, даже если оставить в стороне гитлеровский принцип фюрерства. Сочетание Гитлера и этой системы, таким образом, принесло ужасающую катастрофу в этот мир».

Я позволю себе на минуту превратиться в адвоката дьявола. Я допущаю, что Гитлер был главным злодеем. Но возлагать всю вину на него одного будет немужественно¹ и несправедливо со стороны подсудимых. Нам известно, что даже глава государства также ограничен своими умственными способностями и количеством часов в сутки, как и все остальные. Он должен доверять другим быть его глазами и ушами, чтобы следить за всем, что происходит в великой империи. Он должен иметь ноги, которые выполняли бы его поручения; руки, которые выполняли бы его планы.

На кого полагался Гитлер в выполнении всего этого, как не на тех, кто находится здесь на скамье подсудимых? Кто внушил ему, что он имеет непобедимую военно-воздушную армаду, как не Геринг? Кто скрывал от Гитлера все неблагоприятные сообщения? Разве не Геринг запретил фельдмаршалу Мильху предупредить Гитлера о том, что, по его мнению, Германии не по силам война с Россией? Разве не Геринг согласно заявлению Шпеера сместил генерала Галланта с поста командующего военно-воздушными силами за то, что тот говорил о недостаточной активности военно-воздушных сил? Кто, как не Риббентроп, Нейрат и фон Папен, пытались убедить Гитлера, который сам совершенно никуда не выезжал, в колебаниях и робости демократических народов? Кто, как не Кейтель, Йодль, Редер и Дениц, питали его иллюзиями о непобедимости Германии? Кто, как не Штрейхер и Розенберг, сильнее разжигали в нем ненависть к евреям? Кого бы назвал Гитлер в качестве человека, который ввел его в заблуждение относительно условий в концентрационных лагерях, как не Кальтенбруннера, который также пытался обмануть и нас?

Эти люди имели доступ к Гитлеру и часто могли контролировать поступающую к нему информацию, на основе которой он должен был строить свою политику и издавать приказы. Они являлись преторианской гвардией, и хотя они подчинялись приказам цезаря, цезарь всегда был в их руках.

Если бы эти мертвые могли встать и у свидетельского пульта ответить на то, что было сказано против них, быть может, тогда перед нами была бы менее искаженная картина того, какую роль играли эти подсудимые. Представьте, какое бы волнение произошло на скамье подсудимых, если бы они увидели Адольфа Гитлера, направляющегося к свидетельскому пульта, или Гимmlера с кипой досье, или Геббельса, или Бормана с сообщениями его партийных шпионов, или убитого Канариса?

Защита, оправдывающая кровавые деяния, утверждает, что мир может требовать возмездия лишь от мертвых, — аргумент, достойный преступлений, которые она стремится оправдать.

Мы представили Трибуналу неопровержимое обвинение, опирающееся на обвинительные документы, которых даже без объяснений вполне достаточно для того, чтобы предъявить требование о признании каждого из подсудимых виновным по первому разделу Обвинительного заключения. При вынесении окончательного решения встает единственный вопрос: могут ли показания самих подсудимых уравновесить на чашах весов документы и другие доказательства их виновности. Какова в таком случае ценность их показаний?

Дело в том, что обыкновение нацистов говорить как можно меньше правды лишь вырывает почву из-под ног их собственной защиты.

Ложь всегда была самым испытанным оружием в нацистском арсенале. Гитлер в «Майн кампф» проповедовал ложь как политику. Фон Риббентроп признавал использование «дипломатической лжи». Кейтель предлагал держать в строгом секрете тот факт, что Германия перевооружалась, с тем, чтобы наличие его можно было отрицать в Женеве. Редер лгал относительно создания нового военно-морского флота в Германии в нарушение условий Версальского договора.

Геринг просил Риббентропа сообщить «законную ложь» британскому министерству иностранных дел относительно аншлюсса и таким образом направлял его по тому же пути, по которому шел сам. Геринг дал свое честное слово Чехословакии и затем нарушил его. Даже Шпеер предлагал вводить в заблуждение французов для того, чтобы выявить лиц со специальной подготовкой из числа французских военнопленных. Но ложь не являлась единственным способом обмана.

Все они говорят лживым языком нацистов с тем, чтобы ввести в заблуждение доверчивых. В нацистском лексиконе «окончательное разрешение» еврейской проблемы означает — уничтожение; «особое обращение» с военнопленными означает — убийство; «превентивное заключение» означает — заключение в концентрационные лагеря; «обязательная трудовая повинность» означает — рабский труд, а приказ «занять решительную позицию» или «проводить решительные меры» означает — действовать с необузданной жестокостью.

Прежде чем согласиться с тем объяснением слов, которое дают они, мы всегда должны искать скрытый смысл этих слов. Геринг заверил нас под присягой, что имперский совет обороны никогда не собирался «как таковой». Когда мы представили стенографический отчет совещания, на котором он председательствовал и в основном говорил, он напомнил нам о значении слов «как таковой» и объяснил, что это не было совещание совета «как такового» (я подчеркиваю значение слов «как такового»), поскольку на совещании присутствовали другие лица. Геринг отрицает, что он «угрожал» Чехословакии; он лишь сказал президенту Гаха, что ему «было бы чрезвычайно неприятно подвергать бомбардировке прекрасный город Прагу».

Помимо явного лицемерия и лживых заявлений имеются также другие извращения в фантастических объяснениях и абсурдных утверждениях. Штрейхер торжественно заявил, что единственным его стремлением в отношении евреев было переселить их на остров Мадагаскар.

Причиной для разрушения синагог, мягко заявил он, являлась их уродливая архитектура. Розенберг, по заявлению его защитника, всегда стремился к «рыцарскому разрешению» еврейского вопроса. Когда после аншлюсса появилась необходимость в устранении Шушница, Риббен-

троп пытался убедить нас в том, что австрийский канцлер отдыхал на «вилле».

В ходе перекрестного допроса удалось установить, что этой «виллой» был концентрационный лагерь Бухенвальд. В протоколе имеется масса других примеров лицемерия и изворотливости. Даже Шахт показал, что он также принял нацистскую точку зрения о том, что всякая удачная выдумка — правда. Когда ему во время перекрестного допроса был предъявлен длинный список нарушенных клятв и лживых заявлений, он в свое оправдание заявил следующее:

«Я считаю, что можно добиться значительно больших успехов в руководстве людьми, не говоря им правды, чем говоря им правду».

Такова была философия национал-социалистов. Если в течение ряда лет они обманывали мир и маскировали свою ложь искусством внушать доверие, может ли кто-нибудь удивляться тому, что сейчас, находясь на скамье подсудимых, они продолжают вести себя так, как они привыкли вести себя в течение всей своей жизни? Вопрос о достоверности является одним из основных вопросов данного процесса. Только те, кого ничему не научили горькие уроки последнего десятилетия, могут сомневаться в том, что те люди, которые всегда играли на слепой доверчивости своих великодушных противников, остановятся перед тем, чтобы сделать то же самое и сейчас.

Именно в свете этих событий подсудимые сейчас просят Трибунал признать, что они не виновны в планировании, осуществлении и составлении ими заговора для совершения длинного списка преступлений и злодеяний.

Они стоят перед этим судом подобно тому, как стоял запятнанный кровью Глостер над телом убитого им короля. Он умолял вдову так же, как они умоляют вас: «Скажи, что не я убил». И королева ответила:

«Тогда скажи ты, что они не были убиты. Но ведь они убиты, тобой убиты, гнусный раб!».

Признать этих людей невиновными значит с тем же основанием сказать, что не было войны, не было убийств, не совершалось преступлений.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ХАРТЛИ ШОУКРОССА¹

{Произнесена 26—27 июля 1946 г.}

Господа судьи! Как и мой коллега господин Джексон, с которым я не смею надеяться сравниться в сжатости, убедительности и' красноречии, от имени британского обвинения я хотел бы представить Трибуналу некоторые замечания (боюсь, что они окажутся несколько длинными) по поводу тех молчаливых и необычайных в своей убедительности доказательств, которые, по нашему мнению, доказывают виновность этих подсудимых.

Хотя в настоящем процессе представители обвинения работали в самом тесном содружестве и согласии и хотя по некоторым вопросам я буду выступать от имени всех обвинителей, мы считали, что на этой конечной стадии процесса, быть может, даже за счет неизбежного повторения тех же вопросов, каждому из нас следует подготовить свою заключительную речь самостоятельно, чтобы Трибунал и страны, которые мы представляем, знали, на каком основании мы требуем осуждения этих людей. И если окажется, что некоторые из нас будут указывать на одни и те же доказательства и мы придем к одним и тем же выводам, как это, несомненно, случится, самое это совпадение, быть может, явится лишним подтверждением того, что, как мы утверждаем, каждый из этих подсудимых виновен в нарушении норм права.

Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь.

Хорошо запомним слова подсудимого Франка, которые вы снова слышали сегодня утром: «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не будет смыта».

Тотальные и тоталитарные войны вопреки торжественным решениям и в нарушение договора; большие города — от Ковентри до Сталинграда, — стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, гуляющие по всему миру, миллионы бездомных, искалеченных, обездоленных. И в могилах своих вопиют не о мщении, а о том, чтобы это больше никогда не повторилось, десять миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и спокойствии, десять миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных людей, павших в боях, которых не должно было быть.

¹ Печатается с небольшими сокращениями. — Составители.

Но это не единственное и не самое большое преступление. Когда в любой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство, — оно становится сенсацией, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигает кара и не восторжествует правосудие. Должны ли мы сделать меньше, когда совершено убийство не одного, а, по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств. Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых камерах и печах Освецима, Дахау, Трелинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга.

Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе, мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли.

Весьма возможно, что вина Германии не будет смыта, потому что немецкий народ в большой степени разделяет ее, но именно эти люди вместе с горсткой других навлекли эту вину на Германию и растлили германский народ.

«Моя вина в том, — признался подсудимый Ширах, — что я воспитывал германскую молодежь для человека, который совершал миллионы убийств»

За такие преступления можно было бы с полным основанием покарать этих людей без суда и следствия, и, если бы эта мера, в применении которой они участвовали по отношению к миллионам невинных людей, была применена к ним самим, они вряд ли могли бы жаловаться. Но этот Трибунал должен определить их вину не только с точки зрения моральной или этической, но и на основании закона.

Та же самая естественная справедливость, которая требует не оставить эти преступления безнаказанными, требует также и того, чтобы никто не был наказан до тех пор, пока путем терпеливого и тщательного расследования фактов не будет доказано, что он разделяет вину за то, что было совершено.

И вот в течение этих долгих месяцев Трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон для того, чтобы, с одной стороны, совершить правосудие в отношении этих людей и восстановить справедливость ради их бесчисленных жертв и, с другой — оповестить мир о том, что в конце концов право силы будет уничтожено и справедливость будет руководить отношениями между государствами, потому что решения этого суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных.

Здесь поставлены на карту вопросы гораздо более важные, чем их судьба, хотя от их судьбы в известной мере зависит решение этих вопросов.

Для истории не будет иметь никакого значения, длился ли этот процесс два месяца или десять. Но зато будет иметь очень большое значение то обстоятельство, что в результате справедливого и терпеливого

разбирательства была установлена истина о деяниях, столь ужасных, что след их никогда не изгладится, что в конце концов восторжествуют справедливость и закон.

На протяжении года доказательства, во много раз превосходящие по объему те, которые когда-либо прежде в истории были представлены какому-нибудь трибуналу, собирались, рассматривались и были затем представлены вам.

Почти все доказательства представляют собой захваченные протоколы и документы того правительства, к которому принадлежали эти люди, и почти все они непосредственно указывают на то, что каждый из этих подсудимых знал и участвовал в той или иной группе преступлений, совершенных нацистским государством.

Эти доказательства не опровергнуты, и они навсегда сохраняют свою силу, чтобы противостоять тем, кто, быть может, попытается впоследствии найти оправдание или смягчающие обстоятельства тому, что было совершено.

И все же теперь, когда вам уже представлена вся эта масса доказательств, я попрошу вас на некоторое время отвлечься от деталей для того, чтобы обратиться к ним в целом и рассмотреть эту сумму убедительных доказательств как некое единство.

Лишь случайно благодаря захвату этих документов мы получили возможность установить наличие преступлений на основании того, что говорили сами преступники, но дело против этих подсудимых может строиться на более широкой основе и должно рассматриваться в свете исторических событий.

Когда рассматриваешь характер и огромный масштаб совершенных преступлений, с несомненностью выступает ответственность тех, кто занимал высшие государственные посты и пользовался большим влиянием в нацистском государстве.

Долгие годы в мире, где самая война была объявлена преступлением, германское государство организовалось для ведения войны. Долгие годы евреи подвергались бойкоту, лишались элементарных прав на собственность, свободу и самую жизнь. Долгие годы честные граждане жили под страхом доносов и ареста одной из тех организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых эти люди правили Германией. Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и, как скот, транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии.

Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления. Если не они несут ответственность, тогда кто же несет ее? Если их креатуры, подобные Достлеру, Экку, Кремеру и сотням других, которые лишь выполняли их приказы, уже заплатили самой высокой ценой, разве они, эти люди, должны понести меньшую ответственность? Как можно говорить, что государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия? Начальник имперской канцелярии Ламмерс, их собственный свидетель, сказал в 1938 году:

«Несмотря на полную концентрацию власти в лице фюрера, не имеет

места излишняя и не вызванная необходимостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством.

Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство в те приказы, которые они издадут. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде, хотя теперь имперские министры и подчинены неограниченной власти фюрера и его приказам. Готовность нести ответственность, умение принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств прежде всего требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу для исполнения их задач с тем, чтобы они могли полностью добиться их осуществления».

Пусть даже они, уже заклеенные именем убийц, пытаются теперь как хотят преуменьшать власть и влияние, которыми они пользовались, достаточно только вспомнить то бахвальство, с которым они шагали по арене Европы, для того чтобы увидеть, какую роль они играли. Тогда они не говорили германскому народу и остальному миру, что они — лишь невежественные и бессильные марионетки в руках фюрера.

Подсудимый Шпеер говорил тогда: «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность... Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это». Что же — следует предполагать, что если бы война была выиграна, то эти люди отошли бы в сторону и заняли позицию сравнительно непричастных обывателей?

Такая возможность не была исключена для них до того, как началась война, если бы они пожелали отмежеваться от того, что происходило. Они избрали иной путь. С самого начала, с того времени, когда сопротивление могло бы уничтожить все это дело в зародыше, они пропагандировали легенду о Гитлере, они помогали консолидировать нацистскую власть, создавать идеологию и направлять ее деятельность до тех пор, пока, подобно громадному осьминогу, она не распустила свои щупальцы по всей Европе и не протянула их через весь мир. Разве эти люди не знали о целях, к которым стремился фюрер уже после прихода к власти? Пауль Шмидт, переводчик Гитлера, свидетель, располагающий большим знанием фактов, показал:

«Общие цели нацистского руководства были ясны с самого начала — господство над европейским континентом, которое должно было быть достигнуто прежде всего включением всех говоривших по-немецки групп населения в состав империи и, во-вторых, территориальная экспансия под лозунгом: «жизненное пространство».

Этот лозунг «жизненное пространство» — эта целиком фальшивая идея о том, что самое существование германского народа зависело от территориальной экспансии под нацистским флагом, — с самого начала являлся открыто признанной частью нацистской доктрины; таким образом, всякий мыслящий человек должен был знать, что она не может не привести к войне.

Это было оправданием, которое Гитлер предложил своим сообщникам по заговору на тех секретных совещаниях 5 ноября 1937 г., 23 мая и 23 ноября 1939 г., на которых была решена судьба столь многих стран.

Не являясь столь конкретной, эта идея, тем не менее, не была менее фальшивой, чем требование о пересмотре Версальского договора. Так называемая несправедливость Версальского договора, которой так хитроумно пользовались для того, чтобы собрать народ под нацистское знамя, сумела объединить вокруг нацистов многих немцев, которые в другом случае не поддерживали бы некоторых из остальных пунктов нацистской программы.

Об эффективности этой пропаганды можно судить хотя бы по многочисленным попыткам, которые сделала здесь защита, развивать аргументацию по поводу этой предполагаемой несправедливости договора. Независимо от того, был ли он справедлив или нет, это был договор, и ни одно правительство, которое хотело жить в мире, не должно было сетовать на его положения. Даже если бы эти жалобы были справедливы, довольно скоро для них не осталось никаких оснований. Положения Версальского договора могли быть и в некотором смысле действительно были пересмотрены путем мирных переговоров. В 1935 году, за четыре года до того, как мир был брошен в пучину войны, эти люди открыто отвергли договор, и в 1939 году они были не только свободны почти от всех его ограничений, на которые они сетовали, но, более того, они захватили территории, которые никогда в течение всей европейской истории не принадлежали Германии. Версальский договор послужил уловкой для привлечения людей к выполнению порочных, агрессивных целей. Но даже эта уловка была менее дьявольской, чем антисемитские вопли и требования чистоты расы, с помощью которых эти люди стремились, с одной стороны, собрать и консолидировать различные группы извращенного общественного мнения внутри страны, с другой стороны, посеять раздоры и разногласия среди народов других стран, Раушнинг приводит заявление Гитлера (я цитирую):

«Антисемитизм является удобным революционным средством. Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей политической кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападков на еврейство. Вне всякого сомнения, это — самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале».

В качестве примера результатов этой злонамеренной пропаганды я напому вам слова Бах-Зелевского, который, когда его спросили, как Олендорф мог признать, что находившиеся под его командой люди убили 90 000 человек, ответил:

«Я придерживаюсь мнения, что когда в течение долгих лет, в течение десятилетий проповедуется доктрина о том, что славяне являются низшей расой, а евреи вообще не являются людьми, такой исход неизбежен».

Таким образом, с самых первых дней были ясны цели нацистского движения: экспансия, господство над Европой, уничтожение евреев, необузданная агрессия, безжалостное пренебрежение правами всех других народов, кроме их собственного.

Таково было начало. Я не буду задерживать вашего внимания на том, чтобы рассматривать шаг за шагом приход нацистов к власти. Я не буду рассматривать, каким образом, как писал автор истории СА, они обнаружили, что «господство над улицами — ключ к власти в государст-

ве». Я не буду рассматривать, каким образом с помощью организованного террора, который здесь описывал свидетель Зеверинг, штурмовые отряды коричневорубашечников запугивали народ в то время, как нацистская пропаганда, возглавляемая «Дер Штюрмер», обливала грязью всех противников нацизма и возбуждала народ против евреев.

Я не буду рассматривать этот период, как бы ни были серьезны уроки, которые демократические народы должны извлечь из него, потому что может оказаться 'нелегким точно сказать, когда именно каждый из этих подсудимых должен был осознать, если фактически он не знал об этом и не участвовал в этом с самого начала, что истерические излияния Гитлера в «Майн кампф» являлись реальным выражением его намерений и первоосновой нацистского плана.

Некоторые из них, такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Шахт, Ширах и Фриче, без сомнения, поняли это очень рано. В отношении одного-двух других, как, например, Деница и Шпеера, это могло случиться сравнительно поздно. Немногие могли оставаться в неведении после 1933 года. Все должны были быть активными участниками в 1937 году. Когда вспоминаешь впечатление, создавшееся за границей в течение этого периода, не остается никакого сомнения в том, что эти люди, почти все бывшие руководители Германии и, начиная с 1933 года, близкие сотрудники Гитлера, имевшие доступ на его секретные совещания, бывшие полностью в курсе его планов и происходивших событий, не только примирились с тем, что происходило, но являлись активными и добровольными участниками происходившего...

...Тоталитарное правительство не терпит никакой оппозиции... Цель оправдывает любые средства, а непосредственной целью было, не считаясь ни с чем, достичь полного контроля над германским государством и ожесточить и подготовить его народ к войне. Что мешало этому в январе 1933 года? Во-первых, члены других политических партий; во-вторых, демократическая система выборов и общественных собраний; организация рабочих в профессиональные союзы; в-третьих, моральные устои германского народа и церковь, которые воспитали его.

Поэтому нацисты совершенно сознательно начали уничтожать эту оппозицию: первую группу — заключая в тюрьмы и подвергая террору своих противников; вторую — объявив незаконными все элементы терпимости и либерализма, поставив вне закона профессиональные союзы и оппозиционные партии; превратив демократические собрания в фарс и взяв под свой контроль проведение выборов; третью — систематическим третинованием и преследованием религии, заменой христианской этики поклонением фюреру, превращенному в кумир, культом крови и введением сурового контроля над образованием и молодежью. Молодежь систематически готовили к войне и учили ненавидеть и преследовать евреев. Для осуществления планов агрессии был нужен народ, тренированный в жестокости и обученный тому, что вторжение в страны других народов является одновременно и необходимым и героичным.

Насколько зловредна и эффективна была эта внутренняя политика, можно судить по тому, что после шести лет пребывания у власти нацисты сумели, не встретив затруднений, вовлечь этот развращенный народ в величайшее в истории преступное предприятие.

Быть может, имеет смысл выбрать из материалов дела несколько ;

примеров, иллюстрирующих, как развивалась эта политика в течение шести лет, и рассмотреть их здесь...

...Начнем, таким образом, с уничтожения политических противников. В течение шести недель после того как нацисты пришли к власти в январе 1933 года, германские газеты, основываясь на данных из официальных источников, сообщали, что в тюрьмы было заключено 18000 коммунистов, из них в числе 10 000 заключенных в тюрьмах Пруссии было много социалистов и представителей интеллигенции. Судьба многих из этих людей была описана Зевеингом, по подсчету которого по крайней мере 1500 социал-демократов и такое же количество коммунистов было убито в концентрационных лагерях, незадолго до этого созданных Герингом как начальником гестапо.

Эти лагеря, контролировавшиеся партийными организациями, были умышленно организованы таким образом, чтобы устроить всю страну. Говоря словами свидетеля Зевеинга, концентрационные лагеря были в глазах народа «олицетворением всего ужасного».

Геринг заявил: «Мы считали необходимым не допускать существования никакой оппозиции». Он также признал, что арестовывались и подвергались превентивному заключению люди, не совершившие никакого преступления. Геринг добавил, что «если каждый будет знать, что если он будет действовать против государства, он кончит концентрационным лагерем... это нам только выгодно».

Вначале лагеря управлялись как СА, так и СС и, по словам Геринга, были созданы «в качестве орудия, которое во все времена являлось внутренним политическим орудием власти».

Гизевиус, который в то время только что вступил в гестапо, как вы помните, дал следующее описание событий:

«Я пробыл вряд ли больше, чем два дня, в этом новом полицейском учреждении, когда я уже обнаружил невероятные порядки, существующие там.

Это была не та полиция, которая принимала меры против совершения преступлений, против убийств, против арестов, против краж со взломом. Это была полицейская организация, именно охранявшая совершителей подобных преступлений.

Арестовывались не те, кто был виновен в таких преступлениях, а те, кто обращался в полицию с просьбой о помощи. Это была не полиция, которая выступала на защиту, но полиция, чьей задачей, казалось, было по существу скрывать преступления и поощрять их. Эти команды СА и СС, изображавшие полицию, поощрялись так называемой государственной тайной полицией, и им оказывалась всевозможная помощь...

Были созданы особые концентрационные лагеря гестапо, и их названия навсегда останутся позорным пятном в истории. Ораниенбург и тайная тюрьма гестапо на Папенштрассе, Колумбияхаус, или, как ее цинично называли, «Колумбиядиле» («Погребок Колумбия»). Я спросил одного из моих коллег, который также был профессиональным чиновником: «Скажите мне, пожалуйста, где я — в полицейском учреждении или в воровском притоне?» Я получил следующий ответ: «Вы находитесь в притоне ночных воров-взломщиков, и можете ожидать, что увидите здесь еще многое».

Далее Гизевиус описывает приказ Геринга об убийстве национал-социалиста Штрассера и то, как он дал «карт бланш» политической поли-

ции, подписав бланки, гарантировавшие амнистию полицейскому, и оставив незаполненным место для имени человека, за убийство которого гарантировалась эта амнистия.

Если потребуется подтверждение показаний этих свидетелей защиты, то их можно найти в серии докладов прокурора Мюнхена министру юстиции в мае и июне 1933 года, находящихся в материалах суда, в которых зафиксирован бесконечный ряд убийств, совершенных чиновниками СС в концентрационном лагере Дахау.

В 1935 году имперский министр юстиции в письменном виде изложил Фрику свой протест против многочисленных случаев жестокого обращения в концентрационных лагерях, включая «избиение как меру дисциплинарного взыскания...». «Жестокое обращение главным образом с политическими заключенными, для того чтобы заставить их говорить»... и «жестокое обращение с заключенными исключительно для развлечения или по садистическим мотивам».

Далее он жалуется, что «избиение находящихся в заключении коммунистов рассматривается как обязательная полицейская мера, необходимая для более эффективного подавления коммунистической деятельности».

После приведения примеров пыток он заключает:

«Эти несколько примеров показывают степень жестокости, которая оскорбляет чувство каждого немца».

Чувства Фрика, очевидно, был» не столь нежными. Уже на следующий год он получил подобный же протест от одного из своих собственных подчиненных, и вскоре после этого он издал декрет о подчинении всех полицейских сил Гиммлеру, т. е. тому самому человеку, который, как он знал, являлся ответственным за эти зверства.

Эти жестокости, как мы полагаем, хорошо известные министрам, не исчерпывались тайной концентрационных лагерей.

Пожалуй, имеет смысл привести один случай из тысячи ему подобных, происшедших с людьми, пострадавшими от этой политики.

Трибунал помнит отчет Зольманна, социал-демократа и члена рейхстага, с 1919 по 1933 год. Он говорил об инциденте, имевшем место 9 марта 1933 г., 'когда, говоря его собственными словами:

«Члены СС и СА пришли в мой дом в Кельне, поломали мебель и уничтожили мои личные записи. В то время меня взяли в коричневый дом в Кельне, где в течение нескольких часов меня мучили, избивали и пинали ногами.

*

Затем меня перевели' в обычную государственную тюрьму в Кельне, где два врача оказали мне медицинскую помощь, а на следующий день меня освободили. 11 марта 1933 г. я покинул Германию».

Вторая задача — подавление всех демократических институтов — была сравнительно простой. Были проведены законы, необходимые для того, чтобы поставить профессиональные союзы вне закона; деятельность рейхстага немедленно превратилась в фарс, оппозиционные партии были распущены, а члены их брошены в концентрационные лагеря. Свидетель Зеверинг говорил об обращении с членами рейхстага. В 1932 году по приказу фон Папена он, занимавший тогда пост министра внутренних дел Пруссии, был насильственно удален с этого поста. Через короткое время после 30 января 1933 г. коммунистическая и социал-демократическая партии были декретом объявлены незаконными и были запрещены

все общественные выступления, кроме нацистских. Эта мера была преднамеренно запланирована.

Фрик оказал уже в 1927 году, что «национал-социалисты всегда стремились к тому дню, когда они смогут положить бесславный, но полностью заслуженный 'конец этой дьявольской бутафория — парламенту — и открыть дорогу для расовой диктатуры».

Сейчас, когда демократическая форма правительства добивается своего восстановления во всем мире, не следует забывать об отношении нацистов к выборам.

Свободные выборы, конечно, не могли быть допущены. Геринг, пытаясь добыть в промышленности денег для партии, сказал Шахту в феврале 1933 года (я цитирую):

«Промышленности будет, несомненно, легче принести те жертвы, о которых ее просят, если вы учтете, что выборы 5 марта будут последними на следующие 10, а возможно и на следующие 100 лет».

Учитывая эти обстоятельства, неудивительно, что после этого, как явствует из таких доказательств, как отчет СД о проведении плебисцита в Капшеле, происходившие время от времени народные выборы, которые всегда объявлялись как триумф нацистов, проводились нечестными методами.'

Я обращаюсь к третьей группе оппозиции — к церкви. В меморандуме Бормана, направленном в декабре 1941 года всем гаулейтерам и разосланном СС, резюмируется сущность отношения нацистов к христианству:

«Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы... Если, поэтому, в будущем наша молодежь ничего не будет знать о христианстве, чьи доктрины во многом уступают нашим, христианство исчезнет само собой.

Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть все более и более отделен от церкви и ее рупора — пасторов».

Печальна летопись о преследовании церковей.

Из обильного материала, который был представлен Трибуналу, я позволю себе процитировать отрывок из жалобы, адресованной Фрику в начале 1936 года.

Я цитирую:

«За последнее время половина докладов полиции касается вопросов, связанных с церковью. У нас имеются бесчисленные петиции от кардиналов, епископов и других сановников церкви. Большая часть этих жалоб касается вопросов, входящих в область юрисдикции имперского министерства внутренних дел, хотя последнее не издало соответствующих правил по этому вопросу.»

И затем после ссылки на хаос, создавшийся в результате разделения власти между различными полицейскими организациями, в отчете говорится о результатах борьбы с религией, о том, что в последнее время случаи грубых вмешательств в церковные службы очень быстро увеличиваются в числе, часто вызывают необходимость вмешательства дежурного полицейского наряда.

«После того, как мы отказались от резиновой дубинки, положение, в которое мы ставим наших оперативных работников, которые во время

крупных беспорядков на собраниях могут быть вынуждены прибегать к холодному оружию, является нетерпимым».

Дневник министра юстиции за 1935 год изобилует многочисленными примерами такого рода поведения, которое поощрялось гитлеровской молодежью, руководимой подсудимым Ширахом и подсудимым Розенбергом.

Гитлеровская молодежь, число членов которой увеличилось примерно с 108 000 в 1932 -году почти до 8 000 000 в 1939 году, была организована на военной основе. Тесное сотрудничество между Кейтелем и Ширахом в военном воспитании этой молодежи было уже описано.

Суду уже были представлены материалы об имевшейся особой договоренности между Ширахом и Гиммлером, в соответствии с которой гитлеровская молодежь стала организацией, поставляющей членов для организаций СС. Вы не забыли слова заместителя Шираха:

«С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как с пером».

Какая ужасная доктрина!

Запугивания, убийства и преследование политических противников, роспуск всех организаций, дающих возможность возникновению оппозиции, критическим высказываниям или даже свободному выражению своих мыслей, систематическое извращенное воспитание молодежи и подготовка ее к войне — все это, однако, создает не полную картину, если исключить преследование евреев.

«Пусть никто не будет введен в заблуждение метафизическими объяснениями этих ужаснейших преступлений. То, что Гитлер сам в этом самом городе назвал фанатической борьбой против евреев, является неотъемлемой частью политики создания «херренфолька» — «расы господ», которая должна стоять во главе Европы и всего мира. Таким образом, истребление евреев широко популяризировалось в течение всего периода существования нацистского режима. Оно являлось своего рода учебной мишенью для молодежи и давало ей возможность пройти практическую школу зверств».

С приходом гитлеровцев к власти преследование евреев стало еще более неистовым. Тогда было задумано окончательное разрешение этого вопроса путем массовых убийств.

В книге «Майн кампф» — библии нацизма — Гитлер высказал сожаление о том, что в течение последней войны для уничтожения евреев, не применялся отравляющий газ.

Уже в 1925 году Штрейхер заявил: «Давайте положим сегодня начало уничтожению евреев». Возможно, что он даже раньше Гитлера, Гиммлера и других мысленно видел уничтожение евреев, но нацисты сначала не были готовы полностью пренебречь мировым общественным мнением и ограничились преследованием евреев и созданием для них в Германии невыносимых условий существования. Под несмолкавший аккомпанемент «Штюрмера» и официальной нацистской прессы проводились и поощрялись кампании преследования евреев.

Розенберг, фон Ширах, Геринг, Гесс, Функ, Борман и Фрик подали руку Штрейхеру и Геббельсу.

Приход нацистов к власти ознаменовался бойкотом в апреле 1933 года, который был только пробой по сравнению с тем, что за этим последовало. Он сопровождался демонстрациями и битьем оконных стекол — акцией «зеркало», как ее называли здесь в суде.

Описание типичных инцидентов дается в письменных показаниях свидетеля Гейста, который говорит о событиях в Берлине 6 марта 1933 года. Я цитирую: «Массовые нападения на коммунистов, евреев и на людей, подозреваемых в том, что они являлись теми или другими; толпы членов СА, которые слонялись по улицам, избивали, грабили и даже убивали».

В 1935 году последовали позорные нюрнбергские законы. В 1938 году в результате так называемых стихийных демонстраций, которые были организованы по всей Германии, сжигались синагоги и было брошено в концентрационные лагеря 20 000 евреев. Это сопровождалось штрафами, ариизацией имущества и приказом о ношении желтой звезды.

Цинизм этих людей и безжалостный характер их политики по отношению к евреям проявился на совещании у Геринга 12 ноября, когда присутствовавшие соперничали друг с другом в предложениях методов уничтожения и преследования их беспомощных жертв. Ни Гитлер, ни Гиммлер, которых сегодня они стараются обвинять, не присутствовали на этом совещании. Кто, прочтя протокол этого совещания, может еще сомневаться в том, какой конец был уготован евреям в Европе?

На этом совещании Гейдрих сообщил о событиях 11 ноября, когда по всей империи была сожжена 101 синагога, 76 были разрушены, разбито 7 800 магазинов. Приблизительная стоимость стекол, которые нужно было вставить вместо разбитых, составляла 6 000 000 рейхсмарок, и ущерб, причиненный только одному магазину в Берлине, составлял 1 700 000 рейхсмарок. Гейдрих также сообщил о 800 случаях ограбления, об убийстве 35 евреев и оценил общий ущерб, причиненный собственности, мебели и товарам, в несколько сот миллионов рейхсмарок. Вы помните приказ Гейдриха о погроме, включая аресты евреев и помещение их в концентрационные лагеря.

Указав, что следует ожидать демонстрации в связи с убийством чиновника германской миссии в Париже, которое имело место в ту ночь, он дал инструкции полиции по поводу предполагаемого сожжения синагог, разрушения контор и жилых домов евреев, а также о том, что полиция не должна чинить препятствий демонстрантам: «Полиция должна лишь обеспечить соблюдение инструкции». И, наконец (я цитирую):

«...во всех областях должно быть арестовано столько евреев, в особенности богатых, сколько может быть размещено в имеющихся в наличии тюрьмах. В настоящее время должны быть арестованы только здоровые и не слишком старые мужчины. По аресте их следует связать немедленно с соответствующими концентрационными лагерями для того, чтобы как можно скорее направить их в эти лагеря».

Теперь нам известны из материалов Суда факты, касающиеся захвата Нейратом и Розенбергом домов, принадлежавших евреям. Для этого был отдан приказ ориентироваться на самых богатых.

Эти события не происходили тайно и не скрывались. Министры писали о них друг Другу и обсуждали их. Задолго до 1939 года они были общеизвестны не только в Германии, но и во всем мире. Каждый из этих подсудимых должен был много раз слышать рассказы, подобные истории Зольманна.

Почти каждый из них пытался получить хорошую репутацию тем, что он помог одному или двум евреям. Вы вспомните показания о существовании специального отдела в министерстве Геринга, созданного для

того, чтобы рассматривать протесты, и показания его свидетеля Кернера, который с гордостью заявил, что Геринг всегда вмешивался в эти дела, защищая отдельных лиц. Быть может, им давало некоторое удовлетворение или облегчало их совесть время от времени демонстрировать свое влияние, освобождая какого-нибудь несчастного, который искал их защиты от ужасов того режима, который они постоянно поддерживали. Но эти лица участвовали в правительстве, которое руководило, не принимая во внимание ни соображений человеческой порядочности, ни установленного закона. Нет ни одного среди них, который, будучи членом правительства, в течение этого периода не облил бы руки кровью своих соотечественников.

Геринг и Фрик создали концентрационные лагеря. Показания свидетеля Зеверинга и оглашенные документы свидетельствуют об убийствах, которые там совершались в то время, когда эти два человека несли за это непосредственную ответственность.

Даже Геринг не смог оправдать все убийства, совершенные 30 июня 1934 года. Он вместе с Гессом и Фриком несет ответственность за нюрнбергские законы. Протокол совещания от 12 ноября 1938 года и инициалы Геринга на приказе Гейдриха от 9 ноября не требуют комментариев.

Как послу в Англии Риббентропу должны были быть хорошо известны факты, хотя бы из английских газет, в то время как его заместитель Верман признал, что имели место зверства, о которых было доложено на совещании от 12 ноября 1938 года.

Прежний владелец его имени г-н фон Ремиц был сослан в концентрационный лагерь, и Риббентроп в беседе с г-ном Донно 8 декабря 1938 года выразил свое мнение относительно евреев следующим образом (я цитирую):

«Поэтому германское правительство решило приравнять их (евреев) к уголовным элементам населения. Собственность, которую они приобрели незаконно, будет отобрана у них. Мы вынудим их жить в районах, обычно заселяемых преступными элементами».

Гесс, который в 1933 году создал управление расовой политики, также несет ответственность за нюрнбергские законы. На совещании 12 ноября был дан полный отчет о проведении подобных же мер против евреев в Австрии, и вполне очевидно, что подсудимый Кальтенбруннер как верный член партии оказал полную поддержку в проведении необходимых мер.

Доказательства относительно того, что Зейсс-Инкварт сыграл в этом деле свою роль, уже представлены Трибуналу.

Розенберг писал «Миф XX века» и принимал активное участие в борьбе с церковью и в проведении антисемитской политики правительства, и даже Редер в «день героев» в 1939 году говорил (я цитирую) «о ясном и вдохновляющем призыве бороться с большевизмом и международным еврейством, чью деятельность, разрушающую расы, мы достаточно испытали на нашем собственном народе».

Фрик как министр внутренних дел несет ответственность за непревзойденные ужасы в концентрационных лагерях и за гестапо, в то время как Франк, будучи министром юстиции в Баварии, повидимому, получал отчеты об убийствах в Дахау. Он был главным юристом партии, членом центрального комитета, который проводил бойкот евреев; в марте 1933 года и в марте 1934 года он выступил по радио с заявлением, оправдывающим

расовое законодательство и уничтожение враждебных политических организаций. Он также присутствовал на совещании у Геринга.

Трибуналу не придется напоминать о роли, которую играл Штрейхер. В марте 1938 года газета «Дер Штюрмер» начала последовательно пропагандировать идеи истребления евреев; первая из той серии статей, которые должны были печататься в течение последующих 7 лет, статья, подписанная Штрейхером, заканчивалась следующими словами (я цитирую): «Перед нами чудесные времена—Великая Германия без евреев!»

Функ как вице-президент имперской палаты культуры начиная с 1933 года принимал участие в истреблении евреев; он присутствовал на совещании у Геринга в 1938 году, на котором, как следует помнить, Геринг заявил, что лучше всего было бы убить 200 евреев, после чего Гейдрхс упомянул о том, что в действительности было убито всего 35 евреев.

Шахт лично признает, что уже во второй половине 1934 года и первой половине 1935 года он убедился в том, что он был неправ, предполагая, что Гитлер придаст более умеренный характер «революционным» силам нацизма. Он признал также, что пришел к выводу, что Гитлер ничего не предпринимал для того, чтобы прекратить эксцессы отдельных членов партии или партийных групп, проводя «политику террора». Тем не менее он остался на своей должности и принял золотой значок партии в январе 1937 года, когда фон Зльц отказался от него.

Ширах подтвердил свою роль в том, что молодое поколение Германии росло ярыми антисемитами. Он не может уклониться от ответственности за то, что обучал молодежь запугивать евреев, преследовать церковь, готовиться к войне. Это растление детей, быть может, является самым гнусным из преступлений нацистов.

Заукель, который вступил в партию в 1921 году, занял пост гаулейтера Тюрингии. Он не мог не знать о преследовании церкви, профсоюзов, других политических партий и евреев в этой весьма важной области империи, и есть все основания предполагать, что он оказывал полную поддержку этой политике и тем самым завоевал себе положение в нацистском кругу.

Папен и Нейрат были в состоянии, конечно, лучше, чем кто-либо другой из подсудимых, оценить эту политику, поскольку именно их политические коллеги подвергались преследованию; так, например, несколько человек из собственного штата Папена были убиты, а сам он арестован и едва остался в живых.

Отношение Нейрата к евреям явствует из его речи, произнесенной в сентябре 1933 года (я цитирую): «Пустые разговоры на тему о чисто внутренних делах страны, как, например, о еврейском вопросе, очень скоро прекратятся, когда каждый поймет, что необходимое наведение порядка в общественной жизни должно временно повлечь в отдельных случаях личные лишения и нужду, но что тем не менее это поможет установлению непоколебимой власти правосудия в закона в Германии»...

...Никто из них не мог не знать того, что было известно всему миру, но в то же время никто из них не заявлял, что он резко протестовал против этого режима зверств и террора. Все эти люди продолжали оставаться на своих постах в правительстве и занимать ответственные должности.

Каждый из них на своем посту служил злему делу, конечная цель которого была так хорошо им известна, насаждал доктрины зла, которые являлись важным условием для достижения этой цели...

...Моралисты могут спорить относительно того, что является самым большим преступлением с точки зрения морали, но это, вероятно, следовало бы сказать с самого начала. Некоторые заявляют, что не существует такого преступления, как преступление против мира, и те плоские философы, которые на данном суде или, сидя в мягких креслах, где-нибудь в другом месте подвергают сомнению правомочность данного судебного разбирательства, много говорили именно в этом разрезе. О том, насколько основательна эта аргументация, я скажу сейчас несколько слов. Однако необходимо ясно себе представить, что эти подсудимые обвиняются также в обыкновенных убийствах.

Это обвинение само по себе заслуживает высшей меры наказания, и включение этого обвинения в совершении преступлений против мира в Обвинительное заключение не может увеличить наказание, которое и без того может быть вынесено этим людям.

Что же, тогда включение этого вопроса в Обвинительное заключение является лишь моментом чьей-то личной воли?

Мы считаем, что это не так и главным образом потому, что здесь на карту поставлено нечто гораздо большее, чем судьба этих людей. Не-1 преступление ли, заключающееся в развязывании войны, является одновременно целью и источником других преступлений — преступлений против человечности, военных преступлений и обыкновенных убийств?

Это происходит тогда, когда люди обращаются к тотальной войне как к орудию политики, преследующей агрессивные цели'. Кроме того, если мы рассмотрим это преступление, преступление против мира, отдельно, то увидим, что оно явилось причиной смерти в бою 10 миллионов человек и привело на край гибели всю духовную и материальную культуру нашей цивилизации. Хотя и ничем нельзя усилить ту меру наказания, которая может быть определена для этих лиц, все же основная задача этого процесса заключается в том, чтобы навсегда установить, что международное право имеет силу, которая вытекает из самой его сущности, объявить войну преступлением и покарать тех, кто подстрекает к ней свои государства. Я еще вернусь к вопросу о праве, но прежде разрешите мне сослаться на факты...

...Обзор, представленный защитниками, обходит молчанием два факта, имеющих первостепенное значение в этом деле, а именно, что уже со времени появления «Майн кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству и что демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти' основные цели. Если вообще могла идти речь о мире, то он был возможен лишь за счет Германии. И зная, что' эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить мир 'силой.

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры для перевооружения. На совещании' 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события этого периода: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя

перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги наций и уход с конференции по разоружению...

После этого приказ о перевооружении... В 1935 году введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны».)

Заговорщики намеревались прежде всего избавиться от политических уз, которые мешали проведению перевооружения. В октябре 1933 года Германия вышла из Лиги наций, а в мае 1935 года отказалась от тех пунктов Версальского договора, которые касались вооружения, и сообщила миру о создании военно-воздушных сил, большой регулярной армии и установлении обязательной воинской повинности. Был создан имперский совет обороны, и уже 26 апреля 1935 г. состоялось второе заседание его рабочего комитета с участием представителей из каждого отдела.

Трудно поверить, не правда ли, что, читая протоколы этих совещаний, как они это должны были делать, Нейрат, Фрик, Шахт, Геринг, Редер, Кейтель и Иодль (причем последние двое обычно присутствовали на совещаниях) могли предполагать, что режим не намеревается вести войну. В экономической сфере? Шахт, будучи уже президентом имперского банка и министром экономики, был назначен в мае 1935 года генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. Это назначение должно было держаться в полном секрете. Свои заслуги в этом отношении он прекрасно сформулировал сам: «Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал имперский банк с момента захвата власти национал-социалистами. Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение, в свою очередь, позволило добиться достигнутых нами результатов».

Речь Шахта от 29 ноября 1938 г. не кажется пустым бахвальством, когда рассматриваешь ее в связи с отчетом его заместителя — документом, представленным в качестве доказательства. Этот отчет свидетельствует о том, что под руководством Шахта 180000 промышленных предприятий было осмотрено с целью установления их пригодности для военных целей. Были разработаны экономические планы о производстве основных 200 видов материалов. Система военных заказов была пересмотрена, был разрешен вопрос о распределении угля, горючего для моторов и энергии, 248 000 000 рейхсмарок было затрачено на одно лишь строительство складских помещений, были разработаны планы эвакуации квалифицированных рабочих и военных материалов из зон военных действий, 80 000 000 продовольственных карточек военного времени были напечатаны и разосланы на места; кроме того, была подготовлена особая картотека на 20 000 000 квалифицированных рабочих с указанием их профессии.

Самая детальная и тщательная подготовка, о которой говорится в этом отчете, проводилась не без ведома всех членов правительства; нельзя найти более наглядного доказательства наличия общей цели, а также доказательства и того, что об этой цели, связывавшей все ведомства в государстве, было известно, чем протокол второго заседания импер-

ского совета обороны, состоявшегося 25 июня 1939 г. под председательством подсудимого Геринга — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана.

Подсудимые Фрик, Функ, Кейтель и Редер присутствовали на этом заседании, а Гесс и Риббентроп послали на него своих представителей.

Методическая детальность планов, которые разрабатывались, и проведение подготовки рабочей силы с расчетом на использование рабочих из концентрационных лагерей и несчастных рабов из протектората являются красноречивым свидетельством масштабов той борьбы, которую, как этим лицам уже было известно, Германия собралась начать.

Вопросами проведения перевооружения занимались главным образом подсудимые Геринг, Шахт, Редер, Кейтель и Иодль, но другие также принимали в этом участие, каждый в своей области. Розенберг, Ширах и Штрейхер — в области образования, Дениц — в подготовке подводного флота, Нейрат и Риббентроп — в области внешней политики, Функ и Фриче занимались вопросом реорганизации пропаганды и системы получения последних известий до тех пор, пока первый из них не заменил Шахта и не стал сначала министром экономики, а в сентябре 1938 года генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Как уполномоченный Функ нес ответственность за обеспечение экономических условий для производства промышленности вооружения в соответствии с требованиями верховного командования. Фрик как чрезвычайный имперский уполномоченный по администрации империи вместе с Функом и Кейтелем вошел в состав «коллегии трех», занимавшейся планированием подготовки и декретов на случай войны. Нет необходимости для оценки деятельности, связанной с перевооружением, приводить какие-либо другие цитаты, кроме слов самого Гитлера из меморандума, который, как заявил Иодль, был написан самим Гитлером в течение двух ночей и который был им послан подсудимым Редеру, Герингу и Кейтелю. В этом меморандуме от 9 октября 1939 г. Гитлер полностью опровергает показания этих подсудимых, заявлявших, что Германия никогда не была в достаточной степени подготовлена к войне (я цитирую):

«Обучение нашего народа использовать свою мощь в военных целях проводилось таким образом, что, по крайней мере, в течение короткого времени никак невозможно добиться значительных улучшений».

И далее:

«Военное снаряжение германского народа, по крайней мере, в отношении огромного количества германских дивизий, в настоящее время больше по количеству и лучше по качеству, чем в 1914 году, а само оружие, с точки зрения его устройства в настоящее время, — гораздо более современное, чем оружие любой другой страны мира.

Германское оружие только что доказало свои высокие боевые качества в победоносной кампании! Что касается мощи вооружения других стран, то она еще не была продемонстрирована. В настоящее время по некоторым видам вооружения Германии принадлежит совершенно неоспоримое превосходство».

И далее, говоря о боеприпасах, которыми располагает Германия после окончания польской кампании, он пишет:

«Нет доказательств, которые бы могли подтвердить, что в мире имеется страна, обладающая в целом лучшими боеприпасами, чем германская империя. Военно-воздушный флот в настоящее время в числен-

ном *01* ношении является 'самым сильным в мире. Противовоздушная артиллерия не имеет себе равной в мире».

Это было практическим результатом шестилетнего интенсивного вооружения, которое проводилось за счет и с ведома всего германского народа.

Тем временем молодежь Германии воспитывалась и муштровалась для войны в полувоенных формированиях и затем, по достижении призывного возраста, призывалась для прохождения интенсивной тренировки. Это проводилось по всей Германии наряду с огромной работой в области экономической подготовки. Можно ли поверить тому, что никто из этих лиц не догадывался, точнее говоря, не знал о целях этих громадных усилий.

Если действительно кто-нибудь из них и сомневался, то успешные действия, в которых, если говорить словами одного из свидетелей по делу Нейрата, «нацисты пожинали лавры без войны путем успешно проводимой практики обмана и внезапности», должны были открыть им глаза.

Первым шагом явился захват Рейнской зоны, и этот метод стал затем образцом для проведения доследующих агрессивных действий. 21 мая 1935 г. Гитлер дал торжественные заверения в том, что условия Версальского и Локарнского договоров неуклонно соблюдаются. Еще тремя неделями раньше, в день заключения франко-советского пакта, который позже был использован в качестве формального оправдания для реокупации Рейнской области, а также послужил оправдательным аргументом на данном процессе, была издана первая директива начальникам различных родов войск. Подсудимый Иодль, быть может, обратив внимание на важность этой даты, пытался убедить Трибунал в том, что его первое признание относительно того, что «операция Шулунг» касалась оккупации Рейнской области, было неправильным и что этот термин относится к каким-то военным экскурсиям в Тироль. Однако еще 26 июня он сам обратился к рабочему комитету имперского совета обороны с речью относительно планов новой оккупации и сообщил, что оружие, снаряжение, знаки различия и серая полевая военная форма уже находятся в складах на этой зоне, где хранятся под большим секретом. Может ли кто-нибудь, кто будет читать эти слова, сомневаться в том, что эта операция продолжалась в течение, по крайней мере, семи недель.

Любой из представителей неисчислимых департаментов, который присутствовал на этом совещании 26 июня 1936 г. и слушал замечания Иодля, или тот, кто впоследствии читал протоколы совещания, знал, чего следует ожидать. 2 марта были отданы последние приказы; они были переданы военно-морскому флоту на четыре дня позже.

Подсудимые Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт и Геринг все вместе принимали участие во всех необходимых оперативных мероприятиях, и если подводные лодки действовали в соответствии с инструкциями от 6 марта, то к их числу следует также отнести и подсудимого Деница.

С самого начала вы можете заметить, что был разработан общий план каждой стадии, причем таким образом, как он мог быть разработан лишь в том случае, если каждый из этих людей сыграл в его составлении свою, соответствующую роль.

Первый период — период видимого спокойствия, во время которого заключались договоры, давались заверения, произносились торжественные заявления о дружбе, в то время как под прикрытием этого «Аусланд-

организацией», руководимая Гессом и Розенбергом, начала свою подрывную и разрушительную деятельность. Жертва вводилась в заблуждение открытыми обещаниями и ослаблялась тайными методами воздействия. Затем принималось решение о нападении и убыстрялся темп военной подготовки.

Если жертва начинала проявлять признаки недоверия, количество заверений в дружественных намерениях удваивалось.

Тем временем наносились последние штрихи на творение, созданное в результате деятельности пятой колонны. Затем, когда все уже было подготовлено, подбирался, как говорил Гитлер, так называемый «пропагандистский повод для начала войны», фабриковались пограничные инциденты, угрозы и оскорбления сменяли красивые слова, и делалось все для того, чтобы запугать жертву и привести ее в состояние покорности. Наконец, наносился неожиданный удар без всякого предупреждения. План изменялся в деталях от случая к случаю, но по существу он оставался неизменным; вновь и вновь повторялся этот же метод предательства, запугивания и убийств. »

Следующей жертвой агрессии явилась Австрия. Прежде всего нацисты в 1934 году подстроили убийство Дольфуса. После того как были представлены доказательства по делу подсудимого Нейрата, остается мало сомнений в том, что план убийства был задуман в Берлине и разработан Габихтом и Гитлером за какие-нибудь шесть недель до этого. Провал этого путча сделал необходимым приспособление по времени и обстоятельствам, и в соответствии с этим в мае 1935 года Гитлер дал заверения Австрии в мирных намерениях.

В то же время подсудимый Папен был послан в Австрию для того, чтобы подорвать основы австрийского правительства. После оккупации Рейнской области следующей на очередь была поставлена Австрия, но Гитлер все еще не был готов; именно этим объясняется заключение торжественного соглашения в июле 1936 года. К осени 1937 года в сообщениях Папена говорилось о наличии определенного прогресса, и поэтому на так называемом «Совещании Госсбаха» был оглашен этот план. Однако необходима была некоторая отсрочка для удаления военачальников из армии; в феврале 1938 года Папен вместе с Зейсс-Инквартом закончили разработку плана, тогда как Гитлер, Риббентроп и Кейтель запутывали Шушнига, заманив его в Берхтесгаден.

Вскоре после этого наступила конечная фаза, Геринг сыграл свою роль в Берлине. Подсудимые Геринг, Гесс, Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт, Папен и Нейрат все были осведомлены об этом заговоре в отношении Австрии, причем Нейрат и Папен знали об этом плане с самого начала.

За исключением Геринга, каждый из подсудимых пытался оправдаться тем, что якобы не знал об этом, — это утверждение может показаться лишь смешным в свете имеющихся документов. ;

Никто из них не заявлял, что протестовал против этого, и все они продолжали оставаться на своих постах.

План в отношении Чехословакии уже был готов к тому времени: он обсуждался на так называемом «Совещании Госсбаха» в ноябре 1937 года, через три недели после Мюнхенского соглашения был отдан приказ о подготовке к вторжению, и 15 марта 1939 г., после того как президент Гаха был соответствующим образом запуган Гитлером, Риббентропом, Герин-

гом и Кейтелем, Прага была оккупирована, и Нейрат и Фрик установили там протекторат. >

Вы помните поразительное признание Геринга в том, что хотя он действительно угрожал подвергнуть Прагу бомбардировке, он, однако, никогда фактически не намерен был этого делать. Риббентроп, повидимому, также считал, что в дипломатии допустима любая ложь. Теперь была подготовлена арена для операций против Польши. Согласно объяснению Йодля (я цитирую):

«Разрешение чешского конфликта присоединением Чехословакии округлило территорию великой Германии' таким образом, что это сделало возможным рассматривать польскую проблему в свете более или менее благоприятных стратегических предпосылок». Теперь наступил тот подходящий момент, когда, говоря словами Гитлера:

«Германия должна разделаться с двумя своим» ненавистными врагами — Англией и Францией».

И вслед за этим начала проводиться политика, изложенная Риббентропом в январе 1938 года (я цитирую):

«Создание в строгом секрете, но с подлинным упорством коалиции против Англии».

Однако в отношении Польши германское министерство иностранных дел уже за месяц до Мюнхенского соглашения дало следующее указание Риббентропу: «Неизбежно, что отказ Германии' от завоевательных планов на юго-востоке и обращение ее к востоку и северо-востоку должно заставить поляков насторожиться».

Дело в том, что после разрешения чешского вопроса все будут считать, что следующей на очереди будет Польша. Но чем позднее это предположение войдет в международную политику как определяющий фактор, тем лучше. Однако в этом отношении важно в настоящее время проводить германскую политику под хорошо известными и оправдавшими себя лозунгами права на автономию и расовое единство. Все другое может быть интерпретировано как откровенный империализм с нашей стороны и породит сопротивление нашему плану со стороны Антанты, которое начнется гораздо раньше и в более энергичной форме, чем то, которому могут противостоять наши силы».

Поэтому теперь были вновь повторены обычные заверения, и Гитлер и Риббентроп вновь и вновь выступали с самыми «чистосердечными» заявлениями.

Тем временем предпринимались обычные меры, и вслед за совещанием от 23 мая 1939 г., которое Редер охарактеризовал как академическую лекцию на тему о войне, была проведена окончательная военная, экономическая и политическая подготовка для войны против Польши, — и в назначенное время война началась.

«Победителя позднее не спросят о том, говорил ли он правду. В развязывании и ведении войны имеет значение не правда, а победа».

Это были слова Гитлера, но эти люди всякий раз и на каждой стадии повторяли и употребляли эти слова. Эта доктрина являлась краеугольным камнем нацистской политики. Шаг за шагом заговорщики достигли решающей стадии и бросили Германию в борьбу за установление господства в Европе и принесли всему миру неописуемые страдания. Ни один из этих подсудимых не выступал против режима. Никто из них, за исключением Шахта, к значительной роли которого в создании нацистского

чудовища я возвращусь позднее, не ушел в отставку, и даже он продолжал разрешать нацистскому правительству использовать свое имя.

После того как была оккупирована Норвегия, ход войны вскоре показал, что военные цели Германии и интересы ее стратегии будут достигаться путем дальнейшей агрессии.

Я не намерен сейчас занимать время для того, чтобы вновь касаться различных этапов их действий. Как заявил Гитлер на совещании в ноябре 1939 года:

«Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет сомневаться в том, что когда мы победим, мы не будем говорить о нарушении нейтралитета, как это было в 1914 году».

Норвегия и Дания были оккупированы. Ни тогда, ни сейчас ничего не было представлено для оправдания оккупации Дании, но со стороны подсудимых были сделаны самые энергичные попытки в ходе этого процесса для того, чтобы доказать, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что немцы были уверены, что союзники имели то же самое намерение. Даже если бы это было правдой, это не могло бы послужить Ответом. Но германские документы совершенно опровергают предположения о том, что именно по этой причине немцы нарушили силой нейтралитет Норвегии, Гитлер, Геринг и Редер еще в ноябре 1934 года договорились о том, что (я цитирую):

«Никакая война не могла бы проводиться, если бы военно-морской флот не смог обеспечить безопасность импорта руды из Скандинавии».

Поэтому как только приблизился период битвы в Европе, 31 мая 1939 г. с Данией был заключен пакт о ненападении, последовавший за обычными заверениями, которые были уже даны Норвегии и Дании за месяц до этого.

С началом войны Норвегии были даны дальнейшие гарантии, за которыми 6 октября последовали еще новые заверения. Через четыре дня после этих заверений Гитлер обсуждал с Редером скандинавскую проблему и свои политические намерения в отношении северных государств, которые отражены в дневнике адмирала Асмана следующим образом:

«Северогерманское сообщество с ограниченным суверенитетом и в полной зависимости от Германии». 9 октября, через три дня после его последних заверений, в своем меморандуме для информации Редера, Геринга и Кейтеля, Гитлер писал об огромной опасности блокирования союзниками выхода для подводных лодок между Норвегией и Шотландией и о вытекающей отсюда важности «создания баз для подводных лодок помимо тех, которые имеются в Германии».

Характерно, что уже на следующий день Дениц представил отчет о сравнительных преимуществах различных баз Норвегии, после того как он обсудил этот вопрос за шесть дней до этого с Редером. Стратегические преимущества были очевидны для всех этих лиц, и неискренние заявления защиты о том, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что ожидалось вторжение со стороны союзников, полностью разоблачается после рассмотрения заявлений, содержащихся в меморандуме Гитлера, в абзаце, предшествующем тому, который я только что цитировал (я снова цитирую):

«Если только не появятся совершенно непредвиденные факторы, в будущем следует продолжать заверения в уважении их нейтралитета. Про-

должение торговли между Германией и этими странами кажется возможным даже в условиях затяжной войны».

8 то время Гитлер еще не предвидел угрозы со стороны союзников. Розенберг и заместитель Геринга Кернер еще в июне установили связь с 'Квислингом и Хагелином, и из последующего отчета Розенберга явствует, что Гитлера все время держали в курсе событий. В декабре настало время составлять планы, и соответственно на совещании между Гитлером и Редером было принято решение проводить подготовку к вторжению. Вскоре после этого Кейтелем и Иодлем были изданы необходимые директивы, и через определенное время, поскольку это вызывалось необходимостью, в проведение подготовки включились Геринг, Дениц, и Редер.

9 октября, как я уже упоминал, Гитлер был вполне уверен в том, что северным государствам не грозит никакая опасность со стороны союзников. Все упоминавшиеся здесь отчеты разведывательной службы даже в самой отдаленной степени не подтверждают того, что предполагаемое вторжение основывалось—это звучит смехотворно—на необходимости самозащиты.

Верно, что в феврале 1940 года Редер указал ему на то, что в случае оккупации Норвегии' Англией возникает угроза поставкам руды из Швеции в Германию; однако 26 марта он сообщил, что в связи с прекращением русско-финского конфликта нельзя более 'считать серьезной угрозой высадку союзников. Тем не менее он предложил, чтобы вторжение, по поводу которого были уже изданы все директивы, было проведено в следующее новолуние, 7 апреля. Интересно отметить, что в личном военном дневнике Редера, подписанном им самим и начальником его оперативного отдела, содержится подобное же мнение, причем запись сделана за четыре дня до этого.

Если бы понадобились дальнейшие доказательства того, что при проведении вышеуказанных мероприятий совершенно не принималась во внимание возможность вмешательства со стороны Запада, их можно было бы обнаружить в телеграммах германского посла в Осло и германского посла в Стокгольме, а также германского военного атташе в Стокгольме, в которых германскому правительству сообщалось, что скандинавские правительства, нисколько не беспокоясь о вторжении со стороны британцев, опасаются, что именно немцы собираются произвести нападение.

Возможно, замечание, сделанное Иодлем, и его записи в дневнике от марта о том, что «Гитлер все еще ищет предлог», неуклюжие попытки Редера объяснить, что это замечание относится к содержанию дипломатической ноты, которая должна была быть послана, и уверения Риббентропа относительно того, что ему сообщили об этом вторжении всего лишь за день или за два перед тем, как оно произошло, более чем что-либо иное позволяют сделать вывод о лживости этого защитительного аргумента. Еще раз все эти люди, каждый в своей сфере деятельности, сыграли заранее назначенные им роли, главным образом, разумеется, Розенберг, который прокладывал путь, Геринг, Редер, Кейтель, Иодль и Риббентроп, которые проводили в жизнь необходимые оперативные мероприятия. Никто из них даже не протестовал. Даже Фриче приводит в качестве единственного аргумента в свою защиту, что ему очень долго ничего не сообщали до самого момента, когда он, как обычно, должен был произнести речь по радио. Он даже не говорит о том, что протестовал. Вновь в нарушение

всех договоров и гарантий было предпринято безжалостное вторжение на территорию двух стран лишь потому, что со стратегической точки зрения было желательно получить норвежские базы и обеспечить за Германией скандинавскую руду. Так продолжалось и в дальнейшем. Югославия, судьба которой была определена еще до начала войны, Греция и затем Советская Россия. Из меморандума Гитлера, изданного спустя шесть недель¹, явствует, что подпись Риббентропа ничего не стоила. Гитлер замечает (я цитирую):

«Все стороны в течение последних лет показали, насколько ничтожно значение договоров о дружбе»...

...Тогда² и были изданы первые директивы по поводу нападения в другом направлении — против Советской России. Совершенно достоверно, — и это следует отметить как интересное явление, — что в данном случае целый ряд подсудимых выступил с возражениями. При наступлении на маленькую Норвегию возражений не возникало: там не угрожала никакая опасность. При захвате мужественных Нидерландов и Бельгии имело место счастливое единодушие. Теперь, однако, речь шла о враге, который мог зажечь страх в сердце забияки. Возражения подсудимых основывались, конечно, исключительно на соображениях военного характера, хотя Редер и говорит, что в своих возражениях он руководствовался сознанием той моральной несправедливости, которую повлекло бы за собой нарушение германо-советского договора. Решать должны вы. Эти угрызения совести со стороны подсудимого, которые могли бы найти себе прекрасное применение при целом ряде других случаев, нашли свое выражение лишь в инциденте, когда один из подчиненных ему офицеров захотел жениться на женщине сомнительной репутации.

Дело в том, что к тому времени уже многие из этих людей начинали предвидеть недоброе. Спротивление, оказываемое Великобританией, заставило их призадуматься. Не вступит ли Гитлер в борьбу с еще одним противником, которого он не в силах победить? Однако после того как решение уже было принято, все они взялись за выполнение своих обязанностей и играли предназначенные им роли с обычным пренебрежением к законам морали, простой порядочности.

Ни в едином случае началу военных действий не предшествовало официальное объявление войны... Сколько тысяч безвинных и беззащитных мужчин, женщин и детей, спавших в своих постелях в счастливой уверенности в том, что их страна находится и будет находиться в состоянии мира, были внезапно перенесены в иной мир смертью, которая без всякого предупреждения упала на них с неба. В какой мере отличается вина этих людей от вины простого убийцы, который бесшумно подкрадывается к своим жертвам, чтобы убить их и забрать себе их пожитки?

Как явствует из документа, в каждом отдельном случае мероприятия проводились в соответствии с общим планом. Нападение должно было быть проведено «блицартигшнель» — без предупреждения, с быстротой; молнии: Австрия, Чехословакия, Польша. Редер повторял директивы Кейтеля по поводу «нанесения тяжелых ударов без предупреждения»: Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Россия. Как заявил Гитлер в присутствии многих из этих людей:

* После германо-советского договора от 23 августа 1939 г.—Составители.]

² В конце 1940 года.—Составители.

«Соображения по поводу того, справедливо это или нет и соответствует ли это имеющимся соглашениям, не имеют к этому никакого отношения».

Убийство солдат во время войны оправдывается как международными, так и местными законами лишь в тех случаях, если сама война носит законный характер. Если же война является незаконной не только как война, начатая без каких-либо предупреждений или объявлений, совершенно ясно, что убийства во время такой войны не могут быть ничем оправданы и что подобные убийства ничем не отличаются от убийств, совершаемых стоящими вне закона разбойничьими бандами.

Все эти люди знали об этих планах на той или иной стадии их развития. Каждый из них молчаливо соглашался с тактикой их проведения, прекрасно зная о том, что они должны были означать для человеческих жизней. Как теперь может кто-либо из них заявлять о том, что он не являлся соучастником жесточайших убийств, получивших столь широкое распространение?

Сейчас, однако, я занимаюсь не вопросом об убийствах, уже одного совершения которых вполне достаточно для осуждения этих людей, а преступлениями против мира. С вашего разрешения я хотел бы коротко рассмотреть этот вопрос с правовой точки зрения в связи с тем, что правительство его величества придает большую важность точному определению этого понятия и, насколько я понимаю, все Главные обвинители придают этому вопросу также большое значение.

Выдающаяся речь от имени защиты совершенно недвусмысленна: ее целью было доказать, что несмотря на то, что пакт Бриана—Келлога и другие международные декларации рассматривали агрессивную войну как незаконный акт, они не объявляли ее преступной. В качестве подтверждения заявляли, что эти соглашения и не могли признать агрессивную войну преступной, так как это противоречило бы суверенным правам государств, и что во всяком случае вся система запретов войны рухнула перед началом второй мировой войны и перестала быть законом; далее, здесь утверждали, что все эти соглашения не принимались всерьез многочисленными юристами и журналистами, мнения которых здесь цитировались, и вообще не предназначались для того, чтобы их рассматривали серьезно, так как они даже не предусматривали разрешения проблемы мирного изменения статус-кво.

Что касается самого Парижского пакта, защита утверждает, что вообще не может быть и речи о преступном или даже незаконном нарушении Парижского пакта, так как по этому пакту всем государствам, включая Германию, самим разрешалось устанавливать, имеют ли они право начать войну в целях самозащиты. "И, наконец, утверждалось, что государство вообще не может нести уголовной ответственности, а на случай, если это положение не будет принято, утверждалось, что преступление (? было совершено германским государством в целом, а не отдельными его членами, потому что в германском государстве, которое повело эту войну против всего мира, не существовало воли отдельных лиц, а была лишь одна верховная, не подвергающаяся контролю окончательная воля — воля его диктатора — фюрера.

Господин председатель, возможно, для меня было бы достаточно указать, что вся эта цепь аргументов не относится к существу дела и не может быть заслушана данным Трибуналом, так как содержание их про-

тиворечит Уставу. Устав безоговорочно устанавливает, что планирование, — я подчеркиваю слово планирование, — подготовка и развязывание агрессивной войны или ведение войны агрессивной или нарушающей международные договоры, соглашения и гарантии, являются преступлением, подсудным настоящему Трибуналу. Поэтому очевидно, что единственная возможность для подсудимого избежать ответственности заключается в том, чтобы убедить настоящий Трибунал, что эти войны не были агрессивными войнами и не велись в нарушение договоров. Этому им сделать не удалось, и, поскольку это так, возникает вопрос, какова же цель тех аргументов, которые были здесь выставлены от имени этих подсудимых? Ставят ли они своей целью оспорить правомочность Трибунала рассматривать эти вопросы? Или, быть может, что более вероятно, эта аргументы представляют собой политическое воззвание, обращенное к какой-то находящейся вонне аудитории, на которую легче произвести впечатление жалобами на то, что подсудимых судят здесь на основании применения обратной силы закона?

Что бы ни являлось целью приведения этих доводов, весьма важно, чтобы они не были оставлены без опровержения. Я стремлюсь не занимать напрасно время Трибунала, повторяя то, что я уже сказал в 'своей вступительной речи по поводу изменений, возникших в понимании термина «война» в международном праве, происшедших в результате заключения целого ряда договоров и в особенности общего договора об отказе от войны. Я уже указывал, что этот договор, подписанный большим числом стран, чем любой другой международный договор, создал новые положения международного права, торжественности и ясности которых могут позавидовать другие договоры. Я также утверждал, что коренные изменения, которые они повлекли за собой, — и это чрезвычайно важно, хотя, в сущности, еще в период средневековья умели проводить грань между справедливыми и несправедливыми войнами, — нашли свое отражение в весьма весомых декларациях правительств и государственных деятелей. Я утверждаю, что эти положения международного права объявили незаконным обращение к войне в нарушение договоров, они также предусматривали, что при нарушении закона, которое влечет за собой гибель миллионов и прямое посягательство на самые основы цивилизации, перестает существовать различие между беззаконием и преступлением. Я не хочу также занимать время Трибунала, подробно отвечая на вею-эту, если мне будет позволено ее так назвать, странную цепь правовых аргументов, выдвинутых защитой, как, например, на утверждение о том; что договор не имеет силы, которую ему придали подписавшие его страница том основании, что во многих кругах этот договор принимался с недоверием и цинизмом.

Для обычного правового мышления еще более странным представляется тот довод, что во всяком случае этот договор, так же как и другие? договоры и гарантии, заключенные впоследствии, потерял свою законную силу в 1939 году в связи с тем, что к этому времени распалась вся система-коллективной безопасности. В качестве примера распада этой системы" приводился тот факт, что в 1939 году Соединенные Штаты объявили себя)Г нейтральным государством, как будто бы Соединенные Штаты находились под каким-то обязательством законного характера действовать иначе. Но какое значение имеет сейчас тот факт, что система, которая должна была укрепить эти договоры и предотвратить и покарать преступное

обращение к войне, потерпела крах? Разве агрессивные действия Японии и Италии, двух других стран, вовлеченных в заговор оси, за которыми последовала агрессия Германии против Австрии и Чехословакии, лишили эти соглашения их законной и обязательной силы просто потому, что эти преступления увенчались временным успехом? С каких пор цивилизованным миром был принят тот принцип, что в случае, если преступник временно избежал наказания, не только закон теряет свою обязательную силу, но и само преступление получает законное основание?

Следует, между прочим, отметить, что как в случае японской, так и в случае итальянской агрессии совет и ассамблея Лиги наций рассматривали эти действия как нарушение Устава Лиги наций и всеобщего договора об отказе от войны и что в обоих случаях были изданы декреты о применении санкций. Возможно, что полицейские не действовали так эффективно, как этого хотелось бы. Но это уже вина полицейских, а не закона.

Однако, не удовлетворяясь тем поразительным утверждением, что агрессоры отменили закон против агрессии путем совершения самой агрессии ввиду нежелания миролюбивых государств братья за оружие для борьбы с направленными против них шантажом и попытками запугать, подсудимые подняли вопрос о самозащите. Они, правда, не решались утверждать, что эти войны являлись оборонительными войнами. Так далеко не зашел даже Геббельс в своих самых диких измышлениях, но, поскольку Парижский пакт не только сохранял право государств на самозащиту, но также и суверенное право каждого государства определять, можно ли при данных обстоятельствах оправдать самозащиту, как повод к войне, то, по их мнению, он вообще не содержит в себе никаких обязательств правового характера. Мы категорически утверждаем, что это совершенно ложный аргумент. Действительно, в декларациях, изданных до и во время подписания и ратификации Парижского пакта, самозащита не только была признана неотъемлемым и неоспоримым правом стран, подписавших этот договор, но все эти страны сохранили за собой исключительное право решать, оправдывают ли данные обстоятельства применение этого права.

Таким образом, встает вопрос о том, уничтожило ли это право на самозащиту целевую установку и правовое значение этого договора. Если Германия имела право начать войну в целях самозащиты и если она совершенно свободно могла решать, при каких обстоятельствах она может применять это право, можно ли считать, что она нарушила торжественные обязательства этого договора? На этот вопрос защита пыталась ответить отрицательно. Но подобный ответ равняется утверждению о том, что торжественный договор, подписанный более чем шестьюдесятью нациями, представляет собой лишенный всякого значения клочок бумаги'. Результатом такого утверждения явилось бы то, что всякое запрещение или ограничение права на ведение войны ничего собой не представляет, если особо оговаривается право на самозащиту. Я настоятельно прошу Трибунал отвести этой пародии на правовую аргументацию то место, которое ей пристало.

Ни Парижский пакт, ни любой другой договор не намеревался и не мог отнять право на самозащиту. Этот договор также не лишал страны, подписавшиеся под ним, права определять, в первую очередь, грозит ли опасностью отсрочка и вызываются ли непосредственной необходимостью

немедленные операции' по самозащите. Вот что означает оговорка, гласящая, что каждое государство само решает, необходимо ли выступление в порядке самозащиты. Но это не значит, что действующее таким образом государство является единственным судьей правильности и законности своих поступков. Оно действует на свой риск. Так же как отдельное лицо отвечает за использование своих прав на самозащиту по общему праву, так и государство несет ответственность, если оно злоупотребляет своей свободой действия, если оно превращает «самозащиту» в орудие завоеваний и беззакония, если оно превращает естественное право самозащиты в орудие хищнического увеличения территории и удовлетворения своих посягательств. Окончательное решение в отношении законности действия, которое объясняют необходимостью самозащиты, не принадлежит заинтересованному государству. По этой причине право на самозащиту, независимо от того, оговорено ли оно особо или подразумевается, не уменьшает правомочности договора создавать правовые обязательства воздерживаться от войны.

Согласно Уставу Лиги наций Япония первая имела право решать, оправдывалось ли применение силы в целях самозащиты событиями в Маньчжурии'. Однако беспристрастной организации было поручено установить, и она действительно установила, что фактически не существовало оснований для выступления в порядке самозащиты.

В качестве еще более современного примера упомянем статью 51 Устава Объединенных Наций, которая гласит, что ничто в Уставе не умаляет неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самозащиту в случае вооруженного нападения. Однако Устав оставляет за Советом Безопасности категорическое право окончательного действия и решения. Следует надеяться на то, что приговор, который вынесет этот Трибунал, пресечет с соответствующей решительностью всякое желание в будущем ссылаться на то, что если договор оговаривает за подписавшими его сторонами право действовать в порядке самозащиты, он тем самым теряет силу налагать на подписавшие его стороны какие-либо действенные правовые обязательства не вести войну.

Теперь я перейду к аргументу о том, что понятие об уголовной ответственности несовместимо с понятием о национальном суверенитете. Профессор Яройсс, адвокат, выступавший от имени защиты по общеправовым вопросам, согласен с тем, что государство может совершить нарушение международного права, но он утверждает, что наложение на него уголовной ответственности и наказание его явится отрицанием суверенитета государства.

Странно видеть, что подсудимые, которые в качестве членов германского правительства опустошали большинство европейских государств и грубо попирали их суверенные права, которые с кичливым и чванливым цинизмом подчиняли суверенитет завоеванных государств новому понятию «гроссрауморднунге», странно видеть, что эти подсудимые взывают к мистической силе святости суверенитета государства. Не менее удивительно, быть может, что они обращаются к ортодоксальному международному праву для того, чтобы защитить побежденное германское государство и его правителей от справедливой кары со стороны победоносных держав. Но в международном праве не существует положения, к которому они смогли бы прибегнуть в этом отношении.

В некотором смысле настоящий процесс не ставит своей целью нака-

зание германского государства. Он занимается наказанием отдельных лиц. Однако выглядело бы довольно странно, если бы отдельные лица несли уголовную ответственность за действия государства, которые сами не являлись бы по существу преступлениями. Совершенно беспочвенной является точка зрения, что положения международного права исключают уголовную ответственность государств и что так как, будучи суверенными, государства не могут быть подвергнуты принуждениям, все их действия являются законными. Пусть юристы права утверждают, что все, что не предписано сверху суверенным органом, уполномоченным вынуждать к повиновению, не является законом. Такое понятие, которого придерживаются юристы-аналитики, никогда не применялось к международному праву. Если бы оно применялось, не могло бы существовать несомненных обязательств государств в отношении договоров и нарушений права.

Возможно, правильно, что до войны в международных отношениях не существовало верховного органа, который одновременно предписывал бы нормы международного права и требовал их соблюдения. Но, по крайней мере, в международных отношениях существование закона никогда не зависело от наличия соотносящейся с ним санкции, существующей помимо самого закона. Международное право всегда основывалось на принципе общего согласия, и, поскольку существует комплекс правил, которые по общему согласию или договору являются обязательными для членов всемирного сообщества, данные правила становятся законом для этого общества, несмотря на то, что согласие не было достигнуто путем принуждения и, быть может, не применялись санкции для того, чтобы обеспечить повиновение. Дело в том, что абсолютный суверенитет в старом смысле этого слова, к счастью, перестал существовать. Это — понятие, совершенно не соответствующее обязательствам, налагаемым любым международным договором.

В процессе работы Постоянной палаты Международного Суда ссылка на суверенные права государств стала избитым аргументом для доказательств того, что так как государства суверенны, принятым ими договорным обязательствам следует давать, по крайней мере, ограниченное толкование. Постоянная Палата последовательно боролась с этой точкой зрения. В самом первом своем решении, решении против Германии по Вимбледенскому делу, она отклонила аргумент о суверенности как основание для ограниченного толкования договорных обязательств. Постоянная Палата отказалась рассматривать договор, согласно которому государство обязуется следовать определенной линии поведения, как отказ от своего суверенитета. Постоянная Палата напомнила Германии о том, что самое право принять на себя международные обязательства является атрибутом суверенитета государства. Право заключать договоры и право на свободу действия находятся, как мне кажется, в вечном противоречии.

Но точно так же, как отдельное лицо обеспечивает себе свободу тем, что придерживается законов, суверенные государства подобным же образом сохраняют свои суверенные права. Уже давно отказались от точки зрения, что поскольку государство суверенно, оно не может быть подвергнуто принуждению.

Устав Лиги наций в статье 16 предусматривал санкции в отношении суверенных государств, санкции, являющиеся не чем иным, как принуждением, очевидно принуждением, носящим характер наказания. Устав Объединенных Наций последовал этому примеру в еще более решитель-

ной форме. Правильно, что из-за отсутствия инстанции, компетентной осуществлять принудительную юрисдикцию, уголовное преследование государств является беспрецедентным в истории права. Однако это в такой же степени относится к гражданской ответственности, которая, несомненно, существует, потому что ни один международный Трибунал не сможет принудительно осуществлять свою юрисдикцию, если он не будет исходить в своем решении из этих договоров. Первый человек, которого судили за убийство, мог жаловаться на то, что ни один суд не разобрал такого дела ранее.

Процессуальные нормы, специфические меры наказания, соответствующие суды могут быть всегда определены последующей декларацией. Единственное нововведение настоящего Устава заключается в том, что он создал, с большим опозданием, организационный аппарат для проведения в жизнь уже существующего закона. Совершенно беспочвенными являются жалобы на то, что Устав декретизирует применение обратной силы закона как в пункте, объявляющем агрессивные войны преступными, так и в декларации о том, что государство не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Затем выдвигается следующий довод: даже если государство должно нести ответственность, то именно государство, а не отдельные лица могут быть привлечены к ответственности с точки зрения международного права. Этот довод повторяется в самых разнообразных формах. Говорят, например, что только государства, а не отдельные лица являются субъектом международного права. Однако такого положения в международном праве не существует.

Достаточно лишь упомянуть судебное преследование за пиратские действия, нарушение блокады или за шпионаж, чтобы натолкнуться на многочисленные примеры привлечения отдельных лиц к ответственности согласно нормам международного права.

Всегда признавалось, что совершение военных преступлений делает отдельных лиц субъектами международного права. В Англии и в США наши суды неизменно действовали, придерживаясь принципа, что общепринятые положения международного права являются обязательными для подданных и граждан страны. В основном такое же положение существует в большинстве других стран. В самой Германии статьей 4 Веймарской конституции было установлено, что общепринятые положения международного права должны рассматриваться как составная часть германского федерального права. И, действительно, что это может означать, кроме того, что положения международного права являются обязательными для отдельных лиц? Разве мы должны отклониться от этого принципа только потому, что мы в данном случае имеем дело с тяжчайшими из преступлений — с преступлениями против мира народов и преступлениями против человечности?

Закон — это нечто живое, развивающееся. Ни в какой другой области не является столь необходимым утверждать, что права и обязанности государств являются правами и обязанностями людей. Нелепо предполагать, что те, кто помогает, поощряет и содействует совершению преступления, те, кто выступает в качестве 'советника при совершении преступлений, сами ответственности не подлежат. В этом отношении преступления против международного права не отличаются от преступлений против местного права. Затем этот довод преподносится в другой форме:

если данное действие совершено государством, то лица, которые являются орудием государства в его совершении, не несут личной ответственности и, как утверждают, имеют право прятаться за суверенитет государства.

Конечно, не приводится утверждение, что этот довод в какой-либо степени применим к военным преступлениям, а поскольку мы утверждаем, что каждый из данных лиц виновен в совершении бесчисленных военных преступлений, этот довод можно было бы просто отклонить как академический. Но, быть может, поступить так означало бы умалить ценность, которую этот судебный процесс представляет для дальнейшего развития международного права.

Правда, имеется ряд решений, в которых различные трибуналы утверждали, что одно государство не властно над другим суверенным государством или над его главой или представителем. Эти решения основывались на принципах взаимного признания прав и обычаев между нациями и на мирных и нормальных международных отношениях, они в действительности не зависят ни от 'какой «святости» суверенитета иностранного государства, за исключением тех случаев, когда само признание суверенитета способствует нормализации международных отношений. Они не оставляют места для утверждения, что лица, входящие в состав государственных органов, т. е. те, кто стоит за действиями государства, имеют право укрываться за метафизическим единством, которое они создают и контролируют, — в тех случаях, когда по их указаниям это государство разрушает то самое взаимное признание прав и обычаев, на котором покоится международное право.

Предположим, что какое-нибудь государство пошлет на территорию другого государства группу лиц с указаниями убивать и красть. Будут ли эти лица пользоваться правом неприкосновенности потому, что, выполняя свое преступное задание, они действовали в качестве органа другого государства? Предположим, что отдельные лица, пославшие эту группу с грабительскими целями, попадутся в руки государства, которое подверглось нападению, — могут ли они сослаться на право неприкосновенности? Я утверждаю, что несомненно не могут. Однако приведенный пример в точности соответствует данному случаю. В действительности эта попытка оставить преступление без наказания потому, что причина, побудившая к его совершению, носит скорее политический, нежели личный характер, не подкрепляется никаким правовым принципом, а основывается лишь на произвольных политических доктринах, относящихся скорее к области политики держав, чем к области права.

Наконец, указывается, что эти «несчастные» люди являлись лишенным власти орудием в руках Гитлера, которым приказывали то, что, по их словам, они делали против своей воли. Тот факт, что приказ был получен сверху, в качестве защитительного аргумента исключается Уставом, однако статьей 8 предусматривается, что в известных случаях он может рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство, если Трибунал сочтет, что этого потребует справедливость.

Но Устав лишь регистрирует существующие положения права. В международном праве нет такого положения, которое предусматривало бы неприкосновенность лиц, выполняющих приказы, которые независимо от того, законны они или нет в стране, где они созданы, — являются явно противоречащими самому закону природы, из которого выросло международное право. Если международное право вообще следует применять,

оно должно стоять выше местного права в том отношении, что оно должно определять законность или незаконность какого-либо действия, применяя критерии международного, а не местного права. Согласно любому критерию — критерию международного права, международной совести, согласно элементарному понятию человечности, эти приказы, — если действительно эти люди действовали во исполнение приказов, — были незаконными. Следует ли из этого, что этих людей надо оправдать?

Диктатура, за которой эти люди пытаются укрыться, была создана ими самими. Желая добиться для себя власти и положения, они создали систему, при которой они получали такие приказания. Продолжение существования этой системы зависело от продолжения оказываемой ими поддержки. Даже если и правда то, что оказал Йодль, а именно, что этих людей могли сместить, быть может, даже заключить в тюрьму, если бы они не повиновались полученным ими приказам, — разве такой исход, во всяком случае, не был бы лучшим, чем если бы они отдавали себя в распоряжение начальников для совершения вышеупомянутых действий? Но это не соответствует действительности. Эти люди были членами тайных советов, они сами планировали, сами осуществляли запланированное, и они были единственными, кто мог советовать Гитлеру, удерживать, остановить Гитлера, вместо того чтобы поощрять его в его дьявольских мероприятиях. Принцип коллективной ответственности членов правительства не является искусственной теорией конституционного закона. Он является основой защиты прав человека и общества народов; международное право правомочно защищать свое собственное существование, применяя этот закон.

Разрешите мне перейти к разделам 3 и 4 Обвинительного заключения. В этих разделах идет речь о военных преступлениях и о тех преступлениях, которые мы называли — и они действительно ими являются — преступлениями против человечности.

Что касается военных преступлений, то я хотел бы прежде всего высказать некоторые соображения правового характера. Нет необходимости давать пространные пояснения по поводу закона, касающегося военных преступлений, так как закон достаточно ясен и не вызывает никаких сомнений. Эти преступления по своим масштабам ужаснее всего, что было известно до сих пор, но тем не менее их легко квалифицировать согласно уже существующим нормам международного права.

Совершенно очевидно также, что они подсудны как национальному, так и международному Трибуналам. В данном случае полностью отсутствует применение обратной силы закона ил» применение законов постфактум. В положении Устава о том, что те, кто нес основную ответственность за совершение этих ужасных деяний, должен нести индивидуальную ответственность, нет ничего нового. Правильно, что юристам и государственным деятелям, которые в прошлом в Гааге и в других местах составляли кодекс законов и устанавливали обычаи, с помощью которых мир пытался смягчить жестокости войны и охранить от ее крайностей не участвовавшее в военных действиях мирное население, даже не могли себе представить подобных массовых убийств.

Но убийство никогда не перестает быть убийством только потому, что жертвами его являются не один человек, а десятки миллионов. Преступления не перестают быть преступлениями потому, что они совершаются по политическим мотивам. Эти преступления многочисленны

и. многообразны. Нет смысла приводить здесь их подробный перечень. Они весьма различны по количеству жертв: умерщвление пятидесяти военнопленных, бежавших из Шталага Луфт III; уничтожение сотен «командос» и летчиков; тысячи умерщвленных заложников из числа гражданского населения; десятки тысяч моряков и пассажиров, погибших во время проведения кампании пиратских атак; сотни тысяч военнопленных и гражданских лиц, умерших из-за лишений и жестокостей, которым их подвергали, если их вообще не убивали, многие миллионы убитых и жертв медленной смерти от голода, шесть миллионов из которых были уничтожены лишь потому, что они принадлежали к еврейской расе или исповедовали еврейскую религию.

Одно лишь число жертв не может служить настоящим критерием преступности действия. Величие смерти, сочувствие к невинному, ужас и отвращение перед лицом подлости, совершенной по отношению к человеку, созданному по образу и подобию божьему, — все это не может явиться объектом математического подсчета. Тем не менее в известной степени цифры имеют отношение к делу, потому что мы не рассматриваем здесь случайные проявления жестокости, которые имеют место в ходе всякой войны.

Возможно, что война раскрывает лучшие черты в человеке, но в ней, несомненно, проявляются худшие его черты. Это ие игра в крикет. В любой войне, и, несомненно, в ходе и этой войны, причем безусловно с обеих сторон, было совершено множество жестокостей и зверств. Эти жестокости должны были казаться ужасными тем, по отношению к которым они были совершены. Я не хочу ни извинять, ни преуменьшать их. Однако они были явлением случайным, неорганическим и представляли, собой отдельные действия отдельных людей. Мы рассматриваем здесь нечто совсем иное. Мы рассматриваем здесь систематические массовые действия, совершенные в результате преднамеренных расчетов, произведенных в высших кругах.

Таким образом, главным военным преступлением как по размаху, так и по масштабу, в котором мы обвиняем этих людей, является нарушение наиболее твердо установленных и наименее противоречивых правил ведения войны, а именно правил о том, что мирное население не должно являться непосредственным объектом военных действий. Какое издевательство пытались немцы совершить над четвертой Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения войны, над конвенцией, которая лишь формулировала то, что являлось уже прежде основным законом. «Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как религиозные убеждения и отправления религиозных культов, должны быть уважаемы».

Убийства миллионов мирных жителей, совершаемые по приказу германского правительства, члены которого сидят здесь на скамье подсудимых, производимые на территориях, оккупированных военными частями, командиры которых сидят здесь на скамье подсудимых, независимо от того, были ли они совершены в ходе осуществления политики расового уничтожения, в результате или в связи с угоном на рабский труд, вследствие желания покончить с идейными и политическими руководителями стран, которые были оккупированы, или являлись частью общей политики террора, проводившегося путем массовых репрессалий против мирных жителей и заложников, — эти убийства миллионов мирных жителей

являются военными преступлениями. В такой же мере эти преступления можно считать преступлениями против человечности.

Воображение и ум, потрясенные ужасом этих действий, не в силах вложить эти величайшие в истории преступления в сухую формулу «военное преступление», употребляемую в учебниках. Тем не менее важно помнить, что именно таковы эти преступления. В основном, независимо от того, где они совершались и к какой расе или национальности принадлежали жертвы, — это были преступления против гражданского населения, совершенные вопреки законам войны вообще и законам военной оккупации в частности. Истина состоит в том, что массовые, преднамеренные, систематические убийства стали неотъемлемой частью хорошо укрепившейся и по видимости нетревожимой опасениями системы военной оккупации. Никто не пытался оспаривать, что это является военным преступлением. Однако были сделаны попытки оспаривать незаконность трех других групп действий, которые также инкриминируются этим людям: угона на рабский труд в Германию, преступлений на море в связи с подводной войной и расстрела бойцов «командос». Разрешите мне кратко остановиться на этих вопросах.

Угон гражданского населения на рабский труд безусловно является преступлением как с точки зрения международных обычаев, так и с точки зрения общепринятых норм международного права, сформулированных в Гаагской конвенции. Статья 46 четвертой Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующая держава должна «уважать честь и права семейные» и «жизнь людей». Статья 52 той же конвенции устанавливает, что «нельзя требовать от муниципалитетов и населения никаких услуг, кроме тех, которые необходимы для нужд оккупационной армии», и что «они должны находиться в соответствии с ресурсами страны и должны носить такой характер, чтобы не накладывать на население обязанности принимать участие в военных действиях против их родной страны».

Эти простые и четкие формулировки мы должны противопоставить потрясающим масштабам мероприятий, которые направлял подсудимый Заукель и в которых принимали участие другие подсудимые. Мы должны их противопоставить той безжалостности, с которой мирных жителей отрывали от их семей, привычной обстановки и работы, условиям, в которых их перевозили, обращению, которому их подвергали по прибытии, условиям, в которых они работали и умирали тысячами и десятками тысяч, характеру работы, которую их принуждали выполнять в качестве непосредственных участников процесса производства вооружения, боеприпасов и других орудий войны против их собственной страны и против народа, к которому они принадлежали.

Кажется, высказывалось предположение, что запрещения, сформулированные в международных законах, в известной степени устарели перед лицом современного развития тоталитарных войн, которые предусматривают широчайшее использование и эксплуатацию материальных ресурсов оккупированной территории и ее рабочей силы. Признаюсь, что я лично не понимаю, каким образом размах деятельности, которую собираются вести воюющая сторона, размер усилий, которые она должна совершить для того, чтобы избежать поражения, может расширить ее права по отношению к мирному населению или позволить ей отменить законы ведения войны. Мы не можем постфактум отменять установления международного права для оправдания его нарушителей.

Не существует также и тени правового обоснования, которое могло бы в какой-либо степени изменить положение вещей, явившись оправданием их преступлений, совершенных на море, — преступлений, которые стоили жизни 20 тысячам одних лишь британских моряков. Мы не должны строить обвинение лишь на нарушении общепринятых правил ведения войны в том виде, как они сформулированы в Лондонских протоколах от 1930 и 1936 гг., подписанных Германией и запрещающих потопления без предупреждения или даже с предупреждением, если не были приняты необходимые меры для спасения пассажиров и команды.

Мы не должны увлекаться здесь интересным спором о том, изменяет ли практика вооружения торговых судов положение вещей. Не следует также терять времени на рассмотрение вызывающего удивление заявления о том, что потопление нейтральных судов получило законную силу в результате издания письменного приказа, запрещающего этим судам вход не в определенную военную зону, над которой Германия осуществляла непосредственный контроль, но появление их на всей колоссальной территории всех семи морей.

Нет необходимости в таком рассмотрении потому, что хотя бы одно положение не вызывает споров по поводу его правовой основы. Если вы считаете доказанным, что следовало предпринимать шаги для того, чтобы <не дать спастись пассажирам и команде с тонущих судов, что было указано применять оружие, исключавшее всякую возможность спасения, если вы считаете все это доказанным, то для вас не явится никакого сомнения в том, что все, что совершалось, противоречило закону. Не может явиться оправданием то обстоятельство, что спасение мирных людей влекло за собой большой риск для нападающих. Убийца не может быть прощен вследствие того, что он заявляет, что ему было необходимо убить жертву для того, чтобы впоследствии она не могла опознать его.

То же относится к приказам об уничтожении бойцов «ком.андос». Новые методы ведения войны, новые формы нападения сами по себе не отменяют уже установленных норм права.

Святость жизни одетого в форму солдата, который сдается в плен, выполнив свой долг и не совершив никаких военных преступлений до того, как он был захвачен в плен, является и — я прошу вас провозгласить это — останется незыблемым принципом международного права. Те, кто независимо от мотивов, которые ими руководят, попирают этот принцип, вопреки закону, человечности и нормам рыцарского поведения, должны заплатить за это хотя бы тогда, когда, наконец, торжествует закон.

Я не буду более останавливаться на этом вопросе или детализировать другие типы военных преступлений, которые содержатся в Обвинительном заключении, потому что все эти действия, различные по способу и методу их совершения, несомненно являлись преступлениями против установленного закона. Трибунал должен будет лишь подтвердить закон и решить вопрос о том, в какой мере эти подсудимые замешаны в его нарушении...

...По самому своему размаху военные преступления являлись преступлениями против человечности. Преступления против человечности были в еще большей степени военными. Однако преступления против человечности, рассмотрение которых входит в юрисдикцию данного Трибунала, ограничиваются следующим: они должны являться преступле-

ниями, совершение которых известным образом было связано с планированием или осуществлением преступлений против мира или военных преступлений в точном смысле этого слова, которые вменяются в вину подсудимым. Такова квалификация, которую дает статья 6 Уста в а..

Однако соображения, применимые в данном случае, отличаются от тех, которые касаются других типов нарушений — преступлений против мира или обычных военных преступлений. Вы должны считать доказанным не только то, что совершенные действия являлись преступлениями против человечности, но также и то обстоятельство, что совершение их не являлось чисто внутренним делом, а что прямо или косвенно оно было связано с преступлениями против других стран и народов, и что они, в частности, были предприняты для того, чтобы помочь' нацистской партии в проведении ее политики достижения господства с помощью агрессии или в устранении политических противников — престарелых, евреев, существование которых могло помешать проведению политики тотальной войны.

Предположим, что в тот период расовая политика, направленная против евреев, являлась лишь оборотной стороной доктрины расы господ. В «Майн кампф» Гитлер заявил, что одним из решающих факторов в поражении Германии в 1918 году было то, что немцы не сумели осознать значение... расовой проблемы и еврейской угрозы. Борьба против евреев являлась одновременно секретным оружием — надежным оружием пятой колонны, направленным на раскол и ослабление демократический держав, и методом объединения германского народа для ведения войны. В своей речи 4 октября 1943 г. Гиммлер ясно указал, что все мероприятия, направленные против евреев, были тесно связаны с военной политикой. Он заявил:

«Потому, что мы знаем, 'как трудно было бы нам сейчас, если бы... сегодня евреи населяли каждый город, тайно саботируя, проводя агитацию и сея беспокойство».

Таким образом, преступления против евреев в той мере, в какой они являются преступлениями против человечности, а не военными преступлениями, представляют собой преступления, которые мы вменяем в вину, так как они тесно связаны с преступлениями против мира.

Такая квалификация является, несомненно, очень важной, и это обстоятельство не всегда оценивается теми, кто поставил под вопрос возможность применения данной юрисдикции. Оставляя место для изменений в свете этой квалификации, мы, однако, полагали правильным рассматривать действия, которые уголовное право всех стран, естественно, определило бы как преступные — убийство, уничтожение, порабощение, преследование по политическим, расовым или экономическим соображениям. Все эти действия, совершенные по отношению к населению воюющей страны, ...явятся обычными военными преступлениями, судебное расследование которых не представит ничего нового.

Будучи совершены в отношении других, они явились бы преступлениями против национального права, если бы германское право, отсутствующее от всех установлений цивилизованного судопроизводства, не разрешало бы совершение их государству или лицам, действующим от имени государства. Хотя это обстоятельство ни в коей мере не поставит данных подсудимых в более тяжелое положение, народы, подписавшие

Устав данного Трибунала, сочли необходимым и правильным в интересах цивилизации заявить, что такие действия, даже если они были совершены в соответствии с законами германского государства, созданного и управлявшегося этими людьми и их вожаками, являлись в том случае, если они совершались с намерением задеть интересы международного сообщества, т. е. в связи с другими вменяемыми в вину преступлениями, не только действиями внутреннего характера, но преступлениями против международного права.

Я не преуменьшаю значения, которое будет иметь для будущего политическая и правовая доктрина, связанная с этим. В обычных случаях международное право предоставляет государству решать вопрос о том, как оно будет обращаться со своими собственными подданными; этот вопрос является предметом внутренней юрисдикции, и хотя социальный и экономический совет ООН стремится сформулировать хартию прав человека, Устав Лиги наций и Устав ООН признают это общее положение.

Однако международное право в прошлом стремилось установить предел суверенности государства и установить такое положение вещей, при котором человек, являющийся основным субъектом всякого закона, не лишается права защищать человечество в том случае, если государство попирает его права таким образом, который возмущает совесть человечества. Гроций, создатель основ международного права, в известном смысле имел в виду этот принцип еще в то время, когда различие между справедливой и несправедливой войной было установлено более ясно, чем в XIX столетии; он называл справедливой войну, предпринятую для защиты подданных иностранного государства от несправедливостей, совершаемых его правителями. Он утверждал в отношении жестокостей, совершаемых тиранами против своих подданных, что вмешательство в таком случае является оправданным, поскольку «права социальных связей в таком случае не уничтожаются». Та же мысль была высказана Джоном Уэстлейком, самым выдающимся из британских теоретиков международного права. Он писал:

«Бесполезно в таких случаях настаивать на том, что долг соседних народов состоит в том, чтобы спокойно наблюдать за происходящим. Законы созданы для людей, а не являются плодом воображения, а поэтому эти законы не должны создавать или терпеть таких ситуаций, которые являются нетерпимыми».

Исходя из той же точки зрения, действовали европейские державы, когда в прошлом они выступали на защиту христиан в Турции, подвергавшихся жесточайшим преследованиям. Право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип, гораздо более ограниченный, чем некоторые того бы желали, и содержит предупреждение для будущих диктаторов и тиранов, маскирующихся под законное государство, предупреждение о том, что если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов.

Что касается критики относительно применения обратной силы закона, о которой говорится, что она объявляет преступным то, о чем со-

вершавший действия не знал, что оно является таковым во время совершения им преступных действий, то как она может быть применена здесь?

Вы не оставите без внимания, даже если эти подсудимые постоянно пренебрегали ими, бесчисленные предупреждения, делавшиеся иностранными государствами и иностранными государственными деятелями по поводу линии, которой придерживалась Германия до войны. Несомненно, эти люди рассчитывали на победу и мало думали о том, что сами они будут призваны к ответу. Но можно ли позволить хоть одному из них говорить здесь, что если он вообще знал об этих вещах, он не знал, что они были преступлениями, вопиющими к небу об отмщении?

Разрешите мне сначала обратиться к тому, что они делали с военнопленными, так как только это одно, самое явное из всех преступлений, требует их осуждения и навсегда кладет пятно на честь германского оружия.

8 сентября 1941 г. за подписью генерала Рейнеке, начальника управления по делам военнопленных при верховном командовании, были изданы окончательные правила по обращению с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных.

Они являлись результатом соглашения с СС и гласили следующее:

«Большевицкий солдат поэтому потерял право претендовать на обращение с ним, как с честным противником, в соответствии с Женевской конвенцией. Следует действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских фанатиках. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)...

При выполнении этого приказа каждый, кто не употребит своего оружия или употребит его с недостаточной энергией, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предупредительного оклика. Не производить предупредительного выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным...

Внутри пространства, огороженного колючей проволокой, лагерная, полиция может быть вооружена палками, кнутами или другим оружием : такого, рода для того, чтобы иметь возможность эффективно выполнить свой долг».

Далее в этих правилах содержится указание об изоляции гражданских лиц и политически неблагонадежных военнопленных, взятых в плен в течение восточной кампании.

После того, как указывается, что важной задачей вооруженных сил является отделяться от всех тех элементов среди военнопленных, которых можно рассматривать как носителей и возбудителей большевизма, подчеркивается, что для этого необходимы особые меры, свободные от бюрократических административных влияний; соответственно как метод для достижения «намеченной цели» предлагается передавать таких лиц полиции безопасности и СД.

То, что Кейтель, который непосредственно отвечает за этот приказ, прекрасно знал, что именно под ним подразумевалось, ясно из меморандума адмирала Канариса от 15 сентября 1941 г., являющегося протестом, в котором точно излагается правовая сторона этого вопроса:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не раепро-

страняется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными.

С XVIII столетия эти принципы постепенно устанавливались на той основе, что пребывание в плену не является ни мстью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением, единственной целью которого является исключение возможности дальнейшего участия солдат в войне. Этот принцип развивался в соответствии с разделявшейся всеми армиями точкой зрения о том, что убийство беспомощных людей или нанесение им увечий противоречит военной традиции...

Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются скорее на противоположной точке зрения».

Далее Канарис указывает на скандальный характер приказов о применении оружия охраной и о вооружении лагерной полиции дубинками и кнутами.

На этом меморандуме Кейтель написал (я уже напоминал об этом утром): «Возражения возникли из военной идеи о рыцарском ведении войны. Это — подрыв идеологических основ. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры. К.»

После изучения этого документа вряд ли может остаться сомнение в том, что Кейтель знал, что передача пленных полиции безопасности и СД должна была означать их ликвидацию.

Канарис пишет о проверке нежелательных лиц (я цитирую): «Решение их судьбы определяется эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД», о которых Кейтель, в особенности выделяя полицию безопасности, говорит как об «очень действенных»; в то время как в связи с дальнейшей критикой Канариса о том, что «принципы, на которых они строят свои решения, неизвестны военным властям», Кейтель замечает: «ни в какой мере».

Параллельная инструкция для полиции безопасности и СД содержит соглашение с верховным командованием; после приказа о тесном сотрудничестве между сотрудниками полиции и комендантами лагерей и списка лиц, подлежащих передаче, эта инструкция гласит:

«Казни не должны проводиться в лагере. Если лагеря в генерал-губернаторстве расположены в непосредственной близости от границы, заключенных нужно перевести, если это возможно, на советско-русскую территорию для специального обращения с ними».

Нет необходимости напоминать вам о количестве показаний, которые были даны в связи с численностью советских и польских заключенных, содержащихся в концентрационных лагерях. О том, чтобы судить, каково было обращение с ними, достаточно вспомнить лишь отчет коменданта концентрационного лагеря Гросс-Розен, который докладывал 23 октября 1941 г. о расстреле 20 русских заключенных между 5 и 6 часами дня, и циркуляр Мюллера из той же книги документов, в котором говорится:

«Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10% советско-русских людей, приговоренных к смертной казни, прибывают в лагеря мертвыми или полумертвыми. Поэтому создается впечатление, что постоянные лагеря (Шталаги) этим путем избавляются от таких пленных.

В особенности было замечено, что при переходе пешком, например,

по дороге от станции железной дороги до лагеря, значительное число военнопленных падает мертвыми от истощения или полумертвыми от голода и их должна подбирать идущая сзади грузовая машина.

Нельзя предотвратить того, чтобы немецкое население не замечало этих случаев».

Обратил ли кто-нибудь из подсудимых внимание на эти события, которые не могли быть скрыты от немецкого народа? Я продолжаю:

«Хотя подобные перевозки до концлагерей, как правило, осуществляются германской армией, население все-таки запишет такое положение дел на счет СС.

Для того, чтобы в будущем по возможности избежать подобных явлений, я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня всех советских пленных, в отношении которых существует подозрение в заболевании и с очевидностью обреченных на смерть (например, от сыпного тифа) и поэтому неспособных больше к напряжению, связанному с краткими пешими переходами, в будущем в основном исключать из списков перевозимых в концентрационные лагеря для смертной казни.

Прошу немедленно дать соответствующие указания командирам эйнзатцкоманд».

2 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД направил своим местным отделам следующий приказ ОКВ относительно обращения с пленными, захваченными при попытке к бегству. За исключением англичан и американцев, которых следовало возвращать в лагеря, все остальные подлежали отправке в Маутхаузен, где с ними расправлялись согласно так называемой инструкции «Кугель» («Пуля»), которая, как Трибунал помнит, предусматривала немедленный расстрел. В случае наведения справок родственниками, другими заключенными, странами-гарантами и международным Красным Крестом, следует поступить таким образом, чтобы судьба этих людей, солдат, единственное преступление которых заключалось в том, что они выполняли свой долг, осталась навсегда неизвестной.

Вскоре после издания приказа об операции «Кугель» 80 английских офицеров королевских воздушных сил совершили попытку к бегству из Шталага Луфт Ю-3 для военнопленных летчиков, находящегося в Сагане. Подсудимые, непосредственно связанные с этим вопросом, не отрицали, что расстрел 50 офицеров из этого числа являлся умышленным убийством и был осуществлен согласно решению, принятому высшими инстанциями. Несомненно, что Геринг, Кейтель и, возможно, Риббентроп принимали участие в принятии этого решения и что Иодль, Кальтенбруннер и Риббентроп, если даже он и не принимал непосредственного участия, были прекрасно осведомлены об этом в то время. Факт участия Геринга в принятии этого решения с несомненностью вытекает из следующих трех обстоятельств:

1. Приказ был отдан Гитлером.

2. Вестгоф — начальник управления по делам военнопленных в ОКВ заявляет, что, как сообщил ему Кейтель, Геринг порицает его за то, что он не присутствовал на заседании, на котором принималось это решение.

3. В министерстве Геринга, которое было ответственно за обращение с военнопленными летчиками королевского воздушного флота, Вальде слышал о приказе 28 марта на заседании начальников штаба и

сказал об этом генералу Крошу. Крош сообщил об этом Форштеру, который немедленно, отправился к Мильху, начальнику штаба Геринга, и вновь возвратился к Крошу с тем, чтобы уведомить его о том, что Мильху уже передано это сообщение, и чтобы он сделал необходимые замечания. Вы сами решите, может ли существовать большее вероломство, чем отказ Геринга и Мильха признаться в том, что они принимали участие в принятии решения.

Кейтель признает, что Гитлер приказал «передать их СД» и что «он боялся», что их могут расстрелять. Он заявил своим офицерам Гравенницу и Вестгофу (я цитирую): «Мы должны дать урок. Они будут расстреляны, а, возможно, некоторые — уже расстреляны». Когда Гравенниц запротестовал, он добавил: «Мне наплевать». На основании этих показаний его собственных офицеров, без сомнения, вопрос о его соучастии вполне ясен.

Иодль заявил, что в то время, когда Гиммлер докладывал о побеге, он разговаривал по телефону в соседней комнате. Вдруг он услышал громкий разговор и, подойдя к занавеси с тем, чтобы узнать, в чем дело, понял, что речь шла о побеге военнопленных из Сагана. Неправдоподобно, чтобы при данных обстоятельствах, даже если он сам и не принимал участия в решении, он не узнал бы о нем от Кейтеля тут же после совещания. И зная об этом, он продолжал выполнять свою часть работы в заговоре.

Что касается виновности Кальтенбруннера, то на заседании, на котором Вальде было сообщено об этом решении, присутствовали также Мюллер и Небе — подчиненные Кальтенбруннера. И, наконец, решающим доказательством являются показания Шелленберга относительно беседы между Небе, Мюллером и Кальтенбруннером, состоявшейся в то время по поводу запроса, присланного Международным Красным Крестом, относительно 50 английских и американских военнопленных. Он слышал, как Кальтенбруннер давал указания своим подчиненным относительно того, какой ответ следует дать на этот неудобный запрос, и никто не может сомневаться в отношении его полной осведомленности в этом вопросе. В настоящее время общепризнано, что ответ, направленный Риббентропом странам-гарантам и Международному Красному Кресту, представляет собой сплошную ложь.

Следует ли верить тому, что он также не участвовал в принятии этого решения? То, что любой из этих подсудимых был бы готов принять подобное решение сам лично или согласиться с ним в случае, если оно будет принято Гитлером, — вполне ясно, как мы полагаем из приказов о линчевании и расстрелах летчиков, которых немцы называли террористами. Эти документы свидетельствуют о том, что ни Кейтель, ни Иодль не испытывали никаких колебаний в данном вопросе, в то время как Геринг и Риббентроп были согласны с проектом приказа.

Вспомните те совещания, которые предшествовали этой переписке,— прежде всего совещание между Герингом, Риббентропом и Гиммлером, на котором было решено изменить (я цитирую): «первоначальное предложение, сделанное имперским министром иностранных дел, который предлагал считать любые террористические акты в отношении германского гражданского населения действиями, оправдывающими такого рода меры».

В заключение было сказано:

«Суд Линча должен стать общим правилом».

На последующем совещании между Варлимонт и Кальтенбруннером было решено, что (я цитирую): «Те летчики, которым удалось избежать суда Линча, должны в соответствии с порядком, который будет установлен, передаваться с тем, чтобы быть подвергнутыми «особому обращению».

И, наконец, Кейтель сделал следующую пометку на деле: «Я против судебной процедуры. Она не оправдывает себя».

Подобные же доказательства мы находим при рассмотрении точки зрения, принятой в феврале 1945 года, когда Гитлер хотел отказаться от соблюдения Женевской конвенции.

Дениц тогда посоветовал, что (я цитирую) «лучше было бы провести те меры, которые будут сочтены необходимыми, без предупреждения и любой ценой сохранить свою репутацию перед внешним миром». С этим решением согласились представители Иодля и Риббентропа.

Их защитительный довод, заключающийся в том, что эта мера была лишь чисто тактической и что фактически они не намеревались совершать какие-либо конкретные действия, опровергается меморандумом Иодля по всему этому вопросу (я цитирую):

«Насколько неправильным было то, что мы в 1914 году сами торжественно объявили войну всем тем странам, которые в течение долгого времени хотели вести войну против нас, и из-за этого в глазах всего внешнего мира полностью возложили на свои собственные плечи всю вину за войну, и насколько неправильно было признать, что необходимый проход войск через Бельгию в 1914 году был нашей собственной ошибкой, настолько же неправильно было бы сейчас открыто отказаться от принятых нами обязательств международного характера и, таким образом, снова выглядеть виновной стороной в глазах внешнего мира».

После этого примечательного заявления он добавил, что ничто не могло помешать ему потопить английское госпитальное судно в порядке репрессалий, а потом выразить свое сожаление и назвать это потопление ошибкой...

...Я хочу очень кратко рассмотреть вопрос об использовании военнопленных согласно статье 31 Женевской конвенции. Это использование военнопленных разрешалось на некоторых работах, связанных с подготовкой сырья для военной промышленности. Но заявление, сделанное Мильхом на заседании Центрального управления по планированию 16 февраля 1943 г. в присутствии Шпеера и Заукеля, не имело никакого законного оправдания. Он сказал:

«Мы обратились с просьбой издать приказ о том, что определенный процент людей, работающих в противовоздушной артиллерии, должны составлять русские. Всего для этой цели потребуется 50 тысяч человек...»

Такое использование военнопленных было явно незаконным. Ни у кого не могло возникнуть по этому поводу ни малейшего сомнения.

В протоколах не записано по этому поводу никаких возражений. Там не отмечено, что Геринг или кто-нибудь из других лиц, которые должны были прочесть эти протоколы и должны были знать, что происходило, не видела что-либо необычайное в этом грубом нарушении существующих правил со стороны человека, занимавшего в то время пост руководителя германских военно-воздушных сил.

Те циничные выражения, в которых Гиммлер 4 октября 1943 г. в Повнани говорил о русских военнопленных, захваченных в первые дни кампании, следует здесь процитировать с тем, чтобы они вошли в историю:

«В то время мы еще не ценили человеческие массы так, как мы ценим их сейчас, то есть как сырье, как рабочую силу. То, что военнопленные десятками и сотнями тысяч умирали от голода и истощения, сейчас вызывает сожаление, так как при этом терялась рабочая сила; однако, рассматривая это в масштабах поколений, в этом раскаиваться не стоит».

Я перехожу к вопросу об убийстве «командос». Доказательства, представленные в связи с приказом о «командос» от 18 октября 1942 г., показывают, что в этом деле были непосредственно замешаны Кейтель, Йодль, Дениц, Редер, Геринг и Кальтенбруннер. Согласно статье 30 Гаагских правил:

«Шпион, захваченный на месте преступления, не должен подвергаться наказанию, не будучи предварительно предан суду».

Даже правила, содержащиеся в памятной книжке каждого немецкого солдата, предусматривают, что

«Сдающийся враг не должен быть убит даже в том случае, если он партизан или шпион. Захваченные таким образом лица должны быть наказаны по приговору суда».

Эти люди не были шпионами, это были солдаты в военной форме. Здесь не утверждалось, что хотя бы один человек, с которым расправлялись по этому приказу, до своего расстрела был подвергнут суду. С точки зрения закона нет оправдания тем подсудимым, которые передавали и применяли этот отвратительный приказ; даже Йодль признал, что при проведении этого приказа в жизнь совершались убийства, а Кейтель в сознании своего позора признал его незаконность.

Редер признал, что этот приказ не соответствовал праву; даже Дениц заявил, что после того как теперь ему стали известны действительные факты, он более не считает этот приказ правильным. Единственные защитительные аргументы, выдвинутые в этой связи, заключались в том, что каждый подсудимый не приводил этого приказа в исполнение, что он считал параграф первый приказа оправдывающим эти действия в качестве репрессалий, что он делал все возможное, чтобы уменьшить воздействие этого приказа, и что он не смел подвергать сомнению спущенные сверху директивы. Но никто из них серьезно не опроверг того, что передача в руки СД в этом контексте буквально означала расстрел без суда.

Ответом на эти защитительные доводы в той мере, в какой эти доводы не являются попросту бесчестными, может служить следующее:

предосторожности, предпринимаемые в целях безопасности, о которых упоминалось в самом приказе, с исключительной ясностью говорят о том, что факты, упомянутые в параграфе первом, не представляют собой оправдания, которое можно было бы вынести на дневной свет. Не большие предосторожности были предприняты в связи с приказами «Пуля», «Мрак и туман» и другими подобными им зверскими приказами. То, что инцидент с заковыванием в кандалы, имевший место в Дьеппе, не имел ничего общего с этим приказом, явствует из меморандума, исходящего из штаба Йодля и датированного 14 октября

1942 г., в котором говорится, что Гитлер ставил своей целью прекратить метод ведения войны при помощи «командос», заключавшийся в том, что высадившиеся небольшие отряды при помощи подрывных работ и другими методами приносили колоссальный урон и затем сдавались в плен.

Отмена этого приказа в 1945 году является дальнейшим доказательством того, что люди, несущие за него ответственность, признавали свою вину, которая, возможно, получила наилучшее свое выражение в записи в дневнике военных действий военно-морского штаба относительно расстрела «командос», захваченных в военной форме в Бордо. «Новое в международном праве» — так озаглавлен этот отрывок. Тем не менее Редер и начальник его штаба с готовностью поставили свои инициалы под этим отрывком из дневника. Осведомленность Кальтенбруннера об этом приказе ясно вытекает из его письма от 23 января 1945 г. в штаб по планированию при командовании вооруженными силами, в котором он детально останавливается на этом приказе и обсуждает его применение к отдельным категориям лиц. Некоторые лица уже были приговорены к смерти за проведение в исполнение этого приказа, лица, единственный защитительный довод которых состоял в том, что они выполняли приказ своих начальников. Я имею в виду членов •СД, которые были казнены в Норвегии за убийство экипажа МГБ-345, и генерала Достлера, казненного в Италии. Бесчисленные выдержки из их собственных записей являются доказательствами против этих подсудимых. Неужели они избежат кары? Вы припомните, как реагировал в 1944 году нацистский суд на попытку оправдаться выполнением приказов сверху. Приказ о «командос» по своей жестокости и зверству не может сравниться даже с приказом «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 г.

В директиве Гитлера, подписанной Кейтелем, после указания—качать смертью всех лиц, своими действиями ставящих под угрозу безопасность оккупируемых держав, указывается, что лица, расправа над которыми не может быть произведена в наикратчайший срок, должны перевозиться в Германию, причем таким образом, чтобы не поступало никаких дальнейших известий об их судьбе. Сопроводительное письмо Кейтеля от 12 декабря приводит следующее основание этому:

«Эффективного и длительного устрашения можно добиться или решительными карами или путем мероприятий, при которых родственники лиц, совершивших преступление, и население не будут знать об их судьбе. Эта цель достигается увозом преступников в Германию»..

Интересно противопоставить это заявление, написанное в то время, когда Кейтель считал, что Германия выигрывает войну, тому, что он показал перед Трибуналом.

...В феврале 1944 года этот приказ все еще проводился в жизнь, причем комендантам, примерно, 18 концентрационных лагерей напомнили о целях этого приказа и указали, как избавиться от трупов лиц, заключенных согласно приказу «Мрак и туман», не обнаруживая места их смерти. Обращение с этими военнопленными описывалось здесь норвежским свидетелем Каппеленом, и члены Трибунала не забыли его рассказа о переброске 2500—2800 заключенных согласно приказу «Мрак и туман» из одного концентрационного лагеря в другой

в 1945 году, когда в пути погибло 1347 человек. Пускай мы, говорящие о человеческом достоинстве, не забудем этого.

«Мы были так слабы, — показал Каппелен, — что не могли итти достаточно быстро, они схватили свои ружья и изо всех сил ударили ими по головам людей, идущих в пятерке непосредственно перед нами. Это действие сопровождалось возгласами: «Если вы не будете 'итти так, 'как полагается, вы увидите, что с вами будет...». Наконец, после шестивосьми часов ходьбы мы подошли к железнодорожной станции. Было очень холодно, и на нас, конечно, была только полосатая арестантская одежда и худая обувь, но мы говорили: «О, как мы рады, что пришли на станцию. Лучше стоять в вагоне для скота, чем в середине зимы итти пешком». Было очень, очень холодно, я думаю, от 10 до 12 градусов. Очень холодно. Для нас был приготовлен длинный поезд из открытых товарных платформ. В Норвегии мы называем их товарными платформами для- песка. Нас вталкивали на эти платформы, примерно, по 80 человек на каждую... На этой товарной платформе мы сидели около пяти дней без пищи, в холоде, без воды. Когда шел снег, мы делали вот так (*показывает*) для того, чтобы набрать в рот немного воды;

через долгое, долгое время, — мне, естественно, показалось, что прошли годы, — мы приехали в местечко, которое, как я впоследствии узнал, называлось Дора и находилось в окрестностях Бухенвальда. Итак, мы туда прибыли. Нас начали сталкивать с платформ, но многие из нас были уже мертвы. Человек, сидевший рядом со мной, также был мертв, но я не имел права отойти от него. В течение последнего дня я должен был сидеть рядом с мертвецом; я видел, что, примерно, половина людей уже мертва и окостенела, хотя, естественно, не мог определить точного числа погибших. Нам сообщили, и я впоследствии услышал эту цифру в Доре, что число погибших на нашем поезде равнялось 1347. О том, что произошло в Доре, я уже плохо помню, так как все время находился в полумертвом состоянии. Я всегда был оптимистом и человеком веселого нрава. Обычно я держался сам и поддерживал друзей, но тут я почти перестал сопротивляться. Затем, когда наши страдания близились к концу, нас спасли и привезли в Нейенгаммер близ Гамбурга;

когда нас туда доставили, я встретил там несколько своих друзей, студента из Норвегии, вывезенного в Германию, несколько заключенных, доставленных из Саксенхаузена и других лагерей, и немного, сравнительно немного, неизвестных норвежцев, заключенных согласно приказу «Мрак и туман», которым приходилось жить в исключительно тяжелых условиях.

Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии, некоторые умерли по возвращении домой».

В июле 1944 года за приказом «Мрак и туман» последовал еще более решительный приказ. 30 числа этого месяца Гитлер издал директиву относительно террора и саботажа, в которой указывалось, что со всеми актами насилия, совершаемыми негерманским населением на оккупированных территориях, следует бороться как с актами террора и саботажа. Лица, не уничтоженные на месте, должны были передаваться в руки СД, женщины должны были направляться на работы; щадили только детей. В течение месяца Кейтель расширил действие этого приказа, указав, что он распространяется также на лиц, ставящих под угрозу безопасность и готовность к войне любыми иными методами, чем

акты террора и саботажа; далее излагались обычные требования и соблюдении секретности приказа, и его распространение в письменном виде было ограничено до минимума. Гитлер далее указал, что директива о терроре и саботаже должна лечь в основу систематического инструктажа по текущей работе кадров вооруженных сил, СС и полиции. Этот приказ должен был распространяться на преступления, посягавшие на интересы Германии... По соглашению отдельных командующих с высшими руководителями СС в этой связи могли издаваться новые распоряжения. Иными словами, любые нарушения, произведенные любым лицом на оккупированных территориях, подходили под этот приказ.

9 сентября 1944 г. имело место торжественное совещание между представителями высшего военного командования и СС, на котором обсуждалось соотношение между приказом «Мрак и туман» и директивой о терроре и саботаже. Было высказано мнение о том, что первый приказ «Мрак и туман» стал излишним, и затем совещание перешло к рассмотрению вопроса о перевозке 24 тысяч негерманских гражданских лиц, задержанных СС и СД в соответствии с этим приказом. Далее, на совещании обсуждался вопрос о нескольких гражданах нейтральных стран, которые были «окутаны туманом» по ошибке.

...Может быть, излишне напоминать Трибуналу о том случае, когда генерал германских военно-воздушных сил в Голландии просил дать ему право расстрелять бастовавших железнодорожников в связи с тем, что передача их в руки СД, как это следовало бы сделать по декрету, слишком окольным путем вела бы к расправе с ними. Кейтель в ответ на эту просьбу, копии которой были разосланы в адмиралтейство и в министерство военно-воздушных сил, а также всем верховным командующим в оккупированных территориях, немедленно согласился с выдвинутым предложением, заявив, что если передача заключенных СД вызывает трудности, то «следует безжалостно и самостоятельно применять другие эффективные меры».

Иными словами, генерал Кристиансен мог расстрелять железнодорожников, если находил это нужным.

Не будем забывать, рассматривая ситуацию в Европе в тот период, что для человека, которому не приходилось жить на территориях, оккупированных немцами, нелегко понять те страдания и то состояние ужаса и постоянной настороженности, которые пришлось испытать народам Европы в течение долгих лет подчинения.

Франк 16 декабря 1941 г. писал:

«Мы принципиально сохраним жалость лишь по отношению к немецкому народу и более ни к кому на свете».

Излишне говорить о том, что эти люди не имели жалости даже к своему народу, настолько неотступно они следовали этому принципу!

Сейчас я перехожу к действиям против партизан. Если оставалось еще какое-то сомнение в том, что во главе германских вооруженных сил стояли не честные солдаты, а бессердечные убийцы, оно разрушается доказательствами о той поразительной безжалостности, с которой они пытались разгромить партизан. Свидетель Олендорф показал здесь, что методы ведения войны против партизан были изложены в письменном соглашении, заключенном между германским высшим военным командованием и СС. В результате этого соглашения каждому штабу армей-

ской группы была придана эйнзатцгруппа, которая руководила работой эйнзатцкоманд, прикрепленных к каждой группе по согласованию и соглашению с военными властями. Если здесь нужно приводить подтверждение того, что армия поддерживала эти действия, знала о них и одобряла их, то следует лишь обратиться к отчету эйнзатцгруппы А, касающемуся деятельности этой группы в течение первых трех месяцев после начала кампании против Советского Союза.

«Наша задача состояла в том, чтобы срочно установить личный контакт с командующими войсками и с командующим армией на территории тыла. Следует с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с вооруженными силами было в общем хорошее, в некоторых случаях... оно было очень тесным, почти сердечным...

...После неуспеха чисто военных мероприятий, как, например, размещение караульных и прочесывание целыми дивизиями вновь оккупированных территорий, даже вооруженным силам пришлось изыскивать новые методы борьбы. Оперативная группа занялась изысканием таких новых методов. Поэтому вскоре вооруженные силы воспользовались опытом полиции безопасности и принятыми ею методами борьбы с партизанами».

Один из этих методов описывается в том же отчете следующим образом:

«По окружении деревни всех жителей силой сгоняли на главную площадь. Подозрительных согласно секретным сведениям лиц и прочих жителей допрашивали, и таким образом в большинстве случаев становилось возможным обнаружить лиц, оказавших помощь партизанам. Этих последних или немедленно расстреливали, или, если дальнейший допрос мог оказаться полезным в смысле получения сведений, их доставляли в штаб. После допроса их расстреливали. Для того чтобы добиться устрашающего действия, дома тех, «то помогал партизанам, в некоторых случаях сжигались дотла».

И далее, после указания на то, что крестьянам постоянно угрожали сожжением всей деревни, в отчете добавлялось:

«Тактика противопоставления террора террору удалась великолепно».

По заявлению Олендорфа, эйнзатцкоманды подчинялись Кальтенбруннеру, но приказы, согласно которым они действовали, не могли превзойти своей суровостью те, которые были подписаны Кейтелем. Приказ фюрера, изданный им 16 декабря 1942 г. о борьбе с партизанами, гласит:

«Если борьбу с партизанами на Востоке и на Балканах не вести самыми жестокими методами, мы скоро дойдем до такого положения, при котором имеющихся сил будет недостаточно для контроля над этими территориями. Поэтому не только вполне оправдано, но и необходимо, чтобы войска использовали все без исключения средства, даже по отношению к женщинам и детям, если эти средства могут обеспечить успех».

Три дня спустя, во время завтрака, Кейтель и Риббентроп сообщали своим итальянским коллегам о том, что «фюрер заявил, что сербские-заговорщики должны быть уничтожены и что этого невозможно достигнуть мягкими мерами».

Тогда Кейтель вставил замечание: «...каждая деревня, в которой обнаружены партизаны, должна быть сожжена дотла».

Два месяца спустя Риббентроп убеждал итальянского посла в Бер-

лине принимать более жесткие меры против партизан в Кroatии. Он говорил:

«Банды следует истреблять, причем членами банд нужно считать мужчин, женщин и детей, так как продолжение их существования ставит под угрозу жизни немцев и итальянцев — мужчин, женщин и детей».

Геринг помогал Гиммлеру в наборе необходимых кадров для борьбы с партизанами. Один из советников кабинета записал, что 24 сентября 1942 г. Геринг заявил, что он ищет дерзких людей для использования их на востоке в отрядах особого назначения и что он рассматривает вопрос о привлечении для этой цели осужденных и браконьеров.

Через месяц Геринг описал дуче (Муссолини) германские методы борьбы с партизанами в следующих выражениях:

«Прежде всего, с данной территории вывозится весь скот и все продукты питания для того, чтобы лишить партизан каких-либо источников питания. Мужчины и женщины увозятся в трудовые лагеря, дети — в детские лагеря, а деревни сжигаются. В случае нападения все мужское население деревни выстраивалось с одной стороны, а женщины — с другой; затем женщинам говорили, что все мужчины, будут расстреляны, если они (женщины) не укажут, кто из мужчин не является жителями этой деревни. Для того чтобы спасти своих мужчин, женщины всегда указывают, кто не из их деревни».

Использование этих методов не ограничивалось Востоком. Они применялись на всем пространстве оккупированных территорий. Если оказывалось малейшее сопротивление, немцы подавляли его с наибольшей жестокостью. Было бы нетрудно привести сотни примеров, которые могли бы выдержать сравнение с событиями в Лидице и в Орадур-сюр-Глане.

Одно из самых жестоких мероприятий — захват заложников — явилось предметом приказа германского верховного командования от 16 сентября 1941 г.

Кейтель приказывал:

«Не взирая ни на какие частные обстоятельства, в каждом случае сопротивление германским оккупационным силам следует расценивать как сопротивление, вызванное коммунистами».

Для того чтобы пресечь эти коварные действия в зародыше, следует принимать самые энергичные меры немедленно при появлении самых первых их признаков с тем, чтобы сохранить власть, оккупационных сил и помешать дальнейшему их распространению. В этой связи следует помнить, что в странах, где еще не установлен порядок, человеческая жизнь часто ничего не стоит и устрашающее действие может быть достигнуто лишь необычайной суровостью. В таких случаях смертная казнь для 50—100 коммунистов должна обычно рассматриваться как соответствующее возмездие за жизнь одного германского солдата. Форма, в которой приговор приводится в исполнение, должна еще более усилить устрашающее действие».

У Кейтеля и Кальтенбруннера не было расхождений во взглядах; германским солдатам было приказано соревноваться с эсэсовцами на местах.

Две недели спустя после издания этого приказа Кейтелю, чьим единственным защитительным доводом является то, что он требовал казни от 5 до 10 заложников за одного немца вместо 50—100, пришла

еще одна мысль. 1 октября 1941 г. он высказал мнение о том, что будет целесообразно, если военные командиры будут всегда иметь в своем распоряжении некоторое число заложников различных политических взглядов: националистических, демократически-буржуазных или коммунистических. Он добавил:

«Очень важно, чтобы среди них имелись хорошо известные, выдающиеся личности или члены их семей, чьи имена должны быть преданы гласности. В случае нападения должны быть расстреляны заложники соответствующей группы, в зависимости от партийной принадлежности виновного».

На оригинале документа имеется зловещая пометка: «Применяется во Франции и Бельгии».

Действие этих приказов в германской армии можно хорошо видеть из трех примеров мероприятий, осуществленных одним из командиров на местах.

В Югославии через месяц после первичного приказа Кейтеля один местный комендант сообщил, что в отместку за убийство десяти германских солдат и ранение других двадцати шести германских солдат было расстреляно 2300 человек, то есть 100 за каждого убитого и 50 за каждого раненого германского солдата.

11 июля 1944 г. комендант района Коволо в Италии в публичном объявлении угрожал расстрелять 50 человек за каждого раненого члена германских вооруженных сил, военного или штатского, и расстрелять 100 человек за каждого убитого немца. В случае убийства или ранения более чем одного солдата или штатского все мужчины района подлежали расстрелу, дома — сожжению, женщины — интернированию, а скот — немедленной конфискации. Кессельринг сообщил, что в июне того же года 560 человек, включая 250 мужчин, были заключены в тюрьму с угрозой быть расстрелянными в течение 48 часов, так как партизанами был захвачен один германский полковник.

Лицами, непосредственно замешанными в совершении этих жестокоостей, являются Геринг, Риббентроп, Кейтель, Иодль и Кальтенбруннер, но кто вообще может сомневаться в том, что всем подсудимым, сидящим на этой скамье, были известны эти приказы и о том, как германские вооруженные силы поучались убивать мужчин, женщин и детей, и что они это делали по всей Европе? Редер, который говорит, что он осуждал такую линию поведения в Норвегии, указывает, что он попытался разубедить Гитлера, но, однако, он продолжал занимать свой пост и давать свое имя для того, чтобы его использовал режим, во время которого такие действия имели место.

Я перехожу к тем вопросам, за которые он и Дениц несут самую непосредственную ответственность. Ведение войны на море являет собой совершенно такое же пренебрежение к праву и к нормам порядочности. Существует мало примеров возможности так подробно проникнуть в мысли двух морских командующих с помощью их документов, как это возможно в отношении подсудимых Редера и Деница в данном случае.

Уже 5 сентября 1939 г. германский военно-морской флот в меморандуме, адресованном министерству иностранных дел, стремился получить разрешение топить без предупреждения суда противника и торговые суда нейтральных стран в нарушение Лондонских правил подводной войны, своих собственных правил по взятию призов и международного права.

Целый ряд документов, изданных в течение следующих шести недель, обнаруживает наличие постоянного давления на министерство иностранных дел со стороны Редера с тем, чтобы добиться его согласия на проведение этой политики.

16 октября 1939 г. Редер представил меморандум об интенсификации морской войны против Англии. В этом документе, декларировав право на «крайнюю жестокость» в случае необходимости и намерение уничтожить в кратчайший срок боевой дух Великобритании, Редер заявляет:

«Главной целью является торговое судно и не только вражеское, но вообще всякое торговое судно, идущее по морю с целью снабжения военной промышленности противника, как в отношении импорта, так и в отношении экспорта».

Именно в этом документе содержится позорный отрывок:

«Желательно все принимаемые военные меры основывать на существующем международном праве; однако меры, считающиеся необходимыми с военной точки зрения, в случае если от них можно ожидать решающего успеха, следует применять, даже если они не соответствуют существующим нормам международного права. Поэтому в принципе следует прибегать, обосновывая их какой-нибудь правовой концепцией, к любым военным средствам, способным сломить сопротивление врага, даже если они повлекут за собой создание нового кодекса морской войны».

В другом меморандуме от 30 декабря он призывал к дальнейшей интенсификации операций, особенно в отношении нейтральных стран. Далее он предложил, что, поскольку они так или иначе должны вторгнуться в нейтральные государства, не имеет большого значения, если на море они зайдут немного дальше. Я цитирую: «Усиление мер по линии ведения войны на море с политической точки зрения сыграет лишь небольшую роль в общей интенсификации военных действий».

Вы уже, вероятно, заметили, что эти меморандумы о ведении войны на море лишь повторяют точку зрения верховного командования относительно будущей войны, изложенную за полтора года до этого следующим образом:

«Применение обычных правил войны по отношению к нейтральным странам может соблюдаться лишь в той мере, в какой оно повлечет за собой большие преимущества или причинит большой ущерб воюющим странам».

Было ли это простым совпадением? Во всяком случае таким был план, изложенный Редером и повторенный Деницом. С самого начала штаб военно-морских сил не имел ни малейшего намерения соблюдать законы ведения войны на море. Аргумент защиты, заключающийся в том, что потопление союзных торговых судов без предупреждения оправдывается действиями союзников, столь же неоснователен, сколь и утверждение, что потоплению нейтральных торговых судов при их появлении предшествовало предупреждение, что соответствовало требованиям международного права. Вы видели, какие расплывчатые и неопределенные предупреждения делались нейтральным судам, а также знакомились с меморандумом штаба военно-морских сил, который показывает, что эти предупреждения намеренно делались в таких общих выражениях, потому, что Редеру было известно, что задуманные им планы действий

против нейтралов были совершенно незаконными. Мне нет необходимости напоминать вам документ, в котором говорится, что приказы должны передаваться устно, о фальшивой записи в судовом журнале, о том самом методе, который был использован в деле с «Атенией» или о записи в дневнике самого Редера, в которой говорилось, что следует топить тщательно опознанные нейтральные суда во всех тех случаях, когда применение электрических торпед даст немцам возможность утверждать, что судно действительно выпустило мину.

Вы можете найти подтверждение этому в опровержениях, подготовленных Редером в ответ на протесты норвежского и греческого правительств по поводу потопления «Томаса Вальтона» и «Гаруфалия» и в неохотном признании в связи с потоплением «Детфорда». Все эти три судна были потоплены в декабре 1939 года одной и той же подводной лодкой. Ничто не раскрывает лучше цинизм, с которым Редер и Дениц относились к нормам международного права, чем контраст в их отношении к потоплению испанского судна в 1940 году и в сентябре 1942 года.

В 1940 году Испания ничего не значила для Германии, в 1942 году она приобрела значение.

Не требуется снова повторять подробности о различных мерах, последовательно принятых во время введения в действие политики потопления судов без предупреждения, но существуют два момента в ведении этими двумя подсудимыми морской войны, которые я подчеркиваю. "Во-первых, они продолжали уверять мир, что они не нарушают Лондонских правил и своего собственного порядка взятия призов. Причина тому явствует из меморандума Редера от 30 декабря 1939 г., в котором он заявляет:

«Настоятельно следует возразить против публичного объявления о проведении усиленных мероприятий по ведению морской войны для того, чтобы снова не запятнать военно-морской флот в глазах истории ведением неограниченной подводной войны».

Это, как вы видите, является одним из моментов общего плана. Этот же самый аргумент был выдвинут Иодлем и Деницем в феврале 1945 года в поддержку политики нарушения Женевской конвенции вместо объявления всему миру об отказе Германии от этой конвенции. Здесь мы снова сталкиваемся с доктриной военной целесообразности:

если Германии выгодно нарушать какой-нибудь закон, это нарушение всецело оправдано, если оно производится таким образом, что этого не знает и не может осудить мировое общественное мнение.

Не следует думать, что, вводя практику потопления судов без предупреждения и игнорируя законы ведения морской войны, Редер был более решителен, чем Дениц. Защищая себя, Дениц делал усиленные попытки объяснить задним числом свой приказ от 17 сентября 1942 г. Поэтому я прошу Трибунал вспомнить его содержание. Я цитирую: «Не следует делать никаких попыток спасать членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд».

Запись в его дневнике от того же числа, подтверждавшая этот приказ, начинается следующими словами:

«Вновь обращается внимание всех командующих офицеров на тот факт, что все попытки спасения... противоречат элементарным требованиям ведения войны...»

Подсудимый отрицал, что это означало, что команды должны были быть уничтожены или истреблены. Но предыдущие события совершенно ясно показывают нам, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих торговых судов, но в то же время он составлен таким образом, что оставляет Деницу лазейку для оправдания в случае нужды, и, действительно, в настоящее время такая необходимость возникла. Этот приказ в сущности был составлен в соответствии с идеями, высказанными Гитлером Осиме 3 января 1942 г., когда Гитлер сказал, что «он должен отдать приказ о том, что если взять иностранных моряков в плен окажется невозможным, подводные лодки должны всплыть на поверхность после торпедирования и затем обстреливать спасательные лодки».

Признано, что Гитлер настаивал на этом на совещании 14 мая, на котором присутствовали Дениц и Редер, и что он снова поднял этот вопрос 5 сентября. Сам Дениц ссылаясь на нажим Гитлера во время инцидента с «Лаконией». Вы располагаете подтверждением того, что приказ, изданный 17 сентября, был составлен в такой форме, что он вполне подтверждает обвинения, выдвинутые свидетелями Хейзингом и Мелле, которые были вызваны Обвинением...

Тот самый аргумент, который Гитлер выставил Осиме, а именно, необходимость не дать союзникам возможности найти кадры для проведения в жизнь гигантской американской программы строительства военных судов, являлся аргументом, который, как сам Дениц признает, был выдвинут им 14 мая, аргументом, который, как он признает, и послужил причиной издания последующего приказа о том, что следовало предпочтительно атаковать конвой, а не топить спасательные суда. Перед вами примеры «Антоник», «Норин Мэри» и «Полус». А человек, ужасающийся при одной только мысли о возможности издания такого приказа, по собственному признанию, видел судовой журнал лодки, потопившей «Шпер Мид», и видел бесчеловечную запись в этом журнале, описывающую страдания тех, кто оставался в воде. Дениц в своих собственных показаниях заявил, что «издание подобной директивы может быть оправдано лишь в том случае, если таким образом может быть достигнут решающий военный успех». Не потому ли был издан этот приказ, что, как это явствует из его собственных документов, процент потопленных в сентябре 1942 года судов, помимо судов конвоя, был столь высок, что было возможно достигнуть решающего военного успеха, в то время, как в апреле 1943 года, в период, когда почти все потопленные суда относились к судам конвоя, не было необходимости в издании еще одного приказа, сформулированного в еще более точных выражениях?

Обвинение самым настоятельным образом утверждает, что подсудимый Дениц этим приказом намеревался поощрить и заставить как можно большее количество командиров подводных лодок уничтожать команды торпедированных торговых судов, но преднамеренно сформулировал приказ так, чтобы он мог утверждать обратное, если обстановка этого потребует. В свете показаний адмирала Вагнера о том, что главный морской штаб утвердил приказ от 17 сентября 1942 г. по поводу уничтожения оставшихся в живых членов команд потопленных судов, Редер не может уйти от ответственности. И на самом деле, поскольку он присутствовал на совещании у Гитлера в мае того же года, когда он получил приказание фюрера от 5 сентября 1949 г. об издании инструкции по поводу

уничтожения спасавшихся членов команд потопленных судов, не может быть никаких сомнений в том, что он также несет полную ответственность и за эти действия своих подчиненных.

Несмотря на то, что через несколько месяцев союзные военно-воздушные силы сделали невозможным для подводных лодок в большинстве районов всплывать после торпедирования и этот вопрос стал менее актуальным, все же интересно отметить, что, когда 7 октября следующего года вышел приказ, направленный против спасательных лодок, в нем снова встречалась фраза «уничтожение команд судов».

Несмотря на опровержение капитан-лейтенанта Экк, не может быть никаких сомнений в том, что, будучи проинструктирован Хэле, он осуществил намерения вышестоящих начальников. Почему следует предполагать, что у человека, который через месяц безропотно принял приказ Гитлера о «командос», нехватило духу приказать уничтожать моряков, находящихся на плотках или на обломках, оставшихся после крушения, после того как Гитлер объяснил военную необходимость этого мероприятия? Экк, который выполнял приказы Редера и Деница, заплатил за это высшей мерой.

Неужели эти люди понесут меньшую кару?

Я перехожу теперь к рассмотрению еще одного военного преступления — использованию рабского труда. Еще задолго до начала военных действий подсудимые оценили значение его для германской военной машины. Гитлер упомянул об этом в «Майн кампф» и подчеркнул значение этого фактора на совещании в мае 1939 года.

Несколько недель спустя в июне имперский совет обороны (Геринг, Функ, фрик и Редер и представители всех остальных министерств) планировал использовать в будущей войне 20 тысяч заключенных концентрационных лагерей и сотни тысяч рабочих из протектората.

План Гитлера в отношении Польши, раскрытый им Шираху и Франку, гласил:

«Идеальная картина такова: поляк может владеть лишь незначительным имуществом в генерал-губернаторстве, которое до некоторой степени снабдит его и его семью пищей. Деньги, которые ему нужны для приобретения одежды и еды, он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство должно стать центром снабжения нас неквалифицированной рабочей силой, в особенности сельскохозяйственными рабочими. Этим рабочим при всех условиях будут гарантированы средства к существованию, так как они всегда могут быть использованы там где требуется дешевый труд».

Эта политика была, конечно, рассчитана на короткий срок, а конечной ее целью фактически было уничтожение восточных народов. Заукель был назначен генеральным уполномоченным, и перед ним была поставлена задача дать замену двум миллионам немецких рабочих, которые были призваны на военную службу. Он сам говорит, что после того как Гитлер подчеркнул, что такие мероприятия являются военной необходимостью, он не стал стесняться в средствах и спустя месяц после своего назначения направил Розенбергу свою первую программу мобилизации рабочей силы.

Я цитирую: «Если мы не сумеем обеспечить нужное количество рабочей силы на добровольных началах, нам придется немедленно ввести насильственную трудовую мобилизацию... огромное количество новых

иностранных рабов — мужчин и женщин — является несомненной необходимостью».

Эту программу он сам вызвался провести в жизнь «путем всевозможного давления и безжалостного использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств».

Нет необходимости приводить доказательства, показывающие ход выполнения этой политики мобилизации рабочей силы. Достаточно будет привести цитату из обращения Заукеля к управлению по центральному планированию в марте 1944 года:

«...Специально обученные агенты — мужчины и женщины — насильственно угоняли мужчин на работу в Германию... Из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не приехали добровольно».

Методы, которые применялись при насильственном угоне, отвратительны по своей жестокости; и каждый из этих подсудимых должен был знать о них. 3 апреля 1941 г. Гиммлер в своей речи перед офицерами СС лейбштандарта «Адольф Гитлер» сказал:

«Очень часто военнослужащие войск СС задумываются над угонем этих людей сюда. Эти мысли возникли у меня сегодня, когда я наблюдал эту крайне трудную работу, которую выполняет полиция безопасности при помощи ваших людей. То же самое случилось в Париже, где мы должны были отправлять десятки и сотни тысяч людей при сорокаградусном морозе».

И дальше:

«Умрут или не умрут от изнеможения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов — интересует меня лишь постольку, поскольку этот противотанковый ров, нужный Германии, будет закончен... Когда кто-либо обращается ко мне и говорит: «Я не могу допустить, чтобы этот ров рыли женщины и дети: это их убьет», я отвечаю:

вы — убийца собственной крови, потому что если этот ров не будет вырыт, погибнут немецкие солдаты, а они — сыновья немецких матерей... Мы должны помнить, что в Германии имеется шесть-семь миллионов иностранцев... Число' пленных в Германии, возможно, достигает восьми миллионов. Они безопасны для нас до тех пор, пока мы будем принимать жесточайшие меры в связи с пустяковыми преступлениями.»

В августе 1943 года потребность в рабочей силе еще больше возросла. Гиммлер приказал:

«Все молодые трудоспособные женщины должны быть отправлены в Германию на работу через агентства имперского генерального уполномоченного Заукеля. Дети, пожилые женщины и старики должны быть собраны вместе и использованы в женских или детских лагерях».

Приказы, отданные группенфюрерам СД, действовавшим на Украине, содержали такие же настоятельные требования:

«Деятельность министерства труда... должна быть поддержана в наибольшей степени. Временами нельзя будет воздержаться от применения силы. При обыске деревень, в особенности в тех случаях, когда явится необходимость сжечь целую деревню, местное население должно быть принудительно передано в распоряжение уполномоченного. Как правило, детей расстреливать более не следует. Если мы временно огра-

• Эта цитата из речи Гиммлера от 4 октября 1943 г.—Составители.

ничиваем наши строгие меры на основании вышеприведенного приказа, это делается из следующих соображений: нашей важнейшей целью является мобилизация рабочей силы».

Шпеер признал, и как мог он отрицать это, что он знал и одобрял порядок мобилизации и доставки рабочих в Германию против их воли.

Кальтенбруннер писал своему другу Блашке:

«Между тем по специальным соображениям я приказал отправить несколько транспортов с эвакуированными в Вену, в ближайшее время должны быть отправлены около 12 тысяч евреев. Они должны прибыть в Вену через несколько дней... Нетрудоспособные женщины и дети этих евреев, предназначенные для специального обращения и подлежащие дальнейшему перемещению, должны содержаться в охраняющемся лагере и в дневное время».

Опять мы встречаем эту зловещую фразу, значение которой они так хорошо знали, — «специальное обращение», «специальное действие». Убийство остается убийством независимо от того, каким эвфемизмом убийцы вздумают его прикрыть.

Нужда в рабочей силе стала такой острой, что не только евреев не отправляли в газовые камеры, пока они были трудоспособны, но даже хватали детей и их заставляли работать.

Это все, что относится к их угону в Германию. Какая участь ожидала их по прибытии?

Еще в марте 1941 года районные объединения крестьян получили инструкции о том, как обращаться с польскими сельскохозяйственными рабочими, которых они должны были получить. Рабочим не предоставлялось права подавать жалобы; религиозным людям запрещалось посещать церковь; запрещались все виды развлечения, пользование общественными транспортными средствами. Их наниматели получали право применять телесные наказания и ни в коем случае «не могли быть привлечены к ответственности официальными учреждениями». В конце приказывалось (я цитирую):

«Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны жить вне села и не в домах; их можно поместить в конюшни и т. д. Чувство жалости не должно помешать проведению таких мероприятий».

Обращение с теми, кто был занят в промышленности, было еще хуже. Я напому показания польского врача в Эссене, который по мере сил пытался обслуживать русских военнопленных:

«Эти люди содержались в таких страшных условиях, что нельзя было оказать им медицинской помощи. Мне кажется, что держать людей в таких условиях было ниже человеческого достоинства. Каждый день ко мне приводили по крайней мере 10 человек с синяками от постоянных избиений резиновыми шлангами, стальными прутьями или палками. Люди часто корчились от боли, и я не мог им оказать ни малейшей медицинской помощи. Мне тяжело было смотреть, как могли заставлять людей, которые так мучились, производить такие тяжелые работы. Мертвые тела оставались лежать на соломенных тюфяках по два или три дня, пока они не начинали издавать такое зловоние, что их соседи по заключению выносили их и где-нибудь закапывали. В беседе с некоторыми русскими женщинами они мне лично говорили, что они работали на заводе Круппа и что их ежедневно зверски избивали. Избиения были в порядке вещей».

К концу 1943 года более пяти миллионов мужчин, женщин и детей работали в империи, и если сюда добавить военнопленных, то общее количество работавших в то время в Германии достигало около семи миллионов. К этому числу следует добавить сотни тысяч, доставленных в течение 1944 года. Миллионы мужчин и женщин были выгнаны из своих домов самым зверским образом, их привозили в любую погоду на транспорте для скота со всех концов Европы; они работали на фермах и заводах по всей империи, часто в отвратительных условиях. Детей отнимали у родителей, и некоторые дети навсегда оставались сиротами, так как они не знали ни своих настоящих имен, ни откуда они родом. Их забирали тогда, когда они были еще слишком малы, чтобы помнить, откуда они приехали. Какой мерой следует заплатить за это преступление? Ни один подсудимый не может отрицать того, что он знал об этом или был к этому причастен. Протоколы управления по центральному планированию, несомненно, читались во всех отделах всех министерств. Вы видели, каков объем доказательств, связывающих военных руководителей и все другие ответвления правительственных организаций с этой колоссальной программой применения рабского труда. Ни один подсудимый не может быть оправдан за совершение этого преступления. Никто из них не мог не знать о масштабах этого преступления и о зверствах, при помощи которых оно осуществлялось.

Я перехожу к вопросу, связанному с предыдущим, но еще более ужасному — к общим методам проведения подсудимыми военной оккупации захваченных ими территорий. Доказательства, говорящие о том, что эти территории являлись местом, где в масштабах, непревзойденных в истории, господствовали убийство, рабство, террор и грабеж в нарушение всех элементарных правил оккупации воюющей стороной. Эти доказательства не были ничем серьезно опровергнуты. Эти преступления не являлись ни в коей мере случайными или совершенными в результате садизма какого-нибудь Коха в одном месте или жестокости какого-нибудь Франка в другом. Они были неотъемлемой частью преднамеренного и систематического плана, в котором мероприятия в отношении рабского труда были лишь побудительным симптомом. Чтобы создать «тысячелетнюю империю», они приступили к истреблению или ослаблению расовых и национальных групп в Европе или таких прослоек, как интеллигенция, от которых в главной мере зависит существование этих групп.

Эта ужасная попытка прекратить существование свободных и древних наций проистекает из всей нацистской доктрины о тотальной войне, которая отказывается от понятия, что войны являются лишь войнами государств и армий, как это предусматривает международное право. Нацистская тотальная война явилась также войной против гражданского населения, против народа в целом. Гитлер заявил Кейтелю в конце польской кампании: «Жестокость и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей». Эта цель биологического истребления расы (геноцида) была сформулирована Гитлером в его разговоре с Германом Раушнингем в следующих выражениях: «После войны французы жаловались, что немцев на 20 миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем регулирование численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих

веков хныканья о защите бедных и угнетенных пришло время для нас решиться защищать сильных против слабых. Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал прерогативу на уничтожение целых племен, целых народов. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы демонстрируем нашу гуманность».

...Их цели выходили далеко за пределы стремления германизировать другие народы и перестроить их культуру по германскому образцу. Гитлер твердо решил изгнать всех негерманцев с той земли, которая была нужна ему и которую он собирался заселить германцами. Это ясно сказано в его книге «Моя борьба»:

«Польская политика в смысле германизации Востока, проведения которой требовали столь многие, к сожалению, почти всегда основывалась на одном и том же неправильном заключении. Многие считали возможным германизировать польские элементы одним лишь чисто лингвистическим преобразованием и превращением их таким путем в людей германской национальности. Результат был бы неблагоприятным, так как народ другой расы, выражающий свои, чуждые нам мысли на немецком языке, умалил бы величие и достоинство нашей нации своей неполноценностью».

Гиммлер говорит об этом еще более откровенно:

«В нашу задачу не входит германизация Востока в старом смысле этого слова, а именно: в смысле обучения народа немецкому языку и введения германских законов. Наша задача — проследить, чтобы на Востоке жили люди только чисто германской крови».

Подсудимые тщательно скрывали свои истинные цели от своих жертв. В захваченном донесении от января 1940 года можно прочесть следующее:

«Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве и на освобожденном Востоке, следует перебрасывать дешевые рабочие руки сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в старой империи и, таким образом, препятствуя их естественному биологическому размножению». Документ заканчивается следующими словами: «Следует принимать особые меры с тем, чтобы секретные циркуляры, меморандумы и официальная переписка, содержание инструкций, направленных против поляков, хранились под замком, чтобы они не могли попасть на страницы «Белых книг», выпускаемых в Париже и в США».

И снова за день до назначения Розенберга министром по делам восточных областей Гитлер сказал ему в присутствии Кейтеля, Геринга и Бормана: «Мы должны здесь действовать точно таким же образом, как мы действовали в Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. В этих случаях мы также не разглашали наши конечные цели, и благоразумие требует продолжать ту же политику и теперь. Таким образом, мы будем снова подчеркивать, что мы были вынуждены оккупировать и охранять определенную зону и управлять ею и что в интересах самого населения то, что мы занялись наведением порядка, вопросами питания, коммуникациями и пр. Отсюда следуют все наши мероприятия. Никто не сумеет

определить, что все это ведет в конечном итоге к заселению. Все это отнюдь не значит, что мы не должны прибегать ко всем необходимым мерам, к расстрелам и пр., и мы будем прибегать к ним».

Вспомните, как, предупредив таким образом своих соучастников, Гитлер продолжал тщательно разрабатывать свои планы уничтожения советских народов.

Он заявил, что из Крыма должны быть эвакуированы все местные жители и он должен быть заселен одними лишь немцами.

«Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем, чтобы суметь: во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею; в-третьих, эксплуатировать ее».

Эта программа имела своим образцом бесстыдный план, разработанный Нейратом и Карлом Германом Франком в отношении Богемии и Моравии, тем самым Нейратом, чей защитник позавчера призывал вас уважать святость личности. Как я сказал, программа эта имела своим образцом план для Богемии и Моравии. Не может быть представлено ни одного более веского доказательства, чем этот ужасный документ, представленный на этом процессе и полностью разоблачающий лживость лозунга «жизненные пространства», которым пытаются оправдать насилие, совершенное над Чехословакией. Этот план требовал уничтожения интеллигенции — хранительницы традиций чехословацкой истории и обычаев этой страны. Так как полная эвакуация всех чехов из страны и замена их немцами требовала значительного срока и, кроме того, не было достаточного количества германцев, чтобы заселить страну немедленно, то было найдено более скорое разрешение этой проблемы — германизация оставшегося населения.

Это должно было быть осуществлено путем превращения их языка в диалект, уничтожения системы высшего образования, установления оценок системы брака, ограниченного специальными предварительными расовыми исследованиями. Вы помните выводы, сделанные Франком:

«Помимо пропаганды за германизацию и некоторых поблажек в отдельных случаях, следует применять против всех саботажников строжайшие полицейские меры с высылкой и особым режимом».

Вы также помните план в отношении Польши, который обсуждался Риббентропом, Кейтелем и Йодлем в поезде Гитлера 12 сентября 1939г., о котором говорил в своих показаниях свидетель Лахузен и дальнейшее обсуждение которого состоялось тремя неделями позже, после обеда на квартире фюрера между Гитлером, Ширахом и подсудимым Франком:

«У поляков должен быть только один хозяин — немец. Не могут и не должны существовать два хозяина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Таковы были их планы против Советского Союза, против Польши и против Чехословакии. Биологическое истребление расы (геноцид) не ограничивалось истреблением еврейского народа или цыган. В различных формах оно применялось в Югославии, а также против негерманского населения Эльзас-Лотарингии, против народов Нидерландов и Норвегии.

Тактика менялась в зависимости от национальности и от народа. Но основная цель была одна и та же во всех случаях.

Методы были одни и те же: прежде всего, широкая, преднамеренно

разработанная программа убийств, прямого уничтожения. Подобные методы применялись против польской интеллигенции, против цыган и евреев. Нелегко было, даже пользуясь газовыми камерами и массовыми расстрелами, уничтожить миллионы людей.

Подсудимые и их соучастники применяли также методы постепенного уничтожения, причем самым излюбленным методом было постепенное умерщвление тяжелым трудом, особенно после договора Гимmlера с министром юстиции Тираком в сентябре 1942 года, согласно которому все «антиобщественные элементы» передавались в руки СС для того, чтобы умерщвлять их тяжелым, непосильным трудом.

Другим излюбленным способом уничтожения было умерщвление голодом. Розенберг — архитектор и создатель этой национальной политики убийства—говорил своим сотрудникам в июне 1941 года:

«Цель накормить германский народ в этом году, несомненно, является одним из первоочередных требований, которые Германия предъявляет к восточным территориям. И здесь южные пространства и Северный Кавказ должны будут послужить дополнительным источником пищевых продуктов для германского народа. Мы не видим абсолютно никаких оснований для каких-либо обязательств с нашей стороны кормить также и русское население продуктами, полученными с этих дополнительных территорий. Мы знаем, что такова жестокая необходимость, далекая от каких-либо эмоций. Несомненно, будет необходима эвакуация в самых широких масштабах и совершенно очевидно, что в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Методом, применявшимся в Эльзасе, являлась депортация. Захваченный отчет гласит:

«Первая акция по вывозу населения была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В ходе этой операции 105 тысяч человек было либо увезено, либо задержано на месте и не имело возможности вернуться домой. В основном это были евреи, цыгане и другие элементы иной расы, преступники, антиобщественные элементы и неизлечимые душевнобольные, а кроме того, французы и франкофилы. В результате этих «прочесываний» население, говорившее на местном французском диалекте, было вывезено точно так же, как эльзасцы».

Далее в отчете говорится, что готовятся новые акции по увозу, и после того, как приводятся категории, подлежащие увозу, суммируются меры, которые применяются в ходе увоза. Я цитирую: «Прежде всего следует иметь в виду проблему расы, причем разрешать ее таким образом, чтобы лица, обладающие ценностью с расовой точки зрения, увозились в собственно Германию, а расово неполноценные—во Францию».

Нацисты пользовались также различными биологическими методами, как они их называют, для того, чтобы добиться биологического истребления рода (геноцид). Они намеренно понижали рождаемость в оккупированных странах путем стерилизации, кастрации и абортов, разлучая жен и мужей, отделяя женщин от мужчин и запрещая браки.

«Мы обязаны освободить пространства от населения, — сказал Гитлер Раушнингу, — это — часть нашей миссии по сохранению населения Германии. Мы должны разработать методы этого устранения населения. Если вы спросите меня, что я подразумеваю под термином «освободить от населения», я скажу, что я имею в виду устранение целых расовых групп. Именно это я собираюсь провести в жизнь, такова

в общих чертах моя задача. Природа жестока, поэтому и мы должны быть жестокими. Если я могу бросить цвет германской нации в ад войны, не испытывая никакой жалости перед пролитием драгоценной германской крови, тем более я, несомненно, имею право устранить миллионы представителей низшей расы, которые размножаются, как паразиты».

Вы видели, как Нейрат применял этот биологический метод в своем плане действий в Чехословакии. Послушайте, каковы директивы Бормана для восточных территорий; они суммированы одним из подчиненных Розенберга:

«Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать. Поэтому обязательное проведение прививок и медицинское обслуживание со стороны немцев является излишним. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборты, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста. В лучшем случае приемлемо образование, которое готовит для нас полезных ма- ^ рионеток».

Гиммлер вторит ему:

«Мы должны ...вести себя по-товарищески по отношению к людям одной с нами крови, и более ни с кем. Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем то, что народы могут нам предложить по части хорошей крови нашего типа. Если будет необходимо, мы будем для этого выкрадывать их детей и воспитывать их в нашей среде. Живут ли народы в достатке или умирают с голоду, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны нам как рабы для нашей культуры, в остальном это меня совершенно не интересует».

В противоположность методам искусственного сокращения рождаемости на оккупированных территориях в самой Германии искусственно повышали рождаемость.

В феврале 1941 года подсудимый Зейсс-Инкварт ввел систему выдачи замуж голландских девушек за германских солдат

В нарушение 43-й статьи Гаагской конвенции он распорядился об изменениях в голландском законодательстве с тем, чтобы иметь возможность осуществлять вместо родителей родительские и опекунские права в отношении девушек, чьи родные отказывались разрешать им вступить в брак с немецкими солдатами.

Эта политика Зейсс-Инквarta была впоследствии одобрена высшими представителями власти в германской империи — Гитлером, Кейтелем и Ламмерсом 28 июля 1942 г., когда был издан декрет, предоставляющий пособия и преимущества при поступлении на работу голландским и норвежским женщинам, рожавшим детей солдатам и офицерам германской армии (и они теперь имеют наглость говорить о святости личности!). Это был просто план, имевший своей целью поставить биологические ресурсы Голландии и Норвегии, как если бы они были товаром, на службу германскому народу. Гиммлер был одним из апологетов теории выкрадывания детей. Как он заявил 14 октября 1943 г.:

«Совершенно очевидно, что при таком смешении народов всегда найдутся расовополноценные типы. Поэтому я считаю нашим долгом забирать к себе их детей, удалять их из окружения и, если будет необходимо, даже выкрадывать или отнимать их силой. Или мы заберем себе

всех тех, кто, обладая полноценной кровью, может быть использован, и дадим им место в нашем народе, или... мы уничтожим их».

В России Кейтель, который, эксплуатируя Польшу, научился применять установку — «умная политика и жестокость», наметил вехи своими приказами от 13 мая и 23 июля 1941 г. Я цитирую последний приказ, проект которого был составлен, по его собственному признанию, Йодлем.

«Имея в виду большие размеры оккупированных восточных территорий, военные силы, которыми мы располагаем для охраны безопасности на этих территориях, являются достаточными лишь в том случае, если всякое сопротивление будет подавляться не преследованием виновных судебным порядком, а проведением вооруженными силами такого террора, который будет достаточным фактором для искоренения всякого намерения к сопротивлению среди населения. Командующие должны изыскать способы для поддержания порядка не путем истребования дополнительных сил для охраны безопасности, а путем применения соответствующих драконовских мер».

Несомненно, что лишь непосредственные нужды военной машины спасли западные территории от такой же судьбы, однако Трибуналу представлены исчерпывающие доказательства относительно грабежей во Франции, Нидерландах и на других территориях, которые эти люди эксплуатировали в самой большой степени. Если принять во внимание, какова была их политика убийств, нет ничего удивительного в том, что люди, которым они поручили проводить эту политику, были скотами. Так, в сфере деятельности Розенберга подвизался Кох, которого Розенберг рекомендовал на пост комиссара Москвы именно потому, что он отличался «абсолютной безжалостностью».

Именно Кох учинил кровавую расправу над несколькими сотнями невинных людей в Цуманском лесу для того, чтобы устроить для себя охотничий заповедник.

Другим представителем Розенберга был Кубе, который писал:

«Мы ликвидировали за последние десять недель приблизительно 55 тысяч евреев в Белоруссии. На территории Минской области евреи были уничтожены без ущерба для поставок рабочей силы; в городе Рига было уничтожено 16 тысяч евреев и так далее».

...Стараясь понять проблемы, стоящие перед Восточной Европой, мы должны понять, что невозможно описать в подробностях это мученичество Польши. Треть населения была убита, миллионы ввергнуты в нищету, искалечены, разбиты болезнями, стали беспомощными.

Освободители пришли как раз во-время для того, чтобы спасти древний народ от полного выполнения той ужасной программы, которую замыслили эти люди.

Существовала одна группа населения, в отношении которой политика уничтожения применялась в таких громадных масштабах, что я считаю своим долгом специально на этом остановиться. Я имею в виду уничтожение евреев. Если бы это было единственным преступлением, совершенным этими людьми, единственным, в котором замешаны они все, его одного было бы достаточно, чтобы осудить их. История не знает подобных ужасов.

Как только возможность второй мировой войны стала реальностью, Штрейхер, который начал проповедовать эту постыдную доктрину еще в 1925 году, стал совершенно серьезно выступать за уничтожение евреев.

Так же как, по собственному признанию, проведением долголетней пропаганды в пользу расовых законов он содействовал изданию нюрнбергских декретов, так в январе 1939 года в ожидании войны, которая должна была начаться, он «при полной поддержке высших имперских властей» стал выдвигать в статьях, публикуемых в «Дер штюрмер», яростные требования физического истребления еврейского народа.

Если только слова не совсем еще утратили свой смысл, то что иное, кроме убийства, означают такие выражения:

«Они должны быть вырваны с корнем».

«Тогда преступная раса будет выкорчевана навсегда».

«Тогда евреи будут вырезаны в массовом масштабе».

«Приготовьте им могилу, из которой они не смогут восстать».

Почти сразу после начала войны началось организованное истребление еврейской расы.

Гесс сказал вам:

«Полное разрешение еврейского вопроса означает полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года я получил указание подготовить необходимые для уничтожения условия в Освенциме. К тому времени в генерал-губернаторстве существовало уже три лагеря уничтожения: Бельзен, Трешлинка и Волчек».

За обедом у фюрера в октябре 1940 года Франк разъяснил:

«Деятельность генерал-губернаторства можно считать весьма успешной. Теперь евреи Варшавы и других городов заперты в гетто. Краков скоро будет очищен от них.

Рейхслейтер фон Ширах заметил, что у него в Вене еще имеется 50 тысяч евреев, которых Франк должен у него забрать».

Когда вышел самый приказ, подготовительные меры в той степени, в которой они касались Польши и Германии, уже были проведены *Л* в жизнь.

Красноречивым свидетельством акции, проведенной в Варшаве, уничтожения гетто и кровавой расправы с его населением является отчет генерала Штрупа. Но судьба евреев в Варшаве была лишь типичным примером судьбы евреев во всех других гетто Польши.

Если их не убивали в самих гетто, их отправляли в газовые камеры. Гесс, начальник освенцимского лагеря, следующим образом описывал эту процедуру:

«Я поехал в Трешлинку, чтобы узнать, как они проводили операций по уничтожению. Начальник лагеря Трешлинка сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек на протяжении периода в полгода. Он главным образом занимался ликвидацией евреев из варшавского гетто».

Гесс описывает усовершенствования, которые он ввел в Освенциме. Он ввел в употребление новый газ—циклон «Б», который «умерщвлял людей в газовой камере за время от 3 до 15 минут, в зависимости от климатических условий. Мы узнавали о том, что люди задохнулись, потому, что они переставали кричать. Второе наше усовершенствование .по; сравнению с Трешлинкой заключается в том, что мы построили газовые, камеры, рассчитанные на одновременное уничтожение двух тысяч человек, в то время как в Трешлинке десять газовых камер были оборудованы лишь на двести человек каждая».

И далее он описывает, как отбирались жертвы из ежедневно прибывавших транспортов:

«Те, кто был пригоден для работы, отправлялись в лагерь. Остальные немедленно посылались на установки для уничтожения. Дети раннего возраста уничтожались без исключения, поскольку они не могли вследствие своего возраста быть использованы на работе. Следующее усовершенствование, которого мы достигли по сравнению с Треблинкой, заключалось в том, что в Треблинке жертвы почти всегда знали, что их ведут на уничтожение, а в Освенциме мы старались одурачить их и заставить их думать, что они должны пройти санитарную обработку. Конечно, очень часто они понимали, каковы были наши истинные намерения. Очень часто женщины прятали своих детей под одежду, но, найдя их, мы направляли этих детей на уничтожение...»

От нас требовали, чтобы мы проводили эти уничтожения в обстановке самой строгой секретности, но, конечно, отвратительный и тошнотворный запах постоянно сжигаемых человеческих тел пропитал воздух в окрестностях, и все жители окружающих селений знали о том, что в Освенциме производится уничтожение людей».

Об этом также должны были знать те, кто жил близ Бельзена, Треблинки, Волчека, Маутхаузена, Саксенхаузена, Флоссенбурга, Нейенгамме, Гузена, Нацвейлера, Люблина, Бухенвальда и Дахау.

Я не для того повторяю все это, чтобы заставить кровь стынуть в жилах. Следует выбрать эти несколько примеров из большого количества доказательств, собранных здесь, для того чтобы увидеть все эти события в перспективе и правильно в целом оценить общее значение того, что было здесь доказано.

За германскими армиями, вторгшимися в Россию и в прибалтийские государства, шли по пятам эйнзатцкоманды. И их ужасная работа была заранее подготовлена и запланирована. В папке, где содержится описание действий специальной группы «А», имеется карта Прибалтики, на которой показано, сколько евреев, подлежащих изгнанию и умерщвлению, проживало в каждом из прибалтийских государств.

На другой карте показаны результаты этой двух- или трехмесячной работы—135567 уничтоженных евреев.

В другом отчете о деятельности эйнзатцкоманд за октябрь 1941 года содержится заявление о том, что они продолжали «итти вслед за наступающими войсками в секторы, которые были выделены для них».

Эти акции—дело рук не только Гимmlера и СС. Они проводились в сотрудничестве с армейскими командирами и с ведома Кейтеля и Йодля и, несомненно, учитывая, что каждый солдат в армии на Востоке должен был знать о них, также с ведома всех членов правительства и командующих его вооруженными силами.

«Наша задача, — как говорится в отчете специальной группы «А», — заключалась в быстром установлении личного контакта с командующими армиями. Необходимо с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с частями регулярной армии было, как правило, хорошо налажено. В некоторых случаях, как, например, с четвертой танковой группой под командованием генерал-полковника Геппнера, оно было очень тесным, почти сердечным».

Германские генералы, плавая в крови сотен тысяч беззащитных невинных мужчин, женщин и детей, действовали «почти сердечно». Быть может, им нравилась эта работа, так же как она, очевидно, нравилась самим членам эйнзатцкоманд.

«Следует упомянуть, — говорится в отчете, — что командиры вооруженных отрядов СС и регулярной полиции, находящиеся в запасе, заявили о своем желании остаться в составе полиции безопасности и СД».

Снова и снова в отчетах об успехах эйнзатцкоманд подчеркивается роль, которую в них сыграло сотрудничество с армейскими организациями. После описания того, каким образом тысячи литовских евреев были «обезврежены» во время одного из погромов в июне, в одном из отчетов говорится:

«Эти мероприятия по самоочищению проходили гладко благодаря тому, что армейские организации, которые были поставлены об этом в известность, проявили должное понимание этой задачи».

Армейские организации проявляли не одну только сердечность и понимание задач. В некоторых случаях они брали инициативу в свои руки. После описания умерщвления больных из психиатрической больницы, которые попали в руки эйнзатцкоманды, в отчете говорится:

«Иногда армейские власти просили нас подобным же образом очистить другие учреждения, помещения которых были нужны для расквартирования войск. Однако поскольку интересы полиции безопасности не требовали такого вмешательства, армейским властям предоставлялось самим, с помощью их собственных частей, провести необходимые мероприятия».

И далее:

«Продвижение частей оперативной группы «А», которая должна была действовать в Ленинграде, производилось по договоренности танковой группой и в соответствии с выраженным желанием танковой группы 4».

Могло ли случиться, что операции такого рода, длившиеся в течение месяцев и лет на громадных территориях, проводившиеся в сотрудничестве с вооруженными силами по мере их продвижения и на тыловых территориях, которыми они управляли, оставались неизвестными руководителям Германии? Даже их собственные уполномоченные на оккупированных территориях заявляли протесты. В октябре 1941 года уполномоченный по Белоруссии направил имперскому уполномоченному по делам восточных территорий в Риге отчет об операциях в своем округе. На основании этого отчета можно получить некоторое представление об ужасах этих мероприятий.

«Несмотря на тот факт, что евреи подвергались самому ужасному и варварскому обращению на глазах белорусов, самих белорусов также «обрабатывали» резиновыми дубинками и ружейными прикладами... Все это зрелище в общем было более чем ужасно... Я не присутствовал на расстрелах за городом, поэтому я не могу говорить о их жестокости, но достаточно будет сказать, что расстрелянные сами выкапывали себя из могил через некоторое время после того, как их засыпали землей».

Однако протесты такого рода ни к чему не вели, массовые убийства продолжались с ужасающей жестокостью.

В феврале 1942 года в оперативном отчете Гейдриха о деятельности эйнзатцкоманд в СССР, копия которого была адресована лично Кальденбруннеру, говорилось:

«Нашей целью является полное очищение восточных территорий от евреев... Эстония уже очищена от них. В Латвии, в Риге, где было : 29 500 евреев, количество их сокращено до 2500 человек».

В июне 1943 года уполномоченный по Белоруссии снова протестовал. После того как он упомянул о том, что 4,5 тысячи человек было убито, он писал:

«Политический эффект таких операций широкого масштаба на мирное население ужасен, в особенности, если учесть многочисленные расстрелы женщин и детей».

Имперский комиссар, передавая этот протест Розенбергу, имперскому министру по оккупированным восточным территориям в Берлине, добавил:

«Тот факт, что евреи должны быть подвергнуты особому обращению, не требует дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить тому, что это делается таким образом, как это описано в докладе генерального комиссара. Что такое Катынь по сравнению с этим! Вообразите только, что эти события станут известными противной стороне и будут использованы, ею! Наиболее вероятно, что такая пропаганда не окажется действенной, но только потому, что люди, которые услышат или прочтут, об этом, не смогут поверить этому».

Как 'правильно то, что здесь говорится! Разве даже сейчас мы можем поверить- этому!

Описывая трудности в установлении различия между врагом и другом, он говорит:

«Тем не менее было бы возможно избежать зверств и похоронить тех, которые были ликвидированы. Запирать мужчин и женщин в амбары и поджигать их—не подходящий метод борьбы с бандами, даже если желательно уничтожить население. Этот метод не достоин миссии Германии и наносит жестокий ущерб нашей репутации.

• Изю всех евреев, убитых в Белоруссии и Прибалтике, более 11 тысяч было умерщвлено в Либавском округе и 7 тысяч из них в самом военном Порту». Как может кто-нибудь из этих подсудимых заявлять, что он ничего не знал об этом? Когда Гиммлер говорил об этих действиях открыто перед своими генералами СС и остальными офицерами дивизий СС в 'апреле 1940 года, он сказал им:

«Антисемитизм — это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей не вопрос идеологии, это вопрос—гигиены. Точно так же для нас и антисемитизм являлся не вопросом идеологии, а вопросом гигиены, которым мы скоро практически займемся. Скоро мы избавимся от вшей. У нас осталось только 20 тысяч вшей, и затем с этим вопросом будет покончено во всей Германии».

' Тем временем массовое уничтожение евреев в Освенциме и в других центрах уничтожения стало отраслью государственной промышленности, производящей большое количество побочных продуктов. Тюки волос, некоторые из них, как вы вспомните, все еще заплетенные в косы, в таком виде, как они были срезаны с девичьих голов; тонны одежды, игрушек, очков и других предметов направлялись в империю для набивки стульев в домах жителей нацистской Германии и для того, чтобы служить им одеждой. Золото с зубов жертв, 72 полных транспорта, были направлены в Германию с тем, чтобы заполнить сейфы Рейхсбанка; Функа. Даже тела жертв использовались для того, чтобы возместить вызванный войной недостаток мыла. Жертвы прибывали со всей Европы. Евреев 'из Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Голландии, Советской России, Франции, Бельгии, Польни, Греции собирали вместе для

того, чтобы депортировать в лагеря уничтожения или убивать на месте.

В апреле 1943 года Гитлер и Риббентроп оказывали давление на регента Хорти с тем, чтобы он предпринял действенные меры против евреев в Венгрии. Хорти спросил:

«Что он может сделать еще с евреями после того, как он лишил их почти всех возможностей существования; не может же он убить их. Имперский министр иностранных дел заявил, что «евреи должны быть или истреблены или посланы в концентрационные лагеря. Другой возможности не существует».

...В сентябре 1942 года статс-секретарь Риббентропа Лютер писал:

«Имперский министр иностранных дел инструктировал меня сегодня по телефону о том, что нужно ускорить, насколько это возможно, эвакуацию евреев из различных стран...

После краткого обзора проходящей сейчас эвакуации в Словении, Кroatии, Румынии и на оккупированных территориях имперский министр иностранных дел приказал, чтобы мы вступили в переговоры с болгарским, венгерским и датским правительствами с тем, чтобы в этих странах также началась эвакуация».

К концу 1944 года 400 тысяч евреев из одной только Венгрии было казнено в Освенциме. В архивах германского посольства в Бухаресте в числе прочих имеется меморандум, который я цитирую:

«НО тысяч евреев эвакуируются из Буковины и Бессарабии в два леса в районе реки Буг. Цель этого мероприятия — ликвидация этих евреев».

День за днем в течение долгих лет женщины поднимали на руках своих детей и указывали им на небеса в то время, как они ждали своей очереди перед пропитанной кровью общей могилой. 12 миллионов мужчин, женщин и детей погибли, таким образом, в результате хладнокровного убийства; миллионы и миллионы оплакивают сегодня своих матерей, отцов, мужей, жен и детей.

Какое право на милосердие имеет тот, кто принимал хотя бы косвенное участие в подобном преступлении?

Пусть Грабе снова расскажет нам о Дубно (я цитирую):

«5 октября 1942 г., когда я посетил строительную контору в Дубно, мой десятник сказал мне, что поблизости от строительного участка евреев из Дубно расстреливали в трех больших ямах—30 метров длины и 3 метров глубины каждая. Ежедневно убивали около 1500 человек. 5000 евреев, которые еще оставались в живых в Дубно до погрома, должны были быть ликвидированы. Так как расстрелы происходили в то время, как он там находился, он был вообще страшно подавлен. Вслед затем я поехал на строительный участок в сопровождении моего десятника и увидел вблизи от участка большую насыпь земли около 30 метров длины и 2 метров высоты. Несколько грузовиков стояло перед этой насыпью.

...Мой десятник и я направились прямо к ямам. Никто нам не помешал. Затем я услышал нестройный ружейный залп, раздавшийся из-за одной насыпи.

Люди, которые сошли с грузовиков, — мужчины, женщины^ и дети всех возрастов — должны были раздеться по приказу членов СС, имевших при себе кнуты или плетки. Они должны были сложить свою оде-

жду в определенных местах, таким образом соответственно рассортировывались обувь, верхняя одежда и белье.

Я видел груды обуви, приблизительно от 800 до 1000 пар, огромные кипы белья и одежды. Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке. В течение 15 минут, пока я стоял там, я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей, состоявшей из восьми человек: мужчины и женщины — в возрасте около 50 лет с детьми, около 8 и 10 лет, и двумя взрослыми дочерьми, около 20 и 24 лет. Старая женщина со снежно-белыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами в глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно лет 10 и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около двадцати человек и приказал им итти за насыпь. Среди них была и та семья, о которой я говорил. Я запомнил девушку, стройную, с черными волосами, которая, проходя близко от меня, показала на себя и сказала:

«23». Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще двигались. Некоторые подымали руки и повертывали головы, чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около 1000 человек. Я искал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы; ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди совершенно нагие сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, и карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди; их головы лежали неподвижно на телах, положенных до них. Кровь текла из затылков. Я был удивлен, что я не получил приказа уйти, но затем я увидел, что вблизи находились еще два или три почтальона в форме.

Следующая группа уже приближалась. Они спустились в яму, легли на линию против предшествовавших жертв, и были расстреляны. Когда я, возвращаясь, огибал насыпь, я заметил другой, только что прибывший грузовик, нагруженный людьми. На этот раз это были больные и дряхлые люди. Старая, очень худая женщина со страшно тонкими ногами была раздета другими, уже обнаженными, в то время, как два человека поддерживали ее. Женщина, очевидно, была разбита параличом. Обнаженные люди пронесли ее вокруг насыпи. Я покинул это место вместе со своим десятником и уехал в машине обратно в Дубно.

Утром следующего дня, когда я снова посетил строительный участок, я увидел около 30 обнаженных людей, лежавших вблизи от ямы, примерно в 30—50 метрах от нее. Некоторые из них были еще живы,

смотрели прямо перед собой остановившимися глазами и, казалось, не замечали ни утреннего холода, ни рабочих моей фирмы, которые стояли вокруг. Девушка около 20 лет заговорила со мной и попросила дать ей ее одежду и помочь ей бежать. В этот момент мы услышали шум быстро приближавшейся машины, и я заметил, что это была команда СС. Я отошел обратно на свой строительный участок.

Через 10 минут мы услышали выстрелы со стороны ям. Еще живым евреям было приказано бросить тела в яму; затем они сами должны были туда лечь, и были расстреляны выстрелами в затылок».

То, что ни один человек из сидящих на этой скамье не мог оставаться в неведении об ужасах, которые совершались для того, чтобы поддержать нацистскую военную машину и политику биологического уничтожения, становится еще более ясным, когда вы рассматриваете судебный материал в отношении другого огромного преступления, о котором мало слышали в течение этого процесса и которое так же ясно, как и любое другое, иллюстрирует безнравственность и порочность этих людей и их режима, — убийство около 275 тысяч людей, так называемое убийство из «милосердия». Какие низменные поступки прикрывали они этим высоким словом!

Летом 1940 года Гитлер издал секретный приказ убить всех больных и престарелых людей Германии, которые не могли уже больше продуктивно работать для германской военной машины. Фрик, больше, чем кто-либо иной в Германии, был ответственен за то, что произошло в результате этого приказа. Имеется обильный материал, свидетельствующий об этом и о том, что это было известно огромному количеству людей в Германии.

В июле 1940 года епископ Вурм писал Фрику:

«В течение нескольких последних месяцев умалишенные, слабые и эпилептики — пациенты государственных и частных медицинских учреждений — были переведены в другое медицинское учреждение по приказу имперского совета обороны. Их родственники, даже в тех случаях, когда пациент содержался на их счет, информировались о переводе только после того, как он уже совершался. В большинстве случаев лишь через несколько недель после этого их информировали о том, что данный пациент скончался в результате болезни и что в связи с опасностью инфекции тело его должно было быть подвергнуто кремации. По поверхностному подсчету несколько сот пациентов только из одного медицинского учреждения в Вуртенберге умерли таким образом...

В связи с многочисленными запросами из города и провинции и из самых различных кругов я считаю своим долгом указать имперскому правительству, что этот факт является причиной особого возбуждения в нашей маленькой провинции. Транспорты с больными людьми, которые разгружаются на маленькой железнодорожной станции Марбах, автобусы с темными стеклами, которые доставляют больных с более отдаленных железнодорожных станций или непосредственно из госпиталей, дым, поднимающийся из крематория и заметный даже на большом расстоянии, — все это дает пищу для размышлений, поскольку никому не разрешается входить в то место, где происходят казни. Каждый убежден в том, что причины смерти, которые опубликовываются официально, выбраны наугад. Когда в довершение всего в обычном извещении о смерти выражается сожаление о том, что все попытки спасти жизнь

пациента оказались напрасными, это воспринимается как издевательство. Но, кроме всего, атмосфера тайны будит мысль о том, что происходит нечто противоположное справедливости и этике и поэтому правительство не может выступить в защиту этого. Это положение постоянно подчеркивается простыми людьми, а также в многочисленных устных и письменных заявлениях, которые к нам поступают».

Уши Фрика были глухи, когда к нему звали о справедливости и этике. Через год, в августе 1941 года епископ Лимбургский писал имперским министерствам: внутренних дел, юстиции и по церковным делам.

Я цитирую:

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Гадамар, на холме, возвышающемся над городом, имеется учреждение, которое прежде служило для различных целей, но с недавнего времени использовалось как инвалидный дом. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором, по единодушному мнению, приблизительно с февраля 1941 года в течение месяцев систематически осуществляется предание людей вышеупомянутой легкой смерти. Этот факт стал известен за пределами административного округа Висбаден... Несколько раз в неделю автобусы с довольно большим числом таких жертв прибывают в Гадамар. Окрестные школьники знают этот автобус и говорят: «Вот снова идет ящик смерти».

После прибытия автобуса граждане Гадамара видят дым, поднимающийся из трубы, и с болью в душе думают о несчастных жертвах, в особенности, когда до них доходит отвратительный запах. В результате того, что здесь происходит, дети, поссорившись, говорят: «Ты сумасшедший, тебя отправят в печь в Гадамар».

Те, которые не хотят или не имеют возможности жениться, говорят: «Жениться?! Никогда! Произвести на свет детей с тем, чтобы их потом бросили в эти мясорубки». Часто можно слышать, как старики говорят:

«Не посылайте меня в государственную больницу: после того как будет покончено со слабоумными, настанет очередь следующих бесполезных едоков — стариков...»

Говорят, что чиновники тайной государственной полиции стараются подавить обсуждение событий в Гадамаре путем применения суровых угроз. Это может быть вызвано хорошими намерениями в интересах общественного спокойствия, но осведомленность их и негодование населения не могут быть этим изменены.

Убеждение укрепитя после осознания того, что обсуждение запрещено под угрозами, но сами действия не преследуются уголовным правом. Факты говорят сами за себя».

Если простой народ Германии знал об этих сравнительно незначительных по масштабам убийствах и жаловался по этому поводу, если министерства юстиции, внутренних дел и по делам церкви получили протесты от епископов двух округов, далеко отстоявших один от другого о том, что было общеизвестно в их епархиях, то насколько более серьезной являлась проблема обеспечения тайны в деятельности эйнзатцкоманд на Востоке. В мае 1942 года руководитель СС, докладывая в Берлин по поводу своей инспекторской поездки по проведению мероприятий по умерщвлению, писал о газовых автомобилях:

«Приказав прорубить по одному окну с каждой стороны в маленьких автомобилях и по двум окнам с каждой стороны в больших авто-

мобилях, — таких, как можно часто видеть в крестьянских домах в деревне, — я добился того, что автомобили группы «Д» стали выглядеть, как автомобили, приспособленные для жилья. Они настолько хорошо известны, что не только власти, но и гражданское население называют такие автомобили «машины смерти», как только они появляются. По моему мнению, даже при маскировке нельзя будет держать это в секрете хоть сколько-нибудь продолжительное время».

Могли ли эти подсудимые оставаться в неведении? Что именно ни послало им провидение для того, чтобы не дать им узнать об этом, чтобы спасти их от того, что они узнали о том, что было их собственным делом? Эти убийства престарелых и слабоумных — предмет толков во всей Германии и тема статей в мировой прессе — должны были быть известны каждому из этих людей.

Насколько больше еще они должны были знать о концентрационных лагерях, которые в течение этих лет покрыли, как сыпь, всю Германию и оккупированные территории! Если они могли молча согласиться с «убийствами из милосердия», то с каким одобрением они должны были рассматривать убийства евреев!

В 1939 году существовало шесть основных концентрационных лагерей: Дахау, Саксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбург и Равенсбрук.

Бюджетный отчет Фрика, составленный за 1939 год для министерства внутренних дел, включает сумму в 21 155000 рейхсмарок для во* оружейных отрядов СС и концентрационных лагерей, сумму, которая представляет собой не менее одной пятой общего бюджета. К апрелю 1942 года к этим лагерям прибавилось еще девять. Позднее было создано еще много других лагерей. Однако эти лагеря были только сердцевиной этой системы, причем, подобно тому, как планета имеет своих спутников, сопутствующих ей, так и каждый из этих лагерей имел свои вспомогательные лагеря.

Зирейс дал вам некоторое представление о масштабах этой системы. Он описывает вспомогательные лагеря, которые были у одного только лагеря Маутхаузен. Он упомянул названия 33 из этих лагерей, указав при этом число заключенных в каждом из них, причем общее их число превышает 102 тысячи.

Помимо этих 33 лагерей, было уже 45 других, которые также управлялись комендантами лагеря Маутхаузен.

Все вы видели карту Европы, на которой было показано расположение всех тех основных и вспомогательных концлагерей, которые стали известными.

Более 300 из них отмечены на этой карте. К августу 1944 года общее число заключенных в этих лагерях составляло 1 миллион 136 тысяч, из них 90 тысяч человек из Венгрии, 60 тысяч из полицейской тюрьмы и гетто Литцманштадта, 15 тысяч поляков из генерал-губернаторства» 10 тысяч осужденных из восточных территорий, 17 тысяч бывших польских офицеров, 400 тысяч поляков из Варшавы и от 15 тысяч до 20 тысяч человек постоянно прибывавших из Франции. Это были только лица, пригодные для физической работы, поэтому они были постоянными заключенными этих лагерей, постоянными по крайней мере до тех пор» пока они в силу физического изнурения уже больше не были способны приносить какую бы то ни было пользу, после этого их существование

приносило только неприятности. Затем этих людей ежедневно отправляли в газовые камеры.

День за днем из труб крематориев исходило тошнотворное зловоние, распространявшееся по всей окружающей местности. Если епископ Лимбургский мог написать Фрику об отвратительном запахе, исходившем из сравнительно небольших печей Гадамара, можем ли мы сомневаться в правдивости показаний Гесса относительно того, что «отвратительный тошнотворный запах от постоянно сжигаемых тел распространялся по всей местности и все население окружающих населенных пунктов знало, что в Освенциме происходило истребление людей».

День за днем поезда с жертвами, обреченными на истребление или рабство, курсировали по железным дорогам всей империи. Многие прибывали умирающими или даже мертвыми из-за тех ужасных условий, в которых им приходилось путешествовать. Один чиновник из управления железнодорожной станции в Эссене описал прибытие рабочих из Польши, Галиции и Украины следующим образом: «Они прибыли в товарных вагонах, в которых перевозился картофель, строительные материалы и скот. Вагоны были битком набиты людьми. Я лично считаю, что перевозить людей подобным образом просто бесчеловечно. Люди были так тесно прижаты друг к другу, что даже не было места свободно повернуться. Каждый порядочный немец пришел бы в ярость, если бы он видел, как били этих людей, ударяли их ногами и вообще подвергали их жестокому обращению. Уже в самом начале, как только прибыл первый эшелон, мы могли видеть, как бесчеловечно обращались с этими людьми. Каждый вагон был настолько переполнен, что казалось невероятным уместить такое количество людей в одном вагоне. Одежда военнопленных и гражданских рабочих была в ужасном состоянии. Это были просто лохмотья, обувь была в таком же состоянии. В некоторых случаях они должны были выходить на работу, намотав на ноги тряпки. Даже в самую плохую погоду и ужасный холод я никогда не видел, чтобы хоть один вагон отапливался».

Эти люди не были предназначены для концентрационных лагерей. Насколько ужаснее было положение тех, которые были предназначены для них! Большие колонны людей также проходили пешком по шоссе-ным дорогам Германии. Они шли до тех пор, пока могли идти, а затем они падали и умирали на обочине дороги.

Зирейс — комендант лагеря Маутхаузен — в своем предсмертном признании говорит:

«В присутствии Бальдура фон Шираха и других я получил следующий приказ от Гимmlера: «Все евреи, проживающие на юго-востоке, работающие в так называемых командах по строительству укреплений, должны быть посланы пешком в Маутхаузен».

В результате этого приказа мы ожидали получить 60 тысяч евреев в Маутхаузен, но в действительности только небольшая часть этого количества прибыла на место назначения. Я помню, что из одной конвоируемой партии, состоящей из 4500 евреев, которая была направлена в лагерь из одного местечка внутри страны, прибыло на место назначения только 180. Женщины и дети были разуты и раздеты и покрыты насекомыми. В этой партии были целые семьи, которые отправились в путь все вместе, но очень многие из них умерли в пути от воздействия погоды, слабости и т. д.».

Что бы ни было спрятано от постороннего взгляда за колючей проволокой концентрационных лагерей, эти факты могли видеть все. Каждый из этих подсудимых должен был это видеть, как он должен был видеть тысячи заключенных в концентрационных лагерях, работавших на полях и фабриках, в рваной форменной одежде, которая была настолько же знакома всем, как и любая другая форма в Германии. Как мор каждый из этих подсудимых, если в нем была хоть искра человеческой жалости, продолжать принимать активное участие в поддержке той системы, которая была ответственна за подобные страдания. Но у них не было никакой жалости. С помощью своей идеологии и воспитания они отучили и германский народ проявлять чувство жалости. Зирейс описывает тот страшный конец, который Кальтенбруннер предназначал для концентрационных лагерей и заключенных в них, когда приближений наступавших союзных армий вызвало угрозу захвата этих лагерей и раскрытия виновности нацистского правительства.

Я цитирую:

•«Заключенные должны быть введены в туннели фабрики Бергкристалл, и оставленный единственный вход должен быть завален: с помощью взрывчатых веществ, и таким образом заключенные должны быть умерщвлены».

Даже Зирейс — убийца 65 тысяч заключенных Маутхаузена — испугался и отказался от выполнения этого приказа. Эти показания подтверждаются совершенно определенно письменным приказом, изданным начальником Зипо и СД в генерал-губернаторстве. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

Я цитирую его:

«Следует заранее провести подготовку с тем, чтобы, если этого потребует положение на фронте, можно было полностью очистить лагерь от заключенных. Если же события будут разворачиваться совершенно неожиданно и таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, то все заключенные должны быть умерщвлены и по возможности следует уничтожить их тела (сжигание, подрыв зданий и т. д.).

Если будет необходимо, то с евреями, которые все еще использовались в промышленности вооружения или на других работах, следует расправиться подобным же образом. При всех обстоятельствах следует избегать того, чтобы заключенные или евреи были освобождены противником, безразлично — будь то враг с запада или Красная Армия. Они не должны также попасть в их руки живыми».

И Кальтенбруннер лично заботился о том, чтобы эти приказы были выполнены. Располагая этим доказательством, мы можем придать только одно значение той телеграмме, которая была найдена среди документов при его аресте: «Прошу сообщить рейхсфюреру СС и доложить фюреру о том, что я сам лично позаботился сегодня о проведении всех мероприятий против евреев, политических заключенных и заключенных концентрационных лагерей в протекторате».

...Положение, которое вас просят считать признанным, заключается в том, что человек, который был министром или играл какую-нибудь другую ведущую роль в государстве, которое в течение шести лет перевезло в ужасных условиях 7 миллионов мужчин, женщин и детей на работу истребило 275 тысяч старых и душевнобольных людей, уничтожило в газовых камерах или расстреляло по минимальным подсчетам 12 миллион

нов людей, не мог не знать об этом и не может быть освобожден от ответственности за совершение этих преступлений.

Вас просят также согласиться с тем, что ужасы транспортировки этих людей, условия рабского труда, используемого в трудовых лагерях по всей стране, зловоние от сжигаемых тел — все это было известно всему миру и не могло быть неизвестным тем 21 человеку, согласно приказам которых осуществлялись все эти действия.

В то время, как они выступали и писали об оказании поддержки этой ужасной политике биологического истребления народов, вас просят признать, что хотя они и высказывались за поддержку политики, они это делали потому, что не знали об этих фактах.

Решить, что же правильно, должны вы.

Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль, фон Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, фон Нейрат, Фриче, Борман — вот люди, которые виновны в этом.

Разрешите мне сделать краткие замечания по каждому из них, но особенно я остановлюсь на тех, чье тесное соучастие в совершении этих подлых преступлений и зверских убийств было, возможно, менее очевидным.

Ответственность Геринга за все эти преступления вряд ли возможно отрицать. Скрываясь за маской показного добродушия, он, не меньше, чем все остальные, был творцом этой дьявольской системы. Кто же еще, помимо Гитлера, был более осведомлен о том, что происходило, или имел большую силу повлиять на ход этих событий?

Руководство правительством в нацистском государстве, последовательное проведение подготовки к войне, заранее рассчитанная агрессия, зверства — все это не происходит самопроизвольно или без тесного сотрудничества людей, возглавляющих различные высшие учреждения государства. Люди сами по себе не вступают на чужую территорию, не спускают курок винтовки, не сбрасывают бомб, не строят газовых камер, не сгоняют вместе свои жертвы, если только их не организуют для этого и им не приказывают делать этого.

В преступлениях, совершаемых систематически и в национальном Масштабе, должен был быть замешан некто, кто являлся необходимым звеном этой цепи, ибо без участия такого человека выполнение агрессивных планов в одном месте и проведение массовых убийств в другом было бы невозможным.

Принцип фюрерства, согласно которому нацисты передали себя, душой и телом, в распоряжение своего фюрера, был созданием нацистской партии и этих людей. Когда я выступал перед вами в начале процесса, я отметил, что наступает время, когда приходится сделать выбор между своей совестью и своим фюрером. Ни один из тех, кто, как эти люди, предпочел отречься от своей совести ради этого чудовища, которое они сами создали, не может теперь жаловаться на то, что их привлекают к ответственности за их соучастие в действиях этого чудовища.

И меньше всего Гесс. Роль Гесса в нацистской партии точно установлена. Не удовлетвовавшись созданием этого чудовища, он оказывал ему помощь во всех областях его чудовищной деятельности. Я приведу только один пример. Вы помните указание, данное им партийным чиновникам в связи с вопросом об истреблении восточных народов, об оказа-

нии помощи набору в войска СС. Он сказал: «Они состоят из национал-социалистов, являющихся наиболее подходящими по сравнению с другими вооруженными войсками для выполнения особых задач на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке по расовым и национальным вопросам».

Роль Риббентропа также ясна. Никто в истории не проводил такой извращенной дипломатии; никто не был виновен в более низком предательстве. Но он, как и все остальные, также являлся просто обыкновенным убийцей. Именно Риббентроп, начиная с 1940 года, направил свои креатуры в посольствах и миссиях по всей Европе, чтобы ускорить проведение этих «политических мер», то есть мер по расовому истреблению. Не Гиммлер, а имперский министр иностранных дел,— тот, кто гордо доложил дуче в феврале 1943 года, что «Все евреи были вывезены из Германии и с оккупированных ею территорий в гетто на восток».

Его наглые советы Хорти, высказанные через два месяца после этого, и протокол совещания, созванного Штейнграхтом, его постоянным заместителем, выдают смысл этих чудовищных эвфемизмов.

Никто так не настаивал на проведении беспощадных мер на оккупированных территориях, как Риббентроп.

Вы припомните его совет итальянцам относительно того, как расправляться с забастовками. «В подобном случае только проведение безжалостных мер может привести к каким-нибудь результатам. На оккупированных территориях мы ни к чему не придем, применяя мягкие методы в попытках достичь соглашения». Этот совет он еще раз подкрепил, с гордостью ссылаясь на успехи, достигнутые проведением «жесточких мер» в Норвегии, «жесточких мероприятий» в Греции, и на успех «драконовских» мер во Франции и Польше.

Были ли Кейтель и Йодль менее ответственны за убийства, чем их сообщники? Они не могут отрицать своей осведомленности и своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми их собственные командующие работали в тесном и сердечном содружестве. Примером отношения верховного командования к этому вопросу в целом может служить замечание Йодля относительно эвакуации евреев из Дании:

«Я ничего не знаю об этом. Если политическое мероприятие в Дании должно проводиться командующим, ОК.В должно быть извещено об этом министерством иностранных дел».

Вы не можете скрыть убийство тем, что назовете его политической мерой.

Кальтенбруннер, начальник главного имперского управления безопасности, должен быть признан виновным. Отчеты эйнзатцкоманд посылались ему ежемесячно. Вы вспомните слова Гизевиуса, свидетеля защиты:

«Мы спрашивали себя, можно ли было себе представить, что существует еще более жестокий человек, если существует такой изверг, как Гейдрих... Появился Кальтенбруннер, и положение ухудшалось с каждым днем... Мы на опыте убедились, что импульсивные акты убийств Гейдриха не были уже столь плохими в сравнении с хладнокровной правовой логикой юриста, который создал такое ужасное орудие, как гестапо».

Вы вспомните его описание этих ужасных званых завтраков, на

которых Кальтенбруннер обсуждал в деталях убийства в газовых камерах и технику массовых убийств.

Виновность Розенберга как философа и теоретика, который подготовил благоприятную почву для развития нацистской политики, несомненна. Невероятно, чтобы, будучи имперским министром по вопросам оккупированных восточных территорий, он не знал и об уничтожении гетто и не помогал этому, а также не знал о действиях эйнзатцкоманд. В октябре 1941 года, когда деятельность эйнзатцгрупп достигла высших пределов, один из начальников отдела министерства Розенберга в письме к имперскому уполномоченному по делам Востока в Риге информировал его о том, что главное управление имперской безопасности недовольно тем, что он запретил уничтожение евреев в Либаве, и просил прислать объяснения по этому поводу. 15 ноября в ответ на это пришло сообщение, адресованное имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий (я цитирую):

«Я запретил зверское уничтожение евреев в Либаве, поскольку оно не было законным в том виде, в каком оно проводилось. Я желал бы получить информацию относительно того, следует ли • ваш запрос от 31 октября рассматривать как директиву относительно уничтожения всех евреев на Востоке и следует ли это проводить, независимо от пола, возраста и экономических интересов.

...Конечно, очищение Востока от евреев является крайне необходимым, однако разрешение этого вопроса необходимо согласовать с необходимостью выпуска военной продукции».

Франк, если недостаточно того, что он виновен в том, что был ответственным за управление генерал-губернаторством и за участие в одной из наиболее кровавых жестоких глав нацистской политики, сам заявил: «Нельзя убить всех вшей и всех евреев в один год».

Не случайно, что он говорит языком Гимmlера.

И далее:

«Что касается евреев, то я хочу вам сказать совершенно откровенно, что они должны быть уничтожены тем или иным путем... Джентльмены, я должен просить вас отказаться от чувства жалости. Мы должны уничтожать евреев всюду, где бы мы их ни находили, и всегда, когда это возможно, для того чтобы сохранить структуру империи в целом. Мы не можем расстрелять или отравить 3 миллиона 500 тысяч евреев, но тем не менее мы сможем принять меры, которые приведут к их уничтожению».

Может ли Фрик как министр внутренних дел не знать о политике уничтожения евреев? В 1941 году один из его подчиненных—Гейдрих писал министру юстиции: «Можно безошибочно сказать, что в будущем не будет более евреев на захваченных восточных территориях».

Может ли он как имперский протектор Богемии и Моравии отказаться от ответственности за вывоз сотен тысяч евреев с этой территории и за помещение их в газовые камеры в Освенциме, расположенном всего лишь в нескольких милях по ту сторону границы.

Что касается Штрейхера, то о нем нет необходимости говорить. Этот человек, возможно, более, чем кто-либо другой, ответственен за совершение наиболее ужасных из всех преступлений, которые когда-либо были известны миру.

В течение 25 лет уничтожение евреев являлось ужасной целью его

жизни. В течение 25 лет он воспитывал немцев в духе ненависти, жестокости и убийства. Он учил и подготавливал их поддерживать нацистскую политику, одобрять и участвовать в жестоких преследованиях и уничтожении миллионов своих соотечественников. Без него этого бы не могло быть. Он давно уже потерял всякие права на жизнь.

Тот факт, что подсудимые Шахт и Функ занимались главным образом экономическими вопросами, не должен отвлечь внимание Трибунала от того, что они играли важную роль в осуществлении общего плана. Шахт сказал, что он непричастен к этому. Дело Трибунала решить этот вопрос. Шахт сыграл свою роль в приходе Гитлера к власти. Он сказал, что, по его мнению, Гитлер был «человеком, с которым можно было сотрудничать», и заверил Гитлера в том, что он может всегда на него рассчитывать «как на надежного помощника».

Он способствовал укреплению положения нацистов и являлся главной фигурой в сборе среди промышленников фондов для проведения выборной кампании. Затем в его функции стала входить задача создания экономического плана и механизма, необходимого для начала проведения и осуществления агрессии. Он знал о политике, проводимой в отношении евреев, он знал о методах, которые применял Гитлер для укрепления своей власти, он знал, что конечной целью была агрессия. Но он продолжал принимать участие в осуществлении этих планов. Мессерсмит следующим образом резюмировал содержание его деятельности:

«Однако благодаря находчивости Шахта, совершенно безжалостным методам, которых он придерживался в финансовой политике, и своему абсолютному цинизму Шахт смог сохранить и стабилизировать позицию нацистов. Несомненно, без полной передачи всех его способностей в руки нацистского правительства Гитлеру и нацистам было бы невозможно создать вооруженные силы, достаточные для того, чтобы дать возможность Германии вести агрессивную войну».

Тот факт, что это являлось стремлением Шахта, явствует весьма определенно из очень давнего секретного отчета министерства экономики от 30 сентября 1934 г. Я уже ссылаюсь на отчет его помощника, в котором говорится о поразительной тщательности, с которой были разработаны планы для подготовки к управлению германской экономикой в период войны до ухода Шахта в отставку в 1937 году.

Неудивительно, что в день шестидесятилетия Шахта тогдашний германский военный министр Бломберг сказал ему:

«Без вашей помощи, мой дорогой Шахт, не могло бы быть создано это вооружение».

У свидетельского пульта Шахт сказал, что уже во второй половине 1934 года и в первой половине 1935 года он понял, что он «был неправ в своих предположениях» относительно того, что Гитлер придаст умеренный характер «революционным силам» нацизма, и что он понял, что Гитлер не сделал ничего для того, чтобы приостановить эксцессы отдельных членов партии, а также партийных групп. Гитлер проводил «политику террора».

Это совпадает с заявлением Шахта американскому послу в сентябре 1939 года, когда он сказал:

«Гитлеровская партия полностью посвятила себя войне; народ также проявляет желание вести войну и готов к этому, лишь некоторые прави-

тельство чиновники признают опасность этого и выступают против такого решения».

Дальнейшие объяснения Шахта относительно того, что цель его участия в правительстве заключалась в том, чтобы быть критическим началом и тормозом, нельзя совместить с его собственными действиями; исходя из своих собственных соображений, он не должен был становиться министром экономики, но тем не менее он это сделал. В мае 1935 года, когда он принял на себя функции генерального уполномоченного по вопросам военной экономики с тем, чтобы (я цитирую) «поставить все экономические ресурсы на службу войне и обеспечить германский народ в экономическом отношении», он писал Гитлеру:

«Все расходы для других целей, в которых нет особой необходимости, должны быть приостановлены, и вся финансовая мощь Германии должна быть сконцентрирована и направлена для достижения одной цели — вооружения».

В мае 1936 года на секретном совещании нацистских министров он заявил, что его программа финансирования вооружения означала «использование для этой цели с самого начала всех резервных фондов». Он сказал, что будет продолжать работать, поскольку он (я цитирую) «относится с неизменной лояльностью к фюреру, так как он полностью признает основные идеи национал-социализма».

В 1937 году, когда Гитлер наградил его золотым значком партии, Шахт призвал всех своих коллег и заявил: «В дальнейшем я буду отдавать всю свою душу, все свои силы делу фюрера, делу империи. Будущее Германии находится в руках нашего фюрера».

В свете этих выдержек нет ничего неожиданного в том, что посол Додд, которого Шахт включал в число своих друзей, вспоминал в своем дневнике в записи от 21 декабря 1937 г.:

«В такой же степени, как ему не нравилась диктаторская политика Гитлера, он, Шахт, так же как и большинство других выдающихся немцев, желал аннексии, по возможности, без войны или путем войны, если Соединенные Штаты не будут в это вмешиваться».

Эта цитата, по нашему мнению, ясно показывает, что Шахт очень хорошо знал гораздо раньше, чем он это утверждает, о том, что целью Гитлера являлась война. Однако он признает, что ему было известно также и о том, что дискредитация генерала фон Фрича означала войну. Несмотря на то, что ему было известно об этом, 9 марта 1938 г. он принял пост президента Рейхсбанка дополнительно еще на четыре года. Он с радостью принял участие в захвате бывшего австрийского национального банка 21 марта 1938 г. и 7 июня 1939 г. писал Гитлеру:

«С самого начала Рейхсбанк отдавал себе полный отчет в ЮМ, что успех внешней политики может быть достигнут лишь путем реорганизации германских вооруженных сил. Поэтому огромная ответственность возлагается на финансирование вооружения, несмотря на очевидную опасность, которая может в результате грозить денежному обращению. Оправдание этого — необходимость, которая отодвинула все другие соображения на задний план, немедленно начать перевооружение из ничего и, более того, маскируя его, с тем, чтобы увеличить престиж Германии во внешней политике».

Эти выражения и другие, подобные им, свидетельствуют, что Шахт знал, что Гитлер был готов вести войну для достижения своих целей.

Интеллект Шахта и положение, которое он занимал в международном общественном мнении, лишь увеличивают безнравственность его преступлений.

Более того, Шахт должен встать перед лицом этих фактов. Трибунал располагает в качестве доказательства фильмом, который показывает, как он льстиво ойсшаркивался перед Гитлером в 1940 году. Задолго до 1943 года он должен был знать о том, как обращались с евреями, и о господстве террора в оккупированных странах. Однако до 1943 года Шахт оставался министром без портфеля и, во всяком случае, отдал себя и свое имя делу этого режима ужаса.

Функ продолжал работу Шахта. Он оказал неоценимую услугу заговорщикам, организовав министерство пропаганды. Начиная с 1938 года, он занимал пост министра экономики, президента Рейхсбанка и главного уполномоченного по вопросам экономики, мобилизуя экономику для целей агрессивной войны и хорошо зная о нацистских планах агрессии. Мы находим его работающим в различных областях: он участвует в совещании, проводимом Герингом 12 ноября 1938 г., в совещании имперского совета обороны в июне 1939 года. Он дает советы по изданию декретов против евреев на первом совещании и относительно использования рабского труда и труда заключенных концентрационных лагерей — на втором.

В качестве окончательного доказательства того, как доброжелательно он относился к агрессии, можно привести его письмо к Гитлеру от 25 августа 1939 г., накануне дня, первоначально намеченного для начала наступления на Польшу.

Он заявил: «Как счастливы и как благодарны вам должны мы быть за то, что нам довелось жить в такое великолепное время, меняющее судьбы мира, когда мы имеем возможность вносить свой вклад в грандиозные события этих дней. Генерал-фельдмаршал Геринг сообщил мне вчера вечером, что вы, мой фюрер, в принципе одобрили подготовленные мною мероприятия, касающиеся финансирования войны, установления системы цен и заработной платы и осуществления плана по изысканию дополнительных средств.

С теми планами, которые были мною разработаны в отношении безжалостного прекращения всех маловажных расходов и всех издержек и финансирования проектов, не нужных для военных целей, мы сможем удовлетворить все наши финансовые и экономические потребности без серьезных для нас последствий».

Нет необходимости говорить здесь еще что-нибудь о его участии в войне, но мне хотелось бы сослаться на протоколы центрального планового отдела и на его соглашение с Гиммлером по поводу использования того, что было награблено СС и, как он знал, привозилось в подвалы Рейхсбанка на грузовиках из Освенцима и других концентрационных лагерей. Трибунал также вспомнит тот документ, который показывает, что министерство экономики получало также колоссальное количество гражданского платья, оставшегося после гибели несчастных жертв.

Разве Дениц был в неведении, когда он перед 600-тысячной аудиторией моряков военного флота выступал с речью о «распространении заразы еврейства»?

Неужели об этом не знал Дениц, который нашел возможным передать военно-морскому штабу директиву Гитлера относительно расправы

с всеобщей стачкой в Копенгагене—«на террор нужно отвечать террором», который иг-правил запрос о доставке 12 тысяч рабочих из концентрационных лагерей для использования их на судостроительных верфях и предложил применить коллективные репрессии против скандинавских рабочих ввиду неэффективности подобных мер во Франции.

Разве руки Редера не испачканы в крови от совершенных убийств? Еще в 1933 году он писал буквально следующее:

«Гитлер совершенно ясно заявил, что, с политической точки зрения, к 1 апреля 1938 г. ему нужно иметь такие вооруженные силы, которые он мог бы бросить на весы как орудие своей политической мощи».

Поэтому, когда затем он получил приказ вести борьбу, если внешняя политика Гитлера приведет к войне, он прекрасно понимал, что эта война означала определенный риск в случае неудачи этой политики. Вновь и вновь он получал об этом предупреждения, в первый раз, когда Германия ушла с конференции по разоружению, затем во время переговоров по поводу военно-морского соглашения в 1935 году, во время возникновения вопроса о Рейнской области и позднее, когда он присутствовал на известном «совещании Госсбаха». Он пытался убедить Трибунал в том, что выступления Гитлера на этих совещаниях казались ему только разговорами; однако мы знаем, что они вызвали у Нейрата сердечный припадок.

С его старыми товарищами по службе—фон Бломбергом и фон Фричем, которые были настолько недалевидны, что выступили с возражениями на совещании, которое определило судьбу Австрии и Чехословакии, обошлись так, что, по его собственным словам, тогда пошатнулась не только его вера в Геринга, но и в Гитлера.

Разве мог Редер не знать об убийствах тысяч евреев в Либаве, в Прибалтике? Вы припомните, что по имеющимся у нас показаниям по этому поводу многие евреи были убиты в военно-морском порту. Об этих фактах офицеры местного военно-морского штаба сообщили в Киль. Из отчета эйнзатцгруппы, которая расправлялась с евреями в Либаве, мы теперь знаем, что к концу января 1942 года в одном этом районе было уничтожено 11860 евреев. Ведь Редер в 1939 году в «день героев» обратился с недвусмысленным и вдохновляющим призывом бороться с международным еврейством. Можете ли вы действительно поверить в то, что Редер, который, по его собственным словам, всегда оказывал помощь отдельным евреям, никогда не слышал об ужасах концентрационных лагерей и об убийстве миллионов? Однако он не отступал от намеченной цели.

Фон Ширах. Что следует сказать о нем? Сказать, что лучше всего было бы повесить ему на шею мельничный жернов? Именно этот подлец совращал миллионы невинных немецких детей с тем, чтобы, когда они вырастут, сделать из них то, чем они стали, — слепое орудие политики убийства и господства, проводившейся этими людьми.

«Акция Сено», получившая позорную известность и заключающаяся в том, что сорок—пятьдесят тысяч советских детей были насильно увезены в рабство, является делом его рук. Вы припомните еженедельные отчеты СС по поводу истребления евреев, обнаруженные в его отделе.

Каково преступление Заукеля, гаулейтера той области, на территории которой находился покрывший себя позором лагерь Бухенвальд?

Заукель может теперь пытаться истолковывать в благоприятном свете свой приказ об увозе в рабство французов; он может пытаться от-

рицать, что выступал за повешение префекта или мэра города с тем, чтобы подавить оппозицию; он может утверждать, что ссылки на безжалостные действия относились к межведомственным спорам и что исправительные трудовые лагеря были чисто образовательными учреждениями. Вы, которые видели документы, объясняющие совершенные ужасы тем, что они называют «вынужденным положением»—острой необходимостью в рабочих для нацистской военной машины, вы, которые слышали и читали об условиях, в которых семь миллионов мужчин, женщин и детей были вырваны из-под родного крова и увезены в рабство по его приказам, нуждаетесь ли вы в дальнейших доказательствах его виновности?

Па пен и Нейрат находятся в положении, сходном с положением Редера. Как и последний, они притворно придерживались старых семейных и профессиональных традиций, что накладывает на них колоссальную ответственность, от которой свободны такие люди, как Риббентроп и Кальтенбруннер. В течение тех 18 месяцев, когда он продвигал Гитлера к власти, Папен знал, что правительство Гитлера означало притеснение оппозиционных элементов, жестокое обращение с евреями и преследование церковей, включая ту, к которой он сам принадлежал. Его недавние политические друзья, такие люди, как фон Шлейхер и фон Бредов, были брошены в концентрационные лагеря или убиты. Сам он был подвергнут аресту, два его сотрудника были убиты, а третьего — заставили присутствовать при убийстве. Ни одна из этих подробностей не ускользнула от Нейрата, тем не менее он продолжал оставаться на своем посту.

В 1934 году Папен писал Гитлеру льстивые письма, и вскоре после этого мы видим его в Австрии на службе у человека, которого он знал как убийцу, готовящего подрыв государственной системы, которую внешне он полностью признавал. Даже после аншлюсса он все еще работал на укрепление режима, который, как он знал, использовал убийство в качестве орудия своей политики. Потеряв еще одного секретаря, который был убит, он готов был принять новый пост в Турции. Конкордат с церковью, к которой он принадлежал, по поводу которого он лично вел переговоры, рассматривался, употребляя его собственное выражение, как «ключок бумаги», и все католики—от архиепископа до простых верующих людей—были сильно возмущены этим. Он говорил: «Гитлер—самый большой обманщик, который когда-либо жил на свете». Резюмируя в одной фразе точку зрения обвинения, можно сказать, что, будучи обо всем прекрасно осведомлен, Папен оказывал Гитлеру поддержку и сотрудничал с ним потому, что жажда власти и высокого положения привела его к принципу: «лучше царствовать в аду, чем прислуживать на небе».

Адвокат пытался изобразить Папена в качестве защитника мира. Если он предпочитал достигнуть целей заговора методами убийства, запугивания или шантажа скорее, нежели открытой войной, то это объяснялось тем, как явствует из его собственных показаний, что он боялся, что «если разразится мировая война, то положение Германии будет безнадежным».

Что касается Зейсс-Инкварта, мне хотелось бы напомнить вам о тех инструкциях, которые он получил от Геринга 26 марта 1938 г. относительно применения антисемитских мероприятий в Австрии и об отчете от 12 ноября, составленном одним из чиновников по поводу хода *эи*

операций. Он признал свою осведомленность в том, что евреи депортировались из Нидерландов, однако заявил, что он не мог приостановить этого, так как приказ исходил из Берлина. Он, далее, заявил, что ему было известно об их отправке в Освенцим, но сказал, что направил туда запрос об их судьбе и ему сообщили, что он-и хорошо устроены, после чего он добился для них разрешения пересылать письма из Освенцима в Голландию. Разве можно поверить тому, что Зейсс-Инкварт, признавая свою осведомленность о преступлениях, совершавшихся в огромных масштабах против евреев в Нидерландах, признавая, например, что он знал «о мерах, направленных к тому, чтобы заставить евреев подвергаться стерилизации», признавая, что в концентрационных лагерях в Голландии имели место многочисленные и крупные эксцессы и что в военное время он действительно «считал это почти неизбежным», — разве можно поверить, что Зейсс-Инкварт, который заявил Суду, что по сравнению с другими лагерями (я цитирую) «в Нидерландах было, быть может, не так уж плохо», действительно был введен в заблуждение и что его убедили в том, что в Освенциме заключенные были «сравнительно хорошо устроены»?

Теперь я перехожу к подсудимым Шпееру и Фриче, которые предстали на настоящем процессе в качестве специалистов.

Шпеер признал, что благодаря его ответственности за мобилизацию рабочей силы общее число подведомственных ему рабочих удалось довести до 14 миллионов. Он заявил, что к тому времени, когда он в феврале 1942 года занял свой пост, все преступления и нарушения международного права, в которых он мог обвиняться, были уже совершены. Тем не менее он далее сказал: «Рабочие доставлялись в Германию против их воли. Я не имел возражений против того, чтобы их насильственно привозили в Германию. Напротив, в первое время, до осени 1942 года, я, несомненно, тратил немало энергии на то, чтобы подобным образом было доставлено в Германию как можно больше рабочих. Затем рабочие передавались в распоряжение Заукеля, который нес ответственность за их распределение на работу. Он признал, что в августе 1942 года был доставлен в Германию 1 миллион советских рабочих. 4 января 1944 года он обратился с запросом о доставке 1 миллиона 300 тысяч рабочих для использования в текущем году.

Шпеер не выдвинул никаких защитительных аргументов по этому поводу, однако он заявил, что, начиная с 1943 года, он стоял за оставление французских рабочих во Франции, что, в сущности говоря, представляет собой лишь мероприятие смягчающего характера. Сдержанный характер Шпеера не должен оставлять в тени того факта, что его политика, которую он оптимистически воспринимал и проводил в жизнь, означала самые ужасные несчастья и страдания для миллионов советских семей и семей других национальностей.

Эта политика еще раз демонстрирует полнейшее безразличие к судьбе других народов, красной нитью проходящее в доказательствах, представленных на настоящем процессе. Никакие побуждения духовного характера, возникшие в связи с интересами германского народа (я подчеркиваю «германского народа») в конце войны, не могут оправдать участие в этих ужасных деяниях.

В отношении обращения с иностранными рабочими основная точка зрения Шпеера состоит в том, что доказательства, представленные по

этому поводу обвинением, касаются всего лишь отдельных случаев дурного обращения и не могут относиться к общему положению. Если бы имела место постоянная практика дурного обращения, он принял бы на себя за это ответственность. Обвинение считает, что предъявленные здесь нами доказательства, рассматриваемые в целом, представляют собой решающие доказательства по поводу существовавших тогда общих условий, которые были чрезвычайно тяжелыми.

Нейрат, который заявил, что он присоединился к правительству Гитлера с намерением привить этому правительству миролюбивые тенденции и сделать его уважаемым, однако уже через несколько недель узнал о преследовании евреев, о том, что достойные доверия иностранные и немецкие газеты приводили официальные цифры числа интернированных граждан, выражавшиеся в 10—20 тысячах человек. Он узнал, что такие оппозиционные элементы, как коммунисты, тред-юнионисты и социал-демократы, уничтожались как политическая сила. Затем последовала кровавая чистка, но Нейрат, тем не менее, не отступал и поддерживал Гитлера в его нарушении Версальского договора. Из показаний Пауля Шмидта мы узнаем, что убийство Дольфуса и попытка организовать путч в Австрии серьезно смутили сотрудников министерства иностранных дел, в то же время пакт о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом рассматривался ими как новое, весьма серьезное предупреждение о скрытых последствиях германской внешней политики.

Я цитирую слова Шпеера:

«На этот раз сотрудники, по крайней мере, поделились своими опасениями с министром иностранных дел Нейратом. Я не знаю, высказал ли Нейрат в свою очередь эти опасения Гитлеру».

Однако в то время как Редер издавал приказ об опасности обнаружить «энтузиазм по отношению к войне», фон Нейрат хочет заставить вас поверить в то, что он не осознавал роста этого энтузиазма. Он так же, как и Редер, наблюдал последующие события и принимал в них участие, например, в секретных совещаниях, в мероприятиях против фон Бломберга и фон Фрича.

Это он в период аншлюсса, несмотря на то, что он больше не являлся министром иностранных дел, позволил использовать свое, еще не слишком запятнанное имя для поддержки этого мероприятия Гитлера посредством лживых сообщений в опровержение британской ноты и посредством заверений чехам. Этих заверений никогда не следует забывать: существует немного примеров более мрачного цинизма, чем образ фон Нейрата, слушающего речь Госсбаха, в которой этот последний торжественно заявлял г-ну Мастни о том, что Гитлер будет соблюдать договор об арбитраже с Чехословакией. Как только Гитлер вошел в Прагу, именно он, фон Нейрат, стал протектором Богемии и Моравии. Вы слышали его признания в том, что он применял все декреты об обращении с евреями, появившиеся в Германии между 1933 и 1939 гг.

Работа Фриче заключалась в том, чтобы организовать всю германскую печать с тем, чтобы она стала «постоянным орудием министерства пропаганды». Пропаганда была самым могучим фактором всей нацистской стратегии.

В свою очередь этот фактор сделал всю печать самым мощным своим оружием. Тот факт, что он знал об использовании своей организации и участвовал в этом использовании, доказывается его попыткой.

обелить последовательные пропагандистские мероприятия, которые повели к каждой из соответствующих агрессий, упомянутых в его письменных показаниях. Так, он заявил: «Все проверенные мною известия были тенденциозны или вымышлены».

Совершенно невероятно, что, периодически проводя определенные мероприятия и являясь каждый раз свидетелем практических результатов этих мероприятий, он не отдавал себе отчета в бесчестности, с которой проводилась германская политика, или в том, что целью германского правительства являлась агрессивная война. Его личные способности в качестве радиокomentатора привели к тому, что он был фактически назначен официальным комментатором. Цитирую его собственные слова:

«Я хотел бы добавить, что мне известно о том, что в самых отдаленных уголках германских колоний и за границей речи, которые я произносил по радио, воспринимались, так сказать, как политические комментарии».

Он подчеркнул, что в этих комментариях ему была предоставлена полная свобода действий. Подлежит ли сомнению, что это происходило потому, что он был готов передавать по радио любую ложь по желанию Геббельса? Говоря о том, как использовалось его влияние, он сам заявляет: «Снова и снова меня просили возбуждать ненависть к отдельным лицам и системам».

Вы видели пример этого в его радиопередаче об «Атении». Уже в 1940 г. он в достаточной мере освободился от чувства стеснения, которое он пытался изобразить, давая свидетельские показания, чтобы называть поляков «низшей расой» и «животными в человеческом облике».

18 декабря 1941 г. он высказывался о судьбе европейских евреев следующим образом: «Судьба европейского еврейства оказалась такой неприятной, как фюрер предсказал ее в случае войны в Европе. После распространения войны, подстрекаемой евреями, эта неприятная судьба может также распространиться и на Новый Свет, так как едва ли можно предположить, что народы Нового Света простят евреям те несчастья, которые не простили им народы Старого Света».

Среди всех этих миазмов нацистской лжи о евреях одним из наиболее ужасных и подстрекающих к ненависти являлось лживое утверждение, что они являются поджигателями войны, принесшей человечеству такие ужасные несчастья. Однако такое заявление было умышленно сделано этим образованным и рассудительным подсудимым.

Трудно себе представить более низкое и подлое толкование гитлеровской агрессии, чем его речь от 9 октября 1941 г., в которой среди прочего говорилось следующее:

«...и мы особо благодарны за эти молниеносные победы потому, ч'ю, как фюрер это подчеркнул в прошлую пятницу, они дали нам возможность предпринять организацию Европы и вывезти сокровища нашего старого материка уже в самый разгар войны, не будучи связанными необходимостью деожать под ружьем миллионы германских солдат...»

Возможно, что сокрытие военных преступлений явилось основным принципом пропаганды Фриче. Я цитирую: «Но решающую роль для нас в этом информационном аппарате играют не подробности, а фундаментальная основа, на которой строится пропаганда. Решающим является вера в чистоту руководителей государства, на которую должен опираться каждый журналист».

Практически почти до самого конца Фриче поддерживал прекрас-

ные отношения с Геббельсом. Когда Трибунал представит себе, каким крайним экстремистом и яростным антисемитом, по описанию других подсудимых, являлся Геббельс, трудно вообразить, что поклонение его ближайшего сотрудника могло быть основано на невинном неведении.

Обвинение утверждает, что смехотворным является то положение, в котором этот человек старается вас убедить, что, будучи в неведении об этих ужасах, он призывал и убеждал немецкий народ следовать по пути своей гибели. Фриче разделяет со Штрейхером, Розенбергом и Ширахом ответственность за полнейшее падение германского народа; это они «закрыли перед человечеством врата милосердия». Из-за них происходили события, подобные тем, которые имели место на еврейском кладбище в Швеце в воскресенье утром в октябре 1939 г., где совершались убийства женщин и детей, привезенных туда на грузовике, убийства, которые кейтелевские «честные солдаты» германской армии наблюдали без ропота и сомнений. Вспомните, как об этом рассказали трое из них (я цитирую):

«В субботу утром один товарищ по роте рассказал мне, что в тот день некоторое число поляков было расстреляно на еврейском кладбище. Весть об этом разнеслась по роте с молниеносной быстротой. На следующее утро я отправился на это кладбище в 8 часов утра с двумя товарищами по роте. Там я увидел очень много солдат из других рот нашего батальона, а также из частей, стоявших в Швеце. На кладбище находилось приблизительно от 200 до 300 солдат. В 9 часов 30 минут прибыл автобус, в котором были женщины и дети. Я стоял у общих могил, приготовленных заранее, и видел, как одна женщина шла от автобуса ко рвам, держа правой рукой за руку мальчика, а левой — одну или двух девочек. Несколько секунд спустя я увидел, что женщина стоит в могиле, а эсэсовцы подают ей одного из мальчиков. Затем мы повернулись и пошли, так как я не хотел и не мог быть свидетелем расстрела этих детей. Тотчас же вслед за этим я услышал выстрелы. Вскоре после этого прибыл еще один автобус, в котором были поляки. Один эсэовец закричал солдатам, стоящим вокруг: «Теперь вы все можете подойти ближе и посмотреть!» Тогда я подошел еще раз и увидел, как группа в четыре человека опускалась в ту же самую общую могилу, в которой была расстреляна ранее та женщина. Им приказали лечь, затем их умертвили выстрелом в затылок с очень близкого расстояния. Куски человеческих тел и мозги валялись повсюду в могиле, и ими была запятнана военная форма наблюдавших за этой картиной солдат. У самого края могильного рва стояло около восьмидесяти солдат. Все происходящее могли также наблюдать жители города из окон своих домов напротив еврейского кладбища».

Вас просят поверить тому, что эти 21 человек министров и ведущих государственных деятелей не знали об этом и не отвечали за это. Вам надлежит решить этот вопрос.

Много лет тому назад Гете сказал про германский народ, что однажды судьба его накажет...

«Накажет его, потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелестей истины; отвратительно, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность; достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его самым низменным инстинктам,

который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобщение и жестокость».

Как пророчески звучат его слова, так как ведь именно они — эти безумные негодяи, совершили эти деяния.

Возможно, что некоторые больше виноваты, чем другие; некоторые играли более деятельную и более непосредственную роль, чем другие, в этих ужасающих преступлениях. Но, когда эти преступления таковы, как те, которые вы должны рассматривать здесь: обращение в рабство, массовые убийства и всемирная война, когда последствия преступлений выражаются в смерти свыше 20 миллионов наших братьев, опустошении целого материка, распространении по всему миру неописуемых трагедий и страданий, каким же смягчающим обстоятельством может явиться то, что некоторые играли меньшую роль, чем другие, что некоторые были главными персонажами, а другие — более второстепенными? Какое имеет значение тот факт, что некоторые заслужили стократную смерть, тогда как другие заслужили миллион смертей?

В некотором отношении судьба этих людей значит очень немного: их личная возможность творить зло навсегда уничтожена. Они обвиняли и дискредитировали один другого и в конце концов уничтожили легенду, которую они создали вокруг образа своего фюрера. Но от их судьбы может еще зависеть очень многое, так как будущее правды и справедливости в отношениях между народами всего мира, надежда на международное сотрудничество в будущем в деле совершения правосудия находятся в ваших руках. Этот процесс должен стать краеугольным камнем в истории цивилизации, принеся не только возмездие этим преступникам, не только показав, что в конце концов право торжествует над злом, но также показав, что все люди во всем мире (и здесь я не делаю разницы между друзьями и врагами) теперь будут определенно знать, что отдельный человек должен стоять выше государства. Государство и закон созданы для человека с тем, чтобы он с их помощью мог более полно пользоваться жизнью, жить более целесообразно и более достойно. Государства могут быть великими и могучими. В конечном итоге права человека, созданного, как все люди, по образу и подобию божьему, являются самыми важными. Когда какое-нибудь государство либо потому, что, как в данном случае, его руководители жаждали власти, территорий, либо под тем благовидным предлогом, что цель оправдывает средства, нарушает этот принцип, он, возможно, временно придет в забвение и останется в тени. Но он вечен, и в конечном итоге он станет еще более непоколебимым, и вечная его сущность станет еще более очевидной. Итак, после этой голгофы, через которую заставили пройти человечество, человечество, которое борется теперь за то, чтобы восстановить во всех странах мира самые обычные и простейшие вещи: свободу, любовь, взаимопонимание, обращается к настоящему Трибуналу и восклицает: «Вот наши законы, пусть они восторжествуют!».

И тогда, как мы должны надеяться, не только для германского народа, но и для всего сообщества народов будут претворены в жизнь слова Гете: «Так должен вести себя германский народ, даря миру и принимая от него дары, держа свои сердца открытыми для всех плодотворных чудесных источников, будучи великим, благодаря своему пониманию других и любви, благодаря общению и духовной близости с людьми—таким он должен быть, таково его предназначение».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБА'

[Произнесена 29 июля 1946 г.]

В продолжение девяти месяцев на этой трибуне мы вызывали в памяти события истории за пятнадцать лет...

Германские архивы, которые нацисты не успели уничтожить перед поражением, раскрыли нам их тайны.

Нами были заслушаны многочисленные свидетели, чьи воспоминания остались бы неизвестными истории, если бы не этот процесс.

Все факты изложены с предельной объективностью, которая никогда не допускала ни увлечения, ни чувствительности. Трибунал исключил из обсуждения все, что казалось ему недостаточно убедительным, все, что смогло бы показаться продиктованным чувством мщения.

Вот почему, господа Судьи, настоящий процесс имеет значение прежде всего в силу своей исторической правдивости.

Благодаря этому процессу историк будущего, так же как и летописец сегодняшнего дня, узнает правду о политических, дипломатических и военных событиях наиболее трагического периода нашей истории, он узнает о преступлениях нацизма, а также о колебаниях, слабостях и упущениях миролюбивых демократий.

Он узнает, что то, что было создано за 20 веков цивилизации, которую считали вечной, едва не рушилось в связи с возвращением варварства древних времен, обретшего новую форму, варварства, которое было еще более свирепым, потому что оно опиралось на серьезные научные познания.

Он узнает, что достижения в области техники, новейшие методы пропаганды и дьявольские приемы, которые использовала полиция, горделиво попиравшая наиболее элементарные человеческие права, что все это позволило кучке преступников в течение нескольких лет преобразить коллективное сознание целого народа и превратить народ Гете и Бетховена в народ Гиммлера и Геббельса, если говорить лишь о тех, кто мертв.

Он узнает, что преступления этих людей заключались прежде всего в том, что они замыслили гигантский план достижения мирового господства, и в том, что они стремились осуществить этот план всеми средствами.

Всеми средствами, т. е., разумеется, — путем нарушения данного

Печатается с сокращениями. — Составители.

слова и путем развязывания худшей из агрессивных войн, но прежде всего с помощью методического, научно разработанного уничтожения миллионов человеческих существ, а именно—ряда национальных и религиозных групп, чье существование мешало гегемонии германской расы.

Столь чудовищное преступление никогда не было известно истории до того, как появился гитлеризм, и поэтому для определения этого преступления потребовалось создание неологизма «геноцид», а для того, чтобы поверить в то, что такое преступление возможно, пришлось собирать документы и свидетельские показания.

К стыду тех времен, в которые мы живем, это преступление оказалось возможным. Плодотворное сотрудничество обвинителей от четырех стран позволило это доказать, и Франция полагает, что она оказала поддержку общему делу в рамках тех разделов Обвинительного заключения, которые ей были предоставлены.

После того как подсудимые и защитники пространно говорили перед Трибуналом о необходимости обеспечения безопасности ни в чем не повинного гражданского населения как об очевидном принципе, мы установили, что подсудимые умышленно нарушали этот принцип в обращении с гражданским населением, полностью пренебрегая человеческой жизнью. Есть ли необходимость в том, чтобы напомнить чудовищную фразу подсудимого Кейтеля: «Человеческая жизнь на оккупированных территориях стоит меньше, чем ничто».

Возродив традицию, символизирующую практику наиболее, примитивных войн, подсудимые вновь стали использовать систему взятия заложников. Они ставили свою подпись под общими приказами о захвате и казни тысяч несчастных мучеников. Только во Франции было расстреляно 29 000 заложников.

Мы знаем, что участники движения сопротивления, чьим патриотизмом подсудимые сегодня восхищаются, были зверски замучены, подвергались пыткам, их помещали в заключение для того, чтобы медленно уничтожать. Нам известно, что под предлогом карательных действий, выполняя приказы, или же, наконец, в результате жестокости отдельных лиц, которая прикрывала участие в этих деяниях командования, были казнены совершенно произвольно отобранные лица из числа гражданского населения, были сожжены целые деревни: Орадур-сюр-Глан и Майе во Франции, Пюттен — в Голландии.

У всех нас живо воспоминание о зверских приказах, которые были отданы фельдмаршалом Кессельрингом для того, чтобы подавить с помощью террора действия партизан. Мы видели офицера, который приказал казнить в качестве репрессии 50, 100 или же всех местных жителей — мужчин в ответ на отдельные акты, направленные против германской армии. Выполнение этого приказа санкционировалось инструкциями командующего театром боевых действий, который в свою очередь руководствовался инструкциями более общего порядка подсудимого Кейтеля.

Этот пример показывает, сколь тесным было сотрудничество национал-социалистских должностных лиц, сколь тесным было сотрудничество внутри государства, и вместе с тем этот пример подтверждает, если в этом есть еще необходимость, что ответственны все руководители режима.

Нам известно, что тысячи людей оторвали от очага и заставили ковать оружие против их собственных стран.

Зверское обращение с воюющими военнослужащими нас тем более потрясло, что Германия — все равно, имеется ли в виду Германия с обычной властью, или же Германия нацистская, или же Германия, которая излагает жалкие аргументы в свою защиту на скамье подсудимых,— Германия всегда заявляла о всеобщих законах воинской чести и о необходимости уважать всех сражающихся. И, несмотря на это, мы видим, что сам Кейтель торопил Геринга принять преступные предложения относительно обращения с попавшими в их руки летчиками.

Такие документы, как показания Грюннера, не позволяют оспаривать того, что преступные приказы о казни и линчевании летчиков были составлены в соответствии с принятой формой и переданы в органы, которым было поручено их выполнять.

Не возникает никакого сомнения ни в отношении принципов, которыми руководствовались при составлении приказа о «командос», ни в отношении того, как этот приказ проводился в жизнь на различных военных театрах. Обвинение представило по этому вопросу цепь бесспорнейших доказательств.

Мы были еще более потрясены, когда у нас создалась уверенность в том, что зверские приказы о казнях или о заключении под стражу были отданы для уничтожения людей, которые уже находились в беспомощном состоянии, будучи в лагерях для военнопленных.

В нашей памяти сохранилась мрачная история лагеря Саган, о которой не раз говорили в ходе судебного разбирательства; сами подсудимые ограничились попыткой ускользнуть от ответственности, не отрицая в то же время, что это является зверством и что эти события действительно имели место. Нами было показано, как совершившие побег непокорные офицеры и унтер-офицеры, чьи предшествующие действия и поведение свидетельствуют об их стойкости, были казнены.

Наконец, нацистская Германия разоблачила свой план экспансии и мирового господства, организовав систематическое уничтожение населения оккупированных ею территорий.

Это деяние, доказательства которого были нами представлены, первоначально заключалось в политическом, экономическом и моральном уничтожении народов оккупированных стран. Средствами служили грубый и последовательный захват суверенитета или осуществление неустанного вмешательства германских властей в самые различные сферы, безжалостное проведение в жизнь программы ограбления народного хозяйства в целях уничтожения и полного истощения оккупированных стран, в целях полнейшего подчинения их оккупантам и в заключение нацификация государств и их граждан, связанная также с уничтожением культурных и моральных ценностей.

Но это методическое уничтожение производилось и в конкретной форме — в форме массовых убийств людей.

Разве необходимо напоминать о том, чем явились эти колоссальные истребления групп людей, которые были сочтены неспособными ассимилироваться в национал-социалистском мире, разве необходимо напоминать о гигантском кладбище концлагерей, в котором погибло 15 миллионов человек, разве необходимо напоминать о последствиях чудовищных деяний «эйнзатцгрупп», которые были описаны с неоспоримой точностью Олендорфом?

Мы считаем также подтвержденным доказательство того, что эти.

злостные попытки уничтожения были, как это явствует из их рассмотрения, одним из наиболее ярких выражений политики, которую проводили подсудимые. Я хочу указать на преднамеренное неудовлетворительное снабжение продовольствием лиц негерманского происхождения, которые попадали под какую-либо категорию при нацистских властях, на то, что в качестве репрессии заставляли голодать целые народы, на то, что граждан оккупированных территорий подвергали жестокому рационированию, которое входило в систему ограбления этих территорий. Трибунал помнит речь Гитлера перед гаулейтерами (этот документ был предъявлен под номером СССР-170), в которой он сказал:

«Мне совершенно безразлично, если вы сообщите, что ваши люди падают от истощения. Пусть это будет так для того, чтобы ни один немец не умер от голода».

И далее, относительно Голландии:

«Наша задача заключается не в том, чтобы кормить народ, который в душе нас ненавидит. Тем лучше, если этот народ в такой степени ослабел, что не может поднять руки там, где мы не используем его на работе...»

Результатом этого явились голод, предельное физическое истощение и снижение жизненного уровня, причем все это, как и медленное умерщвление голодом военнопленных, входило в общий план уничтожения населения для освобождения германского жизненного пространства.

С этим же стремлением связано содержание в плену или, как это имело место в отношении лиц, угнанных на работы, заключение, которое почти равнялось плену, молодых, здоровых людей, чье пребывание на родине было необходимо для будущего их стран.

Все это было подтверждено результатами последних переписей. Из этих результатов мы установили, что во всех оккупированных Германией странах численность населения уменьшилась от 5 до 25 процентов, в то время как Германия является единственной страной в Европе, численность населения которой возрастала.

Все эти преступления были нами доказаны. После предъявления документов, после того как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? У них нет силы их отрицать. Они лишь пытались освободиться от ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно об этих ужасах», говорят они, или же: «мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что

их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые делали по радио руководители Объединенных Наций преступникам войны.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчиняясь ему, они, быть может, рисковали бы жизнью, но тогда, по крайней мере, они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке, им было прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они взяли на себя ответственность за это, так как получили материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что останутся безнаказанными, так как были уверены в победе, были уверены, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что также, как это было после войны 1914 года, никакое международное правосудие никогда не сможет свершиться.

Они считали, что всегда будет сохраняться пессимистское суждение Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым».

Они ошиблись. После Паскаля медленно, но верно появились понятия Мораль и Справедливость, эти понятия обрели плоть в международных обычаях цивилизованных наций и для спасения мира от варварства. Победа Объединенных Наций утвердила сегодня союз силы и справедливости, об этом упоминает Устав, на основании которого учрежден настоящий Трибунал, и это будет подтверждено вашим приговором.

Трибунал, несомненно, помнит, что в заключительной части изложения материалов французское обвинение уточнило ответственность всех подсудимых, «виновных в том, что, будучи главными гитлеровскими руководителями германского народа, они запланировали, одобрили, приказали совершать или же только допустили, сохранив молчание, систематические убийства и другие бесчеловечные деяния, систематические насилия над военнопленными и лицами гражданского населения, производили систематические, ничем не мотивируемые уничтожения, являвшиеся преднамеренными средствами для того, чтобы достигнуть европейского и мирового господства, к которому они стремились с помощью террора и путем уничтожения целых народов для расширения жизненного пространства германского народа».

Нам остается лишь показать, что судебное разбирательство, которое развернулось перед вами, лишь подтвердило и усилило обвинение и определение состава преступления, которые мы уже в начале процесса сформулировали в отношении главных военных преступников, представших во исполнение Устава перед этим Трибуналом для того, чтобы были удовлетворены требования справедливости и Объединенных Наций.

Я прошу Трибунал разрешить г-ну Дюбосту продолжить это выступление¹.

Я напомним факты, изложенные французской делегацией. Они свидетельствуют о том, каков был вклад, сделанный нами в настоящий процесс. Но мы вовсе не намерены выделять нашу часть из общего целого, которое составляют выступления обвинителей всех четырех делегаций и результаты судебного разбирательства. Основываясь на этом, мы продолжим нашу обвинительную речь и рассмотрим вопрос об индивидуальной ответственности подсудимых.

Последовательно рассмотренные все действия, за которые они ответственны, сводятся к убийствам, квалифицированным кражам и прочим тяжким деяниям в отношении интересов отдельных лиц и имущества² т. е. к деяниям, которые караются во все времена во всех цивилизованных странах.

Подсудимые не являлись физическими исполнителями этих преступлений, они ограничились тем, что отдавали приказы об их совершении. Следовательно, они являются соучастниками, согласно французскому праву. За исключением некоторых различий в форме, в большинстве стран виновники тяжких преступлений и те, кто стал их соучастниками, караются смертной казнью и другими суровыми наказаниями, приговариваются к каторжным работам и тюремному заключению.

Таков и англо-саксонский порядок. Также и во Франции об этом свидетельствует применение ст. 221 и других статей французского уголовного кодекса. В Германии, согласно ст. 21 германского уголовного кодекса, карается убийство, согласно ст. 221 — умерщвление, ст.ст. 223—226 — пытки, ст. 229 — отравление и умерщвление с помощью газа, ст. 234 — обращение в рабство, порабощение, призыв на военную службу для несения ее за границей, ст.ст. 242 и 243 — кражи и грабежи, ст. 130 — подстрекательство населения к совершению насилий. Наказание соучастников и виновников предусматривается ст.ст. 47 и 49.

Аналогичные положения существуют и в советском законодательстве, а также во всех законодательствах больших цивилизованных государств.

Руководители империи, сообщники фюрера ответственны за преступления, совершенные в период их правления, и их ответственность перед лицом мирового сознания является более тяжелой, чем ответственность простых исполнителей.

Двое подсудимых — Франк и фон Ширах — признали, что их ответственность более велика, чем ответственность простых исполнителей. Франк показал: «Я никогда не создавал лагерей для уничтожения евреев. Я также не способствовал тому, чтобы такие лагеря существовали, но если Адольф Гитлер возложил на плечи своего народа такую страшную ответственность, то эта ответственность ложится также и на меня, так как мы на протяжении долгих лет вели борьбу с евреями, мы выступали против них с самыми различными заявлениями».

И эти последние слова Франка выносят приговор как ему, так и всем тем, кто в Германии либо за ее пределами проводил кампанию преследования евреев.

¹ Далее речь продолжил представитель обвинения от Франции г-н Дюбост. — Составители.

Примем к сведению также ответ Франка на вопрос его защитника касательно обвинений, выдвинутых против Франка в Обвинительном заключении. Этот ответ распространяется на всех подсудимых и более всего на тех, кто был ближе к Гитлеру, чем сам Франк: «Что касается этих обвинений, то я скажу лишь следующее, — показал Франк, — я прошу Трибунал в результате судебного разбирательства решить вопрос о степени моей виновности, но я лично хотел бы сказать, что после всего, что я увидел на протяжении этих пяти месяцев процесса, благодаря чему я смог получить общее представление обо всех совершенных ужасах, у меня создалось чувство моей глубокой виновности...»

В свою очередь фон Ширах показал:

«Вот в чем моя вина, за которую я отвечаю перед богом и перед германским народом. Я воспитывал нашу молодежь для человека, которого на протяжении долгих и долгих лет я считал вождем нашей страны. Я воспитал для него молодежь, которая видела его таким, каким видел его я.

Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей... Каждый немец, который после Освенцима еще придерживается расовой политики, является виновным...

Вот что я считаю своим долгом сегодня заявить».

В ходе настоящего процесса такие крики, продиктованные совестью, раздавались редко; значительно чаще, подражая вздорному тщеславию Геринга, подсудимые пытались оправдаться, ссылаясь на политический неомакиавелизм, который якобы освобождает руководителей государства от всякой личной ответственности. Отметим только, что ничего подобного не записано нигде, ни в каком законе ни одной цивилизованной страны, а, наоборот, акты произвола или посягательства на свободу личности, гражданские права и конституцию караются тем более строго, если они совершены государственным чиновником, высшим государственным служащим, и самому суровому наказанию должны быть подвергнуты сами министры.

Но ограничимся сказанным. Наше намерение заключается в том, чтобы напомнить, что основные деяния, инкриминируемые подсудимым, деяния, о которых говорилось здесь, могут рассматриваться, взятые порознь, как нарушение уголовных законов внутреннего позитивного права всех цивилизованных стран или, кроме того, международного уголовного права. Таким образом, наказание за совершение каждого из этих действий не является необоснованным, напротив, если принять во внимание изложенное выше, то можно считать провозглашенными наиболее суровые наказания.

Однако необходимо пойти еще далее, так как, несмотря на то, что анализ ответственности подсудимых в свете внутренних законов не устраняет ни одного из преступных деяний, он является лишь первой, приблизительной стадией, которая позволит нам преследовать подсудимых только как соучастников, а не как главных виновников. Мы не замедлим доказать, что они были действительно главными виновниками.

Мы надеемся достичь этого, разлив три следующих положения:

1. Действия подсудимых являются элементами преступного политического плана.
2. Взаимодействие различных управлений, во главе которых стояли

эти люди, предполагает тесное сотрудничество между ними в целях осуществления их преступной политики.

3. Они должны быть осуждены в связи с тем, что они проводили эту преступную политику.

ДЕЙСТВИЯ ПОДСУДИМЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕСТУПНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНА

Подсудимые занимались самой различной деятельностью. Политики, дипломаты, военные и морские специалисты, экономисты, финансисты, юристы, публицисты или пропагандисты — они представляют почти все формы свободной деятельности. Однако без затруднений можно определить связь, объединяющую их. Все они поставили на службу гитлеровского государства все, что у них есть самого лучшего или самого худшего. В определенной мере они представляли собой мозг этого государства. Взятые порознь, они не являлись мозгом всего государства. Тем не менее ни у кого не вызывает сомнений, что каждый из них являлся важной частью этого мозга. Они замыслили политику государства. Они хотели, чтобы мысль их претворялась в действии, и все, почти что в равной степени, этому способствовали. Это справедливо как в отношении Гесса, Геринга, профессиональных политиков, которые признали, что они никогда не имели другой профессии, нежели агитатор или государственный деятель, так и в отношении Риббентропа, Нейрата, Папена—дипломатов при этом режиме; Кейтеля, Иодля, Деница или Редера — военных; Розен- (іерна, Штрейхера, Франка, Фрика — мыслителей (впрочем, можно ли их так называть!)—выразителей идеологии режима; Шахта, Функа—финансистов, без которых режим обанкротился бы и рухнул под ударами инфляции до того, как было начато перевооружение; публицистов и пропагандистов — Фриче и того же Штрейхера, преданно служивших делу распространения общей идеи; технических специалистов — Шпеера и Заукеля, без которых мысль никогда бы не была так претворена в действие, как это произошло; полицейских — например, Кальтенбруннера, который с помощью террора подчинял умы; либо просто гаулейтеров — Зейс-Инкварта, Шираха или снова Заукеля — администраторов, должностных лиц и в то же время политиков, которые облекли в конкретные формы общую политику, намеченную всей совокупностью государственного и партийного аппарата.

Я знаю, что гень отсутствующих витает над этим залом, и сегодняшние подсудимые напоминают нам об этом беспрестанно... «Гитлер хотел, Гиммлер хотел, Борман хотел,—говорят они.—«Я лишь повиновался». А защитники наперебой раздувают это! Гитлер — чудодейственный тиран, навязывающий свою волю с неотразимой сверхъестественной силой. Это слишком примитивно. Это слишком общее утверждение.

• Нет человека, категорически отвергающего возражения, внушения, влияния, и Гитлер, как и всякий другой, не был таким человеком. Это неопровержимо явствует из всего судебного разбирательства, которое позволяет нам догадываться о борьбе различных влияний, разыгравшихся в окружении этого «великого человека». Плелись коварные и скрытые интриги, распространялась клевета — и порой во время судебного разбирательства это заставляло нас думать о небольших дворах эпохи итальянского возрождения. Здесь было все, вплоть до убийства. Разве не так, что

Геринг до того, как он сам впал в немилость, избавился от Рема и других, вступивших в заговор не против своего хозяина, а против него, как сообщил нам об этом свидетель Гизевиус. Такое воображение, такое упорство, когда речь идет о зле, а также такая эффективность — все это показывает нам, что Гитлер уже не был так нечувствителен по отношению к действиям и интригам в своем окружении. Почему бы такие интриги не использовать для доброго дела!

Относительно того, насколько Гитлер поддавался влияниям, мы слышали прямое свидетельское показание — это показание Шахта, указавшего, помимо этих людей, и на германскую толпу, в которой все разжигали нездоровые страсти и стремились уничтожить всякое собственное суждение.

Разве Шахт не так сказал во время судебного заседания о Гитлере: «Я полагаю, что сначала у него были не более чем дурные наклонности; без сомнения, он думал, что он желает добра, но мало-помалу он пал жертвой поклонения, которое он внушал толпе, ибо тот, кто начинает с развращения толпы, кончает тем, что сам бывает развращен ею. Подобные отношения между вождем и тем, кто ему подчиняется, приводят к тому, что он ошибочно подчиняется инстинктам толпы, чего должны стараться избегать все политические вожди».

Итак, в чем же заключалась основная идея, которая всех их преследовала? Бесспорно, она заключалась в завоевании жизненного пространства всеми способами, даже наиболее преступными.

В тот период, когда Германия оставалась еще разоруженной и следовало соблюдать осторожность, Шахт, находясь в окружении Гитлера, требовал колоний, — мы помним это из свидетельских показаний Гиршфельда, — но Шахт скрывал, он часто маскировал эту основную идею государственного агитатора, к числу сторонников которой он принадлежал, и нам было бы труднее вскрыть эту основную идею, если бы к нам не пришла на помощь вызывающая смущение откровенность «великого человека», поведавшего миру еще 10 годами ранее все свои бредовые планы.

Я оглашаю выдержку из «Майн кампф»:

«Мы, национал-социалисты, должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначена. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое может быть оправдано перед богом и грядущими германскими поколениями; перед богом потому, что мы пришли на эту землю, чтобы зарабатывать здесь свой насущный хлеб ценой вечной борьбы, пришли как существа, которым ничего не было дано без боя и которые будут обязаны своим господствующим положением на земле лишь своему уму и отваге, благодаря которым они смогут завоевать и сохранить такое положение...

...Государство, которое в эпоху деградации рас ревностно следит за сохранением лучших элементов своей расы, должно в один прекрасный день стать господином на земле...

...Более сильная раса изгонит слабые, так как окончательный стремительный натиск вперед к жизни разорвет смехотворный путь пресловутого индивидуалистически настроенного человечества и освободит место для человечества, действующего согласно закону природы, который уничтожает слабых, чтобы предоставить их место сильным...»

...Гитлер разъяснил свою мысль в узком кругу лиц, и не все нацисты положительно восприняли его высказывания. Осведомленные о намерениях своего господина они, тем не менее, остались рядом с ним, и уже это их обрекло. Разве не так обстоят дела с Редером?

«Речь идет не о завоевании народов, а о завоевании территорий, которые могут быть культивированы...», — сказал Гитлер на совещании с фон Бломбергом, фон Фричем и Редером 5 ноября 1937 г.

«Экспансию можно осуществить, лишь сокрушая жизни и идя на риск...»

После того как фон Фрич и фон Бломберг оказались в опале, Кейтель и Йодль, избранные благодаря их рабскому служению целям настоящего режима, получили в руки солидную военную машину. Перевооружение продолжалось. Накануне конфликта Гитлер напомнил свою идею:

«Обстоятельства должны приспособляться к целям, которые необходимо достигнуть. Это невозможно без вторжения в иностранные государства или без захвата чужого имущества.

Жизненное пространство, соответствующее величине государства, является основой всякой мощи. На время можно отказаться от рассмотрения этой проблемы, но она должна быть разрешена в конечном итоге тем или иным путем. Выбор таков: прогресс или упадок. Через 15 или 20 лет мы будем вынуждены найти решение. Ни один государственный деятель Германии не сможет долее избежать этого вопроса.

В настоящий момент мы пребываем в состоянии патриотического рвения, которое разделяется двумя другими государствами — Италией и Японией.

Период, который остался позади, был хорошо использован. Были предприняты все конкретные меры, находящиеся в соответствии с поставленными нами целями.

После шести лет положение на сегодня таково: политическое и национальное объединение немцев достигнуто, если не считать некоторых политических деятелей. Последующих успехов достичь нельзя без пролития крови. Данциг отнюдь не является предметом спора. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке и обеспечения продовольственного снабжения...

Население негерманских территорий не будет нести воинской повинности, оно будет являться источником рабочей силы. Польская проблема неразрывно связана с конфликтом на Западе». (Это — выдержка из протокола совещания, состоявшегося 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на котором присутствовали Гитлер, Геринг, Редер и др., документ Л-79, США-27.)

И началась война, которая несколько месяцев спустя позволила всей Германии считать, что сила ее неотразима и она может приступить к завоеванию мира.

Все, что включала в себя самого жестокого и чудовищного фраза Гитлера: «Мы должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается. И это действие, которое вызовет пролитие крови, является единственным, которое может быть оправдано перед богом и грядущими поколениями немцев», — было развито Гитлером в его заявлении по вопросу о восточных территориях на совещании 16 июля 1941 г. (Л-221). «Мы утверждаем, что были принуждены проводить оккупацию,

управлять и т. д. Никто не станет это рассматривать как окончательное наше установление. Это не помешает нам принимать необходимые меры: расстрелы, переселение и т. д.»

И далее: «Партизанская война даст нам одно преимущество: она позволит нам искоренить всех тех,, кто оказывает нам сопротивление»... : Эта же идея была подхвачена и цинично провозглашена другими рупорами государства, ее донесло к нам на данный процесс. | В одной из своих речей Гиммлер заявил (документ ПС-1919):

«То положительное, что могут предложить нам нации благородной крови, мы, в случае необходимости, воспримем, взяв воспитание их детей, и будем воспитывать их среди нас».

В той же речи: «Процветают ли нации или издыхают от голода,—интересует меня лишь постольку, поскольку мы можем использовать их как рабов в интересах нашей цивилизации.

Пусть 10 000 русских женщин падут от изнеможения, делая противотанковый ров, это меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть закончен для Германии».

Из той же речи: «Если кто-нибудь придет и скажет мне: «Я не могу сделать противотанковый ров с помощью женщин и детей, это бесчеловечно, это их погубит», — то я отвечу ему: «Вы убийца людей вашей крови, так как, если этот ров не будет закончен, то германские солдаты погибнут, а они — сыновья германских матерей».

Из той же речи по вопросу об истреблении евреев: «Мы истребили микроб. Мы не хотим дольше терпеть такой заразы и умирать от нее. Мы выполнили этот долг из любви к нашему народу. Наш дух, наш характер не пострадали от этого».

Завоевание жизненных пространств а, т. е. территорий, население которых было ликвидировано всевозможными средствами.в том числе — путем его уничтожения,— вот в чем,заклучалась основная идея партии, режим а, государств а, а следовательно, изтих люди и, стоявших во главе важнейших государственных и партийных органов.

Вот та основная идея, в служении которой они объединились, во имя которой они прилагали свои усилия. Все средства были хороши для ее осуществления: нарушение договоров, вторжение и порабощение в мирное время слабых и миролюбивых соседей, ведение агрессивных тотальных войн со всеми теми ужасами, которые за ними скрываются. Во веем этом они принимали духовное и физическое участие; Геринг и Риббентроп в этом цинично признались, а генералы и адмиралы всеми силами содействовали этому.

Шпеер использовал, вплоть до полного истощения и гибели, рабочую силу, которую набирали для него Заукель и Кальтенбруннер, гаулейтеры и генералы. Кальтенбруннер использовал газовые камеры, для которых Фрик, Ширах, Зейсс-Инкварт, Франк, Иодль, Кейтель и другие поставляли жертвы. Но создание этих газовых камер стало возможным из-за разработки соответствующей политической теории, за которую ответственные все: Геринг, Гесс, Розенберг,' Штрейхер, Фрик, Франк, Фриче, даже сам Шахт. Разве он не сказал:

«Я хочу, чтобы Германия стала великой, и для этого я готов заключить союз с самим чортом».

Он заключил этот союз и с чортом и с адом... Ответствен даже Папен, который видел, как умерщвляли его секретарей, друзей, он продолжал тем не менее принимать официальные назначения в Вену и Анкару, потому что, как он полагал, служа Гитлеру, он его умиротворял.

Не все находятся здесь, среди отсутствующих виновных имеются мертвые и живые, например, промышленники, использовавшие рабочую силу порабощенных стран после того, как они привели Гитлера и его режим к власти, предоставив деньги, без которых ничто не могло бы свершиться; эти промышленники привели их к власти из националистического фанатизма, а также и потому, что они надеялись, что нацизм будет стоять на страже их интересов.

Одно опиралось на другое, все было неразрывно связано, так как политика тоталитаризма, тотальная война, подготовка и проведение плана уничтожения народов для завоевания жизненного пространства—все это требовало согласованной тесной связи между всеми органами власти.

Теперь мы приступаем ко второму положению, которое мы должны раскрыть.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ВО ГЛАВЕ КОТОРЫХ СТОЯЛИ ЭТИ ЛЮДИ,
ОПРЕДЕЛЯЕТ ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ НИМИ

Защита пытается установить существование непроницаемых перегородок между различными составными частями германского государства;

Если в это поверить, то, значит, согласиться с тем, что существовали лишь параллельные и лишь вертикальные нити между различными государственными и партийными органами, между управлениями министерств и между национал-социалистскими организациями. Связь якобы осуществлялась лишь самим главой государства, стоявшим на вершине иерархической лестницы. Согласно заявлению защиты господствующим принципом в структуре германского государства якобы являлась связь, осуществлявшаяся одним лицом, а не согласованность и сотрудничество.

Это неверно. Это противоречит принципам нацистского государства, противоречит нуждам государства, в котором все силы были направлены к достижению одной цели, а также противоречит той германской действительности, которую выявило судебное разбирательство...

...Примеров этому множество, и эти примеры можно найти во всех государственных учреждениях...

...Во всех террористических мероприятиях, направленных против интеллигенции, были замешаны Риббентроп и Кальтенбруннер; СД и Вильгельмштрассе также были замешаны в организации нападения на радиостанцию в Глейвице, что должно было послужить предлогом для нападения на Польшу. Из отчетов германской военной администрации о разграблении произведений искусства во Франции явствует, что виновниками являются как специальный штаб Розенберга, так и германское посольство в Париже (документ РФ-1505). Вильгельмштрассе и армия действовали совместно с полицией в мероприятиях против заложников, в карательных действиях и в угоне населения. Можно было бы умножить

"Улица в Берлине, где находилось германское министерство иностранных дел.— Составители.

эти примеры. Мы не намереваемся исчерпывающе осветить этот вопрос, а лишь хотим наглядно подтвердить наше мнение по нему.

Рассмотрим теперь деятельность организации Розенберга. Розенберг, в соответствии с возложенными на него функциями, координировал деятельность различных ответвлений германского государства. Его внешнеполитическое управление было включено в министерство иностранных дел. Помимо этого, он был идеологом режима, министром по делам восточных оккупированных территорий и начальником специального штаба, который ведал произведениями искусства. В сотрудничестве с ним действовали СД и тайная полиция (документы Л-188 и 946-ПС).

Следует отметить, что в вопросе о принудительном использовании рабочей силы внутри государства существовали такая же связь и такая же согласованность. Их осуществляли все министры и высшие должностные лица, как, например, гаулейтеры, либо потому, что они замыслили или подготовили это мероприятие, или лишь потому, что они оказали поддержку в проведении! этого мероприятия, либо, наконец, потому, что им это было выгодно.

Мы помним межминистерские совещания в Берлине по этому вопросу и совещание Заукеля, Кальтенбруннера, Шпеера, Функа и представителей ОКВ, которые описываются в документе ПС-3819; мы помним о совещании в Париже под председательством Заукеля, в котором участвовали представители армии, полиции и посольства (документ РФ-1517)...

...Во время войны под руководством Функа осуществлялось тесное сотрудничество между экономическими и административными управлениями армии и министерства экономики (документ РФ-3-бис). Для развития планов экономической германизации министерство экономики привлекло полицию (документы РФ-803 и 804). Министерство финансов субсидировало организацию СС для проведения научных экспериментов над заключенными, принудительно используя их для этих опытов (Л-002-ПС). Задолго до войны под руководством Шахта аналогичные связи, сначала скрытые, а затем гласные и гораздо более тесные, чем в какой-либо другой стране мира, объединяли политику, финансы и экономику с армией. В своей речи 29 ноября 1938 г. Шахт так высказался о проделанной им работе:

«Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал имперский банк с момента захвата власти национал-социалистами... Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение позволило нашей политике добиться желаемых результатов...»

В области права также не существовало больше независимости. Министерство юстиции совместно с полицией принимало участие в наиболее преступных деяниях. В документе ПС-654 приводится обсуждение, состоявшееся между Тираком, Гиммлером и другими, во время которого было решено, что антисоциальные элементы и заключенные концлагерей,— ^дыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные к заключению на срок более трех лет, будут в дальнейшем передаваться Гиммлеру для их истребления путем использования на работах и что в будущем лиц, принадлежащих к этим же категориям, больше не будут предавать обычным судам, а будут немедленно направлять в органы Гиммлера.

Наконец, во время войны террористическая деятельность армии и государственной и тайной полиции переплеталась. Иногда полиция подчи-

нялась армии, действуя более или менее самостоятельно в соответствии с приказами РСХА. Таково было положение в Бельгии. Во Франции, несмотря на то, что полиция была независима от армии, между ними существовало тесное сотрудничество. Вместе с Зипо и СД армия принимала участие в преследовании евреев, в управлении лагерем для интернированных в Компьене, в отборе заложников (РФ-1212 и 1212-бис) и в их казни (РФ-1244). Как мы это рассмотрели, армия и полиция совместно участвовали в террористических мероприятиях, направленных против мирного населения. Органы военно-морского флота и полиция также объединялись для уничтожения «командос», а полиция умерщвляла некоторые категории военнопленных, несмотря на то, что все военнопленные находились в ведении ОК.В (документ ПС-1165).

Можно было бы умножить число примеров тесного сотрудничества партийных органов и государственных учреждений, согласованности их действий, доходившей иногда до симбиоза. Все эти органы стремились тем или иным путем реализовать ведущую политическую идею — завоевать жизненное пространство любыми средствами.

Из этого безусловно явствует, что существовало сотрудничество между подсудимыми. Помимо точных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве, которые были нами приведены, то, что нам известно об общем функционировании тотального государства, связанного с судьбами партии, о его непреклонной суровости в отношении оппозиции, для которой были уготованы концлагери и газовые камеры, — все это позволяет нам утверждать, что подсудимые в качестве министров, сановников или высших чиновников, облеченных властью государством или партией, образовали одно целое вместе с другими, которых здесь нет, и которые или мертвы, или предназначены для последующего судебного преследования. Этим единым целым являлось правительство рейха, этим единым целым являлось партийное государство или государственная партия; возможно, это было единым существом, но существом сознательным и преступным, которое для того, чтобы безгранично расширить пределы империи, заставляло истреблять миллионы людей.

Действия подсудимых не ограничиваются лишь теми деяниями, которые мы только что подробно разбирали в свете внутреннего уголовного законодательства наших стран и стран подсудимых. Делом их рук также являются все действия германского государства, которому они отдали жизнь, совесть, мысли, волю, за что они теперь должны в полной мере и до конца нести ответственность ввиду того, что они не смогли сами избежать совершения этих преступлений.

Мы подходим к третьему положению.

**ПОДСУДИМЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСУЖДЕНЫ
В СВЯЗИ С ТОЙ ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКОЙ,
ИНИЦИАТОРАМИ И ОРУДИЕМ КОТОРОЙ ОНИ ЯВЛЯЛИСЬ**

Разве не заявил доктор Зейдль, защищавший Франка, следующее:

«Является признанным принципом, а этот последний явствует из положений уголовного права всех цивилизованных наций, принцип, согласно которому однородные и естественные действия должны оцениваться в целом, и что следует дать оценку всем обстоятельствам, которые могут

быть рассмотрены для того, чтобы создать основу для вынесения приговора».

Все преступления подсудимых связаны с их политической жизнью. Эти преступления являются, как мы знаем, составными частями преступной политики государства. Рассматривать подсудимых как уголовных преступников, забыть о том, что они действовали от имени германского государства и в интересах этого государства, применить по отношению к ним те же нормы, как к хулиганам и убийцам, означало бы уменьшить масштабы настоящего процесса, неправильно определить характер их преступлений.

Преступления, которые обычно рассматриваются в судах наших стран, являются нарушениями общественного порядка. Эти преступления являются деяниями отдельных лиц. Их масштабы носят ограниченный характер. Их последствия — также. Эти преступления к тому же затрагивают, лишь небольшое число жертв, и в архивах наших стран нельзя обнаружить примеры методических убийств, совершенных террористическими организациями, жертвами которых явилось бы более ста человек. Таковы самые значительные преступные заговоры, которые создавались в наших странах. Это произошло также потому, что организация, расстановка и полномочия общественных сил и правовых институтов наших стран могут обуздать преступников еще до того, как они в полной мере осуществят свои преступные намерения.

Эти подсудимые захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям вен) исполнительную мощь государства. Они действовали в качестве начальников или руководителей политического, дипломатического, юридического, военного, экономического и финансового штабов. Деятельность этих штабов обычно согласуется в любой стране ввиду того, что они преследуют общую цель, намеченную общей политической идеей. Но мы знаем, что в национал-социалистской Германии эта согласованность была усиленной из-за взаимного проникновения партийных и административных органов. Преступления отдельных лиц превратились в общие преступления, став преступлениями государства. К тому же они явились результатом политических устремлений каждого: «Завоевать жизненное пространство любой ценой».

Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений, могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало технически невозможным их создание. Но ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами.

Разве доказательством этого единства в преступлении нам не служат заявления самих подсудимых, их постоянные усилия и постоянные попытки их защитников доказать, что их учреждения были автономны, для того, чтобы свалить ответственность армии на полицию, министерства иностранных дел на главу правительства, управления по использованию рабочей силы на управление по четырехлетнему плану, ответ-

ственность гаулейтеров на генералов, — одним словом, для того, чтобы заставить нас поверить в то, что в Германии все происходило под отдельными «колпаками», в то время, как взаимная зависимость государственных и партийных органов и сложная система многочисленных органов связи и контроля, существующих между государством и партией, свидетельствуют об обратном.

...Таким образом, господа Судьи, с помощью фактов и помимо какого-либо юридического толкования заговора и сообщничества, которое, возможно, может явиться предметом обсуждения в зависимости от различного юридического мышления, мы представляем вам доказательство солидарности и общей виновности всех подсудимых в совершенном преступлении.

Для доказательства того, что они действительно совершили преступления, достаточно того, что они, являясь руководителями и высшими должностными лицами партии или одного из главных государственных органов, а также того, что, действуя в интересах государства, они для того, чтобы содействовать расширению германского жизненного пространства любыми средствами, замыслили, выразили желание, приказали или же только способствовали, сохраняя молчание, чтобы договоры, обеспечивающие независимость других стран, были нарушены, чтобы были подготовлены и развязаны агрессивные войны, чтобы систематически совершались массовые убийства и прочие зверства, чтобы систематически производились ничем не мотивируемые опустошения и грабежи.

Это преступление является преступлением германской империи, и все подсудимые содействовали его совершению. Мы покажем это в отношении каждого подсудимого на материалах судебного разбирательства.

В отношении каждого подсудимого высказанные три основных положения сводятся к следующему:

1. Каждый подсудимый занимал в государственном и партийном аппарате видное положение, которое предоставляло ему власть над целым учреждением или несколькими учреждениями.

2. В том случае, если подсудимый и не замыслил «завоевания жизненного пространства любыми средствами», тем не менее он был согласен с этой установкой режима.

3. Он своей собственной деятельностью принял личное участие в политическом развитии этой установки.

В отношении Геринга и Гесса, без сомнения, Трибунал освободит меня от пространного изложения этих положений. Они являлись назначенными преемниками фюрера. Они примкнули к движению с самого начала. Гесс взял на себя ответственность за расовые законы. И тот и другой содействовали проведению в жизнь политической идеи режима, которую они олицетворяли в глазах масс. Своими речами, своими докладами они распространяли эту идею во всех кругах населения.

Геринг активно содействовал экономической подготовке и ведению агрессивных войн.

Он является создателем гестапо и концентрационных лагерей, в которых погибли миллионы предполагаемых противников режима и в которых был осуществлен почти весь геноцид.

Значительная часть его преступной деятельности связана с проведением четырехлетнего плана, который, согласно представленным доказательствам, был направлен на подготовку к войне. Так же, как и другие,

он ответствен за угон рабочих, за жестокости по отношению к ним, за их назначение на работу в производство, которое было направлено против их собственных стран. Помимо этого, он участвовал в назначении военнопленных и политических заключенных на работы, непосредственно связанные с военными усилиями империи. Он организовал уничтожение и разграбление народного-хозяйства оккупированных стран.

Он также организовал с помощью особого штаба Розенберга разграбление в крупных масштабах произведений искусства, часто для того, чтобы пополнить свои собственные коллекции.

Декретом фюрера от 30 мая 1932 г. Г е с с получил полномочия решать все вопросы партийного руководства. Он принимал участие в подготовке всех законов и декретов и даже в предварительной разработке приказов фюрера. Он участвовал в назначении правительственных чиновников и руководителей по использованию рабочей силы. Он обеспечивал контроль партии над внутренней жизнью Германии. Он оказывал непосредственное влияние на армию и на внешнюю политику. Участие, которое он принимал в развитии антисемитизма, распространяет на него ответственность за преступные последствия этого движения.

Риббентроп был одной из важнейших пружин в механизме партии и государства. Он был назначен на Вильгельмштрассе Гитлером, который относился с недоверием к дипломатам «старой школы» и прилагал все усилия, чтобы создать благоприятную дипломатическую обстановку для агрессивных войн, что являлось важным средством для завоевания жизненного пространства. Мы помним документ, предъявленный нашими британскими коллегами, из которого явствует, что Риббентроп заверял Чيانо в августе 1939 года, что Германия будет воевать, даже если ей уступят Данциг и коридор. Как это было доказано, он был замешан в террористических действиях и в уничтожении населения оккупированных стран.

В отношении ответственности К е и т е л я мое выступление будет также кратким. Условия, при которых он занял по указанию Гитлера посты, которые ранее занимали фон Фрич и фон Бломберг во главе верховного командования армии, его вступление в состав правительственных советов и его политическая активность на этих постах, выражавшаяся в том, что он вместе с фюрером был в Газесберге, позднее участвовал с ним в переговорах с Петэном и Хорти, а также в подписании приказов, из которых инструкция к приказу «Мрак и туман» не является наименее известной, — все это показывает, что речь не идет о рядовом военном, но о генерале — политическом деятеле.

Приговором ему служит та роль, которую он играл в арестах и убийствах патриотов. Он, вне всякого сомнения, участвовал в уничтожении некоторых категорий военнопленных, как, например, в передаче их для «специального обращения» полиции. Более того, мы не забыли о связи его управления с полицией и с вооруженными силами партии. У всех нас живы в памяти последствия сотрудничества его учреждений с гестапо.

Кальтенбруннер вступил в партию и в СС в Австрии в 1932 году. Он был государственным секретарем по вопросам безопасности и в австрийской полиции, а затем начальником полиции Вены и начальником РСХА с 30 января 1943 г. вплоть до капитуляции. В течение этого

последнего периода он был ответственным за деятельность гестапо, полиции, СД и концентрационных лагерей.

Он был одним из важнейших элементов в преступном аппарате, в проведении политики уничтожения и геноцида. Его ответственность за массовые убийства доказана. Он издавал приказы о заключении в концлагери и о казнях.

Как он заявлял, «меры, связанные с помещением в превентивное заключение, оправдываются войной».

Он пытался заставить поверить, что он был против тех мер, которые применялись. В это невозможно поверить, нам хорошо известно, что он осуществлял верховную власть над лагерями.

Нам известно, сколь важное место занимал Розенберг в Третьей империи. Одно из учреждений носило его имя. Помимо этого, он был министром по делам восточных оккупированных территорий и пропагандистом. В своей книге «Кровь и честь» он использовал и развил положение, согласно которому пресловутой германской расе должно принадлежать жизненное пространство. Исходя из ни на чем не основанных утверждений о том, что «распространение нордизма создаст основу для развития человечества» и что «повсюду существует упадок в том случае, когда эта нордическая культура вместо того, чтобы обречь на постоянное рабство азиатов и семитов, соединяется с этими нечистыми элементами», — он заключает, что континент должен быть подчинен идее германской расы и самой германской расе.

Темой его речи, произнесенной в Нюрнберге в 1933 году, было то, что Германия должна любыми средствами достигнуть расовой чистоты. Он предусмотрел истребление евреев, и мы знаем, что это не было лишь простым ораторским приемом. Кроме того, в докладе фюреру от 11 августа 1943 г. (документ 042-ПС) он писал:

«Меры, направленные на то, чтобы не способствовать росту населения на Украине, и для того, чтобы не применять статью 218 германского уголовного кодекса, начали рассматриваться в прошлом году, и их рассмотрение было возобновлено в связи с поездкой директора министерства здравоохранения...

На Украине меры по предупреждению эпидемий были предприняты не в интересах других народов, но исключительно для охраны германских оккупационных сил и для сохранения рабочей силы, используемой в интересах германской военной экономики».

Наконец, Розенберг был замешан в агрессии против Норвегии и с помощью своего особого штаба производил систематическое разграбление художественных ценностей Европы.

Франк одним из первых вступил в партию. Он являлся ее консультантом по правовым вопросам и участвовал в составлении ее программы. Он также был советником фюрера. Он был министром юстиции в Баварии, затем имперским министром, которому было поручено согласование юридических вопросов в Германии, и, наконец, он был генерал-губернатором Польши. Он был одним из важнейших элементов государственного механизма. Именно он пытался облечь в юридическую форму государственную и партийную программу преследования и уничтожения людей. В 1936 году он защищал в «Журнале германского права» создание концентрационных лагерей и объявил, что вторым основным законом гитлеровской Германии является расовое законодательство.

Его личная деятельность в Польше способствовала уничтожению большого числа поляков. Он этим кичился на протяжении всего своего дня.

Фрик был членом партии с 1925 года. Он стал рейхслейтером, затем генеральным уполномоченным по имперской администрации с 30 января 1933 г. по 20 августа 1943 г. Он возглавлял учреждение по присоединению Австрии к Германии, по включению в состав империи Судетской области, Мемеля, Данцига, территории на Востоке, Эйпена, Мальмеди и Моренэ. Кроме того, он был директором Центрального управления протектората Богемии и Моравии, генерал-губернаторства Нижней Штирии, Верхней Каринтии, Норвегии, Эльзаса, Лотарингии и всех остальных оккупированных территорий. Более года он был протектором Богемии и Моравии. С момента захвата власти он был имперским министром внутренних дел, он был членом совета обороны. Будучи избран в рейхстаг, он в 1924 году предложил издать антисемитские законы» Сохраняя полнейшее повиновение, он неоднократно был рупором политической мысли режима...

...Это он, Фрик, назначил Гимmlера. Фрик ответственен за антисемитское законодательство. Наконец, он заставил подвергнуть стерилизации людей, принадлежащих к цветным расам. Помимо этого, он приказал уничтожать всех душевнобольных, признанных неизлечимыми.

Штрейхер вступил в партию почти сразу же после ее основания. Он отдался целиком необузданной пропаганде против евреев как в своих выступлениях, так и в статьях и призывал немецкий народ преследовать и истреблять евреев. Он был гаулейтером. Он не отказывается от того, что было сделано.

Он показал:

«Если ознакомиться с тем, сколь глубокой была личность фюрера, так, как это узнал я, и, если учесть (что я узнал потом из его завещания), что он умышленно отдал приказ об истреблении евреев,—в таком случае я заявляю — он имел право на это».

Функ вступил в партию в 1931 году. Он был награжден золотым значком партии. Он возглавлял печать в империи, был статс-секретарем по пропаганде и, наконец, в 1937 году—преемником Шахта в министерстве экономики. В 1941 году он был назначен главным уполномоченным по экономике и президентом Рейхсбанка.

В 1932 году он был посредником между Гитлером и рядом руководителей германской промышленности. Он участвовал в совещании промышленников. 20 февраля 1933 г., созванном Герингом для получения политической и финансовой помощи у промышленников для проведения нацистской программы.

Функ показал 4 мая 1946 г.:

«Как статс-секретарь по пропаганде, я официально несу ответственность. Я, естественно, покровительствовал пропаганде, как это делал каждый, занимавший ответственное положение в Германии, так как пропаганда заполняла и проникала во все тайники духовной жизни народа...»

Он требовал, чтобы евреи были сняты с ответственных должностей.

Он издавал декреты для того, чтобы провести эту мысль в жизнь. Он получил от эсэсовцев груды золотых зубов и драгоценностей, при-

ядлежавших жертвам массовых истреблений. Наконец, он создал военную экономику и подписал секретный закон от 4 сентября 1938 г.

Денциг был главнокомандующим военно-морского флота. Он был преемником Гитлера вместе с Зейсс-Инквартом, ставшим министром иностранных дел. Он получил золотой партийный значок. Бесспорно то, что он выражал согласие с преступной политикой режима...

...Он рекомендовал использовать на работах заключенных лагерей уничтожения для того, чтобы, как он говорил, производительность труда превысила 100 процентов. Как он сам заявил, он провозгласил тотальную подводную войну и приказал своим морякам «быть жестокими», не принимать в дальнейшем мер по спасанию утопающих. Наконец, он одобрял и поощрял убийства коммунистов.

Редер был главнокомандующим военно-морского флота до Денцига. Он участвовал в совещаниях у Гитлера, во время которых тот развивал свои планы. На протоколах этих совещаний им были сделаны пометки. Он поставил флот на службу нацистского режима. Он осуществлял тайное перевооружение и принимал участие в подготовке агрессии против Польши и Норвегии. Известно, что он пренебрегал положениями международного права. Это явствует из его докладной записки от 15 сентября 1939 г.

Ширах был членом партии с 18 лет. Он вступил в партию в 1925 году; был руководителем гитлеровской молодежи с 1931 года по 1940 год, гаулейтером Вены вплоть до капитуляции, был одной из важнейших фигур режима. Это он, Ширах, сформировал немецкую молодежь в соответствии с идеологией партии и взял на себя ответственность за последствия единственной тогда формы воспитания. Он разрешил Гимmlеру вербовать эсэсовцев из рядов гитлеровской молодежи.

Начиная с 1943 года, согласно его собственному признанию, ему было известно об обращении с евреями, но он уже с давних пор придерживался весьма определенной позиции в отношении этого вопроса и вел активную антисемитскую пропаганду,

Заукель вступил в партию в 1925 году; был гаулейтером Тюрингии, уполномоченным по использованию рабочей силы; ему было присвоено почетное Звание обергруппенфюрера СС, и он занимал видное положение в партийно-государственном аппарате.

Будучи ярым пропагандистом, он произнес более 500 речей, посвященных развитию национал-социалистской идеологии. Он одобрял политику истребления. Он заявил:

«Что касается истребления антиобщественных элементов, то Геббельс считает, что мысль о том, что их следует истреблять использованием на работах, является лучшей из всех возможных по этому вопросу» (документ 682-ПС).

Он также заявил:

«...Фюрер сказал, что мы должны пересмотреть свои школьные понятия относительно переселения народов... и желание фюрера заключается в том, чтобы через 100 лет, начиная с сегодняшнего дня, 250 миллионов людей, говорящих на немецком языке, были размещены в Европе» (документ 025-ПС).

Он принимал активное личное участие в подготовке истребления. Он сказал по этому вопросу 18 мая 1940 г.:

«Добиться хороших результатов в производстве можно только путем экономичного использования рабочей силы».

Не считая миллионов граждан других стран, он принудил около двух миллионов французов принимать участие в работах на военные нужды. Для их вербовки он прибегал к силе и вмешательству полиции, СС и армии.

«Я доверил, — как он заявил, — исполнительную власть в отношении рабочей силы нескольким толковым людям под руководством верховного начальника СС и полиции. Я вооружил и обучил их, и я должен просить министерство вооружения снабдить их необходимым обмундированием...»

Альфред Иодль был начальником оперативного штаба ОКБ.

Он так же, как и Кейтель, пользовался полным доверием фюрера. Он принимал участие в последовательной разработке агрессивных планов. Его вдохновляло на служение Гитлеру то обстоятельство, что при Гитлере состояли такие консерваторы, как- Нейрат, Папен и Шахт. Он передал 22 марта 1943 г. приказ относительно угона евреев из Дании и помещения их в заключение в Германии, он также обеспечил исполнение приказа Гитлера относительно уничтожения «командос» (приказ от 18 октября 1942 г.).

Он принимал участие в обсуждении мер против летчиков со сбитых самолетов. Он подписывал директиву верховного главнокомандования армии относительно «борьбы с бандами», директиву, содержащую предписания, противоречащие законам человечности.

Папен подготовил приход Гитлера к власти. В связи с составом¹ „| его кабинета 30 мая 1932 г., деятельность последнего не соответствовала обычной деятельности парламентских институтов. Второго июня он издал приказ о роспуске рейхстага и одновременно предоставил полную свободу гитлеровскому террору. Он заявил о своей встрече с Гитлером в июне 1932 года:

«Я согласился с требованием Гитлера относительно предоставления права ношения формы членами СС и СА».

Тем не менее, он не строил иллюзий относительно последствий для своей партии в связи с гитлеровским движением, которому он сам дал толчок, но он предпочитал Гитлера демократии. После выборов 30 июля он принял меры для того, чтобы заставить Гинденбурга признать Гитлера, и в течение ноября месяца ему это удалось.

В отношении расовой проблемы Папен занял весьма благосклонную, и весьма определенную позицию.

...У нас всех живы в памяти выдержки из его речи в Глейвице в 1934 году.

...Папен служил партийно-государственному аппарату вплоть до капитуляции, и его деятельность не прерывалась ни в связи с убийствами, ни с арестами его сотрудников, в чем были виновны государство и партия.

Зейсс-Инкварт стал членом национал-социалистской партии 13 марта 1938 г. Он занимал различные посты как в самой партии, так и в правительстве и, наконец, стал заместителем губернатора Польши, а затем имперским комиссаром Голландии. Он заявил (я цитирую документ 2219-ПС):

«...я непоколебимо и неразрывно связан с тем, во что я верю: в великую Германию и фюрера».

В своей речи, от 23 января 1939 г. он заявил:

«...задача поколения, т. е. движущая сила народа, рассматривается нами как создание и сохранение жизненного пространства, культуры и экономики этого народа».

Он также заявил:

«...все наше поколение должно поставить перед собой задачу, чтобы вся территория по реке Висле, а не только захваченные на Востоке территории, была заселена немцами... Нынешняя Словакия, нынешняя Венгрия и нынешняя Румыния должны быть реорганизованы.

Ситуация мне кажется подходящей... Я думаю, что вся эта территория должна находиться под единым германским руководством». (Выдержка из письма Зейсс-Инкварта Борману от 20 июля 1940 г., документ ПС-3645.)

Зейсс-Инкварт работал для того, чтобы претворить в жизнь основную политическую идею партии: завоевать пространство любой ценой. Он прилагал все силы для аннексии Австрии, выходцем из которой он был (он признался в том, что с течение 20 лет работал для осуществления идеи аншлюсса). Доказано, что им было заключено соглашение с Конрадом Генлейном относительно присоединения территории Судетской области к Германии. Наконец, что касается Нидерландов, то он политически и экономически связывал эту страну с империей, отдавая приказы. Кроме того, он также несет индивидуальную ответственность за систематический грабеж в Голландии, за высылку части населения и за те мероприятия, которые привели к голоду.

Шпеер вступил в партию в 1933 году. Он стал личным архитектором Гитлера и в качестве такового стал пользоваться его полным доверием. Он возглавлял организацию Тодта с февраля 1942 года. Был начальником отдела вооружения в управлении по четырехлетнему плану с марта 1942 года и с сентября 1943 года был министром вооружения. Он был одним из важнейших деятелей государства и партии. Шпеер эксплуатировал в организации Тодта больше миллиона человек и только в одном Руре более 50000 французов, угнанных в 1943 году. Он ответственен за зверское обращение с иностранными рабочими на германских заводах, в частности на заводах Круппа. Он использовал более 400000 военнопленных на военных заводах, нарушая существующие конвенции. Его уполномоченным вменялось в обязанность при посредстве ОКВ посещать концентрационные лагеря и отбирать там квалифицированных рабочих. По его собственному признанию, он использовал более 32 000 человек из числа заключенных концентрационных лагерей.

Он посетил лагерь Маутхаузен и разделяет ответственность за угон евреев в специальные трудовые лагеря, где их уничтожали, а также за угон 100000 венгерских евреев на авиационные заводы.

Не йра т, министр иностранных дел с 1932 года, остался на этой должности и после захвата нацистами власти в 1933 году. Он оставался на этом посту до 1939 года. И он и его учреждения были введены в состав партийно-государственного аппарата по мере того, как этот аппарат создавался.

Так как он был членом правительства с самого начала его образования, ему была известна политическая идеология движения. Если он пытается утверждать, что был потрясен в 1937 году, когда узнал, что Гитлер собирается предпринять агрессивные меры, то он тем не менее

не покинул своего поста и ничего не предпринял для того, чтобы разубедить Гитлера. Напротив, именно он благосклонно отнесся к мысли о занятии левого берега Рейна, вдохновил на этот шаг, являвшийся первым этапом агрессивных войн в целях захвата жизненного пространства, Гитлера. Он оставался имперским министром вплоть до самого конца.

Так как сам Нейрат был консерватором, его участие в правительстве вдохновляло консервативную Германию на сотрудничество с Гитлером. Выполняя важнейшую роль в партийно-государственном аппарате, фон Нейрат был тесно с ним связан в преступлениях, заключавшихся в уничтожении людей, о чем ему было известно.

31 августа 1940 г. он направил доктору Ламмерсу два меморандума: один из них был составлен им самим, а другой — статс-секретарем Франком. Оба эти меморандума предусматривали полную германизацию Богемии и Моравии, а также истребление чешской интеллигенции.

Один из этих меморандумов, ответственность за которые Нейрат признает потому, что он их пересылал (это документ 3859-ПС), содержит следующие строки:

«Все, что относится к вопросу устройства Богемии и Моравии, должно быть направлено к одной цели, которая ставится в отношении этой территории, цели, определяющей политическими и национал-политическими соображениями,

С точки зрения политической существует только одна цель: полное включение в великую Германию. С точки зрения национал-политической — заселение этой территории немцами. Беглый взгляд с точки зрения политической и национал-политической на современное положение, каким оно является по наблюдениям и по опыту со времени аннексии, указывает путь, который надо избрать для достижения этой ясной и вполне определенной цели.

Положение таково, что надо будет принять определенное решение в отношении судьбы чешского народа и достигнуть цели, заключающейся в полном присоединении этой страны и возможно быстром и полном заселении ее немцами».

Ф р и ч е работал в партии до захвата власти, но вступил в нее только в 1933 году и вскоре стал известным пропагандистом. Во время войны он был руководителем управления по радиовещанию. Выражая основную идею режима, он подстрекал к убийству евреев.

Кроме того, своими неоднократными выступлениями он стремился внедрить в умы немецкого народа мысль о том, что евреи и демократия подвергают опасности самую жизнь этого народа и поэтому народ должен полностью полагаться на дальновидных людей, которые им руководят.

Шахт занимает особое положение.

Я более подробно остановлюсь на его деле. Он хочет представить себя жертвой режима и делает вид, что удивлен тому, что находится на одной скамье с Кальтенбруннером, который был его тюремщиком. Шахт заявил, что он не симпатизировал программе партии. Однако бывший министр Зеверинг показал на судебном заседании 21 мая 1946 г., что в 1931 году он узнал из сообщения полиции Берлина, что Шахт вел переговоры с руководителями партии. Он также добавил, что отношения между Шахтом и представителями плутократии и милитаризма казались

ему чрезвычайно компрометирующими и что он никогда бы не вступил в один кабинет с Шахтом.

Нам известно, что с 1930 года Шахт вступил в деловые отношения с Гитлером и представил ему свои кредиты в Германии и за границей. Национал-социалисты использовали их в широких масштабах. В октябре 1931 года на совещании национального фронта в Гарцбурге Шахт занял место рядом с Гитлером, Гугенбергом и Зельдтом. Он предпринимал попытки ввести Гитлера в правительство Брюнинга. В результате совещания крупнейших промышленников у Геринга, на котором выступал Гитлер, он организовал финансирование выборов в марте 1933 года, имевших решающее значение (документ США-874). С момента захвата власти Шахт играл видную роль в аппарате партии и правительства. Он стал председателем Рейхсбанка и министром экономики.

19 января 1939 г. он оставил свой пост в Рейхсбанке и стал имперским министром. Он оставался на этой должности до 21 января 1943 г.

Ловкий, изворотливый, он умел прикрывать свои мысли личиной иронии или наглости, он никогда не был вполне откровенен.

Тем не менее, также установлено, что он настойчиво требовал расширения германского жизненного пространства. Когда он пытался ввести в заблуждение, говоря о требовании колоний, и его собеседники обращали внимание на то, что никакие колониальные приобретения при существующем положении вещей не могут помочь Германии в разрешении ее внутренних проблем, он не обращал на это внимания.

Он умел применять угрозы в отношении демократических государств, прибегал даже к запугиванию с помощью шантажа. Во время одной из своих поездок в Америку после одного из успехов партии он заявил:

«Я предупредил вас в самой определенной форме, 'сказав: если вы, иностранцы, не измените своей политики в отношении Германии, то скоро будет гораздо больше членов и сочувствующих партии Гитлера». Какую роль он играл в развитии преступной политики? Со времени его вступления в Рейхсбанк начала осуществляться программа финансирования крупных сооружений. Строительство новых железных дорог, автострад — все эти работы преследовали стратегические цели.

Помимо этого, значительная часть кредитов была секретно использована исключительно на военные нужды.

Начиная с 1935 года, темпы перевооружения возросли, чему весьма способствовали новые финансовые мероприятия, которые были им задуманы.

Классический и неподкупный экономист, он становится мошенником, чтобы осуществить основную установку партии. С помощью векселей МЕФО было финансировано перевооружение. Выпущенные акции не были ничем обеспечены, было организовано другое, аналогичное общество, которое не оплачивало векселей первого общества.

Получая первый вексель, векселедатель присоединял к нему долгосрочные векселя, срок оплаты которых был назначен на период между январем и мартом 1942 года. То, что именно эта дата была намечена, имеет глубокий смысл. Шахт избрал 1942 год как срок завершения своего мошеннического мероприятия. Он надеялся, что до этого война поможет ему разрешить финансовую проблему. Подлинные векселя были включены в счета Рейхсбанка. Векселя не облагались налогом для того,

чтобы контроль над количеством векселей не мог быть осуществлен с помощью изменений в выручке от налогов. Тайна окружала эти операции. Все кредиты, которые можно было получить в марках, были вложены Рейхсбанком в эти акции вооружения, начиная с 1935 года. К концу 1938 года имелось на 6 миллиардов векселей МЕФО в активе рейхсбанка, из них векселя на 3 миллиарда не были покрыты. В итоге Шахту должно было быть ясно, что имелось лишь три возможных решения:

1. Консолидация долга с помощью иностранных займов, но в этих займах нацистской Германии, которая перевооружилась, отказывали.
2. Инфляция, подобная инфляции 1923 года, и это означало бы гибель режима.
3. Война.

Не следует забывать, что Гитлер в своем письме к Шахту от 19 января 1939 г. писал: «Ваше имя для нас всегда и прежде всего будет связано с первым этапом национального 'перевооружения'. С 1 апреля 1935 г. по 31 декабря 1938 г. расходы Германии на вооружение, о которых нам известно, возросли до трехсот сорока пяти миллиардов четырехсот 'пятнадцати миллионов франков. В то же самое время Франция израсходовала лишь тридцать пять миллиардов девятьсот шестьдесят четыре миллиона франков. Это — результаты деятельности Шахта.

Такой размах ясно показывает цель, которую преследовал Шахт. То же соотношение существовало в 1940 году на полях сражения во Франции, где одной французской бронетанковой дивизии противостояло 10 германских.

Уход Шахта из Рейхсбанка, а также из министерства экономики не может быть истолкован в его пользу. Между Герингом и им возникли трения по вопросу о проведении четырехлетнего плана. Шахт не хотел находиться в подчинении у Геринга. Он вышел в отставку из министерства экономики 26 ноября 1937 г., но продолжал оставаться президентом рейхсбанка и министром без портфеля. 7 января 1939 г. он вручил Гитлеру меморандум, в котором сообщал, что имеющееся в обращении количество векселей МЕФО по его вине создает угрозу инфляции. Оставаться в Рейхсбанке ему было невозможно по техническим причинам, следовательно, его уход был вызван не политическими соображениями, а соображениями технического порядка, связанными с организацией экономики. К тому же он продолжал оставаться министром без портфеля. Он ушел в отставку с этой должности лишь в январе 1943 года, во время разгрома немцев под Сталинградом, в то время, когда партийно-государственный аппарат начал трещать по швам. Несомненно то, что в это время он уже не мог быть полезен. Но так же очевидно и то, что он мог стать снова полезен позднее в качестве посредника для заключения компромиссного мира.

Какое значение имеет все это, когда речь идет о человеке, который сумел сгруппировать вокруг себя все пангерманские финансовые и промышленные силы, чтобы 'подвести их к Гитлеру и дать ему возможность захватить место, о человеке, который своим присутствием внушал доверие к нацистской Германии, о человеке, который сумел своим финансовым искусством обеспечить Германии самую мощную в то время военную машину, человеке, который позволил партийно-государственной машине устремиться на завоевание жизненного пространства. Этот человек был

одним из лиц, которые несут главную ответственность за преступную деятельность партийно-государственного аппарата.

Его финансовые способности были способностями нацистского государства, его участие в преступлении этого государства не может быть истолковано двояким образом. Он полностью виновен и несет ответственность в полной мере.

Что касается последнего приближенного Гитлера — Бормана, то нам известно, что он взял на себя истребление евреев.

Говорить больше было бы бесполезно. На этом я заканчиваю изложение вопроса об индивидуальной ответственности каждого подсудимого, но не потому, что эта тема исчерпана, а потому, что время, которое Трибунал отводит каждому представителю обвинения для обвинительной речи, позволяет нам говорить лишь о плане работы, которая заслуживала бы того, чтобы быть систематически изложенной. Примеры, иллюстрирующие наши тезисы, могут быть умножены. Все факты, которые в продолжение девяти месяцев были сообщены представителями четырех делегаций, свободно могут быть включены в наш план, и уже это одно показывает, что наше суждение убедительно и что оно полностью соответствует действительному положению вещей.

Итак, мы считаем, что доказательства подтверждаются и что все подсудимые принимали участие в совершении преступлений германского государства.

Мы считаем, что все эти лица были действительно связаны стремлением к одной политической цели, что все они тем или иным образом содействовали совершению наиболее тяжкого преступления — геноцида, содействовали истреблению рас или народов, гибель которых дала бы им возможность завладеть так называемым жизненным пространством, которое они считали необходимым для пресловутой германской расы...

Нами были заслушаны возражения защиты. С наибольшей силой они были изложены д-ром Зейдлем (стр. 25 его защитительной речи по делу Франка).

«Действующие законы исходят из основного положения, которое гласит о том, что субъектом преступления в международном праве является лишь суверенное государство, а не отдельные лица...»

В заключение он отрицает ваше право осудить этих людей.

Начнем с того, что ни один из подсудимых не был тем «отдельным лицом», о котором говорит д-р Зейдль.

Мы полагаем, что мы доказали наличие между ними сотрудничества и единодушия, подкрепленных действиями партии, которые существовали помимо связи между министрами и руководителями управления, имеющейся во всех демократических странах.

Заметим также, что совести претило бы сохранение безнаказанными людей, которые поставили на службу этому единому целому — «государству» свой ум и свою волю, чтобы использовать мощь и материальные возможности государства для того, чтобы, как это имеет место в данном случае, умерщвлять миллионы человеческих существ, проводя в жизнь задолго до этого преднамеренно задуманную преступную политику. Суверенность государства, которой прикрывались эти люди, была лишь маской. Снимите эту маску — за ней скрывается ответственность человека. Г-ну Зейдлю это так же известно, как и нам. Но он утверждает — «такое действующее международное право».

Какое уважение он проявляет к этому действующему праву, но сколь удивительно звучат в его устах следующие далее слова, когда он, спустя немного времени, рассматривает Гаагские конвенции 1907 года, которые, как мы заметим, не были денонсированы ни одним из подписавших их государств, даже Германией, и учтиво подчеркивает, что положения этих конвенций, основанные на практике войн XIX века, не имеют силы в XX веке. Современные войны якобы решительно вышли за рамки, предусмотренные Гаагскими конвенциями.

Так, он заявляет:

«Положения Гаагской конвенции, касающиеся ведения сухопутной войны, даже в самом широком их толковании, даже при внесении в них поправок или при их сохранении, неприемлемы для того, чтобы с их помощью сформулировать индивидуальную уголовную ответственность».

Итак, для д-ра Зейдля международное право не терпит никаких отступлений, когда он стремится извлечь из этого выгоду, и это же международное право отступает, когда оно осуждает его подзащитного.

Подобная диалектика, в интересах которой используются ложные умозаключения, создает видимость правдоподобия. Г-н Зейдль ловок в софистике, но он не сумеет убедить никого...

...Речи защитников создают впечатление, что большинство из них возлагает все надежды на ограниченно юридический или псевдоюридический подход.

Многочисленные вопросы явились предметом дебатов. Существуют ли справедливые и несправедливые войны, войны оборонительные и войны агрессивные, существует ли мировое юридическое сознание, существует ли недвусмысленный критерий агрессии? Вот что волнует защиту, а не интерес к тому, как следует покарать тех, кто принимал участие в функционировании этого механизма уничтожения.

Когда защитники говорят о «действующем праве», то это они делают для того, чтобы отрицать право настоящего Трибунала на вынесение приговора, и доктор Яройсс отрицает какой бы то ни было авторитет права «в том виде, в каком оно должно было бы пониматься» в свете морали и прогресса (стр. 3). Все они забывают, что действующее право, то единственное право, на которое они ссылаются, не является правом, созданным в прошлом, действующее право является также тем правом, которое провозглашают судьи в конкретном случае на процессе. Все они забывают, что юридическая наука движется вперед. И в тех случаях, когда не существует писаных законов, то можно самое большее говорить о предшествующих традициях и исследовать, продолжают ли они обладать силой и можно ли на них ссылаться.

Но не будем далее останавливаться на защитниках. Мы сами хотим избежать дискуссий.

Единственное деяние из числа тех, которые рассматривались на этом процессе, стоит над всеми прочими деяниями — это методическое и систематическое истребление людей, занимавших жизненное пространство, на которое зарилась Германия.

Конечно, совершались и другие преступления, но они являлись лишь средством, о них старались говорить как о имеющих второстепенное значение, как о побочных преступлениях, в такой мере основное преступление превосходило их по своему зверскому характеру.

Было бы целесообразно вникнуть в характер этого зверства, серьезно

установить, какую опасность оно могло представлять для человечества, для того чтобы подыскать соответственно с этим и наказание.

Преступление, совершенное этими людьми, не является простым. Нами это было уже показано. Обычный преступник знает свою жертву, он ее видит. Он сам наносит ей удар, знает, какое действие этот удар оказывает. Далее, если он является только соучастником, он достаточно тесно связан в моральном и психологическом отношении с главным виновником, чтобы разделять с ним в какой-то определенной мере его опасения и следить за реакцией, когда удар нанесен и жертва падает.

Геноцид, убийства или какое-либо другое преступление, совершенное государственным аппаратом, становится анонимным. Никто не несет главной ответственности. Все ее разделяют: и тот, кто своим присутствием поддерживает аппарат, и тот, кто совершает преступление, и тот, кто выражает желание, чтобы оно 'было совершено точно так же, как и тот, кто издал приказ о его совершении. Что касается того лица, которое приводит в исполнение 'приказ, то он сам себе повторяет: «Приказ есть приказ» и выполняет свои обязанности палача.

Тот, кто принимает это решение, делает это без содрогания, он может быть и не представляет себе точно, конкретно все последствия, к которым приводят изданные им приказы. Только так следует толковать то оцепенение, которое овладело некоторыми подсудимыми в течение нескольких минут, когда демонстрировали фильм о концлагерях. Что касается тех, кто своим общим участием в деле партии и государства допуская совершение преступления, то у них было такое чувство, как будто они присутствуют, играют пассивную роль 'в действии, не имеющем к ним никакого отношения. При этом они считали, что им нечего бояться какого бы то ни было наказания.

Согласно германскому плану государство и партия сильны и полны решимости просуществовать тысячу лет. Они уничтожили правосудие.

Взятое в международном аспекте действующее право обеспечивает неприкосновенность личности, по крайней мере так полагают. Кроме того, не существует никакой постоянной международной юрисдикции, которая обратилась бы против разбойничьих государств. Что касается возможности военного поражения, то об этом никто не думал, так как они считали, что были приняты достаточные меры предосторожности. Примечательно к тому же- то, что кульминационная точка в массовых убийствах — приказ, который явился причиной использования газовых камер, относится к тому времени, когда государство и весь режим были уверены в победе или еще не принимали всерьез предвестников поражения...

...Обстановка благоприятствовала тому, чтобы не возникло реакции.

Факты показали, что ни один из этих людей не испытывал потребности что-нибудь изменить в этих условиях.

Большинство подсудимых хорошо понимали, что они участвовали в трагедии. Я полагаю, что они прилагали больше усилий для того, чтобы очистить свою совесть, чем для того, чтобы обмануть судей, перекладывая свою вину на кого-нибудь из своих соседей по скамье подсудимых. Только немногие имели мужество сознаться, как это сделали Ширах и Франк, что, являясь частью государственного аппарата, они не могут освободиться от ответственности, рискуя свалить всю вину на немецкий народ, который не сумел сбросить своих хозяев. Другие подсудимые все отвергали. При предъявлении доказательств по их делу они старались

всячески умалить свою ответственность, надеясь, что им это удастся, но, как сказал Зеверинг, после выступления бургомистра Ораниенбурга и бургомистра Бухенвальда, как подтвердил и Франк, повсюду в Германии перешептывались, что люди умирали в лагерях. Это теперь уже известно всему миру. Надеются ли они еще, что им удастся заставить нас поверить в то, что лишь им одним ничего не было известно?

Те из них, которые менее виновны, если можно вообще установить какую-нибудь иерархию среди главных преступников, не смели оказывать сопротивление, но их преступная трусость привела к таким ужасным последствиям, что не может быть и речи о каком-нибудь смягчении их наказания.

Характер преступности, повидимому, стал усугубляться во всех государствах, несмотря на то, что совершенствовались методы наказания. В международной сфере имеет место аналогичное явление. Оно имеет лишь больший размах, так как до оих пор не существовало никаких средств для наложения наказания. Промышленная революция и развитие естественных наук умножили потенциальные силы государства.

Пусть государство концентрирует в своих руках естественные богатства и их эксплуатацию, пусть оно захватывает кредиты, производя этим путем всякие валютные манипуляции, увеличивает налоги, увеличивает принудительные и добровольные займы. Пусть оно еще больше свяжет народы со своей судьбой развитием вспомогательных общественных учреждений, пусть руководит умами при помощи пропаганды по радио. Все преступные средства находятся в его распоряжении, для него приемлемы, и оно может располагать ими по своему усмотрению до тех пор, пока вы, господа Судьи, не введете в международное право положения о наказаниях. Необходимо отныне сделать возможным пресечение преступной деятельности любого разбойничьего государства...

Мы знаем, к чему смогли привести нацистские доктрины. Свидетель Розер сообщил о высказываниях молодого германского солдата, который, описав резню в одном из гетто, заключил свое повествование: «Друг мой, это ужасно, но... приказ есть приказ».

Трибунал обнаружит в конце документа РФ-655, который находится в книге документов, 'представленных французской делегацией, страшное замечание Крамера. Крамер до того как он стал начальником лагеря в Берген-Бельзене, возглавлял лагерь в Нацвайлере (Эльзас), и там он лично отравил с помощью газа 80 человек. У нас есть доказательства этого. На вопрос: «Что бы вы сделали, если бы не все умерли?», он ответил: «Я постарался бы вновь отравить их, добавив в камеру еще одну порцию газа. Я не испытывал никакого волнения, совершая эти действия, так как я получил приказ казнить 80 заключенных тем способом, о котором я вам сообщил. Впрочем, меня воспитали таким». Какое страшное обвинение против всей системы! Этот человек, прежде чем стать по приказу убийцей, был счетоводом в Аугсбурге... И теперь невинная кровь вопиет о мщении.

Вам известно преступление!

Вам известно, по какой причине и с помощью каких средств оно было совершено! Это чудовищное преступление, не имеющее прецедента, — преступление «национал-социалистского» государства. Но все подсудимые в качестве руководителей национал-социалистской партии и высших руководителей государства несут главную ответственность за то,

что они замыслили или совершили это преступление. Их участие в преступлении государства, партии является их личной виной, которая не может быть прикрыта какой бы то ни было личной неприкосновенностью. Они должны понести кару.

Вам известны также, господа Судьи, те опасности, которым их преступление подвергло мир, вам известны те страдания и бедствия, которые они обрушили на людей.

Следует ли покарать безжалостно и сурово?

Да будет справедлив приговор, — этого достаточно!

Конечно, степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть различным? Ведь даже тот, кто, как мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смерти!

Сразу же после того как закончится настоящий международный процесс, после того как главные военные преступники будут наказаны, мы возвратимся в свои страны и, возможно, там мы подвергнем судебному преследованию тех, кто лишь выполнял приказы национал-социалистского государства, тех, кто выступал лишь в роли палачей.

Но как смогли бы мы потребовать смертной казни для какого-нибудь нового Крамера, какого-нибудь нового Гесса, для начальников лагерей, на чьей совести жизнь миллионов человеческих существ, которые были казнены по приказу, если сегодня у нас возникнут колебания в отношении того, следует ли прибегнуть к высшему наказанию тех, кто являлся движущим рычагом преступного государства, государства, издававшего эти приказы.

Кроме того, судьба этих людей находится целиком и полностью во власти вашей совести.

Их судьба не находится более в наших руках, наша задача закончена. Теперь вы, удаляясь на совещание, должны в молчаливом раздумье внять призывам крови невинных, взывающих к правосудию.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[Произнесена 29—30 июля 1946 г.]

Господин Председатель!

Господа Судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменявшееся в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тяжчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из

рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на которых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготовляла банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план, или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана, или заговора, является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая «идеологическая работа» заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабёжам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план, или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружений и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов, и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она 'подготавливала, и в 1937—1939 гг. произошло то, что подготавливалось с 1933 года.

Отсюда вывод: план, или заговор, существовал, по крайней мере, с 1933 года, т. е. с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Крупна и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 году, когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план, или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в нарушении международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это — те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении: преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны.

Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений.

Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были, — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный 'способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты, в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполнявшиеся беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них.

Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в душегубках, то строились эти газенвагены на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен Копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний — разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можно разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 года, Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гаулейтер Зальцбурга, а затем Каринтии.

Эти так называемые «свидетели», такие, как, например, Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях — или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев за границей и заведующий заграничным отделом фашистской партии, — приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвопреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство «свидетелей защиты» во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, к они сами 'принуждены были изобличать тех, того они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты—это доводы и соображения юридического 'порядка.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях 'права и законности. Поэтому уже в 'первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь 'поставила ряд 'правовых вопросов:

- а) о значении принципа «нуллум кримен сине леге»,
- б) о значении приказа,
- в) об ответственности государства и отдельных лиц,
- г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и 'превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от 'суда кровавую быль фашистских преступлений.

ПРИНЦИП «НУЛЛУМ КРИМЕН СИНЕ ЛЕГЕ»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний, последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «нуллум кримен сине леге», так как Устав Международного Военного Трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обязательному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из 'преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения.

Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в 'превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступников. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно 'принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых 'были совершены их отвратительные преступления, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом» (ст. I Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2 Устава, 'не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля), в которых агрессивная война была признана международным преступлением.

Они обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу 'пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Яройсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Яройсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Яройсс утверждает:

«что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?».

Право толкования закона—неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране, говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Яройсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права..., только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя, прежде всего, не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства.

При выполнении этих действий эти лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера.

За последние, т. е. содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило

чормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом,

О ПОНЯТИИ ЗАГОВОРА

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и др. не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество бесспорно имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работоторговца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т. п.).

Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаманы преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом, наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, вто-

рой ведаёт вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвёртый организует работу военной промышленности, пятый ведёт дипломатическую подготовку и т. д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тягчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как вы видели, господа Судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных подсудимых.

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после «фюрера» лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он — председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное — эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

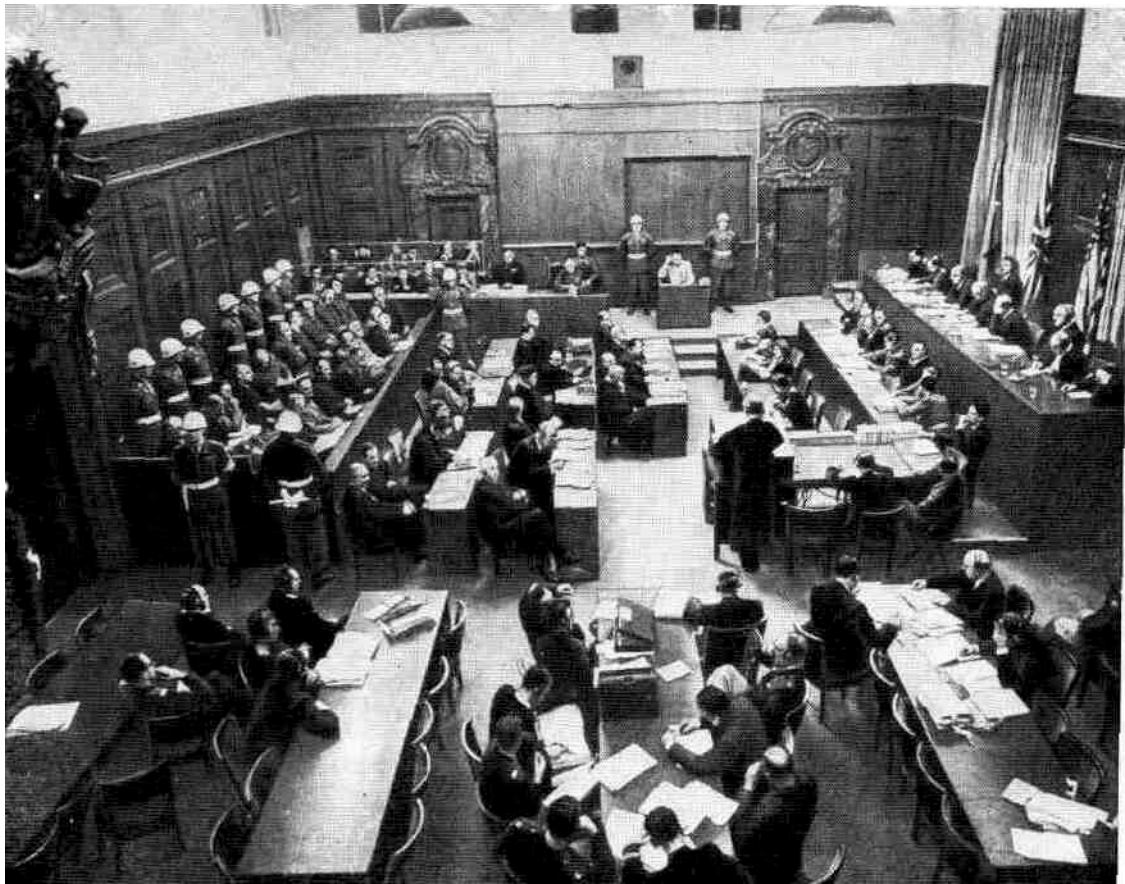
Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они, ни были преступны и бесчеловечны.

Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 года на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов негодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечение их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит это я убил». (Из книги Геринга «Восстановление нации», написанной им в 1934 году.)

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому,



Зал Суда

чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализоваться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг: «...своим железным кулаком сокрушил атаку на' национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиваться».

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить 'путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии.

Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 году на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что «...он намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал». И это намерение, как мы знаем, он осуществлял, подготавливаясь к войне изо дня в день.

На совещании руководителей германской авиационной промышленности 8 июля 1938 г. Геринг дает понять, что война близка и что если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. «Надо рисковать, чтобы добиться этой цели», — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявляет, что он «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор».

«В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать более мощное вооружение..., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

В отчете о совещании от 29 апреля 1941 г. по вопросу о структуре экономического штаба «Ольденбург», в отчете о совещании у генерала Томаса от 28 февраля 1941 г., а также в показаниях самого Геринга в судебном заседании 21 марта 1946 г. Трибунал найдет доказательство того, что Геринг уже с ноября 1940 года активно участвовал в разработке плана нападения на СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера от 16 июня 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось «сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины, как «личность с очень большой инициативой и с хорошей подготовкой».

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг ви-

новой в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

Мои коллеги уже останавливали внимание Суда на преступном отношении к военнопленным.

Я позволю себе только напомнить Трибуналу показание свидетеля Мориса Лампа в вечернем заседании 25 января 1946 г. о казнях советских, английских, французских и других офицеров в лагере Маутхаузен, о лагерях уничтожения Освенцим и Майданек, о предъявленных Суду нотах Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Молотова от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г., о чудовищных издевательствах германских военных властей в отношении советских военнопленных, за которые большая доля ответственности ложится на Геринга. Я напомним также о показаниях свидетеля Гальдера 31 октября 1945 г., в которых свидетель сообщил о совещании у Гитлера по вопросу о неприменении положений Гаагской конвенции при обращении с русскими военнопленными и о директиве из ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. о обращении с захваченными в плен русскими командирами и политработниками.

Все эти с неоспоримостью установленные на Суде факты злодеяний не нуждаются в дополнительном освещении, так как защита не привела в своих речах каких-либо опровергающих эти доказательства доводов.

В «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке» от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения.

Именно он подписал челоноконенавистнические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другие, эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому мирозерцанию Геринга.

На суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 году Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громогласно заявил: «Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...»

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, избличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

«Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить, это население в Сибирь».

Как уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг отвечает за

разграбление и расхищение государственной собственности и личной собственности граждан, произведенные фашистами на оккупированной части территории СССР, в Чехословакии, Польше, Югославии и других странах. Именно Геринг возглавил деятельность фашистских заговорщиков по экономическому ограблению оккупированной территории СССР.

Еще до вероломного нападения на СССР, 29 апреля 1941 г., состоялось совещание по разработке экономических мероприятий по варианту «Барбаросса». В результате этого совещания был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширные задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для достижения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь с русскими, украинцами, белоруссами.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорит о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления поработанных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

Использование принудительного труда было запланировано фашистами еще до начала войны. Достаточно напомнить о совещании у Гитлера, на котором принимал участие и подсудимый Геринг, от 23 мая 1939 г.

На совещании 7 ноября 1941 г. и в приказе от 10 января 1942 г. Геринг требовал от всех подведомственных ему органов обеспечения любыми методами германской промышленности рабочей силой за счет населения оккупированных советских территорий.

6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования.

Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

«Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...

Вы должны быть как лягавые собаки там, где имеется еще кое-что.

Я намереваюсь грабить, и именно эффективно».

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом.

Так действовал подсудимый Геринг.

Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Гесс

Подсудимый Рудольф Гесс уже с момента зарождения фашистской империи занимал ведущее положение среди нацистских заговорщиков.

Это Гесс был руководителем фашистской организации Мюнхенского университета, это он участвовал в мюнхенском путче, это он совместно с Гитлером работал над библией фашизма — книгой «Майн кампф», выполняя обязанности личного секретаря Гитлера, это он в 1932 году являлся председателем центральной политической комиссии фашистской партии, а после захвата власти в качестве «заместителя фюрера» проводил в жизнь звериную политику фашистских головорезов.

Именно Гессу декретом Гитлера от 21 апреля 1933 г. было предоставлено «полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией».

Вслед за тем Гесс продолжал прибирать к своим рукам все новые и новые посты в гитлеровском государстве. С 1 декабря 1933 г. он — имперский министр без портфеля для обеспечения близкого сотрудничества партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями; 4 февраля 1938 г. он назначается членом тайного совета; 30 августа 1939 г. — членом совета министров по обороне империи, а 1 сентября 1939 г. Гитлер объявляет Гесса своим преемником после Геринга. Гесс получает также звание обергруппенфюрера СС и СА.

Декретом от 27 июля 1934 г. Гитлер обязал руководителей всех ведомств и министерств Германии представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение.

Гесс занимался подбором и расстановкой руководящих фашистских кадров. Об этом свидетельствуют указ Гитлера от 24 сентября 1935 г. и другие документы, представленные Трибуналу обвинением.

Особо следует отметить активную роль Гесса в планировании и проведении агрессивных войн. Все агрессивные акции гитлеровской Германии намечались и готовились при самом непосредственном участии Гесса и подчиненного ему партийного аппарата фашистов.

Еще 12 октября 1936 г., выступая в Баварии, Гесс призывал немцев «употреблять немного меньше жира, немного меньше свинины, немного меньше яиц... Мы знаем, — говорил Гесс, — что иностранная валюта, которую мы этим самым сберегаем, идет на вооружение. И на сегодня действителен лозунг: «Пушки вместо масла».

Об этом же говорил Гесс и накануне своего отлета в Англию — 1 мая 1941 г., выступая на заводе Мессершмидта с призывом к продолжению агрессивной войны.

Вместе с Гитлером, Герингом и другими руководящими деятелями фашистского заговора Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий.

В членоконенавистнических нюрнбергских законах, за издание которых несет ответственность и подсудимый, имеется специальный пункт, уполномачивающий Фрика и Гесса издавать необходимые декреты для проведения в жизнь этих законов. Гесс подписал закон «об охране крови и чести», указ от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях, а также указ от 20 мая 1938 г. о распространении нюрнбергских законов на Австрию.

На данном процессе уже достаточно освещен вопрос о роли Гесса в организации сети шпионажа и террористических групп за границей, в создании СД (службы безопасности) и комплектовании частей СС.

Само положение Гесса в фашистской партии и гитлеровском правительстве говорит об активном руководящем участии подсудимого в подготовке и осуществлении общего преступного плана фашистских заговорщиков, а следовательно, об огромной доле его вины и ответственности за преступления против мира, и за военные преступления, и за преступления против человечности.

Господа судьи, чтобы еще более правильно оценить значение преступной деятельности подсудимого Гесса, как одного из видных руководителей нацистской партии и гитлеровского правительства, я напечатаю статью в газете «Национал цейтунг» от 24 апреля 1941 г., посвященную Гессу:

«Много времени тому назад — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почетное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настолько мягкосторонен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что это нельзя сказать несколькими словами..., многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера».

Гесс отказался давать объяснения Трибуналу. Его защитник-Зейдль с ложным пафосом заявил, что Гесс считает настоящий Трибунал некомпетентным для суда над германскими военными преступниками... и тотчас без паузы приступил к предъявлению доказательств в защиту Гесса.

Гесс даже пытался объявить себя сумасшедшим, чтобы избежать заслуженного наказания. Но когда Гесс убедился, что такой маневр ему не поможет, он вынужден был заявить в суде, что он симулировал потерю памяти, что это была тактическая уловка с его стороны, и должен был признать, что несет полную ответственность за все то, что он сделал и подписал вместе с другими.

Итак, на суде полностью разоблачена неуклюжая попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие в общем плане, или заговоре, для совершения преступлений против мира, в военных преступлениях, тягчайших преступлениях против мира и человечности, которые совершены им совместно с другими подсудимыми.

Борман

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллионов евреев. Этэй своей

деятельностью он заслужил у Гитлера большое доверие, ему было «предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни...» (Постановления и распоряжения партийной канцелярии, т. II, стр. 228), и он ее представлял.

Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превращается в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но принимал активное участие в их осуществлении.

Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства, а партийных гаулейтеров он назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных.

Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гимmlера было возложено руководство фольксштурмом, состоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях.

Он внес в 1943 году предложение о необходимости усиления экономического разграбления оккупированных территорий.

Таковы преступления подсудимого Бормана, ближайшего сподвижника Гитлера, разделяющего всю полноту ответственности за бесчисленные преступления гитлеровского правительства и фашистской партии.

Риббентроп

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 году, подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее за-

хвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности, фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г., как убежденного, преданного фашиста, назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал своей деятельности сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь далеко отстоящих от внешней политики вопросов, как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т. п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гиммлером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розенберг, на что последний, не без некоторого основания, подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие его он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцбурге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта, под давлением угроз, ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие плана «Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам с тем, чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего «акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира, — к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить

бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюсса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые».

В то же время, при деятельном участии подсудимого Риббентропа, велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцбурге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 года.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа — начале сентября 1940 года, т. е. когда уже проводилась разработка «плана Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых союзников. Так, в телеграмме к германскому послу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...»

Как установлено на Суде, Риббентроп, совместно с другими подсудимыми, подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплуатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКВ, министерством экономики, министерством внутренних дел, министерством иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточно-

европейскому вопросу» он писал: «В результате переговоров с МИД, последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Бройтигам».

Таким образом, бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но и что он вместе с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощения и истребления советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза. Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт, был один из организаторов и намечался в качестве почетного члена международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 года в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о существовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям и прежде всего подсудимому Заукелю в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп, во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизировал и вывозил в Германию согласно указаниям Риббентропа всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершения тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

ВОЕННАЯ ГРУППА

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных. Если оставить в стороне

Геринга, как фигуру совершенно специфическую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице, — то мне надо будет назвать Кейтеля, Иодля, Деница и Редера. В процессе судебного следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные обвинительного акта, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которые вызывались по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы, против своего желания, стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Иодль, Дениц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования, каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тяжчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание сослаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»? Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это

•фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории, гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали.

Кейтель

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с подсудимого Вильгельма Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель занял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что «декрет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное наименование—начальника верховного командования вооруженных сил».

И несколько далее: «...Фактическое значение работы Кейтеля было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с секретными вооружениями Германии после Версальского мира.

Трудно преуменьшить значение всего проделанного тогда еще полковником Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настойчиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения договора.

В частности, это именно полковник Кейтель, и никто иной, давал указания о том, что в Женеве можно говорить все, что угодно, лишь бы не оставлять письменных следов.

Это циничное заявление полностью соответствует той роли, которую играл Кейтель в последующей подготовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнигом живым напоминанием о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, была готова через отдел Абвер спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией, чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требует от Гесса и Гимmlера заранее сообщать ОКВ о всех мерах, проводимых партийными организациями или полицией, которые не предусмотрены «планом Грюн».

Оплошной ложью были фактические декларации об отсутствии каких-либо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна нам как директива Кейтеля и Гитлера от 10 мая 1939 г.

Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил. Как можно после этого говорить о том, что ОКВ не было руководящей головкой всех видов вооруженных сил фашистского рейха?

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы еще не раз будем встречаться с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственных совещаний, то как автор секретных приказов, адресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу. Собственноручные инициалы Кейтеля и Иодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении «операции Марита».

Много говорилось здесь о «плане Барбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы вероломного нападения на СССР являются его работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как войну превентивную. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого' подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо».

Я хочу помочь Суду увидеть подлинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить вам о 'нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом поправлении понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинению, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии, во-первых, и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, 884-ПС было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, как еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

А что можно сказать о фразе, страшной по своему беспредельному цинизму: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено

в лагерях фашистской Германии. Вы помните, как на вечернем заседании 25 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела 50 советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гимmlера. Вы помните показания свидетеля Блага, как весной 1944 года были истерзаны пытками, а затем убиты 94 советских офицера, отказавшихся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении русских военнопленных. Вы помните, о каком конвейере издевательств и мучений для каждого советского человека, попавшего в немецкий плен, показывал свидетель Кивелша.

Могу ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под номером СССР-162 советским обвинением было предъявлено показание Ле-Курта. Ле-Курт заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтор а и он был награжден восточной медалью. Он действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле-Куртом и ему подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, совершали солдаты и офицеры гитлеровской Германии свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино, заставив крестьян строить для немцев мосты и блиндажи, фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

В секретном докладе от 15 февраля 1940 г. на имя Геринга ОКБ оправдывает заложничество.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338).

Вы помните, господа Судьи, этот документ.

В нем адмирал Канарис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 6 апреля с. г.:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это' правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля.

Иодль

Подсудимый Альфред Иодль несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Иодля, так же как и с именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Иодля.

Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Иодля. Но это не только подпись.

Еще летом 1940 года в Рейхенхалле Иодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как подсудимый Иодль, еще до нападения на СССР, издал известные «Указания о применении пропаганды в районе Барбаросса». В этих «Указаниях» прямо указывалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Таким образом, подсудимый Иодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Это он, Иодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии с целью оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны.

Это он, Иодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 г. относительно порядка использования так называемого корпуса Генлейна на случай реализации плана «Грюн».

Издавательски звучат слова подсудимого Иодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Иодль, на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии — подсудимый Иодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Дениц и Редер

Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих гроссадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры.

Дениц при допросе его Советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы и без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского «рейха» шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский гроссадмирал Дениц, по мнению сошедшего со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля.

При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой «тактики волчьей стаи». Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети, в Балтийском и Черном морях.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужили поводом к преданию суду Международного Военного Трибунала главных военных преступников

С именем Редера связана кощунственная директива об уничтожении Ленинграда.

На процессе Редер пытался разыграть роль «честного военного». Но уже одно то, что именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замыслил «стереть с лица земли» Ленинград и уничтожить более чем трехмиллионное население великого города, имя которого неразрывно связано с развитием человеческой культуры и истории, делает Редера одним из главных военных преступников.

Редер участвовал в разработке всех важнейших планов агрессии германского фашизма. Этот участник преступного фашистского заговора должен поэтому понести наказание наравне с другими его соучастниками.

Кальтенбрун нер

Подсудимый Эрнст Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер считал наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 г. он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД. Многочисленными документальными данными, в частности приказами за подписью Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагери, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного

управления (Амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки (Амт III и СД) Отто Олеадорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тяжчайших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г., при допросе Кальтенбруннера, были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассказывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лагеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочисленных доказательствах, они достаточно освещены перед Судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять «эйнзатцгрупп». Граждане Советского Союза хорошо помнят эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

«Эйнзатцгруппа А» дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Панарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикернекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

«Эйнзатцгруппа В» остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

«Эйнзатцгруппа С» дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено сто тысяч советских людей.

«Эйнзатцгруппе D» были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытывала на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в «душегубках» под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести.

Преемник палача и сам палач Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того,

что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому назад заложил «теоретические» основы фашистского гитлеровского государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, «идейно» подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», он даже не ответил, а закричал: «Нет, это неправда, я никогда не был». Но как бы ни отрекался Розенберг от своего «фюрера», ему не смыть каинову печать «одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера». На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса об ответственности и виновности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Люэгера и Пуля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?!

Важно то, что Розенберг, собрав все эти «научные» отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодежь. И когда представителями «высшей расы» разрабатывались и совершались акты агрессии, когда немецкие оккупанты поработали и уничтожали нации и народы, когда создавались комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Трешлинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что «арийская» — «северо-германская» — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая порода».

Защитник Розенберга говорит: «Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения». Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивается идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процессе уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн очень велико.

В одном из представленных защитником Нейрата и принятых Судом документов прямо говорится:

«...одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе».

Наконец, о своем реальном влиянии на внешнюю политику гитлеровской Германии и своих «заслугах» в этой области указывал сам Розенберг в письме к Гитлеру от 6 февраля 1938 г., когда он просил назначить его членом тайного совета министров.

Я не вижу необходимости анализировать всю преступную деятельность Розенберга и намерен только кратко остановиться на его деятельности в качестве сначала «уполномоченного фюрера», а затем имперского министра восточных оккупированных территорий. На этом поприще Розенберг наиболее активно проявил себя как участник преступного заговора.

Розенберг заявляет, что он был против войны с СССР, что о подготовке военного нападения на Советский Союз он узнал от Гитлера тогда, когда уже все приказы по военной линии были отданы, что он никогда не имел реального влияния на внешнюю политику гитлеровской Германии. Я утверждаю, господа Судьи, что все эти заявления Розенберга ничего общего не имеют с действительностью.

Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 года газеты «Фелькишер Беобахтер», начинается с плана германского крестового похода против Советской России и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером, будучи инспирирован Людендорфом и Рехбергом, проповедовал внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами «обмена» польского коридора на Украину, его «дипломатические» поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 года—в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточно-европейскими областями».

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

Мы слышали о беседах Розенберга с Браухичем и Редером, его совещании с Функом, генералом Томасом, статс-секретарем Бакке и другими по вопросам экономической эксплуатации восточных областей, о его переговорах с Риббентропом, начальником штаба СА, руководителем германской контрразведки адмиралом Канарисом. Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он уже предусмотрел «рейхскомиссариат Россия», «рейхскомиссариат Кавказ», а Белорусскую республику включил в «рейхскомиссариат Остланд».

Розенберг пытается заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не облагодетельствовал населе-

ние этих областей. Это говорится после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью является:

«...создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Это говорится после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывается:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными».

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отмечающим все попытки подсудимого переложить ответственность за чудовищные преступления, творившиеся немецко-фашистскими захватчиками 'на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гиммлера.

Это Розенберг разрешил попираť решения Гаагской конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины.

Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг. Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В «официальной заметке для фюрера» от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР и прежде всего 'На Украине. Это «...использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы».

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, высту-

пая на заседании «германского трудового фронта» по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР, говорил:

«Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайной подходящей формой управления».

Защита утверждает, что Розенберг и его «эйнзатцштаб» занимались не разграблением культурных ценностей, а их сохранением. Это также не имеет ничего общего с правдой. Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 года, т. е. за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза.

16 октября 1941 г. в письме Гитлеру Розенберг указывает:

«Теперь я дал указание аналогичному оперативному штабу моего аппарата провести выполненную на западе работу также в оккупированных восточных областях.

...Имея образовавшуюся таким образом общую картину, можно было удовлетворить все справедливые желания и требования великой Германской империи. На этой основе я бы взял на себя также гарантирование того, чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы для ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были использованы в этих целях».

Розенберг 17 октября 1944 г. писал Борману, что для транспортировки «учтенного» его организациями добра понадобилось 1 418 000 железнодорожных вагонов, а 427 000 тонн, кроме того, было перевезено водным путем. В этом же письме Розенберг писал, что из захваченных товаров отправлено в Германию 9 000 вагонов сельскохозяйственных и прочих машин. И после этого он смеет говорить о каких-то машинах, якобы ввезенных на Украину!

И последнее: о смехотворной теории так называемого «благородного; антисемитизма» Розенберга. Нелепо полемизировать с защитником Розенберга, утверждавшим, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал:

«Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться; методом временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны быть разрешением этой проблемы».

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 года на заседании германского рабочего фронта.

«Мы не должны, — говорил Розенберг, — довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решен в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев».

И все эти операции «Котбус», истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производились на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 году Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать о нем написала:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма.

Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства».

И это будущее—стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежало оценить и не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

Франк

Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого» права для немцев, о «принципах справедливости» для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 году именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу поработанной Польши.

Франк прибыл в Польшу для того, чтобы практически осуществить на территории страны с многовековой историей и самобытной высокой культурой программу-порабощения и уничтожения народа, который гитлеровцы считали навсегда покоренным.

Я хотел бы напомнить Суду некоторые высказывания Франка, относящиеся к первым месяцам его пребывания в Польше, взятые из его так называемого «дневника». Вряд ли стоит полемизировать с защитником о доказательственной силе этого-документа.

Сам Франк заявил следователю, что «это документ исторического значения», и на вопрос, «являются ли истинными все утверждения, содержащиеся в дневнике», ответил: «Это полностью соответствует тому, что мне известно».

19 января 1940 г. Франк с циничной откровенностью заявил на совещании руководителей отделов:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорвать эту область, как территорию войны и как трофейную страну сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

31 октября 1939 г. в присутствии Геббельса, на совещании руководящих сотрудников «генерал-губернаторства», он заявил: «Следует совершенно четко выделить различие между германским народом — народом господ — и поляками».

Он вспомнил тогда же и о польской культуре, о которой, как говорил здесь защитник Зейдель, Франк проявлял много забот. Он заявил: «...полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые доказывали бы безнадежность судьбы их народа. Речь может идти поэтому о плохих фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле

заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами, пока не закончились, наконец, изданием «постановления» от 2 октября 1943 г.

10 ноября 1939 г. Франку донесли о том, что близится день польской независимости и на некоторых домах были вывешены плакаты, напоминавшие полякам о дне их национального праздника. Тогда в «дневнике» Франка появилась запись: «Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Поляк должен чувствовать, что мы для него не намерены строить правовое государство».

Приведенный нами короткий отрывок из речи Франка на совещании руководителей отделов «генерал-губернаторства» характеризует этого гитлеровского «юриста» значительно лучше, чем обширные выдержки из его парадных речей, которые мы вынуждены были выслушивать здесь.

Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед Судом все многочисленные доказательства виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти Судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, «по должности».

Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Только на предположении о том, что, кроме адвоката, никто не изучал дневников Франка, могут покоиться попытки защиты представить Франка «врагом насильственных методов вербовки». Ибо Франк никуда не может уйти от таких документов, как протокол заседания руководителей отделов от 12 апреля 1940 г., от записи совещания с гаулейтером Заукелем 18 августа 1942 г., от стенограммы совещания с Бюлером, Крюгером и др. 21 апреля 1940 г.

Но он посылал людей на каторгу для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах «рейха» перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

Не случайно (как убедился в том Суд из недавно прозвучавших в этом зале показаний бывшего заместителя бургомистра Смоленска — проф. Базилевского) на режим, установленный Франком в Польше, как на пример для своих действий ссылались те немецко-фашистские убийцы, которые уничтожили 11 тысяч пленных польских офицеров в Катынском лесу.

Я считаю особенно важным подчеркнуть здесь, как представлялась Франку политика в отношении польского населения после войны:

«Я настоятельно обращаю внимание на то, — говорил Франк, — что в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу общую политическую линию. Он будет означать, что мы должны будем проводить колонизацию в еще более грандиозном масштабе, но ничего в принципе не изменит».

Это говорилось в 1940 году, когда Франк замыслил первое массовое убийство польской интеллигенции, так называемую операцию «АБ».

В 1944 году на совещании сельскохозяйственных фюреров в Закопане Франк сказал:

«Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно превратить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет, что будет».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 году он, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, должен был добавить неопределенную формулу «если бы мы выиграли войну». В это время он не мог уже быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме ораторов НСДАП в королевском зале Краковского дворца Франк заявил о судьбе уничтоженных польских евреев:

«Здесь мы начали с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь, — эмигрировали».

Как сам Франк, так и его защитник пытались утверждать, что подсудимый ничего не знал о происходившем в концентрационных лагерях «генерал-губернаторства». Однако в том самом «секретном рапорте» Франка на имя Гитлера, который пыталась использовать в интересах Франка защита, можно найти подтверждение того, что Франк был отлучен информирован о происходившем в концлагерях. Там говорится:

«Большая часть польской интеллигенции не поддается влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме». Затем Франк приводит в высшей степени характерную фразу, описывая реакцию польских рабочих на провокационные сообщения немцев о Катыни. «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовые убийства поляков производились по конвейеру». И далее: «Сегодня, к сожалению, польская общественность и не только интеллигенция сравнивает Катынь с массовой смертностью в германских концентрационных лагерях и с расстрелами мужчин, женщин и даже детей и стариков при проведении коммулятивных наказаний в районах».

После «секретного рапорта» на имя Гитлера не было никакого «нового курса» Франка. Наоборот, Франк издал то свое постановление от 2 октября 1943 г., которое сам подсудимый при допросе его защитником назвал «ужасным». После введения в действие этого «постановления» жертвами его стали многие тысячи невиновных людей. Число казнимых все увеличивалось, пока в Варшаве не достигло 200 человек, одновременно расстреливаемых за одну казнь. То же самое происходило на улицах всех польских городов, где так называемые «полицейские суды» осуществляли казни, как сказано в тексте самого постановления, немедленно за приговором. Обреченные на смерть привозились на место казни одетые в одежду из бумаги, с губами, заклеенными пластырем, или ртом, наполненным алебастром, обескровленные в тюрьмах. На правительственном заседании в Кракове 16 декабря 1943 г., где Франк с удовлетворением констатировал, что казни имели «благоприятные последствия», одновременно обсуждался другой вопрос. В протоколе этого совещания сказано:

«Нужно обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви».

Защита пыталась здесь говорить о бесконечных разногласиях Франка с полицией, который был якобы не согласен с ее действиями. Посмотрим — что это' за разногласия?

Первая же «зондер-акция», произведенная в Польше, а именно: операция «АБ» — физическое уничтожение нескольких тысяч польских интеллигентов — была произведена не по инициативе полиции, а по инициативе самого Франка. Согласно декрету Гитлера от 2 мая 1942 г., руководитель полиции был подчинен генерал-губернатору. Когда между Франком и начальником полиции Крюгером действительно начались некоторые разногласия, то с поста начальника полиции должен был уйти Крюгер, а Франк остался генерал-губернатором Польши. Что касается сменившего Крюгера обергруппенфюрера Коппе, то кто, как не Франк, 16 декабря 1943 г. выразил ему благодарность за расстрел заложников, признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отметил, что «во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист». Непонятно, о каких разногласиях Франка с полицией говорил адвокат Зейдель.

Защита пыталась даже изобразить Франка «своеобразным мирным антисемитом», который хотя и отрицательно относился к еврейскому народу, но не только не организовал сам убийств евреев, но даже и не подстрекал к ним.

Непостижимо, как в таком 'случае могут быть истолкованы защитником следующие слова Франка:

«Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

Или *его* заявление на правительственном заседании от 24 августа 1942 г., когда он говорил:

«То, что мы 'приговариваем к голодной смерти 1,2 миллиона евреев, само собой понятно. Разумеется, что если эти евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет, как следствие, ускорение, активизацию мероприятий, направленных против евреев».

Преступная деятельность палача польского народа Франка привела к гибели миллионов людей.

«Вы видите, как работают государственные органы, вы видите, что они ни перед чем не останавливаются и ставят людей дюжинами к стенке», — так сам Франк характеризовал насажденный им в Польше режим кровавого террора на совещании штандартенфюреров 16 марта 1942 г.

«Я не постеснялся заявить, что за одного убитого немца будет расстреляно до ста поляков», — эти слова были произнесены Франком 15 января 1944 г. на заседании политических руководителей НСДАП.

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150000 поляков», то он бы сказал: «Пре-красно, если это было необходимо»,—заявил 18 марта 1944 г., произнося речь в Рейхсгофе, тот самый Франк, который ныне пытается уверить Суд в том, что имел какие-то «принципиальные разногласия» с Гитлером и Гиммлером.

Те заявления, которые сделал Франк в первые месяцы своего пребывания в Польше, были настоящей программой убийств, осуществляемых подсудимым планомерно, методично и беспощадно.

Франк, конечно, хорошо понимал, что в случае, если война не принесет победы, ему придется нести ответственность за преступления, совершенные в Польше, и за участие в фашистском заговоре.

Еще в 1943 году на заседании с сообщниками Франк говорил об этом. И надо отдать должное, он как юрист гораздо более правильно представлял и формулировал понятие преступного заговора, чем некоторые адвокаты на этом процессе, которые, опираясь на устарелые понятия, пытаются оспаривать обоснованность обвинения в заговоре.

На этом правительственном заседании совместно с полицией 25 января 1943 г. тогдашний генерал-губернатор заявил «гиенам Гиммлера»:

«...Я хотел бы подчеркнуть одно: мы не должны жеманничать, когда слышим о 17 000 расстрелянных. Эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабах мировой истории. Именно поэтому мы должны держаться вместе и разделять общие идеи, и было бы просто смешно, если бы мы стали выносить сор из избы, касающийся споров о методах».

Этот призыв к убийствам очень далек от «бесконечных споров с полицией», о которых говорил здесь защитник Франка.

Подсудимый ошибся в одном — он неверно определил свое место на скамье подсудимых. Но он не ошибся в основном — как преступник «в масштабах мировой истории» он сел на скамью подсудимых.

Фрик

С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д.

В этой роли подсудимый Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тотального государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 году был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик, как показал об этом в Суде и свидетель Гизевиус, был полностью осведомлен о широко развитой в третьей империи системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он

являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровские заговорщики «узаконивали» присоединение к Германии захваченных территорий, в числе других гитлеровских главарей были подписаны также подсудимым Фриком.

Лично подсудимый Фрик в качестве протектора Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое подсудимым Фриком министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих министерства внутренних дел в основном комплектовался аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность.

Штрейхер

Несмотря на то, что в годы войны подсудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней, — трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, теми, кто замыслил, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам — были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

И не случайно так высоко расценил заслуги «Дер Штюмер» и его главного редактора Гиммлер в своем, известном уже Суду, приветствии Штрейхеру, датированном апрелем 1937 года.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюмера» и его редактора германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществили преступные планы Гитлера и его клики, уничтожив более шести миллионов евреев Европы.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюмера». И поэтому вместе с Бальдуrom фон Ширахом Штрейхер должен нести ответственность за то, что морально изуродованная им «гитлерогенд» использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из

Львовского гетто. Не случайно фон Ширах так высоко ценил «исторические заслуги» Штрейхера.

Изуверские «нюрнбергские законы» были для этого «юдофоба № I», как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь «началом борьбы». Как помнит Суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал:

«...только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет разрешена».

Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным «ритуальным номерам «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные Суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 году он, предвкушая Майданек и Трешлинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 году, когда газовые камеры Трешлинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации «гетто», статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал:

«Евреи в Европе исчезли».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь, во время Суда. Я не знаю — рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха.

Но кажется мне, что самому подсудимому должно быть ясно — его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Шахт

Подсудимый Гельмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу.

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему поверить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, он был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытается сейчас представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 году сблизился с нацистским движением. Шахт тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных

и финансовых кругах Германии и, как никто иной, мог оказать и в действительности оказал неоценимые услуги гитлеризму.

Уже 29 августа 1932 г. в своем письме на имя Гитлера Шахт заверил его в своей преданности.

Эти заверения не остались словами. Не кто иной, как именно подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он, Шахт, был организатором обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером.

Именно он, Шахт, еще в 1932 году заявил тогдашнему рейхсканцлеру Германии фон Папену — 'отдайте свой пост Гитлеру. Именно он, Шахт, в 1933 году, накануне выборов в рейхстаг, организовал совещание промышленников, на котором был создан выборный фонд для нацистской партии в несколько миллионов марок.

Роль и значение Шахта в создании гитлеровской Германии характеризует ближайший сподвижник Гитлера Геббельс. В своем дневнике он записал 21 ноября 1932 г.:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Сам подсудимый Шахт в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге 4 марта 1935 г. так определил свою роль в гитлеровском государстве:

«Я могу уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер...»

Заслуги подсудимого Шахта были, как этого и ожидал сам Шахт, достойно оценены Гитлером. После прихода к власти в 1933 году Гитлер сразу же назначил Шахта председателем Рейхсбанка, а затем — министром экономики и, наконец, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Материалами обвинения и судебным следствием доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и тем самым в развязывании агрессивных войн.

Бывший военный министр Бломберг в своих показаниях сообщил, что в 1937 году планы развития вооруженных сил были близки к выполнению и что Шахт был информирован об этих планах и необходимом финансировании.

Шахт являлся одним из наиболее последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев. В беседе с послом США Фуллером 23 сентября 1936 г. Шахт заявил ему, что «...колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их...»

Выступая в Вене в марте 1938 года, Шахт заявил:

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь потому, что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Подсудимый Шахт был наделен чрезвычайными полномочиями в области военной экономики.

В течение ряда лет Шахт одновременно являлся председателем рейхсбанка, министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Уже в силу одного этого своего положения подсудимый Шахт сыграл огромную и решающую роль в создании и возрождении военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии.

Эта роль подсудимого Шахта достаточно освещена в неоднократных хвалебных письмах Гитлера к Шахту.

Не кто иной, как подсудимый Шахт, являлся создателем авантюристического метода «МЕФО», при помощи которого в германскую экономику на цели вооружения было вложено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

Как уже указывалось выше, подсудимый Шахт пытался в разные периоды его деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострившиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, действительно стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лояльность к этому режиму.

Только в 1943 году, когда для такого прожженного политикана, как Шахт, стал очевиден крах гитлеровской Германии, он установил связь с оппозиционными гитлеровскому режиму кругами, но, оставаясь верным себе и страхуя себя и в этом случае, ничего реального для свержения гитлеровского режима лично не сделал и именно поэтому был сохранен Гитлером.

Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях — роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством второй мировой войны.

Функ

Вальтер Функ стал нацистом задолго до своего официального вступления в 1931 году в члены НСДАП и оставался нацистом до конца. Свои экономические знания, свой опыт журналиста, свои обширные связи с руководителями германской промышленности, торговли и финансов он поставил на службу гитлеровским заговорщикам.

В опубликованной в газете «Дас Рейх» от 13 августа 1940 г. статье под названием «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления» указывалось:

«Вальтер Функ оставался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистским борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера».

Каковы были идеалы Гитлера, — достаточно хорошо известно. Этим «идеалам» Функ посвятил 'полтора десятка лет своей жизни.

Функ утверждал, что он ничего общего не имел с СС, но не кто иной, как Функ, превратил кладовые рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами в восточных и других оккупированных областях.

Лично Функ после переговоров с Гиммлером распорядился принять в рейхсбанк золотые зубы, коронки, оправы от очков и другие ценные вещи замученных жертв многочисленных концлагерей.

Заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер. Под руководством Функа работал Олендорф — убийца 90 тысяч человек.

Функ, продолжая мероприятия Шахта, поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику территорий, оккупированных Германией.

Еще в мае 1939 года Функ и его заместитель Ландфрид разработали планы военного финансирования и использования для войны всех экономических ресурсов Германии и захваченной немцами Чехословакии.

23 июня 1939 г. Функ участвует в заседании имперского совета обороны, на котором были приняты детальные планы перевода всего народного хозяйства на военные рельсы.

Уже тогда Функ не только был осведомлен о готовящемся нападении Германии на Польшу, но и экономически подготавливал новые войны, захват новых областей. Это и были «большие политические цели фюрера», о которых спустя несколько месяцев Функ писал в своей статье «Хозяйственная и финансовая мобилизация».

Я напомним еще об этом документе. 25 августа 1939 г. Функ писал Гитлеру: «Переданная мне г-ном фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко ошастливила».

Задолго до вероломного нападения Германии на СССР Функ принял участие в разработке планов по разграблению богатств Советского Союза.

Функ прикомандировал к министерству Розенберга и хозяйственному штабу ОСТ, этому грабительскому центру, своих сотрудников. Люди Функа принимали также участие в разграблении Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран.

Функ являлся президентом компании «Континенталь Ойль», организованной для эксплуатации немцами нефтяных богатств восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской нефти.

Функ полностью разделял грабительские цели войны гитлеровской Германии против СССР. Выступая 17 декабря 1941 г. в Праге, он говорил, что Восток является будущей колониальной областью Германии. Функ принимал участие в совещании у Геринга от 6 августа 1942 г., на котором намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Норвегии и других стран.

На этом совещании, а также на заседаниях управления «Центрального планирования» Функ принимал участие в разработке планов угона в рабство миллионов людей оккупированных областей.

Таковы основные этапы активной преступной деятельности гитлеровского заговорщика подсудимого Функа — личного советника Гитлера по экономическим вопросам еще в 1931 году, имперского министра и генерального уполномоченного по вопросам экономики, президента рейхсбанка и члена имперского совета обороны — в период подготовки и осуществления общего преступного плана (заговора).

Виновность Функа — активного участника фашистского заговора — в совершении преступлений против мира, в участии в военных преступлениях, преступлениях против человечности полностью доказана, и он должен понести ответственность за совершенные им злодеяния.

Ширах

С 1931 года и до конца войны подсудимый Бальдур фон Ширах возглавлял руководство нацистской молодежи.

После издания 1 декабря 1936 г. закона о гитлеровской молодежи фон Ширах в качестве имперского руководителя молодежи был подчинен непосредственно Гитлеру.

В своих показаниях на суде подсудимый Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистских идей, неоднократно ссылаясь на то, что «Гитлерюгенд» являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией.

В целях своей защиты подсудимый Ширах считал возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого «сама юность воспитывает молодежь» с неприкрытым цинизмом были использованы Ширахом.

Гете был, конечно, прав, когда говорил, что «сама юность воспитывает молодежь». Но он имел в виду здоровую, полноценную, жизнедеятельную юность, а не юность, растленную мракобесием гитлеризма, ярко выраженным в словах Гитлера, сказанных им Раушнингу:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И подсудимый Ширах, методически внедряя идеи гитлеризма в сознание немецкой молодежи, воспитывал немецкую молодежь в духе требований Гитлера, по образцу и подобию матерых вожаков гитлеровской банды.

На перекрестном допросе подсудимый Ширах в конце концов все же вынужден был признать, что немецкая молодежь воспитывалась в духе национал-социалистских идей, что к ее воспитанию были привлечены члены СА, офицеры немецких вооруженных сил и СС, что в гитлеровской Германии проводилась усиленная военная подготовка молодежи.

В этих целях между имперским руководством «Гитлерюгенд» и ОКВ, в лице подсудимого Кейтеля и рейхсфюрера СС Гимmlера, были заключены специальные соглашения, предусматривавшие воспитание молодежи в духе воинственного милитаризма и соответствующую вербовку и подготовку молодежи для германских вооруженных сил и соединений СС..

Роль и участие подсудимого фон Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуется поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в «Гитлерюгенд».

Советским обвинением было представлено Трибуналу под номером СССР-6, в порядке статьи 21 Устава, сообщение Чрезвычайной Госу-

дарственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

В этом сообщении приводилось заявление французской подданной Иды Вассо об изуверской расправе членов «Гитлерюгенд» над малолетними детьми, из которых они делали мишень для стрельбы.

В своих письменных показаниях от 16 мая 1946 г., а также в ответах на опросный лист защитника подсудимого Шираха Ида Вассо полностью подтвердила свое заявление.

Убедительные показания о действиях членов «Гитлерюгенд» в составе немецких вооруженных сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который сам с 1938 года являлся членом «Гитлерюгенд» и в возрасте 18 лет, в 1942 году, был призван в немецкую армию.

Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, Герт Книтель сообщил:

«В местечке Липайск наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех пытавшихся выпрыгнуть из дома мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...»

За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертом Кнителем и десятками тысяч им подобных и подсудимый фон Ширах.

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Но не только этими преступлениями исчерпывалась преступная деятельность «Гитлерюгенд» и подсудимого Шираха во время войны.

«Гитлерюгенд» активно участвовала в подготовке агрессивных войн путем создания «пярых колонн» в Польше и Югославии, о чем свидетельствуют представленные Трибуналу официальные доклады польского и югославского правительств.

Организация «Гитлерюгенд» принимала активное участие в мероприятиях министерства оккупированных восточных территорий, о чем свидетельствует представленный Трибуналу под номером 1039-ПС отчет подсудимого Розенберга, а также активно участвовала в угоне в рабство из оккупированных территорий детей в возрасте от 10 до 14 лет, о чем свидетельствует представленный Трибуналу документ под номером 031-ПС.

Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное руководящее участие в выселении из Вены 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши.

Предъявленные обвинением документы — еженедельные отчеты, поступавшие к Шираху, устанавливают, что он был осведомлен о многочисленных злодеяниях, чинимых немецкими войсками и оккупационными властями на Востоке, и, в частности, о трагической судьбе насильственно вывезенных из Вены десятков тысяч евреев.

Подсудимый Ширах в 1940 году требовал в своей телеграмме на имя Бормана в ответ на убийство палача Богемии и Моравии Гейдриха уничтожить воздушной бомбардировкой один из культурных городов Великобритании.

; Одна эта телеграмма достаточно ярко и убедительно рисует моральный облик фон Шираха.

(Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых сам принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур третьей империи».

Заукель

Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабский труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей.

Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

В судебном заседании во время перекрестного допроса подсудимый Заукель был вынужден признать, что в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных из оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

Признавая вывоз в Германию из оккупированных территорий миллионов рабочих и использование их, прежде всего, в интересах военной Экономики гитлеровской Германии, Заукель отрицал преступный характер этих действий, утверждая, что вербовка рабочих производилась 'будто бы добровольно.

Это не просто ложь, но и клевета на миллионы честных патриотов Советского Союза, Чехословакии, Югославии, Польши, Франции, Голландии, преданных своей родине, насильственно угнанных на рабский труд в гитлеровскую Германию.

Попытки подсудимого Заукеля представить свою роль в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы как лица, только координирующего и инспектирующего деятельность других государственных органов по использованию рабочей силы, являются несостоятельными.

В качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель был наделен Гитлером чрезвычайными и всеобъемлющими правами и был подчинен в своей деятельности непосредственно и лично Герингу.

И Заукель широко использовал эти полномочия для ввоза в Германию рабочей силы из оккупированных территорий.

Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесспорностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильствен-

ный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

Подсудимый Заукель пытается уверить Трибунал в том, что он будто бы строго выполнял требования Женевской и Гаагской конвенций об использовании труда военнопленных. Однако его же собственные директивы полностью разоблачают его ложь.

Подсудимый Заукель заранее планировал принудительное использование советских военнопленных в военной промышленности Германии и не проводил никакой разницы между ними и гражданской рабочей силой.

О нечеловеческих условиях, в которых находились угнанные в рабство иностранные рабочие и военнопленные, свидетельствуют многочисленные документальные доказательства.

Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

Вызванный в судебное заседание по ходатайству защитника Заукеля свидетель доктор Вильгельм Егер нарисовал страшную картину тех условий, в которых находились подневольные рабочие на предприятиях фирмы Крупна.

Смехотворными после всего этого звучат показания другого свидетеля — Фрица Висхофера, который, желая выгородить Заукеля, явно преуменьствовал, сообщив Трибуналу, что он будто бы видел разгуливающих и веселящихся в венском Пратере иностранных рабочих.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепрпетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу,; Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Именно в результате своей поездки на Украину в 1943 году Заукель объявил благодарность за успешную мобилизацию рабочей силы рейхскомиссару Украины Коху, известному своими драконовскими, бесчеловечными мерами, которые он широко применял в отношении украинского населения,

И неслучайно поэтому преступная деятельность Заукеля находила высокую оценку в гитлеровской Германии.

6 августа 1942 г. на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей подсудимый Геринг заявил:

«...Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля. В этом он не нуждается. Но то, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, господа, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнены задачи, которые возложены на вас...»

В статье, опубликованной в «Рейхсарбейтсблатт» за 1944 год и посвященной 50-летию Заукеля, говорилось: «Верный своей политической задаче, он с непоколебимой последовательностью и упорством, с фанатической верой идет по своему ответственному пути. Как один из наиболее

верных сторонников Гитлера он черпает свои созидательные и духовные силы в доверии фюрера».

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, Высокие Судьи, несомненно, учтут слезы, пролитые миллионами томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное.

Зейсс-Инкварт

Подсудимый Артур Зейсс-Инкварт был назначен Гитлером в начале сентября 1939 года начальником гражданской администрации Южной Польши, а с 12 октября того же года — заместителем генерал-губернатора Польши. На этом посту он находился по май 1940 года.

На протяжении семи месяцев Зейсс-Инкварт лично, а также под руководством Франка и совместно с ним насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабощения народов польского государства.

17 ноября 1939 г. Зейсс-Инкварт выступил с речью перед начальниками управлений и отделов варшавского губернаторства, в которой, между прочим, указал, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве «руководящим принципом должны быть интересы германской империи.

Путем строгого и нестигаемого управления эта область должна быть использована германской экономикой, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала германскую территорию».

Через два дня Зейсс-Инкварт по этому же вопросу инструктировал люблинского губернатора — бригаденфюрера СС Шмидта:

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешить развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн».

Из отчета о служебной поездке Зейсс-Инкварта устанавливается: что губернатор Варшавы Фишер осведомил подсудимого о том, что все ценности варшавских банков в золоте, драгоценных металлах и векселях были переведены в рейхсбанк, причем польское население было обязано оставлять свои вклады в банках; что немецкая администрация применяет принудительный труд; что люблинский губернатор Шмидт заявил в присутствии Зейсс-Инкварта: «Эта территория с ее ярко выраженным болотистым характером могла бы служить областью для евреев, где можно было бы создать условия для расстрела каждого десятого».

Я обращаю внимание Трибунала на то, что именно в Люблине, на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти[^] котором они истребили около полутора миллионов человек.

Известно также, что Зейсс-Инкварт в качестве заместителя Франка выполнял от его имени «чрезвычайные задания».

Зейсс-Инкварт 8 декабря 1939 г. принял участие в конференции, на которой шла речь: о назначении Франка доверенным уполномоченным по четырехлетнему плану и задачах генерал-губернатора «по получению для империи самого лучшего и полезного из хозяйства генерал-губернаторства»; о том, что из вновь присоединенных областей с 1 декабря прибыло много поездов с поляками и евреями и эти перевозки, как указал обер-группенфюрер СС Крюгер, будут продолжаться до середины декабря; об издании дополнительного распоряжения, согласно которому трудовая повинность распространяется на возраст от 14 до 18 лет.

21 апреля 1940 г. подсудимый принимал участие в совещании, на котором были разработаны мероприятия по принудительному вывозу польских рабочих в Германию.

16 мая 1940 г. подсудимый принимал участие в разработке операции «АБ», которая являлась не чем иным, как планом заранее обдуманного массового истребления польской интеллигенции.

В связи с назначением Зейсс-Инкварта имперским комиссаром Нйг дерландов, Фрэнк и его достойный заместитель обменялись прощальными речами:

«Я весьма рад,—говорил Франк,—заверить вас, что память о вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации...»

«Здесь, — ответил Зейсс-Инкварт, — я изучил многое... и в первую очередь, в области инициативы и твердого руководства в том виде, в каком я их увидел в моем друге д-ре Франке...

...Все мои мысли связаны с востоком. На востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на западе мы имеем функцию».

Какова была на западе функция Зейсс-Инкварта, как и прочих имперских министров и комиссаров во всех оккупированных немцами территориях, известно — это функция палача и грабителя.

Мои коллеги подробно говорили о преступной роли Зейсс-Инкварта в захвате Австрии и осуществлении других агрессивных планов гитлеровских заговорщиков, наглядно показали, как Зейсс-Инкварт применил в Нидерландах кровавый опыт, приобретенный им в сотрудничестве с Франком в Польше. И это дает мне все основания полностью поддерживать в отношении Зейсс-Инкварта обвинение, как оно сформулировано Обвинительным актом.

Папен

Подсудимый Франц фон Папен еще в 1932 году, будучи рейхсканцлером германской республики, активно способствовал развитию в стране фашистского движения.

Папен отменил декрет своего предшественника Брюнинга о запрещении деятельности штурмовых отрядов (СА). Им же было свергнуто социал-демократическое правительство Брауна-Зевринга в Пруссии. Эти

мероприятия в весьма значительной степени усилили положение фашистов и способствовали приходу их к власти.

Так Папен расчистил путь Гитлеру. Обеспечив власть фашистам, сам Папен занял в кабинете Гитлера пост вице-канцлера. На этом посту фон Папен участвовал в принятии и проведении ряда законодательных актов, направленных на укрепление немецкого фашизма.

И в дальнейшем в течение многих лет, вплоть до разгрома гитлеровской Германии, фон Папен остался верен своим фашистским друзьям, принимая посильное участие в осуществлении преступного заговора.

Подсудимый фон Папен пытается сейчас объяснить свою роль в развитии фашистского движения и в захвате власти Гитлером той политической ситуацией в стране, которая будто бы сделала приход Гитлера к власти неизбежным.

Действительные мотивы, которыми руководствовался фон Папен, состоят в том, что он сам был убежденный, преданный Гитлеру фашист.

Выступая во время выборной кампании в рейхстаг в Эссене 2 ноября 1933 г., Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими усилиями работу национал-социалистского движения и его руководителя. Так же, как, став канцлером, я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы передать власть в руки нашего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие,— милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий дал ей такого руководителя с надежной интуицией государственного деятеля, который поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

Международный Военный Трибунал даст должную оценку преступной деятельности подсудимого фон Папена, который сыграл решающую роль в захвате Гитлером власти, широко использовал провокационные методы в своей дипломатической деятельности, всеми силами способствуя созданию темных сил фашизма, которые ввергли мир в кровопролитные войны и причинили неисчислимые бедствия.

Шпеер

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и остался им до конца. Их сблизила и сроднила общность не только профессиональных интересов, но и политических.

Шпеер начал свою карьеру в 1932 году с реконструкции «коричневого дома»—штаба НСДАП—в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии.

Начав со строительства здания имперского «партейтага», Шпеер закончил строительством «Атлантического вала».

Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора.

В чем заключается «линия обороны» Шпеера на Суде? Шпеер представляет дело таким образом, что пост министра ему был навязан Гитлером: он был близким другом Гитлера, но о планах Гитлера ничего не знал, он в течение 14 лет состоял членом нацистской партии, но от политики был далек и даже не читал «Майн кампф». Правда, будучи изобличен, Шпеер признался, что он солгал во время допроса на предварительном следствии.

Шпеер лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА, а затем и к СС. В распоряжении Суда имеется подлинное дело члена СС Альберта Шпеера, который состоял в личном штате рейхсфюрера СС Гимmlера.

Шпеер занимал» довольно высокий ранг и в нацистской партии. Он -был, в партийной канцелярии -делегатом по всем техническим вопросам, возглавлял главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников национал-социалистов, был уполномоченным штаба Гесса, руководителем одной из крупных организаций «германского трудового фронта».

Можно ли после этого серьезно принимать во внимание заявление Шпеера, что он был аполитичным специалистом? В действительности ближайший сотрудник Гитлера, Гесса, Лея и Геринга — Шпеер руководил германской техникой не только в качестве имперского министра, но и как нацистский политический руководитель.

Став преемником Тодта, Шпеер, как он сам выразился в речи перед гаулейтерами, беззаветно отдался разрешению военных задач.

Путем безжалостной эксплуатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий.

Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии.

Его полномочия росли с каждым месяцем войны. Указами Гитлера от 2 сентября 1943 г. Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение сырьем, за руководство и производство военной промышленности. Ему даже было поручено регулирование товарооборота, а указ Гитлера от 24 августа 1944 г. фактически делал Шпеера диктатором над всеми германскими инстанциями как внутри самой Германии, так и на оккупированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии.

И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда «фау» разрушали города Англии, — это был результат деятельности Шпеера.

Это под его руководством было широко развернуто производство газов и других средств химической войны. Сам подсудимый при допросе его господином Джексонем на Суде признал, что три фабрики готовили Продукцию для газовой войны и до ноября 1944 года они работали на полном ходу.

Шпеер не только знал о применяемых Заукелем методах при угоне В рабство населения оккупированных областей, но и сам принимал участие вместе с Заукелем на совещаниях у Гитлера и в управлении «Центрального планирования», где принимались решения об угоне в Германию миллионов людей из оккупированных территорий.

Шпеер имел тесный контакт с Гиммлером: он получал от Гиммлера заключенных для работы на военных заводах; на многих заводах, подведомственных Шпееру, были организованы филиалы концентрационных лагерей. За услуги Гиммлера Шпеер, в свою очередь, предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Шпеер очень много говорил здесь о том, что он резко критиковал близкое окружение Гитлера и что у него якобы были очень серьезные разногласия с Гитлером, что в своих письмах к Гитлеру он указывал на бессмысленность дальнейшего ведения войны. Когда представитель советского обвинения спросил Шпеера, кого именно из близкого окружения он критиковал и в связи с чем была эта критика, подсудимый ответил: «Я вам этого не скажу».

Совершенно очевидно, что Шпеер не только не хотел, но и не мог Этого сказать по той простой причине, что он никого из близкого окружения Гитлера не критиковал, да и не мог критиковать, так как сам был убежденным нацистом и входил в это близкое окружение. Что касается так называемых «серьезных разногласий», то, как признал Шпеер, они Начались после того, как ему стало ясно, что Германия проиграла войну.

Письма Шпеера к Гитлеру датированы мартом 1945 года. Тогда-то Шпеер мог без особого риска обрисовать безнадежное положение Германии. Оно уже было ясно для всех и не составляло предмет разногласий. И не случайно, что после этих писем Шпеер продолжал оставаться фаворитом Гитлера. Именно Шпеера Гитлер назначил 30 марта 1945 г. руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов, обязав все партийные, государственные и военные учреждения оказывать ему всемерную помощь.

Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики.

Н е й р а т

Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было занести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появлялся со своим

многолетним опытом в области внешней политики Нейрат — нацистский дипломат в чине генерала СС.

Я напому официальную оценку деятельности Нейрата, которая была опубликована 2 февраля 1943 г. во всех газетах фашистской Германии.

«Самыми яркими политическими событиями после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются уход с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области и денонсирование Локарнского договора...»

В качестве имперского протектора Богемии и Моравии Нейрат представлял для гитлеровских заговорщиков те «твердые и надежные» руки, о которых писал в своем меморандуме генерал Фредерици и которые должны были превратить Чехословацкую республику в «неотъемлемую часть Германии». Для достижения этой цели Нейрат насаждал пресловутый «новый порядок», сущность которого теперь всем известна.

Нейрат пытался здесь уверить, что все зверства творились полицией и гестапо по прямому приказу Гиммлера, а он о них вовсе и не знал. Можно понять Нейрата, когда он это утверждает, но согласиться с ним никак нельзя.

Допрошенный 7 марта 1946 г. Карл Франк показал, что Нейрат регулярно заслушивал доклады командующего полицией безопасности и лично Франка о «важнейших событиях в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности», что Нейрат имел возможность и давал директивы государственной полиции безопасности, а в отношении СД (службы безопасности) его права были еще шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного управления имперской безопасности.

Я напому также параграфы 11, 13 и 14 приказа совета министров имперской обороны от 1 сентября 1939 г., устанавливающие, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции проводят административные мероприятия в Богемии и Моравии с ведома имперского протектора и что органы германской полиции безопасности в протекторате обязаны осведомлять имперского протектора, а также ему подчиненные учреждения и держать их в курсе важных событий.

Если к этому еще добавить, что подсудимый Нейрат назначил 5 мая, 1939 г. своим политическим референтом СД-фюрера и уполномоченного полиции безопасности, если вспомнить оглашенные на Суде показания бывшего при Нейрате президента Чехии Рихарда Бинерта, в которых говорится, что гестапо производило аресты по распоряжению имперского протектора, — разве могут быть сомнения в том, что Нейрат санкционировал массовые аресты, казни без суда и другие бесчеловечные акты, совершенные гестапо и полицией в Чехословакии?

Я перехожу к событиям 17 ноября 1939 г., когда девять студентов были без суда расстреляны, свыше тысячи студентов было брошено в концентрационные лагеря и все чешские высшие учебные заведения были закрыты на три года.

Нейрат говорил, что он узнал об этих террористических мероприятиях постфактум. Но мы предъявили Суду сообщение о расстреле и аресте студентов, на котором значится подпись Нейрата. Нейрат пытается найти другую лазейку: он заявляет, что Франк подписал сообщение его, Нейрата, именем, а для убедительности Нейрат еще добавил, что позднее он от одного чиновника узнал, что Франк часто злоупотреблял его именем на документах. Правдоподобны ли эти заявления Нейрата? Достаточно бегло проанализировать факты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нейрат говорит, что Франк злоупотреблял его именем. Что же предпринял он? Может, он потребовал отставки Франка или наказания его за подлог? Нет. Может быть, он официально сообщил кому-либо об этом подлоге? Тоже нет. Напротив, он продолжал сотрудничать с Франком, как и прежде.

Нейрат говорит, что он узнал о злоупотреблениях Франка от «одного чиновника». Кто же этот чиновник? Как его фамилия? Почему не было ходатайства о вызове его в Суд или хотя бы не получены его письменные показания?

Все дело в том, что никто Нейрату не говорил о злоупотреблениях Франка с подписью Нейрата на документах и не мог говорить, так как самих злоупотреблений не было. Зато в распоряжении Суда имеются доказательства, подтверждающие, что сообщение от 17 ноября 1939 г. подписано Нейратом и террористические мероприятия, о которых в этом сообщении говорится, были санкционированы Нейратом. Я имею в виду два показания Карла Франка— непосредственного участника этих кровавых событий.

Карл Франк на допросе 26 ноября 1945 г. показал: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря».

Я цитирую второе показание Карла Франка по этому вопросу от 7 марта 1946 г.: «Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением, доведившим до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения, на что он имел право, то я должен был бы присоединиться к его мнению».

В августе 1939 года Нейрат издал так называемое «предупреждение» в связи с «чрезвычайным положением», в котором он объявил Богемии в Моравию «составной частью великой Германской империи» и установил, что «ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население», т. е. установил принцип коллективной ответственности, ввел систему заложничества.

Если расценить события 17 ноября 1939 г. в свете этого распоряжения Нейрата, мы найдем еще одно неопровержимое доказательство против Нейрата.

Начиная с 1 сентября 1939 г., в Чехии и Моравии были арестованы как заложники около 8000 чехов, большинство из которых было отправлено в концентрационные лагеря, многие были казнены или умерли от

голода и пыток. Вы, господа судьи, слышали по этому поводу показания Бинерта, Крейчи и Гавелки.

Разве эти террористические действия против чешской интеллигенции не совершались на основе указанного выше так называемого «предупреждения» Нейрата?

Мне нет необходимости излагать все то, что произошло в Лидице, а затем в селении Лежаки, — это широко известно. Разве там немецкие оккупанты не действовали, исходя из «предупреждения» Нейрата и установленного им принципа: «ответственность несут не только отдельные лица, но и все чешское население»?

Это Нейрат в августе 1939 года положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и детей, стариков и детей, убитых и замученных. И я не вижу разницы между бароном фон Нейратом и другими главарями преступного нацистского режима.

Ф р и ч е

Роль подсудимого Ганса Фриче в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности, несомненно, более значительна, чем это может показаться на первый взгляд.

Преступная деятельность Фриче, ближайшего помощника Геббельса, проводившаяся систематически, изо дня в день, являлась важнейшим звеном в общем преступном плане (заговоре) и самым активным образом способствовала созданию тех условий, при которых зародились и культивировались многочисленные преступления гитлеровцев.

Все попытки подсудимого Фриче и его защиты умалить его значение и роль в этих преступлениях явно провалились.

Какая совершенно особая роль отводилась лживой пропаганде в гитлеровской Германии, свидетельствуют высказывания Гитлера в «Майн кампф».

Он писал: «Вопрос о возрождении германского могущества гласит не «как мы сфабрикуем оружие?», а «как мы произведем дух, который сделает народ способным носить оружие». Если этот дух овладеет народом, воля найдет тысячу путей, из которых каждый приведет к оружию».

Не случайно также, что на съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1936 году были провозглашены лозунги:

«Пропаганда помогла нам прийти к власти»,

«Пропаганда поможет нам удержать власть»,

«Пропаганда поможет нам завоевать весь мир».

Подсудимый Фриче по своему положению, несомненно, был одним из наиболее видных пропагандистов и одним из наиболее информированных людей в гитлеровской Германии, пользовавшийся особым доверием Геббельса.

Как известно, Фриче с 1938 года по 1942 год являлся руководителем важнейшего в министерстве пропаганды отдела немецкой прессы, а с 1942

года до разгрома гитлеровской Германии — руководил немецким радиовещанием.

Выросший на журналистском поприще в реакционной прессе Гугенберга и являясь членом фашистской партии с 1933 года, Фриче в качестве правительственного радиокomentатора своей личной пропагандой сыграл большую роль в распространении в Германии фашизма, в политическом и моральном растлении немецкого народа.

Об этом подробно сообщили в своих письменных показаниях свидетели — бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фердинанд Шернер и бывший вице-адмирал германского флота Ганс Фосс.

Представленные трибуналу под номерами 3064-ПС и СССР-496 тексты перехваченных британской радиовещательной компанией выступлений по радиожюдсудимого Фриче полностью подтверждают эти выводы обвинения.^f

В своей деятельности германская пропаганда и лично подсудимый Фриче широко использовали методы провокации, лжи и клеветы, причем особенно широко применялись эти методы с целью оправдания агрессивных акций гитлеровской Германии.

Гитлер в «Майн кампф» писал:

«При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай».

Фриче оказался самым подходящим человеком для такой грязной роли.

8 своем заявлении Трибуналу от 7 января 1946 г. Фриче подробно описал широко применявшиеся немецкой пропагандой и лично им самим провокационные методы в связи с агрессивными акциями против Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии, Польши и Югославии.

9 апреля и 2 мая 1940 г. Фриче выступил по радио с лживыми объяснениями причин оккупации Германией Норвегии. Он заявил, что «никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и труд текли обычным путем».

Между тем в представленном норвежским правительством официальном докладе указывалось: «Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 года ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения... Более 40 тысяч домов было повреждено или разрушено, и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Наглая клевета была распространена немецкой пропагандой и лично Фриче в связи с потоплением английского пассажирского парохода «Атения».

Особенную активность немецкая пропаганда проявила в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Подсудимый Фриче пытался утверждать, что о нападении на СССР он будто бы впервые узнал, будучи вызван в 5 часов утра 22 июня

1941 года на пресс-конференцию к министру иностранных дел Риббентропу, и что об агрессивных целях этого нападения ему стало известно в результате его личных наблюдений лишь в 1942 году.

Подобные утверждения опровергаются таким документальным доказательством, каким является отчет подсудимого Розенберга. Этим документом устанавливается, что Фриче еще задолго до нападения на СССР знал о соответствующих приготовлениях и в качестве представителя министерства пропаганды участвовал в разработке министерством всточных оккупированных территорий пропагандистских мероприятий на Востоке.

Отвечайте время перекрестного допроса на вопросы советского обвинения, Фриче заявил, что если бы ему были известны преступные приказы гитлеровского правительства, о которых он узнал только здесь, на суде» он не пошел бы с Гитлером.

И в этом случае — перед лицом Международного Военного Трибунала Фриче сказал неправду. Он вынужден был признать, что преступные гитлеровские приказы об истреблении евреев и расстреле советских комиссаров были ему известны еще в 1942 году, однако и после этого он продолжал оставаться на своем посту и заниматься лживой пропагандой.

В своих выступлениях по радио 16 июня и 1 июля 1944 г. Фриче широко пропагандировал применение Германией новых видов оружия, всячески стремясь побудить армию и народ на дальнейшее бессмысленное сопротивление.

Уже накануне краха гитлеровской Германии, а именно 7 апреля 1945 г., Фриче выступил по радио с призывом к немецкому народу о продолжении сопротивления союзным войскам и вступлении для этой цели в организацию «Вервольф».

Так до самого конца подсудимый Фриче оставался верен преступному гитлеровскому режиму.

Он всего себя отдал осуществлению фашистского заговора и всех преступлений, намеченных и проводившихся для осуществления этого заговора.

Он — активный участник всех гитлеровских преступлений и должея понести за них тягчайшую ответственность.

Господа судьи!

Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии.

Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмрели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов ж

ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир, — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

ПРЕДСТАВЛЕНИ
Е
ДОКАЗАТЕЛЬСТ
В
ПО ДЕЛУ
ПРЕСТУПНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ТЭЙЛОРОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПНОСТИ
ГЕРМАНСКОГО ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
И ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

*{Из стенограммы, заседания Международного Военного Трибунала
от 4 января 1946 г.}*

Тэйлор: Ваша честь, господа Судьи! Обвинительное заключение согласно ст. ст. 9, 10 и 11 Устава предъявляет обвинение шести преступным организациям, из которых последней из названных в Обвинительном заключении организаций является генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

С первого взгляда эти шесть групп и организаций кажутся отличающимися друг от друга как по своей структуре, так и по своим функциям, но все они родственны одна другой, и мы считаем, что логически они должны быть обвиняемы совместно, поскольку они были наиболее важными средствами и главным орудием, при помощи которого нацистские заговорщики стремились достичь своих целей. Все шесть из них были или созданы нацистами, или контролировались ими, или же сотрудничали с нацистами и сыграли важную роль в достижении нацистами успеха. Партия, правительство, полиция и вооруженные силы все вместе являлись основным и необходимым орудием.

Моей задачей является представить доказательства по делу против генерального штаба и верховного командования.

С одной точки зрения эта группа должна отличаться от других групп и организаций, против которых мы выдвигаем обвинение в преступности. Например, руководящий -состав нацистской партии является руководящим составом самой партии, партии, которая была воплощением нацизма, при помощи которого гитлеризм пришел к власти и тирании в Германии. СА и СС были ответвлениями партии, важными ответвлениями нацистской партии. Германская полиция имела свою собственную историю развития, которая предшествовала гитлеризму, но на 99 процентов она была создана самой нацистской партией и СС. Имперское правительство было, по существу, комитетом или рядом комитетов имперских министров, и когда нацисты пришли к власти, естественно, что министерские посты были преимущественно заняты нацистами. Все эти группы или организации, соответственно, обязаны своим происхождением или своим развитием нацизму или же автоматически нацифицировались тогда, когда Гитлер пришел к власти.

Но это не относится полностью к этой группе, о которой мы сейчас будем говорить. Нет необходимости напоминать Трибуналу о том, что германская военная мощь и германские военные традиции предвосхищали гитлеровым на много десятилетий. Не нужно иметь седую бороду, чтобы хранить живые, личные воспоминания о войне 1914—1918 гг., о кайзере и так называемом клочке бумаги. По этим причинам я и хочу очень коротко описать характер нашего обвинения против этой группы, прежде чем мы перейдем к представлению доказательств.

В результате германского поражения в 1918 году и Версальского договора размеры и размах деятельности германских вооруженных сил были очень строго ограничены.

То, что эти ограничения не разрушили и даже серьезно не подорвали германский милитаризм, достаточно ясно показали последние несколько лет. Полный расцвет германской военной мощи наступил в результате сотрудничества между нацистами, с одной стороны, и руководителями германских вооруженных сил, профессиональными солдатами, моряками и летчиками — с другой. Когда Гитлер пришел к власти, он не встретил пустоту в военной области. Он нашел маленький рейхсвер и группу профессиональных офицеров с моралью и взглядами, сложившимися на базе германской военной истории. Руководители этих профессиональных офицеров составляют группу, названную в обвинительном заключении, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил. Эта часть дела касается этой группы людей.

Нет необходимости говорить, что обвинение не придерживается такой точки зрения, что быть солдатом или моряком или служить своей стране в качестве моряка или солдата в военное время является преступлением. Сама военная профессия есть профессия почетная, но совершенно ясно, что человек, который совершает преступление, не может быть оправдан только потому, что он совершил это преступление, будучи одетым в военную форму.

Обвинение не считает, что все члены этой группы были опасными людьми или что все они одинаково виновны. Но мы покажем, что эта группа не только сотрудничала с Гитлером и поддерживала многие нацистские цели, но также и предоставила нацистам то, что сыграло основную и важную роль в успехе их программы в Германии, а именно — мастерство и опыт в развитии и использовании военной мощи.

Почему эта группа поддерживала Гитлера и нацистов? Я думаю, господа Судьи, вы убедитесь по мере представления доказательств, что ответ очень прост. Ответ, заключается в том, что они были согласны с основными целями гитлеризма и нацизма и что Гитлер дал генералам возможность играть важную роль в достижении этих целей. Генералы, подобно Гитлеру, хотели расширить Германию за счет соседних стран и были готовы сделать это, применяя силу или угрожая ее применением. Сила, вооруженная мощь, — вот что было ключом всего предприятия Гитлера, и без этого ничего не могло бы быть достигнуто.

Когда нацисты пришли к власти, перед ними стояла альтернатива: или сотрудничать с маленькой германской армией, так называемым «рейхсвером», или построить свою собственную отдельную армию, игнорируя рейхсвер. Генералы боялись, что нацисты могут сделать последнее, и поэтому они решили пойти на сотрудничество с нацистами. Более того, нацисты дали генералам возможность достигнуть того, чего многие гене-

ралы хотели достигнуть путем расширения германских границ, и таким образом, как мы покажем, генералы встали на один путь с нацистами. Они видели, что в то время им было по пути с нацистами. Без сомнения, они надеялись позднее сами оказаться у руководства.

Гитлер быстро привлек их на свою сторону блестящей приманкой завоеваний, и затем преуспел в том, чтобы подчинить себе политически этих людей. И когда началась война, они стали его орудием. Но когда мы говорим, что эти военные руководители стали орудием нацизма, мы не считаем, что они действовали бессознательно, или что они не участвовали полностью во многих преступлениях, которые мы раскроем здесь перед Трибуналом. Готовность и даже стремление группы профессиональных германских офицеров участвовать во всех нацистских делах совершенно очевидны и будут полностью показаны.

Ваша честь, в нашем представлении доказательств будут три основные части. Первая часть будет содержать описание, структуру и функции генерального штаба и верховного командования, как указано в Обвинительном заключении. Затем будут представлены доказательства для подтверждения предъявляемого обвинения о преступности, согласно 1 и 2 разделам обвинительного заключения, и, наконец, доказательства в подтверждение обвинения, изложенного в разделах 3 и 4.

Трибунал также будет иметь еще один документ, носящий название «Основная информация касательно организации германских вооруженных сил».

Сейчас прежде всего я обращусь к описанию группы, как это определено в Обвинительном заключении.

В течение первой мировой войны была одна организация в германских вооруженных силах, известная как «германский генеральный штаб». Это название «германский генеральный штаб» живет еще в сознании людей, хотя фактически он больше не существует. Не было такой единой организации, единого германского генерального штаба с 1918 года, но имелаась группа людей, ответственных за политику и действия германских вооруженных сил, и тот факт, что эти люди не были объединены формально общим названием, не означает, что мы не можем собрать их воедино. Они не могут избежать последствий своих совместных действий только потому, что они не были объединены формально. Значение верховного командования заключается не в наименовании, которое дано ему, но в его функциях, а люди, составляющие эту группу, как это указано в Обвинительном заключении, выполняли определенные функции и были связаны общей ответственностью за планы и операции германских вооруженных сил.

Прежде всего мы рассмотрим общую структуру и организацию (германских вооруженных сил, а затем рассмотрим построение группы, определенной в Обвинительном заключении. Обвинение приготовило очень короткое письменное объяснение организации германских вооруженных сил, которое было вручено Трибуналу. Этот документ представляет собой краткий обзор истории развития верховного командования германских вооруженных сил с 1933 года и структуру в том виде, как она выглядела после реорганизации, в феврале 1938 года. Там также имеется простая схема, которая через "несколько минут будет представлена суду. Там же содержится краткий словарь германских военных выражений и сравнительная таблица рангов в германской армии и СС с указанием

эквивалентных им рангов в армии Соединенных Штатов и также рангов германского военного флота с эквивалентными рангами в британском военном флоте. Я могу сказать, что военные ранги в разных странах незначительно отличаются в терминологии.

Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, германские вооруженные силы контролировались имперским министром обороны, в то время фельдмаршалом Бломбергом. Фон Бломбергу подчинялись начальник армейского штаба, в то время фон Фрич, и начальник военно-морского штаба — подсудимый Редер. Согласно ограничениям, наложенным на Германию по Версальскому договору, германские воздушные силы в то время вообще не существовали официально. Штабы сухопутных и военно-морских сил были переименованы в «Главное командование» и известны под названием ОКХ и ОКМ.

В мае 1935 года в то время, когда в Германии была введена обязательная воинская повинность, были изменены титулы этих офицеров, но структура осталась в основном той же самой. Фельдмаршал фон Бломберг остался командующим вооруженными силами с титулом имперского военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Фон Фрич стал именоваться главнокомандующим армии, а Редер главнокомандующим военно-морского флота. Армейский штаб и штаб военно-морского флота были подчинены верховному командованию.

Германский воздушный флот стал существовать открыто и официально примерно в то же время, но тогда им не руководил Бломберг. Он представлял собой независимую организацию под личным командованием подсудимого Геринга, который имел двойной титул: министр авиации и главнокомандующий военно-воздушными силами.

Сейчас я прошу продемонстрировать схему.

Эта схема является подлинной, что было удостоверено под присягой тремя известными германскими генералами, письменные показания которых будут представлены. Она показывает организацию вооруженных сил, как она выглядела в 1938 году, после реорганизации, на которой я сейчас остановлюсь.

В феврале 1938 года фон Бломберг и фон Фрич оставили свои посты, и военное министерство Бломберга было ликвидировано. В составе военного министерства имелся отдел, который назывался вермахт-амт, или отдел вооруженных сил. Функцией этого отдела было координирование планов и операций армии и военно-морского флота. Из этого отдела вооруженных сил было сформировано новое объединенное руководство вооруженными силами, которое известно как верховное командование германских вооруженных сил. На схеме находится в квадрате, в центре, непосредственно под Гитлером верховное командование вооруженными силами, которое сокращенно обычно обозначается буквами ОКВ.

С тех пор, как воздушные силы так же, как и армия и военно-морской флот, стали подчиняться ОКВ, координация всех вооруженных сил была возложена на ОКВ, которое стало гитлеровским личным штабом по всем этим вопросам. Подсудимый Кейтель был назначен начальником ОКВ, а начальником наиболее важного отдела ОКВ—штаба оперативного руководства — был назначен подсудимый Йодль.

Эта реорганизация и создание ОКВ изложены в декрете, изданном Гитлером 4 февраля 1938 г. Этот декрет был опубликован в «Рейхсге-

зетцблат». Я прошу суд обратить внимание на это и принять это без доказательств. Я прочту этот декрет, который очень короток.

Я цитирую:

«Командование всеми вооруженными силами отныне будет осуществляться непосредственно лично мною.

Отдел вооруженных сил в имперском военном министерстве с его функциями с настоящего времени является верховным командованием вооруженных сил и непосредственно переходит под мое личное руководство как мой военный штаб. Начальником штаба верховного командования вооруженных сил является начальник бывшего отдела вооруженных сил с титулом начальника верховного командования вооруженных сил. Его права те же самые, что и права имперского министра.

Верховное командование вооруженных сил также принимает на себя все дела имперского военного министерства. Начальник верховного командования вооруженных сил как мой представитель выполняет все функции, которые до сих пор входили в обязанность имперского военного министра. Верховное командование вооруженных сил отвечает в мирное время за объединенную подготовку к обороне империи во всех областях согласно моим директивам. Берлин 4 февраля. Подписано Гитлером, Ламмерсом и Кейтелем».

Ниже ОКВ вы видите три верховных командования трех родов войск: ОКХ, ОКМ. и военно-воздушных сил. Последние (военно-воздушные силы) не имели тогда официального названия ОКЛ до 1944 года. Подсудимый Редер оставался после 1938 года главнокомандующим военно-морским флотом, но фон Фрич так же, как и Бломберг, сошел со сцены. Фон Фрич, как вы видите это на схеме, был заменен Браухичем в качестве главнокомандующего армией. Геринг продолжал оставаться главнокомандующим военно-воздушных сил. В 1941 году Браухич был заменен как главнокомандующий армией самим Гитлером, и в 1943 году Редер был заменен в качестве главнокомандующего военно-морским флотом подсудимым Деницем. Подсудимый Геринг продолжал оставаться на посту главнокомандующего военно-воздушных сил до последнего месяца войны.

ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ — каждый имел свой собственный штаб. Эти четыре штаба не имели однородных обозначений. Три штаба: армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил размещены по горизонтальной линии внизу схемы, штаб ОКВ помещен в маленьком квадрате направо наверху с именем Иодля и Варлимонта.

ОКХ — это командование сухопутных сил; ОКВ был известен как штаб оперативного руководства, но во всех случаях это были функции генерального штаба, если говорить на военном языке.

Вы можете увидеть, что в этой войне не было единого германского генерального штаба, но скорее было четыре штаба, каждый для определенного рода войск, а ОКВ как координирующее их верховное командование.

Сейчас мы перейдем к нижней части схемы. Вы видите различные центральные организации штаба. Теперь мы перейдем к полевым организациям. Командованию ОКХ, ОКЛ и ОКМ соответственно подчинялись различные боевые соединения армии, военно-воздушных сил, военно-морского флота.

В германской армии самым большим соединением, как и в армиях

других стран, была армейская группа. Армейская группа состояла из двух и более армий. Под командованием армий находились менее крупные полевые соединения, такие, как корпуса, дивизии и полки.

Если говорить о германских воздушных силах, то самым большим соединением был, как известно, воздушный флот и менее крупными соединениями являлись корпуса или воздушные дивизии.

ОКМ подчинялись различные военно-морские соединения, которые проводили все военно-морские операции на определенном участке. Командующие флотами непосредственно подчинялись германскому адмиралтейству.

Сейчас мы обратимся к группе, которая определена в Обвинительном заключении как группа, которая обвиняется в совершении преступлений, о чем говорится в приложении «Б» Обвинительного заключения. Эта группа состоит прежде всего из германских офицеров, которые занимали высокие посты, и четырех верховных командований, о которых мы уже говорили. И дальше — из офицеров, которые занимали высокие командные посты в военных операциях.

Прежде всего обратимся к офицерам, которые занимали ответственные посты в верховном командовании. Мы увидим, что в эту группу входят девять лиц, занимавших такие посты. Четыре из них занимали самые высокие посты: начальник ОКВ Кейтель, главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич, а позднее Гитлер, главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Редер, позднее Дениц, главнокомандующий военно-воздушными силами Геринг, позднее фон Грейм.

Четыре других поста — это посты начальников штабов — начальник штаба оперативного руководства ОКВ Иодль, начальник генерального штаба армии Гальдер и позднее другие, начальник штаба военно-воздушных сил Иешонек, позднее другие и начальник главного военно-морского штаба.

Девятый пост — это пост заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ. В течение большей части войны этот пост занимал генерал Варлимонт. Особая ответственность заместителя Иодля заключалась в стратегическом планировании, и поэтому его управление включено в группу, как это определено в Обвинительном заключении.

Группа, названная в Обвинительном заключении, включает всех тех лиц, которые занимали какой-либо из девяти указанных постов между февралем 1938 года и концом войны — маем 1945 года. Февраль 1938 года считается началом этого периода, поскольку в этот месяц руководство германских вооруженных сил было реорганизовано и приняло, следовательно, форму, в которой оно существовало с тех пор до самого конца войны. 22 различных лица занимали эти девять постов в течение этого периода и из этих 22 — 18 до сих пор живы.

Обращаюсь затем к офицерам, которые занимали ответственные посты во время боевых действий. Обвинительное заключение включает в число участников этой группы всех главнокомандующих на поле боя, которые занимали должность «обербефельсхабера» в армии, флоте и военно-воздушных силах. Термин «обербефельсхабер» не переводится точно на английский язык и, пожалуй, лучше всего перевести его как главнокомандующий.

Если говорить об армии, командующие армейскими группами и армиями всегда были в должности «обербефельсхабера». В военно-воздуш-

ных силах главнокомандующие воздушными флотами всегда имели полномочия «обербефельсхабера», хотя формально они не назывались так до 1944 года. В военно-морском флоте офицеры, под командованием которых находились определенные районы и на которых было возложено осуществление контроля за всеми военными действиями в определенном секторе, занимали должность «обербефельсхабера».

Приблизительно 110 офицеров были в должности «обербефельсхабера» в армии, в военно-морском флоте и в воздушных силах в течение этого периода, о котором мы говорим, и все, за исключением примерно 12 человек, из них до сих пор живы.

Сам генеральный штаб и группа верховного командования, как определено в Обвинительном заключении, включают в себя примерно 130 офицеров, из которых 114 считаются до сих пор еще живыми.

Эти цифры, конечно, совпадают с числом тех офицеров, которые в какое-либо время принадлежали к этой группе в течение семи лет и трех месяцев—с февраля 1938 года и до мая 1945 года.

Число активных участников этой группы, относящихся к любому определенному моменту, конечно, намного меньше. Оно состояло примерно из 20 человек в начале войны и возросло до 50 человек — в 1944—1945 гг. Иначе говоря, в какой-либо момент времени в 1944 году активная группа состояла из 9 лиц, занимавших 9 вышеуказанных постов, и примерно 41—из главнокомандующих военно-морскими, военно-воздушными и сухопутными силами.

Структура и функции германского генерального штаба и группы верховного командования были описаны в большом числе письменных показаний, данных под присягой рядом руководящих германских фельдмаршалов и генералов и представленных уже Трибуналу. Эти показания содержатся в первой книге документов. Я хочу коротко рассказать, как были получены эти показания.

Прежде всего отбирались два американских офицера согласно их опыту и возможностью вести допросы германских военнопленных высоких военных рангов; они инструктировались офицером разведки и советником суда по особым проблемам, которые возникали в данном случае. Эти офицеры были хорошо знакомы с вопросами разведки и хорошо владели немецким языком. Подчеркивалось, что функцией этих офицеров было выявление и установление тех фактов, касающихся организации вооруженных сил, о которых Обвинение желает получить точную информацию.

Те германские генералы, которые подвергались допросу, отбирались с точки зрения специальных знаний, которыми они могли обладать в связи с тем положением, которое они занимали в вооруженных силах.

После каждого такого допроса следователь готовил отчет о допросе, и из этого отчета отбирались те факты, которые оказывались относящимися к данному делу и подлежали представлению Трибуналу, и из этих фактов составлялось показание. После этого отчет представлялся допрошенному германскому офицеру, и он еще раз заявлял, точно ли соответствовали показания тому, что он говорил на допросе, и ему представлялась возможность внести соответствующие изменения. Нашей целью было получить наиболее точные показания по организационным вопросам.

Я возьму эти письменные показания одно за другим и думаю, что

члены Трибунала увидят, что они полностью подтверждают представленное обвинением описание группы и окончательно устанавливают, что эта группа офицеров была в самом деле той группой, которая несет главную ответственность за планирование и руководство операциями германских вооруженных сил.

Первое из этих показаний — показание, данное под присягой, Франца Гальдера, который был в ранге «генерал-оберста», или генерал-полковника. Его показания, данные под присягой, будут представляться под № США-531.

Гальдер был начальником генерального штаба ОКХ с сентября 1938 года до сентября 1942 года и является, соответственно, членом группы и, следовательно, мог давать показания об организации. Это — короткое показание, и я полностью его зачитаю:

«Полная власть и ответственность за военные дела в Германии была возложена на главу государства, которым до 2 августа 1934 г. был фельдмаршал фон Гинденбург, а после этого—до 1945 года был Адольф Гитлер.

Особо важные военные дела находились под ответственностью трех родов войск германских вооруженных сил, подчинявшихся главнокомандующему вооруженными силами (и в то же самое время главе государства), то есть армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы. Практически руководство в этой области осуществлялось сравнительно небольшой группой офицеров, имевших высокие военные ранги.

Эти офицеры осуществляли такое руководство соответственно своему официальному положению и также благодаря их подготовке, рангам и общему контакту. Планы военных операций германских вооруженных сил подготавливались членами этой группы, согласно инструкциям ОКВ, от имени трех соответствующих главнокомандующих и представлялись ими главнокомандующему вооруженными силами (в то же самое время главе государства).

Члены этой группы были облечены полномочиями и ответственностью за подготовку к военным операциям в определенных своих областях, и они действительно готовились к каждой операции, которая должна была быть проведена войсками на поле боя.

До проведения какой-либо операции члены этих групп собирались и им давались соответствующие указания главой государства. Примером таких совещаний является совещание 22 августа 1939 г., на котором была произнесена речь Гитлера к командующим перед нападением на Польшу и консультация в имперской канцелярии 14 июня 1941 г. перед нападением на Советский Союз. Построение этой группы и связь ее членов друг с другом были такими, как это показано на прилагаемой схеме. Это был в самом деле генеральный штаб и верховное командование германскими вооруженными силами». Подписано Гальдером.

Следующий документ, который я представляю, — это, в основном, идентичные показания фон Браухича, которые идут под номером США-532. Фон Браухич имел ранг фельдмаршала и был главнокомандующим армии с 1938 года по 1941 год, поэтому он был также членом группы. Нет необходимости читать это заявление, поскольку оно примерно такого же содержания, как и данное Гальдером, но я прошу включить его полностью в стенограмму по этому вопросу. Единственная разница между этими двумя заявлениями имеется в последнем предло-

жении каждого из них. Гальдер утверждает, что «Группа, описанная в обвинительном заключении, была на самом деле генеральным штабом и верховным командованием германских вооруженных сил», тогда как фон Браухич несколько по-другому говорит о том же самом, «что в руках тех, которые занимали посты, показанные на схеме, находилось фактическое руководство вооруженными силами». Во всех других частях эти два показания полностью совпадают.

Трибунал увидит из этих письменных показаний, данных под присягой, что схема, к которой приложено краткое описание, была представлена фон Браухичу и Гальдеру, и что оба эти офицера дали клятву о том, что она действительно соответствует организации руководства германских вооруженных сил. Таким образом, показания фон Браухича и Гальдера также полностью поддерживают заявление обвинения о том, что те, кто занимали посты, указанные на этой схеме, составляют группу, на которой лежала ответственность за главное планирование и проведение в жизнь всех мероприятий, связанных с вооруженными силами.

Сейчас я представлю другое показание, данное Гальдером, которое выдвигает несколько деталей и вопросов, относящихся к описанию данной группы. Я зачитаю его сейчас полностью для занесения в протокол.

«Наиболее важным отделом ОКВ был оперативный отдел. Во многом он был тем же самым, что и генеральный штаб в армии, штаб военно-воздушных сил в военно-воздушном флоте и штаб военно-морских сил в военно-морском флоте. Кейтелю подчинялся ряд начальников отделов, которые имели такие же полномочия, как, скажем, Иодль, но в области планирования и руководства военными действиями их отделы были менее важны и менее влиятельны, чем сам Иодль и его отдел. Оперативный штаб ОКВ также подразделялся на секции. Из них наиболее важной была секция, начальником которой был Варлимонт. Она носила название отдела национальной обороны. Преимущественно эта секция занималась разработкой "• стратегических вопросов. С 1941 года Варлимонт, хотя на нем лежали те же обязанности, занимал положение заместителя начальника оперативного штаба ОКВ.

В течение второй мировой войны не было такого объединенного генерального штаба, как «большой генеральный штаб», действовавший в первую мировую войну.

Оперативные вопросы, касающиеся армии и военно-воздушных сил, разрабатывались группой офицеров, имевших высокие ранги. Оперативные вопросы в военно-морском флоте, даже в течение первой войны, не разрабатывались генеральным штабом, но разрабатывались военно-морским штабом». Подписано — Гальдер.

Трибунал заметит, что это письменное показание прежде всего связано с функциями генерального штаба и четырех командований — ОКВ, ОКЛ, ОКХ и ОКМ — и полностью поддерживает включение в эту группу начальников штабов четырех частей вооруженных сил, а также Варлимонта как заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ в связи с его ответственностью за стратегическое планирование.

У меня имеется другое короткое письменное показание, которое указывает на некоторые другие детали. Трибунал помнит, что наиболее крупным боевым соединением в германских военно-воздушных силах был воздушный флот и что все главнокомандующие воздушного флота были включены в эту группу. Командующие воздушным флотом тогда

фактически занимали должность главнокомандующего, но они так формально не назывались до 1944 года. Эти факты были изложены в письменном показании сына фельдмаршала фон Браухича. Он был в ранге полковника германских военно-воздушных сил и был личным помощником подсудимого Геринга как командующего военно-воздушными силами. Его письменное показание носит номер 9 и представляется под номером США-534. Я цитирую:

«Начальники воздушного флота имеют такие же полномочия и права, как главнокомандующие в армии. В течение войны они не имели территориальной власти и, соответственно, не осуществляли территориальной юрисдикции.

Они были высшими военными командующими соединениями воздушных сил, подчинявшихся им, и непосредственно находились под командованием главнокомандующего военно-воздушными силами.

До лета 1944 года они носили название командующих, а с этого времени — главнокомандующих. Это изменение названия не повлекло за собой изменения функций и ответственности, которые они имели раньше».

Теперь посвятим несколько минут тому, чтобы рассмотреть тот метод, которым пользовалась в своей работе группа. Во многих отношениях германские военные руководители функционировали таким же образом, как и в других военных организациях других стран. Генеральные планы всегда разрабатывались высшими офицерами штаба и их помощниками в сотрудничестве с полевыми генералами или адмиралами, которым поручалось проведение этих планов. Решение о проведении соответствующих определенных кампаний, таким образом, выносилось высшим руководством, и, понятно, что принятие такого решения включало в себя и политические, и дипломатические вопросы, точно так же, как чисто военные соображения. Когда уже было принято, например, решение о нападении на Польшу, офицеры штаба в Берлине и их помощники разрабатывали генеральные военные планы кампании. Эти генеральные планы передавались командующим армейскими группами и армиями, которые должны были быть ответственными за проведение самой кампании. Затем следовала консультация между начальниками боевых операций и офицерами штаба ОКВ и ОКХ для того, чтобы усовершенствовать и отработать планы.

Таким образом, в задачу этой группы входил обмен идеями и соображениями между высшими офицерами штаба ОКВ и ОКХ и командующими боевыми действиями, как это описано в показаниях фельдмаршала Браухича. Это показание от 7 ноября 1945 г.:

«В 1939 году, в апреле я был инструктирован Гитлером о том, что нужно начать военные приготовления к возможной кампании против Польши. Немедленно началась работа по подготовке оперативных и стратегических планов. Затем они были представлены Гитлеру и одобрены им после того, как были внесены те изменения, которые он хотел. После того как оперативные и стратегические приказы были даны двум командующим армейскими группами и пяти командующим армиями, имели место совещания с ними относительно деталей для того, чтобы; услышать от них их пожелания и соображения.

После начала войны я продолжал эту политику и продолжал, держать тесный и постоянный контакт с главнокомандующими армейскими группами и главнокомандующими армиями посредством личных посеще-

ний их штабов, так же как и посредством телефонной и радиосвязи. Таким образом, я был с ними связан и получал их советы и соображения в течение проведения военных операций. В самом деле, это была принятая политика и обычная практика для главнокомандующих армиями — консультация с подчиненными главнокомандующими и поддержка постоянного обмена мнениями с ними.

Командующий сухопутными силами и его начальник генерального штаба имели связь с армейскими группами, через них, а также и непосредственно с армиями: командующими армейскими группами — по стратегическим и тактическим вопросам; а непосредственно — по вопросам, связанным со снабжением и управлением территорий, оккупированных этими армиями.

Армейская группа не имела территориальной юрисдикции. Она имела относительно небольшой штаб, который был связан только с военными операциями. Всеми территориальными вопросами занимался главнокомандующий армией, который и осуществлял юрисдикцию, а не армейская группа». Подписано — фон Браухич.

Дальше идет дополнение к показанию от 7 ноября 1945 г.:

«Когда Гитлер принял решение поддержать реализацию своих политических целей военным нажимом или привлечением военной силы, главнокомандующий армией, если он вообще был вовлечен в это, прежде всего получал соответствующие' устные приказы. Оперативные и стратегические планы затем разрабатывались в ОКХ. После того как эти планы были представлены Гитлеру, обычно устно, и были одобрены им, следовал письменный приказ ОКВ к трем родам вооруженных сил. В то же время ОКХ начинает передавать оперативные и стратегические планы армейским группам и армиям, связанным с этой операцией.

Затем оперативные и стратегические планы детально обсуждались в ОКХ с главнокомандующими армейскими группами и армиями и начальниками штабов этих командующих. В течение операций командующий армиями поддерживал постоянный обмен мнениями с командующими армейскими группами и командующими армиями путем телефона, радио и связистов, а также и с более мелкими подразделениями путем личных посещений их.

В войне против России командующие армейскими группами или армиями неоднократно вызывались лично Гитлером для консультации. Приказы по всем оперативным вопросам шли от ОКХ к армейским группам, а по всем вопросам, касающимся боеприпасов и территориальной юрисдикции, — от ОКХ непосредственно к армиям». Подписано — фон Браухич.

Главнокомандующие армейских групп и армий принимали участие в планировании и направляли выполнение этих планов, как это показано в письменных показаниях. Главнокомандующие также осуществляли и общую исполнительную власть в тех областях, в которых действовали их армейские группы или армии.

В этой связи я прошу суд обратить внимание на документ 447-ПС, который уже был представлен как доказательство под номером США-435. Это—директива от 13 марта 1941 г., подписанная Кейтелем и изданная верховным командованием вооруженных сил. Эта директива разрабатывает различные правила по проведению операций против

Советского Союза, которые фактически начались несколько месяцев позднее — 22 июня.

В самом документе под римской цифрой один, озаглавленном «Область операции и исполнительная власть», Трибунал найдет абзац (второй абзац перевода, первая страница), в котором находится следующее.

«Не предполагается объявить Восточную Пруссию и генерал-губернаторство областью операций. Однако в соответствии с неопубликованными указаниями фюрера от 19 и 21 октября 1939 г. главнокомандующий армии должен быть уполномочен принимать все необходимые меры для проведения в жизнь его военных целей и для обеспечения его войск. Он может передать свою власть главнокомандующим армейскими группами и армиями. Приказы такого рода должны проходить прежде всех приказов, изданных гражданскими властями».

Следовательно, господа Судьи, исполнительная власть, главным образом власть над гражданским населением, возлагалась на главнокомандующего армией «с правом передачи ее главнокомандующим армейскими группами и армиями», то есть группе, определенной в Обвинительном заключении.

Четвертый абзац на первой странице того же документа гласит:

«Область операций, созданных вследствие продвижения армий за границы империи и соседних стран, должна быть, по возможности, ограничена при продвижении в глубь страны. Главнокомандующий армией имеет право осуществлять исполнительную власть в этой области и может передавать эту власть главнокомандующим армейскими группами и армиями».

Г-да Судьи, я сошлюсь еще на один документ, связанный с вопросом о структуре этой группы, перед тем, как перейти к самим обвинениям. Это — документ № С-78, который уже был представлен под номером США-139.

Этот документ представляет собой официальное приглашение участвовать на совещании в имперской канцелярии 14 июня 1941 г.—за восемь дней до нападения на Советский Союз. Это одно из совещаний, о котором говорилось в последнем абзаце письменных показаний Гальдера и фон Браухича. Приглашение это подписано полковником Шмундтом — главным военным адъютантом Гитлера и послано из Берхтесгадена 9 июня 1941 г. Оно гласит:

«Вопрос: совещание о «Барбароссе» («Барбаросса», как вы помните, — это условное обозначение плана нападения на Советский Союз).

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженных сил приказал, чтобы командующие армейскими группами и армиями, морские и авиационные командующие соответствующего ранга доложили ему о плане «Барбаросса».

Этот документ также содержит список лиц, участвовавших на совещании, и, прежде чем покончить с этим вопросом, я бы хотел огласить этот список для того, чтобы указать, кто участвовал на этом совещании и в какой мере круг участников совпадает со структурой группы, как она определена в Обвинительном заключении.

Генерал-фельдмаршал фон Браухич, который тогда был главнокомандующим армией и членом группы; генерал Гальдер, который тогда был начальником штаба армии и членом группы; затем некоторые менее

высокопоставленные офицеры, которые не были членами этой группы — Паулос, Гаузингер и Гильденфельд. Представители флота: капитан Вагнер, который был начальником оперативного отдела морского штаба — не член группы; представители военно-воздушных сил Геринг — член группы, генерал Мильх, статс-секретарь и генеральный инспектор военно-воздушных сил — не член группы; генерал Иешонек — начальник генерального штаба военно-воздушных сил — член группы и два его адъютанта. На следующей странице идут фамилии представителей верховного командования вооруженных сил: Кейтель, Иодль, Варлимонт — члены этой группы и их помощники из генерального штаба. Затем — четыре офицера из управления адъютанта, которые не являются членами данной группы. Затем идут командующие войсковыми соединениями: генерал фон Фалькенхорст—из Норвегии (член группы), генерал Штумпф (5-й воздушный флот) — член группы; Рундштедт, Рейхенау, Клейст, Штюльпнагель, Шуберт — представители армии и члены данной группы. Представители ВВС: генерал авиации Лер (4-й воздушный флот) — член группы; генерал Фромм и генерал Удет не были членами группы. Первый из них был командующим силами внутри страны, а последний был генеральным директором по снаряжению и снабжению.

Затем идет флот — Редер, член группы; фрике ^L начальник морского штаба — член группы и адъютант, который, конечно, не являлся членом группы. Карле — командующий северной морской группой и член группы.

Со стороны армии: Леб, Буш, Кюхлер—все члены группы и командующие армиями. Келлер из воздушного флота — член группы.

Далее идут: Бок, Клюге, Штраус, Гудериан, Гот и Кессельринг — все члены группы.

Как видите, за исключением некоторых помощников, имеющих сравнительно низкое звание, все участники этого совещания были членами группы, как она определена в обвинительном заключении¹ и фактически среди участников были почти все члены группы, связанные с предстоявшими операциями против Советского Союза.

Я закончил первую фазу представления материалов, а именно: описание группы генерального штаба и верховного командования вооруженных сил, ее состав, структуру и общую деятельность.

Теперь я перехожу к обвинениям, выдвинутым против этой группы в Обвинительном заключении.

В приложении «Б» указывается, что эта группа несет основную ответственность за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, упомянутых в разделе 1 и 2 Обвинительного заключения, а также за военные преступления и преступления против человечности, упомянутые в разделах 3 и 4 Обвинительного заключения.

Представляя доказательства в подтверждение этих обвинений, следует помнить, что согласно Уставу группа может быть объявлена преступной в связи с любыми действиями, за которые может быть осужден подсудимый, который был членом этой группы.

Группа генерального штаба и верховного командования хорошо представлена среди подсудимых по этому делу. Пять человек из подсудимых, или одна четверть, являются членами этой группы. Называю их в том порядке, как они поименованы в Обвинительном заключении.

Первый — это подсудимый Геринг, которого судят за разные

преступления. Он член группы генерального штаба и верховного командования в силу того, что был главнокомандующим военно-воздушными силами с того времени, когда военно-воздушные силы были официально созданы, и перестал быть главнокомандующим за месяц до окончания войны. В течение последнего месяца войны он был заменен фон Греймом, который покончил жизнь самоубийством вскоре после того, как был взят в плен в конце войны. Геринг обвиняется по всем разделам Обвинительного заключения.

Следующий подсудимый, являющийся членом группы, — Кейтель. Он и другие трое подсудимых представлены на данном процессе в основном или исключительно в качестве военнослужащих, профессиональных солдат и моряков. Кейтель стал начальником верховного командования вооруженных сил или ОКВ в 1938 году, когда это ведомство было создано, и продолжал занимать этот пост в течение всего периода, о котором идет речь. Он имел звание фельдмаршала в течение почти всего этого периода и, помимо того, что он был начальником ОКВ, он был членом тайного совета министров и членом совета министров по обороне империи.

Кейтель обвиняется в преступлениях по всем разделам Обвинительного заключения.

Подсудимый Иодль — также профессиональный солдат. Он был подполковником, когда нацисты пришли к власти, а в конце концов дослужился до звания генерал-полковника. Он стал начальником оперативного штаба вооруженных сил и продолжал занимать этот пост в течение всей войны. Он также обвиняется в преступлениях по всем четырем разделам.

Двое других подсудимых, которые были членами этой группы, представляют флот. Подсудимый Редер некоторым образом является старшим членом этой группы, так как он был главнокомандующим германского флота еще в 1928 году. Он получил высшее звание в германском флоте—гроссадмирала. В январе 1943 года он ушел с поста главнокомандующего флотом и был заменен Деницем. Редер обвиняется по разделам 1, 2 Обвинительного заключения.

Последний из подсудимых — Дениц занимал сравнительно небольшой пост, когда нацисты пришли к власти. В первые годы нацистского режима он специализировался по операциям подводных лодок, а когда началась война, он был командующим подводным флотом. Он все время повышался в германском флоте и был избран преемником Редера, когда последний ушел в отставку в 1943 году. Он стал главнокомандующим флотом и получил звание гроссадмирала. Когда германские вооруженные силы потерпели крах в конце войны, Дениц заменил Гитлера в качестве главы германского правительства. Его обвиняют в преступлениях по 1, 2 и 3 разделам Обвинительного заключения.

Четыре из этих пяти подсудимых являются достаточно типичными для всей группы. Следует исключить подсудимого Геринга, который, в основном, был нацистским политиком, интересующимся авиацией потому, что она создала ему карьеру в войне 1914—1918 гг. Остальные четыре всю жизнь занимались военным делом. Они сотрудничали и присоединились к нацистам в их самых важных авантюрах, но они не были среди первоначальных членов партии. Они по существу не отличаются от других 125 членов группы. Несомненно, они были более способными людьми в некоторых отношениях. Им удалось достичь самых высоких

постов в германских вооруженных силах, и все они, кроме Иодля, дослужились до самых высоких званий.

Они послужат прекрасными примерами и представителями групп. Мы можем рассматривать их идеи, как они выражены в этих документах и отражены в их действиях, с достаточной уверенностью в том, что эти идеи и действия являются характерными и для других членов группы.

Во-первых, я обращаюсь к вопросу о преступной деятельности генерального штаба и верховного командования по Г и 2 разделам Обвинительного заключения, их деятельности по планированию и составлению заговора, направленного к ведению агрессивных и незаконных войн. Здесь, в основном, я буду подводить итоги, так как мой коллега г-н Олдерман и выдающиеся члены британской делегации уже представили Трибуналу большинство доказательств по вопросу об агрессивной войне.

Многие из документов, на которые они обращали внимание Трибунала, показали, что подсудимые были членами генерального штаба и верховного командования и преднамеренно и добровольно принимали участие в совершении преступлений, упомянутых в разделах 1 и 2 Обвинительного заключения. Я постараюсь, насколько возможно, не возвращаться к этим доказательствам.

Я должен, однако, упомянуть об одном или двух из уже представленных документов для того, чтобы обратить внимание Трибунала на ту роль, которую группа генерального штаба и верховного командования играла в совершении преступлений, связанных с агрессивными войнами.

Естественно, что функцией военного штаба является подготовка военных планов. В мирное время военные штабы обычно занимаются подготовкой планов нападения или обороны, основанных на теоретических предположениях. Ничего нет преступного в ведении этой деятельности или в подготовке таких планов, но не в этом обвиняют подсудимых и эту группу.

Мы покажем, что эта группа была в согласии с нацистской целью захвата чужих территорий Германией путем применения силы или угрозы силой и что она преднамеренно и с энтузиазмом включалась в работу по развитию германского оружия для этой цели. Они заранее знали о намерении нацистов начать агрессивные войны. Они составляли военные планы и руководили развязыванием и ведением этих войн. Мы считаем, что это является преступлением согласно статье 6 Устава.

Нельзя готовить и вести агрессивную войну без интенсивной деятельности со стороны всех видов вооруженных сил и особенно со стороны высокопоставленных офицеров, которые руководят этими силами.

Поскольку германская подготовка к агрессивной войне и ведение агрессивной войны является общеизвестным и уже доказанным историческим фактом, из этого следует, что группа генерального штаба и верховного командования и германские вооруженные силы участвовали в этих действиях.

Это так, несмотря на то, что некоторые военные руководители Германии после поражения настаивают на том, что до того, как началась война, они жили как бы в башне из слоновой кости, не желая знать о том, в каком направлении ведется работа.

Документы, на которые я сошлюсь, опровергают это, а, кроме того,

некоторые из этих людей полностью признают, что они с радостью участвовали в заговоре нацистов, потому что цели нацистов тесно совпадали с их собственными целями.

Я думаю, что те документы, которые г-н Олдерман огласил, в достаточной мере отражают цели и намерения группы германского генерального штаба и верховного командования в период до аннексии Австрии. В течение этого периода, как указано в обвинительном заключении, произошло следующее:

1. Секретное вооружение, включая обучение военных кадров, производство военных материалов и создание военно-воздушных сил.

2. Заявление Геринга от 10 марта 1935 г. о том, что Германия создает военно-воздушные силы.

3. Закон об обязательной воинской повинности от 16 марта 1935 г., в котором численный состав германской армии мирного времени определялся в 500 тысяч человек.

4. Оккупация Рейнской области 7 марта 1936 г. и милитаризация этого района.

Эти факты не требуют доказательства; они являются историческими фактами. Также самоочевидно и неопровержимо, что нацисты не *могла* достичь этих целей без поддержки их вооруженными силами.

Господин Олдерман огласил на Суде многочисленные документы, которые иллюстрируют эти события. Он огласил большое количество документов относительно секретного расширения германского флота в нарушение договорных ограничений под руководством подсудимого Редера.

Он также цитировал секретный закон об обороне империи, который был принят в тот же самый день, когда Германия односторонне отвергла положение Версальского договора об ограничении вооружения. Он огласил план фон Бломберга от 2 мая 1935 г. относительно оккупации Рейнской области (С-159, США-54) и приказы Бломберга, в соответствии с которыми была произведена эта оккупация.

Совершенно очевидно, что все эти события требовали самого тесного сотрудничества между военными руководителями и нацистами. Мне нет необходимости больше останавливаться на этом вопросе.

Однако мне кажется целесообразным вновь посмотреть на некоторые из этих документов, которые характеризуют умонастроение и цели германских военных руководителей в течение этого раннего периода;

Один документ, оглашенный г-ном Олдерманом, отражает точку зрения германского флота относительно тех возможностей, которые представлял нацизм в отношении вооружения и при которых Германия могла достичь своих целей силой или угрозой силы. Это — меморандум, опубликованный командованием германского флота в 1937 году, озаглавленный:

«Борьба флота против Версаля». Это—документ С-156, США-41. Трибунал помнит, что в этом официальном издании германского флота было сказано, что только с помощью Гитлера можно было создать условия для вооружения.

Высокопоставленные германские офицеры также знали, что политика и цели нацистов вели Германию к войне. Обращаю внимание Трибунала на документ С-23, уже представленный под номером США-49 и состоящий из записок адмирала германского флота Карлса, составленных в сентябре 1938 года. Эти записки адмирала Карлса представляют

собой как бы комментарии к документу, который назывался: «Проект плана морской войны против Англии». Эти записки гласят:

«Существует полное согласие относительно основной темы этой работы:

1. Если согласно решению фюрера Германия должна занять положение мировой державы, она нуждается не только в достаточных колониальных владениях, но также и в обеспеченных морских коммуникациях и обеспеченном доступе к океану.

2. Оба требования могут быть удовлетворены только в противовес англо-французским интересам и ограничат их положение как мировых держав. Маловероятно, чтобы эти цели могли быть достигнуты мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу требует от нас ведения соответствующей подготовки к войне.

3. Война против Англии одновременно означает войну против империи, против Франции, вероятно, против России, а также против значительного количества заморских стран, фактически против от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего мира.

Она может оправдать себя и иметь определенный успех только в том случае, если будет подготовлена с экономической так же, как с политической и военной точек зрения, и если она будет вестись с целью захвата для Германии доступа к океану».

Узнав, какова была точка зрения флота, теперь обратимся к военно-воздушным силам.

В этот довоенный период некоторые отделы военно-воздушных сил разрабатывали еще более агрессивные планы территориальных приобретений для Германии. Документ Л-42, ВБ-29 представляет собой работы начальника того отдела генерального штаба военно-воздушных сил, который назывался «организационным штабом». Работа, о которой идет речь, представляет собой предложения относительно организации германских военно-воздушных сил в будущем—до 1950 года. Эти предложения основаны на некоторых предпосылках, и одна из этих предпосылок заключается в том, что к 1950 году границы Германии будут соответствовать карте, которая была приложена к этой работе. Имеется только одна копия этой карты. Как Трибунал увидит, Австрия, Чехословакия, Венгрия, Польша и Балтийское побережье до Финского залива включены на этой карте в пределы Германии. Как Трибунал увидит на странице 2 документа Л-43, автор также предполагал, что в будущем военно-воздушные силы мирного времени будут состоять из семи групп, четыре из которых должны быть расположены в самой Германии — в Берлине, Брауншвейге, Мюнхене и Кенигсберге, а другие три — в Вене, Будапеште и Варшаве.

Прежде чем я обращусь к отдельным актам агрессии германских вооруженных сил, я хочу подчеркнуть основное согласие и гармонию между нацистами и германскими военными руководителями. Без этого согласия относительно целей война, может быть, никогда бы не произошла. В этой связи я хочу обратить внимание Трибунала на письменное показание фон Бломберга № США-536. Фон Бломберг — бывший фельдмаршал, имперский военный министр и главнокомандующий германскими вооруженными силами до февраля 1938 года.

Я оглашу это письменное показание.

«С 1919 года, а особенно с 1924 года, внимание Германии было

привлечено к трем критическим территориальным вопросам — это были вопросы польского коридора, Рура и Мемельской области.

Сам я, так же как и вся группа германских штабных офицеров, считал, что эти три вопроса, главным из которых был вопрос о польском коридоре, должны быть когда-нибудь разрешены, и если необходимо, — силой оружия. По польскому вопросу около 90 процентов германского народа стояли на той точке зрения, что и офицеры. Война для того, чтобы уничтожить надругательство, связанное с созданием польского коридора, и уменьшить угрозу изолированной Восточной Пруссии, которая была окружена Польшей и Литвой, рассматривалась не только как священный долг, но и печальная необходимость. Это была одна из основных причин тайного вооружения, которое началось за десять лет—дет прихода Гитлера к власти и было расширено при нацистском режиме.

До 1938—1939 гг. германские генералы не были против Гитлера. Не было основания быть против него, так как он достигал тех результатов, которых они хотели. Позднее некоторые генералы начали осуждать его методы и потеряли уверенность в правильности его решений.

Незадолго до того, как в январе 1938 года я был отстранен от поста главнокомандующего вооруженными силами, Гитлер попросил, чтобы я рекомендовал преемника. Я предложил Геринга, который имел самое высокое офицерское звание, но Гитлер возразил, что Герингу не достаёт терпения и прилежности. Я не был заменен в качестве главнокомандующего каким-либо офицером, а — самим Гитлером, который лично взял на себя обязанности главнокомандующего. Кейтеля я рекомендовал в качестве начальника штаба. Насколько я знаю, он никогда не был назначен главнокомандующим вооруженными силами, а всегда оставался начальником штаба в подчинении Гитлера и выполнял административные функции военного министра. В то время Кейтель не был против Гитлера и поэтому подходил для того, чтобы установить взаимопонимание между Гитлером и вооруженными силами, чего я сам хотел и чему я способствовал в качестве имперского военного министра.

Как я слышал, Кейтель не выступал против каких-либо мер Гитлера.. Он стал послушным орудием в руках Гитлера при выполнении любых его решений».

Заявление фон Бломберга, которое я только что огласил, во многом соответствует письменному показанию генерал-полковника Бласковица. Это письменное показание № 5, папка № 1, США-537. Бласковиц был командующим армией во время польской кампании и во время кампании во Франции. После этого он стал командовать армейской группой «Г» в Южной Франции, а в конце войны командовал армейской группой «Н», которая отступила за Рейн.

Первые три абзаца его письменного показания в значительной мере совпадают с первыми тремя абзацами показания Блимберга, и ввиду этого я начну для экономии времени прямо с 4 абзаца письменного показания, где затрагивается иной вопрос.

«После аннексии Чехословакии мы надеялись, что польский вопрос будет решен мирным путем дипломатическими методами, так как мы считали, что на этот раз Франция и Англия придут на помощь их союзнице. Фактически мы думали, что если политические переговоры ни к чему не приведут, то польский вопрос неминуемо приведет к войне, то есть к войне не только с самой Польшей, но и с западными державами.

Когда в середине июня я получил приказ верховного командования сухопутных сил готовиться к нападению на Польшу, я понял, что возможность этой войны еще более приблизилась. Это мнение еще более укрепилось после речи фюрера 22 августа 1939 г. в Оберзальцбурге. В период с середины июня 1939 года по 1 сентября 1939 г. офицеры моего штаба, которые осуществляли подготовку, участвовали в различных совещаниях, которые происходили между верховным командованием сухопутных сил и армейскими группами. На этих совещаниях обсуждались такие вопросы тактического, стратегического и общего характера, которые имели отношение к моему будущему положению командующего 8-й армией во время предполагаемой польской кампании.

В ходе польской кампании, в особенности во время операции под Кутно, я находился в постоянной связи с главнокомандующим сухопутными силами и он так же, как и фюрер, посетил мой штаб. Обычно было принято, что время от времени командующих армейских групп и армий просили дать оценку положения и предположения по телефону, телеграфу или радио, а также в личной беседе. Таким образом, командующие в своей области фактически становились советниками верховного главнокомандующего сухопутных сил».

Трибунал увидит, что показания фон Бломберга и первая часть показания Бласковица показывают без всяких сомнений, что военные руководители Германии знали, утверждали, поддерживали и выполняли планы увеличения вооруженных сил за пределы, установленные договорами. Упомянутые документы и показания ясно показывают, какие цели они имели в виду. Из этих документов и показаний мы видим, что нацисты и генералы были в согласии относительно основной цели — увеличения территории Германии силой или угрозой, и сотрудничали для увеличения вооруженной мощи Германии для того, чтобы сделать возможным последующие акты агрессии. Теперь мы переходим к рассмотрению тех отдельных актов агрессии, которые в основном уже были описаны Трибуналу, особенно для того, чтобы отметить факт участия группы генерального штаба и верховного командования в совершении этих преступных действий.

Разрешите сказать, г-да Судьи, что, рассматривая этот вопрос, я с целью экономии времени намереваюсь цитировать лишь небольшое количество документов.

Так, Трибунал помнит, что г-н Олдерман огласил выдержки из документа № 386-ПС, США-25, представляющего собой запись полковника Госсбаха о совещании, состоявшемся в германской имперской канцелярии в Берлине 5 ноября 1937 г. Гитлер председательствовал на этом секретном совещании, которое было созвано в ограниченном составе. Единственными участниками были четверо основных военных руководителей и министр иностранных дел — подсудимый фон Нейрат. Основные руководители вооруженных сил были: Бломберг, тогдашний военный министр, и главнокомандующие флотом, военно-воздушными силами и армией, а именно: фон Фрич — от армии, Редер — от флота и Геринг — от воздушных сил. Гитлер открыл общее обсуждение военной и дипломатической политики Германии и заявил, что захват Австрии и Чехословакии является жизненно важной предпосылкой «для улучшения нашего военного положения» и «устранения любой угрозы с флангов».

Предполагаемые военные и политические преимущества включали

приобретение новых источников продовольствия, установление более благоприятных границ, освобождение войск для выполнения других задач и возможность создания новых дивизий из населения захваченных территорий.

Бломберг и фон Фрич включились в обсуждение, и фон Фрич заявил, «что он дал задание изучить этой зимой возможности проведения операции против Чехословакии, учитывая особенно захват чехословацкой системы укреплений».

Весной следующего года, а именно в марте 1938 года, германские планы в отношении Австрии были осуществлены. Г-н Олдерман уже огласил выдержки из дневника подсудимого Иодля. Здесь мы говорим о выдержке № 1780-ПС, США-72. Этот дневник указывает на участие германских военных руководителей в осуществлении аннексии Австрии. Как показывает запись в дневнике Иодля от 11 февраля 1938 г., подсудимый Кейтель и другие генералы присутствовали на совещании в Оберзальцберге между Шушником и Гитлером с целью, которая ясно указана в дневнике, где говорится, что «вечером 12 февраля генерал Кейтель, а также генералы фон Рейхенау и Шперле были в Оберзальцберге. Шушник, а также г-н Шмидт вновь подвергаются величайшему политическому и военному нажиму. В 23.00 Шушник подписывает протокол». Генерал фон Рейхенау, о котором здесь говорится, был в то время командующим одного из военных округов, на которые была разделена Германия. Позднее он командовал 10 армией в Польше и 6 армией во Франции и был членом группы, упомянутой в Обвинительном заключении. Шперле был в Испании во время гражданской войны, затем почти в течение всей войны командовал 3 воздушным флотом. Он также был участником этой группы.

Через два дня Кейтель и другие военные руководители занялись составлением предложений Гитлеру о том, чтобы у Австрийского правительства создалось впечатление, что Германия прибегнет к силе, если соглашение с Шушником не будет ратифицировано в Вене.

Эти предложения имеются в подписанном Кейтелем документе от 14 февраля 1938 г. (1775-ПС, США-73). Выдержки из предложений Кейтеля фюреру гласят следующее:

«I. Не производить никаких действительных подготовительных мер в армии или военно-воздушных силах. Не перебрасывать войска.

Распространять ложные слухи, которые казались бы достоверными, с тем, чтобы создать впечатление, что производятся военные приготовления против Австрии:

- а) посредством лиц «В» (то есть агентов) в Австрии;
- б) посредством наших таможенных чиновников на границе;
- в) посредством коммивояжеров».

Далее в параграфе 4 предлагалось:

«Приказать произвести очень активный обмен фиктивными радиотелеграммами в 7 военном округе и между Берлином и Мюнхеном;

6. Настоящие маневры, учебные полеты и зимние маневры горных войск вблизи границы.

С 14 февраля адмирал Канарис должен быть в штабе наготове для того, чтобы выполнить мероприятия, намеченные начальником ОКВ».

Как указывается в дневнике Иодля от 14 февраля, эти ложные маневры оказались чрезвычайно эффективными и создали в Австрии то впечатление,

чатление, которое можно было ожидать. Через месяц решение Шушнига провести в Австрии плебисцит вызвало вооруженную интервенцию. Гитлер приказал провести мобилизацию в соответствии с уже существующими планами вторжения в Австрию (которые известны как «план Отто») с тем, чтобы присоединить Австрию и предотвратить плебисцит.

В дневнике Иодля от 10 марта 1938 г. сказано: «Внезапно и без консультации со своими министрами Шушниг приказал провести в воскресенье, 13 марта, плебисцит, который при отсутствии плана или подготовки, должен дать значительное большинство легитимистам. Фюрер решил не допустить этого. В ту же ночь, с 9 на 10 марта, он вызывает Геринга. Генерал фон Рейхенау вызывается из Олимпийского комитета в Каире. Приказано также явиться генералу фон Шуберту к министру Глейз-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палантинате». Генерал фон Шуберт заменил генерала фон Рейхенау на посту командующего 7 военным округом и командующего 11-й армией в России. Он был членом этой группы, как она определена в обвинительном заключении.

Вторжение в Австрию отличается от других актов германской агрессии в том отношении, что заблаговременно не был составлен точный оперативный план. Это — потому, что вторжение было вызвано посторонним фактором — решением Шушнига провести плебисцит. Но хотя по этой причине отсутствует элемент преднамеренного планирования, вышеуказанные документы ясно показывают участие военных руководителей на всех стадиях.

На узком политическом совещании в ноябре 1937 года, когда Гитлер изложил общую программу в отношении Австрии и Чехословакии, присутствовали лишь четверо основных военных руководителей и министр иностранных дел.

В феврале Кейтель, Рейхенау и Шперле намечали оказывать на Шушнига тяжелый военный нажим. Кейтель и другие немедленно после этого разработали и осуществили программу военных угроз и обмана для того, чтобы устранить австрийское правительство и заставить его принять протокол Шушнига. Когда произошло само вторжение, оно, конечно, проводилось военными руководителями и вооруженными силами. Мы благодарны подсудимому Иодлю за очень ясное заявление о том, почему германские военные руководители так рады были присоединиться к нацистам в деле ликвидации независимости Австрии.

В своей лекции в ноябре 1943 года на совещании гаулейтеров (это документ Л-172, США-34) Иодль объяснил следующее:

«Австрийский аншлюсе в свою очередь привел не только к достижению старой национальной цели, но имел результатом укрепление нашей боеспособности и существенное улучшение наших стратегических позиций. В то время, как до этого территория Чехословакии вдалась угрожающим образом в самую Германию («Осиная талия» в направлении Франции и воздушная база для союзников, особенно России), теперь сама Чехословакия попала в клещи. Ее стратегическое положение стало настолько неблагоприятно, что она неминуемо должна была стать жертвой любой энергичной атаки до того, как могла прибыть эффективная помощь с запада».

Вышеизложенная выдержка из речи Иодля явилась хорошим переходом к вопросу о плане в отношении Чехословакии («зеленом плане»).

Я собираюсь лишь кратко остановиться на этом вопросе, так как г-н Олдерман в своем выступлении вполне отразил обстоятельства немецкой агрессии против Чехословакии. Документы, которые он оглашал, полны доказательств, показывающих преднамеренное участие Кейтеля, Иодля и других членов этой группы в этом мероприятии.

Следует опять вспомнить о записках Госсбаха о совещании Гитлера и четырех основных военных руководителей 5 ноября 1937 г. (386-ПС, США-25). Австрия и Чехословакия тогда были упомянуты как первые жертвы германской агрессии. После присоединения Австрии Гитлер в качестве главы государства и Кейтель в качестве руководителя всех вооруженных сил, не теряя времени, переключили свое внимание на Чехословакию. Начиная с этого момента, почти вся история последующего периода имеется в папке Шмундта под номером 388-ПС, США-26 и в дневнике Иодля, которые пространно цитировали. По моему мнению, эта два источника информации в значительной мере опровергают доводы, выдвигаемые в защиту подсудимых — военнослужащих из группы генерального штаба и верховного командования. Они пытаются создать впечатление, что германские генералы были лишь военными специалистами, что они не интересовались или не знали о политических и дипломатических соображениях, что они составляли планы военного нападения или обороны на чисто теоретической основе. Они говорят все это для того, чтобы внушить мысль, что они не разделяли и не могли отдавать себе отчет в агрессивных намерениях Гитлера, что они как военные автоматы выполняли издаваемые политиками приказы, не зная, были ли войны, которые они развязывали, агрессивными или нет.

Когда будут выдвигаться такие доводы, я возьму на себя смелость предложить г-дам Судьям прочитать большую папку Шмундта и дневник Иодля. Эти документы ясно показывают, что агрессивные планы составлялись нацистами совместно с генералами, что военные руководители знали об агрессивных намерениях нацистов, что они были в курсе политических и дипломатических событий. В самом деле, германские генералы имели странную привычку появляться на различных дипломатических совещаниях. Даже если бы документы этого не показывали, то сама логика должна показать, что это именно так.

Чрезвычайно успешная программа захватов зависит от вооруженной мощи. Она не может быть проведена неподготовленным, слабым или непокорным военным руководством. Можно, конечно, сказать, что война слишком важное дело, чтобы ее оставить на усмотрение одних солдат. Это, несомненно, правильно, но не менее правильно то, что агрессивная дипломатия слишком опасное дело, чтобы она проводилась без совета и поддержки военных руководителей. Некоторые из германских генералов, повидимому, имели сомнения по поводу решений Гитлера и смелости некоторых из его шагов. Некоторые из этих сомнений находят любопытное отражение в записи в дневнике Иодля, которая еще не была оглашена. Это документ 1780-ПС, запись от 10 августа 1938 г. На странице 4 перевода документа 1780-ПС говорится:

«10 августа 1938 г. Руководителям армий и командующим авиационных групп, подполковнику Иешонеку и мне приказано явиться в Вергоф. После обеда фюрер произносит речь, которая длится почти четыре часа. В этой речи он развивает свои политические мысли. Последующие попытки некоторых армейских генералов обратить внимание фюрера на

недостатки нашей подготовки имеют довольно печальные результаты. Это особенно относится к замечанию генерала Виттерштейна, который помимо всего прочего утверждает, что он цитирует высказывание генерала Адамса о том, что западные укрепления могут быть удержаны только в течение трех недель. Фюрер возмущается и вспыливает, заявляя, что в таком случае вся армия ничего бы не стоила. Я уверяю вас, генерал, что эти позиции можно держать не три недели, а три года. Такое мнение, которое, к сожалению, разделяется довольно широко в кругах генерального штаба, основано на различных причинах. Во-первых, генеральный штаб помнит о прошлом опыте, когда политические соображения также играли свою роль вместо того, чтобы выполнять и повиноваться военным заданиям. Это, несомненно, потому, что нехватает энергии, и они не верят в гений фюрера. Можно, пожалуй, его сравнить с Карлом XII. Но ввиду того, что вода течет вниз, это поражение может не только нанести большой политический ущерб, потому, что расхождение между мнениями генералов и фюрера общеизвестно, но может также создать опасность для морального состояния войск. Но я ни капли не сомневаюсь в том, что фюрер сумеет поднять моральное состояние народа самым неожиданным образом, когда наступит должный момент».

Запись в дневнике Иодля, которую только что огласили, показывает, что некоторые из немецких генералов в то время испытывали сомнения в отношении способности Германии выступить одновременно против Польши и западных держав, но тем не менее в этой записи нет никаких признаков недостатка симпатии в отношении нацистских захватнических планов. Нет никаких доказательств ни в дневнике Иодля, ни в каких-либо других документах того, что какое-нибудь значительное число германских генералов без сочувствия относились к замыслам Гитлера. Более того, главные военные руководители всегда присоединялись к решениям Гитлера и поддерживали их с значительным успехом в этот период, 1938—1942 гг.

Таким образом, если нам будут говорить о том, что германские военные руководители не знали того, что германская политика в отношении Чехословакии была агрессивной или что она базировалась на применении силы или угрозе применить силу, то нам следует помнить о том, что 30 мая 1938 г. Гитлер подписал совершенно секретную директиву, адресованную Кейтелю. Это документ 388-П-ПС, уже представленный в качестве доказательства за № США-26, в котором он ясно заявил о своем непреклонном решении сокрушить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем.

Безусловно, подсудимый Иодль не может испытывать никаких сомнений относительно того, что это означало. Он в тот же день записал в своем дневнике о ЮМ, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить в скором времени Чехословакию и приказал начать военные приготовления по всем направлениям.

Затем документальные доказательства из архива Шмундта, из дневника Иодля показывают, как эти подготовительные мероприятия проводились по всем направлениям.

Многочисленные примеры совещаний, планирований и подготовки в течение последних нескольких недель до заключения Мюнхенского пакта, включая переговоры с Венгрией и венгерским генеральным штабом, в которых принимал участие генерал Гальдер, находят свое отражение

в дневнике Иодля и в документах Шмундта. В день, когда был подписан Мюнхенский пакт, 29 сентября, Иодль записал в своем дневнике — документ № 1780-ПС: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакия как держава более не существует. Установлены четыре зоны, которые должны быть оккупированы между 2 и 7 октября. Остальная часть с большинством населения германской национальности будет оккупирована к 10 сентября. Гений фюрера и его решимость, которая не поколебалась даже перед угрозой возникновения мировой войны, вновь одержали победу без применения силы. Остаются надежда, что недоверчивые, слабые и нерешительные люди убеждены и останутся таковыми».

Планы захвата остальной части Чехословакии были составлены вскоре после Мюнхена, как об этом говорится в документах. В конечном итоге захват был осуществлен путем дипломатического нажима, в котором подсудимый Кейтель участвовал с обычной целью демонстрации того, что германские вооруженные силы были готовы привести в исполнение угрозу. И вновь подсудимый Иодль в своей лекции в 1943 году (документ Л-172, США-34) ясно рассказывает нам, почему задача уничтожения Чехословакии была близка сердцу германских военных руководителей в такой же степени, как и сердцу нацистов. Здесь говорится:

«Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938 года и весной 1939 года и присоединение Словакии пополнило территориальные приобретения Великой Германии таким образом, что стало возможно рассматривать польскую проблему на основании более или менее благоприятных стратегических позиций».

Здесь уместно вспомнить письменные показания Бломберга и Бласковица, выдержки из которых я уже оглашал:

«Целая группа германских штабных офицеров и офицеров действующей армии считала, что вопрос о польском коридоре должен быть однажды разрешен и, если необходимо, то и путем применения силы», — сказали они, — «Гитлер достиг таких результатов, которых мы очень желали».

Теперь я перехожу к вопросу о Польше. Нападение Германии на Польшу представляет особый интерес с точки зрения роли генерального штаба и высшего командования. Документы, которые доказывают агрессивный характер этого нападения, уже были представлены г-ном представителем английского обвинения Гриффитсом Джонсом. Я предполагаю подойти к этому вопросу несколько с другой стороны, поскольку представленные уже документы служат прекрасным доказательством деятельности генерального штаба и высшего командования, как об этом говорится в обвинительном заключении.

Это нападение было тщательно рассчитано по времени и запланировано, и документы показывают штабную работу шаг за шагом. Г-н Гриффитс Джонс оглашал выдержки из целого ряда директив Гитлера и Кейтеля. Там имеется «белый план» — кодовое название для плана атаки против Польши. Это — целая серия документов. Эта серия документов начинается с повторно изданного документа «Директива об единой подготовке к войне германских вооруженных сил». Мы уже встречали прежде эту периодически переиздаваемую директиву. В директиве давались инструкции вооруженным силам и указывались их задачи, которые должны возникнуть в последующий период. Главным образом эти директивы заключали в себе: 1) заявление о том, что вооруженные силы

должны быть готовы выполнить свою задачу в связи с политическими и дипломатическими событиями; 2) указания на то, что должно быть выполнено дипломатическим путем, чтобы облегчить выполнение военных задач и увеличить шансы на успех.

Они представляли собой в действительности слияние дипломатической и военной мысли и в значительной мере демонстрировали взаимную зависимость агрессивной дипломатии и военного планирования. Обратите внимание на то, что эти документы, в которых дан приказ о подготовке планов войны против Польши, в апреле 1939 года рассылались в очень ограниченном количестве копий. Только пять экземпляров было разослано Кейтелем Браухичу (ОКХ), Редеру (ОКМ), Герингу (ОКЛ) и два экземпляра было направлено Варлимонту в отдел планирования ОКВ.

Гитлер приказал, чтобы планы были готовы для их осуществления к 1 сентября 1939 г. и, как мы хорошо помним, этот установленный срок был выдержан. Это слияние военной и дипломатической мысли ясно видно из содержания части одного из этих документов, который не был еще оглашен. Этот документ С-120-Д. Я хочу огласить выдержку, которая находится на четвертой странице. Подзаголовок гласит: «Политические требования и цели».

«Отношения Германии с Польшей продолжают основываться на принципе избегать всяких столкновений. Однако в случае, если Польша изменит свою политику в отношении Германии, политику, которая базируется в настоящий момент на таких же принципах, как и наша собственная политика, и займет угрожающую позицию в отношении Германии, то может возникнуть необходимость окончательно разрешить вопрос, несмотря на пакт, заключенный с Польшей.

Цель будет также заключаться в том, чтобы уничтожить польскую военную силу и создать на востоке такую ситуацию, которая отвечала бы запросам национальной обороны. Вольный город Данциг будет объявлен частью имперской территории не позднее чем в конце конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей изолировать Польшу, если возможно, то есть ограничить войну только лишь Польшей.

Развитие все обостряющегося внутреннего кризиса во Франции, результатом которого является все возрастающая осторожность со стороны Англии, может создать такую ситуацию не в очень отдаленном будущем

Вмешательство России, насколько она будет в состоянии это сделать, не даст ничего полезного для Польши потому, что это будет означать разрушение Польши большевизмом.

Позиция Прибалтийских государств будет целиком определяться военными запросами Германии.

Венгрию нельзя рассматривать как надежного союзника Германии. Позиция Италии определяется осью Берлин—Рим».

Подзаголовок № 2 «Военные заключения»: «Главные цели при создании германских вооруженных сил попрежнему должны определяться антагонизмом с западными демократическими государствами. «Белый план» составляет лишь предупредительную меру для этих приготовлений. Однако нельзя никоим образом рассматривать это как необходимое предварительное условие для решения путем войны конфликта с западными противниками.

Изоляцию Польши будет значительно легче поддерживать даже

после начала военных операций, в случае, если мы сумеем начать войну сильными неожиданными ударами и быстро достигнем успехов.

Однако ситуация потребует, чтобы были приняты меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность нашей западной границы и побережья Северного моря и обеспечить для них защиту от нападений с воздуха».

Но никто и не предполагает, что это были гипотетические планы и что генеральный штаб или высшее командование не знали, что предстояло в будущем. Эти планы, вне всякого сомнения, доказывают, что это и была военная игра.

Теперь, чтобы закончить этот вопрос, я хочу сослаться вкратце на «коронный» документ г-на Олдермана относительно Польши (документ № Л-70, США-27). Это — заметки Шмундта на совещании в кабинете Гитлера в имперской канцелярии в Берлине 23 мая 1939 г., когда Гитлер заявил, — я сейчас оглашу только одно предложение:

«Поэтому не может быть даже речи о том, чтобы оставить в покое Польшу, и перед нами остается только одно решение — напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности».

Обратите внимание на тех, кто присутствовал на этом совещании помимо Гитлера и немногих его военных адъютантов. Присутствовали тот же подсудимый Геринг (начальник военно-воздушных сил); подсудимый Редер (военно-морской флот); подсудимый Кейтель (начальник штаба ОКВ); фон Браухич (командующий германской армией); генерал-полковник Мильх, который был государственным секретарем министерства авиации и генеральным инспектором военно-воздушных сил; генерал Боденшатц—личный помощник Геринга; контр-адмирал Шнивинд (начальник военно-морского штаба); полковник Иешонек (начальник штаба военно-воздушных сил); полковник Варлимонт (отдел планирования ОКВ). Все они, за исключением Мильха, Боденшатца и адъютантов, являются членами группы. Эти документы показали нам, как осуществилось первоначальное и общее планирование нападения на Польшу. Однако эти общие планы подлежали проверке, исправлению и разработке армейскими начальниками, которые должны были произвести нападение. Я представляю в качестве доказательства документ № С-142 (США-538). Он был издан в середине июня 1939 года. В этом документе фон Браухич, главнокомандующий армией, давал общие направления плана нападения на Польшу подчиненным ему командующим армиями и армейскими группами таким образом, чтобы эти командующие могли бы подготовить оперативные планы для своих войск в соответствии с общим планом. Я оглашаю выдержку на первой странице:

«Задачей операции является разгром польских вооруженных сил. Политическое руководство требует, чтобы война была начата сильными неожиданными ударами с целью добиться быстрых успехов. Высшее командование армии стремится к тому, чтобы предотвратить регулярную мобилизацию и концентрацию польской армии путем неожиданного вторжения на польскую территорию и чтобы разбить главную группировку польской армии, которая, очевидно, находится к западу от линии Висла—Нарва».

Я перехожу к следующему абзацу:

«Мероприятия должны готовиться командующими армейскими группами и армиями в плане того, что противник будет захвачен врасплох.

Однако не должна возникать необходимость в изменениях в случае, если придется отказаться от неожиданного нападения. Следует продолжать дело просто и быстро на той же базе. Они должны быть подготовлены теоретически таким образом, чтобы в случае приказа верховного командования армии, их можно было быстро осуществить».

Следующий документ № 2327-ПС, который представлен под № США-539, подписан Бласковицем. Он датирован 14 июня 1939 г., этот документ показывает нам, как разрабатывали планы командующие немецкими войсковыми соединениями. В то время Бласковиц был командующим 3-й армейской группой, а затем командующим 8-й германской армией во время польской кампании. Я оглашу выдержки из этого документа:

«Главкомандующий армией приказал разработать план боевых операций против Польши, принимая при этом во внимание требования политического руководства — начать войну неожиданным ударом и достичь быстрых успехов.

Стратегический приказ высшего командования, известный под названием «Белый план», предписывает штабу 3-й армейской группы дать необходимые указания и приказы всем соединениям, подчиненным ему согласно «Белому плану».

Я перехожу к седьмому абзацу на странице первой:

«Вся переписка относительно «Белого плана» должна относиться к разделу совершенно секретной. Этого можно не соблюдать только лишь в том случае, если содержание документа, по мнению соответствующего воинского начальника, является безвредным даже в связи с другими документами. На середину июля запланировано , совещание, на котором будут обсуждаться детали этих операций. Время и место будут указаны позднее... Особые запросы должны направляться в 3 армейскую группу до 10 июля».

Подписано: «Командующий 3 армейской группы Бласковиц».

Я перехожу на 2-ю страницу и оглашу выдержку, озаглавленную «Цели операции «Белый план»: «Операции в целях предотвратить упорядоченную мобилизацию и концентрацию польской армии должны быть начаты неожиданными ударами при помощи сил, большей частью состоящих из моторизованных и танковых частей, которые сосредоточены вблизи границы и находятся в состоянии готовности.

Первоначальное превосходство над польскими пограничными частями и неожиданность должны быть поддержаны быстрым введением в действие других частей армии, которые должны будут также воспрепятствовать действиям со стороны армии противника. Соответственно все части должны сохранять инициативу во время операций против неприятеля в своих руках путем быстрых действий и беспощадных атак».

В конце, за неделю до начала нападения на Польшу, когда уже все военные планы были разработаны, мы находим всю организацию, как она определена в обвинительном заключении, собравшуюся вместе.

23 августа все «обербефельсхаберы» (главнокомандующие) собрались в Оберзальцберге для того, чтобы выслушать указания Гитлера относительно времени нападения, а также для того, чтобы получить политическую и дипломатическую ориентацию от главы руководства.

Теперь я перехожу к третьему моменту — практическое развязывание агрессивной войны Германией. В течение немногих недель, до начала

каких-нибудь важных операций на западном фронте Польша была разбита и побеждена. Потери Германии были незначительны.

Три основных территориальных вопроса, о которых упоминалось в письменных показаниях фон Бломберга и Бласковица, были решены. Рейнская область была реокупирована и укреплена; Мемель был захвачен, польский коридор был захвачен, и, значительно больше того, Австрия также стала частью империи. Чехословакия была оккупирована. Вся западная Польша была в руках Германии. Германия имела превосходство в оружии и в опыте над своими западными противниками — Францией и Англией. Затем наступили три мрачных года войны — 1939, 1940 и 1941, когда германские вооруженные силы двигались, сметая все на своем пути, с севера на юг и на восток, Норвегию и Данию, Нидерланды, Францию, Триполи и Египет, Югославию и Грецию; Италия, Румыния, Венгрия и Болгария стали союзниками Германии, западная часть Советского Союза была захвачена.

Я намереваюсь рассматривать как один период промежуток времени, начиная с поражения Польши в октябре 1939 года до нападения на Советский Союз в июне 1941 года. Во время этого периода велись агрессивные войны в нарушение договоров, как это определено в Обвинительном заключении, против Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Югославии и Греции.

Я не собираюсь что-нибудь добавить или исправить в том, что уже говорилось по этому вопросу с точки зрения доказательств преступлений против мира. Но я хотел бы остановиться на этом периоде с точки зрения военной, с точки зрения германских военных руководителей. Мы можем быть уверенными в одном: ни нацисты, ни генералы не рассматривали события этого периода с точки зрения нарушения нейтралитета и договора. Они думали тогда о войне, о захватнической войне, о войне с целью захвата Европы. Нейтралитет, договоры, пакты о ненападении — ничего этого они не принимали во внимание. Все это рассматривалось как надоевшее препятствие и инструменты для обмана и фабрикации предлогов, которые должны были использоваться в зависимости от обстановки.

Фон Бломберг сообщил нам в своем письменном показании, которое я огласил, что после 1939 года некоторые генералы стали осуждать методы Гитлера и стали утрачивать доверие к его решениям. Не указывается, какие именно методы Гитлера осуждали некоторые генералы, но я думаю, что Трибунал не получит никакого заслуживающего доверия доказательства того, что многие генералы осуждали меры с целью захвата в течение 1939—1941 гг. В действительности доказательства свидетельствуют скорее о том, что большинство генералов в течение этих лет имели лучшие годы в своей жизни.

Шесть недель спустя после начала войны и после успешного завершения польской кампании, 9 октября 1939 г. был издан меморандум и директивы относительно ведения войны на западе. Это документ Л-52, который я представляю в качестве доказательства под № США-540. Он не подписан. Он был разослан только четырем командующим: Кейтелю, Браухичу, Герингу и Редеру. Из содержания этой директивы можно сделать заключение о том, что она была издана самим Гитлером. Я оглашу выдержку, начиная со второй страницы документа, начиная со слов:

«Цели ведения войны Англией и Францией»:

«Цель ведения войны со стороны Англии и Франции состоит в том, чтобы разбить и раздробить государство с 80-миллионным населением таким образом, чтобы было восстановлено европейское равновесие или, говоря другими словами, баланс сил, который для них выгоден. Поэтому германский народ так или иначе будет вынужден вступить в эту битву. Однако значительные успехи в первый месяц войны могут послужить в случае немедленного подписания мира для того, чтобы укрепить империю морально и материально до такой степени, что с германской стороны не будет никаких возражений против немедленного окончания войны, при том условии, что завоевания, достигнутые при помощи оружия, не пострадают при подписании мирного договора...»

Остановлюсь на Бельгии и Голландии. В конце третьей страницы говорится:

«Оба государства заинтересованы в том, чтобы сохранить свой нейтралитет, но они не в состоянии выдержать продолжительное давление со стороны Англии и Франции. Сохранение их колоний, поддержание их торговли и обеспечение таким образом их внутренней экономики и даже самой их жизни зависит целиком от воли Англии и Франции. Поэтому в своих решениях, в своей позиции, в своих действиях оба эти государства в высшей степени зависят от Запада. Если Англия и Франция будут ждать успешного результата от ликвидации бельгийского нейтралитета, то они в любое время будут в состоянии оказать необходимое давление. Таким образом, не навлекая на себя позор нарушением нейтралитета, они могут заставить Бельгию и Голландию отказаться от их нейтралитета. Поэтому в вопросе сохранения бельгийского и голландского нейтралитета время не является фактором, который обещал бы благоприятное развитие для Германии».

Спустя шесть недель, 23 ноября 1939 г., организация, которая определена в Обвинительном заключении, вновь собралась на совещание, и присутствующие услышали от Гитлера значительную часть того, что он заявил первоначально четырем главнокомандующим. Эта речь излагается в документе № 789, США-23. Часть этой речи была уже ранее оглашена. Однако некоторые выдержки из нее, которые представляют интерес, не были еще оглашены. Я хотел бы огласить выдержку на стр. 2.

«В течение долгого времени я был в нерешительности относительно того, должен ли я сначала нанести удар на Востоке, а затем на Западе. Я в принципе организовал вооруженные силы не для того, чтобы оставаться в бездействии. Решение нанести удар всегда было во мне. Раньше или позже, но я собирался разрешить проблему. Под давлением обстоятельств было принято решение нанести удар сначала на Востоке... Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения. Никто не будет задавать по этому поводу вопросов, когда мы победим. Мы поэтому не будем столь глупы в вопросе нарушения нейтралитета, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим их нейтралитета, это сделают Англия и Франция. Без нападения война не будет выиграна. Я считаю возможным окончить войну только посредством нападения...»

Затем зима 1939/40 года прошла быстро. В эту зиму не велось настоящих военных действий. Все члены генерального штаба и высшего командования знали, каков был план, им всем об этом было сказано. Напасть безжалостно при первой возможности, сокрушить французские и английские вооруженные силы, не обращая никакого внимания на

нейтралитет и договоры с ними. «Нарушение нейтралитета Голландии и Бельгии ничего не означает. Никто не будет задавать об этом вопросов, когда мы победим». Это говорил Гитлер своему высшему командованию. Его генералы и адмиралы согласились с этим и стали выполнять свой план.

Неправильно будет считать, что все шаги в этом захватническом походе были задуманы Гитлером и что военные руководители пустились в этот поход неохотно и опасливо. Чтобы убедиться в обратном, надо вернуться немного назад, к тому, что г-н Элвин Джонс говорил Трибуналу относительно планов вторжения в Данию и Норвегию.

Трибунал вспомнит, что в выступлениях Гитлера в октябре и ноябре, которые я только что огласил и которые изобилуют угрозами по адресу Англии, Франции и Нидерландов, не было никаких предложений о нападении на Скандинавские страны. Конечно, меморандум от 9 октября 1939 г., выдержки из которого я оглашал, свидетельствует о том, что Гитлер не видел никаких оснований для того, чтобы нарушить ситуацию на севере, так как он заявил, что в случае, если не возникнут непредвиденные обстоятельства, можно рассчитывать на нейтралитет Скандинавских стран. Можно было продолжать торговлю с этими странами даже в случае затяжной войны. Но лишь за неделю до этого, 3 октября 1939 г., подсудимый Редер уже предложил военно-морскому штабу представить соображения по поводу преимуществ с военно-морской точки зрения, которые могли бы быть достигнуты при обеспечении баз в Норвегии и Дании.

Об этом говорится в документе № С-122, Г-В-82. В другом документе, который был представлен г-ном Элвином Джонсом под № С-66, говорится, что к рассылке этого запроса Редера побудило письмо другого генерала — Карлса, который указывал на важность оккупации норвежского побережья Германией. Адмирал Рольф Карле был позднее возведен в ранг адмирала флота и командовал военно-морской группой «Север», и в этой должности он является членом организации, как определено в Обвинительном заключении, так же, как и Редер.

Трибунал также вспомнит, что Дениц, который в то время был флагманом подводного флота, ответил на запрос Редера от 9 октября 1939 г. (документ С-5), Дениц писал, что с его точки зрения Тронхейм и Нарвик удовлетворяют требованиям как базы для подводных лодок, и далее, что Тронхейм был лучше, и предложил создать там базу для подводных лодок. На следующий день Редер посетил Гитлера. Это посещение описано в документе, который не был еще представлен в качестве доказательства. Я представляю этот документ в качестве доказательства под № С-541. В середине страницы имеется заголовок: «Запись в военном дневнике главнокомандующего военно-морским флотом относительно «Везерюбунга» — это кодовое обозначение для операций против Дании и Норвегии. Запись в дневнике от 10 октября 1939 г.: «Главнокомандующий военно-морским флотом при посещении фюрера впервые указал на важность Норвегии при ведении войны на море и в воздухе. Фюрер намеревался изучить этот вопрос». Запись от 12 декабря 1939 г.: «Фюрер принял К и Х (что, невидимому, означало Квислинга и Хагелина), затем последовали инструкции высшему командованию вооруженных сил произвести необходимые приготовления. Главнокомандующий военно-морским флотом готовит свой доклад, который будет готов в январе». В эле-

дующей фразе неправильный переход. Следует читать «капитан 1 ранга Кранке работает над «Везерюбунг» при ОКВ». «В последующий период Х. (Хагелин) поддерживал контакт с начальником штаба военно-морского флота. Его целью было усилить партию К. (Квислинга) с тем, чтобы сделать ее способной произвести государственный переворот и предоставлять верховному командованию военно-морского флота информацию о политических событиях в Норвегии и сведения по военным вопросам. В общем он настаивал на ускорении подготовки, но считал, что сначала следовало расширить организацию».

Я думаю, это все, что мне следовало огласить из этого документа.

Другой документ — С-64, уже представленный мной в качестве доказательства, свидетельствует о том, что 12 декабря военно-морской штаб обсуждал проект о Норвегии с Гитлером на совещании, на котором присутствовали также подсудимые Кейтель и Йодль. Я не собираюсь оглашать этого документа. Между тем Редер поддерживал контакт с Розенбергом, обсуждая возможность использования Квислинга. Г-н Элвин Джонс совершенно справедливо указал Трибуналу на тесную связь между высшим командованием и нацистскими политическими деятелями. В результате всего этого согласно инструкциям Гитлера Кейтель издал директиву ОКВ 27 января 1940 г., в которой он заявил, что Гитлер поручил ему принять на себя руководство по подготовке к операции в Норвегии, которой он присвоил особое кодовое обозначение «Везерюбунг».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву, в которой излагался общий план для вторжения в Норвегию и в Данию. Это—документ № С-174, представленный уже г-ном Джонсом в качестве документального доказательства. На этой директиве имеются инициалы адмирала Курта Фрика, который был тогда начальником оперативного отдела военно-морского штаба и который в конце 1941 года стал начальником военно-морского штаба и в этой своей должности он является членом организации, как это определено в Обвинительном заключении.

Таким образом, как это явствует из этих документов, план вторжения в Норвегию и Данию не зародился в кругах нацистской партии и не был насильно навязан военным руководителям. Наоборот, этот план зародился среди военно-морских кругов генерального штаба и верховного командования, и Гитлера склонили к тому, чтобы поддержать эту идею. Договоры и нейтралитет означали для генерального штаба и высшего командования столь же мало, как и для нацистов. В отношении Нидерландов ни Гитлер, ни военные руководители не испытывали беспокойства по вопросу соблюдения договора.

Трибунал вспомнит, что на совещании между Гитлером и главными военными руководителями в мае 1939 года (документ Л-79, США-27), когда было объявлено о решении напасть на Польшу, Гитлер, обсуждая возможность войны против Англии, заявил, что «Военно-воздушные базы в Голландии и Бельгии должны быть оккупированы вооруженными силами. Декларации и нейтралитет будут игнорированы».

И позднее в своей речи, обращенной к членам высшего командования в ноябре 1939 года, Гитлер заявил о том, что надо в первую очередь произвести вторжение в Нидерланды и что: «Никто не будет задавать вопросы об этом, когда мы победим».

Соответственно, можно себе представить, что зима 1939—1940 гг. и ранняя весна 1940 года были периодом крайне интенсивного планирования

среди германских военных кругов. Надо было запланировать главное наступление на западе через Нидерланды. Надо было запланировать нападение на Норвегию и Данию.

В дневнике подсудимого Иодля (документ № 1809-ПС, представленный в качестве доказательства под Ла В-Б-1119) за период с 1 февраля по 26 мая 1940 г. имеется много записей, показывающих ход этого планирования. Некоторые из этих записей уже были оглашены, другие представляют сейчас интерес. Трибунал заметит на основании этих записей, которые были уже оглашены, что в феврале и в начале марта среди германских военных кругов существовало сильное колебание в отношении того, следует ли сначала напасть на Норвегию и Данию, а затем уже на Нидерланды, или, наоборот, и что в некоторые моменты возникало сомнение вообще в необходимости всех этих нападений с военной точки зрения. Но Трибунал не найдет ни единой записи, которая говорила бы о каком-либо колебании, вызванном соображениями морального характера со стороны Иодля или кого-нибудь еще, с кем он говорил, о том, чтобы захватить эти страны.

Я сейчас хочу сослаться на выдержки из документа № 1809-ПС, не цитируя их. Трибунал обратит внимание на то, что 1 февраля 1940 г. генерал Иешонек, начальник военно-воздушного штаба и член организации, как это определено в Обвинительном заключении, посетил Иодля и высказал свои соображения о том, что, возможно, сначала будет целесообразнее напасть только на Голландию, на том основании, что даже одна Голландия принесет значительные улучшения для Германии в области ведения войны в воздухе.

6 февраля Иодль имел совещание с Иешонек, Варлимонтом и полковником Ралдау. На этом совещании было предложено то, что Иодль назвал «новой идеей». Она заключалась в том, что немцы должны были сначала осуществить действия «Г», что означало Голландию, и «Везер», что означало Норвегию и Данию, и гарантировать нейтралитет Бельгии на все время войны. Я думаю, что командование германскими военно-воздушными силами могло рассчитывать, что оккупация только одной Голландии предоставит значительное пространство для создания авиационных баз для нападения на Англию и что в случае, если будет сохранен нейтралитет Бельгии, Голландия будет недоступна для нападения со стороны английских и французских войск из Франции. Если даже французы и англичане повели бы наступление через Голландию и Бельгию, то нарушение нейтралитета было бы совершено противниками Германии. Но имела или нет эта новая идея смысл с военной точки зрения, она является весьма необычной с дипломатической точки зрения. Это предложение состояло в том, чтобы нарушить без всякого на то основания нейтралитет трех соседних малых государств и одновременно гарантировать нейтралитет четвертого. Какую ценность могли придавать бельгийцы гарантии нейтралитета, предложенной при таких обстоятельствах, трудно даже представить. В действительности эта «новая идея», которая была предложена на этом совещании, представляла собою самое необычайное сочетание цинизма и безыскусственности. В то же время, как показывает дневник Иодля, 5 февраля 1940 г. состоялось первое совещание «особого штаба» по планированию вторжения в Норвегию, который получил инструкции от Кейтеля. 21 февраля Гитлер назначил генерала Фалькенхорста командующим операциями в Норвегии. В дневнике

Иодля говорится, что «Фалькенхорст принял это с удовольствием». 26 февраля Гитлер все еще колебался, на кого напасть сначала — на Норвегию или на Нидерланды. Но 3 марта он принял решение напасть сначала на Норвегию, а затем, спустя короткое время,—на Нидерланды. Это решение оказалось окончательным. Вторжение на территорию Норвегии и Дании состоялось 9 апреля, и успех операции уже был очевиден к 1 мая. Вторжение в Нидерланды состоялось десятью днями позднее.

Итак, Франция и Нидерланды были разбиты, Италия присоединилась к войне на стороне Германии, и началась африканская кампания. В октябре 1940 года Италия напала на Грецию. Мертвая точка, на которой остановился итало-греческий конфликт, и неопределенность позиций Югославии стали служить помехой для Германии, особенно потому, что в-это время уже планировалось нападение на Советский Союз и Германия чувствовала, что она не может пойти на риск оставить у себя в тылу на Балканах неопределенную ситуацию.

Соответственно было решено положить конец создавшемуся положению в Греции и прийти на помощь Италии. Государственный переворот в Югославии 26 марта 1940 г. определил окончательное решение Германии: сокрушить также и Югославию. Полковник Филимор уже представил документальные доказательства по этому вопросу, и я могу мало что добавить к этому. Были приняты решения, вооруженные силы составили необходимые планы и произвели нападение. Нападение на Югославию было особенно безжалостным и жестоким, так как оно преследовало особую цель: устроить Грецию и Турцию. Браухич издал последние оперативные инструкции, которые имеются в документе Р-95, ВВ-127. Этот документ не оглашен перед Трибуналом. Я хотел бы огласить две короткие выдержки из этого документа Р-95, которые представляют интерес.

«Политическая ситуация на Балканах изменилась ввиду военного восстания в Югославии. Югославия должна рассматриваться как наш противник, даже если она сделает вначале заявление о своей лояльности. Фюрер и верховный командующий поэтому решили уничтожить Югославию как можно быстрее».

В параграфе 5 дается «Расписание операции». Там говорится:

«5 апреля, как только будут иметься в наличии достаточные силы военно-воздушного флота и будет благоприятная погода, военно-воздушные силы должны днем и ночью бомбить югославские наземные объекты и Белград».

В отношении нападения Германии на Советский Союз все документы, доказывающие агрессивный характер нападения, уже были представлены.

На этом ограничивается представление доказательств преступной деятельности организации, как об этом изложено в разделах I и II. Документы, представленные мною ранее и составленные военными руководителями, не являются документами, составленными людьми, которые планировали и проводили эти многочисленные войны вопреки своему желанию. Я хочу вновь разъяснить существо обвинения против этой организации, изложенных в разделах I и II Обвинительного заключения.

Они не обвиняются в том, что они являются солдатами. Они не обвиняются в том, что они просто выполняли то, что обычно выполняет солдат.

Я полагаю, что в число обычных обязанностей дипломата входит участвовать в переговорах и на конференциях, писать ноты и памятные записки, присутствовать на званых обедах и создавать дружественные *oï* ношения к тому правительству, которое они представляют. Подсудимый Риббентроп обвиняется не в подобных действиях. Обычная обязанность политического деятеля заключается в том, чтобы составлять распоряжения и декреты, произносить речи. Подсудимый Гесс и Фрик обвиняются не в том, что они действовали таким образом.

Слесарь — это безобидная и почетная профессия. Однако тем не менее является преступлением, когда слесарь использует свою профессию для того, чтобы взламывать замки у соседей и грабить их жилища. И именно в этом заключается сущность обвинения, изложенного в разделах I и II Обвинительного заключения, против генерального штаба и высшего командования. Обвинение им предъявляется в том, что при выполнении функций дипломатов, политических деятелей, солдат, моряков и кого-нибудь еще, кем они были, они составили заговор и планировали, подготавливали, развязывали и вели незаконные агрессивные войны и таким путем совершили преступления, изложенные в статье 6 Устава.

Поэтому для тех, кто совершил подобные преступления, никоим образом не может послужить в качестве защиты их утверждение, что они действовали как лица, принадлежащие к определенной профессии. Совершенно законно, когда военнослужащие разрабатывают военные планы в интересах нации. Такие планы могут законно создаваться независимо от того, являются ли они оборонительными или наступательными с военной точки зрения. Для военных руководителей является совершенно законным действием выполнение таких планов и ведение войны, если действуя таким образом, они не планируют, не развязывают и не ведут войны, которые являются незаконными потому, что они являются агрессивными и противоречат положениям Устава.

Я совершенно не собираюсь утверждать, что не могут иметь место индивидуальные случаи, касающиеся некоторых индивидуальных членов этой организации, когда могут возникнуть некоторые затруднения при проведении границы между законными и незаконными действиями. Это не является необычным в области юриспруденции. Но я не верю в то, чтобы здесь, перед лицом этого Трибунала, могло бы возникнуть какое-нибудь сомнение или затруднение при установлении преступного характера действий генерального штаба и высшего командования как преступной организации в соответствии с определениями разделов I и II или в отношении установления виновности пяти подсудимых, которые являются членами этой организации.

В отношении подсудимых Геринга, Кейтеля и Иодля документальные доказательства занимают целые томы, и их участие в планировании и ведении агрессивных войн является бесспорным.

То же самое в равной степени относится и к подсудимому Редеру, индивидуальная ответственность которого особенно неоспорима за агрессивное и беспощадное нападение на Норвегию и Данию. Документальные доказательства, представленные в отношении Деница, менее обширны по той простой причине, что он был моложе остальных и не во-

дил в состав командования до последней стадии войны. В отношении других многочисленных членов генерального штаба и высшего командования, включая других руководителей, доказано, что они с готовностью участвовали в подготовке и ведении этих незаконных войн, будучи полностью о них осведомлены.

Главнокомандующий армией фон Браухич, его начальник штаба Гальдер, заместитель Иодля — Варлимонт — все эти лица, в порядке вещей, были полностью осведомлены о всем том, что происходило, и, как показывают документы, они принимали в этом самое деятельное участие. Рейхенау и Шперле помогали запугивать Шушнига. Гитлер немедленно вызвал к себе именно Рейхенау, фон Шоберта и Геринга, когда Шушник распорядился о проведении плебисцита. Позднее мы находим Бласковица в качестве главнокомандующего армией, с полным знанием всех деталей дела готовящимся к нападению на Польшу. Фельдмаршал Лист готовил болгар для их роли во время нападения на Югославию и Грецию. Фон Фалькенхорст «с радостью принял» назначение на пост командующего войсками, которые осуществили вторжение в Норвегию и Данию. С другой стороны, Иешонек внес предложение, как об этом говорится в записях, о том, чтобы Германия напала на Норвегию, Данию и Голландию, заверяя в то же время Бельгию, что ей нечего опасаться.

Что же касается военно-морского флота, то адмирал Карле, член организации, еще в самом начале предвидел, что германская политика вела ко всеобщей европейской войне. Позднее именно он предложил план нападения на Норвегию и Данию. Кранке, который позднее стал членом этой группы, также является одним из главных участников планирования этого нападения. Шнивинд участвовал в подготовке нападения на Польшу; Фрике заверил последний приказ об осуществлении «Везерюбунга» и немногими месяцами позднее предложил, чтобы Германия присоединила Бельгию и Северную Францию и превратила Нидерланды и Скандинавские страны в своих вассалов.

Большинство из девятнадцати офицеров, которых я перечислил, были в то время членами организации, а те немногие, которые не были членами организации, позднее стали ими. На последнем совещании, где обсуждался план «Барбаросса», присутствовало еще семнадцать членов дополнительно, а во время двух совещаний с Гитлером, на которых были полностью раскрыты агрессивные планы и неуважение к договорам, присутствовали все члены организации.

Повидимому, военнослужащие из числа подсудимых будут утверждать, что они являются всего лишь техническими исполнителями. Если продолжать развивать подобную мысль, то можно прийти до утверждения, что военнослужащие представляют собой какую-то совершенно отличную от обычных людей расу и являются людьми, которые стоят выше и вне моральных и юридических обязанностей, которые возлагаются на всех остальных, и что они не в состоянии выносить моральное суждение на основании собственных умозаключений.

Сейчас мы обсуждаем здесь преступление, которое заключалось в планировании и ведении агрессивной войны. Утверждается, что это преступление было совершено преднамеренно, сознательно и с самыми преступными намерениями руководителей государства, которые возглав-

ляли те основные области, которые важны при ведении войны и тесно с ним связаны. Это преступление было совершено пропагандистами и публицистами. Оно было совершено политическими руководителями, дипломатами, министрами, основными промышленными и финансовыми магнатами и в не меньшей степени оно было совершено военными руководителями.

В порядке вещей было, что планирование и проведение агрессивной войны было осуществлено в результате соглашения и консультации между всеми этими категориями руководства. Если бы руководители какой-либо важной области стояли в стороне, оказывали или не оказывали должного содействия, то вся программа была бы серьезным образом нарушена. Вот почему все главные руководители во всех этих областях деятельности разделяют ответственность за совершение преступления, и военные руководители разделяют эту ответственность в не меньшей степени, чем другие.

Я не думаю, чтобы ответственные военные руководители какого-либо государства говорили когда-нибудь, что их роль сводится всего навсего лишь к роли простого привратника или сторожа, или машиниста военной машины, которой они управляют, и что они не несут никакой ответственности за использование этой машины. Господство такого мнения сегодня было бы особенно опасным, так как военные руководители сейчас контролируют силы, которые несравненно значительнее и разрушительнее, чем они были когда-либо прежде. Если военные руководители будут исключены из числа лиц, которые на основании положений Устава Международного Военного Трибунала несут ответственность за подготовку, планирование, развязывание и ведение агрессивной войны, то это явится чувствительным, если только не смертельным ударом по принципам, декларированным в Уставе.

Такое мнение не соответствует мнению Соединенных Штатов Америки. Обвинение, которое представляют здесь Соединенные Штаты, считает, что военная профессия является почетной профессией. Мы считаем, что руководители, принадлежащие к этой профессии, должны обладать в высшей степени моральной мудростью и честностью не в меньшей степени, чем техническим мастерством. Мы считаем, что при консультации и планировании с руководителями других областей национальной жизни военные руководители должны действовать в соответствии с международным правом и велениями общественного сознания. В противном случае военные ресурсы нации будут использованы в соответствии не с законами современного общества, а с законом джунглей. Военные руководители разделяют ответственность с другими руководителями. Я намеренно употребляю здесь слово «разделяют». Очевидно, что военные руководители несут исключительную ответственность за те ужасающие преступления, которые были совершены. Но германские военные руководители вошли в заговор с целью подорвать и разрушить сознание германской нации. Германские военные руководители стремились к тому, чтобы расширить Германию за счет чужих земель и, если необходимо, то прибегнуть к войне для этой цели.

Как заявил Главный обвинитель от Соединенных Штатов в своей вступительной речи, «германские военные руководители находятся здесь перед вами потому, что они совместно с другими лицами управляли Германией и ввергли ее в войну».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОДДОМ
СПИСКА ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ИЗ СОСТАВА
ГИТЛЕРОВСКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА

*{Из стенограммы заседаний Международного Военного Трибунала
от 22 июля 1946 г.}*

Мы подготовили для Трибунала список управлений, составляющих германский генеральный штаб и верховное командование, как Это определено в Обвинительном заключении, в приложении «В». Этот список был составлен на основе официальных источников адмиралтейства Великобритании, военного министерства Великобритании и министерства авиации Великобритании, а дополнительная информация была получена от высших германских офицеров, которые сейчас являются военнопленными и находятся в Англии и в Германии. Список приложен к этому письменному показанию, данному под присягой, так как мы намеревались представить его Трибуналу сегодня утром, а в письменном показании, данном под присягой, описываются источники, на основании которых составлена эта информация, и там также указано, что этот список не является исчерпывающим или абсолютно точным во всех деталях.

Однако в основном он представляет собой полный список членов генерального штаба, верховного командования и группы высшего командования. На основе этих данных общее количество составляет 131 человек, из которых 114 считаются в живых в настоящее время. Я хочу официально представить этот список вместе с этим письменным показанием, данным под присягой, как доказательство США-778. (Документы прилагаются.)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНИИ

Ниже перечисляются фамилии всех офицеров, чья деятельность относится к приложению «В» Обвинительного заключения. Фамилии умерших офицеров помечены значком *. Общее число офицеров — 124, из них 109 считаются находящимися в живых. По роду службы подразделяются:

		Общее число	Находящиеся в живых
Офицеров штаба	ОКВ	3	3
	ОКХ	6	5
	ОКМ	5	5
»	ОКЛ	6	3
Командующих армиями		78	68
» Ф	лотом	15	15
В	ВС	11	10

В число командующих входит один или два офицера из состава воздушных сил или СС. Гитлер, главнокомандующий вооруженными силами с декабря 1941 года, не включен. Воинские звания—наивысшие, полученные за время войны.

	ВЕРХОВНО Е КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ	(ь 1938 г. 1945 г. г. 1939 1945 г.
Главнокомандующий (начальник ОКВ)	Фельдмаршал К е и т е л ь Вильгельм	феврал май август май
Начальник штаба оперативного	Генерал-полковник	

Помощник начальника штаба оперативного руководства	Генерал-лейтенант Варлимонт Вальтер	апрель 1941 г. сентябрь 1944	г .
-------------------------------------------------------	----------------------------------------	---------------------------------	--------

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ АРМИИ

Главнокомандующий фон Браухич Вальтер		февраль 1938 г.— декабрь 1941 г. 1934 г. — сентябрь 1938 г.
Начальник генерального штаба Бек * Генерал-полковник		
Генерал-полковник Гальдер Франц		сентябрь 1938 г.— сентябрь 1942 г.
Генерал-полковник Зейтцлер Курт		сентябрь 1942 г.— июль 1944 г.
Генерал-полковник Гудериан Гейнц		июль 1944 г.— февраль 1945 г.
Генерал Кребс Ганс		февраль 1945 г.— май 1945 г.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ФЛОТА

Главнокомандующий	Адмирал флота Редер Эрих	май 1935 г.- варь 1943 г.	- стп
	Адмирал <i>флота</i> Дениц Карл	февраль 1943 май 1945 г.	г. —
Начальник главного военно-морского штаба	Адмирал Шнивинд Отто	1938 г. — июнь 1941 г.	
	Адмирал Фрике Курт	июнь 1941 г. — варь 1943 г.	-
Мезель Вильгельм	Адмирал	февраль 1943 май 1945 г.	г.—

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВОЗДУШНЫХ

СИЛ

Главнокомандующий Рейхсмаршал		март 1935 г. — ап- рель 1945 г.
Геринг Герман		апрель 1945 г.— май 1945 г.
* Фельдмаршал фон Грем Роберт		июнь 1935 г.— февраль 1939 г.
Начальник генерального штаба Штумпф * Генерал-полковник		февраль 1939 г.— ноябрь 1943 г.
Ишонек * Генерал-полковник		ноябрь 1943 г.— июль 1944 г.
Кортен Генерал		август 1944 г.— октябрь 1944 г.
Креппе Вернер Генерал		октябрь 1944 г.— май 1945 г.
Коллер Карл		

КОМАНДУЮЩИЕ АРМЕЙСКИМИ ГРУППИРОВКАМИ И АРМИЯМИ

Фамилия	Армейская группировка	Армия	Театр	Время
Генерал Алмендингер Карл	—	17	Восток	май 1944 г. - июль 1944 г.
Генерал Ангелс Максимилиан		2 бронетан- ковая	Балканы	октябрь 1944 г.— апрель 1945 г.

ПРЕСТУПНОСТЬ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ И ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА 711

Генерал-полковник	— 5 бронетан-	Африка	декабрь 1942 г.—
фон А р м и н Юрген	ковая		май 1943 г.
Генерал	Г 4 бронетан-	Восток,	июль 1944 г.—
Б а л к Герман	ковая	Запад	август 1944 г., октябрь 1944 г.— декабрь 1944 г.
Генерал-полковник	— 2	Польша	октябрь 1939 г.
Бласковиц Иоган	— 9	Запад	май 1940 г.— июнь 1940 г.
	— 1	Запад	октябрь 1940 г.— май 1944 г.
	Г	Запад	май 1944 г.— сентябрь 1944
	х	Запад	январь 1945 г.— апрель 1945 г.
Генерал	— 25	Запад	январь 1945 г.— март 1945 г.
Блюментрит Гюнтер	Б —	Польша	сентябрь 1939 г.
Фельдмаршал			
фон Бок Теодор			
	Южная —	Франция	декабрь 1941 г.
		Восток	январь 1942 г.— июль 1942 г.
Генерал	— 18	Восток	сентябрь 1944г.— май 1945 г.
Беге Эренфрид	— 2 бронетан-	Балканы	июнь 1944 г.—
Генерал	ковая		июль 1944 г.
Б е м е	- 20	Норвегия	январь 1945 г.— май 1945 г.
Генерал	— 7	Запад	август 1944 г.
Бранденбергер Эрих	— 19	Запад	март 1945 г.— май 1945 г.
* Фельдмаршал	— 16	Восток	октябрь 1939 г.— октябрь 1943 г.
Буш Эрнст			
Генерал	- 9	Восток	январь 1945 г.— май 1945 г.
Б у с с е Теодор	— 1 бронетан-	Восток	апрель 1944 г.— май 1944 г.
Генерал	ковая		
фон дер Шевалье Курт	— 20 мотори-	Финляндия	январь 1942 г.— июнь 1944 г.
* Генерал-полковник	зован-		
Д и т л Эдвард	ная		
Обергруппенфюрер	— 6 бронетан-	Запад,	октябрь 1944 г.—
Дитрих Иозеф	ковая СС	Восток	апрель 1945 г.
* Генерал-полковник	— 7	Запад	сентябрь 1939 г.— июнь 1944 г.
Д о л м а н Фридрих			
* Генерал	— 1	Запад	март 1945 г.— май 1945 г.
Ф е р т ч Герман			
Генерал	— 6	Восток	июль 1944 г.—де- кабрь 1944 г.
Фреттер-Пи ко			
Максимилиан			
Генерал-полковни к	Южно-Укра- —	Восток	июль 1944 г.— де- кабрь 1944 г.
Ф р и с н е р Иоган	инская,пе- реимено-		
ванная в			
Генерал-полковни к	Южную		
Г удери ан Гейнц	— 2 бронетан-	Восток	октябрь 1941 г.— январь 1942 г.
	ковая		

712 ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Генерал —	4 бронетан- Восток	сентябрь 1944 г. —
Г р а з е р Фриц	ковая	май 1945 г.
* Генерал-полковник —	15 Запад	январь 1941 г. —
Г а а з е Курт		январь 1943 г.
Генерал —	16 Восток	октябрь 1943 г. —
Г а н е е н Христиан		июль 1944 г.
Генерал-полковник —	9 Восток	ноябрь 1943 г.
Г а р п е Иозеф		
— 4 бронетан- Восток		май 1944 г. —
	ковая	июнь 1944 г.
Северо-Ук-	— Восток	июнь 1944 г. —
раинская,		январь 1945 г.
переиме-		
нованная в		
Северную		
» ""	5 бронетан- Запад	март 1915 г. —
	ковая	апрель 1945 г.
Генерал —	17 Восток	• апрель 1945 г.—
Г а с с е Вильгельм		май 1945 г.
Обергруппенфюрер —	7 Запад	июль 1944 г. —
Х а у с с е р Пауль		август 1944 г.
Генерал-полковник —	4 Восток	январь 1942 г. —
Г е и н р и х Готхарт		июль 1944 г.
— 1 бронетан- Восток		август 1944 г. —
	ковая	март 1945 г.
Висла	— Восток	март 1945 г. —
		апрель 1945 г.
Генерал —	16 Восток	сентябрь 1914 г.—
Гильперт Карл		апрель 1945 г.
* Рейхсфюрер СС —	Верхне- —	конец 1944 г.—
Гиммлер Генрих	Рейнская	начало 1945 г.,
* Генерал-полковник —	4 бронетан- Восток	октябрь 1941 г.—
Гепнер Эрих	ковая	январь 1942 г.
Генерал-полковник —	6 Восток	март 1943 г.—
Г о л д т Карл		апрель 1944 г.
Генерал —	4 Восток	июль 1914 г.—
Госсбах Фридрих		январь 1945 г.
Генерал-полковник —	17 Восток	октябрь 1941 г.—
Гот Герман		январь 1942 г.
— 4 бронетан- Восток		февраль 1942 г. ¹
	ковая	декабрь 1943 г.
* Генерал-полковник —	1 бронетан- Восток	октябрь 1943 г.—
Губе Ганс	ковая	февраль 1944 г.
Генерал-полковник —	17 Восток	июнь 1943 г.—
Иенеке Эрвин		май 1944 г.
Фельдмаршал Южная, пе-	— Италия	июнь 1943 г.—
Кессельр и н г Альберт реимено-		октябрь 1944 г.
ванная в		январь 1945 г.—
Централь-		март 1945 г.
ную		
Генерал —	25 Запад	март 1945 г.—
Клеффель Филипп		апрель 1945 г.
- Фельдмаршал —	1 бронетан- Балканы и	ноябрь 1940 г. —
фон К л е и с т Эвальд	ковая Восток	ноябрь 1942 г. .
А	Восток	ноябрь 1942 г. —
		март 1944 г.

ПРЕСТУПНОСТЬ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ И ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА 713

* Фельдмаршал —	4 бронетан-	Польша,	сентябрь 1939 г.—
фон К л ю г е Гюнтер	ковая	Запад и Восток	декабрь 1941 г.
Генерал —	1	Запад	сентябрь 1944 г. —
фон Кнобельсдорф Отто			декабрь 1944 г.
Генерал —	8	Восток	декабрь 1944 г.—
Крейзинг Ганс			май 1945 г.
Фельдмаршал —	18	Запад и	ноябрь 1939 г.—
фон К ю х л е р Георг		Восток	сентябрь 1941 г.
Северная	—	Восток	январь 1942 г. —
			январь 1944 г.
Фельдмаршал Ц —		Запад	сентябрь 1939 г.
фон Л е б Вильгельм	—	Восток	июль 1941 г. —
Северная			январь 1942 г.
Генерал —	1	Запад	май 1944 г.
Лемельсен Иоахим			
—	14	Италия	июнь 1944 г.
—	10	Италия	октябрь 1944 г.
—	14	Италия	февраль 1945 г. —
			май 1945 г.
Генерал-полковник —	18	Восток	январь 1942 г. —
Линдеман Георг			март 1944 г.
Северная	—	Восток	март 1944 г. —
			июль 1944 г.
Фельдмаршал —	12	Запад	сентябрь 1939 г. —
Лист Вильгельм			июнь 1942 г.
А	—	Восток	июнь 1942 г. —
			декабрь 1942 г.
Генерал —	18	Восток	март 1944 г. —
Лох Герберт			сентябрь 1944 г.
Генерал-полковник —	12	Балканы	июль 1942 г. —
Л е р Александр			декабрь 1942 г.
Е	—	Балканы	декабрь 1942 г. —
			1944 г.
Генерал —	11	Восток	март 1945 г.—
Л ю х т Вальтер			май 1945 г.
Генерал-полковник —	1 бронетан-	Восток	ноябрь 1912 г.—
фон Макензен	ковая		март 1943 г.
Эбергавл			
—	14	Италия	ноябрь 1943 г. —
			июнь 1944 г.
Фельдмаршал —	11	Восток	сентябрь 1942 г. —
фон Манштейн Фриц			ноябрь 1942 г.
Донская	—	Восток	ноябрь 1942 г.—
			январь 1943 г.
Южная	—	Восток	январь 1943 г. —
			март 1944 г.
Генерал —	5 бронетан-	Запад	сентябрь 1944 г.
фонМантейфель Гассо	ковая		январь 1945 г.
— 3 бронетан-		Восток	март 1945 г. —
	ковая		май 1945 г.
Фельдмаршал —	9	Восток	январь 1942 г. —
Модель Вальтер			ноябрь 1943 г.
Северная	—	Восток	январь 1944 г. —
			май 1944 г.

У14	ДОКАЗАТЕЛЬСТВА	ОБВИНЕНИЯ	ПО ДЕЛУ ПРЕСТУПНЫХ	ОРГАНИЗАЦИИ
		Северо-украинская	— Восток	май 1944 г.— июнь 1944 г.
		Центральная	— Восток	июнь 1944 г. — сентябрь 1944 г.
		Б	—	Запад
Генерал Мюллер Фридрих	—	4	4	Восток
Генерал Н е р и н г Вальтер	—	1 бронетан- ковая	1	Восток
Генерал фон Обстфельдер Ханс	—	1	1	Запад
	—	19	19	Запад
	—	7	7	Запад
Генерал Раши Зигфрид	—	19	19	Запад
Генерал-полковник Раус Эргардт	—	4 бронетан- ковая	4	Восток
— 3 бронетан-	—	1	1	Запад
" Фельдмаршал фон Рейхенау Вальтер	—	10	10	Восток
	—	6	6	Запад, Восток
Генерал-полковник Рейнгардт Ханс	—	3 бронетан- ковая	3	Восток
	Центральная	—	—	Восток
Генерал-полковник Рендлик (доктор Лотар) — 20 мотори-	—	2 бронетан- ковая	2	Балканы
		зван- ная	—	Финляндия
	Курляндская Северная	—	—	Восток
	Курляндская Южная	—	—	Восток
Фельдмаршал фон Рундштедт Герд	Южная	—	—	Восток
	А	—	—	Запад
	Южная	—	—	Восток
	Д	—	—	Запад
сентябрь 1944 г.—				май 1945 г. январь 1942 г.
Генерал-полковник Руофф Рихард	—	4 бронетан- ковая	4	Восток

— 17 бронетан-	Восток		май 1942 г.—
		ковая	июнь 1913 г.
Генерал-полковник фон С а л м у т Ганс	— 15	Запад	август 1943 г. — август 1944 г.
Генерал фон З а у к е н Дитрих	— 2	Восток	март 1945 г.— май 1945 г.
Генерал-полковник Шмидт Рудольф	— 2	бронетан-	Восток
Генерал Ш л е м м Альфред	— 1	парашют-	Запад
* Генерал-полковник фон Ш о б е р т Евгений	— 11	Восток	ноябрь 1944 г.— май 1945 г. июнь 1941 г. — сентябрь 1941 г.
Фельдмаршал Ш е р н е р Фердинанд	А	—	Восток
	Южная	—	Восток
	Украина		
	Курлянд-	—	Восток
	ская		
	Централь-	—	Восток
	ная		
Генерал Ш у л ь ц Фридрих	— 17	Восток	июль 1944 г. — апрель 1945 г.
Генерал фон Зоденштерн Георг	— 19	Запад	август 1943 г.— июнь 1944 г.
Генерал-полковник Ш т у д е н т Курт	— 1	парашют-	Запад
	Х	—	Запад
* Генерал фон Штюльпнагель Генрих	— 17	Восток	февраль 1944 г.— ноябрь 1944 г. декабрь 1944 г. — январь 1945 г. февраль 1941 г. — октябрь 1941 г.
Генерал фон Витингофф Генрих	— 15	Запад	февраль 1942 г.— август 1943 г.
— 10 Италия			
	Ц	—	Италия
	Курлянд-	—	Восток
	ская		
	Ц	—	Италия
Фельдмаршал барон фон — В е и х с Максимилиан	—	2	Польша
	—	—	Франция
	—	—	Балканы
	—	—	Восток
	Б	—	Восток
	Ф	—	Балканы
	2	—	Восток
Генерал-полковни к В е и с с Вальтер	Северная	—	Восток
			август 1943 г.— май 1945 г. февраль 1943 г. — март 1945 г. март 1945 г.— апрель 1945 г.

Генерал —	12	Восток	апрель 1945 г. —
В е н к Вальтер Генерал —	19	Запад	май 1945 г. июнь 1944 г. —
Визе Фридрих * Фельдмаршал —	1	Запад	декабрь 1944 г. апрель 1940 г. —
фон Витцлебен Эрвин Генерал	8	Восток	октябрь 1940 г. ноябрь 1943 г.—
В е л е р Отто Генерал —	15	Запад	декабрь 1944 г. август 1944 г.—
фон З а н г е н Густав			май 1945 г.

КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТА

Адмирал флота	Командующий ВМС	февраль 1943 г.—
Б е м Герман	в Норвегии	март 1913 г.
Адмирал флота	Командующий Северной	июль 1940 г. —
Карле Рольф	группой ВМС.	февраль 1943 г.
Адмирал	Командующий ВМФ в	март 1943 г. —
С и л и а к с Отто	Норвегии	май 1945 г.
Адмирал	Командующий Северной	февраль 1943 г.
Д е н ш Герман	военно-морской базой	
Адмирал	Командующий Северной	март 1943 г. —
Ф е р с т е Эрх	военно-морской базой	май 1945 г.
Адмирал	Командующий Южной	март 1943 г. —
Ф р и к е Курт	группой ВМС	декабрь 1944 г.
Адмирал	Командующий Балтий-	февраль 1943 г.—
Г у з е Гюнтер	ской базой	март 1943 г.
Адмирал	Командующий Западной	апрель 1943 г. —
К р а н к е Теодор	группой ВМС	октябрь 1944 г.
	Главкомандующий	октябрь 1944 г. —
	ВМС, Запад	май 1945 г.
Адмирал флота	Командующий Балтий-	март 1944 г. —
К ю м м е т ц Оскар	ской базой	декабрь 1944 г.
Вице-адмирал	Главкомандующий	январь 1945 г. —
Л е в и ш Вернер	ВМС, Юг	май 1945 г.
Адмирал флота	Командующий Западной	сентябрь 1942 г.—
Маршал Вильгельм	группой ВМС	апрель 1943 г.
Адмирал флота	Командующий Западной	август 1939 г. —
Заалвахтер Альфред	группой ВМС	сентябрь 1942 г.
Адмирал	Командующий Балтий-	март 1943 г. —
Ш м у н д т Губерт	ской базой	март 1944 г.
Адмирал	Командующий Северной	февраль 1943 г.—
Ш н и в и н д Отто	группой ВМС	апрель 1944 г.
Адмирал	Командующий Южной	июль 1941 г. —
Шустер Карл Георг	группой ВМС	март 1943 г.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ

Генерал-полковник Воздушный	ВОЗДУШНЫХ	СИЛ
Д е с с л о х Отто	флот 4	март 1943 г.— сентябрь 1944 г.
,	, 3	сентябрь 1944 г. — октябрь 1944 г.
-	, 4	октябрь 1944 г.— май 1945 г.
Фельдмаршал , фон Г р е и м Роберт	, 6	март 1943 г. — май 1945 г.
Генерал-полковник , Келлер Альфред	, 1	апрель 1940 г. — 1943 г.

ПРЕСТУПНОСТЬ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ И ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА 717

Фельдмаршал Кессель и н г, Альберт	Воздушный флот 1 апрель 1910 г. . 2	сентябрь 1939 г. — апрель 1940 г. — март 1943 г.
Генерал-полковник Л е р Александр	4	сентябрь 1939 г.— июль 1942 г.
Генерал Пфлюгбейль Курт	1	1943 г.—май 1945 г.
Фельдмаршал фон Рихтгофен, . 2	4	июль 1942 г.— март 1943 г. — март 1943 г. — август 1944 г.
Генерал За и д ель	. 10	октябрь 1944 г. — май 1945 г.
Фельдмаршал Ш п е р л е Гуго	. 3	сентябрь 1939 г. — август 194-4 г.
Генерал-полковник Ш т у м п ф Ганс Иорген , .Рейх"	5	апрель 1940 г. — февраль 1944 г. февраль 1944 г.— май 1945 г.

Август Винтер
генерал горно-стрелковых
войск

Нюрнберг, 13 июля 1946 г.

В список офицерского состава генерального штаба и группы верховного командования вносятся следующие дополнения:

Верховное командование вооруженных сил

Помощник начальника штаба Генерал-лейтенант сентябрь 1944 г.—
оперативного руководства Винтер май 1945 г.

Командующие армейскими группировками и армиями

Фамилия	Армейская группировка	Армия	Театр	Время
Генерал Кристиансен Фридриу (ВЕС)	—	25	Западный	апрель 1945 г.— май 1945 г.
Генерал-полковник фон Фал i> кеи хоре Николае	— т	21	Норвегия	апрель 1911 г.— май 1945 г.
Генерал Кублер Людвиг	—	4	Восток	1941—1942 гг.
Фельдмаршал Роммель Эрвин	<i>B</i>	Бронетанко- вая	Запад, Африка	ноябрь 1943 г.— июль 1914 г., де- кабрь 1941 г.— май 1943 г.
Генерал-полковни к Штраус Адольф	—	9	Запад, Вос- ток	май 1940 г.—ян- варь 1942 г.
Генерал фон Типпельскирх Курт	—	1	Запад	октябрь 1914 г.— май 1945 г.

Данные исправления увеличивают общее число личного состава генерального штаба и группы верховного командования до 131, из них 114 | считаются находящимися в живых. |

	Общее число	Находящиеся в живых
Офицеров штаба ОКВ	4	4
окх	6	5
окм	5	5
окл	6	3
Командующих армиями	84	72
» флотом	15	15
» ВВС	11	10

Я, Август Винтер, рожденный 18 января 1897 г. в Мюнхене, прилагаю схему «Военное командование (система подчинения и функции каждого)» и даю следующие показания.

Нижеприведенная схема разграничения задач и сфер деятельности составлена мною верно, соответственно действительности. При этом учтены все изменения, которые были предприняты в течение войны и которые можно было отразить в схеме.

В качестве заместителя начальника штаба оперативного руководства мне известен порядок распределения функций в нем.

п/п Август Винтер

Подписано и заверено под присягой в моем присутствии.

п/п Пауль С. Бургер

капитан 0-451219

Я, Эмма В. Швабенланд, владеющая английским и немецким языками, заверяю, что при снятии вышеприведенных показаний я участвовала в качестве переводчика.

п/п Эмма В. Швабенланд

Теодор Буссе Нюрнберг, 13 июля 1946г.

Генерал пехоты

АФФИДЕВИТ

Я, генерал пехоты Теодор Буссе, рожденный 15 декабря 1897 г., дав соответствующую клятву, показываю следующее.

Прилагаемая схема организации бывшего германского главного штаба вооруженных сил дает правильное отражение существовавшей системы подчинения.

п/п Теодор Буссе

Подписано и заверено под присягой в моем присутствии.

п/п Пауль С. Бургер

Я, Эмма В. Швабенланд, владеющая английским и немецким языками, заверяю, что при снятии вышеприведенных показаний я участвовала в качестве переводчика.

п/п Эмма В. Швабенланд

ДОПРОС б. ФЕЛЬДМАРШАЛА ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ
КЕССЕЛЬРИНГА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 13 марта 1946 г.]*

Джексон¹: Вы сознаете, давая ваши показания, что вследствие привлечения к ответственности верховного командования и генерального штаба в том составе, в каком это определено в обвинительном заключении, вы обвиняетесь как член этой группы?

Кессельринг: Я понимаю.

Джексон: И что вы фактически даете показания как один из подсудимых?

Кессельринг: Я понимаю это.

Джексон: Вы говорили о создании в Германии полицейского государства национал-социалистской партией, и я хочу спросить вас, не является ли фактом то, что полицейское государство опиралось в очень большой степени на два учреждения: во-первых,—на государственную тайную полицию и, во-вторых, — на концентрационные лагеря?

Кессельринг: Опора на полицию для меня является вполне понятным фактом. С моей точки зрения, концентрационные лагеря являются, в конце концов, средством для достижения цели.

Джексон: И оба эти учреждения—тайная полиция и концентрационные лагеря — были учреждены Германом Герингом?

Кессельринг: Гестапо было организовано Германом Герингом. Использовалось ли оно в той же форме Гиммлером, я не знаю.

Джексон: Оставьте ваши лекции для вашего защитника. Отвечайте лишь на мои вопросы. Были ли концентрационные лагеря также созданы Германом Герингом?

Кессельринг: Я этого не знаю.

Джексон: Вы не знаете этого? Одобряли ли вы полицейское государство?

Кессельринг: Я считал это ненормальным для немецких условий, то есть я считал ненормальным, что создалось государство в государстве; в силу этого некоторые вещи оставались скрытыми от общественности.

Джексон: Можете ли вы указать на что-либо, что вы лично сделали публично для того, чтобы предотвратить эти ненормальные условия, которые создавались в Германии?

Кессельринг: Я не помню ничего, кроме того, что я в разговорах с моими начальниками, может быть, когда-нибудь говорил по этому поводу.

Джексон: Вы хотите заставить Трибунал поверить тому, что вы никогда не знали о том, что государством велась кампания по преследованию евреев в Германии? Вы хотите, чтобы мы ваше показание поняли таким образом?

Кессельринг: О преследовании евреев как таковым я ничего не знал.

Джексон: Является ли фактом, что офицеры-евреи были исключены из вашей армии и также из вашего командования?

¹ Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители-

Кессельринг: Евреев-офицеров не было.

Джексон: Не являлось ли фактом, что некоторые офицеры вашей армии, некоторые офицеры военно-воздушных сил предпринимали шаги для того, чтобы доказать, что они арийцы, и таким образом избежать того, чтобы подпасть под действие декретов Геринга? Вы знали об этом?

Кессельринг: Об этом я знал по слухам.

Джексон: И для того, чтобы считаться чистыми арийцами, в тех случаях, когда их отцы подозревались в еврейском происхождении, они старались доказать, что их законный отец не являлся их настоящим отцом?

Кессельринг: Да, это так.

Джексон: Если Гитлер собирался вступить в войну, к которой воздушный флот не был подготовлен, согласно вашей информации о существовавшем положении, то было ли возможным для офицеров военно-воздушных сил сообщить Гитлеру об этом факте?

Кессельринг: Мы питали абсолютное доверие к нашему рейхсмаршалу и знали, что он является единственным лицом, которое оказывало некоторое влияние на Адольфа Гитлера.

Джексон: Затем настало время, когда вы отправились на Восток в качестве командующего — не так ли? Вы отправились в Польшу и затем в Советскую Россию, не так ли?

Кессельринг: Да, в Польшу и Советскую Россию, так точно.

Джексон: Считали ли офицеры, участвовавшие в польской и русской кампаниях, что правила Гаагской конвенции об обращении с военнопленными не должны были применяться в отношении Советской России?

Кессельринг: Это не было мне известно.

Джексон: Вы показали, что военно-воздушный флот был только орудием защиты. Это ваши показания?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: Какова же была военная сила Германии в начале польской кампании в различных типах самолетов?

Кессельринг: Поскольку в последнее время я уже не принадлежал к главному штабу, я могу дать только приблизительные сведения. Я не могу отвечать перед историей за них. У нас было около 3000 боевых самолетов. Насколько я могу вспомнить, всегда было около 30—40 тактических групп бомбардировщиков, такое же количество истребителей и 10 групп пикирующих бомбардировщиков.

Джексон: Назовите количество самолетов в каждой группе.

Кессельринг: Всего 30 самолетов, из которых примерно пять-семь самолетов за день сбивалось.

Для того чтобы продолжить, я должен сказать, что было около 10—12 групп пикирующих бомбардировщиков, включая сюда штурмовики и многоместные истребители. Кроме того, к этому же числу относится примерно такое же количество разведывательных групп и некоторое количество самолетов морской авиации.

Джексон: Таким образом, получается в итоге около 3000 самолетов.

Кессельринг: Я могу назвать эту цифру, так как в эти спокойные месяцы, когда я находился в плену, я производил эти подсчеты. Но мое утверждение не является исторической истиной.

Джексон: Считаете ли вы бомбардировщики оружием защиты или вы считаете их оружием нападения?

Кессельринг: Бомбардировщики так же, как и истребители и пикирующие бомбардировщики, являются оборонительным оружием и в то же время наступательным оружием. Вчера я говорил о том, что, независимо от того, является ли авиация оборонительной или наступательной, общие ее задачи должны разрешаться наступательными действиями. Авиация, которая располагает только легкими самолетами, обречена на уничтожение, так как она не может подавить авиационной промышленности противника, поражать его районы авиационного развертывания и движение на различных участках обширного театра военных действий.

Джексон: Военно-воздушные силы служили как оборонительное оружие при обороне и как оружие наступательное в атаке. Это правильно?

Кессельринг: Можно и так выразиться. Но я бы сказал иначе. Я уже говорил, что авиация по своему существу является наступательным оружием, независимо от того, применяется ли она в обороне или наступлении.

Джексон: Вы были допрошены 28 июня 1945 г. следователем Соединенных Штатов в управлении разведки бомбардировочной авиации дальнего действия? Вы припоминаете это?

Кессельринг: Да, конечно.

Джексон: Я спрашиваю вас—28 июня 1945 г. вы сказали офицеру, который вас допрашивал от имени управления разведки бомбардировочной авиации дальнего действия Соединенных Штатов следующее:

«Все было сделано для того, чтобы сделать германский военно-воздушный флот в отношении его личного летного состава, боевых качеств самолетов, зенитной артиллерии, службы воздушной связи и т. д. наиболее грозным флотом в мире. Это усилие привело к тому факту, что в начале войны или, самое позднее, в 1940 году мы имели исключительно высококачественный флот, даже если не было единой формы стандарта». Вы дали такое показание?

Кессельринг: Этого мнения я придерживаюсь и по сегодняшний день. В отношении материальной части истребителей, пикирующих бомбардировщиков и бомбардировщиков мы действительно находились в преимущественном положении по отношению к другим государствам.

Джексон: Вы участвовали в польской кампании, как вы сказали?

Кессельринг: Да.

Джексон: Является ли фактом, что германские военно-воздушные силы внесли решающий вклад в эту кампанию, что сказалось в количестве времени, которое потребовалось для того, чтобы победить Польшу?

Кессельринг: С точки зрения офицера авиации, я должен, безусловно, подтвердить это мнение. Но офицеры сухопутных войск не полностью разделяли это мнение.

Джексон: Хорошо, сейчас вы высказываете ваше мнение. В этой кампании вы развили технику нападений истребителей, легких бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков на бреющем полете на маршировавшие колонны и тем содействовали успеху в этом наступлении?

Кессельринг: Я должен признать это. Основы техники ведения ближнего боя были впервые заложены в Польше.

Джексон: Сейчас я обращаюсь к французской кампании. Во время французской кампании вы были в военно-воздушных силах, не так ли?

Кессельринг: Да.

Джексон: И военно-воздушные силы внесли решающий вклад в успех этой кампании, не так ли?

Кессельринг: С точки зрения офицера авиации я также должен подтвердить правильность этого мнения.

Джексон: И вы показали, не так ли, что Дюнкерк не был бы такой катастрофой, если бы там не действовал военно-воздушный флот, — это правильно, не так ли?

Кессельринг: Да, с моей точки зрения это было так. Имелись бы еще большие результаты, если бы нашим операциям не мешали бы плохие метеорологические условия.

Джексон: То есть что катастрофа для англичан была бы еще большей, если бы не плохие метеорологические условия? Ваш воздушный флот должен был лучше действовать в Дюнкерке, чем это имело место с вашей точки зрения?

Кессельринг: Примерно, два дня мы были обречены на бездействие.

Джексон: Вы были одним из главных защитников плана вторжения в Англию, не так ли?

Кессельринг: Я лично считаю, что если вообще война с Англией могла окончиться, то этого конца с уверенностью можно было бы достичь только с помощью вторжения.

Джексон: И у вас были достаточные военно-воздушные силы после того, как вы захватили Польшу, захватили Голландию, захватили Францию и захватили Бельгию, для того чтобы вы все еще выступали в защиту плана вторжения в Англию, не так ли?

Кессельринг: Я хотел бы по этому поводу сделать следующее заявление. Позвольте мне сказать...

Джексон: Прежде всего вы должны ответить, правда ли это? Не выступали ли вы в защиту вторжения в Англию, и не был ли воздушный флот готов вторгнуться в Англию?

Кессельринг: Авиация была, при известных условиях, готова выполнить эту задачу, если учесть имевшееся тогда соотношение сил.

Джексон: И вы усиленно рекомендовали рейхсмаршалу, чтобы это вторжение имело место немедленно после Дюнкерка, не так ли?

Кессельринг: Да. Но я на этой точке зрения стоял и позже.

Джексон: И приготовления военно-воздушных сил для этого вторжения были уже закончены, и вторжение было отменено только потому, что производство самолетов военно-морской авиации было еще недостаточным, — это соответствует действительности?

Кессельринг: Да, так точно. Я должен добавить к тому, что я уже сказал, что была предусмотрена оперативная пауза между французским и английским походами для того, чтобы восстановить материальную часть и личный состав авиации.

Джексон: Вы также сказали в управлении разведки бомбардировочной авиации дальнего действия о том, что Гитлер приказал бомбардировать не только военные объекты, включая промышленные предприятия, но также и политические объекты. Это правильно?

Кессельринг: Начиная с определенного периода, — да.

Джексон: То есть для того, чтобы парализовать правительство врага? Это вы имели в виду, говоря о политическом объекте, — не так ли?

Кессельринг: Нет, этого я не имел в виду, когда говорил о полити-

ческих целях. Я иначе ответил на вопрос. Этот приказ начал действовать, начиная лишь с более позднего момента.

Джексон: Вы присутствовали при произнесении Гитлером речи в августе 1939 года?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: В то время вас информировали о том, что нападение на Польшу начнется немедленно или очень скоро?

Кессельринг: Во время совещания не было еще принято окончательного решения о начале польской кампании. Велись еще переговоры, и мы надеялись, что они могут еще привести к благоприятным результатам.

Джексон: Вам было приказано 15 августа привести в готовность военно-воздушный флот для нападения на Польшу?

Кессельринг: Этого приказа я не знаю в деталях, но то, что мы уже за много месяцев до этого в общем оборонительном смысле организовывали подготовку штабов, авиационных баз, мысленно готовились к войне, — это я должен подтвердить.

Джексон: Вы ожидали, что Польша нападет на Германию с воздуха? Вы это хотите сказать?

Кессельринг: Во всяком случае, с этой возможностью мы также считались. Общая политическая обстановка была слишком неясной для того, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу.

Джексон: Вы сказали, что вы никогда не участвовали в совещаниях с руководителями партии, не обсуждали с ними политические вопросы и вообще не вступали в какой-либо контакт с политиками; в основном вы так сказали?

Кессельринг: В основном — да.

Джексон: Не был ли ваш непосредственный начальник политиком № 2 'Германии? Разве вы об этом не знали?

Кессельринг: Я это знал, но я должен категорически заявить, что эти беседы, которые я вел с рейхсмаршалом, на 99 процентов носили военный и организационный характер.

Джексон: Но вам было известно, что он во все времена был одним из руководителей нацистской политики?

Кессельринг: Да.

Джексон: Вы показали, что вам был известен приказ о расстреле советских комиссаров?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: И что вы не одобрили его и что вы не проводили его в жизнь?

Кессельринг: В таком духе я не высказывался.

Джексон: Каков же был ваш ответ?

Кессельринг: Я сказал следующее: «Так как авиация не относилась к наземным войскам, она не участвовала в решении этого вопроса, и что я не помню официального сообщения об этом приказе».

Джексон: Кто приводил в исполнение этот приказ? Кто должен был приводить его в исполнение?

Кессельринг: Я только до ноября 1941 года был в России, и поэтому не могу дать показаний по этому поводу.

Джексон: Слышали ли вы когда-нибудь об СС?

¹ Здесь имеется в виду Геринг. — Составители.

Кессельринг: Да, безусловно.

Джексон: Не является ли фактом, что выполнение этого приказа было поручено СС?

Кессельринг: Об этом я ничего не знал.

Джексон: Как вы думаете, для чего существовало СС?

Кессельринг: Насколько я знаю, поскольку СС участвовали в проведении военных операций, они являлись частью сухопутных сил, а именно — гвардией сухопутных сил.

Джексон: СС должно было охранять армию или еще кого-либо?

Кессельринг: Нет, я имею в виду, что дивизии СС по их численному составу и материальной части значительно превосходили дивизии сухопутных сил.

Джексон: Кто был начальником СС?

Кессельринг: Гиммлер был начальником СС. В тех случаях, когда эти дивизии находились в составе армий, они в тактическом отношении подчинялись командованию армии, корпуса и т. д.

Джексон: Поскольку они имели особые задачи, они подчинялись Гиммлеру, — это правильно?

Кессельринг: Так точно. Это четкая вторая линия подчинения.

*Файф*¹: Вам сообщили, почему д-р Штамер² хотел, чтобы вы дали показания? Говорил ли вам д-р Штамер, по каким вопросам вы должны были дать показания?

Кессельринг: Отдельные пункты мне были сообщены без того, чтобы все вопросы были мне ясно истолкованы.

Файф: Я хочу зачитать вам одну фразу с тем, чтобы вы имели ее в виду. Эта фраза из заявления доктора Штамера: «Когда Роттердам в мае 1940 года стал районом боевых действий, тогда использование бомбардировщиков стало военной необходимостью, поскольку окруженные парашютные войска, которые не имели поддержки артиллерии, настойчиво просили о помощи бомбардировщиков». Вы помните этот случай? Я хочу, чтобы вы имели его в виду.

Кессельринг: Да.

Файф: Вы помните, что вас спрашивали об этом случае во время допроса 28 января в управлении стратегической разведки бомбардировочной авиации дальнего действия Соединенных Штатов? Вы помните это?

Кессельринг: Так точно.

Файф: Ответили ли вы на вопрос, что вы можете сказать о Роттердаме следующее: «Во-первых, Роттердам оборонялся в тех частях его, которые впоследствии подверглись нападению. Во-вторых, в этом случае можно было заметить, что нужно было проявить решительность. Это одно нападение немедленно принесло мир Голландии. О нем просил

¹ Представитель обвинения от Великобритании. — Составители.

² Защитник подсудимого Геринга. — Составители.

Иодль, и оно было одобрено верховным командованием вооруженных сил. Лишь очень маленькая часть центра Роттердама подверглась нападению?» *

Вы помните, что вы сказали это?

Кессельринг: Я сказал приблизительно так.

Файф: Я прежде всего хочу рассмотреть стратегическую сторону вопроса. Тактической стороны я коснусь позднее. Вашей стратегической целью и подлинной задачей было проявить решительность и обеспечить немедленный мир, — это правильно?

Кессельринг: Такая широкая задача не была поставлена передо мной. Насколько мне было сообщено генералом Веннигером, результат этого нападения был тот, что Голландия согласилась на полную капитуляцию. *

Файф: Я хочу, чтобы вы подумали о ваших собственных словах: «это было одобрено верховным командованием вооруженных сил, нужно было проявить решительность». Разве вашей целью в этом нападении не было обеспечить себе стратегическое преимущество, терроризировав жителей Роттердама?

Кессельринг: Это я должен отрицать с совершенно чистой совестью. Я не говорил, что я должен занять твердую позицию, а я только сказал, что поддержка, которая была затребована генералом Штудентом, должна была быть оказана. У меня была только одна задача, а именно задача артиллерийской поддержки войск Штудента.

Файф: Что вы хотели сказать словами: «Нужно было проявить решительность?», — если вы не хотели сказать, что народ Голландии путем террора должен был быть принужден к миру?

Кессельринг: Разрешите мне повторить еще раз, что понятие «твердой позиции» противоречит всему моему служебному лексикону. Я не могу вспомнить этих слов в записи, да она и не была мне зачитана.

Файф: Как вы думаете, что же вы сказали вместо слова «решительность», если вы не употребили его?

Кессельринг: Я сказал, что суровые меры ведут к быстрейшему достижению успеха.

Файф: Именно так я ставлю перед вами этот вопрос, свидетель, — «суровые меры»...

Кессельринг: Но только в целях тактических успехов. Разрешите мне еще раз подчеркнуть, что я солдат, а не политик, и я не действовал как политик. В тот момент я действовал соответственно требованиям генерала Штудента.

Файф: До того как я перейду к тактическим вопросам, я прошу вас ответить, приходилось ли вам вообще работать с подсудимым Редером? Вообще, вы должны были работать с Редером?

Кессельринг: Гросс-адмиралом Редером?

Да, но лишь в вопросах большого масштаба, в той мере, в какой приходилось обсуждать морские вопросы.

Файф: Я хочу только, чтобы вы выслушали изложение тех взглядов, которые высказывал подсудимый Редер, и сказали бы Трибуналу, согласны ли вы с ними. Этот документ, предъявляемый Великобританией под № ВВ-274, документ Ц-157, изложенный в стенограмме суда на стр. 2735. А сейчас, будьте любезны, слушайте внимательно.

«Желательно основывать все принимаемые военные меры на

соответствующем международном праве. Однако те меры, которые считаются необходимыми с военной точки зрения, обеспечивающими решающий успех, должны приниматься даже в тех случаях, если они не предусмотрены соответствующим международным правом».

Вы согласны с этим?

Кессельринг: Я не могу сказать, чтобы я был полностью согласен.

Файф: Хорошо, на минуту обратимся к словам подсудимого Редера. Вы согласны с ними?

Кессельринг: Нет.

Файф: Я перехожу к тактическому положению в Роттердаме.

Я хочу, чтобы вы вспомнили о времени; известно ли вам, в какое время дня началась бомбардировка Роттердама?

* *Кессельринг:* Насколько я знаю, после полудня, около 14 часов.

Файф: Я намеревался назвать вам время— 13.30.

Кессельринг: Очень возможно.

Файф: Известно ли вам, что переговоры о капитуляции начались с 10.30 утра?

Кессельринг: Нет, как я уже сказал вчера, об этом я ничего не знаю.

Файф: Известно ли вам, что в 12.15 голландский офицер капитан Беккер направился к германской линии, увидел генерала Шмидта и генерала Штудента и что генерал Шмидт написал предложенные пункты капитуляции в 12.35?

Кессельринг: Нет. Мне это неизвестно.

Файф: Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Нет, никогда ничего не сообщали, по крайней мере, **я не** помню об этом.

Файф: Видите ли, свидетель, это произошло за 55 минут до начала бомбардировки.

Кессельринг: Самое существенное то, что генерал Штудент отказался от этой атаки. Но она все-таки произошла. Этот отказ от атаки не дошел до меня, так же как и до соединения.

Файф: Я хочу только, чтобы вы вспомнили о некоторых фактах, и затем я задам вам ряд вопросов. Для ответа на условия, которые обсуждались, был дан срок. Ответ должен был поступить в 16.20. После того как капитан Беккер уехал в 13.22, увозя с собой условия капитуляции, в 13.25 германскими сухопутными войсками под командованием генерала Штудента были выпущены две красные ракеты. Вы когда-нибудь слышали об этом?

Кессельринг: Об этих фактах я тоже ничего не слышал. Двух красных ракет было бы недостаточно для этой цели.

Файф: Правильно. Но в дополнение к этому ваши сухопутные войска имели великолепную радиосвязь с вашими самолетами, — не так ли? Вы ответите на мой вопрос?

Кессельринг: Вчера я уже заявил...

Файф: Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

Кессельринг: Да и нет. Насколько я знаю, непосредственной связи между наземной базой и самолетами не было. Как я уже показал вчера, связь между командным пунктом и авиационным соединением осуществлялась через наземную базу.

Файф: Если нужно было бы передать сообщение воздушному флоту

и прекратить бомбардировку, это легко могло быть сделано по радио, не пуская этих двух красных ракет?

Итак, я заявляю вам, что все видели приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете, это? Генерал Штудент видел приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете это, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Если бы этот налет имел какое-либо тактическое значение в деле оказания помощи вашим войскам, он мог бы быть отменен, — не так ли?

Кессельринг: Я не понял последнего предложения.

Файф: Если бы цель этого нападения была только тактической, то есть оказание помощи в наступлении на Роттердам, оно могло легко быть отменено распоряжением генерала Штудента по радио самолетам, — не так ли?

Кессельринг: Да. Если бы было известно тактическое положение или если бы о нем было сообщено авиационному соединению, то не могло быть никакого сомнения.

Файф: Но если при честных переговорах противнику передали условия капитуляции, срок которых должен был истечь через три часа, солдат просто обязан отменить наступление, — не так ли?

Кессельринг: Если не были достигнуты другие соглашения, да.

Файф: Но если он может приостановить наступление, то ведь это легче всего на свете сделать. Я хочу, чтобы вы совершенно ясно поняли мою мысль: цель налета на Роттердам, говоря вашими собственными словами, состояла в том, чтобы продемонстрировать решительность и терроризировать голландцев с тем, чтобы вынудить их к капитуляции?

Кессельринг: Разрешите мне еще раз повторить то, что я уже сказал. Этот налет произошел по чисто тактическим соображениям, и я категорически отрицаю всякие политические мотивы.

Файф: Знаете ли вы, что генерал Штудент после этого извинялся за этот налет — вам известно это? И извинялся перед голландским командующим за этот налет?

Кессельринг: Я этого не знаю. Как я вам объяснил, генерал Штудент был тяжело ранен, и я не мог с ним даже говорить.

Файф: Я не намереваюсь занимать больше времени этим вопросом. Я поставил его, надеюсь, совершенно ясно. Я хочу задать вам один вопрос по другому пункту. Вы сказали, что налет на Варшаву 1 сентября 1939 г. имел место потому, что вы считали Варшаву вооруженной крепостью, имеющей противоздушную оборону, — это правильно?

Кессельринг: Да, конечно.

Файф: Но вам известно, что в то же самое время, в 5 часов утра в пятницу 1 сентября, германские воздушные силы совершили нападение на Августов, Новый Двор, Остров Мазовецкий, Гчев, Пук, Замбров, Радомско, Тори, Кутно, Тунель, Краков, Гродно, Трзебинц и Гдыню, которые находились в несколько ином положении. Ответьте на мой вопрос: германские воздушные силы напали на эти города?

Кессельринг: Немецкие военно-воздушные силы атаковали эти пункты, но, я повторяю, — не города.

Файф: Все эти атаки имели место 1 сентября, в 5 часов утра, — не так ли?

Кессельринг: Налеты произошли утром, но атака была произведена

не на города, как вы сказали, господин главный обвинитель, а на военные объекты: аэродромы, штабы и транспортные сооружения. Как я вчера объяснил, со стороны ОКВ были даны подробные распоряжения о том, что должны производиться атаки только на военные объекты.

Файф: Вы утверждаете, что все эти города, названия которых я только что зачитал, являлись военными объектами?

Кессельринг: Насколько мне известно — да.

Файф: У вас не было времени послать хотя бы один самолет — разведчик в Польшу перед тем, как имело место это нападение, — не так ли?

Кессельринг: Это верно. С другой стороны, от агентов было получено достаточное количество сведений о положении, и, кроме того, весь этот план был составлен по оперативным соображениям руководства военно-воздушных сил.

Файф: Конечно, весь план был разработан в апреле 1939 года под кодовым названием «Белый план» (план «Вейс») — не так ли?

Кессельринг: В тот момент я еще ничего не знал о том, что я получу назначение и что будет война.

Файф: Разве вы не знали, свидетель, после того, как вы получили назначение, что «Белый план» (план «Вейс») был разработан в апреле 1939 года? Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Этого никогда не говорили, но, с другой стороны, я как солдат могу сказать следующее: общий план, который был разработан в апреле, претерпел очень много изменений до сентября, и в последний момент были предприняты самые решающие изменения.

Файф: Еще один момент, который я хочу вам напомнить. Помните ли вы, что немецкое радио передало последнюю ноту Польше в 9 часов вечера—вечер перед началом войны—31 августа. Вы помните об этом?

Кессельринг: Я думаю, что да.

Файф: Это было за восемь часов до начала вашего нападения, и вам известно, не так ли, что подсудимый Геринг был в своем тайном штабе за неделю до этого и занимался там этим вопросом?

Кессельринг: Я могу представить, что это было именно так.

Файф: Я заявляю вам, что это общее нападение на польские города опять-таки входило в тщательно запланированную схему, целью которой было подвергнуть испытанию и сломить национальное сопротивление вашему наступлению.

Кессельринг: Я повторяю, что речь шла не об атаках на города, а об атаках на военные объекты, вы мне должны, в конце концов, верить как старому солдату.

Файф: Трибунал сам даст оценку вашим показаниям. Я не намереваюсь заниматься обсуждением этого. Я хочу только спросить вас еще по одному—двум пунктам для того, чтобы выяснить вашу точку зрения по поводу того, что вы считаете военной необходимостью. Вы помните приказы о партизанах в Италии, изданные в то время, когда вы были там командующим, — приказы, касавшиеся партизан?

Кессельринг: Конечно.

Файф: Я хочу изложить это совершенно точно, если я ошибусь, — укажите мне. Я понимаю положение следующим образом: подсудимый Кейтель издал общий приказ, касавшийся партизан, 16 декабря 1942 г. Копия этого приказа была найдена в вашем штабе, или в вашем быв-

шем штабе, и, насколько вы помните, он был вам представлен впоследствии, но вы не уверены в точности даты. Это правильно? Вы не совсем уверены в дате?

Кессельринг: Да.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы попытались вспомнить, потому что у вас было время подумать об этом: думаете ли вы, что приказ Кейтеля от декабря 1942 года поступил к вам до того, как вы издали ваш собственный приказ от 17 июня 1944 г.? Может быть, вы хотите посмотреть на ваш собственный приказ?

Кессельринг: Он мне был однажды зачитан. В ноябре, а затем в декабре и январе я просил о том, чтобы меня еще раз выслушали по поводу этого приказа, так как я имел возражения против его издания, а также против расчета рассылки, то есть адресатов, а также против времени.

Файф: Я сейчас передам вам эти приказы, так как вам следует посмотреть на них для того, чтобы освежить их в своей памяти. Сначала обратимся к приказу Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Я надеюсь, что я передал вам тот самый документ? Я зачитаю его очень медленно.

«Поэтому фюрер приказал следующее.

Враг использует в партизанской войне обученных фанатиков — коммунистов, которые не останавливаются перед совершением любых жестокостей. Это более, чем когда-либо, является вопросом жизни и смерти. Эта борьба не имеет ничего общего с честью солдата и с принципами Женевской конвенции. Если борьба против партизан на Востоке так же, как и на Балканах, не будет вестись самыми жестокими средствами, то мы скоро придем к такому положению, что имеющихся у нас войск будет недостаточно для осуществления контроля над этой территорией.

Поэтому использование всех средств без всякого ограничения, даже против женщин и детей, поскольку эти средства обеспечивают нам успех, не только оправдывается, но даже является долгом войск. Всякое снисхождение по отношению к партизанам является преступлением против германского народа».

Вы помните этот приказ?

Кессельринг: Да.

Файф: И вы, в свою очередь, издали приказ 17 июня 1944 г., когда вы были командующим в Италии? Вы помните это? Я вам покажу его сейчас, если я смогу получить экземпляр этого документа на немецком языке из этой папки.

Я зачитаю снова краткую выдержку из этого приказа для того, чтобы Трибунал вспомнил об этом, но, пожалуйста, свидетели, ссылайтесь на любые другие выдержки, так как я не хочу дать одностороннее освещение этого приказа.

«I. Положение с партизанской активностью на итальянском театре военных действий, в особенности в Центральной Италии, за последнее время ухудшилось до такой степени, что оно представляет серьезную угрозу для сражающихся войск и их коммуникационных линий, а также для военной промышленности и экономического потенциала. Борьба против партизан должна проводиться всеми доступными нам средствами и с крайней жестокостью. Я буду защищать любого командира, который перейдет границы нашей обычной сдержанности, выбирая жестокие методы в отношении партизан. В этом отношении оправдывает себя старый

принцип, лучше ошибиться в выборе методов, выполняя приказ, чем уклониться от его выполнения или не суметь выполнить его».

Вы помните это, свидетель?

Кессельринг: Да, я помню об этом приказе.

Файф: И вы помните, что через три дня, я говорю это для того, чтобы не было ошибки в отношении того, что именно вы имели в виду, вы издали следующий приказ, опять «совершенно секретный», который гласит:

«Долгом всех войск и полиции под моим командованием является принятие самых суровых мер. За всякий акт насилия, совершенный партизанами, они должны немедленно быть наказаны. В представленных докладах должны быть изложены в деталях принятые контрмеры. Всюду, где есть данные о наличии большого количества партизанских групп, будет арестовано соразмерное количество мужского населения данного района, и в случае акта насилия, совершенного партизанами, эти люди будут расстреляны».

Сейчас я хочу привести только два примера, свидетель, доказывающие, что этот приказ выполнялся. Вы помните, когда один из ваших офицеров, полковник фон Кобленц, был захвачен партизанами? Вы помните это?

Кессельринг: Генерал фон Кобленц?

Файф: Мне кажется, он был в то время полковником; это было 26 июня, как раз после издания вашего приказа. Вы помните, как полковник фон Кобленц был захвачен в плен?

Кессельринг: Нет.

Файф: Он был полковником транспортной службы; не очень видный офицер, но все-таки полковник.

Кессельринг: Да, я помню.

Файф: Сейчас посмотрите на эти два документа. Это выдержка из ежедневного доклада об общем положении командующего Юго-Западной частью Италии, датированного 26 июня.

«Положение с партизанами. К Северу от Ареццо полковник фон Кобленц из штаба старшего офицера транспортной службы 10 армии был; взят в плен бандитами. Все мужское население деревень, расположенных вдоль этой дороги, было взято под стражу». Далее было объявлено, что все эти заложники будут расстреляны, если взятый в плен полковник не будет освобожден в течение 48 часов. Вы вспоминаете это?

Кессельринг: Не в деталях, но в общем помню.

Файф: Помните ли вы об этом случае?

Кессельринг: Да.

Файф: Посмотрите на следующий абзац. Это двухдневный доклад об общем положении, доклад о следующих двух днях от 28 июня; второй абзац гласит: «В качестве репрессалии за взятие в плен полковника барона фон Кобленц до настоящего времени было взято под стражу 560 человек, в том числе 250 мужчин». Вы именно так понимаете значение выражения: «Шаги, которые необходимо принять в связи с партизанской войной», а-именно то, что 310 женщин и детей должны были быть взяты под стражу?

Кессельринг: Это было необходимо, но разрешите мне в этой связи перейти...

Файф: Разрешите привести вам еще один пример. Вы помните Чивителло? Вы помните, что сделали ваши войска с Чивителло?

Кессельринг: В настоящий момент не помню.

Файф: Разрешите мне вам напомнить, что было сделано с Чивителло,—это было 18 июня, через день после издания вашего приказа.

«Два немецких солдата были убиты, а третий был ранен в сражении с партизанами в деревне Чивителло. Боясь репрессалий, жители этой деревни эвакуировались, но когда немцы узнали об этом, они отложили карательные действия. 29 июня,—я напоминаю вам, свидетель, что это было через девять дней после вашего заявления, подкреплявшего ваш приказ, — когда местные жители вернулись в деревню и почувствовали себя вновь в безопасности, немцы провели тщательно организованные репрессалии, прочесав окрестности. Мирных жителей часто расстреливали на месте. В течение этого дня было убито 212 мужчин, женщин и детей в ближайших окрестностях этой деревни. Некоторые из убитых были найдены совершенно нагими. Во время расследования был составлен полный именной список убитых, в него не были включены несколько имен людей, чьи тела не могли быть опознаны. Возраст убитых варьируется от 1 года до 84 лет. Приблизительно сто домов было сожжено. Некоторые жертвы были сожжены живыми в своих домах».

Это отчет комиссии объединенных наций по расследованию военных преступлений по поводу этого случая. Итак, свидетель, вы действительно думаете, что военной необходимостью является убийство детей в возрасте 1 года и стариков в возрасте 84 лет?

Кессельринг: Нет.

Файф: Сейчас я хочу затронуть вопрос, который вы уже затрагивали, — это вопрос о положении дивизии «Герман Геринг». Вы упомянули об одном лице, которое я имею в виду, но разрешите мне, для того чтобы это было ясно Трибуналу, выяснить, кто были ваши офицеры в то время? Скажите, генерал Фитингоф командовал 10-й армией?

Кессельринг: Да.

Файф: В 1944 году?

Кессельринг: Да.

Файф: Он находился непосредственно под вашим командованием?

Кессельринг: Да, он был подчинен мне непосредственно.

Файф: В таком случае, я позволю себе считать, что он был генералом, занимавшим весьма высокий и ответственный пост? Я не знаю его ранга, генерал...

Кессельринг: Генерал-полковник.

Файф: Под его командованием находился 76-й корпус генерала Герра? Это правильно?

Кессельринг: Это верно.

Файф: И под командованием генерала Герра находилась дивизия «Герман Геринг», которой командовал генерал Шмальц, это правильно?

Кессельринг: Да, генерал Шмальц был командиром.

Файф: Я полагаю, в то время там был генерал Шмальц. Итак, дивизия «Герман Геринг» участвовала в большом количестве этих—я назову их — инцидентов. Я называю инцидентами случаи, подобные тому, который я описал, говоря о Чивителло. Я напоминаю вам об одном или двух таких случаях. Помните ли вы, что в Стиа с 13 по 18 апреля было убито 137 гражданских лиц, в том числе 45 женщин и детей, вы помните

этот инцидент? Чивителло — это было 29 июня. И помните ли вы Бучини 7 и 9 июля? Вы помните инцидент в Бучини?

Кессельринг: Возможно, но сначала я должен бы был вспомнить подробности.

Файф: Может быть, вы вспомните об этом. Я ставлю перед вами этот вопрос в общем плане потому, что это общая линия поведения. И имело место много таких инцидентов, в которых участвовала дивизия «Герман Геринг». Вы помните об этом?

Кессельринг: Подобных случаев было очень много с той и с другой стороны, так что я должен в каждом отдельном случае точно изучить дело.

Файф: Вы понимаете, что в настоящий момент Трибунал рассматривает дело подсудимого Геринга, поэтому я и задаю вам эти вопросы.

Что касается лиц, названных в Обвинительном заключении, то вы знаете, что там названо девять постов главнокомандующих, или штабных постов, и затем главнокомандующие, которые командовали на некоторых территориях или некоторыми флотами военно-воздушных сил. Я полагаю, — вы знакомы с Обвинительным заключением, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Я стараюсь изложить это коротко для того, чтобы не отнимать времени у Трибунала. Я хочу, чтобы вы высказали свое мнение по следующему вопросу: являются ли эти поименованные лица, возглавлявшие верховное командование вооруженными силами (ОКВ), верховное командование воздушным флотом (ОКЛ), верховное командование сухопутными силами (ОКХ) и верховное командование военно-морским флотом, и их заместители и главнокомандующие офицерами германских вооруженных сил, которые имели самое большое отношение к политике и к планированию войн?

Кессельринг: Главнокомандующие частями вооруженных сил были, само собой разумеется, совещательным органом главы государства во всех военно-политических вопросах. Командующие фронтами и т. д. не имели никакого влияния.

Файф: Я хочу, чтобы вы рассмотрели здесь два примера. До нападения на Польшу, 22 августа имело место совещание, о котором ранее здесь упоминалось. Присутствовали ли на нем те высшие офицеры, о которых я упоминал, начальники различных соединений вооруженных сил, а также главнокомандующие?

Кессельринг: Руководящие офицеры на этом театре военных действий?

Файф: Да, в это время объектом войны была Польша. Поэтому главной задачей в это время являлось рассмотрение вопроса о польской кампании — не так ли? Главной задачей этого совещания было, повидимому, рассмотрение вопроса о польской кампании при учете возможной кампании против западных держав, если они вступят в войну?

Кессельринг: Об этом я не могу дать сведений.

Файф: Трибунал уже слышал об этом совещании так часто, что я не намереваюсь вас снова спрашивать о нем. Я хочу только, чтобы вы назвали тех, которые там присутствовали. Разрешите напомнить вам о другом совещании. 9 июня 1941 г. имело место совещание, где обсуждался план нападения на Советский Союз — план «Барбаросса». Вы помните об этом?

Кессельринг: Я не знаю о совещании 9 июня. Но на одном совещании я присутствовал.

Файф: Вы присутствовали там, и опять-таки до начала русской кампании. Люди, которые присутствовали на этом совещании, являлись лицами, занимавшими самые высокие военные посты, и главнокомандующими — не так ли?

Кессельринг: Да, это верно.

Файф: Включая тех, кто управлял определенными территориями, как, например, генерал фон Фалькенхорст, главнокомандующий армией в Норвегии в это время? Он присутствовал там?

Кессельринг: Генерал фон Фалькенхорст?

Файф: Да.

Кессельринг: Не могу вам сказать, вполне возможно, но я не помню этого.

Файф: Там присутствовали: генерал Штумпф, командовавший 5-м воздушным флотом, и, поскольку я не знаю их рангов, я позволю себе называть их по фамилии — Рундштедт, Рейхенау, Штюльпнагель, Шо-•берт, Клейст и, конечно, Бок, Клюге, Гудериан, Гальдер, Кессельринг?

Кессельринг: Последние были там определенно. О фон Штумпфе и Фалькенхорсте я не могу сказать ничего.

Файф: Таким образом, перед началом кампании обычно командующие, занимавшие эти высокие посты, встречались с фюрером, не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Обратите внимание на факты, имевшие место после сообщения о заговоре в Риме 23 мая 1944 г., заключавшемся в подготовке взрыва бомбы. Генерал фон Буттлер информировал вашего начальника штаба о том, что он обязан доложить об этом фюреру? Не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Он связался с подсудимым Иодлем, и подсудимые Кейтель и Иодль донесли об этом деле фюреру?

Кессельринг: Да, это, очевидно, было так.

Файф: И фюрер дал приказ о том, чтобы 10 или 20 итальянцев было убито. Вы, кажется, не совсем уверены в цифре, но склонны думать, что их было 20?

Кессельринг: Я думаю, что это сообщение фон Вестфаля, которое я должен принять как правильное.

Файф: Можете ли вы вспомнить, свидетель, шла ли речь о 10 или 20 итальянцах?

Кессельринг: Я предполагаю о 10. Я не знаю этого точно.

Файф: Точная цифра вам известна?

Кессельринг: Я предполагаю — 10.

Файф: Допустим сейчас, что речь шла о 10.

Генерал Макензен был представителем власти в Риме, не так ли?

Кессельринг: Генерал-полковник фон Макензен командовал 14-й армией; комендант Рима был подчинен ему.

Файф: А лицом, которое, употребляя ваши собственные выражения, являлось его советником по этому вопросу, был человек по имени Каплер, не так ли?

Кессельринг: Каплер из службы безопасности.

Файф: Кем он был — обергруппенфюрером или чем-нибудь в этом роде?

Кессельринг: Оберштурмбаннфюрером.

Файф: Вы помните, что после появления каких-то комментариев по этому поводу в газете «Оссерваторе Романо» вы через своего офицера разведки направили соответствующий запрос? Фамилия этого офицера была Целлинг, не так ли?

Кессельринг: Да, это так.

Файф: И вы также получили об этом отчет от Каплера лично, не так ли?

Кессельринг: Каплер мне по телефону кратко сообщил, что он имеет соответствующее количество осужденных.

Файф: Не говорил ли вам Каплер о том, что он казнил 382 человека?

Кессельринг: Это должно было быть выполнено 14-й армией, и я лишь узнал о результате без каких-либо пояснений и не разговаривал по этому поводу непосредственно с Каплером.

Файф: Вы в этом уверены?

Кессельринг: Я подчеркиваю еще раз: я имел с Каплером краткий телефонный разговор после того, как прибыл на свой командный пункт, и мне было сообщено то, о чем я уже здесь сказал. Больше не помню никаких дальнейших разговоров. Я помню только, что, встретившись с ним через восемь или десять дней, я сказал ему, что я ему до некоторой степени благодарен за то, что этот крайне неприятный вопрос удалось разрешить без нарушения правовых и моральных норм.

Файф: Посмотрим, за что вы, собственно, должны были быть благодарны. Вы были допрошены об этом 8 января. Вы помните о заданном вам следующем вопросе:

«Не говорил ли вам Целлинг, что все те люди, которые были казнены, прежде обвинялись в каких-то преступлениях, наказуемых смертной казнью». Вы ответили на это: «Да, я об этом уже говорил, так и было сделано. Даже Каплер рассказал мне об этом».

Кессельринг: Да, это правильно.

Файф: Таким образом, вам, по вашим словам, объяснили, что было взято, предположим, 382 человека, которые были виновны в других преступлениях, и казнили их в качестве репрессии за заговор, заключающийся в подготовке взрыва бомбы. Не так ли?

Кессельринг: Да, это правильно, если учесть, что эти люди уже предварительно были приговорены к смертной казни.

Файф: Как вам уже указывалось, в этом отчете Каплера говорится, что из 382 человек 176 совершили действия, которые должны были наказываться смертью, но дела 22 из них были отнесены к числу «прекращенных» дел, о чем имелась соответствующая пометка, 17 были приговорены к разным срокам трудовых работ, 4 были действительно приговорены к смерти, четверо были арестованы возле места совершения преступления. В целом это составляет 223 человека.

Не говорил вам Каплер: «Впоследствии число жертв возросло до 325 человек, а затем я решил добавить еще 57 евреев». Приводил ли вам Каплер эти цифры?

Кессельринг: Нет.

Файф: Но вы согласитесь с тем, свидетель, что большое число этих лиц было казнено в результате приказа о казни 10 итальянцев или, может быть, 20 итальянцев за каждого убитого немца?

Кессельринг: Это я признаю, но с учетом, как я уже говорил, того, что речь здесь идет о людях, ранее осужденных.

Файф: Но ведь для вас не составляло разницы, осуждались ли они за участие в подготовке взрыва бомбы или за какие-либо другие преступления?

Кессельринг: Г-н генеральный прокурор, ситуация была следующей: партизанская борьба на Южном фронте началась с большим ожесточением. В это время были брошены бомбы в полицейскую роту, причем это было сделано римскими кругами, с которыми до сего времени обращались неслыханно мягко. Волнение среди немцев было таким, что как я, так и подчиненные мне командиры, в том числе посол Мюллергаузен, должны были сделать все для того, чтобы заглушить это волнение. Это — с одной стороны, а с другой — нужно было сделать что-либо такое, что я счел бы наиболее целесообразным для избежания в дальнейшем подобных случаев, а именно, нужно было заклеить публично это покушение, показать, что германской армии не может быть нанесен какой-либо ущерб без последствий. Именно это было для меня важно. А участвовал ли в этом Х. и У., для меня было второстепенным вопросом. Первостепенным же был только вопрос об успокоении общественного мнения, как римского, так и немецкого, причем в самый кратчайший срок.

Файф: Вы прежде говорили, что нужно было принимать меры «третьей степени» или, как правильнее было бы выразиться, терроризировать население для того, чтобы оно не повторяло и не предпринимало актов, направленных против немецкой армии?

Кессельринг: Я такого выражения не употреблял. Я должен повторить, что я находился, если можно так сказать, прямо-таки в идеальных дружественных отношениях с итальянцами, поэтому я и был послан в Италию, и у меня были все основания завоевывать симпатии, а не сеять вражду. Я вмешивался в это дело и при том вмешивался так решительно потому, что надо было уничтожить в кратчайший срок эту бациллу чумы.

Файф: Я сегодня утром задал несколько вопросов по поводу вашей «дружбы» с итальянцами и не собираюсь возвращаться к этому. Я лишь хочу, чтобы вы мне помогли разобраться еще в одном вопросе. 2 ноября 1943 г. вы были генералом, командующим в Италии, то есть после того, как вы стали...

Кессельринг: Можно мне еще добавить по первому пункту?

Файф: Переходите к заданному мною вопросу. Я хочу, чтобы вы сказали, были ли вы генералом, командующим в Италии, 2 ноября 1943 г. Вы были им?

Кессельринг: С ноября, со 2 ноября 1943 г.

Файф: Вы помните, что вы послали телеграмму в ОКВ по поводу того, что три британских «командоса» были захвачены в плен около Пескаре и что они должны были быть подвергнуты «специальному обращению»?

Это «специальное обращение» означает убийство, оно означает, что они были убиты СС?

Кессельринг: Нет, извините...

Файф: Что вы имеете в виду под «специальным обращением»?

Кессельринг: Эти люди у Пескаре, как я уже сказал сегодня, не

были расстреляны, они сначала попали в лазарет, а те, которые не были ранены, насколько я помню, были отосланы в лагерь для военнопленных.

Файф: Там было еще девять человек, которые были отправлены в госпиталь, а трое, судя по вашей телеграмме, были подвергнуты «специальному обращению». Я хотел вас спросить относительно тех, которые были отправлены в госпиталь. Что вы делали с людьми, которые охватывались приказом о «командос» и попадали в госпиталь?

Кессельринг: Как я уже сказал, с ними обращались по общим правилам, установленным Гаагской конвенцией.

Файф: Я не собираюсь спорить с вами о том, были ли приказы о «командос» изданы в соответствии с Гаагской конвенцией. Нам известно, что приказ о «командос» существовал и что по этому приказу расстреливались люди, которые были захвачены как «командос». Я спрашиваю вас о том, что делали с людьми из состава «командос», которые имели несчастье получить ранение?

Кессельринг: Я хотел бы ответить. На основании этого приказа они должны были быть расстреляны. Я уже сказал, что в данном случае этот приказ, как я предполагаю, ввиду вмешательства генерал-полковника Иодля был выполнен.

Файф: Мы слышали здесь показания о том, что в Вильно СС имели обыкновение убивать в госпиталях новорожденных еврейских младенцев немедленно после их появления на свет. Можете ли вы нам ручаться в том, что бойцы «командос», которые были ранены и находились в госпитале, не умерщвлялись сразу после их поступления в госпиталь?

Кессельринг: Я утверждаю, что я ничего не знал о подобной экзекуции.

ДОПРОС б. ФЕЛЬДМАРШАЛА ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ МАНШТЕЙНА

*{Из стенограммы Международного Военного Трибунала
от 10 августа 1946 г.}*

*Тейлор*¹: После того как вы оставили штаб ОКХ, вы стали командиром дивизии?

Манштейн: Да.

Тэйлор: И вы были командиром дивизии во время оккупации Судетской области, не правда ли?

Манштейн: Да, я занимал тогда должность командира дивизии. Во время оккупации Судетской области я временно был начальником штаба одной армии, которая входила в Судетскую область из Баварии.

Тэйлор: И вы все еще были командиром дивизии, когда была оккупирована остальная часть Чехословакии?

Манштейн: Так точно.

Тэйлор: И вы продолжали оставаться командиром дивизии, когда составлялись планы нападения на Польшу?

¹ Представитель обвинения от США.

Манштейн: Да.

Тэйлор: Где находилась ваша дивизия?

Манштейн: Моя дивизия находилась в Нижней Силезии. Штаб дивизии находился в Лидице.

Тэйлор: Таким образом, вы лично не были причастны к разработке планов ОКХ, начиная с февраля 1938 года и до начала войны?

Манштейн: Нет. Видите ли, я служил в ОКХ только во время оккупации Австрии, так как я должен был некоторое время задержаться в ОКХ, чтобы передать дела моему преемнику генералу Гальдеру.

Тэйлор: Вы участвовали в войне с Советским Союзом с самого начала, с июня 1941 года, не правда ли?

Манштейн: Да.

Тэйлор: Действительно ли вы приняли командование 11-й германской армией после смерти генерала фон Шуберта?

Манштейн: Да.

Тэйлор: Это было, примерно, в середине сентября 1941 года?

Манштейн: Да. Насколько я помню, я принял на себя командование этой армией 21 или 22 сентября.

Тэйлор: В течение 1941 и в первой половине 1942 года 11-я армия, которой вы командовали, действовала на самом южном участке фронта, не так ли?

Манштейн: Да.

Тэйлор: В районе к северу от Черного моря?

Манштейн: Да.

Тэйлор: И 11-я армия захватила Николаев как раз до того, как вы приняли на себя командование ею.

Манштейн: Да?

Тэйлор: И ваш штаб, когда вы приняли командование, размещался в Николаеве?

Манштейн: Да.

Тэйлор: Соответствуют ли действительности данные вами показания в отношении того, что у Гитлера были весьма определенные идеи о методах, которыми будет вестись война на Восточном фронте?

Манштейн: Да.

Тэйлор: Гитлер считал, что оккупированные русские территории лучше всего могли быть покорены и умиротворены путем широкого применения террора по всей территории, не так ли?

Манштейн: Это мне в то время не было ясно. Это мне стало ясно лишь теперь, в ходе процесса.

Тэйлор: А разве вы не получали приказа от ОКВ относительно применения террора для поддержания порядка на оккупированной территории?

Манштейн: Приказа от ОКВ для своей армии я вообще, как я думаю, не мог получить. Приказ относительно террористических методов я тоже не могу припомнить.

Тэйлор: Приказ от ОКВ мог дойти до вас через определенные инстанции, через ОКХ, не так ли?

Манштейн: Да.

Тэйлор: Посмотрите, пожалуйста, на документ, который вам Сейчас передадут.

Из заглавия этого документа вы увидите, что он издан ОКВ 23 июля 1941 г.

Я хочу зачитать этот документ и задать вам вопрос о нем.

«После доклада командующего сухопутными силами фюрер 22 июля 1941 г. в порядке дополнения к директиве 33 приказал...».

«Имеющихся в нашем распоряжении сил, предназначенных для обеспечения порядка в оккупированных областях, при такой обширности занятой территории будет достаточно только в том случае, если каждая попытка оказания сопротивления властям будет не только караться от дачей под суд виновных в этом, но если оккупационные власти в дополнение к этому смогут вселить в каждого такой страх, который один только способен отбить у населения охоту к сопротивлению. На командующих войсками в этих областях возлагается ответственность за поддержание с помощью находящихся в их распоряжении войск порядка и спокойствия в своих областях. Командующие этими районами должны находить средства поддержания порядка в этих районах не путем требования новых войск для обеспечения безопасности, а путем проведения необходимых жестоких мероприятий по отношению к населению». Подписано подсудимым Кейтелем.

Вы никогда не получали такого приказа?

Маништейн: Я не припоминаю этого приказа. Он был издан задолго до того, как я стал командующим, и естественно, что мне не представлялись все приказы, исходившие от моего командования. Я не могу припомнить этот приказ.

Тэйлор: В то время, когда был издан этот приказ, вы были командиром корпуса, не так ли?

Маништейн: Да.

Тэйлор: Разве не ясно из этого приказа, что он мог быть выполнен только путем широкого распространения его по всем частям и командующим всех соединений?

Вполне ясно, что этот приказ должен был касаться всего фронта, не так ли?

Маништейн: Да, конечно, всего фронта. Но я при всем своем желании не могу вспомнить, что получал такой приказ.

Тэйлор: Допустим, что вы были отрезаны в то время и не получили этого приказа, когда он был издан, но неужели никто из ваших друзей — генералов, которые командовали другими участками, следуя прусской военной традиции, никогда не говорил с вами об этом приказе и не упоминал о том, что он его получил?

Маништейн: Я не обсуждал этого вопроса ни с кем. Вообще я как командующий встречался с командующими очень редко и не могу сказать, получили ли другие командующие этот приказ.

Тэйлор: Итак, Гитлер считал, что война на Востоке должна быть идеологической войной и завоеванием расы, не так ли?

Маништейн: Да.

Тэйлор: Ведь он хотел не только покорить Советскую Армию, но также уничтожить полностью советскую политическую систему, не правда ли?

Маништейн: Без сомнения, он желал использовать экономику Советского Союза в оккупированных областях для наших военных нужд,

Тэйлор: Он хотел установить новую политическую систему в тех районах, которые заняла германская армия?

Манштейн: Я не понимаю, что вы подразумеваете под «новой системой». К чему это относится?

Тэйлор: Я имею в виду систему политической администрации.

Манштейн: Само собой разумеется: нужно же было управлять оккупированными областями.

Тэйлор: Он хотел учредить такую администрацию, которая бы в корне отличалась от администрации, существующей при советском правительстве, не так ли?

Манштейн: Да, так как национал-социалистская система отличалась от советской системы, то поэтому нужно было соответственно этому изменить и административное управление в этих областях.

Тэйлор: Чтобы учредить новую политическую администрацию, администрацию, которая могла бы осуществлять управление мирно и спокойно с тем, чтобы территорию можно было использовать, Гитлер стремился к устранению той части населения, которая будет препятствовать достижению поставленной им цели, не правда ли? К устранению отдельных элементов населения?

Манштейн: Я не знаю, было ли задумано это с самого начала, но во всяком случае нам, военным руководителям, никогда не было известно относительно этого плана.

Тэйлор: С целью оказания помощи для выполнения этих планов разве в ОКВ не было издано несколько других совершенно необычных приказов для командующих соединениями. Я кроме всего прочего имею в виду приказ о комиссарах.

Манштейн: Приказ о комиссарах касался лишь устранения элементов, которые с советской стороны хотели эту войну превратить в идеологическую войну и обострить до крайности эту борьбу. Это не имеет никакого отношения к истреблению населения. Самое большее, это означало устранение известного слоя из состава военных сил противника, в котором он видел политиков и отчасти солдат.

Тэйлор: Я также имею в виду хорошо известный приказ Гитлера от 13 мая 1941 г., который запрещал использование военно-полевых судов в тех случаях, когда немецкие солдаты совершали преступления против мирного населения. Разве это не было частью того же самого плана?

Манштейн: Очевидно, если такой план существовал, это было частью плана.

Тэйлор: На самом деле, свидетель, разве не были все эти взгляды Гитлера и цели, преследуемые этими приказами, хорошо известны вам, а также и другим командующим на Восточном фронте?

Манштейн: Цели этого приказа нам были известны.

Тэйлор: Я еще хочу задать вам несколько вопросов в отношении эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд. Утверждаете ли вы перед Трибуналом, что вы не знали, что одной из самых главных задач этих частей была помощь в уничтожении комиссаров и евреев в соответствии с этой политикой?

Манштейн: Да, этого я не знаю.

Тэйлор: Была ли эйнзатцгруппа придана вашей армии, 11-й армии?

Манштейн: Да, эта эйнзатцгруппа, как показал Олендорф, оперировала в районе действий моей армии.

Тэйлор: По-моему, вы сказали раньше, что эйнзатцгруппа полностью находилась под командованием Гимmlера, выполняя его оперативные задания. И вы, по-моему, нам также сказали, что Гимmlер был ярким врагом армии. Что же вы сделали, когда вы узнали, что вашей армии придана эйнзатцгруппа? Что вам сообщили по этому поводу?

Манитейн: Мне в свое время доложили, — даже не знаю, было ли там сказано слово «эйнзатцгруппа», — что органы СС в районе военных действий должны организовать политическую проверку населения и что они получили это задание от Гимmlера. Я не мог воспрепятствовать этому, так как я считал, что эти части СС выполняют свое задание.

Тэйлор: Разве главнокомандующий согласился бы иметь совершенно самостоятельную часть, действующую на его участке, но которой он не может командовать? Разве это обычное явление? Как вы думаете, вам бы это понравилось?

Манитейн: Нет, конечно, это никому не понравится, но были и другие независимые соединения. Я должен подчеркнуть, что военно-воздушные силы нам не были подчинены ни в каком отношении. В силу наших взаимодействий в бою мы должны были договариваться с ними. Каких-либо приказов издавать мы им не могли. Аналогичным образом дело обстояло с организацией Тодта и экономическим штабом «Восток», а также и с полицией.

Тэйлор: Разве не возбудила бы вашего любопытства самостоятельная часть, действующая на вашем участке по приказу Гимmlера? Вы не пожелали бы узнать, чем она занимается?

Манитейн: Мне было доложено о задаче, которая состояла в проверке населения в политическом отношении. Я уже сказал, что в ставке я был только два-три дня, а затем уехал на линию фронта, и я должен сказать, что военные действия в течение всей зимы так захватили меня, что я при всем желании не мог вообще уделять внимания вопросам, о которых я ровно ничего не мог знать или даже предполагать.

Тэйлор: Вы беседовали с начальником штаба и другими офицерами из штаба время от времени, не так ли?

Манитейн: Других командующих я видел только в тех случаях, когда состоялись совещания в ОКХ. С моими офицерами я, конечно, говорил. Но этот вопрос о СД никогда не был предметом нашего разговора, так как для нас этот вопрос никогда не был важным.

Тэйлор: Разве вы никогда не просили начальника штаба или какого-либо другого штабного офицера тщательно информировать вас о том, что делали эти самостоятельные группы по приказу Гимmlера в вашем районе операций?

Манитейн: О независимых частях Гимmlера говорить, пожалуй, нельзя, ибо эта эйнзатцгруппа была относительно небольшой и оставалась незаметной. Мы заметили ее только тогда, когда она нам поставила людей для борьбы с партизанами в Крыму. В этом отношении я знаю, что мой штаб говорил по этому вопросу с фюрером СС.

Тэйлор: У меня есть два или три документа, касающиеся этого же вопроса, которые уже были представлены в качестве доказательства. Я хотел бы показать их вам и задать вопрос о них. Первый документ — это письменное показание, данное под присягой. В первой части этого письменного показания затрагиваются вопросы, о которых вы, очевидно, непосредственно не осведомлены. Но вы, конечно, должны знать о вто-

ром абзаце. Это—письменное показание, данное под присягой Вальтером Шелленбергом. Я хочу зачитать два первых абзаца. Трибунал найдет это в первой книге документов генерального штаба. Там говорится:

«В середине мая 1941 года, насколько я помню, начальник 4-го отдела главного имперского управления безопасности (бригаденфюрер СС Мюллер) от имени начальника имперского управления безопасности (группенфюрер СС Гейдрих) имел беседу с генерал-квартирмейстером сухопутных сил (генерал Вагнер) по вопросам относительно использования полиции безопасности и СД в районах действующей армии во время предстоящей кампании против России. Вагнер не пришел ни к какому соглашению с Мюллером и поэтому Гейдрих просил устранить второго участника беседы. Я был тогда начальником отдела «Е» в IV управлении главного имперского управления безопасности и подчинялся Мюллеру, и на основании того, что я имел опыт в ведении протокола, Гейдрих послал меня к Вагнеру для оформления окончательного соглашения.

В соответствии с инструкциями, которые были мне даны, я должен был обратить внимание на то, чтобы в этом соглашении было предусмотрено, что ответственные инстанции сухопутных сил обязаны оказывать всякое содействие всем действиям эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД. Я подробно обсудил с Вагнером все эти проблемы взаимной поддержки. В соответствии с этой беседой я затем представил ему разработанный проект соглашения, который был одобрен им. Этот проект соглашения был основой окончательных переговоров между Гейдрихом и Вагнером в конце мая 1941 года. Содержание этого соглашения, насколько я помню, было в основном следующее:

Основанием для этого соглашения был приказ фюрера, упомянутый в самом начале соглашения, относительно того, что полиция безопасности и СД должны использоваться в частях действующей армии с целью быстрого подавления всеми средствами всякого сопротивления в тыловых районах или в захваченных районах, где проходят коммуникации. Затем устанавливаются отдельные районы, в которых должны были действовать полиция безопасности и СД. Отдельные эйнзатцгруппы могли быть распределены по фронтам, а отдельные эйнзатцкоманды — по армиям, которые находились непосредственно в районе боевых действий.

Эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды должны были действовать в отдельности:

- 1) в прифронтовых районах при полном подчинении действующей армии в тактическом, оперативном и административном отношениях;
- 2) в тыловых оккупированных районах, подчиняясь войсковому командиру только в административном отношении, а в оперативном и специальном отношениях — главному имперскому управлению безопасности;
- 3) в тылах армии: так же, как во втором случае;
- 4) в районах гражданской администрации на Востоке: так же, как в империи».

Подчинение эйнзатцкоманд штабам действующей армии на фронте и их ответственность перед ними ни в коей мере не были ограничены соглашением и поэтому оно не нуждалось в каком-либо дополнении.

Соглашение устанавливало, что подчинение в административном отношении включало в себя не только подчинение в дисциплинарном отношении, но также обязанность тыловых штабов действующей армии

снабжать приданные им эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды бензином, продовольствием и т. д., а также предоставлять в их распоряжение службу связи.

Правда ли, что армия делала все возможное, чтобы создать условия для действий этих эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд; снабжали ли вы их продовольствием, представляли ли им транспорт и прочие предметы, которые были необходимы для выполнения их заданий?

Манитейн: Да, конечно, это мы ведь знаем на основании того, что в хозяйственном отношении СС находились в подчинении армии.

Тэйлор: Разве неправильно также и то, что командующие должны были следить за тем, что делали эти части, с тем, чтобы их действия не мешали проведению боевых операций?

Манитейн: Нет, командующие, как таковые, не должны были беспокоиться об этих эйнзатцгруппах, если только они не появлялись в районе военных действий и не мешали ведению боя. Как я уже говорил, я как командующий не встречал в своем районе военных действий такую эйнзатцгруппу.

Тэйлор: Действительно ли вы заявили Трибуналу, что только на фронте можно было помешать проведению боевых операций? Разве не правда, что тыловые районы также важны в отношении обеспечения связи и умиротворения населения. Разве вы также не беспокоились в отношении ваших тылов?

Манитейн: В тыловых районах нам важно было обеспечить пути подвоза, то есть железные и шоссейные дороги. Это мы делали большей частью сами. Нам могли помешать в том случае, если бы, например, производились какие-либо массовые экзекуции или что-либо подобное, как я об этом узнал лишь теперь, и если бы в результате этого возникали бы затруднения и волнения. Об этом бы услышали командующие войск, расположенных в тыловых областях. И они определенно приняли бы соответствующие меры для устранения этих явлений.

Тэйлор: Я хотел бы еще зачитать небольшую выдержку из документа 447-ПС.

«Район действий, который образован в результате продвижения ' армии через границы империи и соседних стран следует как можно больше сократить в глубину. Главнокомандующий сухопутной армией имеет право применять всю исполнительную власть в этих районах и может передать свою исполнительную власть отдельным командующим фронтами. В районе действия сухопутных войск рейхсфюрер СС по поручению фюрера получает особые задачи по подготовке политической администрации, которая будет являться результатом решающей борьбы двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует совершенно самостоятельно и на свою собственную ответственность. Впрочем, этим не затрагивается данная главнокомандующему сухопутными силами исполнительная власть, которую он может передать подчиненным ему инстанциям. Рейхсфюрер СС отвечает за то, чтобы выполнение его задач не мешало ходу операций. Отдельные подробности будут установлены непосредственно ОК.Х вместе с рейхсфюрером СС».

Я вновь спрашиваю вас, были ли вы и ваш штаб ответственны за то, чтобы действия этих групп не мешали выполнению боевых операций,

я действительно ли вы должны были быть полностью осведомлены о том, что они делали?

Манштейн: Если в какой-либо форме они помешали бы проведению военных операций, то командующие, естественно, должны были бы вмешаться в это. Но тот факт, что занятая область находится под контролем политической полиции, которая проверяет политическую благонадежность людей, еще далеко не является причиной для того, чтобы предполагать, что в этих областях имели место некорректные отношения к населению или даже массовые расстрелы и вообще расстрелы.

Тэйлор: По-моему, вы уже заявили в своих показаниях, что вы не знали ни о каких массовых расстрелах в вашем районе. Это правильно? Вы не знали об этих убийствах?

Манштейн: Нет, я ничего не знал об этом.

Тэйлор: Вы до сих пор утверждаете перед Трибуналом, что вы ничего не знали об "операциях эйнзатцгруппы вашей армии?"

Манштейн: Я должен сказать, что об этом никогда не получал сообщений.

Тэйлор: Издавали ли командиры соединений Восточного фронта специальные инструкции своим войскам, которые поддерживали программу ликвидации евреев и комиссаров?

Манштейн: Нет.

Тэйлор: Издавал ли генерал Рейхенау подобные инструкции?

Манштейн: Я знаю вообще только один приказ генерала Рейхенау, представленный здесь, в котором он говорил о борьбе на Востоке. Этот приказ был передан нам по распоряжению Гитлера, так сказать, в качестве примера. Я лично отклонил этот приказ и, конечно, не использовал его как основу для своих приказов и не знаю кого-либо из командующих, кто признал бы его ценность.

Тэйлор: В этом приказе генерала Рейхенау своим войскам говорилось о том, чтобы были приняты самые жестокие меры по отношению к этим недочеловекам — евреям и всем элементам большевизма, не так ли? Вы видели этот приказ?

Манштейн: Нет, припоминаю, что я получил один приказ от генерала фон Рейхенау, но я не припоминаю, чтобы в этом приказе выдвигалось требование ликвидации евреев.

Тэйлор: Что вы сделали, когда вам было предложено издать приказ, подобный приказу генерала Рейхенау?

Манштейн: Мне ничего не предлагалось. Мне прислали этот приказ как образец. Но я ничего не сделал.

Тэйлор: Итак, вы ничего не предприняли?

Манштейн: Нет.

Тэйлор: Я попрошу сначала показать свидетелю документ, написанный генералом Рейхенау, а затем я попрошу показать свидетелю новый документ 4064-ПС, США-927. Посмотрите, пожалуйста, на этот приказ, свидетель, и скажите нам, не был ли этот документ издан вашим же штабом и подписан вашим факсимиле 20 ноября 1941 г.? Он уже включен в судебный протокол.

Манштейн: Мне надо его детально прочесть. Я не помню об этом приказе.

Тэйлор: Это ваша подпись?

Манштейн: Да, это как будто моя подпись, но я должен сначала

прочитать этот приказ, чтобы вспомнить, издавал ли я такой приказ или не издавал.

Тэйлор: Документ, так как это видно в самом начале страницы, имеет пометку ХХХ корпуса Р. О., что означает разведывательный отдел, не так ли?

Маништейн: Да, это отдел, который занимался сборением сведений о противнике, и ведал вопросами борьбы со шпионской работой противника. К секретной службе он не имел никакого отношения.

Тэйлор: И как раз под этим есть штамп 72-й дивизии — 26 ноября 1941 года. Дневник № 1-е и здесь видно, что он был издан главным командованием 11-й армии, в штабе армии 20 ноября 1941 г. Секретно, Вот его текст.

«С 22 июня германский народ находится в состоянии смертельной борьбы против большевистской системы. Эта борьба ведется не только против советских вооруженных сил в традиционной форме, установленной правилами ведения войны в Европе. Борьба ведется и за линией фронта; партизаны, снайперы, переодетые в гражданское платье, нападают на отдельных немецких солдат и мелкие подразделения и пытаются нарушить работу службы подвоза путем диверсий с помощью мин и адских машин. Большевистская система должна быть уничтожена раз и навсегда...

Германский солдат имеет задачу не только раздавить военный потенциал этой системы, он является носителем народной идеи и мстителем. Борьба в тылу пока еще воспринимается недостаточно серьезно, Необходимо требовать активного содействия всех солдат при разоружении населения, для проверки и ареста всех скитающихся солдат и гражданских лиц и уничтожения большевистских символов. Всякие акты саботажа должны быть немедленно наказаны самыми жесточайшими мерами.

Продовольственное состояние на родине делает необходимым, чтобы войска кормились продовольствием оккупированных областей и, более того, чтобы как можно большие запасы были переданы для потребления на родине. В особенности в городах противника большая часть населения должна будет голодать. Невзирая на это, ничто из того, что было пожертвовано родиной ради нас, не должно быть из ложного чувства человечности отдано военнопленным или населению, если они не находятся на службе у германских вооруженных сил... Задачей командиров всех чинов является постоянно напоминать о значении настоящей борьбы».

Как видно, этот приказ должен быть распространен вплоть до полка и самостоятельных батальонов.

Действительно ли вы издали этот приказ на основании предложения, которое пришло к вам вместе с приказом Рейхенау? Сходство между этими двумя приказами поразительно и их даты почти совпадают?

Маништейн: Я должен сказать, что я совсем не помню об этом приказе. Судя по подписи и особенно по тому, что написано в его последней части, я должен предполагать, что приказ подлинный и был издан действительно мною. Издан ли он на основе приказа Рейхенау, я при всем желании не могу сказать. Но я должен указать на то, что если здесь сказано «...следует уничтожить систему», то здесь имеется в виду уничтожение большевистской системы, а не уничтожение людей. Далее

я должен указать на то, - что там вовсе не говорится о сотрудничестве с СД, о котором и не могло быть речи на основании тех недостаточных знаний того, чем занималась СД.

Тэйлор: Вы не читали приказа Рейхенау, не правда ли?

Манштейн: Надо сказать, что я совершенно забыл приказ Рейхенау и вспомнил его только после того, как он был предъявлен здесь, среди других документов. Но я забыл даже приказ, изданный мною. И это не удивительно, так как прошло уже много лет и я за эти годы подписал сотни, может быть, даже тысячи приказов. Я не могу помнить каждую деталь.

Тэйлор: Скажите, пожалуйста, вам трудно вспомнить этот приказ, вероятно, потому, что вы подписывали много подобных приказов?

Манштейн: Нет, я не подписывал таких приказов, но я должен был вообще читать и подписывать много приказов. В конце концов, нет ничего удивительного в том, что я забыл этот приказ, что я вполне признаю.

Тэйлор: Я вас спрашиваю, могли ли эйнзатцкоманды уничтожить евреев, чтобы солдаты ничего не знали об этом?

Манштейн: Это вполне возможно, ибо, как показал Олендорф, эти расстрелы проводились под видом «переселения» евреев. Евреи доставлялись в отдаленные места, расстреливались там и закапывались в землю, так что вполне вероятно, что военные органы лишены были возможности узнать об этом.

Советский обвинитель¹: Знали ли вы, что в Николаеве и Симферополе на казнях присутствовали представители военного командования?

Манштейн: Нет.

Обвинитель: Вам известно о том, что об этих фактах сообщил здесь, в Суде, в своих показаниях под присягой, свидетель Отто Олендорф?

Манштейн: Я знаком с показаниями Олендорфа и помню, что он говорил о том, что в расстрелах под Симферополем принимали участие солдаты. Он, однако, оказал, что он точно не знает, какие это были солдаты. Должно быть, это были главным образом вольнонаемные лица, то есть не из частей моей армии. Во всяком случае, я в свое время никогда не слышал о том, чтобы хоть один солдат принимал участие в расстрелах евреев.

Обвинитель: Я хотел бы, чтобы вы ответили мне, считаете ли вы показания Олендорфа правильными или вы считаете их ложными?

Манштейн: Я предполагаю, что он при этом ошибался. Во всяком случае, для меня совершенно ясно, что солдаты из частей моей армии не принимали участия в таких расстрелах евреев, что он говорил о вольнонаемных и, кого он имел в виду, я не знаю.

Обвинитель: Он имел в виду войска 11-й армии, которой вы командовали. Я задаю вам следующий вопрос.

Вам известно было о том, что более 195 тысяч из числа жителей Киева было истреблено немецкими войсками и полицией, в том числе только в Бабьем Яру было уничтожено 100 тысяч человек.

¹ Допрос производил представитель советского обвинения Г. Н. Александров. • Составители.

Маништейн: Впервые я узнал об этом из одного документа, который был представлен русским обвинителем.

Обвинитель: Но вы были осведомлены о подобного рода массовом уничтожении мирных жителей?

Маништейн: Нет, об этом я не знал.

Обвинитель: Вам было известно изданное в августе 1941 года распоряжение ОК.В, переданное через генерал-квартирмейстера Вагнера, о запрещении кормить советских военнопленных из запасов армии? Не этим ли распоряжением была вызвана массовая смертность среди военнопленных от голода?

Маништейн: Я не помню сейчас об этом приказе. В августе 1941 года я был командиром танкового корпуса.

Обвинитель: Но вы сами признаете, что среди военнопленных имела массовая смертность, и именно от голода, вы это признали здесь.

Маништейн: Я не оказал, что это было в моей армии. Я сказал, что я на основании Обвинительного заключения сделал вывод, что после тяжелых боев на окружение на Центральном фронте, когда было взято большое количество пленных, там, вероятно, умерло большое количество людей от голода.

Обвинитель: Вам известна была операция под условным названием «Кримгильда»?

Маништейн: Кодовое название для операции «Кримгильда» мне в настоящее время вообще неизвестно. Я не знаю, слышал ли я вообще об этом.

Обвинитель: Эта операция предусматривала переброску немецких войск из Кубани в Крым в связи с отступлением под натиском Красной Армии. По этому поводу Гитлером был издан специальный приказ, разосланный всем штабам.

Маништейн: Вы имеете в виду переход из района Крыма на Кубань или вы говорите об отступлении с Кубани в Крым?

Обвинитель: Отступление немецких войск из Кубани в Крым.

Маништейн: Я об этом ничего не могу сказать, так как подробности МНР не известны. Это был район армейской группы Клейста, а не мой район.

Обвинитель: А ваши войска где находились?

Маништейн: Моя группировка была в то время на Южной Украине. Южн-)я граница находилась, очевидно, около Ростова.

Обвинитель: Отступление из Кубани касается войск, которые находились на южном участке фронта. Вам был передан приказ Гитлера по этому поводу, и, может быть, вы что-нибудь вспомните. Я хочу обратить ваше внимание только на один пункт из этого приказа. Вы знаете этот приказ?

Маништейн: Я должен сначала подробно просмотреть это.

Обвинитель: Пожалуйста.

Маништейн: Я теперь уже не могу сказать, получал ли я копию этого приказа. Ведь это касалось только армейской группы «А». Возможно, что я и получил копию, но я этого сказать не могу, во всяком случае, я к этому отношения не имел.

Обвинитель: Этот приказ был разослан всем штабам, но не в этом дело. Я прошу вас найти в разделе 2 место, озаглавленное «Разрушения при отступлении», и остановиться на пункте «г» этого раздела.

Я читаю: «Противник должен на долгое время получить совершенно непригодную, необитаемую пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин». Вы читали это место?

Манштейн: Да.

Обвинитель: Я спрашиваю, по вашему мнению, подобный приказ был продиктован чисто военными соображениями?

Манштейн: Да, по моему мнению, это приказ был отдан из чисто военных соображений. Насколько мне известно издан потому, что Гитлер хотел, чтобы из тех сил, которые имелись на Кубани, возможно большая часть была освобождена, чтобы перебросить эти силы на другой участок Восточного фронта. Он хотел оставить в Крыму для обороны как можно меньшее количество войск. Конечно, это было возможно только в том случае, если будут на длительное время исключены наступательные операции русских со стороны Кубани или, по крайней мере, сильно затруднены. Поэтому было дано такое распоряжение о производстве этих разрушений.

ДОПРОС б. ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ШРАЙБЕРА

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 26 августа 1946 г.]

Обвинитель¹: Господин свидетель, сообщите Трибуналу кратко данные о себе, о вашей служебной, научной и педагогической деятельности.

Шрайбер: Мне 53 года. Я родился в Берлине, являюсь профессором медицины. Я изучал медицину в университетах: в Берлине, Тюбингене и Грейсвальде. В 1920 году в Грейсвальде я сдал государственный экзамен по медицине и получил звание доктора медицины и право на медицинскую практику.

В 1940 году я был назначен доцентом гигиены и бактериологии Берлинского университета. В 1942 году я был назначен профессором в военно-медицинскую академию. Я стал кадровым военным врачом с 1921 года. Я занимал различные должности, был гарнизонным врачом, дивизионным врачом.

Однако с 1929 года я вел только научную работу в качестве специалиста по гигиене и бактериологии. Свою научную и педагогическую деятельность я вел в университетах Берлина и Фрайбурга. В период после 1929 года я находился вначале во Фрейбурге, а затем работал экспертом по гигиене при штабе военного округа в Берлине и, наконец, во время второй мировой войны - последовательно занимал должности эксперта по гигиене и бактериологии в ставке главнокомандующего сухопутных сил, затем начальника отдела по делам науки и здравоохранения при санитарной инспекции сухопутных сил в командовании сухопутных сил и в последний период — начальника научного отдела учебной группы военно-медицинской академии.

Когда я находился на этой должности, мне подчинялись научные институты академии в Берлине.

Обвинитель: Какое последнее воинское звание и какой пост вы занимали в германской армии?

• Допрос производил представитель советского обвинения Г. Н. Александров. •
Составит е л и.

Шрайбер: Я в последнее время имел чин генерал-арцта, то есть генерал-майора медицинской службы. Моя последняя должность была — главный врач военного и гражданского секторов Берлина, однако только в период с 20 по 30 апреля 1945 г.

Обвинитель: Когда и при каких обстоятельствах вы были взяты в плен советскими войсками?

Шрайбер: 30 апреля я находился в большом госпитале в убежище при здании рейхстага, в Берлине. Так как большая часть города Берлина уже находилась в руках русских войск, я сам организовал большой военный госпиталь в этом убежище и разместил там несколько сот раненых.

Обвинитель: Сейчас вам передадут ваше заявление от 10 апреля 1946 г., адресованное вами Советскому правительству (*свидетелю передают заявление*). Вы подтверждаете изложенные в этом заявлении факты?

Шрайбер: Да, я подтверждаю их.

Обвинитель: Чем было вызвано ваше обращение с этим заявлением к Советскому правительству?

Шрайбер: Во время второй мировой войны со стороны Германии имели место действия, которые являлись серьезным нарушением вечных законов медицинской этики. В интересах германского народа и медицинской науки Германии и в интересах воспитания медицинского поколения в будущем я считал необходимым окончательно разъяснить эти действия.

Эти действия, о которых идет речь, являются подготовкой бактериологической войны с помощью возбуждения чумы и опытов над живыми людьми.

Обвинитель: Почему вы обратились с этим заявлением только 10 апреля 1946 г., а не раньше?

Шрайбер: Я вначале хотел убедиться, подождать, не будет ли переданным Судом, независимо от меня, возбужден вопрос о бактериологической войне. Когда этого не произошло, я в марте, простите, в апреле принял решение сделать это заявление.

Обвинитель: Таким образом, находясь в плену, вы имели возможность следить за ходом судебного процесса в Нюрнберге?

Шрайбер: Да, именно в лагере военнопленных я читал газеты, которые присылались из Германии и имелись в комнате для чтения в клубе, куда мы имели доступ. Кроме того, мы получали «Известия для военнопленных», которые печатались в Советском Союзе и в которых постоянно сообщалось о ходе процесса.

Обвинитель: Г-н свидетель, сообщите, что вам известно о подготовке германским главнокомандованием бактериологической войны.

Шрайбер: В июле 1943 года ОКВ созвало тайное совещание, на которое я был вызван в качестве представителя военно-санитарной инспекции. Это совещание происходило в здании общего управления вооруженных сил в Берлине, на Бендлерштрассе, и проводилось начальником штаба общего управления вооруженных сил — каким-то полковником. Фамилию этого полковника я не могу сейчас вспомнить. Полковник заявил вначале совещания, что так как в результате создавшейся военной обстановки необходимо приступить к разработке вопроса о при-

менении бактерий в качестве военного средства во время войны, высшие штабы должны в настоящее время придерживаться несколько другой точки зрения, чем та, на которой до сих пор стояла военно-санитарная инспекция. В результате этого фюрер Адольф Гитлер поручил рейхсмаршалу Герману Герингу руководить проведением всей подготовки, необходимой для ведения бактериологической войны, и предоставил ему для этого необходимые полномочия. Затем, во время этого совещания был создан комитет по вопросам бактериологической войны. Членами этого комитета в основном были те же господа, которые принимали участие в этом совещании, то есть министриаль-директор профессор Шуман из научного отдела управления вооруженных сухопутных сил, советник министерства Штантин из отдела вооружения и испытаний управления вооружения сухопутных сил, профессор Рихтер, генерал ветеринарной службы в качестве представителя военно-ветеринарной инспекции и, наконец, молодой офицер ветеринарной службы из этой же инспекции. От военно-санитарной инспекции оберштабсарцт Клифе, однако последний был выделен лишь в качестве наблюдателя.

Кроме того, в состав комитета входили офицер штаба военно-воздушных сил в качестве представителя командования военно-воздушных сил; офицер штаба управления вооружения в качестве представителя управления вооружения, а также один выдающийся зоолог и ботаник. ..Фамилии всех этих господ я не помню.

Во время этого тайного совещания было сказано, что должен быть создан институт, в котором будут разводить культуры бактерий в большом масштабе и в котором также будут проводиться научные опыты и эксперименты с целью проверки возможности применения этих бакте-

•рий. Кроме того, должна была также исследоваться возможность применения вредителей против полезных растений и животных. В случае положительных результатов было решено, что они также будут разводиться в этом институте.

Это в основном содержание совещания, имевшего место в июле 1943 года.

Обвинитель: Что происходило после этого, что вам об этом известно?

Шрайбер: Через несколько дней я затем узнал от начальника штаба военно-санитарной инспекции генерала медицинской службы Шмидта-Брюкена, который был моим непосредственным начальником, что рейхсмаршал Геринг уполномочил заместителя начальника имперской медицинской службы Бломе руководить всеми необходимыми работами и дал .ему поручение — по возможности скорее развернуть работу института в Познани или в районе Познани. В этом институте в Познани, затем начали свою деятельность министриаль-директор Шуман, советник министерства Штантин и целый ряд других врачей и научных деятелей, фамилий которых я, однако, не знаю. Я сам доложил в этот же день относительно этого тайного совещания начальнику штаба и начальнику военно-санитарной инспекции генерал-полковнику медицинской службы

•Хандлозеру. Последнего в тот день не было в Берлине, я об этом доложил ему позже.

Обвинитель: Что вам известно об опытах, которые проводились в связи с решением вопроса о подготовке проведения бактериологической войны?

Шрайбер: Опыты проводились в институте в Познани. Деталей

относительно этих опытов я не знаю. Я знаю только, что с самолетов производились попытки разбрызгивания эмульсий бактерий, так называемое опытное разбрызгивание. Я слышал также о том, что производились опыты применения вредителей растений, жуков и т. д. Однако в деталях я об этом рассказывать не могу, поскольку я сам не принимал участия в этих опытах и не знаю деталей.

Обвинитель: Вы показали, что первое тайное совещание, посвященное этим вопросам, провел полковник из общего управления ОК.В. От чьего имени он проводил это совещание?

Шрайбер: Он проводил это совещание от имени генерал-фельдмаршала Кейтеля и начальника общего управления вооруженных сил генерала Рейнеке.

Обвинитель: Кто поручил вам участвовать в этом совещании?

Шрайбер: Мне поручил участвовать в этом совещании начальник штаба генерал-майор медицинской службы Шмидт-Брюкен.

Обвинитель: Был ли осведомлен генеральный штаб сухопутных войск о проводившихся мероприятиях по подготовке бактериологической войны?

Шрайбер: Я предполагаю, что да, так как генерал-полковник медицинской службы Ханглозер, начальника санитарной инспекции которого я информировал о содержании и решениях этого совещания в качестве главного врача сухопутных сил, был подчинен непосредственно начальнику генерального штаба действующей армии. Таким образом, он должен был ему об этом соответствующим образом доложить.

Обвинитель: Уточните, чем мотивировало германское главное командование решение о подготовке к бактериологической войне?

Шрайбер: Это в некотором смысле можно было заключить из слов руководителя тайного совещания. Поражение под Сталинградом было самым серьезным ударом для Германии. Поэтому необходимо было, по-моему, оценивать обстановку и, следовательно, принять новые решения. Возник вопрос, нельзя ли применить другие средства войны, с помощью которых можно было бы еще решить исход войны в пользу Германии.

Обвинитель: Чем вы объясняете, что германское главное командование не осуществило своих планов ведения бактериологической войны?

Шрайбер: Главное командование, очевидно, не осуществило этих планов по следующим соображениям:

В марте 1945 года меня в моем служебном кабинете военно-медицинской академии посетил профессор Бломе. Он прибыл из Познани, был очень возбужден и просил меня, чтобы я разместил его и его соратников в лабораториях в Саксенбурге для того, чтобы они могли там продолжать работу, так как из-за наступления Красной Армии он должен был оставить свой институт в Познани. Он спешно должен был покинуть институт, он даже не мог его взорвать, и он был сильно обеспокоен тем, что имевшееся в этом институте оборудование для опытов над людьми, которое позволяет определить, для чего оно предназначено, будет обнаружено русскими. Он пытался также организовать взрыв института при помощи сбрасывания бомб с пикирующего бомбардировщика. Однако это также оказалось невозможным. Далее он попросил меня, чтобы я позаботился о том, чтобы он со своими культурами чумы, которые он спас, мог продолжать работу в Саксенбурге.

Я ответил на это г-ну Бломе, что институт в Саксенбурге в течение длительного времени мне уже не подчиняется и что я вследствие этого не могу дать соответствующего разрешения. Я направил его к начальнику медицинской службы вооруженных сил генерал-полковнику медицинской службы Хандлозеру. Генерал-полковник медицинской службы Хандлозер на следующий день вызвал меня по телефону и сказал мне, что Бломе находится у него с приказом от Генриха Гиммлера, начальника резервной армии, и что он на основании этого приказа, к сожалению, вынужден предоставить Бломе рабочие помещения в Саксенбурге. Я принял это к сведению и больше не имел к этому никакого отношения.

Таким образом, Бломе был выброшен из института в Познани. Деятельность этого института, очевидно, трудно себе представить. Если хотят культивировать чуму в больших масштабах, то для этого нужны соответствующие лаборатории и соответствующие меры безопасности. Персонал должен сначала получить опыт и сработаться, так как немцы, даже специалисты в области бактериологии, не имеют никакого опыта в области культивирования чумы. Для этого необходимо много времени, и, таким образом, даже после решения о создании института, такой институт мог развернуть свою работу только через большой промежуток времени.

Когда был нанесен тяжелый удар, работу необходимо было свернуть и затем заново продолжать в Саксенбурге. Бломе во время своего визита сказал, что у него имеется еще один институт в Тюрингии, но что он будет готов лишь через несколько дней, а может быть и через несколько недель и что до этого времени он должен получить помещение в другом месте.

Кроме того, необходимо учесть, что если бы применили чуму, то ввиду близости районов военных действий от границ Германии — ведь тогда части Красной Армии частично уже находились на германской территории — необходимо было обеспечить защиту германских войск, а также гражданского населения. Таким образом, необходимо было заготовить специальные вакцины для прививок. Для этого тоже необходимо было время, а в результате всех этих промедлений указанные мероприятия вообще не смогли быть проведены в жизнь.

Обвинитель: Г-н свидетель, теперь сообщите, что вам известно о незаконных опытах над людьми, проводившихся немецкими врачами. Я прошу дать показания по этому вопросу возможно короче, так как эти вопросы достаточно исследовались в ходе судебного процесса.

Шрайбер: Мне по служебной линии стали известны некоторые события. В 1943 году, мне кажется, что это было в октябре, мы в Военно-медицинской академии проводили научную сессию с участием квалифицированных сил медицины, так называемых врачей-консультантов из секции бактериологии, в состав которой входило около 30 человек. Оберштурмбанфюрер СС доктор Динг сделал доклад об испытании вакцин для прививки сыпного тифа. Доктор Динг заявил, что он делал заключенным в концентрационном лагере Бухенвальд различные прививки против сыпного тифа и что затем, спустя некоторое время — я не помню, сколько прошло времени — он заразил этих людей сыпнотифозными вшами, таким образом искусственно заразил их тифом и затем, в зависимости от того, заболели эти люди или нет, он делал заключения

о качестве вакцины. Имели место также и смертные случаи, так как испытывали вакцины различного качества.

Обвинитель: Какую научную ценность представляли опыты этого доктора Динга?

Шрайбер: Насколько я знаю, они не представляли никакой научной ценности, так как мы в ходе войны в этой области получили достаточный опыт. Мы достаточно хорошо знали наши вакцины для прививок и в таких испытаниях совершенно не нуждались. Целый ряд вакцин, которые проверял доктор Динг, вообще не применялись в армии и от их применения давно отказались.

Другой случай, о котором я узнал по служебной линии, состоял в следующем. Группенфюрер СС профессор Гебгардт, который был талантливым хирургом, производил операции черепа русским военнопленным и затем через некоторый промежуток времени умерщвлял лиц, подвергшихся операции, для того, чтобы иметь возможность устанавливать патологические изменения, деформацию костей после операции в результате трепанации черепа.

В-третьих, я здесь, в Нюрнберге, участвовал в научной сессии, которая была организована командованием ВВС.

Обвинитель: Когда это было?

Шрайбер: Эта сессия состоялась в 1943 году. Я не могу точно указать, когда именно она была. Мне кажется, осенью 1943 года, однако возможно, и летом.

На этой сессии, которая проводилась здесь, в гостинице около вокзала, два врача — доктор Кремер и профессор Гольцленер, директор физиологического института Кильского университета, делали доклады об опытах, которые они проводили по поручению командования вооруженных сил в Дахау над заключенными концентрационного лагеря. Эти опыты имели целью получение данных для изготовления нового защитного костюма для летчиков, совершавших полеты над Ламаншем.

Над Ламаншем целый ряд немецких летчиков был сбит. Они попадали в море и через короткий промежуток времени умирали в холодной воде до того, как спасательный гидросамолет успевал взять их на борт. Таким образом, тогда хотели создать защитный костюм, который в какой-либо форме оказывал бы изолирующее действие, представляющее защиту для тела от холода. Для этой цели лиц, которые были избраны для опытов, помещали в холодную воду различной температуры — 0 градусов, 3—4, 5 градусов холода — точно я теперь не помню — и путем измерения температуры устанавливали, каким образом, в какое время человеческое тело теряет тепло и где кончается граница жизни и наступает смерть в результате замерзания. Кроме того, лиц, подвергавшихся опытам, испытывали в различных костюмах, в обычных, которые были приняты в то время, а также и в других.

Я вспоминаю особый костюм, в котором образовывалась пена: между костюмом и кожей возникал слой пены, то есть неподвижный слой воздуха, который, как известно, имеет сильное изолирующее действие. С помощью такого костюма можно было на довольно большой промежуток времени отсрочить наступление смерти. Естественно, что во время этих опытов, при проведении которых применялся наркоз, целый ряд лиц, подвергшихся опытам, умирали.

Обвинитель: Скажите, какое отношение к проведению этих опытов в Дахау имел подсудимый Геринг?

Шрайбер: Штабсартц Крамер в начале своего доклада заявил, что рейхсмаршал Геринг отдал распоряжение о проведении этих опытов, а рейхсфюрер СС Гиммлер любезно предоставил людей для этих опытов.

Обвинитель: Вы сами допускаете такую возможность, чтобы подобные опыты могли проводиться без ведома подсудимого Геринга?

Шрайбер: Нет, этого я не могу себе представить.

Обвинитель: Г-н председатель, у меня к свидетелю нет больше вопросов?

(К микрофону подходит защитник Латернзер.)

Латернзер: Господин свидетель, вы находились в русском лагере для военнопленных?

Шрайбер: Да.

Латернзер: Где?

Шрайбер: В районе Москвы.

Латернзер: Вы занимаете какую-либо должность в этом лагере военнопленных?

Шрайбер: Нет, у меня нет никакой должности в лагере военнопленных.

Латернзер: При каких обстоятельствах вы написали свое заявление от 10 апреля? Вы сами, по собственной инициативе написали его или вас попросили, чтобы вы его написали?

Шрайбер: Я по собственной инициативе написал это заявление, а именно, я уже в то время, когда я здесь, в Нюрнберге, слушал доклад Крамера и профессора Гольцленера, был глубоко потрясен теми извращениями, жертвой которых, очевидно, пала часть немецких врачей. Вследствие этого я уже тогда говорил об этом генерал-полковнику медицинской службы Хандлозеру, начальнику военно-санитарной инспекции, который, между прочим, разделял мое мнение, и, когда теперь во все большем масштабе в газетах стали опубликовывать подобного рода вещи, я считал своим долгом (я ссылаюсь на то, что я говорил ранее) в интересах будущего и авторитета врачей, а также нашего будущего поколения раз и навсегда покончить с такими действиями.

Латернзер: Что вы знали об этих действиях?

Шрайбер: То, о чем я раньше говорил.

Латернзер: Нет, я имею в виду информацию в лагере военнопленных?

Шрайбер: Из газет, которые мы там получали.

Латернзер: Да, но к какому выводу вы пришли на основании материалов этих газет?

Шрайбер: Я пришел к тому выводу, что врачи...

Латернзер: Одну минуточку, г-н свидетель. У вас имеется перед собой записка?

Шрайбер: Да.

Латернзер: Что написано в этой записке?

Шрайбер: *(показывая записку, читает)* «Вы можете говорить быстрее» *(В зале смех).*¹

¹ Записку такого содержания свидетелю передал комендант Трибунала. Адвокат Латернзер, рассчитывая изобличить свидетеля в том, что он дает ответы «по шпаргалке», потребовал оглашения записки. — Составители.

ДОПРОС 6. ФЕЛЬДМАРШАЛА ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ МИЛЬХА

*{Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 11 марта 1946 г.}*

Джексон: Вы занимали очень высокий пост в германских военно-воздушных силах?

Мильх: Я был генеральным инспектором.

Джексон: И часто на совещаниях представляли Геринга?

Мильх: Я очень редко представлял его.

Джексон: Вы отрицаете, что вы часто посещали совещания от имени Геринга?

Мильх: Нет, этого я не отрицаю, я лишь заявляю, что на части этих совещаний я присутствовал по занимаемой мной должности, а не как представитель Геринга. Посещать совещания от имени Геринга мне приходилось редко, поскольку в большинстве случаев он присутствовал лично.

Джексон: Вы принимали очень активное участие в строительстве военно-воздушных сил, не так ли?

Мильх: Так точно.

Джексон: И в 1941 году вы были награждены за это гитлеровским правительством, не так ли?

Мильх: В 1941 году нет. Мне кажется, что вы, г-н Главный обвинитель, имеете в виду 1940 год.

Джексон: 1940 год, возможно, я ошибся.

Мильх: Вы имеете в виду производство меня в фельдмаршалы, так?

Джексон: Когда вы были произведены в фельдмаршалы?

Мильх: 19 июля 1940 г.

Джексон: Не получали ли вы каких-нибудь подарков от гитлеровского правительства в знак признания ваших заслуг?

Мильх: В 1942 году ко дню моего пятидесятилетия я получил награду от правительства.

Джексон: И эта награда была сделана в денежной форме?

Мильх: Это было денежное вознаграждение. На эти деньги я смог купить себе имение.

Джексон: Сколько оно составляло?

Мильх: Это вознаграждение составляло 250 тысяч марок.

Джексон: Итак, вы пришли сюда показать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, вверг Германию в войну, к которой она совершенно не была подготовлена. Правильно я вас понял?

Мильх: Это правильно в следующем отношении. В 1939 году Германия вступила в войну, к которой ее военно-воздушные силы не были достаточно подготовлены.

Джексон: Известно ли вам о каком-либо случае, когда кто-нибудь из этих обвиняемых, сидящих сейчас на скамье подсудимых, публично высказывался против войны?

Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе.—Составители.

Мильх: Я не могу вспомнить, чтобы эти высказывания делались публично, но, мне кажется, что для всех сидящих на скамье подсудимых—война являлась большой неожиданностью.

Джексон: Вы хотели бы верить в это?

Мильх: Да, я верю в это.

Джексон: Ах, вы верите... А сколько времени потребовалось для германских вооруженных сил, чтобы захватить Польшу?

Мильх: Кажется, 18 дней.

Джексон: 18 дней. Сколько времени у вас заняло изгнание Англии с континента, включая трагедию Дюнкерка?

Мильх: Шесть недель.

Джексон: Сколько времени требовалось вам для занятия Голландии и Бельгии?

Мильх: Несколько дней.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Францию и взять Париж?

Мильх: Всего около двух месяцев.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Данию и захватить Норвегию?

Мильх: Также немного времени. Данию совсем за короткое время, так как Дания быстро сложила оружие, что касается Норвегии, то тоже несколько недель.

Джексон: И вы, давая эти показания, хотите уверить Трибунал, что все эти операции были неожиданными для офицеров военно-воздушных сил. Вы сказали, что каждая из них была неожиданностью для вас?

Мильх: Я сказал, что большой неожиданностью было начало войны. Вначале речь шла ведь только о Польше. Другие операции последовали много позже, и мы имели больше времени для подготовки к ним.

Джексон: Чем вы тогда занимались?

Мильх: Я был тогда руководителем германского авиационного общества, которое было гражданским транспортным учреждением.

Джексон: Беседовали ли вы с Герингом в то время относительно того, что должно быть сделано с военно-воздушными силами, если нацистская партия придет к власти?

Мильх: В то время еще нет.

Джексон: Когда вы впервые обсуждали этот вопрос с Герингом?

Мильх: По этому вопросу Геринг говорил со мной в 1932 году, когда планировался захват власти.

Уже тогда верили в то, что национал-социалисты вместе с другими партиями образуют правительство. Однажды Геринг сказал мне, что, если бы у власти находилось правительство, в которое войдут национал-социалисты, то для Германии вновь открылась бы возможность вооружиться.

Джексон: После этого вы стали членом нацистской партии, не так ли?

Мильх: Я вступил в партию после 1933 года, но, став снова офицером, я тем самым перестал быть в партии.

Джексон: Чтобы вступить в партию, вы ждали того момента, когда нацисты придут к власти?

Мильх: Да, так точно.

Джексон: Значит в тот день, когда нацистская партия пришла к власти, вы приняли на себя задачу строительства нацистских военно-воздушных сил, не так ли?

Мильх: Нет, не военно-воздушных сил. Речь шла тогда лишь о том, чтобы привести в порядок и учесть имевшиеся тогда административные учреждения по линии воздушного сообщения. Тогда имелись одно или два гражданских общества воздушного сообщения, заводы, строившие гражданские самолеты, школы гражданских летчиков, метеорологическая служба и различные учреждения исследовательского характера, Этим перечислением я охватил весь объем воздушного сообщения, но не военно-воздушных сил.

Джексон: Пожалуй, я скажу, что вы взяли на себя задачу сделать так, чтобы Германия господствовала в воздухе?

Мильх: Нет, этого нельзя сказать.

Джексон: Скажите нам, что вы делали, какова была ваша цель, когда вы приняли на себя эту задачу?

Мильх: Расширить германское воздушное сообщение и все, к нему относящееся, — это была первая задача.

Джексон: Знали ли вы, что военнопленных принуждали работать в авиационной промышленности и даже в орудийных расчетах? Вы знали об этом?

Мильх: Я слышал об этом.

Джексон: Присутствовали ли вы на совещании с фюрером и министром?

Мильх: К какому времени вы это относите?

Джексон: К 5 марта 1944 г.

Мильх: 5 марта 1944 г.? Да, я присутствовал на этом совещании у фюрера. Там речь шла о создании штаба по строительству истребителей, то есть объединение усилий всей промышленности; вооружения для того, чтобы добиться повышения производства истребителей.

Джексон: Я прошу, чтобы вам сейчас показали записи Шпеера относительно этого совещания у фюрера, на котором присутствовали также генерал фон Боденшатц и полковник фон Бюлов. Не так ли? Английский перевод имеется на странице 35. Немецкий текст на странице 139. Я прошу вас обратить внимание на следующий абзац:

«Я сообщил фюреру о желании рейхсмаршала относительно дальнейшего повышения производительности труда военнопленных путем передачи Шталага в ведение СС, за исключением англичан и американцев. Фюрер согласился с этим предложением и попросил фон Бюлова принять соответствующие меры». Я спрашиваю вас, каким образом ОС могла повысить производительность труда военнопленных? Какие меры она, по-вашему, должна была предпринять?

Отвечайте на мой вопрос. Какие меры, по-вашему, должны были предпринять в СС для того, чтобы повысить производительность труда военнопленных?

Мильх: Я сейчас уже не помню этого. Во всяком случае, в то время нам ничего не было так широко известно о методах действия СС, как это известно сегодня.

Джексон: Вы это имеете в виду? Хорошо, перейдем к 33 совещанию центрального бюро планирования от 16 февраля 1943 г., где

в числе прочих присутствовали вы, Шпеер и Заукель. Если суммировать происходившее на этом совещании, то можно сказать, что там имело место серьезное обсуждение вопроса о рабочей силе. Вначале был сделан доклад Шрейбером и Тимом, а затем происходило общее обсуждение положения с рабочей силой.

Ваше выступление гласит: «Мильх: Мы попросили издать приказ о том, чтобы известный процент людей, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. В общей сложности будет использовано 50 тысяч. 30 тысяч их уже используется в качестве оружейной прислуги. Забавно, что русские должны действовать в качестве оружейной прислуги».

Что было «забавного» в том, что русские военнопленные должны были работать в качестве оружейной прислуги?

Мильх: «Забавно» — это значит своеобразно, удивительно. Но я не могу сказать, было ли сказано это слово. Я не видел протокола.

Джексон: Я обращаю внимание на конец вашего выступления. «Остальные 20 тысяч человек еще не получены. Вчера я получил письмо от высшего командования армии, в котором говорится, что они не в состоянии выделить ни одного человека. Они сами испытывают недостаток. Это мероприятие, таким образом, не окажется для нас успешным». К чему относится это «для нас», если не к вашим потребностям в области промышленности?

Я прошу обратить внимание на следующее ваше высказывание: «Мильх: Конечно, имеется фронт и на Востоке. Этот фронт будет стабильным в течение определенного времени. Единственное, что остается русским, если мы эвакуируем какую-либо область, так это — население. Вопрос заключается в следующем, не лучше ли было бы для нас, как правило, вначале эвакуировать население в тыл на 100 км от линии фронта. Таким образом, все гражданское население будет переводиться в тыл на 100 км от фронта». Вы нашли это?

Мильх: Да, я это нашел.

Джексон: Сегодня утром, насколько я вас понял, вы заявили, что правило, включенное в солдатскую памятку, гласило, что нельзя действовать во вред гражданскому населению?

Мильх: Я не знаю, о каких именно людях идет речь, но, во всяком случае, их уже использовали в качестве рабочей силы.

Джексон: И вы знали это? Вы знали, что их использовали для подобного рода работы?

Мильх: Я сегодня этого не помню, но во всяком случае, в протоколе это написано, что это имело место в случае, если этот протокол верен.

Джексон: И вы знали, что гражданское население принуждали рыть окопы для ваших войск?

Мильх: Сегодня я не помню этого, но согласно протоколу тогда было сказано именно так.

Джексон: Теперь я прошу обратить ваше внимание на протокол 11 совещания центрального бюро планирования, которое происходило 22 июля 1942 г. В первую очередь я обращаю ваше внимание на то, что среди присутствующих на совещании были: Шпеер, вы, Кернер. Скажите, представлял ли Кернер там рейхсмаршала?

Мильх: Да, он был представителем по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Таким образом, на всех совещаниях бюро Кернер представлял рейхсмаршала. Не правда ли?

• *Мильх:* Да, он был представителем рейхсмаршала по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Заукель там также присутствовал и присутствовали представители чугунолитейной ассоциации, угольной ассоциации и министерства по производству вооружения и боеприпасов?

Мильх: Да.

Джексон: Имели место серьезные дискуссии по вопросу о проблемах рабочей силы и запросах этих отраслей промышленности. На странице 3062 имеется следующая запись, на которую я обращаю внимание:

«Генерал-фельдмаршал Мильх примет меры к тому, чтобы ускорить поступление русских военнопленных из лагерей для промышленности». Я спрашиваю вас, какие меры вы должны были предпринять для того, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей?

Мильх: Так как я был солдатом, я взял на себя обязанность довести этот вопрос до сведения ОКВ, которому были подчинены военнопленные.

Джексон: Таким образом, вы лично не занимались военнопленными, но вы принимали меры к получению их от ОКВ. Не правда ли?

Мильх: Правительство предоставило в наше распоряжение этих военнопленных в качестве рабочей силы. Перевозки длились очень долго. Так как надо было договариваться по этому вопросу с ОКВ, меня попросили об этом, и я обязался просить ОКВ о том, чтобы оно ускорило темпы перевозки военнопленных.

Джексон: Теперь перейдем к совещанию № 36, которое состоялось 22 апреля 1943 г. Я вновь обращаю ваше внимание на тот факт, что Шпеер, вы, Заукель и Кернер были в числе присутствовавших. Там вы вновь обсуждали вопрос о рабочей силе? Не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: И Кернер доложил следующее:

«Кернер: 1 апреля нам не доставало в сельском хозяйстве примерно 600 тысяч рабочих. Было запланировано восполнить этот недостаток путем получения рабочей силы с Востока, главным образом, женщин. Эта рабочая сила должна быть доставлена до того, как другие рабочие будут сняты с сельскохозяйственных работ. Сейчас наступает как раз такой период, когда должны производиться самые тяжелые полевые работы, требующие много рабочих» и далее в том же духе, однако я не хочу занимать времени оглашением остальной части выступлений. Я обращаю ваше внимание на страницу 2128, где записано ваше выступление на этом совещании. Вы сказали следующее: «Если сделать так, как предлагаю я, с чем также согласен Тим, то не будет нанесено никакого ущерба. Это должно быть сделано во что бы то ни стало. Больше того, я считаю, что при любых обстоятельствах мы должны снабдить рабочей силой угольную промышленность. Большую часть рабочей силы, которую мы получим с Востока, составляют, конечно, женщины. Но женщины с Востока вполне при-

вычны к полевым работам и особенно к той работе, которая должна быть сделана в течение ближайших недель, как, например, вспашка, посадка корнеплодов и т. д. Женщины вполне пригодны для этого. Следует только иметь в виду одно: вы должны вначале обеспечить сельское хозяйство этими женщинами и только затем забрать рабочих-мужчин. Было бы неправильным забрать сначала мужчин и оставить таким образом фермеров без рабочей силы на период от четырех до шести недель. Если женщины придут спустя такой промежуток времени, то это будет слишком поздно».

Я спрашиваю вас, сколько женщин было вывезено для сельскохозяйственных работ в результате этого совещания?

Мильх: На этом совещании высказывались лишь предложения с нашей стороны о том, как можно добиться равновесия в распределении рабочей силы между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы дать ему достаточно рабочей силы. Без рабочей силы в горной промышленности нельзя было дальше вести войну. Необходимо было достать рабочую силу, и для этого было сделано предложение, каким образом можно произвести обмен рабочей силы. Нужно было заменить мужчин, занятых в сельском хозяйстве, женщинами, которые, конечно, не могли работать в шахтах.

Джексон: Кому вы сделали эти предложения? Вы говорите, что это были не решения, а только предложения?

Мильх: Да, это было предложением министерству труда или властям по распределению рабочей силы. Я вижу здесь имя Тим. Это был один из ответственных чиновников по распределению рабочей силы.

Джексон: И Заукелю?

Мильх: Я не помню, был ли там Заукель. Я вижу лишь имя Тима.

Джексон: Из протоколов совещания явствует, что он там присутствовал. Но независимо от того, присутствовал он или нет, вы направляли ваши предложения Заукелю в отношении потребностей в рабочей силе, не правда ли? И поручали ему обеспечивать рабочую силу? Не так ли?

Мильх: Да, мы испытывали необходимость получить рабочих для рудничных работ. Новых рабочих мы не могли достать, следовательно, можно было лишь произвести замену.

Джексон: Я понимаю вас. Вы сэкономите нам много времени, если будете отвечать только на вопросы.

Я обращаю внимание на совещание № 54 центрального бюро планирования, которое состоялось 1 марта 1944 года. На этом совещании, я вам напоминаю, в числе присутствовавших были Заукель, Мильх, Шрейбер и Кернер. Оно происходило в министерстве воздушного транспорта и вы обсуждали на нем желательность изъятия из Франции юношей с тем, чтобы они не были в состоянии действовать в качестве партизан в случае вторжения союзников во Францию. Вспоминаете ли вы это совещание?

Мильх: Деталей я не помню. Я уже на других допросах, как в Нюрнберге, так и в Англии, говорил, что совершенно невозможно вспомнить все эти события в точности, так как их было чрезвычайно много.

Джексон: Вам поможет, если вы обратитесь к странице 1799 и прочтете следующую запись, имеющуюся после фамилии «Мильх». «Мильх:

В случае, если высадка десанта произойдет во Франции и окажется до известной степени успешной, мы столкнемся с такой волной партизанского движения, с какой мы никогда не встречались ни на Балканах, ни на Востоке, и это произойдет лишь потому, что мы сделали это возможным, обращаясь с ними не так, как это было нужно. Четыре полные возрастные группы выросли во Франции — мужчины в возрасте от 18 до 23 лет, то есть в том возрасте, когда молодежь, движимая чувством патриотизма либо подстрекаемая другими, готова пойти на все, чтобы найти выход своему чувству ненависти. И, конечно, вполне естественно, что они ненавидят нас. Эти люди должны были бы быть призваны по возрастным группам и отправлены в Германию, так как они представляют собой величайшую опасность, которая угрожает нам в случае высадки.

Я твердо убежден, как я уже заявлял несколько раз, в том, что если начнется вторжение, то акты саботажа на всех железных дорогах, промышленных предприятиях и базах снабжения будут повседневным явлением. Однако тогда мы не будем располагать нашими войсками для поддержания порядка внутри страны, так как они должны будут сражаться на фронте, имея в своем тылу очень опасного врага, нарушающего линии коммуникаций и т. д. Если же были бы приняты достаточно суровые меры, то в критический момент в нашем тылу было бы все спокойно, как в могиле. Я неоднократно подчеркивал необходимость всего этого, но я боюсь, что ничего еще не делается в этом направлении. Когда же мы будем вынуждены прибегнуть к расстрелам, то будет уже слишком поздно. Тогда мы уже не будем более располагать людьми для того, чтобы встретить партизан».

Далее вы заявили, что, по вашему мнению, «армия должна проводить операции, необходимые для изъятия подобных лиц».

Скажите, теперь вы припоминаете?

Мильх: Да, это, приблизительно, верно.

Джексон: И вы предложили уничтожить население за линией фронта, так как оно могло создать угрозу для ваших операций вовремя вторжения?

Мильх: Нет, эти люди должны были своевременно быть посланы на работу в Германию. Это было моим мнением. Было необходимо, чтобы эти люди прибыли на работу в Германию вместо того, чтобы эти люди становились партизанами и потом занимались саботажем, — а в качестве контрмера против саботажа был необходим расстрел.

Джексон: Однако вы не ограничились применением принудительного труда только по отношению к вашим противникам. Вы также применяли его по отношению к своим собственным союзникам. Не так ли? Я обращаю внимание на страницу 1814. Разве вы не сказали следующее во время обсуждения? «Мильх: Не были ли бы «защищенные фабрикш» защищены еще лучше, если бы мы взяли под свой контроль вопросы продовольственного снабжения в Италии, а затем заявили бы итальянцам: «Вас будут кормить только в том случае, если вы будете работать на этих фабриках или поедете в Германию».

Мильх: Это было после отпадения от нас части Италии и речь

шла об итальянских солдатах, которые выступили против Муссолини. Многие из этих людей находились у нас в тылу, не хотели работать и организовывали акты саботажа против германских вооруженных сил. Поэтому было внесено предложение о том, чтобы этим людям было сказано: «Вы можете получать свое питание, но вы должны тогда работать, будь то на рудниках в Италии или в Германии».

Джексон: Мне кажется, что во время вашего прямого допроса или в начале перекрестного допроса вы сказали, что вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы с оккупированных территорий. Что вы об этом ничего не знали. Вы все еще это утверждаете?

Мильх: Речь шла о военнопленных итальянцах, которые находились в нашем распоряжении, использовании их на работе согласно договоренности с признаваемым нами итальянским правительством, Муссолини совершенно определенно предоставил их для этой цели в наше распоряжение.

Джексон: Не будем сейчас тратить времени на Муссолини. Я спрашиваю вас, продолжаете ли вы еще настаивать на сделанном вами ранее заявлении, о котором я напомнил вам, а именно, что вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы из оккупированных стран в Германию? Вы дали такое показание? Так или нет?

Мильх: Поскольку речь идет о свободных людях и свободных рабочих, постольку я еще утверждаю, что это было так. По-моему, здесь речь идет о тех людях, которые были предоставлены в наше распоряжение.

Джексон: Я прошу обратить ваше внимание на страницу 1827 протокола совещания, на котором вы присутствовали и где имело место обсуждение, в отношении которого вы только что ответили утвердительно. Я прошу вас обратить внимание на строчку, которая идет посл& фамилии Заукеля. Там говорится, что Заукель доложил о том, что «из пяти миллионов иностранных рабочих, вывезенных в Германию, менее 200 тысяч прибыли добровольно».

Мильх: Я об этом абсолютно ничего не помню.

Джексон: Вы этого совершенно не припоминаете? Ну хорошо. Тогда мы перейдем к 23 совещанию центрального планирования, которое состоялось в ноябре 1942 года. Из протокола явствует, что вы присутствовали на этом совещании и принимали участие в дискуссиях. Я обращаю ваше внимание на страницу № 1024 стенографической записи этого совещания.

«Шнеер: Ну, хорошо. Через посредство промышленности мы могли бы обмануть французов и заставить их поверить тому, что мы освободим для них всех военнопленных — прокатчиков и сталеваров, если только они сообщат нам имена.

Роланд: Мы организовали наше управление в Париже. Мне кажется, что вы имеете в виду то, что французы должны сообщить имена сталеваров, которые находятся в плену в Германии?

Мильх: Я просто сказал бы: вы получаете два человека в обмен на одного из таких лиц.

Шнеер: Французские фирмы совершенно точно знают о том, какие военнопленные были сталеварами. В неофициальном порядке

вы должны создать впечатление, что они будут освобождены. Они сообщат нам имена, а затем мы получим их в свое распоряжение. Попытайтесь...

Роланд: Это — идея».

Итак, в своем выступлении вы заявили, что хотите обменять два человека за одного? Не так ли?

Мильх: Да. Это означало двух людей какой-либо другой профессии в обмен на одного? Не так ли?

Джексон: И ваша цель заключалась только в этом?

Мильх: Единственная цель заключалась в том, чтобы получить именно таких людей и взамен дать других.

Джексон: Перейдем к 53 совещанию центрального бюро планирования, которое состоялось 16 февраля 1944 г. Вы найдете себя в числе присутствовавших на этом совещании, которое состоялось в имперском министерстве авиации. Я обращаю ваше внимание на следующую запись после фамилии Мильх: «Военная промышленность в большой степени использует иностранных рабочих. По последним данным они составляют 40 процентов. Последние пополнения, поступившие от главного уполномоченного по использованию рабочей силы, состоят главным образом из иностранных рабочих. Мы потеряли очень много немецкого персонала, который был призван в армию. В особенности авиационная промышленность, являющаяся молодой отраслью промышленности, использует большое число молодежи, которая должна быть призвана в армию. Это будет крайне затруднительно, если принять во внимание, что нельзя трогать тех, кто работает в экспериментальных центрах. В массовом производстве приобретают решающее значение иностранные рабочие. Они составляют свыше 95 процентов общего числа рабочих. В производстве нашего лучшего нового мотора занято 88 процентов русских военнопленных и только 12 процентов немецких рабочих и работниц. На заводах, выпускающих самолеты Ю-52 (используемые в качестве транспортных самолетов), выпуск которых только за один месяц составляет 50—60 машин, работают лишь шесть—восемь процентов немецких рабочих; остальные — украинские женщины, производительность которых ниже, чем производительность квалифицированных рабочих». Помните ли вы это?

Мильх: Да, я очень точно помню это.

Джексон: И на странице 1873 записано, что вы сделали следующее предложение: «Мильх: Список лиц, отлынивающих от работы, должен быть передан в руки Гимmlера, который заставит их работать, как следует. Это весьма важно для общего воспитания людей, а также окажет устрашающее действие на таких рабочих, которые также были бы не прочь увильнуть от работы».

Мильх: Здесь речь о тех рабочих, которые отлынивали от работы.

Джексон: Среди иностранных рабочих? Не правда ли?

• *Мильх:* Нет, это были англичане, которые отлынивали от работы.

Джексон: Я думаю, что англичане являются иностранцами в Германии. Не так ли? Я не знаю, что вы имеете в виду, утверждая, что они не были иностранцами. Они были англичанами. ...Я хочу спросить

вас, каким путем Гиммлер мог заставить работать этих лиц? Как поступал Гиммлер, какими возможностями он располагал? Почему вы предложили Гиммлера для этой цели?

Мильх: Потому, что на одном совещании Гиммлер делал доклад о дополнительном питании. Рабочие получали нормальное основное питание, равное нормам для остального населения, и, сверх того, они получали значительное добавочное питание, которое для рабочих сверх тяжелого труда было в несколько раз больше основного питания. Это дополнительное питание выдавалось специальными продовольственными учреждениями, независимо от того, как и где работал человек. Гиммлеру поступило предложение выдавать дополнительное питание только тогда и только в такой норме, которую люди заслуживают своей работой. Так как у Гиммлера были многие из концентрационных лагерей, то это было возможно. Однако эту систему нельзя было ввести для свободных рабочих, поэтому было предложено людям, саботировавшим работу, воспитывать тем, что давать полагающиеся в соответствии с их работой дополнительные пайки только в том случае, если они выполняли эту работу.

Джексон: Надеюсь, вы нашли то место, где вы предлагаете свой метод для борьбы с этим явлением? «Я сказал своим инженерам:

я буду сам вас наказывать, если вы не будете бить таких людей. Чем больше вы сделаете в этом направлении, тем больше я буду вас уважать. Я позабочусь о том, чтобы с вами ничего не случилось. Однако это еще не дошло до всех. Я не могу лично говорить со всеми руководителями предприятий, но я хотел бы посмотреть на того, кто помешал бы мне в этом, потому, что я могу разделаться с каждым, кто мне помешает». Вы нашли это место?

Мильх: Да, я сейчас это увидел. Я не помню хорошо отдельных слов, но я стоял тогда на той точке зрения, что было совершенно невозможно, что пленный или иностранный рабочий смел говорить немецкому начальнику, что он оторвет ему голову, а руководителю предприятия...

Джексон: Хорошо, неужели вы хотите этим оказать, что если военнопленный пытался или угрожал перерезать горло немецкому мастеру, то немецкие чиновники защищали бы его против предпринимателя? Неужели вы это имеете в виду?

Мильх: (Молчание.)

Джексон: Ну, хорошо. Я продолжаю:

«Если руководитель небольшого предприятия, — я все еще цитирую ваше выступление, — будет поступать таким образом, то его поместят в концентрационный лагерь...» Вы нашли это место?

Мильх: Да, вижу.

Джексон: «...и, с другой стороны, он рискует лишиться военнопленных». Я все еще продолжаю цитировать ваши слова и я хотел бы, чтобы вы нашли эту запись. «В одном случае два русских офицера пытались взлететь на самолете, но потерпели аварию. Я приказал немедленно повесить обоих этих людей. Вчера они были повешены или расстреляны. Я предоставил это СС. Я хотел, чтобы они оба были повешены на том же заводе для того, чтобы это видели другие». Вы нашли это?

Мильх: Да, я нашел это место.

*Роберте*¹: Вы присутствовали на совещании главнокомандующих в имперской канцелярии 23 мая 1939 г.?

Мильх: 23 мая, да.

Роберте: Я хотел бы вам напомнить о том, кто присутствовал. Там присутствовали: Гитлер, Геринг, Редер, фон Браухич, Кейтель, вы, Гальдер, генерал Боденшатц, Варлимонт.

Мильх: Да.

Роберте: Вы знали, конечно, что Германия дала слово уважать нейтралитет Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Не так ли?

Мильх: Я полагаю, да, я не знаком с отдельными соглашениями, но я предполагаю, что это было так.

Роберте: Не было ли вам известно, что менее чем за месяц до этого совещания, а именно 28 апреля, в рейхстаге Гитлер заверил, что он будет уважать нейтралитет целого ряда европейских стран, включая три страны, которые я упомянул? Разве вам не был известен этот общеизвестный исторический факт?

Мильх: Я предполагаю, что так было.

Роберте: Помните ли вы, что на том совещании Гитлер произнес следующие слова, которые хорошо известны Трибуналу: «Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть оккупированы вооруженными силами. Не следует обращать внимания на обязательства об уважении нейтралитета.

...Следует направить все усилия на то, чтобы в самом начале нанести противнику сокрушающий или окончательный решающий удар. Вопросы о том, что правильно и что неправильно, или вопросы о переговорах не имеют никакого отношения к делу». Вы помните, что были произнесены эти слова?

Мильх: Я плохо помню, каким образом это говорилось, но я знаю только, что речь шла о Данциге и польском коридоре и что в связи с этим Гитлер разъяснял, какие осложнения могут создаться и что поэтому следует предпринять, по его мнению, но что именно он говорил, детали я уже не помню.

Роберте: Скажите, протестовал ли кто-либо и'з этих людей против нарушения Германией принятых ею на себя обязательств?

Мильх: На этом совещании ни у кого из присутствовавших не было возможности вообще что-либо сказать, так как Гитлер стоял на кафедре перед нами и произносил речь и после этой речи он удалился. Никакое собеседование не имело тогда места, оно не было допущено Гитлером.

Роберте: Не сообщите ли вы Трибуналу, каково ваше мнение обо всем этом?

Мильх: У меня на том совещании тогда не создалось впечатления, что Гитлер сказал что-либо такое, что противоречило бы тем обязательствам, которые на себя взяла Германия. Во всяком случае, я не помню этого.

Роберте: Во всяком случае мы знаем, что ровно через 12 месяцев после этого Германия поступила именно таким образом и нарушила свое

¹ Представитель английского обвинения. — Составители.

обязательство по отношению к Нидерландам и Люксембургу и принесла нищету и смерть миллионам людей. Вы знаете теперь об этом? Не так ли?

Мильх: Да, я знаю. Во всяком случае, будучи солдатами, мы никакого отношения к политическим вопросам не имели, и об этом нас не спрашивали.

Роберте: Вы сейчас сказали, что теперь вы знаете, что 12 месяцев спустя Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Голландии и Люксембурга, не так ли?

Мильх: Да.

Роберте: Разве не был обязан солдат возражать, если ему говорили, чтобы он нарушал слово, данное его страной?

Мильх: В его области, где он работал и где он как солдат должен что-либо сказать, — я вполне согласен с вами. Но в совершенно чуждой ему области вопросов, в которых солдат совсем не разбирается и о которых он ничего не знает, за этот круг вопросов он не может нести ответственность и привлекаться к ответственности.

Роберте: Вы можете сейчас говорить только на основании того, что известно вам лично. Утверждаете ли вы, что вы не знали о том, что ваша страна дала слово уважать нейтралитет этих трех малых стран?

Мильх: Да, я это читал в речи, произнесенной в рейхстаге.

Роберте: А сейчас я спрашиваю вас: было ли в Германии общеизвестным то, что Гитлер давал гарантии и принимал на себя обязательства по отношению ко всем этим малым странам?

Мильх: Гитлер предлагал и обещал многое.

Роберте: Отвечайте на мой вопрос... То, что вы сказали, это не ответ на заданный мною вопрос, сейчас нам известны эти факты из документов, из ваших собственных немецких документов. Я хочу сейчас только узнать о вашей осведомленности и о вашем понятии чести. Не думаете ли вы, что в высшей степени бесчестно давать обязательство 28 апреля и 28 мая. принимать тайное решение о том, чтобы нарушить это обязательство?

Мильх: Да, вы правы только в том случае, если положение не изменилось за этот промежуток времени, а об этом то я и не мог судить.

Роберте: Вы знаете, конечно, о том, -что нейтралитет Норвегии был все-таки нарушен?

Мильх: Да.

Роберте: Вы фактически осуществляли командование в Норвегии?

Мильх: Да.

Роберте: Вы знаете, что Белград был подвергнут бомбардировке, насколько я помню, в апреле 1941 года?

Мильх: Я узнал это из сводки германских вооруженных сил в свое время.

Роберте: Без всякого объявления войны и без всякого предупреждения гражданского населения. Вы знали об этом?

Мильх: Этого я не знал.

Роберте: Не обсуждали ли вы этот вопрос с Герингом?

Мильх: О нападении на Белград? Нет, этого я не помню.

Роберте: Разве даже он не высказал сожаления по поводу

бомбардировки крупной столицы, гражданское население которой не было предупреждено об этом, хотя бы за час?

Мильх: Мне это неизвестно, и я не помню такого разговора.

Роберте: Это — убийство, не так ли?

Мильх: (Молчание.)

Роберте: Вы предпочли бы не отвечать на этот мой вопрос?

Мильх: На этот вопрос я вам не могу ответить «да» или «нет», так как я не знаю подробностей об этих налетах. Я не знаю, была ли объявлена война. Я не знаю, предупреждалось ли население, и я не знаю, являлся ли Белград крепостью, я не знаю, какие объекты были атакованы. Я не знаю о таком количестве воздушных налетов, в отношении которых можно было бы поставить этот вопрос таким образом.

Роберте: Я не задал бы вам вопроса по этому поводу, если бы мы не имели относящегося к этому документа. Это — приказ Гитлера о том, что Белград следует неожиданно разрушить путем налетов бомбардировщиков волнами без предъявления какого-либо ультиматума, без каких-либо дипломатических демаршей или переговоров.

Я хотел бы вкратце остановиться на вопросах, которые затронул г-н Джексон. Но он не оглашал письма. Это — вопрос об экспериментах, которые проводились в интересах исследовательской работы военно-воздушных сил. Я постараюсь возможно реже обращаться к самим документам, а буду лишь ссылаться на них. Знаете ли вы, что 15 мая д-р Рашер написал письмо Гиммлеру? Это документ 1602-ПС, страница 1848 стенограммы?

Мильх: Это мне не было известно.

Роберте: Он производил очень опасные эксперименты, подвергаться которым никто добровольно не соглашался; обезьяны для этой цели не были пригодны, и он просил предоставить ему человеческие существа в качестве объектов для производства этих опытов. Гиммлер сразу же ответил, что он будет рад предоставить человеческие существа для производства опытов над ними. Это было в 1941 году. Было ли вам об этом что-нибудь известно?

Мильх: Об этом мне ничего не известно.

Роберте: Ваше письмо от 20 мая 1942 г., адресованное Вольфу, то есть обергруппенфюреру Вольфу, это письмо подписано вами. Не так ли?

Мильх: Да. Я подписал это письмо. Вольф был адъютантом Гимmlера. Он послал нам телеграмму, повидимому, санитарной инспекции, но санитарный инспектор отвечал ему через меня. Я не знаю, по какой причине он не ответил сам. Я уже говорил во время допроса, что я подписал эти письма, но что они не были составлены в моем бюро и что они были написаны на моем бланке как ответ санитарной инспекции. Я не имел ничего общего ни с опытами высотных полетов, ни с какими-либо опытами СС вообще, ни с санитарной инспекцией.

Роберте: Знали ли вы о том, что в этих камерах высокого давления производились опыты над живыми людьми, над человеческими существами, которые доставлялись из Дахау?

Мильх: Над кем производились эти опыты — это следует из письма, которое представила мне санитарная инспекция.

Роберте: Разве Гиммлер не послал вам письма в ноябре 1942 года,

в котором он писал: «Дорогой Мильх! Производятся эксперименты как с высоким давлением, так и с холодной водой», и что он, Гиммлер, предоставлял социально-опасных лиц и преступников из концентрационных лагерей для этих опытов? Помните ли вы это письмо?

Мильх: Это письмо мне показывали. Но я его не помню. Я не знаю, почему Гиммлер вообще писал мне. Из моего бюро эти письма, без моего просмотра, передавались непосредственно соответствующим отделам санитарной инспекции, и оттуда шел ответ через мое бюро. Я не мог создать себе определенную точку зрения на эту переписку, так как я не знал, о чем идет речь, и не мог судить о том, что там происходило с точки зрения медицины.

Роберте: Если вы говорите, что вы ничего не знали даже о тех письмах, которые вы сами подписывали, то едва ли есть смысл дальше задавать вам вопросы.

Руденко: Скажите, вы узнали о планировании Гитлером войны против Советского Союза в январе 1941 года?

Мильх: В январе я услышал от рейхсмаршала Геринга, что Гитлер сообщил ему о том, что он якобы ожидает нападения России. Затем несколько месяцев я ничего больше не слышал по этому вопросу, пока я совершенно случайно от своего подчиненного не узнал, что предстоит война с Россией и что поэтому приняты меры по обмундированию войск.

Руденко: А вы знакомы с планом «Барбаросса»?

Мильх: Это название я слышал и я видел этот план во время совещания с отдельными командующими войсковых групп и армий, которое имело место у фюрера за день или за два до вторжения в Россию.

Руденко: Когда, примерно, за один день или за два дня до вторжения в Россию?

Мильх: Я могу вам точно сообщить эту дату.

Это было 14 июня. Значит, это, примерно, за восемь дней до вторжения, которое состоялось 22 июня.

Руденко: А до этого вы видели план «Барбаросса»?

Мильх: Название «Барбаросса» слышал, возможно, еще до этого совещания.

Руденко: Когда?

Мильх: Этого я не могу точно сказать, так как январь, февраль, март и апрель я провел за пределами Германии и вернулся лишь в мае.

Руденко: Меня интересует период, когда вы были у себя в военно-воздушных силах. Декабрь, январь месяцы вы находились в Германии?

Мильх: Декабрь 1940 года? Но только частично, а частично я находился во Франции и Италии.

Руденко: В январе 1941 года вы находились в Германии?

Мильх: Тогда я все время был на западе и, насколько я помню, ни одного дня не был в Германии.

Руденко: Вы сказали, что в январе 1941 года вы имели беседу с Герингом по вопросам плана войны против СССР?

¹ Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Мильх: Да.

Руденко: Стало быть, в январе?

Мильх: Да, 13 января. Но я уже не помню, говорил ли я об этом с Герингом во Франции или это происходило путем телефонного разговора, или же я день или два был в Германии. Этого я не могу сказать, я не записал себе этого.

Руденко: Путем телефонного разговора обсуждался вопрос о нападении на Россию?

Мильх: Нет, тогда речь шла не о нападении на Россию, а наоборот, — о нападении России на Германию.

Руденко: Вопрос о нападении России на Германию тоже выяснялся путем телефонного разговора?

Мильх: Я вообще не давал никаких пояснений, я сказал только, что я не знаю. Были ли мне переданы сведения по особому кабелю, который нельзя подслушать, или же об этом Геринг сказал мне во Франции, или же я в этот день находился в Германии, я не помню.

Руденко: А когда вы обсуждали вопрос с Герингом и Геринг сказал, что он не желает войны?

Мильх: Это было 22 мая.

Руденко: Какого года, 1941?

Мильх: Да, 1941 года.

Руденко: Где этот вопрос обсуждался?

Мильх: Это было вблизи Нюрнберга, в Шельденштайне.

Руденко: Вы только с Герингом обсуждали этот вопрос или кто-либо присутствовал при этом?

Мильх: Только с Герингом.

Руденко: И вы утверждаете, что Геринг не желал воевать с Россией?

Мильх: Таково было мое впечатление.

Руденко: А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со странной, которая нападает на Германию? Ведь это оборонительная война?

Мильх: Геринг отрицательно относился к такой войне.

Руденко: К оборонительной войне?

Мильх: Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам.

(В зале смех.)

Руденко: Странно. Может быть, вы точнее изложите, почему Геринг не желал войны с Россией?

Мильх: Так как война на два фронта, да к тому же еще с Россией, для Германии, как я считал, принесет поражение, и я думал, что не только я, но и многие другие солдаты и начальники понимали это.

Руденко: Вы лично тоже были противником войны с Россией?

Мильх: Да, безусловно, я был противником войны с Россией.

Руденко: Но ваши объяснения по меньшей мере неубедительны. С одной стороны, вы утверждаете, что речь шла о нападении России на Германию, а с другой стороны, что Геринг и другие высшие офицеры не желали воевать с Россией.

Мильх: Разрешите мне пояснить. 13 января Геринг сообщил мне, что Гитлер придерживается той точки зрения, что Россия хочет высту-

пить против Германии. Это было не мнение Геринга и не мое мнение, я думаю — это было мнение Гитлера, которое он выразил как свое.

Руденко: Насколько я помню, ни Геринг, ни вы не верили этому мнению Гитлера?

Мильх: Я могу говорить только о себе лично. Я открыто говорил о том, что я не верил, что Россия собирается выступить против нас. Что думал Геринг по этому поводу, я не могу сказать, он мне об этом не говорил. 22 мая, когда я говорил по этому вопросу с Герингом и настоятельно просил его, чтобы он в разговоре с Гитлером воспрепятствовал началу войны против России, Геринг сказал мне, что он сам представлял Гитлеру эти аргументы, но что переубедить Гитлера было невозможно, что его решение было непоколебимо и нет такой силы в мире, которая бы могла изменить его.

Руденко: И следующее положение, которое я заключил из вашего свидетельства, что Геринг, говоря о том, чтобы не воевать с Россией, имел в виду, что идет война с Англией? Чтобы избежать войны на два фронта?

Мильх: С чисто военной точки зрения — безусловно. Но я думаю, что если бы тогда эта война не возникла, то и позднее она не возникла бы.

Руденко: И вы серьезно допускаете, что можно говорить о превентивной войне столь долго и в то же время разрабатывать план «Барбаросса» и последующие к нему инструкции с привлечением союзников для нападения на Россию? Вы серьезно утверждаете о таком превентивном характере войны?

Мильх: Я могу это понимать только таким образом, что если Гитлер перил в то, что Россия собирается напасть на Германию, то он сказал, что он должен методом превентивной войны предупредить нападение России. Для меня не существовало обязательных предпосылок к тому, что Россия нападет на нас. Я, конечно, не имел достаточных сведений, но я лично не думал, что Россия сделает это, исходя из интересов России, которые я пытался проанализировать.

Руденко: Я еще имею несколько вопросов в связи с военнопленными. Здесь уже уточнялся вопрос в отношении привлечения в авиацию военнопленных, в частности советских военнопленных. Это вам известно?

Мильх: Да.

Руденко: Как вы относились к тому, что военнопленных заставляли работать против своей страны?

Мильх: Это, естественно, очень некрасивый поступок.

Руденко: Вы говорите, что это некрасивый поступок, не слишком ли это мягкая характеристика?

Мильх: Это зависит от того, что делают другие.

Руденко: Я спрашиваю вас о действиях верховного командования Германии. Считали ли вы, что эти действия нарушают нормы международного права?

Мильх: Этот вопрос, с точки зрения правовой, мне не ясен, и сегодня мне не ясно. Я знаю только, что было приказано использовать военнопленных на работах.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ДЮБОСТОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ О КАЗНЯХ ЗАЛОЖНИКОВ
И ДРУГИХ НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОИНЫ

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 24—25 января 1946 г.]*

Мои британские и американские коллеги предъявили доказательства того, что подсудимые замыслили и осуществили план заговора с целью господства над Европой. Они показали вам, какие преступления против мира они совершили, развязывая несправедливые войны. Они вам показали, что все подсудимые, будучи руководителями нацистской Германии, задолго выработали план ведения несправедливых войн и участвовали в заговоре.

...Мы намереваемся предъявить доказательства того, что подсудимые, будучи руководителями гитлеровской Германии, систематически проводили политику уничтожения, жестокость которой усиливалась день ото дня, вплоть до поражения немцев; что эти жестокости подсудимые задумали и осуществляли их, что входило в систему, которая должна была способствовать выполнению политического замысла.

Те преступления, о которых я буду говорить, превосходят все известные до сих пор по силе и глубине. Они являются частью политики экспансии и стремления к господству. Наилучшее определение этой политики было дано самим Гитлером в его речи 16 мая 1927 г. в Мюнхене. Оя говорил своим слушателям об опасности, которой якобы подвергалась уже высокоиндустриальная и богатая Германия с населением в 70 миллионов человек со стороны Франции, страны сельскохозяйственной, с 40 миллионами жителей. В этот день Гитлер сказал:

«Есть только одна возможность у Германии избежать окружения, эта возможность — уничтожение государства, которое по своей природе всегда будет смертельным врагом Германии. Этот враг — Франция.

Когда народ видит, что всему его существованию угрожает враг, тогда он должен иметь одну цель, а именно: уничтожение своего врага».

В течение первых месяцев после победы немцы, казалось, оставили свое намерение уничтожать население, но эта была лишь тактика. Они надеялись вовлечь в войну против Англии, против Советского Союза поработанные ими западные нации. Попеременно прибегая то к хитрости, то к насилию, они пытались заставить западные нации сотрудничать с ними. Народ сопротивлялся. Тогда подсудимые отказались от этой тактики и снова стали замышлять осуществление своего большого плана истребления побежденных народов, стремясь захватить в Европе необходимые пространства для 250 миллионов немцев будущих поколений. «Истребление», «уничтожение» термины, взятые мной из речи самого Гитлера, — употреблялись под различными предлогами: уничтожение низшей расы или негроидов, уничтожение большевизма, ликвидация еврейского и масонского влияния на установление на всем континенте так называемого «нового порядка» в Европе.

В действительности, это уничтожение, это истребление и эта ликвидация являлись просто убийствами всех тех, кто противился нацизму.

Я вам сейчас предъявляю доказательства того, что все это проводилось в осуществление продуманного плана, существование которого доказано, между прочим, наличием аналогичных фактов, повторяющихся во всех оккупированных странах.

При наличии такого повторения и постоянства невозможно более говорить о том, что только тот, кто совершал эти зверства, повинен в них. Это повторение и это постоянство доказывают, что одна преступная воля объединяла всех членов немецкого правительства, все руководство Германии.

Эта общая воля породила официальную политику терроризма и истребления, которая направляла удары палачей. Именно участием в формировании этой общей воли каждый из подсудимых поставил себя в ряд главных военных преступников.

Факты, о которых я должен вам представить доказательства, подтверждаются многочисленными свидетелями.

Все совершенные зверства полностью объясняются германской террористической политикой. С этой точки зрения у нее имеется прецедент в немецкой практике ведения войны. Мы все сохранили в своей памяти казни заложников в Динане во время войны 1914 года, казни заложников в цитадели Лон или заложников в Санли. Но нацизм усовершенствовал эту политику террора. Для него террор есть способ порабощения. Первые признаки этой политики террора во время оккупации все французы еще хорошо помнят. Они увидели на стенах Парижа так же, как повсюду, вплоть до самых малых селений во Франции, всего несколько месяцев спустя после подписания перемирия красные плакаты, окаймленные черным, возвещавшие о первых казнях заложников. Мы знаем матерей, которые таким образом узнали о казни своих сыновей. Эти казни производились оккупантами вследствие антигерманских инцидентов. Эти инциденты были ответом французского народа на официальную политику коллаборационизма. Было оказано сопротивление этой политике, и вместе с ним возрастали репрессивные меры вплоть до 1944 года — кульминационного пункта германского террора во Франции и в оккупированных странах на Западе. С этого момента армия и полиция СС перестали говорить об истреблении заложников, они организовали настоящие карательные экспедиции, во время которых сжигали целые деревни, тысячи людей из гражданского населения были убиты, арестованы или угнаны. Но прежде чем дойти до этого, правители Германии пытаются оправдать такие преступные действия в глазах народов. Они издадут, как мы покажем, настоящий кодекс о заложниках и делают вид, что хотят лишь заставить уважать право всякий раз, когда они проводят казни и репрессии.

Гагская конвенция в статье 50-й запрещает взятие заложников.

«Нельзя налагать денежных штрафов и других наказаний на все население, если это является следствием индивидуального проступка и если нельзя рассматривать все население ответственным». Однако германский генеральный штаб, германское правительство стараются заставить забыть об этом законе и возвести в право систематическое нарушение Гагской конвенции.

Я вам опишу, как генеральный штаб придумал для себя мнимое право брать заложников, лжеправо, которое нашло окончательное выражение во Франции в кодексе о заложниках Штюльпнагеля.

Я вам покажу в краткой выдержке из документа, кто из подсудимых является главным виновником этого преступления.

15 февраля 1940 г. в секретном докладе, предназначенном для подсудимого Геринга, ОКВ оправдывает взятие заложников.

Этот документ датирован—Берлин, 15 февраля 1940 г. Он озаглавлен: Верховное командование Армии. Секретно. Имперскому Министерству авиации. Верховное командование военно-воздушных сил. Тема — взятие заложников.

«По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда этого требует безопасность войск, действующих во исполнение полученных приказов. В большинстве случаев нужно будет к этому прибегать в случаях сопротивления и' враждебных действий населения в оккупированных районах, при условии, однако, что войска находятся в бою или в таком положении, когда нет никакого другого способа обеспечить безопасность.

При отборе заложники будут арестовываться лишь в том случае, если враждебные группы населения заинтересованы в том, чтобы они не были казнены. Заложники будут отбираться из тех кругов населения, от которых можно ожидать враждебных выпадов. Арест заложников должен производиться среди лиц, участь которых может повлиять на руководителей».

Против этого, насколько мне известно, Геринг никогда не возражал.

Вот еще один документ. Это — инструкция главнокомандующего сухопутными силами во Франции, она подписана 12 сентября 1940 г., спустя три месяца после оккупации. О заложниках говорится следующее:

«Заложниками являются граждане страны, которые гарантируют своей жизнью безупречное поведение населения. Ответственность за их судьбу несут их соотечественники. Поэтому население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности. Только французские граждане могут' быть взяты в качестве заложников. Заложники могут отвечать за действия, совершенные только после их ареста и после публикации правил».

...По этому вопросу было издано несколько приказов. Есть два распоряжения генерального штаба от 2 ноября и 13 февраля.

«Если акты насилия совершены населением против членов оккупационных сил, если военным помещениям и оборудованию нанесен ущерб либо разрушения или если другие действия угрожают безопасности' немецких управлений и отдельных частей, то, в зависимости от обстоятельств, население, проживающее в месте совершения преступления считается ответственным или соучастником этих актов саботажа; могут быть приняты превентивные меры и меры репрессии с тем, чтобы гражданское население впредь побоялось бы совершать, провоцировать или терпеть подобные поступки.

Все население считается ответственным за действия саботажа со стороны отдельных личностей, если своим общим поведением в отношении немецких вооруженных сил оно способствовало недружелюбным поступкам и если своим пассивным отношением в деле раскрытия предшествующих актов саботажа оно воодушевляло злонамеренных лиц на

подобные действия или если оно создавало благоприятную почву для оппозиции против немецкой оккупации.

Должны предписываться такие меры, которые могли быть приведены в исполнение. Угрозы же, не приведенные в исполнение, — есть признак слабости».

До сих пор мы не находим в этих немецких текстах утверждения, что взятие и казни заложников составляют право оккупационных властей. Но вот немецкий документ, который очень ясно формулирует эту мысль.

Он исходит от главного судьи при главнокомандующем в Бельгии и в Северной Франции и адресован германской комиссии по перемирию в Висбадене. На полях документа — заголовок «Секретные дела командос». Тема: «Убийство восьми террористов в Лилле 22 декабря 1943 г.»

...«К тому же я подтверждаю свою точку зрения, а именно, что меры, принятые полевой комендатурой в Лилле в ответ на письмо моей полицейской группы от 2 марта 1944 года, вопреки мнению комиссии по перемирию, основываются на твердых правовых нормах и являются действенными. Как раз комиссия по перемирию должна объявить французам, если есть необходимость входить в такого рода детали, что казни были произведены в соответствии с основными принципами правил, действующих для заложников».

Таким образом, здесь речь идет о государственной доктрине. Невинные становятся заложниками. Они своей жизнью отвечают за поведение их сограждан по отношению к немецкой армии. Если совершено нарушение, к которому они даже непричастны, все равно они подвергаются коллективному наказанию, вплоть до смертной казни. Это положение, официально установлено германским верховным командованием. ...Кейтель 16 сентября 1941 г. подписал общий приказ, который здесь уже зачитывался.

Этот приказ распространяется на все области как на Востоке, так и на Западе. Здесь имеется указатель, кому должны направить этот приказ, и в числе других упоминаются имена всех главнокомандующих в местностях, оккупированных Германией: Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, Украине, Сербии, Салониках, Греции, Крите. Этот приказ действовал в течение всего времени войны. Приказ от 1944 года ссылается на предшествующий. Этот приказ Кейтеля, начальника ОКБ, носит яркий характер антикоммунистических репрессий. Он имел целью проведение репрессий в отношении гражданского населения.

В отношении Франции общие приказы Кейтеля были применены генералом Штюльпнагелем в его приказе от 30 сентября 1941 г., который известен во Франции под названием «Кодекс заложников».

Приказ от 30 сентября 1941 г. является существенным для того, чтобы осветить обстоятельства, при которых производился расстрел французских заложников. Я оглашу этот документ:

«22 августа 1941 г. я опубликовал следующее сообщение:

Утром 21 августа 1941 г. в Париже немецкий военнослужащий пал жертвой покушения. Я поэтому приказываю:

1. Чтобы французы, в настоящее время по любой причине задержанные немецкими властями или по их распоряжению, с 23 августа считались заложниками.

2. Некоторое число из этих заложников будет расстреляно-в зависимости от серьезности! совершения действий.

19 сентября 1941 г. я приказал послать ноту послу французского правительства при немецком главнокомандующем во Франции, что с 19 сентября 1941 г. все французы мужского пола, которые находятся под арестом за коммунистическую или анархическую деятельность или которые в дальнейшем будут арестованы, должны будут задерживаться и подвергаться аресту французской администрацией; одновременно аресты будут производиться и по приказу немецкого главнокомандующего во Франции.

На основании моей ноты от 22 августа 1941 г. и моего приказа от 19 сентября 1941 г. следующие группы или лица будут считаться заложниками:

а) французы, которые в настоящее время задержаны немецкими властями по любым причинам, например, лица, арестованные полицией, лица, находящиеся в превентивном заключении, лица, отбывающие наказание;

в) французы, которые задерживаются во Франции французскими властями по требованию немецких властей; сюда относятся:

аа) французы, которые арестованы французскими властями за анархическую или коммунистическую деятельность;

ав) французы, которые будут отбывать наказание — лишение свободы — под контролем французских властей по требованию немецких военных трибуналов;

ее) французы, которые по требованию немецких властей были арестованы французскими властями или будут находиться под арестом или будут передаваться французским властям немецкими властями с целью содержания их под арестом.

с) лица, не имеющие гражданства, которые достаточно долго живут во Франции, будут считаться французами в смысле моей прокламации от 22 августа 1941 г.

3. Освобождение из-под стражи.

Лица, которые не находились под арестом к 22 августа и к 19 сентября 1941 г., но которые были арестованы позднее и к которым ранее указанные определения не относятся, не включаются в число заложников.

Освобождение лиц, отбывающих наказание, по истечении срока наказания или по всяким другим причинам не будет приостанавливаться в связи с моим объявлением от 22 августа 1941 г. Освобожденные лица не могут быть взяты в качестве заложников. Те, кто находится под арестом у французских властей за коммунистическую или анархическую деятельность, могут освобождаться, как я уже сообщал французскому правительству, только с моего согласия.

Из тех групп французов, которых немецкое командование найдет для этого подходящими, можно будет в случае какого-либо инцидента составлять списки заложников, подлежащих немедленной казни.

Если произойдет такое событие, которое в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. вызовет необходимость расстрела заложников, то казнь должна быть произведена немедленно вслед за изданием такого приказа.

Таким образом, начальники округов должны будут из общего количества заключенных выбрать тех, которые могут быть казнены в первую очередь, и занести их в список заложников. Эти списки заложников являются основой для предложений, которые должны быть сделаны мне в каждом случае.

На основании наблюдений, сделанных до сих пор, надо сказать, что те, кто совершают покушения, большей частью принадлежат к террористическим или анархическим кругам. Таким образом, начальники округов должны отобрать из задержанных лиц тех, которые в прошлом принадлежали к коммунистам или анархистам или участвовали в подобных организациях. Они подлежат казни в первую очередь.

При отборе необходимо учитывать, что воздействие казней заложников на тех, кто производит террористические акты, и на тех лиц, которые во Франции или за границей несут моральную ответственность как издающие приказы или как пропагандирующие акты саботажа и террора, тем больше, чем большей известностью пользуются расстрелянные. Опыт показывает, что лица, издающие приказы, и политические круги, заинтересованные в совершении покушений, пренебрегают жизнью своих мелких сообщников и, напротив, стремятся максимально охранять жизнь своих старых и известных сотрудников.

Поэтому в списки надо вносить в первую очередь:

- а) известных депутатов и деятелей коммунистических или анархических организаций;
- в) лиц умственного труда, которые содействовали распространению коммунистических идей устно или письменно;
- с) лиц, которые своим поведением доказали свою опасную деятельность;
- d) лиц, которые сотрудничали по распространению листовок».

При отборе оккупанты руководствовались лишь одним стремлением — необходимо парализовать наиболее выдающихся личностей. Мы увидим, что в соответствии с параграфом «б» немцы расстреляли в 1941—1942 гг. в Париже и в провинциальных городах большое количество лиц из интеллигенции, среди которых были такие, как Соломон и Политцер.

Я еще возвращусь к этим казням, когда буду вам приводить примеры немецких зверств, совершенных по отношению к заложникам во Франции,

«2. Список заложников, взятых среди французских заключенных, сторонников де Голля, должен быть составлен в соответствии с теми же директивами».

«3. Чистокровные немцы, состоящие во французском подданстве, которые арестованы за их коммунистическую или анархическую деятельность, могут также включаться в эти списки. Их немецкое происхождение должно указываться в прилагаемой к списку анкете. Лица, которые были осуждены к смерти и позднее помилованы, тоже могут заноситься в эти списки».

«5. В списки по округам должны заноситься по 150 человек, а в районах большого Парижа от 300 до 400 человек. По возможности, надо казнить лиц, проживающих в районе, где совершено преступление. Поэтому начальники округов должны каждый раз заносить в

списки тех лиц, последнее местожительство которых находилось в этом округе».

«Списки должны быть всегда наготове. В них должны вноситься изменения в соответствии с новыми арестами и освобождениями».

«7. Предложения, касающиеся казней.»

«Если происходит какое-либо событие, вызывающее необходимость казни заложников в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г., начальник округа, в котором это событие имело место, должен выбрать среди списка заложников лиц, которых он хочет предложить для казни. По мере возможности, он должен выбирать заложников, принадлежащих к предполагаемой среде, из 'которой вышло лицо, совершившее данное преступление'... (Я пропускаю параграф.)

«Не могут быть казнены те, кто в момент покушения уже находился под арестом. В этом предложении должно указываться число людей, которых предполагают казнить, и порядок очередности их отбора».

«При погребении трупов надо избегать того, чтобы на одном и том же кладбище хоронили в одной общей могиле много казненных, потому что такое кладбище впоследствии может превратиться в место паломничества, что явится поводом для антинемецкой пропаганды. Вот почему, поскольку возможно, погребение должно всегда производиться в различных местах».

Я предъявил вам доказательства, последовательно огласив ряд германских официальных документов, которые создавались высшими властями армии и партии, а также нацистского правительства, преднамеренно использовавшими власть в целях проведения террористической политики.

...Вы увидите точные данные в отношении каждого района, указывающие на число заложников, которые там были казнены:

в районе Лилля	— 1143 человека
» Лаона	— 222 »
» Руана	— 658 »
» Анжера	— 863 »
» Орлеана	— 501 »
» Реймса	— 353 »
» Дижона	— 1691 »
» Пуатье	— 82 »
» Страсбурга	— 211 »
» Ренна	— 974 »
» Лиможа	— 2863 »
» Клермон-Феррана	— 441 »
» Лиона	— 3674 »
» Марселя	— 1513 »
» Монпелье	— 785 »
» Тулузы	— 765 »
» Бордо	— 806 »
» Нанси	— 571 »
» Меца	— 220 »
» Парижа	— 11 000 »
» Ниццы	— 324 »

Я ограничусь в своей обвинительной речи несколькими типичными примерами казней, которые разоблачают политический план генераль-

ног& штаба, предписывавшего их совершение, террористический план, заключавшийся в создании розни между французами и в усилении этой розни, если рассматривать вопрос в более общих чертах. Это же относится к населению всех оккупированных стран... я предъявляю документ, который называется «Объявление для жителей Парижа».

В этом документе воспроизведены некоторые из многочисленных объявлений, которые помещались в газетах с 1940 по 1945 год и в которых сообщалось об аресте заложников в Париже, в районе Парижа и во всей Франции'. Я оглашу лишь один из документов. На этом документе имеется заголовок «№ 6, 19 сентября 1941 г.». В этом документе вы обнаружите призыв к доносу, призыв к предательству. Вы увидите, как в нем используются средства коррупции, средства, систематически применявшиеся во всех странах Запада в течение оккупации, средства, с помощью которых стремились деморализовать население этих стран.

'«Обращение к населению оккупированных территорий»

«21 августа трусливые убийцы напали сзади на немецкого солдата и убили его. В связи с этим я приказал 23 августа, чтобы были взяты заложники. Я пригрозил расстрелять часть этих заложников в том случае, если подобные покушения повторятся.

Новые преступления заставили меня привести эту угрозу в исполнение. Несмотря на это, многочисленные покушения имели место и в дальнейшем. Я признаю, что население в своем большинстве сознает свой долг, который заключается в оказании помощи оккупационным властям, в их усилиях, направленных на поддержание спокойствия и порядка в стране, что делается также и в интересах местного населения».

«Но среди вас имеются агенты, оплачиваемые державами — противниками Германии, преступные коммунистические элементы, которые имеют перед собой единственную цель — посеять раздор между оккупирующей державой и французским населением. Эти лица проявляют полное безразличие к тем последствиям, которые могут быть вызваны их деятельностью в отношении всего населения.

Я не хочу далее подвергать опасности жизнь германских солдат из-за этих убийц. Для того чтобы выполнить свой долг, я не отступлюсь ни перед какими мерами, какими бы суровыми они ни были. Но моим долгом также является признание ответственности всего населения, поскольку до настоящего времени оно не схватило этих преступников и не подвергло их наказанию, которого они достойны.

Вот почему я считаю себя вынужденным принять меры, прежде всего в Париже, меры, которые, к сожалению, создадут затруднения в обычной жизни населения.

Французы! От вас самих зависит, усугублю ли я эти меры или же вновь откажусь от того, чтобы их использовать. Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию содействовать путем проявления вами предельной бдительности и вашей личной активной помощи в аресте виновных. Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избежания критической ситуации, которая повергла бы всю страну в несчастье.

Подпись: Штюльпнагель».

Я дам вам подробное описание двух случаев, которые наполнили печалью сердца французов. Они имели место в октябре 1941 года, оба эти случая остались навсегда в памяти моих соотечественников.

Они известны под названием «Казнь в Шатобриане и Бордо».

После нападений на двух германских офицеров, имевших место в Нанте 20 октября 1941 года и в Бордо спустя несколько дней, командование германской армии приняло решение использовать эти случаи для дачи поучительного урока... 21 октября 1941 г. было опубликовано в газете «Ле Фар» следующее уведомление:

«Трусливые преступники, оплачиваемые Англией и Москвой, утром 20 октября 1941 г. убили выстрелом в спину военного коменданта г. Нанта. До настоящего времени убийцы еще не арестованы.

В качестве возмездия за это преступление я предварительно приказал расстрелять 50 заложников. В связи с тяжестью преступления еще 50 заложников будут расстреляны в том случае, если преступники не будут арестованы к 24 часам 23 октября 1944 г.».

...Штюльпнагель, который командовал германскими войсками во Франции, приказал министру внутренних дел сообщить имена заключенных. Их следовало отобрать из числа наиболее опасных коммунистов. (Это выражение, употребленное Штюльпнагелем в его постановлении.) Министр внутренних дел подготовил список, в который были включены имена 60 французов.

В предместье Парижа имеется пользующееся известностью место, ставшее для французов после освобождения местом паломничества. Это место — форт Ромэнвилль. В период оккупации немцы превратили этот форт в место заключения для заложников, откуда они брали свои жертвы в тех случаях, когда хотели осуществить репрессивные меры в связи с каким-либо патриотическим выступлением. Это отсюда были увезены профессор Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, д-р Бозр и шестеро других французов, которые были арестованы в марте 1942 года, подвергнуты пыткам в гестапо, а затем казнены без суда в мае 1942 года.

19 августа из этого форта было взято 27 заложников, среди них г-н ле Галль, муниципальный советник в Париже. Все они были перевезены из форта Ромэнвилль в Мои Валерьен и казнены...

В сентябре 1942 года было совершено покушение на германских солдат в кинотеатре «Рекс» в Париже. 20 сентября по указанию генерала Штюльпнагеля в газетах было опубликовано сообщение, в котором говорилось о том, что в наказание за это покушение он приказал расстрелять 116 заложников, в нем также было указано о том, что будут приняты суровые меры по угону населения.

В этом сообщении говорится: «В результате покушений, совершенных коммунистическими агентами и террористами, оплачиваемыми Англией, было убито и ранено несколько германских солдат. В качестве репрессивной меры за эти покушения я приказал расстрелять 116 коммунистов, чье участие в террористических актах в качестве исполнителей или сообщников было установлено в результате признания.

Помимо этого, был принят ряд других суровых репрессивных мер в целях предупреждения инцидентов в связи с подготовляемыми коммунистами выступлениями днем 20 сентября 1942 г.

Я приказываю следующее:

1. С субботы 19 сентября 1942 года с 15 часов и до воскресенья 20 сентября 1942 г. до 24 часов все театры, кинематографы, кабаре и другие увеселительные заведения, предназначенные для французского населения департаментов Сены» Сены и Уазы, Сены и Марны, закрыть. Все публичные выступления, в том числе и спортивные, запрещаются.

2. В воскресенье 20 сентября 1942 г. с 15 до 24 часов гражданам негерманского происхождения департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, исключая лиц, которые представляют официальные органы, а также исключая врачей, запрещается появляться на улицах и в публичных местах».

В действительности 46 заложников из числа упомянутых 116 отобрали лишь днем 20 сентября. Немцы приказали передать заключенным форта Ромэнвилль газеты от 20 сентября, в которых сообщалось о решении верховного военного командования. Таким образом, заключенные форта Ромэнвилль узнали из газет, что во второй половине этого же дня часть из них будет отобрана и расстреляна. Каждый из них находился весь день в ожидании того, что вечером он будет вызван, и те, кто были вызваны, знали заранее, какая участь их ожидает; все они умерли, будучи невиновными в тех преступлениях, за совершение которых они были казнены, так как ответственные за покушение в кинематографе «Рекс» были задержаны спустя несколько дней.

В Бордо было казнено 70 других из общего числа 116 заложников, о которых сообщил генерал Штюльпнагель. В качестве репрессии за убийство германского чиновника «Трудового фронта» Риттера в Париже было расстреляно в конце сентября 1943 года еще 50 заложников. В воспроизведенной в том же документе газетной статье вы обнаружите уведомление, сделанное французскому населению об этой казни.

«Репрессии за совершение террористических актов: за последнее время во Франции возросло число покушений и актов саботажа. В связи с этим по приказу германских властей 2 октября 1943 г. было расстреляно 50 террористов, так как было неопровержимо установлено их участие в террористических действиях и актах саботажа».

Все эти действия в отношении заложников, находившихся в форту Ромэнвилль, были сообщены нам одним из сотен французских заключенных в этом форту, которому удалось спастись, — господином Рабатэ, механиком, проживающим в Париже на улице Томб-Исуар, 69; он был допрошен в качестве свидетеля и дал следующие показания:

«Нас было 70 человек, среди которых находились профессора Жак Соломон, Декуртменш, Жорж Политцер, доктор Бозр, господа Энгро, Дюдаш, Кадра, Далидэ, Голю и Пикан. Все они, а также примерно такое же число женщин были расстреляны в мае 1942 года.

Некоторые из них были переведены немцами из парижской тюрьмы Сантэ, а большинство из парижской тюрьмы Шерш-Миди в немецкий квартал, в дом в районе улицы Де Соссе, где нас поочередно допрашивал офицер гестапо. Некоторых из нас, в частности Политцера и Соломона, пытали вплоть до переломов рук и ног. Офицер сделал мне следующее предупреждение во время допроса. Я повторяю его слова — «зять профессора Ланжевена Жак Соломон пришел сюда с вызывающим видом, а вышел ползком...»

После пятимесячного пребывания в тюрьме Шерш-Миди, во время которого мы узнали о казни в качестве заложников десяти заключенных, чьи имена уже были мною указаны, нас перевели 24 августа 1942 г. в форт Ромэнвилль.

Следует отметить, что, начиная с момента ареста, нам было запрещено вести переписку и получать письма, а также давать знать нашим семьям, где мы находимся. На дверях наших камер была надпись: «Все запрещается».

В форту Ромэнвилль мы были отнесены к категории заключенных, «подвергнутых изоляции». Это слово соответствует сокращению «НН» о котором мы узнали в Германии».

В районах на Севере Франции, которые были в административном отношении присоединены к Бельгии и находились под властью генерала Фалькенхорста, осуществлялась та же политика истребления.

В других странах Запада, помимо Франции, число подобных казней исключительно велико.

...В отчете о расследовании, произведенном в связи с массовыми казнями, которые производили немцы в Голландии, указывается, что 7 марта 1945 г. был отдан приказ расстрелять 80 заключенных. Власти, которые отдали этот приказ, заявили: «Все равно, откуда вы возьмете этих заключенных. Казнить без различия возраста, профессии, происхождения». Всего четыре тысячи голландцев было расстреляно при тех же обстоятельствах.

Трибунал уже вероятно отметил, что большинство этих заложников являются интеллигентами или очень крупными деятелями Голландии.

8 списке встречаются имена депутатов, сенаторов, адвокатов, священников, крупных чиновников; в список также включен бывший министр юстиции. Арестам систематически подвергалась избранная часть интеллигенции этой страны.

Что касается Норвегии, то в кратком отчете о казнях, которые совершали немцы в этой стране, говорится:

26 апреля 1942 г. два германских полицейских, которые пытались арестовать двух норвежских патриотов, были убиты на одном острове у западного побережья Норвегии. В отместку за это, четыре дня спустя, 18 молодых людей были расстреляны без всякого суда. Эти 18 норвежцев находились в тюрьме с 22 февраля того же года и не принимали никакого участия в убийстве полицейских.

Тысячи и десятки тысяч граждан во всех западных странах были казнены без суда в виде репрессий за действия, в совершении которых они не участвовали.

...Каждое покушение вызывало казнь заложников; каждый расстрел заложников вызывал в отместку новые покушения. Как общее правило, объявление о новых казнях заложников погружало страну в оцепенение и заставляло каждого гражданина осознавать судьбу своей родины, несмотря на усилия германской пропаганды. Можно было бы думать, что ввиду провала этой политики террора подсудимые изменят свое поведение. Однако они, наоборот, усугубляли свои зверства...

РЕЧИ
ОБВИНИТЕЛЕЙ
ПО ДЕЛУ
ПРЕСТУПНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЭВИДА МАКСУЭЛЛА ФАЙФА**

[Произнесена 28—29 августа 1946 г.]

Господа судьи, в 1938 году Гитлер заявил в рейхстаге (я цитирую его слова):

«Национал-социализм дал германскому народу руководство в лице партии, которое не только мобилизует нацию, но и организует ее. Национал-социализм завладел Германией целиком и полностью... Нет ни одного учреждения в государстве, которое бы не было национал-социалистским».

Мы теперь знаем, какого рода руководство дал национал-социализм германскому народу. Мы знаем, каким образом и для каких целей национал-социалистская партия мобилизовывала и организовывала германский народ — для господства над миром ценой войны и убийств. Обладание Германией, целиком и полностью достигнутое национал-социализмом, означало обладание народом духовно и физически, осуществляемое организациями национал-социалистской партии и правительства.

С какой целью нацисты стремились завладеть народом? Их целью было создать подконтрольное фанатичное полицейское государство, готовое к военной агрессии. Если бы можно было себе представить некий «эрзац» Макиавелли, который бы формулировал то, что для этого было нужно, он бы счел, вероятно, необходимым:

1) Быстрый метод издания законов и декретов. Для этого необходим податливый и уступчивый кабинет, обладающий полнотой законодательной власти, — рейхсрегент.

2) Быстро" подавление всяких признаков оппозиции или свободы мысли. Для этого нужна служба шпионажа и полиции, умеющая наносить удар без промедления, — СД и гестапо.

3) Полный контроль над общественным мнением. Он обеспечивается путем давления фанатического корпуса политических руководителей на пропитанную пропагандой общественность страны.

4) Преторианская гвардия, которая избавит вас не только от «непокорных священников», но и от всех тех, кто придерживается собственных религиозных убеждений. И вот появляется СС.

5) Проникающая всюду рука исполнительной власти, которая захватит население и заставит его тренироваться физически и готовиться мо-

рально к войне, которая будет толкать население в нужном направлении, когда появится необходимость в массовом насилии, которая будет твердо направлять его в духе идеологии террора внутри страны и за границей. Что может лучше подойти для этой цели, чем СА, которые только что «выиграли уличные бои».

б) Орудие для использования наличных вооруженных сил в ваших целях; орудие для того, чтобы сделать их готовыми совершать любое действие, даже если оно противоречит военным традициям и понятию чести солдата; орудие для того, чтобы заставить их беспрекословно соглашаться с порабощением других народов, содействовать созданию и объединять цели организаций для подавления и уничтожения национальной жизни и человеческого достоинства. Эту задачу должны выполнить генеральный штаб и верховное командование.

Быстрота управления, система доносов, отсутствие свободы мысли и слова, подавление внутри страны и применение подготовленных и обученных сил за рубежом—таковы постоянные, тесно связанные между собой методы, без которых не может процветать тирания. Эти методы представляют собой лишь иные названия для организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых подсудимые и их соотрудники могли руководить и владеть нацией и организовать ее.

Когда господин судья Джексон выступал перед Трибуналом 28 февраля, он подчеркнул, что нашей целью не является обвинить в преступлениях весь германский народ. Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель—защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить Трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?

Мы стремимся защитить не только германский народ. Вся Европа нуждается в защите. Посмотрите, в каком положении находится в настоящее время Европа. Среди немцев, преданных Гитлеру, было много тысяч мужчин и женщин, которые собственными руками совершали убийства, убийства, быть может, не одного человека, а многих людей. Сотни тысяч, нет, миллионы других стали последователями веры ненависти и жестокости, которую исповедовал их фюрер. Среди них были те, которые получили специальную подготовку и стали профессиональными руководителями в области военной и политической, люди, которые все еще так же фанатично и безжалостно стремятся к власти, как в течение последних 25 лет своей жизни. Вы помните эти слова? Я цитирую:

«Борьба? Почему вы все время говорите о борьбе? Вы захватили государство и, если что-нибудь не нравится вам, издайте закон и управляйте иначе. Почему вы все время должны говорить о борьбе? Ведь в ваших руках вся власть. Против чего вы боретесь? Во внешней политике? У вас есть вермахт. Он будет бороться, если это потребует. Во внутренней политике? Есть закон и полиция, которые могут изменить все, что вам не нравится».

Таковы были заповеди хохайстрегеров — носителей национал-социалистской власти. Такие вещи нельзя забыть в один день. Разве можно позволить этим людям действовать свободно среди германского народа

и среди 'народов Европы? Уже сейчас трудности, выпавшие на долю этого несчастного континента, подавляют нас. Кроме тех, кто подходит под категорию, относящуюся к организациям, большое количество фанатических приверженцев нацизма при всех обстоятельствах все еще находится на свободе. Перед нами целое поколение немцев, которые не знают иных путей, кроме тех, которые были указаны им их нацистскими руководителями, — молодые мужчины и женщины, первыми учителями которых были нацисты и которые получили воспитание в нацистских школах, которые находили отдых в военной тренировке СА и занимались в его рядах спортом. Должны ли мы позволить руководителям нацистской Германии в качестве членов этих организаций свободно бросать семена своего влияния в эту плодородную почву?

Закон — живой организм. Он не является догмой, которую нельзя изменить. Его целью является служение человечеству, и он должен расти и развиваться для того, чтобы удовлетворить растущие и меняющиеся потребности общества. Потребности Европы в настоящее время не имеют прецедента в истории. Никогда прежде перед обществом стран Европы не стояли такие проблемы, никогда оно не подвергалось опасности пребывания в его среде миллионов безжалостных фанатиков, выученных и вымуштрованных в духе убийств и расовой ненависти, в духе войны. Такое положение вещей, независимо от того, имелись ли подобные прецеденты в прошлом, оправдывает и даже требует применения необычных норм права. И, действительно, как помнит Трибунал из речи господина судьи Джексона, имеется большое количество прецедентов в области процедуры, которую мы просим вас создать. Если вы считаете доказанным, что эти организации в целом являются преступными, что большинство членов этих организаций, будучи осведомлены об их целях, добровольно поддерживали их преступную политику и участвовали в преступной деятельности руководителей нацистской партии, тогда вашим долгом является в соответствии с Уставом объявить их преступными. Вы можете быть уверены в том, что долг, исполнения которого от вас требует Устав, лишь соответствует вашему долгу перед Германией и перед Европой, перед миром.

Принцип, на основании которого мы требуем их осуждения, совершенно ясен. Это — практическое применение здоровой теории наказания, которой нас учили с юности, в частности, среди других, великий германский философ Кант. Если люди используют общество лишь для достижения своих собственных целей, это общество имеет все основания изгнать их из своей среды. Огромные масштабы этой проблемы не дают права оставлять ее неразрешенной. Если не будет выполнен этот долг перед законом, террор и расовые преследования смогут воцариться снова на континенте, и в третий раз за период жизни нашего поколения может начаться мировая война.

Трибунал и Обвинение имели возможность ознакомиться, разрешите мне так сказать, с весьма продуманной и высокоученой речью д-ра Клефиша. Однако я позволю себе сделать критическое замечание, что эта речь весьма далека от существенной функции Трибунала на данной стадии процесса, которая заключается в установлении фактов. Первые 30 страниц представляют собой фактически нападки на ст. ст. 9 и 10 Устава, причем делается вывод, что Трибунал должен сделать слово «может», упомянутое в ст. 9, основой для априорного суждения о том,

что никакая организация не может быть преступной, каковой вывод, по нашему мнению, является сведением к абсурду статей 9 и 10 и нарушением их как с точки зрения буквальной, так и смысловой.

В последующих частях своей речи доктор Клефиш Тзыдвигает некоторые положения, на которые следует обратить внимание.

Он ставит вопрос о том, в каких масштабах и в каком количестве, каким образом и кем должны быть совершены преступления для того, чтобы быть инкриминируемыми организации? На это мы скажем, что ответ на этот вопрос практически не вызывает затруднений. Никто не может с категоричностью утверждать, сколько именно зерен нужно, чтобы образовалась куча, но в равной степени никто не может отрицать того, что, видя кучу, можно понять, что это куча. Также очень легко решать на основании здравых рассуждений, какие преступления совершались в рамках общих целей организации. Обвинение не только принимает, но и разделяет предположение, что в деле каждой организации можно сказать, что известные преступления являются типичными и повторяющимися, причем Обвинение обращает внимание на количество таких типичных и повторяющихся преступлений, которые встречаются в доказательствах.

Подобным же образом не встречается затруднений в объяснении слов «в связи с отдельными подсудимыми». Заявлять, что совершение отдельными подсудимыми преступлений не в качестве членов организаций не подходит под статью 9 Устава, — значит рассматривать это дело в несуществующем, безвоздушном пространстве. Вся трудность обвинения в этом деле заключается в том, что отдельные лица и организации столь тесно связаны между собой, что общая цель внешнего и внутреннего господства наличествует во всех случаях.

Подобным же образом мы категорически оспариваем утверждение, что большое количество членов не знало о преступных целях организаций. Давайте раз и навсегда отметем искусственное предположение о том, что большие группы лиц, примыкавших к нацистской партии, носили наглазники. Это — насмешка над фактами и оскорбление, наносимое умственным способностям этих людей.

Мы согласны с доктором Клефишем, что неучастие в преступлениях, предусмотренных статьей 6 Устава, и нежелание поддерживать политику и деятельность организации являются предпосылками невиновности. Все наше обвинение строится на том, что, говоря словами доктора Клефиша, «члены организации постоянно подчинялись целям организации и нацистам и работали ради этих целей».

Доктор Клефиш и все остальные защитники обращали очень много внимания на те серьезные последствия, которые скажутся на лицах, которых коснется декларация о виновности, причем не только на тех лицах, против которых может быть впоследствии возбуждено судебное преследование, но и на всех остальных. Заявляют, что пятно, наложенное на членов организаций, объявленных преступными, останется несмываемым. Миллионы членов организаций, объявленных преступными, останутся клейменными до конца дней своих. На них будут указывать пальцами и говорить: «Посмотри, вот идет преступник из СА». Но если они действительно виновны, если они поддерживали систему, которая привела к тому, что мир был брошен в пучину войны, и помогали этой системе, если они возрождали ужасы рабства, преследований и массо-

вых убийств, разве они не должны быть заклеены? Здесь не будет несправедливости, это — меньше, много меньше того, что они заслуживают. Единственная надежда, которая остается Германии и всему миру, это — то, что ее народ осознает свою ответственность за то, что случилось, и раскается в совершенном. Доктор Серватиус просил вас простить ортсгруппенлейтеров потому, что они принадлежали к низшим слоям среднего класса и не имели политического опыта. Могло ли так случиться в действительности, что только высшие классы германского народа умели распознать, что агрессивная война за мировое господство, порабощение, убийства и преследования являются преступлениями?

Однако в этом может быть больше правды, чем осмеливаются думать. Вы видели и слышали многих свидетелей, которые—некоторые по их собственному признанию — сами были серьезно замешаны в отвратительных преступлениях. Сумели ли вы заметить в них ощущение своей виновности, чувство стыда или раскаяния? Всегда виноват тот, кто давал приказы, никогда — тот, кто осуществлял эти приказы. Всегда какое-нибудь государственное учреждение несет ответственность, а поддержка этого государственного учреждения и сотрудничество с ним, разумеется, не могут быть осуждены. Если эти люди думают так и сегодня, то заклеивание этих виновных, как преступников, вызвано тем более острой необходимостью и является тем более оправданным.

РАССМОТРЕНИЕ ДОВОДОВ ЗАЩИТЫ

Я имею намерение рассмотреть доказательственный материал, связанный с теми тремя организациями, за дело которых британская делегация взяла на себя основную ответственность и которые, по общему убеждению всех четырех держав, ведущих это судебное преследование, являются преступными. Но прежде чем остановиться на этом доказательственном материале, я надеюсь, что Трибунал разрешит мне сделать два общих замечания по поводу защитительных доводов, которые были выдвинуты в связи со всеми этими организациями.

В связи с выступлением д-ра Бема я хотел бы сказать, что никто не сможет потом заявить, что организациям не была предоставлена полная возможность осуществлять свою защиту. Была разработана сложнейшая процедура для того, чтобы получить и представить вам их доказательства. Комитет уполномоченных Трибунала заслушал 102 свидетеля, свидетелей, выбранных защитниками из многих тысяч членов организаций. Перед вами находятся стенограммы их показаний. Из числа этих свидетелей защитники отобрали 20, которые дали показания в суде и которых вы сами видели и слышали. В дополнение к этим устным показаниям вам также были представлены резюме не менее, чем 136213 письменных показаний по делу организации СС, 155000 по делу политических руководителей, 2000 по делу гестапо, 10000 по делу СА

и 7000 по делу СД. Всего 310213 письменных показаний. Вашими уполномоченными был также представлен полный текст еще 1809 письменных показаний или их резюме, большинство из которых содержится в стенограммах заседаний Комитета.

Уже на первый взгляд ясно, что показания, данные почти всеми свидетелями вашим уполномоченным, являются ложными. Вы сами видели и выслушали некоторых из этих свидетелей, которые были выбраны

защитниками, очевидно, потому, что защита считала их самыми Надежными и такими, которые могут произвести на вас впечатление. Их показания не лучше других.

Вы помните Зиверса, вызывавшегося по делу СС, который отрицал свою осведомленность и свое участие в опытах над живыми людьми и которому была предъявлена папка уличающей его переписки.

Свидетель Морген описывал театр варьете, кинотеатр, книжные полки и другие развлечения в Бухенвальде. Он назвал Дахау оздоровительным лагерем. Бриль, служивший в качестве оберштурмбаннфюрера (подполковника) в дивизии СС «Лейбштандарте» с июня до августа 1941 года на восточном фронте, ничего не знал об эйнзатцгруппах, убийстве евреев на восточных территориях, относительно обращения с жителями Польши и России, захваченными и увезенными на рабский труд. Разве условия в июне так изменились по сравнению с теми, которые существовали за два месяца до этого, когда Гиммлер заявил всем офицерам этой дивизии:

«Очень часто бойцы войск СС раздумывают над этими депортациями жителей. Подобные мысли пришли мне в голову сегодня, когда я наблюдал за той тяжелой работой, которую проводила полиция безопасности при поддержке ваших людей, оказывавших ей значительную помощь. Точно то же самое происходило в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда нам приходилось вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, где нам приходилось быть достаточно твердыми — вы должны услышать это и немедленно забыть об этом — расстреливать тысячи руководящих представителей польского населения».

Генерал Хаусер, бывший одно время командиром дивизии СС «Рейх» и затем последовательно командиром корпуса, армии и группы армий, ничего не знал о зверствах СС. Он никогда не слышал о кровавой резне в Лидице.

Гаулейтер Гофман, который давал показания на заседаниях Комитета для того, чтобы объяснить свой приказ от 25 февраля 1945 г., поощрявший линчевание союзных летчиков, заявил, что приказ «выскользнул» с его командного пункта после того, как он отказался подписать проект приказа, предложенный ему его штабным офицером.

Хупфауер из германского трудового фронта, руководивший работой этой организации в Эссене в течение последнего периода войны и лично отвечавший за передачу приказов Гиммлера в целях обеспечения «дисциплины и производительности труда иностранных рабочих», отрицал, что ему было что-либо известно в отношении зверского обращения с угнанными в рабство рабочими.

Ратке, вызванный в качестве свидетеля СА в назначенный вами Комитет уполномоченных, описал, как «весною 1933 года члены СА во всех населенных пунктах Германии устремились в церкви».

Шнейцер, еще один политический руководитель, вызванный на заседание Комитета, 55 лет, отрицал, что он даже слышал о бойкоте в апреле 1933 года.

Вест, поработоритель Дании, давал перед вами показания по делу гестапо. Ознакомившись с документами, которые были представлены ему в ходе перекрестного допроса, можете ли вы поверить хотя бы одному слову из того, что он сказал? Примеры такого рода показаний могут быть приведены из стенографической записи показаний почти каждого свидетеля, который был вызван защитой этих организаций.

Рассмотрите эти показания под другим углом зрения. Нам известно, что так (называемые «демонстрации» против евреев были организованы и проведены по всей империи в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. и что входе их 36 евреев было убито, 20 тысяч захвачено и брошено в тюрьмы лишь за то, что они были евреями; нам известно, что 177 синагог было уничтожено огнем или разрушено, что было разрушено 7500 еврейских магазинов и что стоимость одного лишь оконного стекла, разбитого во время демонстрации, равнялась, примерно 6 млн. рейхсмарок. Даже высший партийный суд сообщал:

«Население, все до последнего человека, понимает, что политические мероприятия такого рода, как события 9 ноября, организовывались и направлялись партией независимо от того, признается это нами или нет. Когда все синагоги оказываются подожженными в течение одной ночи, это, несомненно, должно быть организовано партией».

«Независимо от того, признается это нами ' или нет»!.. Можете ли вы найти иа числа 102 свидетелей, которые были вызваны защитой по делу организаций партии, хотя бы одного, готового признать это или что-либо подобное? Можете ли вы найти хоть одно слово признания в тех письменных показаниях, которые были представлены вам более чем 310000 членов этих организаций партии? Если не политические руководители, если не СА и не СС, если не гестапо и СД, кто же тогда организовывал и направлял эти демонстрации?

Мы знаем, что рабский труд использовался по всей Германии и что угнанные в рабство рабочие подвергались жестокому обращению. Мы знаем, что в 1943 году даже возникла необходимость — необходимость, вызванная лишь желанием увеличить производительность труда, а не соображениями гуманности — изменить «доселе распространенные условия обращения с восточными рабочими», и партийной канцелярии и главному имперскому управлению безопасности пришлось издать директиву всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров включительно, и, очевидно, всем отделениям СД и гестапо о том, что «следует прекратить насилия, несправедливости, обманы, жестокое обращение и т. д. Избиение, как форма наказания, запрещается».

Но разве вы можете найти в показаниях 102 свидетелей и тех лиц, которые дали письменные показания под присягой, хотя бы одно, в котором говорилось бы, что автор его когда-либо видел факты жестокого обращения с иностранными рабочими или слышал о них, кроме одного или двух исключительных случаев?

Все их показания одинаковы. Их спрашивают, известно ли им о преследовании и уничтожении евреев, об ужасах деятельности гестапо, о зверствах в концентрационных лагерях, о жестоком обращении с угнанными в рабство рабочими, о намерении вести агрессивную войну и о подготовке к ней, об убийствах мужественных солдат, моряков и летчиков. И они отвечают неизменным «нет».

Разрешите напомнить вам слова великого ирландца:
«Ложь подобна вечно цветущему растению».

Разрешите мне обратиться к рассмотрению тех трех организаций, дело которых было мне поручено, — корпуса политических руководителей, СА и СС.

То есть фашистами. — Составители.

В отношении корпуса политических руководителей защитниками и свидетелями защиты были выдвинуты некоторые общие положения, которые целесообразно упомянуть, прежде чем остановиться на показаниях.

1. Заявляют, что целлен- и блоклейтеры не должны быть "включены в корпус политических руководителей, что они никогда не рассматривались как таковые, не пользовались властью и не должны были выполнять политических задач, что они подчинялись офицерам из штата ортсгруппенлейтера, которых Обвинение согласилось исключить из числа виновных; что они были совершенно незначительными людьми и практически были немногим больше, чем курьеры ортсгруппенлейтера.

Мы считаем, что имеются подавляющие своей убедительностью доказательства того, что это не так. При рассмотрении доказательств вы убедитесь, что они были замешаны в самых разнообразных видах преступной деятельности. Я попрошу вас в особенности иметь в виду, что общепринятым порядком среди политических руководителей было не передавать никаких распоряжений в письменном виде инстанциям, стоявшим ниже, чем ортсгруппенлейтер. Справочник по организации НСДАП предписывал (я цитирую):

«В основном блоклейтер должен разрешать деловые вопросы устно, получать распоряжения устно и передавать их подобным же образом.[^] Следует прибегать к переписке лишь в случае крайней необходимости и когда это практически удобно».

Свидетель Мейер-Вендеборн подтвердил, что таково было положение вещей на практике.

«Предполагалось, что между блоклейтерами и целленлейтерами, с одной стороны, и ортсгруппенлейтерами и их штатом, с другой, не должно существовать передачи письменных инструкций с тем, чтобы эти люди, занимавшие более низкие посты или имевшие более низкие ранги, не должны были 'слишком много работать».

Имея это в виду, вам покажется поистине примечательным, что нам удалось найти так много письменных документов, которыми вы располагаете, относительно той важной роли, которую играли целлен- и блоклейтеры.

Возражали, что они не являлись хохайстрегерами, как это утверждает Обвинение, и в подтверждение этого заявления защита представила различные документы. Независимо от того — так это или нет, — это не имеет никакого значения. Вы помните, что в справочнике по организации НСДАП они включены в состав хохайстрегеров. Там говорится:

«Среди политических руководителей особое положение занимают носители власти» (хохайстрегеры).

Отвечают, что справочник по организации НСДАП не дает точных сведений. То же самое говорится о книге «Член СА», которая является также весьма невыгодным изданием для членов СА. Имеется ли какое-нибудь официальное издание, выпущенное официальными партийными издателями, которое содержит точные сведения?

Однако остается фактом, что независимо от того, под каким названием они были известны, под именем целлен- или блоклейтеров, эти люди являлись стеновым хребтом всей партийной системы. Гаулейтер Кауфман признал:

«Блоклейтеры и целленлейтеры являлись оперативными органами ортсгруппенлейтеров».

Целленлейтера Шнейдера спросили:

«Согласны ли вы со мной в том, что без целленлейтеров и блоклейтеров ортсгруппенлейтеры никогда не смогли бы выполнить своих задач?»

Он ответил:

«Да, это правильно».

; Они были гораздо более значительными людьми, чем просто посыльными, которыми их теперь пытаются представить. Хирт заявил, что только люди, которые были «абсолютно благонадежны с политической точки зрения», назначались в штат гау, крейса или на посты ортсцеллен- и блоклейтеров. Он заявил также, что люди, которые занимали посты целлен- и блоклейтеров, всегда поддерживали политику нацистской партии. Из доказательств явствует, какого рода задачи им были доверены, задачи, которые включали ответственность за содействие в составлении «политической характеристики» жителей их районов.

2. Было выдвинуто утверждение о том, что политических руководителей, особенно в военное время, принуждали против их воли принимать назначения.

Но вся система базировалась на добровольной службе, оплачиваемой или не оплачиваемой, и это подтверждается их собственным свидетелем Мейер-Вендеборном.

Разрешите мне процитировать протокол его перекрестного допроса на заседании Комитета:

«Вопрос: Могу ли я считать, что все политические руководители добровольно занимали свои посты?»

Ответ: Да.

Вопрос: И это также относится к целленлейтерам и блоклейтерам, не так ли?

Ответ: Целленлейтеры и блоклейтеры назначались ортсгруппенлейтером после консультации последнего со штабом. Однако, если какой-либо кандидат считал, что он не был достаточно подготовлен, или что он не способен выполнять работу, или что у него нет времени на это, — мы подыскивали другую кандидатуру.

Вопрос: А со стороны целленлейтеров или блоклейтеров принятие или непринятие назначения было совершенно добровольным актом?

Ответ: Да».

Согласно показаниям свидетеля Хирта, к какому-либо нажиму на некоторых лиц прибегали только в самых исключительных случаях.

Поскольку от лиц, занимавших эти посты, требовалось, чтобы они «были «совершенно благонадежными в политическом отношении», было бы весьма странно обнаружить среди них большое количество противников партии, которых против их воли принуждали занять такой пост.

3. Также утверждается, что в противоположность тому положению, которое имело место до войны, эти назначения не утверждались, клятва давалась ими через неопределенные промежутки времени и им не выдавалась^{*} никакая военная форма и что они не могут считаться, говоря словами Обвинительного заключения, — «согласно обычной нацистской терминологии, политическими руководителями любого положения или ранга».

; Я утверждаю, что подобный аргумент не состоятелен.

Они выполняли те же самые задачи, они считались таковыми же чиновниками и пользовались такими же полномочиями и влиянием, как и те, кого они заменили.

4. Утверждается, что не существовало никакого «корпуса» или организации политических руководителей, однако доказательства показывают, что политические руководители всех рангов составляли единый корпус. Они все в справочнике по организации НСДАП объединены под общим названием «корпуса», их объединяла общая цель (я цитирую): «...воспитание всего германского народа в духе национал-социализма».

Они носили единообразную военную форму. Они имели единообразное удостоверение личности — единообразное для всех них, но отличное от прочего населения.

Ежегодно они давали единообразную клятву своему фюреру:

«Я даю обет вечной верности Адольфу Гитлеру.

Я даю обет безусловного повиновения ему и назначенным им фюрерам».

И, как о каждом из них говорится в справочнике по организации НСДАП, «политический руководитель нераздельно и неразрывно связан с идеологией и организацией НСДАП».

5. Имеется еще один вопрос, который требует разъяснения.

Защита выдвинула аргумент о том, что большое число амтслейтеров при штабах различных хохайтстрегеров не должно быть включено в число лиц, подпадающих под декларацию о преступности, которая может быть вами объявлена в отношении корпуса политических руководителей.

Подобно тому, как о блоклейтерах было сказано, что они являлись невинными, безвредными курьерами, — об амтслейтерах было сказано, что они были невинными, безвредными экспертами, консультантами при соответствующих гау-, крейс- или ортсгруппенлейтерах.

Они могли являться экспертами, консультантами, но они являлись и кое-чем гораздо большим, и они, несомненно, не были ни невинными, ни безвредными.

Они являлись официально назначенными политическими руководителями, лицами, «совершенно благонадежными в политическом отношении» и оказывавшими поддержку нацистской партии.

Все они так же, как сами хохайтстрегеры, ежегодно давали клятву верности, которая обязывала их к повиновению фюреру. Все они, хотя, естественно, они получали инструкции — каждый по своей области деятельности в министерстве, в котором они сотрудничали, — тем не менее подчинялись приказам своих хохайтстрегеров в политических вопросах и по всем вопросам партийной дисциплины. Вы можете считать доказанным, что эти люди оказывали такое же губительное и опасное влияние, как любой другой политический руководитель, потому что из числа этих руководителей они были теми лицами, которые находились в самом тесном контакте со всеми слоями общества, с людьми всех профессий и родов деятельности. Мы не располагаем документами, которые бы указывали на непосредственное участие всех этих так называемых аполитичных политических руководителей в организации, однако документы, уже представленные вам, указывают на участие многих из них. Я не стану их сейчас перечислять. Я обращаю ваше внимание на эти документы

в ходе обсуждения представленных доказательств. Обвинение считает, что на основании доказательств и на основании данных относительно общих условий, существовавших в Германии, а также имея в виду влияние, которое оказывали политические руководители, вы имеете право, более того, вы обязаны прийти к выводу, что если цели и деятельность этой организации являлись преступными, то значит, каждый из тех, кто работал в аппарате гау, креиса и в ортсгруппах, должен быть включен в число виновных. Не следует думать, что из-за того, что мы намеренно исключили из этого числа аппарат ортсгруппенлейтера, мы сделали это потому, что считаем этих людей невиновными. Это решение было принято скорее по практическим, нежели по каким-либо иным соображениям, и весьма возможно, что это решение является неправильным.

Защита выдвинула утверждение, что в различных партийных организациях, как, например, в германском трудовом фронте, национал-социалистском союзе ветеранов, в организации по обеспечению благосостояния рабочих, в студенческих и женских организациях также были офицеры, известные под названием «политические руководители». Указывают, что их число равно примерно 1—1% млн. Разрешите мне разъяснить еще раз, что если такие политические руководители в действительности существовали, Обвинение не требует объявления их преступными. Мы включаем в число преступных руководителей только рейхслейтеров, гаулейтеров, крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, а также амтслейтеров, или руководителей отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга,— тех политических руководителей, которые, будучи организованы по территориальному принципу, несли ответственность за осуществление политического контроля над населением, осуществление и проведение в жизнь нацистской политики. Все остальные нами исключаются.

Вам была представлена схема, указывающая на число лиц, которые, таким образом, охватываются этой декларацией. Согласно справочнику по организации НСДАП за 1943 год, их число равняется 600 тысячам. Защита утверждает, что эта цифра не учитывает смены чиновников и что общее число тех, которые в какой-либо период времени занимали эти посты, гораздо больше. По этому поводу я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, цифра, приведенная в справочнике, показывает максимальные штаты, которые были разрешены каждому гау и крейсу. Практически даже не все эти посты были замещены — скажем, в городских районах не было сельскохозяйственных отделов, в гау, где не имелось университета, не существовало политического отдела по работе среди университетских преподавателей. Во-вторых, цифра 600 тыс. на 1943 год включает политических руководителей 9 иностранных гау — 6 австрийских, 2 польских и одного судетского, ни одно из которых не существовало до 1938 года; таким образом, в течение первых пяти лет нацистского правления общее число политических руководителей должно было быть значительно меньше, чем 600 тыс. Выдержка из брошюры «Дер хохайтстрегер», представленная защитой, показывает, какое увеличение числа хохайтстрегеров имело место лишь за период между 1935 и 1939 гг.: число их увеличилось с 291 671 до 581 650. Имея в виду эти соображения, мы утверждаем, что даже с учетом смен персонала общее число людей, которые в какой-либо период занимали эти посты в корпусе политических руководителей, которых мы включаем в число тех,

кого мы требуем объявить преступными, не может превосходить названную нами цифру в 600 тыс. Разрешите мне также добавить, что при рассмотрении этой цифры следует еще учитывать не только случаи естественной смерти, но и гибель в результате бомбардировок на фронте. Именно эти люди являлись сердцем национал-социализма, именно они вели 48 млн. немецких избирателей по тем путям и к тому концу, который мы наблюдаем.

Давайте рассмотрим доказательства, представленные против них, по основным категориям. Мы увидим, что они не только сами непосредственно участвовали в совершении преступлений, но мы также увидим, как активно и умело они помогали другим организациям и сотрудничали с ними в осуществлении их общих преступных целей.

В отношении осуществления контроля над государством Борман в своем обращении к гаулейтерам в июне 1941 г. заявил: «Впервые в истории Германии фюрер держит в" своих руках полностью и сознательно руководство германским народом».

Из данных о деятельности политических руководителей во время выборов в 1936 и в 1938 гг. мы видим один из тех способов, при помощи которых руководящий состав помогал передать руководство народом Германии в руки фюрера, причем мы видим, что в этом участвовали все слои и категории политических руководителей.

Мы располагаем полным досье из крейса Эрфурт (Тюрингия), содержащим материалы в связи с плебисцитом 1937 года. Штутцпунктлейтеры должны были заранее сообщать о всех тех лицах в своем районе, по поводу которых они с уверенностью могут предположить, что те будут голосовать против. СД издало приказы, адресованные штутцпунктлейтерам и всем руководителям отделений службы безопасности. Руководители отделений на местах обязывались в наибольшей степени содействовать штутцпунктлейтерам. Защита заявляла, что штутцпунктлейтеры, о которых говорилось в досье, являлись штутцпунктлейтерами СД и не входили в состав корпуса политических руководителей. Если мы даже примем это объяснение, оно ничего не изменит, поскольку было уже достаточно ясно установлено, что все это дело должно было проводиться «в теснейшем сотрудничестве с ортсgruppenлейтерами „ партии».

Едва ли политические руководители могли испытывать хоть какие-нибудь сомнения относительно того, что ожидало людей, о которых они сообщали, если приказ содержал следующий многозначительный параграф:

«Мы еще раз подчеркиваем, какая громадная ответственность ложится на штутцпунктлейтеров, в особенности в связи с этим докладом. Они должны ясно понять возможные последствия, которые ожидают лиц, упомянутых в их докладах».

Трибунал помнит те отчеты, которые представляло СД после плебисцита, отчеты, показывающие, каким образом с помощью снятого молока и пишущих машинок с бесцветными лентами проверялись избирательные бюллетени лиц, в отношении которых имелись подозрения. Вы помните также, какие методы использовались для того', чтобы заставить голосовать тех, чья поддержка партии казалась сомнительной. Я цитирую:

«Жена еврея Билшовского, которая была приведена непосредственно

перед концом голосования, проголосовала «нет», что легко может быть установлено».

«Рабочему Отто Виганду пришлось четырежды напоминать, что он должен проголосовать в день выборов, и в конце концов он проголосовал только в результате нажима».

«Муж... проголосовал. Несомненно, он сделал это исключительно из боязни нового ареста».

И снова мы читаем это в документе, который, быть может, является одним из самых ужасных документов, представленных на этом суде.

«Свидетель Иеговы» Роберт Зиринг и его жена проголосовали лишь после того, как полиция в Грифштадте напомнила им об их долге проголосовать и после того, как они услышали угрозу, что их ребенок будет у них отобран, если они не примут участия в голосовании».

Никто не может пытаться представить дело таким образом, что такого рода случаи имели место только в Эрфурте. В гау Кобленц крейгсгешафтсфюрер Кохема заверял СД: «Там, где было дано указание о специальном наблюдении и контроле, в некоторых ортсгруппах голосовали «против» и подали недействительные бюллетени главным образом женщины».

В Роттенбурге партия организовала демонстрацию против епископа, который отказался голосовать, демонстрацию, которую господин Судья Джексон так живо описал в своей вступительной речи.

Но не только во время плебисцита 1938 года проявляли активность политические руководители. Следует помнить, что в Бремене крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры и штутцпунктлейтеры должны были письменно сообщать о гражданских служащих, которые не принимали участия в голосовании во время выборов 29 марта 1936 года.

Доктор Серватиус отмечает все эти доказательства утверждением, которое не опирается даже на строчку доказательств. Он заявляет:

«Отсюда явствует, что руководящий аппарат партии ни в коей мере не связан с этими операциями. Это попросту индивидуальные меры, принятые другими организациями, из них нельзя сделать вывода об общей практике или об общей осведомленности».

Я не вижу необходимости в дальнейших комментариях.

Осуществление контроля и надзора над германским народом являлось в такой же степени задачей политических руководителей, как и СД и гестапо. Из всех политических руководителей блоклейтеры являлись наиболее необходимыми людьми для этой цели. Они вели картотеку на каждого домовладельца, картотеку, служившую источником для составления «политических характеристик», которые должны были составлять блоклейтер, целленлейтер и ортсгруппенлейтер в сотрудничестве друг с друг-ш. Защита неоднократно как перед Комитетом уполномоченных, так и перед Трибуналом всячески отвергала и отрицала утверждение о том, что блоклейтеры использовались для шпионской деятельности. Но кем другим они были, если их картотека должна была заполняться на основании той информации, которую они (я цитирую): «имели достаточную возможность получить путем бесед с немцами». От них также • настоятельно требовали обеспечить секретность этих сообщений.

Имеются и другие доказательства, которые показывают, какую низкую роль играли блоклейтеры. В справочнике по организации партии блоклейтеру указывается, что: «Его долгом является обнаруживать

людей, сеющих вредные слухи, и доставлять их в ортсгруппу с тем, чтобы они могли быть переданы соответствующим государственным властям».

Мы снова узнаем об их шпионской деятельности, когда просматриваем доказательства об участии политических руководителей в преследовании церкви. В сотрудничестве с гестапо и СД политические руководители, начиная с самых высокопоставленных вплоть до занимавших самые незначительные посты, принимали активное участие в уничтожении влияния церкви...

...Разрешите мне ограничиться рассмотрением более низких рангов — ортсгруппенлейтеров, блоклейтеров, целленлейтеров.

Вы помните досье с отчетами ортсгруппенлейтера Дармштадта по церковным делам от февраля 1939 года. Блоклейтер член партии Киль информирует о том, что собрания конфессионального фронта снова имеют место. Вы также помните о мерах, которые предпринимались крейслейтерамн в связи с этими докладами. СД и гестапо информировались об этих собраниях конфессионального фронта, о которых сообщали блоклейтеры, и другое сообщение в связи с пастором Штрахом: «Этому джентльмену нужно сделать серьезный выговор». Они также были информированы о несчастном пасторе Штрахе, о священнике, который «был достаточно хорошо известен и созрел для отправки в концлагерь или для особого суда».

Можете ли вы сомневаться в том, что в Тюрингии именно блоклейтеры и целленлейтеры должны были представить требуемые доклады о том, как население реагировало на результаты плебисцита 1938 года, «особенно в маленьких городах и деревнях».

Кого другого, как не блоклейтеров и целленлейтеров, могли использовать для того, чтобы обнаружить, что говорили католические и протестантские священники об аншлюссе во время церковной службы? Кто другой, как не они, могли бы доложить о том, звонили или нет церковные колокола вечером в Вене после произнесения речи об аншлюссе?

И, наконец, вы располагаете на эту тему доказательствами по поводу демонстраций, организованных для того, чтобы сорвать церковную службу в церкви в Фрейзинге в 1935 году. Эти демонстрации были организованы руководством крейса женской организации нацистской партии.

Только захватив полный контроль над государством и народом, нацистское правительство получило возможность осуществлять свои преступные цели. Политические руководители являлись очень существенным элементом в приобретении этого контроля. Они поддерживали и осуществляли приказы правительства, которое, как они знали, с самого начала следовало незаконной политике, бывшей преступной по своим методам. Все они знали относительно общепризнанной цели преследования евреев. Вс³ знали о существовании гестапо, концентрационных лагерей и нацистской практике арестов и тюремного заключения без суда и следствия. Однако они продолжали активно поддерживать это правительство и помогать ему еще сильнее сжимать в своих тисках германский народ. Вся речь д-ра Серватиуса в той части, где она касается положения политических руководителей после 1933 года, показывает, в каких тисках держал Германию железный костяк партии — политическая «Железная дева», сжимающая людей в своих объятиях до тех пор, пока они не умирают. Что касается евреев в тот период, когда их преследование являлось открыто признанной политикой и практикой нацистской партии, один

тот факт, что люди добровольно служили своей партии, занимая оперативные посты, является сам по себе достаточным доказательством их участия в преступной деятельности. Однако мы располагаем и конкретными доказательствами непосредственного участия в преследованиях евреев со стороны политических руководителей, и снова речь идет о политических руководителях всех рангов. Имеются доказательства того, что менее чем через год после прихода нацистского правительства к власти, корпус политических руководителей подстрекал народ Германии к преследованию евреев. С трудом можно себе представить, что в цивилизованном государстве в 1933 году могли быть изданы директивы политическим руководителям, озаглавленные «Преследование евреев». Тем не менее это имело место. Крейслейтеры в гау Кобленц должны были составить список еврейских фирм и предприятий своего района. Снова и снова подчеркивалась необходимость точности. В различных крейсах, ортсгруппах и штутцпунктах должны были быть организованы комитеты, имевшие своей задачей «направление общин и наблюдение за ними» в процессе преследования евреев. Они должны были продолжать политику, которая была начата партией бойкотом в апреле того же года:

«Крейслейтеры должны подчеркивать на всех собраниях членов партии, а также во всех общественных местах, что евреи во всех странах снова строят свои подлые козни, которые приносят громадный вред Германии. Массы должны ясно' понять, что ни один немец не должен покупать у евреев».

В свете этих доказательств, в свете собственного признания доктора Серватиуса в том, что политические руководители не возражали против нюрнбергских декретов и что они приветствовали меры, направленные к ограничению влияния евреев, в свете той роли, которую они играли в демонстрациях 1938 года, разве можно сомневаться в том, что в течение всех этих лет они активно участвовали в преследованиях еврейского народа и постоянно клеветали на него? Было бы действительно очень странно, если бы дело обстояло иначе, в то время как приказ Гейдриха, изданный в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, гласил:

«Начальники отделений государственной полиции или их заместители должны связаться по телефону с политическими руководителями (гаулейтерами или крейслейтерами), в юрисдикцию которых входят их районы, с тем, чтобы организовать объединенные заседания вместе с соответствующим инспектором или начальником отделения полиции порядка для обсуждения вопроса об организации демонстраций. На этих мвещениях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС следующие инструкции, в соответствии с которыми политические руководители должны проводить свои мероприятия».

Любопытно, что возникла необходимость в таких инструкциях, если гаулейтеры были так резко настроены и так возражали против этих мер, как утверждают гаулейтеры Кауфман, Штрейхер, Заукель и Валь.

Что бы ни говорили свидетели, которых вы слышали, об отношении политических руководителей к этим демонстрациям, нам известно, что 36 евреев были убиты. Из этих 36 убитых четверо были убиты или ортсгруппенлейтерами, или блоклейтерами. Именно суд, составленный из

гаулейтеров и других политических руководителей, счел правильным оправдать или приговорить лишь к очень незначительным наказаниям лиц, совершивших убийства в ходе этих демонстраций, — членов партии, СС, СА и корпуса политических руководителей. И вот по каким причинам:

«В случаях убийства евреев без специальных на то указаний или вопреки указаниям не было обнаружено неблагородных мотивов. В глубине души люди были уверены, что они тем самым оказывали услугу фюреру и партии».

Если свидетели защиты, которых вы тут слышали, не понимали, кто был организатором этих демонстраций, то это было совершенно ясно членам высшего партийного суда.

Во Франции списки евреев для «коллективной экспатриации», что, конечно, означало угон на Восток, составлялись по согласованию с хойтстрегерами. Однако осведомленность об этих депортациях и об обращении с евреями на оккупированных территориях не была присуща лишь политическим руководителям во Франции. Августовский выпуск информационного бюллетеня «Ди Лаге» за 1944 год содержал точные подробности того, что происходило в Венгрии. Я цитирую:

«Совершенно несомненно, что германские учреждения в Венгрии после 19 марта делали все возможное для того, чтобы как можно быстрее и полнее уничтожить еврейские элементы. Принимая во внимание близость русского фронта, они начали с очищения северо-западной территории, где еврейские элементы были более многочисленны. Затем были собраны евреи из остальных венгерских провинций и вывезены в Германию или на подконтрольные Германии территории. 100 000 евреев осталось в руках венгров для использования в трудовых батальонах. В назначенный день, 9 июля, в венгерских провинциях не осталось ни одного еврея. Здесь, возможно, в течение очень короткого периода времени были применены исключительно последовательные и жестокие меры».

Нам неизвестно, кто получил копии этого документа, но мы определенно знаем, что Дениц принимал в этом участие и что гаулейтер Кауфман «возможно получил его». Более того, из заметки на копии, которая находится в нашем распоряжении, видно, что эта копия дошла *a.o.* организации НСДАП в деревне Кохен, вблизи Аахена. Дениц должен был знать ее содержание так же, как и любой другой нацистский чиновник, занимавший высокий пост. Неужели Кауфман и все его коллеги гаулейтеры ничего не знали об этой ужасной политике, проводившейся их нацистским правительством?! Они утверждают, что это так, но они лгут. Посмотрите на документ № 49 из книги документов, которая была представлена в защиту корпуса политических руководителей. Это секретный информационный бюллетень нацистской партии, выпущенный партийной канцелярией 9 октября 1942 года. В нем рассматриваются подготовительные мероприятия для окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе и говорится о слухах по поводу условий, в которых находятся евреи на Востоке. На полях этого документа имеется пометка: «Только для Г и К», что может означать для гау и крейса. Но из него с несомненностью вытекает, что осведомленность об этих вопросах шла гораздо дальше крейса. Послушайте, о чем говорится в этом документе:

«В то время как разрабатывается окончательное разрешение еврейского вопроса, среди населения различных частей имперской территории за последнее время идут разговоры об «очень суровых мерах» против евреев, в особенности против тех, которые находятся на восточных территориях. Расследования показывают, что подобные высказывания, — большей частью искажающие или преувеличивающие действительность, — исходят от лиц, находящихся в отпуску и прибывших из различных соединений, расквартированных на Востоке, где они могли лично видеть проведение подобных мер».

После того, что вы здесь слышали, вам может показаться, что невозможно было преувеличивать «очень суровые меры», о которых говорили находившиеся в отпуску солдаты, прибывшие с Востока. Они говорили об этом, начиная, очевидно, с сентября 1941 года, в каждой деревне и в каждом доме по всей Германии. Но даже если они были преувеличены, тем не менее нельзя отрицать того, что они существовали.

В сноске ¹ я привожу статью, в которой разбираются пять основных пунктов:

а) Мероприятия, проводившиеся до настоящего времени, а именно — исключение евреев из различных областей жизни германского народа, а также окончательное изгнание их с территории империи, более не могут осуществляться путем эмиграции.

б) Следующее поколение уже не будет считать этот вопрос столь актуальным. Поэтому эта проблема должна быть разрешена именно нашим поколением.

в) Полная изоляция и ликвидация евреев, связанных с еврейской экономикой, остается необходимым элементом в борьбе германского народа за существование.

г) Сначала с территории империи, а затем и из других европейских стран, которых касается окончательное разрешение этой проблемы, евреи по строго установленному плану будут переправляться на восток в большие лагеря, где они будут либо использоваться на работах на месте, либо будут переправляться еще дальше на восток.

д) Эти очень трудные вопросы могут быть решены только лишь путем применения чрезвычайно суровых мер».

Если они, несмотря ни на что, отрицают свою осведомленность в судьбе, которая фактически¹ ожидала этих евреев, ни один из подсудимых, ни один из свидетелей, дававших показания перед вами или перед назначенными вами уполномоченными, ни один из членов этих организаций не может отрицать того факта, что ему было известно об угоне евреев. Как они полагали, что значила эта фраза: «Полнейшая их ликвидация не является более возможной путем эмиграции»?

При самом мягком толковании фактов подобное обращение с евреями на оккупированных территориях представляет собой военное преступление. Руководящий состав нацистской партии мобилизовал свои Целны для того, чтобы убедить общественное мнение в отношении того, чтобы не только прощать, но и поддерживать и поощрять это военное преступление. Даже в том случае, если бы деятельность руководящего состава нацистской партии этим и ограничивалась, она тем самым была

¹ В настоящем сборнике сноски опущены. — Составители.

бы заклеяна как преступная. Но деятельность руководящего состава нацистской партии этим не ограничивалась.

Корпус политических руководителей несет такую же ответственность, как и другие организации, за совершение преступлений против местного населения на оккупированной территории. Фрик 16 декабря 1941 г., давая Рейнеру указания по поводу назначения его гаулейтером Каринтии, наказал ему самым строжайшим образом провести германизацию славян на территории, включенной в состав империи, и искоренение славянского языка.

Мы решительно протестуем против утверждения доктора Серватиуса, что было допустимо германизировать лиц, ранее принадлежавших к германской национальности. Достаточно лишь высказать идею о праве германизировать каждого славянина, который ранее жил в старой империи, для того, чтобы обнаружить ее абсурдность.

Гаулейтеры самостоятельно не могли выполнять такие приказы. Их подчиненные должны были сыграть свою роль. Вы припомните инструкции от 30 апреля 1942 г., изданные креслейтером в Петау всем ортсгруппенлейтерам об уничтожении всех славянских надписей на всех церковных и сельских усадьбах.

Мы знаем, что среди вопросов, обсуждавшихся на совещаниях аппарата гаулейтеров в Марбурге, были вопросы о перевозе в Сербию двух тысяч, о помещении в концентрационные лагеря сотен людей и о расстреле заложников. В июне 1942 года, когда темой обсуждения была эвакуация тюрьмы Циллии, собравшимся заявили, что заключенные должны быть переведены из этой тюрьмы или расстреляны для того, чтобы освободить необходимое пространство для операции большого масштаба. 13 июля половина из 800 арестованных должна была быть обезврежена посредством перевода их в концентрационные лагеря или расстрела. О таком же случае, на этот раз связанном с убийством священника, упоминается в мартовском протоколе.

Политические руководители в Польше также принимали участие в жестоком обращении с местным населением. В письме, посланном имперским управлением безопасности в ноябре 1942 года, всем начальникам отделов СД, сообщалось о явно преступном соглашении между Гиммлером и Тираком, согласно которому поляки, восточные народы, евреи и цыгане лишались права на слушание их дел в суде. Этот приказ основывался на бесстыдном утверждении, что эти народы являются представителями низшей расы на территории Германии.

Особенно интересно в этом соглашении, что во всех случаях необходимо было безусловно информировать об этом гаулейтера. Зачем нужно было информировать его об этом, если не за тем, что могла возникнуть потребность в его помощи и содействии?

Я перехожу к рассмотрению доказательств, относящихся к рабскому труду, которые, быть может, яснее всех других имеющихся у нас доказательств по поводу отдельных преступлений, показывают, как серьезно все группы корпуса политических руководителей были замешаны в использовании рабского труда. Все свидетели, вызванные защитой, отрицают тот факт, что им было известно о плохом обращении с иностранными рабочими или что они лично плохо обращались с ними. Не д чего стоят эти показания в свете представленных суду доказательств? Обращение, которому подвергались польские сельскохозяйственные рабо-

чие, заботу о которых должны были осуществлять в особенности бауерн-фюреры, состоявшие в штабе гау-, крейс- и ортсгруппенлейтеров, явствует из инструкций, изданных для крейсбауерншафтен в Карлсруэ в марте 1941 года. Эти инструкции были изданы в результате переговоров между государственной ассоциацией крестьян в Бадене и высшим руководителем СС и полиции в Штуттгарте и были встречены с «большим удовлетворением». Польский рабочий не имел более никакого права жаловаться. Ему запрещалось пользоваться транспортом, посещать увеселительные места и церковные службы. Ему запрещалось менять место работы, его рабочий день не был нормирован. Я цитирую:

«Каждый наниматель имеет право применять телесные наказания в отношении рабочих польской национальности... В каждом подобном случае наниматель может не давать никакого отчета в своих действиях официальным организациям. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны, если возможно, быть расселены вне селения, не в домах, а в конюшнях и т. д. При этом угрызения совести не должны влиять на проведение подобных действий».

Возможно ли в действительности, чтобы подобные инструкции издавались только в Карлсруэ и нигде более? Возможно ли, чтобы в то время, как с поляками в Бадене обращались, как с животными, в соседнем гау их принимали в число членов семьи? Об этом говорил в своих показаниях свидетель Мор, вызванный на заседание комитета в качестве представителя бауернфюреров. Я цитирую: «...Фактически во всех случаях, как я полагаю, за очень небольшим исключением, иностранного рабочего принимали, как родного, в семью крестьянина. Он питался вместе со всеми членами семьи и бывал повсюду вместе с этой крестьянской семьей».

В промышленных районах ответственность за заботу об иностранных рабочих несли политические руководители германского трудового фронта. Заукель в марте 1942 г. издал следующий приказ: «Обеспечение питанием промышленных рабочих, находящихся в поездках в пределах империи, является обязанностью управления германского трудового фронта. Иностранцы, работающие в Германии, подлежат ведению германского трудового фронта в том случае, если они не работают в сельском хозяйстве. Все лагеря иностранных рабочих, используемых не в сельском хозяйстве, независимо от того, кто снабжает и содержит эти лагеря, подлежат ведению германского трудового фронта. В германских областях гаулейтеры получают право инспектировать и контролировать выполнение этих приказов».

Нет необходимости напоминать вам об ужасных условиях, в которых владели жалкое существование рабочие Эссена. И вновь я задаю тот же самый вопрос: возможно ли, чтобы гаулейтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры, целлен- и блоклейтеры и политические руководители германского трудового фронта в Эссене не знали об этих условиях, когда бараки, в которых рабочие жили, и карцеры, в которых они находились в заключении и подвергались пыткам, расположены, как показывают фотографии, рядом с литейными цехами заводов Круппа, причем железнодорожная заводская ветка проходит в нескольких футах от их дверей, а заводские подъемные краны поднимаются чуть ли не над их крышами.

Заявляют, что даже если действительно подобные условия и

существовали в Эссене, то они были исключением и объяснялись только хаосом, вызванным бомбардировками авиации союзников. Но это не так. Еще до того, как начались бомбардировки Эссена, директор паровозостроительных заводов Круппа жаловался на то, что «люди приходили утром на работу без хлеба и инструментов. Во время перерывов военнопленные прокрадывались к немецким рабочим и просили кусок хлеба, жалуясь на голод».

Не может быть также и того, чтобы эти условия существовали и подобное обращение с рабочими практиковалось только в Эссене.

В марте 1943 года Геббельс решил, что необходимо созвать совещание по вопросу об увеличении выпуска продукции. Протокол этого совещания гласит:

«Практиковавшееся до сих пор обращение с рабочими, присланными с Востока, привело не только к уменьшению производительности, но и оказало особенно неблагоприятное влияние на политическую ориентацию населения завоеванных восточных территорий, и в результате наши войска испытывали, как это всем известно, большие затруднения.

Обращение с иностранными рабочими, которое до сих пор заметно отличалось от обращения с подданными западных и восточных стран, должно быть по возможности одинаковым и особенно следует поднять жизненный уровень рабочих, присланных с Востока».

Из этих протоколов мы можем заключить, каково было отношение партийной канцелярии к этому вопросу — той партийной канцелярии, от которой получали указания политические руководители нацистской партии. Ее представитель (я цитирую) «указал на те разногласия, которые уже возникают и которые могут сказаться на германском народе в случае, если иностранцам будет дана большая свобода».

Однако необходимость в увеличении военной продукции была самой важной проблемой, и, несмотря на опасения, высказанные его представителем на совещании, имевшем место в марте, 5 мая 1943 г. Борман от имени партийной канцелярии направил меморандум всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербандсфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам. Вышеперечисленные лица инструктировались в духе того, чтобы более гуманно обращаться с иностранными рабочими, хотя в то же время «лица германской расы настаивали, что патриотическим долгом является соблюдение различия между ними и гражданами других национальностей. Несправедливость, оскорбления, обман, жестокое обращение и т. п. не должны более иметь места. Избиения, как форма наказания, запрещаются».

Разве этот документ не показывает, что все до одного свидетели защиты говорили здесь совершеннейшую ложь? Разве он не говорит, может быть, более ясно, чем любой другой документ, о той беспощадной жестокости, к которой политические руководители национал-социалистской партии подстрекали германский народ? Разве не выходит за пределы нашего понимания, что в наш век просвещения в большой цивилизованной стране назревает необходимость в том, чтобы правительство издавало для своих политических руководителей приказы о прекращении жестокого обращения с мужчинами и женщинами, которых они угнали в рабство? Разве не кажется непостижимым, что правительству пришлось запретить своим политическим руководителям и своим нанимателям избивать работающих на них мужчин и женщин?

И, наконец, в качестве последней иллюстрации по данному вопросу вы припомните инструкции, изданные гауштабсамтслейтером и адресованные из Страсбурга в гау Баден-Эльзас. Иностранных рабочих — женщин, которых немцы принуждали к половой связи, следовало затем временно помещать в превентивное заключение, впоследствии они переводились на работу в другое место.

«В других случаях иностранных рабочих — женщин следует отправлять в концентрационные лагеря для женщин».

Детей этих женщин в том случае, если они удовлетворяли расовым требованиям и были здоровы в наследственном отношении, полагалось у них отбирать немедленно после рождения, «после чего их помещали в дома для иностранных детей, передавая в ведение национал-социалистской организации по социальному обеспечению».

Установки этого приказа лишь добавляют новые детали к тем показаниям, которые у нас имеются относительно той хладнокровной жестокости, которую партия предписывала применять в отношении к иностранным рабочим. Однако это весьма важный документ, так как из него явствует, сколько различных отделов корпуса политических руководителей было вовлечено в проведение переброски рабов с одного места на другое. Крейслейтеры и крейсобмаи¹ германского трудового фронта должны были сообщать о случаях беременности. Фактически, как и следовало ожидать, необходимые справки наводили ортсгруппенлейтеры, Помимо германского трудового фронта и НСФ (организация по социальному обеспечению), приказ был разослан циркулярно руководителям гау по вопросам пропаганды, руководителям гау по вопросам прессы, гауамтслейтерам по вопросам расовой политики, народного здравоохранения, по крестьянским вопросам, по вопросам народного благосостояния, по расовым вопросам, политическому руководителю национал-социалистской женской организации в гау, а также соответствующим штабным офицерам в штате крейслейтера.

Я цитирую: «Насколько я могу установить в настоящее время, — докладывает крейслейтер из Билингена, — был примерно 21 случай беременности, из них, как сообщается, четыре были прерваны абортom и в двух случаях женщины в результате абортов скончались. Из остальных 17 родившихся детей 5 родились мертвыми. НСФ не оказало никакой помощи ни в одном из указанных случаев».

Вы снова видите пример того, как корпус политических руководителей работал рука об руку с полицией безопасности и СД и с имперским комиссаром по консолидации германской расы — еще одним из заведений, которым заправлял Гиммлер.

По этому вопросу достаточно хотя бы сказать о признании доктором Серватиусом того факта, что политические руководители знали о том, что большинство рабочих работало в принудительном порядке. Признано также, что политические руководители должны были наблюдать за условиями труда. В остальном факты говорят сами за себя.

Генеральный прокурор² уже говорил о тех огромных масштабах, в которых производилось убийство слабых и престарелых людей. Это

¹ Крейсобмаи — представитель трудового фронта в штате крейслейтера. Состав и тел и.

² Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс. — Составители.

«действие»— («акция») —было начато летом 1940 года, но еще задолго до этого, в соответствии с расовой политикой нацистского правительства, были предприняты меры для укрепления германской расы. Мы полагаем документом (мы его датируем январем 1937 г.), который дает ясное представление о том, какую роль в этом должны были сыграть политические руководители. Это письмо гаулейтера Южной Вестфалии, в котором излагается декрет Гесса от 14 января 1937 г. Я привожу цитату:

«Вопрос о ТО'М, является ли человек слабоумным, не может быть решен лишь путем испытания его умственных способностей, но требует тщательного и всестороннего изучения личности данного человека. При этом изучении следует принимать во внимание не только знания и умственные способности больного, но также его этические, моральные и политические воззрения.

Ряд врачей, находящихся на гражданской службе, до настоящего времени при/давал мало значения всестороннему изучению человека. До настоящего времени они почти никогда не требовали информации относительно политических убеждений предполагаемого пациента и не поль¹ зевались такой информацией.

Теперь, когда согласно декрету имперского и прусского министра внутренних дел с партией будут консультироваться при разборе дел о наследственных заболеваниях членов партии, задачей всех гаулейтеров является обеспечить, чтобы закон о наследственном заболевании применялся в том смысле, в каком он был составлен. Гаулейтер должен расследовать, не имеет ли лицо, которое должно быть подвергнуто стерилизации, выдающихся заслуг перед национал-социалистским движением. Если гаулейтер приходит к такому убеждению и считает, что он должен использовать свое влияние для того, чтобы предотвратить стерилизацию, он должен об этом сообщить в свой отдел».

Нетрудно себе представить, к каким злоупотреблениям мог привести подобный декрет, злоупотреблениям, которые могли явиться удобным орудием для нацистской партии. Это письмо гаулейтера было разослано всем руководителям областных отделов, областным инспекторам и крейслейтерам его области (гау).

Если исходить из того факта, что департамент народного здравоохранения занимался подготовкой дел, которые поступали на рассмотрение гаулейтера, то ясно, что руководители отделов департамента здравоохранения также непосредственно замешаны в этом деле.

Вы помните доказательства, иллюстрирующие, в какой степени так называемые «умерщвления из милосердия» стали общеизвестным фактом через несколько месяцев после того, как они начались. В июле 1940 года 'епископ Ворм обратился с письмом к Фрику. В августе он писал министру юстиции. В сентябре, ничего не добившись, он снова обратился 'к Фрику и к министру юстиции.

Я собрал здесь доказательства, связанные с преданием легкой смерти- Как помнит Трибунал, по этому поводу говорил генеральный прокурор; кроме того, мой любезный друг Гриффит Джонс' в своем выступлении также обращал на это внимание Трибунала. Для сокращения времени, если позволите, я изложу содержание следующих страниц в форме

¹ Представитель обвинения от Великобритании. — Составители.

резюме. Конец страниц 32-й и 33-й показывает, что церковь возражала против этих мер и что партия эти меры по преданию «легкой смерти» поддерживала. В конце страницы 33-й и на страницах 33-а и 34-й я рассматриваю вопрос, является ли предание «легкой смерти» военным преступлением, и представляю доказательство того, что эта мера преднамеренно использовалась для того, чтобы организовать население для войны и ограничить число бесполезных едоков в стране в военное время.

Затем, если мне будет позволено резюмировать содержание следующей страницы, 35-й, я хочу указать, какое отношение имели эти меры к низшим слоям политических руководителей, о которых мы здесь говорим. После того, как я рассмотрел различные отчеты и возражения против убийства 270 000 человек под предлогом предания их «легкой смерти», я продолжаю с 6-й строчки: «Крейслейтеры всей Франконии сообщали то же самое. Крейслейтер из Лауф писал гауштабсамтслейтеру:

«Доктор также сообщил мне, что хорошо известно о том, что комиссия состояла из врача СС и нескольких подчиненных ему врачей, что пациентов даже не осматривали и что свое заключение врачи составляли лишь на основании уже написанной истории болезни».

Госпожа Мари Кер, таким образом, лишилась двух своих сестер и в своем письме просила узнать у имперского министра внутренних дел, на основании какого декрета были убиты ее сестры. Министерство подсудимого Фрика передало этот вопрос гауштабсамтслейтеру Нюрнберга. Я цитирую:

«Я прошу, чтобы вы расследовали вопрос о том, является ли Кер политически благонадежным лицом и не имеет ли она связей в церковных кругах. В случае, если это так, с моей стороны не будет никаких возражений, если вы дадите в устной форме Кер сведения, о которых она просит».

Гауштабсамтслейтер передал это письмо крейслейтеру. Крейслейтер передал его ортсгруппенлейтеру, который доложил, что «Кер можно дать информацию. Это — тихая и осторожная женщина».

В феврале 1941 года ортсгруппенлейтер Абсбурга доложил, что в его деревне после того, как местный санаторий очистили от пациентов, произошли «самые дикие сцены, которые только можно себе представить». Можно считать его отношение типичным для огромной массы политических руководителей. Я цитирую:

«Эти инциденты, которые имели место во время проведения этого мероприятия, являющегося, в конце концов, необходимым, должны быть тем более осуждены, потому что даже члены партии сами не удержались и присоединились к ламентациям других плачущих очевидцев. Говорили даже, что эти бедные жертвы, как их называет духовенство и верующие Абсбурга, незадолго до отъезда были доставлены в католическую церковь для исповеди и причастия. Кажется совершенно нелепым желать во время устной исповеди отпустить грехи людей, у части которых совершенно отсутствуют всякие умственные способности».

Во время этого процесса стало явным, что другие политические руководители разделяли взгляды этого ортсгруппенлейтера относительно абсурдности какой бы то ни было устной исповеди. Мне не нужно напоминать вам о других отчетах, если не для того, чтобы заметить, что, кроме гауштабсамтслейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров,

гауорганизационлейтеры также замешаны были в этом деле. Корпус политических руководителей по уши увяз в этой кровавой истории.

На корпус политических руководителей падает доля ответственности за плохое обращение с военнопленными'. В сентябре 1941 года Борман распространял среди гаулейтеров и крейслейтеров инструкции О'КД касающиеся обращения с советскими военнопленными.

Судя по входящему штампу на данном документе, ясно, что чиновником в штабе гау, который главным образом занимался этими делами, был лейтер, ведавший обучением в гау. Вы помните, какие указания содержались в этих директивах. Они исходили из того факта, что «большевизм» — смертельный враг нацистской Германии... поэтому большевистский солдат потерял все права на то, чтобы с ним обращались как с благородным противником в соответствии с Женевской конвенцией.

...Чувство гордости и превосходства у немецкого солдата, которому приказано охранять советских военнопленных, должно всегда проявляться даже при народе. Приказ о применении жестоких и энергичных мер должен быть отдан при малейшем проявлении неподчинения, в особенности со стороны большевистских фанатиков,...

...В отношении советских военнопленных уже стало необходимым, исходя из соображений дисциплины, быть суровыми при применении оружия».

Вы припоминаете специальные эйнзатцгруппы, которые были созданы СД для проверки советских военнопленных в лагере для военнопленных, с целью выявления и ликвидации их руководителей и интеллигенции. Эти приказы, которые передавались гаулейтерам и крейслейтерам, объясняют цель и методы работы этих частей особого назначения, в них говорится: «Вооруженные силы должны избавиться от всех этих элементов среди военнопленных, которые следует рассматривать как движущую силу большевизма. Особые условия восточной кампании требуют применения 'специальных мер, которые можно проводить под собственную ответственность, независимо от бюрократических и административных влияний».

Ни' один гаулейтер или крейслейтер не может заявить этому суду, что он не знал о том, что русские военнопленные умерщвлялись.

Политические руководители получали эти инструкции не только для сведения. В своем письме всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербандсфюрерам и крейслейтерам в сентябре 1940 года Борман подчеркнул:

«Сотрудничество с партией в деле обращения с военнопленными неизбежно. Поэтому офицеры, направленные на службу в аппарат, цедающий военнопленными, были проинструктированы тесно сотрудничать с ответственными партийными руководителями (хохайтстрегерами).

Начальникам лагерей для военнопленных следует немедленно направлять офицеров связи iK крейслейтерам, тем самым ответственные партийные руководители будут иметь возможность облегчить существующие трудности на местах, оказать влияние на поведение частей охраны и лучше приспособить условия заключения военнопленных к политическим и экономическим требованиям».

На политическое руководство пала задача ориентировать охрану и владельцев заводов «еще и еще раз в политическом и' идеологическом отношении», и это должно было быть сделано в сотрудничестве с ДАФ (германским трудовым фронтом).

Нет необходимости в повторении доказательств, касающихся обращения с русскими и другими военнопленными, работавшими у Крупна. Политические руководители относились так же бессердечно к своим военнопленным рабам, когда те умирали, как и при их жизни. Гаулейтеры и крейслейтеры получили от Бормана инструкции Фрика о порядке захоронения умерших советских военнопленных. Толевая бумага должна была служить гробом, никакие похоронные церемонии или украшение могил не допускались, расходы должны были быть сведены до минимума и «перевозка и похороны должны происходить так, чтобы не привлекать внимания. Если нужно ликвидировать несколько трупов, они должны быть погребены в общей могиле».

Что значили для нацистского правительства и его политических руководителей похоронные обряды тех людей, кого они непосильным трудом загнали в могилу? Они значили столько же или так же мало, как и все другие общепризнанные нормы элементарной порядочности или чести.

Еще в марте 1940 года Гесс разослал политическим руководителям директивы, касающиеся мер, которые должны были быть приняты в случае посадки вражеских самолетов или высадки парашютистов. Вы помните приказ, в котором говорилось:

«Таким же образом вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы или обезврежены».

Учитывая последующие приказы, которые были менее двусмысленными, и те чрезвычайные предосторожности, которые были приняты для обеспечения секретности этих приказов, можете ли вы еще сомневаться в том, что должно было быть выражено этой несколько двусмысленной фразой. Вы помните, что этот приказ должен был распространяться лишь в устной форме среди крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целлен- и блоклейтеров. Распространение этого приказа путем цитирования в официальных приказах, на плакатах, в печати или по радио запрещалось, причем в числе других предосторожностей было объявление его секретным документом государственной важности. Я также напоминаю вам, что были информированы не только все ответственные политические руководители, но этот приказ был послан в директорат имперской организации, в имперский директорат пропаганды и в правление имперской студенческой организации. Каждая из этих организаций «мела своего представителя в штате амтслейтера, гау-, крейс- и ортсгруппенлейтера. Кроме того, этот приказ был передан также группенфюреру Гейдриху.

В августе 1943 года Гиммлер проинструктировал полицию, что в ее обязанности не входит вмешательство в стычки между немцами и летчиками-террористами. Гаулейтеры должны были быть информированы об этом в устной форме.

В мае 1944 года Геббельс писал в газете «Фелькишер Беобахтер», что нетерпимо, чтобы германская полиция использовалась для защиты убийц. На следующий день Борман указал всем гаулейтерам, фербандсфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам на то, что были отдельные случаи, когда экипажи самолетов, выбросившиеся на парашютах, с самолета или совершившие вынужденную посадку, были на месте убиты судом Линча негодующими жителями. «Против германских граждан, участвовавших в этих инцидентах, были приняты меры полицейского характера или возбуждено судебное преследование».

Для понимания этого письма нам вряд ли требовалось захватывать приказ одного гаулейтера, где видно, что он воспользовался правом, которое ему предоставил Борман. В феврале 1945 года гаулейтер Южной Вестфалии прямо приказал всем своим крейслейтерам поощрять линчевание союзных летчиков.

Он писал: «Летчики сбитых боевых бомбардировщиков в принципе не должны быть защищены от проявления народного негодования.. Я ожидаю, что все полицейские инстанции откажутся брать под свою защиту этих бандитов».

Вы уже познакомились с показаниями гаулейтера Гофмана, данными вашему уполномоченному по этому вопросу, и уделите столько внимания этому вопросу, сколько, по вашему мнению, он заслуживает.

Заканчивая этот обзор доказательств по делу корпуса политических руководителей, разрешите мне напомнить вам о показаниях двух свидетелей защиты, вызванных по делу организаций: некоего Эберштейна, которого вы сами слушали по делу СС, и Валя — гаулейтера, который дал показания вашим уполномоченным.

Вам известны показания, которые все политические руководители дали в отношении концентрационных лагерей, а именно, что они ничего общего с ними не имели и не знали ничего о том, что происходит там. Но что говорил вам свидетель Эберштейн? Я цитирую выдержку из его показаний:

«В начале марта 1945 года в Мюнхене гаулейтер и рейхскомиссар обороны Гизлер вызвал меня и потребовал, чтобы я повлиял на коменданта лагеря Дахау с тем, чтобы расстрелять всех заключенных, а их было 25 000, в то время, когда американские войска приблизятся к лагерю. Я с негодованием отклонил это требование и указал, что я не могу, приказывать коменданту, после чего Гизлер заявил мне, что он, в качестве рейхскомиссара обороны, примет меры к тому, чтобы наши собственные самолеты разбомбили этот лагерь. Я ему сказал, что мне кажется, что ни один командир германских военно-воздушных сил не согласится на это. Тогда Гизлер заявил, что он примет меры к тому, чтобы что-нибудь было подсыпано в суп заключенных. Другими словами» он угрожал их отравить.

По собственной инициативе я запросил по телеграфу инспектора по концлагерям и просил решения Гимmlера о том, как поступить с заключенными в случае приближения американских войск. Вскоре после этого пришло известие, что лагерь должен быть сдан противнику. Я показал это сообщение Гизлеру, и он был очень во?мущен тем, что я разрушил его планы».

И, наконец, свидетель Валь, гаулейтер Швабии, дал следующие показания:

«Вопрос: Свидетель, я вас спрашивал относительно беседы, которую вы имели со своей женой по вопросу о том, уйти ли вам в отставку с поста гаулейтера. Правильно ли, что следует истолковать ваш разговор таким образом: вам было стыдно за те действия, которые совершали другие гаулейтеры, и вокруг вы видели вещи, которых вы не одобряли от которых вы хотели отмежеваться?»

Ответ: Да.

Вопрос: Это верно, не так ли?

Ответ: Да, это верно».

Ив ответ на другой вопрос он заявил:

«Я хочу подчеркнуть, что оправдать все гау не является ни моим желанием, ни моей задачей. Среди гаулейтеров были маньяки и кроваво-жадные дураки, так же, как и везде».

Я перехожу к СА. Прежде чем рассматривать показания против этой организации, я хочу сказать пару слов в отношении добровольного членства. Защита СА утверждала, что членство не было добровольным в этой организации. Заявляют, что на немецкое население было оказано большое давление с тем, чтобы принудить его вступить в ту или иную организацию нацистской партии и что в отношении некоторых отделов СА не только оказывалось такое давление, но что членство в них являлось обязательным в соответствии со специальным декретом. На основании показаний, на которые я хочу обратить ваше внимание, вы можете прийти к выводу, что даже если было налицо давление, которое в некоторых случаях, несомненно, оказывалось на отдельных лиц для того, чтобы вынудить их вступить в партию и, в некоторых случаях — в отдельные ее организации, результаты отказа сделать это значительно преувеличены защитой. Мы утверждаем, что если вы примете, как несомненные показания некоторых свидетелей в отношении отдельных случаев принудительного членства, то доказательства, которыми вы располагаете в отношении всей организации в целом, совершенно ясны: членство было от начала до конца добровольным. Никогда не было такого положения, когда принуждение являлось законом, как таковым, физическим принуждением или результатом законодательного акта...

Разрешите мне кратко рассмотреть показания по этому вопросу. Общий устав службы СА, изданный в 1933 году, устанавливал следующее. Я цитирую:

«Тот, кто не может или не хочет подчиниться, не подходит для СА и должен выйти из ее рядов».

В справочнике за 1940 год говорится:

«Служба в СА была и остается добровольной... При наборе в СА не должны быть обещаны какие-либо льготы или же оказано какое-либо давление. Член СА должен иметь возможность выйти из рядов организации».

Свидетель Ютнер согласился с тем, что эта выдержка правильно передает положение вещей. Ему был задан вопрос:

«Добровольность членства всегда являлась основным принципом СА?»

На что он ответил:

«Это был принцип, которого всегда придерживалось руководство».

Ему был снова задан вопрос:

«Если же кто-либо не соглашался с взглядами СА, считалось ли, что он должен выйти из состава организации?»

Он ответил:

«Очень многие вышли из состава СА по всевозможным причинам».

Никак нельзя себе представить, что показания, данные в отношении кавалерийского корпуса, указывают на существование какого-либо принуждения физического или путем законодательного акта. Совершенно правильно то, что первоначальные кавалерийские организации были произвольно слиты с СА, но, как показал сам свидетель Валь, вызванный по ходатайству этой части СА (я цитирую): «Членство в СА было

добровольным в 1933 году и с того дня положение вещей в этом отношении не изменялось. Член организации мог -выходить из состава кавалерийского корпуса, но он должен был оставить свою спортивную деятельность, поскольку спортивные средства больше не предоставлялись в его распоряжение».

«Ассоциация всадников», как он заявил, — «подчинилась этому процессу объединения, потому что это давало возможность ее членам продолжать свою спортивную деятельность».

Можно вполне прийти к выводу, что именно в 1933—1934 гг. тот факт, что деятельность СА была преступной, был особенно очевиден для германского народа. Как же может потеря возможности заниматься «спортивной деятельностью», явиться моментом принуждения и служить оправданием для вступления в ряды членов организации?

Неужели риск потери лошади и конюшни может считаться законным оправданием для участия в убийстве?

Следует также помнить, что 'как в случае с кавалерийским корпусом, так и в отношении «Стального шлема», хотя обе эти организация могли быть слиты с СА декретом, вам не представляются никакие доказательства, которые содержали хотя бы одно слово, которое можно истолковать как момент принуждения отдельных лиц к вступлению в члены СА.

«Стальной шлем» находился почти в таком же положении, как и кавалерийский корпус, хотя показания, которые давал Ютнер перед комитетом, говорят об этом еще яснее. Разрешите мне процитировать некоторые выдержки из протокола его показаний:

«В опрос: Не существовало ничего, не так ли, что могло бы помешать любому члену «Стального шлема» выйти из состава СА, когда эти две организации были слиты в 1933 году?

Ответ: Поскольку это касалось моего района, ни один член «Стального шлема», который не желал вступить в СА, к этому не принуждался.

Вопрос: Это касается всей Германии, не так ли?

От в е т: Сообщалось, что были случаи, в которых члены «Стального шлема» соглашались переходить в СА, только когда это было приказано;

Вопрос: Но ведь не было таких случаев, когда кто-либо принуждался вступать в СА или оставаться членом этой организации?

Ответ: Нет, сэр».

Показания, касающиеся судьбы, которая ожидала гражданских *т* новников, если они отказывались вступать не только в СА, но — я подчеркиваю — в любую партийную организацию, звучат почти патетически. Однако из показаний свидетеля Боле перед уполномоченным явствует, насколько преувеличено было это заявление, что в управлениях, в которых он работал, только 18% гражданских чиновников стали членами либо партии, либо одной из ее организаций, причем речь шла об имперском министерстве финансов, имперской канцелярии — о самом сердце нацистского правительства.

Свидетель фон Вальденфельд являет собой еще один выдающийся пример того, как немец, который имел силу воли стоять за то, что ой считал справедливым, мог поступать таким образом, не навлекая ни себя особенно тяжелых последствий. Являясь сам гражданским чиновником и ведущим членом «Стального шлема», в 1933 г. он ушел в от"

ставку, когда эта организация была слита с СА, и отказался вступить в СА, в партию и во все другие партийные организации. Однако он продолжал занимать свой пост до конца войны.

Защитники представили показания о том, что студенты университета обязывались декретом вступать в члены СА. Это утверждение было подкреплено приказом университетского отдела СА в Мюнхене, датированным 16.апреля 1934 г., который находится в книге документов защиты СА.

В связи с этим документом я хочу сделать два замечания: во-первых, под «службой СА» не имеется в виду членство в СА, а прохождение подготовки под наблюдением СА. Во-вторых, предложение в § 3-м «все вновь зачисленные студенты, таким образом, обязаны вступить в СА» не соответствует политике руководства СА и не характеризует обычную практику, принятую в университетах.

Мы уже представляли вам другой подобный приказ, изданный университетским отделом СА в Кельне, за два дня до этого. Если сравнить Этот приказ с мюнхенским приказом, становится совершенно очевидным, что это утверждение имеет под собой достаточное основание.

Параграф 1-й обоих приказов идентичен. Все студенты подлежат «сведению в полки через университетский отдел СА, с тем чтобы пройти единообразную физическую и моральную подготовку в духе национал-социалистской революции» (конец цитаты). В § 2-м особо отмечается, что не играет никакой роли, являются ли студенты членами СА или нет. Параграф 3-й обоих приказов, хотя и идентичен по форме, значительно 'разнится по смыслу. В обоих случаях говорится, что приказ основывается на декрете высшего руководства от 27 марта 1934 года. Мы не видели этого декрета, но в § 3-м приказа, изданного в Кельне, разъясняется, что членство в СА не должно быть принудительным, как это можно предположить на основании мюнхенского приказа. Совершенно очевидно также, что служба в СА, которой касаются оба приказа, представляет собой нечто совершенно отличное и независима от членства в этой организации. Как может принудительная «служба в СА» означать принудительное членство, 'когда особо отмечается, что за исключением 11 дней, с 25 апреля по 5 мая, налагается запрет на зачисление новых членов? Следующие слова в обоих приказах отмечают значительное различие между ними. В Мюнхене студенты «таким образом обязываются вступить в СА», в то время 'как в Кельне они «таким образом имеют возможность вступить в СА» (конец цитаты). Если же служба в СА, которая должна быть принудительной для всех немецких студентов, означала членство в СА, то не может быть и речи о «предоставлении им возможности» вступления. Можно предположить, что в Мюнхене, сердце национал-социализма, декрет верховного руководства СА от 27 марта был умышленно неправильно истолкован для того, чтобы удовлетворить желание особенно фанатичного штурмфюрера. Однако из документов видно, что все, что происходило в Мюнхене, не является характерным для всех других университетов в Германии.

Ютнер подтверждает доводы обвинения. Он заявляет: «Я уже говорил, что в некоторых случаях оказывалось давление другими организациями, помимо СА, например, как это было в отношении студентов финансовых школ».

Но в ответ на вопрос: «Ведь не существовало особых обстоятельств,

которые бы вынуждали студентов вступать в СА, если они были не согласны с целями?»—он ответил: «Я разделяю это мнение».

Разрешите мне добавить. Трибунал увидит, что показания Ютнера, процитированные мной, подтверждаются также его письменными показаниями. Он объясняет положение вещей следующим образом: «В тех случаях, когда другие организации включались в состав СА, большинство членов этих организаций гордились службой в СА». Если требуются другие доказательства того, что СА была добровольной организацией как де-юре, так и де-факто, их можно найти в тех мерах, которые были приняты самим руководством СА для того, чтобы сократить число членов этой организации после большого наплыва новых членов в результате включения в нее «Стального шлема» и «кавалерийского корпуса», а также в силу того, что большое число кандидатов устремилось во все партийные организации после захвата нацистами власти.

С 4,5 миллиона в 1934 году число членов СА упало до 1,5 миллиона к началу войны в 1939 году. Ютнер объяснил причину этого сокращения; частично оно вызывается тем, что Киффгойзербунд — еще одна организация ветеранов войны — был исключен из состава СА; но это сокращение являлось, «кроме того, результатом введения экзаменов для членов СА, так как провал при сдаче этих экзаменов приводил к исключению, а также объяснялось тем, что (я цитирую) «те, которые в связи с выполнением своих прямых обязанностей не могли приносить нам пользы и тем самым чистосердечно продолжать служить нам в СА, также были уволены». Подобная чистка и сокращение числа членов с 4,5 до 1,5 миллиона за период в 5 лет плохо вяжется с утверждением, что вся германская молодежь, все германские государственные служащие и вообще все население принуждались вступать в число членов этой организации. Мы полагаем, что этот факт является исчерпывающим доказательством в отношении добровольного характера этой организации.

Как можно утверждать, что все государственные служащие, общее число которых равнялось трем миллионам, как заявил свидетель Боле, миллион членов «Стального шлема», 100 000 студентов, 100 000 членов кавалерийского корпуса, кроме того, и другие лица были принудительно призваны в СА, когда общее число членов этой организации в 1939 году составляло лишь 1 500 000 человек?

Весьма возможно, что на незначительное меньшинство, которое отказывалось повиноваться, действительно было оказано давление и что последствия отказа могли быть весьма серьезными. Но этот вопрос должен быть решен на основании установленных и общепринятых принципов права. Даже если бы дело обстояло иначе, разве мы могли бы сочувствовать этим людям? Разве они сочувствовали тысячам своих соотечественников, которые подвергались ледящим кровью ужасам концентрационных лагерей? Разве они сочувствовали тысячам евреев, которых беспрестанно преследовали и подвергали клевете в течение долгих лет?

ИСКЛЮЧЕНИЯ

Как вы помните, когда были затронуты некоторые вопросы в связи с организациями, в связи с которыми, велась перед вами дискуссия в феврале, я заявил от имени Обвинения, что мы не требуем декларации о пре-

ступности в отношении некоторых частей СА. Мы исключали тогда: во-первых, всех носителей партийного значка СА, которые в строгом смысле этого слова не являлись членами СА; во-вторых, членов военизированных отрядов СА, которые ни в какой иной форме не принадлежали к СА. Вы можете с основанием считать, заслушав показания в отношении преступлений, совершенных военизированными отрядами в Польше и на восточных территориях, что эта часть СА не должна быть исключена из числа виновных. Однако мы полагаем, что многие члены военизированных частей, которые были причастны к совершению зверств, были также членами самой организации СС, и поэтому мы имеем честь заявить, что наше первоначальное утверждение может оставаться в силе.

В-третьих, членов резерва, которые ни в какой период не служили ни в одной из остальных частей этой организации, и, в-четвертых, национал-социалистскую лигу инвалидов-ветеранов.

Уже не раз говорилось, что Обвинение желает добиться декларации о преступности только в отношении тех, кто несет главную ответственность за совершение преступления. Учитывая это обстоятельство, а также в свете показаний, которые представлялись вам с февраля месяца, мы имеем честь почтительно рекомендовать некоторые дополнительные исключения из общего числа членов этой организации.

Первое: общая численность СА в 1934 году была указана Ютнером как равная 4,5 миллиона. Сюда входят полтора миллиона членов Киффгойзербунда. Вскоре после слияния этой организации с СА в 1933 году эти две организации были снова разделены. Мы имеем честь рекомендовать исключение всех тех членов Киффгойзербунда, которые не оставались в рядах СА после этого разделения.

Второе. Мы считаем, что мы имеем основание просить об исключении некоторых групп «Стального шлема».

Для того чтобы вы могли представить себе, на чем основывается эта рекомендация, быть может, следует кратко напомнить вам структуру и историю этой организации. Она состояла из:

1) Шарнхорста, который являлся молодежной организацией юношей до 14 лет, с численностью, примерно, 500 000 человек.

2) Верштальхельма, который включал Юнгштальхельм (мужская молодежь в возрасте от 14 до 24 лет) и спортивные организации «Стального шлема» (мужчины от 24 до 35 лет). Общая численность Верштальхельма составляла 500 000 человек.

3) Кернштальхельма, который состоял из мужчин в возрасте от 36 до 45 лет, численность этой группы равнялась 450 000 человек.

Общая численность «Стального шлема» равнялась, таким образом примерно, 1,5 миллиона мужчин и юношей.

В 1933 году «Стальной шлем» перешел под руководство нацистской партии. Шарнхорст была переведена в «Гитлерюгенд»; Верштальхельм был слит с самой СА и Кернштальхельм — с резервом СА. Так как мы уже исключили резерв СА, нам остается лишь рассмотреть вопрос о той части «Стального шлема», которая была включена непосредственно в СА — 500 000 членов Верштальхельма.

Вы располагаете доказательствами — показаниями свидетелей и документами, находящимися в книге документов защиты, которые показывают, что многие из этих 500 000 членов «Стального шлема» были против их перевода в СА, а также против политики и целей СА и нацистской

партии. Многие, включая свидетеля фон Вальденфельс, отказались вступить в СА. Можно предположить, что еще много других членов, хотя и они были против политики СА, были готовы вступить в СА в силу того, что им была дана гарантия, что они будут пользоваться правом придерживаться своих убеждений, сохранять свой характер и своих руководителей таким же образом, как и кавалерийский корпус, и что их никогда не заставят фактически вступить в члены самой СА. С другой стороны, нет ни малейшего сомнения в том, что многие сознательно и с полной готовностью вступили в СА и участвовали в полной мере в ее преступной деятельности. Ютнер сам является примером такого поведения, и он заявил, что он далеко не единственный. Я вам напомним его показания:

«Многие члены СА, которые раньше были членами «Стального шлема», приходили ко мне в течение нескольких первых месяцев, и они, как и я, сожалели о том, что их старая добрая организация более не существовала. Но вместе со мной они приветствовали то обстоятельство, что им было разрешено теперь стать членами такой большой организации, как СА».

Говоря о своем собственном районе, он заявил:

«По сути дела после 1935 года основным костяком СА являлась моя старая организация «Стальной шлем», поэтому большинство членов «Стального шлема» осталось в рядах СА».

Исключение из декларации о виновности всей организации «Стального шлема» привело бы к исключению таких людей, как Ютнер, и многих других членов «Стального шлема», которые составляли костяк СА.

Мы считаем, что можно сделать справедливое и практически возможное разграничение между этими двумя группами. В июле и августе 1935 года заверения, которые давались членам СА в том, что они сохранят свое независимое положение, несмотря на свое членство в СА, были нарушены. Организация «Стального шлема» была окончательно распущена. Принятая в ней форма, ее собрания и вся ее предыдущая деятельность были запрещены. С этого времени члены «Стального шлема», которые остались в СА, ничем не отличались от остальной части этой организации. Они присоединились к СА в 1933 году, зная, как заявил один из их собственных свидетелей, о преступном характере политики и деятельности СА. Теперь, в 1935 году, они не могли уже иметь никаких иллюзий относительно того, что если они останутся членами СА, то от них будут ожидать поддержки этой политики и участия в этой деятельности. Никто из числа тех, кто остался членами после этого дня, не имеет права исключить себя из числа лиц, несущих главную ответственность за преступления, совершенные СА и нацистским правительством, одним из оплотов которого являлась СА. Таким образом, мы имеем честь рекомендовать на ваше рассмотрение следующий вопрос: могут ли быть также исключены все те члены «Стального шлема», которые ушли или были исключены из СА до 31 декабря 1935 года. Мы считаем, что те, кто остался, могут справедливо рассматриваться как принадлежащие к преступной организации СА.

Вы представляете себе, какие последствия будут иметь эти исключения для целого ряда членов СА, связанных с этим процессом. Одно лишь исключение 1 500 000 членов Киффгойзербунда и 500 000 членов Кернштальхельма уже сокращают цифру общей численности, приведен-

ную Ютнером, до 2,5 миллиона, причем здесь не предусматриваются другие исключения, которые были ранее предложены Обвинением.

Наконец, я хочу сказать несколько слов в отношении кавалерийского корпуса. Я уже заявил, что нет никакого законного основания предполагать, что членство в этой организации было принудительным. Обвинение, однако, признает, что постольку, поскольку кавалерийский корпус сохранял свою отдельную организацию клубов верховой езды, свой собственный характер и имел своих руководителей, вы, возможно, сочтете, что он занимал специфическое положение, когда вы будете обсуждать вопрос о преступной ответственности СА. Трибунал, несомненно, если он пожелает, сумеет по своему усмотрению учесть это специфическое положение кавалерийского корпуса. Суд будет иметь в виду, что число членов этой организации равнялось 200 000.

Я, как мне кажется, должен сказать несколько слов еще по одному вопросу, который был затронут защитой. Утверждалось, что еженедельная газета «СА Манн» («Член СА»), из которой Обвинение взяло некоторое небольшое число своих доказательств против этой организации, не является достоверным источником и не отражает правильно политику и деятельность СА. Вы слышали показания за и против этого предположения. Я хочу лишь напомнить вам, что эта газета издавалась официальным нацистским издательством — компанией Эхер, которая также издавала «Майн кампф», справочники по организации НСДАП, приказы и декреты нацистского правительства и все другие официальные нацистские издания. Подзаголовок этой газеты гласил...

Председатель: Сэр Дэвид, перед тем, как вы оставите вопрос о цифрах, скажите нам, — эта цифра два с половиной миллиона, которую вы назвали, предусматривает смену чиновников на отдельных постах?

Сэр Дэвид Максвелл Файф: Нет, что касается смены чиновников, мы считаем, что эта цифра уравнивается большой смертностью за годы войны. Вам следует принять в расчет лишь пятилетний период со времени начала войны. За этот период с 4,5 миллиона число членов сократилось до 1,5 миллиона. После этого, как мы полагаем, число чиновников, сменявших один другого на постах, уравнивалось числом вышедших в связи со смертностью во время войны.

Милорд, вы, конечно, имеете в виду, что мы пытаемся здесь взять первоначальную цифру Ютнера в четыре с половиной миллиона. Мы предполагаем, что однажды эта цифра сократилась до двух с половиной миллионов. Если вы согласитесь с нашим предложением в отношении одних лишь Кернштальхельм и Киффгайзербунд, мы получим сокращение до двух с половиной миллионов. Вы также должны принять в расчет предложенное нами исключение тех членов Штальхельма, которые вышли из состава этой организации до 1935 года. Далее, вопрос о кавалерийском корпусе. Мы, конечно, оставляем его на решение Трибунала. Но после того, как вы примете решение по нему, после того как вы получите цифру, которая равна примерно 2,5 миллиона, вы убедитесь в том, что эта цифра сократилась за пятилетний период и равнялась полутору миллионам, согласно тем показаниям, которые дал вам Ютнер.

Я рассматривал вопрос о газете «СА Манн». Разрешите мне продолжать.

Подзаголовок этой газеты гласил:

«Официальный орган высшего руководства СА». Ее редактор

в письме Розенбергу прямо называл эту газету «Боевой листок и официальный орган верховного руководства партии», с тиражом в 750 000 экземпляров. (ПС-4009-ВВ-614).

Сам Лютце рекомендует ее в своей ежегодной программе подготовки на 1939 год как одно из официальных пособий для подготовки и проведения в жизнь обучения.

Я утверждаю, что в свете этих доказательств показания свидетелей защиты по этому вопросу не должны быть приняты во внимание.

Прошу вас обратить внимание на всю литературу, которую вы видели в связи с этой организацией. Она вся одинакова — вся посвящена войне, незаконному насилию, расовой ненависти. Ни одним словом не касается она обычных проблем благопристойной жизни, интересов, деятельности и образа жизни нормальных, порядочных, цивилизованных мирных граждан, тех, которые заполняют большую часть газет и литературы порядочных, уважающих закон мирных стран. Сравните литературу СА с той, которая издается любой другой организацией или обществом любой другой страны Европы. СА — организация, которая гордилась тем, что на нее была возложена ответственность за воспитание и подготовку германских мужчин, говорила только о милитаризме, о самолюбленности, об устранении и ненависти. Зачем было все это нужно, если их цели были таковы, как они об этом теперь говорят?

ЦЕЛИ И ПОЛИТИКА

Я перехожу к очень краткому рассмотрению доказательств, на которых мы основываем наше заявление о том, что эта организация является преступной. Цели СА являлись целями самой нацистской партии. Подготовка в рядах СА описывается в справочнике по организации НСДАП следующим образом. Я цитирую:

«Подготовка и обучение проводятся в соответствии с доктринами и целями фюрера, которые изложены в «Маин кампф» и в программе партии, как руководство во всех проявлениях нашей жизни, нашей национал-социалистской идеологии».

Начштаба СА Лютце в своем заявлении дипломатическому корпусу и иностранной прессе в 1936 году сказал:

«Когда я заявляю с самого начала, что обязанности, взятые на себя СА, являются такими же, как и обязанности партии, и наоборот, я имею в виду лишь то, что СА считает программу партии своей собственной программой. СА не может быть независимой от национал-социалистского движения и может существовать лишь как составная его часть. В структуре партии СА представляет собой отряд ее защитников, ее боевую ударную группу, к которой, выражаясь языком политики, принадлежат наиболее активные члены движения. Задачи СА являются задачами партии и наоборот. Таким образом, они носят внутривнутриполитический характер».

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В интересах экономии времени я не буду подробно останавливаться на доказательствах того, как эта организация выполняла свою роль «защитного отряда» и «боевой ударной группы» партии. Все это можно уже считать вопросом истории. Выражаясь словами Обвинительного заключе-

ния, СА «была создана нацистскими заговорщиками до захвата власти и превращена ими в громадную частную армию: она использовалась в целях создания беспорядков, для терроризирования и уничтожения противников». Говорят о том, что насилия и преступления ее членов, если таковые вообще имели место, носили чисто оборонительный характер: к подобной деятельности они были вынуждены прибегать для того, чтобы защищать своих членов и партийных руководителей от насилий со стороны коммунистов и других политических партий. Вы сами должны решить, какова ценность этих доказательств. Решая этот вопрос, вы будете иметь в виду, что все документальные доказательства, представленные по этому вопросу в книге документов защиты, исходят из нацистских источников и составлены нацистами. Вы можете считать фактом, что описание СА как организации, имевшей оборонительные цели, совершенно не соответствует показаниям, которые дали вам свидетели Зеверинг и Гизевиус, и письменным показаниям, данным американским консулом Гейстом.

Часть показаний, которые я не имею намерения здесь зачитывать Трибуналу, я приведу в качестве сноски. Я напомню о том, что говорил Зеверинг относительно агрессивности СА, и я прошу Трибунал обратиться к последним словам цитаты в начале страницы 52. «Это не были просто обычные небольшие стычки между политическими противниками в период предвыборных столкновений. Это был организованный террор».

Я добавляю: Трибунал примет во внимание цитированные мной выдержки из показаний Ютнера. Имеется также подтверждение его показаний. «...Это не были просто обычные небольшие стычки между политическими противниками в период предвыборных столкновений. Это был организованный террор».

Свидетель Штальхельма Груз подтвердил показания Зеверинга. «Я считаю, — заявил он, — что в целом Зеверинг описал положение вещей правильно».

Я считаю, что доказательства о преступной деятельности СА в течение 1933—1934 годов, то есть начиная с прихода нацистского правительства к власти до чистки Рема, являются столь же хорошо обоснованными в могут быть рассмотрены столь же кратко. Здесь, как и ранее, продолжалось применение насилия, пренебрежение законами, правами и привилегиями всех, кроме их самих. Достаточно напомнить вам лишь то, что заявил Гизевиус; и снова, милорд, я напоминаю вам, что Гизевиус говорил относительно использования СА в качестве вспомогательной полиции, относительно частных тюрем, арестов и т. д. Разрешите мне снова процитировать последнюю фразу:

«Стычки не могли больше применяться в борьбе за власть. Тем не менее борьба продолжалась; изменилось лишь то, что эти удары теперь уже наносились с полным сознанием своей власти».

Гизевиус далее более подробно описал незаконные аресты политических противников, которые производились членами СА, тюрьмы, которые они учредили, и обращение, которому они подвергали свои жертвы:

«Именно потому, что к зверствам относились терпимо в течение первых месяцев, впоследствии стали возможны садистские убийства в концентрационных лагерях».

Заслушав показания Шеффера, первого коменданта Ораниенбурга, на перекрестном допросе, можете ли вы испытывать хоть малейшее

сомнение в том, что членами СА в этом концентрационном лагере совершались зверства? Вы располагаете показаниями свидетеля Неля о том, что СА организовала концентрационный лагерь в Вуппертале по инициативе местного командира СА, что в Хонштейне и Бредове охранники из СА пытали и убивали заключенных. Вы помните также письмо, написанное в июне 1935 года министерством юстиции самому Гитлеру: «В лагере практиковались весьма грубые нарушения правил обращения с заключенными, по крайней мере, начиная с лета 1934 года. Заключенных не только избивали до бессознательного состояния плетью и другим предметами, как это имело место в лагерях предварительного заключения в Бредове близ Штеттина, но их также истязали и другими способами».

Эти факты не требуют никаких комментариев, за исключением того, что следует подчеркнуть, что садизм и незаконные аресты подобного рода практиковались и проводились в жизнь членами СА по всей империи. Я цитирую:

«В течение шести недель с момента прихода нацистов к власти в январе 1933 года германские газеты помещали сообщения, исходившие из официальных источников, о том, что 18 тысяч коммунистов были заключены в тюрьмы и что в то же время из 10 тысяч заключенных, находившихся в тюрьмах Пруссии, большую часть составляли социалисты и интеллигенция».

...В Нюрнберге некий Пфаумер подвергался избиению по ступням ног до тех пор, пока он не скончался. В Мюнхене бывший редактор газеты «Нижнебаварский крестьянин» доктор Алоиз Шлогель был подвергнут насилию, а дом его был разрушен. Это всего лишь несколько примеров из большого числа подобных случаев, которые имеет в виду премьер-министр Баварии, заявляя (я цитирую):

«Невозможно сосчитать общее количество подобных инцидентов, имевших место по всей Германии».

Это не было политической революцией, это не было самозащитой против коммунистической оппозиции. Эти люди находились на службе у правительства и были всегда уверены, что все правительственные органы — пресса, закон и полиция — имеют инструкции способствовать и помогать им. Они не подвергались никакому риску. Жертвы их произвола не могли обратиться ни в один суд, они не имели никакой защиты. Это был просто садизм, преступные зверства, которые поощрялись партией и руководством СА. У вас имеются показания Гейста, американского консула:

«Я лично могу подтвердить, что полиция была проинструктирована о том, чтобы не вмешиваться... Эти офицеры заявили мне, что они и все другие члены полиции получили точные и определенные инструкции не вмешиваться в дела СА, СС и гитлеровской молодежи».

Подсудимый Геринг, выступая 3 марта 1933 года, сказал о той роли, которую должна была выполнять СА с этого момента и в будущем. Он заявил, что коммунисты будут подавлены коричневорубашечниками. Полиция не будет использоваться так, как это делается при буржуазной демократии. Я цитирую: «Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтожение и ничего более. Борьбу не на жизнь, а на смерть, в которой моя рука возьмет вас за

горло, я поведу с 'помощью тех, которые находятся там внизу,—с помощью коричневорубашечников».

Теперь разрешите мне рассмотреть более подробно деятельность СА в течение лет, последовавших за 1934 годом. Здесь утверждалось, что после путча Рема уменьшилось как число членов СА, так и ее значение и что преступная деятельность ее членов прекратилась. Неоспоримо, что число ее членов действительно уменьшилось. Я уже указывал на доказательства, объясняющие, по какой именно причине это произошло. То, что ее значение уменьшилось, тоже правильно — в том смысле, что официально в фаворе все в большей и большей степени находилось СС по причинам, которые хорошо известны. Тем не менее СА в глазах ее собственных руководителей, ее членов и руководства нацистской партии осталась в политическом и военном отношении силой, имевшей жизненно важное и серьезное значение.

К июню 1934 года политические противники нацистской партии были подавлены или заключены в тюрьмы. Поэтому не удивительно, что мы теперь имеем меньше доказательств, касающихся тех фактов «господства над улицами», которые заполняют историю Германии в течение предыдущих лет. Но цели этой организации остались неизменными: фанатическая поддержка политики нацистского правительства; подавление той оппозиции, которая еще осталась, в особенности церкви и евреев. И в дополнение ко всему — интенсивная подготовка к агрессивной войне.

СА и СС уже использовались в мероприятиях по роспуску профсоюзов. Еврейский вопрос и вопросы церкви оставались вечными проблемами. Я уже говорил о проводимой нацистской партией политике устранения всякого влияния церкви. Я хочу вам напомнить о той роли, которую играла СА в этой борьбе в течение ряда лет, после 1934 года. Вы помните инцидент в церкви в Фрейзинге в феврале 1935 года, когда крейслейтерша проинструктировала всех женщин-нацисток сопровождать штурмовиков СА на службу в фрейзингскую церковь. Именно штурмовики СА устроили так, что в то время, как кардинал совершал богослужение, зазвонил церковный колокол. Именно штурмовики СА впоследствии вывели Ганса Гейдля ночью в поле и били его беспощадно за то, что он воздержался от вмешательства в ход богослужения. Вы помните эту историю, и я привожу в сноске¹ заявление самого Ганса Гейдля по поводу происшедшего.

Произвел ли на вас впечатление защитительный довод, что это был только отдельный случай? Если вы рассмотрите доказательства относительно массовых и повсеместных актов насилия, которые были связаны с именем СА в представлении всей Германии и всего мира в годы нацистской борьбы, то сможете ли вы сомневаться в том, что подобные случаи имели место во всей Германии в 1935 году и в последующий период, когда к тому представлялась какая-либо возможность...

Если насильственные методы изменились в течение этих лет, почему же официальный орган ее верховного руководства вспоминал историю ее ранних боев? Заголовки наглядно раскрывают их содержание:

«Мы подчинили красный террор».

«Ночные уличные бои на чешской границе».

; «СА громит красный террор».

«Кровавое воскресенье в Берлине».

¹ Сноска не приводится. — Составители.

Характерно также описание событий «9 ноября 1932 года в Нюрнберге», когда во время беспорядков кто-то закричал: «Ударим по еврейскому гнезду. Долой евреев!»

Роль, которую СА играла во все усиливающимся преследовании евреев, рассеивает всякие возможные сомнения в отношении того, что характер деятельности этой организации оставался преступным в период после 1934 года. По поводу бойкота, объявленного в апреле 1933 года, Геббельс писал в своей автобиографии:

«1 апреля 1933 года. Все еврейские магазины закрыты. У входа в магазины стоят часовые СА».

Это лишь один пример того, как по всей Германии СА давала нацистскому правительству практическую возможность проводить в жизнь его политику. Инструкции, изданные подсудимым Штрейхером в его комитетом, гласили:

«Члены СА и СС получили инструкцию путем установления пикетов препятствовать населению входить в еврейские предприятия после того, как был объявлен бойкот».

У вас имеются показания Курта Шмидта, министра экономики, который до января 1935 года являлся членом имперского кабинета:

«Я должен сказать, что СА приобретала все более и более пагубное влияние на вопросы экономики и еврейские вопросы».

У вас имеются показания их собственного свидетеля барона фоя Вальденфельса, которого спросили: «Принимала ли СА активное участие в преследовании евреев после 1934 года?». Свидетель ответил:

«Насколько это было мне известно из того, что м'не рассказывали, — да. Я своими глазами видел, как грабили магазины в Мюнхене, но я не знаю, производилось ли это в соответствии с полученным приказом или являлось результатом личной инициативы отдельных лиц».

Свидетель пытался умалить значение СА после 1934 года, но его показания не оставляют никаких сомнений:

«Вопрос: Играя ту меньшую роль, на которую вы указываете, продолжала ли СА проводить политику преследования евреев и осуществлять ее на практике, как она делала это раньше?»

Ответ: В этом нет никакого сомнения».

Геббельс, обращаясь к СА в октябре 1935 года, напомнил членам организации, что они являлись «сильнейшей опорой движения» и что нацистское правительство являлось «антиеврейским правительством».

Если после 1934 года активное преследование евреев не продолжало оставаться частью деятельности СА, почему же в таком случае Лютце, начальнику штаба СА, в его обращении к дипломатическому корпусу и представителям иностранной прессы в январе 1936 года пришлось опровергать то прозвище, которым иностранная пресса так часто клеймила СА, называя ее «носителем варварской расовой борьбы, вопреки цивилизации?» Почему же в таком случае почти ежемесячно в «СА Манн» в период между 1935 и 1939 годами появлялись статьи, составленные в выражениях, столь излюбленных газетой «Дер Штюрмер»? Их заголовков достаточно для того, чтобы прийти к заключению об их характере. Я обращаю ваше внимание лишь на четыре статьи из них: «Убийства, совершаемые евреями», «Могильщики мировой культуры», «Еврейская мировая революция будет подавлена СА», «Друзья мирового еврейства — Рузвельт и Айк».

Если члены СА фактически не принимали постоянного и активного участия в преследовании евреев после 1934 года, как же можно объяснить ту роль, которую они играли в демонстрациях, имевших место в ноябре 1938 года? Вы помните, какие инструкции были получены ранним утром 10 ноября 50-й бригадой СА в Дармштадте: «По приказу группенфюрера все еврейские синагоги, находящиеся в зоне расположения 50-й бригады, должны быть немедленно взорваны или подожжены... Эти мероприятия должны быть произведены в гражданской одежде»...

События, происшедшие в районе Маннгейма, не могли являться, как пытается вас уверить защита, исключением из политики, проводимой руководством СА, и из общей практики поведения членов СА в остальной части Германии. Всего в ту ночь было разрушено 267 синагог. Мы с полным правом можем задать вопрос: почему только 50-я, 51-я и 151-я бригады должны были получить инструкции разрушать все синагоги? Почему же в таком случае сам Ютнер издал всем соединениям СА приказ, исходивший от Гесса и гласивший, что все отделы партии и ее филиалы, под охраной которых находилось ценное имущество, должны были передавать его в ближайшее отделение гестапо?

Мы просим вас заявить, что эти доказательства уже сами по себе являются решающими. Тем не менее в дополнение к вышеприведенным доказательствам вы располагаете отчетом о процессе в высшем партийном суде по поводу убийства евреев во время проведения этих демонстраций. Пятнадцать членов СА совершили убийства. Эти убийства имели место по всей Германии: в Восточной Пруссии, в Дессау, в Ганновере, в Бремене, в Саксонии и в Мюнхене. Что же, все они тоже представляют собой только отдельные случаи?

Биограф Геринга писал относительно СА в 1937 году (повторяю — в 1937 году): «Едва ли отмечена происшедшая сейчас реорганизация полиции безопасности народом. Ее ряды укрепляются СА — самым надежным орудием нашего движения». Вряд ли по делу какой-либо организации были представлены более убийственные доказательства.

Я перехожу к подготовке к войне и к деятельности СА во время войны.

Немедленно после прихода нацистской партии к власти СА превратилась в зародыш армии, при помощи которой нацисты начали осуществлять свою подготовку к агрессивной войне. Гейст — американский консул — говорит вам по этому поводу следующее:

«В особенности в 1933 и 1934 годах целые орды штурмовиков СА у всех на глазах занимались военной тренировкой; СА превращалась в военную организацию. Я нередко наблюдал за тем, как штурмовики, расположившись в поле или в лесу, проходили военное техническое обучение. Все это являлось частью общего плана подготовки живой силы Германии к войне».

«Уже в 1920 году, создав СА, фюрер установил для этой организации весьма обширные задачи... СА должна была стать носителем военных идей свободного народа. В том же смысле фюрер выразился в своей книге «Майн кампф»:

«Дайте германской нации шесть миллионов безукоризненно натренированных в спорте тел, вдохновленных фанатической любовью к своему отечеству, энергия которых доведена до высшей точки напряжения, и национал-социалистское государство, если в этом появится необходимость, создаст из них армию меньше чем в два года».

Люди никогда не забудут миссии фюрера — требовать от каждого немца военной подготовки и воссоздать среди германского народа военный дух.

Какой же смысл свидетелям защиты по делу СА теперь приходится и заявлять этому Трибуналу, что «СА не имела военного характера... и не желала его иметь...»

«Программа обучения членов СА всегда сохраняла свой невоенный характер».

Имеется очень большое количество доказательств относительно военного характера и целей СА, относительно интенсивного обучения членов этой организации и ее подготовки к войне.

Доктор Эрнст Байер, писавший в 1938 году по приказу верховного штаба СА, тем не менее снова коснулся целей СА:

«СА было поручено добиться роста и сохранения военной мощи и развития воинственного духа, что должно было явиться выражением ее агрессивных позиций».

Еще в мае 1935 года фон Рейхенау предложил, чтобы верховное командование СА было представлено в имперском совете обороны.

Здесь я сделаю добавление: имелась карандашная пометка, которая показывает, что это было проведено в жизнь — к СА был прикомандирован офицер регулярной армии, который должен был оказывать содействие в «военном» обучении членов организации.

В целях маскировки этот офицер должен был носить военную форму СА.

Из директив по вопросам обучения и других документов, некоторые из которых были изданы самим Лютце, нам становится ясным, какую форму приняла эта тренировка, начиная с 1933 года и кончая 1939 годом:

она заключалась в стрельбе, бросании гранат, определении расстояния, чтении карт и маршировке. Нам также известно, что уже в июле 1933 года в СА были сформированы специализированные соединения, как, например, роты связи и моторизованные роты, а также отдельные воздушные эскадрильи. Командование СА в особенности подчеркивало необходимость соблюдения секретности в отношении каких-либо публичных заявлений, «которые могли бы дать другим странам основание истолковать действия Германии как нарушение условий Версальского договора». Был запрещен выпуск картин, «дающих другим странам возможность доказать, что действительно создавались технические войсковые соединения». Едва ли есть необходимость вновь цитировать высказывания доктора Эрнста Байера для того, чтобы представить себе цель создания этих технических соединений. Все же я цитирую его:

«Из этих технических соединений СА возникли хорошо обученные команды, которые по своей подготовленности и полученным ими знаниям занимают не последнее место и имеют исключительную ценность на службе обороны страны».

То же он писал и по поводу кавалерийских корпусов:

«В настоящее время СА имеет возможность ежегодно передавать в вооруженные силы многие тысячи молодых, хорошо подготовленных кавалеристов».

Можно ли сомневаться в том, что каждому члену СА было известно, к чему вели все эти мероприятия, если сам начальник штаба публично говорил о том, что принцип обучения членов СА являлся «всегда жизне-

деятельным культивированием в моральном и физическом отношении и милитаризации всего германского народа?»

В марте 1934 года был установлен постоянный контакт между СА и имперским министерством обороны в отношении всех задач «А». Ютнер разъяснил, что представляли собой эти задачи «А»: они заключались в «мероприятиях по обучению и в ведении пограничной охраны». Означала ли пограничная охрана в действительности подготовку военного захвата Рейнской области, Австрии и Чехословакии?

Фактически в том же месяце 1934 года СА создала в Рейнской области вооруженное подразделение, которому была придана рота тяжелых пулеметов.

В начале 1934 года СА также готовила следующие планы (я цитирую):

«7—8 февраля ввести в Австрию австрийские войсковые соединения, расквартированные в Баварии. После этого объявить военную диктатуру».

Перед вами имеется отчет о той роли, которую сыграла СА в неудавшемся путче Дольфуса. Когда подошло время проведения аншлюсса, соединения СА были в числе первых, вошедших в Австрию.

В Чехословакии СА являлась основной силой, поддерживавшей «свободный судетский корпус». В октябре 1938 года, через несколько недель после мюнхенского кризиса, офицер связи ОКБ при «свободном корпусе» сообщил: «Снабжение было организовано СА, оружием снабжала австрийская СА. Материально «свободный корпус» обеспечивало руководство СА, проявляя при этом величайшее чувство товарищества и отсутствие себялюбия. Экипировка и питание остались в ведении НСДАП и СА».

Милорд, я напоминаю Трибуналу о том, что в приложении к этому документу имеется список пленных и трофеев, захваченных «свободным корпусом», а также нанесенные ими потери, и все это — в период мирного времени. Эта поддержка, оказанная «свободному корпусу», входила в понятие «пограничной охраны», как это признал сам Ютнер.

Преступления, совершенные СА, не прекратились с началом военных действий. Я еще раз цитирую показания свидетеля Ютнера:

«С самого начала войны с Польшей группа СА в Судетах занималась транспортировкой военнопленных в лагерь. Возможно, что и другие группы СА на Востоке использовались для таких же целей. Позже руководство СА и СА как организация ничего общего не имели с этим вопросом».

При рассмотрении доказательств, которые вы слышали, о тех ужасающих условиях, в которых этих пленных с Востока перевозили в лагери, можете ли вы считать доказанным, что эта задача охраны транспорта была столь невинной, как может показаться с первого взгляда? Ютнер также оставил нам отчет от июня 1941 года, в котором описана деятельность СА во время войны. В зонах, через которые проходили коммуникационные линии, ее члены оказывали содействие политическому руководству в его задаче воспитания и ориентации. 21 группа членов СА была использована для охраны пленных. Организация групп СА в Данциге, Познани, Силезии и Прибалтике описывается в следующих выражениях:

«В тех областях так же, как и в бою, СА была ударным отрядом партии. Практически в этих областях деятельность СА также была

направлена на укрепление обороны. Поэтому возникла необходимость преодолеть комплекс неполноценности расовых немцев, который еще существует в результате польского угнетения, и привести их внешний вид и манеру держать себя в соответствие с требованиями СА».

Как зловеще звучат эти невинные слова в свете доказательств о том, что происходило в этих восточных и прибалтийских провинциях. Управление гетто в Вильно находилось в руках СА, и заключенные охранялись охранниками СА. Некоторые из евреев должны были жить в глубоких колодцах, причем они были скованы цепями, а члены СА надевали им цепи на обе ноги и вокруг талии: «эти цепи весили по два килограмма каждая, и поэтому мы могли делать в них только очень маленькие шаги. Мы находились в этих ямах постоянно в течение шести месяцев. Охранники СА сказали нам, что если кто-нибудь снимет цепи, он будет повешен».

Работа их состояла в том, что они раскапывали общие могилы:

«Мы выкопали всего 68 тысяч трупов..., среди них я нашел тело своего родного брата».

В Вильнюсе охранники СА также заставляли евреев щипцами снимать золотые коронки с зубов их мертвых братьев, промывать их в бензине и упаковывать в восьмикилограммовые ящики, которые ведавший этим офицер СА забирал лично.

Гетто в Шяуляй, к югу от Риги, находилось в ведении СА. Там находилось от 700 до 800 членов СА, которых можно было распознать по коричневой форме и нарукавным 'повязкам со свастикой. В августе 1941 года члены СА окружили все гетто. Некоторые из них вошли в дома, отбирали детей и стариков, сажали их в грузовики и увозили. Я это видел сам. Это проводилось исключительно членами СА. Я видел, как они хватали детей за волосы и бросали их в грузовики. Я не видел того, что с ними случилось позже, но один литовец впоследствии рассказывал мне, что их увезли километров за двадцать и расстреляли. Он говорил, что он видел, как члены СА заставляли их раздеваться и затем расстреливали их из автоматов».

СА охраняла гетто в Каунасе, где было расстреляно 10 500 евреев во время ужасной «акции» 28 октября 1941 года. Она также охраняла трудовые лагеря в Сакраве, Мехтале, Маркштадте, Клеттендорфе, Ланбилаве, Фаультбрюкке, Рейхенбазе и Анаберге в Верхней Силезии, где поляки, французы, бельгийцы, голландцы и греки трудились, как рабы, и умирали от жестокого обращения и недоедания и где «методы СА ни в коей мере не отставали от методов СС».

Нельзя сомневаться в правдивости показаний тех евреев, которые пережили эти кошмарные годы в гетто и трудовых лагерях на Востоке. Не только снова и снова подтверждается факт существования тех условий, которые они описывают, другими источниками и собственными немецкими документами, но даже сходятся описания того или другого из членов СА, которых они упоминают. Лейб Кибарт назвал вам фамилию районного уполномоченного, в чьем дворе евреи из шяуляйского гетто ежедневно подвергались ругани и побоям со стороны охранников из СА. Он вам говорил, что его фамилия была Гевеке и что он был членом СА. Мы видим подпись Гевеке на одном из его собственных писем от 8 сентября 1941 года, в котором он жалуется, что СС вмешивается в его распоряжения «по упорядоченной конфискации еврейской собственности». Письмо, содержащееся в этом документе, имеет штамп: «Комиссар

Шяуляйской области». СА использовались не только в качестве охранников. Из членов СА комплектовались эйнзатцкоманды, кроме того, подразделения СА принимали участие в кровавой деятельности по уничтожению партизан. Районный начальник полиции безопасности и СД в Кракове в письме подсудимому Франку сообщает о деятельности специальной эйнзатцкоманды СА, которая была создана для вербовки рабочих из числа гражданского населения.

Генеральный уполномоченный по Белоруссии сообщал в июне 1943 года, что: «По приказу обергруппенфюрера СС фон дем Баха, ведающего отрядами по борьбе с партизанами, подразделения военных отрядов СА также принимали участие в операции. Этими отрядами командовал штандартенфюрер СА Кунце».

Эта «акция», на которую ссылается генеральный уполномоченный, была ужасной «операцией Котбус», о которой вы помните и о которой генеральный уполномоченный сообщал, что «ее политическое воздействие на мирное население было попросту ужасным в связи с многочисленными расстрелами женщин и детей».

В генерал-губернаторстве СА были организованы в 1941 году. В декабре 1943 года Франк заявил: «Когда 2 1/2 года назад я дал указание организовать СА, я руководствовался мыслью, которая сегодня наполняет меня больше, чем когда-либо прежде. Я стремился создать в генерал-губернаторстве резерв для действий в чрезвычайных обстоятельствах, причем резерв абсолютно надежный и непоколебимый во всех случаях, резерв национал-социалистов. Совершенно очевидно, что этот специальный резерв подлинных национал-социалистских борцов могут составить только члены СА. Здесь, как член СА вместе с моими товарищами из СА, я могу в рамках СА действительно создать¹ то, что является фольком¹, таким образом, как я не могу этого сделать при существующей политической обстановке на моей территории. На этой территории² я должен принимать во внимание множество обстоятельств и беспрестанно держать в руках кнут, как укротитель в клетке со львами, для того, чтобы быть начеку в отношении действий бандитов. Это положение вещей никогда не приходится принимать во внимание гаулейтерам в пределах империи... СА впервые применялись здесь на новой территории для использования новых методов и решения новых задач, которые, однако, были разрешены именно потому, что члены СА, принимавшие участие в их разрешении, были такими же, какими они являлись в период борьбы внутри империи».

В то же самое время внутри империи СА взяли на себя (я цитирую) «функции, которые раньше были поручены только СС, Зипо и армии, как, например, охрану лагерей военнопленных и наблюдение за насильно пригнанными рабочими как в самой Германии, так и на оккупированных территориях. Такого рода сотрудничество СА было запланировано и подготовлено руководящими инстанциями в Берлине уже в середине 1943 года».

В Штирии лагерь Фрауэнберг использовался как трудовой лагерь для хронических алкоголиков, правонарушителей и прогульщиков, причем 300 заключенных работали в соседних каменоломнях и на строительстве дорог. Охрана состояла из членов СА. Можем ли мы представить себе те

¹ То есть германским народом.—Составители.

² То есть в оккупированной Польше.— Составители.

условия, в которых жили — или умирали — эти прогульщики и правонарушители?

Насилия, убийства и власть над улицами в годы борьбы. Незаконные аресты, частные концлагери, невероятный садизм в годы триумфа — с 1933 по 1934 гг., безжалостное подавление и зверское преследование евреев и христиан и всякой оппозиции и военное обучение в агрессивных целях в годы, начиная с 1934 года до начала войны. И после этого новые концентрационные лагеря, снова садизм, снова подавление и преследование на этот раз завоеванных ими народов, которых они называли расово-неполноценными. И снова насилия и убийства, но не как прежде, в далекие дни 1933 года по отношению к отдельным людям. Теперь это были насилия и убийства целых народов. Одна и та же система в течение всех этих лет. Можете ли вы своим решением снова развязать этим людям руки для того, чтобы они терроризировали народы Германии и Европы?

Я не считаю, что есть необходимость подробно останавливаться на доказательствах против СС. Вы уже достаточно хорошо знаете о характере этой организации и о деятельности ее членов. Буквы «СС» появлялись в связи с почти каждым преступлением — большим или малым, о которых вам говорили здесь ежедневно в течение почти десяти месяцев. Обо всем этом можно сказать суммарно, хотя и недостаточно полно словами руководителя СС Гимmlера: «Я знаю, что в Германии есть люди, которых начинает тошнить, когда они видят эти черные рубашки. Мы понимаем причину этого и не ждем, что нас будут любить многие».

Я хотел бы поэтому остановиться только на двух вопросах, которые здесь возникли и которым мы придаем особенное значение.

История развития СС может быть сформулирована в нескольких словах. Созданные первоначально в качестве избранной личной охраны для защиты самого Гитлера, вместе с СА они образовали частную нацистскую армию и явились основой того, что должно было стать необходимым орудием заговора для ведения агрессивной войны. Ценность этой организации как совершенно надежного «инструмента фюрера» была продемонстрирована в июле 1934 года, когда она выполняла палаческие функции во время путча Рема. Я цитирую слова Гимmlера, которые он сказал позднее: «Это поразило всех. И тем не менее все были уверены, что они сделают это снова, если будут получены такие приказы и если в этом опять возникнет необходимость».

Готовность СС «сделать это снова» была продемонстрирована на миллионах примеров в последующие годы.

До января 1933 года СС состояли из одной только части. Не существовало особых ответвлений СС, и, кроме задач, общих с СА, и специальных функций по несению личной охраны Гитлера, у них не было никаких специальных целей. Однако после того, как нацистская партия пришла к власти и в особенности после 1934 года, число ее членов увеличилось, и организации СС расширились и стали более сложными. Были созданы новые части, например отряды СС «Мертвая голова», задачей которых были и оставались охраняющие функции в концентрационных лагерях.

Несколько избранных частей были вооружены и фактически стали личной армией Гитлера под названием «СС ферфюнгстрuppen» (военные отряды СС). В то же самое время некоторые функции стали специальностью других групп, которые, хотя они и не имели отдельного организационного статуса, тем не менее были обозначены как отдельные подраз-

деления, как, например, СД, которые являлись разведкой СС и которые впоследствии стали работать в столь тесном сотрудничестве с гестапо. Хотя общепринято различать отдельные ответвления СС и их формирования по названиям, в области управления и подчинения они являлись частями единой организации СС; все они находились под общим командованием имперского фюрера СС и все управлялись и контролировались различными главными управлениями верховного командования СС.

В начале войны большинство альгемейне СС (общих частей СС), т. е. большое число членов СС, которые остались 'невооруженными, было мобилизовано в вооруженные силы. Новые солдаты были призваны в ферфюнгсгруппен, которые расширились до такой степени, что образовали боевые дивизии СС, и именно эти боевые дивизии, примерно в 1940 году, стали известны под названием ваффен СС (войск СС).

Трибунал видел из отчета статистического института СС, как расширилась эта организация к 30 июня 1944 года. К этому времени общее число ее членов составляло 794941 человек. Альгемейне СС (общие части СС), бывшие зародышем этой организации, потеряли свое значение входе войны, потому что более чем половина из 200000 их членов была призвана в армию для отбывания трудовой повинности или в другие специальные нацистские организации. Остальные 594 443 служили в войсках СС. Трибунал видел, что 368 654 человека из числа военнослужащих войск СС служили в действующих частях; примерно 160000 находились в частях запаса, в резервных частях и в учебных подразделениях. 26544 служили в других частях и учреждениях, непосредственно подчиненных оперативному штабу верховного командования СС; 39415 служили в главных управлениях СС.

Особенно важно установить, как были распределены эти 39 415 человек из состава войск СС (Трибунал сумеет ознакомиться с подсчетом, который я приложил). Свидетели рассказали нам, что ваффен СС не имели ничего общего с концентрационными лагерями, тем не менее, по крайней мере, 24000 из них служили в главном административно-хозяйственном управлении, которое несло ответственность за управление концентрационными лагерями и комплектование их кадрами и организовывало эту работу. В эти 24 000 не входят отряды СС «Мертвая голова», из числа которых набирались охранники. Войска СС также снабжали кадрами различные организации нацистов, занимавшиеся биологическим истреблением и действовавшие в системе СС или от имени СС — главное управление по расовым вопросам и переселению, управление имперского комиссара по консолидации германской нации, главное управление по делам лиц германской расы, личный штаб Гимmlера, в том числе и пользующееся позорной известностью общество по изучению наследственности, возглавленное Зиверсом («Аненэрбе»).

Заявляют, что войска СС по существу являлись чисто военной организацией, не отличавшейся по характеру от любой части регулярной армии. Доказательства устанавливают, что это не так. Правильно, что ваффен СС являлись боевым оружием СС, но, хотя его боевые формирования находились под командованием армейских инстанций, когда дело касалось оперативных задач, они всегда оставались неотъемлемой частью СС. И действительно, приказ Гитлера, намечавший функции СС на случай мобилизации, предусматривал, что, будучи переданы под командование армии, они (я цитирую) «остаются в политическом отношении частью

НСДАП». Комплектование, обучение, производство в чины, управление и снабжение войск СС в течение всей войны оставалось задачей верховного командования СС. Эти части пополнялись через главное управление СС. Они организовывались, управлялись и снабжались через оперативное управление СС, которое представляло собой их главный штаб. Военнослужащие войск СС подлежали юрисдикции главного правового управления СС. Подобно всем другим формированиям СС, войска СС входили в юрисдикцию Гимmlера, как имперского фюрера СС. И теоретически, и практически эти войска являлись столь же неотъемлемой частью всей организации СС, как любая другая их ветвь. Вы помните показания, которые дал фон Рундштедт.

Я цитирую: «Военные отряды СС были подчинены только Гимmlеру. Ни в вопросах дисциплинарных, ни в вопросах правового характера я не имел над ними власти. Я не мог давать им отпусков или награждать их. Я отвечал лишь за тактическое применение этих дивизий в той же степени, в какой я мог использовать итальянские, венгерские или словацкие дивизии».

Таковы, в общих чертах СС, это облеченное большими задачами «государство в государстве», как назвал его генерал Детцель. Защита теперь пытается расчлнить это всеобъемлющее единство СС на различные, совершенно отдельные компоненты, объединенные якобы только личностью Гимmlера. Ответственность за преступления, совершавшиеся миллионами, пытаются возложить лишь на него и на 3—4 его подчиненных. Однако это утверждение противоречит как истине, так и здравому смыслу. Мы рассматриваем на этом процессе не дело об убийстве 10 людей в одном месте и 20 в другом. Это Обвинительное заключение инкриминирует не только убийство миллионов, но и дьявольский план биологического уничтожения, запланированное истребление целых народов, наций и рас. СС являлись орудием, которое было выбрано для осуществления этого плана, превосходившего в своей жестокости самого Ирода. Этот план мог быть осуществлен лишь путем использования всех СС в целом, причем таким образом, чтобы все ветви СС работали в согласии и сотрудничестве одна с другой. Показания, данные перед этим судом, показали, что преступления нацистских заговорщиков не могли быть осуществлены экспромтом путем отдельных, не связанных между собой преступных актов. Они были тщательно запланированы, подготовлены и проведены в жизнь с помощью СС и других преступных организаций. Члены СС были в особенности хорошо пригодны для осуществления этого плана преступлений. Хорошо подготовленные физически и тщательно отобранные, они были политически воспитаны в духе нацизма и были готовы слепо подчиняться приказам Гитлера, Гимmlера и остальных нацистских руководителей. «Приказы должны быть священны», — сказал Гимmlер. Членство в СС не только было добровольным в течение первых 16 лет их существования, начиная с 1925 года; более того, вступление в члены было возможно лишь в результате самого тщательного отбора, который являлся попыткой создать то, что СС называли «лучшими представителями мужского начала германской расы», «сверхлюдьми», «группой немцев нордической расы». Члены СС должны были быть фанатическими нацистами «арийского» происхождения.

Защитой особенно подчеркивается тот факт, что в ходе войны добровольный призыв был заменен принудительной мобилизацией. Свидетель

Брилль дал показания, что «к концу войны в войсках СС было больше мобилизованных, чем добровольцев».

Для удобства Трибунала, быть может, следует очень кратко рассмотреть показания этого свидетеля. Хотя и не ставится под сомнение тот факт, что на известном этапе войны значительное число военнослужащих войск СС было принудительно мобилизовано в войска СС, дата начала такой мобилизации и размеры, которые она приняла, в том изложении, которое дал этим фактам свидетель Брилль в своих показаниях, должны быть оспорены как недостоверные. Он заявил вам, что первые 36 000 человек были призваны в период между осенью 1939 года и весной 1940 года. Заявлять, что 36 000 человек были в принудительном порядке мобилизованы в СС, — значит вводить в явное заблуждение. Во время перекрестного допроса на заседании Комитета уполномоченных относительно этого утверждения он признал, что эти 36 000 человек уже были тогда членами общих частей СС, в которые они вступили добровольно. Они не были призваны, они были просто переведены из одной части СС в другую. Приведенные им цифры последующих мобилизаций таковы:

в течение 1942 года—30000, в течение 1943 года—100000 и в течение 1944 года—210000, итого в целом 340000. Даже с помощью этих цифр он далек от того, чтобы подтвердить свое заявление о том, что к концу войны было больше мобилизованных, чем добровольцев. Он привел цифру в 910000 как охватывающую общую численность войск СС, причем эта цифра включала в себя численность в 1940 году и все последующие пополнения как за счет добровольцев, так и в результате мобилизации. 340 000 составляют только немного более чем одну треть этого общего числа.

В отношении дня начала мобилизации в СС имеются весьма значительные доказательства, опровергающие показания этого свидетеля. В феврале 1940 года Гесс давал инструкции организациям партии содействовать призыву добровольцев в СС. В декретах, которые он издал, не было никаких указаний по поводу принудительной вербовки. В апреле 1942 года брошюрка, выпущенная в связи с призывом, подчеркивала добровольный характер принадлежности к войскам СС в следующих выражениях. Я цитирую: «Юноша национал-социалистской империи знает, что он сам должен проявить инициативу для того, чтобы завершить свою военную подготовку в войсках СС. Тот факт, что столь многие из числа молодых немцев вступили добровольцами в войска СС, является живым свидетельством доверия, которое питает сегодняшнее молодое поколение к войскам СС, свидетельством их веры в дух этих войск и прежде всего в их руководство».

«Друг солдата» — карманная памятка, изданная для германских вооруженных сил в 1943 году, в том году, в течение которого, как хочет вас заставить поверить Брилль, 100000 человек было мобилизовано без предоставления им права выбора, описывала членов СС как жизнерадостных молодых людей, которые «добровольно решили вступить в ряды войск СС». Там было сказано (я цитирую):

«Все ознакомились с ясным и понятным уставом войск СС. Основные его моменты таковы: 1. Служба в вооруженных силах СС засчитывается как военная служба. Принимаются только добровольцы».

В апреле того же года Гиммлер давал инструкции Кальтенбруннеру в связи с принятием должностных лиц Зипо в ряды СС:

«Я хочу еще раз разъяснить свою точку зрения,—сказал он.— Я хочу, чтобы кандидаты принимались лишь, если они удовлетворяют следующим условиям:

...Если кандидат вступает в СС добровольно и по свободному выбору».

В справочнике по организации НСДАП за 1943 год приводится разъяснение, что войска СС, принимая в свои ряды добровольцев, в ходе войны дают возможность этим добровольцам сражаться на поле боя за утверждение национал-социалистских идей. Я считаю себя вправе также отметить следующий момент в связи с показаниями Брилля. Вы помните, что я уже ссылаясь на заявление, которое этот свидетель сделал в отношении деятельности СС «Лейбштандарте» (полк личной охраны), которое, как я имею честь заметить, должно рассматриваться как ложное показание. Учитывая подозрительный характер его показаний и наличие доказательств, которые опровергают их, я хочу отметить, что, каковы бы ни были масштабы принудительного набора в СС, они были значительно меньше, а сама мобилизация стала проводиться значительно позже, чем заявляет об этом свидетель.

Но каково бы ни было в действительности положение вещей, мы считаем, что тот факт, что некоторое число членов было мобилизовано в принудительном порядке, не должен и не может являться защитительным доводом для этой организации. Преступления, совершенные СС во время войны, настолько многочисленны и повсеместны, настолько широко распространены и носят систематический характер, что неизбежно напрашивается вывод, что преобладающее большинство ее членов, независимо от того, вступили ли они в СС добровольно, или нет, с готовностью следовали традициям СС и сами стали добровольными участниками их преступной деятельности. Разрешите мне рассмотреть в общих чертах доказательства, которые приводят к этому заключению.

Вы уже знаете, какое образование и подготовку получали члены СС — подготовку и для расовой борьбы, которую Гиммлер приказывал им вести «беспощадно». Расовые теории, геополитика, евгеника—такова была программа их обучения. «Майн кампф» была их библией. Основы их философии были изложены Гиммлером:

«В порядке вещей, что наиболее значительное поколение должно вырасти из этого избранного слоя германцев. В течение 20—30 лет мы должны быть в состоянии снабдить всю Европу этим классом руководящих телей. Если СС вместе с фермерами будут затем управлять колониями на Востоке в широком масштабе без всяких ограничений, игнорируя всякие традиции, но с подъемом и в революционном духе, то за 20 лет мы отодвинем нашу национальную границу на 500 км на восток».

Распространение идей подобного характера могло лишь приучить личный состав СС к представлению о мире как о месте, в котором разрушение, рабство и уничтожение по отношению к «низшим» народам является благородным долгом. Угрызения совести не могли мучить и не мучили этих людей. Трибунал помнит отчет Бах-Зелевского, которого спросили, являлось ли убийство 90 тысяч евреев одной небольшой эйнзатц-группой (которая, кстати сказать, состояла в основном из убийц, перешедших в нее из войск СС) совместимым с нацистской философией, он сказал: «Я придерживаюсь того мнения, что если в течение многих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей, а евреи вообще не люди, то такой исход неизбежен».

Не только генералы СС, подобные Бах-Зелевскому и Олендорфу, были отравлены этим ядом. Мы утверждаем, что этот яд отравил и должен был отравить рядовых членов СС, которые непосредственно совершали убийства. Уничтожение евреев рассматривалось ими как (я цитирую) «славная страница нашей истории».

Хладнокровное массовое убийство рассматривалось как почетное дело. Нужны ли нам дальнейшие доказательства для того, чтобы показать, какой тип человека развился в результате подобного грязного воспитания? Задолго до того, как они вступили в СС, они были пропитаны духом расовой ненависти и поклонения фюреру. Подготовка в СС была лишь всего-навсего повторным курсом для усовершенствования. Когда они вступили в СС, то з какое бы их подразделение они ни пошли, они везде видели практическое осуществление того, что они изучали раньше. Везде, в каждом управлении, в каждой части убийство стало профессией. И где бы ни предполагалось совершение убийства, именно члены СС призывались для этого.

«Аненэрбе» являлось отделом СС. Список его сотрудников насчитывал свыше 100 профессоров и других научных работников, бывших членами СС, которые рассчитывали, что сотни других членов СС, совершая убийства, обеспечат их человеческими телами для их экспериментов и образцами для их коллекций — телами комиссаров, которых было приказано захватывать живыми и затем отрубать им голову, причем обращая особое внимание на то (я цитирую), чтобы «не повредить голову». Профессор Хирт писал: «Путем приобретения черепов еврейских большевистских комиссаров, которые представляют собой прототип отталкивающего, но характерного недочеловека, мы имеем возможность получить научный экспонат».

Управление по консолидации германской нации являлось управлением СС — управлением, которое несло ответственность за страшные преступления по биологическому истреблению рода и за все то, что они за собой влекли.

РСХА и главное административно-хозяйственное управление, управлявшие концентрационными лагерями и контролировавшие их деятельность, также были укомплектованы членами СС. Преступления, которые совершались СС в концентрационных лагерях, не нуждаются в дальнейших комментариях, за исключением того, что следует подчеркнуть, что расследования, проводившиеся правовым отделом СС, по поводу которых давал показания свидетель Морген, не касались массовых убийств, а являлись лишь расследованиями отдельных случаев коррупции в среде должностных лиц СС. Этот свидетель также относится к числу тех, которых я считаю недостойными доверия. Как можно принять всерьез историю о расследованиях, производившихся судьей СС в связи с убийствами, совершенными Гессо'м в Освенциме, расследованиях, которые были якобы прерваны приближением союзников? Зачем нужны были дальнейшие расследования, когда Морген сам знал все подробности убийств, совершавшихся в Освенциме в период 1943—1944 гг.? Неужели вы сомневаетесь в том, что, если бы союзники проиграли войну, Гесс до сих пор продолжал бы совершать массовые убийства в этом концентрационном лагере, а судьи СС до сегодняшнего дня вели бы следствия по делам об отдельных случаях коррупции и преступных действий?

Эйнзатцкоманды состояли в основном из СС. В них в миниатюре-

отражено сотрудничество различных компонентов системы Гимmlера и частей СС. Вот каков, например, состав оперативной группы «А»:

Войска СС — 34,4 процента, СД — 30,3 процента, уголовная полиция—4,1 процента, гестапо—9,0 процента, вспомогательная полиция—8,8 процента, другие виды полиции— 13,4 процента.

СС руководили деятельностью по истреблению евреев. Варшавское гетто является всего лишь одним примером. Высылка, убийства, ограбление поляков и других народов, занимавших территорию, считавшуюся необходимой для переселения немцев, проводились СС. Вы помните отчет Глобочника об «акции», в ходе которой тысячи поляков были выгнаны из своих домов, а административно-хозяйственное управление СС присвоило 178 миллионов рейхсмарок. Это, по словам самого Глобочника (я цитирую), «проводилось силами СС... Только порядочность и честность и общий надзор, осуществлявшийся бойцами СС, использовавшимися для этой цели, могли обеспечить полную передачу изъятых».

Удивительно, что он не добавил: «Деньги не пахнут».

Войска СС стали передовым отрядом в нацистских агрессивных войнах, в особенности при вторжении в Советский Союз, и олицетворяли собой режим тирании и кровавых убийств, присущий нацистскому господству.

«Мы никогда не допустим, чтобы то отличное оружие, каким является страшная репутация, которая предшествовала нам в боях за Харьков, перестало существовать; наоборот, мы будем постоянно придавать ей 'новый смысл», — сказал Гимmlер офицерам трех дивизий СС в Харькове в 1943 году.

Войска СС успешно и постоянно «придавали новый смысл» своей ужасной репутации. Трибуналу были представлены многочисленные примеры совершения военных преступлений и преступлений против человечности частями войск СС. Они еще свежи в памяти Трибунала, и я не буду их вновь перечислять. Я бы хотел лишь напомнить Трибуналу, что некоторые самые жуткие злодеяния были совершены в 1943 и 1944 годах, когда часть войск СС состояла из мобилизованных.

Как можно утверждать, что члены СС, а в особенности военнослужащие войск СС, были простыми солдатами, только солдатами, которые не знали об этих преступлениях и не участвовали в их совершении? Как можно утверждать, что их цели не были преступными? Где бы мы ни встретились с преступлениями, совершенными нацистами, мы везде видим, что в них замешаны члены СС. Об этих членах СС всегда говорили, что они представляли собой нечто иное и особенное, что они были членами СД или какой-либо другой организации, или членами СС, которые были мобилизованы для службы в специальных частях, как, например, в эйнзатцкомандах, или членами СС, которые в действительности совсем не были эсэсовцами, а лишь врачами или полицейскими. Может ли это соответствовать действительности? Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о концентрационных лагерях, об эйнзатцкомандах, о повсеместных зверских преступлениях против населения захваченных территорий, о массовом истреблении евреев в половине стран Европы, о бесчисленных случаях отдельных преступлений и проявлений садизма и о всех других нарушениях законов ведения войны. Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о всех этих преступлениях, хотя каждое из них совершалось различными членами СС в различных городах

и деревнях, вдоль и поперек всей великой империи. Предположим, что мы оставим их без внимания, хотя они и не являлись внезапной вспышкой преступлений, а совершались изо дня в день в течение долгих лет. Предположим, что мы оставим без внимания тот факт, что почти ни в одном из преступлений, о которых мы слышали, не был замешан никто иной, кроме ээсовцев. Оставим все это без внимания, если вы этого желаете.

И без того преступность СС, от самых незначительных членов этой организации до самых высоких инстанций, устанавливается на основании имеющихся протоколов тех трех речей Гимmlера, которые он произнес перед офицерами частей СС.

В апреле 1941 года он выступил с речью перед всеми офицерами дивизии СС «Лейбштандарта». В октябре 1943 года он обратился с речью к своим генералам в Познани. В том же месяце командный состав всех полков трех дивизий СС слушал его речь в Харькове. Цитаты из этих речей уже несколько раз приводились в суде, и вы знакомы с настроениями, выраженными в них, и с их содержанием. Постарайтесь представить себе генерала из ваших собственных стран, который бы говорил всем офицерам одной из дивизий об угоне в рабство «тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч» людей, о расстреле «тысяч ведущих представителей польского населения». Постарайтесь себе представить британского, американского, советского и французского командующего армией, говорящего своим генералам:

«Что случится с русскими и чехами, ни в малейшей степени меня не интересует... Если 10 000 русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это заинтересует меня лишь в той мере, в какой будет в связи с этим закончен противотанковый ров, необходимый для Германии».

Или:

«Я также хочу с вами говорить совершенно откровенно об одном очень серьезном деле... Я имею в виду очищение от евреев, истребление еврейской расы. Это—одна из тех тем, о которых очень легко говорить. «Еврейская раса истребляется», — говорит какой-нибудь член партии. Это совершенно ясно. Это — пункт нашей программы — истребление евреев, и мы это делаем, мы их истребляем. И вот они приходят — 80 миллионов достойных немцев, и у каждого есть свой «порядочный еврей». Конечно, все другие паразиты, но этот еврей — первосортный еврей. Ни один из тех, которые так говорят, не наблюдал этого и ни один этого не переживал. Большинство из вас должно знать, как выглядят 100 трупов, лежащих рядом, или 500, или 1000. Выдерживать все это до конца и в то же время, — за исключением отдельных фактов проявления человеческой слабости, — оставаться порядочными людьми, вот, что закаляло вас».

Можете ли вы представить его выступающим перед командирами частей одной из его дивизий с заявлением:

«Антисемитизм — это точно то же, что санитарная обработка. Избавление от вшей — не вопрос идеологии, это — вопрос чистоплотности. Точно так же для нас антисемитизм не является вопросом идеологии, это — вопрос чистоплотности».

Если вы представите себе это, что вы сможете сказать об офицерах и солдатах, которыми они командовали? Разве возможно, чтобы офицеры и солдаты дивизий войск СС, к которым можно было обратиться с подобной

речью, были порядочными и честными солдатами, высокой нравственности и безупречного поведения? Ясно, что люди с такими качествами, независимо от того, Германия ли их родила или любая другая страна мира, не потерпели бы таких слов. О подобных речах в ходе процесса говорилось очень много, но они не потеряли своего значения для нас. Они показывают, что каждый солдат этих эсэсовских частей был прототипом своего эсэсовского фюрера. Если бы это было не так, подсудимый Геринг никогда не заявил бы в конце своего рассказа Муссолини об ужасах немецких методов борьбы с партизанами (я цитирую):

«Члены партии выполняют эту задачу с гораздо большей жестокостью и более эффективно... СС — гвардия старых бойцов партии, которая непосредственно и лично связана с фюрером и которая представляет собой особый привилегированный отряд, подтверждает это правилом

Если бы это было не так, Гесс никогда не смог бы написать: «Части войск СС... больше других вооруженных частей подходят для выполнения этих специальных задач, стоящих перед нами на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной подготовке в духе национал-социализма, в вопросах расы и национальности».

Мы знаем, какую роль отводил Гитлер, для войск СС в будущем — роль государственной полиции для подчинения побежденных народов в оккупированных странах германским властям, государственной полиции, которая никогда не будет браться с пролетариатом и «низшими существами». Вся армия знала, что такая роль была отведена для СС, потому что этот факт получил «широчайшую гласность» благодаря приказам ОКВ. Мы достаточно знаем о нацистской государственной полиции, о ее воспитании и обучении в годы войны, с тем, чтобы она соответствовала стоявшим перед ней задачам, для того, чтобы ясно представить себе те методы, которые она стала бы применять. Именно эти люди, предназначенные и обученные для того чтобы терроризировать Европу, составляют организацию СС, которую мы просим вас осудить как преступную.

Таковы основные соображения, связанные с этими тремя организациями — руководящим составом нацистской партии, СА и СС, на которые я бы хотел обратить ваше внимание. Именно эти организации являлись тем орудием, при помощи которого осуществлялись преступления, задуманные этими подсудимыми. Эти три организации не были изолированными или резко отграниченными одна от другой, как пытались их обрисовать защитники. Именно их члены, вместе взятые, составляли — и до сих пор составляют — сердцевину, опасную сердцевину национал-социализма. Будучи различными частями одной национал-социалистской верхушки, они имели общие цели и задачи, они работали и сотрудничали друг с другом и применяли одинаковые методы, которые были явно преступными. Так было с самого начала и так продолжалось до конца. Эти положения более чем ясно подтверждаются доказательством того, как национал-социалистская партия и правительство оскверняли понятие права и порядка и извращали практику судопроизводства для того, чтобы защитить себя и своих последователей при проведении преступных мероприятий.

Едва лишь нацистское правительство пришло к власти, как нацистские министры, нацистская полиция и нацистский суд стали прощать насилия и убийства, совершенные СА, СС и гестапо. И по каким сообра-

жениям? По соображениям, которые должны были показать всей Германии и показывают сегодня всему миру всю гнилость основы национал-социализма:

«Так как эти поступки не были вызваны низменными побуждениями, но, напротив, служили средством достижения великой патриотической цели и, помогали развитию национал-социалистского государства, прекращение уголовного дела не кажется несовместимым с обычными нормами применения уголовного права».

Таково было мнение государственного обвинителя в суде провинции в Нюрнберге в отношении членов СА, которые избили коммуниста до смерти, били его до тех пор, пока ступни его ног настолько опухли (я цитирую) «из-за скопившейся там крови, что после того, как кровь была выпущена путем прореза, образовались кожные мешки величиной почти с кулак».

В Мюнхене имперский министр внутренних дел выставлял аналогичные причины для прекращения судебного дела против охранников-эсэсовцев в Дахау, которые били одного заключенного по голове до тех пор, пока он не умер.

«В качестве причины указывается, что ведение следствия причинило бы большой ущерб престижу национал-социалистского государства, так как этот процесс был бы направлен против членов СА и СС и, таким образом, затронул бы организации СА и СС, являющиеся основными поборниками национал-социалистского государства».

Нацистские судьи прекращали судебные дела против членов СА по согласованию с верховным руководством этой организации (я снова цитирую): «Действия и намерения членов СА были направлены на благо национал-социалистского движения. Таким образом, политические причины и чистота намерений не подлежат сомнению».

Когда судьи, еще не привыкшие к этим новым понятиям о праве, осудили охранников членов СА, которые (я цитирую) «не только пытались вырвать признания у заключенных, но действовали просто из похотливого удовольствия пытать», — этих судей немедленно исключили из партии. Обвинителя, который сам оказался членом СА, предупредили, что он должен уйти в отставку, а гаулейтер сообщил верховному суду, что вынесенный приговор должен быть заменен помилованием.

Может ли быть какое-либо сомнение в том, что кандидаты в члены этих организаций знали, что членство дает им привилегию убивать?

Кроме того, такое понимание закона распространялось не только на государственные и партийные суды. Военные не могли устоять перед подобным искушением. В 1939 году судья военного трибунала признал наличие смягчающих обстоятельств в деле одного члена СС, «так как он был вовлечен в участие в расстреле одним капралом, протянувшим ему винтовку. К тому же он находился в возбужденном состоянии, вызванном многочисленными зверствами, совершенными поляками в отношении лиц германской расы. Будучи членом СС, он особенно чувствительно реагировал на присутствие евреев и на враждебное отношение евреев к немцам; он поэтому действовал совершенно необдуманно в юношеском порыве».

Эти солдаты войск СС были приговорены к тюремному заключению за «непредумышленное убийство», причем командующий армией отказался утвердить этот приговор. Речь шла о «непредумышленном убийстве» такого рода, который известен только национал-социалистам»

которые, как мы видели в этом суде, необычайно чутко реагируют на слово «убийство». Вот что они называли «непредумышленным убийством»:

«После того, как примерно 50 евреев, которые чинили днем мост, закончили вечером свою работу, эти два солдата ввели их всех в синагогу и всех их расстреляли без всякой причины».

Разрешите мне закончить напоминанием о мнении верховного суда, являвшегося верховным хранителем национал-социалистской чести и дисциплины, чьей высокой власти и юрисдикции подчинялись члены всех этих организаций. В оправдание убийств, совершенных во время демонстраций в 1938 году хохайстрегерами и членами СА и СС, расследование которых было поручено государственной тайной полиции, партийным органам, гаулейтерам и политическому руководству было заявлено следующее (я цитирую): «В тех случаях, когда евреев убивали без приказов или вопреки приказам, побуждений 'низкого характера обнаружено не было».

Целью этого процесса, имевшего место в партийном суде, являлось {я снова цитирую) «защитить тех товарищей по партии, которые-, движимые лучшими национал-социалистскими побуждениями и инициативой, зашли слишком далеко».

Эти несколько строк раскрывают секрет всех убийств и страданий, ужасов и трагедий, которые эти подсудимые и члены этих организаций принесли миру. Вы видите, как глубоко они растлили человеческую совесть. «Побуждений низкого характера не было»... Убийство женщин и детей — это «лучшие национал-социалистские побуждения и инициатива». Таковы были убеждения национал-социалистов, которые фанатически приняли члены этих организаций, убеждения, которые — разве можно в этом сомневаться — они все еще хранят в душе и которые, если явится к этому возможность, возродятся вновь. Что касается верховного командования и генерального штаба. — я не собираюсь долго останавливаться на материале, который столь хорошо будет рассмотрен моими коллегами. Однако я хочу заявить как можно более ясно и энергично, что британская делегация безоговорочно присоединится к их требованию об осуждении этой группы, именуемой генеральным штабом и верховным командованием. Лица, входящие в эту группу, принимали деятельное участие в тех войнах, о несправедливом и агрессивном характере которых им было известно. Они принимали весьма существенное участие в тех действиях, которые со стороны тех, кто непосредственно их совершал, несомненно являются военными преступлениями и преступлениями против человечности. Тем не менее они заявляют о своей невинности.

Наше обвинение против них покоится как на фактическом материале этого дела, так и на уроках истории.

Они выполняли приказы, которые, по признанию многих из них, глубоко возмущали остатки их совести. Они знали, что они делали дурное дело, но сейчас они говорят: «Befehl ist Befehl» (приказ есть приказ).

Порядочным людям трудно осуждать других за отсутствие нравственной силы, так как они слишком хорошо знают свои собственные недостатки в этом отношении. Однако наступает момент в тех случаях, когда речь идет о явных убийствах, связанных с проявлениями варварства, когда вступает в свои права высший долг. Даже доктор Латернер¹ согласился с этим. Его реплика свидетелю Шрайберу о том, что послед-

¹ Немецкий адвокат, выступавший на процессе. — Составители.

ний должен был бы протестовать против предложений штаба армии о ведении бактериологической войны, прозвучала довольно странно в устах одного из тех людей, которые выдвигали как основной защитительный довод то обстоятельство, что протестовать было невозможно и бесполезно. Какая чепуха! Какая возмутительная чепуха! И вас заставляли слушать ее из уст этих обвиняемых и их генералов, в то время, как их собственный защитник для того, чтобы опорочить свидетеля, задает ему тот же самый вопрос, который Обвинение задавало им с первого дня настоящего процесса. Ради справедливости в отношении военных традиций следует сделать так, чтобы солдаты более не прятались за буквой приказа от решения вопросов морального порядка, а решали их правильно или неправильно, именно как вопросы морали. Великие полководцы — не автоматы, чтобы действовать по шаблону. Для того, чтобы подтвердить это примерами, мне нет необходимости возвращаться к истории наших собственных военных деятелей: к философским взглядам Монтроуза, глубокомысленным трактатам маршала Нея, к рассказу о 1861 году и о горячем сердце Роберта И. Ли. В этой связи приходят на ум имена двух выдающихся военных деятелей Германии — фон Клаузевица, который оставил прусскую армию, чтобы перейти на службу в русскую армию, и Йорка фон Бартенбурга, который принял решение о нейтралитете. Оба они ставили нужды Европы и человечества выше приказов. Насколько яснее и проще были обязанности военных, когда подготовка, издание и проведение в жизнь декрета «Мрак и туман», приказа о «командос», приказа о комиссарах, приказа Гитлера об убийстве 50 офицеров воздушного флота означали осквернение всего дорогого сердцу каждого солдата: насколько проще были их обязанности, когда — как могли собственными глазами видеть те из них, которые служили на Восточном фронте, — их привлекали к сотрудничеству в заранее разработанной системе массового уничтожения и беспримерной жестокости.

Эти люди лучше всех других знали, что их руководитель был хладнокровным убийцей, однако в течение многих лет они продолжали встречаться у него на совещании и, сидя у его ног, выслушивали его указания. Они удовлетворяли его жажду власти и порабощения, используя до предела свое профессиональное искусство. В то время как беззащитные народы Востока — мужчины, женщины и дети Польши, Советского Союза — умышленно умерщвлялись и угонялись в рабство в целях создания жизненного пространства для немцев, — эти люди говорили о военной необходимости, а когда их собственные города подвергались бомбардировке и немцы погибали от бомб, они называли это убийством. Только в июле 1944 года, когда звезда Гитлера стала закатываться, 3 фельдмаршала и 5 генерал-полковников признали, что он убивает также и свой народ, и начали действовать. Когда эта звезда восходила в дни победы, они приветствовали ее криками «хайль» и не обращали внимания на кроваво-красные облака, из которых она поднималась.

Таковы факты и такова их оценка. Быть может, мне будет разрешено сказать несколько слов о структуре Устава. Употребление слова «группа» или «организация» несомненно предполагает, что то единство, о котором идет речь, может быть либо формально организовано нацистами, либо выбрано обвинением как группа, существовавшая в действительности. Эта группа была объединена инструкциями, которые она получала на

столь многочисленных совещаниях, и добровольно связана передачей этих преступных приказов. По этой причине мы требуем ее осуждения.

В отношении имперского правительства я также желаю лишь дать ясно понять, что британское обвинение вновь, не колеблясь, требует его осуждения. Кроме того, я хотел бы остановиться лишь на двух вопросах.

Был затронут вопрос в связи с положением этих известных нацистов, вступивших в правительство в 1933 году. Если кто-либо из членов этого правительства не знал, какое он принимает на себя обязательство 30 января 1933 года, он отлично это понял в марте, когда начались преследования евреев. Члены кабинета узнали еще больше в апреле, когда весь народ был организован на проведение бойкота против евреев и когда немецкая печать указывала, что, по официальным данным, число арестованных составляет 20 000 человек. В июне 1934 года они знали, что убийства стали орудием политики. В 1935 и 1936 годах они знали, что внешнеполитический курс сознательно ориентируется на возможный риск начала войны. Другой вопрос, который я хотел бы осветить, — это попытки защиты изобразить полную неосведомленность министров в происходившем. Я считаю, что правительство не действует таким образом. Будь оно тоталитарным или демократическим, правительство всегда имеет дело с человеческими существами. Жизнь людей не протекает в герметически закупоренных сосудах; их чрезвычайно разнообразные интересы тесно переплетены между собой. Самый полновластный министр должен считаться с тем, — и с этим склонен был согласиться доктор Кубушок¹ в своей речи, — что его действия отражаются на поступках его коллег. Другими словами, он должен знать о том, что происходит.

Именно потому лица, входящие в эту группу, знали о том, что происходит, содействовали этому, занимали важнейшие должности и получали от государства крупнейшие награды за свое содействие и поддержку, — мы и требуем сегодня осуждения этой организации.

Я пытался показать, каким образом СД и гестапо¹ являются частью нацистского государства. Как и следовало ожидать, доказательства, которые я приводил, многообразно иллюстрируют это.

Кроме того, что я еще раз подчеркиваю, что я полностью присоединяюсь к требованию моих коллег об осуждении этих организаций, я не намереваюсь более рассматривать вопросы, связанные с ними.

Я полностью осознаю, что одной из величайших трудностей и немалой опасностью в этом процессе является то обстоятельство, что те из нас, которые день за днем, в течение девяти месяцев, были заняты этой работой, пресыщены ужасами и не способны их более воспринимать. Шекспир пытался описать это состояние следующими памятливыми строками:

«Кровь и разрушение станут настолько привычными, а ужасающие зрелища настолько обыденными, что матери будут лишь улыбаться, когда они увидят, что дети их четвертованы войной; и чувство жалости будет притувлено привычкой творить зло».

Только тогда, когда мы сможем со стороны посмотреть на то, что ежедневно происходило перед нашими глазами в течение 40 недель, -- только тогда мы поймем, что «яростные внутренние раздоры и жестокая гражданская война», результаты которых были предсказаны Марком

¹ Немецкий адвокат, выступавший на процессе. — Составители.

Антонием, лишь игра в бирюльки в сравнении с фактами, которые нам приходилось рассматривать.

Не только количество ужасов — хотя с помощью этих организаций было умерщвлено 22 000 000 человек, — но именно характер совершенных ими зверств породил газовые камеры Освенцима или массовые расстрелы еврейских детей на всем континенте, который претендует на то, чтобы называться цивилизованным.

Нет ни одной из числа этих организаций, которая не была бы непосредственно связана с убийствами в самой зверской форме, которые стали профессией. Кто может сомневаться в том, что имперский кабинет знал о «предании легкой смерти», которое практиковалось для того, чтобы сохранить физические ресурсы Германии для войны. Нет сомнения в том, что Верховное командование и генеральный штаб передавали приказы, о которых вы так много слышали и которые, в конце концов, сводились к простому убийству. Руководящий состав нацистской партии принимал участие в убийстве евреев и в физическом уничтожении трудом угнанных в рабство рабочих. Мне достаточно лишь сказать слово «СС» — и без слов на ум приходят преступления. СС и гестапо осуществляли эти преступления, помогали в их совершении и находили для них поводы. СС подготавливали своих новобранцев в Прибалтийских государствах к тому, чтобы они отвечали требованиям СА, и это обучение дало свои плоды в гетто Каунаса и в ямах Вильнюса.

Бывший президент Вудро Вильсон сказал однажды:

«Необходимо, чтобы государства, которые вступают в союз против Германии, знали заранее, с кем они имеют дело».

Для того чтобы очистить Европу от нацистского зла, необходимо, чтобы вы и весь мир знали о том, что представляют собой эти организации.

Нашей печальной обязанностью является помочь вам это распознать. Сделав это, мы иногда сомневаемся в том, перестанем ли мы когда-нибудь ощущать запах смерти, но мы полны решимости сделать все, чтобы изгнать этот запах из Германии так же, как и тот злой дух, который его породил. Быть может, нам, юристам, которые считают себя всего лишь опорой общественных законов, предосудительно размышлять и даже мечтать о том, что бы мы хотели видеть на месте всего этого? Но я хочу поделиться с вами кредо юриста: есть категории несомненно универсальные. Таковы: терпимость, порядочность и доброта. И именно потому, что мы считаем, что следует расчистить почву прежде, чем эти добродетели смогут расцвести в условиях мира, мы просим вас осудить эти организации, олицетворяющие зло.

Когда этим добродетелям будет дана возможность расцвести на той почве, которую вы расчистите, будет сделан гигантский шаг вперед. Это будет шагом на пути к общему признанию того, что зрелища и звуки, смех, которому научились у друзей, нежность сердца, пребывающего в спокойствии, не являются прерогативами какой-либо одной страны. Они являются несомненным достоянием всего человечества.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ США ДОДДА

[Произнесена 29 августа 1946 г.]¹

Господин председатель! С 20 ноября 1945 г. Международный Военный Трибунал почти непрерывно заседал в открытых заседаниях. Стенографический отчет заседаний, происходивших в эти долгие месяцы, составляет уже более 15 тысяч страниц. Было представлено свыше 300 тысяч письменных показаний, предъявлено около 3 тысяч документов, и заслушаны показания около 200 свидетелей.

Это большое количество доказательств как устных, так и письменных, почти исключительно немецкого происхождения, с несомненностью установило факт совершения преступления, выразившихся в преступном заговоре, ведении агрессивной войны, массовых убийствах, угоне на рабский труд, преследовании по расовым и религиозным мотивам и в зверском обращении с миллионами невинных людей. Четыре державы, предъявившие обвинение, считают, что индивидуальную ответственность за эти ужасные преступления несут 22 подсудимых, названных в Обвинительном заключении.

Однако четыре державы, поддерживающие обвинение, установив, что 22 подсудимых не могли сами совершить эти невероятные преступления, назвали также в Обвинительном заключении нацистские организации, которые являлись тем главным посредником, с помощью которого и через которого были осуществлены эти преступления. Эти организации, — часть которых была создана нацистами, а другие разращены ими, — были теми группами, на которые подсудимые опирались и с помощью которых они для осуществления своих преступных целей оперировали покорным немецким народом и побежденными народами Европы.

Названные организации распадаются на две группы. К первой группе относятся те из них, которые были специально созданы нацистами и не имели подобных себе вне нацистского режима, а также не имели по существу никаких законных целей. Эта группа включает корпус политических руководителей, СА и СС. Во вторую группу входят те организации, которые были разращены нацистами. Эта группа включает имперский кабинет, ОКВ, генеральный штаб и гестапо.

Что касается второй группы, мы не утверждаем, что эти организации сами по себе являлись в своей основе преступными, скорее мы говорим,

¹ По сокращенной стенограмме.

что они стали преступными при нацистском господстве. Несмотря на особую природу гестапо, как секретной полицейской системы, ее легче всего удалось использовать в преступных целях, и она стала одним из наиболее эффективных орудий нацистов для совершения преступлений.

Было бы ошибкой рассматривать эти организации, упомянутые в Обвинительном заключении, как изолированные, самостоятельно функционировавшие группы лиц, каждая из которых имела особые, свойственные только ей цели и задачи. Все они являлись частью, и существенной частью, полицейского государства, задуманного Гитлером и достигшего в руках его клики наиболее совершенной формы абсолютной тирании современности. Это полицейское государство принесло Германии террор и страх и посеяло ужас и смерть во всем мире. Корпус руководителей нацистской партии был его телом, имперский кабинет — его головой, его мощными руками были гестапо и СА, и когда оно зашагало по Европе, его ногами явились вооруженные силы и СС. Именно Гитлер и его когорта породили это полицейское государство, и оно привело Германию к позору, а народы Европы — к гибели.

Было бы также ошибкой рассматривать структуру этой полицейской системы как нечто случайное или рассматривать ее рост и развитие как обычное политическое явление, потому что заговорщики создавали и разрабатывали ее с самого первого дня. Нацистские «ветераны» замыслили деспотию. Они создали СА сначала как частный отряд людей сильной руки для защиты клубов от политических противников и в качестве кнута для евреев. Они создали СС как грозную гвардию для фюрера и для себя. Когда они захватили власть, они уничтожили полицию как орган защиты и сделали полицейское преследование функцией гестапо. Они уничтожили всякое подобие свободного правительства и сами объявили себя имперским кабинетом с чрезвычайными полномочиями. Они предали лучшие традиции военной этики и заменили солдат-воинов «послушными орудиями». Они уничтожили все другие политические партии и затащили германский народ в политический мундир в виде корпуса политических руководителей.

Лишите нацистских заговорщиков этих организаций, и они никогда не смогли бы достигнуть своих преступных целей. Лишите их СА, и они потеряли бы господство над улицами; отнимите у них СС, и у них не было бы системы концентрационных лагерей; возьмите у них гестапо, и они лишились бы средства совершать незаконные аресты и ничем не ограниченной возможности держать в заключении; отнимите у них имперский кабинет, и они лишились бы покорного законодательного органа; отнимите у них военных, и они не смогли бы секретно планировать свои агрессии или вести войны...

Доказательства с очевидностью устанавливают что пять организаций, о которых идет речь¹, являются группами, или организациями, в том смысле, как мы толкуем эти слова в Уставе, т. е. каждая из них является собранием лиц, находящихся между собой в определенной связи, наличие которой можно установить в общей цели. Совершенно ясно, что политические руководители являлись собранием лиц, связь между которыми возможно установить наличием общей цели и действием как

¹ Обвинение в отношении шестой организации — ОКВ и генерального штаба — поддерживал другой американский обвинитель — генерал Тэйлор. — Составители.

группы. Достаточное количество доказательств относительно структуры и функций руководящего состава нацистской партии может быть обнаружено в нацистских изданиях: «Справочник по организации НСДАП», «Дер хохайтстрегер», в официальном издании руководящего состава, в схеме структуры руководящего состава и в схеме структуры самой партии. Эта группа, насчитывавшая примерно 600 тысяч человек, носила специальную форму, имела специальные членские билеты и пользовалась бесчисленными специальными привилегиями. Термин «политические руководители» не изобретен нами для того, чтобы придать видимость единства некоторому числу не связанных между собой отдельных лиц, выполнявших аналогичные, но не согласованные между собой функции в партии. Сам справочник по организации НСДАП характеризует всех этих партийных работников как некое единство, называя их «политическое руководство». В книге раскрыта иерархическая система организации этих партийных работников и порядок, согласно которому директивы автоматически передавались по инстанциям до самых низов организации и проводились в жизнь всеми членами этой группы. Далее книга показывает, что при выполнении организацией различных функций принцип фюрерства был доведен до совершенства. Все партийные работники были связаны одинаковой клятвой безоговорочного повиновения фюреру и всем назначенным им руководителям. Каждая инстанция проводила регулярные и частые совещания, а высшие и низшие инстанции периодически собирались вместе для обсуждения различных вопросов, связанных с направлением их деятельности.

Руководящий состав представлял собой безукоризненной формы пирамиду, в которой каждый камень в каждом слое был необходим для того, чтобы держалось все сооружение. У политического руководства была единственная и общая цель: сохранять и поддерживать организационно и идеологически нацистскую партию.

В Обвинительном заключении указывается, что «рейхсрегирунг» (имперское правительство) состоит из трех категорий лиц: 1) члены обычного кабинета после 30 января 1933 г.; 2) члены совета министров по обороне империи и 3) члены тайного совета министров. Эти три категории составляют вместе группу в 48 членов, которую мы обвиняем под названием «рейхсрегирунг». Каждая из этих групп, взятая в отдельности, представляет собой определенное единство людей, стремящихся к достижению общей цели. Обычный кабинет любого правительства является самым ярким примером группы. В этом смысле обычный кабинет нацистской Германии не отличался от аналогичных органов других правительств. В начале существования нацистского режима кабинет собирался часто и впоследствии, когда совещания стали не обычным явлением, кабинет продолжал выполнять свои функции в качестве группы, принимая декреты и законы путем рассылки всем членам кабинета проектов предполагаемых законов. Образец применения такого порядка находится перед Трибуналом в виде меморандума, направленного подсудимым Фриком начальнику имперской канцелярии. Той же спаянностью и объединенными действиями характеризуется и совет министров по обороне империи, созданный в 1939 году. Как и в обычном кабинете, члены этого совета консультировались между собой на совещаниях, которые фактически имели место, как это доказано протоколами этих совещаний, состоявшихся в сентябре, октябре и ноябре 1939 года. Так же, как и обычный

кабинет, этот совет функционировал путем использования «циркулярной процедуры», характерным примером которой является письмо доктора Ламмерса, датированное 17 сентября 1939 г. и адресованное членам совета министров по обороне империи.

Тайный совет министров, являвшийся консультативным органом по вопросам внешней политики и состоявший из восьми членов, определенно был единой группой, как это явствует из декрета, согласно которому он был учрежден. Объединение этих трех категорий под единым названием «рейхсрегирунг» не является попыткой создать искусственную зависимость между тремя отдельными и независимыми единицами. В действительности эти три органа вместе в той же мере, в какой каждая из них в отдельности являлась группой, образовали единую группу, так как совет министров по обороне империи и тайный совет министров являлись фактически комитетами, выросшими из обычного кабинета. Декреты, согласно которым эти оба комитета были созданы, показывают, что все их члены были лицами, входившими в обычный кабинет. Обычный кабинет и его комитеты были объединены не только общностью их состава, но также и общими действиями, функциями и задачами. Члены обычного кабинета, не входившие в состав этих комитетов, однако, присутствовали на совещаниях совета министров по обороне империи, как это явствует из протокола этих совещаний, и в результате рассылки получали проекты декретов, подготовляемых советом министров. Эта группа — кабинет и комитеты, образованные из некоторых членов кабинета, имела единую, общую цель: управлять Германией таким образом, чтобы проводить в жизнь планы нацистских заговорщиков.

Организация СА, созданная в 1920 году, является одним из простейших примеров типа группы или объединения, предусмотренных положениями Устава. Эта организация была определена немецким законом, как составная часть партии, имеющая свое собственное юридическое лицо, и была охарактеризована справочником по организации НСДАП, как определенное объединение. Факт членства в ней может быть легко установлен, и число ее членов составляло от 1,5 до 2 млн. человек, связанных общими правилами поведения, носивших одинаковую, совершенно определенную форму, имевших общие цели и задачи и занимавшихся одинаковой деятельностью. Общие цели организации СА, к достижению которых стремились все ее члены, были сформулированы в «Справочнике по организации НСДАП» следующим образом: «Осуществлять железную волю национал-социалистского движения». Согласно тому же партийному справочнику члены организации должны были выходить из ее рядов, если они более не были согласны со взглядами организации СА или не были в состоянии полностью выполнять обязательства, наложенные на них членством в СА.

Так же, как и СА, организация СС являлась, без сомнения, объединенной организацией. Она была создана специальным немецким законом в качестве составной части партии и имела свое собственное юридическое лицо. Она охарактеризована в «Справочнике по организации НСДАП» как «монолитная, твердо спаянная боевая сила..., идейно связанная общей клятвой».

Факт членства в ней мог быть с определенностью установлен, причем число ее членов к концу войны возросло примерно до 600 000 человек. Это были люди, отвечавшие единым требованиям расовой идеологии.

Несмотря на свои многочисленные функции и виды деятельности, на свои многочисленные отделы, управления и отделения, это была цельная и един"ая организация и, как провозгласил Гиммлер перед группенфюрерами СС 4 октября 1943 г., это было «единое целое, единый орган, единая организация». У нее, конечно, была своя собственная форма, и она пользовалась особыми привилегиями, так как она стремилась к осуществлению общих целей нацистских заговорщиков, начиная от запугивания соседних государств варварскими действиями политического, расового и религиозного характера и кончая ведением агрессивных войн и ужасающими отвратительными преступлениями против человечности.

С самых первых дней своего существования нацисты всегда рассматривали часть полицейских сил, называемую «гестапо» или государственную тайную полицию, как отдельную группу, совершенно определенное объединение, выполняющее общие функции. Целью декрета Геринга от 26 апреля 1933 г., согласно которому в Пруссии было основано гестапо, являлось именно создание в этой провинции единого органа тайной политической полиции, изолированного от остальных полицейских сил Пруссии, в качестве независимой единицы, имеющей свои собственные задачи, на которую он мог бы полностью положиться. Те же причины послужили основанием для создания аналогичных групп тайной политической полиции с определенным составом в других германских провинциях. Меры, предпринятые для того, чтобы все эти группы образовали единую сильную тайную политическую полицию для всей территории Германии, подробно перечислены в декретах и законах, которые приводились в Суде. Когда в 1939 году было создано РСХА—главное имперское управление безопасности, — гестапо не было распущено, а было превращено в особый отдел этого центрального управления, как это явствует из схемы РСХА, представленной в качестве документального доказательства, и из показаний свидетелей Олендорфа и Шелленберга. Они без труда подсчитали, что число сотрудников гестапо равнялось от 30 до 40 тысяч человек.

В ходе настоящего процесса гестапо и СД рассматривались вместе в связи с тем, что преступные действия, инкриминируемые каждой из этих организаций, совершались в большей или меньшей степени ими обеими. В Обвинительном заключении гестапо обвиняется как отдельная и независимая группа или организация. В специальной ссылке Обвинительное заключение включает СД в организацию СС в качестве части этой последней, так как СД возникла как часть организации СС и всегда сохраняла характер партийной организации, в отличие от гестапо, являвшегося государственной организацией. Конечно, у СД имелась своя собственная организационная структура, свой независимый штаб, свои посты по всей Германии и на оккупированных территориях и агенты во всех зарубежных странах. Она состояла из 3—4 тысяч профессиональных сотрудников, которым помогали тысячи добровольных осведомителей, известных под названием «Фау-мен», и шпионы из других стран. Однако мы не включаем в число обвиняемых добровольных осведомителей, не являвшихся членами СС.

Подобным же образом мы не включаем в число обвиняемых тех ра- ' ботников контрразведки, которые были переведены в СД к концу войны, за исключением тех случаев, когда такие сотрудники контрразведки были одновременно членами СС.

Если возникает вопрос о том, где же можно было встретить вездесущих членов СД, ответ на него не вызовет никаких затруднений, несмотря на то, что некоторые показания и заявления, сделанные в Суде, были путаными. До 1933 года члена СД можно было всегда найти в главном управлении СД, при рейхсфюрере СС или в различных областных отделах СД, разбросанных по всей империи. В течение этого периода СД во всех схемах и планах строения СС и во всех правительственных распоряжениях и декретах постоянно называлась отделом СС.

В течение этого периода СД являлась отделом политической контрразведки СС, партии и правительства и поставляла секретную политическую информацию в исполнительные органы партии и государства, но главным образом через гестапо. После 1939 года члены СД появляются в III и IV управлениях РСХА, в различных районных отделах СД внутри Германии и на оккупированных территориях, а также в эйнзатцгруппах полиции безопасности и СД в районах, расположенных непосредственно за линией фронта.

В процессе рассмотрения дела по организациям возникли также некоторые неясности в отношении определения деятельности РСХА, ВФХА, отдела, руководимого Эйхманом, и эйнзатцгрупп. РСХА представляло собой управление СС, и в основном его сотрудники являлись членами СС. РСХА возглавлялось обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером. В дополнение к СД, которая всегда являлась подразделением СС, это управление включало также гестапо и имперскую уголовную полицию, которые являлись государственными учреждениями. Именно по этой причине РСХА и рассматривалось как одно из управлений имперского министерства внутренних дел. ВФХА представлял собой еще один из характерных отделов СС. ВФХА возглавлялся обергруппенфюрером СС Полем, который ведал управлением концентрационных лагерей и эксплуатацией труда заключенных.

Отдела Эйхмана как такового не существовало. Эйхман являлся просто начальником управления гестапо, которому были поручены вопросы, касающиеся церкви и евреев. Именно на этот отдел гестапо была возложена главная ответственность за сбор евреев во всей Европе и передачу их в концлагери. Так называемый отдел Эйхмана внутри гестапо был не в большей степени независимым от гестапо, чем любой другой отдел, подчинявшийся Мюллеру. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД — мы считаем, что очень важно все время иметь в виду полное наименование этих групп — являлись отделами полиции безопасности и СД, действовавшими в ближних тылах армии за линией фронта.

После того, как полицейский контроль был в достаточной мере установлен на вновь занятых территориях, подвижные эйнзатцгруппы были упразднены и превратились в областные управления, возглавляемые командирами полиции безопасности и СД на оккупированных территориях. Эйнзатцгруппы являлись частью управления полиции безопасности и СД—РСХА и в качестве таковых являлись частью СС, причем принадлежность эйнзатцгрупп к этой организации являлась неполной лишь в той мере, что некоторые сотрудники РСХА, приданные этим группам, те являлись членами СС.

В 1939 году главные управления СД и гестапо были включены в состав РСХА, однако СД в течение всего этого периода сохранила свой независимый статус.

Обвинение, несомненно, сумело доказать, что эти организации представляют собою «группы» не только в соответствии с критериями, которые выдвинуло для себя само Обвинение, но и согласно нормам здравого смысла и практического опыта.

Принадлежность к руководящему составу была, без сомнения, добровольной, никого не вынуждали вступать в НСДАП, а еще в меньшей степени — занимать руководящий пост в нацистской партии. Мы не сомневаемся в том, что многие присоединились к руководящему составу по причинам делового, социального или какого-либо иного личного характера. Эти причины объясняют стремление легко нажать политический капитал, но они не представляют собой принуждения в законодательном порядке.

Никто не был мобилизован в имперское правительство, более того, некоторые из его членов подали в отставку, когда их взгляды пришли в столкновение с его целями и задачами. Шлегельбергер подал в отставку из-за посягательств на независимость судей; Шмидт ушел, так как он был убежден, что Гитлер шел по пути к войне; Эльц фон Рюбенах ушел в отставку из-за политики Гитлера, направленной против христианской церкви.

Большинство нацистов очень стремились получить место в правительственных сферах, влекущее за собой титулы и мишурный блеск. Соперничество в борьбе за получение правительственных постов было весьма простым, и поэтому все попытки, направленные к тому, чтобы отвести декларацию о преступности в отношении этой группы на том основании, что ее члены были вовлечены в нее насильно, являются просто смехотворными.

Вступление в СА было настолько не связано с какими-либо элементами принуждения, что справочник по организации НСДАП, изданный в 1943 году, все еще призывал членов СА выходить из рядов организации в тех случаях, когда они чувствовали, что не согласны с ее целями и идеологией и не могут выполнить все возложенные на них обязанности. Члены нацистской партии не принуждались вступать в СА. Контроль и дисциплина, которым подвергались члены СА внутри организации, не имеют ничего общего с добровольным характером самого членства. Добровольное подчинение члена СА командованию СА совсем не то же самое, что принудительное и недобровольное вступление в ряды организации.

Кандидаты в СС были не только добровольцами, но, кроме того, они должны были удовлетворять очень строгим требованиям, что иллюстрируется справочником для солдат СС, а также настойчивыми требованиями Гимmlера соблюдать принцип добровольности при подаче заявлений для вступления в члены организации, которые излагаются в его письме к Кальтенбруннеру в 1943 году. Организация СС называла себя отрядом избранных, широко оповещала о том, что она отказывалась принимать в свои ряды тех кандидатов, которые не отвечали расовым, биологическим и идеологическим требованиям, и разъясняла всем, что для вступления в члены этой организации требовались необыкновенные качества. Именно такой характер по существу носило заявление Гимmlера, когда он бахвалился перед армией: «Если мне удастся избрать из среды немецкого народа для организации как можно больше лиц, полноценных в расовом отношении, обучить их военной дисциплине и привить им понятия

о ценности крови и все вытекающее отсюда мировоззрение, тогда явится фактическая возможность создать такую избранную организацию, которая сумеет успешно постоять за себя во всех случаях крайней необходимости».

От «избранных» требовалось, чтобы они доказали свое нордическое происхождение. Если подающий заявление был офицером, он должен был представить сведения с 1751 года, а для рядового кандидата—с 1800 года. Кроме того, для кандидатов были установлены необычные требования в отношении роста и нордической внешности. Очень тщательно проверялось также политическое и идеологическое лицо каждого кандидата в «избранные». Весьма примечательно, что мы располагаем доказательствами о том, что еще в 1943 году эти расовые и идеологические требования оставались в действии даже для вступления в войска СС. Здесь утверждалось, что, так как некоторые военнослужащие войск СС были призваны туда по мобилизации в период последней, безнадежной стадии войны, то вся организация в целом не основывалась на добровольном принципе членства. Те, которые были действительно принудительно мобилизованы в войска СС, смогут выдвинуть соответствующие защитительные доводы при последующем разборе их дела, но мы подчеркиваем тот факт, что принуждение, к которому прибегли в последнем безумном усилии отсрочить разгром в последние дни войны, не меняет существа того факта, что членство в этой организации в целом было добровольным. Какое бы давление ни оказывалось для того, чтобы увеличить число членов этой организации, она возникла как добровольная организация и оставалась, главным образом, добровольной организацией, пополнявшейся на основе строгого отбора.

В качестве части организации СС организация СД состояла из эсэсовцев, обладавших особыми качествами. Действия членов этой организации лучше всего иллюстрируют характер этих особых качеств, потому что протокол судебных заседаний по этому делу полон ужасающих рассказов об этих действиях. Член СД являлся просто эсэсовцем с дополнительными обязанностями. Если членство в СС было в основном добровольным, как мы это утверждаем, из этого с определенностью следует, что членство в СД было также добровольным.

Гестапо всегда являлось государственной организацией, частью правительства, во всех отношениях аналогичной другим частям правительства. При рассмотрении вопроса о добровольном характере членства в этой организации все другие соображения являются по сравнению с этим определением гестапо как правительственного органа второстепенными. Если членство в гестапо было принудительным, то сотрудничество в полиции охраны порядка, в отделе безопасности и в финансовом отделе также должно было быть принудительным. Правильно, что когда вслед за захватом власти было создано гестапо, многие сотрудники ранее существовавшей полицейской системы в различных федеральных землях были переведены в гестапо. Но они не были вынуждены вступать в гестапо законодательным порядком. Как заявил свидетель Лоссе, дававший письменные показания под присягой по делу гестапо (я цитирую):

«Если бы они отказались это сделать, их могли бы уволить без пенсии и, таким образом, их пугала возможность безработицы».

Свидетель Шелленберг показал, что новые члены гестапо набирались на добровольных началах. Любой из них мог подать в отставку и

искать работу в других правительственных учреждениях или должность, не связанную с государственной службой. Для того чтобы стать сотрудником тайной государственной полиции, следовало подать заявление так же, как и в любое другое государственное учреждение. Давая показания на заседании комитета уполномоченных, свидетель Гофман заявил, что он подавал заявление, чтобы поступить на работу в три государственных учреждения, из которых одно было гестапо. В гестапо его заявление было принято, и таким образом он стал сотрудником этой организации. Ничто не могло препятствовать сотруднику гестапо подать в отставку со своей должности в случае, если он становился не согласным с целями, действиями и методами организации. Свидетель Тесмер показал на заседании комитета, что, если какой-либо офицер отказался бы выполнить преступный приказ, его, вероятно, сняли бы с должности. Даже после начала войны, когда все сотрудники правительственных учреждений были в большей или меньшей степени закреплены на своих должностях, сотрудники гестапо имели возможность подавать в отставку. Сам свидетель Тесмер ушел из гестапо в период войны, а свидетель Штрауб показал, что сотрудник гестапо мог уйти в отставку, рискуя при этом быть направленным на фронт на действительную военную службу. Без сомнения, в юридическом смысле слова это не являлось принуждением. Потери, которые грозили сотрудникам политической полиции в случае выхода в отставку, как, например, потеря выслуги лет и прав на пенсию, могли являться решающим фактором для тех, кто оставался в гестапо; однако эти соображения ни при каких обстоятельствах нельзя истолковывать как принуждение законодательным порядком, оправдывающее тех, которые продолжали оставаться сотрудниками организации, преступный характер которой пользовался такой печальной известностью. Повидимому, было несколько случаев, когда сотрудники военной тайной полиции были впоследствии переведены из армии в гестапо. В таких случаях эти отдельные лица, ссылаясь на военные приказы, могут выдвинуть их наличие как защитительный довод в отношении преступлений, совершенных гестапо в тот период, когда они принадлежали к этой организации. Но эти отдельные примеры, которые можно принять во внимание для оправдания на последующих судебных процессах, не могут никоим образом изменить основного характера гестапо как одного из государственных учреждений, для поступления в которое не оказывалось большего принуждения и для ухода из которого не существовало более значительных препятствий юридического характера, чем в отношении любого другого государственного учреждения.

С момента создания нацистской партии в 1920 году до окончания войны в 1945 году эти организации использовались заговорщиками для выполнения их планов, и каждая из них совершила одно или более преступлений, описанных в статье 6 Устава, и участвовала в общем заговоре. Руководящий состав нацистской партии был первой из организаций, появившихся на сцене. Следующим шагом было создание в 1920 году полувоенной организации СА, целью которой было захватить для нацистской партии насильственным путем руководящее положение на политической арене. Из этой группы была создана в 1925 году состоявшая из избранных фанатичная организация СС. Она должна была занять место СА в тот период, когда последняя была распущена, а затем совместно с ней подготовить почву для «революции». При захвате власти

в 1933 году следующая организация—правительственный кабинет—заняла свое место в заговоре. Держа правительство в своих руках, заговорщики поспешили подавить всякую потенциальную оппозицию, и с этой целью они создали гестапо и СД.

Обеспечив внутреннюю безопасность, они затем приобрели возможность для осуществления своих планов экспансии с помощью последнего своего орудия — военной группы. Каждая из этих организаций была необходима для успешного осуществления целей заговора: политическое руководство — для того, чтобы управлять и руководить партией, при помощи которой была захвачена политическая власть; СА и СС — для того, чтобы противодействовать политическим противникам путем насилия и—после 1933 года—для того, чтобы закрепить нацистский контроль над Германией путем незаконных действий; кабинет — для того, чтобы создавать и осуществлять законы, необходимые для обеспечения дальнейшего существования режима; гестапо и СД—для того, чтобы выявлять и подавлять внутреннюю оппозицию, и раблепная военная группа — для того, чтобы подготовить и осуществить расширение территорий с помощью агрессивной войны.

Каждая из этих организаций продолжала играть жизненно важную роль на всем протяжении заговора. Программа нацистского режима выросла из нацистской партии. Как заявил Гитлер в 1934 году: «Не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству». И позже, в 1938 году, Гитлер заявил: «Национал-социализм обладает всей Германией целиком и полностью с того дня, как пять лет тому назад я покинул дом на Вильгельмплац рейхсканцлером...»

Именно корпус политических руководителей вырабатывал политический курс этой партии. Именно корпус руководителей объединял партию. Именно корпус руководителей с помощью своей иерархии фюреров вплоть до блоклейтеров следил за группами, состоявшими из 40 семей, и крепко держал в своих руках все население. Каждое из преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, является преступлением, совершенным правительственной системой, которая контролировалась партией, а именно корпус руководителей управлял партией и осуществлял ее деятельность.

В то время как нацистская партия через посредство корпуса политических руководителей отдавала приказы государству, правительственный кабинет — законодательное, исполнительное и административное ядро государства — превращал эти приказы в законы. Точно таким же образом, как корпус руководителей осуществлял деятельность партии, кабинет осуществлял деятельность государства. Каждое из преступлений, которые были нами доказаны, является преступлением нацистского государства, а правительственный кабинет являлся высшей инстанцией политического контроля и управления внутри нацистского государства.

Но политики и законов недостаточно. Они должны быть введены в действие и осуществлены. Четыре другие организации являлись исполнительными органами партии и государства. Тогда, когда дело касалось осуществления законов, слежки, тюремного заключения и уничтожения Противников или потенциальных противников, вступали в игру СД, гестапо и СС и весь механизм концентрационных лагерей. Тесная связь между СД и гестапо и важная роль первой из них в подборе нацистских

чиновников на местах вскрывается письменными показаниями свидетеля защиты Карла Вейса, который заявил, что все чиновники политической полиции проверялись СД, прежде чем их принимали в гестапо. СД нарушала тайну выборов в Германии, докладывая о том, как голосовали избиратели в ходе тайного голосования.

Когда соображения политики потребовали войны, полувоенные организации СА и СС явились основой мощной германской армии, а высшие военные руководители разрабатывали планы для нее. Когда речь шла об уничтожении населения покоренных районов, о его депортации на рабский труд и о конфискации его имущества, ОКВ и СС должны были планировать совместные действия в сотрудничестве с гестапо для того, чтобы претворить эти мероприятия в жизнь.

Таким образом, партия планировала, кабинет издавал законы, а СС, СА, гестапо и военные руководители выполняли их. Каким образом все это совершалось, можно видеть, рассмотрев ряд важнейших преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, показав, как эти пять организаций участвовали в совершении каждого такого преступления

Основные положения программы агрессии можно найти в 25 пунктах программы нацистской партии, обнародованной Гитлером в 1920 году и объявленной неизменной. Она включала требования об объединении всех немцев в великую Германию, об отказе от выполнения Версальского и Сен-Жерменского договоров, требования территорий и колоний и создания национальной армии. Как показывает устав партии, эта платформа являлась основной заповедью и догмой для каждого политического руководителя. Все члены корпуса политических руководителей обязывались следовать этим заповедям и распространять эту доктрину.

Уже в апреле 1935 года правительственный кабинет своим решением создал имперский совет обороны — орган, состоявший из членов кабинета, функцией которого была подготовка страны к войне. В октябре 1933 года кабинет объявил о выходе Германии из Лиги наций и об уходе ее с конференции по разоружению. Через полтора года, в марте 1935 года, он восстановил вооруженные силы и объявил о введении обязательной воинской повинности. Дальнейшие меры кабинета по планированию войны были осуществлены путем издания в мае 1935 года секретного неопубликованного закона об обороне империи, предусматривавшего назначение генерального уполномоченного по вопросам военной экономики с широчайшими полномочиями, и вынесением решения о том, что этот уполномоченный должен начать свою деятельность немедленно, еще в мирное время.

В феврале 1938 года накануне захвата Австрии была создана вторая составная часть правительственного кабинета — тайный совет министров, созданный для того, чтобы консультировать Гитлера в области внешней политики. Именно подсудимый фон Нейрат, председатель этого совета, предпринял дипломатические шаги для того, чтобы обосновать и оправдать агрессивные действия. После того как был осуществлен захват, именно этот кабинет обеспечил воссоединение Австрии с империей.

Через шесть месяцев после этого был издан еще один секретный и неопубликованный закон, которым кабинет учредил «коллегию трех уполномоченных», функциями которых являлась каждый раз разработка детальных планов и мероприятий для внезапной войны, которая должна

была начинаться без объявления. В ноябре 1938 года кабинетом был издан закон, который предусматривал включение Судетской области в Германию.

Трибунал помнит заседание имперского совета обороны, состоявшееся в июне 1939 года, на котором были закончены приготовления к предстоявшей войне и были утверждены подробные планы, как, например, план использования военнопленных и заключенных концентрационных лагерей в военном производстве, план принудительной работы для женщин в военное время и план угона сотен тысяч рабочих из протектората и размещения их в лачугах.

В августе 1939 года, накануне нападения на Польшу, был создан совет министров по обороне империи — третья составная часть рейхскабинета. Он был сформирован из числа членов кабинета в качестве рабочей группы для осуществления законодательных и исполнительных функций в военное время. С того времени именно эта составная часть рейхскабинета, даже в большей степени, чем сам кабинет, издавала большую часть законов, связанных с ведением войны, однако при участии и с ведома всех членов обычного кабинета.

В то время как кабинет таким образом проводил приготовления к агрессии с точки зрения правовой и административной, другие организации активно занимались соответствующими приготовлениями с той же целью. Для того чтобы подготовить народ к войне, необходимо было воспитать его психологически в духе милитаризма и агрессии и создать могучую армию. СА отдала себя целиком выполнению этой цели.

В 1933 году она проводила усиленную пропагандистскую кампанию за возвращение колоний, за «жизненное пространство», требуя также нарушения Версальского договора и ложно приписывая соседям Германии агрессивные цели и замыслы, и распространяла другие, теперь общеизвестные партийные утки. Почти в тот же период она начала проведение программы обучения германской молодежи в соответствии с требованиями современной войны, сначала делая это в секретном порядке, а впоследствии в открытую, когда она почувствовала себя достаточно подготовленной и была уверена в безопасности от постороннего вмешательства.

Но СА не ограничивалась одними лишь подготовительными мерами. Когда начались первые агрессивные действия против Австрии, части СА промаршировали через улицы Вены и захватили основные правительственные здания. Во время захвата Судетской области СА составляла часть «свободного корпуса» Генлейна и обеспечивала его снабжением и вооружением.

Деятельность СС была сходной с деятельностью СА, и даже была более широкой. Как и СА, она использовалась как полувойенная организация в годы, предшествовавшие 1933; как и СА, она принимала участие в агрессии против Австрии и в заговоре о подрыве мощи Чехословакии, через посредство «свободного корпуса» Генлейна. Ее деятельность отличается от деятельности СА в этих случаях лишь тем, что она играла более важную роль. Ее профессиональные боевые силы соединялись с армией в марше в Судетскую область и в Богемию и Моравию, а также во время вторжения в Польшу. Одно из ее главных управлений — управление по вопросам переселения немцев, проживающих за границей, — являлось руководящим центром для деятельности пятых колонн.

СД под руководством рейхсфюрера СС раскинула шпионскую сеть по всему миру, и агенты ее шпионили в Соединенных Штатах еще до того, как Германия объявила войну Америке. Самое большое подразделение СС, войска СС, были созданы и обучены лишь с единственной целью ведения войны и участвовали в качестве армии СС в операциях на всех стадиях войны, на Востоке и на Западе. Ее постыдная летопись зверств, совершенных в ходе войны, уже достаточно полна и не нуждается в дополнении ее новыми фактами. Гестапо и СД были также замешаны в совершении преступлений против мира.

Даже тот инцидент, который служил предлогом для нападения на Польшу и, таким образом, началом всей войны, был инсценирован гестапо и СД. Я имею в виду инсценировку нападения поляков на радиостанцию в Глейвице; заключенные концентрационных лагерей были одеты в польскую форму, убиты и оставлены как доказательство налета поляков с тем, чтобы дать Гитлеру возможность оправдать нападение на Польшу. Конечно, нет сомнения в том, что клика профессиональных военных планировала все агрессии, начиная от милитаризации Рейнской области в 1936 году и кончая нападением на Советскую Россию в 1941 году, и принимала в них участие.

Ведение этих агрессивных 'войн было возможно для Германии' лишь при условии использования миллионов поработанных рабочих, и проведение программы использования рабского труда было возможно только с помощью этих организаций. Заукель являлся главным рабовладельцем, но ему необходимо было иметь миллион плетей в руках членов партии для того, чтобы проводить в жизнь свои безжалостные требования. СС, гестапо и СД по его приказу пригоняли иностранных рабов в пределы империи с помощью обмана или похищения, с душераздирающей жестокостью разрушая семьи, поджигая, пытая и убивая.

Корпус политических руководителей в сотрудничестве с нацистским «трудовым фронтом» и с руководителями промышленности являлись уполномоченными Заукеля по приему этих несчастных. Члены корпуса политических руководителей имперского масштаба и областного масштаба сотрудничали в организации расселения и питания этих несчастных человеческих существ, в выработке правил, ограничивавших их действия, уделяя им при этом даже меньше внимания и меньше заботы, чем обычно уделяют домашним животным. Гаулейтеры, которые исполняли функцию имперских комиссаров обороны, по приказу Шпеера и Заукеля перевозили этих рабов в вопиющих условиях, в запертых вагонах от места отправки до военных заводов, где, как загнанные звери, они подвергались нечеловеческим унижениям и работали до тех пор, пока не умирали. Они были лишены медицинской помощи и даже простейших медикаментов. Они даже не считались достойными проживать в крестьянском доме. Их условия жизни определялись требованиями, даже более низкими, чем обычно предъявляются в хорошей конюшне.

С безразличием, которое было невероятным даже при обращении с домашними животными, были изданы распоряжения, предусматривавшие производство абортос беременным работницам. Эти распоряжения были разосланы всем гаулейтерам и крейслейтерам и их аппарату. За ними наблюдали гестапо и СД; концентрационные лагеря ожидали тех, кто нервничал и не решался совершать зверства. По требованию Шпеера гаулейтеры использовали военнопленных для рабского труда, а ставлен-

ники Розенберга в восточных районах, пришпоренные требованиями Заукеля, собирали и отправляли в рабство новые миллионы рабочих; армия использовала тысячи людей для строительства военных укреплений и для военного производства, и Кейтель выполнял приказы Гитлера, превращая захваченных в честном бою пленных в машины, производящие военную продукцию.

Алчный Геринг искал военнопленных рабов для промышленности, изготовлявшей вооружение для военно-воздушных сил, и предлагал по-новому толковать старые приказы, изданные в нарушение общепризнанных правил ведения войны, а его помощник Мильх планировал принудительное использование русских военнопленных для комплектования расчетов зенитных батарей. Режим лишений, деградации и гибели стал официальной целью труда, к которому принуждали заключенных в концентрационных лагерях, находившихся в ведении СС. Совершенно очевидно, что все это происходило непосредственно с ведома и одобрения правительственного кабинета, поскольку проведение в жизнь всей этой ужасной программы создавало новые проблемы для Германии.

Таким образом, рабы страдали, живя в окружении немецкого населения, так как тысячи из них были отданы на полный произвол фермеров и на работу на больших и малых предприятиях, пока, наконец, в последний период войны под давлением суровых требований военной обстановки и с единственной целью расширения военных усилий само нацистское правительство не было вынуждено издать приказ о сокращении насильственных мер против тех, кто был в цепях.

Трудно преувеличить исключительную важность этого приказа. Из формулировок самого этого приказа с определенностью явствует, что зверства по отношению к рабам являлись государственной политикой, проводившейся в жизнь германским народом. Это — доказательство, избобличающее весь германский народ. Это, с нашей точки зрения, один из наиболее важных документов данного процесса, и рассудок возмущается от сознания того, что он исходил из партийной канцелярии и главного управления имперской безопасности — двух высоких государственных органов — и адресован и распространен в письменном виде среди всех политических руководителей от ортсгруппенлейтеров и до самых низших слоев населения Германии в устной форме.

Масштаб преступлений, совершенных против еврейского народа, слишком велик, чтобы человеческий ум мог охватить его. Весь наш жизненный опыт обуславливает невозможность сделать это. Мы содрогаемся при известии об одном зверском убийстве, наш ум отказывается постичь совершение нескольких отвратительных преступлений, но когда перед нами встают ужасные преступления, совершавшиеся в массовых масштабах, мы не можем найти в себе соответствующей реакции. Мы просто не можем воспринять как реальность 6 миллионов убийств.

Мы знаем, что обвиняемые организации все разделяют ответственность за всевозможные преступления, совершенные против еврейского народа. Мы знаем, что злые гении нацистского заговора знали, как воспитать в народе ненависть. Они начали издали, записав от имени руководящего состава в программе партии, что только представители германской расы могут быть гражданами. Таким образом, они заложили основу для того, чтобы лишить евреев человеческих прав в Германии. -

Затем тот же самый корпус политических руководителей начал работу по проведению кампании надругательств над всем еврейским народом. Личные неудачи каждого, заботы, огорчения, опасения — все это сваливалось на евреев. По всей империи были учреждены антисемитские комитеты под руководством различных политических руководителей. И под руководством гаулейтера Штрейхера члены партии начали кампанию насилий над евреями, разграбления их собственности, уничтожения синагоги здесь, в Нюрнберге. Затем произошли, отвратительные события в ночь на 10 ноября 1938 года, к которым подстрекал Геббельс—руководитель пропаганды партии, причем они совершались с помощью корпуса политических руководителей и СА.

С годами, по мере того как развивалось это движение ненависти, был проведен в жизнь целый ряд дискриминирующих законов, ограничивавших передвижение евреев и имевших своей целью унижить и разорить их. Большое число этих законов, изданных рейхскабинетом, представлено в качестве доказательств по данному делу. Нацисты быстро шли к новым зверствам, и, начав со смешанной политики изгнания евреев и заключения их в германские концентрационные лагеря, они дошли до такой глубины падения, что рейхскабинет внес предложение о стерилизации даже полуевреев.

С циничным хладнокровием и садизмом имперский кабинет указал, как следовало поступать с этими полуевреями, и направил свои предложения по этому вопросу Гитлеру для окончательного утверждения. Члены СА были в числе первых, применивших насилия и жестокости против еврейского населения Германии. Свидетель Зеверинг заявил Трибуналу 'со свидетельского пульта, что в течение лет, последовавших за 1921 годом, СА проводила организованный террор против евреев. Эти уличные головорезы после того, как они почти окончательно разделались со своими обычными политическими противниками, снова нашли применение своим дубинкам и плетям и новый объект удовлетворения своих порочных наклонностей.

Угнетение, преследование, дискриминация и жестокости, которые осуществлялись корпусом политических руководителей, имперским кабинетом и СА, были; только началом той ужасной участи, которую нацисты готовили для евреев.

Таким образом, была подготовлена почва для ужасных деяний гестапо, когда и эта организация вступила в игру. Эти секретные полицейские выступили на сцену со своими методами таинственности средневековых привидений. Дрожащих евреев вытаскивали из постели среди ночи и отправляли их в концлагери, даже без какого-либо намека на обвинение в чем-либо. Члены семей этих евреев очень часто просыпались и не находили дома близких им людей. Таким образом исчезали тысячи евреев, о них больше никогда не слышали, и их никто уже больше не видел.

И теперь уцелевшие члены этих семей с сердцами, переполненными болью, ищут по всей Европе следы своих родственников или какие-нибудь указания относительно участи, которая их постигла. К сожалению, эти поиски приводят в большинстве к документам Трибунала, к документам, захваченным у СС, СД и гестапо, и к книгам учета умерших в газовых камерах, похороненных в общих могилах и сожженных в крематориях.

Это было в то время, когда нацисты оседлали большую часть Центральной Европы. Упоенные кровавым вином своих успехов, опьяненные

преждевременной уверенностью в своей способности господствовать над всем континентом, они отбросили всякое притворство в отношении евреев в Германии и заявили открыто о том, что евреи обречены. Евреи должны были быть сметены с лица Европы—не путем эмиграции, не путем массового переселения, а путем уничтожения.

Именно Геринг приказал Гейдриху, как начальнику полиции безопасности и СД, выработать план «полного разрешения» еврейского вопроса в районах, оккупированных Германией. Именно Гейдрих, как начальник полиции безопасности и СД, действуя по приказу Геринга, давал указания гестапо об убийстве всех евреев, которых нельзя было использовать для рабского труда. Сотрудники гестапо под руководством Эйхмана вступали на оккупированные территории и при поддержке местных чиновников полиции безопасности и СД сумели согнать все еврейское население Европы в концентрационные лагеря и в пункты уничтожения.

С не меньшей жестокостью нацисты перешли от геринговского «полного разрешения» к гитлеровскому «окончательному разрешению». Это было наиболее ответственной частью программы, и не кто иной, как Гиммлер, глава СС, мог выполнить эту бесчестную миссию. В его грязные руки и в руки его помощников из СС было передано это предписание о полном уничтожении евреев. Он с жаром взялся за дело. Подчиненные ему члены СС, испытанные и проверенные в Варшавском гетто и в очищении Галиции от евреев, были готовы приступить к выполнению этих усовершенствованных планов уничтожения.

Имея в руках приказ Гитлера Гиммлеру, эсэсовский палач Гесс¹ открыл величайшую в истории человечества ярмарку убийства. Две тысячи человеческих существ умерщвлялись одновременно в этих усовершенствованных бойнях. По всей Европе, оккупированной немцами, на фабриках СС, конструкции Гесса, испытанной в Освенциме, душили евреев газами и уничтожали их трупы в печах, расположенных конвейером для увеличения их пропускной способности. Таким образом, СС сделало возможным для Гиммлера заявить в своей речи в Познани:

«Я также хочу вполне откровенно остановиться на одном важнейшем вопросе... Я имею в виду очищение от евреев, уничтожение еврейской расы... Это — славная страница в нашей истории...»

К концу войны в Европе недоверчивый мир с чувством отвращения отвернулся от этого преступления — преступления, которое никогда не сможет быть полностью понято, полностью объяснено и должным образом отомщено. Человечество медленно пришло к здравому осознанию его как печально совершившегося факта. Но это было еще не все, потому что нацисты через посредство своей пропаганды влили расовый и религиозный яд в сознание большей части европейского населения и значительной части населения мира.

Восстановление нравственного здоровья Центральной Европы еще не достигнуто, так как слишком долго потоки клеветы из канализационных труб нацизма оокверняли многие источники человеческого вдохновения, а бактерии ненависти и нетерпимости отравляли их воды. Многие поколения будут нуждаться в нравственном и идейном оздоровлении,

¹ Речь идет о Рудольфе Гессе, бывшем коменданте лагеря Освенцим. — Состав и тел и.

пока не будет окончательно уничтожена нацистская чума. Таким образом, преступление переживет преступников — этих подсудимых и эти преступные организации.

Переход от жестокого обращения с политическими противниками, с расовыми и религиозными группами к оскорблению и убийству военнопленных, к нарушению правил ведения войны не представлял сложности для членов упомянутых организаций. Эти деяния явились следствием агрессивных целей войны, за которую несет прямую ответственность имперский кабинет. История незаконного обращения с захваченными в честном бою солдатами слишком хорошо известна Трибуналу для того, чтобы сейчас требовалось подробное ее рассмотрение.

Однако нелишне вспомнить, что именно рейхслейтеры Геббельс и Борман, выступавшие от имени корпуса политических руководителей нацистской партии, были инициаторами политики линчевания союзных летчиков немецким населением. Эта варварская политика проводилась в жизнь корпусом политических руководителей нацистской партии в то же самое время, когда военные части СС беспричинно казнили военнопленных на всех участках фронта.

На гестапо и СД была возложена главная ответственность за выполнение варварского приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. с последующими поправками, предусматривавшими казни союзных «командос» и парашютистов без суда и следствия. Разве можно забыть, что в течение всей войны гестапо проверяло лагеря для военнопленных в поисках евреев и коммунистов, которых затем преднамеренно умерщвляли. И снова именно гестапо направляло бежавших и вновь захваченных военнопленных офицеров в печальной известности лагерь Маутхаузен для уничтожения их охранниками СС в соответствии с декретом «Пуля».

Трибунал помнит документ относительно сортировки военнопленных в лагерях для военнопленных, который был представлен на одной из последних стадий процесса и который окончательно доказал, что местные отделения гестапо в Мюнхене, Регенсбурге, Фюрте и Нюрнберге сортировали военнопленных из лагерей Баварии на группы, которые должны были быть отправлены в Дахау для ликвидации их охраной СС, и что эти отделения гестапо подверглись критике со стороны главного командования за то, что они не сумели провести эту сортировку так эффективно, как этого желало главное командование.

Защита, представлявшая дело участвовавших в этом организаций, тщательно избегала упоминания об этом преступлении. Это один из наиболее ясных случаев предумышленного и преднамеренного убийства военнопленных в нарушение норм международного права. Это, безусловно, демонстрация законченной жестокости ответственных за это организаций в отношении обращения с военнопленными. Постыдный декрет «Пуля», согласно которому гестапо посылало вторично захваченных военнопленных офицеров в концентрационный лагерь Маутхаузен, где их казнили охранники СС, является дополнительным доказательством преступного характера этих организаций.

Концентрационные лагеря были главным оружием в нацистском арсенале тирании. На СА ложится позор организации первых лагерей и управления ими; СА посылала туда незаконно арестованных ею граждан. Даже места собраний СА использовались для заключения потенциальных противников, которых члены СА избивали там и оскорбляли.

Члены СА служили в качестве охранников в государственных концентрационных лагерях в течение первых месяцев нацистского режима, и в этих лагерях они находили применение той техники жестокости, которую они освоили в своих собственных незаконных лагерях.

Хотя законным основанием для предварительного заключения был декрет об охране империи, к изданию которого вынудили имперского президента¹ в 1933 году, отменявший те положения Веймарской конституции, которые гарантировали гражданские свободы германскому народу, имперский кабинет вскоре создал закон, который давал возможность отделяться от политических противников и других нежелательных элементов более быстрым путем при помощи системы концентрационных лагерей. Члены имперского кабинета были настолько заинтересованы в организации этих лагерей, что Фрик, Розенберг и Функ в тот период, когда они были членами этого кабинета, лично инспектировали эти лагеря.

Бюджет имперского кабинета предусматривал ассигнования 125 миллионов рейхсмарок на СС и на содержание и управление ими. Эта система концентрационных лагерей была передана в распоряжение корпуса политических руководителей для того, чтобы достигнуть полного господства над немецким народом; корпус политических руководителей использовал эти лагеря в качестве свалки для тысяч евреев, которых арестовывали с ведома и под руководством этого корпуса во время погромов в ноябре 1938 года. Как это явствует из письменных показаний свидетеля Карла Вейса, гаулейтеры часто оказывали давление на гестапо для того, чтобы отправить своих политических противников в концентрационные лагеря или для того, чтобы задержать их там после истечения положенного срока. Сотрудничавшие с ними военные чины были непосредственно заинтересованы в системе концентрационных лагерей; советские военнопленные направлялись в концентрационные лагеря для использования их в имперской промышленности вооружения, и офицеры из ОКВ совместно с гестапо выработали планы, согласно которым задержанные при попытке к бегству советские военнопленные направлялись в лагерь Маутхаузен, где их убивали за благородное стремление избавиться от плена.

Но наибольшее отношение к системе концентрационных лагерей и к тому, что там совершалось, имели СС и гестапо. В первые дни концентрационные лагеря находились под политическим руководством гестапо, которое издавало приказы о наказаниях для заключенных. Согласно декрету от 1936 года на гестапо возлагалось управление концентрационными лагерями, но охранников поставляла СС из батальонов «Мертвая голова» и, таким образом, стала полностью ответственной за всю внутреннюю организацию лагерей.

Гестапо являлось единственной организацией в нацистском государстве, которая пользовалась правом направлять политических заключенных в концентрационные лагеря, хотя СД и присоединилась к гестапо, направив в лагери поляков, которые не отвечали требованиям, необходимым для германизации. Гестапо посылало тысячи и тысячи людей в концентрационные лагеря для рабского труда и миллионы людей — в пункты уничтожения для истребления их.

Тех зверств, которые совершила СС в концентрационных лагерях,

¹ Гинденбурга.

вполне достаточно, чтобы признать СС преступной организацией. Свидетель Гесс показал, что к концу войны примерно 35 000 военнослужащих войск СС находилось на службе в качестве охранников концентрационных лагерей. В своем незабываемом признании, сделанном в этом зале, он заявил, что только в одном Освенциме, во время его пребывания на должности коменданта, СС было уничтожено до двух с половиной миллионов мужчин, женщин и детей путем отравления газами и сжигания и что еще полмиллиона умерли от голода и болезней.

Если СС не убивали прикованных к постели заключенных, то их принуждали к работе, которую можно было выполнять лежа в постели. Они приказывали заключенным избивать других заключенных — женщин и в своей необузданности дикарей убивали, калечили и подвергали пыткам заключенных концентрационных лагерей путем проведения так называемых медицинских экспериментов, которые в действительности были не чем иным, как изощренным садизмом.

Система концентрационных лагерей была ядом нацистской системы тирании. Условия в этих лагерях были жестокими, потому что нужно было использовать страх для того, чтобы обеспечить свое господство над простыми людьми. За каждым нацистским законом и декретом стоял призрак заключения в концентрационный лагерь. Те учреждения, которые создали лагеря, управляли ими и использовали их, представлены организациями, перечисленными в обвинительном заключении.

В дополнение к этим преступлениям по ведению агрессивной войны, преследованию церкви, созданию концентрационных лагерей, которые были уже сейчас рассмотрены, обвиняемые организации виновны во многих других преступлениях, совершенных в целях содействия заговору. Корпус политических руководителей принимал активное участие в уничтожении свободных профсоюзов, а СА была первым непосредственным исполнителем мероприятий, направленных против профсоюзов. Сокровища искусства из Европы были захвачены и присвоены эйнзатцштабом Розенберга, созданным корпусом политических руководителей в сотрудничестве с гестапо и СД.

СС проводила в жизнь порочную программу германизации, согласно которой граждане оккупированных территорий изгонялись из своих жилищ и сгонялись со своих земель для того, чтобы очистить место для расовых немцев. Гестапо и офицеры ОКВ составили и выполнили адский декрет «Ночь и туман», по которому беспомощные граждане оккупированных стран тайно увозились в империю, и о них больше никогда не слышали. Таким образом, в этих преступлениях, на которые были способны только нацисты, муки родных и друзей добавились к бесцельным убийствам.

Трудно найти лучшую иллюстрацию преступной деятельности этих организаций, чем убийства, совершавшиеся эйнзатцгруппами полиции •безопасности и СД — организаций, которые были впервые организованы СД в сентябре 1938 года в предвидении наступления на Чехословакию. Их руководители набирались из СД и гестапо, а личный состав комплектовался из числа членов войск (ваффен) СС. Они сочетали убийства и грабеж с военными маневрами, и доклады о их деятельности передавались политическим руководителям через имперских комиссаров обороны. Даже СА принимала участие в этих шакальских карательных экспедициях против партизан на Востоке.

Когда германские армии ворвались в Чехословакию и Польшу, в Данию и Норвегию, эйнзатцбандиты следовали за ними с целью уничтожения сопротивления, терроризирования населения и уничтожения расовых групп. Эти специалисты по части террора так хорошо выполняли свою работу, что перед нападением на Советский Союз было создано четыре новых части. Одна из этих частей возглавлялась покрывшим свое имя позором начальником СД Олендорфом, который в своих показаниях в этом зале рассказал о невероятных зверствах, совершенных им, и о возмутительных подробностях мероприятий, осуществленных во взаимодействии с представителями военных организаций.

Надолго запомнятся его показания, представляющие собой хладнокровный отчет о бессердечных убийствах, порабощении и грабежах и в особенности об ужасающей программе уничтожения мужчин, женщин и детей, принадлежащих к еврейской расе. Человечество не скоро забудет его отвратительное повествование об убийствах женщин и малолетних детей в газовых автомобилях, не забудет оно и тех закоренелых убийц, которых тошнило от ужасного зрелища, открывавшегося перед ними, когда они у вырытых могил отпирали дверцы душегубок.

...Таковы были люди, которые, сидя на краю противотанковых рвов с папиросой в зубах, спокойно стреляли из пистолетов-автоматов в затылок своим жертвам. Таковы были эти люди, которые, по словам их собственных учетчиков, убили два миллиона мужчин, женщин и детей. Таковы были эти люди из СД.

Трибунал располагает схемой организации полиции безопасности и СД. Она была подготовлена и удостоверена чиновником СД Шелленбергом, начальником VI управления РСХА, и чиновником СД Олендорфом, начальником III управления РСХА; эта схема показывает, что эти эйнзатц-группы были неотъемлемой частью полиции безопасности и СД и находились под верховным командованием подсудимого Кальтенбруннера, а не, как это утверждалось, независимыми организациями, ответственными непосредственно перед Гиммлером.

Офицеры этих групп набирались из числа сотрудников гестапо и СД и, в меньшей степени, из сотрудников уголовной полиции. Они получали приказы от различных организаций РСХА, т. е. из III и VI управлений, как это указано на схеме по вопросам, имевшим отношение к СД, и из IV управления по вопросам, имевшим отношение к гестапо. Они посылали свои отчеты этим учреждениям, а эти учреждения составляли объединенные доклады, которые рассылались высшим полицейским чиновникам и имперским уполномоченным по обороне. Несколько образцов таких докладов было представлено в качестве доказательства в ходе этого процесса...

Защитник гестапо заявлял, что гестапо ошибочно обвиняется в преступлениях, совершенных на оккупированных территориях, и что за них несет ответственность СС. Защитник СС сказал, что СС обвиняется ошибочно и что виновна СД. Защитник СД сказал, что СД обвиняется ошибочно и что на самом деле надо обвинять гестапо. Защитник СС сказал, что гестапо также носила 'наводившую страх черную форму и что поэтому сотрудников гестапо часто ошибочно принимали за членов СС. Защитник СС заявлял, что гестапо отвечало за управление концентрационными лагерями, а защитник гестапо обвинял в этом СС.

Истина заключается в том, что все эти организации, имевшие исполнительные функции, принимали участие в совершении этих повсеместных преступлений против человечности. Защитники не называют в качестве виновной ни одну организацию, помимо тех, которые здесь обвиняются.

Методы защиты каждой из организаций заключались в том, чтобы просто переложить ответственность с одной обвиняемой организации на другую. Поэтому неизбежно напрашивается вывод, что все эти организации участвовали в совершении этих громадных преступлений. Странной особенностью этого процесса является то обстоятельство, что защитники соответствующих организаций не пытались отрицать, что эти преступления имели место, а стремились лишь снять ответственность за их совершение с этих организаций. Подсудимые из военной группы обвиняют политическое руководство в том, что последнее явилось инициатором ведения агрессивных войн; гестапо возлагает вину за убийства военнопленных, пытавшихся бежать, на солдат; СА обвиняет гестапо в убийствах, совершавшихся в концентрационных лагерях; гестапо возлагает на политическое руководство вину за проведение еврейских погромов; СС возлагает на правительственный кабинет вину за учреждение системы концентрационных лагерей, а правительственный кабинет считает СС ответственными за истребление людей на Востоке.

В действительности все эти организации объединились для проведения в жизнь преступной программы нацистской Германии. Все они виновны, и в связи с тем, что они дополняли одна другую, нет необходимости слишком педантично определять границы их дьявольской деятельности. Когда правительственный кабинет провозгласил закон «О единстве партии и государства», он этим декретом неразрывно связал между собой эти организации как в их успехах, так и в неудачах. Когда члены этих организаций вопреки закону присягнули в повиновении Гитлеру, они навсегда связали себя с ним и с тем, что он делал, и приняли на себя его вину.

Всем членам имперского кабинета было известно о функциях и деятельности кабинета. Они совместно проводили возложенную на них работу и собирались как некое единство. Они обсуждали предлагаемые ими мероприятия в качестве единой группы и проводили их в жизнь, действуя в качестве правительства. Иногда они созывались в качестве членов имперского кабинета, иногда — в качестве имперского совета обороны. Но в каждом случае они совместно обсуждали предполагаемые законы, которые должны были придать законную силу махинациям главных заговорщиков.

В связи с рассмотрением одних лишь вопросов бюджета империи, не говоря уже о других источниках информации, члены имперского кабинета в течение всех лет существования нацистского режима непременно получали весьма подробную информацию обо всем, что происходило в Германии. Им было известно о системе концентрационных лагерей, так как они санкционировали ассигнования на содержание концлагерей и потому что министры, входившие в кабинет, инспектировали концентрационные лагеря. Им было известно о планах ведения агрессивных войн, так как они закладывали фундамент для создания военной экономики. Им было известно о насильственном использовании труда военнопленных в промышленности вооружения, так как они, как это устанавливается доказательствами, планировали это мероприятие еще до начала войны. Они подготовили планы всей программы агрессии и территориальной экспансии.

Планирование вызывает необходимость проведения совещаний, а совещания приводят к осведомленности.

Любой грамотный член СА был прекрасно осведомлен относительно целей и намерений СА. Еженедельная газета «СА Манн» и ежемесячник «СА Фюрер» время от времени освещали цели, намерения, задачи и методы СА. Почти в каждом номере этих газет имеются сообщения относительно обязанностей и деятельности СА в связи с уличными стычками, оскорблениями по адресу политических противников и физическими насилиями над евреями. Полувоенный характер этих организаций был совершенно очевиден. СА принимала участие в мероприятиях по проведению выборов, в подготовке к поджогу рейхстага, в еврейских погромах и в деятельности в связи с бойкотом евреев. Ее деятельность была повсеместной и общеизвестной. Значительная часть этой постыдной деятельности получила широкую известность во всем мире

Политические руководители занимались информацией и пропагандой. Они являлись распространителями идеологии и политическими сыскными агентами, проверявшими, как реагировало население на те или иные мероприятия. Их осведомленность вытекала из двух источников. Им было известно о планах и об их проведении в жизнь, и они должны были выяснять, каково было воздействие этих мероприятий.

В качестве типичного примера можно сослаться на приказ о линчевании союзных летчиков. Этот приказ должен был быть передан по всем инстанциям политических руководителей с тем, чтобы он дошел до низших инстанций, которые должны были практически выполнять приказ о линчевании. Они следили за тем, чтобы приказ проводился в жизнь, и составляли отчеты по поводу того, какое он имел воздействие. В нацистских «целлах» (ячейках) и «блоках» (кварталах) не было ни одного секрета, о котором они бы не знали.

Радио, настроенное на другую станцию, появившееся на лице выражение неодобрения, нарушение тайн между священником и лицом, подвергающимся исповеди, существующее испокон веков взаимное доверие отца и сына, даже священное таинство брака — все это являлось элементами, из которых состояло их ремесло. Знать было их обязанностью. Каждый член СС приносил присягу о повиновении Гитлеру до смерти, и каждому члену СС был известен настоящий смысл гитлеровского мировоззрения. Можно ли сомневаться в том, что члены СС понимали значение следующего признания Гимmlера: «Я знаю, что в Германии имеется целый ряд людей, которых бросает в дрожь при виде черных мундиров». Он далее сказал: «Мы прекрасно понимаем причины этого и не надеемся на то, что нас будут любить многие».

Дрожь при виде черных мундиров была проявлением страха, страха перед зверскими методами, применяемыми членами СС, перед убийствами, которые совершались ими на улицах, и избиениями, проводимыми ими в концентрационных лагерях. Всем было известно, что именно облаченные в черные мундиры члены СС совершили убийства 30 июня 1934 г. Даже фон Манштейн показал, что солдаты настолько боялись жестокостей СС, что не решались докладывать о массовых убийствах, совершавшихся СС на Востоке. Для того чтобы причислить СС к разряду преступных организаций на основании осведомленности ее членов в преступной деятельности, достаточно того факта, что солдаты батальона «Мертвая голова» знали о зверствах, совершавшихся в концентрацион-

ных лагерях, что солдаты карательных отрядов по борьбе с партизанами знали об убийствах, о выкрадывании детей и о грабежах, происходивших за линией фронта, что солдаты танковых дивизий СС знали об убийствах военнопленных, и того факта, что военнослужащие медицинской службы СС знали о зверских экспериментах над человеческими существами.

Степень этой осведомленности несколько уменьшалась из-за постоянных изменений в обязанностях отдельных групп внутри организации. Батальоны «Мертвая голова», которые в первое время несли ответственность за охрану заключенных в концлагерях, впоследствии были переброшены на фронты, в то время как во время войны такие боевые отряды, как войска СС, использовались для несения охраны в концлагерях и для проведения уничтожения в специальных центрах для истребления. Буквы «СС» получили широкую известность как символ жестокой и беспощадной организации.

Цели гестапо были изложены в форме закона и время от времени обсуждались в таких полуофициальных изданиях, как «Фелькишер Беобахтер», «Дас Архив», являвшемся журналом германской полиции, и в кратком справочнике Беста по вопросам структуры германской полиции. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо представляло собой специальные полицейские отряды, созданные Герингом и извращенные Гиммлером в целях сокрушения потенциальных противников тирании. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо действовало вне закона, что гестапо могло производить аресты своей властью и заключать в тюрьмы на основании своего собственного решения. Каждому члену этой организации было известно о том, что гестапо являлось учреждением, которое заполняло концентрационные лагеря политическими противниками. Всем было известно, что гестапо было организовано для специальных целей преследования жертв нацистского гнета — евреев, коммунистов и церкви.

Всем лицам, проводившим допросы, было известно о праве применять при допросах пытки. Преступные цели гестапо и преступные методы, которые применяла в своей деятельности эта организация террора, имевшая столь первостепенное значение, не могли оставаться в тайне. Тот факт, что гестапо являлось орудием террора, был известен не только членам организации, но был известен во всей Германии, в Европе и во всех странах мира, где имя гестапо превратилось в символ ужаса и насилия.

Мы просим Трибунал применить критерии здравого смысла и реального учета фактов при рассмотрении дела этих организаций на основании того, что они действительно представляют собой самые порочные и зловещие из всех созданий нацизма. Без сомнения, они не избегнут осуждения за колоссальные преступления, совершенные ими, прикрываясь лживым и неосновательным оправданием о неосведомленности тех, кто принадлежал к их кругу, в существовавшем положении вещей. Через много, много лет после того как опустеет этот зал, в последующие века слова «нацист», «руководство нацистской партии», «СА», «СД», «СС» и «гестапо» будут стоять первыми в перечне ужасов и насилий, совершенных против человечества.

Требование Устава Трибунала о том, чтобы на скамье подсудимых был представлен хотя бы один член каждой организации, который виновен в преступлениях, инкриминируемых организации, членом которой он является, имело своей целью обеспечить такой порядок, при котором

перед Трибуналом находились бы лица, могущие говорить от имени каждой организации. Фактически эта гарантия Устава в отношении организаций стала излишней, учитывая то колоссальное количество свидетелей, которое предстало от имени организаций перед Комитетом уполномоченных или перед настоящим Трибуналом.

Мера преступности каждой из этих организаций не ограничивается действиями подсудимых, представших перед настоящим Трибуналом, которые являлись членами этих организаций. Для удовлетворения требований Устава было бы вполне достаточно установить, что данный подсудимый виновен в каком-либо преступлении, совершенном в непосредственной связи с тем положением, которое он занимал в качестве члена данной организации.

Однако во всех случаях определение преступности данной организации основывается на доказательствах, которые далеко выходят за пределы конкретных преступных действий отдельных подсудимых. Понятие принадлежности к организации, которое в этой связи употребляется в Обвинительном заключении, ни в коем случае не носит формального характера. В этом случае с тем же основанием можно было бы употребить слово «представитель», так как целью этого положения Устава было обеспечить такой порядок, при котором каждая из поименованных организаций была бы представлена подсудимым, могущим говорить от ее имени, или представлена в какой-либо иной форме.

Семнадцать из 22 отдельных подсудимых являлись членами правительственного кабинета. Все эти подсудимые в большей или меньшей степени принимали участие в совещаниях имперского кабинета, тайного совета министров и имперского совета обороны. Все они участвовали в обсуждении, принятии и введении в силу законов, которые привели к подстрекательству к агрессивным войнам и к дискриминирующим мероприятиям в отношении расовых меньшинств.

Преступность каждого из этих подсудимых отчасти основывается на той роли, которую он играл в верховном законодательном органе нацистской системы, в имперском кабинете.

Десять отдельных подсудимых являлись членами руководящего состава нацистской партии. Деятельность гаулейтеров фон Шираха и Штрейхера является прекрасной иллюстрацией преступности всех подсудимых в качестве руководителей нацистской партии. Именно в качестве гаулейтера Франконии Штрейхер проводил свою кампанию ядовитой клеветы против евреев; Ширах эксплуатировал рабский труд именно в качестве гаулейтера Вены.

Девять подсудимых являлись членами СС. Едва ли есть необходимость в данном случае упоминать в качестве представителя этой организации кого-либо, кроме обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера. Перед вами подсудимый, который являлся главой управления СС, облеченного самыми большими полномочиями по всей организации — главного имперского управления безопасности. Его деятельность по руководству этой организацией не требует никаких дополнительных данных. Она — позор для всей организации в целом.

Восемь подсудимых являлись членами СА; Геринг взял на себя руководство этой организацией в 1923 году, в самом начале борьбы нацистов за власть. Именно Геринг направлял действия СА во время Мюнхенского путча, и именно он создал из СА боевой отряд уличных хулиганов.

Геринг и Кальтенбруннер являлись членами организации гестапо. Геринг, создатель гестапо, бахвалился тем, что каждая пуля, выпущенная из пистолета сотрудника гестапо, его пуля, что он берет на себя всю ответственность за действия гестапо и не боится этой ответственности. В качестве начальника главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер являлся непосредственным руководителем гестапо. Данному Трибуналу были представлены приказы о заключении в концентрационные лагеря, скрепленные факсимилированной или машинописной подписью Кальтенбруннера; Трибунал рассматривал доказательства того, что казни в концентрационных лагерях производились по его приказу; Трибунал рассмотрел немало преступных приказов, исходивших от Кальтенбруннера как от начальника полиции безопасности и СД и адресованных районным отделам гестапо.

Неразрывная взаимосвязь подсудимых и организаций далее иллюстрируется тем фактом, что большинство подсудимых являлись членами одной или более из поименованных выше организаций.

Франк, Фрик, Геринг и Борман были членами четырех организаций. Члены кабинета — Риббентроп и Нейрат являлись одновременно генералами СС. Генералы СА Розенберг и Ширах являлись членами кабинета. Гаулейтеры Заукель и Штрейхер были генералами СА. Фельдмаршал Кейтель и адмирал Дениц являлись членами кабинета.

Исключительное значение этой общей взаимосвязи иллюстрируется злоумышленным убийством французского генерала Меони. Это убийство готовилось и осуществлялось под руководством обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера как главы гестапо и СД и обергруппенфюрера СС Риббентропа как члена имперского кабинета. Кальтенбруннер разработал техническую сторону этого убийства, а Риббентроп разработал план обманных маневров.

Защитник гестапо, выступая перед Трибуналом, утверждал, что убийство было совершено скорее имперской уголовной полицией, нежели гестапо, поскольку в это время Панцингер, который разрабатывал детали этого убийства, сменил Небе на посту начальника V Управления РСХА. Но я хочу напомнить Трибуналу, что им не было представлено и строчки доказательств, которые бы подтверждали, что Панцингер ушел с поста, который он занимал в течение ряда лет, — с поста начальника отдела гестапо, ответственного за проведение специальных мероприятий и убийств.

Так или иначе, убийство генерала Меони было политической акцией, политическим убийством и, согласно их собственной организационной структуре, входило в юрисдикцию гестапо, а не уголовной полиции.

Я хотел бы заметить в скобках на тот случай, если когда-либо впоследствии будут утверждать, что этот бесчестный акт был совершен в качестве ответной меры: я прошу Трибунал иметь в виду, что респрессалии в отношении военнопленных категорически запрещаются конвенцией 1929 года, конвенцией, к которой уже за много лет до этого присоединилась Германия, оставаясь подписавшей стороной и в период этого убийства.

Вся эта мрачная трагедия, начиная с обманного вывоза Месни из офицерского лагеря для военнопленных в Кенигштейне и кончая кощунственной церемонией погребения его праха в Дрездене с возданием ему воинских почестей, требовала согласия на это мероприятие и участия

8 нем со стороны имперского кабинета, военных кругов, СС, СД и гестапо.

Через весь этот исключительно гнусный и грязный эпизод проходит красной нитью характернейшая черта нацизма — лицемерие. Это было убийство, совершенное в белых перчатках, использование традиций для обмана, убийство, прикрытое накрахмаленной манишкой дипломатических маневров министерства иностранных дел, убийство, на которое был наведен окончательный внешний лоск кальтенбруннеровским СД и гестапо, убийство, совершенное при поддержке прикрывавшейся маской респектабельности профессиональной военной касты.

Я хотел бы к этому добавить, господин председатель, что защитники организаций посвятили значительную часть отведенного им времени рассмотрению правовых принципов, вытекающих из Устава Трибунала, и во многих случаях пытались даже выйти за рамки Устава. Они утверждали, что судебное разбирательство, предусмотренное Уставом настоящего Трибунала, фактически является коллективным наказанием, что сама мысль об объявлении преступными целых организаций является исключительным случаем в истории права и что принцип «нуллум пена сине леге» (нет наказания без закона) будет нарушен такого рода судебной процедурой.

Я не буду вновь рассматривать соображения правового характера, касающегося этого вопроса, так как они были исчерпывающим образом рассмотрены судьей г-ном Джексоном в его выступлении перед Трибуналом в феврале этого года. Но я вновь подчеркиваю здесь, перед Трибуналом, что мы не стремимся подвергнуть коллективному осуждению всех членов организаций. Мы хотим установить лишь один факт, один единственный факт, заключающийся в том, что эти организации, все вместе, укрепили в Германии полицейскую систему и совершили все упоминавшиеся здесь преступления и останутся в истории такими, как они есть, — организациями, чьи цели, намерения и действия были преступными в своей основе, организациями, которые открыто нарушали все принципы порядочности и законности, существующие в каждом цивилизованном обществе. Защита утверждает, что если вы объявите эти организации преступными, члены их станут мучениками.

Я утверждаю, что если вы реабилитируете эти организации, их члены, приносившие присягу беспрекословного повиновения Гитлеру и Гиммлеру, заключившие миллионы людей в концентрационные лагеря, замучившие, уморившие с голоду и убившие тысячи людей, действуя во имя этих организаций, смогут заявить: «Мы отстаивали свои права. То, что Гитлер и Гиммлер говорили нам, оказалось правдой. Организации, которым мы беспрекословно повиновались, не были преступными организациями, и мы не можем быть осуждены за принадлежность к ним».

В вашем оправдании этих организаций они найдут оправдание ужасающим преступлениям и, таким образом, новые доводы для того, чтобы убеждать немецкий народ, что они не совершали ничего дурного. Они получают страшную возможность в той или иной форме возродить их в будущем с тем, чтобы вновь принести цивилизованному миру ужасные последствия организованной преступной деятельности.

В заключение, господин председатель, я хочу сказать, что до конца настоящего процесса нас преследовала таинственность, которой нацисты хотели окружить свои преступления путем использования всех этих орга-

низаций. После окончания настоящего процесса та же самая организованная секретность будет затруднять союзникам отыскание лиц, несущих ответственность за все эти ужасные преступления. Приходится принимать как реальность тот факт, что колоссальное количество преступлений, совершенных от имени этих организаций, останется ненаказанным. Но сам нацизм не должен избежать возмездия путем обмана, путем, который он сам себе подготовил. Он не должен теперь продолжать свое существование в тайных, неосужденных организациях, с тем чтобы впоследствии подготовить новое нападение на цивилизацию.

Путем объявления этих организаций преступными настоящий Трибунал сделает предупреждение не только германскому народу, но и народам всего мира. Человечество будет помнить, что ни одно преступление не может остаться безнаказанным лишь потому, что оно было совершено от имени политической партии или государства, что ни одно преступление не будет обойдено молчанием по той причине, что оно слишком велико и что преступники не избегнут наказания по той причине, что их слишком много.

28 февраля 1946 г. в этом зале главный обвинитель от Соединенных Штатов Америки, господин судья Роберт Х. Джексон, обратился к настоящему Трибуналу с заявлением по поводу преступности этих организаций. В этом заявлении была отражена позиция Соединенных Штатов в отношении судебного преследования этих организаций. Я не могу сделать ничего лучшего, кроме повторения перед Трибуналом этих слов. Я цитирую слова г-на судьи Джексона, сказанные в то время:

«При осуществлении превентивного правосудия с целью предупреждения возможности повторения этих преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений, — оправдать эти организации было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех 22 подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, тогда как эти организации еще могут продолжать свое злодейское дело. Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданной организации под новым названием, но с той же программой».

Эти организации можно реабилитировать, только сделав вывод, что нацистский режим не совершил никаких преступлений, так как невозможно отрицать, что они покровительствовали каждому преступному плану нацистов и являлись соучастниками в проведении всех нацистских мероприятий в целях осуществления этих планов. Если эти организации не будут осуждены согласно положениям Устава, то это будет лишь означать, что нацистские цели и средства их достижения не могут рассматриваться как преступные и что Устав Трибунала, объявляющий их таковыми, — пустая бумажка.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ США ТЭЙЛОРА

[Произнесена 30 августа 1946 г.]

Господин Председатель, господа Члены Трибунала!

Согласно Обвинительному заключению Обвинение требует объявления преступными шести групп или организаций. Для большей ясности при точном определении выдвинутых обвинений и расположения доказательств это разделение на шесть частей является уместным, поскольку оно точно отражает формальную структуру третьей империи.

Однако в более глубоком понимании третья империя не состояла из шести составных частей. Ее структура была еще проще. Третья империя была политической машиной и военной машиной. Ее олицетворением были нацистская партия и вооруженные силы, и через них она стремилась достичь своих целей. Ее успехи как в самой стране, так и за ее пределами были достигнуты при помощи этих двух орудий. Вооруженные силы обязаны своим возрождением главным образом нацистской партии; партия, в свою очередь, была бы беспомощной и бессильной без вооруженных сил. Как сказал генерал Рейнеке, двумя опорами третьей империи были партия и вооруженные силы, и каждая из них была бы отброшена назад при возвышении или падении другой.

В приложении «В» Обвинительного заключения точно определяются руководители и основные орудия партии и вооруженных сил. Из состава партии Обвинительное заключение выделяет, например, корпус политических руководителей и также членов СС, которые были главным исполнительным орудием партии. Из состава вооруженных сил Обвинительное заключение выделяет ведущих генералов, говоря языком Обвинительного заключения, которые обладали основными полномочиями в области планирования и проведения боевых операций.

Состав этой группы военных руководителей описывался Обвинением во время представления дела с его стороны, и мне остается прибавить к этому лишь очень немного. Защита выдвинула точку зрения, заключающуюся в том, что эти военные руководители не составляют группу в том смысле, как это предусмотрено Обвинительным заключением. Я считаю, что аргументы в поддержку этого формального возражения являются несостоятельными, и я хочу на них ответить прямо и ясно.

Ряд пунктов, выдвинутых защитой, основывается на непонимании

¹ Печатается с сокращениями.—Составители.

или на преднамеренно неправильном истолковании обвинений, содержащихся в Обвинительном заключении. Так, например, несколько свидетелей заявили нам, что «генеральный штаб» состоял из молодых офицеров в сравнительно небольших чинах, которые действовали в качестве помощников главнокомандующих. Таким образом, это понятие смешивается с военным, которое известно как «корпус генерального штаба», состоявший из офицеров, окончивших военную академию. В Обвинительное заключение не включены эти офицеры, и Обвинение ясно заявило об этом с самого начала. Поскольку эти или подобные им показания являются лишь выпадом против того названия, которое в Обвинительном заключении дается группе военных руководителей, — этот вопрос не имеет никакого значения. Нет общепринятого термина или изобретенного слова в английском или немецком языках, которое охватывало бы всех военных руководителей вооруженных сил; Обвинительное заключение объединяет два определения: «Генеральный штаб» и «Верховное командование», как наиболее ясно охватывающие начальников четырех штабов — ОКВ, 01<X, ОК.М и ОКЛ, которые все играли главную роль в военном планировании, и главнокомандующих, руководивших операциями. Вместе взятые, они, по существу, составляют военное руководство.

Ряд других мелких и формальных вопросов заслуживает лишь краткого упоминания. Было выдвинуто возражение, заключающееся в том, что схема, приложенная к письменным показаниям под присягой Гальдера, Браухича и Бласковица, не дает точной картины субординации. Это верно; эта схема не была предназначена для того, чтобы показать порядок субординации; в письменных показаниях, к которым приложена эта схема, ничего не говорится об этом, и Обвинение никогда не утверждало ничего подобного.

Также не относится к делу и вопрос о том, должен ли был Кейтель быть помещен на этой схеме в одном квадрате с Гитлером или в отдельном квадрате. Ни одно из этих утверждений по поводу схемы не вызывает необходимости добавить или отнять хотя бы одного члена этой группы, а также никоим образом не затрагивает определения военного руководства, данного в Обвинительном заключении.

Также не относится к делу утверждение о том, что список членов этой группы включает в себя несколько генералов, которые имели лишь временные назначения в качестве главнокомандующих и формально никогда не утверждались на эти должности. Это обстоятельство, возможно, окажется относящимся к делу на Суде над этими отдельными лицами, если они смогут доказать, что они на самом деле формально никогда не занимали положения главнокомандующего и не несли соответствующей ответственности, но это не имеет значения при рассмотрении группы в целом.

В ряде письменных показаний, данных под присягой, представленных защитой, указывается, что отдельные генералы были членами этой группы меньше шести месяцев; что некоторые из них умерли, были отстранены или ушли в отставку со своих постов до окончания войны и что более молодые по возрасту не были генералами, когда война началась. Это все вполне естественно. Мы здесь рассматриваем период, охватывающий семь лет, в течение большей части которого велась война, — опасное и изнуряющее дело. В течение этих лет отдельные генералы умерли, другие потерпели неудачу, некоторые попали в опалу, их

заменяли новые лица; огромное увеличение в численности германских армейских групп и армий выдвинуло новых офицеров на посты главнокомандующих. В той степени, в которой во время войны опасность обостряется и поражения отзываются гораздо большими потерями в вооруженных силах, нежели в области политики, эти перемещения были соответственно более значительными в вооруженных силах, чем в нацистской партии. Но опять-таки эти вопросы имеют отношение к делу лишь в связи со степенью ответственности отдельных членов этой группы, но не с проблемой ответственности всей группы...

...С точки зрения военного планирования, как нам заявил Гальдер, самой важной частью ОКВ был штаб оперативного руководства, начальником которого и заместителем его были соответственно Иодль и Варлимонт. Командующие действующими армиями также участвовали в разработке планов. Мы знаем из показаний Браухича и Бласковица, что военные планы нападения на Польшу и другие страны заранее передавались главнокомандующими армейскими группами и армиями для того, чтобы ОКХ могло воспользоваться их рекомендациями. Браухич и Бласковиц также заявили нам, что во время операций ОКХ главнокомандующие армейскими группами и армиями постоянно консультировались и что сам Гитлер часто обращался за советом к главнокомандующим. Показания генерала Рейнгардта говорят о том же. Документы того времени ясно показывают участие главнокомандующих действующими армиями в планировании польской кампании.

Главнокомандующие армейскими группами и армиями на оккупированной территории обладали исполнительной властью в тех районах, которые находились под их командованием. В этих районах они осуществляли верховную власть и имели право решать вопросы жизни или смерти их жителей. Они также были ответственны за решение таких вопросов, как, например, следует ли распространять приказы о «командос» и комиссарах, и если да, то в каких границах и с какими сопроводительными инструкциями...

Мы утверждаем, что аргумент защиты о том, что военные руководители не представляют собой «группу» и, следовательно, не подпадают под действие ст. 9, является совершенно необоснованным и явно противоречит изложенным целям Лондонского соглашения. При разумной интерпретации этого соглашения невозможно исключить из сферы действия ст. 9 руководителей одной из двух основных опор третьей империи...

Теперь я перехожу к преступной деятельности этой группы. Обвинение утверждает, что доказательства, имеющиеся у настоящего Трибунала, окончательно устанавливают участие генерального Штаба и группы верховного командования в осуществлении преступных целей заговора и в совершении преступлений, предусмотренных во всех частях ст. 6 Устава и во всех разделах Обвинительного заключения. Мы также утверждаем, что преступные цели, методы и деятельность этой группы носили такой характер, что членам ее может справедливо инкриминироваться то, что они знали об этих целях, методах и деятельности и что в большинстве случаев они имели фактические сведения о них.

Я буду прежде всего говорить о довоенном периоде или, точнее, о периоде, закончившемся весной 1939 года, когда производилось детальное

планирование нападения на Польшу. Следует указать, что в этот ранний период группа, получившая свое определение в Обвинительном заключении, не превышала восьми членом и что четверо из них в настоящее время являются подсудимыми на данном процессе.

Я не хочу тратить время на то, чтобы вновь обозреть неоднократно освещавшиеся события. Мы знаем о том, что в течение этих лет военные руководители создали вооруженные силы и превратили их в грозную машину, которая терроризировала соседние страны и впоследствии успешно захватила большую часть их. Отсутствуют какие-либо доказательства, могущие опровергнуть обвинение в том, что члены генерального штаба и группы верховного командования руководили строительством этой машины и приведением ее в боевую готовность. Некоторые свидетели дали показания о том, что перевооружение было проведено исключительно в оборонительных целях, но вновь созданная мощь вооруженных сил была непосредственно использована в качестве поддержки агрессивной дипломатической политики Гитлера. Вооруженные силы покорили Австрию и Чехословакию, хотя в данном случае и не было войны.

События, имевшие место с 1939 по 1942 гг., и ужасающая наступательная мощь вооруженных сил являются дальнейшим и вполне достаточным подтверждением того, что Германии нечего было бояться нападения с какой бы то ни было стороны: в данном случае я даже не ссылаюсь на письменное официальное заявление Бломберга, составленное в июне 1937 года.

Свидетели защиты придавали очень большое значение тому факту, что генералы не могли предвидеть или предвидели в весьма незначительной степени захват Австрии. Многие из этих свидетелей в то время еще не являлись членами данной группы; тем не менее я считаю, что подобное заявление не может иметь значения, так как Германия не назначала заранее время проведения аншлюсса, но осуществление его было ускорено неожиданным приказом Шушнига о проведении плебисцита. Именно поэтому, как заявил в своих показаниях Манштейн, планы вторжения в Австрию должны были быть составлены наскоро. Но эти планы были составлены Манштейном под руководством Века, начальника генерального штаба армии и члена этой группы, и другие члены этой группы были непосредственно замешаны в осуществлении аншлюсса так же, как и другие генералы, которые стали членами этой группы позднее.

Что касается участия генералов в мюнхенском кризисе и оккупации Судетской области, защита в основном придерживается, невидимому, той точки зрения, что Браухич, Бек и другие генералы в то время возражали против войны, считая, что она связана с риском. Из материалов суда с бесспорной ясностью следует, что точка зрения генералов в данном случае не основывалась на какой-либо оппозиции по отношению к дипломатической политике, которая поддерживалась военными угрозами, или на каком-либо разногласии в связи с намерением сломить Чехословакию.

Они скорее считали, что вооруженные силы пока еще (в 1938 г.) были недостаточно сильны для того, чтобы принять на себя войну с большими державами. Подсудимый Йодль весьма ясно выразил это в своем дневнике, указав на различие между «инструкцией фюрера, согласно которой мы должны сделать это именно в этом году, и точкой зрения армии, заключающейся в том, что мы еще не можем этого сделать, так'

как без сомнения вмешаются западные державы, а мы не равны им по силе».

Дальнейшее утверждение защиты о том, что не проводилось никакой военной подготовки для оккупации Чехословакии и что главнокомандующий армией не отдавал в связи с этим никаких распоряжений, совершенно неправдоподобно, так как в противовес этому утверждению представлены документы, составленные в то время, подлинность которых совершенно неоспорима; в течение долгого времени они представлялись Трибуналу в качестве документальных доказательств и защита не могла и не пыталась опровергнуть их. Военные директивы и меморандумы, связанные с планированием и содержащиеся в материалах так называемого «зеленого плана», опровергают любые подобные утверждения и полностью раскрывают ту колоссальную подготовку, которая проводилась вооруженными силами под руководством Кейтеля, Йодля, Браухича, Гальдера и других. В дневнике Йодля имеются дополнительные подробности по таким вопросам, как координация воздушных и наземных наступательных операций, определение времени издания приказа в Д — день, сотрудничество с венгерской армией и приказ о начале боевых действий. Этот дневник также отражает то участие, которое принимали в этой подготовке другие члены этой группы, а также другие генералы, которые стали членами этой группы впоследствии. Военная подготовка к захвату оставшейся части Чехословакии также в достаточной мере освещена документами, представленными в качестве доказательств настоящему Трибуналу.

Следует указать еще на один вопрос, связанный с довоенным периодом. Военные руководители не только принимали участие в составлении планов, — они были восхищены достигнутыми результатами. Они боялись вступления в войну до того, как они могли считать себя должным образом подготовленными, но они хотели иметь большую армию, а также те стратегические и военные преимущества, которые Германия извлекала из успехов Гитлера в Австрии и Чехословакии.

Именно поэтому по существу партийные руководители и военные руководители работали совместно, именно поэтому генералы поддерживали Гитлера, именно поэтому третья империя, опираясь на партию и вооруженные силы, смогла достичь того, чего она достигла. Генералы, занимавшие руководящие посты в германской армии, весьма многословно рассказывали об этом Трибуналу. Бломберг заявил нам, что до 1938—1939 гг. немецкие генералы не относились к Гитлеру враждебно. Бласковиц сказал, что все армейские офицеры приветствовали перевооружение И поэтому не имели причин враждебно относиться к Гитлеру. Оба эти свидетеля заявили нам о том, что Гитлер добился именно тех результатов, которых желали все генералы.

Итак, обратимся сейчас к самой войне. Группа военных руководителей, получившая свою характеристику в Обвинительном заключении, сильно разрослась; мы теперь имеем дело не только с генералами, находившимися в Берлине, а также и с теми военными заправилами, которые командовали вооруженными силами на фронтах; имена их гораздо более знакомы народам территорий, захваченных немцами, народам, на которых они наводили страх. Это такие имена, как Бласковиц, фон Бок, фон Клюге, Кессельринг, фон Рейхенау, Рундштедт, Шперле и фон Вейхс. Что сами генералы говорят в защиту нападения на Польшу? Некоторые

из их показаний, как, например, объяснение Манштейна, заключающееся в том, что поляки могли «безбоязненно» напасть на Германию, просто смехотворны. Лучшее, что они могут сказать в этой связи, это то, что они надеялись на сдачу Польши без сопротивления.

Однако, если бы это объяснение было использовано в качестве защиты, доверять ему было бы весьма сомнительно. Гитлер сам разъяснил военным руководителям, что перед ними стоит не вопрос о Данциге и коридоре, а вопросы жизненного пространства и увеличения снабжения Германии продуктами питания. Генералы вряд ли могли надеяться на то, что поляки сдадутся совершенно без всякого сопротивления, и Гитлер сказал, что будет война, а не повторение чехословацких событий.

Однако, во всяком случае защитительным доводом не может являться то, что генералы надеялись на «блументкриг» (триумфальное шествие). Свидетели защиты признали, что Германия должна была заставить Польшу принять ее требования при помощи военных угроз и использования вооруженных сил. Не существует доказательств того, что генералы противились этой политике явного разбоя.

В действительности совершенно очевидно то, что они искренне поддерживали эту политику, так как они рассматривали вопрос о польском коридоре как «осквернение», а получение обратно от Польши бывшей германской территории как «дело чести». Никогда не рассматривался в качестве защитительного довода тот факт, что вор, пораженный тем, что его жертва сопротивляется, был вынужден прибегнуть к убийству для того, чтобы получить ее деньги.

Нет разногласий по вопросу о сознательном участии членов генерального штаба и группы верховного командования в планировании и в осуществлении самого нападения. Браухич рассказывал о том, как планы разрабатывались, а затем были переданы главнокомандующим действующих армий с тем, чтобы они внесли свои предложения.

Нам известно как из собственных показаний Бласковица, так и из документов, относящихся к тому времени, что Бласковиц, один из главнокомандующих действующих войск, получил планы июньского нападения и затем усовершенствовал их путем консультации и с армейской группой и с ОКХ. Начальник штаба Рундштедт получил эти планы, и не может быть сомнения в том, что все другие главнокомандующие также их получили. За неделю до нападения все члены этой группы собрались в Оберзальцберге для получения окончательных инструкций. •

По мере того как война распространялась на другие страны и, в конце концов на весь европейский континент, германские вооруженные силы росли; было создано большое количество новых армейских групп, армий, воздушных флотов, соединений морского флота, и количество членов группы соответственно увеличилось. Все три составные части вооруженных сил участвовали во вторжении в Норвегию и в Данию, которое явилось блестящей демонстрацией «комбинированных операций», предполагавших самое тесное совместное планирование и координацию действий трех частей вооруженных сил. Документы, находящиеся перед Трибуналом, показывают, что идея проведения этой операции зародилась в мозгу германских адмиралов; предложения исходили от Редера и других членов этой группы, приверженных фюреру, и после того как была получена санкция Гитлера, планы были разработаны в ОКВ. В планировании и осуществлении планов участвовали многие члена

группы. Свидетельские показания нескольких командующих армиями о том, что им не было заранее известно о нападении, не вызывают удивления ввиду того, что ОКХ и главнокомандующие армиями были полностью поглощены в то время планированием нападений гораздо больших масштабов — нападением на Нидерланды и Францию. В Норвегии и Дании были использованы лишь немногие германские дивизии, и, так как это была «комбинированная операция», планы разрабатывались в ОКВ, а не в ОКХ.

Защита доктором Латернзером нападения на Норвегию на том основании, что это было мерой, принятой для того, чтобы предупредить вторжение Англии в Норвегию, могла бы быть в какой-то степени правдоподобной, если бы было какое-либо доказательство того, что вступление в Норвегию было совершено без подготовки ввиду чрезвычайных обстоятельств. Но это абсолютно невероятно благодаря наличию документов, показывающих, что вопрос о нападении на Норвегию был предметом дискуссии с октября 1939 года, что фактическое планирование его началось в декабре, что 14 марта Гитлер все еще сомневался, отдать ли ему приказ о наступлении, так как он «все еще искал какого-то оправдания», и что в течение нескольких недель перед наступлением на Норвегию в генеральном штабе велись дискуссии о том, не лучше ли было бы начать общее наступление на Западе против Франции и Нидерландца до начала кампании против Норвегии.

Что касается главного нападения на Западе, то из показаний свидетелей защиты явствует, что Гитлер намеревался осуществить это нападение осенью 1939 года и что Браухич и другие генералы убеждали его в том, что это нападение должно быть отложено до весны 1940 года. Эта отсрочка фактически показывает, что генералы оказывали большое влияние на Гитлера, но она едва ли оправдывает нападение в более поздний период. Когда наступила весна 1940 года согласно заявлению Манштейна, «...с точки зрения солдата наступление на Западе стало совершенно неизбежным». Нет никаких доказательств того, что хотя бы один германский командующий протестовал против вопиющего и грубого нарушения нейтралитета Нидерландов.

Объяснения, которые дает защита по поводу преступлений против мира, надуманы и неправдоподобны и находятся в противоречии как с документами, имеющимися в распоряжении Трибунала, так и с историей событий, имевших место в рассматриваемые нами годы. Также неверно и то, что военные руководители являлись лишь марионетками, не оказывавшими влияния на Гитлера или на ход событий. Конечно, разногласия имелись не только между Гитлером и германскими вооруженными силами, но и внутри самих германских вооруженных сил. Если временами торжествовало мнение Гитлера, то в другое время брало верх мнение вооруженных сил, касалось ли это вопроса об отсрочке нападения на Запад или о начале нападения на Данию и Норвегию...

Нет, руководители вооруженных сил не являлись марионетками. Если генералы были в очень большой степени обязаны Гитлеру и нацистам за предоставленную им возможность вновь создать германские вооруженные силы, то совершенно справедлив тот факт, что Гитлер полностью зависел от своих генералов в осуществлении своих планов. Браухич подчеркнул, что «выполнение приказов, отданных армии и армейским группам, требовало такого глубокого знания военных вопросов и таких

способностей и психологического чутья, что существовало лишь очень небольшое число людей, которые действительно могли провести в жизнь эти приказы». В этой связи очень важно отметить, что, несмотря на весьма реальные и естественные трения между корифеями военного искусства и бывшим капралом, Гитлер никогда, до июля 1944 года, не выбирал своих главнокомандующих вне армейских кадров. Даже в течение последних безнадежных месяцев только четыре человека не из армейских кадров — сам Гиммлер и трое других из войск СС — добились этого завидного отличия.

Германские вооруженные силы, которыми кишел весь континент Европы, находились под руководством людей, действовавших отнюдь не против собственного желания. Эти агрессивные войны были развязаны и велись людьми, которые преклонялись перед военной мощью и желали расширить гегемонию Германии. Вот почему, в сущности, нацисты и руководители вооруженных сил сделали третью империю единой. Я обращаю внимание Трибунала на меморандум адмирала Фрике от июня 1940 года:

«Слишком хорошо известно для того, чтобы еще раз об этом упоминать то, что настоящее положение Германии в узкой части Гельголандской бухты и в Балтийском море, окруженном целым рядом государств, проводящих там свое влияние, является совершенно недопустимым с точки зрения будущего Великой Германии».

«Могущество великой Германии в стратегических районах, приобретенных за эту войну, должно выразиться в том, что население этих районов будет чувствовать себя в политическом, экономическом и военном отношении в полной зависимости от Германии. Если будут достигнуты следующие результаты, будет предпринята экспансия (в масштабах, которые я опишу позднее) при помощи принятия ряда военных мер по оккупации в течение войны; основы сопротивления Франции (народное единство, минеральные ресурсы, промышленность и вооруженные силы) будут сломлены до такой степени, что ее возрождение будет совершенно исключено; малые государства, такие, как Нидерланды, Дания и Норвегия, будут вынуждены зависеть от нас таким образом, что мы при любых обстоятельствах и в любое время сможем вновь оккупировать эти страны, — тогда практически мы достигнем одних и тех же, а психологически даже гораздо больших результатов».

«Поэтому... решение, повидимому, заключается в том, чтобы разгромить Францию, оккупировать Бельгию, часть северной и восточной Франции и дать возможность Нидерландам, Дании и Норвегии существовать на указанной выше основе».

Несмотря на документы такого характера, мы тем не менее слышали, что генералы неоднократно повторяли, что им никогда не сообщали о том, что происходило, и что о событиях они впервые узнавали по радио. Они снова и снова утверждали, что некоторые вещи им стали известны только после того, как они были помещены в нюрнбергскую тюрьму. Военные деятели, как и многие другие на этом процессе, не колеблясь, возлагали ответственность за действия, которые они не могли отрицать, на плечи одного или двух людей, которых они пытались изобразить как своеобразных людей, не являющихся типичными представителями всей группы. Всех этих людей, служащих козлами отпущения, связывает одно; общее — все они уже умерли. Мертвый Рейхенау разделяет вину с дру-

гими мертвецами, которые больше не могут говорить, — Гитлером, Гиммлером, доктором Рашером и другими. Такие аргументы защиты являются нечестными и совершенно неправдоподобными. Мир никогда не поверит им.

Военные руководители связаны с тем, что происходило в довоенные годы в Германии и в соседних с нею странах, более тесно, чем любая другая группа людей...

Преступления против мира, в которых принимали участие генеральный штаб и верховное командование, вели неизбежно к военным преступлениям, которые затем и последовали. Без участия этой группы в преступлениях против мира не было бы и никаких военных преступлений. Не переход от одной темы к другой, но неизбежная последовательность приводит нас сейчас к рассмотрению методов, которыми вооруженные силы вели развязанные ими войны.

Мы, конечно, не утверждаем, что руки каждого немецкого солдата были огажены невинной кровью или что правила ведения войны и законы порядочности игнорировались каждым немецким командующим. Но мы утверждаем, что характер и степень зверств, совершенных в результате приказов руководителей вооруженных сил и, таким образом, совершенных ими во многих странах Европы, вскрывают и доказывают умышленную причастность со стороны военных руководителей к совершению преступлений.

Неоспорим тот факт, что верховное командование вооруженных сил, следуя инструкциям Гитлера, являвшегося верховным главнокомандующим, издавало различные приказы, которые находились в вопиющем противоречии с правилами ведения войны. В их число входили приказы о расстреле «командос» и политических комиссаров, приказы об «умиротворении» оккупированных территорий Советского Союза путем распространения террора и другие приказы. Защита не оспаривает факт издания этих приказов, не оспаривает и не может оспаривать их преступный характер. Нам скорее заявляют, что германские командующие являлись почетными солдатами, что они не одобряли эти приказы, что они молчаливо согласились не выполнять и что эти приказы не выполнялись.

Давайте проверим эти заявления защиты фактами, связанными с приказом о «командос». Подлинник приказа и все другие имеющие к этому отношение документы находятся среди доказательств Трибунала. В октябре 1942 года Гитлер приказал, чтобы соединения «командос» противника уничтожались до последнего человека; даже если они будут сдаваться в плен, их тем не менее должны немедленно расстреливать, за исключением тех случаев, когда необходим допрос, и тогда они должны быть расстреляны после него. Этот приказ не являлся бесцельным преступным актом; действия союзных соединений «командос» причиняли серьезный вред германским военным усилиям, и Гитлер считал, что этот приказ будет действовать в качестве устрашающей меры.

Приказ был издан ОК.В и разослан всем трем частям вооруженных сил: армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам. Есть веские доказательства того, что этот приказ был широко распространен и хорошо известен в вооруженных силах. Рундштедт, главнокомандующий на Западе, докладывал 23 июня 1944 г., что «обращение с соединениями «командос» противника до настоящего времени осуществляется в соответствии с приказом Гитлера». Через два года при других

обстоятельствах Рундштедт в своих показаниях заявил, что он «избегал выполнения» и «саботировал» этот приказ и что он не выполнялся. Но мы знаем из документов, что этот приказ выполнялся. В соответствии с этим приказом британские и норвежские «командос» были казнены в Норвегии в 1942 и 1943 гг.; американские «командос» были расстреляны в Италии в 1944 году; солдаты союзных войск были расстреляны в Словакии в 1945 году. Судя по общему положению вещей, приказ должен был выполняться и в других случаях, от которых, к несчастью, сейчас не осталось никакого следа.

В свете этих документов что же остается от защитительных доводов? Если изложить это наиболее выгодным для защиты образом, остается довод, что только лишь потому, что некоторые военные руководители не одобряли этот приказ, он проводился не так часто, как это могло быть в другом случае; такая защита хуже самой плохой защиты — она просто позорна.

Мы не должны забывать, что убийство беззащитного военнопленного является не только нарушением правил ведения войны. Это просто убийство. Убийство в сути своей остается таковым, невзирая на то, имеется ли лишь одна жертва или 50 (количество убитых «командос», доказанное документами) или 90 000 жертв Олендорфа. В этом деле преступление громоздится на преступление до такой степени, что мы рискуем потерять чувство пропорции. Мы так много слышали о массовом уничтожении, что мы даже можем забыть о том, что простое убийство само по себе является большим преступлением.

Законы всех цивилизованных наций требуют, чтобы человек не переступал определенных пределов для того, чтобы избежать какой бы то ни было связи с убийством, в качестве ли соучастника или пособника, или заговорщика. И эти требования могут быть весьма разумно применены к германским военным руководителям.

В соответствии с германским военным законом подчиненный подлежит наказанию за выполнение приказа высшего начальника, если подчиненный знает, что этот приказ требует совершения военного преступления или вообще преступления. Приказ о «командос» требовал совершения убийства, и каждый германский офицер, который выполнял этот приказ, это прекрасно знал.

Когда Гитлер дал указание об издании этого приказа, руководители вооруженных сил знали, что этот приказ требовал совершения убийства. Ответственность за выполнение этого мероприятия лежала исключительно на группе, которая указана в Обвинительном заключении. Начальники ОКВ, ОКХ, О1КЛ и ОКМ должны были решить, отказаться ли от издания преступного приказа или же передать его главнокомандующим действующими частями. Командующие армиями, военно-морским флотом и военно-воздушными силами на фронтах должны были решить, выполнять ли этот приказ или отказаться от его выполнения и передавать ли его своим подчиненным.

Можно себе представить, что было большое число совещаний и телеграфных переговоров между различными членами этой группы, в течение которых обсуждался этот вопрос. Нет никаких доказательств того, что, хоть один член этой группы открыто протестовал против этого приказа; или объявил о своем отказе выполнять его. Главным результатом было то, что этот приказ был распространен в большей части вооруженных |

сил. Это поставило подчиненных командиров в такое же положение, как и их начальников. Нам говорят, что некоторые генералы молча согласились между собой не выполнять этот приказ. Если это так, то это было жалким и дешевым компромиссом. Распространяя этот приказ при «секретном» или «молчаливом» взаимном понимании, главнокомандующие лишь распространили ответственность и лишили себя возможности какого-либо эффективного контроля над создавшимся положением. Молчаливое соглашение о невыполнении не могло быть столь широко распространено. Неизбежный результат — результат, доказанный документами, заключался в том, что этот приказ был проведен в жизнь и невинные люди были убиты.

Генерал Достлер именно из-за того, что он являлся ответственным за выполнение приказа о «командос», был привлечен к суду, осужден и расстрелян. За такое же преступление генерал Фалькенхорст сейчас ожидает исполнения смертного приговора. Но ответственность за эти убийства Фалькенхорст и Достлер разделяют с каждым немецким главнокомандующим, находившимся в тылу или на поле боя, который допустил превращение этого приказа в официальный закон вооруженных сил и принимал участие в его распространении. Я считаю, что в соответствии только с этим обвинением доказано, что генеральный штаб и группа верховного командования принимали непосредственное, эффективное и сознательное участие в совершении военных преступлений.

На Восточном фронте бессердечное равнодушие германских военачальников к нарушениям законов ведения войны и к страданиям и смерти масс людей привело к результатам, в такой же степени преступным и, поскольку эти все действия совершались в гораздо больших масштабах, — значительно более ужасным. Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями третьей империи на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, что анализ покажет, что это не были просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представлявших собой последовательную логическую систему.

Нет необходимости здесь рассматривать причины, по которым Гитлер осенью 1940 года начал серьезно заниматься вопросом нападения на Советский Союз. Мы вполне определенно знаем, что, начиная с сентября 1940 года, он постоянно обсуждал эту возможность с военными руководителями, которые имели достаточно удобных случаев для того, чтобы высказать ему свою точку зрения.

Мы знаем, что существовала разница во мнениях среди генералов и адмиралов. Однако ни один из них не испытывал колебаний морального характера, некоторые не считали нападение необходимым, а другие сомневались в том, что можно достичь быстрой победы. Большинство все же согласилось с Гитлером в том, что нападение должно иметь место. Нет никаких указаний на то, что когда Гитлер, посоветовавшись с военным руководством и заручившись поддержкой части его, решил совершить нападение, руководящие генералы продолжали выступать против такого решения; они начали войну с предельной решимостью довести ее до победного конца.

Каковы бы ни были причины, которые толкнули к нападению, существовал один фактор, который после того как было принято это решение» стаячжнзнеаив, важным объектом нападения и его целью. Этим фактором являлись «важные» большие территории Советского Союза и эксплуатация этих территорий извлечением материальной выгоды для Германии. Для того чтобы «успокоить» население оккупированной территории как можно быстрее и с минимальными затратами людей и материальной части, уничтожить советскую политическую систему и учредить новую, поддерживаемую Германией, областную политическую администрацию, пересмотреть и расширить производственные ресурсы этих областей и организовать их так, чтобы они могли быть использованы третьей империей.

У Гитлера были весьма определенные идеи о том, как эта программа должна была быть проведена в жизнь, и эти идеи были частично воплощены в серию директив и приказов, с которыми Трибунал уже ознакомился. Некоторые из этих приказов должны были быть выполнены непосредственно вооруженными силами, а некоторые — другими организациями империи, но во взаимодействии и при поддержке вооруженных сил.

Для быстрого «умиротворения» оккупированных территорий при наименьших затратах после того, как Гитлер проконсультировался с Браухичем, ОКВ издало приказ от 22 июля 1941 г., согласно которому все главнокомандующие должны были обеспечить безопасность не путем наказания виновных в результате судебных разбирательств, но путем распространения «такого террора, который мог только одним своим существованием подавить всякую волю к сопротивлению среди населения». С той же целью ОКВ издало приказ 13 мая 1941 г., который прекратил использование военных судов для наказания преступлений, совершенных гражданским населением страны противника, и давал указание о том, чтобы войска сами добивались умиротворения путем «беспощадных действий», «самыми крайними методами» и «коллективными деспотическими мерами» против местного населения. В поддержку этой отвратительной политики далее был издан приказ о том, что германские войска, совершившие преступления против советского гражданского населения, совершенно не должны были наказываться, за исключением тех случаев, когда наказание было необходимо для поддержания дисциплины и безопасности или для предотвращения потери в продуктах питания или в материальной части. Каждый офицер на восточном фронте должен был быть точно и конкретно проинструктирован о том, как поступать в соответствии с этими принципами. Сам язык этого приказа был рассчитан на то, чтобы побудить как офицеров, так и рядовых к тому, чтобы они вели себя наиболее презренным образом.

В этих двух приказах мы можем видеть основную композицию этой отталкивающей картины. Более подробно — Гитлер ожидал особенно резкой оппозиции своей новой русской политике и режиму со стороны должностных лиц и представителей Советского правительства и со стороны всех евреев. Эти элементы он решил уничтожить полностью, так как иначе они оставались бы постоянным центром сопротивления внутри-оккупированных территорий.

Воплощая в жизнь эту политику массовых убийств, ОКВ издало приказ об убийстве всех политических комиссаров, которые могли быть захвачены. Этот приказ так же, как приказ о «командос», предусматри-

вал убийство беззащитных военнопленных. В этом случае военные DVКО-водители вели себя точно таким же образом. Ни один из главнокомандующих не протестовал открыто, и не объявил о своем отказе выполнять приказ. Некоторые командующие, возможно, отказались распространить этот приказ по своим войскам, но он был распространен на всем восточном фронте и стал там хорошо известен. Так же, как я *у.саучае* с приказом о «командос», нам говорят, что по молчаливому соглашению между командующими он не выполнялся. Доказательством в поддержку этого является то, что отдельные командующие или другие офицеры никогда лично не знали о случаях, когда захваченные комиссары были расстреляны. Мы можем считать некоторые из этих заявлений правдивыми, но невзирая на это ввиду широкого распространения этого приказа и умышленного доведения германского солдата до звероподобного состояния приказами, подобными этим, и такими директивами, которые издавали своим войскам Рейхенау и Манштейн, абсолютно невероятно, чтобы приказ о комиссарх во многих случаях не был проведен в жизнь. Это должно было быть так.

Кампания массового уничтожения комиссаров распространилась на всех коммунистов приказом ОКВ от 16 сентября 1941 г., который предписывал, чтобы все случаи сопротивления вооруженным силам, невзирая на обстоятельства, были приписаны коммунистам и что «смертная казнь 50—100 коммунистов должна в общем считаться соответствующей компенсацией за жизнь одного германского солдата».

Устрашение и эксплуатация русского местного населения и уничтожение нежелательных элементов, очевидно, не могли осуществляться одними только вооруженными силами. В выполнение этой обширной злодейской программы внесли большую долю многие другие организации третьей империи. Среди этих других организаций наиболее неописуемыми по жестокости были особые оперативные группы Гимmlера, известные как эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. Назначением этих частей было оказывать помощь в «умиротворении» и готовить почву для нового политического режима путем искоренения оппозиции и в особенности путем убийства коммунистов и евреев. Как из документов, так и из признания, сделанного руководителем одной из этих частей, мы знаем, с какой ужасной неуклонностью выполнялась эта миссия.

Конкретные задания этим эйнзатцгруппам давал Гимmlер, но эти части не могли быть предоставлены сами себе в районах боевых действий или в тылу на захваченной территории без администрации, снабжения, средств сообщения и достаточного контроля со стороны военного руководства, для того чтобы можно было быть уверенным в том, что выполнение их задач координируется с боевыми операциями или по крайней мере не мешает их проведению. Защита приложила все усилия к тому, чтобы скрыть этот простой факт, но любой солдат и по существу любой человек, который размышлит над этим, должен знать, что это правильно.

Это также совершенно ясно вытекает из документов. Директива ОКВ для особых районов от 13 марта 1941 г. предусматривает, что Гимmlер может посылать эти части в районы боевых действий для выполнения «особых задач по подготовке политической администрации, задач, вытекающих из борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». Однако в приказе особо подчеркивается, что выполнение задач Гимmlера не должно мешать военным

действиям и что эти части должны быть подчинены власти главнокомандующего армией в районе боевых действий. Армия должна была обеспечить размещение и питание этих частей Гимmlера. Затем там имелось указание о том, что Гимmlер и ОКХ должны договориться между собой о деталях; Браухич подтвердил, что впоследствии эти детали были согласованы на совещании между Гейдрихом и генералом Вагнером из ОКХ, а Шелленберг, который составил проект соглашения, изложил его содержание.

Короче говоря, эти получившие позорную известность банды убийц размещались и снабжались армией и были бы беспомощны без поддержки со стороны армии. Показания некоторых немецких генералов о том, что они не были осведомлены об этих убийствах многих тысяч людей, вызывали бы невольную улыбку, если бы правда не была такой мрачной и отвратительной.

Мысль о том, что отряды уничтожения Гимmlера рыскали по России, убивая евреев и коммунистов в огромном количестве тайно и без ведома армии, является совершенно нелепой выдумкой отчаявшихся людей, которым ничего не остается, как лгать.

Давайте посмотрим опять на всю программу в целом. Большая ее часть была изложена простым немецким языком до нападения на Россию — терроризировать население, оставлять безнаказанными акты насилия и жестокости со стороны немецких войск, убивать комиссаров, убивать сотни коммунистов в любом случае, когда для этого представится повод, расчищать путь гимmlеровским частям, размещать их и снабжать продовольствием для того, чтобы они выполняли «задачи, вытекающие из борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». А эта политическая система, за которую сражались главнокомандующие, уже осуществляла уничтожение коммунистов и евреев и хвасталась этим в течение ряда лет.

Немецкие генералы были достаточно умны для того, чтобы понимать эту программу. Так или иначе ее разъяснили им. Директива ОКВ, предусматривавшая прекращение функционирования военных трибуналов, заканчивалась указанием военным руководителям о том, что они должны информировать своих консультантов по правовым вопросам об «устной информации, в которой верховное командование разъяснило свои политические намерения главнокомандующим». Подсудимый Розенберг во время вторжения или до него сообщил Кейтелю, Иодлю, Варлимонту, Браухичу, Редеру свое «политическое и историческое толкование восточной проблемы». Согласно заявлению Браухича, Гитлер объяснял «идеологическую» природу войны всем главнокомандующим на совещании, происходившем в то время, когда был издан приказ о комиссарах. Письменные показания под присягой генералов Реттигера, Роде и Хойзингера еще более подтверждают очевидный вывод о том, что немецкое военное руководство прекрасно понимало всю программу «умиротворения».

Армия, деморализованная и доведенная до звероподобного состояния преступными приказами и дьявольскими доктринами, всегда будет действовать зверскими методами, оказавшись в обстоятельствах, в отношении которых нет ясно выраженных приказов. Например, я не видел письменного приказа о том, что советские военнопленные, которые не могли идти, должны были бы быть расстреляны. Я готов поверить, что некоторые немецкие генералы обходились с военнопленными так хорошо,

' как они могли, но я также нахожу достаточно убедительной жалобу молодого немецкого лейтенанта на то, что усилия, прилагавшиеся для умиротворения и эксплуатации Украины, оказывались тщетными, потому что:

«военнопленные, которые не могли больше идти, расстреливались прямо посредине деревень и даже некоторые в более крупных населенных пунктах, и их тела не убирались, а население оказывалось свидетелем этих фактов, которые оно не понимало и которые подтверждали самые худшие извращения пропаганды противника».

По этим же причинам борьба с партизанами проводилась исключительно жестоко и с огромными потерями в людях среди мирного гражданского населения. Так как дивизии немецкой армии переводились с восточного фронта на западный и обратно, эта практика передавалась от одного фронта к другому. Кровавая расправа в Херсоне и Ковно повторилась в резне в Мальмеди и Орадуре...

Защита против этих обвинений аналогична объяснениям по поводу приказа о «командос». Имеется масса письменных показаний, данных под присягой отдельными главнокомандующими и подчиненными им офицерами, в которых они выражают свое отвращение к данным приказам и заявляют, что они не выполняли их. Опять мы слышим о молчаливом взаимном соглашении, даже перед лицом доказательств об убийствах, которые были следствием этих приказов. Невольно захватывает дыхание при мысли о том, что такой 'защитительный довод вообще может быть выдвинут и, очевидно, без всякого зазрения совести.

Я снова заявляю, что ответственность лежит всецело на этой группе, которая поименована в Обвинительном заключении. Кейтель, Йодль, Браухич, Геринг и их сообщники, находясь в центре событий, распространяли эти пагубные приказы, преступный характер которых может видеть даже ребенок. Клейст, Клюге, Рундштедт, Рейхенау, Шоберт, Манштейн и другие главнокомандующие действующими частями передавали их дальше подчиненным им офицерам. Никакие тайные соглашения не могли предотвратить ужасные результаты, которые должны были неизбежно последовать за этими приказами...

Гитлеру нужны были главнокомандующие; они ему были крайне необходимы, и без них он был бы беспомощен. Они могли с безопасностью для себя строго придерживаться тех норм, за пределы которых не должен выходить ни один солдат, и даже больше того — ни один человек. В большинстве случаев они переступали эти нормы не из-за страха перед Гитлером. Они были готовы возражать Гитлеру по другим вопросам, которые они считали более существенными. Они не хотели идти на риск разрыва с Гитлером в связи с тем, что они бессердечно рассматривали как несущественные вопросы. Они были заняты «более крупными» делами — захватом Европы, по поводу которого они были полностью согласны с Гитлером.

Некоторые из военных руководителей — мы не можем сказать, сколько их было — были преисполнены желанием идти еще дальше и оказать покровительство нацистской идеологии. Рейхенау и Манштейн бесстыдно предоставляли свои имена и престиж для того, чтобы оказать содействие развитию этих отвратительных доктрин. Мы не можем охватить всех приказов; мы не можем сказать, сколько имеется немецких главнокомандующих, которые, подобно Манштейну, заявляя елейным

голосом о том, что они якобы не одобряли нацистские доктрины, могли бы предстать перед лицом своих собственных отвратительных деклараций.

Отдельные командующие, если таковые имеются, которые могут показать, что их руки чисты, могут сами выступить и оправдать себя. Но я утверждаю, что доказано с убедительностью, не допускающей сомнения, что военные руководители, как группа, принимали непосредственное, эффективное и сознательное участие в бесчисленных и повсеместных военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Согласно статьям 9 и 10 Лондонского соглашения о суде над главными военными преступниками, Кейтель, Редер и другие подсудимые, представители военного руководства, находятся перед судом не только как отдельные лица, но как представители германского военного руководства. Подсудимые военные совершали свои преступления как военные руководители и рука об руку с другими. Нахождение военных руководителей на скамье подсудимых особенно важно потому, что они являются представителями германского военного руководства.

Доказательства против этой группы настолько полны и убедительны, что попытки ее представителей защищаться должны представлять собой отчаянные и несостоятельные измышления. Будучи призванным к ответственности за совершение преступлений как группа, знаменитый германский генеральный штаб раскалывается на 130 отдельных кусочков, как детские кубики, брошенные на пол. Нам говорят, что там ничего не было. Когда же их просят высказать свои взгляды в отношении Гитлера, агрессивной войны или по какой-либо другой неприятной теме, — эти кусочки вновь собираются вместе и мгновенно и, как бы по волшебству, вновь возникает прежний рисунок...

...Давайте посмотрим еще раз на этих военных руководителей, действия которых мы только что рассмотрели. Они являются единым целым более чем в одном определенном отношении. Они являются более, чем группой; они являются классом, почти кастой. Они являются воплощением определенного рода мыслей, определенного образа действий. У них имеются особые качества мышления, которые были замечены и комментировались остальным миром в течение многих десятилетий и корни которого уходят в века. Они были исторической силой, и с ними и сейчас следует считаться. Они горды этим.

Для того, чтобы избежать последствий своих действий, эти люди сейчас все отрицают. Но даже в самой отрицании становится очевидной истина. Дух, объединяющий эту группу, и единство взглядов и целей настолько глубоки, что они волей-неволей звучат в их устах. Прочтите их показания, — они всегда говорят о себе: «мы», или «мы, старые солдаты», и они всегда заявляют о «наших взглядах» на тот или иной предмет. Показания Рундштедта полны подобных высказываний, с точки зрения германских военных руководителей как целой группы, на самые разнообразные вопросы. Манштейн заявил нам, что «мы, солдаты, не доверяли всем партиям», «мы все считали себя лицами, которым вверено, единство Германии», и «национал-социалистская цель объединения соответствовала нашим взглядам, но не национал-социалистские методы».

...Германские военные руководители хотели, чтобы Германия была свободна от политических колебаний, и также хотели правительства, которое смогло бы мобилизовать германские ресурсы, как опору воору-

женных сил, и воспитать германское общественное мнение в духе и целях милитаризма. Это и имел в виду Рундштедт, когда он заявил, что «национал-социалистские идеи, которые были положительными, обычно были идеями, которые были заимствованы из старых прусских времен и которые были давно известны нам и без национал-социалистов». Вот что Манштейн подразумевал под «единством» Германии.

Германские военные руководители верят в войну. Они считают ее частью нормальной, хорошо налаженной жизни... Они принесли зло всему миру и также принесли зло Германии. Их философия настолько извращена, что они рассматривают проигранную войну и побежденную и поверженную Германию, как блестящую возможность для того, чтобы вновь начать тот же самый ужасный цикл. Их ход мыслей нигде не выражен лучше, чем в речи, произнесенной генералом Бекком перед слушателями германской военной академии в 1935 году.

.Аудитории, состоящей из молодых офицеров, было заявлено, что 'час смерти нашей старой славной армии' в 1919 году «привел к новой' жизни молодой рейхсвер» и что германская армия вернулась из первой' мировой войны «увенчанной лаврами бессмертия». Затем им было заявлено, что, поскольку военные руководители проявили ум и смелость, проигрыш войны «облагорожен гордостью славного падения». В заключение им напомнили, что Германия является «страной военного мышления», и их призвали помнить «о своем долге перед человеком, который; вновь создал и сделал сильными германские вооруженные силы».

В 1935 году этим человеком был Гитлер. В предшествовавшие годы' это был другой человек. Немецкий милитаризм возродит вооруженные силы при любом руководителе или правительстве, которые обеспечат открытые перспективы оказания эффективной поддержки военным действиям. Люди, которые считают войну формой существования, не извлекают никаких уроков из опыта поражения в одной из них.

Я обрисовал германских военных руководителей не потому, что вся эта картина мало известна, но потому, что она настолько хорошо известна, что существует опасность проглядеть что-либо. Мы не должны слишком увлекаться деталями этой схемы или тонкостями военной организации за счет значительно более важных вопросов, являющихся общественными факторами. В течение долгого времени весь мир знал о немецком военном руководстве и страдал от его деятельности. Его качества и поведение откровенны и хорошо известны. Должны ли мы теперь сказать всему миру, что такой группы не существует? Возможно ли сейчас услышать, что немецких военных лидеров нельзя судить потому, что они были лишь группой призванных на военную службу людей? Мы должны были серьезно отнестись к этим доводам только потому, что не было никаких других.

То, что судебное дело против немецких милитаристов является совершенно ясным, не делает его менее важным. В данном случае мы находимся в схватке с чем-то огромным, ужасным и постоянным; с чем-то таким, что начало существовать не в 1933 году и даже не в 1921 году; с чем-то более старым, чем любой присутствующий здесь человек; с чем-то несравненно более важным, чем любой из подсудимых, сидящих на этой скамье; с чем-то таким, что еще не умерло и что не может быть уничтожено выстрелом из винтовки или в петле палача.

В течение девяти месяцев в этом зале суда звучала страшная

повесть о камерах удушения, горах трупов, абажурах из человеческой кожи, раздавленных черепах, опытах по замораживанию, банковских подвалах, наполненных золотыми зубами. Для совести всего мира жизненно важно, чтобы все участники этих чудовищных преступлений ответили за них перед правосудием. Но эти вещественные доказательства, даже будучи такими ужасными, какими они являются, не представляют собой фундамент этого дела. Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немного. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его корнями, однако только это, в конечном счете, приведет к добру.

Деревом, которое принесло эти плоды, является немецкий милитаризм. Милитаризм был сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил. Милитаризм — это не военная профессия. Милитаризм воплощен в народе, отличающемся «воинственным духом», руководители которого проповедуют и практикуют захват при помощи вооруженной силы и наслаждаются войной, как чем-то само по себе желательным. Милитаризм неизбежно ведет к циничному и злому игнорированию прав других, основ цивилизации. Милитаризм разрушает моральные устои народа, практикующего его, и поскольку он может быть разбит только силой его собственного оружия, он подрывает мораль народов, которые вынуждены вступить с ним в битву.

Центральной пружиной немецкого милитаризма в течение многих лет являлась группа профессиональных военных руководителей, которая стала известна всему миру как «немецкий генеральный штаб». Именно поэтому разоблачение и дискредитация этой группы в результате объявления ее преступной являются значительно более важными, чем судьба отдельных лиц, одетых в военную форму и сидящих сейчас на скамье подсудимых, или других отдельных членов этой группы, — Кейтель, Редер, Рундштедт, Кессельринг и Манштейн сошли со сцены, они никогда больше не поведут в бой легионы вооруженных сил Германии.

Здесь поставлены на карту не жизнь этих конкретных людей, но будущее влияние немецкого генерального штаба внутри самой Германии и, следовательно, на судьбу народов всех других стран. Вот почему на конференции в Ялте было заявлено:

«Нашей неизменной задачей является уничтожить немецкий милитаризм и нацизм и обеспечить такое положение, чтобы Германия никогда больше не могла нарушить мир во всем мире. Мы исполнены решимости разоружить и распустить все вооруженные силы Германии, сломить навсегда немецкий генеральный штаб, которому неоднократно удавалось восстановить немецкий милитаризм».

У германского генерального штаба было много времени с весны 1945 г. для размышлений, и он хорошо знает, что поставлено здесь на карту. Немецкие милитаристы знают, что их будущая сила зависит от восстановления веры германского народа в их военную доблесть и от того, насколько им удастся отмежеваться от тех зверств, которые они совершали, находясь на службе у третьей империи.

Почему вооруженные силы Германии потерпели поражение? Гитлер слишком много вмешивался в военные дела, — заявляет Манштейн. А как в отношении зверств? Вооруженные силы не совершали никаких зверств. Преступные приказы Гитлера игнорировались и не выполнялись генералами. Те зверства, которые имели место, совершались другими людьми,

такими, как Гиммлер, или другими организациями, подобными СС. Могли ли генералы принять какие-нибудь меры для того, чтобы предотвратить вступление Германии в войну и последующие разрушения? Нет, генералы были связаны клятвой повиновения главе государства. Разве один из генералов СС не сказал, что фельдмаршалы могли предотвратить многие эксцессы и зверства? Реакция на это заявление отличалась чувством превосходства и презрения: «Мне кажется, со стороны эсэсовца является наглостью делать подобные заявления о фельдмаршале», — заявил Рундштедт. Документы и устные показания показывают, что подобные заявления являются просвечивающими фальшивками. Но здесь, в зародыше, заключены тот миф и те легенды, которые немецкие милитаристы будут стараться внедрить в сознание германского народа... Эти виды лжи должны быть заклеены и названы своими именами сейчас, пока еще свежи доказательства.

Это также важно для наших собственных государств, как и для Германии. Милитаризм разросся в Германии значительно шире и упорнее, чем в какой-либо другой стране; но милитаризм — это такое растение, для которого не существует государственных границ, он растет везде. Он поднимает голос для того, чтобы заявить, что война между Востоком и Западом, левыми и правыми, белыми и желтыми неизбежна. Он распространяет слухи о том, что вновь изобретенные орудия уничтожения настолько ужасны, что их следует немедленно применить с тем, чтобы какая-нибудь страна не сделала этого первой. Он заставляет весь мир жить в постоянном страхе перед смертью.

Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно делает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи. Они рассчитают все заблаговременно и хладнокровно. Их не остановят фанатичность идеологии или отвратительные методы в своем наступательном стремлении: они используют преступления для того, чтобы достигнуть мощи Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше.

Истина рассеяна по многочисленным документам настоящего процесса, и мы должны только сформулировать эту истину просто и понятно. Немецкие милитаристы примкнули к Гитлеру и вместе с ним создали третью империю; вместе с ним они преднамеренно создали такой мир, в котором сила и только сила решала все; вместе с ним они бросили весь мир в пучину войны и принесли ужас и опустошение народам европейского континента. Они нанесли удар всему человечеству; удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет. Это не была война, это было преступление. Они не являлись солдатами, они были варварами. Об этих деяниях нужно сказать все. Мы не можем вновь создать историю, но мы должны позаботиться о том, чтобы исторические факты были изложены правильно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБА

[Произнесена 30 августа 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Мы потребовали от вас осуждения и наказания руководителей, которые ответственны за трагедию, обогрившую кровью весь мир. Требуя от вас сегодня объявления преступными организаций, служивших орудием выполнения замыслов этих руководителей, мы обращаемся к вашему правосудию, чтобы вы вынесли моральное осуждение всей системе, подвергшей цивилизацию самой серьезной опасности, которую она знала когда-либо после крушения Римской империи.

Мы придаем не меньшее значение приговору, о вынесении которого мы просим сегодня, чем тому приговору, которого мы потребовали вчера, ибо, если мы считали, что необходимо покарать виновных, мы полагаем также, что не меньшую пользу представляет грозное предупреждение всем тем, кто обладает могуществом в настоящем и будущем, о том, что •следует руководствоваться насущными требованиями морали, без которой ни порядок, ни мир не могут царить во вселенной.

Действительно, кому неизвестно, что в наше время, когда безумие людей использовало изумительный прогресс науки и техники для убийств и разрушений и когда, как сказал некий философ, «наша цивилизация снабдила себя орудиями самоубийства», кому неизвестно, что проблемы, встающие перед пришедшим в смятение миром, прежде всего проблемы морали.

...Личность — существо общественное, которое может получить полное развитие лишь в братском сообществе с себе подобными, — человек, чье призвание определяет его достоинство, благодаря которому он не может быть произвольно поработен или захвачен.

...Великобритания вдохновляла Америку на обнаружение декларации 1776 года: «Совершенно очевидно, что создатель наделил всех людей определенными неотъемлемыми правами». Она же вдохновляла Францию на опубликование декларации 1791 года: «Представители французского народа, входящие в Национальное собрание, принимая во внимание то обстоятельство, что игнорирование, предание забвению или попираание прав человека являются единственной причиной общественных несчастий и коррупции правительств, приняли решение закрепить в тор-

жественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека...

В связи с этим Национальное собрание признает и провозглашает именем всевышнего следующие права человека и гражданина».

Разве не тем же уважением человеческой личности проникнута Конституция Союза Советских Социалистических Республик, в разделе X которой провозглашены «основные права и обязанности граждан СССР... без различия национальности и расы»? Наконец, разве Устав Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско 51 нацией, не начинается следующей торжественной декларацией: «Мы, народы Объединенных Наций, исполненные решимости предохранить грядущие поколения от бича войны, которая дважды на протяжении периода, равного длительности человеческой жизни, подвергала человечество неопишувемым страданиям, заявляем, что мы твердо верим в основные права человека, в человеческое достоинство и в ценность человеческой личности, в равенство прав мужчин и женщин, а также в равенство прав больших и малых народов...».

...Над этим... в разгар XX века Гитлер попытался совершить насилие, противопоставив ей свою варварскую идеологию расизма, свою примитивную концепцию существования общества, которым правят лишь биологические законы.

Ведь он стремился установить не только германское военное господство в Европе, он имел наглость навязывать миру свою «культуру», подрывавшую все моральные и интеллектуальные устои, на которых зиждется цивилизованный мир с начала христианской эры.

По его мнению, биологические законы, господствующие в животном мире, применимы в той же мере к человеческому обществу. Это' прежде всего — законы естественного отбора и борьбы за существование.

Значит, отныне якобы не может быть и речи о независимости человеческой личности.

...Отныне якобы не может быть и речи ни о сострадании, ни о братской любви.

...Это звериное понимание человеческого существования, эта «культура», эта религия — все это не является плодом размышления какого-нибудь философа, предающегося духовным поискам, а это творение реалиста, проводящего свои идеи в жизнь.

И нам известно, какие преступления были совершены во имя этой новой религии, во сколько смертей обошлась реализация так называемой доктрины жизни: концентрационные лагеря, газовые камеры, печи крематориев, различные прививки, стерилизация, вивисекция, жертвами которых являлись заключенные концлагерей и угнанные мирные жители, порабощение народов, рассматриваемых способными ассимилироваться, сверх всего этого — методическое истребление тех народов, которых считали низшими, и, наконец, «геноцид» — все это чудовищный плод гитлеровской идеологии.

...Мы уже указали на главных виновников всех преступлений национал-социализма. Но для того, чтобы осуществить свой дьявольский план мирового господства не только на территориях, но и в умах, главные виновники нуждались в сотрудиниках, вдохновляемых той же мистикой, воспитанных в таком же духе; вот почему вожди, «фюреры», замыслили и постоянно проводили в жизнь сложную единую систему управления,

принуждения и контроля, которую составляет вся совокупность организации государства и национал-социалистской партии.

Был необходим орган управления, откуда, согласно принципу фюрерства, исходили бы приказы и общие директивы. Им и явились имперский кабинет и руководящий состав нацистской партии. Возникла необходимость в средствах контроля, пропаганды, полиции и исполнительной власти. Такими средствами и явилось гестапо, СА, СД и СС.

Было необходимо, наконец, чтобы армия находилась на службе политики партии, и это явилось делом генерального штаба и верховного командования, очищенных от всех недостаточно нацифицированных элементов.

Возможно, что члены этих организаций, этих групп или этих учреждений были в большей или меньшей степени фанатиками режима. Трибунал помнит об искусственном различии, которое сделал Риббентроп во время допроса между «типичными нацистами» и теми, кто являлся нацистом лишь наполовину. Но, во всяком случае, все соглашались с доктриной и принимали материальные выгоды, которые предоставлял им режим. Можно ли признать кого-либо из них достойным меньшего презрения или менее виновным только потому, что он задумывался над тем, что следовало бы провести какие-то ограничения? То, что все эти организации, группировки или учреждения всеми средствами способствовали укреплению всеобщего господства, уже было полностью доказано в ходе судебного разбирательства.

Разве защитники организаций постоянно не принимали участия в допросах отдельных подсудимых и разве все подсудимые сами не были членами одной, а часто и нескольких организаций? Было совершенно бесспорно установлено тесное сотрудничество организаций с людьми, находящимися на скамье подсудимых.

Я не могу также устоять перед тем, чтобы после столь подробного судебного разбирательства и обвинительных речей моих уважаемых коллег, представляющих американское и британское обвинение, не напомнить лишний раз о несметных чудовищных деяниях, в которых эти организации и группы, перечисленные в Обвинительном заключении, принимали участие путем отдачи приказов, совершая эти преступления или их допуская.

Я бы хотел остановиться лишь вкратце на тех двух аргументах, которые выдвигает защита, в частности, защитники гестапо, СД и верховного командования, и которым они, повидимому, придают наибольшее значение. Возможно, говорят они прежде всего, что злоупотребления были допущены в разгаре борьбы, стали безжалостными во время войны, перешедшей в тотальную, но здесь речь идет лишь о преступлениях, совершенных отдельными людьми, которые могут быть привлечены к ответственности, как совершавшие эти преступления, но нельзя возлагать ответственность на объединение людей, которые осуждали эти преступления.

Далее защитники заявляют, что различные организации империи были отделены друг от друга непроницаемыми перегородками.

Исходя из этого, деятельность каждой организации должна рассматриваться самостоятельно, и такое расследование не позволит установить наличия преступного намерения или преступной деятельности ни в одной организации — первый аргумент защиты.

Чтобы определить, являются ли организации преступными, — заявляет защита, — следует рассмотреть важнейшие принципы, на которых они построены. В их структуре нет ничего преступного. Исходя из этого, и преступления, если они, возможно, и были совершены, могут быть вменены в вину только отдельным лицам и не дают права делать из этого вывод, что организация носит преступный характер.

Так, гестапо, в соответствии с ее официальным определением, являлась государственной полицией, в обязанности которой, как в обязанности государственной полиции всякой цивилизованной страны, вменялось сотрудничество в совершении правосудия и в охране общества от отдельных лиц, которые наносят ущерб его безопасности. Возможно, что иногда она получала сверху приказы и исполняла их, хотя это и не являлось ее прямой обязанностью по обеспечению безопасности, так, например, сюда относятся массовые аресты евреев, уничтожение советских военнопленных, убийства заключенных, которые совершили побег и затем были схвачены.

Но эта случайная деятельность не входила в ее компетенцию в том виде, в каком она была определена. Эта деятельность не может изменить основное значение организации, которая не представляет собой ничего преступного.

Также и СД по своей структуре является простой разведывательной службой и организацией, исследующей общественное мнение, учреждением, в сущности, безвредным.

Возможно, что порой члены организации СД и участвовали в карательных действиях гестапо. Справедливо то, что члены СД занимали многочисленные командные посты и что они посвятили себя деятельности, достойной порицания, но тогда они действовали не как чиновники организаций СД и не могли компрометировать организацию, которая отнюдь не носит преступного характера, в соответствии с той деятельностью, которая была для нее определена.

Также и верховному командованию была поручена в соответствии с существующим положением оборона, и только оборона империи. Оно не занималось политикой и не имело никакого отношения к полиции. Может быть, оно иногда превышало свои полномочия. Правда, справедливо то, что им был подписан приказ о высылке в неизвестном направлении тех, кто оказывал сопротивление, о передаче для уничтожения в руки полиции солдат, «командос» и совершивших побег военнопленных, что противоречит воинской чести, но тогда оно действовало лишь как связующее звено, передававшее приказы Гитлера или Гимmlера. Эта деятельность, носившая случайный характер, деятельность, которая не входила в его компетенцию, не могла ничего изменить в сущности верховного командования, в которой не было ничего преступного.

Так пытается защита все время подчеркнуть разницу между характером организации в том виде, в каком он определен и который, как доказывает защита, не является преступным, и практической деятельностью группировки, которую, как она признает, можно подвергнуть критике; это различие может быть и становится понятным при демократическом режиме, если ранее установленные учреждения ограничивают произвол правительства, если независимость человека и свобода гражданина охраняются от злоупотребления властью, но это неприемлемо, когда речь идет о гитлеровском режиме.

Думал ли Бест, теоретик полиции, о необходимости уважать какие-либо принципы, когда он писал, что средства, используемые полицией, диктуются действиями противника? Разве не имеет принципиального значения декрет от 28 февраля 1938 г., допускающий, чтобы всемогущее государство игнорировало любые юридические ограничения? Разве расходится у Гитлера теория с практикой, когда на совещании от 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на которое были созваны члены верховного командования, он заявил: «Нужно полностью исключить принцип, в соответствии с которым разрешение проблемы заключается в приспособлении их к обстоятельствам. Речь идет скорее о приспособлении обстоятельств к потребностям... Речь идет не о справедливости и несправедливости, а о существовании или гибели 80 миллионов людей».

Действительно, при гитлеровском режиме не существует заранее установленного института, нет законности, нет ограничения произвола. Единственный существующий принцип — «принцип фюрерства», единственный закон — это то, что заблагорассудится начальнику, чей приказ должен быть приведен в исполнение без какого бы то ни было обсуждения всеми от мала до велика. Мысль о том, что пресловутый институт якобы господствовал при учреждении организаций, придавая им определенный характер, является не чем иным, как умозаключением, сделанным априори изобретательной защитой. Единственной деятельностью, которую следует учитывать, является конкретная деятельность организации, и нами было показано, что эта деятельность преступна.

С другой стороны, защита изыскивает причину, чтобы оправдать организации, опираясь на тот факт, что члены гестапо, СС или СД, совершавшие преступные акты, действовали не от имени организации, а как бы временно выделялись из них на этот период.

Не является ли это, напротив, доказательством того, что в общей организации национал-социалистской системы эти группировки играли роль резервуаров подготовительных курсов, откуда фюреры черпали для установления своего господства исполнителей, прекрасно подготовленных для выполнения преступных задач, которые им были доверены.

А тот факт, что Гитлер часто жаловал своих сообщников званием почетных членов одной из своих организаций, не является ли это также доказательством того, какое значение он придавал принадлежности к какой-либо из этих группировок, как выражение преданности режиму?

Таким образом, можно прийти к заключению, что вне зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать первый аргумент защиты, он не может быть принят.

Защита заявляет в качестве второго аргумента, что организации были независимы и деятельность каждой из них была не известна другим организациям. Одни находились в зависимости от государства, другие — от партии, а государство и партия осуществляют свою деятельность в различных областях. Даже в самих организациях существовали непроницаемые перегородки между различными отделами, из которых состояли эти организации, эти отделы действовали совершенно самостоятельно. Риска принести в жертву те отделы, которые более всех остальных себя скомпрометировали, защитники пытаются изо всех сил снять ответственность с возможно большего числа групп, которые якобы действовали обособленно.

Но в связи с тем, что нам известно об общей организации учреждений империи, этот аргумент противоречит фактам.

(Определяя личную ответственность подсудимых, господин Дюбост¹ показал, что не может даже быть подвергнут сомнению вопрос о том, что различные фашистские учреждения и организации взаимно были связаны друг с другом.)

...Гитлер был одновременно главой государства, армии и партии. Гиммлер, глава эсэсовцев, которые зависели от партии, был одновременно главой полиции, подчинявшейся государству.

Гаулейтеры, партийные чиновники являлись в большинстве случаев представителями государства, будучи правителями империи или высшими руководителями Пруссии.

Начальник партийной канцелярии принимал участие в разработке важных законов и в назначении на посты высших чиновников государства.

Закон от 7 апреля 1933 г. позволил произвести чистку среди государственных чиновников, которые были заподозрены в недостаточной преданности партии. Нам известно, сколь зверской была такая же чистка, проводившаяся в верховном командовании.

Итак, фактически и на бумаге существовала неразрывная связь между государством, партией и армией, и их общая деятельность не позволяет определить, какая доля ответственности ложится на каждый институт.

Нужно ли еще приводить подобные примеры? Их было приведено множество, и мы не хотим злоупотреблять вниманием Трибунала.

Вполне достаточно будет напомнить о тесной совместной работе гестапо, СД, СС и армии, касающейся распоряжений общего порядка, а также проведения операций против участников движения сопротивления, карательных действий, направленных против гражданского населения и истребления евреев.

Блестящей иллюстрацией этому может служить неоднократно цитируемая здесь инструкция Гитлера от 30 июля 1944 г.:

«Все акты насилия, совершенные лицами гражданского населения негерманской национальности на оккупированной территории, направленные против вооруженных сил, СС, полиции и других учреждений, в которых эти германские чиновники служат, надлежит рассматривать как акты террора или саботажа и пресекать следующим образом:

а) войска и каждый представитель вооруженных сил, СС и полиции должны немедленно уничтожать террористов и саботажников, захваченных на месте преступления:

б) каждый схваченный позже должен быть доставлен в ближайшее место" управления полиции безопасности и СС».

Разве, трижды упоминая одновременно в одном и том же контексте вооруженные силы, СС и полицию, Гитлер не подчеркивает тем самым тесное сотрудничество этих организаций?

Следует ли упоминать лишний раз многочисленные инструкции Кейтеля, приказ фельдмаршала Кессельринга от 14 января 1944 г. и дневник генерала фон Бродовского, которые предоставляют 'армию в распоряжение

¹ Дюбост — заместитель Главного обвинителя от Франции. — Составители.

полиции или полицию в распоряжение армии для зверской расправы - карательных действий в ответ на акты сопротивления?

Следует ли напоминать приказы Кейтеля, предписывавшие генералам, командовавшим во Франции, Голландии и Бельгии, чтобы армия оказывала поддержку в разграблении художественных ценностей, которое было организовано и проводилось под руководством Розенберга?

Разве свидетель Гофман, вызванный защитой по делу гестапо, не показал на заседании Трибунала 1 августа, что приказ «Ночь и туман» был создан в результате совместной работы главного командования и министерства юстиции?

Поэтому защита тщетно пытается преуменьшить ответственность, распределив ее между государственными и партийными органами, рассматривая их как якобы независимые организации.

Защита не достигла успеха и тогда, когда она пыталась установить внутри организации непроницаемые перегородки, разделяющие различные отделы, которые, будучи взяты вместе, составляют организацию.

Кого может защита заставить поверить в то, что, например, административным управлениям СД и гестапо были не известны масштабы угона мирного населения, в то время когда им приходилось разрешать сложные вопросы, связанные с транспортировкой угоняемых; технические службы не могли не знать об истреблении с помощью химических средств, так как в их обязанность входил ремонт газовых автомобилей.

В действительности все учреждения гестапо, СД, СС и верховного командования, действуя в полной согласованности, совершили преступления, и это справедливо также и в отношении имперского кабинета, и в отношении политического руководства национал-социалистской партии, что было показано моими глубокоуважаемыми коллегами. Разве тот, кто организовал эти преступления, ответствен в меньшей степени, чем исполнители, разве в меньшей степени виновен мозг, задумавший преступление, чем рука, его совершившая?

Следовательно, мы полагаем, что мы вскрыли одинаковую виновность всех организаций, признания которых преступными мы требуем.

Значит ли это, что мы стремимся услышать от соответствующих трибуналов самые суровые приговоры в отношении всех членов этих организаций?

Конечно, нет. Требуя от вас совершения правосудия — морального осуждения организаций, без которых национал-социализму не удалось бы совершить преступления, мы не просим от вас наказания людей без предварительного их заслушивания перед судом, — напротив, они смогут представить суду аргументы в свою защиту.

Если к тому же Устав Трибунала и предписывает во всех случаях, когда Трибунал признает преступный характер группы или организации «преступный характер ...считается доказанным и не может подвергаться оспариванию», то нигде в Уставе не сказано, что перед соответствующими судами должны предстать все члены этих групп или организаций, и мы считаем, что суду должны быть преданы лишь те из их числа, которые, зная о преступной деятельности группы или организации, добровольно в нее вступили, а следовательно, принимали личное участие в преступлениях, совершенных этими группами или организациями.

Кроме того, мы считаем, что в интересах высшего правосудия и в на-

дежде на установление мира во всем мире наказание должно соответствовать тяжести вскрытых преступлений, и если самое суровое наказание со всей справедливостью будет вынесено за преступления, в совершении которых какой-либо член организации будет признан лично виновным, то только лишь принадлежность, даже на добровольных началах, в какой-либо из указанных групп должна караться лишением свободы, либо полным или частичным лишением гражданских и политических прав.

И если Трибунал с этим согласен, то ни один пункт Устава не воспрепятствует ему провозгласить приговор в надлежащей форме.

Итак, ваш приговор не будет финалом суда «победителя над побежденными», как этого опасался доктор Штейнбауэр в своей защитительной речи по делу Зейсс-Инкварта. Этот приговор будет торжественным и ясным выражением вечной справедливости...

Объявление преступными организаций позволит соответствующим компетентным властям покарать виновных, и только виновных, и торжественно напомнить миру, что законы морали существовали еще до утверждения произвола отдельными людьми или правительствами, что эти законы применимы как в отношении государственных деятелей, так и в отношении частных лиц, как в отношении народов, так и в отношении индивидуумов, и что нарушение этих законов является преступлением, — ваш приговор окажет мощную поддержку великому делу утверждения всеобщего мира, делу, которому посвятили себя как в Организации Объединенных Наций, так и на Мирной конференции, как в Нью-Йорке, так и в Париже, представители свободолюбивых народов, «уповающие на простых и честных людей».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[Произнесена 30 августа 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Мы подошли к заключительной стадии процесса, проведенного с исключительной тщательностью в большом искусством. По индивидуальным делам главных военных преступников, посаженных на скамью подсудимых, обвинением уже представлены исчерпывающие доказательства. Мы полностью поддерживаем также обвинение против организаций — правительства фашистской Германии, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил, руководящего состава германской национал-социалистской партии, государственной тайной полиции (гестапо), охранных отрядов германской национал-социалистской партии (СС), службы безопасности (СД) и штурмовых отрядов (СА).

Как установлено судебным следствием, во главе гитлеровской Германии находилась банда заговорщиков, захватившая в свои руки государственную власть и управление всей Германией.

Такого рода группа заговорщиков, действовавшая в государстве с многомиллионным населением, в центре огромного государственного аппарата, не могла существовать без целой системы вспомогательных преступных организаций, связывавших заговорщиков с периферией, — фюреров большой дороги — с фюрерами улиц и переулков. Поэтому в гитлеровской Германии действовала под постоянным и непосредственным руководством заговорщиков сеть наделенных большой властью организаций — руководящий состав немецко-фашистской партии, гестапо, СС, СД и другие.

Закон 1933 года, которым аппарат фашистской партии, был слит с государственным аппаратом гитлеровской Германии, явился открытым законодательным признанием этого факта.

Для укрепления связи между правящей бандой и организациями каждый из заговорщиков выступал в нескольких ролях, был многоликим:

Геринг — министр, командующий военно-воздушными силами, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхслейтер, высший руководитель СА и СС; Гесс — министр, заместитель Гитлера по партии, генерал войск СС и СА; Розенберг — имперский руководитель национал-социалистской партии по вопросам идеологии и внешней политики, министр и обергруппенфюрер СА и СС и т. д. Как неотделим Геринг-министр от Геринга-обергруппенфюрера СС, так неотделимы СС, гестапо и другие преступные

организации от гитлеровского режима. Можно мыслить гитлеровский режим без библиотек, без школ, даже без больниц, но гитлеровский режим без СС и гестапо существовать не мог.

Отражая эту политическую действительность, Устав Международного Военного Трибунала предусматривает две формы соучастия в преступных гитлеровских сообществах: ст. 6 Устава говорит об участии в преступном заговоре, а ст. ст. 9—10—об участии в преступных организациях. Обе эти формы органически и неразрывно между собой связаны, ибо они в уголовно-правовых терминах отражают то соотношение и ту связь, которые в жизни существовали между заговором и организациями в гитлеровской Германии.

Тесно связав указанные две формы соучастия гитлеровцев в международных преступлениях — участие в заговоре и участие в организации,— Устав Международного Военного Трибунала с полным основанием установил для той и другой формы соучастия различные уголовно-правовые последствия.

Участие в заговоре, который по самой природе своей не может включать очень значительное количество лиц, предусмотрено Уставом в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния.

Напротив, вопрос об ответственности за участие в преступных организациях, включавших в свой состав сотни тысяч членов, Уставом Трибунала решается в ином направлении. Всецело построенный на принципах права и справедливости, Устав Трибунала определение индивидуальной ответственности членов организации, связанное с выяснением виновности множества отдельных лиц, предоставляет компетенции национальных трибуналов.

Согласно ст. 10 Устава, «если Трибунал признает ту или иную организацию преступной, то национальные суды вправе привлекать отдельных лиц за принадлежность к преступной организации». Трибунал, следовательно, вправе признать организацию преступной для того, чтобы тем самым облегчить возможность и обеспечить право национальных судов привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким признанным преступными организациям.

В соответствии с указаниями ст. 10 Устава трибуналы в СССР, США, Англии, Франции и 18 государствах, примкнувших к Лондонскому Соглашению, могут, конечно, осудить, но они вправе также прийти к выводу, что подсудимый вовсе не являлся членом организации или лишь формально к ней принадлежал, а на деле был от организации далек, и на этом основании вынести оправдательный приговор. Все эти и им родственные вопросы всецело были и остались в компетенции национальных судов. Эти суды ограничены лишь в одном, принципиально глубоко важном отношении: если Международный Трибунал признает организацию преступной, национальные трибуналы ни отрицать, ни даже оспаривать преступный характер такой организации не могут.

Указанное разграничение компетенции Международного Трибунала и национальных судов чрезвычайно существенно для понимания постановлений Устава Трибунала о преступных организациях.

Действительно, именно потому, что Трибуналу предстоит решить лишь общий вопрос о преступном характере организаций, а не отдельные вопросы об индивидуальной ответственности членов этих организаций, Устав и не указывает конкретных признаков понятия «организация» и не'

связывает в этом случае Трибунал никакими формальными требованиями. Отсутствие в Уставе детального определения преступной организации есть, следовательно, не пробел в Уставе, а его принципиальная позиция» вытекающая из отмеченного выше факта — оставления всей конкретики в ведении органов национальной юстиции. Поэтому попытки требовать для признания организации преступной наличия тех или иных конкретных признаков (добровольного членства, взаимной осведомленности и т. п.) не только не находят опоры в Уставе, но расходятся со всей его конструкцией. Основная единственная задача, стоящая перед Трибуналом, заключается не в подобных исследованиях, которыми занимаются и будут заниматься национальные суды, а в том, чтобы установить один решающий факт: соучаствовала ли организация своими преступными действиями в осуществлении плана гитлеровских заговорщиков.

Применительно именно к этой задаче Уставом построен и процессуальный порядок привлечения к ответственности организаций.

Действительно, Устав Трибунала предусматривает решение вопроса о преступных организациях при обязательном условии рассмотрения дела о конкретном представителе этой организации, сидящем на скамье подсудимых. Подсудимые на настоящем процессе являлись одновременно участниками заговора и руководящими членами организаций, в отношении которых Трибунал должен решить вопрос о признании их преступными. Следовательно, тот доказательственный материал, который уже прошел по индивидуальным делам подсудимых, является в то же время основным доказательственным материалом в отношении представляемых ими организаций. Те документы, которые были представлены обвинением, с полной ясностью доказали, как названные в обвинительном акте организации служили постоянным и непосредственным орудием осуществления преступных замыслов заговорщиков. Таким образом, в результате судебного следствия преступный характер этих организаций полностью и исчерпывающе доказан.

Устав Трибунала в стремлении обеспечить максимальную всесторонность расследования дел об организациях при помощи радио, прессы и специальных объявлений приглашал членов обвиняемых организаций представить Трибуналу свои объяснения. Трибуналу известно, какое количество лиц, содержащихся в концлагерях, пожелало использовать эту возможность. Образование вспомогательной комиссии обеспечило Трибуналу возможность выслушать возможно большее количество членов организаций, которых впоследствии должны будут выслушать и судить национальные суды. Но вот, в результате сложных подготовительных работ, отобранная защитой группа свидетелей предстала перед Трибуналом. Бессильная опровергнуть неотразимую доказательную силу представленных Обвинением документальных доказательств, защита решила противопоставить им своих свидетелей.

Господа судьи! Мы помним этих «свидетелей» и их показания. Если нужны еще свидетельства того, что ложь у гитлеровцев постоянная и неизменная спутница злодеяний, то лжесвидетельство Кауфмана, Зиверса, Манштейна, Рейнеке, Беста и других может служить тому убедительной иллюстрацией. Эти «свидетели» в своем усердии обелить преступные организации, руководящими членами которых они сами являлись, договорились до очевидного абсурда. Оказывается, и СС и гестапо — это общество избранных, клуб благородных, рыцарский орден. Недаром еще

раньше защитник зачислил Розенберга в рыцари. Там все блещут моральной чистотой и все исполнены любви к ближнему. Если послушать обвиняемых или их адвокатов, окажется, что обергруппенфюрер профессиональных палачей СС ездил спасать евреев от погромщиков и убийц, а генерал Браухич был ярым пацифистом.

Поучительно при этом, что, по показаниям свидетелей, чисты и непорочны все без исключения организации, которые Обвинительный акт признает преступными. Однако кто же тогда совершил убийство 12 миллионов мирных граждан? Кто истязал военнопленных и вывез с оккупированных территорий миллионы людей для рабского труда в Германию? Ответчиков, оказывается, нет!

Ложь, циничная и кощунственная, ложь людей, совесть которых не остановилась перед убийствами, а честь — перед лжеприсягой, не заслуживает опровержения.

В порядке рассмотрения дела о преступных организациях Обвинением были дополнительно представлены разительные документы, свидетельствующие о новых злодеяниях гитлеровских преступных организаций.

Факты, непреложные факты установлены. Непреклонная воля закона ясна. Настало время для выводов.

На съезде гитлеровской партии в 1934 году Гитлер заявил:

«Не государство нас создало, а мы создаем государство. Возможно, что некоторые нас считают партией, другие — организацией, прочие еще чем-то иным, а в действительности мы являемся теми, кто мы есть».

Настоящий процесс дает исчерпывающий и точный ответ на вопрос — кто были гитлеровцы, фюрер, во главе преступной банды заговорщиков, выступавших в разных ролях и наименованиях (министры, гаулейтеры, обергруппенфюреры и т. д.), окруженной сетью созданных ими преступных организаций, захвативших в свои тиски миллионы германских граждан, — такова была схематически изображенная политическая структура гитлеровской Германии.

Признание названных в Обвинительном акте организаций преступными, как и признание наличия заговора, является поэтому необходимым условием торжества правосудия, торжества, которого жаждут все свобододолюбивые народы.

По поводу отдельных организаций, которые Обвинение считает необходимым признать преступными, я в дополнение к убедительным доводам, высказанным моими уважаемыми коллегами, нахожу нужным сказать следующее:

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ПАРТИИ

В разделе 1 § 4-а «А» Обвинительного акта, озаглавленном «Нацистская партия, как центр общего плана или заговора», указывается:

«В 1921 г. Адольф Гитлер стал главным руководителем или «фюрером» германской национал-социалистской партии, известной как нацистская партия, организованной в 1920 г. Нацистская партия вместе со своими вспомогательными организациями стала средством сплочения между обвиняемыми и их соучастниками и инструментом для выполнения целей задач их заговора».

Судебное разбирательство полностью подтвердило этот вывод.

Многочисленные преступления гитлеровской клики вдохновлялись и направлялись гитлеровской партией — движущей силой фашистского заговора против мира и безопасности народов демократических стран.

Многие подсудимые и так называемые свидетели защиты говорили, что они являлись националистами, оберегавшими Германию от покушения со стороны других государств. Это — очевидная ложь. Только обманщики могут утверждать, что Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Югославия, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются империалистами, для которых основной и решающей целью является захват чужих земель с тем, чтобы обеспечить экспансию воинствующего немецкого капитализма. Они бесстыдно называли себя социалистами. Только обнаглевшие демагоги могут утверждать, что немецкие фашисты, ликвидировавшие все демократические свободы народа и заменившие их концлагерями, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и оккупированных ими странах, — являются защитниками интересов рабочих и крестьян.

И если эти империалисты и реакционеры рядились в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делали исключительно для того, чтобы обмануть народ.

Сама программа гитлеровской партии содержала основы плана господства, захвата чужих территорий и основу человеконенавистничества.

В одном из ежегодников немецко-фашистской партии, издававшихся под редакцией Лея, говорилось:

«Программа — это политическая основа немецко-фашистской партии и, следовательно, основной политической закон государства. Все правовые принципы должны применяться в духе партийной программы. После взятия власти фюреру удалось претворить в жизнь основные части партийной* программы от основных принципов до деталей».

Гитлеровская партия неотделима от гитлеровского правительства, от СС, гестапо и других преступных организаций гитлеровского режима, как неотделимы сидящие на скамье подсудимых гитлеровские вожаки от палачей Освенцима и Майданека, Бабьего Яра и Трешлипки.

«То, чего я достиг, — говорил Гитлер, — знает партия, благодаря которой я стал великим и которую в свою очередь я возвеличил».

Напоминаю, что несколько позднее, 1 декабря 1933 г., был издан закон «Об обеспечении единства партии и государства», в котором указы валось: «После победы национал-социалистской революции, НСДАП является носительницей немецкой государственности и неразрывно связана с государством».

Для обеспечения теснейшего сотрудничества партийных организаций с государственными учреждениями заместитель фюрера назначается членом имперского правительства».

§ 3-й этого закона провозгласил членов фашистской партии и штурмовых отрядов (включая подчиненные им организации) «руководителями и движущей силой национал-социалистского государства».

Закон от 1 декабря 1933 г. был основной мерой, которая обеспечили руководящему составу преступной гитлеровской партии полную политическую власть в Германии, так как этот закон устанавливал, что гитлеровская партия является «олицетворением государства».

Чтобы склонить на сторону фашистского режима массы населения, гитлеровцы, наряду со спекуляцией на национальных чувствах и неслыханной социальной демагогией, пустили в ход самый беззастенчивый социальный подкуп. Были созданы крупные организации: союз гитлеровской молодежи, «рабочий фронт», штурмовики, эсэсовцы и т. д. Многочисленных членов этих организаций они связали с фашистским режимом не только всевозможными привилегиями и материальными выгодами, но круговой порукой совместно совершенных преступлений. А против элементов, недовольных режимом, действовала тираническая машина террора с ее разветвленной сетью сыска, провокации, предательства, концлагерей, скорострельной юстиции.

Система сочетания руководящих должностей в гитлеровской партии с руководящими должностями в террористических организациях — СС, СД, гестапо — и правительстве способствовала осуществлению планов фашистских заговорщиков, облегчала осуществление планов подчинения и контроля над германским народом и государством.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — одновременно являлся рейхсleiterом немецко-фашистской партии.

Рейхсleiter Розенберг — был генералом СС и СА. Министр иностранных дел Риббентроп — был генералом СС, а заместитель фюрера Гесс — был одновременно имперским министром.

Представитель тайного совета Нейрат был генералом СС, а один из руководителей гестапо — Бест был крейсleiterом гитлеровской партии и т. д.

Добившись при помощи своей партии полного контроля над Германией, гитлеровские заговорщики приступили к реализации своих агрессивных планов. В речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г. Гитлер заявил:

«Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в полном внешнем и внутреннем господстве национал-социалистской партии над Германией и всеми институтами и организациями Германии... Все институты находятся под контролем верховного политического руководства».

Я уже указывал в заключительной¹ речи, что немецко-фашистская партия под руководством Бормана превратилась в руководящую полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимодействии с германской тайной полицией и СС, что весь партийный аппарат немецко-фашистской партии был привлечен к реализации преступных агрессивных планов руководителей гитлеровской Германии, что партийный аппарат немецко-фашистской партии принимал активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных и угнанного в рабство населения оккупированных немцами территорий.

Когда на процессе говорилось о геббельсовской лжи, гиммлеровском терроре и риббентроповском коварстве, это целиком относилось к гитлеровской партии. Когда обвинение представляло доказательства преступной деятельности Геринга и Гесса, Розенберга и Штрейхера, Шираха и Франка, Шпеера и Заукеля, это были одновременно доказательства обвинения против немецко-фашистской партии, главарями которой были подсудимые. Эти доказательства вполне достаточны, чтобы признать всю

¹ См. стр. 632.

гитлеровскую партию преступной организацией, как это понимает ст. 9 Устава Международного Военного Трибунала. Однако обвинение не ставит вопрос об ответственности рядовых членов партии, многие из которых стали жертвой своей доверчивости.

Мы ставим вопрос в полном соответствии с обвинительным заключением о признании преступной организацией только в отношении руководящего состава гитлеровской партии, который являлся мозгом, хребтом и движущей силой этой партии, без которых гитлеровские заговорщики не смогли бы реализовать свои преступные планы.

Руководящий состав был особой избранной группой внутри самой гитлеровской партии и, как таковой, наделен специальными прерогативами. Политические руководители были организованы в соответствии с принципами фюрерства, которые применялись не только к Гитлеру, но и ко всему руководящему составу.

«Основа партийной организации — это принцип фюрерства», указывалось в организационном уставе немецко-фашистской партии.

Каждый политический руководитель принимал присягу. В соответствии с партийным уставом текст присяги был следующий: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям».

Все политические руководители назначались в порядке специального подбора. Разница была только в том, что одни — рейхслейтеры, гаулейтеры и крейслейтеры — назначались лично Гитлером, другие — руководители управлений и отделов — гау- и крейс-, а также ортсгруппенлейтеры — гаулейтером, а такие политические руководители, как иеленлейтеры, назначались крейслейтером.

Перед вами, господа Судьи, прошли многие из этих рейхслейтеров и гаулейтеров.

На скамье подсудимых сидят рейхслейтеры Розенберг, Ширах, Фрик. Вместе с отсутствующими рейхслейтерами Борманом, Гиммлером, Леем, Геббельсом они составляли руководящую верхушку гитлеровской партии и правительства, и они же были руководителями фашистского заговора.

Вот сидит гаулейтер Франконии — Штрейхер. Работорговец Заукель — гаулейтер Тюрингии. Вы слышали о палаческой деятельности на Украине Эриха Коха. Эрих Кох был тоже гаулейтером. Гаулейтер Нижней Штирии Юберрейтер руководил массовыми расстрелами и казнями в Югославии. Я напому несколько кратких записей о его деятельности.

«20 июня 1942 г. В районе Цилли за отчетный период было произведено 105 расстрелов и 362 ареста... Начальник полиции безопасности в течение ближайших двух недель очистит тюрьму. Часть заключенных будет переведена в другие тюрьмы, часть будет расстреляна. Таким образом, мы подготовим помещение для ближайшей кампании широких масштабов».

«30 июня 1942 г. В Цилли расстреляно 67 человек. Среди них шесть женщин» и т. д.

Гаулейтер Вагнер свирепствовал в Эльзасе, гаулейтер Тербовен — в Норвегии. Руководитель заграничной организации немецко-фашистской партии гаулейтер Боле насаждал и руководил широко разветвленной шпионско-диверсионно-террористической сетью за границей, создавал так называемые «пятые колонны» в различных странах.

Декретом от 1 сентября 1939 г. шестнадцать гаулейтеров были на-

значены в качестве имперских уполномоченных по обороне. Позднее, в связи с необходимостью дальнейшей мобилизации военных резервов, гаулейтеры выполняют все более и более важные функции. Каждая гау (область) становится областью обороны империи, и каждый гаулейтер становится комиссаром этой области. Декретом совета министров обороны империи от 16 ноября 1942 г. было установлено, что «в течение войны на гаулейтеров возлагаются особые функции». Во время войны гаулейтерам поручались важные военные задания, все отрасли германской военной экономики координировались ими.

В конце войны гаулейтеры были командующими фольксштурмом в соответствующих районах.

Вспомним, что когда Шпеер был назначен в марте 1945 года уполномоченным Гитлера по тотальному разрушению промышленных объектов, мостов, железных дорог и средств связи, — он свою телеграмму направил гаулейтерам, ибо на местах они руководили разрушением важных объектов.

И после всего этого защита пытается представить гитлеровскую партию в виде какого-то благотворительного общества, а ее вожаков — в роли дам-патронесс, пытается запутать ясный вопрос ворохом письменных показаний, собранных в различных тюрьмах и лагерях, где содержатся арестованные фашисты. Защитник Серватиус понимает, что доказательная ценность этого вороха письменных показаний весьма сомнительна.

И он мобилизует последний аргумент, заявляя: «Защитник не имел возможности посетить лагеря в Австрии, с советской зоны не поступают ходатайства». Но разве после этого показания свидетелей защиты стали более убедительны? Разве меняет положение то обстоятельство, что Серватиус не побывал в Австрии? Серватиусу была предоставлена неограниченная возможность посещения лагерей в советской зоне оккупации. Он побывал в некоторых лагерях, он знал, что о праве членов организации подавать заявления в Трибунал, о праве высказываться перед Трибуналом публиковалось неоднократно в газетах, издающихся в советской зоне, и об этом передавалось по радио. *

Серватиус все это знал и тем не менее пытался ввести в заблуждение Трибунал. Пытался он это сделать и в других случаях. Когда Серватиус ссылается на распоряжение Гесса от 27 июля 1935 г. в подтверждение того, что корпус политических руководителей не существовал и что якобы само название «политический руководитель» не было официальным, — он умалчивает, что в этом самом распоряжении Гесса указывалось: «Термин «политические руководители», само собой разумеется, остается в употреблении».

Серватиус искусственно увеличивает численность руководящего состава немецко-фашистской партии до двух миллионов ста тысяч человек, чтобы демагогически приписать Обвинению стремление наказать миллионы немцев. В то же время он совершенно бездоказательно утверждает, что из работников аппарата гаулейтеров 140000 было лишь «почетными работниками», с тем, чтобы укрыть от законной ответственности видных фашистских вожаков.

Матерый фашист Кауфман, вызванный защитой к свидетельскому пульту, член немецко-фашистской партии с 1921 года и гаулейтер с 20-летним стажем — оказывается, ничего не знал о преступлениях гитлеровских

заговорщиков, он вообще был «социалистом» и только заботился о благосостоянии населения,

i

Другой свидетель защиты — Ганс Вегшейдер, бывший на протяжении 12 лет ортгруппенлейтером, в своих показаниях пошел еще дальше. Оказывается, что в течение 12 лет у него даже не было времени прочесть «Майн кампф».

Третий свидетель — Мейер-Вендеборн, крейслейтер с 1934 года, в стремлении выгородить своих сообщников превзошел даже Кауфмана. Если последний на поставленный ему вопрос: «Относились ли блоклейтеры и целленлейтеры к политическим руководителям?» — ответил утвердительно, то Мейер-Вендеборн на этот же вопрос ответил: «Нет».

Можно было бы и на других примерах показать несостоятельность позиции защиты, но я считаю, что нет нужды полемизировать с защитой, прибегающей к свидетелям, подобным Кауфману, Вендеборну и им подобным.

Среди политических руководителей гитлеровской Германии (этот термин, как видно из документа защиты № 12, был узаконен распоряжением Гесса от 27 июля 1935 г.) в рамках партийной иерархии немецко-фашистской партии имела отдельная группа так называемых «хохайтстрегеров» — носителей власти, которая занимала особое положение.

Особый характер политических руководителей, являющихся «хохайтстрегерами», указан в «организационной книге (уставе) немецко-фашистской партии» и специальном журнале под названием «Дер хохайтстрегер», являвшимся секретным для всех, кроме определенного круга руководящего состава немецко-фашистской партии, СС и СА.

Содержание журнала «Дер хохайтстрегер» показывает, что руководящий состав гитлеровской партии уделял постоянное внимание мерам и доктринам, которые проводились в жизнь в ходе осуществления фашистского заговора. В 1937—1938 гг. журнал помещал клеветнические анти-семитские статьи, в том числе неизвестного Лея, напавшего на церковь, обосновывавшего необходимость расширения жизненного пространства и захвата колоний, печатал статьи о моторизации армии, об использовании гитлеровских ячеек и блоков для достижения благоприятных для гитлеровцев результатов голосования при проведении плебисцита, пропагандировал культ фюрерства, расовую теорию и т. п.

Об этом писалось из номера в номер. И после этого защита пытается утверждать, что руководящий состав гитлеровской партии не был осведомлен о планах гитлеровских заговорщиков!

Нацисты всячески пытаются сейчас открещиваться от компрометирующих связей с гестапо и СД, но ведь эта связь неоспорима.

Еще 26 июня 1935 г. Борман издал распоряжение, в котором указывалось:

«Для того, чтобы осуществить более тесный контакт между органами партии и ее организациями и руководителями государственной тайной полиции (гестапо), заместитель фюрера просит, чтобы руководители гестапо приглашались на все крупные митинги партии и ее организаций».

В другом распоряжении от 14 февраля 1935 г. за подписью того же Бормана указывалось:

«Поскольку успех работы партии в основном зависит от работы СД, недопустимо, чтобы размах ее зависел от нападков, вызванных провалом отдельных лиц. Наоборот, ей нужно от всего сердца помогать».

В распоряжении Трибунала имеются', многочисленные доказательства мягчайших преступлений, в которых принимал участие весь руководящий состав гитлеровской партии, начиная от рейхслейтеров и кончая блоклейтерами. Я напомню только о некоторых из них.

Осуществляя планы гитлеровских заговорщиков по порабощению народов Югославии, крейслейтер округа Петтау при помощи ортсгруппенлейтеров и блоклейтеров уничтожал все надписи, таблицы, плакаты и т. д., написанные на словенском языке. Этот фашистский правитель дошел до того, что поручил группенлейтерам «позаботиться о том, чтобы словенские надписи были срочно и без остатка удалены также и со всех икон, часовен и церквей».

В письме от 13 сентября 1944 г., адресованном всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам, Борман сообщал о соглашении с ОКБ (Верховное командование вооруженных сил) по поводу «сотрудничества партии при использовании рабочей силы военнопленных. Поэтому офицерам, принимающим участие в делах военнопленных, дано распоряжение сотрудничать в тесном контакте с хохайтстрегерами; комендантам лагерей военнопленных приказано немедленно командировать офицеров связи в распоряжение крейслейтеров».

Каковы были результаты этого сотрудничества и как использовались военнопленные в Германии, — известно.

Приказом Геринга от 27 марта 1942 г., в связи с назначением Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, предусматривалось, что Заукель пользуется правом отдавать распоряжения «...также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ней организациям».

И Заукель использовал это право. Как писал Заукель в своей «программе, изданной в день рождения фюрера», он с «согласия фюрера и господина рейхсмаршала, а также начальника партийной канцелярии» назначил всех гаулейтеров германской империи своими уполномоченными. Задачи гаулейтеров были сформулированы приказом Заукеля следующим образом:

«Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы».

25 сентября 1944 г. Гиммлер издал совершенно секретную директиву «об укреплении дисциплины труда и производительности иностранных рабочих». В этой директиве Гиммлер обязывал «...партийных руководителей предприятий особо тщательно наблюдать за настроениями иностранных рабочих. Для этой цели необходимо тесное сотрудничество партийных, государственных и хозяйственных инстанций с гестапо».

Далее в этой директиве указывалось, что все работающие на предприятиях члены, немецко-фашистской партии по указанию крейслейтера и через ортсгруппенлейтера обязываются «самым решительным образом следить за иностранными рабочими и о своих наблюдениях неукоснительно сообщать партийным руководителям предприятий для дальнейшей передачи этих наблюдений уполномоченным абвера (разведки)». Там, где не было постоянного уполномоченного абвера, сведения передавались ортсгруппенлейтеру.

Директива Гиммлера предусматривала, что «в интересах единого политического цуководства уполномоченные контрразведки должны

работать в сотрудничестве с руководителями гестапо, которые, по мере надобности, собираются крейслейтерами».

Вот в чем заключалось «политическое руководство» крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров. Эти шпионские функции выполняли и блоклейтеры, об этом прямо говорится в «Организационной книге германской фашистской партии».

«Блоклейтер должен выявлять всех тех, кто распускает вредные слухи, и докладывать ортсгруппенлейтеру, чтобы он соответствующим образом сообщил государственным властям».

Блоклейтер был проводником национал-социалистского мировоззрения среди политически доверенного ему населения и членов фашистской партии, он вербовал членов в Гитлерюгенд, СА, СС и ДАФ (Дейче Арбейтерфронт), он обеспечивал посещение национал-социалистских выступлений, участие в демонстрациях и т. д.

«Блоклейтер ведет непрерывную национал-социалистскую пропаганду».

Каков был характер гитлеровской пропаганды, хорошо всем известно,

«Мы снова хотим оружия..., — писал Гитлер. — Поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кляо, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений, должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

Не всякий немец знал эти слова Гитлера, но каждый немец знал блоклейтера своего района, и этот блоклейтер непрерывно распространял фашистскую заразу, отравлял сознание людей, способствуя выполнению общих планов гитлеровских заговорщиков.

Блоклейтеры были маленькими фюрерами, но и они пользовались весьма реальной властью над гражданами, проживавшими в их районе,

Конечно, блоклейтеры не разрабатывали планов агрессивных войн, но они сделали очень многое, чтобы эти планы стали реальностью.

Они были также очень важной частью гитлеровской партии, являвшейся центром фашистского заговора.

Вот почему мы настаиваем на признании преступной организацией группы руководителей гитлеровской партии, всех больших и малых фюреров, рейхслейтеров и гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров — всего руководящего состава чудовищного механизма фашистской диктатуры.

ОХРАННЫЕ ОТРЯДЫ — СС

В ряду других преступных организаций, созданных германским фашизмом, так называемым «охранным отрядам» гитлеровской партии, сокращенно СС, должно быть отведено особое место.

С названием СС связаны наиболее тяжкие преступления германского фашизма, массовые убийства в концлагерях, беспощадные расправы с мирным населением и военнопленными, изуверские массовые «акции».

В основном именно эсэсовцы должны были практически осуществить планы Гитлера и его клики об уничтожении народов.

Гиммлер, являвшийся рейхсфюрером СС, часто называл эсэсовцев «черным корпусом». Точно так же официальная газета эсэсовцев, «орган рейхсфюрера СС», называлась «Дас Шварце Кор» («Черный корпус»).

Это был, неслучайный термин. Вся система СС, начиная от так называемых «альгемейне СС» («общих СС») и кончая лагерной охраной и войсками СС, была построена действительно как особый «корпус» уверенных в безнаказанности преступников, специально обученных и воспитанных в духе наиболее жестоких и бесчеловечных гитлеровских «теорий». Главным фашистским заговорщикам нужны были массовые кадры для совершения убийств миллионов людей поработанных народов, для захвата территорий и практического осуществления так называемой «германизации». Эти задачи и выполняли члены СС.

Организация СС возникла и стала известна как преторианская гвардия Гитлера, как организация погромщиков и убийц. Она осталась такой же на всем протяжении своего существования.

В числе других доказательств Советским обвинением был предъявлен номер газеты «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 г. с-опубликованной в нем редакционной статьей, озаглавленной «Германизовать ли?». Содержащиеся в этой статье программные установки Гимmlера настолько важны для уяснения существа СС, что я позволю себе вновь привести небольшое извлечение из этой статьи:

«...рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

«Нашей задачей является не германизовать Восток в старом смысле этого слова, т. е. привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови».

Эта статья была опубликована для сведения всех эсэсовцев в тот период, когда преступный германский фашизм был еще уверен в победе и уже приступил практически к истреблению миллионов людей.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани создатель СС Гимmlер, говоря об уничтожении евреев Европы, заявил:

«Между нами мы будем говорить об этом с полной откровенностью, но публично об этом не будем упоминать. Точно так же, как это было 30 июня 1934 года, когда мы выполняли приказ и ставили к стенке и расстреливали провинившихся товарищей и об этом никогда не говорили и не будем говорить... Я подразумеваю теперь «эвакуацию» евреев, истребление еврейского народа. Это относится к делам, о которых легко говорится... «Еврейский народ будет искоренен», говорит каждый член партии, «вполне ясно стоит в нашей программе истребление евреев, искоренение»... мы делаем это... Большинство из вас знает, что такое 100 трупов, 500 лежащих трупов или 1000 лежащих трупов... В общем мы можем сказать, что мы с любовью к нашему народу выполняли самые тяжелые задачи. И мы не повредили ни своей душе, ни своему характеру».

Я не буду останавливаться на истории СС. В связи со сказанным выше можно лишь упомянуть о том, что возникшие еще в 1925 году охранные отряды 20 июля 1934 г. специальным приказом Гитлера были возведены в ранг самостоятельной организации гитлеровской партии именно после совершенных эсэсовцами 30 июня 1934 т. политических убийств.

В приказе Гитлера сказано:

«Ввиду доблестной службы СС, 'особенно в связи с событиями от 30 июня 1934 года, возвожу СС на положение независимой организации внутри нацистской партии».

История развития СС в системе гитлеровского государства свидетель-

ствует о все большем и большем сращивании СС, как так называемых «общих СС», так и «войск СС», с полицейским аппаратом — гестапо, СД, эйнзатцгруппами и зондеркомандами, осуществлявшими массовые «акции», «фильтрации» в лагерях и т. д.

Этот процесс получил завершение в секретном приказе Гитлера 17 августа 1938 г., когда, объясняя причины, по которым 17 июня 1936 г. он объединил должности начальника германской полиции и рейхсфюрера СС, — Гитлер указал:

«Посредством назначения рейхсфюрера СС и начальника германской полиции при министерстве внутренних дел 17 июня 1936 года («Рейхсгезетцблатт», ч. 1, стр. 487) я создал основу для объединения и реорганизации германской полиции.

Посредством этого мероприятия штурц&штаффелен (т. е. охранные отряды) национал-социалистов, которые находились под руководством рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, вступили в тесную связь с германской полицией».

Только в этой теснейшей органической связи с наиболее жестокими, специально предназначенными для истязания и истребления людей, полицейскими органами, созданными германским фашизмом, может быть правильно понята роль СС.

Это обстоятельство безуспешно пыталась опровергнуть защита. Организацию СС она стремилась представить перед судом состоявшей из ряда совершенно независимых, отделенных друг от друга непроницаемыми перегородками клеток,—«альгемейне СС» («общих СС»), «ваффен-СС» («войск СС»), «ферфюнггруппен СС» («особых отрядов СС»), дивизии «Тотен копф» («Мертвая голова»).

Оказывается, что ни одно из этих соединений и отделов СС, кроме малой части «Тотен копф», никакого отношения не имеет к полиции и концлагерям, так же как к проводимым Гитлером—Гиммлером—Гейдрихом—Кальтенбруннером полицейским «акциям» и другим тягчайшим преступлениям гитлеровцев. В итоге, по мнению защиты, единственными соучастниками в преступлениях этих палачей являлись гестаповцы Мюллер и Эйхман и начальник управления «Д» в СС — Поль.

Получается, что именно эти семь человек убили и замучили более десяти миллионов людей.

В ряду уже известных Трибуналу лжесвидетелей такие свидетели защиты СС, как бывший высший фюрер СС и полиции оберабшнитта : Мюнхен, обергруппенфюрер СС барон фон Эберштейн, генерал-полковник войск СС Хауссер, начальник отдела укомплектований войск СС Бриль или эсэсовские судьи Рейнике и Мор, по праву должны занять одно *т* первых, если не первое место по беззастенчивости той лжи, к которой они прибегали для того, чтобы попытаться выгородить СС и эсэсовцев.

Однако даже ложь имеет свои пределы.

Доведенная до предельных степеней, она не только не могла помочь преступникам, но изобличала их с головой.

И мне кажется, что Суд по достоинству должен был оценить показания судьи эсэсовского резерва Мора, описывающего один из наиболее; жестоких концлагерей эсэсовцев — Бухенвальд, как почти санаторий': для заключенных с хорошим питанием, спортивными площадками, легкой работой на свежем воздухе и большой библиотекой.

Неумной лжи «свидетелей» защитников СС противостоят полностью

изобличающие преступную организацию документы. Этой лжи противостоит также неопровержимая логика фактов, — фактов тягчайших преступлений, организаторами и исполнителями которых являлись члены всех звеньев и организаций СС.

Ко времени начала войны организация СС состояла из следующих важнейших звеньев:

1. Так называемых «общих СС» (альгемейне СС»), в которых эсэсовец проходил общую подготовку, прежде чем быть направленным в «войска СС» или в ту или иную полицейскую организацию. «Общие СС» были резервуаром, из которого черпали пополнение специальные организации германского фашизма—тайная государственная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), управление концлагерей («группа Д») и Другие.

2. Войск СС — которые являлись в действительности отнюдь не теми далекими от каких-либо полицейских действий «гвардейскими частями» бывшей немецкой армии, какими столь усиленно стремились их представить защита и подсудимые. К войскам СС относились в числе других частей те учреждения, по поводу преступного характера которых не посмели возражать даже защитники СС — «лагерные комендатуры войск СС», осуществлявшие массовое уничтожение мирных людей и военнопленных в концлагерях. Именно «ваффен-СС», к которым относились также полицейские полки СС, были в основном теми частями, которые осуществляли уничтожение населенных пунктов и деревень, совершили неисчислимы преступления на территории временно оккупированных районов Советского Союза и стран Восточной Европы.

3. В систему СС были включены хозяйственное управление СС, ведающее концлагерями, управление по укреплению немецкой народности, практически осуществлявшие гнусные теории «расизма», и все полицейские организации гитлеровцев, в том числе такие, как эйнзатцгруппы и зондеркоманды.

Вряд ли стоит полемизировать с утверждениями защиты по поводу того, что якобы связь СС и полиции была «чисто внешней» и объяснялась «личной унией» Гимmlера.

Известно, какое внимание уделял Гимmlер тому, чтобы все чиновники полиции являлись членами тех самых «общих СС», которые являлись резервуаром и цементирующим ядром всей эсэсовско-полицейской системы германского фашизма. В числе других доказательств Суду уже представлено письмо Гимmlера Кальтенбруннеру от 24 апреля 1934 г. «о порядке приема в члены СС чиновников Зипо» (полиции безопасности) в том случае, «если подающий заявление в СС подходит в расовом и идеологическом отношениях, если имеется гарантия в отношении числа его детей, здоровья всего рода и сам он не является больным, дегенератом».

Этому позорному «черному корпусу» германского фашизма была отведена исключительная роль в осуществлении преступных планов германского фашизма.

Выродкам в эсэсовской форме, потерявшим всякое представление о человеческой морали, не только гарантировалась безнаказанность за преступления, им повседневно внушалось, что именно они являются тем «полноценным расовым слоем», который составит основу будущей «великой Германской империи».

Так заявлял им Гиммлер, так заявляли рейхслейтеры и гаулейтеры, возведенные Гиммлером в высшие звания СС и в зависимости от оценки «рейхсфюрером СС» их деятельности повышаемые по эсэсовской иерархии

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп не только не стыдился того, что приравнен в эсэсовском звании к убийце Полло или грабителю и палачу Глобчнику, он был весьма горд этим.

«Я всегда буду считать за особую честь принадлежать к этому гордому корпусу фюрера, имеющему решающее значение для будущего нашей великой Германской империи»,—писал Риббентроп в письме Гиммлеру по случаю производства его из группенфюреров в обергруппенфюреры СС.

Так одна и та же система СС объединяла коменданта Треблинка унтершарфюрера Курта Франца, изобретателя «душегубок» унтерштурмфюрера Беккера, эсэсовского экспериментатора над живыми людьми гауптштурмфюрера доктора Рашера и имперского министра обергруппенфюрера СС Риббентропа.

На совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер, говоря о единстве СС и полиции, заявил:

«Я непрестанно кое-что прибавляю к этому, всегда ищу обруч, который бы дал возможность все это соединить. Горе, если этот обруч будет недостаточно крепким и начнет расходиться. Тогда, будьте уверены, все вернется за короткий срок к ничтожному прошлому... Я думаю, что мы отвечаем за это перед Германией, так как Германия нуждается в этом ордене СС. По крайней мере на следующие столетия».

Заканчивая речь, он говорил:

«...Когда война будет выиграна, тогда, я вам уже говорил об этом, начнется наша работа».

«...Из этого ордена, из этого верхнего расового слоя германского народа должно рождаться самое большое количество потомства. В течение 20—30 лет мы должны давать Европе руководящий слой. Если СС совместнее крестьянами и мы совместно с нашим другом Бакке начнем заниматься заселением Востока, великодушно, без всяких ограничений, не спрашивая ни о чем, с размахом и революционным напором, то в течение 20 лет мы продвинем границу народностей на 500 километров на Восток..

...Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы будем пробиваться вперед и постепенно подойдем к Уралу».

В краткой речи невозможно перечислить тягчайшие преступления, совершенные эсэсовцами.

Да это и не нужно, так как представленные доказательства свежи в памяти Суда.

Я кратко остановлюсь на некоторых вопросах, касающихся ответственности отдельных групп СС в связи с возражениями, сделанными защитой.

.ОБЩИЕ СС"

В какой бы из специальных организаций СС ни состоял член СС/ он, прежде всего, является членом «общих СС» и исключение из них влекло для него потерю должности и всех связанных с этим благ.

В связи с этим я остановлюсь на одном из документов, представлен-

ных Советским обвинением при предъявлении материалов о преступлениях гитлеровцев в отношении советских военнопленных.

В данном случае речь идет о материалах следствия, произведенного эсэсовскими чиновниками по поводу, как сказано в материалах, «инцидента», происшедшего при проведении «особорежимной операции».

Что означал последний термин, Суду хорошо известно. В данном случае некий гауптштурмфюрер СС Кальбах, обследовавший так называемый «воспитательно-трудовой лагерь» советских военнопленных в Бердичеве, решил умертвить 28 советских военнопленных, состояние которых в протоколе допроса начальника лагеря СС — штурмшарфюрера Кнопа характеризуется следующим образом: «они были исключительно тяжело ранены. У одних отсутствовали обе ноги, у других обе руки, у третьих отсутствовала одна какая-либо конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы». То обстоятельство, что советские военнопленные, будучи предварительно изувечены фашистскими варварами, не могли быть использованы для работы, явилось единственным основанием для их умерщвления.

Исполнение приговора было поручено трем эсэсовцам: СС — унтершарфюреру Палано, СС — роттенфюреру Гессельбазу и СС — штурмфюреру Фольпрехту. Эти три эсэсовца в показаниях характеризуются следующим образом:

«...об упомянутых выше трех лицах, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им уже в мою бытность поручались расстрелы многих сотен людей».

Однако случилось так, что 28 раненых советских военнопленных в то время, когда их везли яа казнь, оказали героическое сопротивление палачам, убили двоих из них и пазбежались.

В связи с этим и было назначено следствие, причем командир отряда СС в Бердичеве обвинялся, конечно, не в том, что решил убить 28 невинных больных людей, а в том, что допустил возможность побега.

Я сослался на эти материалы не для того, чтобы восстановить в памяти один из бесчисленных эпизодов эсэсовских зверств на территории временно оккупированных районов СССР, но для того, чтобы процитировать весьма характерный текст предупреждения об ответственности за ложные показания, к которому прибегли перед началом допроса производившие следствие эсэсовцы.

Там сказано:

«...поставлен в известность о существовании предстоящего допроса. Мне указано, что ложные показания с моей стороны повлекут за собой наказание и исключение меня из СС».

Вступая в общие СС, будущий член этой преступной организации принимал особую присягу, в тексте которой было сказано:

«Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер... повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною»

И где бы ни служил эсэсовец — умерщвлял ли он людей в Треблинке и Освенциме, или мучил допрашиваемых в застенках гестапо — он оставался прежде всего самим собою — тупым и безжалостным членом

«общих СС», знающим лишь две обязанности — слепое повиновение «фюреру и рейхсканцлеру» и безоговорочное исполнение любых преступных приказов.

„ВОЙСКА СС" — „ВАФФЕН-СС"

Войска СС зародились из так называемых «лейбштандартов» — личной охраны Гитлера и дивизии «Мертвая голова», действовавшей, главным образом, в концлагерях.

Во время войны в «войска СС» вошли, в числе других соединений и частей, лагерные комендатуры, непосредственно осуществлявшие уничтожение миллионов людей и проведение в жизнь режима предельного изнурения заключенных перед умерщвлением, а также полицейские дивизии и части.

Уже это простое перечисление составных частей «Ваффен-СС» свидетельствует об их преступном характере.

Советским обвинением предъявлены в качестве доказательств приговор Военного трибунала 4-го Украинского фронта и сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области, из которых видно, что за истребление более 20 000 человек мирных граждан Харькова, расстрелы и сожжение заживо военнопленных ответственны эсэсовские части и, в частности, дивизия СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера Дитриха и дивизия СС «Мертвая голова» под командованием обергруппенфюрера войск СС — Симона.

В г. Киеве во время немецкого господства было замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тыс. мирных граждан, причем значительная часть их была уничтожена частями СС, за что, согласно сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, ответственны бывший командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троекфельд, генерал-лейтенант войск СС Ютнер и другие представители войск СС.

В городе Ровно и Ровенской области немцы уничтожили 102 тыс. человек. О том, как совершалось эсэсовцами это преступление, свидетельствует, в числе других, солдат 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка СС Адольф Матцке, по приказу командира полка штандартенфюрера Цехендера, вместе с другими солдатами полка производивший расстрелы мирных жителей, в том числе женщин, и сожжение деревень.

В ноте Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г., предъявленной Трибуналу под № СССР—51, приводится следующее, основанное на подлинных немецких документах, описание зверств кавалерийской бригады войск СС в районе г. Торопца.

Я цитирую ноту:

«При разгроме частями Красной Армии в районе г. Торопца в январе 1942 г. кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6 504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем «сообщении

о проведении усмирительной припятской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.» «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)». В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций», и приказывает ежедневно докладывать число расстрелянных».

Подобной этим примерам была преступная деятельность частей войск СС на территории Югославии, Польши и других временно оккупированных немцами стран Восточной Европы.

Я хочу напомнить Суду о тех многочисленных материалах, предъявленных Суду Советским и Британским обвинением, которые характеризуют преступления, совершенные на территории Югославии дивизией СС «Принц Евгений».

В частности, я напому сообщение Югославской Государственной Комиссии № 29 о злодеяниях этой эсэсовской дивизии. Там содержатся описания того, как эсэсовские солдаты, члены тех самых «Ваффен-СС», которых здесь называли «немецкой гвардией», сжигали заживо население целых деревень, в том числе женщин и детей. Я напому также показания генерал-майора войск СС Августа Шмидтхубера с содержанием в них описанием того, как по приказу командира 1-го батальона СС Кассарера были заперты в помещении церкви в Кривой Реке мирные люди, а затем здание церкви взорвано.

Я позволю себе сослаться на известные также Трибуналу объявления офицеров этой дивизии о массовом расстреле заложников и убийствах военнопленных.

На Суде была оглашена строго секретная директива Гиммлера, на основании которой части «Ваффен-СС» уничтожили тысячи населенных пунктов, городов, сел и деревень во временно оккупированных немцами районах Советского Союза.

В этой директиве Гиммлер писал:

«Цель, которая должна быть достигнута, заключается в том, чтобы после того, как украинские области будут эвакуированы, там не должно быть оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни один дом не должен остаться целым, не должно быть ни одной шахты, которую можно было бы эксплуатировать в течение ближайших лет, не должно быть ни одного неотравленного колодца. Враг должен найти страну полностью выжженной и разрушенной».

«Ваффен-СС», исполняя преступные приказы рейхсфюрера СС (приказ Гиммлера от 10 июля 1943 г.), угоняли в немецкое рабство население целых районов, сгоняя украинских и русских детей в особые концентрационные лагеря для детей.

Так называемые «Ваффен-СС» были в первую очередь отборными частями СС, в подавляющей части состоявшими из добровольцев, в том

числе из членов «общих СС», призванных практически осуществлять преступные планы Гитлера и его клики.

Попытки защиты и обвиняемых объявить их «немецкой гвардией», далекой от каких-либо «полицейских функций» и не обогрившей руки в крови невинных людей, противоречат неумолимым и бесспорным фактам. «Войска СС» в целом являются органической частью общей системы учреждений и организаций СС и безусловно преступны.

. ' ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ — СА

4 октября 1943 г., произнося свою речь перед группенфюрерами СС в Познани, Гиммлер заявил:

«Нам необходимо полное единство с партией и всеми ее организациями. К счастью, мы полностью едины в настоящее время с СА. Новый начальник штаба Шепман считает своей важнейшей задачей — мир и согласие среди старых партийных группировок».

Так создатель тех самых ГС, которые в 1934 году перебили путчистскую верхушку СА, в 1943 году подтвердил полное единство эсэсовцев с оштурмовиками и подчеркнул значение этой преступной организации гитлеровцев в общем заговоре.

На всем протяжении развития гитлеровской партии и затем гитлеровского государства СА были той преступной организацией, которой главари германского фашизма уделяли особое внимание, считая ее одним из важнейших орудий терроризирования и одурачивания своего народа и подготовки агрессии против других народов. Не имеет смысла полемизировать с защитой СА по поводу роли, которая отводилась этой преступной организации в общем фашистском заговоре.

По существу речь адвоката Бема вообще была лишена заслуживающей внимания юридической аргументации. Это была речь, произнесенная с позиций убежденного гитлеровца, повторяющая в ряде случаев худшие примеры гитлеровской пропаганды, которые защитник старательно извлекал из печатных органов штурмовых отрядов.

Штурмовые отряды — СА были первой ударной силой в руках заговорщиков, первой массовой военной и террористической организацией, созданной ими.

Они были организованы Гитлером еще в 1921 году при полной поддержке мечтавшего о реванше рейхсвера.

Ядро СА составили люди типа Штрейхера и Рема, зоологические антисемиты, шовинисты, из числа сторонников завоевания жизненного пространства, оставшиеся не у дел офицеры и солдаты разбитой кайзеровской армии.

В отряды штурмовиков были собраны, с одной стороны, наиболее реакционные реваншистские элементы, с другой стороны, в СА потянулись авантюристы, соблазненные декоративной стороной этой преступной организации и почуявшие возможность участвовать в погромах и грабежах.

С самого начала СА являлась строго добровольной организацией. Этот принцип сохранился неизменным на всем протяжении развития штурмовых отрядов.

От мюнхенского путча 1923 года до захвата власти гитлеровцами

в 1933 году СА оставались верным орудием в руках гитлеровской фашистской клики, обеспечивавшим ей «власть над улицей» и устранение политических противников.

Наряду с СС штурмовые отряды являлись составной частью гитлеровской партии. Это было официально объявлено в постановлении от марта 1935 года («Рейхсгезетцблатт», 1935 г., ч. 1, стр. 502) и то же значилось в организационном уставе гитлеровской партии (стр.352).

«Общественность никогда бы ничего не узнала из волнующих речей и пропаганды нашей маленькой фракции в рейхстаге или из стремлений и задач партии, если бы она не слышала шаг марширующих частей СА и их боевых песен», — писал штурмфюрер СА Байер в своей брошюре «СА».

Но немецкая «общественность» слышала не только «марширующий шаг СА и их боевые песни». Значительно более ощутимо воспринимались ею удары резиновых дубинок, выстрелы в политических противников и погромы в рабочих кварталах. Основная ценность СА для главных фашистских заговорщиков заключалась именно в этой функции СА, как орудия погромов и террора.

В период борьбы за власть и в последующее время штурмовики были прежде всего орудием грубого насилия, средством устрашения и истребления политических противников.

Это положение весьма откровенно было выражено Геббельсом в речи, произнесенной им в 1935 году. Он говорил тогда:

«Внутренние политические оппоненты исчезли не по каким-то никому не известным тайным причинам. Нет, они исчезли потому, что движение наше располагало самым сильным оружием в стране, и этим самым сильным оружием являлись отряды СА».

Суду памяты показания свидетеля Гизевинуса о терроре со стороны штурмовиков на улицах германских городов, о погромщиках в форме СА, избивающих, убивающих, глумящихся над достоинством человека и превращающих штабы СА в дома пыток.

Правда, ко времени прихода гитлеровцев к власти уже вполне оформилась другая террористическая организация, ставшая основным исполнителем их предначертаний и наряду с СА резервом той громадной полицейской машины, которую создал германский фашизм. Это были СС, и окружавшие Гитлера коричневорубашечники должны были несколько посторониться для того, чтобы пропустить к верхушке гитлеровского аппарата «черный корпус» эсэсовцев.

О широком использовании СА как резерва политической полиции говорит официальный биограф Геринга. Он отмечает, что, создавая гестапо, Геринг включил в состав этой, одной из наиболее опасных преступных организаций германского фашизма, многих членов СА «как лиц, наиболее надежных в политическом отношении».

Суду уже были предъявлены материалы, свидетельствующие о том, что наряду с эсэсовцами члены СА после прихода фашистов к власти составили команды охраны концлагерей.

Описывая концентрационный лагерь в Ораниенбурге, штурмбаннфюрер СА Шефер говорит о том, что:

«Самые проверенные и смелые члены СА были выбраны для того, чтобы работать в лагере, т. е. они были постоянной стражей лагеря.

Таким образом мы создавали кадры опытных стражников, которые всегда были готовы к тому, чтобы действовать».

Мне кажется, нет нужды останавливаться на том, какой режим обращения с заключенными существовал в этих лагерях и как вели себя в концлагерях штурмовики, выполняя в них роль палачей.

Штурмовики непосредственно осуществляли первые антисемитские погромы. Это подтверждается, в числе других документов, предъявленных обвинением, подлинными отчетами командиров частей и подразделений СА. Наряду с СС—СА воспитывались в духе того же звериного антисемитизма, который в конечном итоге получил завершение созданием Треблинки и Хелмно.

Однако при анализе преступного характера организации нельзя упустить еще одну важнейшую функцию СА, выполненную ими в общем плане развития гитлеровского заговора.

СА были той организацией, под прикрытием которой было произведено массовое обучение чисто военных кадров для вермахта, призванных впоследствии осуществить планы агрессии гитлеровцев.

Эта преступная деятельность _выполнялась с соблюдением максимальной конспирации от окружающего мира.

«В дополнение к моим инструкциям... от 11 июля 1933 г. я нахожу нужным просить все власти СА быть чрезвычайно осторожными в отношении любой публикации относительно службы СА не только в общей прессе, но также и в сообщениях в газетах отдельных частей СА. Только за последние несколько дней министерство внутренних дел по просьбе министерства иностранных дел издало строгую инструкцию всем германским властям относительно того, чтобы был проведен строжайший контроль над всеми публикациями, которые могли бы дать повод другим странам указывать на нарушение Германией условий Версальского договора».

Этот секретный приказ начальника штаба СА целиком опровергает утверждения защиты о «мирном характере» штурмовых отрядов и о «чисто спортивном» характере их деятельности.

Сама организационная структура штурмовых отрядов с их бригадами и полками носила чисто военный характер. С самого начала возникновения, под руководством наиболее реакционных офицеров рейхсвера, сомкнувшихся с гитлеровцами — отряды СА приступили к подготовке кадров для будущей войны.

В последующее время, после захвата гитлеровцами власти, СА стали орудием массовой военной подготовки, и одетые в форму СА офицеры вермахта занимались в них строго военным обучением штурмовиков.

Руководители СА хорошо понимали место, отведенное им в осуществлении планов гитлеровской агрессии после захвата власти.

По этому поводу уместно напомнить Суду небольшое извлечение из статьи, опубликованной в органе штурмовых отрядов «Боец СА» 6 января 1934 г.:

«...боец СА, следуя воле фюрера, должен оставаться защитой национал-социалистской революции перед врагами... и должен стоять там навсегда потому, что еще перед нами стоят новые гигантские задачи. Они практически не могут быть осуществлены без активного участия и сотрудничества штурмовых отрядов.

То, что сделано до сих пор, а именно — захват власти в государстве и уничтожение всех элементов, которые повинны в губительных для страны последствиях в послевоенные годы, т. е. последователей марксизма, либерализма и капитализма, уничтожение этих людей — это только предварительная задача, это трамплин для того, чтобы сделать прыжок к выполнению настоящих больших национал-социалистских задач».

И на всем протяжении последующего развития гитлеризма СА были верным оружием в руках преступной гитлеровской клики.

В период войны членам СА было специальной директивой вменено в обязанность следить за военнопленными и «восточными рабочими», не допуская никакого послабления установленного в отношении их зверского человекоистребительного режима. Члены СА несли охранную службу в ряде «рабочих» лагерей.

СА были одной из наиболее массовых преступных организаций гитлеровской партии.

Активная преступная деятельность ее членов, за исключением «союза ветеранов» и лиц, вовлеченных в спортивные общества СА, в результате судебного следствия в полной мере доказана.

Штурмовые отряды немецко-фашистской партии, деятельность которых является весьма значительной частью истории преступлений гитлеровского режима, безусловно должны быть признаны Судом преступной организацией.

ГЕСТАПО

Гестапо было создано подсудимым Герингом 26 апреля 1933 г. в бытность его прусским премьер-министром; в первое время Геринг лично им руководил.

Постепенно руководство политическими полициями федеральных земель сконцентрировал в своих руках имперский руководитель СС Гейнрих Гиммлер. Законом от 10 февраля 1936 г. гестапо было объявлено общеимперской «особо-полицейской» организацией. Указом от 17 июня 1936 г. Гитлер назначил Гиммлера шефом германской полиции, узаконив таким образом достигнутую к этому времени «персональную унию» между СС и полицией в целом.

В своем первом приказе от 25 июня 1936 г. о структуре германской полиции Гиммлер в той же персональной унии назначил шефом полиции безопасности, объединявшей в своей системе гестапо и уголовную полицию, шефа СД — Рейнгарда Гейдриха, преемником которого стал после уничтожения Гейдриха подсудимый Кальтенбруннер.

В 1939 году, в результате укрепления руководящей роли СД в общей системе безопасности нацистского государства и в целях дальнейшего соподчинения полиции безопасности единому руководству была произведена реорганизация центральных органов безопасности, выразившаяся в объединении «Главного управления безопасности СС» и «Главного управления полиции безопасности» в рамках единого ээсовского полугосударственного-полупартийного аппарата — «Главного управления имперской безопасности» — РСХА.

Существовавшее до тех пор в составе «Главного управления полиции безопасности» Управление тайной государственной полиции, известное в то время под сокращенным названием гестапо, превратилось в IV управление РСХА.

ЗАДАЧИ ГЕСТАПО

Задачи гестапо в общей системе органов безопасности третьей империи были четко определены в свое время тем же Гейдрихом в статье, опубликованной в немецком журнале «Германская полиция». Определяя роль СД как политической разведки нацистской партии и государства, в обязанность которой входило выявление и изучение, с целью информации нацистского руководства, политических настроений, тенденций и течений как внутри, так и вне империи, — задачу органов тайной государственной полиции он видел в конкретном выявлении и обезвреживании политически враждебных и неблагонадежных для фашистского режима элементов.

Выполнению этой кардинальной программной задачи нацистского государства служила вся система центральных, территориальных, пени-тенциарных и специальных органов и формирований гестапо.

Выполнение этой задачи требовало самого тщательного индивидуального отбора сотрудников гестапо. Они подбирались из числа наиболее опытных кадровых чиновников общей полиции и администрации, на деле зарекомендовавших себя фанатическими приверженцами гитлеровского режима, а также из штатных сотрудников СД, назначавшихся, как правило, на руководящие должности в гестапо.

Из письменных показаний бывшего начальника VI управления РСХА Вальтера Шелленберга установлено, что 75% чиновников гестапо являлись членами СС. Таковыми они либо уже приходили в гестапо, либо вступали в СС, начав свою службу в этой карательно-террористической организации.

Число сотрудников гестапо в период 1943—1945 гг. доходило до 40—50 тыс. Такой штат, говоря словами Фуше, позволял гестапо иметь «везде глаза, чтобы видеть, и везде руки, чтобы схватывать».

Преступная деятельность гестапо не ограничивалась пределами имперской территории.

В период подготовки планов агрессии на органы гестапо была возложена организация совместно с СД — одной из первых оперативных групп — «эйнзатцгруппы», предназначенной для действия на территории Чехословацкой республики.

С началом военных действий тайная государственная полиция в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом выделила часть своих кадров в распоряжение вооруженных сил, в составе которых они образовали так называемую «тайную полевую полицию» — ГПФ. Формирования последней выполняли в войсках действующей армии функции, присущие гестапо и уголовной полиции в рейхе, и, кроме того, широкие полицейско-карательные функции, направленные против мирного населения и партизан в районах боевых действий.

С самого создания тайной государственной полиции ей было предоставлено широкое право внесудебной репрессии против элементов, «угрожавших» нацистскому государству и партии.

Одной из основных форм подавления этих элементов было использование права превентивного ареста и превентивного заключения, которым на протяжении своего существования широко пользовались органы гестапо как на территории самой империи, так и в присоединенных к Германии и оккупированных ею областях.

Местами превентивного заключения были пользующиеся широкой и мрачной известностью немецкие концентрационные лагеря. Заключение в концлагерь происходило по простому письменному распоряжению шефа полиции безопасности и СД — Гейдриха, а впоследствии — подсудимого Кальтенбруннера или начальника IV управления РСХА Мюллера. Во многих случаях распоряжение о заключении в концентрационный лагерь давал лично рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Гейнрих Гиммлер.

Никогда подвергавшийся превентивному заключению не знал, на какой срок мучений и издевательств он обречен, — срок заключения всецело зависел от произвола гестапо. Даже в тех случаях, когда гестапо, бросая человека в концлагерь, заранее определяло срок его заключения, было строжайше запрещено сообщать его как заключенному, так и его близким.

Эти концлагери явились прообразом возникших в период развязывания гитлеровской агрессии лагерей уничтожения, названия которых с содроганием будут вспоминать грядущие поколения: Майданек, Освенцим, Трелинка и многие другие.

В качестве карательного исполнительного аппарата нацистского государства тайная государственная полиция была тесно связана с нацистской партией.

В приложении к декрету имперского и прусского министра от 20 сентября 1936 г. недвусмысленно сказано, что «особые задачи полиции безопасности требуют самого тесного и полного взаимопонимания, сотрудничества... и с гаулейтером НСДАП...». При ознакомлении с декретом от 14 декабря 1938 г. о сотрудничестве партийных инстанций с тайной государственной полицией легко усматривается самый тесный контакт между различными организациями фашистских заговорщиков, в частности, между гестапо и руководством нацистской партии. Подсудимые Гесс и Борман постоянно заботились о поддержании тесного контакта партии с гестапо.

УЧАСТИЕ ГЕСТАПО В ПОДГОТОВКЕ АГРЕССИИ

Как я уже говорил, гестапо наряду с другими преступными фашистскими организациями принимало самое активное участие в подготовке захвата территорий других государств.

Список, включавший 4000 имен югославских граждан, составленный в 1938 году и захваченный в мае 1945 года в отделении гестапо в Мариборе, с несомненностью свидетельствует об участии гестапо по своей линии в подготовке захвата Югославии.

Из показаний одного из югославских квислингов, Драгомира Иовановича, бывшего начальника Сербской полиции при немцах, установлено, что руководящие круги фашистских заговорщиков заранее планировали органы гестапо в Югославии. Согласно выработанному плану между

проживавшими в Югославии немцами заблаговременно были распределены полицейские посты.

Советским обвинением был предъявлен Трибуналу документ за № СССР—509, из которого также видно, что еще до захвата фашистами Чехословакии органы главного управления имперской безопасности планировали развертывание деятельности СД и гестапо на территории этой страны.

Из доклада Чехословацкого правительства усматривается и другая форма участия органов гестапо в подготовке агрессии. Главное управление имперской безопасности забрасывало в Чехословакию своих агентов для убийства антифашистов или их похищения и вывоза в Германию.

Факт участия органов гестапо в разработке планов агрессии подтверждается также рядом документов, говорящих о том, что еще до своего вероломного нападения на СССР гитлеровские палачи составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководителях государственных органов и общественных деятелях, которые по их планам подлежали уничтожению. Так, гестапо совместно с СД и уголовной полицией были подготовлены для этих преступных целей «особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода розыскные книги и списки.

Преступная деятельность гестапо по подготовке и развязыванию агрессии внутри самой Германии и в западных государствах уже достаточно освещена моими уважаемыми коллегами, а потому я перехожу к вопросу о преступлениях гестаповцев на временно оккупированных гитлеровцами территориях СССР, Югославии, Польши и Чехословакии.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО В ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЮГОСЛАВИИ И ПОЛЬШЕ

Преступления, содеянные гитлеровцами с помощью исполнительного полицейского аппарата на временно оккупированных ими территориях Чехословакии, Югославии и Польши, имеют многие общие черты.

Различные органы гестапо были тем экзекутивным исполнительным аппаратом, который осуществлял большинство этих злодеяний.

Первая же массовая «акция» по уничтожению польской интеллигенции, задуманная Франком и одобренная Гитлером, так называемая «операция АБ» была непосредственно выполнена гестаповцами. Именно сотрудники гестапо, привлекавшие в помощь отряды эсэсовцев, под руководством начальника СС и полиции в Польше обергруппенфюрера Крюгера и бригаденфюрера Штрехенбаха уничтожили при проведении этой зверской массовой операции несколько тысяч польских интеллигентов.

Согласно постановлению Франка от 9 октября 1943 г., получившие зловещую славу так называемые «штандгерихте», которые были созданы для «подавления нападений на германское строительство в генерал-губернаторстве», также состояли из сотрудников тайной полиции, т. е. гестапо.

Именно гестапо в Польше осуществляло жестокие репрессии в отношении священнослужителей, уже до января 1941 года убив около

700 священников и заключив 3 тыс. священников в концентрационные лагеря.

Как это вполне доказано материалами, представленными советским обвинением, гестапо на территории Польши создало особые пункты массового уничтожения еврейского населения.

В отличие от таких лагерей уничтожения, как Майданек и Освенцим, подчиненных административно-хозяйственному управлению СС, — тайный пункт массового уничтожения людей в Хелмно, где было уничтожено с помощью душегубок 340 тыс. евреев, был создан и непосредственно подчинен гестапо и назывался «зондеркоманда Кульмгоф».

Эта гестаповская зондеркоманда инспектировалась начальником гестапо города Лодзи Браутфишем.

Равным образом гестапо создало прообраз всех последующих лагерей уничтожения — Треблинку.

«Реферат» Эйхмана, осуществлявший уничтожение евреев в Европе, используя для этого систему лагерей уничтожения, — отдела «Д» СС, находился в системе гестапо, и Эйхман был непосредственно подчинен начальнику гестапо Мюллеру.

В Польше гестаповцами было уничтожено 3 млн. 200 тыс. евреев, в Чехословакии — 112 тыс. евреев, в Югославии — 65 тыс. евреев.

Гестапо осуществляло на территории оккупированных немцами стран Восточной Европы преступную систему заложничества и коллективной ответственности, произвольно расширяя круг подвергающихся жесточайшим репрессиям людей. Так, например, тайная полиция совместно с подсудимым Франком издала известное распоряжение о массовых репрессиях в отношении «семей саботажников», где было сказано о том, что следует расстреливать на месте не только схваченных преступников, но и, кроме того, казнить одновременно всех мужчин их рода, женщин же этого рода старше 16 лет отправлять в концлагерь.

То, что происходило в Польше, является характерным не только для этой страны, но точно в такой же степени и для Чехословакии и Югославии.

В Чехословакии лишь через тюрьму гестапо в Брно в период оккупации прошло 200 тыс. человек, из них освобождено было только 50 тыс., а остальные убиты или посланы для немедленного умерщвления в концлагерь.

Постановлением 9 марта 1942 г. гестапо получило право «превентивного заключения» в «протекторате».

Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности докторов, учителей, юристов, священников и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». В 1940 году Карл Герман Франк заявил в речи к «вождям» движения так называемого национального единства, что 2000 чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

После покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены.

В 1939 году гестапо создало директоров и заведующих складами различных чешских промышленных фирм. От них были отобраны

следующие подписки: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом преподаватели чешских школ должны были давать в гестапо особые подписки, ручаясь за лояльное поведение своих учеников в отношении гитлеровцев и гитлеровского режима.

Гестапо осуществило беспрецедентное по своей жестокости злодеяние, истребив население деревни Лидице и уничтожив самую деревню.

В исключительно жестоких формах осуществлялся полицейский террор на территории Югославии.

Для подтверждения этого может быть приведено следующее небольшое извлечение из сообщения № 6 Югославской Государственной Комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье (Цилли) на крючьях, на которых мясники вывешивали мясо. В Мариборе каждые пять из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти пять человек расстреливались, и следующие пять были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось непрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текшей с грузовиков... В Граце расстреливалось каждый раз по 500 человек».

Трибуналу предъявлены многочисленные документы о массовом расстреле заложников, подписанные соответствующими начальниками территориальных отделений тайной полиции в Югославии. Я не буду подробно останавливаться на содержании этих документов, полагая, что оно достаточно памятно Суду.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

На судебном следствии полностью доказаны те тягчайшие преступления, которые были совершены гестапо на временно оккупированной советской территории, где они действовали либо в составе оперативных формирований — «эйнзатцгрупп», «эйнзатцкоманд» и «зондеркоманд» СД и полиции безопасности, либо в составе тайной полевой полиции (ГФП), укомплектованной чиновниками гестапо и уголовной полиции.

Как правило, чиновники гестапо во всех этих случаях выполняли роль непосредственных исполнителей бесчеловечных «экзекуций» и «массовых акций», действуя под общим политическим руководством сотрудников СД и при содействии чинов других видов полиции, а также отрядов «Ваффен-СС», широко используемых для этих целей.

На суде установлены многочисленные случаи массовых убийств и истязаний мирных граждан СССР органами гестапо. В качестве примера я ограничусь описанием только отдельных характерных фактов. В одном лишь небольшом городе Вязьме по приказанию начальника гестапо было замучено и убито несколько тысяч мирных советских граждан. Фашистские изверги не только убивали свои жертвы, но и заставляли их самих предварительно рыть себе могилы.

В деревне Зайчики, Смоленской области, гестаповцы согнали в один дом 23 стариков, женщин и детей, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

В рижских психиатрических больницах гестаповцы уничтожили всех находившихся там душевнобольных.

Как можно видеть из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Ровно и Ровенской области, гестаповцы практиковали массовые убийства людей в ответ на каждый акт сопротивления немецким захватчикам.

Когда в ноябре 1943 года в г. Ровно был убит неизвестным лицом немецкий судья, гестаповцы расстреляли свыше 350 заключенных, содержащихся в Ровенской тюрьме.

О применении гестаповцами для истребления советских граждан душегубок известно из сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. В г. Краснодаре и Краснодарском крае гестаповцы, действовавшие в составе оперативных групп, истребили посредством отравления окисью углерода свыше 6700 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больнице г. Краснодара, а также арестованных, содержащихся в тюрьме гестапо.

На окраине г. Краснодара в большом противотанковом рву было закопано несколько тысяч трупов советских граждан, отравленных газом и сброшенных туда гестаповцами.

В Ставропольском крае было умерщвлено путем отравления газом в душегубках 54 тяжело больных детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда, а также 660 больных Ставропольской психиатрической больницы.

О том, какого рода истязания применялись гестаповцами, можно составить себе представление по показаниям гр-на Ковальчука из Ставропольского края. Гестаповцы допрашивали только ночью. Для допроса вызывали в отдельную камеру, где были устроены специальные приспособления для пыток, в том числе цепи с поручнями для закрепления рук и ног, прикрепленные к цементному полу. Арестованного предварительно раздевали догола, клали на пол, руки и ноги заковывали в цепи, а затем избивали резиновыми палками. Иногда на спину жертвы клали доску и сверху этой доски тяжелыми гирями наносили резкие удары.

Камера пыток была устроена таким образом, что, когда арестованного пытали, остальные арестованные, сидевшие в соседней камере в ожидании расправы, могли наблюдать за пытками и истязаниями. После пыток заключенного, потерявшего сознание, современные инквизиторы бросали в сторону, а следующую жертву волокли в камеру, в большинстве случаев, уже в полусознательном состоянии.

Неслыханные истязания при допросе допускались гестаповцами даже в отношении женщин.

Я привел только один пример. Такие истязания при допросах чрезвычайно широко применялись на оккупированных территориях СССР.

Применение средневековых пыток при допросе имело место на основании специальных приказов главного управления имперской безопасности и начальника гестапо Мюллера. В одном из этих совершенно секретных приказов начальство поучает подчиненных: «Третья степень может состоять из следующих элементов: очень простая диета (хлеб и вода);

жесткая койка, темная камера, лишение сна, истощающая муштра, розги».

Неслыханным издевательствам и преследованиям подвергалась со стороны гестаповцев также интеллигенция, в том числе видные деятели науки и искусства, находящиеся на временно захваченной немцами советской территории.

Преследование представителей интеллигенции со стороны гестаповцев проводилось по заранее разработанному плану. Например, еще до захвата немецкими войсками г. Львова отряды гестаповцев имели списки виднейших представителей львовской интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после занятия немцами г. Львова начались массовые аресты и расстрелы профессоров, врачей, юристов, писателей и артистов. Не считаясь с человеческим достоинством своих жертв, гестаповцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Произведенным после освобождения г. Львова частями Красной Армии от немецких оккупантов расследованием было установлено, что немцами было убито свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства, трупы которых гестаповцами были сожжены.

Боясь ответственности, фашистские шакалы тщетно пытались скрыть факты истребления львовской интеллигенции.

Гестапо участвовало также и в истязаниях и убийствах военнопленных.

На судебном следствии была оглашена директива IV управления РСХА от 17 июня 1941 г. о действиях отрядов полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных.

Вы имели возможность также ознакомиться с директивой Мюллера от 9 ноября 1941 г. всем органам гестапо о выбрасывании трупов умерших по пути следования к месту казни военнопленных.

В распоряжении Трибунала находится письменное показание бывшего работника гестапо Курта Линдорфа о казнях советских политических комиссаров и военнослужащих евреев, а также приказ начальника полиции безопасности и СД местным органам гестапо о направлении некоторых категорий бежавших из лагерей военнопленных офицеров в концлагерь Маутхаузен для проведения мероприятия «Кугель» (пуля).

Суду известен приказ командования 6 военным округам от 27 июля 1944 г. о том, что захваченные бежавшие военнопленные лишаются своих прав и передаются в распоряжение органов гестапо, а также приказ Кейтеля от 4 августа 1942 г. для вооруженных сил, в котором говорится, что принятие мер против отдельных парашютистов и групп парашютистов относится к компетенции органов СД и гестапо.

Органы гестапо оказывали активное содействие угону в немецкое рабство десятков тысяч мирных граждан временно оккупированных Германией территорий, осуществляли жестокие репрессивные меры в отношении этих людей по прибытии их в Германию. Так, 16 декабря 1942 г. начальник гестапо Мюллер в своей телеграмме сообщал, что гестапо может арестовать около 45 тыс. евреев для пополнения рабочей силы в концлагерях.

В директиве от 17 декабря 1942 г. Мюллер пишет об этом в отношении 35 тыс. евреев.

В секретном приказе от 18 июля 1941 г. Мюллер инструктировал органы гестапо о необходимых мерах к предотвращению волнений среди иностранных рабочих.

Особенно ужасна преступная деятельность гестапо в истреблении евреев. Из аффидевита Вильгельма Гетля от 7 ноября 1945 г. устанавливается, что гестапо истреблено около 6 млн. евреев.

В сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств на территории СССР и в других документах приводятся многочисленные факты истязаний, всякого рода надругательств и массовых убийств гестаповцами евреев.

Судебное следствие полностью подтвердило предъявленное обвинение о преступной деятельности гестапо.

Как орган массового кровавого террора гестапо является и должно быть признано преступной организацией.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ — СД

«Служба безопасности» — обычно обозначалась в официальных полицейских документах гитлеровцев условным наименованием СД. Она возникла как глубоко законспирированная шпионская партийно-эсэсовская организация германского фашизма. Организатором СД, наряду с СС, был Гиммлер.

СД была тем тайным аппаратом системы СС, который после захвата власти гитлеровцами наиболее быстро сросся с полицейскими органами, поставил на руководящие посты в тайной полиции кадры, созданные в системе СД и охранных отрядах, играя, как до момента организации РСХА — Главного имперского управления безопасности, так и после этого решающую роль в системе политического осведомления и «превентивного уничтожения» нежелательных гитлеровцам элементов.

СД стояла наиболее близко к центральному штабу преступных гитлеровских заговорщиков — руководству гитлеровской партии. Поэтому именно СД наиболее активно участвовала в разработке тех полицейских мероприятий, которые неизменно сопутствовали всем планам гитлеровской агрессии.

СД, как будет показано ниже, создала первые эйнзатцгруппы, возглавила эти разбойничьи организации германского фашизма, организационно подготовила те злодеяния, которые были совершены впоследствии на оккупированных территориях Польши, Югославии, Советского Союза и других государств.

Пытаясь освободить эту преступную организацию от ответственности, защита начала спор о значении самого термина СД.

Мы понимаем, зачем поднимает защита этот «терминологический спор». Он нужен ей затем, чтобы попытаться поддержать версию Кальтенбруннера о СД как о строго ограниченной в своих функциях «внутригерманской службе информации», чуждой каким бы то ни было полицейским функциям.

Этот спор защита возбудила для того, чтобы, признав лишь наиболее видимую часть преступной деятельности СД, скрыть тяжчайшие преступления, совершавшиеся этой верхушкой полицейско-эсэсовского аппарата.

Между тем фактически СД являлась широко разветвленной шпионской организацией германского фашизма, активно способствовавшей осуществлению преступных планов агрессии, оперировавшей как в пределах самой Германии, так и на оккупированных территориях и за рубежом.

Кадры СД наряду с гестаповцами составляли основной руководящий костяк эйнзатцгрупп, причем сотрудникам СД в руководстве эйнзатцгруппами всегда принадлежала ведущая роль.

Выполняемые СД задачи могут быть подразделены на:

1) «общую информацию», охватывающую буквально все,—как указывалось в официальных документах СД, «жизненные области» фашистского «рейха», все правительственные учреждения и общественные круги фашистской Германии;

2) специальные задания, связанные с разработкой особых картотек и списков (преимущественно по странам, в которые готовилось вторжение). В эти картотеки и списки заносились имена лиц, которые должны были быть подвергнуты «особому режиму» — физически уничтожены или заключены в концлагери;

3) укомплектования состава специальных преступных организаций, непосредственно осуществлявших планы гитлеровцев по уничтожению нежелательных им политических элементов и интеллигенции на оккупированных территориях и проводивших зверские «экзекуции» и «акции».

Весь состав СД состоял из ээсовцев. Это и понятно, так как СД была дочерней организацией СС и до последнего момента называлась СД при рейхсфюрере СС.

В широко разветвленную систему СД входили: III управление РСХА (АМТ-III — внутренняя политическая разведка, а также политическая разведка на оккупированных территориях), VI управление РСХА (АМТ-VI — служба заграничной разведки, возглавленная одним из ближайших приближенных Гимmlера — Вальтером Шелленбергом, показанного которого хорошо известны Суду) и VII управление (АМТ-VII), которое иногда называли «отделением идеологической войны», включавшее, кроме того, ряд весьма важных вспомогательных учреждений, составивших аналитический аппарат заграничной и внутренней разведки СД.

Для опровержения положений, выставленных защитой, я хотел бы обратиться к одному из документов, характеризующих истинное положение СД в системе полицейского и ээсовского аппарата гитлеровской Германии.

Я говорю о документе, озаглавленном «Использование СД в случае Чехословакия». Документ имеет гриф «Секретно. Государственной, важности» и датирован июнем 1938 года, т. е. более чем за девять месяцев до захвата Чехословакии. Он был захвачен Красной Армией в берлинских архивах СД и представлен Трибуналу Советским обвинением.

Содержание этого документа не оставляет никаких сомнений, во-первых, в том, что СД активно участвовала в разработке и осуществлении планов преступной гитлеровской агрессии, и, во-вторых, в том, что именно СД явилась инициатором и организатором эйнзатцгрупп.

Привожу некоторые извлечения из этого документа. Там сказано: «На случай соединения германской империи и Чехословакии СД должно подготовиться к развертыванию своей деятельности». «СД следует, если возможно, непосредственно за вступающими частями и принимает на себя — аналогично своим задачам в Германии — обязанности по обеспе-

чению безопасности политической жизни и вместе с тем, по возможности, обеспечение безопасности всех предприятий, имеющих значение для народного хозяйства и, стало быть, для военного хозяйства».

Вся территория Чехословакии в соответствии с территориальной структурой СД в самой Германии заранее разделялась на крупные (оберабшнитты) и мелкие (унтерабшнитты) территориальные единицы, для каждой из которых готовились и комплектовались особые эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. В тексте документа можно прочесть о том, что была запланирована организация оберабшниттов Прага, Богемия, Моравия, Силезия, Баагталь и др.

Укомплектование эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд целиком относилось к компетенции СД. В тексте документа по этому поводу сказано:

«Укомплектование штатов органов СД должно произойти с учетом следующих требований:

- 1) требований самой СД,
- 2) требований экономического порядка».

Была разработана целая программа подготовки агентов эйнзатцкоманд из внештатных сотрудников и судетских немцев. Предусматривалось также использование «подходящих лиц» немецкого происхождения, проживающих в Чехословакии, причем специально отмечалось:

«...следует иметь в виду, что, несмотря на все меры предосторожности, много таких лиц в нашем распоряжении не окажется, так как при известных условиях значительное число их будет арестовано, увезено или убито».

Подготовленные на территории Германии эйнзатцгруппы должны были быть сконцентрированы у германо-чешской границы для того, чтобы одновременно со вторжением войск двинуться на территорию Чехословакии. В тексте документа по этому поводу говорится:

«2. Как только какой-либо округ освобождается от противника, т. е. оккупирован, в окружное управление тотчас же направляются предназначенные для этого группы, следуя за вступающими войсковыми частями. Одновременно двигаются и определенные группы, предназначенные для последующих освобождаемых от противника областей».

Для опровержения утверждений защиты о взаимоотношениях СД и гестапо значительный интерес представляет пятый раздел документа, специально посвященный разграничению сферы деятельности СД и гестапо. Там сказано:

«Мероприятия в Германии проводятся под руководством гестапо. СД содействует им. Мероприятия в оккупированных областях проводятся под руководством старшего фюрера СД. Отдельным оперативным штабам приданы чиновники гестапо».

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что именно сотрудникам СД принадлежала ведущая роль в действиях эйнзатцкоманд на территории Чехословакии. Они должны были возглавить эйнзатцкоманды, непосредственно осуществляя задания рейхсфюрера СС по уничтожению чешских патриотов, истреблению интеллигенции, подавлению национально-освободительного движения в оккупированной стране.

Заслуживает особого внимания то, что для этого выделенные в эйнзатцгруппы чиновники СД должны были установить, как видно из § 7 документа, связь с соединениями войск СС или эсэсовским соединением особого назначения «Мертвая голова».

Перед вторжением на территорию Чехословакии сформированные СД эйнзатцкоманды должны были провести в Германии подготовительную преступную работу. Она заключалась в создании так называемой «М-картотеки». Эта картотека составлялась в двух экземплярах для каждого округа. В нее заносились все лица, которые по тем или иным соображениям должны были быть устранены. Вопрос о жизни и смерти людей решался простой отметкой на карточке, сделанной референтом СД. В цитируемом мною документе по этому поводу сказано:

«с) Карточки должны иметь пометки референтов, как, например:

арестовать наблюдать
ликвидировать конфисковать
отстранить от службы полицейский надзор
лишение паспорта и т. п.»

Составление картотек и всякого рода справочных изданий, в которые заносились имена подлежащих физическому уничтожению людей, захваченных на временно оккупированных немцами территориях, вообще относилось к числу неотъемлемых функций СД. Непосредственно физическое уничтожение осуществлялось затем гестапо или специальными отрядами эсэсовцев, зондеркомандами или полицией порядка.

Готовя нападение на Советский Союз, сотрудники СД также тщательно разработали целую серию справочных изданий и розыскных списков, в которые были занесены представители советской интеллигенции и политические деятели, подлежащие уничтожению согласно зверским директивам гитлеровских преступников.

В приложении № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД, датированном 17 июля 1941 г., сказано о том, что задолго до начала войны с Советским Союзом службой безопасности были составлены «германская розыскная книга», «списки по выявлению местопребывания», «особая розыскная книга СССР», в которую занесены «советские русские, которых следует считать опасными».

Из тех же гейдриховских директив мы знаем о том, как намеревались поступить гитлеровские преступники с этими «опасными советскими русскими». Все они без приговора судов на основании приказов 8 и 14 главного имперского управления государственной безопасности от 17 июля и 29 октября 1941 г. должны были быть уничтожены зондеркомандами.

Такая же преступная работа была проведена СД перед началом вторжения в Югославию. Советским обвинением была предъявлена Трибуналу «розыскная книга», составленная относящимся к СД так называемым немецким Балканским институтом «Зюд-Ост Дейтше Институт». Эта книга включала свыше 4 тысяч имен югославских граждан, которые при нападении на Югославию должны были быть немедленно арестованы. Составленная СД книга была передана исполнительной полиции, т. е. гестапо, которая и должна была непосредственно осуществить аресты.

Книга была обнаружена в регистратуре гестапо в Мариборе, причем имела следующий гриф, сделанный сотрудниками СД: «поименованных в тексте лиц нужно арестовать, немедленно известив РСХА об исполнении задач».

Этот институт СД вел специальную подрывную работу, готовя в Югославии агентов пятой колонны. Сотрудники СД, доцент университета в Граце Герман Иблер составил по этому поводу специальную работу,.

озаглавленную «Дес Рейхес Зюдгренце», снабженную грифом «строго-секретно» и содержащую список агентов пятой колонны в Югославии.

Именно СД осуществляло политические провокации за границей. Это вынужден был признать при допросе его представителем Советского обвинения бывший начальник полиции безопасности и СД Кальтенбруннер. Даже он не мог отрицать свою подпись под письмом к Риббентропу по поводу ассигнования министерством иностранных дел одного миллиона туманов на подкупы выборов в Иране.

Сотрудники СД прекрасно понимали, какая роль отводится им на оккупированных территориях в осуществлении изуверских планов гитлеровцев и физическом уничтожении поработенных народов. С этой точки зрения характерен предъявленный Советским обвинением трофейный немецкий документ, захваченный войсками польской армии в СД, — блокштелле в Могильно (Польша).

Некий начальник блокштелле гауптштурмфюрер СС в этом письме, адресованном осведомителям СД, доводит до их сведения речь Гиммлер» от 15 марта 1940 г., в которой тот требовал от комендантов концлагерей, размещенных в Польше, чтобы они сначала использовали квалифицированных польских рабочих в системе военной промышленности концлагерей, а затем истребили всех поляков. Гауптштурмфюрер СС из Могильно поэтому требовал в свою очередь от всех «доверенных лиц» — осведомителей СД составления поименных списков поляков, кажущихся им опасными, с целью последующего физического истребления этих лиц.

СД являлась одним из важнейших звеньев изуверской эсэсовско-полицейской машины германского фашизма. Это был аппарат сыска и осведомления, простирающийся над всей территорией как «старого рейха», так и всех временно оккупированных районов и стран. В определенные моменты именно сотрудники СД возглавляли наиболее жестокие полицейские мероприятия гитлеровцев.

Поэтому советское обвинение, опираясь на бесспорные доказательства, считает, что преступной должна быть признана вся система СД.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ. ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

В ходе настоящего судебного процесса со стороны некоторых подсудимых, защитников и свидетелей защиты из числа генералов гитлеровской Германии делались неоднократные попытки представить германское военное командование и генеральный штаб как органы, руководствовавшиеся в своей деятельности основным и единственным принципом — «выполнение солдатского долга».

Высшие германские военные органы были будто бы далеки от преступной политики гитлеровского правительства, не участвовали в решении политических вопросов, а ограничивали свою деятельность исключительно выполнением приказов верховного главнокомандующего в области сугубо военных мероприятий.

Высказывалось мнение о том, что германский генеральный штаб при существовавшей в гитлеровской Германии структуре военного аппарата представлял собой не более, не менее, как подсобный, технический орган-

Наконец, делались неоднократные попытки, и это вполне понятно, всеми способами отгородить военное командование от деятельности немецких полицейских органов и СС.

Всякому, кто сколько-нибудь следил за политическим развитием Европы после первой мировой войны, хорошо известно, что офицеры и генералы кайзера сразу же обнаружили готовность повторить проигранную игру. Обвиняя в военном разгроме Германии кого угодно, только не себя, они создавали нелегальные военные организации, лелеяли мечту о реванше и готовы были продать свою честь и шпагу любому политическому проходимцу, который не постесняется затеять новую мировую бойню. В духе этих «традиций» воспитывалось и новое поколение офицеров. И неслучайно их будущий вождь Адольф Гитлер из небытия появился на политической арене при прямой моральной и финансовой поддержке рейхсвера.

Они, за малым исключением, с энтузиазмом пошли за этим авантюристом, когда он, захватив власть, немедленно приступил к вооружению Германии. Чванливые прусские генералы преклонились перед ефрейтором Гитлером, ибо они понимали: Гитлер — это война.

Позорная история гитлеровской военщины позорно и завершилась.

Фельдмаршалы Браухич, Мильх, Манштейн и другие пришли сюда под охраной солдат союзной армии, чтобы лжесвидетельствовать по собственному делу перед лицом Международного Военного Трибунала.

Нам довелось увидеть странное превращение. Волки стали овцами. Не знаю, на каких наивных людей рассчитывал, например, Браухич, представляя себя убежденным пацифистом. Ведь если ему поверить, он, будучи главнокомандующим сухопутными силами, ничего не знал о планах агрессии, о подготовке военного вторжения в Австрию и Чехословакию и постоянно, назойливо уговаривал Гитлера не воевать. Такой неуклюжей защитой можно ввести в заблуждение только самого себя.

Я позволю себе вкратце остановиться на доказательствах, опровергающих ухищрения и уловки защиты, которые преследуют единственную цель замаскировать и преуменьшить масштабы и характер преступной деятельности германских руководящих военных органов.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Из представленных Трибуналу доказательств с несомненностью вытекает, что генеральный штаб и верховное главнокомандование вооруженными силами в полной мере были осведомлены о преступных планах агрессии гитлеровского правительства, разделяли эти планы и активно участвовали в их разработке и осуществлении.

Агрессивные и человеконенавистнические планы гитлеровских заговорщиков стали известны в Германии каждому немцу уже со времени появления в свет «Майн кампф», они широко пропагандировались и распространялись изо дня в день, из месяца в месяц.

Эти планы с самого начала получили признание со стороны военных руководителей Германии, которые впоследствии отдали свой военный опыт и знания на службу гитлеровскому государству.

Я, однако, не намерен углубляться в историю гитлеровского государства и его военной машины для того, чтобы устанавливать сейчас, когда

и при каких условиях возникла и зародилась преступная деятельность германских руководящих военных кругов.

Я хочу только напомнить о некоторых важнейших доказательствах, относящихся уже к периоду начала войны.

Еще 23 мая 1939 г. на совещании в новой имперской канцелярии с высшими военачальниками Гитлер заявил:

«Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на восток».

«Таким образом отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности».

Развивая в присутствии высших германских офицеров и генералов свои политические и военные планы, Гитлер на совещании от 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге говорил:

«На первом плане — уничтожение Польши... Если и на Западе разразится война, -на первом плане остается уничтожение Польши... Для пропаганды я дам повод к развязыванию войны, безразлично, будет ли он правдоподобным или нет».

На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил своим ближайшим военным советникам:

S «В основном же я не для того возродил вооруженные силы, чтобы они бездействовали. Решение действовать всегда жило во мне. Раньше или позже я хотел разрешить проблему. Вынужденно получалось так, что восток на ближайшее время выпал».

Это ли не свидетельство того, что Гитлер не делал из своих преступных планов секрета для высших военных руководителей гитлеровской Германии?

Еще более убедительными в этом смысле являются военно-оперативные документы германского командования, в которых в циничной форме излагаются преступные агрессивные цели гитлеровского правительства.

В директиве Гитлера от 30 мая 1938 г. о реализации плана «Грюн», предусматривавшего захват Чехословакии, указывалось:

«Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшем будущем должна быть разбита в результате одного военного акта».

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные, мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности».

Или директива от 27 марта 1941 г. о захвате Югославии, которой предусматривалось:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать, как врага, и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно».

Своего апогея эта циничная откровенность достигает в немецких военно-оперативных документах, касающихся подготовки нападения на СССР.

В инструкции ОКВ об особых областях от 13 марта 1941 г., т. е. еще задолго до нападения на СССР, прямо указывалось:

«Захватываемые во время операции русские области, как только это позволит ход военных действий, должны превращаться, в соответствии

со специальными инструкциями, в государства с собственными правительствами».

В «Указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне месяце 1941 года, предусматривалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Наконец, документ № 21 от 18 декабря 1940 г., зашифрованный под названием «план Барбаросса», гласил:

«Конечной целью операций является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск—Волга».

Бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс дал здесь, в Суде, исчерпывающее объяснение этой «конечной цели», которую преследовала гитлеровская Германия в войне против Советского Союза и которая была известна всему руководящему составу германских вооруженных сил.

Об этом с наименьшей убедительностью свидетельствует оглашённый здесь, в Суде, моим американским коллегой приказ бывшего командующего XI германской армией генерал-фельдмаршала фон Манштейна, в котором он, излагая политические цели войны против Советского Союза в духе указаний Гитлера, недвусмысленно оповещает своих подчиненных о том, что задача нападения на Советский Союз состоит в уничтожении существующей в нем политической системы государственного руководства.

Странно звучат после всего этого слова гитлеровского генерала фон Манштейна о том, что он был только солдатом, не осведомленным в политике гитлеровского правительства.

Этот приказ показывает не только осведомленность генералов в политических целях войны, но и полное одобрение этих целей. Да иначе не могло и быть. Что мог бы сделать Гитлер и его клика, если бы военные специалисты, генералитет немецкой армии не одобряли его планов.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ЭТОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

В гитлеровской Германии действительно существовала специфическая структура военного аппарата. Наряду с ОКВ действовал генеральный штаб сухопутных войск, а также штабы военно-воздушных и военно-морских сил.

Штабы отдельных родов войск разрабатывали каждый в сфере своей компетенции соответствующие части общих агрессивных планов гитлеровской Германии, а ОКВ координировал и объединял эту деятельность отдельных родов войск.

Поскольку решающая роль в осуществлении агрессивных планов возлагалась на сухопутные войска с их многочисленными и мощными танковыми силами, главенствующее место в подготовке агрессивных мероприятий гитлеровского правительства, естественно, занимал германский генеральный штаб.

Таким образом, существовавшая в гитлеровской Германии структура военного аппарата ни в коей мере не исключала, а, наоборот, предполагала самую активную роль генерального штаба в разработке, подготовке

и осуществлении преступных агрессивных планов гитлеровского правительства.

Для характеристики практической роли германского генерального штаба в разработке и подготовке агрессивных планов гитлеровской Германии я сошлюсь на некоторые факты.

Я напому вам, господа Судьи, заявление бывшего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, подтвержденное им здесь в Суде.

Паулюс сообщил:

«При моем поступлении на службу в ОК.Х 3 сентября 1940 г. я, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный план нападения на СССР, известный под условным названием «Барбаросса».

«Начатая в августе 1940 года разработка предварительного плана «Барбаросса» закончилась проведением двух военных игр под моим руководством в главной квартире ОК.Х в Цоссене. Результат игр, принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса», показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань — Архангельск должна была бы привести к полному поражению советского государства».

Разве кому-нибудь может быть теперь не ясно, что германский генеральный штаб являлся, наряду с ОК.В, создателем преступного плана «Барбаросса»?!

Не менее активная роль принадлежала германскому генеральному штабу в подготовке других агрессивных планов гитлеровской Германии.

Бывший германский генерал, заместитель подсудимого Иодля, Вальтер Варлимонт в своих показаниях от 13 ноября 1945 г. сообщил:

«Это указание (вариант «Барбаросса») появилось на свет точно таким же образом, как и другие подобные указания. Вначале следовал доклад главнокомандующего сухопутными силами у Гитлера об оперативных планах».

Не может вызвать никаких сомнений то, что в разработке преступных агрессивных планов германскому генеральному штабу, наряду с ОК.В, принадлежала решающая роль.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Германские вооруженные силы и их военачальники совершали, самостоятельно или во взаимодействии с германскими полицейскими органами, бесчисленные злодеяния на оккупированных территориях.

Простое перечисление документальных доказательств, разоблачающих злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях, заняло бы слишком много времени.

Поэтому я сошлюсь лишь на отдельные доказательства, подтверждающие, что военные преступления и преступления против человечности совершались немецкими вооруженными силами планомерно, в массовых масштабах, были заранее организованы и в них участвовали все звенья германской военной машины — от фельдмаршала до солдат.

Достаточно вспомнить распоряжение подсудимого Кейтеля от 13 мая 1941 г. «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», которым предписывалось применение

«самых крайних мер», для чего германским офицерам предоставлялось право расстрела без суда, и которым устанавливалась безнаказанность немецких военнослужащих за преступления, совершенные в отношении мирного населения.

Или распоряжение того же подсудимого Кейтеля от 16 сентября 1941 г., которым он предписывал германским войскам «иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Можно также указать на приказы ОКВ об уничтожении советских военнопленных комиссаров, о клеймении советских военнопленных, приказы подсудимого Геринга об уничтожении взятых в плен летчиков союзных армий, о разграблении оккупированных территорий и угоне мирного населения в Германию на принудительный труд, приказ подсудимого Деница, запрещающий спасать людей с тонущих кораблей, приказ бывшего генерал-фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на востоке» и многие другие.

Все они приобрели теперь уже нарицательный смысл.

Эти преступные приказы не оставались приказами на бумаге, как это пытались представить здесь некоторые свидетели вроде фон Браухича, или фон Манштейна. Они с немецкой пунктуальностью претворялись в жизнь.

Трибунал выслушал показание свидетеля, бывшего генерал-майора медицинской службы германской армии Вальтера Шрайбера.

Шрайбер, являясь ученым-бактериологом, рассказал о плане гитлеровских заговорщиков использовать в войне в качестве оружия смертоносные бактерии чумы. Он сообщил, как зарождалось и осуществлялось это преступление, вдохновителями которого были германское верховное командование и германский генеральный штаб, подсудимые Герман Геринг и Вильгельм Кейтель.

Только выход наступающих частей Красной Армии к границам Германии сорвал этот преступный план гитлеровской военной клики, осуществление которого угрожало новыми страшными бедствиями, опустошением всей Европы.

Гитлеровское тотальное государство широко использовало взаимодействие отдельных своих звеньев. И неслучайно при этом особое внимание было уделено обеспечению взаимодействия военного аппарата в гитлеровской Германии с другими немецкими государственными органами.

ОКВ было представлено во многих германских министерствах так называемыми офицерами связи, в то же время многие министерства имели своих представителей в ОКВ.

Особенно широко подобное взаимодействие было использовано в деятельности немецких военных и гражданских властей на оккупированных территориях.

Но если гитлеровские военачальники под давлением улик вынуждены признавать свои связи, например, с министерством иностранных дел или министерством восточных оккупированных территорий, то они наотрез отказываются признавать свои связи с германской государственной полицией и СС.

И это понятно. Одно наличие подобной связи само по себе разобла-

чило бы их участие в многочисленных злодеяниях на оккупированных территориях.

Поэтому я считаю себя обязанным доказать существование преступной связи между германским военным командованием и германской государственной тайной полицией и другими полицейскими органами.

Возникновение этой связи относится к периоду еще задолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Инструкцией об особых областях, изданной ОКВ 13 марта 1941 г. и подписанной подсудимым Кейтелем, предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между рейхсфюрером СС и командованием армии.

Свидетели Вальтер Шелленберг и Отто Олендорф, бывшие руководители германского имперского управления безопасности, в своих показаниях на суде сообщили, что еще в мае 1941 года во исполнение указаний ОКВ представителем ОКХ генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником полиции безопасности и СД Гейдрихом было заключено соглашение, предусматривавшее организацию и порядок деятельности в составе германских вооруженных сил специальных оперативных групп полиции безопасности и СД.

Во время перекрестного допроса на суде свидетеля фон Браухича он подтвердил, что был осведомлен о соответствующих переговорах между Вагнером и Гейдрихом.

Наличие и характер деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД в составе германских вооруженных сил подтверждается рядом документальных доказательств.

В отчете оперативной группы «А» полиции безопасности и СД, по состоянию на 15 октября 1941 г., указывалось:

«В наши задачи входило установить личный контакт с командующими и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гопнер».

И далее:

«С самого начала наступления на восток стало ясно, что специальная работа полиции безопасности должна распространяться не только на район тыла, но и на район главных действий».

Из письма генерального комиссара Белоруссии палача Кубе от 1 ноября 1941 г., в котором даже он выражает возмущение преступными действиями полицейских органов в г. Слуцке, видно, что 11-й полицейский батальон, проводивший массовые расстрелы евреев в этом городе, находился «в непосредственном подчинении военного командования».

И от приказов Геринга, Деница, Йодля, Кейтеля, от преступного соглашения Вагнера и Гейдриха, от приказов Рейхенау и Манштейна проложен кровавый след к бесчисленным злодеяниям немецких войск и оперативных групп полиции безопасности на оккупированных территориях.

Кровью миллионов невинных жертв обгарены не только руки немецкого солдата Книттеля и обер-ефрейтора Курта, но и руки фельдмаршалов немецкой армии.

Гитлеровская военная машина, возглавленная верховным главнокомандованием вооруженными силами и германским генеральным

штабом, являлась решающей силой, с помощью которой замышлялись и осуществлялись все преступные агрессивные планы гитлеровского правительства, все военные преступления и преступления против человечности.

Германское верховное командование и германский генеральный штаб являлись таким образом одной из важнейших организаций по осуществлению преступного заговора гитлеровской клики, а высшие военачальники германских вооруженных сил—активными участниками этого заговора.

В результате судебного следствия я считаю полностью доказанным преступный характер этой военной организации.

ПРАВИТЕЛЬСТВО (ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ)

Я перехожу к последней из организаций, которой предъявлено обвинение в том, что она является преступной, — к гитлеровскому правительству, к правительственному кабинету, который занимал особо выдающееся место в системе фашистской диктатуры.

Приложение «В» к Обвинительному акту содержит подробный перечень лиц, которые составляли правительство и на которых в силу этого возлагается ответственность за совершенные гитлеровцами преступления, перечисленные в разделах первом, втором, третьем и четвертом Обвинительного акта.

На протяжении девяти месяцев Трибунал рассматривал доказательства чудовищных преступлений нацистов. Мы слушали здесь о преступлениях полиции и вермахта, эсэсовцев и гестапо, имперских наместников и имперских комиссаров оккупированных территорий, различных фюреров и лейтеров. И мы можем со всей категоричностью заявить, что планомерность и однородность преступлений, единство способов и методов их совершения свидетельствуют о том, что эти преступления направлялись и совершались по указаниям единого центра. Нити всех этих многочисленных и многообразных преступлений ведут к банде фашистских заговорщиков — к преступному гитлеровскому правительству.

В этом свете совершенно неубедительными являются заявления защиты и подсудимых о том, что при Гитлере совет министров был только техническим аппаратом, лишенным реальной власти. Действительно, министры не только сами разрешали отнесенные к их компетенции вопросы, но вместе с тем являлись исполнителями воли Гитлера. Верно и то, что окончательное решение после официальных и неофициальных обсуждений и совещаний принимал Гитлер. Но, наряду с этим, нельзя забывать и того факта, что каждый из гитлеровских министров был фюрером в своем ведомстве и своими советами, представляемыми материалами, проектами законов и приказов весьма существенно влиял на принимаемые Гитлером решения в отношении вопросов, затрагивающих деятельность нескольких ведомств. Нельзя также не учитывать, что воля Гитлера полностью соответствовала личным взглядам и убеждениям его министров. Они были нужны Гитлеру в такой же степени, как и Гитлер был нужен им. Геринг, Фрик, Розенберг, Нейрат, Шпеер, Функ и другие немислимы без Гитлера, равным образом Гитлер немислим без них. Под руководством Гитлера они активно участвовали в разработке фашистского заговора, и каждый

из них в роли, отведенной ему общим преступным планом, определяющим деятельность буквально всех ведомств, сознательно и активно выполнял этот план. Будучи руководителями соответствующих центральных ведомств гитлеровской Германии — финансов, экономики, юстиции, путей сообщения и т. д., — они обладали в период 1933—1945 гг. всей полнотой законодательной, исполнительной, административной и политической власти. И эту власть они использовали на осуществление преступных планов захвата чужих территорий, истребления рас и народов, установления мирового господства. А чтобы облегчить выполнение этих преступных планов, они в первую очередь захватили и драконовскими мерами поддерживали власть над немецким народом и немецким государством.

Волна фашистского террора прокатилась по всей Германии еще до прихода Гитлера к власти и особенно усилилась после того, когда в 1933 году он стал канцлером, а подсудимые Фрик, Папен и Нейрат министрами имперского правительства. Используя свое пребывание в составе правительства, эти фашистские министры полностью легализовали террор штурмовых отрядов нацистской партии и подготовили последующий захват власти, используя для этого организованный подсудимым Герингом поджог рейхстага.

Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. издается закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, предоставляется право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, 1 декабря 1933 г. преступное имперское правительство за подписью Гитлера и подсудимого Фрика публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается фашистами в учреждение, не имеющее никакого реального значения.

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г., «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого национал-социалистской партией».

Проведение полной фашизации аппарата государственной власти в Германии позволило гитлеровским заговорщикам использовать его в дальнейшем как послушное орудие для осуществления всех своих преступных планов.

Для внедрения фашистской идеологии и обмана населения Германии гитлеровское правительство проводит ряд мер.

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости

и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности.

Такого рода задачи выполняли также имперский руководитель молодежи и подведомственные ему органы.

Отменяется свобода личности, слова и печати. ^v

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключаются в тюрьмы.

Для террористического подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда, без предъявления в законном порядке какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Защита пытается заверить, что члены имперского правительства не участвовали в издании позорных нюрнбергских законов о расовой дискриминации евреев. Между тем нюрнбергские законы содержали специальные поручения двум членам имперского правительства — Гессу и Фрику — разработать и издать дополнительные декреты в развитие этих законов. И эти декреты были изданы Гессом и Фриком.

Тот же Фрик совместно с Функом, действуя по поручению Геринга, издал 3 декабря 1938 г. декреты «о ликвидации еврейской собственности» и ряд других.

В любом государстве правительство несет ответственность за все законы, изданные в период нахождения его у власти.

Трибунал имел возможность подробно рассмотреть всю деятельность гитлеровского правительства, направленную к подготовке и развязыванию агрессии. Мне нет необходимости напоминать о захвате Австрии и Чехословакии в 1938—1939 гг., нападении на Польшу, Югославию, Советский Союз. Многочисленные документы, представленные Трибуналу, подтверждают, что со стороны гитлеровского правительства было сделано все для удержания в своих руках захваченных территорий Франции, Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Голландии, Бельгии и других стран, так же как и части территории СССР. Только мощные удары Советской Армии и армий союзных государств не дали возможности фашистским заговорщикам осуществить эти злодейские планы.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания многим народам.

Гитлеровское правительство отвечает также за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены немецкими войсками и немецкими властями в ходе военных действий. Многочисленные доказательства, прошедшие перед судом, достаточно ясно показали, что гитлеровская Германия готовилась к ведению войны самым беспощадным путем, с полным пренебрежением к законам и обычаям войны.

Военные преступления и преступления против человечности совершались не только в отношении вооруженных сил объединившихся против фашистского агрессора свободолюбивых народов, но также и против ни в чем неповинного мирного гражданского населения. Еще до вероломного нападения на Советский Союз правительство гитлеровской Германии тщательно разработало планы чудовищного истребления передовой части советского народа.

Опубликованные в свое время Чрезвычайной Государственной Комиссией сообщения о немецко-фашистских злодеяниях в гг. Новгороде, Ставрополе, Орле, Сталине, Смоленске, Киеве и других городах установили существование продуманной системы преднамеренного массового истребления немецкими оккупантами военнопленных и мирных советских граждан.

Все подсудимые — члены гитлеровского правительства лицемерно утверждали, что о неслыханных зверствах гитлеровцев в концентрационных лагерях, о диком произволе эсэсовцев, о бесчинствах немецких властей на временно оккупированных немцами территориях они якобы узнали только на настоящем процессе. Но эти утверждения явно лживы.

Об этих фактах знал в той или иной мере каждый немец. Об этом передавали радиостанции всего мира.

О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных и мирных советских граждан было доведено до сведения всего мира в нотах Народного Комиссара Иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г. И несмотря на то, что нарушения самых элементарных требований международного права и человеческой морали, которые допускались немецкой армией и немецкими властями, стали известны имперскому правительству из названных нот, преступное попрание законов и обычаев войны продолжалось и в 1943—1945, гг. Следовательно, все эти преступления творились с ведома и по прямым указаниям гитлеровского правительства.

Разве Розенберг не получил служебную записку Ламмерса, в которой указывалось, что в отношении советских военнопленных Женевская конвенция не действует?

Разве не был разослан министрам циркуляр партийной канцелярии за подписью подсудимого Бормана с директивой о жестоком обращении и надругательствах над советскими военнопленными?

Разве министерство внутренних дел, главное управление имперской безопасности, гестапо, тюрьмы и концлагери не являлись органами германского правительства?

Оно должно в полной мере нести ответственность за совершенные этими фашистскими государственными органами злодеяния.

Члены гитлеровского правительства всячески пытались отгородиться от СС-вцев и, будучи избалованы, каждый раз придумывали новые версии, одна лживее другой.

Розенберг, Нейрат, Фрик, Франк, Риббентроп и прочие министры были генералами СС и СА.

И это обстоятельство имело отнюдь не формальное значение, в чем можно убедиться хотя бы из письма подсудимого Риббентропа к Гиммлеру от 22 июля 1940 г., представленного Суду Советским обвинением.

Министр Розенберг пытался заверить суд, что он также не знал о злодейских приказах министра Гиммлера.

Но именно Гиммлер, предписывая 7 сентября 1943 г. фюрерам СС и СД проведение совместно с военным командованием тотального разрушения областей Украины, когда он предлагал, чтобы «там не было оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни одного целого дома, ни одной шахты, которую можно было эксплуатировать в течение ближайших лет, ни одного не отравленного колодца», — специально позаботился о том,

чтобы об этом приказе был информирован рейхсминистр по восточным оккупированным территориям Розенберг.

Министр Геринг разослал 8 марта 1940 г. «высшим имперским властям» преступную директиву об «обращении с гражданскими рабочими и работницами польской национальности в империи».

Министр Франк, как он об этом неоднократно отмечал в своем дневнике, получает директивы от Геринга об угоне в немецкое рабство любыми способами сотен тысяч поляков.

Министры Шпеер, Розенберг, Кейтель, Функ, Зейс-Инкварт и другие изобличены на суде в даче директив и разработке мероприятий по использованию принудительного труда военнопленных и мирных жителей захваченных немцами территорий.

Не кто другой, как министр Розенберг, одобрил мероприятие армейской группы «Центр» о захвате 40—50 тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет с советской территории и доставке их в Германию.

Разве эти примеры не свидетельствуют о преступлениях гитлеровского правительства?

Документально установлено, что планомерно организованное ограбление захваченных немцами территорий проводилось по официальным директивам и указаниям гитлеровского правительства и отдельных его членов. Директивы министра Геринга о плановом грабеже на оккупированной советской территории (так называемая «Зеленая папка» Геринга), деятельность грабительского «эйнзатцштаба» и «батальона особого назначения» министров Розенберга и Риббентропа по разграблению культурных ценностей и памятников искусства, действия министров Функа и Шпеера — разве не достаточны для вывода об участии гитлеровского правительства в разграблении захваченных немцами территорий?

Имперское правительство Германии отвечает за разграбление государственной, общественной и частной собственности, за разрушение и расхищение культурных ценностей на временно оккупированных гитлеровцами территориях. Только СССР действиями оккупантов причинен материальный ущерб в сумме 679 миллиардов рублей.

Члены имперского правительства несут ответственность за принудительную германизацию захваченных немцами областей. Именно имперские министры Геринг, Фрик, Гесс, Ламмерс подписали указ о включении четырех западных провинций Польши в состав Германии.

Не кто иной, как министр Фрик, инструктируя имперского наместника Рейнера, говорил:

«...Ваша самая главная задача будет состоять в том, чтобы новые области югославской Каринтии и Верхней Крайны включить полностью в состав Германской империи... Так как без создания стены немецких людей, каждое здание управления, как бы оно ни было хорошо, рухнет раньше или позже... ваша задача, партиш ый товарищ Рейнер, состоит в том, чтобы эту область вновь и вполне сделать немецкой».

Достаточно вспомнить соглашение министров Риббентропа и Гимmlера об организации разведывательной службы за границей; соглашение Гимmlера—Бормана с министром юстиции Тираком от 13 августа 1942 г. об осуществлении особых массовых полицейских мероприятий по уничтожению евреев, цыган, русских, украинцев, поляков, чехов под видом так называемых асоциальных элементов; письмо министра Ламмерса от 4 июня 1944 г. на имя министра Тирака о непривлечении к от-

ветственности виновных в убийстве приземлившихся союзных летчиков; письмо министра Кейтеля министру иностранных дел по вопросу об обращении с союзными летчиками, — чтобы представить себе бандитское правительство.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах показав его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет».

Председателем тайного совета Гитлер назначил Нейрата, а членами—Риббентропа, Геринга, Гесса, Геббельса, Ламмерса, Браухича, Редера и Кейтеля.

21 мая 1935 г. Гитлер создал имперский совет обороны.

30 августа 1939 г. Гитлер реорганизует совет по обороне государства в совет министров по обороне Германской империи, назначив председателем этого совета министра Геринга, а членами — Гесса, Фрика, Функа, Кейтеля и Ламмерса.

На заседании от 23 июня 1939 г. председатель этого совета Геринг подчеркнул, что «совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне» и что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений».

Не оборона, а нападение, подготовка к агрессивным войнам была задачей этого совета.

В подготовке к войне принимали участие не только члены имперского совета обороны, но и все остальные министры.

Так, на заседании совета от 23 июня 1939 г. принимали участие наряду с Герингом, Функом, Фриком, Гиммлером, Кейтелем и Ламмерслом министры Шверинг фон Крозиг, Дорфмюллер и другие.

На этом заседании планировалось не только использование в военной промышленности труда военнопленных и населения захваченных территорий, но и труда заключенных и даже количество заключенных во время войны.

В протоколе указывается:

«Генеральному уполномоченному по экономике (т. е. Функу) поручается определить ту работу, которую должны будут выполнять военнопленные, а также лица, остающиеся в тюрьмах, концлагерях и на каторге. По сведениям рейхсфюрера СС, во время войны в концлагерях будет находиться значительно большее количество людей. По предварительным данным, в мастерских внутри концлагерей будет занято 20 тысяч заключенных».

На этом заседании упоминались директивы по сотрудничеству между ОКВ и генеральным уполномоченным по экономике от 3 мая 1939 г. при подготовке предприятий военного хозяйства к войне, обсуждались планы тотальной войны, были заслушаны специальные доклады начальника 5-го отдела генерального штаба полковника Герке и министра путей сообщения Дорфмюллера.

Были ли осведомлены все члены имперского правительства об этих решениях? Безусловно, да, и это видно хотя бы из перечня адресатов, кому был разослан протокол заседания от 23 июня 1939 г. Протокол заседания имперского совета обороны был разослан: заместителю фюрера, начальнику имперской канцелярии, председателю тайного совета министров, уполномоченному по четырехлетнему плану, министрам иностранных дел, юстиции, внутренних дел, воспитания и народного просвещения,

экономики, по делам церкви, питания и сельского хозяйства, труда, финансов, путей сообщения, почт, директорату Рейхсбанка и т. д.

Одно то обстоятельство, что большинство членов имперского правительства является подсудимыми на настоящем процессе, предreshает вопрос о характере данной организации.

Я считаю, что виновность германского гитлеровского правительства в тяжчайших преступлениях полностью доказана, и оно должно быть признано преступной организацией.

Господа Судьи!

Для осуществления задуманных ими злодеяний главари фашистского заговора создали систему преступных организаций, которой была посвящена моя речь.

Ныне те, кто поставили целью установить господство над миром и истребление народов, с трепетом ждут грядущего приговора суда.

Этот приговор должен настичь не только посаженных на скамью подсудимых авторов кровавых фашистских «идей», главных организаторов преступлений гитлеризма.

Ваш приговор должен осудить всю преступную систему германского фашизма, ту сложную, широко разветвленную сеть партийных, правительственных, эсэсовских, военных организаций, которые непосредственно претворяли в жизнь злодейские предначертания главных заговорщиков.

На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму.

В огне величайших в истории человечества боев героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития.

Обвинение выполнило свой долг перед высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью.

Да совершится же над фашистскими палачами суд народов — справедливый и суровый.

ПРИГОВО

Р

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ,
заседавший в Нюрнберге (Германия) в составе:

Достопочтенного лорда-судьи ЛОРЕНСА (члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) — председатель,

Достопочтенного судьи БИРКЕТТА (заместителя члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии),

Генерал-майора юстиции И. Т. НИКИТЧЕНКО (члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

Подполковника А. Ф. ВОЛЧКОВА (заместителя члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

Достопочтенного Фрэнсиса БИДДЛА (члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

Достопочтенного Джона Дж. ПАРКЕРА (заместителя члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

Господина профессора ДОННЕДЬЕ де ВАБРА (члена Трибунала от Французской республики),

Господина советника ФАЛЬКО (заместителя члена Трибунала от Французской республики),

— с привлечением уполномоченных, назначенных Трибуналом для допроса свидетелей по делу организаций: подполковника А. М. С. НИВА — главного уполномоченного; г-на И. В. РАЗУМОВА; капитана Джозефа Ф. ГУБРИДИ; г-на Джорджа Р. ТЭЙЛОРА; г-на И. Д. МАК-ИЛЛРЕЙТА; г-на Амман МАРТЕН-АВАРА, и Секретариата Трибунала в составе: Генерального Секретаря: а) бригадного генерала Вильяма И. МИТЧЕЛЛА с 6 ноября 1945г. до 24 июня 1946г., б) полковника Джона Е. РЕЯ с 24 июня 1946 г.; секретаря от Союза Советских Социалистических Республик майора А. И. ПОЛТОРАКА; секретаря от Соединенных Штатов Америки: а) Гарольда Б. ВИЛЛИ с 6 ноября 1945 г. до 16 июня 1946 г., б) Вальтера ГИЛКИСОНА с 16 июня 1946 г.; секретаря от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии И. Д. МАК-ИЛЛРЕЙТА; секретаря от Французской республики А. МАРТЕН-АВАРА;

Рассматривал дело по обвинению: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнеста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда

Иодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: имперский кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СС), включая службу безопасности (известную под названием СД), государственная тайная полиция (известная под названием гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СА), генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил, — всех, как они названы в приложении «В» к Обвинительному заключению;

С участием главных обвинителей: от Соединенных Штатов Америки — г-на судьи Роберта Х. ДЖЕКСОНА,

от Союза Советских Социалистических Республик — государственного советника юстиции 2 класса — Р. А. РУДЕНКО,

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — сэра Хартли ШОУКРОССА, адвоката Королевской скамьи, члена парламента;

от Французской республики — г-на ШАМПЕТЬЕ де РИБА
и з а щ и т н и к о в:

подсудимого Геринга	д-ра Отто Штамера,
» Гесса	д-ра Альфреда Зейдля.
» Риббентропа	д-ра Мартина Хорна,
» Кейтеля	д-ра Отто Нельте.
» Кальтенбруннера	д-ра Курта Кавфмана.
» Розенберга	д-ра Альфреда Тома,
» Франка	д-ра Альфреда Зейдля.
» Фрика	д-ра Отто Панненбекера.
» Штрейхера	д-ра Ганса Маркса.
» Функа	д-ра Фрица Завтера.
» Шахта	д-ра Рудольфа Дикса.
» Деница	капитана Отто Кранцбюлера,
» Релера	д-ра Вальтера Зимерса.
» фон Шираха	д-ра Фрица Завтера.
» Завкеля	д-ра Роберта Сервативса.
» Иодля	проф. Франца Экснера.
» фон Папена	д-ра Эгона Кубушока.
» Зейсс-Инкварта	д-ра Густава Штейнбауэра.
» Шпеера	д-ра Ганса Флехснера.
» фон Нейрата	д-ра Отто фон Людингхаузена,
» Фриче	д-ра Гейнца Фриша.
» Бормана	д-ра Фридриха Бергольда,

имперского кабинета (рейхсрегирунг) — д-ра Эгона Кубушока, руководящего состава национал-социалистской партии — д-ра Роберта Сервативса,

охранных отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СС) — д-ра Бабея и д-ра Пелькмана,

службы безопасности (известной под названием СД) — д-ра Ганса Гавлика,

государственной тайной полиции (известной под названием гестапо) — д-ра Рудольфа Меркеля,

штурмовых отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СА) — д-ра Георга Бема,

генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил — д-ра Ганса Латернзера.

ПРИГОВОР

8 августа 1945 года Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

В соответствии со статьей 5-й Правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции Трибунала.

Трибунал был облечен властью судить и наказывать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как они определены в Уставе.

Устав также предусматривает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

18 октября 1945 г. в Берлине, в соответствии со статьей 14-й Устава, Трибуналу было представлено Обвинительное заключение в отношении вышеперечисленных подсудимых, которые были названы Комитетом Главных Обвинителей подписавших соглашение держав главными военными преступниками. Экземпляр Обвинительного заключения на немецком языке был вручен каждому подсудимому, находившемуся в заключении, по крайней мере, за 30 дней до начала процесса.

Согласно Обвинительному заключению, подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимым вменяется в вину участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений.

Обвинение далее просило Трибунал объявить все вышеназванные группы или организации преступными в том смысле, как это определено Уставом.

Обвиняемый Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 г. 15 ноября 1945 года Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

17 ноября 1945 г. Трибунал постановил слушать дело подсудимого Мартина Бормана в его отсутствие, в соответствии со статьей 12 Устава. После обсуждения аргументов и рассмотрения подробных медицинских заключений и заявления самого подсудимого, 1 декабря 1945 г. Трибунал решил, что умственное состояние подсудимого Гесса не является основанием для откладывания рассмотрения его дела. Подобное же решение было вынесено в отношении подсудимого Штрейхера.

В соответствии со ст.ст. 16 и 23 Устава, подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбрали себе защитников, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

В связи с отсутствием подсудимого Бормана Трибунал назначил ему защитника, а также назначил защитников для названных выше групп или организаций.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания Трибунала. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых, был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организации. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний. 38000 письменных показаний, подписанных 155000 человек было представлено по делу политических руководителей; 136213—по делу СС; 10000—по делу СА; 7000 — по делу СД; 3000 — по делу генерального штаба и ОК.В и 2000 — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами. Во время процесса производилась полная стенографическая запись всего, что говорилось на суде, а также электророзвучка запись всех заседаний Трибунала.

Копии всех документов, представленных в качестве доказательств Обвинения, передавались защите на немецком языке. Ходатайства подсудимых о вызове свидетелей и истребовании документов в некоторых случаях вызывали серьезные затруднения в связи с неустойчивым в стране. Было также необходимо ограничить число свидетелей, вызы-

ваемых в Трибунал, для того, чтобы обеспечить скорый суд в соответствии со статьей 18(с) Устава. Трибунал после их рассмотрения удовлетворил все те ходатайства, которые, по его мнению, имели отношение к защите любого из подсудимых или любой из названных групп или организаций и не являлись кумулятивными. Через генеральный секретариат, учрежденный Трибуналом, была предоставлена возможность доставки свидетелей и документов, ходатайства о вызове и истребовании которых были удовлетворены.

Большая часть доказательств, представленных Трибуналу Обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и в других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копиях, зарытыми в земле, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов.

Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев.

ПОЛОЖЕНИЯ УСТАВА

Отдельные подсудимые обвиняются по статье 6 Устава, которая гласит:

«Статья 6. Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

(а) *Преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.

(b) *Военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

(c) *Преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью

осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Эти положения представляют собой правовую основу для Трибунала при рассмотрении данного судебного дела. Позднее Трибунал обсудит эти положения более детально, но перед этим необходимо остановиться на фактах.

С целью дать представление об обстановке, предшествовавшей агрессивной войне, и условиях совершения военных преступлений, инкриминируемых Обвинительным заключением, Трибунал начнет с обзора некоторых событий, последовавших за первой мировой войной, и, в частности, проследит за ходом развития нацистской партии под руководством Гитлера вплоть до момента, когда она стала той верховной властью, которая управляла судьбой всего немецкого народа и готовила почву для всех тех преступлений, в совершении которых обвиняются подсудимые.

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ГЕРМАНИИ

• ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЦЕЛИ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

5 января 1919 г., не более чем через два месяца после заключения перемирия, которым закончилась первая мировая война, и за шесть месяцев до подписания мирных договоров в Версале, в Германии появилась небольшая политическая партия под наименованием Германская Рабочая Партия. 12 сентября 1919 г. Адольф Гитлер стал членом этой партии и на первом открытом собрании, состоявшемся в Мюнхене 24 февраля 1920 г., объявил программу партии. Эта программа, остававшаяся неизменной до момента, когда партия была распущена в 1945 году, содержала 25 пунктов, из которых следующие 5 представляют особый интерес, поскольку они освещают те вопросы, рассмотрением которых занимается Трибунал:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

Пункт' 2. Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением.

Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе...

Пункт 22. Мы требуем уничтожения наемных войск и создания национальной армии».

Одной из этих целей, которая, очевидно, рассматривалась как самая важная и о которой говорилось почти во всех публичных выступлениях, было уничтожение «позора» перемирия и ограничений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров. Типичной является речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене 13 апреля 1923 г., в которой он, например, заявил относительно Версальского договора:

«Договор был создан для того, чтобы привести к гибели 20 миллионов немцев и погубить германскую нацию... При своем возникновении наше движение выдвинуло три требования: 1) аннулирование мирного договора, 2) объединение всех немцев, 3) земля и территория для нашего народа».

Требование о воссоединении всех немцев в пределах Великой Германии сыграло важную роль в событиях, предшествовавших захвату Австрии и Чехословакии; отказ от Версальского договора стал ведущим мотивом в попытке оправдать политику германского правительства.

Требования земельных приобретений должны были послужить оправданием для захвата «жизненного пространства» за счет других народов. Исключение евреев из расового единства германской крови привело к зверствам против еврейского народа, а требования национальной армии не могли не привести к мероприятиям по перевооружению в самом широком масштабе и, впоследствии, к войне.

29 июля 1921 г. партия, переименованная в национал-социалистскую немецкую рабочую партию (НСДАП), была реорганизована, и Гитлер стал ее первым «председателем». Именно в этом году были основаны штурмовые отряды, или СА, во главе с Гитлером, являвшиеся полувоевыми отрядами личной охраны, которые якобы предназначались для защиты руководителей НСДАП от нападения со стороны соперничавших с ней политических партий и для поддержания порядка на митингах НСДАП, а на самом деле использовались для борьбы с политическими противниками на улицах. В марте 1923 года подсудимый Геринг был назначен руководителем СА.

Внутрипартийная жизнь строилась на непреложном соблюдении «принципа фюрерства» («фюрерпринцип»).

Согласно этому принципу каждый фюрер имел право управлять, администрировать и издавать распоряжения без всякого контроля и по своему собственному усмотрению, руководствуясь только указаниями сверху. Этот принцип осуществлялся, прежде всего, в отношении самого Гитлера, как фюрера партии, и затем, в меньшей степени, в отношении всех других партийных чиновников. Все члены партии давали клятву в «вечной верности» фюреру.

Существовало только два пути, при помощи которых Германия могла, достигнуть этих трех главных целей: путем переговоров или силой. В 25 пунктах программы НСДАП не указываются специально те методы, которыми руководители партии предполагали действовать, однако история нацистского режима показывает, что Гитлер и его последователи были готовы вступить в переговоры только при том условии, если их требования будут удовлетворены, и что в противном случае ими применялась сила.

В ночь на 8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел неудавшийся путч. Гитлер и несколько его последователей ворвались на митинг в погребке «Бюргерброй», на котором выступал баварский премьер-министр

Кар, с намерением добиться от него решения идти на Берлин. Однако утром 9 ноября баварцы не оказали им поддержки, и гитлеровская демонстрация была встречена вооруженными частями рейхсвера и полиции. Было сделано всего несколько залпов, и после того, как несколько десятков его последователей было убито, Гитлер убежал, спасая свою жизнь, и демонстрация кончилась. Подсудимые Штрейхер, Фрик, Гесс принимали участие в этой попытке к восстанию. Гитлер позднее предстал перед судом по обвинению в государственной измене, был осужден и приговорен к тюремному заключению. СА были объявлены вне закона.

Гитлер был освобожден из тюрьмы в 1924 году, и в 1925 году были созданы охранные отряды, или СС, якобы в качестве его личной охраны, а в действительности для того, чтобы терроризировать политических противников.

В том же году Гитлер опубликовал свою книгу «Майн кампф», где он изложил свои политические взгляды и цели, которая стала рассматриваться впоследствии как первоисточник нацистской доктрины.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

В течение восьми лет, последовавших за опубликованием «Майн кампф», НСДАП широко распространила свою деятельность по всей Германии, сосредоточив свое внимание прежде всего на воспитании молодежи в духе идей национал-социализма. Первая нацистская молодежная организация начала свое существование в 1922 году, но лишь в 1925 году «Гитлеровская молодежь» была официально признана НСДАП. В 1931 году Бальдур фон Ширах, который вступил в НСДАП в 1925 году, стал имперским руководителем молодежи НСДАП.

Партия приложила все усилия для того, чтобы завоевать политическую поддержку германского народа. Она выставила свои кандидатуры как в рейхстаг, так и в ландтаги.

Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции.

Готовясь к тому дню, когда он намеревался захватить власть в Германии, Гитлер в январе 1929 года назначил Генриха Гимmlера рейхсфюрером, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную, отборную группу, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах. 30 января 1933 г. Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели.

Фон Папен был назначен рейхсканцлером 1 июня 1932 г. 14 июня он отменил декрет кабинета Брюнинга от 13 апреля 1932 г., которым распускались нацистские полувоенные организации, в том числе СА и СС. Это было сделано по соглашению между Гитлером и фон Папеном, хотя фон Папен отрицает, что это соглашение было заключено уже 28 мая, как это утверждает доктор Ганс Фольц в «Датах из истории

НСДАП», но в своих показаниях фон Папен признает, что это было результатом такого соглашения.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. имели своим результатом огромный рост силы НСДАП, и фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера, от которого тот отказался, настаивая на предоставлении ему поста канцлера.

В ноябре 1932 года руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру, причем Шахт принял видное участие в сборе подписей под этой петицией.

Выборы 6 ноября, которые последовали за поражением правительства, сократили число членов НСДАП, но фон Папен прилагал дальнейшие усилия к тому, чтобы склонить Гитлера войти в состав правительства, однако, безуспешно.

12 ноября Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к тому, что Вы станете канцлером. Как мне кажется, наша попытка собрать подписи в деловых кругах с этой целью в общем не была напрасной...».

После того, как 16 ноября Гитлер отказался от поста, фон Папен ушел в отставку и за ним последовал генерал фон Шлейхер, но фон Папен все еще продолжал свою деятельность. Он встретился с Гитлером в доме кельнского банкира фон Шредера 4 января 1933 г. и также вместе с подсудимыми Герингом и другими присутствовал на совещании в доме подсудимого Риббентропа 22 января. 9 января он также имел беседу с президентом Гинденбургом и, начиная с 22 января, официально обсуждал с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером.

Гитлер созвал первое заседание своего кабинета в день своего назначения канцлером, на котором по долгу службы присутствовали подсудимые Геринг, Фрик, Функ, фон Нейрат и фон Папен.

28 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага в Берлине. Этот поджог был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы. Декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и подсудимого Фрика, который занимал тогда пост имперского министра внутренних дел. 5 марта произошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 288 мест из общего количества 647 мест. Кабинет Гитлера стремился провести «Закон о защите народа и империи», который дал бы ему полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов конституции. Однако они не имели необходимого большинства в рейхстаге для того, чтобы иметь возможность осуществить это конституционным путем. Поэтому они воспользовались декретом об отмене гарантии свободы и подвергли так называемому «превентивному заключению» большое число коммунистов—депутатов и партийных работников.

Сделав это, Гитлер внес «Закон о защите народа и империи» на рассмотрение рейхстага и после того, как он ясно показал, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты дальнейшие насильственные меры, — этот закон был принят 24 марта 1933 года.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Достигнув таким образом власти, НСДАП стала забирать в свои руки все области германской жизни. Другие политические партии преследовались, их собственность и имущество конфисковывались и многие их члены были направлены в концентрационные лагеря. 26 апреля 1933 г. Геринг основал в Пруссии тайную государственную полицию, или гестапо, и сказал заместителю начальника гестапо, что главной задачей гестапо являлось уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера.

14 июля 1933 г. был издан закон, объявлявший НСДАП единственной политической партией и объявлявший преступлением существование или создание любой другой политической партии. Для того, чтобы передать полный контроль над правительственной машиной в руки нацистских руководителей, была издана серия законов и декретов, которые ограничивали полномочия областных и местных правительств во всей Германии, превращая их в ведомства, подчиненные правительству Империи. Представительные законодательные органы в провинциях были уничтожены и вместе с ними были ликвидированы все местные выборы.

Затем правительство перешло к обеспечению контроля над деятельностью государственных учреждений. Это было достигнуто путем централизации и в результате тщательной чистки всей гражданской администрации.

Закон от 7 апреля предусматривал отставку чиновников «неарийского происхождения»; также устанавливалось, что «следует увольнять с работы чиновников, которых, в связи с их прошлой политической деятельностью, нельзя с уверенностью рассматривать как людей, которые отдадут себя безоговорочно на службу нацистскому государству».

Закон от 11 апреля 1933 г. предусматривал увольнение «всех гражданских служащих, принадлежащих к коммунистической партии». Подобным же образом под контроль были взяты и судебные органы. Судьи снимались со своих постов по политическим и расовым мотивам. За ними шпионили, и они подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы вынудить их вступить в нацистскую партию, причем в ином случае им грозило увольнение. Когда Верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвинявшихся в причастности к пожару рейхстага, дела о государственной измене были затем изъяты из его юрисдикции и переданы вновь образованному «народному суду», состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии. Были учреждены специальные суды для преследования лиц, совершивших политические преступления, причем только члены партии назначались на должность судей. Граждане арестовывались СС по политическим мотивам, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены партии, осужденные судьями за совершение преступления, амнистировались. В 1935 году несколько должностных лиц концентрационного лагеря Хохштейн были обвинены в зверском обращении с заключенными. Высокопоставленные нацистские чиновники пытались оказать влияние на суд, и после того, как эти должностные лица были осуждены, Гитлер всех их освободил. В 1934 году правительство рассылало всем германским судьям «письма

судьям», инструктировавшие их, «какой генеральной линией» им следует придерживаться.

В своей решимости устранить все источники оппозиции руководители НСДАП обратили свое внимание на профессиональные союзы, церковь и евреев. В апреле 1933 года Гитлер приказал ныне умершему подсудимому Лёю, который был тогда начальником отдела кадров политической организации НСДАП, «взять на себя руководство профессиональными союзами». Большинство профессиональных союзов в Германии было объединено в две большие федерации — «свободные профессиональные союзы» и «христианские профессиональные союзы». В союзах, не входивших в эти две большие федерации, состояло только 15% всех членов профсоюзов. 21 апреля 1933 г. Лей издал директиву НСДАП, объявлявшую о назначенной на 2 мая «Акции по координации» против свободных профсоюзов. Директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном «Захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов». По завершении этого мероприятия официальное прессбюро НСДАП сообщало, что национал-социалистская организация по сбыту фабричных изделий «устранила прежнее руководство свободными профсоюзами» и взяла руководство ими в свои руки. Подобным же образом 3 мая 1933 г. прессбюро НСДАП объявило, что «христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Адольфа Гитлера». Вместо профсоюзов нацистское правительство создало «Германский трудовой фронт», контролируемый НСДАП, в который практически были обязаны вступать все рабочие Германии. Председатели союзов были взяты под стражу и подвергались жестокому обращению, которое включало все, начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством.

В своем стремлении бороться с влиянием христианской церкви, доктрины которой находились в полном противоречии со взглядами и практикой национал-социализма, нацистское правительство действовало более медленно. Нацисты не пошли на такую крайнюю меру, как запрещение исповедования христианской религии, но год за годом они делали все, что могли, для того, чтобы ограничить влияние христианства на германский народ, поскольку, по словам подсудимого Бормана, обращенным к подсудимому Розенбергу в официальном письме, «христианская религия и национал-социалистские доктрины не совместимы». В июне 1941 года подсудимый Борман издал секретный декрет об отношениях между христианством и национал-социализмом. Декрет гласил:

«Впервые в истории Германии фюрер сознательно и полностью держит руководство в своих руках. В лице партии, ее составных частей и примыкающих к ней организаций фюрер создал для себя, и тем самым для Германской империи, орудие, которое делает его независимым от договора... Следует все более и более изолировать народ от церкви и ее органов — пасторов... Никогда более нельзя уступать влияния на народ и руководство ими церкви. Это влияние должно быть уничтожено целиком и навсегда. Только имперское правительство и, по его указанию, партия, ее составные части и примыкающие к ней организации имеют право руководить народом».

С самых ранних дней существования НСДАП антисемитизм занимал видное место в национал-социалистском мышлении и пропаганде. Считалось, что евреи не должны были иметь права на германское гражданство

и что на них должна была возлагаться главная ответственность за все те бедствия, которые были причинены нации в результате войны 1914—1918 гг. Далее, антипатия к евреям усиливалась благодаря утверждению о превосходстве германской расы и крови. II глава I книги «Майн кампф» посвящена теории так называемой «Расы господ», — доктрине арийского превосходства над другими нациями и праву немцев, в силу своего превосходства, господствовать над другими народами и использовать их для достижения собственных целей. С приходом нацистов к власти в 1933 году преследование евреев стало официальной государственной политикой. 1 апреля 1933 г. нацистский имперский кабинет одобрил бойкот еврейских предприятий, и в течение последующих лет

- была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных силах. В сентябре 1935 года были изданы так называемые нюрнбергские законы, наиболее важным последствием которых явилось лишение евреев германского гражданства. Таким

- образом, влияние еврейских элементов на положение вещей в Германии было ликвидировано, и еще один потенциальный источник оппозиции нацистской политике был устранен.

При любом рассмотрении вопроса о подавлении оппозиции не следует забывать кровавой резни 30 июня 1934 г. Она стала известна под названием «Чистки Рема» или «Кровавой бани» и раскрыла методы, к которым Гитлер и его ближайшие пособники, включая подсудимого Геринга, были готовы прибегнуть для подавления всякой оппозиции и для консолидации своей власти. В тот день Рем, бывший начальником штаба СА с 1931 года, был убит по приказу Гитлера, и «старая гвардия» СА была истреблена одним ударом без всякого суда.

Этот случай был использован для уничтожения большого количества людей, которые в тот или иной период выступали против Гитлера.

Причиной для убийства Рема послужило то, что он замыслил свергнуть Гитлера, и подсудимый Геринг показал, что этот замысел дошел до его ушей. Нет необходимости устанавливать, было ли это действительно так или нет.

3 июля кабинет одобрил действия Гитлера, назвав это «законной самозащитой государства».

Вскоре после этого Гинденбург умер, и Гитлер стал одновременно имперским президентом и канцлером. Во время последовавшего за этим плебисцита, который проводился под контролем нацистов, 38 миллионов немцев выразили свое одобрение, и после того, как рейхсвер присягнул в верности фюреру, вся власть оказалась в руках Гитлера.

Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами и ее циничным и открытым отрицанием управления посредством законов.

Помимо политики разгрома потенциальных противников нацистского режима, гитлеровское правительство предприняло активные шаги для того, чтобы укрепить свою власть над германским народом. В области образования было сделано все для того, чтобы германская молодежь воспитывалась в духе национал-социализма и воспринимала национал-социалистские идеи. Еще 7 апреля 1933 г. был принят закон о реорганизации государственной службы, который дал возможность нацистскому правительству устранить всех учителей, «занимающихся подрывной деятельностью и неблагонадежных в политическом отношении», и за этим после-

довало проведение целого ряда других мер, которые обеспечивали уверенность в том, что школы будут укомплектованы такими учителями, которым можно было доверить внедрение в сознание учеников национал-социалистских доктрин. Кроме внедрения национал-социалистских идей в школах, нацистские руководители также опирались на организацию гитлеровской молодежи для обеспечения фанатической поддержки своему режиму со стороны молодого поколения.

Подсудимый фон Ширах, который с 1931 года был имперским руководителем молодежи НСДАП, в июне 1933 года был назначен фюрером молодежи германской империи. Вскоре все молодежные организации были распущены или поглощены «гитлеровской молодежью», за исключением организации католической молодежи. «Гитлеровская молодежь» была организована по строго военному принципу, и уже в 1933 году вермахт принимал участие в проведении допризывной подготовки гитлеровской молодежи.

Нацистское правительство пыталось объединить народ для поддержки его политики путем усиленного использования пропаганды. В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшемуся Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора. Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов.

Особенно подчеркивалась высшая миссия германского народа — руководить и господствовать в силу его нордической крови и расовой чистоты, и таким образом была подготовлена почва к осуществлению идеи мирового господства.

В результате эффективного контроля над прессой и радио немецкий народ, начиная с 1933 года, был подвергнут сильнейшему воздействию пропаганды в пользу режима; и не только враждебная критика, но и всякая критика была запрещена. Независимые суждения, основанные на свободе мысли, стали совершенно невозможными.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

В течение лет, непосредственно следовавших за тем, как Гитлер стал канцлером, нацистское правительство приступило к реорганизации всей экономической жизни Германии и, в особенности, промышленности производства вооружения. Это было проведено в больших масштабах и исключительно тщательно.

Было необходимо заложить финансовый фундамент для создания вооружения, и в апреле 1936 года подсудимому Герингу была поручена координация вопросов, связанных с сырьем и с иностранной валютой, и он был уполномочен осуществлять надзор за деятельностью государственных и партийных учреждений в этой области. В соответствии с этими обязан-

ностями он собрал у себя одновременно военного министра, министра экономики, имперского министра финансов, президента Имперского банка и министра финансов Пруссии для обсуждения вопросов, связанных с военной мобилизацией; 27 мая 1936 г. в выступлении перед вышеупомянутыми лицами Геринг возражал против какого-либо ограничения развития военной промышленности по финансовым соображениям, при этом он добавил: «Все меры должны рассматриваться с точки зрения обеспечения ведения войны». На партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году Гитлер объявил об утверждении четырехлетнего плана и о назначении Геринга уполномоченным по его проведению. В это время Геринг уже осуществлял строительство мощных военно-воздушных сил, а 8 июля 1938 г. он заявил нескольким видным представителям авиационной промышленности Германии, что военно-воздушные силы Германии превосходят английские как по количеству, так и по качеству; 14 октября 1938 г. на другом совещании Геринг объявил, что Гитлер дал ему указания организовать приведение в жизнь гигантской программы вооружения, по сравнению с которой покажутся незначительными все предыдущие достижения. Он сказал, что ему было приказано в максимально короткий срок построить военно-воздушные силы, в пять раз превосходящие прежние, ускорить перевооружение армии и флота и обратить внимание на постройку наступательного оружия, в частности, тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Затем он предложил конкретную программу по выполнению этих задач. Размеры, которых достигло вооружение, характеризуются Гитлером в его меморандуме от 9 октября 1939 г., после окончания польской кампании:

«Применение силы нашего народа в военных целях было проведено в таких размерах, что в течение короткого периода времени никакими усилиями нельзя добиться большего воздействия... Немецкий народ в настоящее время имеет больше дивизий, чем в 1914 году, и они вооружены в количественном и качественном отношении лучше.

Само оружие, в основном, является более современным, чем в других странах мира в настоящее время. Оно только что доказало свое военное превосходство в победоносной кампании... Нет никаких доказательств того, что какая-либо страна мира располагает лучшим вооружением, чем Германская Империя... Ни одна страна мира не имеет такой зенитной артиллерии».

При этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. В апреле 1933 года Густав Крупп фон Болен от имени имперской ассоциации германской промышленности представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью. В самом плане Крупп заявил, что «поворот в политических событиях согласуется с желаниями, которые я сам и правление лелеяли в течение долгого времени». То, что Крупп хотел сказать этим заявлением, полностью раскрывается в проекте текста речи, которую он предполагал произнести в университете в Берлине в январе 1934. года, но эта речь никогда не была произнесена.

Касаясь периода с 1919 по 1933 год, Крупп писал:

«Одной из великих заслуг всей германской военной экономики

является то, что она не оставалась праздною в течение этих тяжелых лет, несмотря на то, что ее деятельность по совершенно понятным причинам не могла быть предана гласности. В годы тайной работы была заложена научная основа и подготовлен фундамент для того, чтобы в назначенный час быть готовыми снова работать для германских вооруженных сил без потерь времени, используя опыт. Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, полученному в тот же период путем производства товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми задачами, возникшими в ходе восстановления германской военной мощи».

В октябре 1933 года Германия покинула Международную конференцию по разоружению и вышла из Лиги наций. В 1935 году нацистское правительство решило, что оно может предпринять первые открытые шаги для снятия с себя обязательств по Версальскому договору. 10 марта 1935 г. подсудимый Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил.

Через шесть дней 16 марта 1935 г., был принят закон, подписанный, в числе прочих, подсудимыми Герингом, Гессом, Фрайком, Фриком, Шахтом и фон Нейратом, согласно которому вводилась обязательная воинская повинность и предусматривалось создание германской армии мирного времени численностью в 500 000 человек. Пытаясь вновь успокоить общественное мнение других стран, правительство 21 мая 1935 г. объявило, что Германия, несмотря на отказ от выполнения обязательств по статьям о разоружении, продолжает придерживаться территориальных ограничений, предусмотренных Версальским договором, и будет соблюдать Локкарнский пакт. Несмотря на это, именно в тот день, когда было сделано это заявление, был принят секретный закон об обороне империи, опубликование которого было запрещено Гитлером. Полномочия и обязанности канцлера и других министров на случай вступления Германии в войну были определены этим законом. Из этого закона явствует, что к маю 1935 года Гитлер и его правительство пришли к такому этапу в осуществлении своей политики, когда им было необходимо иметь соответствующий аппарат для администрации и управления Германией в том случае, если их политика приведет к войне.

В то время, как проводилась подготовка германской экономики к войне, сами германские вооруженные силы подготавливались к восстановлению военной мощи Германии. Особенно активную подготовку проводил германский военно-морской флот. Официальные лица, занимавшиеся историей германского военно-морского флота, Асман и Гладиш, признают, что Версальский договор был в силе всего несколько месяцев до того, как он был нарушен, особенно в отношении создания подводного флота. Труды капитана Шлюссера и полковника Шерфа, которые издавались под общим наблюдением подсудимого Редера, были предназначены для того, чтобы показать германскому народу огромный размах усилий флота в области перевооружения, вопреки Версальскому договору. Полное содержание этих изданий представлено Суду в качестве доказательств.

12 мая 1934 г. Редер окончил разработку совершенно секретного плана вооружений, так называемой третьей фазы вооружения. В нем содержалась следующая фраза:

«Все теоретические и практические приготовления «А» должны быть закончены заблаговременно в расчете на готовность к войне

без какого о-л ибо предварительного периода приведения в боевую готовность».

Месяц спустя, в июне 1934 года, подсудимый Редер имел беседу с Гитлером, во время которой последний проинструктировал его о том, что он должен держать в тайне предпринятое тогда строительство подводных лодок и военных кораблей водоизмещением свыше 10000 тонн.

2 ноября 1934 г. подсудимый Редер имел другую беседу с Гитлером и подсудимым Герингом, во время которой Гитлер заявил, что он считает жизненно необходимым, чтобы германский военно-морской флот был «увеличен в соответствии с планом, поскольку никакая война не может вестись, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить безопасность транспортировки руды из Скандинавии».

Крупные заказы на строительство, поступившие в 1933 и 1934 гг., оправдываются подсудимым Редером на том основании, что к тому времени уже велись переговоры между Германией и Великобританией о соглашении, разрешающем Германии строительство кораблей сверх цифры, установленной Версальским договором. Это соглашение, подписанное в 1935 году, ограничивало тоннаж германского военно-морского флота одной третью по отношению к британскому, за исключением подводных лодок, относительно которых согласились на ограничение до 45%, причем предусматривалось право превышения этих установленных ограничений при условии предварительного уведомления английского правительства с тем, чтобы оно имело возможность рассмотреть этот вопрос.

В 1937 году последовал англо-германский договор, согласно которому обе стороны обязались давать подробные сведения о своей программе строительства, по крайней мере, за четыре месяца до проведения какого-либо мероприятия. Признано, что Германия не придерживалась этих условий. Например, данные о водоизмещении кораблей линейного класса были на 20% фальсифицированы, в то время, как относительно подводных лодок немецкие историки Асман и Гладш говорят следующее:

«Быть может, именно в области строительства подводных лодок Германия менее всего соблюдала ограничения англо-германского договора».

Значение этих нарушений договора становится ясным при рассмотрении причин этого перевооружения.

В 1940 году подсудимый Редер писал:

«До последнего момента фюрер надеялся, что он сможет оттянуть нависший конфликт с Англией до 1944—1945 года. К этому времени военно-морской флот будет располагать кораблями, подавляющую часть которых будут составлять подводные лодки, и более выгодным соотношением сил в отношении всех других типов кораблей и особенно тех, которые предназначены для войны в открытом море».

21 мая 1935 г. нацистское правительство объявило о своем намерении уважать территориальные ограничения Версальского договора. 7 марта 1936 г. германские войска, вопреки Версальскому договору, вступили в демилитаризованную зону Рейнской области. Гитлер, объявляя об этом в рейхстаге, пытался оправдать реокупацию ссылкой на только что заключенные договоры о союзе между Францией и Советским Союзом, а также между Чехословакией и Советским Союзом. Он также пытался предупредить враждебную реакцию, которую он несомненно ожидал в результате нарушения договора, заявляя: «У нас нет территориальных притязаний к Европе».

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР И АГРЕССИВНЫЕ ВОЙНЫ

Трибунал теперь обращается к рассмотрению преступлений против мира, которые инкриминируются Обвинительным заключением.

Раздел I Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира.

Раздел II Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств.

Будет удобнее рассматривать вопрос о наличии общего плана и вопрос об агрессивной войне одновременно и остановиться на вопросе об индивидуальной ответственности этих подсудимых в последующих частях приговора.

Обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, а именно обвинение в планировании и ведении подсудимыми агрессивных войн, является наиболее серьезным обвинением.

Война по самому своему существу—зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир.

Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных.

Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в Обвинительном заключении—это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 года. Для рассмотрения всего обвинения необходимо подробнее остановиться на некоторых событиях, которые предшествовали этим актам агрессии. Война против Польши не была внезапным ударом грома среди ясного неба. Из представленных доказательств с очевидностью явствует, что эта война также, как захват Австрии и Чехословакии, была преднамеренным и тщательно подготовленным актом и началась лишь после того, как было решено, что наступил подходящий момент для проведения ее, как определенной части заранее намеченной схемы и плана, потому что агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся политической обстановкой в Европе и в мире. Они явились заранее предусмотренной и весьма существенной частью внешней политики нацистов.

С самого начала национал-социалистское движение претендовало на то, что целью его является объединение германского народа в сознаний его миссии и предназначения, объединение, основанное на чертах, внутренне присущих ему, как расе, и осуществляемое под руководством" фюрера.

Для достижения этого объединения считалось необходимым добиться двух целей: уничтожения порядка, сложившегося в Европе со времени подписания Версальского договора, и создания Великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 года. Это с несомненностью* означало захват чужих территорий.

Война считалась неизбежным или, по крайней мере, очень вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и все его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно повиноваться любому политическому курсу, объявленному правительством.

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

В книге «Майн кампф» Гитлер очень ясно изложил эту точку зрения. Следует помнить, что «Майн кампф» — это не личный дневник, в который записывались тайные думы Гитлера. Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СС и СА и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. В 1945 году уже было распространено шесть с половиной миллионов экземпляров этой книги. Общее ее содержание хорошо известно. Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение в необходимости применять силу в качестве средства разрешения международных проблем, как это выражено в следующей цитате:

«Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благоденствие от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча».

«Майн кампф» содержит много таких заявлений и открыто превозносит силу как орудие внешней политики.

Конкретные цели этой политики силы также подробно изложены в этой книге. Уже на первой странице утверждается, что «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью — родиной» и не на экономической основе, а потому, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи».

Восстановление германских границ 1914 года объявляется недостаточным, и говорится, что если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями.

В «Майн кампф» совершенно ясно указывается, где именно следует искать эти территории для расширения пространства Германии:

«Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно зачеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Майн кампф» не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который

не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание.

ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ

Доказательства, содержащиеся в захваченных документах, показывают, что Гитлер провел четыре секретных совещания, на которых Трибунал намеревается специально остановиться в силу того, что они проливают особый свет на вопрос об общем плане и агрессивной войне.

Эти совещания состоялись 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г. На этих совещаниях Гитлер сделал важные заявления о своих целях, которые в самых своих формулировках совершенно исключают возможность ошибки.

Эти документы, излагающие содержание совещаний, были подвергнуты некоторой критике со стороны защиты. В сущности, их аутентичность не отрицается, но заявляется, например, что они не являются точными стенограммами речей, которые в них записаны, что документ, относящийся к совещанию 5 ноября 1937 г., датирован числом на пять дней более поздним, чем дата совещания, и что два документа, относящиеся к совещанию от 22 августа 1939 г., отличаются друг от друга и не подписаны.

Полностью учитывая критику такого рода, Трибунал придерживается мнения, что эти документы являются документами очень большого значения и что их аутентичность и достоверность их содержания являются установленным фактом.

Они с очевидностью представляют собой тщательную запись событий, которые в них изложены, и именно в качестве таковых они хранились в архивах германского правительства, где они и были захвачены. Такого рода документы никогда не могут быть оспорены, как выдуманные или даже неточные и искаженные. Они просто излагают события, которые в действительности имели место.

Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.

Быть может, будет более целесообразно прежде всего рассмотреть совещание от 23 ноября 1939 г., на которое Гитлер созвал своих высших командующих. Протокол того, что говорилось, был записан одним из присутствовавших. К тому времени, когда происходило совещание, Австрия и Чехословакия уже были включены в состав германской империи, Польша была захвачена германскими армиями, а военные действия против Англии и Франции все еще находились в статическом состоянии. Наступил подходящий момент для обзора истекших событий. Гитлер информировал командующих, что целью совещания являлось дать им представление об образе его мыслей и сообщить им о его решениях. Он затем сделал обзор политических задач, начиная с 1919 года, напомнил о выходе Германии из Лиги Наций, об уходе с конференции по разоружению, о приказе о перевооружении, о введении обязательной воинской повинности, об оккупации Рейнской области, захвате Австрии и операциях против Чехословакии.

Он заявил: «Через год пришла очередь Австрии; этот шаг тоже рассматривали как сомнительный. Он принес с собой значительное усиление империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Это тоже было невозможно осуществить в течение одной кампании. Прежде всего нужно было закончить строительство укреплений на западе. Невозможно было достигнуть этой цели одним усилием. Для меня было ясно с самого начала, что я не могу довольствоваться Судетской территорией, принадлежавшей ранее Германии. Это было только частичное решение. Тогда было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората и тем самым была создана основа для действия против Польши; но в то время мне было еще не совсем ясно, должен ли я выступить сначала на востоке, а потом на западе, или наоборот. В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удара. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему. По необходимости было решено, что сначала будет произведено нападение на Востоке».

Это сообщение, в котором приводится обзор прошедших событий и вновь подтверждаются агрессивные намерения, существовавшие с самого начала, не оставляет никаких сомнений относительно характера операций против Австрии и Чехословакии и войны против Польши, потому что эти операции были проведены в соответствии с планом, и характер этого плана должен быть теперь рассмотрен несколько более подробно.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер оглядывается на уже завершенные мероприятия. На более ранних совещаниях, которые будут нами рассмотрены теперь, он смотрел вперед и раскрывал перед своими сообщниками новые планы. Весьма поучительно сравнить эти совещания.

На совещании, состоявшемся в Берлине в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г., присутствовал подполковник Госсбах, личный адъютант Гитлера, который составил длинную запись совещания, датировав ее 10 ноября 1937 г., и подписал ее.

На совещании присутствовали: Гитлер, подсудимые — Геринг как главнокомандующий военно-воздушными силами, фон Нейрат как имперский министр иностранных дел и Редер как главнокомандующий военно-морским флотом, а также генерал фон Бломберг—военный министр и генерал фон Фрич — главнокомандующий сухопутными силами.

Гитлер начал с заявления о том, что тема совещания является настолько важной, что в других государствах она была бы подвергнута обсуждению на заседании кабинета. Затем он заявил, что содержание его речи является результатом его долгих размышлений и его опыта за четыре с половиной года пребывания в правительстве. Он требовал считать заявления, которые он собирался сделать, его последней волей и завещанием на случай его смерти. Лейтмотивом выступления Гитлера явился вопрос о жизненном пространстве, причем он рассматривал несколько возможных решений лишь с тем, чтобы отклонить их. Затем он заявил, что захват жизненного пространства на европейском континенте является поэтому необходимым, и изложил свои мысли следующим образом: «Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи, а не за океаном, и это решение должно быть проведено в жизнь одним или двумя поколениями... История всех времен—история Римской империи

и Британской империи—доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территорий без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем».

Он заключил свою речь следующим замечанием:

«Вопрос для Германии заключается в том, где возможны наибольшие завоевания при наименьших затратах».

Ничто иное не могло более ясно раскрыть агрессивные намерения Гитлера; последующие события доказали реальность этих намерений. Невозможно принять точку зрения, что Гитлер, по существу, не имел в виду войну, потому что после того, как он заявил, что Германии следует ожидать противодействия со стороны Англии и Франции, и проанализировал силу и слабость этих держав при определенных обстоятельствах, он продолжал: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой, а это никогда не может быть сделано без риска... Если мы сделаем решение применять силу и идти на риск основой наших стремлений, тогда нам останется лишь ответить на вопросы «когда» и «как». В этой связи мы должны рассмотреть три различных случая».

В первом из этих трех случаев проводилось гипотетическое международное положение, при котором он должен был начать действовать не позже чем в 1943—1945 гг., причем он говорил: «Если фюрер все еще будет жить в то время, его непоколебимым решением явится разрешить германскую проблему пространства не позже чем в 1943—1945 гг. Необходимость действовать до 1943—1945 гг. будет рассмотрена в случаях втором и третьем».

Второй и третий случаи, на которых остановился Гитлер, обнаруживают явное намерение захватить Австрию и Чехословакию, и в этой связи Гитлер заявил:

«Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на запад».

Далее он добавил:

«Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение, благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей, и получим возможность создать новые армии, численностью, примерно, до 12 дивизий».

Это решение захватить Австрию и Чехословакию обсуждается довольно подробно и принимается решение провести эту операцию сразу же после того, как представится благоприятный момент.

Военная мощь, которую Германия создавала, начиная с 1933 года, должна была теперь быть направлена против двух определенных стран — Австрии и Чехословакии.

В своих показаниях подсудимый Геринг заявил, что он в то время не считал, что Гитлер в действительности имел в виду напасть на Австрию и Чехословакию, и что целью совещания было лишь оказать давление на фон Фрича с тем, чтобы ускорить перевооружение армии.

Подсудимый Редер показал, что ни он, ни фон Фрич, ни фон Бломберг не верили, что Гитлер в действительности имел в виду войну, причем

подсудимый Рецер утверждает, что он придерживался этого убеждения до 22 августа 1939 г. Основанием для такого рода убеждения была надежда на то, что Гитлер добьется «политического решения» проблем, стоящих перед Германией. Однако, если вникнуть в смысл, эти слова означают лишь уверенность в том, что позиция Германии будет столь хорошей, а военная ее мощь столь подавляющей, что желаемые территории будут получены без борьбы. Следует также помнить, что высказанные Гитлером намерения в отношении Австрии были фактически осуществлены через четыре с лишним месяца после совещания, а менее чем через год была захвачена первая часть Чехословакии, а еще через несколько месяцев — Богемия и Моравия. Если в ноябре 1937 года у некоторых из его слушателей могли еще быть сомнения, то после марта 1939 года уже не могло оставаться никаких сомнений в том, что Гитлер был абсолютно серьезен в своем решении прибегнуть к войне.

Трибунал считает доказанным, что в своем существе отчет подполковника Госсбаха об этом совещании является правильным и что присутствовавшие знали, что Австрия и Чехословакия будут аннексированы Германией при первой представившейся возможности.

ЗАХВАТ АВСТРИИ

Вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран.

В результате фланги Германии были прикрыты, а фланги Чехословакии — значительно ослаблены. Это был первый шаг по пути захвата «жизненного пространства». Было получено много новых дивизий обученных солдат, и после захвата резервов иностранной валюты была значительно укреплена основа для выполнения программы перевооружения.

21 мая 1935 г. Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения ни нападать на Австрию, ни вмешиваться в ее внутренние дела. 1 мая 1936 г. он в открытом выступлении объединил Чехословакию и Австрию, заявив о своих мирных намерениях как в отношении одной страны, так и другой. И еще 11 июля 1936 г. он договором признал полнейший суверенитет Австрии.

Австрия была фактически захвачена Германией в марте 1938 года. В течение многих лет до этого национал-социалисты в Германии сотрудничали с национал-социалистами в Австрии для того, чтобы добиться конечной цели — включения Австрии в состав германской империи. Путч 25 июля 1934 г., приведший в результате к убийству канцлера Дольфуса, имел своей целью захват Австрии. Но путч не удался и имел своим последствием объявление национал-социалистской партии в Австрии вне закона.

11 июля 1936 г. между двумя странами было заключено соглашение; ст. 1 которого гласит:

«Германское правительство признает полный суверенитет федерального государства Австрии в духе заявления германского фюрера и канцлера от 21 мая 1935 г.».

Статья 2 декларировала: «Каждое из двух правительств рассматривает внутренний политический порядок (в том числе вопрос об австрий-

ском национал-социализме), существующий в другой стране, как внутреннее дело этой другой страны, на который оно не будет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния».

Однако национал-социалисты в Австрии продолжали свою подпольную деятельность втайне, а национал-социалисты в Германии оказывали партии активную поддержку; возникавшие в результате «инциденты» подхватывались германскими национал-социалистами как повод для вмешательства во внутренние дела Австрии. После совещания 5 ноября 1937 г. количество этих «инцидентов» стало быстро увеличиваться. Отношения между двумя странами постоянно ухудшались, и в конце концов подсудимый фон Папен и другие убедили австрийского канцлера Шушнига добиваться встречи с Гитлером, которая в действительности произошла в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Подсудимый Кейтель присутствовал на совещании, на котором Гитлер угрожал доктору Шушнику немедленным вторжением в Австрию. Шушник в конце концов согласился на политическую амнистию в отношении различных категорий нацистов, осужденных за преступления, и на то, чтобы назначить нациста Зейсс-Инкварта министром внутренних дел и безопасности и передать ему контроль над полицией.

9 марта 1938 г., пытаясь сохранить независимость своей страны, доктор Шушник решил провести плебисцит по вопросу о независимости Австрии и назначил его на 13 марта 1938 г. Через два дня Гитлер направил Шушнику ультиматум, в котором требовал отмены плебисцита.

В течение дня и вечера 11 марта 1938 г. подсудимый Геринг предъявил целый ряд требований австрийскому правительству, причем каждое из них подкреплялось угрозой вторжения. После того, как Шушник согласился на отмену плебисцита, было выдвинуто новое требование о том, чтобы Шушник ушел в отставку, а подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен канцлером. В результате Шушник вышел в отставку, а президент Миклас, сначала отказавшийся назначить Зейсс-Инкварта канцлером, впоследствии уступил и назначил его на этот пост.

В то же самое время Гитлер отдал окончательный приказ германским войскам пересечь границу на рассвете 12 числа и дал инструкцию Зейсс-Инкварту использовать военизированные формирования австрийских национал-социалистов для того, чтобы сместить Микласа и захватить контроль над австрийским правительством. После того, как германским войскам был отдан приказ вступить в Австрию, Геринг позвонил по телефону в германское посольство в Вене и продиктовал текст телеграммы, которую по его настоянию Зейсс-Инкварт должен был послать Гитлеру с тем, чтобы оправдать военные действия, приказ о которых был уже отдан. Телеграмма гласила:

«Временное правительство Австрии, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установить мир и порядок в Австрии, направляет германскому правительству настойчивую просьбу поддержать его в выполнении этой задачи и помочь ему предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать германские войска».

Кепплер, один из сотрудников германского посольства, ответил:

«Отряды СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно».

После дальнейшего обсуждения Геринг сообщил:

«Прошу вас показать текст этой телеграммы Зейсс-Инкварту и

сообщить ему, что мы просим..., что уже ему нет даже необходимости посылать телеграмму. Все, что он должен сделать, это сказать «согласен».

Зейсс-Инкварт никогда не посылал этой телеграммы, он даже никогда не телеграфировал: «согласен». Оказывается, что как только он был назначен канцлером, в течение дня, после 10 часов утра он посетил Кепплера и просил его позвонить Гитлеру и передать ему протест против оккупации.

Этот шаг привел в ярость подсудимого Геринга, потому что это нарушило бы покой фюрера, который собирался поехать в Австрию на следующий день.

В 11 час. 15 мин. вечера чиновник министерства пропаганды связался по телефону с германским посольством в Вене, и Кепплер скачал ему:

«Сообщите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен».

На рассвете 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, не встретив сопротивления. В германской прессе было объявлено, что Зейсс-Инкварт был назначен преемником Шушнига, и телеграмма, текст которой предложил Геринг, но которая никогда не была послана, цитировалась с тем, чтобы показать, что Зейсс-Инкварт просил о присылке германских войск для предотвращения беспорядков. 13 марта 1938 г. был издан закон о воссоединении Австрии с германской империей. Зейсс-Инкварт требовал, чтобы президент Миклас подписал этот закон, но последний отказался сделать это и ушел в отставку. Его место занял Зейсс-Инкварт, подписавший закон от имени Австрии. Этот закон затем был принят как имперский закон декретом имперского кабинета, изданным в тот же день и подписанным Гитлером и подсудимыми — Герингом, Фриком, фон Риббентропом и Гессом.

Перед Трибуналом было выдвинуто утверждение, что аннексия Австрии была оправдана сильным стремлением к союзу между Австрией и Германией, которое высказывалось во многих кругах. Утверждалось также, что у этих народов было много общих черт, которые делали этот союз желательным, и что в результате цель была достигнута без кровопролития.

Эти утверждения, даже если они являются правильными, фактически не существенны потому, что факты с определенностью доказывают, что методы, применявшиеся для достижения этой цели, были методами агрессора. Решающим фактором была военная мощь Германии, которая готова была вступить в действие в том случае, если бы она встретила какое-нибудь сопротивление. Более того, ни одно из этих соображений, как явствует из отчета Госсбаха о совещании 5 ноября 1937 г., не являлось мотивом действий Гитлера. Как раз наоборот, — в этом документе подчеркивается прежде всего то преимущество, которое приобретает Германия в военном отношении в результате аннексии Австрии.

ЗАХВАТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Совещание 5 ноября 1937 г. с полной очевидностью показало, что захват Чехословакии Германией был окончательно предрешен. Единственным нерешенным вопросом было подыскание удобного момента для осуществления этого захвата. 4 марта 1938 г. подсудимый Риббентроп

написал подсудимому Кейтелю о предложении, сделанном Риббентропу венгерским послом в Берлине, что возможные цели войны против Чехословакии должны быть обсуждены германской и венгерской армиями. В этом письме Риббентроп писал:

«У меня возникло много сомнений в отношении таких переговоров. Если же мы будем обсуждать с Венгрией возможные военные цели против Чехословакии, то существует опасность, что другие страны также смогут узнать об этом».

1 марта 1938 г. Геринг сделал два отдельных заявления г-ну Мастни, чехословацкому полномочному министру в Берлине, о том, что развитие действий в Австрии в то время ни в коей мере не окажет губительного влияния на отношения между германской империей и Чехословакией, и подчеркнул постоянное искреннее стремление со стороны немцев к улучшению отношений между обеими странами. 12 марта Геринг попросил г-на Мастни посетить его и повторил вышеупомянутые заверения.

Замысел успокаивать Чехословакию, пока осуществлялся захват Австрии, является типичным маневром со стороны подсудимого Геринга, который он позже повторил в случае с Польшей, когда он прилагал все усилия для того, чтобы изолировать Польшу в приближающейся борьбе. В тот же день, 12 марта, подсудимый фон Нейрат говорил с господином Мастни и заверил его от имени Гитлера, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года.

Доказательства устанавливают, что после оккупации Австрии германской армией 12 марта и аннексии Австрии 13 марта Конрад Генлейн, который был руководителем партии судетских немцев в Чехословакии, встретился с Гитлером в Берлине 28 марта. На следующий день на заседании в Берлине, на котором присутствовал Риббентроп вместе с Генлейном, было обсуждено общее положение, и позднее подсудимый Иодль сделал в своем дневнике следующую запись:

«После аннексии Австрии Гитлер заявляет, что нет надобности спешить для того, чтобы разрешить чешский вопрос, так как Австрия должна быть сначала переварена. Однако приготовления к проведению «Зеленого плана» (т. е. плана против Чехословакии) должны проводиться энергично; они должны быть заново подготовлены с учетом изменившихся стратегических позиций в результате аннексии Австрии».

21 апреля 1938 г. состоялось совещание между Гитлером и подсудимым Кейтелем в отношении «Зеленого плана», которое показало совершенно ясно, что приготовления для нападения на Чехословакию являлись предметом подробного рассмотрения. 28 мая 1938 г. Гитлер приказал, чтобы были сделаны приготовления для начала военных действий против Чехословакии 2 октября, и, начиная с этого времени, план нападения на Чехословакию постоянно находился в процессе рассмотрения.

30 мая 1938 г. Гитлер подписанной в этот день директивой объявил о своем «неуклонном решении разгромить Чехословакию с помощью вооруженных сил в ближайшем будущем».

В июне 1938 года, как видно из документа, захваченного в архиве СД в Берлине, был предложен тщательно разработанный план для использования СД в Чехословакии. Этот план предусматривал, что «СД будет следовать по мере возможности непосредственно за передовыми

частями армии и возьмет на себя обязанности, сходные с теми, которые она выполняет в Германии...»

Представителям гестапо предписывалось взаимодействовать с СД в проведении некоторых операций. Специальные агенты должны были пройти предварительную подготовку с тем, чтобы предотвращать диверсии. Эти агенты должны были быть осведомлены «заблаговременно до нападения... с тем, чтобы дать им возможность скрыться и избежать ареста и высылки...»

«В начале можно ожидать партизанской войны, поэтому необходимо оружие...»

Должны были быть составлены справочные картотеки со следующими пометками: «арестовать...», «ликвидировать...», «конфисковать имущество...», «лишить паспорта...» и т. д.

План предусматривал временное деление страны на большие и маленькие территориальные единицы и рассматривал так называемые «предложения» всякого рода о включении в германскую империю районов Чехословакии с проживающим в них населением. Окончательное «предложение» включало всю страну, вместе со Словакией и Закарпатской Украиной, с населением, примерно, в 15 миллионов человек. План был изменен в некоторых отношениях в сентябре, после Мюнхенской конференции, но тот факт, что такой план существовал, был так детально разработан и был изложен в таком воинственном духе, указывает на существование заранее обдуманного намерения прибегнуть к силе.

31 августа 1938 г. Гитлер утвердил меморандум Йодля от 24 августа 1938 г. о времени издания приказа о вторжении в Чехословакию и по вопросу оборонительных мероприятий. Этот меморандум содержал следующее:

«Зеленый план» будет приведен в действие при помощи «инцидента» в Чехословакии, который даст Германии повод для военной интервенции; установление точного момента для совершения этого инцидента имеет первостепенное значение».

Эти факты свидетельствуют о том, что оккупация Чехословакии планировалась детально, задолго до Мюнхенской конференции.

В сентябре 1938 года совещания и беседы с военными руководителями продолжались. Ввиду создавшегося исключительно критического положения британский премьер-министр господин Чемберлен полетел в Мюнхен, а потом отправился в Берхтесгаден для того, чтобы встретиться с Гитлером. 22 сентября господин Чемберлен встретился с Гитлером для дальнейших переговоров в Бад-Годесберге. 26 сентября 1938 г. Гитлер заявил в речи, произнесенной в Берлине по поводу упомянутой беседы, следующее:

«Я заверил его и, более того, повторяю это здесь, что, когда эта проблема будет разрешена, для Германии не останется больше никаких территориальных проблем в Европе. Я далее заверил его, что с того момента, как Чехословакия разрешит свои другие проблемы, т. е. когда чехи урегулируют свои отношения с другими нацменьшинствами, мирно и без принуждения, я больше не буду заинтересован в чешском государстве и в той мере, в какой это касается меня, я даю в этом полную гарантию. Нам не нужны чехи».

29 сентября 1938 г. после конференции между Гитлером и Муссолини и британским и французским премьер-министрами в Мюнхене было

подписано Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии. «Клочок бумаги», который британский премьер-министр привез с собой в Лондон, подписанный им самим и Гитлером, выражал надежду на то, что в будущем Великобритания и Германия смогут жить в мире. Тот факт, что вскоре после подписания соглашения Гитлер запросил у подсудимого Кейтеля сведения о вооруженных силах, которые, по его мнению, будут необходимы для преодоления всякого сопротивления чехов в Богемии и Моравии, является доказательством того, что Гитлер никогда не намеревался придерживаться Мюнхенского соглашения. Кейтель дал свой ответ 11 октября 1938 г. 21 октября 1938 г. Гитлер издал, а подсудимый Кейтель скрепил своей подписью директиву вооруженным силам в отношении их дальнейших задач, в ней говорилось: «Ликвидация остальной части Чехословакии. Следует обеспечить возможность раздавить в любой момент остальную часть Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии».

Нет необходимости пересматривать события последующих месяцев. 14 марта 1939 г. чешский президент Гаха и его министр иностранных дел Хвалковский приехали в Берлин по предложению Гитлера и встретились с ним. При этом также присутствовали подсудимые Риббентроп, Геринг, Кейтель и другие. Гаха было предложено подписать соглашение, предусматривающее немедленное включение чешского народа в состав германской империи, и было обещано, что в этом случае Богемия и Моравия будут спасены от уничтожения. Он был поставлен в известность, что германские войска уже получили приказ выступить и что любое сопротивление будет сломлено физической силой. Подсудимый Геринг добавил к этому угрозу полностью уничтожить Прагу с воздуха. Поставленные перед этой страшной альтернативой, Гаха и его министр иностранных дел подписали соглашение, которое от них требовали, в 4 ч. 30 м. утра; со стороны Германии соглашение было подписано Гитлером и Риббентропом.

15 марта германские войска оккупировали Богемию и Моравию, и 16 марта был издан германский декрет, включавший Богемию и Моравию в империю в качестве протектората. Этот декрет был подписан подсудимыми Риббентропом и Фриком.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ

К марту 1939 года план аннексии Австрии и Чехословакии, который обсуждался Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., был осуществлен. Наступило время для руководителей Германии рассмотреть вопрос о дальнейших актах агрессии, которые было легче провести благодаря осуществлению предыдущего.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в кабинете Гитлера в новой имперской канцелярии в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу, изложил свои причины для этого и рассмотрел вопрос о том, каково будет воздействие такого решения на другие страны. С точки зрения времени это было вторым из важнейших совещаний, на которые уже делались ссылки. Для того чтобы полностью оценить

значение сказанного и сделанного, необходимо кратко изложить некоторые главные события из истории германо-польских взаимоотношений.

Еще в 1925 году был заключен договор об арбитраже в Локарно между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о ненападении, подписанная от имени германского правительства подсудимым фон Нейратом. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут работать в согласии и мире.

20 февраля 1938 г. Гитлер в третий раз выступил с речью в рейхстаге, во время которой сказал следующее в отношении Польши:

«Таким образом, был успешно проложен путь к дружескому, взаимопониманию—взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам некоторых интриганов, в конце концов устранило фактор, отравлявший отношения между Германией и Польшей, превратило их в искреннее и дружественное сотрудничество. Полагаясь на свои дружественные отношения, Германия не остановится ни перед чем для того, чтобы спасти тот идеал, который создает базу для выполнения стоящей перед нами задачи—установления мира».

26 сентября 1938 г., в разгар судетского кризиса, Гитлер произнес в Берлине речь, которая уже цитировалась, и заявил, что он сообщил британскому премьер-министру, что после разрешения чехословацкой проблемы для Германии не будет более существовать территориальных проблем в Европе. Тем не менее, 24 ноября того же года была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней говорилось:

«Фюрер приказал:

1) Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данцига германскими войсками».

Несмотря на приказ о военных приготовлениях к оккупации Данцига, Гитлер 30 января 1939 г. в своей речи в рейхстаге, заявил:

«В период тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из успокаивающих факторов политической жизни Европы».

За пять дней до этого, 25 января 1939 г., Риббентроп в своей речи в Варшаве заявил:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее <: полной уверенностью в прочность своих взаимоотношений».

После оккупации Германией 15 марта 1939 г. Богемии и Моравии, что являлось явным нарушением Мюнхенского соглашения, Великобритания 31 марта 1939 г. заверила Польшу в том, что в случае любого действия, которое явно будет угрожать независимости Польши и которому польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию. Интересно отметить в этой связи, что один из доводов, часто выдвигавшихся защитой на данном процессе, заключается в том, что именно согласие других держав побуждало подсудимых думать, что их действия не являются наруше-

нием международного права. Декларации Великобритании и Франции показывают, по крайней мере, несостоятельность этой точки зрения.

3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой после освещения вопроса о Данциге говорилось о варианте «Вейсс» (военное кодовое обозначение германского вторжения в Польшу) следующее:

«Фюрер добавил следующие указания к варианту «Вейсс»:

1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

2. Верховному командованию вооруженными силами было поручено составить точное расписание для операций варианта «Вейсс» и путем совещаний согласовать во времени взаимодействие трех составных частей вооруженных сил».

11 апреля 1939 г. Гитлером была подписана другая директива вооруженным силам, и в одном из приложений к этому документу имеются следующие слова:

«Необходимо избегать возникновения трений с Польшей. Однако, если Польша займет угрожающую позицию по отношению к Германии, необходимо будет окончательно разделаться с ней, несмотря на имеющийся договор с Польшей. В таком случае наша цель будет заключаться в том, чтобы сокрушить польскую военную мощь и создать на Востоке положение, которое будет отвечать требованиям обороны. Свободный город Данциг будет включен в состав Германии сразу же после начала военных действий. Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши, и это считается возможным ввиду внутреннего кризиса Франции и вызванной этим обстоятельством сдержанности Англии».

Несмотря на содержание этих двух директив, Гитлер 28 апреля 1939 г. произнес в рейхстаге речь, в которой он, осветив вопрос о нежелании польского правительства якобы принять сделанное ему предложение относительно Данцига и Польского коридора, заявил следующее:

«Я глубоко сожалею об этой непонятной позиции, занятой польским правительством, но это одно не является решающим фактором. Гораздо хуже то, что Польша, подобно тому, как Чехословакия год назад, под давлением лживой международной кампании поверила в то, что она должна мобилизовать войска, хотя Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и даже не помышляла о каких-либо действиях против Польши. Намерение Германии совершить нападение является попросту измышлением международной прессы».

Через четыре недели после этой речи Гитлер 23 мая 1939 г. созвал важное военное совещание, о котором уже говорилось выше. Среди участвовавших были подсудимые Геринг, Редер и Кейтель. Дежурным адъютантом был подполковник Шмундт, который произвел запись всего происшедшего и заверил подлинность записанного своей подписью. Целью этого совещания было дать возможность Гитлеру изложить свои взгляды на политическую ситуацию и ближайшие задачи руководящему составу вооруженных сил и их штабам. Дав оценку политической ситуации, перечислив события, происшедшие в период с 1933 года, Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он признал, что причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а необходимость расширения «жизненного пространства» Германии и обеспечения снабжения продовольствием. Он заявил:

«Для разрешения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам — недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

Позднее в своих обращениях он добавил:

«Поэтому не может быть речи о жалости к Польше и нам остается лишь напасть на нее при первой подходящей возможности. Мы не можем надеяться, что дело пойдет так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успешность изоляции явится решающим фактором... Изоляция Польши — вопрос искусной политики».

Записи подполковника Шмундта на совещании подтверждают, что Гитлер в полной мере осознавал возможность поддержки Польши Великобританией и Францией. Поэтому в том случае, если бы не могла быть достигнута изоляция Польши, Германия, по мнению Гитлера, должна была бы первой напасть на Великобританию и Францию или же взять курс, главным образом, на войну на Западе для того, чтобы быстро разгромить Великобританию и Францию или, по крайней мере, уничтожить их военный потенциал. Тем не менее Гитлер подчеркнул, что война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

В течение недель, последовавших за этим совещанием, было создано еще несколько совещаний и были изданы директивы о подготовке к войне. Подсудимый Риббентроп был послан в Москву для ведения переговоров относительно пакта о ненападении с Советским Союзом.

22 августа 1939 г. имело место то важное совещание, о котором уже говорилось выше. Обвинением были представлены в качестве доказательства два захваченных неподписанных документа, которые, повидимому, являются записями, произведенными на этом совещании лицами, присутствовавшими на нем. Первый документ озаглавлен: «Речь фюрера перед главнокомандующими от 22 августа 1939 года». Целью речи было объявление решения начать немедленную войну в Польше. Гитлер начал со слов:

«Мне было ясно, что рано или поздно мы подойдем к конфликту с Польшей. Это решение я принял еще весной, но я думал, что сначала через несколько лет я выступлю против Запада и только после—против Востока. Я хотел установить приемлемые отношения с Польшей для того, чтобы иметь возможность выступить сначала против Запада. Но этот вполне приемлемый для меня план не мог быть приведен в исполнение после того, как изменился ряд существенных моментов. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас в случае конфликта с Западом».

Затем Гитлер продолжал объяснять причину, по которой он пришел к заключению, что именно теперь настал удобный момент для начала войны.

«Теперь, — сказал Гитлер, — Польша как раз в таком положении, какого я желал..., я опасаюсь только того, что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве..., ликвидация гегемонии Англии начата».

Этот документ очень сходен с одним из документов, предъявленных в качестве доказательства по делу подсудимого Редера. Упомянутый

документ содержит краткий обзор той же самой речи, составленной в день ее произнесения неким адмиралом Бемом по записям, сделанным им во время совещания. Суть документа состоит в том, что настал момент решить спор с Польшей путем военного вторжения; что, хотя конфликт между Германией и Западом когда-нибудь неизбежен, вероятность того, что Великобритания и Франция придут на помощь Польше,— невелика; и что, если даже завяжется война с Западом, первой задачей будет сокрушение польской военной мощи. Он также содержит заявление Гитлера о том, что будет дан соответствующий пропагандистский повод для вторжения в Польшу, "правдоподобность которого не имеет значения, так как «победителей не судят».

Второй неподписанный документ, представленный Обвинением и озаглавленный «Вторая речь фюрера от 22 августа 1939 года», представляет собой изложение основных моментов речи Гитлера. Из них ниже приводятся некоторые:

«Каждый должен ясно представлять себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача—уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Польши будет основной задачей... Я дам пропагандистский повод для начала войны — неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа... Приказ о начале по всей вероятности будет дан утром в субботу» (т. е. 26 августа).

Несмотря на то, что это выступление *i* азывается второй речью, есть достаточное количество общих мест с двумя ранее упомянутыми документами, дающих возможность считать этот документ отчетом о той же речи, не столько подробным, как два 'других, но в сути своей совпадающим.

Эти три документа устанавливают, что окончательное решение относительно даты начала уничтожения Польши, намеченной и обсужденной ранее в том же году, было принято Гитлером незадолго до 22 августа 1939 г. Они показывают, что хотя он надеялся избежать войны с Великобританией и Францией, он полностью отдавал себе отчет в наличии опасности пойти на этот риск.

События последних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г., в тот же день когда была произнесена эта речь, на которую мы только что ссылались, премьер-министр Великобритании обратился с письмом к Гитлеру, в котором он писал:

«Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитлер ответил:

«Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе не зависит от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитлера последовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение польского вопроса в войну, в частности, от президента Рузвельта — 24 и 25 августа, от его святейшества папы римского — 24 и 31 августа и от г-на Даладье, премьер-министра Франции, 26 августа. Однако Гитлер остался глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписала Пакт о взаимопомощи с Польшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это, вместе с известиями о нежелании Муссолини начать войну на стороне Германии, заставило Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться. Гитлер предложил Великобритании заключить пространное соглашение, как только вопрос будет разрешен.

В ответ на это Великобритания сделала контрпредложение разрешить польский вопрос путем переговоров. 29 августа Гитлер сделал заявление Британскому послу о том, что правительство Германии, несмотря на свое скептическое отношение к результатам, будет готово начать непосредственные переговоры с польским представителем, если последний прибудет в Берлин до полуночи следующего числа, 30 августа, и будет облечен чрезвычайными полномочиями. Польское правительство было поставлено в известность об этом, но, помня пример Шушнига и Гаха, решило не посылать такого представителя.

В полночь 30 августа подсудимый Риббентроп бегло прочитал британскому послу документ, в котором впервые приводилось точное изложение германских требований Польше. Он, однако, отказался дать послу копию документа и заявил, что в любом случае уже слишком поздно, так как полномочный представитель Польши не прибыл.

Трибунал считает, что характер ведения Гитлером и Риббентропом этих переговоров делает совершенно ясным, что они начали их не с честными намерениями и не стремились с их помощью добиться сохранения мира, а руководствовались лишь желанием предотвратить выполнение Великобританией и Францией гарантий по отношению к Польше.

Одновременно с этими переговорами Геринг предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стараясь убедить Великобританию не сдерживать данного ею слова через посредство некоего Биргера Далеруса, шведа. Далерус, который вызывался в качестве свидетеля защиты по делу Геринга, имел обширные сведения об Англии и о положении вещей в Англии, и в июле 1939 года он был исполнен желания помочь Англии и Германии добиться лучшего взаимопонимания в надежде предотвратить войну между этими двумя странами. Он вошел в контакт как с Герингом, так и с официальными кругами в Лондоне; во второй половине августа Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того, чтобы отговорить правительство Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Далерус, конечно, в то время не знал о решении Гитлера, секретно сообщенном 22 августа, а также и о германских военных директивах относительно нападения на Польшу, которые уже существовали. Согласно его показаниям, только после 26 сентября, т. е. после того, как захват Польши был в основном закончен, он впервые осознал, что целью Геринга было заручиться согласием Великобритании на захват Польши Германией.

После того, как все попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях провалились, 31 августа Гитлер издал свою окончательную директиву, в которой он отметил, что нападение на Польшу должно начаться ранним утром 1 сентября, и дал указания о необходимых мерах в случае вступления Англии и Франции в войну на стороне Польши.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой все новые и новые доказательства того, что это намерение также приведет к войне с Англией и Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 г., была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности.

ВТОРЖЕНИЕ В ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ

Агрессивная война против Польши была только началом. Агрессия нацистской Германии быстро распространялась от одной страны к другой. С точки зрения времени первыми двумя странами, подвергшимися агрессии, были Дания и Норвегия. 31 мая 1939 г. договор о ненападении был заключен между Германией и Данией; он был подписан подсудимым Риббентропом. В нем торжественно провозглашалось, что договаривающиеся стороны «полны решимости поддерживать мир между Данией и Германией при любых обстоятельствах». Несмотря на это, Германия вторглась в Данию 9 апреля 1940 г.

2 сентября 1939 г., после начала войны с Польшей, Германия направила следующие торжественные заверения Норвегии:

«Правительство германской империи, учитывая дружественные отношения, существующие между Норвегией и Германией, не намерено ни в коем случае нарушать целостность и неприкосновенность Норвегии и будет уважать территориальную неприкосновенность норвежского государства.

Естественно, правительство империи надеется, делая подобное заявление, что Норвегия со своей стороны будет соблюдать безусловный нейтралитет по отношению к империи и не потерпит никаких возможных нарушений нейтралитета Норвегии какой-либо третьей стороной. Если королевское правительство Норвегии отклонится от этого договора и в результате произойдет подобное нарушение нейтралитета третьей стороной, имперское правительство, очевидно, будет вынуждено охранять интересы империи таким образом, как потребует сложившаяся в результате этого обстановка».

9 апреля 1940 г., согласно своему плану действий, Германия вторглась в Норвегию.

Установлено, что идея нападения на Норвегию исходила от подсудимых Редера и Розенберга.

3 октября 1939 г. подсудимый Редер подготовил меморандум о «захвате баз в Норвегии»; среди рассмотренных вопросов был следующий:

«Можно ли против воли Норвегии приобрести базы путем применения военной силы, если невозможно этого достигнуть, не прибегая к войне». Несмотря на это, три дня спустя Германия дополнительно заверила Норвегию в том, что «интересы Германии никогда не сталкивались с интересами северных государств и между ними не существовало и не существует спорных вопросов». Три дня спустя подсудимый Дениц составил меморандум на эту же тему о базах в Норвегии и предложил создать базу в Тронхейме или снабжаться топливом из Нарвика. В то же время подсудимый Редер переписывался с адмиралом Карлсом, который указал Редеру на важность оккупации норвежского побережья Германией, и 10 октября Редер доложил Гитлеру о том невыгодном положении, которое создается для Германии в случае, если Англия оккупирует Норвегию. В октябре и ноябре Редер продолжал разрабатывать планы возможной оккупации Норвегии совместно с «организацией Розенберга». «Организация Розенберга» представляла собой внешнеполитический отдел НСДАП, и Розенберг, в качестве рейхслейтера, руководил им. В начале декабря Квислинг, известный норвежский предатель, посетил Берлин и был принят подсудимыми Розенбергом и Редером. Он предложил план государственного переворота в Норвегии. 12 декабря подсудимый Редер и штаб военно-морского флота, совместно с подсудимыми Кейтелем и Иодлем, совещались с Гитлером и тогда Редер доложил о своей встрече с Квислингом и изложил взгляды Квислинга. 16 декабря Гитлер сам беседовал с Квислингом по этим вопросам.

В докладе о деятельности внешне-политического отдела НСДАП за период 1933—1943 гг., озаглавленном «Политическая подготовка к военной оккупации Норвегии», говорится, что в беседе с Квислингом Гитлер заявил, что он предпочел бы нейтральную позицию Норвегии так же, как и всей Скандинавии, так как он не желал увеличивать театра военных действий или вовлекать в конфликт другие государства. В случае, если противник попытался бы распространить войну, он был бы вынужден защищаться против подобных действий. Он обещал Квислингу финансовую поддержку и дал указание специальному военному штабу подготовить связанные с этим вопросы военного характера.

27 января 1940 г. подсудимым Кейтелем был составлен меморандум относительно планов вторжения в Норвегию. 28 февраля 1940 г. подсудимый Иодль записал в своем дневнике:

«Я предложил сначала начальнику ОКВ и затем фюреру, чтобы «вариант Гельб» (т. е. операции против Нидерландов) и «вариант Везер» (т. е. операции против Норвегии и Дании) были составлены таким образом, чтобы быть независимыми друг от друга в отношении времени и занятых сил».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву по поводу «варианта Везер», в которой говорится следующее:

«Развитие событий в Скандинавии требует, чтобы велись все приготовления к оккупации Дании и Норвегии частью германских вооруженных сил. Эта операция должна предотвратить британское вторжение в Скандинавию и Балтику. Далее, эта операция должна гарантировать

безопасность наших рудных баз в Швеции и должна будет дать нашим военно-морским и воздушным силам более протяженный исходный рубеж в борьбе против Англии.

Переход датской границы и высадка в Норвегии должны произойти одновременно... Чрезвычайно важно, чтобы наши мероприятия явились неожиданностью для скандинавских государств и западных противников».

24 марта были изданы приказы о проведении военно-морских операций в соответствии с «вариантом Везер», и 30 марта 1940 г. подсудимый Дениц, главнокомандующий подводным флотом, издал оперативный приказ об оккупации Дании и Норвегии. 9 апреля 1940 г. германские вооруженные силы вторглись в Норвегию и Данию.

Из этого изложения событий явствует, что вопрос о вторжении в Норвегию обсуждался уже в октябре 1939 года. Защита утверждает, что Германия была вынуждена напасть на Норвегию, чтобы опередить вторжение союзников, и поэтому ее действия были превентивными.

Следует помнить, что превентивные действия на чужой территории оправданы только в случае «немедленной и настоятельной необходимости самообороны, когда уже не представляется возможности для выбора средств и для обдумывания». (Дело Каролины. 1808.6-С.Роб. 461). Трудно с точностью определить, в какой степени влиятельные германские круги разделяли мнение о том, что союзники намеревались оккупировать Норвегию. Квислинг утверждал, что союзники вторгнутся в Норвегию с молчаливого согласия норвежского правительства. Германская миссия в Осло не разделяла этой точки зрения, хотя военно-морской атташе миссии разделял ее.

В дневнике боевых действий военно-морского оперативного штаба 13 января 1940 г. говорится, что начальник военно-морского оперативного штаба считал, что самым благоприятным разрешением вопроса было бы сохранение нейтралитета Норвегии, но он был твердо убежден, что Англия намеревалась оккупировать Норвегию в ближайшем будущем, рассчитывая на молчаливое согласие норвежского правительства.

В директиве Гитлера от 1 марта 1940 г. относительно нападения на Данию и Норвегию говорится о том, что операция «должна предотвратить вторжение Англии в Скандинавию и в Балтику». Однако следует помнить, что в меморандуме подсудимого Редера от 3 октября 1939 г. не говорится о предупреждении действий союзников, а лишь о «цели улучшения наших стратегических и оперативных позиций».

Сам меморандум озаглавлен «Приобретение баз в Норвегии». Это же замечание с учетом изменившихся обстоятельств относится к меморандуму подсудимого Деница от 9 октября 1939 г.

Далее, 13 марта подсудимый Иодль записал в своем дневнике следующее:

«Фюрер еще не дает приказа о начале «В» (вариант Везер). Он все еще ищет повода (предлога?)».

14 марта 1940 г. он снова записал:

«Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления «варианта Везер».

21 марта 1940 г. он указал в своих записях на опасения, высказанные оперативной группой XXI относительно длительного интервала

между объявлением состояния боевой готовности и завершением дипломатических переговоров, и добавил:

«Фюрер отклоняет всякие преждевременные переговоры, так как в этом случае будут обращаться за помощью к Англии и Америке. Если будет оказано сопротивление, необходимо его безжалостно подавить».

2 апреля он записал, что все приготовления уже закончены; 4 апреля был отдан оперативный приказ военно-морскому флоту, и 9 апреля началось вторжение.

Из всего этого ясно, что, когда составлялись планы о нападении на Норвегию, они не были составлены с целью предупреждения грозившей высадки союзников, но в лучшем случае в них ставилась цель предотвратить оккупацию союзниками в будущем.

В день, когда были даны окончательные приказы о германском вторжении в Норвегию, 23 марта 1940 г., в дневнике военно-морского оперативного штаба было записано:

«Не следует ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды».

В записках адмирала Асмана от 26 марта говорится следующее:

«Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной».

На документах, которые были впоследствии захвачены немцами, основываются для того, чтобы показать, что план союзников по захвату портов и аэродромов в западной Норвегии был вполне конкретным планом, хотя во всех пунктах он значительно отставал по времени от германских планов, согласно которым фактически было проведено вторжение.

Эти документы показывают, что 20 марта 1940 г. был окончательно принят измененный план, согласно которому конвой должен был отправиться из Англии 5 апреля, минирование норвежских вод должно было начаться в тот же день и что 5 апреля время выхода в море было перенесено на 8 апреля. Но эти планы не были причиной германского вторжения в Норвегию.

Норвегия была оккупирована Германией для того, чтобы обеспечить Германию базами, с которых можно было бы проводить более эффективные налеты на Англию и Францию, согласно планам, подготовленным задолго до того, как появились какие-либо планы у союзников, на которые теперь ссылаются при попытке поддержать теорию самообороны.

Далее утверждалось, что Германия одна могла решить, в соответствии с оговорками, сделанными подписавшимися державами во время заключения пакта Бриана-Келлога, является ли проведение превентивных действий необходимостью, и что при принятии этого решения ее мнение было окончательным.

Вопрос о том, являются ли действия, предпринятые якобы с целью самозащиты, фактически агрессивными или оборонительными, должен быть подвергнут рассмотрению и окончательно решен, если мы вообще хотим, чтобы торжествовали принципы международного права.

Подсудимые не высказывали никакого предположения о том, что имелся какой-либо план у любой воюющей страны, кроме Германии, по оккупации Дании; никогда не выдвигалось никакого оправдания этой агрессии.

Как только германские войска вступили в Норвегию и Данию, германские меморандумы были вручены норвежскому и датскому прави-

тельствам; в них содержалось заверение, что германские войска пришли не как враги, что они не намереваются использовать пункты, занятые германскими войсками, в качестве баз для операций-против Англии, если их не принудят к этому меры, принятые-Англией и Францией, и что они прибыли защищать север от предполагаемой оккупации. норвежских крепостей англо-французскими силами.

В меморандумах также говорилось, что Германия не намеревается нарушать территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем. Несмотря на это, в меморандуме германского военно-морского флота 3 июня 1940г. говорилось об использовании Норвегии и Дании и выдвигалось на рассмотрение предложение о том, чтобы территории Дании и, Норвегии, приобретенные в ходе войны, продолжали оставаться оккупированными и организованными таким образом, чтобы в дальнейшем они могли считаться германскими владениями. :

В свете всех доступных доказательств нельзя признать, что вторжение в Данию и Норвегию являлось в каком-либо отношении оборонительным актом, и, по мнению Трибунала, оно, несомненно, представляет собой агрессивную войну.

ВТОРЖЕНИЕ В БЕЛЬГИЮ, НИДЕРЛАНДЫ И ЛЮКСЕМБУРГ

План захвата Бельгии и Нидерландов. рассматривался в августе 1938 года, когда планировалось нападение на Чехословакию и рассматривалась возможность войны с Францией и Англией. Подчеркивались преимущества, которые может получить Германия от использования этих стран в своих целях, особенно от использования в качестве воздушных баз в войне против Англии и Франции. В мае 1939 года, когда Гитлер принял твердое решение напасть на Польшу, он, предвидя возможность войны с Англией-и Францией как результат этого нападения, говорил своим военным командующим:

«Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть захвачены..., заявления о нейтралитете должны игнорироваться».

22 августа этого же года он говорил своим-военным командующим, что Англия и Франция, по его мнению, «не будут нарушать нейтралитет этих стран». В то же время он заверил Бельгию, Голландию и Люксембург, что он будет уважать их нейтралитет, и 6 октября 1939 г., после польской кампании, он вновь повторил эти заверения. 7 октября генерал фон Браухич приказал армейской группе «Б» подготовиться к «немедленному вторжению на голландскую и бельгийскую территории, если такая необходимость будет вызвана политической ситуацией». В ряде приказов, подписанных подсудимыми Кейтелем и Иодлем, дата нападения была намечена на 10 ноября 1939 г., но постоянно откладывалась вплоть до мая 1940 г., в связи с метеорологическими условиями и трудностями с транспортом.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил ;

«Наша Ахиллесова пята — Рур. Успех войны будет зависеть от того, будет ли нам принадлежать Рур. Если Англия и Франция проникнут в Рур через Бельгию и Голландию, мы окажемся в величайшей опасности.

Несомненно, Англия и Франция нападут на Германию, как только они вооружатся.

Англия и Франция смогут оказать влияние на Бельгию и Голландию с тем, чтобы они обратились к Англии и Франции за помощью. Бельгия и Голландия полностью сочувствуют Франции и Англии... Если французская армия вступит в Бельгию для того, чтобы напасть на нас, это будет слишком поздно для нас. Мы должны опередить их... Мы создадим минные поля вдоль побережья Англии, и их нельзя будет разминировать.

Эта минная война в сочетании с воздушной войной требует других предпосылок. Англия не может существовать без импорта. Мы сможем прокормить сами себя.

Бесперывное минирование вод у английского побережья поставит Англию на колени. Однако это может произойти лишь после оккупации Бельгии и Голландии. Мое решение непоколебимо. Я нанесу молниеносный удар по Франции и Англии и в самый благоприятный момент.

Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения; никто не будет говорить об этом после нашей победы.

Мы не будем нарушать нейтралитет так глупо, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим нейтралитета, тогда его нарушат Англия и Франция. Без нападения война не может закончиться победоносно...»

10 мая 1940 г. германские войска оккупировали Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В этот же день германские послы вручили правительствам Нидерландов и Бельгии меморандум, в котором говорилось, что британские и французские армии с одобрения Бельгии и Голландии планировали проход через территорию этих стран с тем, чтобы напасть на Рурскую область, оправдывая этим свое вторжение в эти страны. Однако Германия заверила Нидерланды и Бельгию, что она будет уважать неприкосновенность их владений.

Такой же меморандум был вручен Люксембургу в тот же день.

Трибунал не располагает доказательствами, оправдывающими утверждение, что вторжение Германии в Нидерланды, Бельгию и Люксембург было совершено потому, что Англия и Франция планировали их оккупацию. Британский и французский генеральные штабы сотрудничали в составлении некоторых планов военных операций в Нидерландах, но целью этих планов являлась защита этих стран в случае нападения Германии.

Вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург было ничем не оправданным актом. Оно было проведено в соответствии с долго подготовлявшейся и заранее обдуманной политикой и, несомненно, являлось актом агрессивной войны. Решение о вторжении было принято лишь исходя из соображений дальнейшего развития агрессивной политики Германии.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ И ГРЕЦИИ

12 августа 1939 г. Гитлер имел беседу с Чиано и подсудимым Риббентропом в Оберзальцберге. Он тогда говорил:

«Вообще говоря, самое лучшее, что может случиться, — это ликвидация нейтралов одного за другим. Проведение этого мероприятия мо-

жст быть значительно облегчено, если в каждом случае одна страна оси будет охранять другую, в то время, как она расправляется с ненадежным нейтралом. Италия может вполне рассматривать Югославию как нейтральную страну такого рода».

Это замечание было сделано через два месяца после того, как Гитлер заверил Югославию, что он будет рассматривать ее границы как окончательные и неприкосновенные. По случаю визита принца-регента Югославии в Германию 1 июня 1939г. Гитлер в публичной речи заявил:

«Твердо установившиеся надежные взаимоотношения Германии с Югославией, поскольку сейчас, благодаря историческим событиям, мы стали соседями и имеем общие границы, установленные навсегда, не только обеспечат длительный мир между нашими двумя народами и странами, но также явятся успокаивающим фактором на нашем континенте, находящемся в состоянии нервного напряжения. Этот мир является целью всех, кто стремится проводить действительно созидательную работу».

6 октября Германия повторила свои заверения Югославии после того, как Гитлер и Риббентроп безуспешно пытались убедить Италию вступить в войну на стороне Германии и напасть на Югославию. 28 октября 1940 г. Италия вторглась в Грецию, но военные операции не были успешными. В ноябре Гитлер писал Муссолини относительно вторжения в Грецию и распространения войны на Балканы и указал, что никакие военные операции не могут проводиться на Балканах до марта следующего года и поэтому Югославия, если это вообще возможно, должна быть завоевана другими средствами и другим путем. Но 12 ноября 1940 г. Гитлер издал директиву о проведении военных действий, в которой говорилось:

«Балканы: Главнокомандующий сухопутными силами должен провести подготовку для оккупации греческого материка севернее Эгейского моря и, в случае необходимости, прохода через территорию Болгарии».

13 декабря он издал директиву, касающуюся операции «Марита» (кодовое обозначение для вторжения в Грецию), в которой говорилось:

1. Исход боев в Албании еще не решен. Благодаря опасной ситуации в Албании, вдвойне необходимо помешать попытке англичан создать воздушные базы под защитой Балканского фронта, что будет угрожать прежде всего Италии и румынским нефтяным районам.

2. Поэтому мой план заключается в следующем:

а) создать постоянно усиливающуюся оперативную группу в южной Румынии в течение следующего месяца,

б) после установления благоприятной погоды, вероятно в марте, послать оперативную группу для оккупации **северного** побережья Эгейского моря через Болгарию и, в случае необходимости, занять весь материк Греции».

20 января 1941 г. во время встречи Гитлера и Муссолини, на которой присутствовали подсудимые Риббентроп, Кейтель, Йодль и другие, Гитлер заявил:

«Сосредоточение войск в Румынии преследует тройную цель:

а) операции против Греции,

б) защита Болгарии от России и Турции,

в) обеспечение гарантий по отношению к Румынии. Желательно завершить это развертывание сил без вмешательства противника. Поэтому

следует раскрыть карты как можно позже. Мы должны стремиться к тому/чтобы пересечь Дунай в последний момент и сосредоточиться для наступления как можно раньше».

В директиве ОК.В от 19 февраля 1941 г. относительно операции «Марита» говорится:

«18 февраля фюрер принял следующее решение относительно проведения операции «Марита»—устанавливаются следующие сроки: приступить к строительству моста 28 февраля; пересечь Дунай 2 марта».

3 марта 1941 г. британские войска высадились в Греции для помощи грекам в оказании-сопротивления итальянцам, и 18 марта во время беседы Гитлера с подсудимым Редером, -на которой также присутствовали подсудимые Кейтель и Иодль, подсудимый Редер просил подтвердить, «что вся Греция должна быть оккупирована даже в случае мирного решения». На это Гитлер ответил:

«Полная оккупация является необходимой предпосылкой для любого решения».

25 марта по случаю празднования присоединения Югославии к тройственному пакту на митинге в Вене подсудимый Риббентроп от имени германского правительства подтвердил решимость Германии всегда уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии. 26 марта югославские министры, которые присоединились к тройственному пакту, по их возвращении из Вены были отстранены от должностей в результате государственного переворота в Белграде, и новое правительство денонсировало этот Пакт. Тогда 27 марта на совещании верховного командования в Берлине, на котором присутствовали все время'подсудимые Геринг, Кейтель и Иодль и некоторое время подсудимый Риббентроп, Гитлер заявил, что Югославия является ненадежным фактором в предполагаемом нападении да Грецию и еще более ненадежным в отношении нападения на Россию, которое должно начаться несколько позже. Гитлер объявил, что он полон решимости, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности нового правительства, сделать все приготовления для уничтожения Югославии в военном отношении и как национальной единицы. Он заявил, что он будет действовать с «беспощадной жестокостью».

6 апреля германские силы вторглись в Грецию и Югославию без предупреждения, и Белград был подвергнут бомбардировке германскими военно-воздушными ""силами. Это вторжение происходило настолько быстро, что даже не было времени предварительно спровоцировать какие-либо «инциденты», как обычно делалось, или найти и опубликовать подходящие «политические» объяснения. В начале нападения 6 апреля Гитлер объявил германскому народу, что оно являлось необходимостью, потому что наличие в Греции британских" войск (которые помогали грекам защищаться от итальянцев) является показателем попытки Великобритании'распространить, войну на Балканы.

Из этого изложения событий ясно, что агрессивная война против Греции и Югославии давно подготавливалась, по крайней мере, в августе 1939 года. Тот факт, что Великобритания пришла на помощь грекам и в результате смогла бы причинить большой ущерб интересам Германии, был использован для оккупации обеих стран.

АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 года Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «План Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку «Плана Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 года, и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Иодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением «Плана Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...».

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекторами, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Иодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых

имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 года Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 года было достигнуто окончательное соглашение с Антонеску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОК.В, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас». •

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым, с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия.

ВОЙНА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Через четыре дня после того, как Япония совершила нападение на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., Германия объявила войну Соединенным Штатам. 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт, и начиная с этого времени вплоть до нападения на СССР подсудимый Риббентроп вместе с другими подсудимыми пытался побудить Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Считали, что это ускорит поражение Англии и предотвратит вступление Соединенных Штатов в войну. Возможность непосредственного нападения на Соединенные Штаты обсуждалась и считалась вопросом будущего. Майор фон Фалькепштейн, офицер связи воздушных сил при оперативном штабе ОКВ, суммируя военные проблемы, которые подлежат обсуждению в Берлине в октябре 1940 года, говорил о возможности «вступления в войну против Америки позднее». Также ясно, что германская политика, заключающаяся в том, чтобы предотвратить, если возможно, вступление Америки в войну, не мешала Германии обещать поддержку Японии даже против Соединенных Штатов. 4 апреля 1941 г. Гитлер сообщил японскому министру иностранных дел Мацуока в присутствии подсудимого Риббентропа, что Германия «нанесет удар без промедления», если нападение Японии на Сингапур приведет к войне между Японией и Соединенными Штатами.

На следующий день сам Риббентроп настоятельно требовал от Мацуока вступления Японии в войну.

28 ноября 1941 г., за 10 дней до нападения на Пирл-Харбор, Риббентроп подстрекал Японию, через ее посла в Берлине, к нападению на Великобританию и Соединенные Штаты и заявил, что в случае, если Япония будет вовлечена в войну с Соединенными Штатами, Германия немедленно вступит в войну.

Через несколько дней японские представители сообщили Германии и Италии, что Япония ведет подготовку к нападению на Соединенные Штаты, и просили их оказать поддержку. Германия и Италия согласились на это, хотя в тройственном пакте Германия и Италия давали обязательство помочь Японии только в том случае, если она подвергнется нападению. Когда было совершено нападение на Пирл-Харбор, подсудимый Риббентроп, как сообщается, был «вне себя от радости», и позднее, во время церемонии в Берлине, когда японский посол Осима был награжден германской медалью, Гитлер указал на то, что он одобряет японскую тактику затягивания переговоров с Соединенными Штатами и нанесения затем сокрушительного удара без всякого объявления войны.

Хотя Гитлер и его сообщники действительно вначале не считали, что война с Соединенными Штатами будет выгодной для их интересов, однако вполне очевидно, что в 1941 году эта точка зрения изменилась, и Японию всячески подстрекали проводить такую политику, которая почти без сомнения должна была втянуть Соединенные Штаты в войну. И когда Япония напала на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харбор и таким образом начала агрессивную войну против Соединенных Штатов, нацистское правительство заставило Германию немедленно вступить в эту войну на стороне Японии, само объявив войну Соединенным Штатам,

НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Устав определяет как преступление планирование или ведение войны, которая является агрессивной войной или войной в нарушение международных договоров. Трибунал установил, что некоторые из этих подсудимых планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений. Это освобождает от необходимости детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны также являлись войнами «в нарушение международных договоров, соглашений и заверений». Эти договоры изложены в приложении «В» Обвинительного заключения. Важнейшими являются следующие:

ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ

В конвенции от 1899 года подписавшиеся державы согласились на том, что «прежде чем обратиться к оружию..., следует прибегнуть, насколько это позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или более дружественных держав». Подобное положение было включено в конвенцию о мирном урегулировании международных споров от 1907 года. В конвенции, относившейся к началу военных действий, в статье 1 имеется та же мысль, изложенная гораздо более точно: «договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения либо в форме объявления войны с изложением мотивов, ни в форме ультиматума с объявлением войны, в случае несогласия на его условия». Германия участвовала в этих конвенциях.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Обвинение основывалось также на нарушении некоторых положений Версальского договора — не укреплять левый берег Рейна (ст. ст. 42—44), строго соблюдать независимость Австрии (ст. 80), отказаться от каких-либо прав в Мемеле (ст. 99) и в свободном городе Данциге (ст. 100), признать независимость Чехословацкого государства, а также положений, касающихся сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Германии, положений, направленных против перевооружения Германии и изложенных в части V. Нет никаких сомнений в том, что германское правительство действовало вопреки всем этим положениям, которые подробно изложены в приложении «В». Что касается Версальского договора, Обвинение основывается на следующих положениях:

1. Нарушение статей 42—44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области.
2. Аннексия Австрии 13 марта 1938 г. в нарушение статьи 80.
3. Включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 г. в нарушение статьи 99.
4. Включение в состав империи свободного города Данцига 1 сентября 1939 г. в нарушение статьи 100.

5. Включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 г. в нарушение статьи 81.

6. Нарушение положений договора, касавшихся военного, морского и воздушного вооружения Германии, в марте 1935 г. или до этого срока.

21 мая 1935 г. Германия объявила, что, хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, она все же будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта. Поэтому в отношении инкриминируемых пяти первых нарушений Трибунал считает обвинение доказанным.

ДОГОВОРЫ О ВЗАИМНЫХ ГАРАНТИЯХ, АРБИТРАЖЕ И НЕНАПАДЕНИИ

Нет необходимости обсуждать в деталях различные договоры, заключенные Германией с другими державами. Договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1925 году с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статус-кво. Договоры об арбитраже также были заключены Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей.

Статья 1 последнего договора, являющаяся типичной, предусматривает: «Все споры любого рода между Германией и Польшей..., которые, может быть, не окажется возможным разрешить дружественно нормальными методами дипломатии, будут представлены арбитражному суду для вынесения им решения...»

Конвенции об арбитраже и согласительной процедуре были заключены между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 году и между Германией и Люксембургом в 1929 году. Германия заключила договор о ненападении с Данией и СССР в 1939 году.

ПАКТ БРИАНА-КЕЛЛОГА

Парижский пакт был подписан 27 августа 1928 г. Германией, Соединенными Штатами, Бельгией, Францией, Великобританией, Италией, Японией, Польшей и другими странами, а впоследствии еще и другими державами. Трибунал подробно остановится на характере этого пакта и его правовых последствиях в другом разделе этого приговора. Поэтому нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этого вопроса, за исключением того, что необходимо заявить, что, по мнению Трибунала, этот пакт был нарушен Германией во всех случаях агрессивных войн, инкриминируемых Обвинительным заключением. Следует отметить, что 26 января 1934 г. Германия подписала декларацию о поддержании постоянного мира с Польшей, которая была непосредственно основана на Парижском пакте и в которой обращение к силе объявлялось незаконным на период в 10 лет.

Трибунал не считает необходимым рассматривать ни один из других договоров, упоминавшихся в приложении, и ни одно из повторных соглашений и заверений о мирных намерениях Германии, которые были ею сделаны.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ УСТАВА

Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала.

Создание Устава являлось осуществлением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром. Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле является сам вкладом в международное право.

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса, и, сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые, — это справедливого суда на основании фактов и закона.

Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключения Лондонского соглашения и если являлось таковым, то в какой степени.

Однако, учитывая большое значение затронутых правовых вопросов, Трибунал полностью заслушал доводы Обвинения и Защиты и выразил свое мнение по этому вопросу.

От имени подсудимых Защита настаивала на том, что основным принципом как международного, так и внутригосударственного права являлось то, что преступление не может караться, если ранее не существовало соответствующего закона: «Нуллум кримен сине леге, нуллум пене сине леге».

Далее говорилось, что наказания «экс пост факто» не совместимы с законами цивилизованных наций, что ни одно суверенное государство не объявило агрессивную войну преступлением в то время, когда были совершены эти якобы преступные действия, ни один статут не дал определения агрессивной войны, не было установлено никакой кары за ее ведение и что не было создано никакого суда для преследования и наказания нарушителей.

Прежде всего следует заметить, что принцип «нуллум кримен сине леге...» не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение несправедливости наказания тех, кто, вопреки договорам и гарантиям, напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает непра-

пое дело, и не только не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло.

Занимая те посты, которые они занимали в правительстве Германии, подсудимые или, по крайней мере, часть из них должны были знать о договорах, подписанных Германией и объявляющих вне закона обращение к войне для урегулирования международных споров; они должны были знать, что они действовали вопреки международному праву, когда совершенно преднамеренно осуществляли свои замыслы агрессии и вторжения. Если рассматривать этот вопрос только в свете настоящего дела, то можно сделать вывод, что этот принцип при данных обстоятельствах неприменим.

Правильность этой точки зрения в той степени, в которой это касается агрессивной войны, в значительной степени подтверждается при рассмотрении состояния международного права в 1939 году.

Общий договор об отказе от войны от 27 августа 1928г., более известный как Парижский пакт или пакт Бриана-Келлога, к началу войны в 1939 году связал обязательствами 63 страны, включая Германию, Италию и Японию. В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они:

«Глубоко осознавая свой торжественный долг содействовать благополучию человеческого рода, убеждены в том, что настало время, когда должен произойти искренний отказ от войны, как от инструмента национальной политики, с тем, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие сейчас между их народами, были сохранены навсегда... все изменения в отношениях между странами производить лишь при помощи мирных средств..., объединив тем самым цивилизованные государства мира в общем отказе от войны, как от инструмента их национальной политики...»

Первые две статьи гласят:

«Статья I: Высокие договаривающиеся стороны торжественно объявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от нее, как от инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом».

«Статья II: Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на том, что урегулирование или разрешение всех споров или конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, никогда не будет осуществляться при помощи каких-либо других средств, кроме мирных».

Встает вопрос о том, каковы были правовые последствия этого пакта. Государства, подписавшие пакт или присоединившиеся к нему, безоговорочно осудили использование войны, как инструмента политики в будущем, и категорически отвергли ее. После подписания пакта любая нация, прибегающая к войне, как к инструменту национальной политики, становится нарушителем этого пакта.

По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны, как от инструмента национальной политики, с необходимостью предполагает, что такая война является незаконной в соответствии с международным правом, и что те, кто планируют такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление.

Война для разрешения международных противоречий, предпринятая к качеству инструмента национальной политики, с очевидностью включает

агрессивную войну. Следовательно, подобная война в соответствии с пактом является незаконной войной. Как заявил в 1932 году г-н Генри Л. Стимсон, бывший тогда государственным секретарем Соединенных Штатов,—

«Стороны, подписавшие пакт Бриана-Келлога, отказались от войны между государствами. Это означает, что она стала практически почти во всем мире... незаконным действием. С этого времени государства, вступившие в вооруженный конфликт, оба или одно из них должны были быть названы нарушителями этого закона, установленного общим договором. Мы объявляем их нарушителями закона».

Однако утверждают, что пакт прямо не квалифицирует такие войны как преступление и не учреждает судов для того, чтобы преследовать тех, кто ведет подобные войны. В такой же мере это относится к законам войны, изложенным в Гагской конвенции. Гагская конвенция 1907 года запретила обращение к некоторым методам ведения войны. Сюда входили бесчеловечное обращение с военнопленными, применение отравленного оружия, неправильное использование флага о перемирии и другие действия подобного рода. Многие из этих запрещений были введены в силу задолго до подписания конвенции. Но начиная с 1907 года они стали безусловными преступлениями, наказуемыми как нарушение правил ведения войны. Тем не менее Гагская конвенция нигде не определяет такие действия как преступные, она также не предусматривает никакого наказания и не говорит ничего об учреждении суда с тем, чтобы судить и наказывать нарушителей. В течение долгих лет в прошлом военные трибуналы, однако, судили и карали отдельных лиц, виновных в нарушении правил ведения войны на суше, изложенных этой конвенцией.

По мнению Трибунала, те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гагской конвенции.

При толковании формулировок пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры. Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, применявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права.

Та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту. В 1923 году Лига наций предложила проект договора о взаимопомощи. В статье I этого договора было объявлено, что «агрессивная война является международным преступлением» и что договаривающиеся стороны «согласились на том, что ни одна из них не будет виновна в его совершении». Этот проект договора был представлен 29 государствам, и около половины из них высказалось в пользу принятия этого текста. Основное возражение, очевидно,

заключается в трудности определения тех актов, которые должны составить «агрессию», скорее, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны. В преамбуле протокола Лиги наций от 1924 г. о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол») после слов: «признавал солидарность членов международного сообщества», объявляется, что «агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности и является международным преступлением». Далее там объявляется, что договаривающиеся стороны «полны желания облегчить полное применение системы, предусмотренной в статуте Лиги наций, для мирного урегулирования споров между государствами и для обеспечения проведения борьбы с совершением международных преступлений». Этот протокол был рекомендован членам Лиги наций в единодушной резолюции, принятой на ассамблее 48 членов Лиги наций. В число этих членов входили Италия и Япония, но Германия в то время не была членом Лиги наций.

Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеймить агрессивную войну как международное преступление.

На заседании Ассамблеи Лиги наций 24 сентября 1927 года все присутствовавшие делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) единогласно приняли декларацию об агрессивных войнах. В преамбуле этой декларации было заявлено:

«Ассамблея, признавая солидарность, объединяющую сообщество народов, вдохновленная горячим желанием поддержать общий мир, убежденная в том, что агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением...»

В единогласно принятой на Шестой Гаванской конференции 18 февраля 1928 г. резолюции двадцать одна американская республика заявила, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту и которое заключается в том, что обращение к агрессивной войне является не только незаконным, но и преступным. Запрещение ведения агрессивной войны, которого требует совесть мира, находит свое выражение в серии пактов и договоров, на которые Трибунал только что ссылался.

Также необходимо помнить, что статья 227 Версальского договора предусматривала создание специального Трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

Назначение этого процесса, как было заявлено, заключалось в том, чтобы «реабилитировать торжественные обязательства международных соглашений и действенность международной морали». В статье 228 Договора германское правительство ясно признало, право союзных держав

«привлекать к суду Международных Трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны».

Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства. По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квирин» (1942, 317-США), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно для того, чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права.

Положения статьи 228 Версальского договора, уже упоминающейся выше, иллюстрируют и подтверждают эту точку зрения по вопросу об индивидуальной ответственности. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Статья 7 Устава с определенностью гласит:

«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств, **не** должно рассматриваться как основание для освобождения от ответственности или смягчения наказания».

С другой стороны, самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством.

Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоря-

жениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву.

От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственность за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предусматривает в статье 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...»

Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу, в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях. Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания. Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ПРИМЕНИМОЕ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ПЛАНА ИЛИ ЗАГОВОРА

Из вышеприведенного изложения фактов, относящихся к агрессивной войне, явствует, что планирование и подготовка войны проводились самым систематическим образом на всех стадиях.

Планирование и подготовка весьма существенны для ведения войны. По мнению Трибунала, агрессивная война является преступлением с точки зрения международного права. Устав определяет это преступление как планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны «или участие в общем плане или заговоре для совершения... вышеупомянутого». Обвинительное заключение следует этому разграничению. Раздел I инкриминирует общий план или заговор. Раздел II инкриминирует планирование и ведение войны. Одни и те же доказательства представлялись для обоснования обвинения, содержащегося в обоих разделах. Поэтому мы будем рассматривать оба раздела вместе, поскольку они по своему существу одинаковы. Подсудимым инкриминируются преступления, предусмотренные общими разделами, и виновность их должна быть определена в соответствии с каждым из разделов.

«Общий план или заговор», инкриминируемый Обвинительным заключением, охватывает период в 25 лет, начиная от образования нацистской партии в 1920 году—до конца войны в 1945 году. Партия определяется «как орудие сплочения подсудимых для осуществления целей заговора — уничтожения Версальского договора, приобретения территорий, утраченных Германией в последней войне, и «жизненного пространства» в Европе с помощью, если необходимо, вооруженных сил, с помощью агрессивной войны». Захват власти нацистами, применение террора,

уничтожение профсоюзов, нападки на христианское учение и церковь, преследование евреев, муштровка молодежи — все это рассматривается как намеренно предпринятые шаги для осуществления общего плана. Он нашел свое выражение, как это утверждается, в программе секретного перевооружения, в уходе Германии с конференции по разоружению и из Лиги наций, во введении всеобщей воинской повинности и в захвате Рейнской области. Наконец, согласно Обвинительному заключению, в 1936—1938 гг. была запланирована и осуществлена агрессия против Австрии и Чехословакии, за которой последовало планирование и ведение войны против Польши и последовательно против десяти других стран.

Фактически Обвинение утверждает, что всякое значительное участие в деятельности нацистской партии и правительства является доказательством участия в заговоре, который по существу своему является преступным. Понятие заговора никак не определяется в Уставе. Но, по мнению Трибунала, заговор должен иметь совершенно точно определенную преступную цель. Он не должен быть слишком отдален от времени решения и действия. Для того чтобы быть преступным, планирование должно не просто покоиться на декларациях партийной программы, таких, как и содержатся в 21 пункте нацистской партии, объявленных в 1921 году, или в политических утверждениях, высказанных в «Майн кампф» в более поздние годы. Трибунал должен выяснить, существовал ли конкретный план ведения войны, и определить участников этого конкретного плана.

Нет необходимости решать вопрос о том, было ли установлено доказательствами наличие единого общего заговора между подсудимыми. Следует, конечно, помнить о захвате власти нацистской партией и о последующем господстве нацистского государства во всех сферах экономической и общественной жизни при рассмотрении позднейших планов для ведения войны. Тот факт, что планы для ведения войны составлялись уже 5 ноября 1937 г., а возможно, и в более ранний период, совершенно очевиден. После этого такого рода приготовления продолжали проводиться во многих сферах и были направлены против мира многих стран. Действительно, угроза войны—и, если необходимо, сама война—являлась неотъемлемой частью нацистской политики. Но доказательства с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов[^] скорее чем единого заговора, охватывающего все эти планы. Тот факт, что Германия быстро шла к абсолютной диктатуре с самого момента захвата нацистами власти и постоянно шла к войне, доказан с непреложной убедительностью последовательно совершавшимися агрессивными актами и войнами, уже описанными в данном приговоре.

Трибунал считает, что доказательства достаточно ясно устанавливают факт общего планирования для подготовки и ведения войны определенными подсудимыми. Нет необходимости устанавливать, полностью ли доказано наличие заговора в том масштабе и в тот период, как об этом говорится в обвинительном заключении. Непрерывавшееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения. Действительное положение очень хорошо изложено официальным переводчиком министерства иностранных дел Германии Паулем Шмидтом в следующих выражениях:

«Главной целью нацистского руководства, очевидной с самого начала, являлось завоевание господства на европейском континенте; это должно было быть достигнуто сначала путем объединения в империи

всех народов, говорящих на немецком языке, а затем путем территориальных захватов под лозунгом «Лебенсraum». Однако осуществление этих основных целей характеризовалось импровизированными действиями. Очевидно, что каждый последующий шаг предпринимался по мере того, как создавалась новая ситуация, но все они проводились в соответствии с главной целью, о которой было сказано выше».

• Аргумент, что подобное общее планирование не могло существовать там, где господствовала диктатура, — несостоятелен. План, в выполнении которого принимала участие определенная группа лиц, продолжает оставаться планом, даже если он был задуман всего лишь одним из них, и тот, кто участвовал в осуществлении этого плана, не может избежать ответственности, доказав, что он действовал согласно указанию человека, который замыслил этот план. Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали. Тот факт, что они получали задания от диктатора, не избавляет их от ответственности за совершенные ими действия. Отношение между руководителем и исполнителем уменьшает ответственность в данном случае не в большей степени, чем это имеет место в подобных случаях тирании при совершении преступлений внутри страны членами одной организованной шайки по приказу главаря.

Однако раздел I вменяет в вину не только заговор для ведения агрессивной войны, но и заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности. Но Устав не определяет заговор, как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны.

Статья 6 Устава предусматривает: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Трибунал считает, что эти слова не добавляют нового и отдельного преступления к преступлениям, уже поименованным. Их назначением является установление ответственности отдельных лиц, участвовавших в общем плане. Поэтому Трибунал не будет рассматривать обвинения подсудимых по разделу I, заключающиеся в том, что они принимали участие в заговорщической деятельности для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, а будет рассматривать лишь общий план для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить

массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на Суде. Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождалась жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, агрессивная война велась нацистскими руководителями самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета.

В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение. Уже осенью 1940 года рассматривался вопрос о нападении на Советский Союз. Начиная с этого времени, методы, которые должны были быть использованы для уничтожения всякой оппозиции, которой можно было ожидать, постоянно обсуждались.

Точно так же, планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало и организовывало это конкретное военное преступление до последней малейшей детали.

Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь-захваченных в плен, или убийство командиров или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам.

Поэтому Трибунал предполагает на данной стадии рассматривать вопрос о военных преступлениях в общих чертах и обратиться к ним более подробно при рассмотрении ответственности индивидуальных подсудимых в связи с ними. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Все население вывозилось в Германию для рабского труда на оборонительных работах, в промышленности, производящей вооружение, и для выполнения других подобных задач, связанных с военными усилиями. Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению

и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии за счет остальной Европы. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Статья 6 (b) Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев ведения войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязание или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море, убийства заложников, разграбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов, населенных пунктов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многие сдавшиеся немцам в плен солдаты союзных армий немедленно расстреливались, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 г. подсудимый Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений «командос», часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдать в плен. Далее предусматривалось, что если такие части союзных войск попадали в руки военных властей после того, как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 году было дано разъяснение, что этот приказ не относится к «командос», захваченным непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды «командос» из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов «командос» убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом. Так, например, американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта на Балканах в январе 1945 года, насчитывавшая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, была доставлена в Маутхаузен в соответствии с этим приказом и, согласно письменному показанию, данному под присягой Адольфом Зутте, адьютантом из концентрационного лагеря Маутхаузен, — все они были расстреляны.

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае, если их захватывали вновь, должны были быть переданы Зипо и СД. Зипо и СД разослали этот приказ своим районным управлениям. Эти бежавшие офицеры и унтер-офицеры должны были

посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где по прибытии их должны были убивать выстрелом в затылок.

В марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера после того, как они были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие их прах, возвращены в лагерь. Подсудимыми здесь не оспаривалось то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершить посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ готовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует уничтожить в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные генералом Рейнеке — начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались, как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров Зипо и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и

дальнейшая «обработка»: а) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства..., руководящие деятели промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей советской России).

Письменные показания под присягой Варлимонта — заместителя начальника штаба вооруженных сил, показания Олендорфа, бывшего начальника III управления главного имперского управления безопасности, и Лахузена, начальника одного из отделов контрразведки (АРвер) — разведывательной службы вооруженных сил — все указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ.

Письменные показания, данные под присягой Куртом Линцов, •бывшим чиновником гестапо, гласят:

«В лагерях для военнопленных на восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, эйнзатцкоманды, возглавлявшиеся младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь, согласно данным им приказам, и докладывать о них в управление тайной полиции».

23 октября 1941 г. начальник концентрационного лагеря Гросс-Розен сообщил Мюллеру, начальнику гестапо, список советских военнопленных, которые были также казнены накануне.

Описание общих условий и обращения с советскими военнопленными в течение первых восьми месяцев после нападения Германии на Россию дано в письме, посланном подсудимым Розенбергом подсудимому Кейтелю 28 февраля 1942 г.

«Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является величайшей трагедией... Большая часть из них умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа.

Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обречь их на голодную смерть.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали.

Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры».

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г., который гласил:

«Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо ' делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальником Зипо и СД этот приказ был широко распространен среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным. В связи с этой кампанией подготовки бактериологической войны также были сделаны приготовления для разбрызгивания бактериологической эмульсии с самолетов с тем, чтобы уничтожить посевы и вызвать голод. Эти мероприятия никогда не были осуществлены, возможно в связи с быстрым ухудшением военного положения Германии.

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской Конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века, они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни мстью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения» разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

УБИЙСТВО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Статья 6 (Б) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях..., убийство заложников..., бесцельное разрушение городов, селений и деревень будет рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 сентября 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу, лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо, вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки Зипо и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того, как эти гражданские лица привозились в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщалось об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами. 12 июня 1942 г. начальник полиции безопасности и СД через посредство Мюллера, начальника гестапо, издал приказ, санкционировавший применение методов «третьей степени» при допросах в тех случаях, когда предварительное следствие установило, что допрашиваемый мог бы дать показания по важным вопросам, как, например, о подрывной деятельности, хотя и не с целью вынудить

заклоченного признаться в собственных преступлениях. Этот приказ гласит:

«Методы третьей степени могут применяться только против коммунистов, марксистов, свидетелей еврейской национальности, диверсантов, террористов, членов движения сопротивления, агентов-парашютистов, асоциальных элементов, польских и советских бездельников или бродяг; во всех остальных случаях следует предварительно испрашивать моего разрешения... Методы третьей степени применительно к обстоятельствам состоят, наряду с другими методами, из сокращенного рациона (хлеб и вода), жесткой постели, темной камеры, запрещения спать, изматывающих упражнений, а также порки (в случае, если назначается более 20 ударов, следует консультироваться с врачом)».

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации сводилась не только к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению сопротивления, но и распространялась также на членов их семей. 19 июля 1944 г. командир Зипо и СД в Радомском районе в Польше издал приказ, распространенный через посредство высших руководителей СС и полиции, о том, что во всех случаях убийства немцев, или покушения на их жизнь, или при попытке диверсантов разрушить важные объекты следовало расстреливать не только виновных, но также и всех их родственников мужского пола, родственники же женского пола в возрасте свыше 16 лет должны направляться в концентрационный лагерь. Летом 1944 года эйнзатцкоманда Зипо и СД в Люксембурге • отправила людей в заключение в концлагерь Саксенхаузен только потому, что они являлись родственниками дезертиров и поэтому могли «представить опасность для интересов германской империи, если они останутся на свободе».

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось «Следует помнить, что человеческая жизнь в странах, где еще не установлен порядок, часто ничего не стоит, и устрашения можно добиться только чрезвычайной суровостью». Точное число убитых в результате этой политики неизвестно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось еще в больших масштабах. Кроме убийства заложников, в некоторых случаях уничтожались целые города; массовые убийства, подобные тем, которые имели место в Орадур сюр Глане во Франции и Лидице в Чехословакии, описанные в деталях Трибуналу, представляли собой примеры организованного террора, применявшегося оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось исключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами, С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое рас-

пространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагеря являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лица, арестованные -гестапо, как правило, направлялись в концентрационные лагеря. Они перевозились в лагеря в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагеря, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду, им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья; режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников. В донесении отдела военных преступлений военной прокуратуры третьей армии США от 21 июня 1945 года сообщаются результаты обследования условий в концентрационном лагере Флессенбург; можно привести следующий отрывок из донесения:

«Флессенбургский концентрационный лагерь можно лучше всего описать как фабрику смерти. Хотя на первый взгляд основным назначением лагеря являлось использование массового рабского труда, он имел другое назначение — уничтожение людей путем применения специальных методов при обращении с заключенными. Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п., все это играло главную роль в достижении их цели. Заключенных убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны; впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которыми предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро».

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных не евреев использовалось на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболели и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоляторы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и таким образом они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения Зипо и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гимmlера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу

с партизанами и членами групп сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре таких эйнзатцгруппы: одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России. Олендорф, бывший начальник III Управления РСХА, руководивший четвертой группой, заявил в своем письменном показании:

«Когда немецкая армия вторглась в Россию, я командовал эйнзатцгруппой «Д» в южном секторе, и в течение года моего пребывания на этой должности эйнзатцгруппа «Д» уничтожила приблизительно 90 000 мужчин, женщин и детей. Большинство уничтоженных были евреи, но имелись также среди них партийные работники-коммунисты».

В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г. по проекту подсудимого Йодля, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. В документе, который был направлен в 1943 году подсудимому Розенбергу имперским комиссаром по делам восточных территорий, содержатся важные иллюстрации тех мер, которые в действительности применялись. Он писал:

«Можно было бы избегать зверств и хоронить тела тех, кого ликвидировали. Сжигать в сараях запертых там мужчин, женщин и детей, — вряд ли это подходящий метод, даже если желательно уничтожать население. Этот метод недостойн дела Германии и чрезвычайно вредит нашей репутации».

Трибунал располагает письменными показаниями некоего Германа Грабе от 10 ноября 1945 г. с описанием массовых убийств, свидетелем которых он был. Он являлся управляющим и инженером, возглавлявшим филиал фирмы Эслинген Иосифа Юнга в Здолбунове на Украине с сентября 1941 года по январь 1944 года. Сначала он описывает нападение на еврейское гетто в Ровно:

«Затем были включены мощные электрические фонари, установленные по всей территории гетто. Члены СС и полиции группами от 4 до 6 человек входили или по крайней мере пытались войти в дома. Там, где двери и окна были закрыты и жители не открывали их после стука, члены СС и полиции врываются в окна и взламывали двери с помощью балок и ломов и входили в жилище. Жильцов выволакивали на улицу в том виде, в каком они были, независимо от того, были ли они одеты или спали... Наполнялась одна машина за другой. Крики женщин и детей, щелканье кнутов и ружейные выстрелы наполняли гетто».

Далее Грабе описывает массовую казнь в Дубно 5 октября 1942 г.:

«...Затем из-за насыпи послышались выстрелы в быстрой последовательности один за другим. Люди, которые сходили с грузовиков, мужчины, женщины и дети всех возрастов, должны были раздеваться, со-

гласно приказаниям одного эсэсовца, который имел в руках хлыст... Без крика и плача эти люди раздевались, собирались в маленькие группы по семьям, целовались и прощались друг с другом, а затем ожидали приказания от другого эсэсовца, который стоял около ямы также с хлыстом в руке... В этот момент эсэсовец, стоявший у ямы, крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти на насыпь... Я перешел на другую сторону насыпи и оказался перед огромной могилой; тесно прижавшись друг к другу, люди лежали один на другом так, что были видны их головы. Яма была уже наполнена на $\frac{1}{3}$; по моим подсчетам там находилось около 1000 человек... Теперь подошла следующая группа людей, они спустились в яму, легли на предыдущие жертвы и были расстреляны».

Изложенные выше преступления против гражданского населения являются чудовищными. Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда последний писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, т. е. германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 года Гиммлер вновь заявил:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы прибегнем к отбиранию у них детей и воспитанию их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса».

Еще в сентябре 1938 года польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 года подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования».

жителей страны. Поляки должны стать рабами Великой Германской Мировой Империи». В январе 1940 года Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения—в июне 1941 года Розенберг заявил своим сотрудникам:

«Цель, заключающаяся в снабжении продуктами питания германского народа, стоит в этом году несомненно первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Через три или четыре недели после этого Гитлер обсуждал с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и рядом других лиц план эксплуатации советского народа и советских территорий; этот план среди прочих вопросов включал эвакуацию населения Крыма и заселение его немцами. Подобная же судьба была уготована для Чехословакии подсудимым фон Нейратом в августе 1940 года; интеллигенция страны должна была быть «изгнана»; однако остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации, так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место.

На западе жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. Между июлем и декабрем 1940 года 105 тыс. эльзасцев было изгнано из домов или было лишено возможности вернуться в них. Захвативший германский отчет от 7 августа 1940 г. предусматривал в отношении Эльзаса следующее:

Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот вопрос должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию».

РАЗГРАБЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 49 Гагской конвенции предусматривает, что оккупирующие державы имеют право взимать денежную контрибуцию с оккупированных территорий для оплаты расходов на содержание оккупационной армии и издержек по управлению данной территорией. Статья 52 Гагской конвенции разрешает оккупационным властям производить реквизицию в натуре только для нужд оккупационных войск, и размеры подобной реквизиции должны соответствовать ресурсам страны. Эти статьи вместе со статьей 48 о расходовании средств, собранных в форме налогов, и статьями 53, 55 и 56 об общественной собственности делают совершенно ясным, что, согласно правилам ведения войны, от экономики оккупиро-

ванной страны можно требовать лишь оплаты расходов по оккупации данной страны, причем размеры этих расходов не должны превышать возможностей, разумно допустимых для экономики данной страны. Статья 56 гласит:

«Собственность муниципалитетов, религиозных и благотворительных обществ, учебных заведений, культурных и научных учреждений, хотя она и принадлежит государству, должна рассматриваться как частная собственность. Преднамеренный захват, разрушение и повреждение подобных заведений, исторических памятников, произведений науки и искусства запрещаются и должны преследоваться».

Однако из доказательств по данному делу ясно, что территории, оккупированные Германией, были подвергнуты эксплуатации для военных усилий Германии, причем эксплуатации жестокой, без учета масштабов местной экономики, явившейся следствием заранее обдуманного плана и политики. Фактически это являлось «систематическим ограблением общественной и частной собственности», что является преступлением, согласно статье 6 (b) Устава. Немецкая политика оккупации была с исчерпывающей ясностью охарактеризована в речи, произнесенной подсудимым Герингом 6 августа 1942 г. перед различными представителями немецких оккупационных властей.

«Всевышний знает, — вас послали туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии людей, над которыми вы поставлены; вы посланы для того, чтобы получить от них все, что возможно, с тем, чтобы немецкий народ мог жить. Именно этого я ожидаю от вас. Эти вечные заботы об иностранцах должны быть прекращены раз и навсегда. Передо мной лежат доклады о том, что вы должны собрать. Это ничто по сравнению с размером ваших территорий. Поэтому для меня совершенно безразлично, если вы скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

Методы, применявшиеся для эксплуатации ресурсов оккупированных территорий в максимально возможных пределах, были различными при применении их в разных странах. В некоторых оккупированных странах на Востоке и Западе подобная эксплуатация ресурсов проводилась силами существовавшего хозяйственного аппарата. Местная индустрия была передана под германский надзор, а распределение военных материалов строго контролировалось. Отрасли промышленности, которые имели значение для военной экономики Германии, в принудительном порядке продолжали работать, а большинство из остальных предприятий было закрыто. Сырье и готовая продукция конфисковались в одинаковой мере для нужд немецкой промышленности. Еще 19 октября 1939 г. подсудимый Геринг издал директиву, содержащую подробные указания по управлению оккупированными территориями, в которой говорилось:

«Назначение экономических мероприятий в различных районах различно, и они зависят от того, является ли данная страна страной, которая будет политически воссоединена с германской империей или генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет сделано частью Германии. На территории первой группы цель должна заключаться в том, чтобы сохранить все их производственные возможности и систему снабжения, а также в том, чтобы в возможно более короткий срок добиться полного слияния их с немецкой экономической системой. С другой стороны, с территорий генерал-губернаторства должны быть вывезены все

сырье, утиль, машины и т. п., которые могут быть полезными для немецкой военной экономики. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком большого периода времени и если не будет более выгодным эксплуатировать эти предприятия на их прежнем месте расположения, давая им заказы из Германии».

В результате этой директивы сельскохозяйственные продукты, сырье, необходимое для немецких фабрик, машины, транспортное оборудование, другие готовые изделия и даже вклады в иностранной валюте и иностранные ценные бумаги подлежали реквизиции и отправке в Германию. Подобная реквизиция ресурсов проводилась без учета экономических ресурсов данных стран, и впоследствии она привела к голоду, инфляции и возрастающей активности «черного рынка». Сначала германские оккупационные власти пытались бороться с «черным рынком», потому что это канал, по которому местные продукты уходили из германских рук. Когда подобные попытки провалились, было организовано немецкое закупочное агентство для производства закупок для Германии на «черном рынке» и, таким образом, было проведено в жизнь заверение Геринга о том, что «необходимо, чтобы все знали, что если где-нибудь будет голод, то только не в Германии».

Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество. Эта хитро задуманная видимость оплаты лишь скрывала тот факт, что товары, посылавшиеся в Германию из этих оккупированных стран, оплачивались ими самими либо под предлогом чрезмерных расходов по оккупации или путем принудительных займов в форме кредитного расчета «по клирингу», который существовал только номинально.

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление. Эта политика прежде всего была введена в действие аппаратом генерал-губернаторства Польши. Эксплуатация сырья на Востоке главным образом касалась сельскохозяйственных продуктов, и очень большое количество продовольствия было отправлено из генерал-губернаторства в Германию.

Доказательства о широко распространенной смертности от голода среди польского населения генерал-губернаторства свидетельствуют о том, с какой безжалостностью и жестокостью проводилась эта политика эксплуатации.

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территорий Советского Союза. Немецкие армии должны были находить продовольствие на советской территории, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть».

Директива ОКБ, изданная перед нападением, гласила:

«Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании».

Таким образом подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. выступал за использование сельскохозяйственной продукции южной части России и

Северного Кавказа для обеспечения немецкого населения продовольствием. Он заявил:

«Мы не видим никаких оснований для того, чтобы мы кормили также и русское население за счет продуктов, полученных на этих дополнительных территориях. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, далекой от каких-либо чувств».

Когда советская территория была оккупирована, эта политика была проведена в жизнь: проводилась в широких масштабах конфискация сельскохозяйственных продуктов без всякого учета нужд населения оккупированной территории.

Наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства, мебели, текстильных товаров и т. п. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. подсудимый Розенберг был назначен Гитлером главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «Эйнзатцштаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из этих учреждений, точно так же как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить.

Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на Востоке—как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на все оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось:

«За период с марта 1941 года по июль 1944 года специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженных 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержащих наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка. 39 томов, подготовленных эйнзатцштабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома — разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатцштаб Розенберга, особый батальон Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и

Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильде-Шреден, в котором говорится о том, что в течение лишь октября месяца 1943 года было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями.

Необходимо сказать несколько слов в отношении утверждения, что целью захвата сокровищ искусства была их охрана и сохранение. 1 декабря 1939 г. Гиммлер в качестве имперского уполномоченного по «укреплению германской нации» издал декрет, адресованный районным офицерам тайной полиции на присоединенных восточных территориях и начальникам службы безопасности в Радоме, Варшаве и Люблине. Этот декрет содержал административные указания по проведению программы захвата сокровищ искусства, и в первом пункте его говорилось:

«С целью укрепления германской нации, ради защиты империи все предметы, упомянутые в разделе 2 настоящего декрета, подлежат конфискации... Они конфискуются для блага германской империи и передаются в распоряжение имперского уполномоченного по укреплению германской нации».

Тот факт, что скорее существовало намерение обогатить Германию в результате этих захватов, нежели сохранить захваченные предметы, явствует из недатированного отчета доктора Ганса Несса, директора Дрезденской государственной картинной галереи:

«Я имел возможность приобрести некоторые сведения относительно государственных и частных коллекций точно так же, как и относительно церковной собственности в Кракове и в Варшаве.

Правильно, что мы не можем слишком рассчитывать на возможность обогатиться за счет приобретения великих произведений живописи и скульптуры, за исключением алтаря Вита-Ствоша, гравюр Ганса фон Каульнбаха из церкви Св. Марии в Кракове... и нескольких других работ из национального музея в Варшаве...»

ПОЛИТИКА РАБСКОГО ТРУДА

Согласно статье 6 (b) Устава «жестокое обращение с населением в угон на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированных территорий» или с оккупированных территорий считается военным преступлением. Законы, касающиеся принудительного труда населения оккупированных территорий, изложены в статье 52 Гаагской конвенции, которая предусматривает:

«От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить население принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой конвенции. Об этой политике можно получить некоторое представление из заявления Гитлера в речи от 9 ноября 1941 г.:

«Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек, а население территорий, которое косвенно служит нашим интересам, равняется 50 миллионам человек. Что касается мер, проводимых на немецкой территории, т. е. в той области, которой мы правим, то они безусловно поведут к тому, что мы сумеем запрячь в работу на нас все население до последнего человека».

Правда, это полностью осуществлено не было, но все же немецким оккупационным властям удалось заставить большую часть населения оккупированных территорий помогать военным усилиям Германии и насильственно угнать по меньшей мере пять миллионов человек в Германию для работы в ее промышленности и сельском хозяйстве.

На ранних стадиях войны рабочая сила на оккупированных территориях находилась под контролем различных оккупационных властей, и практика использования этой рабочей силы была различной в каждой стране. На всех оккупированных территориях очень скоро была введена трудовая повинность. Население оккупированных территорий заставляли работать по месту жительства на германскую военную экономику. Во многих случаях жителей заставляли работать по возведению германских укреплений и военных сооружений. По мере того, как местные ресурсы сырья и возможности местной промышленности перестали удовлетворять запросы Германии, начал практиковаться насильственный угон рабочей силы в Германию. В середине апреля 1940 года в генерал-губернаторстве был отдан приказ о насильственном угоне рабочей силы в Германию, аналогичный порядок вводился и в других восточных странах по мере их оккупации. В апреле 1941 года Гиммлер описал, как происходил этот насильственный угон из Польши. В своей речи перед офицерами СС он вспоминал, как при 40°-ном морозе им приходилось «вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч». В другом случае Гиммлер заявил: «Если десять тысяч русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Мы должны понять, что в Германии 6 или 7 миллионов иностранцев. Они не представляют никакой опасности до тех пор, пока мы принимаем суровые меры по каждому пустяку».

В течение первых двух лет немецкой оккупации Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, однако, делались попытки получить необходимую рабочую силу на основе добровольного набора.

Насколько безуспешным являлся этот набор, можно увидеть из отчета о заседании центрального управления по планированию 1 марта 1944 года. Представитель подсудимого Шпеера, некто Керрль, говоря о положении во Франции, заявил: «За этот период большое число французов было набрано и добровольно направлено в Германию». Его прервал подсудимый Заукель:

«Не только добровольно, — некоторые были набраны принудительно».

На что Керрль ответил:

«Принудительный набор начался после того, как добровольный призыв перестал давать достаточные результаты».

На что подсудимый Заукель ответил: «Из пяти миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыли туда добровольно».

И Керль ответил ему:

«Давайте теперь забудем, было или не было оказано некоторое незначительное давление. По крайней мере формально они были добровольцами».

Были созданы специальные комитеты содействия вербовке и проводилась усиленная кампания по пропаганде среди рабочих, чтобы сагитировать их добровольно поступить на службу Германии. К числу методов этой пропаганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями. 12 марта 1942 г. подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями распоряжаться «всею наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленными».

Подсудимый Заукель был поставлен в непосредственное подчинение подсудимому Герингу, как уполномоченному по четырехлетнему плану, и, согласно декрету Геринга от 27 марта 1942 г., все его полномочия в отношении рабочей силы были переданы Заукелю. Согласно инструкций Заукеля, иностранные рабочие должны были набираться на основе добровольности, но в ряде случаев предусматривалось, что «однако, там, где на оккупированных территориях призыв добровольцев окажется недостаточным, при всех обстоятельствах следует прибегать к обязательной трудовой повинности и к принудительному набору». Правила, предусматривавшие отбывание трудовой повинности в Германии, были опубликованы на всех оккупированных территориях. Заукель установил число рабочих, которые должны были быть предоставлены местными властями, и последние получали инструкции в случае необходимости выполнять эти требования путем принудительного набора. Однако тот факт, что принудительный набор был скорее правилом, нежели исключением, подтверждает уже цитировавшееся заявление Заукеля от 1 марта 1944 г.

Подсудимый Заукель часто утверждал, что с рабочими из иностранных государств обращались гуманно и что условия, в которых они жили, были хорошими. Но каковы бы ни были намерения Заукеля и как бы он ни хотел, чтобы с иностранными рабочими обращались гуманно, представленные Трибуналу доказательства устанавливают, что во многих случаях набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами. «Ошибки и промахи» имели место в очень широких масштабах. За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквях, а в ночное время — в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников, — действия, которые были описаны подсудимым Розенбергом, как берущие начало в «самых тёмных периодах работорговли». Методы, использовавшиеся при наборе рабочей силы на Украине, явствуют из приказа офицерам СД, который гласил:

«Не всегда будет возможно воздержаться от применения силы... При облавах в деревнях, в особенности, когда возникает необходимость сжигать деревни, все население в принудительном порядке должно передаваться в распоряжение уполномоченного.

Как правило, более не следует расстреливать детей. Если настоящим приказом мы на время ограничиваем применение суровых мер, это делается лишь по следующей причине: самое важное теперь — набор рабочих».

При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. При обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах». Доказательства устанавливают, что рабочие, предназначенные для империи, посылались под стражей в Германию, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления и не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания. Доказательства далее устанавливают, что обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унижительным. Доказательства, относящиеся к заводам Крупна, показывают, что рабочие подвергались самым зверским наказаниям. По крайней мере теоретически рабочие получали зарплату, жилище и пищу от ДАФ (Германский трудовой фронт), им даже было разрешено пересылать свои сбережения и посылать письма и посылки в свою родную страну. Но ограничивавшие их правила по существу отнимали часть их зарплаты; лагеря, в которых они были размещены, отличались антисанитарными условиями, а количество пищи часто было даже ниже минимума, необходимого для того, чтобы дать рабочим силу для работы.

В отношении поляков, работавших в крестьянских хозяйствах в Германии, нанимателям было разрешено применять телесные наказания; им было также приказано расселять рабочих по возможности в конюшнях, а не в своих домах.

Рабочие постоянно подвергались надзору со стороны гестапо и СС, и, если они пытались уйти от работы, их посылали в исправительно-трудовые или в концентрационные лагеря. Концентрационные лагеря использовались для увеличения поставок рабочей силы. Начальникам концентрационных лагерей было приказано заставлять заключенных работать до предела их физических возможностей. В течение последних стадий войны концентрационные лагеря оказались столь продуктивными в некоторых видах работ, что гестапо получило инструкции о проведении арестов определенных категорий рабочих с тем, чтобы они могли быть использованы таким образом. На военнопленных союзных стран также смотрели как на возможный источник рабочей силы. Давление оказывалось на унтер-офицеров — их пытались заставить согласиться работать и переводили в дисциплинарные лагеря тех из них, которые на это не соглашались. Многих военнопленных назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением статьи 31 Женевской конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особен-

ности относится к советским военнопленным. 16 февраля 1943 года на заседании центрального управления планирования, на котором присутствовали подсудимые Заукель и Шпеер, Мильх заявил:

«Мы потребовали, чтобы был издан приказ, согласно которому известный процент зенитчиков составляли бы русские. Забавная вещь, что русские должны обслуживать пушки».

4 октября 1943 г. в Познани Гиммлер, говоря о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, — как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете с точки зрения будущих поколений нам нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы».

Общая политика, лежавшая в основе мобилизации рабского труда, была сформулирована Заукелем 20 апреля 1942 г. Он сказал:

«Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве производительной базы нашей страны. Сырье, так же как плодородные земли, на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Все военнопленные с территорий Запада, а также Востока, которые уже находятся в Германии, должны полностью влиться в германскую промышленность вооружения и ее пищевую промышленность. Следовательно, нам необходимо немедленно использовать человеческие резервы покоренной советской территории в максимальных пределах. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию или принудительный труд... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих — мужчин и женщин, стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».

Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 году, согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью.

Жертвами были не только немецкие граждане, но также и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие поэтому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика, как министра внутренних дел, было убито около 270 000 человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Подробные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником III управления главного имперского управления безопасности с 1939 по 1943 год и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 000 мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили о том, каким образом Олендорф мог признать убийство 90 000 людей, он ответил:

«Я лично считаю, что, когда в течение лет, десятилетий проповедуются доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а что евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может *быть* представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться, как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штюрмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали должности и профессии, разрешаемые евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и в их гражданских правах. К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигались и уничтожались синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный

штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 года, проводились под предлогом расплаты за убийство одного чиновника германского посольства в Париже. Но решение о захвате Австрии и Чехословакии было вынесено за год до этого. Был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев; это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды создали трудное положение для германского казначейства и когда обсуждался вопрос о снижении этих расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и который являлся ярым защитником расширенной программы перевооружения, невзирая на финансовые трудности.

Далее говорится, что связь между антисемитской политикой и агрессивной войной также не ограничивалась лишь экономическими вопросами. Бюллетень министерства иностранных дел Германии, в номере от 25 января 1939 г., в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 году», описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом:

«То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой и результатом событий 1938 года. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовал силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно, даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне.

Поэтому излечение народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применения силы, и это в 1938 году привело к объединению Великой Германии вопреки всему миру».

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, создан-

ные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже была очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2 500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили свыше 135000 евреев за 3 месяца.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются ясные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманый и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штрупа, на которого была возложена ответственность за уничтожение гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен Трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями, и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует». Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штрупом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 года в одном из отчетов Штруп писал:

«Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, невзирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они "пытались, несмотря на переломы костей, переползая по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими становились члены войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности».

Штруп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти

зверства были присущи политике, начатой в 1941 году, и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Грабе, представляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выразившейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; все неспособные работать уничтожались в газовых камерах, после чего их трупы сжигались. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, как, например, Треблинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. являвшегося комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 000 человек, помимо того, что 500 000 погибло от болезней и голода.

Гесс на суде" в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить:

«В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения.

Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать. Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Треблинкой; в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли».

Он в следующих словах описывает процесс убийства:

«На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от климатических условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем, как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выданных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенные подвергались жестоким экспериментам. В августе 1942 года в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставались там до того, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях было указано, что у женщин перед тем, как их убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев. Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в Рейхсбанк. После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи. По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию по морю. Известно, что к концу 1944 года 400 000 евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110000 евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ К РАЗДЕЛУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Статья 6 Устава гласит т:

«(b) Военные преступления, а именно нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью.

(c) Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Как здесь указывается, Устав не выделяет тот или иной заговор в отдельное преступление, за исключением заговора, упомянутого в статье 6 (а) и касающегося преступлений против мира.

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (Б) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гагской конвенции 1907 года и статьями 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 года. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гагская конвенция здесь не применима в соответствии с пунктом о распространении действия конвенции в статье 2 Гагской конвенции 1907 года. Этот пункт предусматривал:

«Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье 1, так же как и правила настоящей конвенции, распространяются только на подписавшие стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

Что касается преступлений против человечности, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключениях в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организованной и систематической. До войны 1939 года в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно было предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода. Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом.

Однако с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности.

ОБВИНЯЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 9 Устава предусматривает:

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения Обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что Обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной, и любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны».

Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может

подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций.

Статья 10 гласит:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из подписавшихся сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

Последствия признания Трибуналом преступного характера организаций со всей ясностью иллюстрируются в законе № 10 Контрольного Совета Германии, принятом 20 декабря 1945 г., который предусматривает:

«Каждое из следующих действий рассматривается как преступление:

...(d) Членство в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых будет признан Международным Военным Трибуналом.

...3. Любое лицо, признанное виновным в любом из упомянутых выше преступлений, может быть в случае осуждения наказано таким образом, как Трибунал это сочтет справедливым. Такое наказание может соответствовать одному или нескольким из следующих пунктов...:

(a) Смертная казнь...

(b) Пожизненное тюремное заключение или заключение на определенный срок с каторжными работами или без каторжных работ.

(c) Штраф или тюремное заключение с каторжными работами или без каторжных работ вместо этого штрафа.

(d) Конфискация имущества. •

(e) Изъятие (реституция) незаконно присвоенного имущества.

(f) Лишение некоторых или всех гражданских прав».

Поэтому член организации, которую Трибунал признает преступной, может быть впоследствии осужден за преступление, заключавшееся в принадлежности к этой организации, и наказан за это преступление смертью. Это не предполагает, что международные или военные суды, которые будут судить этих лиц, не будут применять соответствующих правовых норм. Это — новая процедура, предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости.

Следует отметить, что статья 9 содержит следующие слова: «Трибунал может объявить». Таким образом, Трибунал облечен полномочиями решать по своему усмотрению вопрос, объявит ли он ту или иную организацию преступной. Однако это право решать по своему усмотрению основывается на правовых нормах и не позволяет прибегать к произвольному суждению; оно должно применяться в соответствии с прочно установившимися правовыми принципами, самый важный из которых заключается в том, что преступная виновность является индивидуальной и следует избегать массового наказания. Если Трибунал считает доказанной преступную виновность любой организации или группы, он должен без колебания признать ее преступной, не опасаясь того, что теория «преступность группы» является новой, или того, что она может быть несправедливо применена в последующих судебных разбирательствах трибуна-

лами. С другой стороны, Трибунал должен вынести решение о преступности по возможности таким образом, чтобы не были наказаны невиновные.

Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со ст. 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения.

Поскольку решения о преступности, принятые Трибуналом, будут использоваться в других судах в процессах против отдельных лиц за их членство в организациях, которые будут признаны преступными, Трибунал считает уместным сделать следующие рекомендации: 1) Поскольку это возможно, классификация преступлений, санкции и мера наказания должны быть однообразными на всех четырех зонах оккупации в Германии. Основной целью в той мере, в какой это практически возможно, должно быть соблюдение единообразия при рассмотрении дел. Это, конечно, не означает, что суды должны быть лишены права решать дела по своему усмотрению, однако это право действовать по усмотрению должно быть ограничено рамками, соответствующими характеру преступления.

2) Закон № 10, на который мы уже ссылались, оставляет решение вопроса о наказании полностью на усмотрение суда, разбирающего дело, вплоть до предоставления ему права выносить смертный приговор.

Однако закон о денацификации от 5 марта 1946 г., изданный для Баварии, Гросс-Гессена и Вюртенберг-Бадена, предусматривает определенное наказание для каждого вида преступлений. Трибунал рекомендует, чтобы ни в коем случае наказание, предусмотренное законом № 10 в отношении любого члена группы или организации; признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации. Никто не должен быть наказан по обоим законам.

3) Трибунал рекомендует Контрольному Совету внести поправку в закон № 10 с тем, чтобы предусмотреть ограничение в наказании, которое может быть вынесено за членство в преступной группе или организации, таким образом, чтобы это наказание не превосходило наказания, предписываемого законом о денацификации.

Обвинительное заключение требует, чтобы Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Структура и составные части

Руководящий состав нацистской партии назван в Обвинительном заключении как группа или организация, которая должна быть объявлена преступной. Руководящий состав нацистской партии фактически состоял из официальной организации нацистской партии и возглавлялся Гитлером в качестве фюрера. Фактическое руководство руководящим составом нацистской партии осуществлялось начальником партийной канцелярии (Гессом, а затем Борманом) с помощью имперского партийного директората или рейхслейтунга, который состоял из рейхслейтеров, руководителей функциональных организаций, так же как и из руководителей различных главных управлений и учреждений, примыкавших к имперскому партийному директорату. Начальнику партийной канцелярии подчинялись гаулейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над главными административными партийными единицами — гау.

Гаулейтерам помогал партийный директорат по делам гау, или гаулейтунг, который по своей структуре и характеру деятельности соответствовал имперскому партийному директорату. Ниже гаулейтеров в партийной иерархии стояли крейслейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над крейсами, обычно состоявшими из одной общины; им помогал партийный директорат по делам крейса, или крейслейтунг. Крейслейтеры стояли на самой нижней ступени партийной иерархии и являлись партийными работниками, получавшими заработную плату. Непосредственно ниже крейслейтеров стояли ортсgruppenлейтеры, затем целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры.

Директивы и инструкции исходили из имперского партийного директората. Задачей гаулейтеров являлась интерпретация этих директив и передача их в нижестоящие инстанции. Крейслейтеры располагали некоторой свободой в толковании этих директив, но ортсgruppenлейтеры не обладали этой свободой и действовали по определенным инструкциям. Инструкции передавались в письменном виде только до ортсgruppenлейтера. Блок- и целленлейтеры обычно получали инструкции в устной форме. Принадлежность ко всем рангам руководящего состава являлась добровольной.

28 февраля 1946 г. Обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсgruppenлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует Обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейслейтеров и сотрудников их аппарата, ортсgruppenлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, группу общей численностью по меньшей мере в 600 000 человек.

Цели и характер деятельности

Основной целью руководящего состава с самого начала являлась помощь нацистам в приобретении, а затем, после 30 января 1933 г., — в сохранении контроля над германским государством. Механизм руково-

дящего состава использовался для широкого распространения нацистской пропаганды и для тщательного контроля над политическими настроениями германского народа. В этой деятельности особенно важную роль играли низшие слои политических руководителей. Партийный справочник инструктировал блоклейтеров сообщать ортсгруппенлейтерам обо всех лицах, распространяющих вредные слухи или критикующих режим. Ортсгруппенлейтеры на основе информации, получаемой ими от блоклейтеров и целленлейтеров, вели картотеку на всех жителей, входивших в ортсгруппу, содержащую данные, которые могли быть использованы при вынесении решения относительно их политической благонадежности. Руководящий состав был особенно активен в период плебисцитов. Все члены руководящего состава очень активно действовали для обеспечения голосования и наиболее высокого процента голосов «за». Ортсгруппенлейтеры и политические руководители высших рангов часто сотрудничали с гестапо и СД в мероприятиях по установлению тех лиц, которые отказывались принять участие в голосовании или голосовали «против», а также в принятии соответствующих мер против них, применяя даже арест и заключение в концентрационный лагерь.

Преступная деятельность

Эти действия, которые связаны только с консолидацией контроля нацистской партии, не являются преступными с точки зрения заговора для ведения агрессивной войны, который был уже выше изложен. Однако руководящий состав также использовался для аналогичных действий в Австрии и в тех частях Чехословакии, Литвы, Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав империи и в гау нацистской партии. На этих территориях механизм руководящего состава использовался для германизации населения при помощи уничтожения местных обычаев и выявления и ареста лиц, противодействовавших германской оккупации. Это являлось преступным в соответствии со статьей 6 (Б) Устава в отношении тех территорий, где действовали гаагские конвенции о ведении сухопутной войны, и преступным в соответствии со статьей 6 (с) Устава в отношении остальных территорий.

Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, и далее в подробностях излагалось официальное объяс-

нение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говорилось, что их направляли в трудовые лагеря, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость. Таким образом, даже на первый взгляд этот бюллетень указывал на то, что механизм руководящего состава использовался для того, чтобы удержать немецкое общественное мнение от протестов против программы, которая, как утверждалось, включала в себя осуждение евреев в Европе на пожизненное рабство. Эти сведения все время поступали к политическим руководителям. В августовском выпуске «Ди Лаге» за 1944 год, являвшемся изданием, которое распространялось среди политических руководителей, описывалась депортация 430 000 евреев из Венгрии.

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в их соответствующих гау с полномочиями координировать деятельность всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Так, например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 000 женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля, обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политических руководителей, причем гаулейтеры были специально проинструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий».

В число вопросов, связанных с обращением с рабочими, которыми должны были заниматься политические руководители, входило составление крейслейтерами отчетов о случаях беременности среди женщин, использовавшихся для рабского труда; эти отчеты имели своим результатом производство аборта, если родители ребенка не соответствовали расовым требованиям, установленным СС, и обычно вели к заключению в концлагерь матери ребенка. Доказательства устанавливают, что под наблюдением политических руководителей промышленные рабочие расселялись в лагерях в ужасных антисанитарных условиях, работали много часов и не получали достаточного питания.

Под наблюдением тех же политических руководителей сельскохозяйственным рабочим, с которыми обращались несколько лучше, было запрещено пользоваться транспортом, посещать места развлечения и отправлять религиозные обряды; для них не был установлен нормированный рабочий день и были введены правила, которые давали нанимателю право прибегать в отношении их к телесным наказаниям. Политические

руководители, по крайней мере до ортсгруппенлейтеров, несли ответственность за руководство этими вопросами. 5 мая 1943 г. всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров, был разослан меморандум Бормана, содержащий инструкции о прекращении жестокого обращения с угнанными в рабство рабочими. Подобным же образом 10 ноября 1944 г. Шпеер циркулярно разослал директиву Гимmlера, предусматривавшую, что все члены нацистской партии, в соответствии с указаниями крейслейтера, должны быть предупреждены ортсгруппенлейтерами о том, что их долгом является внимательное наблюдение за иностранными рабочими.

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал директивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало завертывать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями».

17 октября 1944 г. директива ОКВ предписывала офицеру, отвечавшему за военнопленных, советоваться с крейслейтером по вопросу производительности труда. Использование военнопленных, особенно военнопленных с Востока, сопровождалось нарушением конвенции о ведении сухопутной войны в широких масштабах. Доказательства устанавливают, что руководящий состав, до крейслейтеров включительно, участвовал в этом незаконном обращении с военнопленными.

Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые гласили, что вражеские парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться».

30 мая 1944 г. Борман разослал циркулярное письмо всем гау- и крейслейтерам с сообщением о случаях линчевания союзных летчиков штурмовой авиации, в которые полиция не вмешивалась. Было предложено информировать ортсгруппенлейтеров устно о содержании этого письма. Это письмо сопутствовало пропагандистской кампании, начатой Геббельсом с тем, чтобы поощрять эти линчевания или, по крайней мере, в нарушение Женевской конвенции, запрещать полиции вмешиваться. Ряд линчеваний был проведен в соответствии с этими указаниями, однако нет данных о том, что они проводились по всей Германии. Тем не менее существование этого циркулярного письма показывает, что верхушка политического руководства использовала его для целей, которые были явно незаконными и требовавшими использования аппарата политического руководства, по крайней мере, до ортсгруппенлейтеров.

Заключение

Полетическое руководство использовалось для целей, которые, согласно Уставу, являлись преступными и включали германизацию, присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными. Подсудимые Борман и Заукель, Являвшиеся членами этой организации, были в числе тех, кто использовал ее в этих целях. Гаулейтеры, крейслейтеры и ортегруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг, как руководящая организация партии, также ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение Обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение.

Трибунал объявляет преступной в том смысле, как это определено Уставом, группу, состоящую из тех членов политического руководства, которые занимали посты, перечисленные в предыдущем параграфе, или тех, которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является участие организации в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

ГЕСТАПО И СД •

Структура и составные части

Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД), как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними. Трибунал разрешил СД представить свою защиту отдельно, в связи с заявлением о противоречивости их интересов. Однако, ознакомившись с доказательствами, Трибунал решил рассматривать дело гестапо и СД вместе.

Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост начальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 года, всей нацистской партии. Гестапо состояло из различных подразделений политической поли-

ции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гиммлера с помощью Геринга. Гиммлер был назначен начальником немецкой полиции в министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (Крипо) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации, под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединявшим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху, как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое — главное имперское управление безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственного Гиммлеру, как рейхсфюреру СС, и управлением министерства внутренних дел, подведомственного Гиммлеру, как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, как оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялось на 7 отделов (АМТ), два из которых (АМТ-I и АМТ-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена АМТ-IV — главным управлением гестапо, и АМТ-V — главным управлением уголовной полиции. СД было представлено АМТ-III — главным управлением по деятельности СД внутри Германии, АМТ-VI — главным управлением по деятельности СД вне Германии и АМТ-VII, занимавшимся исследовательскими вопросами идеологического характера.

Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1939 года, полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам. Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. В этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности.

Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо и уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД было служить в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо. На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных властей.

Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА. На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД

была несколько иной. Члены гестапо, Крипо и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, Крипо и СД, в то время как члены полиции порядка, Ваффен-СС и даже личный состав вооруженных сил Германии использовались для вспомогательных целей. Эти организации находились под общим контролем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения их функций как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера, как начальника полиции безопасности и СД; у нее имелся единый штаб РСХА; у нее имелась собственная система субординации, и ее деятельность была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтной полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на должности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности:

гестапо, уголовной полиции и СД. Некоторая путаница была вызвана тем фактом, что часть организации являлась организационным подразделением нацистской партии, в то время как другая часть организации являлась управлением в правительстве, но это не имеет никакого особого значения ввиду закона от 1 декабря 1933 г., который объявил единство нацистской партии и германского государства.

Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией. Верно то, что большое число гражданских служащих и административных чиновников было переведено в полицию безопасности. Утверждение о том, что перевод был принудительным, является не чем иным, как утверждением о том, что они должны были или согласиться с таким переводом или уйти в отставку со своих постов, что могло вызвать недовольство по служебной линии. В течение войны члены полиции безопасности и СД не имели свободного выбора при назначениях внутри организации, и отказ принять какое-либо назначение, особенно на оккупированной территории, мог привести к серьезному наказанию. Однако остается явным тот факт, что все члены полиции безопасности и СД вступали в организацию добровольно, не побуждаемые ничем иным, кроме желания сохранить свою официальную должность.

Организация полиции безопасности и СД включают также три специальные части, которые должны быть рассмотрены в отдельности. Первая из них—пограничная полиция (гренцполицей), которая была передана в ведение гестапо в 1937 году.

В ее функцию входило осуществление контроля над проездом через границы Германии.

Она производила арест лиц, незаконно пересекающих границу.

Из представленных доказательств также явствует, что она получала директивы гестапо об отправке задержанных иностранных рабочих в концентрационные лагеря. Она также могла ходатайствовать перед местными отделениями гестапо о разрешении заключить арестованных лиц в концентрационные лагеря.

По мнению Трибунала, обвинение в преступлении, выдвинутое против гестапо, должно также распространяться и на пограничную полицию.

Таможенная пограничная охрана (цоллгрэнцшутц) вошла в состав гестапо летом 1944 года. Функции этой организации были аналогичными функциям пограничной полиции и заключались в проверке соблюдения правил при переезде через границу и особенно в предотвращении контрабанды. Однако нет данных, что их включение было полным, около половины ее общего состава, насчитывающего 54 000 человек, осталось в ведении имперского финансового управления или полиции порядка. За несколько дней до конца войны вся организация была вновь включена в имперское финансовое управление. Включение организации в гестапо произошло так поздно и она так мало участвовала в общей деятельности организации, что Трибунал считает, что не следует включать ее при рассмотрении преступности гестапо.

Третьей организацией являлась так называемая тайная полевая полиция, которая первоначально была подчинена армейскому руководству, но которая в 1942 году была переведена военным приказом в полицию безопасности. Тайная полевая полиция занималась вопросами безопасности армии на оккупированной территории, а также предотвращением нападения гражданского населения на военные сооружения и части и совершала в широких масштабах военные преступления и преступления против человечности. Однако не было доказано, что эта организация являлась частью гестапо, и Трибунал считает, что на нее не распространяются обвинения в преступности, содержащиеся в Обвинительном заключении, за исключением тех ее членов, которые, возможно, были переведены в АМТ-VI РСХА или являлись членами организаций, признанных преступными настоящим приговором.

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому режиму — функции, которую гестапо выполняло с помощью СД. Основным оружием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагеря. Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через главное управление имперской безопасности, несло ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями. По мере того как нацистская программа антисемитских преследований усиливалась, роль, которую играли эти группы, становилась все более важной. Ранним утром 10 ноября 1938 г. Гейдрих" послал телеграмму всем управлениям гестапо и СД, в которой давались инструкции об организации погромов в этот день и об аресте такого количества евреев, которое способны вместить тюрьмы, «особенно богатых» евреев, обращая при этом внимание на то, чтобы арестовывались только здоровые и не слишком старые.

К 11 ноября 1938 г. 20000 евреев были арестованы и многие были посланы в концентрационные лагеря. 24 ноября 1939 г. Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД, было поручено дальнейшее проведение эмиграции и эвакуации евреев из Германии, и 31 июля 1941 г. ему было поручено полнейшее разрешение еврейского вопроса в находившихся под господством Германии европейских государствах.

Был организован специальный отдел управления гестапо главного управления имперской безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для разрешения еврейской проблемы на оккупированной территории. Управление гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как из Германии, так и из территорий, оккупированных во время войны. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев. Специальная часть из управления гестапо в РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран — сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения».

Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 года по подготовке, к нападению на Чехословакию, которое тогда готовилось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях.

Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения и проводили массовые убийства евреев. Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 году, которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу. Личный состав как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, безо всякого суда, и в проведении декрета «Ночь и туман», по которому лица, обвиняемые в преступлениях, которые считались опасными для оккупационных войск,

были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогали местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отвечали за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы.

Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагеря заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того как СС занялась своей собственной программой рабского труда, гестапо было использовано для ареста рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключавшихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались. Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь декрета «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД также обвиняются в проведении в жизнь декрета о расстреле парашютистов и «командос».

Заключение

Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись, согласно Уставу, преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей.

Рассматривая дело гестапо, Трибунал имеет в виду всех оперативных и административных чиновников IV отдела главного управления имперской безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо в других отделах главного управления имперской безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось **выше**.

По предложению Обвинения Трибунал не включает лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы. Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду отделы III, IV и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной, согласно Уставу, группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

СС

Структура и составные части

Обвинение назвало охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (общеизвестные под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью организации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвященном гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 году как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступающих на открытых собраниях нацистской партии. После того как нацисты захватили власть, СС стала использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими на массовых демонстрациях, и по декрету фюрера ей была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасности». СС играла важную роль во время «чистки Рема», 30 июня 1934 г., и вскоре после этого за свои заслуги была сделана самостоятельной организацией нацистской партии.

В 1929 году, когда Гиммлер был впервые назначен рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особенно благонадежными. В 1933 году она состояла из 52000 человек, набранных из самых различных слоев общества. Первой организацией СС была Общая СС, которая к 1939 году выросла в корпус, построенный на военной основе, с подразделением на дивизии и полки, общей численностью в 240 000 человек. Во время войны эта организация уменьшилась почти до 40000 человек.

СС первоначально состояла из двух отдельных организаций—военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровольно согласившихся на четырехлетнюю военную службу вместо обязательной службы в армии, и соединений СС «Мертвая голова» — специальных войск для охраны концентрационных лагерей, которые с 1934 года перешли в ведение СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 года военные отряды были превращены в моторизованную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 году стали известны под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100000 человек, 56000 из них пришли из военных отрядов СС, а остальные — из Общей СС и соединений «Мертвая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 000 человек и 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: главное имперское управление безопасности, о котором уже говорилось выше, главное управление по административно-хозяйственным вопросам, которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями и управлением по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательными управлениями по репатриации расовых немцев (Фольксдейчмиттельинтелле). Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела свою собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности; эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейхсфюрера СС, который был инициатором создания этого института. С 1933 года началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. В 1936 году Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и Общей СС в пределах их юрисдикции. В 1939 году действия СС и полиции были координированы путем приема всех должностных лиц полиции охраны порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 года СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск СС в 1940 году число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать.

Повидимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 году, а фольксдейчмиттельштелле финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД. Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 года охрана военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гимmlера, который, в свою очередь, передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Полю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с фольксдейчмиттельштелле проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности. Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов.

Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 года СС была ответственна за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гимmlер стремился к тому, чтобы состав охраны батальонов постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 года, когда концентрационные лагеря были переданы в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции, по которому все антиобщественные элементы, которые отбыли срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в концентрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с тем, что концентрационные лагеря находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играла особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимала непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 года. Вывоз евреев из оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС.

Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих мероприятиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в варшавском гетто проводилась под руководством бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Штрупа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распоряжалась вывозом евреев из различных государств — сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находящихся в ведении ВФХА (административно-хозяйственное управление).

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. Общая СС являлась активным участником преследования евреев и использовалась для охраны концентрационных лагерей. Части войск СС непосредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершавшихся в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; части СС осуществляли командование над охраной концентрационных лагерей после того, как в их состав были включены части «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблениях евреев там также широко использовались различные части полиции СС. Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений и несла ответственность за планы специального характера, как, например, эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить втайне отдельные фазы этой деятельности, однако

преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высоко дисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения[^] заключавшуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечивание отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключавшиеся в том что ей поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой и в уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости.

Действия одного солдата войск СС, который в сентябре 1939 года, действуя исключительно по собственной инициативе, убил 50 еврейских рабочих, которых он охранял, следующим образом объясняются в заявлении одного эсэсовца: он был «особенно чувствительным к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма»; трехлетнее заключение, к которому был присужден этот человек, было отменено в результате амнистии.

Гесс правильно писал, что войска СС являлись более подходящей организацией для осуществления специфических задач, которые должны быть разрешены на оккупированных территориях, благодаря их обширной подготовке в вопросах расы и национальности.

В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией.

Заключение

СС использовалась для целей, которые, согласно Уставу, являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершавшиеся при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь про-

граммы использования рабского труда и жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибунала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной, согласно определению Устава, группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.

СА

Структура и составные части

Обвинение назвало штурмовые отряды национал-социалистской немецкой рабочей партии (общеизвестные под названием СА) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. СА была организована в 1921 году для политических целей. Эта организация была построена по военному принципу. Члены ее носили форму этой организации и имели собственные правила поведения и дисциплины. После того как нацисты захватили власть, количество членов СА значительно возросло в связи с включением в ее состав нескольких организаций ветеранов.

В апреле 1933 года в состав СА был включен «Стальной шлем» (Штальхельм), организация, состоявшая из полутора миллионов членов, за исключением тех ее членов, которые были старше 45 лет, а также некоторых других; это включение было произведено в соответствии с соглашением между руководителем «Стального шлема» Зельдте и Гитлером. Другая организация ветеранов, так называемый Киффгойзербунд, была включена в СА подобным же образом, вместе с целым рядом сельских кавалерийских организаций. До 1933 года не вставал вопрос о том, что членство в СА может быть недобровольным. После 1933 года гражданские служащие подвергались известному политическому и

экономическому нажиму с тем, чтобы заставить их вступить в СА. Члены «Стального шлема», Киффгойзербунд и сельские кавалерийские ассоциации были включены в состав СА без и'х ведома; однако Трибунал не считает доказанным, что члены этих организаций в общей массе пытались протестовать против этого включения или что имелись какие-нибудь данные, за исключением отдельных случаев, о последствиях отказа. Поэтому Трибунал считает установленным, что членство в СА, как правило, добровольное.

К концу 1933 года СА состояла из четырех с половиной миллионов членов. В результате изменений, имевших место после 1934 года, в 1939 году число членов СА равнялось полутора миллионам человек.

Деятельность

В первые дни существования нацистского движения бойцы штурмовых отрядов СА являлись «сильной рукой партии». Они принимали участие в стычках в пивных и использовались для уличных боев против политических противников. СА использовалась также для распространения нацистской идеологии и пропаганды и уделяла особенное внимание антисемитской пропаганде, доктрине «жизненного пространства», пересмотру Версальского договора и возвращению Германии' колоний.

После прихода нацистов к власти и в особенности после выборов 5 марта 1933 года СА играла важную роль в установлении нацистского режима террора в Германии. СА участвовала в насилиях против евреев и использовалась для ареста политических противников и для охраны концентрационных лагерей, где она зверски обращалась с заключенными.

30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. имела место чистка руководства СА. Эта чистка, которая привела к убийству Рема, начальника штаба СА, и многих других руководителей СА, была проведена под предлогом существования заговора против Гитлера. Эта чистка привела к значительному уменьшению влияния и мощи СА. После 1934 года политическое значение СА быстро пошло на убыль.

После 1934 года СА начала проводить некоторые виды военной и полувоенной подготовки. СА продолжала заниматься распространением нацистской пропаганды. Отдельные части СА были даже причастны к действиям, которые привели к агрессивной войне и к совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Части СА были в числе первых при оккупации Австрии в марте 1938 года. СА дала большую часть личного состава и значительную часть вооружения для свободного корпуса Генлейна в Судетской области, хотя этот корпус находился в сфере его юрисдикции во время операций в Чехословакии.

После оккупации Польши Судетская группа СА использовалась для транспортировки военнопленных. Части СА использовались для охраны пленных в Данциге, Познани, Силезии и в Прибалтийских государствах.

Некоторые части СА были использованы для взрывов синагог во время еврейских погромов 10 и 11 ноября 1938 г. Группы СА были причастны к жестокому обращению с евреями в гетто Вильнюса и Каунаса.

Заключение

До чистки, начавшейся 30 июня 1934 года, СА представляли собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода. Однако не было доказано, что эти зверства являлись частью конкретного плана ведения агрессивной войны, и Трибунал поэтому не может считать, что эта деятельность является преступной в соответствии с Уставом. После чистки СА превратилась в группу малозначащих нацистских прихлебателей. Хотя в отдельных случаях некоторые части СА использовались для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, нельзя сказать, что члены этой организации в общей массе участвовали в преступных действиях или даже знали о них. На этом основании Трибунал не объявляет СА преступной организацией в том смысле, как это предусмотрено статьей 9 Устава.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ

Обвинение назвало как преступную организацию правительственный кабинет (рейхсрегирунг), состоявшую после января 1933 г. из членов самого кабинета, членов совета министров по обороне империи и членов тайного совета. Трибунал считает, что решение о признании преступного характера правительственного кабинета не должно быть вынесено по двум причинам.

1) Потому, что не доказано, что после 1937 года он фактически действовал в качестве группы или организации;

2) Потому, что группа лиц, против которой здесь выдвинуто обвинение, является настолько малочисленной, что без каких-либо затруднений члены ее могут предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что кабинет, членами которого они были, являлся преступной организацией.

В отношении первой причины, на основании которой мы выносим наше решение, следует заметить, что начиная с того времени, с которого можно считать существовавшим заговор для ведения агрессивной войны, правительственный кабинет не представлял собой руководящего органа, но являлся лишь группой должностных лиц, подчиненных абсолютному контролю Гитлера. После 1937 года не было ни одного заседания правительственного кабинета, но законы принимались от имени одного или более членов кабинета. Тайный совет вообще ни разу не собирался. Некоторое число членов кабинета было, несомненно, замешано в заговоре для ведения агрессивной войны, но они были замешаны в нем, как отдельные лица, и не имеется никаких доказательств того, что кабинет как группа или организация принимал какое-либо участие в этих преступлениях. Следует помнить, что когда Гитлер раскрыл свои цели преступной агрессии на совещании Госсбаха, это раскрытие планов имело место не перед кабинетом, и с кабинетом даже не консультировались по этому вопросу, но, наоборот, это было сделано тайно перед небольшой группой, на которую Гитлер должен был неизбежно опираться при ведении войны. Точно так же вторжение в Польшу не было санкционировано каким-либо распоряжением кабинета. Напротив,

подсудимый Шахт заявил в своих показаниях, что он пытался остановить это вторжение путем обращения к главнокомандующему армией с жалобой на то, что приказ Гитлера был отдан в нарушение конституции, потому что он не был санкционирован кабинетом.

Однако оказывается, что различные законы, разрешающие действия, которые согласно Уставу являются преступными, циркулярным порядком распространялись среди членов правительственного кабинета, издавались от его имени и были подписаны членами тех министерств, которых данные законы касались. Это, однако, не доказывает, что правительственный кабинет после 1937 года когда-либо фактически действовал в качестве организации.

Что касается второй причины, то ясно, что те члены правительственного кабинета, которые виновны в совершении преступления, должны предстать перед Судом и некоторые из них находятся сейчас перед судом этого Трибунала. Считают, что всего имеется 48 членов этой группы, что 8 из них нет в живых, а 17 находятся сейчас перед судом. И, таким образом, остается самое большее 23 человека, для которых это решение могло бы иметь какое-либо значение. Любые другие лица, которые являются виновными, также должны предстать перед судом, но эти судебные процессы не будут ни ускорены, ни облегчены, если правительственный кабинет будет признан преступной организацией.

В тех случаях, когда для подобных целей используется организация с большим количеством членов, решение Трибунала исключает необходимость вновь ставить вопрос о ее преступном характере на последующих судах над ее членами, обвиняемыми в связи с их членством, в участии в ее преступных целях, и таким образом достигается большая экономия времени и труда. Такого преимущества нет в данном деле небольшой группы, подобной правительственному кабинету.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Обвинение также просило, чтобы генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил были признаны преступной организацией. Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого Обвинением. Но еще более убедительной причиной является то, что, по мнению Трибунала, генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы», согласно определению этих терминов в статье 9-й Устава.

Необходимо сделать некоторые замечания о характере этой, так называемой группы. Согласно Обвинительному заключению и доказательствам, которые представлены Трибуналу, эта группа состоит, примерно, из 130 офицеров, живых и мертвых, которые в то или другое время, начиная с февраля 1938 года, когда Гитлер реорганизовал вооруженные силы, и до мая 1945 года, когда Германия капитулировала, занимали определенные посты в военной иерархии.

Эти люди являлись высшими офицерами в трех составных частях вооруженных сил. ОКХ — армии, ОКМ — военно-морской флот и ОКЛ — военно-воздушные силы. Над ними стояло единое руководство вооруженными силами — ОКВ — верховное командование германских вооруженных сил во главе с Гитлером — верховным главнокомандующим.

Офицеры ОКВ, включая подсудимого Кейтеля — начальника штаба верховного командования, — были в некотором роде личным штабом Гитлера. В более широком смысле, они координировали действия трех составных частей вооруженных сил, в особенности в области планирования и в вопросах оперативного характера и руководили ими.

Отдельные офицеры этой так называемой группы в то или другое время принадлежали к одной из четырех категорий: 1) главнокомандующий одной из трех частей вооруженных сил; 2) начальник штаба одной из трех частей вооруженных сил; 3) «обербефельсхаберы», главнокомандующие действующими армиями одной из трех частей вооруженных сил, которые составляли, конечно, наибольшую группу из числа этих лиц; или 4) офицеры ОКВ, их было 3: подсудимые Кейтель и Иодль и заместитель Иодля — Варлимонт. Именно в таком смысле употребляет Обвинительное заключение термин «генеральный штаб и верховное командование».

Здесь обвинение делает разграничение. Обвинение не обвиняет стоявших ниже на одну ступень военной иерархии командующих армейских корпусов и лиц соответствующих им рангов во флоте и в воздушных силах, и еще ниже стоявших — командиров дивизий или лиц соответствующих им рангов в других составных частях вооруженных сил. Не включаются сюда также штабные офицеры любого из четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, а также прошедшие специальную подготовку специалисты, которых обычно называли офицерами генерального штаба.

Таким образом, в действительности перечисленные в Обвинительном заключении лица представляют собой высших военных руководителей германской империи. Не делалось серьезной попытки утверждать, что 01-м составляли «организацию» в смысле определения статьи 9 Устава. Скорее утверждалось, что они представляли «группу» — термин, который является более, широким по значению и масштабам, чем «организация».

Трибунал не считает, что это так. Согласно доказательствам, разработка ими планов в штабах, постоянные совещания между штабными офицерами и армейскими офицерами, их оперативная тактика на поле боя и в штабах были очень сходными с теми, которые практиковались в армиях, флотах и воздушных силах всех других стран. Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством.

Говорить о существовании ассоциации или группы, исходя из такого метода их действий, по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты.

Много доказательств и аргументов сконцентрировалось вокруг вопроса о том, было ли членство в этих организациях добровольным или нет; в данном случае Трибуналу кажется, что этот вопрос не является вопросом по существу. Эта так называемая преступная организация имеет одну черту, которая является главной и которая резко отличает данную организацию от пяти других, поименованных в Обвинительном заключении. Когда кто-либо становился, например, членом СС, он делал это добровольно или недобровольно, но, безусловно, зная, что он вступает в какую-то организацию.

Что же касается генерального штаба и верховного командования, то такой человек не мог знать, что он вступает в группу или ассоциацию, потому что таковой не существовало, пока она не была объявлена существующей Обвинительным заключением. Такой человек лишь знал, что он достигал какого-то высокого положения в одной из трех частей вооруженных сил, и не мог отдавать себе отчета в том, что он становился членом некоего конкретного целого, которое могло быть определено как «группа» в обычном значении этого слова. Его отношения со своими собратьями-офицерами в своей части вооруженных сил и его общение с офицерами двух других частей вооруженных сил в основном были похожи на те, которые существуют на военной службе во всем мире.

Трибунал поэтому не объявляет генеральный штаб и верховное командование преступной организацией.

Хотя Трибунал и считает, что термин «группа» в статье 9 должен означать нечто большее, чем собрание офицеров, он все же заслушал много показаний об участии этих офицеров в планировании и ведении агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Эти доказательства в отношении многих из них ясны и убедительны.

Они были ответственны в большей степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они не составляли группу, подпадающую под определение Устава, они безусловно представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений.

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершившихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано.

В тех случаях, когда факты требуют этого, эти люди должны быть преданы суду с тем, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избежали кары.

В соответствии со ст. 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых.

ГЕРИНГ

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушного флота, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере до 1943 года, когда их взаимоотношения ухудшились и закончились его арестом в 1945 году. Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным- и политическим вопросам.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу» — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 году и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря, которые передал Гиммлеру в 1934 году; в том же году провел так называемую «чистку Рема» и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фрич были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырехлетнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что он в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г., а также присутствовал на других важных совещаниях, о которых уже упоминалось в настоящем приговоре. Во время аншлюсса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он заявил на суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии, на совещании с Гитлером и президентом Гаха, он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г., когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Поэтому

ПРИГОВОР МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского дельца Далеруса как посредника в переговорах с Англией; как показал Далерус на суде, для того чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше.

Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он это утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что он одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «План Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что непосредственной военной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией. Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга о его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне». И далее: «Рабочие принудительно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, на обязанности которого лежала вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандую-

щего военно-воздушными силами он требовал от Гимmlера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного вооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуется, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории. Для этой цели Геринг создал экономический штаб. Он был рейхсмаршалом Великой германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим отраслям, включая пищевую промышленность и сельское хозяйство». В его так называемой «зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где нехватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелось в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что: «Это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 г., когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок, как это указывалось выше, но также и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того, как эти страны захватывались германской армией, он распространял на них имперские антиеврейские законы: «Рейхсгезетцблатт» за 1939—1940—1941 гг. содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гимmlера, Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на суде. Декретом от 31 июля 1941 г. он предложил Гимmlеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей. Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ГЕСС

Гесс обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1920 году и принимал участие в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 г.; отбывал тюремное заключение вместе с Гитлером в 1924 году в Ландесбергской крепости, где стал ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, оставаясь таковым вплоть до своего отлета на Британские острова. 21 апреля 1933 г. он был назначен заместителем фюрера и 1 декабря 1933 г. — имперским министром без портфеля. Он был назначен членом тайного совета 4 февраля 1938 г. и членом совета министров по обороне империи 30 августа 1939 г. В сентябре 1939 года Гесс был официально объявлен Гитлером преемником фюрера после Геринга. 10 мая 1941 г. он вылетел на самолете из Германии в Шотландию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве заместителя фюрера Гесс принадлежал к верхушке нацистской партии, нес ответственность за разрешение всех партийных вопросов и был облечен полномочиями принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов. Занимая эти посты, Гесс активно поддерживал подготовку к войне. Его подпись имеется на законе от 16 марта 1935 г., вводящем обязательную воинскую повинность. В течение ряда лет он во многих своих речах поддерживал гитлеровскую политику энергичного перевооружения.

Он говорил народу о том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя при этом лозунг: «пушки вместо масла».

Хотя в период с 1933 по 1937 год Геос произносил речи, в которых он высказывал желание сохранить мир и пропагандировал идею международного экономического сотрудничества, однако ничто в этих речах не может изменить того факта, что из всех подсудимых никто лучше, чем Гесс, не знал, насколько непоколебима была решимость Гитлера осуществить свои цели, каким фанатиком и убежденным сторонником необузданной грубой силы он был и как мало вероятно было, что он воздержится от обращения к силе, если это явится единственным путем, при помощи которого он сможет достичь своих целей.

Гесс был осведомленным и добровольным участником германских агрессий против Австрии, Чехословакии и Польши. Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии в течение всего периода между убийством Дольфуса и аншлюссом и инструктировал ее в течение этого периода. Гесс был в Вене 12 марта 1938 г., когда туда вошли германские войска, а 13 марта 1938 г. он подписал закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Закон от 10 июля 1939 г. предусматривал его участие в управлении Австрией. 24 июля 1938 г. он произнес речь в память неудачного путча австрийских национал-социалистов, попытка проведения которого имела место за четыре года до этого, восхваляя меры, приведшие к аншлюссу, и защищая захват Австрии Германией.

Летом 1938 года Гесс поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии. 27 сентября 1938 г. во время мюнхенского кризиса он организовал вместе с Кейтелем проведение в жизнь инструкций Гитлера, согласно которым аппарат нацистской партии предоставлялся для целей секретной мобилизации. 14 апреля 1939 г. Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью, как неотделимой частью империи, а 10 июня 1939 г. был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. 7 ноября 1938 г. Гесс включил партию судетских немцев, руководимую Генлейном, в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне в случае, если это окажется необходимым для того, чтобы получить Судетскую область.

27 августа 1939 г., когда временно было отложено нападение на Польшу в связи с попыткой склонить Великобританию отказаться от ее гарантий Польше, Гесс публично восхвалял «великодушное предложение Гитлера Польше и нападал на Польшу, обвиняя ее в агитации за войну, и на Англию, как на страну, ответственную за эту позицию Польши. После вторжения в Польшу Гесс подписал декреты, в силу которых Данциг и некоторые польские территории были включены в империю и было учреждено генерал-губернаторство (Польша).

Эти конкретные меры, которые предпринял подсудимый для поддержки гитлеровских планов агрессивных действий, не определяют полную степень его ответственности. До своего отлета в Англию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, отношения были такими, что Гесс должен был быть информирован об агрессивных планах Гитлера тогда, когда они возникали, он действовал для проведения этих планов там, где это действие было необходимым. Улетая в Англию, Гесс вез с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел

всего лишь через десять дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз—22 июня 1941 г.

В беседах, которые он вел по прибытии в Англию, Геос искренне поддерживал все агрессивные действия Германии, которые имели место до того времени, и пытался оправдать действия Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии и Нидерландов, возлагая на Англию и Францию ответственность за войну.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Имеются доказательства, показывающие, что партийная канцелярия •под руководством Гесса принимала участие в распространении приказов, связанных с совершением военных преступлений, что Гесс, даже если он яе принимал участие в преступлениях, которые были совершены на Востоке, мог быть осведомлен о них, что он предложил дискриминирующие законы против евреев и поляков и что он подписал декреты, принуждавшие некоторые группы поляков принять германское подданство. Трибунал, однако, не считает, что эти обстоятельства определенно указывают на причастность Гесса к этим преступлениям, для того, чтобы можно было признать его виновным в них.

Как указывалось ранее, Трибунал после тщательного медицинского освидетельствования и доклада о состоянии подсудимого решил, что он должен предстать перед судом без какой-либо отсрочки слушания его дела. С того времени были поданы дальнейшие ходатайства о том, чтобы он был снова подвергнут медицинскому освидетельствованию. Трибунал отклонил эти ходатайства после получения доклада тюремного психиатра. Тот факт, что поведение Гесса является ненормальным, то обстоятельство, что он страдает потерей памяти, и то, что его психическое состояние ухудшилось за время этого процесса, возможно, является правильным. Но ничто не указывает на то, что он не осознает характера выдвинутых против него обвинений или что он не способен защищать себя. Его интересы были должным образом представлены на этом процессе защитником, назначенным Трибуналом для этой цели. Ничто не указывает на то, что Гесс не находился в здравом рассудке в период совершения тех действий, которые ему инкриминируются.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Гесса виновным по разделам первому и второму и невиновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

РИББЕНТРОП

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1933 году был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики и в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 году он был назначен специальным уполномоченным

по вопросам разоружения, а в 1935 году полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 году и антикоминтерновском пакте в 1936 году. 11 августа 1936 г. он был назначен послом в Англию, 4 февраля 1938 г. он стал преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Риббентроп не присутствовал на «совещании Госсбаха», созванном 5 ноября 1937 г., но 2 января 1938 г., он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статутс-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить 4 проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 г. Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушнигом, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушнига сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел, с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 г. Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 года он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их с тем, чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 года он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков к тому, чтобы они объявили свою автономию. Он присутствовал на совещании 14—15 марта 1939 г., на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил президента Гаха согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того, как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учредивший протекторат Богемии и Моравии.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 г., имевшем своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25 по 30 августа 1939 г., когда ему уже было известно, что германские планы нападения на Польшу лишь временно отложены с тем, чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды, и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 г., на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также — на совещании в январе 1941 года, на котором Гитлер получил от Антунеоку разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 г., когда Югославия присоединилась к тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 г. он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 года вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуатации советских территорий и в июле 1941 года, после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 г., на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики, производившие атаки на бреющем полете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившегося в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответственен за военные преступления и преступления против человечности в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представи-

тель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 года он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев на Восток. В июне 1942 года германский посол в Виши потребовал у Лавалля передачи 50 000 евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 г. Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции.

17 апреля 1943 г. он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорти о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагеря». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бактериями» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигавшихся Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми, вследствие незаконного вторжения, Германия получила контроль, в частности в политике истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистского кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

Заключение

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

КЕЙТЕЛЬ

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 года по 4 февраля 1938 г. при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженными силами. Кейтель не имел командных прав над тремя частями вооруженных сил, командующие которыми пользовались прямым доступом к верховному командующему. Верховное командование вооруженными силами являлось по существу военным штабом Гитлера.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнимгом в феврале 1938 года. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель продолжали оказывать давление на Австрию при помощи ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Йодля по этому поводу записано: «Они действовали быстро и сильно». Когда Шушниг назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву «план Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 года Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве прелюдии к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по «плану Грюн», включая директиву от 30 марта, содержащую заявление Гитлера:

«Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гаха, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 г., в день, когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он уже подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКВ к 1 мая плановую таблицу проведения «варианта Вейсс». 12 декабря 1939 года он обсуждал с Гитлером, Йодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию. Директивой от 27 января 1940 г. проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 г., что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель подписал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 28 ноября 1939 г. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданные до весны 1940 года, были подписаны Кейтелем или Йодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 года. 18 марта 1941 г. Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он поставил свои инициалы под планом «Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 г., и участвовал на совещании ОКВ с Гитлером 3 февраля 1941 г. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плановую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Иодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга. 16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по эксплуатации русской территории, продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

4 августа 1942 г. Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о «командос», который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных «командос», сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 г. ОКВ издало свои жестокие правила в отношении советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, датированная 23 сентября, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из военного представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные-власть сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен показал, что 12 сентября 1939 г. Кейтель, в то время как онч находился в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет использована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузеном, но признает, что такая политическая линия существовала;

и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно.

16 сентября 1941 г. Кейтель приказал в качестве ответной меры, в случаях нападения на солдат на Востоке, казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены. 1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников для того, чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да, — это лучшее решение».

12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армий. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым. 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что вынесение наказаний в результате судебного разбирательства не отвечает требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 г., как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля был издан так называемый декрет «Мрак и туман», который предусматривал, что на оккупированных территориях лицами из гражданского населения, обвинявшимися в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право предстать перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядится о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 года он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 года, когда Гитлер приказал Заукелю добыть четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он скорее строит свою защиту на том, что он был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как 'смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

Заключение

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

КАЛЬТЕНБРУННЕР

Кальтенбруннер обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию Австрии и в СС в 1932 году. В 1935 году он стал руководителем СС в Австрии. После аншлюсса он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии и, когда в 1941 году эта должность была упразднена, он был назначен высшим руководителем СС и полиции. 30 января 1943 г. он был назначен начальником полиции безопасности и СД и главой главного имперского управления безопасности (РСХА),— должность, которую раньше занимал Гейдрих, до его убийства в июне 1942 г. Кальтенбруннер имел чин обергруппенфюрера СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя СС в Австрии Кальтенбруннер принимал активное участие в подрывной деятельности нацистов, направленной против правительства Шушнига. В ночь на 11 марта 1938 г., после того как Геринг приказал национал-социалистам Австрии захватить контроль над австрийским правительством, 500 австрийских эсэсовцев под командой Кальтенбруннера окружили государственную канцелярию, а специальный отряд под командой его адъютанта ворвался в здание этой канцелярии в то время, когда Зейсс-Инкварт вел переговоры с президентом Микласом.

Однако нет никаких доказательств о причастности Кальтенбруннера к планам ведения агрессивной войны на каком-либо другом фронте. Аншлюсе, хотя он и был актом агрессии, не инкриминируется как агрессивная война, и доказательства против Кальтенбруннера по первому разделу не указывают, по мнению Трибунала, на его непосредственное участие в каких-либо планах ведения подобной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Когда Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД и главой РСХА, 30 января 1943 г., он возглавил организацию, которая включала главные отделы гестапо, СД и уголовной полиции. В качестве начальника РСХА Кальтенбруннер имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. Приказы такого характера были обычно скреплены его подписью. Кальтенбруннер был осведомлен об условиях содержания в концентрационных лагерях. Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя

различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций.

Кальтенбруннер лично отдавал приказы о казни заключенных в этих лагерях, и его управление обычно использовалось для передачи в эти лагеря приказов о казнях, исходивших из отдела Гимmlера. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Во время пребывания Кальтенбруннера на должности начальника РСХА эта организация была занята выполнением обширной программы по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Эти преступления включали и жестокое обращение с военнопленными и их убийство. Эйнзатцкоманды, действовавшие под контролем гестапо, производил и отбор советских военнопленных. Сведения о евреях, комиссарах и других лицах, которые считались идеологическими противниками нацистской системы, передавались в РСХА, которое направляло этих лиц в концентрационные лагеря, где они умерщвлялись.

Приказ РСХА о введении в действие декрета «Пуля» был издан в период правления Кальтенбруннера; по этому приказу некоторые военнопленные, совершавшие побег и захваченные вновь, направлялись в Маутхаузен и там расстреливались. Приказ о казни бойцов отрядов «командос» был распространен гестапо на парашютистов в тот период, когда Кальтенбруннер был начальником РСХА. Приказ, подписанный Кальтенбруннером, предлагал полиции не вмешиваться в расправы над союзными летчиками, выбросившимися с парашютами.

В декабре 1944 года Кальтенбруннер принимал участие в убийстве одного из французских генералов, который содержался в качестве военнопленного.

В тот период, когда Кальтенбруннер возглавлял РСХА, гестапо и СД, на оккупированных территориях продолжали жестоко обращаться с населением и совершать убийства, используя методы, которые включал пытки и заключение в концентрационные лагеря; обычно это делалось согласно приказам, подписанным именем Кальтенбруннера.

Гестапо несло ответственность за введение жестокого режима трудовой дисциплины для лиц, использовавшихся для рабского труда, и Кальтенбруннер организовал для этой цели ряд исправительно-трудовых лагерей. Когда СС приступили к выполнению своей программы рабского труда, гестапо использовалось в качестве поставщиков необходимой рабочей силы путем отправки рабочих в концентрационные лагеря.

РСХА играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. Для обеспечения выполнения этой программы был создан специальный отдел РСХА, входивший в ведение АМТ-IV. По его указаниям было убито приблизительно 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннера информировали о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА.

Убийство, примерно, четырех миллионов евреев в концентрационных лагерях было описано ранее.

Эта часть программы осуществлялась также под наблюдением РСХА, когда Кальтенбруннер возглавлял эту организацию, и специальные команды РСХА рыскали по оккупированным территориям и различным государствам — сателлитам держав оси, обеспечивая отправку евреев в эти «фабрики уничтожения». Кальтенбруннер был осведомлен об этих мероприятиях. В своем письме от 30 июня 1944 г. он описывал отправку с этой целью 12 000 евреев в Вену и давал указания о том, что все нетрудоспособные должны были содержаться в готовности для «применения к ним специальной меры», означавшей убийство. Кальтенбруннер отрицал, что он поставил свою подпись под этим письмом, так же как » еще под многими приказами, на которых его подпись была напечатана на машинке или факсимилирована и лишь в редких случаях написана от руки. Невероятно, чтобы при разрешении вопросов такой важности его подпись могла появиться столько раз без его ведома.

Кальтенбруннер заявлял, что, когда он взял на себя обязанности начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА, он сделал это согласно договоренности с Гиммлером, по которой его деятельность сводилась к вопросам, касающимся иностранной разведки, а не к всестороннему контролю над деятельностью РСХА. Он заявляет, что преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, и что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение. Правильно, что он проявлял особый интерес к вопросам, связанным с иностранной разведкой. Однако он осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них.

Заключение

Трибунал признает Кальтенбруннера невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

РОЗЕНБЕРГ

Розенбергу предъявляется обвинение по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он стал членом нацистской партии с 1919 года, принимал участие в Мюнхенском путче, имевшем место 9 ноября 1923 г., и пытался предотвратить распад нелегальной нацистской партии в то время, когда Гитлер находился в тюрьме. Будучи признанным идеологом партии, он развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах «Фелькишер Беобахтер» и «Национал-Социалистише Монатсхефте», а также в многочисленных книгах, которые были им написаны. Его книга «Миф двадцатого столетия» была издана и распространена тиражом более чем в 1 000 000 экземпляров.

В 1930 году Розенберг был избран в рейхстаг и стал представителем партии по вопросам внешней политики. В апреле 1933 года он был назначен рейхслейтером и заведующим управлением внешней политики НСДАП (АПА). В январе 1934 года Гитлер назначил Розенберга своим заместителем по вопросам всесторонней духовной и идеологической

подготовки членов НСДАП. В январе 1940 года ему было поручено создать «Хоэ Шуле»—центральный научно-исследовательский институт национал-социалистской идеологии и воспитания; в связи с этой задачей им был организован «Эйнзатцштаб Розенберга». 17 июля 1941 года он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя АПА Розенберг стоял во главе организации, агенты которой активно участвовали в нацистских интригах во всех частях света. Он в своих собственных отчетах утверждает, например, что АПА в большой степени ответственно за присоединение Румынии к странам оси. В качестве главы АПА он играл важную роль в подготовке и планировании нападения на Норвегию.

Розенберг вместе с Редером являлся одним из авторов плана нападения на Норвегию. Розенберг стал проявлять интерес к Норвегии еще в июне 1939 года, когда он совещался с Квислингом. Квислинг указывал на важное значение Норвежского побережья в случае конфликта между Германией и Великобританией и высказал свои опасения по поводу того, что Великобритания может добиться поддержки со стороны Норвегии. В результате этого совещания Розенберг разработал такую систему, согласно которой Квислинг тесно сотрудничал с национал-социалистами и получал поддержку со стороны нацистов по политическим вопросам.

Когда началась война, Квислинг начал выражать опасения по поводу возможности вторжения Британии в Норвегию. Розенберг поддерживал эту точку зрения и передал Редеру план использования Квислинга для совершения переворота в Норвегии. Розенберг оказал содействие при созыве совещаний, имевших место в декабре 1939 года между Гитлером и Квислингом, которые привели к подготовке нападения на Норвегию и во время которых Гитлер обещал Квислингу финансовую поддержку. После этих совещаний Гитлер поручил Розенбергу организовать политическую эксплуатацию Норвегии. Через две недели после оккупации Норвегии Гитлер сообщил Розенбергу, что его решение напасть на Норвегию основывалось «на неоднократных предостережениях со стороны Квислинга, о которых ему сообщал рейхслейтер Розенберг».

Розенберг несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях. 2 апреля 1941 г. Гитлер сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз, и Розенберг изъявил согласие оказывать содействие этому мероприятию в качестве «советника по политическим вопросам».

20 апреля 1941 г. он был назначен уполномоченным по центральному контролю над проблемами, связанными с восточно-европейским районом. При подготовке планов проведения оккупации Розенберг провел многочисленные совещания с Кейтелём, Редером, Герингом, Функом, Риббентропом и другими, высшими должностными лицами империи. В апреле и мае 1941 года он подготовил ряд проектов инструкций по вопросам создания администрации на оккупированных восточных территориях. 20 июня 1941 г., за два дня до нападения на СССР, он обратился к своим ближайшим помощникам с речью по вопросам о проблемах и политике, свя-

занных с оккупацией. Розенберг участвовал на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором рассматривались вопросы администрации и оккупационной политики. 17 июля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий и возложил на него полномочия по руководству гражданской администрацией на этих территориях.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Розенберг несет ответственность за систему организованного грабежа как общественной, так и частной собственности во всех захваченных немцами странах Европы. Действуя по приказу Гитлера от января 1940 года о создании «Хоэ Шуле», он организовал «Эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискации. По мероприятию «М», (мебель), проведенному в декабре 1941 года по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69619 еврейских домов, из которых 38 000 было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагонов для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1941 года «Эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предмета искусства, включавших знаменитые картины и музейные редкости.

С назначением Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий 17 июля 1941 года он стал высшим должностным лицом в этих районах. Он помогал формулировать основные положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима и создал управление, которое проводило эту политику в жизнь. Он принимал участие в совещаниях от 16 июля 1941 года, на котором Гитлер заявил, что они стояли перед задачей: «Разрезать этот огромный пирог в соответствии с нашими потребностями для того, чтобы иметь возможность, во-первых, господствовать над ним, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его». Гитлер указал, что предусматривается применение безжалостных мер. На следующий день после этого совещания Розенберг принял это назначение.

Розенберг был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных территорий. Он указывал, что на оккупированных восточных территориях Гаагские правила ведения сухопутной войны были неприменимы. Он был осведомлен об опустошении восточных территорий и принимал в нем деятельное участие, отсылая в Германию захваченные на этих территориях сырье и продукты питания. Он заявил, что первым в списке тех требований, которые Германия предъявила Востоку, стояла необходимость кормить германский народ, и что советский народ от этого будет страдать. Его декреты предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто. Подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев, а его гражданская администрация на Востоке считала необходимым очистить восточные территории от евреев.

В декабре 1941 года он внес предложение Гитлеру о том, что при расстреле 100 заложников следует отбирать только евреев. Розенбергу

было известно о вывозе рабочих с восточных территорий, о методах «набора» рабочих и об ужасах, имевших место при транспортировках, о том, как обращались с восточными рабочими в империи. Он сообщал представителям гражданской администрации, какое количество рабочих необходимо было доставить в империю, и выполнение этой разверстки должно было обеспечиваться любыми мерами, которые оказывались необходимыми. Его виза имеется в приказе от 14 июня 1944 г., касающемся «Акция Сено», которое заключалось в захвате АО—50 тыс. подростков в возрасте от 10 до 14 лет для отправки их в империю.

В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчиненными и особенно Кохом; однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своем посту до конца.

Заключение

Трибунал признает Розенберга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ФРАНК

Франк обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Франк вступил в нацистскую партию в 1927 году. В 1930 году он стал членом рейхстага, в марте 1933 года— баварским министром юстиции, и когда функции последнего в 1934 году перешли к имперскому правительству, Франк стал имперским министром без портфеля. В 1933 году Франк был назначен рейхслейтером нацистской партии— по правовым вопросам и в том же году — президентом академии германского права. Франку было также присвоено почетное звание обергруппенфюрера СА. В 1942 году у Франка обнаружили временные разногласия с Гиммлером по вопросу о характере правовой системы, которая должна применяться в Германии. В том же году он был освобожден от обязанностей рейхслейтера нацистской партии и президента академии германского права.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Представленные доказательства не убедили Трибунал, что Франк в достаточной степени был связан с общим планом ведения агрессивной войны, для того чтобы Трибунал мог признать Франка виновным по первому разделу.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Франк был назначен главой гражданской администрации оккупированной польской территории. 12 октября 1939 г. он был назначен генерал-губернатором оккупированной польской территории. 3 октября 1939 г. он следующим образом описывал политику, которую он намеревался проводить на практике:

«Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой германской мировой империи». Доказательства устанавливают, что в основе этой оккупационной политики было полное уничтожение

Польша как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был создан режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников.

Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве учреждением печальной известности лагерей Трешлинка и Майданек. Еще 6 февраля 1940 г. Франк своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката о казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то нехватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 30 мая 1940 г. Франк на совещании чиновников полиции заявил о том, что он использует преимущество наступления на Западе, которое отвлекло внимание всего мира от Польши, для того, чтобы «уничтожить тысячи поляков, которые, вероятно, будут оказывать сопротивление господству Германии в Польше, включая ведущих представителей польской интеллигенции».

В соответствии с этими инструкциями началось проведение жестокой акции АБ, согласно которой полиция безопасности и СД проводили это истребление, лишь изредка прибегая к методу судебного преследования. 2 октября 1943 г. Франк издал декрет, согласно которому лица негерманского происхождения, препятствующие мероприятиям Германии, проводимым в генерал-губернаторстве, должны были подвергаться уголовному преследованию в специальных судах полиции безопасности и СД и приговариваться к смертной казни.

Экономические требования, предъявленные генерал-губернаторству, далеко превосходили потребность оккупационной армии и были вне всякого соответствия с ресурсами страны. Продовольствие, изымавшееся в Польше, направлялось в Германию в столь значительных размерах, что норма питания населения оккупированных территорий была сокращена до голодного минимума. Широко распространены были эпидемические заболевания. Были предприняты некоторые меры для обеспечения питанием сельскохозяйственных рабочих, которые использовались для уборки урожая, но потребности остального населения оставались без внимания.

Несомненно справедливым является заявление защиты, что некоторые лишения в генерал-губернаторстве были неизбежными как результат опустошений, вызванных войной и экономической разрухой, явившейся следствием этого. Но эти лишения были увеличены преднамеренной политикой экономической эксплуатации.

Систему вывоза людей для рабского труда в Германию Франк ввел на самых ранних стадиях своего управления. 25 января 1940 г. он выразил свое намерение вывезти в Германию один миллион рабочих, предложив 10 мая 1940 г. для выполнения этой разверстки устройство полицейских облав. 18 августа 1942 г. Франк сообщил, что 800 000 рабочих он уже дал империи, и предполагает, что до конца года сумеет направить туда еще 140 000 человек.

Преследование евреев началось в генерал-губернаторстве немедленно. Первоначально на этой территории жило от двух с половиной до трех

с половиной миллионов евреев. Их насильственно загнали в гетто, подвергли действию дискриминирующих законов, лишили пищи, необходимой для того, чтобы избежать голодной смерти, и, наконец, систематически уничтожали со зверской жестокостью. 16 декабря 1941 г. Франк заявил правительству генерал-губернаторства: «Мы должны уничтожить евреев, где бы мы ни находили их, и во всех случаях, когда это возможно, для того, чтобы сохранить империю как таковую».

25 января 1944 года Франк подсчитал, что в генерал-губернаторстве осталось всего лишь 100000 евреев.

В начале своих показаний Франк заявил, что он испытывает чувство «своей величайшей вины» за зверства, совершенные на оккупированных территориях. Однако этот защитительный довод главным образом объясняется попыткой доказать, что фактически он не является ответственным лицом, что он отдавал лишь приказания о необходимых мероприятиях для умиротворения, что эксцессы следует отнести за счет деятельности полиции, которая ему не подчинялась, и что он даже никогда не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Также выдвигалось утверждение о том, что смертность от голода объяснялась последствиями войны и политикой, проводившейся в соответствии с четырехлетним планом, утверждалось также, что политика рабского труда проводилась под руководством Заукеля и что уничтожение евреев осуществлялось полицией и СС по прямым указаниям Гимmlера.

Совершенно несомненно, что большая часть преступных действий, инкриминируемых Франку, осуществлялась через полицию, что у Франка возникли разногласия относительно сферы юрисдикции с Гимmlером по вопросу о контроле над полицией и что Гитлер решил многие из этих споров в пользу Гимmlера. Поэтому весьма возможно, что некоторые из преступлений, совершенных в генерал-губернаторстве, были совершены без ведома Франка и даже в отдельных случаях несмотря на его противодействие. Возможно также, что некоторые из преступных планов, осуществлявшихся в генерал-губернаторстве, не исходили от Франка, а проводилась в соответствии с приказами из Германии. Однако также несомненно, что Франк был добровольным и сознательным участником применения террора в Польше, в экономической эксплуатации Польши, которая привела к голодной смерти большое число людей, в угоне в Германию на рабский труд более чем миллиона поляков и в осуществлении программы, приведшей к убийству по меньшей мере трех миллионов евреев.

Заключение

Трибунал признает Франка невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения-

ФРИК

Фрик обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Будучи признан главным нацистским бюрократом и специалистом в области администрации, он был назначен министром внутренних дел империи в первом кабинете Гитлера. Он оставался на этом важном посту

до августа 1943 года, когда он получил назначение имперского протектора Богемии и Моравии. В связи с тем, что он стоял в центре всего внутреннего и хозяйственного управления страны, он стал прусским министром внутренних дел, имперским уполномоченным по проведению выборов, генеральным уполномоченным по имперской администрации, членом имперского совета обороны, членом совета министров по обороне империи и членом «Коллегии трех». После того как многие страны, присоединенные к империи, были оккупированы, он был назначен главой центрального управления, ведающего их присоединением.

Хотя Фрик официально не вступал в нацистскую партию до 1925 года, он еще до этого был связан с Гитлером и делом национал-социализма во время Мюнхенского путча, в бытность свою ответственным сотрудником мюнхенской полиции. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, он стал рейхслейтером, поскольку он являлся руководителем национал-социалистской фракции в рейхстаге.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фрик, как ярый нацист, ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП. После того как Гитлер стал канцлером империи, новый министр внутренних дел немедленно начал подчинять местные правительства суверенитету империи. Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожить всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законодательство, направленное на подавление профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу.

Перед началом агрессии против Австрии Фрик занимался лишь вопросами внутреннего управления империи. Доказательства не свидетельствуют об его участии в каких-либо совещаниях, на которых Гитлер намечал свои агрессивные планы. На основании этого Трибунал придерживается того мнения, что Фрик не был участником общего плана или заговора для ведения агрессивной войны, как это определяется в настоящем приговоре. Через шесть месяцев после захвата Австрии в соответствии с законом об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. На него была возложена ответственность за администрацию во время войны во всех областях за исключением чисто военных и экономических вопросов, в том случае, если Гитлер объявит осадное положение. Ему были подчинены имперские министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Выполняя возложенные на него обязанности, Фрик разработал систему администрации в соответствии с требованиями военного времени. Согласно его собственному заявлению, все это фактически было претворено в жизнь после того, как Германия решила вступить на путь войны.

Фрик подписал закон от 13 марта 1938 г., согласно которому Австрия была присоединена к империи, и был ответственным за осуществление

этого закона. Учреждая германскую администрацию в Австрии, он издал декреты, которые вводили германские законы, нюрнбергские декреты, закон о воинской повинности; он также при содействии Гимmlера занимался вопросами полицейской безопасности.

Он также подписал законы, по которым к империи присоединялись -Судетская область, Мемель, Данциг, Восточные территории (Западная Лруссия и Познань), Эйпен, Мальмеди и Морено. На него была возложена ответственность за фактическое присоединение этих территорий и за учреждение на этих территориях германской администрации. Он подписал закон об учреждении протектората Богемии и Моравии.

Как главе центрального управления Богемии и Моравии, генерал-губернаторства и Норвегии, ему было поручено установить тесные связи между немецкими официальными лицами в этих оккупированных странах и высшими представителями имперской администрации. Он снабжал административный аппарат на всех оккупированных территориях германскими гражданскими служащими, консультируя Розенберга по вопросам -о назначении их на работу в восточных оккупированных территориях. Он подписал указы, по которым Тербоввн назначался имперским уполномоченным в Норвегии, а Зейсс-Инкварт — в Голландии.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ярый антисемит, Фрик постоянно разрабатывал, подписывал и осуществлял бесчисленные законы, направленные на устранение евреев из общественной жизни и экономики Германии. Его деятельность послужила основой нюрнбергских декретов, и он активно участвовал в их осуществлении. Он несет ответственность за декреты, запрещающие евреям заниматься различными профессиями, и за конфискацию их имущества; последний декрет он подписал в 1943 году, после массового уничтожения евреев на Востоке; этот декрет поставил их «вне закона» и предусматривал передачу их гестапо. Эти законы расчистили путь для «окончательного решения» еврейского вопроса и были распространены Фриком на присоединенные и на некоторые оккупированные территории.

В тот период, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии, тысячи евреев были переведены из гетто Терезиенштадта в Чехословакии в Освенцим, где они и были убиты. Он издал декрет, предусматривавший специальные уголовные законы в отношении евреев и поляков в генерал-губернаторстве.

Полиция официально входила в юрисдикцию имперского министра внутренних дел, но Фрик фактически в незначительной степени контролировал Гимmlера и мало касался полицейских вопросов. Однако он подписал декрет, назначавший Гимmlера начальником германской полиции, а также декреты, устанавливавшие юрисдикцию гестапо над концентрационными лагерями и регулировавшие выполнение приказов о превентивном заключении. Из многочисленных жалоб, которые получал Фрик, и на основании показаний свидетелей Трибунал делает вывод, что он знал о зверствах, совершавшихся в этих лагерях. Будучи осведомленным о методах Гимmlера, Фрик подписал декреты, дававшие последнему полномочия принимать необходимые меры безопасности на некото-

рых присоединенных территориях. Чем оказались эти «меры безопасности», уже говорилось выше.

Как высший представитель имперской власти в Богемии и Моравии Фрик несет общую ответственность за политику угнетения на этой территории после 20 августа 1943 г., за террор в отношении населения, угон на рабский труд и депортацию евреев в концентрационные лагеря для уничтожения. Верно, что обязанности Фрика в качестве имперского протектора были гораздо более ограниченными, чем обязанности его предшественника, и что он не пользовался законодательной властью и имел лишь ограниченные полномочия оперативного характера в протекторате. Тем не менее Фрик очень хорошо знал, какова была в то время нацистская оккупационная политика в Европе, в особенности в отношении евреев, и, приняв пост имперского протектора, он принял на себя ответственность за осуществление этой политики в Богемии и Моравии.

В то время, как он был министром внутренних дел, вопросы германского подданства в оккупированных странах, так же как и в империи, входили в его юрисдикцию. Создав систему расовой регистрации лиц германского происхождения, Фрик разрешил перейти в немецкое подданство определенным группам граждан из других стран. Он несет ответственность за онемечивание Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, Восточных территорий (Западной Пруссии и Познани), а также Эйпена, Мальмеди и Морено. Он насильственно вводил для граждан этих территорий немецкие законы, немецкие суды, немецкую систему образования, немецкую полицию безопасности и обязательную военную службу.

Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась «система предания легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики — «лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы «а эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету Чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 000 душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвой.

Заключение

Трибунал признает Фрика невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу второму, третьему и четвертому.

ШТРЕИХЕР

Штрейхер обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Один из первых членов нацистской партии, вступивший в нее в 1921 году, он принимал участие в Мюнхенском путче. С 1925 года по 1940 год он был гаулейтером Франконии. Он был избран в рейхстаг в 1933 году и был почетным генералом СА. Он приобрел позорную славу в связи с преследованием евреев. Он был издателем «Дер штюрмер» — ежедневной антисемитской газеты, с 1933 по 1945 гг. и ее редактором до 1933 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Штрейхер был убежденным нацистом и поддерживал основной политический курс Гитлера. Нет доказательств, которые бы указывали на то, что он когда-либо принадлежал к близкому кругу советников Гитлера; за время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, например, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям. Хотя он и являлся гаулейтером, нет никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о его осведомленности об этой программе. По мнению Трибунала, доказательства не устанавливают его причастности к заговору или общему плану для ведения агрессивной войны, как этот заговор ранее был определен в данном приговоре.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как «антисемит № 1». В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев. Каждый номер газеты «Дер штюрмер», тираж которой достиг в 1935 году 600000, был наполнен такими статьями, которые часто действовали растлевающе и были отвратительны по своему характеру.

Штрейхер руководил бойкотом евреев 1 апреля 1933 г. Он выступал за нюрнбергские декреты в 1935 году. Он несет ответственность за разрушение синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938 г. Он открыто выступал 10 ноября с поддержкой еврейских погромов, которые происходили в то время.

Но не только в Германии этот подсудимый проповедовал свои доктрины. Уже в 1938 году он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты «Дер штюрмер» за период с 1938 года по 1941 год, в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы «вырвать с корнем» еврейскую расу. Характерным примером его «учения» была передовая статья в сентябрьском номере за 1930 год, в которой евреи назывались чумой и микробами, не человеческими существами, а «паразитами, врагами, злоумышленниками, распространителями болезней, которые должны быть уничтожены в интересах человечества». В других статьях утверждалось, что еврейский вопрос будет решен лишь тогда, когда будет уничтожено мировое еврейство, и предсказывалось, что через 50 лет еврейские могилы «оповестят весь мир о том, что этот народ убийц и преступников, наконец, постигла заслуженная им судьба».

Штрейхер в феврале 1940 года опубликовал письмо одного из читателей «Дер штюрмер», который сравнивал евреев с тучами саранчи, которые должны быть окончательно истреблены. Этим ядом Штрейхер отравлял умы тысяч немцев, и в результате они последовали за национал-социалистами в их политике преследования и уничтожения евреев. Передовая статья в «Дер штюрмер» за май 1939 года ясно формулирует его цели:

«Необходимо направить карательную экспедицию против евреев в России, — карательную экспедицию, которая принесет им ту же участь, какой должен ожидать каждый убийца и преступник. Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем».

По мере того, как война, в начале развиваясь успешно, привела к приобретению все новых территорий для империи, Штрейхер даже увеличил свои усилия в подстрекательстве немцев против евреев. В протоколе суда имеется 26 статей из газеты «Дер штюрмер», опубликованных между августом 1941 года и сентябрем 1944 года, 12 из них писаны рукой Штрейхера; они в самых недвусмысленных выражениях требовали истребления и уничтожения. Он написал и опубликовал 25 декабря 1941 г.: «Если действительно мы положим конец этому воспроизведению проклятия божьего в еврейской крови, то это может быть сделано только одним путем — уничтожения этого народа, рожденного дьяволом». В феврале 1934 года в своей статье он заявил:

«Тот, кто делает то, что делает еврей, — негодяй и преступник, а тот, кто повторяет его действия и хочет подражать ему, заслуживает той же судьбы — уничтожения, смерти».

Зная об истреблении евреев на оккупированных восточных территориях, этот подсудимый продолжал писать и опубликовывать свою пропаганду смерти. Давая показания перед этим судом, он яростно отрицал хоть какую-нибудь свою осведомленность о массовом уничтожении евреев. Однако из доказательств явствует, что он постоянно получал текущую информацию о проведении «окончательного решения». Его' фотокорреспондент был направлен в гетто на Востоке весной 1943 года в период уничтожения варшавского гетто. Еврейская газета «Израилитишес вохенблатт», которую Штрейхер получал и читал, содержала в каждом номере сообщение о зверствах против евреев на Востоке и приводила цифры количества евреев, которые были угнаны и убиты. Так, например, за лето и осень 1942 года сообщалось о смерти 72729 евреев в Варшаве, 17 542 — в Лодзи, 18 000 — в Кroatии, 125 000 — в Румынии, 14 000 — в Латвии, 85 000 — в Югославии и 700 000 — в Польше. В ноябре 1943 года Штрейхер цитировал дословно статью из «Израилитишес вохенблатт», в которой говорилось, что евреи буквально исчезли из Европы, и комментировал ее заявлением «это — не еврейская ложь». В декабре 1942 года, ссылаясь на статью «Лондон тайме», касавшуюся зверств, имевших своей целью уничтожение, Штрейхер заявил, что Гитлер предупреждал в свое время, что вторая мировая война приведет к уничтожению еврейства. В январе 1943 года он написал и опубликовал статью, в которой говорилось, что пророчество Гитлера сбылось — мировое еврейство искореняется; он также сказал, что «его радует сознание, что Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей».

В свете доказательств, представленных Трибуналу, Штрейхеру бесполезно утверждать, что разрешение еврейского вопроса, за которое он стоял, строго ограничивалось классификацией евреев как чуждого элемента, и принятием дискриминирующих законов, таких, как нюрнбергские, по мере возможности дополняемых международным соглашением о создании в какой-то части света еврейского государства, куда должны были эмигрировать все евреи.

Подстрекательство Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись самым ужасным образом, несомненно, является преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и является, таким образом, преступлением против человечности.

Заключение

Трибунал признает, что Штрейхер не виновен по разделу первому, но что он виновен по разделу четвертому Обвинительного заключения.

ФУНК

Функ обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Функ — в прошлом журналист по финансовым вопросам — вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по экономическим вопросам.

30 января 1933 г. он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, 11 марта 1933 года стал заместителем министра пропаганды и вскоре после этого занял руководящее положение в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Он занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике в начале 1938 года и президента имперского банка в январе 1939 года. Он был преемником Шахта на всех этих трех постах. В августе 1939 года он был назначен членом Совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года — членом Центрального управления по планированию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определялись нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, имевшем место 14 октября 1938 года, на котором Геринг объявил о гигантском увеличении вооружения и дал задание министерству экономики увеличить экспорт с тем, чтобы получить необходимую валюту. 28 января 1939 года один из подчиненных Функа направил ОКВ меморандум по вопросу об использовании военнопленных с тем, чтобы компенсировать недостаток в рабочей силе, который мог возникнуть в случае объявления мобилизации 30 мая 1939 года, заместитель министра экономики присутствовал на совещании, на котором был разработан детальный план финансирования войны.

25 августа 1939 года Функ написал Гитлеру письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что он имел возможность участвовать в таких, потрясающих мир событиях, и сообщал, что его план «финансирования войны», контроля над заработной платой и ценами и укрепления имперского банка был осуществлен, что он незаметно превратил в золото всю наличную иностранную валюту, находившуюся в распо-

ряжении Германии. 14 октября 1939 года, после начала войны, он произнес речь, в которой констатировал, что экономические и финансовые учреждения Германии, работающие для выполнения четырехлетнего плана, уже свыше года вели тайную экономическую подготовку к войне.

Функ принимал участие в экономическом планировании, которое предшествовало нападению на СССР; его заместитель ежедневно совещался с Розенбергом по экономическим проблемам, которые могли возникнуть в связи с оккупацией советской территории. Функ лично участвовал в планировании печатания в Германии советских денежных знаков до нападения на СССР с тем, чтобы использовать их для денежного обращения на оккупированной территории СССР.

После нападения он произнес речь и в ней описывал разработанные им планы экономической эксплуатации «обширных территорий Советского Союза», которые должны были быть использованы как источники сырья для Европы.

Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга. Он, однако, участвовал в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза, но его вина в связи с этим охватывается разделом вторым Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Занимая пост заместителя министра пропаганды и вице-президента имперской палаты культуры, Функ принимал участие в первоначальной нацистской программе экономической дискриминации евреев. 12 ноября 1938 года после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании, под председательством Геринга, на котором обсуждалось решение еврейской проблемы и на котором он предложил декрет, запрещающий евреям участие в экономической жизни страны; этот декрет Геринг опубликовал в тот же самый день от имени Управления по четырехлетнему плану. Функ показал, что он был потрясен событиями 10 ноября, но 15 ноября он произнес речь, описывая эти эксцессы, как «бурный взрыв негодования немецкого народа, вызванного преступным наступлением евреев на немецкий народ»; он также сказал в этой речи, что устранение евреев из экономической жизни является логическим продолжением их устранения из политической жизни.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому имперский банк должен был получить известное количество золота, драгоценностей и валюты от СС, причем он предложил своим подчиненным, которые должны были разрабатывать детали соглашения, не задавать лишних вопросов.

В результате этого соглашения СС послало имперскому банку личное имущество, отобранное у жертв, которые были уничтожены в концентрационных лагерях. Имперский банк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и личные вещи послал берлинским муниципальным ломбардам. Золотая оправа от очков, золотые зубы и пломбы хранились

в сейфах имперского банка. Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что имперский банк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее.

Функ, будучи министром экономики и президентом имперского банка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он был председателем континентальной нефтяной компании, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он осуществлял захват золотых фондов Чехословацкого национального банка и ликвидацию Югославского национального банка, 6 июня 1942 г. его заместитель послал ОКВ письмо с требованием выделить в его распоряжение для покупок на черном рынке денежные суммы из фонда издержек на оккупацию Франции.

Осведомленность Функа о немецкой оккупационной политике является из факта его присутствия на совещании 6 августа 1942 г., на котором Геринг обратился к представителям германской администрации оккупированных районов, сообщил им о разверстке на поставку продуктов с их территорий, причем добавил: «Мне совершенно безразлично, если вы заявите в связи с этим, что люди у вас будут умирать с голоду».

Осенью 1943 года Функ стал членом центрального управления по планированию, которое определяло общее число рабочих, необходимых для промышленности Германии, и которое требовало от Заукеля, чтобы он их дал, обычно, путем угона их с оккупированных территорий. Вероятно Функ не был особенно заинтересован в этом аспекте программы принудительного труда, и он обычно посылал на совещания своего заместителя, часто генерала СС Олендорфа, бывшего начальника СД в самой Германии и бывшего командира эйнзатцгруппы Д. Но Функ знал, что управление, членом которого он являлся, требовало ввоза рабочих для рабского труда и распределения их по различным отраслям промышленности, находившимся под его контролем.

Будучи президентом имперского банка, Функ также был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством имперский банк открыл для СС текущий счет в 12000000 рейхсмарок для постройки фабрик, на которых должен был использоваться труд заключенных концлагерей.

Несмотря на то, что Функ занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это является смягчающим обстоятельством, которое Трибунал принимает во внимание.

Заключение

Трибунал не признает Функа виновным по первому разделу, но признает его виновным по второму, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

ШАХТ

Шахт обвиняется по разделу первому и второму Обвинительного заключения. Шахт был уполномоченным по вопросам валюты и президентом имперского банка с 1923 по 1930 год. Он был снова назначен пре-

зидентом банка 17 марта 1933 года, министром экономики в августе 1934 года и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Он ушел в отставку с последних двух постов в ноябре 1937 года и был назначен министром без портфеля. Он был снова назначен на пост президента имперского банка на годичный срок 16 марта 1937 года и на четырехгодичный срок—9 марта 1938 года, но был освобожден с этого поста 20 января 1939 года. Он был освобожден от обязанности министра без портфеля 22 января 1943 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Шахт активно поддерживал нацистскую партию до ее прихода к власти 30 января 1933 г. и поддерживал назначение Гитлера на пост канцлера. После этой даты он играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности имперского банка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения. Имперский банк выполнял свои, ставшие традиционными, обязанности финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные правительственные займы, и собранные в результате фонды использовались для перевооружения. Он разработал систему, согласно которой выпущенные на пять лет векселя, известные под названием векселей «МЕФО», гарантированные имперским банком и обеспеченные фактически лишь его положением как эмиссионного банка, использовались для приобретения крупных сумм на перевооружение за счет краткосрочных денежных операций.

В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны. Он разработал детальные планы промышленной мобилизации и координации деятельности промышленности с армией на случай войны. Он был особенно озабочен дефицитом в области сырья и начал проводить в жизнь программу накопления запасов и системы контроля над валютой, которая была предназначена к тому, чтобы помешать слабости положения Германии в области иностранной валюты, препятствовать приобретению за границей сырьевых материалов, необходимых для перевооружения. 3 мая 1935 г. он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что «выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели».

В апреле 1936 года Шахт начал терять свое влияние в качестве центральной фигуры в области германского перевооружения, когда Геринг был назначен на пост уполномоченного по координации вопросов сырья и иностранной валюты. Геринг выступал за очень широкую программу производства синтетического сырья, против которой Шахт возражал на том основании, что вызванное этой политикой финансовое напряжение может привести к инфляции. Влияние Шахта далее уменьшилось, когда 16 октября 1936 г. Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана, с заданием «привести всю экономику в состояние готовности к войне в течение четырех лет».

Шахт протестовал против объявления этого плана и назначения Геринга на пост руководителя по проведению этого плана, и совершенно ясно, что предпринятый Гитлером шаг означал решение, что экономическая политика Шахта была слишком консервативной для решительной программы перевооружения, которую Гитлер хотел провести в жизнь.

После назначения Геринга Шахт и Геринг часто вступали в многочисленные споры. Хотя в этих спорах имелся и элемент личных разногласий, Шахт был не согласен с Герингом по некоторым основным политическим вопросам. Шахт, исходя из финансовых соображений, выступал за сокращение программы перевооружения, возражал против предполагаемого расширения производственных возможностей, считая это неэкономным, в особенности в области синтетического производства, и настаивал на решительном сокращении государственного кредита и на осторожной политике в области германских запасов иностранной валюты.

В результате этих споров и жестокого спора, в котором Гитлер обвинял Шахта в срыве его планов с помощью финансовых методов, Шахт 5 сентября 1937 г. ушел в отпуск из министерства экономики, а 16 ноября 1937 г. вышел в отставку с поста чрезвычайного министра экономики и уполномоченного по вопросам военной экономики.

В качестве президента имперского банка Шахт все еще вступал в разногласия. На протяжении 1938 года имперский банк продолжал выполнять функцию финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные займы для финансирования вооружения. Однако 31 марта 1938 г. Шахт прекратил практику выпуска краткосрочных векселей, гарантированных имперским банком, на расходы по вооружению. В конце 1938 года, пытаясь получить контроль над фискальной политикой через имперский банк, Шахт отказался выполнить срочное требование имперского министра финансов на специальные кредиты для выплаты заработной платы государственным служащим, которая не могла быть покрыта за счет существующих фондов. 2 января 1939 г. Шахт совещался с Гитлером и во время этого совещания убеждал его сократить расходы на вооружение. 7 января 1939 г. Шахт представил Гитлеру отчет, подписанный правлением Рейхсбанка, в котором настоятельно требовал решительного сокращения расходов на вооружение и создание сбалансированного бюджета в качестве единственного средства для предотвращения инфляции. 19 января Гитлер освободил Шахта с поста президента имперского банка. 22 января 1943 г. Гитлер освободил Шахта с поста министра без портфеля в связи со «всей его линией поведения во время решительной борьбы, которую вел немецкий народ». 23 июля 1944 г. Шахт был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь, в котором он находился до конца войны.

Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой. Но перевооружение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн.

Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что он хотел создать сильную и независимую Герма-

нию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами; он утверждал, что когда он обнаружил, что нацисты перевооружаются с агрессивными целями, он пытался замедлить темпы перевооружения, а также, что после отставки фон Фрича и фон Бломберга он принимал участие в заговоре, направленном на то, чтобы избавиться от Гитлера сначала путем смещения его, а позднее и путем убийства.

Уже в 1936 году Шахт начал выступать за сокращение программы перевооружения по финансовым соображениям. Если бы политика, за которую он выступал, была проведена в жизнь, Германия не была бы подготовлена к общеевропейской войне. Его настойчивые попытки провести эту политику привели впоследствии к его отставке со всех постов, имевших экономическое значение в Германии. С другой стороны, Шахт, будучи прекрасно осведомленным в германских финансах, находился в особенно выгодном положении для того, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и Осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну.

Более того, Шахт продолжал участвовать в германской экономической жизни и даже, в меньшей степени, — в некоторых из ранних нацистских агрессий. Перед оккупацией Австрии он установил обменный курс марки и шиллинга. После оккупации Австрии он организовал включение австрийского национального банка в систему имперского банка и произнес горячую пронацистскую речь, в которой он заявил, что рейхсбанк останется нацистским до тех пор, пока он с ним будет связан, восхвалял Гитлера и защищал оккупацию Австрии, осмеивая возражения против того, как она была проведена, и закончил свою речь возгласом:

«Нашему фюреру, троекратное зиг-хайль». Он не оспаривал, что эта речь являлась выражением его взглядов в тот период.

После оккупации Судетской области он организовал валютную конверсию и включение в имперский банк местных эмиссионных чешских банков. 29 ноября 1938 г. он произнес речь, в которой с гордостью ссылался на свою экономическую политику, которая обеспечила высокий уровень германского вооружения, и добавил, что это вооружение сделало возможной германскую внешнюю политику.

Шахт не был причастен к планированию ни одной из агрессивных войн, которые инкриминируются разделом вторым. Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война) было столь ограниченным, что оно не является участием в общем плане, инкриминируемом в разделе первом. Он, несомненно, не принадлежал к кругу приближенных Гитлера, который был очень тесно связан с общим планом. Он рассматривался этой группой с нескрываемой враждебностью. Показания Шпеера указывают на то, что арест Шахта 23 июля 1944 г. в той же мере основывался на враждебности Гитлера к Шахту, выросшей из его поведения до войны, как и из подозрений в его причастности к покушению. Поэтому обвинение против Шахта покоится на предположении, что Шахт фактически был осведомлен о нацистских агрессивных планах.

По этому важнейшему вопросу были представлены доказательства Обвинением и значительное количество доказательств—Защитой-

Трибунал рассмотрел с величайшим вниманием все эти доказательства и пришел к заключению, что представленные доказательства не позволяют с несомненностью прийти к указанному выше выводу.

Заключение

Трибунал признает Шахта невиновным в преступлениях, перечисленных в Обвинительном заключении, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

ДЕНИЦ

Дениц обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим первой флотилии подводных лодок, в 1936 году он стал командующим подводным флотом, в 1940 году получил чин вице-адмирала, в 1942 году—адмирала и 30 января 1943 года стал главнокомандующим германского военно-морского флота. 1 мая 1945 года он сменил Гитлера на посту главы государства.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Хотя Дениц создал и обучил германский подводный флот, доказательства не устанавливают его причастности к заговору для ведения агрессивных войн или факта его участия в подготовке и развязывании таких войн. Он был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами. Он не присутствовал на важных совещаниях, на которых объявлялись планы агрессивных войн, и нет доказательств того, что он был осведомлен относительно решений, принятых на этих совещаниях. Однако Дениц вел агрессивную войну в том смысле, как это определено в Уставе. Ведение подводной войны, которая началась немедленно после начала военных действий, было полностью координировано с действиями остальных составных частей вооруженных сил. Совершенно ясно, что его подводные лодки, в то время немногочисленные, были полностью подготовлены для ведения войны.

Правильно, что до его назначения в январе 1943 года главнокомандующим, он не был «командующим» (обербефельсхабер). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дениц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота, а Дениц был его руководителем.

В первые годы войны надводный флот совершил немного рейдов, хотя они и были эффективными, а основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Деница, как об этом свидетельствуют факты потопления кораблей союзных и нейтральных стран, общим водоизмещением в миллионы тонн. Этими военными операциями ведал исключительно Дениц. Командование военно-морскими силами оставляло за собой право решать, сколько подводных лодок должно дей-

ствовать в каждом отдельном секторе. При вторжении в Норвегию, например, он в октябре 1939 года составил предложения в отношении баз для подводного флота; он утверждает, что эти предложения были лишь штабной разработкой; в марте 1940 года он составил оперативные приказы для поддержки операций подводных лодок, как об этом говорилось выше в настоящем приговоре.

Тот факт, что роль Деница в германских военных усилиях рассматривалась таким образом, красноречиво доказывается тем, что Редер рекомендовал Деница в качестве своего преемника, а также тем, что Гитлер 30 января 1943 года назначил его главнокомандующим военно-морского флота. Гитлер также знал, что подводная война являлась существенной частью германской морской войны.

Начиная с января 1943 года, Гитлер почти непрерывно консультировался с Деницем. Есть доказательства того, что они совещались по морским вопросам примерно 120 раз в течение войны.

Уже в апреле 1945 года, когда, как он признает, Дениц знал, что борьба стала безнадежной, он в качестве главнокомандующего убеждал личный состав флота продолжать борьбу. 1 мая 1945 года он стал главой государства и в качестве такового приказал вооруженным силам продолжать войну на Востоке, закончившуюся капитуляцией 9 мая 1945 года. Дениц объяснил, что он издал такие приказы для того, чтобы обеспечить для германского гражданского населения возможность эвакуации, а для армии—возможность упорядоченного отступления с Востока.

По мнению Трибунала, доказательства устанавливают, что Дениц активно участвовал в ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Деницу инкриминируется ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского Протокола 1936 года/к которому присоединилась Германия и который вновь подтверждал правила ведения подводной войны, изложенные в Лондонском морском соглашении 1930 года.

Обвинение утверждает, что 3 сентября 1939 г. германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола; оно также утверждало, что сознательно предпринимались усилия в течение всей войны скрыть этот факт лицемерными ссылками на международное право и нарушения его, якобы совершавшиеся союзниками.

Дениц настаивает на том, что в течение всего времени военно-морской флот соблюдал ограничения международного права и Протокола. Он показал, что когда война началась, руководством для ведения подводной войны был принятый Германией порядок взятия призов, почти буквально заимствованный из Протокола, что, следуя принятой в Германии точке зрения, он приказал подводным лодкам атаковать все торговые суда в караванах и все те суда, которые отказывались остановиться или использовали радиосигнализацию при появлении подводной лодки.

Когда полученные им отчеты показывали, что британские торговые суда использовались для передачи информации по радио, вооружались и нападали на подводные лодки при их появлении, он приказал своим

подводным лодкам 17 октября 1939 года нападать на все вражеские торговые суда и без предупреждения на том основании, что ожидалось сопротивление с их стороны. Уже 21 сентября 1939 года были изданы приказы о нападении на все суда, в том числе нейтральные, плавающие ночью без огней в Английском канале.

24 ноября 1939 года германское правительство издало предупреждение нейтральным судам о том, что в связи с частыми стычками, происходящими у берегов Британии и у французского побережья между подводными лодками и союзными торговыми судами, которые были вооружены и имели инструкции применять оружие, а также таранить подводные лодки, безопасность нейтральных судов в этих водах не может быть более гарантирована.

1 января 1940 года командование германского подводного флота, действуя по указаниям Гитлера, приказало подводным лодкам атаковать все греческие торговые суда в зоне вокруг Британских островов, которая была по распоряжению правительства Соединенных Штатов запрещенной для их судов, а также торговые суда всех национальностей в запретной зоне Бристольского канала. Через пять дней после этого был издан еще один приказ по подводному флоту о «немедленном и неограниченном применении оружия против всех судов» в одном из районов Северного моря, границы которого были указаны.

Наконец, 18 января 1940 года, подводные лодки получили право топить без предупреждения все суда «в тех водах у вражеского побережья, в отношении которых можно сослаться на то, что они были минированы». Следовало делать исключение лишь для судов Соединенных Штатов, итальянских судов, японских судов и судов советского флота.

Вскоре после начала войны британское адмиралтейство в соответствии с руководством и инструкциями торговому флоту от 1938 года вооружило все торговые суда, во многих случаях выделило для сопровождения их вооруженный конвой и дало приказания о передаче оперативных донесений в случае появления подводных лодок, включив, таким образом, торговые суда в систему сигнализации военно-морской разведки. 1 октября 1939 года британское адмиралтейство объявило, что британские торговые суда получили указание таранить подводные лодки, когда это возможно.

Рассматривая конкретные обстоятельства данного дела. Трибунал не намерен считать Деница виновным в ведении подводной войны против вооруженных британских торговых судов.

Однако объявление зон военных действий и потопление нейтральных торговых судов, зашедших в эти зоны, представляет иную проблему. Такая практика была принята в войне 1914—1918 гг. Германией и, в порядке контрмеры, — Великобританией. Вашингтонская конференция 1922 года, Лондонское морское соглашение 1930 года и Протокол от 1936 года были подписаны с полным сознанием того, что такие зоны были введены в той войне. Однако Протокол не делал исключения для зон военных действий. Приказ Деница топить нейтральные суда без предупреждения в том случае, если они будут находиться в пределах этих зон, по мнению Трибунала, является поэтому нарушением Протокола.

Утверждается также, что германский подводный флот не только не выполнял правил о предупреждении и спасении утопающих, содержа-

щихся в Протоколе, «о и что Дениц преднамеренно приказал убивать людей, спасшихся после потопления судов, независимо от того, были ли они вражескими или нейтральными. Обвинение представило множество доказательств в связи с двумя приказами Деница — оперативным приказом № 154, изданным в 1939 году и так называемым приказом «Лако-ния» от 1942 года.

Защита утверждает, что эти приказы и подтверждающие их доказательства не доказывают существования такой политики, и представила много доказательств, свидетельствующих об обратном. Трибунал придерживается мнения, что доказательства не устанавливают с несомненностью, требуемой в данном случае, того факта, что Дениц намеренно приказал убивать людей, спасшихся с потопленных судов. Приказы были, несомненно, двусмысленными и заслуживают серьезнейшего осуждения.

Доказательства далее устанавливают, что правила о спасении утопающих не выполнялись Германией и что подсудимый приказал не выполнять их. Утверждение защиты сводится к тому, что безопасность подводной лодки, — что является основным правилом на море, — стоит выше, чем спасение людей, и что развитие воздушного флота сделало спасательные операции невозможными. Это, возможно, и правильно, но Протокол весьма точен в формулировках. Если командир не может проводить спасательных операций, он, в соответствии с условиями Протокола, не может топить торговое судно и должен дать ему возможность безопасно пройти перед перископом. В таком случае эти приказы доказывают, что Дениц виновен в нарушении Протокола.

Учитывая все доказанные факты и в особенности приказ британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 г., о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты ввели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Деницу определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны.

Деницу также инкриминировалась ответственность за приказ Гитлера относительно «командос» от 18 октября 1942 г. Дениц признал, что он получил этот приказ и знал о нем, когда он был командующим подводным флотом, однако он отрицал свою ответственность. Он указывал, что в приказе было точно сформулировано, что он не распространяется на лиц, захваченных в ходе морской войны, что у флота не было морской пехоты и что командиры подводных лодок не имели возможности столкнуться с «командос».

В одном случае, когда он был главнокомандующим военно-морского флота, в 1943 году, команда союзного торпедного катера была захвачена германскими военно-морскими силами. Команда была допрошена в разведывательных целях по поручению адмирала, командовавшего этими судами, и затем по его приказу передана в СД и расстреляна. Дениц заявил, что если бы эти лица были захвачены флотом, их расстрел явился бы нарушением приказа о «командос», что сообщения о казни в оперативной сводке вооруженных сил не было и что его никогда не информировали об этом случае. Он подчеркнул, что адмирал, о котором шла речь, не подчинялся ему по команде, а был подчиненным армейского генерала, руководившего операциями по оккупации Норвегии. Однако

Дениц оставил этот приказ в силе, когда он стал главнокомандующим, и в такой степени он несет за него ответственность.

Дениц на совещании 11 декабря 1944 г. сказал: «12 000 заключенных концентрационных лагерей будут использованы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы». В этот период строительство судов не входило в сферу его юрисдикции, и он утверждает, что это было лишь предложение, сделанное им на совещании, о том, чтобы руководящий офицерский состав содействовал строительству судов, что он не предпринимал никаких шагов, чтобы получить этих рабочих, поскольку этот вопрос не входил в его ведение, и не знает, были ли они вообще когда-нибудь получены. Он признает, что знал о существовании концентрационных лагерей. Человек, занимавший его положение, должен был обязательно знать о том, что большое количество жителей оккупированных стран подвергалось заключению в концентрационные лагеря.

В 1945 году Гитлер запросил мнение Йодля и Деница относительно того, следует ли отказаться от Женевской конвенции. Заметки о совещании между двумя военными руководителями 20 февраля 1945 г. показывают, что Дениц высказал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что недостатки такой меры перевесят ее преимущества. Резюме мнения Деница, содержащееся в заметках, сделанных одним из офицеров, содержит следующую фразу:

«Будет лучше проводить меры, которые мы сочтем необходимыми, без предупреждения, и любой ценой сохранить репутацию в глазах внешнего мира».

Обвинение настаивало на том, что «меры», о которых здесь говорится, означали, что от конвенции не следует отказываться, но что ее следует нарушать по усмотрению. Защита объясняет, что Гитлер хотел нарушить конвенцию по двум причинам: лишить германские войска защиты конвенции, тем самым предотвращая дальнейшие попытки сдаваться большими группами в плен британцам и американцам, а также дать возможность проводить репрессалии против союзных военнопленных в качестве контрмеры против бомбардировок союзников. Дениц утверждает, что под словом «меры» он понимал дисциплинарные меры против германских войск с тем, чтобы предотвратить их сдачу в плен, и не имел в виду мер против союзников; он утверждает, что это было всего лишь предложение и что в любом случае никакие меры такого рода никогда не предпринимались ни против союзников, ни против немцев. Трибунал, однако, не считает это объяснение правдивым. Германия все же не отказалась от соблюдения Женевской конвенции. Защита представила несколько письменных показаний для того, чтобы доказать, что британские военнопленные из числа личного состава флота в лагерях для военнопленных, входящих в сферу юрисдикции Деница, подвергались обращению в строгом соответствии с конвенцией, и Трибунал принимает этот факт во внимание и рассматривает его как смягчающее вину обстоятельство

Заключение

Трибунал признает Деница невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделам второму и третьему.

РЕДЕР

Редер обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. В 1928 году он стал начальником Главного морского штаба и в 1935 году—командующим военно-морскими силами (ОК.М); в 1939 году Гитлер произвел его в звание гроссадмирала. Он являлся членом имперского совета обороны. 30 января 1943 года, по его собственной просьбе, его сменил Дениц, а он стал адмирал-инспектором военно-морского флота, без занятия какой-либо должности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

За 15 лет, в течение которых Редер командовал германским военно-морским флотом, он строил его и руководил его операциями; он принимает на себя полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году. Он признает, что военно-морской флот нарушал Версальский договор, и настаивает на том, что «поступать таким образом было делом чести каждого моряка»; он утверждает, что нарушения были большей частью незначительными и что Германия построила меньше, чем ей было разрешено. Эти нарушения, так же как и нарушения англо-германского морского соглашения от 1935 года, уже обсуждались ранее в этом приговоре.

Редер получил директиву от 24 июня 1937 года от Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии. Он был одним из пяти руководителей, участвовавших на «Совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 года. Он заявлял, что Гитлер созывом этого совещания хотел лишь побудить армию к тому, чтобы ускорить темпы перевооружения, и настаивает на том, что он верил, что австрийский и чехословацкий вопросы будут разрешены мирным путем, как это и случилось, и указывает на то, что подписанное новое морское соглашение с Англией. Он не получал никаких приказов об ускорении темпов строительства подводных лодок, что указывало на то, что Гитлер не планировал войны.

Редер получал директивы о «плане Грюн» и «плане Вейс», начиная с директивы от 3 апреля 1939 года; последняя предлагала военно-морскому флоту поддержать армию путем высадки с моря. Он также был одним из немногих главных руководителей, которые присутствовали на совещании 23 мая 1939 года. Он присутствовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 года.

Идея вторжения в Норвегию впервые возникла у Редера, а не у Гитлера. Несмотря на желание Гитлера обеспечить нейтралитет Скандинавии, что подтверждается его директивой от октября 1939 года, еще в октябре месяце в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. Первоначально адмирал Карле указал Редеру на преимущества, вытекающие из получения баз в Норвегии. В главном морском штабе был циркулярно разослан вопросник, датированный 3 октября 1939 года, в котором предлагалось высказать соображения по поводу желательности приобретения таких баз. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером; запись, сделанная в этот день в его «дневнике боевых действий», гласит, что Гитлер намеревался «рассмотреть этот вопрос». Несколько месяцев

спустя Гитлер беседовал с Редером, Квислингом, Кейтелем и Иодлем; ОКБ начало составление планов, и военно-морской оперативный штаб работал совместно с офицерами штаба ОКВ. Редер получил директиву Кейтеля по поводу Норвегии 27 января 1940 года и последующую директиву от 1 марта за подписью Гитлера.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова подвергать обсуждению этот защитительный довод, который довольно подробно рассматривался ранее, когда был сделан вывод, что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

Редер получал директивы, в том числе указания о бесчисленных отсрочках в отношении нападения на Западе. На совещании от 18 марта 1941 года, на котором присутствовал Гитлер, он призывал к оккупации всей Греции. Он заявляет, что это произошло только после того, как англичане произвели высадку и Гитлер отдал приказ о наступлении, и указывает, что военно-морской флот не был заинтересован в Греции. Он получил директиву Гитлера в отношении Югославии.

Редер пытался отговорить Гитлера от намерения предпринять нападение на Советский Союз. В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море вместо нападения на Россию. 14 ноября 1940 года он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага» — и к продолжению строительства подводных лодок и воздушных сил военно-морского флота. Он выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии», согласно записям в делах германского морского оперативного штаба. Он заявляет, что его возражения были основаны на том, что это является нарушением пакта о ненападении, а также на соображениях стратегического характера. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря и оправдывает эти действия тем, что они пытались «разведать», какие маневры на море предпринимали немцы. Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редер обвиняется в военных преступлениях, совершенных в открытом море. 3 сентября 1939 г. был потоплен вооруженный британский пассажирский пароход «Атения», направлявшийся в Америку. Два месяца спустя немцы обвинили г-на Черчилля в преднамеренном потоплении «Атении» с тем, чтобы возбудить враждебность американцев против Англии. В действительности этот корабль был потоплен германской подводной лодкой U-30. Редер заявляет, что командир этой подводной лодки потопил этот корабль по ошибке, приняв его, по своей неопытности, за вспомогательный крейсер, и что этот факт стал известен лишь по возвращении подводной лодки из плавания через несколько недель после опровержения его Германией и что Гитлер затем дал указание военно-

морскому флоту и министерству иностранных дел продолжать отрицание этого факта. Редер отрицает, что он что-либо знал о пропагандистской кампании, направленной против г-на Черчилля.

Наиболее серьезным обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая сюда потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов, что противоречит условиям Лондонского соглашения от 1936 года. В отношении этого обвинения против Редера, охватывающего период до 30 января 1943 года, то есть до момента отставки Редера, Трибунал приходит к тому же заключению, к какому он пришел в отношении Деница, о котором уже говорилось.

Приказ о «командос» от 18 октября 1942 г., который не имел прямого отношения к ведению войны на море, был передан через посредство военно-морского оперативного штаба нижестоящим военно-морским начальникам с указанием о том, что командующие флотилией и командиры соединения кораблей должны устно довести его до сведения своих подчиненных. Именно моряками военно-морского флота, а не СД, 10 декабря 1942 года были казнены два человека из состава отрядов «командос» в Бордо. Военно-морской оперативный штаб ответил по этому поводу, что это было сделано «в соответствии со специальным приказом фюрера, но тем не менее является чем-то новым в международном праве, поскольку солдаты были одеты в военную форму». Редер признает, что он передал этот приказ по команде своим подчиненным и не высказал Гитлеру никаких возражений.

Заключение

Трибунал признает Редера виновным по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения.

Фон ШИРАХ

Фон Ширах обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию и СА в 1925 году. В 1929 году он стал руководителем национал-социалистского студенческого союза. В 1931 году его назначили руководителем имперской молодежи нацистской партии, причем под его контролем были все нацистские юношеские организации, включая организацию «Гитлеровской молодежи». В 1933 году после того, как нацисты взяли в свои руки контроль над правительством, фон Ширах был назначен руководителем молодежи в Германской империи; первоначально это был пост в министерстве внутренних дел, а после 1 декабря 1936 года он перешел в ведение имперского кабинета. В 1940 году фон Ширах ушел с поста руководителя «Гитлеровской молодежи» и руководителя молодежи Германской империи, но сохранил свое положение рейхслейтера, предусматривавшее контроль над воспитанием молодежи. В 1940 году он был назначен гаулейтером Вены, имперским наместником Вены и уполномоченным по обороне империи на данной территории.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА

После того как нацисты захватили власть, фон Ширах, используя физическое насилие и легальный нажим, уничтожал или брал под свой контроль все молодежные группы, которые прежде соперничали с «Гитлеровской молодежью». Согласно приказу Гитлера от 1 декабря 1936 г. вся молодежь Германии была включена в организацию «Гитлеровской молодежи». К тому времени, когда в 1940 году была официально введена мобилизация в эту организацию, 97% подлежащей мобилизации молодежи были уже членами организации.

Фон Ширах использовал «Гитлеровскую молодежь» для воспитания немецкой молодежи «в духе национал-социализма» и проводил в ее рядах широкую программу нацистской пропаганды. Он сделал «Гитлеровскую молодежь» источником пополнения организации нацистской партии. В октябре 1936 года он вошел в соглашение с Гиммлером, в соответствии с которым члены «Гитлеровской молодежи», отвечавшие требованиям, установленным СС, рассматривались как главный источник пополнения рядов СС.

Фон Ширах также использовал «Гитлеровскую молодежь» для допризывной подготовки. Были организованы специальные подразделения, главной целью которых была подготовка специалистов для различных родов войск. 11 августа 1939 года он вошел в соглашение с Кейтелем, по которому «Гитлеровская молодежь» обязалась проводить свою допризывную подготовку в соответствии с требованиями, установленными в вооруженных силах, а армия взяла на себя обязательство ежегодно подготавливать 30 000 инструкторов для «Гитлеровской молодежи». «Гитлеровская молодежь» уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость «жизненного пространства» и «благородное» предназначение германской молодежи — умереть за Гитлера.

Однако, несмотря на такой военный характер деятельности «Гитлеровской молодежи», нельзя сказать, что фон Ширах был вовлечен в развитие гитлеровского плана территориальной экспансии путем агрессивной войны или что он участвовал в планировании или подготовке какой-либо агрессивной войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В июле 1940 года фон Ширах был назначен гаулейтером Вены. В то же самое время он был назначен имперским наместником Вены и имперским уполномоченным по обороне, сначала 17-го военного округа, включая гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, а после 17 февраля 1942 года только гау Вены. Будучи имперским уполномоченным по обороне, он контролировал гражданскую экономику военного времени. Занимая пост имперского наместника, он являлся главой муниципальной администрации города Вены и под руководством министра внутренних дел ведал правительственной администрацией рейха в Вене.

Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности. Как

это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой «преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала», как этот термин употребляется в статье 6 (с) Устава. В результате «убийство, уничтожение, порабощение, высылки и другие бесчеловечные акты» и «преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

Поскольку фон Ширах был гаулейтером Вены, на него распространялось действие декрета Заукеля, датированного 6 апреля 1942 года, согласно которому гаулейтеры назначались уполномоченными Заукеля по набору рабочей силы и получали полномочия контролировать использование рабочих и обращение с ними в пределах своих гау. В соответствии с директивами Заукеля лица, используемые на принудительных работах, должны были получать такое питание, кров и обращение, при котором была бы возможна их наибольшая эксплуатация при наименьших затратах.

Когда фон Ширах стал гаулейтером Вены, высылка евреев уже началась и в Вене осталось лишь 60000 евреев из прежних 190000. 2 октября 1940 года фон Ширах присутствовал на совещании у Гитлера, где он сказал Франку, что у него в Вене имеется 60 000 евреев, которых генерал-губернаторство должно будет забрать у него. 3 декабря 1940 года фон Ширах получил письмо от Ламмерса, в котором говорилось, что после докладов фон Шираха Гитлер решил из-за недостатка жилых помещений в Вене выслать в генерал-губернаторство 60 000 евреев, все еще оставшихся в ней. Тогда и началась высылка евреев из Вены, которая продолжалась до начала осени 1942 года. 15 сентября 1942 года фон Ширах в своей речи оправдывал произведенную по его распоряжению высылку «многих десятков тысяч евреев в гетто на Восток», оценивая эту меру как вклад в европейскую культуру».

В то время как евреев высылали из Вены, канцелярия фон Шираха получала доклады, адресованные ему по служебной линии от начальника полиции безопасности и СД, которые содержали описание деятельности эйнзатцгрупп по уничтожению евреев. На многих из этих докладов стояли инициалы одного из главных заместителей фон Шираха. 30 июня 1944 года в канцелярии фон Шираха также было получено письмо от Кальтенбруннера, в котором последний информировал фон Шираха о том, что 12000 евреев уже находятся на пути в Вену для использования их на важных работах военного значения и что все те, которые окажутся непригодными для работы, должны быть подготовлены для «специального обращения».

Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что самое большее, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии.

Будучи гаулейтером Вены, фон Ширах продолжал выполнять обязанности рейхслейтера по воспитанию молодежи и, как таковой, он был информирован об участии гитлеровской молодежи в плане, осуществленном осенью 1944 года, согласно которому 50000 молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет были эвакуированы в Германию из областей, вновь

отвоеванных советскими войсками, и использовались как ученики в германской промышленности и на вспомогательных работах в соединениях германских вооруженных сил. Летом 1942 года фон Ширах телеграфировал Борману и настаивал на том, чтобы английский культурный центр был подвергнут бомбардировке в качестве ответной меры за убийство Гейдриха, организованного, по утверждению Шираха, англичанами.

Заключение

Трибунал признает фон Шираха невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу четвертому.

ЗАУКЕЛЬ

Заукель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Заукель вступил в нацистскую партию в 1923 году и стал гаулейтером Тюрингии в 1927 году. Он был членом Тюрингского ландтага с 1927 года по 1933 год, был назначен имперским наместником в Тюрингии в 1932 году и тюрингским министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии в мае 1933 года. Он стал депутатом рейхстага в 1933 году. Он имел формальное звание обергруппенфюрера как СС, так и СА.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА

Доказательства не убедили Трибунал в том, что имя Заукеля в достаточной степени связано с общим планом для ведения агрессивной войны или что он был в достаточной степени причастен к планированию и ведению какой-либо из агрессивных войн для того, чтобы дать Трибуналу основания считать его виновным по разделам первому или второму Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

21 марта 1942 года Гитлер назначил Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями подчинить унифицированному контролю «использование всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных». Заукель получил указания вести деятельность в рамках управления по четырехлетнему плану, и 27 марта 1942 года Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану издал декрет о передаче всех подчинявшихся ему отделов по использованию рабочей силы Заукелю. 30 сентября 1942 года Гитлер дал Заукелю право назначать уполномоченных в различные оккупированные области и «принимать все необходимые меры для проведения в жизнь» декрета от 21 марта 1942 года.

Основываясь на полномочиях, данных ему этим декретом, Заукель разработал программу мобилизации всех имевшихся ресурсов рабочей силы для империи.

Одним из важных моментов этой мобилизации была систематическая насильственная эксплуатация ресурсов рабочей силы оккупированных территорий. Вскоре после того как Заукель получил назначение на свой пост, он отдал распоряжение руководящим инстанциям в различных оккупированных областях издать декреты о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами уполномоченное Заукеля, поддерживаемые полицейскими властями оккупированных территорий, набирали и посылали в Германию рабочих, необходимых для выполнения разверсток, данных им Заукелем. Он сам предписывал так называемый «добровольный набор», проводившийся целой сворой агентов мужского и женского пола, точно таким же образом, как это делалось при обманной вербовке в далеком прошлом. На самом деле добровольная вербовка была скорее исключением, чем правилом, как об этом свидетельствует заявление Заукеля от 1 марта 1944 года о том, что «из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, даже 200000 не прибыло туда добровольно». Несмотря на то, что он сейчас утверждает, что это заявление неправильно, обстоятельства, при которых оно было сделано, так же, как и доказательства, представленные Трибуналу, не оставляют никакого сомнения в том, что оно по существу было правильным.

Способ, которым несчастные рабочие, угоняемые на рабский труд, отбирались и транспортировались в Германию, и то, что происходило с ними после их прибытия, уже были описаны выше.

Заукель утверждает, что он не несет ответственности за эксцессы, сопровождавшие выполнение программы. Он говорит, что общее количество рабочих, подлежащих набору, устанавливалось на основании потребностей сельского хозяйства и промышленности; ответственность за набор рабочих возлагалась на оккупационные власти, транспортировка их в Германию — на управление железных дорог, а забота о них в Германии — на министерство труда и сельского хозяйства. Германский «трудовой фронт» и на различные заинтересованные в этом отрасли промышленности. Он показал, что в той степени, в которой он имел какие-либо полномочия, он всегда требовал гуманного обращения.

Не подлежит сомнению, однако, что Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. В тот период, когда происходили рассматриваемые события, он не преминул учредить свой контроль над теми сферами деятельности, которые, как он сейчас утверждает, входили исключительно в ведение других лиц. Согласно его распоряжениям его уполномоченные были облечены властью набирать рабочих, и он постоянно контролировал меры, которые в то время принимались. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и энергично поддерживал эти методы на том основании, что они были необходимы для выполнения разверсток.

Распоряжения Заукеля также предусматривали, что он нес ответственность за транспортировку рабочих в Германию, за распределение их по местам работы и за заботу о них и что другие заинтересованные в этих вопросах ведомства подчинялись ему. Его ставили в известность о существовавших тяжелых условиях. Нет никаких данных о том, что, выступая за применение жестокого обращения, он рассматривал его как самоцель или что он выступал за какую-нибудь программу, подобную

плану Гимmlера, предусматривавшему истребление путем непосильного труда. Его точка зрения была выражена в распоряжении:

«Всех людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

Доказательства свидетельствуют о том, что Заукель руководил осуществлением программы, которая предусматривала угон на рабский труд более чем 5 000 000 человек, причем многие из них подвергались при этом жестокостям и терпели величайшие страдания.

Заключение

Трибунал признает Заукеля невиновным по разделам первому и второму Обвинительного заключения и виновным по разделам третьему и четвертому.

ИОДЛЬ

Иодль обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. С 1935 по 1938 гг. он был начальником отдела обороны страны при верховном командовании. После года командования войсками он вернулся в августе 1939 года и стал начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил. Хотя его непосредственным начальником был подсудимый Кейтель, он докладывал непосредственно Гитлеру по всем оперативным вопросам. В строго военном смысле Иодль фактически планировал войну и является в большой степени ответственным за стратегию и ведение операций.

Иодль строит свою защиту на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком, и что в связи с его штабной работой и работой по планированию у него не оставалось времени для других вопросов. Он заявляет, что, когда он подписывал приказы, меморандумы и письма или ставил под ними свои инициалы, он делал это вместо Гитлера и часто за Кейтеля, когда тот отсутствовал. Хотя он утверждает, что, будучи солдатом, он должен был подчиняться Гитлеру, он заявляет, что он неоднократно пытался помешать проведению некоторых мер путем промедления, что часто оказывалось успешным, как, например, тогда, когда он противостоял требованию Гитлера об издании директивы о линчевании союзных «летчиков-террористов».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА

Записи в дневнике Иодля от 13 и 14 февраля 1938 года показывают, что Гитлер инструктировал его и Кейтеля продолжать оказывать начавшееся на совещании с Шушнигом военное давление на Австрию путем проведения ложных военных маневров и что эти маневры достигли своей цели. Когда Гитлер решил «не допускать» плебисцит Шушнига, Иодль представил на совещании «старый проект» — уже существовавший штабной план. Его запись в дневнике от 10 марта показывает, что Гитлер затем приказал готовиться к «операции Отто» и под этой директивой Иодль

поставил свои инициалы. 11 марта Иодль издал дополнительные инструкции и в тот же день поставил свои инициалы под приказом Гитлера о вторжении.

Согласно папке Шмундта, Иодль принимал активное участие в планировании нападения на Чехословакию. Он поставил свои инициалы под документами № 14, 17, 24, 36 и 37, содержащимися в папке Шмундта. Иодль признает, что он согласился с ОКХ, что «инцидент», который должен был послужить поводом для вмешательства Германии, должен был произойти не позднее 14 часов в икс день — в день перед нападением, и сказал, что он должен произойти в установленное время при наличии хорошей летной погоды. Иодль совещался с экспертом по пропаганде о «неотложных общих проблемах»,—таких, как нарушения Германией международного права, использование этих нарушений врагом и опровержение их Германией. Иодль считал последнюю проблему «особо важной».

После Мюнхена Иодль писал:

«Чехословакия как государство больше не существует. Гений фюрера и его решимость не остановиться даже перед мировой войной снова завоевали победу без применения силы. Можно надеяться, что скептически настроенные, слабые и сомневающиеся теперь обращены в нашу веру и останутся таковыми».

Вскоре после оккупации Судетской области Иодль занял командную должность и лишь в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства ОКВ.

Иодль обсуждал вторжение в Норвегию с Гитлером, Кейтелем и Редером 12 декабря 1939 года. Его дневник полон более поздними записями о его деятельности по подготовке этого нападения. Иодль объясняет, что своим замечанием о том, что Гитлер все еще искал «предлога» для начала операций, он хотел сказать, что Гитлер ожидал надежных разведывательных данных о британских планах, и оправдывает вторжение, как необходимый шаг для того, чтобы предотвратить осуществление этих планов. Из его показаний видно, что с октября 1939 года Гитлер планировал нападение на Запад через Бельгию, но колебался в отношении вторжения в Голландию до середины ноября. 8 февраля 1940 года Иодль, его заместитель Варлимонт и Иешонек, осуществлявшие планирование действий военно-воздушного флота, обсуждали «новую идею» нападения на Норвегию, Данию и Голландию при обеспечении нейтралитета Бельгии. Многие из 17 приказов, откладывавших нападение на Западе до мая 1940 года по различным причинам, в том числе в связи с условиями погоды, были подписаны Иодлем.

Он принимал активное участие в планировании действий против Греции и Югославии. Приказ Гитлера от 11 января 1941 года об интервенции в Албанию был подписан инициалами Иодля. 20 января, за четыре месяца до нападения, Гитлер заявил на совещании германских и итальянских генералов в присутствии Иодля, что войска, сконцентрированные Германией в Румынии, предназначались для использования против Греции. Иодль был в числе присутствовавших 18 марта, когда Гитлер сказал Редеру, что вся Греция должна быть оккупирована, прежде чем сможет быть достигнуто какое-либо урегулирование создавшегося положения. 27 марта, когда Гитлер сказал германскому верховному командованию, что разгром Югославии должен быть осуществлен с «безжалостной

суровостью» и было принято решение бомбить Белград без объявления войны, он также присутствовал.

Иодль дал показание о том, что Гитлер опасался нападения со стороны России и поэтому напал первым. Эта подготовка началась почти за год до вторжения. Еще 29 июля 1940 года Иодль предложил Варлимунту подготовить планы, так как Гитлер решил произвести нападение. Позднее Гитлер сообщил Варлимунту, что он планировал начать наступление в августе 1940 года, но по военным соображениям отложил начало этого нападения. Он поставил свои инициалы под директивой Гитлера от 12 ноября 1940 года о том, что подготовка, приказ о проведении которой был передан устно, должна продолжаться, и также поставил свои инициалы под «планом Барбаросса» 18 декабря. 3 февраля 1941 года Гитлер, Иодль и Кейтель обсуждали это вторжение, и он присутствовал 14 июня» когда были сделаны окончательные доклады по «плану Барбаросса».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

18 октября 1942 года Гитлер издал приказ о «командос», а днем позже дополнительное разъяснение, предназначенное только для командующих. Сопроводительный меморандум был подписан Иодлем. Более ранние проекты приказа были составлены штабом Иодля с его ведома. Иодль дал показание о том, что он усиленно противодействовал этому приказу по мотивам морального и правового характера, но не мог отказаться от издания его. Он настаивает на том, что практически он пытался смягчить его жестокость, не информируя Гитлера в тех случаях, когда он не проводился. Он поставил свои инициалы под меморандумом ОКВ от 25 июня 1944 года, подтвердив тем самым еще раз приказ после высадки в Нормандии.

Директива об уничтожении советских комиссаров была изложена в «плане Барбаросса», она предусматривала, что решение о том, подлежат ли они уничтожению без суда, должен был принимать офицер. Проект содержит написанное рукой Иодля предложение о том, что это действие должно явиться ответной мерой, он также показал, что с его стороны это была попытка обойти этот приказ.

Когда в 1945 году Гитлер рассматривал вопрос об отказе от 'соблюдения правил Женевской конвенции, Иодль выступил со своим мнением, заявив, что ущерб, который будет нанесен таким действием, перевесит его преимущества; 21 февраля он сказал, что соблюдение Гитлером правил конвенции несколько не помешает ведению войны, и привел как пример потопление британского госпитального судна в качестве репрессалии, которое было впоследствии объяснено ошибкой. Он заявил, что он сделал так, поскольку это было единственным соображением, которое Гитлер мог принять во внимание, так как моральные или правовые доводы не оказывали на него никакого воздействия, и он также утверждает, что таким образом он предотвратил отказ Гитлера от соблюдения правил конвенции.

Имеется мало доказательственного материала о том, что Иодль был непосредственно связан с проведением программы рабского труда, и он, очевидно, сосредоточил свое внимание на стратегическом планировании. Но в своей речи 7 ноября 1943 года гаулейтерам он сказал, что

было необходимо действовать «решительно и твердо, ни в чем не раскаиваясь» в Дании, Франции и Нидерландах для того, чтобы обеспечить работу на строительстве Атлантического вала.

Телеграммой от 28 октября 1944 года Иодль приказал провести эвакуацию всех жителей Северной Норвегии и сжечь их дома с тем, чтобы они не могли оказывать помощь русским. Иодль заявляет, что он был против этой меры, но что таков был приказ Гитлера; он также утверждает, что эта мера не была полностью проведена в жизнь. Документ норвежского правительства показывает, что такая эвакуация имела место в Северной Норвегии и что 30 000 домов были повреждены. 7 октября 1941 года Иодль подписал приказ о том, что Гитлер не примет предложения о капитуляции со стороны Ленинграда или Москвы, но, наоборот, он настаивал на том, чтобы эти города были полностью уничтожены. Он сказал, что это было сделано потому, что немцы опасались, что эти города могут быть минированы русскими так, как это имело место в Киеве. Никакого предложения о капитуляции никогда не поступало.

По существу его защита строится на доктрине «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована как защитительный довод. Смягчающих вину обстоятельств нет. Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием 'солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений.

Заклучение

Трибунал признает Иодля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фон ПАПЕН

Фон Папен обвиняется по первому и второму разделам Обвинительного заключения. 1 июня 1932 года он был назначен канцлером империи, а 2 декабря 1932 года его сменил фон Шлейхер. 30 января 1933 года он был назначен вице-канцлером в кабинете Гитлера и 13 ноября 1933 года чрезвычайным уполномоченным по вопросам Саара. 26 июля 1934 года он был назначен посланником в Вену и был отозван оттуда 4 февраля 1938 года. 29 апреля 1939 года он был назначен послом в Турцию. Он возвратился в Германию, когда Турция порвала дипломатические отношения с Германией, в августе 1944 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фон Папен активно помогал Гитлеру в 1932 и 1933 гг. в формировании коалиционного кабинета и способствовал его назначению канцлером 30 января 1933 г. В качестве вице-канцлера в этом кабинете фон Папен принимал участие в утверждении нацистского контроля в 1933

году; 16 июня 1934 года, однако, фон Папен выступил с речью в Марбурге, которая содержала осуждение нацистских попыток подавить свободную прессу и церковь, осуждение существовавшего господства террора, а также «150% % нацистов», которые принимали «жестокость за жизненную необходимость». 30 июня 1934 года во время волны жестокостей, сопровождавшей так называемую чистку Рема, фон Папен был арестован органами СС. Аппарат его учреждения также был арестован, а два его помощника, в том числе человек, который помогал ему составить марбургскую речь, были убиты. Фон Папен был освобожден в июле 1934 года. Несмотря на убийство его помощников, фон Папен принял обязанности посланника в Австрии 26 июля 1934 года, через день после того, как был убит Дольфус. Его назначение было объявлено ему письмом Гитлера, в котором ему предлагалось направить взаимоотношения между двумя странами «в нормальное и дружественное русло», и его заверяли «в полном и неограниченном доверии» Гитлера. В качестве посланника в Австрии фон Папен принимал активное участие в попытках укрепить позиции нацистской партии в Австрии для того, чтобы добиться аншлюсса. В начале 1935 года он участвовал в совещании в Берлине, на котором был принят политический курс, направленный к тому, чтобы избегать всего, что может создать впечатление о германском вмешательстве во внутренние дела Австрии. Однако он добился ежемесячной дотации в 200 тысяч марок для «мучеников национал-социализма, преследуемых в Австрии». 17 мая 1936 года он доложил Гитлеру о результатах своего совещания с капитаном Леопольдом, руководителем австрийских нацистов, и настойчиво убеждал Гитлера выступить с заявлением о признании национальной независимости Австрии, предсказывая, что это поможет формированию коалиции против Штаренберга между христианскими социалистами Шушнига и австрийскими нацистами. 27 июля 1935 года фон Папен доложил Гитлеру, что союз между Австрией и Германией не может быть осуществлен в результате давления извне, а лишь путем укрепления национал-социалистского движения. Он призывал к тому, чтобы австрийская нацистская партия изменила свой характер и перестав быть централизованной партией германской империи, собрала под свое знамя всех лиц немецкого происхождения.

Фон Папен принимал участие в происходивших время от времени политических демонстрациях нацистов, содействовал распространению нацистской пропаганды и составлял подробные отчеты о деятельности нацистской партии и регулярные доклады о состоянии оборонительных средств Австрии. Проводимая им в Австрии политика привела к соглашению от 11 июля 1936 года, которое номинально восстанавливало взаимоотношения между Германией и Австрией и придавало им «нормальную и дружескую форму», однако соглашение имело секретное приложение, предусматривавшее амнистию австрийским нацистам, снятие цензуры с нацистских газет, возобновление политической деятельности нацистов и назначение людей, дружески настроенных по отношению к нацистам, в кабинет Шушнига.

После подписания этого соглашения фон Папен подал в отставку, но его отставка не была принята. После этого он постоянно продолжал оказывать давление на австрийское правительство с тем, чтобы добиться введения нацистов в кабинет Шушннга и получить для них влияние-

ные посты в «Отечественном фронте», единственно легальной партии Австрии. 1 сентября 1936 года фон Папен писал Гитлеру о том, что антинацисты в австрийском министерстве безопасности препятствовали проникновению нацистов в правительство Австрии, и предлагал придерживаться политики «постоянно нарастающего нажима, направленного к изменению режима».

4 февраля 1938 года фон Папен был уведомлен, что он отзывается с поста посланника в Австрии; это произошло одновременно со смещением фон Фрича, фон Бломберга и фон Нейрата с занимаемых ими постов. Он выразил Гитлеру сожаления по поводу своего отзыва, ссылаясь на то, что с ноября 1937 года он старался убедить Шушнига встретиться для беседы с Гитлером и Шушниг дал понять, что он согласен на это. Действуя в соответствии с указаниями Гитлера, фон Папен затем возвратился в Австрию и договорился об этой встрече, которая и состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 года. Фон Папен сопровождал Шушнига на это совещание и в конце его посоветовал Шушнигу согласиться на требования Гитлера. 10 марта 1938 года Гитлер приказал фон Папену возвратиться в Берлин, фон Папен уже находился в канцлерстве 11 марта, в день, когда был отдан приказ об оккупации Австрии. Не было представлено никаких доказательств того, что фон Папен был за принятие решения оккупировать Австрию силой, но сам он показал, что убеждал Гитлера не делать этого шага.

После аннексии Австрии фон Папен удалился в отставку и перешел на положение частного лица. Нет никаких доказательств того, что он принимал какое-либо участие в политической жизни. Он принял пост посла в Турции в апреле 1939 года, однако не было представлено никаких доказательств того, что его деятельность на этом посту делает его причастным к преступлению.

Доказательства не оставляют никакого сомнения в том, что основной целью фон Папена в качестве посланника в Австрии являлся подрыв режима Шушнига и укрепление позиций австрийских нацистов с тем, чтобы добиться аншлюсса. Для осуществления этого плана он прибегал как к интригам, так и к запугиванию. Но Устав не определяет эти нарушения норм политической морали как преступные действия, какими бы дурными они ни были. Согласно Уставу Папен может считаться виновным только в том случае, если он принимал участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям, или даже того, что он был причастен к плану оккупации Австрии и при помощи агрессивной войны, если бы в таковой возникла необходимость. Нельзя считать несомненно установленным фактом, что именно это было целью его деятельности. И поэтому Трибунал не может считать, что он принимал участие в общем плане, инкриминируемом в разделе первом, или участвовал в планировании агрессивных войн, как это инкриминируется в разделе втором Обвинительного заключения.

Заключение

Трибунал признает фон Папена невиновным в предъявленных ему обвинениях и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ

Зейсс-Инкварт обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Зейсс-Инкварт, австрийский адвокат, был назначен государственным советником в Австрии в мае 1937 года в результате нажима со стороны Германии. Он был связан с нацистской партией Австрии, начиная с 1931 года, но часто не ладил с партийным руководством и фактически не являлся членом партии до 13 марта 1938 года. Он был назначен австрийским министром безопасности и внутренних дел с правом контроля над полицией в соответствии с одним из условий, навязанных Гитлером Шушнигу на Берхтесгаденском совещании 12 февраля 1938 года.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АВСТРИИ

Зейсс-Инкварт принимал участие в последних этапах развития нацистских интриг, предшествовавших германской оккупации Австрии, и был выдвинут на пост канцлера Австрии в результате того, что Германия угрожала вторжением.

12 марта 1938 года Зейсс-Инкварт встретился с Гитлером в Линце и произнес речь, приветствуя вступление германских войск и оправдывая воссоединение Германии и Австрии. 13 марта он добился издания закона, согласно которому Австрия должна была стать провинцией Германии, и сменил Микласа на посту президента Австрии, когда Миклас предпочел отставку подписанию этого закона. Титул Зейсс-Инкварта был заменен новым — титулом имперского наместника Австрии — 15 марта 1938 года, и в этот же день ему было присвоено звание генерала СС. Он был назначен имперским министром без портфеля 1 мая 1939 года.

11 марта 1939 года он посетил Словацкое правительство в Братиславе и побуждал его объявить свою автономию таким путем, который точно соответствовал бы агрессивным намерениям Гитлера в отношении независимости Чехословакии.

В качестве имперского наместника Австрии Зейсс-Инкварт ввел в действие программу конфискации еврейской собственности. В период его правления евреев заставляли эмигрировать, посылали их в концентрационные лагеря, они являлись жертвами погромов. В конце своего пребывания у власти он сотрудничал с полицией безопасности и СД по депортации евреев из Австрии на Восток. В то время, когда он являлся наместником Австрии, гестапо направляло в концентрационные лагеря политических противников нацизма, где с ними жестоко обращались и часто убивали.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛЬШЕ И НИДЕРЛАНДАХ

В сентябре 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен начальником гражданской администрации в Южной Польше.

12 октября 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 года Зейсс-Инкварт

был назначен имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия. В качестве заместителя генерал-губернатора в генерал-губернаторстве Польши Зейсс-Инкварт поддерживал проводившуюся там жестокую оккупационную политику. В ноябре 1939 года, находясь в инспекционной поездке по генерал-губернаторству, Зейсс-Инкварт заявил, что Польшей следует управлять таким образом, чтобы эксплуатировать ее экономические ресурсы в пользу Германии. Зейсс-Инкварт также выступал за преследование евреев и был информирован о введении в действие акции АБ, в результате чего было убито большое число представителей польской интеллигенции.

Будучи имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам, Зейсс-Инкварт был безжалостен в применении террора для подавления всяческой оппозиции германской оккупации согласно программе, которую он сам описал, как «уничтожение» своих противников. В сотрудничестве с высшими местными руководителями СС и полиции он был замешан в расстрелах заложников за преступления, совершенные против оккупационных властей, и в отправке в концентрационные лагеря всех лиц, подозреваемых в противодействии оккупационной политике, в том числе священников и педагогов. Многих сотрудников голландской полиции принуждали принимать участие в этой программе под угрозой репрессий против их семей. Голландские суды также принуждались к участию в проведении этой программы, но когда они выразили свое нежелание выносить приговоры о тюремном заключении, потому что очень часто заключенных фактически убивали, большее значение было придано использованию полицейских судов.

Зейсс-Инкварт осуществлял управление экономикой Нидерландов, не обращая внимания на правила Гаагской конвенции, которую он называл устаревшей. Вместо этого он проводил политику, направленную

- на максимальное использование экономического потенциала Нидерландов, мало обращая внимания на то, как это отражалось на населении. Было широко распространено разграбление общественной и частной собственности, причем этому была придана видимость законности' указаниями Зейсс-Инкарта, которому помогали своими манипуляциями

- финансовые учреждения Нидерландов, находившиеся под его контролем.

Став имперским уполномоченным по Нидерландам, - Зейсс-Инкварт сразу же начал отправку принудительно набранных рабочих в Германию. До 1942 года работа в Германии теоретически была добровольной, но фактически имело место принуждение путем сильного экономического и административного нажима. В 1942 году Зейсс-Инкварт оформил декретом принудительный труд и прибегал к помощи полиции безопасности и' СД для предотвращения уклонений от выполнения этого приказа. За период оккупации свыше 500 000 человек были высланы из Нидерландов в империю в качестве рабочей силы, и только очень небольшая часть из них фактически отправилась добровольно.

Одним из первых шагов Зейсс-Инкарта в качестве имперского уполномоченного по Нидерландам было введение в силу ряда законов, утверждавших экономическую дискриминацию евреев. Это сопровождалось рядом декретов, требовавших регистрации евреев, декретов,

заставлявших их жить в гетто и носить «звезду Давида», декретов о самовольных арестах и направлении евреев в концентрационные лагеря и, наконец, по предложению Гейдриха, о массовой депортации около 120000 голландцев и 140000 евреев в Освенцим и об «окончательном разрешении» еврейского вопроса. Зейсс-Инкварт признает, что он знал о том, что они направлялись в Освенцим, но он заявляет, что он слышал от людей, побывавших в Освенциме, о том, что евреев там содержали сравнительно хорошо и что он считал, что их держали там с целью переселения после войны. В свете доказательств и в связи с его официальным положением невозможно поверить этому утверждению.

Зейсс-Инкварт утверждает, что он не несет ответственности за многие преступления, совершенные при оккупации Нидерландов, потому что они либо совершались 'согласно приказам из империи армией, которая не находилась под его контролем, либо германским высшим руководителем СС и полицией, который, согласно его заявлению, отчитывался непосредственно перед Гиммлером. Правда, за некоторые из эксцессов отвечают армия и высший руководитель СС и полиции, который, хотя находился в распоряжении Зейсс-Инкарта, мог всегда докладывать непосредственно Гиммлеру. Правильно также и то, что в некоторых случаях Зейсс-Инкварт выступал против крайних мер, к которым прибегали эти организации, как, например, в том случае, когда ему удалось весьма успешно предотвратить проведение армией политики «выжженной земли» и убедить высших руководителей СС и полиции уменьшить число подлежащих расстрелу заложников. Но остается фактом, что Зейсс-Инкварт был осведомленным и добровольным участником в военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены во время оккупации Нидерландов.

Заключение

Трибунал признает Зейсс-Инкарта виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного заключения и невиновным по разделу первому.

ШПЕЕР

Шпеер обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Шпеер вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1934 году он был назначен архитектором Гитлера и стал близким ему человеком и доверенным лицом. Вскоре после этого он был назначен начальником отдела в Германском «трудовом фронте» и официальным главой отдела по вопросам капитального строительства в аппарате заместителя фюрера. Эти посты он занимал до 1941 года. 15 февраля 1942 года, после смерти Фрица Тодта, Шпеер был назначен главой организации Тодта и имперским министром вооружения и боеприпасов (после 2 сентября 1943 года — министром вооружения и военной промышленности). В дополнение к этим должностям в марте, а затем в апреле 1942 года он был соответственно назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения и членом центрального управления по планированию; обе эти должности входили в систему четырехлетнего плана. Шпеер был депутатом рейхстага с 1941 года до конца войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназначенный для этой цели. Он возглавит промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства, представленные по делу Шпеера по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения, относятся исключительно к его участию в проведении программы рабского труда. Сам Шпеер не несет непосредственной административной ответственности за осуществление этой программы. Хотя он высказывался за назначение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, потому что он хотел создания единого центрального руководства, с которым он мог бы иметь дело по вопросам рабочей силы, он лично не добился права административного контроля над деятельностью Заукеля. Заукель был назначен непосредственно Гитлером декретом от 21 марта 1942 года, который предусматривал непосредственную ответственность Заукеля перед Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и, наконец, с 1 августа 1944 года вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности и распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер придерживался мнения, что управление имело право давать указания Заукелю о поставках рабочей силы для тех отраслей промышленности, которые оно контролировало, и ему удалось добиться проведения своей точки зрения в жизнь вопреки возражениям Заукеля. Была установлена практика, согласно которой Шпеер передавал Заукелю заявки на общее число необходимых ему рабочих, а Заукель набирал рабочую силу и распределял ее между различными отраслями промышленности в соответствии с инструкциями», которые он получал от Шпеера.

Шпеер направляя заявки Заукелю, знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по принуждению. Он

принимал участие в 'совещаниях, на которых обсуждались вопросы расширения программы рабского труда с тем, чтобы удовлетворить его нужды. Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 года вместе с Гитлером и Заукелем, на которых было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том 'случае, когда это' было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 года, на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу, хотя Заукель указывал, что он может сделать это лишь с помощью Гимmlера.

Заукель постоянно информировал Шпеера и его представителей о том, что иностранные рабочие набираются принудительным порядком. На совещании 1 марта 1944 года заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны были быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10—12 августа 1942 года Заукелю было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября месяца 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 года Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и категорически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих.

Шпеер утверждал на суде, что он выступал за реорганизацию программы использования рабского труда с тем, чтобы обратить большее внимание на использование немецких рабочих в военной промышленности Германии и на использование рабочих на оккупированных территориях в местной промышленности по производству предметов широкого потребления, которые прежде производились в Германии. Шпеер предпринял шаги в этом направлении, создав на оккупированных территориях так называемые предприятия закрытого типа, которые использовались для производства изделий, предназначенных для отправки в Германию. Лица, работавшие на этих предприятиях, не подлежали отправке в Германию на рабский труд, и всякий рабочий, получивший приказ отправиться в Германию, мог избежать депортации, если он поступал на работу на предприятия закрытого типа.

Эта система, хотя она несколько менее бесчеловечна, чем угон в Германию, все же является незаконной. Система предприятий закрытого типа играла лишь незначительную роль во всей системе программы рабского труда; хотя Шпеер и настаивал на ее проведении в дополнение к программе рабского труда, будучи осведомлен о способах, которыми она проводилась в жизнь, официально он был основным потребителем рабочей силы и постоянно требовал расширения этой программы.

Шпеер был также непосредственно причастен к использованию принудительного труда в качестве главы организации Тодта. Организация Тодта действовала преимущественно в оккупированных районах и ведала такими объектами, как Атлантический вал и строительство военных

автострад, и Шпеер признал, что он использовал ресурсы принудительно набранной рабочей силы для комплектования этой организации рабочими. Он также использовал заключенных из концлагерей на предприятиях, находившихся под его контролем. Первоначально он предполагал использовать этот источник рабочей силы на небольших фабриках, удаленных от центров, однако позже, опасаясь задеть ведомственное самолюбие Гимmlера, он старался как можно реже прибегать к использованию рабочей силы из концентрационных лагерей.

Шпеер также был причастен к использованию военнопленных в промышленности вооружения; однако он утверждает, что он использовал советских военнопленных лишь на предприятиях, предусмотренных Женевской конвенцией.

Шпеер занимал такое положение, что он не был непосредственно причастен к жестокостям, имевшим место при проведении программы рабского труда, хотя он и знал о том, что они имели место. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 г. Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые заявляли, что они были больны, на самом деле были симулянтами, заявил: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные меры и направляют увеличивающихся от работы в концентрационные лагеря».

Однако Шпеер настаивал на том, чтобы угнанные рабочие получали достаточное питание и необходимые условия работы с тем, чтобы они могли работать эффективно.

В качестве смягчающего вину обстоятельства следует признать, что создание Шпеером института предприятий закрытого типа дало возможность многим рабочим остаться дома, на родине, и что на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение производственных мощностей как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Он также противодействовал гитлеровской политике «выжженной земли» путем преднамеренного саботирования ее, подвергаясь при этом значительному риску.

Заключение

Трибунал признает Шпеера невиновным по разделам первому и второму и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фон НЕЙРАТ

Фон Нейрат обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он — профессиональный дипломат, находившийся на посту германского посла в Великобритании с 1930 по 1932 г., 2 июня 1932 года он был назначен на пост министра иностранных дел в кабинете фон Папена; этот пост он сохранил за собой в кабинетах фон Шлейхера и

Гитлера. Фон Нейрат ушел в отставку с поста министра иностранных дел 4 февраля 1938 года и был назначен имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. 18 марта 1939 года он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и оставался на этом посту до 27 сентября 1941 года. Формально он являлся обергруппенфюрером СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве министра иностранных дел фон Нейрат давал советы Гитлеру в отношении ухода с конференции по разоружению и из Лиги наций 14 октября 1933 года, о возобновлении вооружения, об издании 16 марта 1935 года закона о всеобщей воинской повинности и секретного закона о защите империи 21 мая 1935 года. Он был одной из главных фигур при переговорах о заключении морского соглашения между Германией и Англией 18 июня 1935 года. Он играл большую роль при принятии Гитлером решения о реокупации Рейнской зоны 7 марта 1936 года и предсказал, что оккупация может быть осуществлена без противодействия со стороны Франции. 18 мая 1936 года он сообщил американскому послу во Франции, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы ничего не делать в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская зона не будет освоена», и что как только укрепления в Рейнской зоне будут воздвигнуты и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет вторгнуться в Германию, когда ей это вздумается, «все эти страны начнут вести совершенно иную внешнюю политику и создадутся новые коалиции».

Фон Нейрат принимал участие в «совещании Госсбаха» 5 ноября 1947 года. Он показал, что высказывания Гитлера произвели на него такое впечатление, что с ним случился сердечный приступ. Вскоре после этого он подал в отставку, и его отставка была принята 4 февраля 1938 года, в то же самое время, когда были смещены фон Фрич и фон Бломберг. Несмотря на то, что он знал об агрессивных планах Гитлера, он сохранял формальные связи с нацистским режимом, будучи имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. Он руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии, заверял британского посла, что эта оккупация не явилась следствием германского ультиматума, и информировал чехословацкого посла, что Германия намеревается соблюдать соглашение об арбитраже с Чехословакией. Фон Нейрат принимал участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому пакту, но заявляет, что он принял участие в этих переговорах лишь для того, чтобы убедить Гитлера приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Фон Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии. 18 марта 1939 года Богемия и Моравия были оккупированы вооруженными силами. Соглашение Гаха, полученное под принуждением, не мо-

жет быть рассмотрено как момент, оправдывающий оккупацию. В декрете Гитлера от 16 марта 1939 года, в котором он объявлял об учреждении протектората, говорилось, что эта новая территория «впредь принадлежит к территории Германской империи», что предполагало, что Чехословацкая республика прекратила свое существование.

Но это предположение также основывалось на концепции, заключавшейся в том, что Богемия и Моравия сохраняют свой суверенитет при том условии, что этим не будут затронуты интересы Германии, требующие дальнейшего сохранения протектората. Вследствие этого, даже если полагать, что доктрина покорения может быть применена в отношении территорий, оккупированных в результате агрессии, Трибунал не считает, что этот декрет в действительности означал присоединение этих областей, которое было достаточным для применения этой доктрины. Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны. Хотя Чехословакия не была участником Гаагской конвенции 1907 года, правила ведения сухопутной войны, установленные этой конвенцией, фиксировали существовавшие меры международного права и с того времени они вступили в силу.

В качестве имперского протектора фон Нейрат учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Нацистская антисемитская политика и антисемитские законы были также введены в действие. Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и деловом мире.

В августе 1939 года фон Нейрат издал воззвание, содержащее предупреждение относительно диверсионных актов, и заявил, что ответственность за все диверсионные акты будет возлагаться не только на отдельных исполнителей, но и на все чешское население. Когда началась война, 1 сентября 1939 года 8000 известных чешских деятелей были арестованы полицией безопасности в Богемии и Моравии и помещены в превентивное заключение. Многие из этой группы умерли в концентрационных лагерях в результате жестокого обращения. В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов, 1200 студентов были брошены в тюрьмы и 9 руководителей демонстрации были расстреляны полицией безопасности и СД.

Фон Нейрат показал, что он не был заранее информирован об этом приказе, но последний был объявлен в обращении за подписью Нейрата и плакаты с этим обращением были расклеены по всему протекторату, хотя, как он утверждает, это было сделано без его ведома.

31 августа 1939 года фон Нейрат направил Ламмерсу подготовленный им меморандум по вопросам, связанным с будущностью протектората, и одобренный им меморандум по тому же вопросу, подготовленный Карлом Германом Франком. Оба рассматривали вопрос о германизации и высказывали мнение, что большинство чехов может быть ассимилировано в расовом отношении германской нацией.

Оба защищали необходимость ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые могли бы в будущем оказать сопротивление германизации, причем фон Нейрат предлагал выслать их, а Франк — выслать или подвергнуть «специальному обращению».

Фон Нейрат утверждал, что фактическое применение репрессивных мер осуществлялось и полицией безопасности и СД, которые находились под контролем его статс-секретаря Карла Германа Франка, назначенного на этот пост по предложению Гиммлера. Как высший руководитель СС и полиции, Франк докладывал обо всем непосредственно Гиммлеру.

Далее фон Нейрат заявил, что антисемитские мероприятия и мероприятия, имевшие своим следствием экономическую эксплуатацию, проводились в протекторате в результате политики, продиктованной империей. Как бы то ни было, он являлся высшим германским должностным лицом в протекторате в то время, когда управление этой территорией играло важнейшую роль в агрессивных войнах, которые Германия вела на Востоке, причем он знал, что военные преступления и преступления против человечности совершались его именем.

Смягчающим вину обстоятельством должно быть признано то, что он вмешался в действия полиции безопасности и СД, требуя освобождения большого количества чехословаков, арестованных 1 сентября 1939 года, и освобождения студентов, арестованных в конце осени того же года. 23 сентября 1941 года его вызвал Гитлер и сообщил, что он слишком либерален и что Гейдрих направляется в протекторат для борьбы с чехословацкими группами сопротивления. Фон Нейрат пытался отговорить Гитлера от назначения Гейдриха, и когда ему это не удалось, он подал в отставку. Когда его отставка не была принята, он уехал в отпуск—27 сентября 1941 года и с этого дня отказался выполнять обязанности протектора.

Его отставка формально была принята в августе 1943 года.

Заключение

Трибунал признает фон Нейрата виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ФРИЧЕ

Фриче обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он был более всего известен как радиокорментатор, выступавший еженедельно с обзором текущих событий в своей собственной передаче «Ганс Фриче говорит». Он начал выступать по радио с сентября 1932 года; в том же году он был назначен руководителем отдела известий по радио, представлявшего собой государственное имперское агентство. Когда 1 мая 1933 года это агентство было включено национал-социалистами в имперское министерство народного просвещения и пропаганды, Фриче стал членом нацистской партии и перешел в вышеупомянутое министерство. В декабре 1938 года он стал возглавлять отдел внутренней прессы этого министерства;

в октябре 1942 года он получил чин министра-директора. Прослужив недолгое время на восточном фронте в роте пропаганды, он в ноябре 1942 года был назначен главой отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченным по политической организации германского радиовещания.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве главы отдела внутренней прессы Фриче возглавил всю германскую прессу, насчитывавшую 2300 ежедневных газет. В его обязанности на этом посту входило проведение ежедневных пресс-конференций для передачи этим газетам директив министерства пропаганды. Однако он подчинялся Дитриху, руководителю имперской прессы, который, в свою очередь, подчинялся Геббельсу. Именно Дитрих получал от Геббельса и других имперских министров директивы, предназначенные для прессы, излагал их в виде инструкций и затем передавал Фриче для информации прессы.

Время от времени «ежедневные информации главы имперской прессы», как кратко назывался этот инструктаж, давали указания прессе осветить в газетах вопросы, как, например, о принципе фюрерства, еврейскую проблему, проблему «жизненного пространства» и другие основные вопросы нацистской идеологии. Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания. В то время, когда Фриче возглавлял отдел внутренней прессы, он инструктировал представителей печати по поводу того, каким образом следует интерпретировать в печати операции и войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза. Фриче не осуществлял никакого контроля над формулированием этой политики пропаганды, он являлся лишь передатчиком в прессу тех инструкций, которые ему давал Дитрих. Так, например, в феврале 1939 года и перед присоединением Богемии и Моравии он получил от Дитриха приказ обратить внимание печати на попытки Словакии добиться автономии, на антигерманскую ориентацию и политику существовавшего в то время пражского правительства. Этот приказ Дитриха исходил из министерства иностранных дел.

Отдел радиовещания, который Фриче возглавил в ноябре 1942 года, был одним из 12 отделов министерства пропаганды. В первое время Дитрих и другие начальники отделов оказывали влияние на политику, проводившуюся по радиовещанию. Однако к концу войны Фриче стал единственным лицом в министерстве, ведавшим радиовещанием. В качестве такового он составлял и издавал ежедневные «информации» по радиовещанию для всех имперских управлений пропаганды; эти «информации» составлялись в соответствии с общим политическим курсом нацистского режима, на основании указаний отдела политического контроля над радиовещанием министерства иностранных дел и подлежали лишь личному контролю Геббельса.

Фриче вместе с другими чиновниками министерства пропаганды присутствовал на ежедневных совещаниях у Геббельса. На этих совещаниях они получали указания по вопросам текущих событий и линии пропаганды. После 1943 года Фриче сам иногда проводил эти совещания, но делал это лишь в тех случаях, когда Геббельс и его заместители

отсутствовали. Но даже в подобных случаях его единственная задача заключалась в передаче директив Геббельса, которые сообщались ему по телефону.

Таковы краткие данные относительно положения Фриче и того влияния, которым он пользовался в третьей империи. Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне; в действительности, согласно его собственным показаниям, которые не были опровергнуты, он даже никогда не разговаривал с Гитлером. Не имеется также никаких доказательств, свидетельствующих о том, что его информировали о решениях, принимаемых на этих совещаниях. Его деятельность не может быть отнесена по своему характеру к деятельности, которая подходит под определение общего плана для ведения агрессивной войны, как уже было оказано в настоящем приговоре.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Обвинение утверждает, что Фриче подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели его к совершению зверств, указанных в разделах третьем и четвертом. Однако его положение и официальная должность не были достаточно значительными для того, чтобы можно было притти к заключению, что он принимал участие в организации или разработке планов пропагандистских кампаний.

Выдержки из его речей, представленные в качестве доказательства, с определенностью указывают на антисемитизм в его речах. Он заявлял по радио, например, что война была вызвана евреями и что их судьба оказалась «такой неприглядной, как это предсказывал фюрер». Однако эти речи не призывали к преследованию или истреблению евреев. Нет доказательств того, что ему было известно об истреблении евреев на Востоке. Более того, имеющиеся доказательства показывают, что он дважды пытался добиться запрещения издания антисемитской газеты «Дер Штюрмер», что ему, однако, не удалось.

В своих передачах по радио Фриче иногда распространял ложную информацию, однако не было доказано, что он знал о ее недостоверности. Например, он сообщил, что в районе местонахождения «Атении» в то время, когда судно было потоплено, не находилось ни одной немецкой подводной лодки. Эта информация не соответствовала действительности, однако у Фриче, получившего ее от германского военно-морского флота, не было оснований считать ее ложной.

Есть данные, что Фриче иногда во время своих выступлений по радио делал решительные заявления, носившие пропагандистский характер. Однако Трибунал не намерен считать, что они были направлены к тому, чтобы побудить немецкий народ к совершению зверств над побежденными народами, и поэтому Фриче не может быть признан участником тех преступлений, в которых он обвиняется. Он скорее ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным силам.

Заключение

Трибунал признает Фриче невиновным в преступлениях, предъявленных ему Обвинительным заключением, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после окончания настоящего заседания Трибунала.

БОРМАН

Борман обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в национал-социалистскую партию в 1925 году. С 1928 по 1930 год он являлся членом штаба высшего руководства СА и с 1933 по 1945 год возглавлял фонд помощи партии и был рейхслеитером. С 1933 по 1941 год он являлся начальником штаба в управлении заместителя фюрера, а после отлета Гесса в Англию 12 мая 1941 года он стал главой партийной канцелярии, 12 апреля 1943 года стал секретарем фюрера. Он политически и организационно руководил фольксштурмом и был генералом СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Борман вначале не был видным нацистом, постепенно достиг власти и, особенно в последние дни, достиг большого влияния на Гитлера. Он принимал активное участие в приходе партии к власти и, особенно, в укреплении гитлеровской власти. Он уделял много времени преследованию церкви и евреев в Германии.

Нет доказательств того, что Борман знал о планах Гитлера по подготовке, развязыванию или ведению агрессивных войн. Он не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, где Гитлер последовательно развивал свои планы агрессии. И нельзя предполагать, что то положение, которое он занимал, давало ему возможность быть осведомленным об этих планах. И только тогда, когда он стал главой партийной канцелярии в 1941 году и позднее, в 1943 году, секретарем фюрера, он стал присутствовать на многих совещаниях, проводившихся Гитлером, куда он получил нужный для этого доступ благодаря занимаемому им положению. Согласно уже изложенной точке зрения, которой решил придерживаться Трибунал в отношении заговора для ведения агрессивной войны, представленных доказательств недостаточно для того, чтобы признать Бормана виновным по первому разделу Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Борман, согласно декрету от 29 мая 1941 года, принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 года эти полномочия были расширены, и он получил право контроля над всеми законами и директивами, издававшимися Гитлером. Таким образом, он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 года все гау были преобразованы в районы имперской обороны,

и гаулейтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего гражданского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий.

Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения. Своим приказом от 12 августа 1942 года он подчинил все партийные агентства делу выполнения проводившейся Гиммлером программы принудительного переселения и германизации населения оккупированных стран. Через три недели после вторжения в Советский Союз он присутствовал на совещании 16 июля 1941 года в полевом штабе Гитлера, где также присутствовали Геринг, Розенберг и Кейтель; согласно отчету Бормана, там обсуждались и разрабатывались подробные планы порабощения и уничтожения населения этих территорий. 8 мая 1942 года он совещался с Гитлером и Розенбергом по вопросу о принудительном переселении голландцев в Латвию, а также о проведении в Советском Союзе программы уничтожения и об экономической эксплуатации восточных территорий. Он был заинтересован в конфискации предметов искусства и другой собственности на Востоке. В письме от 11 января 1944 года он призывал к созданию огромной организации по вывозу товаров с оккупированных территорий для германского населения, пострадавшего от бомбардировок.

Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но также и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 000 евреев из Вены в Польшу, в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 года, который распространял Нюрнбергские законы на аннексированные восточные территории. В приказе от 9 октября 1942 года он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории Великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 года он подписал указ, лишивший евреев защиты судов и передававший их исключительно в ведение гиммлеровского гестапо.

Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда, питание их и расквартирование. В своем циркуляре от 5 мая 1943 года по корпусу руководителей, разосланном до ортсгруппенлейтеров включительно, он дал инструкции об обращении с иностранными рабочими, указывая на то, что по вопросам безопасности они находились в ведении СС, и приказывал прекратить существовавшее до этого жестокое обращение с ними. Отчет от 4 сентября 1942 года в отношении вывоза 500000 женщин для работы в частных хозяйствах с Востока в Германию показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейслайтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу.

Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 года он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 года он дал указание гаулейтерам докладывать о случаях мяг-

кого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 года он приказал крейслейтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 20 января 1943 года он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКХ, в которых разрешались применение огнестрельного оружия и телесное наказание провинившихся военнопленных в нарушение правил ведения войны на суше. 30 февраля 1944 года он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гимmlера и СС.

Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков. 30 мая 1944 года он запретил полиции предпринимать какие-либо меры или возбуждать уголовное преследование против лиц, которые принимали участие в линчеваний союзных летчиков. Это сопровождалось' пропагандистской кампанией Геббельса, подстрекавшей немецкий народ к действиям подобного рода. Борман также присутствовал на сорешании 6 июня 1944 года, где обсуждались положения о применении линчевания.

Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать к статье 12 Устава, которая дает право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал, как это уже отмечалось ранее, решил судить его заочно. Если Борман жив и будет арестован впоследствии, 'Контрольный Совет Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным.

Заключение

Трибунал не признает Бормана виновным по первому разделу, но признает его виновным по третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании статьи 27 Устава Международный Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

- 1) Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение,
- 2) Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению,
- 3) Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение,
- 4) Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение,

- 5) ЭрмстаКальтенбруннера — к смертной казни через повешение,
- 6) Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение,
- 7) Ганса Франка — к смертной казни через повешение,
- 8) Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение,
- 9) Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение,
- 10) Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению,
- 11) Карла Деница—к тюремному заключению сроком на десять лет,
- 12) Эриха Редера—к пожизненному тюремному заключению,
- 13) Бальдура фон Шираха—к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
- 14) ФрицаЗаукеля — к смертной казни через повешение,
- 15) АльфредаИодля — к смертной казни через повешение,
- 16) Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение,
- 17) АльбертаШпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
- 18) Константина фон Нейрата—к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет,
- 19) Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала: Их заместители:

От Великобритании — ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ	
<i>ДЖЕФРИ ЛОРЕНС</i>	<i>НОРМАМ БИРКЕТТ</i>
От Союза Советских Социалистических Республик	
<i>ИОНА НИКИТЧЕНКО</i>	<i>АЛЕКСАНДР ВОЛЧКОВ</i>
От Соединенных Штатов Америки	
<i>ФРЭНСИС БИДДЛ</i>	<i>ДЖОН ПАРКЕР</i>
От Французской Республики	
<i>ДОННЕДЬЕ ДЕ ВАБР</i>	<i>РОБЕРТ ФАЛЬКО</i>

Нюрнберг, 1 октября 1946 года.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ СССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ И. Т. НИКИТЧЕНКО НА ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ ШАХТА, ФОН ПАПЕНА, ФРИЧЕ И ГЕССА И ОБВИНЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Трибунал принял решение:

- а) об оправдании подсудимых Гельмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;
- б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса и
- в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах.

I. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ШАХТА

Доказательства, представленные Трибуналу в отношении подсудимого Шахта, подтверждают следующие факты:

а) Шахт установил контакт с Герингом с декабря 1930 года и с Гитлером с начала 1931 года. Затем он установил контакт между руководством нацистской партии и крупнейшими представителями германского промышленного и финансового мира. Это, в частности, подтверждается показаниями свидетеля Зеверинга. (Стенограмма вечернего заседания 21 мая 1946 года и документ США-615.)

б) В июле 1932 года Шахт потребовал от Папена, чтобы тот уступил пост рейхсканцлера Гитлеру. Этот факт подтверждается показаниями Папена во время предварительного допроса и показаниями Шахта на суде. (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года.)

в) В ноябре 1932 года Шахт собирал подписи германских промышленников, побуждая их выступить за назначение Гитлера рейхсканцлером. 12 ноября 1932 года Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что развитие нами событий может привести только к вашему назначению рейхсканцлером. Мы стремимся собрать большое число подписей

в промышленных кругах, чтобы обеспечить ваше назначение на этот пост». (Документы ЕС-456, США-773, 3901-ПС, США-837.)

г) В феврале 1933 года Шахт организовал финансирование предвыборной кампании, проводившейся нацистской партией, потребовал на совещании Гитлера и Геринга с промышленниками, чтобы последние предоставили для этого 3 млн. марок (документ Д-203). Шахт признал на суде, что он указал на необходимость предоставления этой суммы нацистским руководителям (стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 года), а подсудимый Функ и бывший член правления «И. Г. Фарбен-индустри» Шницлер, участвовавшие в этом совещании, подтвердили, что именно Шахт являлся инициатором финансирования предвыборной кампании. (Стенограмма заседания 4 июля 1946 года и документ ЕС-439, США-618.)

д) Используя свой престиж, Шахт, как он сам признал, в своих неоднократных публичных выступлениях призывал оказывать поддержку нацистской партии и Гитлеру «а выборах. (Документы США-615, США-616, стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года.)

29 августа 1932 года Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела бы меня в близком будущем, даже если вы меня когда-нибудь увидите в крепости, вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника». (Документ ЕС-457, США-619.)

Таким образом. Шахт сознательно и преднамеренно поддерживал нацистскую партию и активно содействовал захвату фашистами власти в Германии.

Еще до назначения на пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики Шахт сразу же после захвата нацистами власти возглавил руководство по планированию и созданию германских вооружений:

а) 17 марта 1933 года Шахт был назначен президентом Рейхсбанка (документ 3021-ПС, США-11), который, как он сам заявил в речи перед сотрудниками рейхсбанка 21 марта 1938 года, не был под его руководством «иным учреждением, нежели национал-социалистским». (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 года.);

б) в августе 1934 года Шахт был назначен имперским министром экономики. (Документ 3021-ПС, США-11.) Его министерство «получило задание проводить экономическую подготовку к войне». (Документ ПС-128, США-623.) Специальным декретом Шахту как министру экономики были предоставлены неограниченные полномочия в области экономики. («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, стр. 565.);

в) используя полученные полномочия. Шахт приступил в 1934 году к осуществлению разработанного им «нового плана» («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, стр. 826), который, как отметил сам Шахт в своей речи 29 ноября 1938 года, сыграл колоссальную роль в деле вооружения Германии. (Документ ЕС-611, США-622.);

г) в целях наиболее эффективного проведения «нового плана» Шахт использовал средства политических противников нацистского режима, которые явились жертвой террора или же были вынуждены эмигрировать. (Меморандум Шахта Гитлеру от 3 мая 1939 года—документ 1168-ПС, США-137.)

Шахт прибегал к мошенническим операциям и принуждению «в целях приобретения сырья и иностранной валюты для вооружения». (Письменные показания вице-президента Рейхсбанка Пуля—документ ЕС-437, США-624.);

д) с первых же дней после своего прихода в рейхсбанк Шахт издал серию декретов (от 27 октября 1934 года, 19 февраля 1935 года), позволивших в дальнейшем осуществить широкую программу финансирования вооружения, которая и'м была разработана и с помощью которой, как он показал, он «нашел путь для финансирования вооружения».

В своей речи в Лейпциге 1 марта 1935 года Шахт, подводя итоги своей предшествующей экономической и финансовой деятельности, заявил: «...все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера, и я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 года,- стр. 1—2.)

Став генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, Шахт объединил в своих руках руководство всей германской экономикой, и его усилиями было обеспечено создание гитлеровской военной машины:

а) В секретном законе от 21 мая 1935 года, которым Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, указывалось: «Задача генерального уполномоченного по вопросам военной экономики заключается в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войны». «Генеральному уполномоченному по вопросам военной экономики в пределах его компетенции предоставляется право издавать правовые распоряжения, которые могут отступать от действующих законов». «Он ответственно возглавляет финансирование войны и по линии имперского министерства и Рейхсбанка. (Документ 2261-ПС, США-24.)

б) Шахт финансировал вооружения с помощью системы векселей «МЕФО», являвшейся не имеющей прецедента мошеннической авантюрой в государственном масштабе, благоприятный исход которой зависел от реализации агрессивных планов гитлеровской Германии. Именно поэтому Шахт указал на 1942 год как на срок покрытия векселей «МЕФО» и отметил в речи 29 ноября 1938 года связь между «смелой кредитной политикой» Рейхсбанка и целями гитлеровской внешней политики. (Документ ЕС-611.)

в) Полностью используя свои полномочия. Шахт тщательно разработал и проводил в жизнь широкий план экономической мобилизации, позволявшей гитлеровским руководителям в любой момент, который они сочтут благоприятным, развязать агрессивную войну. В частности, из доклада заместителя Шахта Вольгата «Подготовка к мобилизации, проводимая уполномоченным по вопросам военной экономики» явствует, что Шахт предусмотрел до мельчайших подробностей систему эксплуатации германской экономики в военное время, начиная с использования промышленных предприятий, сырьевых ресурсов и рабочей силы и кончая распределением 80 млн. продуктовых карточек. (Документ ЕС-258, США-625.) Показательно, что этот доклад был составлен месяц спустя после выступления Гитлера на совещании 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер изложил конкретные планы агрессии. (Документ 386-ПС, США-25.)

Резюмируя проделанную работу, Шахт писал в январе 1937 года: «Я занимался подготовкой в военном отношении в соответствии с тем

принципом, что наша военная экономическая организация должна быть построена таким образом в мирное время,... чтобы не было необходимости в каких-либо преобразованиях в случае развязывания войны». Шахт подтвердил это заявление на суде. (Стенограмма заседания 2 мая 1946 года.)

Шахт сознательно и преднамеренно готовил Германию к войне.

г) Бывший военный министр фон Бломберг показал: «Шахт знал очень хорошо о планах развития и увеличения германских вооруженных сил, так как ему постоянно сообщали... обо всем финансировании германских вооруженных сил». (Документ США-838.)

31 августа 1936 года фон Бломберг сообщил Шахту, что «создание всех авиационных частей должно быть закончено к 1 апреля 1937 года[^] поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты...»

Весной 1937 года Шахт принимал участие в военной игре в Годесберге. (Документ ЕС-174.)

д) В меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. под названием «финансирование вооружений» Шахт писал: «Быстрое выполнение программы вооружения в массовых масштабах представляет собой основу германской полтики, и поэтому все остальное должно быть подчинено именно этой задаче; завершение этой задачи, достижение этой цели не должно иметь никаких препятствий...» (Документ 1168-ПС, США-37.)

В своей речи 29 ноября 1938 года Шахт заявил, что политика рейхе - банка позволила Германии 'создать «непревзойденную машину, а эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение цели нашей политики». (Документ ЕС-611, США-622.)

Следует совершенно исключить предположение, что Шахт не был осведомлен, — какой политике должны служить эти вооружения, учитывая их беспрецедентные масштабы и явное предпочтение наступательным видам вооружения (тяжелые танки, бомбардировщики и т. п.). Помимо этого. Шахт прекрасно видел, что ни одна страна не собирается воевать с Германией и не имеет к этому причин:

а) Шахт использовал растущую под его руководством германскую военную мощь как предпосылку для того, чтобы выдвигать территориальные требования, которые возрастали пропорционально увеличению вооружений.

Шахт показал на суде, что «сначала ограничивался (в своих требованиях) колониями, ранее принадлежавшими Германии». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 года.)

В сентябре 1934 года Шахт в беседе с американским послом Доддом указал, что «желает аннексий, если возможно без войны, и с войной, если США будут держаться в стороне». (Документ ЕС-461, США-58.)

В 1935 году Шахт заявил американскому консулу Фуллеру: «Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы их приобретем путем переговоров, если нет, мы их захватим». (Документ ЕС-450, США-629.)

Шахт показал на суде, что оказание военного давления на Чехословакию было «в некотором отношении результатом, плодом его работы». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 года.)

б) Шахт лично участвовал в разграблении частной и государственной собственности стран, явившихся жертвой гитлеровских агрессий.

В протоколе совещания военно-экономического штаба 11 марта 1938 года, в котором участвовал Шахт, сказано, что собравшимся были

сообщены последние директивы Гитлера о вторжении в Австрию. Далее в протоколе говорится: «После этого по предложению Шахта было решено, что... все финансовые расчеты будут производиться в рейхсмарках по курсу: 2 шиллинга за одну рейхсмарку». (Документ ЕС-421, США-645.)

Шахт признал на суде, что лично руководил захватом чехословацкого национального банка после того, как Чехословакия была оккупирована. (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 года.)

в) В начале 1940 года Шахт предложил Гитлеру свои услуги для ведения переговоров в Соединенных Штатах Америки о прекращении помощи Англии, о чем он сообщил Герингу. (Документ 3700-ПС, США-780.)

г) Шахт считал своим долгом публично приветствовать и поздравлять Гитлера после подписания им перемирия с Францией, хотя захватническая сущность этого перемирия была ясна Шахту в большей степени, чем кому-либо другому. (Немецкий документальный фильм — документ США-635.)

д) В письме к Функу от 17 октября 1941 года Шахт высказал предложение о более эффективной эксплуатации оккупированной территории. И в данном случае Шахт действовал по собственной инициативе. (Документ ЕС-504, США-830.)

Шахт принимал участие в преследовании евреев:

а) Шахт показал на суде, что он «в принципе продолжал политику преследования евреев». (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года), хотя, как заявил Шахт, в этом «в некоторой степени» был замешан вопрос совести, что, однако, «не было настолько серьезным, чтобы вызвать разрыв» между ним и фашистами. (Та же стенограмма и документ США-616.)

б) Шахтом в качестве министра экономики был подписан ряд декретов, в соответствии с которыми имущество евреев в Германии было подвергнуто безнаказанному разграблению. (Документ США-832 и США-616.) Шахт подтвердил на суде, что им был подписан ряд антисемитских декретов. (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года.)

О причинах ухода Шахта с поста министра экономики и генерального уполномоченного военной экономики в ноябре 1937 года, а также с поста президента Рейхсбанка 20 января 1939 года и с поста министра без портфеля в январе 1943 года предъявленные суду доказательства устанавливают следующее:

а) Этой причиной не является несогласие Шахта с экономической подготовкой к агрессивным войнам.

За три недели до своего ухода из министерства экономики и с поста генерального уполномоченного военной экономики Шахт писал Герингу:

«...я также не считаю, что мое мнение может расходиться с вашей экономической политикой...» (Документ 497-ЕС, США-775.)

В ответном письме Геринга говорится: «...Вы обещали мне вашу поддержку и сотрудничество... Вы много раз повторяли это обещание, даже после того, как между нами возникли первые разногласия во мнениях». (Документ ЕС-493, США-642.)

Шахт показал на суде, что между ним и Герингом существовало «расхождение в ведении дел». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 года.)

Во время предварительного допроса Геринг показал, что уход Шахта из Рейхсбанка «не имел никакого отношения к программе перевооружения». (Документ США-648.)

Вице-президент Рейхсбанка Пуль подтвердил, что уход Шахта из Рейхсбанка объясняется «желанием выпутаться из опасного положения», которое создалось у Шахта в результате проведения им мошеннических финансовых операций». (Документ ЕС-438, США-646.);

б) Этой причиной не является несогласие Шахта с массовым террором, осуществлявшимися гитлеровцами.

Свидетель защиты Гизевиус показал, что он постоянно информировал Шахта о преступной деятельности гестапо, которая была создана Герингом, и тем не менее вплоть до конца 1936 года Шахт «искал поддержку Геринга». (Стенограмма утреннего заседания 26 апреля 1946 года.)

В письме к фон Бломбергу от 24 декабря 1935 года Шахт предлагал, чтобы гестапо применяло «более осторожные методы», так как открытый террор гестапо «мешает цели, которая заключается в вооружении». (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года.)

30 января 1937 года Шахт был награжден Гитлером золотым партийным значком. (Документ ЕС-500 и стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года, стр 44.) Как говорилось об этом в германском официальном издании, «он смог помогать ей (партии) гораздо лучше, чем если бы он был официальным членом партии». (Документ ЕС-460, США-617.)

Только в 1943 году Шахт, поняв ранее, чем многие другие немцы, неизбежность краха гитлеровского режима, установил связь с оппозиционными кругами, ничего, однако, не сделав для свержения этого режима. Не случайно поэтому Гитлер, узнав об этих связях, сохранил Шахту жизнь.

Таким образом, бесспорно установлено:

1. Шахт активно содействовал захвату власти нацистами;
2. Шахт на протяжении 12 лет тесно сотрудничал с Гитлером;
3. Шахт обеспечил экономическую и финансовую базу для создания гитлеровской военной машины;
4. Шахт подготовил экономику Германии для ведения агрессивных войн;
5. Шахт принимал участие в преследовании евреев и в разграблении оккупированных немцами территорий.

Следовательно, доказана руководящая роль Шахта в подготовке и осуществлении общего преступного плана.

Решение об оправдании Шахта находится в явном противоречии с имеющимися доказательствами.

II. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФОН ПАПЕНА

В приговоре не оспаривается то обстоятельство, что фон Папен предложил Гитлеру путь на пост рейхсканцлера и активно способствовал захвату власти нацистами.

Сам Папен в речи, произнесенной 2 ноября 1933 года, по этому поводу заявил:

«Так же, как став канцлером (это было в 1932 году), я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие: милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя». (Документ 3375-ПС.)

Папен отменил декрет Брюнинга о роспуске СС и СА и тем самым предоставил нацистам возможность осуществлять массовый террор. (Документ Д-631.)

Подсудимый путем применения грубой силы устранил социал-демократическое правительство Брауна-Зеверинга. (Показания Зеверинга, стенограмма вечернего заседания 21 мая 1946 года, стр. 11.)

4 января 1933 года Папен совещался с Гитлером, Гессом и Гиммлером. (Документ Д-632.)

Папен принял участие в чистке государственного аппарата от всех «неблагонадежных», с точки зрения нацистов, чиновников, по дпи с а л 21 марта 1933 года декрет о создании судов по политическим делам, подписал декрет об амнистии всех лиц, совершивших уголовные преступления в ходе «национальной революции», участвовал в разработке декрета «об обеспечении единства партии и государства» и т. д.

В последующем Папен преданно служил гитлеровскому режиму.

После путча 1934 года Папен приказал своему сотруднику Чирскому явиться в гестапо, заведомо зная, какая участь его ожидает. (Документ Д-684.) Папен способствовал тому, что кровавая расправа была сохранена в тайне от общественного мнения. (Документы Д-717 и Д-718.)

Подсудимый сыграл огромную роль в реализации гитлеровских планов по захвату Австрии.

Спустя три недели после убийства Дольфуса 26 июля 1934 года Гитлер сообщил Папену о назначении его посланником в Вену, специально отметив в письме: «Вы обладали и' продолжаете обладать моим полным и неограниченным доверием». (Документ 2789-ПС.)

В этой связи нельзя игнорировать показания американского посла Мессерсмита о высказываниях Палена по поводу того, что «захват контроля над Австрией является первым шагом» и что он, Папен, находится в Австрии для того, чтобы «ослабить австрийское правительство». (Документ США-57.)

Подсудимый был основным советником Гитлера в реализации планов захвата Австрии. Именно он предлагал различные тактические приемы, которые должны были, с одной стороны, усыпить бдительность мирового общественного мнения, а с другой — дать возможность Германии завершить военные приготовления.

Это с бесспорностью вытекает из заявления Папена австрийскому министру Бергер-Вальденеку (документ 1760-ПС), доклада гаулейтера Рейнера от 6 июля 1939 года (документ США-61), доклада Папена Гитлеру от 21 августа 1936 года (документ Д-706), доклада Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 года (документ 2296-ПС, США-67) и ряда других документов, представленных в качестве доказательств.

Папен вел эту игру до тех пор, пока не был отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к вторжению в Австрию. (Документ США-69.) Он принял участие в созыве совещания Гитлера с Шушнимгом 12 февраля 1938 года. (Документ США-69.)

Папен в письме Гитлеру настоятельно рекомендовал оказать финансовую поддержку австрийской нацистской организации «Союз свободы», особенно «в связи с продолжением ее борьбы против еврейства». (Документ 2830-ПС.)

Неоспоримым является факт захвата нацистами Австрии, и бесспорным является участие Папена в осуществлении этого акта агрессии. После захвата Австрии Гитлер наградил Папена золотым значком нацистской партии. (Документ Д-632.)

При оценке деятельности Папена на посту германского посла в Турции нельзя не принять во внимание провокационную деятельность Папена как дипломата.

В то время пост посла в Турции имел большое значение для осуществления гитлеровских планов агрессии.

Официальный нацистский биограф писал о Папене:

«•Вскоре (после захвата Австрии) фюреру снова понадобились его (Папена) услуги, и 18 апреля 1939 года он назначил фон Папена германским послом в Анкаре». (Документ Д-632.)

Следует отметить, что за свою деятельность в Турции Папен был награжден Гитлером «рыцарским крестом» за «боевые заслуги». (Документ Д-632.)

Таким образом, имеющиеся доказательства бесспорно устанавливают:

1. Папен весьма активно способствовал захвату власти нацистами.
2. Папен использовал все свои силы и связи для установления и укрепления гитлеровского террористического режима в Германии.
3. Папен принимал активное участие в осуществлении агрессивных планов гитлеровцев по захвату Австрии.
4. Папен верно служил Гитлеру до самого конца, используя свои силы и дипломатическую изворотливость для осуществления нацистских агрессивных планов.

Следовательно, на подсудимого фон Папена ложится весьма большая доля ответственности за преступления гитлеровского режима.

По этим мотивам я не могу согласиться с оправдательным приговором в отношении подсудимого фон Папена.

III. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

Оправдательный приговор в отношении подсудимого Ганса Фриче исходит из того, что Фриче якобы не достиг в фашистской Германии служебного положения, делающего его ответственным за преступления гитлеровского режима, а его непосредственная деятельность не является преступной. Он характеризуется в приговоре как второстепенная фигура, осуществлявшая директивы Геббельса, Риббентропа и имперского руководителя прессы Дитриха.

При этом упускается из виду, что именно Фриче был тем человеком, который до 1942 года практически осуществлял руководство имперской

прессой, а с 1942 года стал, по его собственному выражению, «главнокомандующим германским радио». (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 года.)

Для правильного уяснения роли подсудимого Ганса Фриче необходимо исходить из того, что служба пропаганды вообще и в особенности служба радиопропаганды всегда расценивались Гитлером и его ближайшими сподвижниками (например, Герингом) как один из важнейших и основных факторов ведения агрессивной войны.

В гитлеровской Германии пропаганда неизменно являлась весьма важным орудием подготовки и проведения актов агрессии и воспитания послушных исполнителей преступных планов германского фашизма.

Этим целям служил очень большой, строго централизованный пропагандистский аппарат. С помощью полицейской системы и цензуры

•были полностью упразднены свобода печати и слова.

Основным средством пропагандистской деятельности гитлеровцев являлось ложное освещение фактов. Это весьма откровенно высказано Гитлером в «Майн кампф»: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай». (Документ США-276, стр. 302.)

Распространение провокационных измышлений и систематический обман общественного мнения были необходимы гитлеровскому режиму для осуществления его замыслов в такой же степени, как производство вооружения и разработка военных планов. Без пропаганды, основанной на полном упразднении свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы претворить в жизнь планы агрессии, подготовить и осуществить массовые военные преступления и преступления против человечности.

В пропагандистской системе гитлеровского государства наиболее важными элементами являлись ежедневная печать и радио.

В показаниях на суде, определяя три фактора, обуславливающие возможность успешного ведения войны, подсудимый Геринг выделял:

1) собственно военные усилия вооруженных сил, 2) экономическую войну и 3) пропаганду, причем говорил: «Пропаганда имеет очень большое значение, в особенности пропаганда, которая ведется по радио..., и Германия по опыту это знает лучше, чем кто-либо другой». (Стенограмма вечернего заседания 15 марта 1946 года, стр. 56.)

При таком положении нельзя предположить, что высшее имперское руководство считало возможным поставить второстепенного человека на пост руководителя радиослужбы, осуществлявшего надзор за работой всех радиовещательных компаний и оперативное руководство пропагандистской деятельностью этих компаний.

Подобная точка зрения противоречит представленным доказательствам и фактическому положению вещей.

Начиная с 1942 года по 1945 год, Фриче был не только главой отдела радио в имперском министерстве пропаганды, но и «уполномоченным по политической организации радио великой Германии». Это обстоятельство вполне доказано письменными показаниями самого Фриче, данными под присягой. (Документ 3469-ПС, США-721.) Таким образом, Фриче являлся отнюдь не просто «одним из начальников двенадцати отделов министерства пропаганды», который только к концу войны приобрел

роль лица, ответственного за имперское радиовещание, как это утверждает приговор.

Политическое руководство немецким радио оставалось за Фриче до 1945 года, т. е. до момента разгрома и капитуляции фашистской Германии. Поэтому Фриче несет ответственность за лживую и провокационную деятельность германского радио в годы войны.

В качестве главы отдела прессы страны Фриче возглавил всю германскую прессу, включавшую 2300 газет, выходящих ежедневно. Он создал и значительно усовершенствовал отдел информации, добившись с этой целью от имперского руководства десятикратного увеличения денежных субсидий, предоставляемых газетам нацистским правительством — с четырехсот тысяч до четырех миллионов марок. В последующем Фриче принял энергичное участие в развертывании пропагандистских кампаний, подготовлявших акты агрессии против Чехословакии и Польши. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 года.) Столь же активная пропагандистская деятельность, подготовлявшая акты агрессии, была развернута Фриче перед нападением на Югославию, что также признано самим подсудимым в показаниях, данных под присягой. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 года.)

Перед нападением на Советский Союз Фриче на совещании у Розенберга был предвременно осведомлен о планах военного вторжения. (Документ 1039-ПС, США-146—письменный отчет Розенберга Гитлеру по поводу подготовительной разработки восточно-европейских вопросов.)

Фриче возглавил кампанию германской прессы по лживому освещению агрессивной войны Германии против Франции, Англии, Норвегии, Советского Союза, США и других государств.

Не соответствует действительности утверждение о том, что Фриче не был осведомлен о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершавшихся гитлеровцами в оккупированных районах. Из показаний Фриче на суде видно, что уже в мае 1942 года, в бытность его в отделе пропаганды 6-й армии, он был ознакомлен с приказом Гитлера об убийствах советских политических работников и интеллигенции, так называемым «приказом о комиссарах». (Стенограмма вечернего заседания 28 июня 1946 года.) Также установлено, что еще в начале войны Фриче был осведомлен об осуществлявшемся немецким фашизмом уничтожении евреев в Европе. Так, комментируя слова Гитлера: «результатом войны явится уничтожение еврейской расы в Европе» (стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 года, стр. 38), Фриче заявил:

«Судьба еврейства в Европе оказалась весьма печальной, как это и предсказывал фюрер на случай войны в Европе». (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 года, стр. 25.) Установлено, что подсудимый систематически пропагандировал человеконенавистническую расовую теорию, характеризуя народы, населявшие страны, сделавшиеся жертвами агрессии, как «недочеловеков». (Стенограмма утреннего заседания 28 июня 1946 года, стр. 83, вечернего—стр. 1—2.)

В тот период, когда судьба фашистской Германии была уже предопределена, Фриче выступил с энергичной поддержкой подсудимого Мартина Бормана и других, наиболее фанатичных гитлеровцев, организовавших подпольную террористическую организацию фашистской партии, так называемый «Вервольф».

Так, 7 апреля 1945 года Фриче в своем последнем выступлении по радио проводил агитацию за активное участие гражданского населения Германии в этой подпольной террористической организации гитлеровцев.

От заявил: «Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население и даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье. Если без подготовки и без организации из самого инстинкта жизни возникло это исключительное явление, — мы сегодня назовем его «Вервольф». (Документ СССР-496.)

В своих выступлениях по радио Фриче приветствовал применение Германией новых террористических методов ведения войны, в частности применение ракетных снарядов «фау». Получив предложение о введении в действие средств биологической войны, он немедленно направил его для реализации в ОКВ. (Документ СССР-484, доказательства, предъявленные на вечернем заседании 28 июня 1946 года.)

Считаю виновность Фриче полностью доказанной. Его деятельность имела весьма существенное значение в подготовке и проведении агрессивных войн и других преступлений гитлеровского режима.

IV. О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОМУ РУДОЛЬФУ ГЕССУ

Приговор Суда дает правильную и полную характеристику того особого положения, которое занимал в системе руководства гитлеровской партии и государства подсудимый Рудольф Гесс.

Он действительно был «ближайшим доверенным лицом Гитлера».

Гессу были предоставлены исключительно большие полномочия.

В этой связи достаточно указать на декрет Гитлера о назначении Гесса своим заместителем. Там было сказано: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». (Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 года.)

Но компетенция Гесса отнюдь не ограничивалась вопросами партийного руководства.

В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник на 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает далеко идущими полномочиями в области государства.

Этими полномочиями являются:

во-первых, участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, утверждает концепцию партии...;

во-вторых, заместитель фюрера одобряет предполагаемые назначения официальных лиц и лидеров трудовой службы;

в-третьих, он обеспечивает влияние партии на самостоятельные правительства объединенных провинций». (Документ США-255, 3163-ПС.)

Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера. Совершенные им преступления против мира достаточно полно отражены в приговоре суда. Последним из этих преступлений следует считать миссию, принятую на себя Гессом при отлете в Англию, рассчитанную

на то, чтобы облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного примирения с Англией.

Неудача этой миссии привела к изоляции Гесса, и он не принимал непосредственного участия в планировании и совершении последующих преступлений гитлеризма.

Однако не подлежит сомнению то, что Гесс сделал все зависящее от него для подготовки этих преступлений.

Гесс наряду с Гиммлером выступил в роли создателя тех эсэсовско-полицейских организаций германского фашизма, которые впоследствии осуществили наиболее жестокие преступления против человечности.

Подсудимый прямо указывал на «особые задачи», которые должны быть выполнены эсэсовскими формированиями на оккупированных территориях.

При создании войск СС (Ваффен СС) Гесс издал через партийную канцелярию специальный приказ, в котором обязывал органы гитлеровской партии всемерно содействовать набору в эти войска членов партии. Он следующим образом формулировал тогда задачи, стоящие перед Ваффен СС:

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке в отношении проблем расы и национальности, более удобны, чем другие вооруженные соединения, для специальных задач, которые должны разрешаться на оккупированных восточных территориях». (Документ ВБ-267, 3245-ПС.)

Еще в 1934 году подсудимый выступил в качестве инициатора предложения, чтобы так называемая «СД при рейхсфюрере СС» (служба безопасности) приобрела исключительные полномочия, став главенствующей силой в фашистской Германии'.

9 июня 1934 года Гессом был издан декрет, согласно которому «СД при рейхсфюрере СС» была объявлена «единственной организацией службы политической информации и защиты партии». (Документ ВБ-257.)

Таким образом, подсудимый принимал непосредственное участие в создании и укреплении системы специальных полицейских органов, подготовляемых для совершения преступлений на оккупированных территориях.

Гесс всегда выступал как последовательный сторонник человеконенавистнической теории «высшей расы».

В речи, произнесенной еще 16 января 1937 года, он, говоря о воспитании немецкого народа, указывал: «Они должны быть воспитаны таким образом, чтобы ставить немцев выше людей других наций, независимо от их социального положения или происхождения». (Документ ВБ-253, 3124-ПС.)

Гессом был подписан так называемый «Закон о защите крови и чести» от 15 сентября 1935 года. (Документ США-200, 3179-ПС.) В тексте этого закона было указано, что «заместителю фюрера поручается издать необходимые декреты и постановления» для практического проведения в жизнь «нюрнбергских законов».

14 ноября 1935 года Гессом был издан указ согласно закону об имперском гражданстве, по которому евреи лишались права голосовать

при выборах и занимать общественные посты. (Документ ВБ-258, 1417-ПС.)

20 мая 1938 года декретом за подписью Гесса действие «нюрнбергских законов» было распространено на Австрию. (Документ ВБ-259, 2124-ПС.)

12 октября 1939 года Гессом был подписан декрет «об учреждении администрации польских оккупированных территорий». («Рейхсгезетц-блатт» № 210, 1939 год, стр. 2077.) Статьей 2 этого декрета подсудимому франку был предоставлен в Польше права диктатора.

Имеются веские доказательства ТОi-о, что подсудимый не ограничился этим общим распоряжением, введившим на территориях оккупированной Польши режим произвола. Как видно из письма имперского министра юстиции к начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 года, Гесс явился инициатором создания особых «уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных восточных территориях. Роль подсудимого в создании этих «законов» характеризуется министром юстиции следующим образом:

«В соответствии с мнением заместителя фюрера, я исходил из той точки зрения, что поляк менее чувствителен к обычному тюремному заключению...» Согласно этим новым видам наказания «заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть принуждены к тяжелейшему труду...». «Введение телесного наказания, которое заместитель фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим видом наказания...». «Судопроизводство, включавшее предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно невыносимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинительное заключение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или привлекаться на стороне обвинения». «С самого начала имелось намерение, в случае нужды, увеличить «особые условия». Когда эта нужда через некоторое время стала явной, был издан... дополнительный указ, на который имелась ссылка в письме от заместителя фюрера». (Документ ВБ-268, P-96.)

Таким образом, не подлежит сомнению, что Гесс наряду с другими главными военными преступниками виновен в совершении преступлений против человечности.

Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем в гитлеровской Германии, что он играл решающую роль в преступлениях фашистского режима, я считаю единственно правильной мерой наказания для него — смертную казнь.

V. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ

Комитет обвинителей поставил перед Трибуналом вопрос о признании преступной организацией правительственного кабинета фашистской Германии. Приговор необоснованно отвергает предложение обвинителей, не признавая гитлеровское правительство преступной организацией.

С этим решением я согласиться не могу.

Трибунал признал установленным, что гитлеровцами совершены бесчисленные и чудовищные преступления.

Трибунал признал установленным, что эти преступления, как правило, совершались преднамеренно и организовано, по заранее разработанным планам и директивам («План Барбаросса» и др.).

Трибунал признал преступными несколько массовых организаций гитлеровского режима, которые были созданы гитлеровцами для выполнения их планов.

При этих условиях представляется тем более необоснованным и принципиально неправильным отказ в признании преступной организацией гитлеровского правительства, которое являлось руководящим штабом, принимавшим прямое участие в разработке этих преступных планов. Члены этого штаба были наделены большой властью, руководили соответствующими ведомствами, каждое из которых по своей линии участвовало в составлении и претворении в жизнь этих планов.

В подтверждение уместно привести несколько фактов.

Немедленно после захвата фашистами власти—24 марта 1933 года был издан закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, было предоставлено право законодательства.

26 мая 1933 года имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, а 14 июня того же года конфискует собственность социал-демократических организаций. 1 декабря 1933 года имперское правительство публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается в учреждение, не имеющее реального значения. (Стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 года, стр. 23—25.)

Законом от 7 апреля 1933 года и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 года «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого НСДАП». (Документ защиты № 28, стр. 59.)

1 мая 1934 года создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности. (Документ 2078-ПС.)

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключаются в тюрьмы.

Для подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда и предъявления какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Были изданы так называемые «нюрнбергские законы» против евреев. Члены имперского правительства — Гесс и Фрик издали дополнительные декреты в развитие этих законов.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимым материальный ущерб и неизмеримые страдания народам.

4 февраля 1938 года Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах определив его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет». («Рейхсгезетц-блатт», 1938 год, часть 1, стр. 112, документ 2031-ПС.) Внешняя политика гитлеровского правительства была политикой агрессии. Поэтому члены тайного совета должны быть признаны ответственными за эту политику.

На процессе были попытки представить тайный совет как фиктивный, никогда практически не функционировавший. Однако с этим согласиться нельзя. Достаточно вспомнить письмо Розенберга к Гитлеру, в котором Розенберг настойчиво добивается назначения в качестве члена тайного совета министров, чтобы оценить значение этого совета.

Еще большее значение в практической подготовке агрессивных войн имел имперский совет обороны, возглавлявшийся Герингом. Членами совета обороны, как известно, являлись: Гесс, Фрик, Функ, Кейтель, Редер, Ламмерс. (Документы 2194-ПС, 2018-ПС.)

Значение совета обороны и его роль в подготовке войн были охарактеризованы Герингом на заседании от 23 июня 1939 г.: «Совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне». (Документ 3787-ПС, США-782.)

Тогда же Геринг подчеркнул, что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Из представленных обвинением протоколов заседаний имперского совета обороны видно, что совет действительно принимал очень важные решения. Из этих протоколов также видно, что в обсуждении мероприятий по подготовке к войне, наряду с членами совета обороны, участвовали и другие министры.

Так, например, на заседании 23 июня 1939 года приняли участие министры: труда, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, путей сообщения и другие, а протокол заседания был разослан всем министрам. (Документ США-782.)

Приговор Трибунала справедливо отмечает некоторые особенности гитлеровского правительства, как руководящего государственного органа: отсутствие регулярных заседаний кабинета, издание в некоторых случаях законов отдельными министрами, пользовавшимися необычной самостоятельностью, огромная личная власть Гитлера. Эти особенности, однако, не опровергают, а лишь подтверждают вывод, что гитлеровское правительство — не обычное правительство, а преступная организация.

Конечно, Гитлер обладал весьма значительной личной властью, но это ни в коей мере не снимает ответственности с правительственного кабинета, члены которого были убежденными приверженцами Гитлера, наиболее приближенными к нему руководящими лицами, практически

осуществлявшими и одобрявшими все его мероприятия, пока не пришлось за них отвечать.

Я считаю, что имелись все основания признать гитлеровское правительство преступной организацией.

VI. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ И ОКВ

-В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил (ОКВ).

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии, наряду с партийно-эсэсовским аппаратом, являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и чужденонравственных планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном издании «Политика и офицер III империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют:

«два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии и вооруженных сил находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга». (Документ 4060-ПС, США-928, стр. 4).

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генштаба и ОКВ.

Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись, прежде всего, сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Не случайно во главе верховного командования военно-воздушными силами стоял «второй человек» фашистского «рейха» — Геринг; верховное командование военно-морских сил возглавлял Дениц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписав-

шого большую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах. В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет готовить одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими тяжчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода.

В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без военного руководства этой сотни высших офицеров вооруженных сил агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы чисто академическими и бесплодными...». И далее:

«Мир должен знать, что многие из этих людей надругались над солдатской присягой. Теперь, когда это нужно для их защиты, они заявляют, что они должны были повиноваться, и когда становится ясным, что зверские преступления Гитлера были общеизвестны среди них, они говорят, что они не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом мы должны сказать».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий, — не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ, как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества, и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. Руководящие представители генерального штаба и ОКВ, наряду с узким кругом высших гитлеровских чиновников, привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии, не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще не мог бы разрешать эти вопросы. В большинстве случаев их мнение было решающим. Невозможно представить себе, как могли осуществляться

агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие им мотивы именно от руководящих представителей военного командования

Так, например, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 года на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности». (Документ Л-79.)

Задолго до момента захвата Чехословакии, в директиве от 30 мая 1938 года, Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности». (Документ 388-ПС.)

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 года, Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать, как врага, и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно». (Документ 1746-ПС.)

Готовя нападение на СССР, Гитлер привлек представителей генштаба и ОКВ к разработке связанных с этим планов и директив отнюдь не как простых военных специалистов.

В «указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОК.В в июне 1941 года, указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза». (Документ СССР-477.)

Уже 13 Мая 1941 года ОК.В предписал войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства». (Документ С-50.)

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В «постановлении об особой подсудности в районе «Барбаросса» ОКВ, подготавливая нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных 'судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и 'солдатам.

Там говорилось, в частности:

«Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов...», «заподозренные элементы

должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны...», «категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду». Там же предусматривались «самые крайние меры», в частности «массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии. Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...».

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 года говорилось:

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». (Документ Р-98.)

ОКВ 23 июля 1941 года, обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что: «Не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер, командующие должны находить средства для содержания в порядке своих районов безопасности». (Документ 459-ПС.)

В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 года говорилось:

«Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху...». (Документ СССР-16.)

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни к военнопленным служили проступки, которые, согласно международным конвенциям, вообще не могли влечь за собой применения наказания (например, побег из лагеря).

В другом приказе «Мрак и тумана» говорилось:

«За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обуславливают незнание населения о судьбе виновных». (Документ Л-90, США-224, стенограмма, вечернего заседания 25 января 1946 года.)

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этих приказов. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов «командос». Суду представлен оригинал этого приказа. (Документ 498-ПС, США-591.) Входившие в отряды «командос» солдаты и офицеры

союзных армий согласно этому при-казу должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1944 года Рундштедт—главнокомандующий немецкими войсками на Западе, докладывал, что приказ Гитлера «об обращении с группами «командос» противника до настоящего времени выполняется». (Документ 531-ПС, США-550.)

3. Верховное командование наряду с СС и полицией ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 года, предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника III Управления РСХА и одновременно начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа и начальника VI Управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний 01<B, между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СД, — «эйнзатцгрупп», придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатцгруппы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«... в наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с -командующим танковой группой генерал-полковником Гоппнером». (Документ Л-180.)

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях, как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызывали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие этих директив еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала фон Рейхенау:

«Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал: «Таким образом, солдат должен иметь полное понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков — евреев». (Документ США-556.)

В качестве примера можно также сослаться на приказ фельдмаршала фон Манштейна, адресованный солдатам. В этом приказе, исходя из «политических целей войны», фельдмаршал цинично призывал солдат вести ее, нарушая «установленные правила ведения войны в Европе». (Документ США-927.)

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

* *
*

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала.

Член Международного Военного Трибунала от СССР

Генерал-майор юстиции *И. Т. НИКИТЧЕНКО*

1 октября 1943 года

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

РЕШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА ПО ХОДАТАЙСТВУ ОСУЖДЕННЫХ О ПОМИЛОВАНИИ

9 и 10 октября 1946 года в Берлине состоялось 42-е чрезвычайное заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кениг. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни¹ и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

I. Контрольный Совет, действуя во исполнение положений Лондонского соглашения и устава от 8 августа 1945 года и своей директивы № 35, рассмотрел все просьбы о помиловании, представленные ему обвиняемыми, осужденными Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 года, и их защитниками.

II. Просьбы о помиловании были представлены от имени Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Функа, Деница, Редера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварт, фон Нейрата, а также от имени следующих организаций, объявленных преступными по приговору Международного Военного Трибунала, а именно: СС, гестапо, СД и руководящего состава нацистской партии.

III. Просьбы о помиловании не были представлены Кальтенбруннером, фон Ширахом и Шпеером.

IV. Просьбы о помиловании Геринга, Штрейхера, Франка и фон Нейрата были представлены их защитниками без согласия на то или полномочий со стороны подзащитных; тем не менее Контрольный Совет рассмотрел по существу эти просьбы о помиловании наравне со всеми другими.

V. Действуя на основании вышеизложенного, Контрольный Совет решил:

1) что ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный Совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного Военного Трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) что ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный Совет может осуществлять только право помилования по уже принятым приговорам, но не увеличивать меру наказания¹;

3) отклонить просьбы о помиловании, представленные Герингом, Гессом, Риббентропом, Кейтелем, Розенбергом, Франком, Фриком,

¹ Подсудимый Редер просил заменить ему пожизненное заключение расстрелом.
Составители.

Штрейхером, Заукелем, Иодлем, Зейсс-Инквартом, Функом, Деницем и фон Нейратом;

4) отклонить ходатайства Геринга, Иодля и Кейтеля, поданные ими па случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни' через повешение — расстрелом;

5) что просьба о помиловании, представленная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право представить такую просьбу в течение четырех дней после его ареста, когда таковой будет иметь место.

VI. В конце заседания Маршал Соколовский как советский представитель сделал следующее заявление 'Контрольному Совету:

«Л'Международный Военный Трибунал в Нюрнберге заслушал дело, имеющее совершенно исключительное значение. Трибуналом рассмотрено дело о преступной агрессии, вовлекшей человечество в катастрофу мировой войны, о военных преступлениях, беспрецедентных по масштабам и жестокости, и об организованных гитлеровским государством убийствах миллионов мирных граждан.

Как член Контрольного Совета я должен констатировать, что Трибунал, в течение 10 месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные Трибуналом главные военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им Трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена Трибунала от СССР генерала Никитченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания также для осуждения Шахта, Папена и Фриче и применения смертной казни в отношении Гесса и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

Во время разбора дела на суде было ясно установлено, что Папен и Шахт активно помогали Гитлеру прийти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вел отравляющую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению человек в гитлеровской Германии, ответственен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору Трибунала и особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном Совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного Военного Трибунала, так и особого мнения члена Международного Военного Трибунала от СССР» (ТАСС).

43-е ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

10 октября 1946 года в Берлине состоялось очередное 43-е заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский,

генерал Макнерни и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

Контрольный Совет утвердил и подписал закон № 37 об административных судах, который будет опубликован 15 октября.

Контрольный Совет подтвердил, что приведение в исполнение смертных приговоров лицам, приговоренным к смертной казни Международным Военным Трибуналом, состоится 16 октября 1946 года. При казни будут присутствовать члены четырехсторонней комиссии, назначенные для этой цели, а также по два представителя прессы от каждой из оккупируемых держав и один официальный фотограф (ТАСС).

КАЗНЬ ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

СООБЩЕНИЕ ЧЕТЫРЕХДЕРЖАВНОЙ КОМИССИИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам:

Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Иодлю, Артуру Зекс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

*Четырехдержавная комиссия
по заключению главных военных преступников*

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупируемых Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут.

ЛЕТОПИСЬ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

1. 8 августа 1945 г. В Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции было подписано соглашение об организации Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и утвержден Устав этого Трибунала.

2. Для соби́рания доказательств и поддержания обвинения был создан Комитет обвинителей в составе Главных обвинителей: от СССР — Р. А. Руденко, от США — Р. Джексона, от Великобритании—Х. Шоукросса и от Франции—де Ментона¹.

3. 18 октября 1945 г. В Берлине состоялось заседание Международного Военного Трибунала, на котором от Комитета обвинителей был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Лейтнера, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Густава Круппа, Функа, Деница, Редера, Зейсс-Инкварта, Иодля, Заукеля, Шираха, Нейрата, Шпеера, Палена, Фриче и Бормана, а также о признании преступными организациями руководящего состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ и генерального штаба, СА, СС, СД и гестапо².

4. 20 ноября 1945 г. В Нюрнберге, в здании Дворца юстиции, состоялось первое открытое заседание Международного Военного Трибунала. Судебное заседание открылось вступительным словом председательствующего — лорда Лоренса. Был оглашен обвинительный акт.

5. 21 ноября 1945 г. Председательствующий опросил всех подсудимых, которые на вопрос: «Признают ли они себя виновными?», ответили отрицательно. Главный обвинитель от США Джексон произнес вступительную **речь**.

6. 22 ноября 1945 г. Представитель американского обвинения полковник Стори доложил Трибуналу порядок представления доказательств американским обвинением и представил доказательства подлинности немецких трофейных документов. Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении подсудимого Штрейхера. Оглашение решения Трибунала о признании Штрейхера вменяемым. Американские обвинители начали представление доказательств по разделу обвинения: «Общий план, или заговор».

7. 23 ноября 1945 г. Американские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Экономическая подготовка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война». Оглашение решения Трибунала о порядке представления документальных доказательств и заявления ходатайств.

8. 26—28 ноября 1945 г. Продолжение представления доказательств американским обвинителем Олдерманом по разделу обвинения: «Агрессивная война».

9. 29 ноября 1945 г. Американский обвинитель Олдерман представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Австрии». В качестве доказательства демонстрировался документальный фильм «Нацистские концентрационные лагеря».

10. 1 декабря 1945 г. Оглашение решения Трибунала о признании подсудимого Гесса вменяемым.

11. 4 декабря 1945 г. Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс произнес вступительную **речь**.

¹ В ходе процесса Главный обвинитель от Франции де Ментон был заменен французским правительством Шампетье де Рибом.

² 25 октября 1945 г. Лей в тюрьме покончил жизнь самоубийством. В отношении Круппа Трибунал 15 ноября 1945 г. вынес постановление о приостановлении дела в связи с болезнью обвиняемого.

^ ,,,... 12. 5 декабря 1945 г. Заместитель главного обвинителя от Великобритании Файф представил доказательства по разделу обвинения: «Общие договоры».

13. 6 декабря 1945 г. Английский обвинитель представил документы, относящиеся к обвинению в агрессии против Польши, Великобритании и Франции.

14. 7 декабря 1945 г. Английские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Вторжение в Данию и Норвегию», «Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга». Американский обвинитель Олдерман выступил по разделу обвинения: «Агрессия против СССР».

15. 10 декабря 1945 г. Выступление американского обвинителя Олдермана по разделу обвинения: «Германское сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США».

16. 11 декабря 1945 г. Демонстрация в качестве документального доказательства фильма «Нацистский план».

17. 11—13 декабря 1945 г. Американские обвинители представляли документальные доказательства по разделам обвинения: «Нацистская политика рабского труда» и «Гитлеровские концентрационные лагеря».

18. 17—20 декабря 1945 г.¹ Представление обвинением документальных доказательств преступности организаций гитлеровского режима: «Руководящий состав НСДАП», «Имперское правительство», «СА», «СС». «Гестапо» и «СД».

19. 3 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Отто Олендорфа представителями обвинения—полковником Эйменом (США) и полковником Ю. В. Покровским (СССР). Олендорф признал, что руководимая им эйнзатцгруппа «Д» уничтожила на оккупированной территории СССР свыше 90 тысяч мирных жителей. Перекрестный допрос Олендорфа адвокатами. Допрос Олендорфа членом Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майором И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Фрэнсисом Бидлом и Председателем Трибунала Джефри Лоренсом.

20. 4 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Вальтера Шелленберга американским обвинителем, а также членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко. Представление обвинением документальных доказательств преступности гитлеровского генерального штаба а ОК.В.

21. 7 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Бах-Зелевского представителем обвинения от СССР полковником Ю. В. Покровским.

22. 8 января 1946 г. Выступление представителя обвинения от Великобритании майора Элвина Джонса на тему «Агрессия как база нацистской идеологии» и представление им в качестве доказательства книги Гитлера «Майн кампф».

23. 8—10 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Геринга, Риббентропа, Розенберга, Франка, Штрейхера.

24. 11 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шахта и Функа. Допрос представителями обвинения от СССР, США и Франции свидетеля Франца Блага — бывшего узника гитлеровского концентрационного лагеря в Дахау.

25. 14—16 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Деница, Редера, Шираха, Бормана, Зейсс-Инкварт, Фрика.

26. 17 января 1946 г. Главный обвинитель от Франции де Ментон произнес вступительную речь. Представитель французского обвинения представил доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление».

27. 18—19 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представлял доказательства по разделам обвинения: «Принудительный труд при оккупации Франции», «Экономическое разграбление Дании, Норвегии и Нидерландов», а также индивидуальной ответственности подсудимого Заукеля,

28. 23 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Фриче, Папена и Нейрата. Председательствующий огласил решение Трибунала о принятии в качестве доказательства письменных показаний банкира фон Шредера.

29. 24 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представил доказательства по разделу обвинения: «Нарушение законов и обычаев войны».

30. 25 января 1946 г. Допрос свидетеля Мориса Лампа Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Допрос в качестве свидетеля Мари Вайян-Кутюрье о злодеяниях в гитлеровских концентрационных лагерях.

¹ С 20 декабря 1945 г. до 2 января 1946 г. судебных заседаний не было в связи с объявлением рождественских каникул.

31. 29 января 1946 г. Допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко свидетеля Франсуа Буа — очевидца массового истребления советских военнопленных.

32. 31 января 1946 г. Представление французским обвинителем доказательств по¹ разделу обвинения: «Террористические действия против патриотов».

33. 1 февраля 1946 г. Выступление представителя обвинения от Франции на тему: «Юридическая квалификация преступлений».

34. 6—7 февраля 1946 г. Выступление французского обвинителя на тему: «Определение понятия преступного заговора». Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шпеера, Кейтеля, Йодля и Гесса.

35. 8 февраля 1946 г. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко произнес вступительную речь. Представитель обвинения от СССР полковник Д. С. Карев доложил Трибуналу порядок представления доказательств советским обвинением.

36. 8—11 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии Польши и Югославии».

37. 11 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем доказательств по разделу: «Агрессия против СССР». Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допрашивал в качестве свидетеля бывшего фельдмаршала германской армии Паулюса.

38. 12 февраля 1946 г. Перекрестный допрос Паулюса защитой, членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим. Допрос советским обвинителем свидетеля Бушенгагена — бывшего генерала гитлеровской армии.

39. 13—14 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

40. 14—18 февраля 1946 г.¹ Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления 'против мирного населения».

41. 19 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем Л. Н. Смирновым вещественных доказательств (мыла, изготовленного из человеческого жира, изделий из человеческой кожи) и демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства защиты о назначении перерыва в судебных заседаниях.

42. 20 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Р. Шейнин представил доказательства по разделу обвинения: «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».

43. 21 февраля 1946 г. Советский обвинитель М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». Демонстрация в качестве доказательства документального фильма «Разрушение произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР».

44. 22 февраля 1946 г. Советский обвинитель М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение сел и городов». Демонстрация в качестве доказательств документальных фильмов о разрушении Лидице в Чехословакии и разрушениях, произведенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР. Допрос советским обвинителем М. Ю. Рагвнским свидетеля академика И. А. Орбели.

45. 22 февраля 1946 г. Представление советским обвинением доказательств по разделу обвинения: «Угон в рабство».

46. 23 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых ходатайств защиты о вызове свидетелей и приобщении ряда документов.

47. 25 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против ходатайства защитника Риббентропа о вызове некоторых свидетелей.

48. 25—27 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против человечности».

49. 26 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским свидетелей Григорьева и Кивелиша.

50. 27 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым свидетелей Суцкевера, Ройзмана и протоиерея Ломакина. Представление обвинением некоторых дополнительных документов, относящихся к разделу обвинения: «Экономическая сторона заговора».

¹ 16 и 17 февраля судебных заседаний не было.

51. 28 февраля 1946 г. Выступления Главных обвинителей по вопросу о рассмотрении дела в отношении преступных организаций.

52. 2 марта 1946 г. Повторное выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по вопросу о преступных организациях.

53. 4 марта 1946 г. Оглашение представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым некоторых пунктов официального отчета английского правительства, касающегося расстрела 50 английских летчиков.

54. 5 марта 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства всех подсудимых о выделении дела в отношении преступных организаций гитлеровского режима в отдельное производство и удовлетворении ходатайства адвоката Бергольда о рассмотрении дела в отношении Бормана после рассмотрения дела всех других подсудимых.

55. 6—7 марта 1946 г. Трибунал заслушал заключения обвинителей по ходатайствам защитников подсудимых об истребовании документов и вызове свидетелей.

56. 8 марта 1946 г. Защита начала представление доказательств.

57. 11 марта 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Мильха—бывшего фельдмаршала гитлеровской армии Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

58. 12 марта 1946 г. Перекрестный допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко и Главным обвинителем от США Р. Джексонем «свидетеля» Кернера.

59. 13 марта 1946 г. Перекрестный допрос американским и английским обвинителями «свидетеля» Кессельринга — бывшего гитлеровского фельдмаршала.

60. 18 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от США Джексонем.

61. 20 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.

62. 21—22 марта 1945 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем СССР Р. А. Руденко. Выступления Главных обвинителей по вопросу об оглашении документов, представляемых защитой. Возражения Р. А. Руденко против оглашения и представления адвокатом Штамером выдержек из так называемой «Белой книги».

63. 25 марта 1946 г. Выступления представителей советского и английского обвинения с возражениями против некоторых документов, представленных адвокатом Зейдлем. Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Боле — одного из основных руководителей шпионско-диверсионных организаций нацистской партии за границей.

64. 26 марта 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отклонении третьего тома документов подсудимого Гесса, представленных его защитником Зейдлем.

65. 27 марта 1946 г. Перекрестный допрос представителями советского, английского, американского и французского обвинения «свидетеля» Штейнграхта — гитлеровского дипломата, вызванного защитником Риббентропа.

66. 28 марта 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против заявления адвоката Зейдля и поставленных им вопросов «свидетельнице» Маргарите Бланк (секретарь Риббентропа).

67. 1 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.

68. 2 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа французским обвинителем, представителем обвинения от США и Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

69. 5—6 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

70. 8 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителями обвинения от Великобритании и США.

71. 9 апреля 1946 г. Выступление представителя обвинения от СССР с возражениями против некоторых документов, представленных защитником Розенберга. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Ламмерса.

72. 10 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Вестгофа. Выступления Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко и представителя обвинения от США с протестом против нарушения защитой порядка представления доказательств.

73. 12 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера представителем обвинения от США.

74. 13 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера советским обвинителем Л. Н. Смирновым. Выступление советского обвинителя М. Ю. Рагинского с возражениями против представления показаний Данкера по делу Розенберга.

75. 15 апреля 1946 г. Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Рудольфа Гесса — гитлеровского палача, коменданта концентрационного лагеря Освенцим, где было злодейски умерщвлено три миллиона человек.

76. 17 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Розенберга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Выступления представителей советского обвинения М. Ю. Рагинского и 10. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатами Тома и Зейдлем.

77. 18 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Франка представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым и американским обвинителем Доддом¹.

78. 23 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетеля» Бюллера.

79. 25—26 апреля 1946 г. Допрос «свидетеля» Гизевинуса Главным обвинителем от США Джексонном и представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.

80. 29 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Штрейхера английским обвинителем Гриффитом Джонсом.

81. 2 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Шахта. Перекрестный допрос подсудимого Шахта Главным обвинителем от США.

82. 3 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шахта представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.

83. 6 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа обвинителем от США Доддом.

84. 7 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатом Кранцбюлером в защиту Деница.

85. 9 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Денища английским обвинителем Файфом.

86. 10 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Деница советским обвинителем Ю. В. Покровским.

87. 11 мая 1946 г. Выступление советского обвинителя Ю. В. Покровского с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове свидетелей.

88. 16 мая 1946 г. Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Редера.

89. 20 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Редера английским обвинителем Файфом и советским обвинителем Ю. В. Покровским.

90. 21 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых вопросов, заданных адвокатом Зейдлем «свидетелю» Вейцкекеру — гитлеровскому 'дипломату. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом свидетеля Зеверинга.

91. 22 мая 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем «свидетеля» Вейцкекера.

92. 24 мая 1946 г. Перекрестный допрос американским обвинителем Доддом подсудимого Шираха.

93. 27 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шираха представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Шираха председателем Трибунала.

94. 28 мая 1946 г. Представление американским обвинителем дополнительных документов в делу подсудимого Функа.

95. 29—30 мая 1946 г. Перекрестный допрос французским обвинителем подсудимого Заукеля.

96. 30—31 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Заукеля представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Заукеля членом Трибунала от США Биддлом.

97. 3 июня 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове дополнительных свидетелей. Допрос свидетеля Егера — немецкого врача, давшего показания о рабском труде и массовой гибели военнопленных и мирных граждан, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий, на предприятиях Круппа в Эссене.

98. 6 июня 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Робертсом подсудимого Иодля.

¹ С 19 по 22 апреля судебных заседаний Трибунала не было в связи с объявлением пасхальных каникул.

99. 7 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Иодля советским обвинителем Ю. В. Покровским. Допрос Иодля членом Трибунала от США Биддлом.
100. 10—12 июня 1946 г. Допрос подсудимого Зейссе-Инкварта.
101. 13 июня 1946 г. Оглашение решения Трибунала о заключительных речах адвокатов.
102. 17—19 июня 1946 г. Допрос подсудимого Папена.
103. 21 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шпеера Главным обвинителем от США Джексоном и советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Шпеера членом Трибунала от США Биддлом.
104. 25 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.
105. 25—26 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Нейрата членом Трибунала от СССР И.Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим.
106. 28 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Фриче Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.
107. 29 июня 1946 г. Допрос подсудимого Фриче председательствующим Лоренсом и членом Трибунала от США Биддлом.
108. 1 июля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым и членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко «свидетеля» Арнса — участника злодеяний гитлеровцев над польскими военнопленными.
109. 3 июля 1946 г. Представление защитой и обвинением дополнительных доказательств.
110. 4—25 июля 1946 г. Защитительные речи адвокатов.
111. 26 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от США Джексона.
112. 26—27 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Шоукросса.
113. 29 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции де Рибя.
114. 29—30 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.
115. 30 июля 1946 г. Защитники преступных организаций начали представление доказательств¹.
116. 31 июля 1946 г. Представление советским обвинителем М. Ю. Рагинским дополнительных документов в доказательство преступности НСДАП.
117. 1 августа 1946 г. Представитель обвинения от СССР Д. С. Карев дополнительно представил некоторые документы о преступной деятельности гестапо.
118. 5—7 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом и советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетелей» по делу «СС» Бриля, Гаузера и Рейнке.
119. 8—9 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем и членом Трибунала от США «свидетеля» по делу «СС» Зиверса. Перекрестный допрос «свидетеля» Браухича представителем советского обвинения Г. Н. Александровым и представителем обвинения от США генералом Тейлором.
120. 12 августа 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Манштейна представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос защитой «свидетеля» Рундштедта.
121. 16 августа 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко в связи с заявлением адвоката Штамера о непричастности Геринга к преступным медицинским опытам над заключенным в гитлеровских концентрационных лагерях.
122. 22—28 августа 1946 г. Защитительные речи адвокатов по делу преступных организаций.
123. 26 августа 1946 г. Допрос генерал-майора медицинской службы гитлеровской армии профессора военно-медицинской академии Вальтера Шрайбера представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Шрайбер дал подробные показания о подготовке гитлеровцами бактериологической войны.
124. 28—29 августа 1946 г. Заключительная речь английского обвинителя Файфа по делу преступных организаций.
125. 29—30 августа 1946 г. Заключительные речи американских обвинителей Додда и Тейлора и Главного обвинителя от Франции де Рибя по делу преступных организаций.

¹ Обвинение представляло доказательства против преступных организаций одновременно с представлением доказательств по делам отдельных подсудимых.

Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по делу преступных организаций.

126. 31 августа 1946 г. Последние слова подсудимых. Трибунал удалился на совещание для постановления приговора.

127. 30 сентября—1 октября 1946 г. Оглашение приговора Международного Военного Трибунала. Трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварта и Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Функа и Редера — к пожизненному тюремному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам тюремного заключения; Нейрата—к 15 годам тюремного заключения и Деница—к 10 годам тюремного заключения. Объявление председательствующим о занесении в протокол судебного заседания особого мнения члена Трибунала от СССР И. Т. Никитченко в связи с оправданием Шахта, Папена и Фриче, неприменением смертной казни к Гессу и непризнанием преступными организациями имперского правительства. ОКВ и генерального штаба.

128. 16 октября 1946 г. Приговор Международного Военного Трибунала, осудившего к повешению Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Иодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта, приведен в исполнение в здании Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за 2Va часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

ПОЯСНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

АБВЕР—'военная 'разведка (контрразведка).

АЛТАРЬ ВИТА СТВОША — знаменитый скульптурный алтарь XV века работы Вита Ствоша. 450 лет алтарь оставался на своем месте в Мариацком костеле (г. Краков). В 1940 г. гитлеровцы украли алтарь и вывезли в Германию, где прятали его сначала в подвалах Рейхсбанка, а затем в одном из нюрнбергских замков. После разгрома гитлеровской Германия алтарь был обнаружен и возвращен законному владельцу—польскому народу.

АМТСЛЕИТЕР—фашистский руководитель отдела (управления).

АНЕНЭРБЕ — «институт по изучению наследственности» — расистское учреждение, находившееся в непосредственном ведении Гимmlера. Преступная деятельность этого «института» 'была раскрыта на процессе .во время допроса главаря «института» штандартенфюрера СС 3'и'верса.

АНШЛЮСС (присоединение) —'насильственный захват Австрии гитлеровской Германией, 'который она осуществила 12 марта 1938 г.

АПА — Аусландполитшеамт — внешнеполитический отдел нацистской партии.

АУШВИЦ (АУШВИТЦ)—немецкое название концентрационного лагеря Освенцим—лагеря смерти.

АФФИДЕВИТ — письменное показание, данное под присягой.

БАТАЛЬОН РИББЕНТРОПА—специально организованное подразделение при министерстве иностранных дел для разграбления особо ценных предметов искусства на оккупированных гитлеровцами территориях. Командовал батальоном эсэсовец фон Кюнсберг, .который находился в непосредственном подчинении Риббентропа. На процессе в Нюрнберге фигурировали показания одного из 'видных сотрудников батальона—оберштурмфюрера СС Форстера—непосредственного участника разграбления ряда музеев.

БАУЕРНФЮРЕР — фашистский руководитель в сельской местности.

БЕРХТЕСГАДЕН — личная резиденция Гитлера.

БЛИТЦКРИГ—молниеносная война.

БЛОКЛЕИТЕР—квартирный организатор нацистской партии.

БРИГАДЕНФЮРЕР—генеральский чин в войсках СС (соответствует бригадному генералу).

ВЕРМАХТ—вооруженные силы фашистской Германии.
ВФСП—управление по делам военнопленных в гитлеровской Германии.
ВФХА — административно-хозяйственное управление, ведавшее гитлеровскими концентрационными лагерями (отд<?л РСХА).

ГАУЛЕИТЕР — руководитель нацистской организации в гау (гау соответствовало области).

ГАУПТШАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

ГАУПТШТУРМФЮРЕР СС — офицерский чин в войсках СС, соответствует капитану.

ГВАРДИЯ ГЛИНКИ — фашистские отряды в Словакии, названные по имени их главаря.

ГЕБИТСКОМИССАР — руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории. Гебит соответствовал округу.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР—так именовался гитлеровский палач Франк в период немецко-фашистской оккупации Польши; оккупированная Польша именовалась гитлеровцами генерал-губернаторством.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР — руководитель генерал комиссариата — гитлеровской администрации на оккупированной территории. Генерал-комиссариат соответствовал области или нескольким областям.

ГЕНОЦИД — истребление отдельных групп населения — национальных, религиозных, этнических или расовых. Преступления геноцида органически связаны с фашизмом и расистскими «теориями», проповедующими расовую и национальную ненависть, господство так называемых «высших» рас и истребление так называемых «низших» рас.

Во время второй мировой войны преступления геноцида, совершавшиеся гитлеровскими палачами, приобрели гигантские размеры.

Разоблачение на Нюрнбергском процессе злодеяний гитлеровцев, проводивших массовое уничтожение русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев, чехов и лиц других национальностей — по расовым и национальным мотивам, послужило толчком к заключению Конвенции о предупреждении и наказании преступления геноцида как международного преступления, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г.

Несмотря на существенные недостатки этой Конвенции, явившиеся результатом противодействия американского блока, Конвенция о предупреждении и наказании преступления геноцида содержит ряд положений, способствующих делу борьбы с этим чудовищным преступлением.

В США геноцид проявляется в форме систематического преследования негров и индейцев, физического их истребления и т. д.

Не случайно, что до сих пор США не ратифицировали Конвенцию по борьбе с геноцидом.

ГЕСТАПО — государственная тайная полиция гитлеровской Германии.

ГИТЛЕРЮГЕНД — (гитлеровская молодежь) — молодежная фашистская организация Германии.

ГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-майору.

ГФП — тайная полевая полиция в гитлеровской Германии.

ДАФ — «Германский трудовой фронт» — гитлеровская организация, созданная нацистами носче их прихода к власти вместо ликвидированных ими профессиональных союзов.

«ДНЕВНИКИ ФРАНКА» — дневники Ганса Франка — одного из главных немецких военных преступников, гитлеровского палача Польши, обнаруженные в мае 1945 года в доме Франка — пансион «Бергхоф» возле Нейхгауза (Бавария). Всего было обнаружено 36 томов, содержащих протоколы заседаний управления так называемого «генерал-губернаторства», различных совещаний, а также личные записи Франка. Большую часть записей «дневников» составляют речи и высказывания Франка, они охватывают период с 1939 до 1945 гг. Дневник, который вели день за днем Франк и его секретарь, явился неопровержимым документом, разоблачившим злодеяния фашистских главарей.

ДУЛАГ — гитлеровский концентрационный лагерь для советских военнопленных.

«ДУШЕГУБКИ» («ГАЗВАГЕНЬ») — специально оборудованные автомашины, в которых германские фашисты истребляли свои жертвы отработанным газом. «Душегубки» особенно широко применялись гитлеровцами на временно оккупированных ими территориях СССР.

«ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА» — директивы Геринга по экономическому разграблению СССР и установлению разбойничьей гитлеровской администрации на оккупируемых территориях Советского Союза.

ЗИПО — полиция безопасности в гитлеровской Германии.

ЗОНДЕРБЕХАНДЛУНГ — «особое обращение» — так зашифровывали гитлеровские палачи распоряжение об уничтожении своих жертв, в частности советских военнопленных.

ЗОНДЕРКОМАНДЕ — специальный отряд полиции, СД или СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения и военнопленных, главным образом на временно захваченной советской территории.

ИМПЕРСКИЙ КОМИССАР (РЕЙХСКОМИССАР) — высший руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории, ему принадлежала вся полнота гражданской власти.

ИМПЕРСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ — имеется в виду Пауль фон Гинденбург, бывший президентом Германии с 1925 по 1934 год.

«КОРИЧНЕВАЯ ПАПКА» — сборник распоряжений и приказов так называемого министерства Розенберга по «управлению» оккупированными районами Советского Союза; продолжение и дополнение «зеленой папки» Геринга.

КРЕЙСЛЕЙТЕР — руководитель окружной организации нацистской партии.

КРИПО — государственная уголовная полиция в гитлеровской Германии.

«КУГЕЛЬ» («ПУЛЯ») — приказ гитлеровского верховного командования о немедленном расстреле военнопленных, бежавших из лагерей, при их поимке. Этот приказ распространялся на всех военнопленных, за исключением американских и английских.

ЛЕБЕНСРАУМ — «жизненное пространство» — один из лозунгов, оправдывавших территориальную экспансию германского фашизма.

МЕФО — («Металлургише Форшунгсгезельшафт») — мошенническая банковская операция, проведенная Шахтом для перевооружения Германии и создания фашистской военной машины, давшая гитлеровцам 12 миллиардов марок.

"МРАК И ТУМАН" («НАХТ УНД НЕБЕЛЬ ЭРЛАС») — изуверская гитлеровская директива от 7 сентября 1941 г., согласно которой все лица, в какой-либо мере выступавшие против фашистских захватчиков, если они не подвергались казни на месте, вывозились тайно в Германию и там бесследно исчезали. Об их судьбе ничего не сообщалось родственникам, чтобы держать их все время в состоянии беспокойства и тревоги.

НСДАП — «Национал-социалистская германская рабочая партия» — так в целях обмана народных масс именовали германские фашисты гитлеровскую партию.

В действительности гитлеровская партия, по определению И. В. Сталина, являлась партией «наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира», партией «врагов демократических свобод», партией «средневековой реакции и черносотенных погромов». О Гитлере и гитлеровской клике И. В. Сталин сказал, что они «являются цепными собаками немецких банкиров». Гитлеровщина — это не только порождение, но и наиболее резкое выражение германского империализма, как он исторически сложился. В Германии фашизм выступал под лживой маской «национал-социализма».

НСФ — немецко-фашистское благотворительное общество.

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАКОНЫ — расистские законы гитлеровцев о преследовании евреев в Германии.

ОБЕРГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-лейтенанту.

ОБЕРШТУРМБАННФЮРЕР СС — подполковник СС.

ОБЕРШТУРМФЮРЕР СС — старший лейтенант СС.

ОБЕРБЕФЕЛЬСХАБЕРЫ — обладатели высшей исполнительной власти. В данном случае — группа высших военных командиров — командующие армией и приравненные к ним по рангу.

ОКВ — ОБЕРКОМАНДО ДЕР ВЕРМАХТ — верховное командование гитлеровских вооруженных сил.

ОКЛ — верховное командование военно-воздушных сил.

ОКМ — верховное командование военно-морских сил.

ОКХ — верховное командование сухопутных сил.

ОПЕРАТИВНЫЕ ГРУППЫ — специальные отряды полиции, СД и СС, скомплектованные из фашистских головорезов, которые занимались массовым истреблением мирного населения на оккупированных территориях.

«ОПЕРАЦИЯ АБ» — нацистский план уничтожения польской интеллигенции.

«ОПЕРАЦИЯ АТТИЛА» — операция по захвату неоккупированных районов Франции.

«ОПЕРАЦИЯ КОТБУС» — массовое истребление еврейского населения Белоруссии и Прибалтийских Советских Республик.

«ОПЕРАЦИЯ МАРИТА» — фашистский план захвата Греции и Югославии.

«ОПЕРАЦИЯ СЕНО» — фашистский план захвата на оккупированных территориях СССР 40—50 тысяч подростков от 10 до 14 лет и вывоза их в гитлеровскую Германию для онемечивания.

«ОПЕРАЦИЯ ФЕЛИКС» — нацистский план захвата Гибралтара.

«ОПЕРАЦИЯ ШУЛУНГ» — фашистский план ремилитаризации Рейнской зоны.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОДТА—широко разветвленная военно-строительная организация гитлеровской Германии, названная по имени ее руководителя—военного инженера Фрица Тодта. После него во главе организации стал один из главных немецких военных преступников — министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер.

ОРТСГРУППЕНЛЕИТЕР—руководитель местной (районной) организации гитлеровской фашистской партии.

«ОСТДЕИЧЕР БЕОБАХТЕР» — название газеты, фашистского официоза, издававшегося в Восточной Германии.

ОСТМАРК—так гитлеровцы именовали Австрию после аншлюса (см.).

«ПЛАН БАРБАРОССА» — («ВАРИАНТ БАРБАРОССА») — нацистский план нападения на Советский Союз.

«ПЛАН ВЕЗЕР» — («ВАРИАНТ ВЕЗЕР») — нацистский план оккупации Норвегия и Дании.

«ПЛАН ВЕЙСС»— («БЕЛЫЙ ПЛАН») —нацистский план нападения на Польшу.

«ПЛАН ГЕЛЬБ» — («ЖЕЛТЫЙ ПЛАН»)—нацистский план вторжения в Нидерланды.

«ПЛАН ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ» — нацистские планы нападения на север Советского Союза через Норвегию и Финляндию и,

«ПЛАН СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ» — нацистские планы нападения на север Советского Союза через Норвегию и Финляндию и,

«ПЛАН ЧЕРНОБУРАЯ ЛИСА» — нацистские планы нападения на север Советского Союза в частности, захвата Мурманской железной дороги.

«ПЛАН ГРЮН»— («ЗЕЛЕНый ПЛАН») —нацистский план захвата Чехословакии.

«вПЛАН ЗЕЕЛЕВЕ» — («ПЛАН МОРОКОЙ ЛЕВ») —нацистский план вторжения

в Англию.

«ПЛАН ИЗАБЕЛЛА»—нацистский план оккупации Испании.

«ПЛАН ОЛЬДЕНБУРГ»—нацистский план экономического разграбления оккупированных территорий СССР, разработанный еще до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Для осуществления этого грабительского плана была создана специальная организация — «штаб Ольденбург».

«ПЛАН ОТТО» — нацистский план захвата Австрии.

ПОДЖОГ РЕЙХСТАГА—беспрецедентная провокация, с которой гитлеровцы начали свою «деятельность», после того как германские монополисты сделали Гитлера канцлером. На 5 марта 1933 г. были назначены выборы в рейхстаг и прусский ландтаг. Гитлеру и его хозяевам понадобился повод, чтобы оправдать необузданный террор против рабочего класса и его организаций и тем самым сократить количество голосов, отдаваемых левым партиям. С этой целью по заранее разработанному Геббельсом, Герингом и Гитлером плану в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. гитлеровцы подожгли здание рейхстага. В пылающем здании был задержан один из фашистских поджигателей — наймит-бродяга, извращенный психопат Маринус ван дер Люббе, 'которого фашистские провокаторы пытались представить «голландским коммунистом», чтобы свалить вину за поджог рейхстага на коммунистов и расправиться с Коммунистической партией. За час до начала пожара рейхстага штурмовики устроили «демонстрацию протеста» против коммунистов, которые «подожгли» рейхстаг, и таким образом инсценировка поджога рейхстага «коммунистами» сразу же безнадежно провалилась. Гитлер и его клика пошли на новую провокацию: они посадили на скамью подсудимых в качестве главного обвиняемого

«в поджоге» рейхстага выдающегося деятеля международного рабочего движения Георгия Михайловича Димитрова. Суд происходил в Лейпциге с 21 сентября по 23 декабря 1933 г. Но обвинителем на процессе был Г. М. Димитров. Он до конца разоблачил фашистскую провокацию, раскрыл перед всем миром звериный облик фашизма. Очевидный провал фашистской провокации и широкое движение протеста во всем мире против Лейпцигского судилища заставили гитлеровский суд вынести Г. М. Димитрову оправдательный приговор. Исполнитель провокации — ван дер Люббе—был казнен.

На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников были выявлены новые материалы о фашистской провокации 1933 года. В частности, гитлеровский генерал Франц Гальдер показал, что в 1942 году Геринг говорил ему о своем личном участии в поджоге рейхстага.

ПРОТЕКТОР—лицо, возглавляющее протекторат. Протекторатом гитлеровцы называли захваченную ими Чехословакию. Протектором на территории Чехословакии, которая именовалась нацистами протекторат Богемия и Моравия, Гитлер назначил барона фон Нейрата, которого сменил другой палач — Гейдрих.

РЕЙХСВЕР—название германской армии после окончания мировой войны 1914—1918 гг.

РЕЙХСКАНЦЛЕР—государственный канцлер—глава правительства в Германии до мая 1945 года.

РЕЙХСКОМИССАР—см. имперский комиссар.

РЕЙХСЛЕИТЕР — высший ранг руководителя нацистской партии.

РЕЙХСМАРШАЛ — высшее воинское звание в гитлеровской Германии, которое имел только Геринг.

РЕЙХСФЮРЕР — глава СС — Генрих Гиммлер.

РСХА—главное имперское управление безопасности в гитлеровской Германии.

«РУКОВОДСТВО МОРСКОЙ ВОЙНОЙ» — главный штаб военно-морских сил гитлеровской Германии.

СА — штурмовые отряды нацистской партии.

СС—ШУТЦШТАФЕЛЬН—охранные отряды—террористические банды гитлеровской партии.

СД—служба безопасности при рейхсфюрере СС. Широко разветвленная шпионско-террористическая организация германского фашизма.

«СИЛА ЧЕРЕЗ РАДОСТЬ» — туристско-опортивное нацистское общество, всецело находившееся под влиянием и контролем немецко-фашистской партии.

СУДЕТО-НЕМЕЦКАЯ ПАРТИЯ — филиал гитлеровской фашистской партии в Чехословакии, была создана в конце 1933 года по указке Гитлера после того, как в Чехословакии была запрещена существовавшая до этого немецкая национал-социалистская партия.

ТРАНСИСТРИЯ — название, данное преступной кликой Антонеску временно оккупированной советской территории между Бугом и Днестром.

«ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ» — немецкие фашисты подразделяли историю Германии на три периода, в которые она выступала как могущественное государство. Первой империей они считали «Священную римскую империю» — германское государство, существовавшее с 962 по 1806 гг. и распавшееся в результате наполеоновских завоеваний. Второй империей они называли германское государство, созданное Бисмарком в 1871 году после победы над Фран-

цией. Эта империя существовала до 1918 года, когда Германия потерпела поражение в первой мировой войне. Началом третьей империи нацисты считали 30 января 1933, г.—день прихода к власти Гитлера.

УНТЕРШТУРМФЮРЕР СС — младший лейтенант СС.

ФЕРБАНДЕСФЮРЕР—нацистский руководитель какого-либо союза, объединения.

ФОЛЬКСШТУРМ—так называемое «народное ополчение», созданное Гитлером в последние дни фашистского режима.

ФРАЙКОР—так называемый «свободный корпус»—гитлеровская военная организация судетских фашистов, участвовавшая в захвате Чехословакии.

«ФС»—добровольные фашистские стражники.

ХОХАЙТСТРЕГЕР — «носитель власти» — руководящие чиновники гитлеровской фашистской партии.

ХОЭ ШУЛЕ — высшая фашистская партийная школа.

ЦЕЛЛЕНЛЕЙТЕР — руководитель низовой организации гитлеровской фашистской партии.

«ЧЕЛОВЕК № 2»—Так именовал себя Геринг.

«ЧЕЛОВЕК № 3»—имеется в виду Гесс, который после Гитлера и Геринга занимал третье место среди заправят гитлеровской Германии.

ШАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

«ДАС ШВАРЦЕ КОР» («ЧЕРНЫЙ КОРПУС») —официальная газета эсэсовцев.

ШТАНДГЕР.ИХТ — гитлеровский чрезвычайный «суд» на оккупированных территориях.

ШТАЛАГ—стационарный гитлеровский концентрационный лагерь для советских военнопленных.

ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС—полковник СС.

ШТУРМБАННФЮРЕР СС—майор СС.

ШТУРМФЮРЕР СС—лейтенант СС.

ЭЙНЗАТЦГРУППЕ — специальный отряд полиции, СД и СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения на оккупированных территориях.

ЭЙНЗАТЦШТАБ — специальный штаб. Так, эйнзатцштаб Розенберга занимался разграблением художественных ценностей на оккупированных территориях.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ ВО ВТОРОМ ТОМЕ

	<i>Стр.</i>
Допросы подсудимых	
Допрос подсудимого Геринга	5—27
Представление английским обвинителем доказательств по разделу „Нару- шение прав человека в Германии“	27-38
Допрос подсудимого Риббентропа	38-85
Допрос подсудимого Папана	86-130
Допрос подсудимого Нейрата	130-165
Сообщение „О закрытии чешских высших школ и расстреле девяти сту- дентов“	165
Представление советским обвинителем доказательств по разделу „Агрес- сивная война против СССР“	166-179
Представление английским обвинителем Робертсом доказательств в отно- шении подсудимых Кейтеля и Иодля	179—187
Представление английским обвинителем Элвином Джонсом доказательств в отношении подсудимого Редера	188-196
Допрос подсудимого Кейтеля	196-212
.....	212—245
Допрос подсудимого Деница	245-252
„Д“. Допрос подсудимого Иодля	253-279
Представление американским обвинителем Доддом доказательств по раз- делу „Экономическая подготовка к агрессивным войнам“.	279-291
№< Представление американским обвинителем Брайсоном доказательств в отношении подсудимого Шдхта	291—300
Допрос подсудимого Шдхта	301—317
Допрос подсудимого Шпеера	317—341
.....	342-346
.....	346—367
Представление американским обвинителем доказательств в отношении подсудимого Функа	367—371
Допрос подсудимого Функа	371—389
Представление английским обвинителем доказательств по разделу „Фа- шистская идеология как база агрессии“	389—393
Допрос подсудимого Розенберга	393—403
Письмо Розенберга Борману	404-407
Допрос подсудимого Франка	407 414
Допрос подсудимого Шираха	414-441

Представление американским обвинителем Шпрехером доказательств	441-445
Допрос подсудимого Фриче	445-458

Защита

Заключительные речи главных обвинителей

Заключительная речь Главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки Роберта Льюиса	467-502
Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса	503—585
Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибо	586-615
Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко	616—669

Представление доказательств обвинения по делу преступных организаций

Представление американским обвинителем Тэйлором доказательств преступности германского верховного командования и генерального штаба	673—708
Представление американским обвинителем Доддом списка военных преступников из состава гитлеровского генералитета	710-719
Аффидевит бывшего генерала гитлеровской армии Винтера	718
Аффидевит бывшего генерала гитлеровской армии Буссе	718
Допрос бывшего фельдмаршала германской армии Кессельринга	719-736
Допрос б. фельдмаршала германской армии Манштейна	7Дй 747
Допрос б. генерал-майора медицинской службы Шрайбера	747 753
Допрос б. фельдмаршала германской армии Мильха	754 769
Представление французским обвинителем Дюбостом доказательств о казнях заложников и других нарушениях законов и обычаев войны	770—7ЯО
Речи обвинителей по делу преступных организаций	: эбри- i 783 839
Заключительная речь заместителя Главного обвинителя от Великобритании Дэвида Максвелла Файфа	
Заключительная речь представителя обвинения от США Додда	840-866
Заключительная речь представителя обвинения от США Тэйлора	867-885
Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибо	886-893
Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко	894—940

Стр.

Приговор

Приговор Международного Военного Трибунала	943- -1108
Особое мнение члена Международного Военного Трибунала от	1109 -1129
Исполнение приговора	- -1134
Решение Чрезвычайного заседания Контрольного Совета по ходатай-	1133 -1135
ству осужденных о помиловании	- 5
1134	1134
-	-
113	113
43-е очередное заседание Контрольного Совета	
Казнь главных немецких военных преступников	

Второй том Сборника выходит под наблюдением
редактора *А. М. Яковлева*

*

Техн. редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 15/VI 1954 г.

Подписано к печати 29/X 1954 г.

Формат бумаги 70 X 105^{1/4}.

Объем: физ. печ. л. 73,25, (в том числе вклеек 1 п. л.):

условн. печ. л. 100,35; учетно-изд. л. 91,89.

Тираж 15000. А-06693. Цена 23 р. 15 к.

Госюриздат—Москва, Ж—4, Товарищеский пер., 19.

Заказ № 985.

Типография имени Володарского.

Ленинград, Фонтанка, 57.